This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav
605
25

Slav 25.10

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. ЯНВАРЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Таганрогъ въ 1825 году. Н. К. Шильдера..... 5—48

II. Княжна Марія Кантемирова. Акад. Л. Н. Майкова..... 49—69

III. Увлеченіе поэта (къ біографіи князя П. М. Долгорукова) 1793—1796 гг. 71—79

IV. Записки графа Л. Л. Бенигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г. (Съ картою театра военныхъ дѣйствій). Гл. IV—V. Сообщ. П. М. Майковъ..... 81—110

V. Тяжелые дни Казанскаго университета. (Изъ посмертныхъ записокъ). (Окончаніе). П. Д. Шестакова..... 113—144

VI. Письма П. Т. Морозова къ А. Г. Тройницкому. Сообщ. Г. А. Тропницкій..... 145—159

VII. «Разговоръ въ Тріанонѣ». Сообщ. А. Бирюковичъ..... 161—167

VIII. Разсказы А. М. Тургенева объ императрицѣ Екатеринѣ II..... 171—176

IX. Изъ воспоминаній о А. А. Катенинѣ. II. Юлина. 177—190

X. Записная книжка „Русской Старины“: Оригинальный подписчикъ на журналъ. Сообщ. А. Залѣсскій (стр. 70).—Письмо Ламздорфа князю Платону Зубову отъ 3-го марта 1797 г. Сообщ. акад. А. Ѳ. Бычковъ. (80).—Русская геральдика. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. (111).—Всеподданнѣйшее письмо графа П. Д. Киселева. (160)—Замѣтка объ участіи Нижегородской семинаріи въ комплектованіи перваго курса Московскаго университета въ 1755 г. Сообщ. Аполл. Можаровскій (168).—Орловскіе разбойники въ 1765 году. Сообщ. Николай Танковъ (191).

XI. Библіогр. указат. книгъ и статей по русск. истор. вышедшихъ въ 1896 г..... 193—196

XII. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствованіе имп. Елисаветы Петровны 1745 и 1748 г. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ..... 1—32

XIII. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Александра Андреевича Катенина. Граввир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.

1897.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1897 г.

Библіографическій листокъ.

Исторія гвардейской артиллеріи. Сост. Павелъ Потоцкій, капитанъ 1-й батареи с. и. в. вел. кн. Михаила Павловича л.-гв. 1-ой артиллерійской бригады. С.-Петербургъ. 1896 г.

9-го ноября прошлаго 1896 года исполнилось столѣтіе съ того знаменательнаго для гвардейской артиллеріи дня, когда императоръ Павелъ I отдѣлилъ отъ гвардейскихъ полковъ—Преображенскаго и Измайловскаго—ихъ артиллеріи и, придавъ къ ней свою Гатчинскую,—образовалъ совершенно самостоятельную артиллерійскую часть—Гвардейскій артиллерійскій баталіонъ.

Къ этому юбилейному дню капитанъ Потоцкій выпустилъ свой интересный трудъ, заглавіе котораго мы выписали выше.

Трудъ г. Потоцкаго состоитъ изъ 21 главы, изъ которыхъ первыя 19 даютъ полную исторію гвардейской артиллеріи съ 9-го ноября 1796 по 3 февраля 1816 года—до раздѣленія гвардейской пѣшей артиллеріи на двѣ бригады; 20-я глава заключаетъ въ себѣ обзоръ главнѣйшихъ событій въ исторіи этой артиллеріи съ 1817 по 1896 годъ, а въ заключительной, 21-й главѣ, изложена подробная хроника гвардейской артиллеріи съ 1682 по 1896 годъ.

Въ первой главѣ своего труда авторъ, прежде всего, приводитъ слѣдующій приказъ императора Павла Петровича отъ 9-го ноября 1796 года: „Пушкари всѣхъ трехъ гвардіи полковъ и артиллерійская команда подполковника Каннабиха составятъ артиллерійскій гвардіи баталіонъ, которымъ и командуетъ подполковникъ Каннабихъ". Далѣе перечисляются части, вошедшія въ составъ этого баталіона, и выясняется значеніе Гатчинской артиллеріи въ исторіи какъ гвардейской, такъ и всей вообще русской артиллеріи. „Гатчинская артиллерія,—говоритъ капитанъ Потоцкій,—подобно бомбардирской ротѣ при Петрѣ, была школою, въ которой Павелъ ознакомился съ нашимъ оружіемъ. Гвардейская артиллерія со временъ ея Основателя, Государя Императора Петра Великаго, шла во главѣ всѣхъ усовершенствованій оружія нашего въ Россіи", и „въ ней (Гатчинской артиллеріи) должно искать начала нынѣшняго блистательнаго состоянія оружія нашего въ Россіи".

Во второй главѣ г. Потоцкій прослѣдилъ начало и развитіе Гатчинской артиллеріи.

Въ третьей главѣ авторъ знакомитъ читателя съ организаціей и внутреннимъ бытомъ Гвардейскаго артиллерійскаго баталіона въ царствованіе императора Павла I, съ 9-го ноября 1796 по 4-е января 1799 года. Первымъ командиромъ баталіона, какъ и видно изъ приведеннаго выше приказа,—былъ И. Я. Каннабихъ, не имѣвшій спеціальныхъ познаній. Государь отдавалъ всѣмъ, положительныя приказанія,—Каннабихъ не умѣлъ ихъ исполнить. И на мѣсто его былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Базинъ, принимавшій участіе во многихъ сраженіяхъ и особенно отличившійся подъ Кагуломъ. Сказавъ о прошломъ ген.-лейт. Базина, авторъ перечисляетъ его заслуги во время командованія Гвардейскимъ артиллерійскимъ баталіономъ. Столкновеніе Базина съ инспекторомъ артиллеріи, генералъ-лейтенантомъ Челищевымъ, было главною причиною увольненія Базина въ отставку.

Въ слѣдующей главѣ, озаглавленной Гвардейскій артиллерійскій баталіонъ въ царствованіе императоровъ Павла I и Александра I, авторъ выясняетъ причины перваго увольненія барона [1]) Аракчеева въ отставку 1-го февраля 1798 г. Эта отставка продолжалась менѣе года: 4-го января 1799 г. Аракчеевъ былъ назначенъ (на мѣсто уволеннаго въ отставку Базина) командиромъ г.-гв. артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ всей артиллеріи. 1-го октября того же года графъ Аракчеевъ былъ вторично уволенъ отъ службы, и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Н. Д. Амбразанцевъ. Поводомъ къ этой отставкѣ, по словамъ г. Потоцкаго, послужило слѣдующее обстоятельство: родной братъ Аракчеева, Андрей, командовалъ артиллерійскимъ баталіономъ, отъ котораго стоялъ караулъ во время покражи изъ арсенала золотыхъ кистей и галуна со старинной артиллерійской колесницы. Въ борьбѣ съ родственнымъ чувствомъ, спасая брата, графъ Аракчеевъ рѣшился взять отвѣтственность на себя и не донесъ истины о происшествіи государю; недоброжелатели воспользовались этимъ, и онъ былъ отставленъ отъ службы слѣдующимъ высочайшимъ приказомъ: „Генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ I-й, за ложное донесеніе, и что въ противность устава парадный дежурнымъ штабъ-офицеромъ изъ другаго баталіона, а не изъ того, который стоялъ тогда въ карауле, отставляется отъ службы". Н. Д. Амбразанцева смѣнилъ генералъ-отъ-артиллеріи А. И. Корсаковъ, а 14-го мая 1803 года графъ Аракчеевъ снова былъ облеченъ званіемъ инспектора всей артиллеріи и командира л.-гв. артиллерійскаго баталіона. Дѣятельность графа Аракчеева въ этомъ званіи и сдѣланныя имъ преобразованія составляютъ содержаніе второй половины этой главы.

Пятая глава отведена авторомъ Аустерлицкому сраженію, которое выяснило нѣкоторыя недостатки нашей артиллеріи.

Шестая и седьмая главы описываютъ кампанію 1806—1807 гг. и выясняютъ ея значеніе въ исторіи русской артиллеріи. „Дѣйствія нашей артиллеріи въ кампаніи 1806 и 1807 годовъ замѣнили нашимъ офицерамъ курсы тактики. Всѣ обстоятельства

[1]) Графскій титулъ Аракчеевъ получилъ 5-го мая 1799 года.

РУССКАЯ СТАРИНА

РЮРИКОВИЧИ РОМАНОВЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1897.

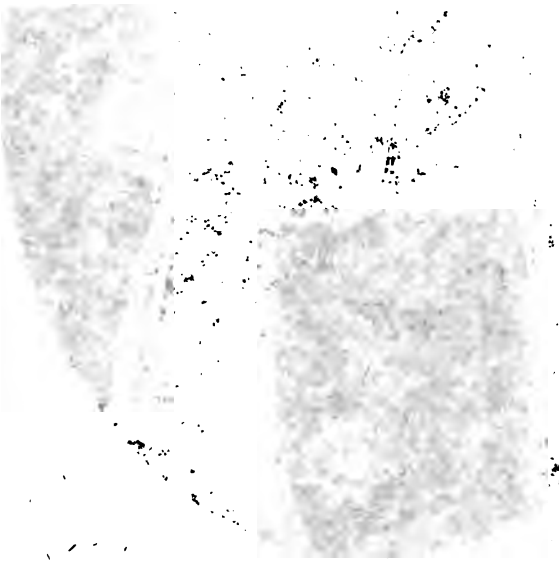
ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 16 ДЕКАБРЯ 1896 г.

ГЕНЕРАЛЪ - АДЪЮТАНТЪ

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ

КАТЕНИНЪ.

1901



РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1897.

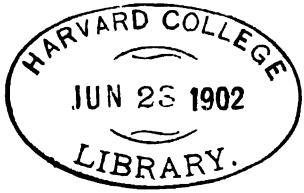
ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЪ.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1897.

P Slav 605.25
~~Slav 25.10~~



Pierce fund

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библіографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

---

*

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго**, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1897 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

М. Л. Песковскаго.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги **непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145.** Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

ТАГАНРОГЪ ВЪ 1825 ГОДУ [1].

I.

Состояніе здоровья императрицы Елисаветы Алексѣевны продолжало внушать опасенія. Доктора Виллié и Стофрегенъ высказали въ концѣ іюля 1825 года мнѣніе, что императрица не можетъ провести предстоящую зиму въ Петербургѣ, и признали пребываніе ея въ южномъ климатѣ безусловно необходимымъ; они указывали на Италію, южную Францію или южную Россію. Выборъ остановился окончательно на Таганрогѣ. «Признаюсь, не понимаю, писалъ князь Волконскій своему другу А. А. Закревскому [2]), какъ доктора могли избрать такое мѣсто, какъ бы въ Россіи другихъ мѣстъ лучше сего нѣтъ». Государь объявилъ, что онъ отправится туда же и возвратится въ Петербургъ къ новому году. Предположенный же осенью смотръ войскамъ второй арміи около Бѣлой церкви былъ, однако, отмѣненъ, вѣроятно вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ о возрастающемъ распространеніи среди чиновъ этихъ войскъ тайныхъ обществъ.

Императоръ Александръ поручилъ князю Волконскому, только-что возвратившемуся изъ Парижа послѣ коронаціи Карла X, сопровождать императрицу на югъ Россіи и состоять при ней во все время ея тамъ пребыванія. Затѣмъ, въ виду переселенія двора въ Таганрогъ,

---

[1]) Изъ труда Н. К. Шильдера: „Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе“, который будетъ изданъ А. С. Сувориным въ теченіе настоящаго года.

[2]) 14-го (26-го) августа 1825 года. „Сборникъ“ И. Р. И. О. томъ 73-й, стр. 93.

Господи, люди Твоя». Войдя въ соборъ, государь остановился предъ ракою святаго Александра Невскаго, и началось молебствіе. Длинный рядъ монаховъ, встрѣтившихъ императора у входа въ лавру, господствовавшая вокругъ темнота и ярко освѣщенная рака угодника Божія, видиѣвшаяся вдали въ растворенныя соборныя двери, поразили его воспріимчивое воображеніе: Александръ плакалъ во время молебна. Когда наступило время чтенія святаго евангелія, императоръ, приблизившись къ митрополиту, сказалъ: «Положите мнѣ евангеліе на голову», и съ сими словами сталъ на колѣно подъ евангеліе [1]).

По совершеніи молебна, государь положилъ три земныхъ поклона предъ мощами благовѣрнаго князя, приложился къ его образу и раскланялся съ бывшими при молебствіи. Высокій посѣтитель вышелъ изъ собора, провожаемый митролитомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и всею братіею съ пѣніемъ того же тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Вышедши изъ собора, митрополитъ Серафимъ сказалъ государю:

—Ваше величество, не угодно ли пожаловать ко мнѣ въ келью.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ императоръ,—только не надолго; я уже и такъ полчаса по маршруту промѣшкалъ. Тогда отъ собора всѣ провожавшіе поворотили къ дому митрополита и вошли въ залу. Государь съ Серафимомъ удалились въ гостиную. Здѣсь, принявъ снова благословеніе митрополита и поговоривъ съ нимъ нѣсколько стоя, онъ сѣлъ и просилъ преосвященнаго сѣсть подлѣ него.

Митрополитъ, желая склонить разговоръ къ предмету занимательному для высокаго гостя, сказалъ:

— Я знаю, что ваше величество вездѣ жалуете схимниковъ; и въ нашей лаврѣ есть нынѣ схимникъ; не благоволите ли приказать позвать его?

— Хорошо, позовите,—отвѣчалъ государь.

Схимникъ тотчасъ былъ призванъ и представленъ монарху. Государь принялъ благосклонно достопочтеннаго старца Алексѣя, просилъ у него благословенія и разговаривалъ съ нимъ нѣсколько минутъ. Уходя, схимникъ сказалъ умиленнымъ голосомъ: «Государь, сдѣлай милость, удостой и мою келью своимъ посѣщеніемъ». Александръ, узнавъ отъ митрополита, что келья схимника у самаго подъѣзда, къ которому была подана коляска, изъявилъ согласіе посѣтить старца.

---

[1]) Иностранные историки повѣствуютъ, что императоръ Александръ будто бы служилъ передъ отъѣздомъ панихиду въ Невской Лаврѣ. Не зная порядковъ и смысла нашего богослуженія, неудивительно, что они перепутали напутственный молебенъ съ панихидой. Но нельзя не удивляться, что Богданичъ въ своей исторіи императора Александра I нашелъ возможнымъ повторить подобную басню!

Дверь отворилась, и мрачная картина представилась глазамъ государя: полъ и всѣ стѣны до половины обиты были чернымъ сукномъ; съ лѣвой стороны у стѣны виднѣлось большое Распятіе съ предстоящими Богоматерью и Евангелистомъ Іоанномъ у другой стѣны кельи черная длинная деревянная скамейка; лампада, горѣвшая передъ иконами, тускло освѣщала печальное жилище схимника.

При входѣ императора схимникъ палъ предъ Распятіемъ, читая молитву и въ то же время, обратясь къ своему высокому гостю, сказалъ: «государь, молись!»—Александръ положилъ три земныхъ поклона. Потомъ схимникъ, взявши крестъ, прочелъ отпускъ и осѣнилъ государя.

По окончаніи чтенія молитвы монархъ сѣлъ съ митрополитомъ на скамейку и приказалъ сдѣлать то же схимнику, который, отказываясь отъ сей высокой чести, наконецъ долженъ былъ повиноваться и занялъ мѣсто поодаль отъ нихъ. Продолжая разговаривать въ полголоса съ митрополитомъ, государь спросилъ его: «все ли здѣсь имущество схимника; гдѣ онъ спитъ? Я не вижу постели».—«Спитъ онъ, отвѣчалъ митрополитъ, на томъ же полу, предъ симъ самымъ Распятіемъ, предъ которымъ молится».

Схимникъ, вслушиваясь въ слова эти, всталъ и сказалъ: «Нѣтъ, государь, и у меня есть постель, пойдемъ, я покажу тебѣ ее». Съ этими словами онъ повелъ императора за перегородку въ своей кельѣ, гдѣ представилось поразительное для государя зрѣлище: на столѣ стоялъ черный гробъ, въ которомъ лежали схима, свѣчи и все принадлежащее къ погребенію. «Смотри,—сказалъ схимникъ,—вотъ постель моя, и не моя только, а постель всѣхъ насъ; въ ней всѣ мы, государь, ляжемъ и будемъ спать долго».

Молча, погруженный въ размышленіе, стоялъ монархъ нѣсколько минутъ. Когда государь отошелъ отъ гроба, то схимникъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «государь, я человѣкъ старый и многое видѣлъ на свѣтѣ; благоволи выслушать слова мои. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе; но послѣ чумы нравы испортились; въ 1812 году наступило время исправленія и набожности; но, по окончаніи войны сей, нравы еще болѣе испортились. Ты—государь нашъ, и долженъ бдѣть надъ нравами. Ты—сынъ православныя церкви, и долженъ любить и охранять ее. Такъ хощетъ Господь Богъ нашъ».

Выслушавъ эти слова, Александръ обратился къ митрополиту и сказалъ ему: «Многія длинныя и краснорѣчивыя рѣчи слышалъ я, но ни одна такъ мнѣ не понравилась, какъ краткія слова сего старца».—«Жалѣю,—сказалъ онъ потомъ схимнику,—что я давно съ тобою не познакомился», и обѣщался посѣщать его. Затѣмъ, принявъ отъ него благословеніе, вышелъ изъ кельи съ митрополитомъ. Проходя мимо

братіи, стоявшей въ два ряда отъ кельи схимника до коляски, государь просилъ молитвъ и еще разъ принялъ благословеніе отъ митрополита. Садясь въ коляску, онъ поднялъ къ небу глаза, наполненные слезами, и, обратясь еще къ митрополиту и братіи, сказалъ: «помолитесь обо мнѣ и о женѣ моей».—Лаврою, до самыхъ воротъ, онъ ѣхалъ съ открытою головою, часто оборачиваясь, кланялся и крестился, смотря на соборъ.

Итакъ мрачная келья, открытый гробъ со всѣми принадлежностями къ похоронамъ были послѣдними впечатлѣніями, вынесенными императоромъ Александромъ при разставаніи со столицею! Передъ выѣздомъ изъ Петербурга государь остановился у заставы, привсталъ въ коляскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на городъ, какъ бы прощаясь съ нимъ. Было-ли то грустное предчувствіе, навѣянное встрѣчею со схимникомъ, была ли то твердая рѣшимость не возвращаться болѣе императоромъ—кто можетъ рѣшить этотъ загадочный вопросъ! [1]).

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Царскаго по Бѣлорусскому тракту, съ котораго, на границѣ Псковской губерніи, повернулъ черезъ Торопецъ на Тульскій трактъ. Во время этого путешествія нигдѣ не было ни военныхъ смотровъ, ни парадовъ, ни маневровъ. На всѣхъ ночлегахъ государь заботливо осматривалъ всѣ удобства помѣщенія въ виду предстоявшаго отъѣзда императрицы въ Таганрогъ по тому же самому пути. Государя сопровождали начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, Вилліе, Д. К. Тарасовъ и полковникъ А. Д. Саломка. Кромѣ того въ свитѣ находились: директоръ канцеляріи начальника главнаго штаба Ваценко, капитанъ Виламовъ, Н. М. Пѣтуховъ, гофъ-фурьеръ Бабкинъ, фельдъегерскаго корпуса капитанъ Годефруа, метръ-д'отель Ѳ. И. Миллеръ, камердинеры Анисимовъ и Федоровъ, пѣвчій Берлинскій и четыре лакея.

13-го (25-го) сентября Александръ пріѣхалъ въ Таганрогъ, совершивъ этотъ длинный переѣздъ скоро и благополучно. Вилліе въ своемъ

---

[1]) Послѣдніе дни жизни императора Александра I.—Издано Иваномъ Заикинымъ. С.-Петербургъ 1827.

Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I. Traduit du russe par D. Priklonskoy. St.-Pétersbourg 1834.

Таганрогъ или подробное описаніе болѣзни и кончины императора Александра I.—Составленное Николаемъ Данилевскимъ.—Москва 1828.

Духъ вѣнценосныхъ супруговъ, въ Бозѣ почивающихъ императора Александра I и императрицы Елисаветы. Сочиненіе Николая Данилевскаго. Въ трехъ частяхъ.—Москва 1829.

Графъ Блудовъ и его время. (Царствованіе императора Александра I). Ег. Ковалевскаго.—С.-Петербургъ 1866.

дневникѣ пишетъ,—«Здѣсь кончается первая часть путешествія» (Nous arrivames à Taganrog où finit la premiére partie du voyage. Temps variable), и далѣе, подъ чертой, ставитъ слово: finis. Въ то время онъ, конечно, не подозрѣвалъ того пророческаго значенія, которое заключало въ себѣ это слово: первая часть была и послѣднею.

Домъ, избранный для жительства ихъ величествъ въ Таганрогѣ, былъ каменный, одно-этажный, съ подвальнымъ этажемъ для помѣщенія прислуги. Половина императрицы состояла изъ восьми небольшихъ комнатъ, изъ коихъ двѣ предназначались для двухъ фрейлинъ. Въ срединѣ дома былъ расположенъ большой сквозной залъ, служившій столовой и пріемной. На половинѣ императрицы, въ особой комнатѣ, помѣщалась походная церковь. Съ другой стороны пріемной залы находились двѣ комнаты государя: одна, довольно просторная, предназначавшаяся для кабинета, служила вмѣстѣ съ тѣмъ и спальней; другая, полукруглая и очень небольшая, въ которой государь одѣвался,—туалетная или уборная, съ окномъ, выходившимъ во дворъ. При этихъ двухъ комнатахъ былъ корридоръ, свѣтъ въ который проходилъ изъ туалетной; онъ предназначался для дежурнаго камердинера; гардеробная же находилась въ подвальномъ этажѣ. При домѣ были обширный дворъ и небольшой садъ съ плодовыми деревьями, нѣсколько запущенный, но къ пріѣзду государя приведенный въ возможный порядокъ. Меблировка всего дома была самая простая.

По прибытіи государя въ Таганрогъ его первыя заботы состояли въ томъ, чтобы устроить помѣщенія императрицы какъ можно для нея удобнѣе; онъ не оставилъ ни одного уголка безъ личнаго обозрѣнія, самъ разставлялъ въ комнатахъ мебель, вбивалъ гвозди для картинъ. Въ ожиданіи пріѣзда императрицы Александръ также позаботился о приведеніи въ порядокъ городскаго сада и самъ разбивалъ въ немъ дорожки.

Государь ежедневно гулялъ пѣшкомъ по городу, въ обращеніи онъ былъ необыкновенно доступенъ. Повидимому, Александръ казался покоенъ духомъ и веселъ, но, несмотря на то, его мучили подозрѣнія. Дибичъ разсказывалъ, что государь прислалъ за нимъ однажды утромъ и, показывая сухарь, вынулъ изъ него какой-то камушекъ, приказалъ строго разсмотрѣть, что это такое, и разобрать, какимъ образомъ могло это случиться, сказавъ, что онъ не хочетъ поручить это дѣло Волконскому, зная, что онъ старая баба и ничего сдѣлать не съумѣетъ. Дибичъ призвалъ Вилліе, который нашелъ, что это простой камушекъ; а хлѣбопекъ извинился, оправдываясь, что камушекъ попалъ въ сухарь по его неосторожности. Насилу Дибичъ могъ этимъ успокоить государя [1]).

[1]) Воспоминанія Н. И. Шенига, «Русскій Архивъ», 1880 года. Книга 3-я стр. 273.

3-го (15-го) сентября императрица Елисавета Алексѣевна выѣхала изъ Петербурга. Ее сопровождали: князь Волконскій, статсъ-секретарь Лонгиновъ, камеръ-фрейлины княжна Варвара Михайловна Волконская и Екатерина Петровна Валуева, двѣ камеръ-юнгферы, лейбъ-медикъ Стофрегенъ, доктора Доббертъ и Рейнгольдъ и придворный аптекарь Проттъ. Государыня ѣхала тихо, малыми перегонами, съ частыми отдыхами; она прибыла въ Таганрогъ 23-го сентября (5-го октября).

Для встрѣчи Елисаветы Алексѣевны императоръ выѣхалъ на первую за городомъ станцію и къ семи часамъ вечера, въ одномъ дормезѣ съ государыней, прибылъ въ греческій Александровскій монастырь, построенный купцомъ Варваціемъ, гдѣ ожидали ихъ величествъ духовенство и почти все населеніе города. Замѣчательно, что императрица, которой слабое здоровье едва позволяло въ Петербургѣ сдѣлать самое малое движеніе вслѣдствіе изнуренія силъ, по прибытіи въ Таганрогъ, довольно бодро сама, безъ помощи, вышла изъ экипажа и вступила въ церковь подъ руку съ императоромъ. По выслушаніи благодарственнаго молебствія, ихъ величества отправились во дворецъ, при коемъ находился почетный караулъ отъ лейбъ-казаковъ, два эскадрона которыхъ, подъ командою полковника Николаева, составляли гарнизонъ города. Комендантомъ императорской квартиры назначенъ былъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка полковникъ Фридрихсъ. Вообще же, свидѣтельствуетъ очевидецъ, весь таганрогскій дворъ, по скромности и простотѣ своей, представлялъ не болѣе, какъ благоустроенное хозяйство или усадьбу зажиточнаго провинціальнаго помѣщика.

По пріѣздѣ императрицы, государь окружилъ ее самою нѣжною заботливостью, предупреждалъ ея малѣйшія желанія и старался доставлять ей возможныя развлеченія, стремясь къ одной цѣли, чтобы пребываніе ея въ этомъ городѣ сдѣлать, по мѣрѣ силъ, пріятнѣйшимъ. Таганрогское уединеніе возобновило между ними прежнія узы, ослабленныя на первыхъ порахъ разсѣянною молодостью, а потомъ заботами государственными. Они вели здѣсь жизнь тихую, уединенную, свободную отъ всякаго придворнаго этикета. Елисавета Алексѣевна, подъ вліяніемъ этой нѣжной любви, стала оживать, здоровье ея видимо поправлялось; черезъ нѣсколько дней она окрѣпла и физически и морально. Всѣ свитскіе, говоритъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ, радуясь такой семейной жизни государя съ императрицею, называли ихъ между собою молодыми супругами! [1])

Однажды разговоръ коснулся того одиночества, которое наступитъ для императрицы, когда государь долженъ будетъ оставить ее одну въ

---

[1]) „Воспоминанія моей жизни“, записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. „Русская Старина“ 1871 и 1872 годовъ.

Таганрогѣ, при возвращеніи въ Петербургъ. Александръ сказалъ Елисаветѣ: «Мнѣ кажется, что, если бы даже было возможно послать вамъ кого-либо изъ членовъ семьи, за исключеніемъ меня, вы ни въ комъ не нуждаетесь (Je crois que quand même il serait possible de vous envoyer quelqu'un de la famille hormis moi, vous n'avez besoin de personne)».

— Конечно нѣтъ,—отвѣтила ему императрица отъ глубины души.

Разсказывая объ этомъ случаѣ впослѣдствіи въ письмѣ къ матери, императрица прибавляетъ: «Мнѣ доставило удовольствіе видѣть его столь убѣжденнымъ, что онъ составляетъ для меня все (Cela me fit plaisir de le voir si convaincu qu'il m'était tout).

Во время загородныхъ прогулокъ императрицѣ особенно понравилось одно мѣстоположеніе на берегу моря, близъ карантина. Государь немедленно повелѣлъ на этомъ мѣстѣ расположить садъ, самъ начертилъ планъ оному и приказалъ князю Волконскому вызвать изъ Ропши садовника Грея.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Таганрогъ императоръ Александръ писалъ 16-го (28-го) сентября графу Аракчееву:

«Благодаря Бога, я достигъ до моего назначенія, любезный Алексѣй Андреевичъ, весьма благополучно и могу сказать даже весьма пріятно, ибо погода и дороги были весьма хороши. Въ Чугуевѣ я налюбовался успѣхомъ въ построеніяхъ. Объ фронтовой части не могу ничего сказать, ибо окромѣ развода и пѣшаго смотра поселенныхъ и пѣшихъ эскадроновъ и кантонистовъ я ничего не видѣлъ .... Здѣсь мое помѣщеніе мнѣ довольно нравится. Воздухъ прекрасный, видъ на море, жилье довольно хорошее; впрочемъ, надѣюсь, что самъ увидишь».

Но едва Александръ написалъ эти строки, какъ въ Таганрогѣ получено было 22-го сентября (4-го октября) извѣстіе о трагическомъ происшествіи, совершившемся въ Грузинѣ: 10-го (22-го) сентября дворовые люди убили домоправительницу Аракчеева Настасью Минкину.

12-го (24-го) сентября, на третій день послѣ этого убійства, графъ Аракчеевъ писалъ государю:

«Батюшка ваше величество!

«Случившееся со мною несчастіе, потеряніемъ вѣрнаго друга, жившаго у меня въ домѣ 25 лѣтъ, здоровье и разсудокъ мой такъ разстроило и ослабило, что я одной смерти себѣ желаю и ищу, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенія заниматься. Прощай, батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу; друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю, куда осиротѣвшую свою голову преклоню; но отсюда уѣду. Вѣрный слуга Г. А.».

Этимъ письмомъ, свидѣтельствующимъ о полной растерянности и безграничномъ отчаяніи, овладѣвшими въ ту пору графомъ Аракчеевымъ, дѣло не ограничилось; въ такое тревожное время, называемое

имъ даже въ перепискѣ съ государемъ «бурнымъ», этотъ «вѣрный слуга» нашелъ для себя возможнымъ, подъ впечатлѣніемъ личнаго горя, самовольно бросить всѣ дѣла, возложенныя на него высочайшимъ довѣріемъ.

Наканунѣ отправки письма къ императору Александру графъ Аракчеевъ отдалъ 11-го (23-го) сентября артиллеріи генералъ-маіору Эйлеру слѣдующее предписаніе:

«По случившемуся со мною несчастію и тяжкому разстройству моего здоровья, такъ что я никакого соображенія не могу дѣлать по дѣламъ мнѣ ввѣреннымъ, почему и предписываю вашему превосходительству, до возвращенія начальника штаба, вступить, яко старшему, въ командованіе поселенныхъ войскъ и его штабомъ, о чемъ я донесъ государю императору».

Въ такомъ же духѣ графъ Аракчеевъ поступилъ и относительно гражданскихъ дѣлъ, отправивъ статсъ-секретарю Муравьеву того же числа предписаніе, сходное съ вышеприведеннымъ, даннымъ генералу Эйлеру:

«По случившемуся со мною несчастію и тяжкому разстройству моего здоровья, такъ что я никакого соображенія не могу дѣлать по дѣламъ мнѣ ввѣреннымъ, почему и благоволите ваше превосходительство всѣми дѣлами, бывшими въ моемъ завѣдываніи, какъ по канцеляріи, такъ и по комитету управлять, и получаемые отъ государя императора конверты распечатывать, какъ равномѣрно и всѣ письма на мое имя, а ко мнѣ ничего не присылать, о чемъ я донесъ и государю императору [1])».

Извѣстіе, сообщенное графомъ Аракчеевымъ, и странныя его распоряженія крайне огорчили и встревожили императора Александра. По разсказу генералъ-адъютанта Дибича, «когда въ Таганрогъ пришло извѣстіе объ убіеніи любовницы Аракчеева, государь полагалъ, что ее убили нарочно изъ ненависти не къ ней, но къ графу Аракчееву для того, чтобы его удалить отъ дѣлъ. Тогда же графъ Аракчеевъ отдалъ странный или, лучше сказать, непозволительный приказъ, коимъ онъ, по случаю приключившейся ему болѣзни, назначилъ начальникомъ всѣхъ поселенныхъ войскъ генерала Эйлера, какъ будто можно кому-либо изъ командующихъ частью войскъ передать начальство другому.

---

[1]) Карамзинъ писалъ 24-го сентября 1825 года И. И. Дмитріеву:

„Важный государственный человѣкъ, огорченный ужаснымъ домашнимъ происшествіемъ, отказался отъ всѣхъ дѣлъ, какъ слышно: замѣнить его другимъ не легко. Дѣльныхъ людей на большой сценѣ у насъ не много. Министры стары и дряхлы, кромѣ финансовъ и морскаго. Больше лицъ нежели головъ, а душъ еще менѣе. Впрочемъ, это не новое и не особенное, не чрезвычайное. Смотрю, замѣчаю и не дивлюсь“.

Сей непозволительный поступокъ хотя и былъ непріятенъ государю, однако же онъ сказалъ мнѣ, что извиняетъ болѣзненнымъ состояніемъ графа Аракчеева. Конечно, прибавилъ Дибичъ, «никому другому таковой поступокъ противузаконный не прошелъ бы безъ замѣчанія. Но этотъ человѣкъ дѣлаетъ исключеніе изъ общаго правила [1])».

Императоръ Александръ поспѣшилъ ободрить и утѣшить графа Аракчеева и писалъ ему 22-го сентября (4-го октября) изъ Таганрога:

«Любезный другъ! Нѣсколько часовъ какъ я получилъ письмо твое и печальное извѣстіе объ ужасномъ происшествіи, поразившемъ тебя. Сердце мое чувствуетъ все то, что твое должно ощущать. Но, другъ мой, отчаяніе есть грѣхъ передъ Богомъ. Предайся слѣпо Его святой волѣ. Вотъ единая отрада, одно успокоеніе, которое въ подобномъ несчастіи я могу тебѣ указать. Другихъ не существуетъ по моему убѣжденію.

«Искренно раздѣляю я твою печаль, хотя я не зналъ и не видывалъ особы, тобою оплакиваемой, но она была тебѣ искреннимъ и давнишнимъ другомъ,—сего довольно, чтобы потеря ея была для тебя прискорбна. Къ сему присоединяется еще ужасная мысль объ образѣ сей кончины. Я живо воображаю все, что въ тебѣ, любезный другъ, должно было произойти. Твое положеніе, твоя печаль крайне меня поразили. Даже мое здоровье собственное сильно оное почувствовало. Но еще разъ тебѣ повторяю, съ чувствомъ живѣйшей любви къ тебѣ—отчаяніе есть грѣхъ, и сильный грѣхъ. Покорность волѣ Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и, чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе должны мы преклонить главы наши съ умиленіемъ и повиновеніемъ Его святой волѣ. Покорись ей, и Богъ самъ поддержитъ, тебя подкрѣпитъ.

«Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь куда ѣхать. Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь здѣсь жить, какъ ты самъ расположишь. Бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ.

«Но заклинаю тебя всѣмъ, что есть святаго, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна и, могу сказать, необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. Ты мнѣ необходимъ. Я далекъ отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія трудовъ твоихъ въ первое время твоей грусти. Дай себѣ все нужное время на нѣкоторое успокоеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ своихъ, вспомни, сколь много тобою произведено и сколь требуетъ все оное довершенія. Я Бога усердно прошу,

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій: „Рукописный журналъ“ 1829 года.

чтобы Онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье и вселилъ бы въ тебѣ необходимую твердость съ повиновеніемъ Его святой волѣ.

«Пришли мнѣ подробное описаніе ужаснаго сего происшествія, показанія преступниковъ и твое по всему оному предположеніе.

«Объяви губернатору мою волю, чтобы старался дойтить всѣми мѣрами, не было ли какихъ тайныхъ направленій или подъущеній.

«Любезный другъ, жаль мнѣ выше всякаго изреченія твоего чувствительнаго сердца. Я представляю себѣ, что оно должно чувствовать, и скорблю съ нимъ искренно.

«Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга, вѣрнаго тебѣ друга» [1]).

Но императоръ Александръ не удовольствовался отправкою этого необыкновеннаго письма; онъ вызвалъ къ себѣ въ Таганрогъ начальника штаба военныхъ поселеній генерала Клейнмихеля, находившагося въ то время въ южныхъ поселеніяхъ, и съ нимъ отправилъ своему другу еще другое успокоительное письмо, помѣченное 3-мъ (15-мъ) октября и столь же милостивое, какъ и первое.

Александръ писалъ:

«Твое здоровье, любезный другъ, душевное и тѣлесное, послѣ таковаго несчастія, крайне меня безпокоитъ. Я нарочно вызвалъ сюда Петра Андреевича Клейнмихеля, человѣка тебѣ преданнаго, дабы съ нимъ посовѣтоваться насчетъ твоего положенія, и, по довольномъ разсужденіи, положили мы, чтобъ ему отложить до другого времени осмотръ войскъ, находящихся подъ начальствомъ графа Витта, дабы могъ онъ возвратиться немедленно къ тебѣ. А я буду имѣть возможность получить подробное свѣдѣніе какъ о твоемъ здоровьи, такъ и о подробностяхъ всего несчастнаго приключенія. Признаюсь тебѣ, мнѣ крайне прискорбно, что Даллеръ ни одной строки о тебѣ не пишетъ, когда прежде онъ всякій разъ исправно извѣщалъ о твоемъ здоровьи. Неужели

---

[1]) Приведенное здѣсь письмо императора Александра къ графу Аракчееву являлось въ печати уже не разъ, но въ сокращенномъ и искаженномъ видѣ. Слова государя: „хотя я не зналъ и не видывалъ особы, тобою оплакиваемой, но она была тебѣ искреннимъ и давнишнимъ другомъ,—сего довольно, чтобы потеря ея была для тебя прискорбна“, вѣроятно, не понравились графу Аракчееву, и потому въ распространенныхъ имъ впослѣдствіи копіяхъ письма государя эти слова отсутствуютъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время повторялись разсказы, что императоръ Александръ, посѣщая Грузино, навѣщалъ Настасью Минкину и не отказывалъ ей въ знакахъ своего вниманія; эти сплетни льстили безграничному самолюбію графа Аракчеева, и, конечно, отъ него нельзя было ожидать содѣйствія къ искорененію установившейся легенды. Письмо государя въ его полномъ объемѣ опровергаетъ самымъ положительнымъ образомъ эту легенду или, вѣрнѣе сказать, клевету и представляетъ дѣло въ его настоящемъ видѣ, безъ аракчеевскихъ прикрасъ.

тебѣ не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ находиться о тебѣ въ такую важную минуту твоей жизни? Грѣшно тебѣ забыть друга, любящаго тебя столь искренно и такъ давно, и еще грѣшнѣе сомнѣваться въ его участіи въ твоей печали. Убѣдительно тебя прошу, любезный другъ, если самъ не въ силахъ, то прикажи меня подробно извѣщать на свой счетъ. Я въ сильномъ безпокойствѣ. На вѣкъ искренно тебя любящій».

Императоръ не ограничился, однако, и приведенными нами знаками дружескаго вниманія; онъ простеръ свою заботливость до того, что вручилъ 3-го октября генералу Клейнмихелю еще письмо для архимандрита Фотія, слѣдующаго содержанія:

«Отецъ архимандритъ Фотій! По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ, графъ Алексѣй Андреевичъ послѣ несчастія, его поразившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже отчаянію. Зная искренее уваженіе его къ духовнымъ добродѣтелямъ вашимъ, я увѣренъ, что вы, съ помощію Всевышняго, много можете подѣйствовать на душевныя его силы. Подкрѣпя ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ, ибо служеніе графа Аракчеева драгоцѣнно для отечества. Христіанинъ обязанъ съ покорностію переносить удары, рукою Господнею ему наносимые. Мы всѣ въ волѣ Его.

«Испрашивая благословенія вашего, поручаю себя молитвамъ вашимъ.

«Письмо сіе хранить въ тайнѣ».

Въ отвѣтъ на всѣ эти милости и выраженія дружескихъ чувствъ графъ Аракчеевъ въ своихъ письмахъ лобызалъ заочно колѣна и руки государя, но не послѣдовалъ настоятельному приглашенію вѣрнаго друга пожаловать въ Таганрогъ, ссылаясь на біеніе сердца и на ежедневную лихорадку.

Велико было удивленіе генерала Эйлера, когда онъ неожиданно для себя получилъ вышеприведенное странное предписаніе графа Аракчеева отъ 11-го сентября. Онъ тотчасъ послалъ къ графу записку, прося разрѣшенія явиться къ нему, но не былъ принятъ «по причинѣ сильнаго разстройства».

Въ запискахъ своихъ генералъ Эйлеръ пишетъ: «Поселеніе учреждалось уже девять лѣтъ по собственному предначертанію государя, а графъ Аракчеевъ, имѣя бланки, былъ исполнитель самовластный и именемъ императора разрѣшалъ встрѣчаемыя затрудненія. слѣдовательно, вступить въ его обязанности была должность выше силъ каждаго, особенно, въ отсутствіе государя, которому я донесъ о предписаніи мнѣ графомъ, но въ отвѣтъ получилъ только записку Дибича, что императоръ докладъ мой изволилъ читать въ Таганрогѣ. Въ послѣдней трети каждаго года собирались отъ всѣхъ военныхъ поселеній отчеты о произ-

веденныхъ работахъ и продовольствіи, составлялись общія смѣты и доклады для представленія государю, чрезъ комитетъ министровъ, и дѣлались распоряженія по всѣмъ предметамъ къ будущему году; слѣдовательно, время моего вступленія было самое трудное: надо было производить торги и дѣлать покупки на огромныя суммы, а разрѣшеніе испрашивать у самого императора, потому что военное поселеніе не подчинялось не только министру, но и ни одному высшему государственному управленію. Для сего я отправилъ фельдъегеря въ Таганрогъ къ государю съ докладами, которые безъ всякой резолюціи возвращены мнѣ Дибичемъ при запискѣ, что императоръ изволилъ ихъ читать, что̀ поставило меня въ ужасное положеніе. По общимъ правиламъ, безъ разрѣшенія его величества, я не имѣлъ права ничего приводить въ исполненіе и равномѣрно не имѣлъ власти объявлять высочайшую волю, а между тѣмъ, не сдѣлавши этого, предвидѣлъ, что отъ сего все устройство военнаго поселенія должно въ предстоящемъ году остановиться. Необходимость заставила меня принять на себя власть, мнѣ не присвоенную, и я надписалъ на всѣхъ докладахъ своеручно: «Государь императоръ изволилъ читать это представленіе въ Таганрогѣ и одобрить», то-есть, сдѣлалъ то же, что исполнялъ графъ, и передалъ всѣ доклады при предписаніяхъ въ экономическій комитетъ, который по онымъ дѣйствовалъ. Все пошло въ прежнемъ порядкѣ, и управленіе мое кончилось благополучно, безъ малѣйшаго притязанія съ чьей-либо стороны и къ совершенному удовольствію графа; но на это немногіе бы рѣшились такъ смѣло, надо было очень знать дѣла» [1]).

Самовольное отстраненіе графа Аракчеева отъ занимаемыхъ имъ государственныхъ должностей отразилось пагубнымъ образомъ на одномъ дѣлѣ первостепенной важности, лично касавшемся благополучія и безопасности императора Александра. Припомнимъ здѣсь, что унтеръ-офицеръ 3-го уланскаго Украинскаго полка Шервудъ, представившій государю свой доносъ о тайныхъ обществахъ 17-го (29-го) іюля 1825 г. и отправившійся въ путь для дальнѣйшаго открытія всѣхъ нитей существовавшаго тогда заговора, просилъ, чтобы непремѣнно въ извѣстный часъ 20-го сентября пріѣхалъ на почтовую станцію въ городъ Карачевъ, Орловской губерніи, фельдъегерь, которому онъ могъ бы вручить секретное донесеніе о сдѣланныхъ имъ разслѣдованіяхъ.

Окончивъ съ успѣхомъ свои розыски, Шервудъ пріѣхалъ въ городъ Карачевъ въ назначенные число и часъ, но поджидаемый имъ фельдъегерь не являлся. Смотритель станціи спросилъ Шервуда, не прикажетъ ли онъ закладывать лошадей? «Я сказалъ, пишетъ въ своихъ

---

[1]) Записки генерала Эйлера „Русскій Архивъ“ 1880 года. Книга 2-я, стр. 382.

запискахъ Шервудъ, что у меня сильно голова болитъ, и ѣхать далѣе не могу, спросилъ уксусу, перевязалъ голову, три дня мнимо страдалъ, потомъ началъ понемногу выздоравливать, и наконецъ, черезъ нѣсколько дней послѣ назначеннаго срока, пріѣхалъ фельдъегерь; я выслалъ подъ предлогомъ какой-то покупки смотрителя вонъ и разспросилъ фельдъегеря, почему онъ не пріѣхалъ раньше десятью днями, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что зарѣзали въ Грузинѣ Настасью Ѳедоровну, а потому Аракчеевъ былъ какъ помѣшанный. Между тѣмъ, весь городъ сталъ меня подозрѣвать; городничій города Карачева, наконецъ, явился для спроса меня, кто я такой и почему живу такъ долго на станціи. Я ему отвѣчалъ, что я унтеръ-офицеръ, остался на станціи, потому что нездоровъ, что нахожусь въ годовомъ отпускѣ, и показалъ ему билетъ за подписью графа Аракчеева и начальника штаба Клейнмихеля. Городничій просто испугался, извинился, что меня обезпокоилъ и ушелъ; но эти десять дней разницы имѣли большія послѣдствія: никогда бы возмущенія гвардіи, 14-го декабря на Исаакіевской площади, не случилось; затѣявшіе бунтъ были бы заблаговременно арестованы. Не знаю, чему приписать, что такой государственный человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ, которому оказано столько благодѣянія императоромъ Александромъ I, и которому онъ былъ такъ преданъ, пренебрегъ опасностью, въ которой находилась жизнь государя и спокойствіе государства, для пьяной, толстой, рябой, необразованной, дурнаго поведенія и злой женщины: есть надъ чѣмъ задуматься» [1]).

II.

Между тѣмъ императоръ Александръ, пользуясь своимъ пребываніемъ на югѣ Россіи, предпринялъ путешествіе по близь лежащимъ областямъ. 11-го (23-го) октября государь на нѣсколько дней отправился въ землю войска Донскаго и посѣтилъ Ростовъ, Нахичевань и Новочеркаскъ.

Дорогою въ Новочеркаскъ государь вручилъ генералъ-адъютанту Дибичу письмо Шервуда къ графу Аракчееву, въ которомъ тотъ просилъ послать къ нему въ половинѣ ноября въ Харьковъ надежнаго чиновника. Его величество избралъ для сего назначенія лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковника Николаева, съ тѣмъ, чтобы ни ему,

---

[1]) Исповѣдь Шервуда-Вѣрнаго: „Историческій Вѣстникъ“ 1896 года (январь).

ни кому другому не объявлять объ этомъ до возвращенія изъ намѣченной уже тогда поѣздки въ Крымъ [1]).

Существовали еще въ ту пору предположенія о болѣе обширномъ путешествіи въ Уральскъ, даже въ Астрахань, но оно не было осуществлено, и 15-го (27-го) октября Александръ возвратился въ Таганрогъ.

Въ это время, съ высочайшаго соизволенія, въ Таганрогъ прибылъ изъ южныхъ поселеній графъ Виттъ. Онъ сообщилъ государю свѣдѣнія относительно замысловъ тайныхъ обществъ и лицъ, руководившихъ этимъ движеніемъ. Открытія, сдѣланныя уже ранѣе унтеръ-офицеромъ Шервудомъ, въ соединеніи съ новыми данными, представленными графомъ Виттомъ, все болѣе разъясняли дѣло и открывали возможность уже вскорѣ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Государь приказалъ графу Витту продолжать пока свои разслѣдованія.

Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ также явился въ Таганрогъ; онъ упросилъ государя посѣтить Крымъ, увѣряя, что можно еще вернуться до наступленія дождей и холода. Александръ, въ виду улучшенія здоровья императрицы, принялъ приглашеніе, говоря, что добрымъ сосѣдямъ слѣдуетъ жить въ согласіи. 20-го октября (1-го ноября) государь выѣхалъ въ Крымъ; маршрутъ былъ разсчитанъ на семнадцать дней. Александра сопровождали генералъ-адъютантъ Дибичъ, Вилліе, Тарасовъ и вагенмейстеръ полковникъ Саломка [2]).

Наканунѣ отъѣзда произошелъ слѣдующій случай. Государь занимался за своимъ письменнымъ столомъ; вдругъ надъ городомъ пронеслась туча, и водворилась такая темнота, что Александръ позвонилъ и приказалъ камердинеру Анисимову подать свѣчи. Вскорѣ затѣмъ прояснилось, и показалось солнце. Тогда Анисимовъ снова вошелъ и хотѣлъ вынести свѣчи. На вопросъ государя, зачѣмъ, онъ отвѣчалъ, что на Руси худая примѣта—сидѣть при свѣчахъ днемъ: могутъ подумать, что здѣсь лежитъ покойникъ. Государь отвѣчалъ: «Ты правъ, и я такъ думаю—унеси свѣчи». Этотъ случай врѣзался въ память императора Александра, и впослѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, онъ его припомнилъ.

Въ первые дни путешествія все обошлось благополучно, и государь былъ очень веселъ и разговорчивъ. Переночевавъ въ Маріуполѣ, онъ прослѣдовалъ черезъ Менонитскія колоніи, расположенныя на рѣчкѣ

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ начальника главнаго штаба отъ 4-го декабря 1825 года.

[2]) Вилліе записалъ въ своемъ дневникѣ. „Dès que l'Empereur s'est mis en calèche pour la Crimée le soleil a reparu“

Молочной. Цвѣтущій видъ и полное благоустройство этихъ поселеній весьма обрадовали императора и вызвали полное его удовольствіе. Вечеромъ 24-го октября (5-го ноября) государь прибылъ въ Симферополь и, переночевавъ тамъ, на другой день отправился верхомъ на татарскихъ лошадяхъ въ Юрзуфъ; экипажамъ велѣно было ожидать императора въ Байдарахъ. Государь въ этотъ день проѣхалъ 35 верстъ верхомъ по чрезвычайно труднымъ дорогамъ и усѣяннымъ камнями тропинкамъ. Посѣтивъ затѣмъ Никитскій садъ, государь осматривалъ Оріанду, пріобрѣтенную имъ у графа Кушелева-Безбородко, гдѣ предполагалъ построить дворецъ. Здѣсь, повидимому, Александръ нашелъ тотъ уголокъ въ Европѣ, о которомъ нѣкогда мечталъ, и гдѣ желалъ бы навсегда поселиться. Вообще, со времени переѣзда въ Таганрогъ, казалось, что государь снова возвратился къ прежнимъ своимъ мечтамъ и помышлялъ о переходѣ въ частную жизнь. «Я скоро переселюсь въ Крымъ;—сказалъ Александръ,—я буду жить частнымъ человѣкомъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку». Князю Волконскому онъ говаривалъ: «И ты выйдешь въ отставку и будешь у меня библіотекаремъ.»

Государь отобѣдалъ въ Алупкѣ у графа Воронцова, который сопровождалъ его отъ самаго Симферополя, и 27-го октября (8-го ноября), проѣхавъ оттуда болѣе сорока верстъ по дурной гористой дорогѣ, прибылъ въ Байдары, гдѣ ожидали его царскіе экипажи. Здѣсь былъ приготовленъ обѣдъ, но его величество приказалъ Миллеру съ обѣдомъ прямо ѣхать въ Севастополь и ожидать его къ обѣду тамъ. Изъ Байдаръ государь въ коляскѣ съ Дибичемъ отправился въ Балаклаву для осмотра находившагося въ этомъ городѣ греческаго баталіона, состоявшаго подъ командою Равальота. Послѣ смотра государь завтракалъ у баталіоннаго командира и кушалъ немного извѣстнаго рода крылатой рыбы, весьма жирной.

Изъ Балаклавы императоръ Александръ прослѣдовалъ въ коляскѣ до того мѣста, гдѣ отходитъ дорога въ Георгіевскій монастырь. Тамъ онъ сѣлъ опять на лошадь, въ мундирѣ безъ шинели, отпустилъ свиту въ Севастополь и, взявъ съ собою фельдъегеря Годефроа, направился въ сопровожденіи только одного татарина въ монастырь. Это было 27-го октября (8-го ноября) въ 6 часовъ пополудни. День былъ теплый и прекрасный; но къ вечеру подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, и насталъ чувствительный холодъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ во время этой неосторожной и несвоевременной поѣздки въ Георгіевскій монастырь простудился, и потому утомительные переѣзды 27-го октября послужили исходной точкой поразившаго его вскорѣ смертельнаго недуга.

Свита, прибывшая въ Севастополь въ квартиру государя, назна-

ченную въ комендантскомъ домѣ, проводила время въ томительномъ ожиданіи. Обѣдъ былъ приготовленъ къ четыремъ часамъ. Наступила темнота, и холодный вѣтеръ усиливался съ порывами; но государь все не возвращался. Всѣ ожидавшіе его мѣстные начальники и свита начали безпокоиться, не зная чему приписать такое замедленіе въ пріѣздѣ императора. Адмиралъ Грейгъ приказалъ полиціймейстеру поспѣшить съ факелами навстрѣчу императору, чтобы освѣщать ему дорогу. Наконецъ, ровно въ восемь часовъ, прибылъ государь. Принявъ адмирала Грейга и коменданта въ залѣ, Александръ отправился прямо въ кабинетъ, приказавъ поскорѣе подать ему чаю, отъ обѣда же отказался, и это было тѣмъ необыкновеннѣе, пишетъ Тарасовъ, что прежде никогда въ путешествіи не случалось, и государь въ дорогѣ всегда имѣлъ хорошій аппетитъ и любилъ подчивать другихъ [1])

28-е октября (9-е ноября) государь посвятилъ осмотру укрѣпленій, флота, морскаго госпиталя и казармъ; затѣмъ былъ большой обѣдъ у императора, и въ наружности его не было замѣтно никакой неблагопріятной перемѣны.

На другой день, 29-го октября (10-го ноября), Александръ переправился на сѣверную сторону, осмотрѣлъ здѣсь укрѣпленія и затѣмъ поѣхалъ въ коляскѣ въ Бахчисарай, гдѣ остановился въ ханскомъ дворцѣ, подобно тому какъ и во время путешествія 1818 года.

Здѣсь императоръ, призвавъ Тарасова въ кабинетъ, приказалъ ему приготовить изъ рису то самое питье, какое онъ пилъ въ 1824 году, въ январѣ, во время горячки съ рожею на ногѣ. Тарасовъ немедленно выполнилъ это повелѣніе и въ то же время счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Вилліе, присовокупивъ, что у государя разстроенъ желудокъ. «Впрочемъ, прибавляетъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ, онъ ни мнѣ, ни Вилліе не жаловался на какое либо разстрой-

---

[1]) Въ книгѣ: „Послѣдніе дни жизни Александра I“ пріѣзд государя переданъ слѣдующимъ образомъ: „Вечеромъ въ десятомъ часу, при свѣтѣ факеловъ, прибылъ въ Севастополь, посѣтилъ храмъ Божій и при свѣтѣ же факеловъ, дѣлалъ смотръ морскимъ полкамъ. Потомъ спросилъ обѣдать, но ничего не кушалъ, а занялся приказаніями на слѣдующій день“.

Этотъ разсказъ совершенно расходится съ воспоминаніями очевидца Д. К. Тарасова. Вообще здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что трудно согласовать между собою разсказы о послѣднихъ трехъ мѣсяцахъ жизни императора Александра; на каждомъ шагу встрѣчаются несообразности, противорѣчія и недомолвки. Будущему исторіографу Александра I придется сожалѣть, что Михайловскій-Данилевскій пересталъ быть съ 1819 года спутникомъ государя во время его нескончаемыхъ путешествій; если бы онъ находился въ 1825 году въ Таганрогѣ, мы имѣли бы, безъ сомнѣнія, вполнѣ обстоятельный и достовѣрный разсказъ о жизни Александра со времени отъѣзда его на югъ Россіи.

ство въ своемъ здоровьи, однако-жъ, кушалъ въ этотъ день одинъ перловый свой супъ и котлету» [1]).

Несмотря на начинавшееся нездоровье, государь не далъ себѣ покоя и между прочимъ совершилъ поѣздку верхомъ въ Чуфутъ-Кале и на обратномъ пути посѣтилъ Успенскій монастырь; онъ казался совершенно здоровымъ, былъ весьма веселъ и со всѣми обращался съ обычною своею благосклонностью. 1-го (13-го) ноября Александръ выѣхалъ на ночлегъ въ Евпаторію и посѣтилъ здѣсь церкви, мечети, синагоги, казармы и карантины. 2-го (14-го) ноября онъ ночевалъ въ Перекопѣ, гдѣ осматривалъ госпиталь.

На другой день рано по утру государь продолжалъ путь, согласно маршруту, и въ селеніи Знаменскомъ осматривалъ квартировавшую тамъ артиллерійскую бригаду, а потомъ лазаретъ, въ коемъ остался особенно доволенъ пищею и преимущественно овсянымъ супомъ, котораго довольно покушалъ. Дибичу приказано было выдать повару 25 рублей ассигнаціями.

Въ этотъ день обѣденный столъ былъ въ большомъ селеніи между Знаменкой и Орѣховымъ.

«Императоръ, пишетъ Тарасовъ,—съ самаго Бахчисарая, гдѣ онъ приказалъ приготовить для себя питье, казался совершенно здоровымъ, и ни мнѣ, ни баронету Вилліе нимало не жаловался на свое здоровье. Здѣсь во время обѣда вдругъ онъ началъ разговоръ о крымскихъ госпиталяхъ и сталъ распространяться о тамошнихъ лихорадкахъ и, въ особенности, о хинной соли, коей дѣйствіе выхвалялъ противъ этихъ болѣзней, но сожалѣлъ, что вкусъ этого врачебнаго средства долженъ быть очень непріятенъ. Баронетъ Вилліе, въ защиту этого лекарства, доложилъ государю, что вкусъ его вовсе не противенъ, но только горекъ. Государь, какъ бы не повѣривши ему, тотчасъ приказалъ мнѣ подать хинную соль изъ дорожной аптеки. Я немедленно представилъ баночку, содержащую эту соль. Государь самъ ее попробовалъ на языкъ и, поморщившись, сдѣлалъ гримасу и сказалъ мнѣ. «Вы съ Яковомъ Васильевичемъ не любите лакомить своихъ паціентовъ вкусными снадобьями». Потомъ, отдавая мнѣ банку, спросилъ: «А какъ вы даете это средство?»—Я отвѣчалъ: «даютъ его больнымъ въ видѣ порошка, пилюль и въ растворѣ».—«Спасибо за угощеніе, извольте положить его въ свое мѣсто», сказалъ мнѣ государь.

Послѣ обѣда, на послѣдней станціи, не доѣзжая Орѣхова, государь встрѣтилъ фельдъегеря Маскова съ депешами изъ Петербурга и Таганрога. Принявъ депеши, государь приказалъ фельдъегерю слѣдовать

---

[1]) Въ дневникѣ Вилліе 30-го октября (11-го ноября) 1825 года записано: „Empereur légerement indisposé“.

за собою; но при поворотѣ дороги кучеръ погналъ свою тройку, ударился телѣгою о глинистую кочку съ такою силой, что Маскова очень высоко подбросило вверхъ; онъ упалъ на дорогу тычкомъ головою и остался на мѣстѣ безъ движенія. Государь увидѣлъ случившееся несчастіе и тотчасъ послалъ Годефроа съ приказаніемъ къ Тарасову, чтобы онъ немедленно подалъ врачебное пособіе пострадавшему, а по пріѣздѣ въ Орѣховъ лично доложилъ о положеніи Маскова. Оказалось, что несчастный умеръ отъ сильнаго сотрясенія мозга съ переломомъ черепа. Тарасовъ пріѣхалъ въ Орѣховъ около полуночи; его поджидалъ Дибичъ и приказалъ тотчасъ доложить лично о томъ императору, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о Масковѣ.

«По докладѣ камердинеромъ, я вошелъ въ почивальню государя, пишетъ Тарасовъ. Его величество сидѣлъ противъ камина въ шинели въ рукава и читалъ бумаги. Я замѣтилъ, что онъ имѣетъ безпокойный видъ и старался согрѣться у горящаго камина. Онъ тотчасъ, при переступленіи моемъ черезъ порогъ спросилъ меня отрывисто: «Въ какомъ положеніи Масковъ?» — «Онъ при паденіи получилъ смертельный ударъ въ голову, съ сильнымъ сотрясеніемъ мозга и большою трещиною въ самомъ основаніи черепа; я нашелъ его на мѣстѣ уже безъ дыханія, и всякое врачебное пособіе оказалось тщетнымъ». Выслушавъ такое мое донесеніе, государь всталъ съ мѣста и въ слезахъ сказалъ: «Какое несчастіе! Очень жаль этого человѣка».—Потомъ, оборотясь къ столу, позвонилъ въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не могъ не замѣтить въ государѣ необыкновеннаго выраженія въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мною въ продолженіе многихъ лѣтъ; оно представляло что то тревожное и вмѣстѣ болѣзненное, выражающее чувство лихорадочнаго озноба».

Въ Орѣховѣ государя ожидала еще другая непріятность, которая, при наступившемъ уже болѣзненномъ состояніи его должна была вредно отразиться на немъ. Между екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ и архіепископомъ Ѳеофиломъ произошла ссора, дошедшая до личной расправы. Получивъ о семъ донесеніе, государь, желая разобрать это дѣло, вызвалъ обоихъ противниковъ въ Орѣховъ. По свидѣтельству Тарасова, «государь далъ обоимъ отдѣльную ауді-енцію и, съ свойственною ему деликатностью, очень строго далъ каждому изъ нихъ почувствовать всю неблаговидность поступка ихъ, какъ главныхъ представителей власти въ Екатеринославской губерніи. Очевидно, что его величество не могъ этого сдѣлать равнодушно, по крайней мѣрѣ, безъ сильнаго внутренняго потрясенія».

Прибывъ на ночлегъ 4-го (16-го) ноября въ семь часовъ вечера въ Маріуполь, государь часу въ десятомъ потребовалъ къ себѣ Вилліе,

который нашелъ его въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма.

«Виллié былъ крайне встревоженъ положеніемъ государя, пишетъ Тарасовъ,—казался потерявшимъ свое практическое присутствіе духа и наконецъ рѣшился дать государю стаканъ крѣпкаго пунша съ ромомъ, уложилъ его въ постель и покрылъ сколько можно теплѣе. Это усилило только безпокойство императора, и онъ немного заснулъ лишь къ утру. Виллié предлагалъ остаться въ Маріуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Маріуполя до Таганрога только 90 верстъ, и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т. е. 5-го ноября. Такъ было назначено по маршруту. 5-го ноября, послѣ сильнаго пароксизма, поутру государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ десятомъ утра, въ закрытой коляскѣ съ медвѣжьею полостью, въ теплой шинели, отправился изъ Маріуполя».

Императоръ Александръ прибылъ въ Таганрогъ въ шесть часовъ вечера. Вошедши въ свою уборную, онъ, на вопросъ князя Волконскаго о здоровьи его, отвѣчалъ: «Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватилъ въ Крымѣ, несмотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ восхваляли. Я болѣе чѣмъ когда либо увѣренъ, что, избравъ Таганрогъ мѣстопребываніемъ для моей жены, мы поступили въ высшей степени благоразумно.»

«Когда я спросилъ его величество, пишетъ князь Волконскій въ своемъ журналѣ [1]),—съ какого времени онъ почувствовалъ лихорадку, императоръ отвѣчалъ мнѣ, «что съ Бахчисарая, куда прибылъ вечеромъ и ощутивъ жажду, потребовалъ пить; мой камердинеръ Ѳедоровъ подалъ мнѣ барбарисоваго сиропа. Такъ какъ во время путешествія въ Крымѣ погода была очень жаркая, я подумалъ, что сиропъ могъ испортиться но мой камердинеръ сказалъ мнѣ, что сиропъ не пострадалъ. Я проглотилъ цѣлый стаканъ и легъ спать. Ночью я почувствовалъ ужасные припадки (des transes terribles), но, благодаря моему организму и превосходному желудку, меня сильно прослабило, и все обошлось этимъ. По пріѣздѣ въ Перекопъ я посѣтилъ госпиталь, гдѣ почувствовалъ снова небольшую лихорадку». По этому поводу я осмѣлился замѣтить его величеству, что было неблагоразумно съ его стороны отправиться въ госпиталь, гдѣ онъ могъ лишь усилить свою лихорадку вслѣдствіе нахожденія къ немъ большаго числа лицъ, пораженныхъ этою

---

[1]) „Собственноручный журналъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго во время болѣзни въ Бозѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича". Этотъ журналъ былъ присланъ княземъ Волконскимъ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ.

болѣзнью, и что императоръ постоянно забываетъ, что, приближаясь къ пятому десятку, не пользуешься уже тѣми силами, какъ въ двадцать лѣтъ.—Онъ отвѣчалъ мнѣ: «О, дорогой другъ, я слишкомъ чувствую это и увѣряю васъ, что я очень часто вспоминаю объ этомъ и надѣюсь, что все обойдется благополучно».—Спросивъ меня затѣмъ о здоровьи императрицы, онъ отправился къ ней, гдѣ ихъ величества и провели вмѣстѣ остальную часть вечера».

Въ этотъ же вечеръ императоръ Александръ въ разговорѣ съ камердинеромъ Анисимовымъ припомнилъ случай, имѣвшій мѣсто до отъѣзда въ Крымъ, и сказалъ ему: «Я очень нездоровъ». Анисимовъ отвѣчалъ: «Надо пользоваться, государь».—«Нѣтъ, братъ,—сказалъ императоръ,—свѣчи, которыя приказалъ я убрать съ стола, у меня изъ головы не выходятъ: это значитъ мнѣ умереть, и онѣ то и будутъ стоять передо мною».—Камердинеръ возразилъ: «Что вы изволите говорить? Избави насъ Богъ отъ такого несчастія!»—Этимъ разговоръ и кончился[1]).

Вилліе въ своемъ дневникѣ пишетъ: «Ночь прошла дурно. Отказъ принять лѣкарство. Онъ приводитъ меня въ отчаяніе. Страшусь, что такое упорство не имѣло бы когда-нибудь дурныхъ послѣдствій» [2]).

Утромъ 6-го (18-го) ноября князь Волконскій пришелъ въ 8 часовъ къ императору и, когда спросилъ его о здоровьи, то получилъ отвѣтъ что ночь провелъ изрядно и лихорадки не чувствуетъ; но, замѣчаетъ князь Волконскій, «взглядъ у государя былъ слабый, и глаза мнѣ показались мутны. Сверхъ того, глухота была примѣтнѣе, и до того, что, докладывая по нѣкоторымъ бумагамъ, его величество, вошедъ въ кабинетъ, сталъ у камина грѣться, приказавъ мнѣ продолжать докладъ, по окончаніи коего, отпустивъ меня, занялся чтеніемъ бумагъ» [3]).

Въ этотъ же день государь обѣдалъ въ послѣдній разъ у императрицы, но вынужденъ былъ встать изъ-за стола: появилась сильная испарина. Въ исходѣ третьяго часа камердинеръ Ѳедоровъ позвалъ Вилліе; за нимъ послѣдовалъ князь Волконскій. По разсказу князя, пришедши къ государю, они застали его въ кабинетѣ сидящимъ на ди-

---

[1]) Послѣдніе дни жизни Александра I. Стр. 43.

[2]) „La nuit mauvaise. Refus de médecine. Il me désole. Je crains que cette opiniâtreté n'aie des suites mauvaises un jour ou l'autre".

[3]) 6-го ноября государь отдалъ въ послѣдній разъ пароль и собственноручно написалъ на запискѣ генералъ-адъютанта Дибича: „Пароль Таганрогъ". Съ этого дня поручено было Дибичу отдавать пароль на будущее время.

Послѣдняя резолюція императора Александра относится къ 7-му ноября. По поводу записки Дибича о томъ, что „генералъ-адъютантъ Чернышевъ, прибывшій сего числа изъ Новочеркаска, испрашиваетъ позволеніе, можетъ ли быть завтра къ обѣднѣ во дворцѣ, равно и супруга его, безъ вторичнаго представленія", государь написалъ: „могутъ".

ванѣ въ сюртукѣ; ноги были обернуты байковымъ одѣяломъ. Виллié предложилъ принять тотчасъ слабительныя пилюли; государь на это согласился, но послѣ сопротивленія (après un combat), какъ пишетъ Виллié.

Послѣ того государь намѣревался приступить къ чтенію бумагъ, присланныхъ изъ Петербурга, но князю Волконскому и Виллié удалось отклонить больнаго отъ этихъ занятій. Вечеромъ лекарство произвело свое дѣйствіе, и государь почувствовалъ облегченіе, повеселѣлъ и благодарилъ Виллié и Волконскаго за все о немъ попеченіе. Затѣмъ Александръ попросилъ къ себѣ императрицу, которая просидѣла у него до десяти часовъ вечера.

7-го (19-го) ноября Виллié назначилъ государю микстуру слабительную. День прошелъ безъ лихорадки; государь чувствовалъ себя нѣсколько лучше и слѣдующую ночь спалъ спокойно часа четыре. Судя по дневнику Виллié, онъ тогда не могъ еще дать себѣ отчетъ, эпидемическая ли это лихорадка, крымская или другая какая.

Тарасовъ замѣчаетъ: «Означенныя пилюли и микстура были главными лекарствами баронета Виллié, которыми ему неоднократно удавалось помогать своему августѣйшему паціенту, не прибѣгая къ другимъ средствамъ, которыя были не нужны при мужественномъ и сильномъ тѣлосложеніи государя».

Вечеромъ сдѣлался небольшой жаръ отъ того, что государь, противно всѣмъ убѣжденіямъ, не хотѣлъ продолжать микстуру.

8-го (20-го) ноября Виллié наконецъ опредѣлилъ болѣзнь и пишетъ: «Это лихорадка, очевидно, febris gastrica biliosa», затѣмъ онъ присовокупляетъ, что надежда императора всецѣло на Бога, чтобы быть исцѣленнымъ отъ своихъ недуговъ (sa foi est pleine en Dieu pour être entièrement guéri de ses maux). Вмѣстѣ съ тѣмъ Виллié выражаетъ въ своемъ дневникѣ сожалѣніе, что поносъ былъ такъ не кстати (mal à propos) остановленъ въ Бахчисараѣ.

Въ этотъ день, 8-го ноября, праздновали тезоименитство великаго князя Михаила Павловича. Государь не могъ присутствовать у обѣдни; отпустивъ князя Волконскаго къ божественной службѣ, онъ сѣлъ на диванѣ въ кабинетѣ и занялся чтеніемъ Библіи. Послѣ обѣдни, пишетъ князь Волконскій въ собственноручномъ журналѣ, онъ нашелъ императора сидящимъ на диванѣ въ небольшомъ жару. «Государь изволилъ спрашивать, по обыкновенію, хорошо ли отправлялась служба, какъ пѣли пѣвчіе, и хорошо ли служилъ вновь вывезенный его величествомъ изъ Новочеркаска діаконъ? Давъ на все утвердительный ему отвѣтъ, я спросилъ его о здоровьи; его величество изволилъ отвѣчать, что ему лучше, при семъ изволилъ мнѣ сказать, что не знаетъ, что будетъ ему дѣлать съ бумагами, коихъ много накопляется. На сіе я отвѣчалъ, что теперь не до бумагъ, ибо здоровье его величества всего нужнѣе, а какъ

Богъ дастъ будетъ ему лучше, тогда успѣетъ все обдѣлать какъ слѣдуетъ, но и при томъ нужно будетъ ему не вдругъ заниматься безпрестанно бумагами, а понемногу, дабы лихорадка вновь не открылась. Послѣ сего приказалъ позвать къ себѣ императрицу, которая изволила пробыть у его величества до самаго своего обѣда. Государь ничего не изволилъ кушать, кромѣ хлѣбной отварной воды, и жаръ немного уменьшился.

«Государь изволилъ писать въ С.-Петербургъ къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, приказалъ сдѣлать отправленіе 6-мъ числомъ и, запретивъ писать о его болѣзни, изволилъ мнѣ сказать: «Боюсь я экстра-почтъ, чтобы не навлекли хлопотъ извѣстіемъ о моей болѣзни и не встревожили бы тѣмъ матушку». На сіе я сказалъ, что напишутъ то, что ему угодно, но вмѣстѣ съ нимъ полагалъ, что лучше писать правду, потому что нельзя совершенно отвѣчать, чтобы кто-нибудь изъ жителей не написалъ чего и болѣе, чѣмъ скорѣе можетъ всѣхъ встревожить».

Ночь государь провелъ изрядно, но была сильная испарина.

9-го (21-го) ноября государь разрѣшилъ князю Волконскому написать императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ о своей болѣзни. Черезъ нѣсколько дней (11-го ноября), онъ приказалъ о томъ же написать въ Варшаву для извѣщенія цесаревича Константина Павловича.

Императрица Елисавета Алексѣевна, встревоженная болѣзненнымъ состояніемъ государя, прислала своего лейбъ-медика Стофрегена въ консультанты къ Вилліе; но отъ этого леченіе не подвинулось впередъ. Императоръ продолжалъ упорно отклонять совѣты докторовъ.

«Гдѣ же убѣжище въ этой жизни?—писала императрица своей матери.—Когда думаешь, что все устроилось къ лучшему и можешь наслаждаться имъ, является неожиданное испытаніе, лишающее возможности воспользоваться тѣмъ добромъ, которое окружаетъ насъ. Это не ропотъ—Богъ читаетъ въ моемъ сердцѣ—это лишь наблюденіе, тысячу разъ сдѣланное и теперь въ тысячный разъ подтверждаемое событіями».

Краткія замѣтки въ дневникѣ Вилліе, сдѣланныя въ послѣдующіе затѣмъ дни, лучше всего обрисовываютъ таганрогскую обстановку во время печальныхъ ноябрьскихъ дней 1825 года.

10-го (22-го) ноября. «Ему сегодня хуже. (Il est plus mal aujourd'hui)». Въ этотъ день, въ одиннадцатомъ часу утра, государь, вставая съ постели, впалъ въ первый разъ въ сильный обморокъ. Остальную часть дня больной провелъ въ сильномъ жару и весьма ослабѣлъ; вечеромъ появилась сильная испарина и забывчивость, отчего, по свидѣтельству князя Волконскаго, мало уже и почти совсѣмъ не говорилъ.

11-го (23-го) ноября. «Болѣзнь продолжается. Внутренности еще довольно нечисты. Когда я ему говорю о кровопусканіи и слабительномъ, онъ приходитъ въ бѣшенство и не удостоиваетъ говорить со мною. (La maladie dure. Les entrailles sont encore bien impures. Quand je lui parle de saignée et purgée il est furieux et daigne pas me parler)». Въ этотъ день обморокъ повторился, но въ менѣе сильной степени.

13-го (25-го) ноября. «Все пойдетъ скверно, потому что онъ не дозволяетъ, не соглашается дѣлать то, что безусловно необходимо. Склонность ко сну ничего хорошаго не предвѣщаетъ. (Tout ira mal, parce qu'il ne permet, n'écoute de faire ce qui est absolument nécessaire Cette tendance à dormir est de bien mauvais augure)».

Вилліе оставилъ намъ объ этомъ времени еще одно драгоцѣнное. указаніе. Онъ пишетъ: «Уже съ 8-го ноября я замѣчаю, что его занимаетъ что-то болѣе важное, чѣмъ мысль о выздоровленіи, и смущаетъ умъ. (C'est depuis le 8 que je remarque qui quelque chose l'occupe plus que sa guérison et quei lui tourmente l'esprit)».

«Я отлично знаю, что̀ мнѣ вредно и что̀ полезно,—сказалъ Александръ Вилліе.—Мнѣ нужны только уединеніе и покой. Я уповаю на волю Всевышняго и на свой организмъ (constitution). Я желаю, чтобы вы обратили вниманіе на мои нервы, такъ какъ они чрезвычайно разстроены». Вилліе отвѣчалъ: «Я полагаю, что это случается съ монархами чаще, нежели съ прочими людьми».—«А въ настоящее время я имѣю на это причины болѣе, чѣмъ когда-либо», возразилъ императоръ.

Предположенія Вилліе, что какія-то заботы смущали въ ту пору умъ императора Александра, оказались вполнѣ справедливыми; обстоятельства, какъ на зло, слагались такъ, что больной государь лишенъ былъ необходимаго ему спокойствія. Дѣйствительно, въ это время въ Таганрогъ прибылъ фельдъегерь, который снова напомнилъ ему о злополучномъ происшествіи въ Грузинѣ и объ его безутѣшномъ отшельникѣ.

Содержаніе этого письма было слѣдующее:

«Отецъ и благодѣтель, батюшка, ваше величество!

«Посылаю къ вамъ подробное описаніе бывшаго въ грузинскомъ домѣ злодѣянія, написанное Шумскимъ по моей диктовкѣ для единаго вашего свѣдѣнія.

«Здоровье мое, батюшка, плохо, о чемъ изволите узнать изъ Даллерова письма; всякій день становится хуже, но я переношу оное терпѣливо и стараюсь всякій день быть на воздухѣ; но біеніе сердца, жаръ и потъ ночной меня весьма разслабляютъ.

«Весьма мнѣ хочется уѣхать изъ Грузина, но по сіе время еще не можно было этого сдѣлать, а теперь хочу переѣхать въ Новгородъ, дабы тамъ пожить въ уединеніи, ближе къ Фотію; если же увижу, что болѣзнь моя будетъ увеличиваться, то уже поѣду въ Петербургъ, кото-

раго житья я, признаюсь, боюсь, батюшка, ибо не дадутъ мнѣ покоя модные наши братья. Ахъ, батюшка, летѣлъ бы я къ вамъ въ Таганрогъ, ибо мнѣ ничего такъ не хочется, какъ видѣть моего благодѣтеля; но боль въ груди такъ велика становится, что боюсь въ сію дурную погоду и въ дорогу пуститься; кажется, я не перенесу онаго.

«Добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель живетъ въ Новгородѣ и занимается слѣдствіемъ дѣла, забравъ отъ меня почти всѣхъ дворовыхъ людей, а именно 22 человѣка [1]).

«Прощай, мой отецъ, вѣрь, что, если буду живъ, то буду тебѣ одному принадлежать, а умру, такъ душа моя будетъ помнить вашего величества обо мнѣ вниманіе».

Получилъ ли въ это время императоръ Александръ еще какія-либо свѣдѣнія о заговорѣ, трудно установить; достовѣрно лишь то, что 10-го (22-го) ноября государь приказалъ генералъ-адъютанту Дибичу отправить полковника Николаева, по прежнему предположенію, въ Харьковъ, какъ для содѣйствія унтеръ-офицеру Шервуду въ дальнѣйшемъ открытіи заговора, такъ и для арестованія сообщниковъ этого дѣла, принимая притомъ въ соображеніе совѣты и объясненія Шервуда съ должною осторожностью [2]).

Всѣ эти заботы по дѣлу, угрожавшему спокойствію Россіи и личной безопасности государя, должны были, безъ сомнѣнія, преисполнить горечи послѣдніе дни жизни Александра, вызвавъ въ его умѣ тяжелыя думы. Приказаніе, отданное генералъ-адъютанту Дибичу, было послѣднимъ распоряженіемъ государя; черезъ нѣсколько дней императоръ окончательно слегъ [3]).

14-го (26-го) ноября государь, вставъ по утру въ седьмомъ часу, приказалъ подать себѣ бриться, но только-что сѣлъ передъ уборнымъ столомъ, какъ, сдѣлавъ себѣ, вслѣдствіе дрожанія руки, порѣзъ на подбородкѣ, упалъ въ обморокъ. Камердинеръ не успѣлъ его поддержать, и государь упалъ на полъ. Это произвело большую тревогу во дворцѣ. По свидѣтельству Тарасова, баронетъ Виллié совсѣмъ потерялся, а Стофрегенъ

---

[1]) Слѣдствіе д о б р а г о Клейнмихеля и судъ надъ убійцами любовницы Аракчеева составляютъ позорную страницу въ исторіи неограниченнаго самовластія графа Алексѣя Андреевича, тѣмъ болѣе возмутительную, что она могла имѣть мѣсто въ царствованіе кроткаго и гуманнаго Александра.

[2]) Всеподданнѣйшій докладъ начальника главнаго штаба отъ 4-го декабря 1825 года.

[3]) Въ собственноручномъ предписаніи генералъ-адъютанта Дибича унтеръ-офицеру Шервуду, отъ 10-го ноября 1825 года, сказано:

„По письму вашему, отъ 20-го сентября, къ г-ну генералъ-отъ-артиллеріи графу Аракчееву отправляется по высочайшему повелѣнію въ городъ Харьковъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковникъ Николаевъ съ полною высочайшею довѣренностью дѣйствовать по извѣстному вамъ дѣлу“.

началъ государю растирать голову и виски одеколономъ. На эту тревогу пришла императрица, и государя уложили на кровать въ бѣломъ шлафрокѣ. Съ этого момента болѣзнь императора приняла окончательно опасное направленіе.

Такъ передаетъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ событія 14-го ноября. Князь Волконскій, напротивъ того, утверждаетъ въ журналѣ, писанномъ имъ день за днемъ, что сильный обморокъ случился въ восемь часовъ вечера, когда государь, при императрицѣ, всталъ и спустилъ ноги съ постели [1]). Кромѣ того, князь Волконскій пишетъ еще слѣдующее: «Около обѣда у государя сдѣлался опять сильный жаръ, и за ушами шея, къ головѣ, примѣтно покраснѣла, почему г. Виллié и Стофрегенъ предложили его величеству поставить за уши піявки, но государь и слышать о семъ не хотѣлъ, всячески былъ уговариваемъ и упрашиваемъ докторами, императрицею и мною, но всѣмъ отказалъ, отсылая даже съ гнѣвомъ, чтобы оставили его въ покоѣ, ибо нервы его и безъ того разстроены, которые бы должно стараться успокоивать, а не умножать раздраженіе ихъ пустыми лекарствами».

Виллié въ этотъ день написалъ слѣдующую замѣтку: «Все очень нехорошо, хотя у него нѣтъ бреда. Я намѣренъ былъ дать acide muriatique съ питьемъ, но получилъ отказъ по обыкновенію: «Ступайте прочь (Allez-vous en)». Я заплакалъ; замѣтивъ это, онъ мнѣ сказалъ: «Подойдите, любезный другъ. Надѣюсь, что вы на меня за это не сердитесь. У меня свои причины такъ дѣйствовать. (Venez, mon cher ami. J'espère que (vous) ne m'en voulez pas pour cela. J'ai mes raisons)».

Въ 9 часовъ вечера государь потребовалъ къ себѣ Тарасова. «Надобно замѣтить,—пишетъ Тарасовъ,—что я во время болѣзни императора во дворцѣ до того не бывалъ, а о положеніи его величества всѣ подробности зналъ, частью, отъ баронета Виллié, не желавшаго, какъ казалось, допустить меня въ почивальню императора, а частью отъ

---

[1]) Разсказъ Тарасова и обстановка, при которой все это случилось, относятся, можетъ быть, къ первому обмороку государя, который, какъ выше сказано, былъ 10-го ноября и случился утромъ. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что въ запискахъ Тарасова, написанныхъ много лѣтъ спустя послѣ таганрогскихъ событій, факты хотя и переданы вѣрно, но всѣ числа перепутаны и требуютъ поправки.

14-го ноября государь, дѣйствительно, всталъ въ 7 часовъ утра, умылся безъ посторонней помощи и побрился, но обморока не случилось. Затѣмъ Александръ легъ снова на постель, но находился въ сильно возбужденномъ состояніи; по замѣчанію Виллié, ему тогда трудно было связать правильно какую-либо мысль. „Другъ мой, какое дѣло, какое ужасное дѣло“, сказалъ государь, обратясь къ Виллié. Такое душевное настроеніе продолжалось около минуты. „При этомъ,—пишетъ Виллié въ исторіи болѣзни императора,—взглядъ его былъ страшный, и мнѣ показалось, что наступаетъ бредъ“.

лейбъ-медика Стофрегена. Меня нашли тогда у барона Дибича, бывшаго не совсѣмъ здоровымъ. По докладу императору, я тотчасъ былъ позванъ въ кабинетъ. Его величество былъ въ большомъ жару и безпокоенъ. Увидѣвъ меня, сказалъ:

— Вотъ, любезный Тарасовъ, какъ я разболѣлся, останься при мнѣ. Якову Васильевичу одному трудно, онъ устаетъ и ему по временамъ нужно успокоиться; посмотри мой пульсъ.

«При самомъ моемъ входѣ, взглянувъ на государя, я былъ пораженъ его положеніемъ, и какое-то безсознательное предчувствіе произвело рѣшительный приговоръ въ душѣ моей, что императоръ не выздоровѣетъ, и мы должны его лишиться».

Князь Волконскій говоритъ въ своемъ журналѣ, что, видя упрямство государя въ дѣлѣ леченія, онъ при императрицѣ сказалъ докторамъ, что почитаетъ однимъ средствомъ склонить государя къ принятію лекарства и приставленію піявокъ—это предложить его величеству причащеніе Св. Тайнъ, «наставя вмѣстѣ съ тѣмъ духовника, чтобы на духу и послѣ причащенія старался его увѣщевать и согласить на приставленіе піявокъ, говоря, что въ Таганрогѣ сіе средство почитается самымъ лучшимъ. Доктора приняли мой совѣтъ и просили императрицу взять на себя сдѣлать такое предложеніе».

«Въ двѣнадцатомъ часу вечера,—пишетъ Тарасовъ,—императрица вошла къ императору, весьма смущенною, усиливаясь въ виду государя казаться спокойною. Сѣвъ подлѣ больнаго, на томъ же диванѣ, она начала разговоръ убѣжденіемъ, чтобъ государь аккуратно принималъ назначенныя ему докторами лекарства. Далѣе она сказала по-французски больному:

— Я намѣрена предложить вамъ свое лекарство, которое всѣмъ приноситъ пользу.

— Хорошо, говорите,—сказалъ государь.

«Императрица продолжала: «Я болѣе всѣхъ знаю, что вы великій христіанинъ и строгій наблюдатель всѣхъ правилъ нашей православной церкви; совѣтую вамъ прибѣгнуть къ врачеванію духовному: оно всѣмъ приноситъ пользу и даетъ благопріятный оборотъ въ тяжкихъ нашихъ недугахъ».

— Кто вамъ сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лекарство.

— Вашъ лейбъ-медикъ Виллié,—отвѣчала императрица.

«Тотчасъ Виллié былъ позванъ. Императоръ, повелительно спросилъ его: «Вы думаете, что болѣзнь моя уже такъ зашла далеко?»— Виллié, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшился положительно объявить императору, что онъ не можетъ скрывать того, что

онъ находится въ опасномъ положеніи [1]). Государь, съ совершенно спокойнымъ духомъ сказалъ императрицѣ: «Благодарю васъ, другъ мой, прикажите—я готовъ».

Рѣшено было призвать соборнаго протоіерея Алексѣя Ѳедотова, но императоръ, по выходѣ императрицы, вскорѣ забылся и заснулъ, что, однако-жъ, не было настоящимъ сномъ, но сонливостью (sopor). Въ такомъ положеніи государь оставался до пяти часовъ утра.

«Я всю ночь просидѣлъ подлѣ больнаго, говоритъ Тарасовъ,—и, наблюдая за положеніемъ его, замѣтилъ, что императоръ, просыпаясь по временамъ, читалъ молитвы и псалмы, не открывая глазъ.

«Въ пять съ половиною часовъ утра 15-го (27-го) ноября императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ меня, спросилъ: «Здѣсь ли священникъ?»—Я тотчасъ сказалъ о семъ барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Вилліе, проводившимъ всю ночь въ пріемномъ залѣ подлѣ кабинета. Князь Волконскій доложилъ о семъ императрицѣ, которая поспѣшила прибыть къ государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей.

«Немедленно введенъ былъ протоіерей Ѳедотовъ. Императоръ, приподнявшись на лѣвый локоть, привѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получивъ благословеніе, поцѣловалъ руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказалъ. «Я хочу исповѣдаться и пріобщиться Св. Тайнъ,—прошу исповѣдать меня, не какъ императора, но какъ простаго мірянина; извольте начинать, я готовъ приступить къ св. таинству».

Затѣмъ, прослушавъ молитву къ исповѣди, государь сказалъ императрицѣ: «Мнѣ нужно остаться одному (Il faut me laisser seul)». Императрица и всѣ предстоявшіе удалились. Исповѣдь и св. причащеніе, по свидѣтельству Тарасова, продолжались часъ съ четвертью. По окончаніи исповѣди государь приказалъ позвать императрицу; съ нею вошли князь Волконскій, генералъ-адъютантъ Дибичъ, Вилліе, Стофрегенъ, Тарасовъ и камердинеры. Государь пріобщился Св. Тайнъ. Императрица поцѣловала его въ лобъ и руку. Александръ, обратясь къ императрицѣ, взялъ ея руку и, поцѣловавъ, сказалъ: «Я никогда не испытывалъ большаго наслажденія и очень благодаренъ вамъ за него (Jamais je n'ai éprouvé un plus grand plaisir et vous en remercie beaucoup)».

Богъ сказался ему и свѣялъ съ души грозную мысль, преслѣдо-

---

[1]) Вилліе пишетъ: „Quel est mon triste ministère de lui annoncer sa dissolution prochaine en présence de S. M. l'Impératrice qui est allé lui proposer un remède certain sacramentum".

вавшую его всю жизнь, мысль, которая нерѣдко среди торжества, какъ привидѣніе, возставала передъ нимъ [1]).

Послѣ совершенія таинства императрица вмѣстѣ съ духовникомъ стала умолять больнаго не отказываться отъ врачебныхъ средствъ; отецъ Алексѣй сталъ съ крестомъ въ рукахъ на колѣни и, поддерживая настоянія императрицы, сказалъ, что небреженіе здоровья со стороны государя было бы тяжкимъ грѣхомъ, равносильнымъ самоубійству. Тогда Александръ, по свидѣтельству Тарасова, обратясь къ врачамъ, сказалъ: «Теперь, господа, ваше дѣло; употребите ваши средства, какія вы находите для меня нужными».

Лихорадочное состояніе постепенно усиливалось, припадки обнаруживали, очевидно, пораженіе мозга. Тарасовъ немедленно поставилъ за уши и къ затылку тридцать піявокъ, на голову были положены холодныя примочки, и назначены медиками внутреннія средства. Къ вечеру положеніе императора казалось нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ, припадки не ожесточились. Виллié не увлекся, однако, призрачными надеждами. Онъ пишетъ въ дневникѣ 16-го (28-го) ноября: «Все мнѣ кажется слишкомъ позднимъ. Только вслѣдствіе упадка силъ физическихъ и душевныхъ и уменьшенія чувствительности удалось дать ему нѣкоторыя лекарства послѣ святаго причастія и увѣщаній Ѳедотова» [2]).

Ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе. Жаръ былъ менѣе сильный; поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала.

День 17-го (29-го) ноября начался прекраснымъ утромъ. Солнце свѣтило во всемъ блескѣ, и лучи его падали прямо въ окна государя. Больной приказалъ поднять оконныя шторы и, любуясь свѣтомъ солнца, которое всегда очень любилъ, сказалъ: «Comme il fait beau».

Нѣкоторые другіе признаки позволяли думать, что положеніе государя подаетъ слабую надежду на благопріятный оборотъ болѣзни,

---

[1]) Ег. Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, стр. 161.

[2]) „Tout me paraît trop tard. Ce n'est que le manque de forces physiques et morales et la diminution de sa sensibilité qui sont les causes que lui a employé quelques médications depuis la sainte Coena et l'exhortation de Fedotoff".

Въ дипломатическихъ воспоминаніяхъ лорда Лофтуса приведенъ разсказъ, слышанный имъ въ Петербургѣ отъ Виллié. Когда императору Александру, съ его согласія, поставили піявки, онъ спросилъ императрицу и Виллié: довольны ли они теперь? Они только что успѣли высказать свое удовольствіе, какъ вдругъ государь сорвалъ съ себя піявки, которыя единственно могли спасти его жизнь. Виллié сказалъ при этомъ Лофтусу, что, повидимому, Александръ искалъ смерти и отказывался отъ всѣхъ средствъ, которыя могли ее отвратить. (The diplomatic reminiscenses of lord Augustus Loftus, 1837—1862.—London. 1892).

достигшей, впрочемъ, по замѣчанію Тарасова, высшей степени своего развитія.

Императрица, ни на шагъ не отходившая отъ смертнаго одра своего супруга, была обрадована слабымъ проблескомъ надежды и поспѣшила написать объ этомъ въ Петербургъ вдовствующей государынѣ.

«Дорогая матушка. Я была не въ состояніи написать вамъ со вчерашнею почтою. Сегодня—да будетъ воздано за то тысячу и тысячу благодареній Всевышнему—наступило весьма явное улучшеніе въ состояніи здоровья государя, этого ангела доброты среди своихъ страданій. Для кого и на комъ явить Господу свое безконечное милосердіе, какъ не на немъ? О Боже мой, какія ужасныя минуты я пережила! Могу себѣ представить и ваше безпокойство, дорогая матушка. Вы получаете бюллетень. Слѣдовательно, вы могли видѣть, на что мы были обречены вчера и даже сегодняшнюю ночь. Но сегодня самъ Виллié говоритъ, что состояніе нашего дорогаго больнаго удовлетворительно. Онъ до чрезвычайности слабъ. Признаюсь вамъ, дорогая матушка, что я сама не своя и болѣе ничего не могу сказать вамъ. Молитесь съ нами, съ пятьюдесятью милліонами людей, чтобы Господь благоволилъ довершить исцѣленіе нашего дорогаго больнаго» [1]).

Но смерть уже витала надъ изголовіемъ бѣднаго страдальца: онъ угасалъ. То, что императрица и нѣкоторые изъ приближенныхъ принимали за перемѣну къ лучшему, было только послѣднею вспышкою жизни, отсрочкой передъ близкимъ отходомъ императора въ вѣчность. Къ вечеру положеніе государя сдѣлалось снова хуже, всѣ припадки ожесточились, признаки пораженія мозга стали очевидными, и утратилась всякая надежда на благопріятный исходъ болѣзни. «Нѣтъ надежды спасти моего обожаемаго повелителя», восклицаетъ Виллié въ замѣткѣ, сдѣланной 18-го (30-го) ноября [2]).

Тарасовъ пишетъ: «Ночь всю провелъ государь въ забытьи и безпамятствѣ; только по временамъ открывалъ глаза, когда императрица,

---

[1]) Chère Maman, je n'ai pas été en état de vous écrire par la poste d'hier. Aujourd'hui, grâce en soit rendue mille et mille fois à l'Être suprême, il y a du mieux très décidé dans l'état de l'Empereur, de cet ange de bienveillance au milieu de ses maux. Pour qui, sur qui Dieu manifesterait-Il son infime miséricorde, si ce n'était lui. Oh, mon Dieu, quels cruels moments j'ai passé! Et vous, chère Maman, je me figure vos inquiétudes. Vous recevez le bulletin. Vous aurez donc vu à quoi nous avons été réduits hier, cette nuit encore. Mais Wyllie aujourd'hui dit lui-même que l'état de notre cher malade est satisfaisant. Il est faible à l'excès. Chère Maman, je vous avoue, que je n'ai pas ma tête et ne puis vous en dire davantage. Priez avec nous, avec 50 millions d'hommes que Dieu daigne achever la guérison de notre bien aimé malade.

[2]) «Aucune espérance pour sauver mon adorable maître».

*

сидя подлѣ него, говорила съ нимъ, и по временамъ, обращаясь взоромъ на св. Распятіе, крестился и читалъ молитвы. Несмотря на забывчивость и безпамятство отъ усиливающагося угнетенія мозга, всегда, когда приходила императрица, государь чувствовалъ ея присутствіе, бралъ ея руку и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру государь началъ очевидно слабѣть. Когда я давалъ ему пить съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать медленно и не свободно. Я не замедлилъ объявить объ этомъ. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ императрицѣ, которая въ десять часовъ вечера пришла въ кабинетъ и сѣла подлѣ умирающаго на стулѣ, постоянно своею лѣвою держа его правую руку. По временамъ она плакала. Я во всю ночь безотходно, позади императрицы, стоялъ у ногъ государя. Питье онъ проглатывалъ съ большимъ трудомъ; въ четвертомъ часу за полночь дыханіе замѣтно стало медленнѣе, но спокойно и безъ страданій [1]).

«Всѣ свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно.

«Наступило 19 е ноября (1-е декабря). Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобы получить вѣсть о положеніи императора.

«Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и св. Распятіе. Послѣдніе взоры его столь были умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земнаго, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише».

Въ 10 часовъ 50 минутъ великій монархъ отошелъ въ вѣчность.

Императрица, неотлучно сидѣвшая при умирающемъ, встала съ своего мѣста, помолилась на колѣняхъ, потомъ перекрестила императора, поцѣловала его, еще разъ перекрестила, закрыла вѣки глазъ его; за тѣмъ, сложивши свой платокъ, подвязала ему подбородокъ, опять помолилась на колѣняхъ и, низко поклонившись усопшему, удалилась изъ кабинета въ свои покои.

Въ тотъ же день государыня нашла въ себѣ довольно силъ написать императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ слѣдующія строки:

---

[1]) Другой очевидецъ послѣднихъ минутъ жизни императора Александра, придворный врачъ Доббертъ, пишетъ, что онъ имѣлъ мучительный конецъ. Агонія продолжалась почти одиннадцать часовъ (Er hatte einen qualvollen Tod. Beinahe elf Stunden dauerte der Todeskampf). Aus dem Leben Dobberts. S.-Petersburg 1868. p. 54.

«Дорогая матушка! Нашъ ангелъ въ небесахъ, а я осталась на землѣ; о, если бы я, самое несчастное существо изъ всѣхъ оплакивающихъ его, могла скоро соединиться съ нимъ! О, мой Боже, это почти превосходитъ человѣческія силы, но, если Онъ ниспослалъ это, не подлежитъ сомнѣнію, что слѣдуетъ быть въ силахъ перенести это. Я не понимаю самое себя, я не знаю, не въ бреду ли я, не могу ни располагать своимъ существованіемъ, ни понять его. Вотъ его волосы, дорогая матушка! Увы, почему онъ былъ долженъ выстрадать столько! Но теперь его лицо носитъ лишь выраженіе удовлетворенія и доброжелательства, присущихъ ему. Кажется, точно онъ одобряетъ все происходящее вокругъ него. О, дорогая матушка, какъ мы всѣ несчастны! Пока онъ будетъ находиться здѣсь, я останусь здѣсь—когда онъ отправится отсюда, если это найдутъ возможнымъ, я тоже отправлюсь. Я поѣду съ нимъ, пока хватитъ силъ. Я не знаю еще, что будетъ со мною. Дорогая матушка, сохраните мнѣ ваше расположеніе» [1]).

Первыя слова этого письма, ставшаго достояніемъ исторіи, послужили какъ бы эпитафіей Александру Благословенному, и были воспроизведены на гравюрахъ, медаляхъ, браслетахъ и такъ называемыхъ траурныхъ перстняхъ.

Въ письмѣ къ Григорію Ивановичу Виламову князь Волконскій сообщалъ ему 21-го ноября 1825 года:

«Императрица Елисавета Алексѣевна, при всей скорби ужаснѣйшаго общаго несчастія, изволитъ переносить печаль свою съ удивительною твердостью, присутствуя ежедневно два раза при панихидахъ».

Страдая сама неизлечимымъ недугомъ, Елисавета Алексѣевна въ своей безотрадной скорби озарена была только одною надеждою: соединиться въ скоромъ времени съ дорогимъ почившимъ за предѣлами земной жизни.

---

[1]) „Chère Maman! Notre ange est au ciel et moi sur la terre de tous ceux qui le pleurent; la créature la plus malheureuse, puissai-je le rejoindre bientôt! O mon Dieu, c'est près que au-de là des forces humaines, mais puisqu' Il l'a envoyé, sans doute il faut pouvoir le supporter. Je ne me comprends pas, je ne sais si je rêve. je ne puis pas combiner, ni comprendre mon existence Voici de ses cheveux, chère Maman! Hélas! Pourquoi a-t-il dû souffrir autant! Mais sa figure maintenant ne porte plus que l'expression de la satisfaction et de la bienveillance qui lui sont naturelles Il semble approuver ce qui se passe autour de lui. Ah! chère Maman, que nous sommes tous malheureux! Tant qu'il sera ici, je reste ici – quand il partira, si on le trouve possible, je partirai aussi J'irai avec lui tant que je pourrai. Je ne sais encore ce que je deviendrai; chère Maman, conservez-moi vos bontés".

Замѣтимъ здѣсь, что до сихъ поръ этотъ историческій документъ передавался въ различныхъ сочиненіяхъ въ совершенно искаженномъ видѣ.

III.

19-го ноября 1825 года совершилось великое для Россіи несчастіе: лучшаго изъ государей Европы не стало. Когда онъ скрылся съ политическаго поприща, одно только прекрасное изъ его жизни выступило на первый планъ; все прочее было предано забвенію. Видишь передъ собою, пишетъ современникъ [1]), того прекраснаго генія, котораго такъ радостно встрѣчали въ 1801 году; видишь славнаго царя, которому Россія обязана 1813 и 1814 годами; видишь утѣшителя народа послѣ наводненія прошлогодняго; видишь привѣтливаго, доброжелательнаго человѣка, который такъ былъ любезенъ въ сношеніи личномъ, неизмѣнно оставаясь, по выраженію Сперанскаго, сущимъ прельстителемъ (un vrai charmeur). Въ душѣ его было много идеально прекраснаго, онъ искренно желалъ добра, онъ любилъ добро и постигалъ его.—Было о чемъ горевать, въ особенности, въ виду неизвѣстнаго будущаго, ожидавшаго Россію, которой, по образному выраженію одного русскаго писателя, со смертью Александра предстояло войти въ холодный, непривѣтливый корридоръ, въ длинный мрачный тунель. Это чувствовалось и сознавалось многими современниками.

Но независимо отъ горя, обрушившагося на всю Россію для лицъ, окружавшихъ смертный одръ почившаго монарха, наступилъ еще особенный, ими одними пережитый, истинно трагическій моментъ. Вдали отъ столицы и всѣхъ членовъ царской семьи, въ уединенномъ городѣ русскаго царства, удаленномъ на 2.000 верстъ отъ центра государственнаго управленія, предъ ними возсталъ грозный вопросъ: кто же будетъ теперь императоромъ, кому слѣдуетъ принести присягу и отъ кого ожидать впредь приказаній?—И эти вопросы къ тому же приходилось задавать себѣ среди развѣтленій обширнаго заговора и повсемѣстнаго броженія!

«Сфинксъ, неразгаданный до гроба», какъ мѣтко назвалъ Александра поэтъ, не открылъ никому своего царственнаго завѣта и даже, въ виду извѣстной ему неминуемой кончины, не счелъ нужнымъ затронуть ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ этотъ животрепещущій для благополучія Россіи вопросъ. Напротивъ того, въ послѣдніе дни своей жизни императоръ Александръ какъ бы сознательно отстранилъ себя отъ всѣхъ земныхъ дѣлъ и умиралъ, какъ частный человѣкъ, покончившій свои разсчеты съ міромъ. Поэтому неудивительно, что онъ не указалъ на избраннаго имъ преемника; довольно-

---

[1]) В. А. Жуковскій Александру Ивановичу Тургеневу 28-го ноября (10-го декабря) 1825 года.

ствуясь сдѣланнымъ ранѣе въ тайнѣ распоряженіемъ, онъ какъ бы думалъ—раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ чья Россія.

О существованіи акта, назначавшаго великаго князя Николая Павловича наслѣдникомъ престола, при жизни Александра никто не зналъ, за исключеніемъ трехъ государственныхъ сановниковъ: графа Аракчеева, князя А. Н. Голицына и архіепископа московскаго Филарета [1]). По роковому стеченію обстоятельствъ, ни одинъ изъ нихъ не присутствовалъ при кончинѣ государя въ Таганрогѣ. Изъ находившихся же при императорѣ трехъ довѣренныхъ генералъ-адъютантовъ: князя Волконскаго, барона Дибича и Чернышева—ни одинъ не зналъ, что права старшаго брата въ наслѣдованіи престола перенесены на втораго.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ разсказывалъ, впослѣдствіи Михайловскому-Данилевскому:

«Государь, повѣрявшій мнѣ многія тайны, не говорилъ мнѣ однако же объ этомъ ни слова. Однажды мы были съ нимъ въ поселеніяхъ, и онъ, обращая рѣчь къ великому князю Николаю Павловичу, сказалъ ему: «Тебѣ надобно будетъ это поддерживать». Я ничего другого изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что, судя по лѣтамъ великаго князя, онъ, переживъ государя и цесаревича, будетъ ихъ преемникомъ» [2]).

Вотъ чѣмъ ограничивались свѣдѣнія, которыми располагалъ Дибичъ въ Таганрогѣ по вопросу о престолонаслѣдіи. Князю Волконскому также ничего не было извѣстно по этому дѣлу. Наконецъ, императрица Елисавета Алексѣевна находилась въ подобномъ же положеніи и ничего не знала о совершившемся отреченіи Константина Павловича.

«Когда въ Таганрогѣ болѣзнь Александра не подавала уже никакой надежды къ выздоровленію, разсказывалъ Дибичъ, князь Волконскій совѣтовалъ мнѣ спросить у императрицы: къ кому, въ случаѣ кончины государя, должно будетъ относиться мнѣ, какъ начальнику главнаго штаба его величества, ибо положеніе мое было весьма затруднительно; я оставленъ начальникомъ арміи въ такое время, гдѣ открывались случаи обширнаго заговора. Я не рѣшился лично предложить императрицѣ

---

[1]) О своемъ рѣшеніи императоръ Александръ сообщилъ также прусскому принцу Вильгельму. Затѣмъ оказывается, что государь повѣдалъ эту тайну еще Карамзину и его женѣ. Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 3-го (15-го) января 1826 года Карамзинъ пишетъ:

„Самъ покойный государь еще осенью 1823 года сказывалъ мнѣ и Катеринѣ Андреевнѣ объ этомъ распоряженіи наслѣдства. Мы не измѣнили тайнѣ".

Припомнимъ здѣсь, что о своемъ намѣреніи сойти съ престола императоръ Александръ сообщилъ также принцу Оранскому, посѣтившему Петербургъ весною 1825 года.

[2]) „Рукописный журналъ" 1829 года Михайловскаго-Данилевскаго.

сего вопроса, не желая нанести ей огорченія, да и хотя и пользовался ея милостями, но однако же не въ такой степени, какъ князь Волконскій, который былъ другомъ императорской фамиліи; потому я настоятельно просилъ его принять на себя объясненіе съ государынею. Онъ не иначе на сіе согласился, какъ съ условіемъ, чтобы и я тутъ же, находился.

«Мы вошли съ нимъ вдвоемъ въ комнату государя, лежавшаго въ забытьи, и князь Волконскій, подойдя къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, сказалъ ей, что я, какъ начальникъ штаба, прошу ее сказать, къ кому, въ случаѣ несчастія, мнѣ должно будетъ относиться?

— Развѣ государь такъ боленъ, что уже нѣтъ надежды? спросила императрица.

— Богъ одинъ можетъ помочь и спасти государя; однако-же, спокойствіе и безопасность Россіи требуютъ, чтобы на всякій случай были приняты надлежащія мѣры,—отвѣтилъ князь Волконскій.

— Разумѣется, что въ несчастномъ случаѣ надобно будетъ относиться къ Константину Павловичу,—сказала императрица.

«Сіи слова явно доказываютъ невѣдѣніе императрицы о томъ, кто былъ назначенъ наслѣдникомъ престола.

«Мы полагали съ княземъ Волконскимъ, что у покойнаго государя Александра Павловича было завѣщаніе, ибо онъ имѣлъ при себѣ безпрестанно конвертъ съ бумагами, котораго онъ никогда не оставлялъ. Когда мы, по смерти его, вскрыли сіи бумаги, то нашли, что въ нихъ были написаны какія то молитвы».

Императрица Елисавета Алексѣевна сперва хотѣла сохранить эти бумаги у себя, но потомъ велѣла князю Волконскому вложить ихъ въ мундиръ, который надѣли на тѣло почившаго императора, въ тотъ самый карманъ, гдѣ онъ всегда ихъ носилъ [1]).

При такомъ положеніи дѣла, генералъ-адъютанту Дибичу оставалось только донести о печальномъ событіи въ Варшаву цесаревичу Константину Павловичу, какъ тому лицу, которое было теперь, по закону о престолонаслѣдіи, императоромъ Всероссійскимъ.

Тогда же Дибичъ написалъ письмо императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, въ которомъ въ заключеніи сказано: «Съ покорностію ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя императора Константина Павловича».

Составленный въ Таганрогѣ актъ о кончинѣ императора Александра приложенъ былъ къ всеподданнѣйшему рапорту барона Дибича на имя императора Константина отъ 19-го ноября 1825 года [2]).

---

[1]) Эти таинственныя бумаги заключали въ себѣ двѣ молитвы и выписки нѣсколькихъ главъ священнаго писанія. (Письмо князя Волконскаго императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ отъ 14-го декабря 1825 года).

[2]) Актъ и всеподданнѣйшій рапортъ напечатаны нами въ статьѣ: „М е ж-

На другой день послѣ кончины императора Александра, 20-го ноября (4-го декабря), въ семь часовъ вечера произведено было вскрытіе тѣла почившаго императора въ присутствіи генералъ-адъютанта Чернышева. Протоколъ подписали девять докторовъ, а именно: Дмитріевскаго вотчиннаго госпиталя младшій лѣкарь Яковлевъ, лейбъ-гвардіи казачьяго полка штабъ-лѣкарь Васильевъ, Таганрогскаго карантина главный медицинскій чиновникъ докторъ Лакіеръ, придворный врачъ коллежскій асессоръ Доббертъ, медико-хирургъ надворный совѣтникъ Тарасовъ, штабъ-лѣкарь надворный совѣтникъ Александровичъ, докторъ медицины и хирургіи статскій совѣтникъ Рейнгольдъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ лейбъ-медикъ Стофрегенъ, баронетъ Яковъ Виллié, тайный совѣтникъ и лейбъ-медикъ.

Затѣмъ слѣдуетъ подпись Чернышева: «Видѣлъ описанные медиками признаки и при вскрытіи тѣла его императорскаго величества государя императора Александра Павловича находился генералъ-адъютантъ Чернышевъ».

Въ заключеніи протокола о вскрытіи тѣла сказано:

«Сіе анатомическое изслѣдованіе очевидно доказываетъ, что августѣйшій нашъ монархъ былъ одержимъ острою болѣзнію, коею первоначально была поражена печень и прочіе къ отдѣленію желчи служащіе органы; болѣзнь сія въ продолженіи своемъ постепенно перешла въ жестокую горячку съ приливомъ крови въ мозговые сосуды и послѣдующимъ затѣмъ отдѣленіемъ и накопленіемъ сукровичной влаги въ полостяхъ мозга и была наконецъ причиною самой смерти его императорскаго величества» [1]).

Виллié занесъ по этому поводу въ дневникъ замѣтку: «Вскрытіе и бальзамированіе подтвердило все то, что я сказалъ a priori. О, если бъ я имѣлъ его согласіе, если бы онъ былъ сговорчивъ и послушенъ, эта операція не происходила бы здѣсь [2])».

Князь Волконскій возложилъ операцію бальзамированія тѣла императора Александра на Д. К. Тарасова, но онъ, какъ говоритъ въ своихъ запискахъ, «изъ сыновняго чувства и благоговѣнія къ императору, не могъ принять на себя такой обязанности». Тогда это дѣло по-

---

дуцарствіе въ Россіи съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 г.". «Русская Старина» 1882 г., т. 35, стр. 158 и 163.

[1]) Государственный архивъ. Разрядъ III № 29. Тарасовъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что редакція этого акта составлена имъ, но что онъ его не подписывалъ. Между тѣмъ на подлинномъ актѣ находится и его подпись.

[2]) „Dissection et embaument, qui confirmèrent tout ce que j'avais dit a priori. Oh si j'avais eu son consentement, si il aurait traitable et docile, cette opération n'aura pas eu lieu ici". Воспроизводимъ здѣсь буквально своеобразную французскую орѳографію Виллié.

ручено было врачамъ Рейнгольду, Добберту, Лакіеру, Васильеву и аптекарю Протту.

Бальзамированіе тѣла, несмотря на всѣ затрудненія въ отысканіи въ столь короткое время всѣхъ потребныхъ къ тому веществъ, произведено было, по мнѣнію Тарасова, вполнѣ удачно. Онъ свидѣтельствуетъ, что, по прибытіи печальной церемоніи 8 марта 1826 года въ Царское Село, «тѣло императора и форма лица были совершенно сохранены».

Вечеромъ 20-го ноября, послѣ панихиды, императрица Елисавета Алексѣевна переѣхала въ другой домъ на время бальзамированія тѣла императора Александра и устроенія катафалка въ залѣ. Государыня возвратилась во дворецъ 29-го ноября.

Н. И. Шенигъ, служившій въ то время по квартирмейстерской части, сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ очевидецъ, слѣдующія подробности, относящіяся къ бальзамированію тѣла императора Александра:

«21-го ноября (3-го декабря), поутру въ 9 часовъ, по приказанію Дибича, отправился я, какъ старшій въ чинѣ изъ числа моихъ товарищей, для присутствія при бальзамированіи тѣла покойнаго государя. Вошедъ въ кабинетъ, я нашелъ его уже раздѣтымъ на столѣ, и четыре гарнизонные фельдшера, вырѣзывая мясистыя части, набивали ихъ какими то разваренными въ спиртѣ травами и забинтовывали широкими тесьмами. Доббертъ и Рейнгольдъ, съ сигарами въ зубахъ, варили въ кастрюлькѣ въ каминѣ эти травы. Они провели въ этомъ занятіи всю ночь, съ той поры, какъ Виллié вскрылъ тѣло и составилъ протоколъ. Черепъ на головѣ былъ уже приложенъ, а при мнѣ натягивали кожу съ волосами, чѣмъ немного измѣнилось выраженіе чертъ лица. Мозгъ, сердце и внутренности были вложены въ серебряный сосудъ, въ родѣ сахарной большой жестянки съ крышкой, и заперты замкомъ. Кромѣ вышесказанныхъ лицъ и караульнаго казацкаго офицера, никого не только въ комнатѣ, но и во всемъ дворцѣ не было видно. Государыня наканунѣ переѣхала на нѣсколько дней въ домъ Шихматова. Доктора жаловались, что ночью всѣ разбѣжались, и что они не могутъ даже добиться чистыхъ простынь и полотенецъ. Это меня ужасно раздосадовало. Давно ли всѣ эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страхъ и благодѣянія! Я тотчасъ же пошелъ къ Волконскому, который принялъ меня въ постели, разсказалъ, въ какомъ положеніи находится тѣло государя, и тотъ, вскочивъ, послалъ фельдъегеря за камердинерами. Черезъ четверть часа они явились и принесли бѣлье. Между тѣмъ фельдшера перевертывали тѣло какъ кусокъ дерева, и я съ трепетомъ и любопытствомъ имѣлъ время осмотрѣть его. Я не встрѣчалъ еще такъ хорошо сотвореннаго чело-

вѣка. Руки, ноги, всѣ части тѣла могли бы служить образомъ для ваятеля; нѣжность кожи необыкновенная.

«По окончаніи бальзамированія, одѣли государя въ общій генеральскій мундиръ, съ звѣздою и орденами въ петлицѣ, на рукахъ перчатки, и положили на желѣзную кровать, на которой онъ скончался, накрывъ все тѣло кисеею. Въ ногахъ поставили налой съ евангеліемъ, которое поочередно читали священники, смѣняясь каждые два часа. Мы четверо [1]) и нѣсколько казацкихъ офицеровъ дежурили также по два часа стоя, потому что и стула не было въ комнатѣ, и это дежурство приходилось иногда по три раза въ сутки. На панихидахъ всегда былъ дежурнымъ одинъ изъ насъ четверыхъ. Кромѣ того былъ всегда безотлучно одинъ изъ камердинеровъ и Рейнгольдъ или Доббертъ, которые ежечасно смачивали лицо губкою, напитанною спиртомъ. Жаръ въ комнатѣ доходилъ до 18° и болѣе; всѣ двери и окна были заперты, и кромѣ того горѣли три большія церковныя свѣчи. Острый запахъ спирта, насыщеннаго какимъ то душистымъ веществомъ, наводилъ дурноту, и мундиры до того имъ провоняли, что недѣли три сохраняли этотъ непріятный запахъ. Доктора признавались, что они не могли хорошо и настоящимъ образомъ произвести бальзамированія, по неимѣнію достаточнаго количества спирта, въ который должно бы было погрузить все тѣло на нѣсколько сутокъ; къ тому же, я думаю, что они были непривычны къ этому дѣлу.

«На второй день, поднявъ кисею для примочки лица, я далъ замѣтить Добберту, что клочекъ галстука торчитъ изъ-подъ воротника государя. Онъ потянулъ и къ ужасу увидѣлъ, что это кожа. Лицо начало совершенно чернѣть. Теплота и уменьшеніе остроты спирта, стоявшаго въ открытой чашѣ и въ жаркой комнатѣ, вмѣсто сохраненія послужили только къ порчѣ тѣла. Сейчасъ побѣжалъ онъ къ Вилліе, который явился удостовѣриться въ показаніи. Рѣшили заморозить тѣло и тѣмъ только сохранить его. Отворили всѣ окна, подвинули подъ кровать корыто со льдомъ и повѣсили у постели термометръ, чтобы стужа всегда была не менѣе 10°. Въ это время холодъ и вѣтры начинали дѣлаться весьма сильные, и каково же было намъ дежурить въ одномъ мундирѣ! Только во время утренней и вечерней панихиды запирали окна, потому что присутствовала государыня.

«23-го числа поставили тронъ, обили всю залу чернымъ сукномъ, надѣли на государя порфиру и положили въ гробъ, надѣвъ на голову золотую корону. Первый гробъ былъ свинцовый, а этотъ уже былъ поставленъ въ деревянный, обитый золотою парчею съ орлами. Окна

---

[1]) Н. И. Шенигъ, П. А. Тучковъ (впослѣдствіи московскій генералъ-губернаторъ), Венцель и Кожевниковъ.

насквозь были отворены, и мы уже дежурили въ шляпахъ и съ обнаженными шпагами. Подъѣхало съ Дону нѣсколько казаковъ всѣхъ чиновъ, и тутъ уже дежурили одинъ генералъ, одинъ штабъ-офицеръ и по два оберъ-офицера; во время панихиды всегда однакожъ двое изъ насъ. По окончаніи каждой панихиды входилъ Волконскій, уводилъ вонъ изъ залы всѣхъ часовыхъ и наконецъ уходилъ и самъ; оставались священникъ, читающій евангеліе и насъ двое, которымъ велѣно было стоять у ступеней гроба смирно и не поднимать глазъ. Несмотря на то, мы очень хорошо могли видѣть, что всякій разъ выходила изъ своихъ комнатъ императрица, совершенно одна, никѣмъ не поддерживаемая, всходила на ступени трона и начинала цѣловать тѣло и молиться. Это всегда продолжалось минутъ десять. Коль скоро она удалялась, Волконскій опять вводилъ часовыхъ, входили дежурные, и мы начинали ходить вольно! Панихиды со дня кончины отправлялъ греческій архимандритъ съ шестью священниками и, не зная по-русски, дѣлалъ возгласы по-гречески. Къ 1-му декабря пріѣхалъ Екатеринославскій архіепископъ и тогда началъ первенствовать на службѣ» [1]).

По странной случайности это былъ тотъ самый преосвященный Ѳеофилъ, которому, какъ выше упомянуто, императоръ Александръ сдѣлалъ строгое замѣчаніе при проѣздѣ черезъ Орѣховъ, на возвратномъ пути изъ Крыма. Онъ былъ вызванъ въ Таганрогъ княземъ Волконскимъ [2]).

Въ дополненіе къ краткому очерку печальныхъ событій, случившихся въ Таганрогѣ въ 1825 году, приведемъ еще письмо князя Волконскаго къ генералъ-адъютанту Закревскому: въ этомъ письмѣ встрѣчается безпощадная, но справедливая оцѣнка образа дѣйствія *проклятаго змѣя*, омрачившаго собою послѣднія недѣли жизни императора Александра.

«Ужаснѣйшее бѣдствіе, насъ всѣхъ постигшее, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, пишетъ князь Волконскій,—отнимаетъ у меня силы къ изъясненію скорби и сокрушенія мною ощущаемыхъ. 19-го ноября по утру, въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ, поражены мы были жестокимъ ударомъ по случаю кончины обожаемаго монарха нашего,

---

[1]) Воспоминанія Николая Игнатьевича Шенига, „Русскій Архивъ“ 1880 года, книга 3-я. Стр. 280—283. До 27-го ноября тѣло императора Александра лежало на постели въ кабинетѣ по недостатку различныхъ вещей, ожидавшихся изъ Москвы для переноса тѣла въ залъ. Затѣмъ 27-го ноября тѣло императора было положено въ гробъ и поставлено на катафалкѣ, устроенномъ въ залѣ таганрогскаго дворца.

[2]) Со дня пріѣзда преосвященный ежедневно по утрамъ послѣ литургіи отправлялъ соборомъ панихиду у тѣла, а по вечерамъ архимандритъ греческаго монастыря заступалъ мѣсто Ѳеофила.

государя Александра Павловича, послѣ тринадцати дневной желчной и потомъ обратившейся въ нервическую горячку.

«Никому столь не было извѣстно, любезный другъ, какъ вамъ, преданность, привязанность и даже, смѣю сказать, дружество мое съ нимъ; легко можете себѣ представить, въ какомъ положеніи я нахожусь. Увѣренъ, что и вы равномѣрно печаль сію чувствуете въ той же силѣ, бывъ столько ему преданы. Во все время болѣзни государевой я не покидалъ его, ухаживалъ за нимъ, оказывая всѣ пособія, какія только были нужны, и, къ несчастію моему, всѣ мои труды были тщетны. Всевышнему Творцу угодно было ниспослать на насъ гнѣвъ свой, лишивъ насъ столь драгоцѣннаго монарха. Однимъ утѣшеніемъ остается мнѣ то, что я еще при концѣ его могъ оказать ему послѣдній долгъ.

«Теперь, бывъ здѣсь совершенно одинъ, въ ужасной горести занимаюсь учрежденіемъ печальной церемоніи. За двѣ тысячи верстъ отъ столицы, въ углу имперіи, безъ малѣйшихъ способовъ и съ большою трудностію доставать самыя необходимыя вещи, по сему случаю нужныя, за всякой бездѣлицею принужденъ посылать во всѣ стороны курьеровъ, распоряжать всѣмъ и не только толковать, но даже самому рисовать разные планы и фигуры, потребныя для церемоніи, и признаюсь что, ежели бы меня здѣсь не было, не знаю, какъ бы сіе пошло, ибо всѣ прочіе потеряли совершенно голову. Императрица во все время болѣзни также не покидала государя и за нимъ ухаживала, при кончинѣ оказала удивительную твердость. Печаль свою, по слабому ея здоровью, переноситъ благодаря Бога хорошо; не знаю, что будетъ впослѣдствіи. Я такъ ослабѣлъ, бывъ тринадцать дней и ночей безъ пищи и безъ сна, что едва шатаюсь; имѣю сверхъ того на рукахъ императрицу и устроеніе церемоніи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія императора Константина Павловича, за коимъ послалъ уже нѣсколько курьеровъ, для дальнѣйшихъ распоряженій къ препровожденію тѣла покойнаго въ С.-Петербургъ. Не знаю, чѣмъ все кончится, и какая будетъ моя участь. Отдавъ долгъ прослуженіемъ тремъ царствованіямъ, можно, кажется, и удалиться, дабы, по крайней мѣрѣ, имѣть время заняться собственными дѣлами, кои весьма въ худомъ положеніи, ибо никогда не рѣшался и не хотѣлъ утруждать объ оныхъ покойнаго императора, онъ же самъ никогда не обращалъ на сіе вниманія, слѣдовательно, я остался безъ всего. Теперь не знаю еще, на что рѣшится императрица, которую оставить одну въ семъ положеніи нахожу что грѣшно, но быть удалену отъ своего семейства, при столь худыхъ обстоятельствахъ, также весьма затруднительно. Рѣшился положиться на Бога, который меня никогда не покидалъ, надѣюсь, и въ семъ несчастномъ положеніи не оставитъ. Я воображаю, въ какомъ унынія должна быть столица, особенно, государыня императрица Марія Ѳедоровна. Я боюсь за нее, такъ и за императрицу Елисавету Алексѣевну.

которая сколько ни крѣпится, но страдаетъ ужасно отъ удара ея постигшаго. Вотъ, любезный другъ, событіе несчастныхъ предчувствій, кои имѣлъ я предъ отъѣздомъ моимъ сюда, чувствуя и здѣсь ужаснѣйшую тоску и грусть непомѣрную, кои относилъ всегда насчетъ скуки и недостатка въ обществѣ, я никогда не входило въ голову, чтобы могло послѣдовать подобное бѣдствіе [1]).

«Проклятый змѣй и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею и гнуснѣйшимъ поступкомъ; ибо въ первый день болѣзни государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ змѣя, и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно, происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду-ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей губитъ Россію и погубитъ и государя, который узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно; вотъ предчувствіе мое и сбылось! Можетъ-ли сей извергъ имѣть смѣлость показываться еще на глаза въ свѣтѣ, и неужели совѣсть его не убьетъ, но хотя бы сіе и случилось, не воротить уже несчастія, постигшаго Россію и всѣхъ насъ, истинно преданныхъ государю» [2]).

Изъ отвѣта генералъ-адъютанта Закревскаго на это письмо можно видѣть, до какой степени онъ сочувствовалъ отзыву, высказанному княземъ Волконскимъ относительно подвиговъ графа Аракчеева.

«Слишкомъ жестоко убѣжденъ я вашимъ предчувствіемъ о пресмыкающемся змѣѣ, который успѣлъ отравить своимъ ядомъ и послѣднія минуты своего благодѣтеля, пишетъ Закревскій.—Припомните и мое о немъ мнѣніе; оно сбылось теперь разительно [3]). Не даромъ и я чувствовалъ всегда ужасную къ нему антипатію. Если-бъ вы знали, сколь несносно теперь его существованіе въ глазахъ соотечественниковъ? Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что единогласно почти его ненавидятъ и, какъ чудовища, пугаются. Онъ самъ теперь раскрылъ гнусный свой характеръ тѣмъ, что, когда постыдная исторія съ нимъ случилась, то

---

[1]) 14-го (26-го) августа 1825 года князь Волконскій писалъ А. А. Закревскому передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ: „Дай Богъ только, чтобы путешествіе сіе было въ пользу для здоровья ея величества. Признаюсь, не понимаю, какъ доктора могли избрать такое мѣсто, какъ бы въ Россіи другихъ мѣстъ лучше сего нѣтъ".

[2]) Сборникъ И. Р. И. О. т. 73-й. Бумаги графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Стр. 95: Письмо князя Волконскаго отъ 21-го ноября (7-го декабря) 1825 года.

[3]) Припомнимъ здѣсь, что А. А. Закревскій еще въ 1819 году утверждалъ, что „графъ Аракчеевъ—вреднѣйшій человѣкъ въ Россіи". Къ этой характеристикѣ Закревскій прибавилъ еще пророчество: „Мнѣ кажется, что Клейнмихель со временемъ будетъ еще хуже его". Сборникъ И. Р. И. О. томъ 78-й. Стр. 214.

онъ, забывъ совѣсть и долгъ отечеству, бросилъ все и удалился въ нору къ своимъ пресмыкающимся тварямъ, а теперь, когда лишился онъ своего благодѣтеля, имѣлъ столько духу, что выползъ изъ западни и принялся по-прежнему за дѣла. Послѣ столь гнуснаго поступка, не трудно угадать, какія низкія чувства у сего выродка ехидны» [1]).

Приговоръ жестокій, но, нужно признать, справедливый! Дѣйствительно, графъ Аракчеевъ, увѣрявшій императора Александра, что онъ, по тяжкому разстройству здоровья, никакого соображенія не можетъ сдѣлать по дѣламъ, ему ввѣреннымъ, и думаетъ только объ одномъ—пожить въ уединеніи, ближе къ Фотію!! вдругъ, по принесеніи присяги императору Константину, чудеснымъ образомъ освобождается отъ недуговъ и 30-го ноября (12-го декабря) 1825 года доноситъ новому государю: «Получа облегченіе отъ болѣзни, я вступилъ въ командованіе отдѣльнымъ корпусомъ военныхъ поселеній» [2]).

Несмотря на болѣзненную слабость, императрица Елисавета Алексѣевна среди поразившаго ее безутѣшнаго горя вспомнила о Лагарпѣ и почтила бывшаго воспитателя императора Александра слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ:

«Изъ всѣхъ раздѣлявшихъ со мною глубокую скорбь, воспоминаніе о васъ въ эту жестокую минуту—для меня самое драгоцѣнное. Мнѣ отрадно было бы оплакивать вмѣстѣ съ вами обожаемаго человѣка, коего прекрасная душа вамъ была извѣстна; вы слѣдили за его развитіемъ, вы способствовали оному, онъ вамъ обязанъ былъ частью тѣхъ превосходныхъ и рѣдкихъ на его мѣстѣ качествъ, которыя дѣлали его предметомъ любви и восхищенія его народа и иностранцевъ; никто поэтому лучше васъ не можетъ понять всей громадности моей утраты и говорить мнѣ тѣмъ языкомъ, котораго болѣе всего жаждетъ мое сердце. Вы знаете, что онъ любилъ сознавать, чѣмъ онъ вамъ былъ обязанъ, и я нахожу утѣшеніе въ повтореніи вамъ этого. Вы говорите, что остатокъ жизни вашей разстроенъ нашимъ несчастіемъ, и я этому вѣрю; но вспомните о непосредственномъ вліяніи, которое вы имѣли на его молодость, о благѣ, которое вы этимъ принесли ему и всему человѣчеству, и вы еще найдете утѣшеніе въ этомъ воспоминаніи.

«Что сказать вамъ о себѣ? Не имѣю надобности говорить вамъ, что я совершенно несчастлива, что я потеряла все на семъ свѣтѣ, гдѣ его любовь была для меня первѣйшимъ, неоцѣненнѣйшимъ изъ благъ. Бывъ

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. О. томъ 73-й. Стр. 184: Письмо А. А. Закревскаго отъ 10-го (22-го) декабря 1825 года изъ Гельсингфорса.

[2]) Н. И. Шенигъ въ своихъ запискахъ пишетъ: „Смерть дѣвки отняла у Аракчеева способность заниматься государственными дѣлами, а кончина Александра Павловича ему оную возвратила". Русскій Архивъ 1880 года. Книга 3-я. Стр. 323.

счастлива ѣхать съ нимъ въ тѣ дальнія страны, пребываніе въ коихъ онъ считалъ столь полезнымъ для моего здоровья, могла ли я предвидѣть, что онъ сдѣлается жертвою своей дѣятельности и своего рвенія для своей страны. Быстрые успѣхи южныхъ провинцій привязывали его и занимали; онъ слишкомъ утомился объѣзжая Крымъ, не принялъ надлежащихъ предосторожностей для своего здоровья въ этомъ климатѣ, опасномъ самою красотою своею, и вывезъ первые признаки той жестокой, быстрой болѣзни, которая отняла его у насъ. Онъ не довольно цѣнилъ свою жизнь, это единственный упрекъ, котораго онъ заслуживалъ (Il ne reconnaissait' pas assez le prix de sa vie, c'est le seul reproche qu'il méritait). Я считаю своимъ долгомъ сообщить всѣ эти подробности его старѣйшему другу и нахожу утѣшеніе, говоря съ вами о немъ. Вмѣстѣ съ вами я сожалѣю о раздѣляющемъ насъ разстояніи, тогда какъ мы обоюдно желаемъ сообщить другъ другу искреннюю, глубокую скорбь, которая тяготитъ надъ нами и которая не прекратится до конца дней нашихъ» [1]).

Н. Шильдеръ.

[1]) Государственный Архивъ. Разрядъ V. № 190. Письмо это было напечатано въ Сборникѣ И. Р. И. О. Томъ V. Стр. 50.

Княжна Марія Кантемирова [1].

I.

Въ 1711 году, при самомъ началѣ Прутскаго похода, Молдавскій господарь Димитрій Кантемиръ отдалъ себя подъ верховное главенство Русскаго царя, а когда военныя дѣйствія приняли неблагопріятный для русскихъ оборотъ, онъ принужденъ былъ покинуть свою родину и навсегда поселился въ Россіи.

«Оный господарь человѣкъ зѣло разумный и въ совѣтѣхъ способный» — записано о Димитріи Кантемирѣ въ походномъ журналѣ Петра I

---

[1]) Главными источниками при составленіи этой статьи служили намъ слѣдующіе:

1) письма княжны Маріи къ ея брату, князю Антіоху Кантемиру, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи; подлинники этихъ писемъ писаны на новогреческомъ и италіанскомъ языкахъ; мы пользовались русскимъ рукописнымъ ихъ переводомъ, доставленнымъ намъ И. И. Шимкомъ, который на основаніи тѣхъ же писемъ и другихъ документовъ о родѣ Кантемировъ, сохраняемыхъ въ томъ же архивѣ, составилъ весьма любопытную книгу: „Новыя данныя къ біографіи князя А. Д. Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ“ (С.-Петербургъ. 1891);

2) письма князя Димитрія Кантемира къ императрицѣ Екатеринѣ I и нѣкоторые другіе не изданные документы, хранящіеся въ Государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ и сообщенные намъ въ копіяхъ профессоромъ Варшавскаго университета В. Н. Александренкомъ;

3) дневникъ Ивана Юрьевича Ильинскаго, секретаря князя Димитрія Кантемира, за 1721—1725 годы, списанный нами съ подлинника, который хранится въ библіотекѣ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ;

4) Исторія о жизни и дѣяніяхъ Молдавскаго господаря князя Констан-

за 1711 годъ, вскорѣ послѣ первой встрѣчи царя съ княземъ. «Человѣкъ очень ловкій, умный и пронырливый», замѣчаетъ о бывшемъ господарѣ французскій посланникъ при русскомъ дворѣ де-Кампредонъ въ 1722 году [2]). Вообще, всѣ свидѣтельства современниковъ говорятъ о блестящихъ природныхъ способностяхъ князя Димитрія, о проницательности его ума и привлекательности его обращенія; всѣ единогласно называютъ его человѣкомъ въ высокой степени просвѣщеннымъ. Въ пестромъ составѣ Петровскаго двора онъ являлся личностью совершенно особенною, и это зависѣло преимущественно отъ характера его образованія.

Румынъ по происхожденію, не забывавшій своей національности, даже писавшій книги на румынскомъ языкѣ, князь Димитрій былъ однако грекомъ по образованію; хотя онъ зналъ по латыни и по италіански, однако учился онъ не въ западныхъ школахъ, а въ Константинополѣ, въ существовавшемъ тамъ греческомъ училищѣ, гдѣ еще сохранялись кое-какія школьныя преданія старой Византіи, искусно соединявшія наставленіе въ истинахъ православной вѣры съ изученіемъ классическихъ писателей языческой Греціи. Объ этой школѣ, первомъ источникѣ своего образованія, Кантемиръ хранилъ благодарное воспоминаніе. Въ своей «Исторіи Османскаго государства» онъ разсказываетъ, что въ части Константинополя, называемой Фанаръ, «существуетъ академія для обученія юношества, основанная грекомъ Манолаки, который этимъ благороднымъ учрежденіемъ возвысилъ ничтожество своего происхожденія. Въ этой академіи преподаютъ на чистомъ и древнемъ греческомъ языкѣ всѣ отрасли философіи, а также многія другія науки». Кантемиръ поименовываетъ «знаменитыхъ своимъ благочестіемъ и своими знаніями мужей», состоявшихъ въ его время преподавателями въ Константинопольской школѣ, и въ числѣ ихъ называетъ «отличнаго грамматика Іакомія» (Іакова), который былъ его наставникомъ въ философіи. Разсказъ свой Кантемиръ заключаетъ слѣдующими

тина Кантемира, сочиненная профессоромъ Бееромъ, съ россійскимъ переводомъ и съ приложеніемъ родословія князей Кантемировъ. М. 1783 (переводъ и приложенія—трудъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, изданіе Н. И. Новикова);

5) Дневникъ каммеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи съ 1721 по 1725 годъ. Переводъ И. Аммона. 4 части. М. 1857—1860.

Прочіе источники нами указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Считаемъ долгомъ выразить И. И. Шимку и В. Н. Александренку нашу глубокую признательность за ихъ любопытныя сообщенія.

Въ заглавіи статьи фамилія княжны Маріи означена нами въ томъ видѣ, въ какомъ она сама ее подписывала.

[1]) Походный журналъ 1711 года, стр. 49; Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. XLIX, стр. 114.

характерными словами: «Прошу читателя не смотрѣть на новую Грецію, подобно большинству христіанъ, съ видомъ презрѣнія; она далеко не служитъ пріютомъ варварству, и позволительно сказать, что въ сей послѣдній вѣкъ она произвела геніевъ, которыхъ можно сравнить съ мудрецами древнихъ временъ» [1]).

Преклоняясь предъ этими представителями греческой образованности и вращаясь въ ихъ средѣ, Кантемиръ усвоилъ себѣ то гордое самосознаніе, которое не покидало грековъ и подъ турецкимъ игомъ. Подобно древнимъ еллинамъ, презиравшимъ варваровъ, новые греки даже въ періодъ своего порабощенія смотрѣли на турокъ свысока, благодаря тому, что успѣли сохранить за собою религіозную самостоятельность, а вѣрность православію, отъ котораго они не отдѣляли своей національности, поддерживала въ нихъ и стремленіе къ независимости политической. Родившійся въ 1663 году, Кантемиръ былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда предпріятія московскаго правительства противъ Турціи и ея данника Крымскаго хана возбудили надежды на лучшую будущность среди христіанъ Балканскаго полуострова. Въ 1687 году Валашскій господарь Сербанъ Кантакузинъ сталъ помышлять объ изгнаніи турокъ изъ Цареграда, и, какъ потомокъ Византійскихъ императоровъ, мечталъ самъ занять ихъ возстановленный престолъ. Женатый на дочери Сербана, Димитрій Кантемиръ не могъ не сочувствовать этимъ стремленіямъ. Но вскорѣ ихъ надежды должны были рушиться. Кантемиръ однако не измѣнилъ этимъ мечтамъ объ освобожденіи, и двадцать-четыре года спустя, когда Петръ объявилъ войну Турціи, Димитрій, въ то время уже бывшій господаремъ Молдавіи, не усумнился открыто принять его сторону. Новая неудача—на берегахъ Прута—все-таки не охладила Кантемира, и проживая въ Россіи, онъ продолжалъ заявлять свои чаянія: въ 1714 году, впервые пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ сочинилъ привѣтственное слово царю, въ которомъ выражалъ надежду, что при Петровой помощи турецкіе христіане снова воспримутъ прежнюю свободу [2]). Въ томъ же словѣ Кантемиръ величалъ Петра «благочестивѣйшимъ изъ императоровъ». Позволяя себѣ этотъ намекъ, князь Димитрій какъ бы выражалъ желаніе видѣть въ Русскомъ государѣ дѣйствительнаго преемника византійскихъ самодержцевъ. Но практическій умъ Пе-

---

[1]) Histoire de l'empire Ottoman, par Demetrius Cantemir, prince de Moldavie. Traduite par m. de Joncquières. Paris. MDCCXLIII. T. I, pp. 114 et 115.

[2]) Слово это было произнесено малолѣтнимъ сыномъ князя Димитрія, Сербаномъ, 14-го марта на греческомъ языкѣ и тогда же напечатано въ переводѣ на русскій и латинскій.

тра трудно было соблазнить подобными мечтаніями: когда, въ 1721 году, сенатъ и синодъ просили царя принять императорскій титулъ, онъ позаботился, въ отвѣтной рѣчи, устранить всякое сопоставленіе юной Россіи съ ветхою «монархіей Греческою» и высказалъ желаніе, чтобы съ первою не сталось того же, что произошло съ послѣднею. Тѣмъ не менѣе, Петръ не измѣнилъ своего расположенія къ тому, кто первый рѣшился указать ему на титулъ императора, какъ на справедливое увѣнчаніе его заслугъ передъ отечествомъ, и Димитрій Кантемиръ до самой смерти своей въ 1723 году оставался въ числѣ довѣренныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ преобразователя.

Въ старинной исторіи о родѣ Кантемировъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ извѣстій о частномъ бытѣ бывшаго господаря: «Князь Димитрій былъ средняго росту, болѣе сухъ, нежели толстъ. Видъ имѣлъ пріятный и рѣчь тихую, ласковую и разумную. Вставалъ онъ обыкновенно въ пять часовъ по утру и, выкуривъ трубку табаку, пилъ кофе по турецкому обыкновенію; напослѣдокъ въ кабинетѣ своемъ упражнялся въ наукахъ до полудни; сіе было часомъ его обѣда. Въ столѣ любимое его кушанье — цыплята, изготовленные съ щавелемъ. Онъ не пилъ никогда цѣльнаго вина съ тѣхъ поръ, какъ случилось ему быть больну двѣ недѣли отъ излишества онаго: сей случай вселилъ въ него омерзѣніе къ питію. Онъ имѣлъ привычку нѣсколько спать послѣ обѣда, потомъ возвращался паки къ ученію до семи часовъ. Тогда онъ входилъ въ домашнія свои дѣла и надзиралъ надъ своимъ семействомъ. Онъ ужиналъ съ онымъ въ десять часовъ и ложился въ полночь. Въ послѣдованіи, будучи сдѣланъ членомъ сената, находилъ себя обязаннымъ перемѣнить образъ жизни...»

Такимъ образомъ, и по складу своего образованія, и по настроенію, и по интересамъ своего ума, и даже по своимъ привычкамъ онъ мало походилъ на своихъ русскихъ современниковъ, среди которыхъ ему пришлось кончать свой вѣкъ. Естественно, что такія особенности его личности должны были отразиться и на его дѣтяхъ, по крайней мѣрѣ на тѣхъ изъ нихъ, которые унаслѣдовали отъ отца его даровитость.

Въ 1711 году, въ то время, когда князь Димитрій оставилъ Молдавію, его семья состояла изъ жены Кассандры, двухъ дочерей Маріи и Смарагды и четырехъ сыновей Матвѣя, Константина, Сергѣя (Сербана) и Антіоха. Дѣти были всѣ малолѣтнія и почти погодки.

Старшая изъ своего поколѣнія, княжна Марія родилась въ Яссахъ 29-го апрѣля 1700 года; еще грудным ребенкомъ она была привезена въ Константинополь, гдѣ и оставалась при родителяхъ около десяти лѣтъ, до назначенія отца ея Молдавскимъ господаремъ. Въ концѣ 1710 года Кантеміръ съ семействомъ пріѣхалъ въ Яссы, а 24-го іюня

1711 года княжнѣ Маріи пришлось впервые увидѣть Петра и Екатерину, при въѣздѣ ихъ въ молдавскую столицу, когда господарь со своею семьей вышелъ имъ на встрѣчу. Вскорѣ послѣ того военныя дѣйствія побудили князя Димитрія, изъ предосторожности, отправить жену и дѣтей въ русскіе предѣлы, и съ тѣхъ поръ княжна Марія уже не покидала своего новаго отечества.

На первое время Кантемиръ съ семьей водворился въ Харьковѣ. Въ 1712 году ему пожалованы были большія имѣнія въ Курскомъ, Сѣвскомъ и Московскомъ уѣздахъ и дворъ въ самой Москвѣ. Сюда-то и переселилось все семейство въ 1713 году. Подмосковное село, данное Кантемиру, Черная Грязь, находилось на Петербургской дорогѣ и прежде принадлежало любимцу царевны Софіи князю В. В. Голицину. Здѣсь былъ домъ, очевидно, въ старинномъ русскомъ вкусѣ—деревянный, въ одинъ этажъ, съ отлогими крышами въ два ската, съ переходами вокругъ всего зданія и со многими башенками, со всѣхъ сторонъ открытыми и обтянутыми только парусиной. Комнаты, кромѣ одной, были мелки и низки, съ небольшими окошками; повыше другихъ была спальня князя, помѣщавшаяся въ одной изъ башенъ; домъ былъ пестро раскрашенъ и стоялъ на возвышенности, откуда открывался красивый видъ [1]). Проживая въ Москвѣ, князь Димитрій любилъ сюда ѣздить не только лѣтомъ, но и зимою.

Среди всѣхъ своихъ приключеній и странствованій Кантемиръ не покидалъ заботы о тщательномъ воспитаніи и образованіи дѣтей, и его жена была ему дѣятельною помощницей въ этомъ дѣлѣ. По извѣстію исторіи о родѣ Кантемировъ, княгиня Кассандра «одарена была всѣми хорошими своего пола качествами. Изящная красота была меньшимъ изъ ея совершенствъ въ сравненіи рѣдкаго ея благоразумія и великаго понятія. Она любила чтеніе, не оставляя старанія о своей фамиліи и должнаго воспитанію своихъ дѣтей вниманія». По вліянію матери-гречанки дѣти усвоили себѣ греческій языкъ какъ домашній разговорный, и на томъ же языкѣ велось ихъ обученіе. Еще въ бытность Кантемировъ въ Константинополѣ, среди тамошнихъ грековъ пріисканъ былъ для княженъ и княжичей учитель, который затѣмъ надолго связалъ свою судьбу съ этою семьею.

Анастасій Кондонди былъ священникъ и въ то же время состоялъ тайнымъ агентомъ у русскаго резидента при Портѣ, Петра Андреевича

---

[1]) Это описаніе Кантемирова дома заимствовано изъ дневника Берхгольца, но онъ, очевидно по недоразумѣнію, называетъ его построеннымъ „на китайскій манеръ“.

Толстого. По всѣмъ вѣроятіямъ, при посредствѣ Кондоиди завязались первыя сношенія между русскимъ дипломатомъ и Димитріемъ Кантемиромъ еще до назначенія послѣдняго господаремъ въ Молдавію. Въ 1709 году, во время похода Карла XII на Украйну, дѣятельность Кондоиди въ Цареградѣ возбудила подозрѣнія турецкаго правительства, и онъ принужденъ былъ бѣжать оттуда: его вывезли изъ города на подводѣ обвязаннаго какъ товарный тюкъ, «ибо,—разсказывалъ онъ впослѣдствіи,—султанской о поимкѣ меня жестокой былъ указъ». Затѣмъ Анастасій оказался въ Яссахъ, опять при семьѣ Кантемировъ, и въ 1711 году послѣдовалъ за нею въ Россію. Есть основанія думать, что онъ не отличался безкорыстіемъ; не подлежитъ сомнѣнію, что онъ обладалъ большимъ умомъ и хорошимъ образованіемъ. Онъ учился не только въ національной школѣ, но и въ Италіи: греки того времени, подобно южно-руссамъ, нерѣдко уходили на западъ искать высшихъ наукъ въ католическихъ училищахъ. Кондоиди не утратилъ при этомъ чистоты своего православія, по крайней мѣрѣ не былъ въ томъ заподозрѣнъ по возвращеніи на родину. Одинъ врачъ изъ грековъ, знавшій Анастасія въ Россіи въ 1720-хъ годахъ, когда онъ принялъ уже монашество съ именемъ Аѳанасія, оставилъ пышную характеристику его способностей и познаній. «Не умолчу, – говоритъ этотъ современникъ,—о красѣ нашей Греціи, знаменитѣйшемъ архимандритѣ Аѳанасіи Кондоиди, мужѣ глубоко ученомъ, съ коимъ могутъ быть сравниваемы не многіе еллинисты, и достойнѣйшемъ—пока хоть сколько-нибудь цѣниться будетъ ученость. Оставляя въ сторонѣ его превосходныя умственныя способности, получившія развитіе въ италійскихъ ликеяхъ, замѣчу лишь, что Кондоиди, какъ только освободился изъ-подъ школьной ферулы и вышелъ изъ академической жизни, сталъ находить знанія высшимъ благомъ и должность преподаванія священною. Онъ такъ прекрасно исполнялъ апостольскую обязанность наставника и проповѣдника въ сладкой области обѣихъ философій, что еще въ юныхъ лѣтахъ распространилъ въ Греціи славу своего имени. Всюду находилъ онъ себѣ отечество, ибо всюду приносилъ съ собою отеческія доблести; сдѣлался усладою патріарховъ и предстоятелей Восточной церкви; а потому удостоенъ былъ тѣмъ, что господарь Молдавіи Димитрій Кантемиръ (коего возлюбили добрыя музы, почитали мудрые люди и уважали великіе государи) принялъ его къ себѣ на самыхъ выгодныхъ по времени условіяхъ, главнымъ образомъ для воспитанія своихъ дѣтей». Менѣе цвѣтистый отзывъ о Кондоиди находимъ мы у другого его современника, члена Петербургской Академіи наукъ Коля, который, какъ нѣмецъ и лютеранинъ, менѣе, чѣмъ первый свидѣтель грекъ, имѣлъ поводовъ къ пристрастію. Коль называетъ Кондоиди «своимъ другомъ и покровителемъ, достойнымъ всякаго уваженія и почета по

своей добродѣтели, уму, познаніямъ и обходительности» [1]). Очевидно, выборъ наставника, сдѣланный Кантемиромъ, былъ очень удаченъ.

Само собою разумѣется, что въ основу своего преподаванія Кондоиди положилъ обстоятельное ознакомленіе ученицы съ истинами православной вѣры. Кромѣ того, онъ обучалъ княжну Марію языкамъ древне-греческому, латинскому и италіанскому, и она познакомилась съ ними на столько, что могла свободно читать на нихъ, а по италіански даже переписывалась иногда съ братомъ Антіохомъ, жалѣя при томъ, что лишена устной практики въ этомъ языкѣ. Пользу подобныхъ знаній она вполнѣ цѣнила; впослѣдствіи она жалѣла, что не разумѣетъ по французски и по нѣмецки, и уже взрослая, выражала надежду выучиться по англійски. За изученіемъ языковъ естественно слѣдовало преподаваніе словесныхъ наукъ. Кондоиди былъ по преимуществу риторъ и краснословъ; благодаря ему литературныя упражненія и забавы нашли себѣ пріютъ въ домѣ Кантемировъ: княжна съ удовольствіемъ вспоминала, какъ однажды, въ дни ея юности, Кондоиди произнесъ похвальное слово надъ околѣвшею любимою собакой ея отца, а русскій ея учитель перевелъ это слово на русскій языкъ. Искусствомъ письменнаго изложенія княжна Марія овладѣла вполнѣ. Сохранилось много ея писемъ къ брату Антіоху, писанныхъ частью по новогречески, частью по-италіански; они отличаются замѣчательною толковостью и стройностью своего склада; княжна легко умѣла находить мѣткое выраженіе, обстоятельно описать какое-нибудь происшествіе, отчетливо передать чужую рѣчь или слышанный разговоръ, кстати привести текстъ изъ Священнаго Писанія или народную пословицу. Кромѣ словесныхъ наукъ, ей не чужды были знанія математическія; она умѣла рисовать и, какъ можно догадываться, занималась также музыкой.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, кругъ образованія княжны Маріи; онъ пополнялся еще изученіемъ русскаго языка и обширнымъ чтеніемъ.

Въ первые годы своего пребыванія въ Россіи бывшій господарь взялъ къ себѣ въ домъ питомца московскихъ славяно-латинскихъ школъ Ивана Ильинскаго. Коренной великоруссъ, ярославскій уроженецъ, онъ былъ въ Заиконоспасскомъ училищѣ на самомъ лучшемъ счету, такъ что въ 1716 году предполагалось даже отправить его за границу для

---

[1]) Свѣдѣнія о Кондоиди см. въ сочиненіи И. А. Чистовича о Θеофанѣ Прокоповичѣ, въ письмѣ М. Схенда Фандербека подъ заглавіемъ «Praesens Russiae litterariae status» (въ Acta physico-medica Academiae Caesareae Leopoldino-Carolinae, 1727), и въ V. P. Kohlii, Introductio in historiam literariam Slavorum. Altonaviae. 1729, p. 26.

продолженія образованія, «однакожь князь его не отпустилъ и сказалъ, что царское величество приказалъ ему держать при себѣ». Ильинскій хорошо зналъ по латыни, отчасти по гречески, а въ русской и славянской грамотѣ считался отличнымъ знатокомъ, то-есть, твердо изучилъ грамматику и искусно владѣлъ письменною рѣчью. У князя Димитрія этотъ человѣкъ, котораго современники называютъ честнымъ, разумнымъ, праводушнымъ и обходительнымъ, пришелся какъ разъ ко двору, выучился по румынски, служилъ князю секретаремъ по его внутреннимъ сношеніямъ, а дѣтей его обучалъ русскому языку [1]). Младшій сынъ господаря, будущій сатирикъ, узналъ отъ него правила русской грамматики, слогъ русской прозы и начала русскаго стихосложенія. Познанія, пріобрѣтенныя отъ Ильинскаго княжною Маріей, едва ли простирались столь далеко, но все же она владѣла русскимъ языкомъ вполнѣ свободно; пословицы, которыя она приводитъ въ письмахъ къ брату,—наши русскія; сохранились очень грамотныя русскія письма ея къ Бирону и другимъ лицамъ.

Чтеніе княжна Марія очень любила и знала въ немъ толкъ; читала она самыя серьезныя книги—отъ Священнаго Писанія, житій святыхъ до сочиненій историческаго и вообще научнаго содержанія, но не пренебрегала также произведеніями изящной словесности древней и новой; что̀ недостаточно понимала сразу, то не лѣнилась перечесть вновь обдумывала прочитанное и даже рѣшалась высказывать о томъ свое мнѣніе. Вообще, отъ своего образованія даровитая и умная княжна взяла все что̀ могла въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Воспитанная въ строгой набожности, она сохранила чистоту и горячность своего религіознаго чувства, но никогда не впадала въ ханжество; поддерживая въ себѣ умственные интересы, она не только постоянно расширяла запасъ своихъ знаній, но нашла въ этой умственной пищѣ противовѣсъ свѣтскимъ забавамъ, который далъ ей возможность возвыситься надъ обыденною житейскою суетой и пошлостью. Съ годами, какъ увидимъ далѣе, у княжны Маріи выработалась своего рода практическая философія, служившая ей ободряющимъ руководствомъ на жизненномъ пути.

Княгинѣ Кассандрѣ не суждено было возростить своихъ дѣтей и довершить ихъ воспитаніе: жизнь вдали отъ родины стала ей въ тягость и разстроила ея здоровье; княгиня умерла въ Москвѣ на 32-мъ году отъ рожденія 11-го мая 1713 года. Съ тѣхъ поръ заботы о семьѣ пали исключительно на отца, и онъ не жалѣлъ на нихъ времени; тѣмъ не

[1]) Объ Ильинскомъ см. Пекарскаго — Наука и литература при Петрѣ, т. I, стр. 233 и 236; Матеріалы для исторіи Императорской Академіи наукъ (записка Г.-Ф. Миллера), т. VI, стр. 103; Сочиненія Тредьяковскаго, т. I, стр. 777 (изданіе Смирдина).

менѣе, обстоятельства мало по малу стали отвлекать его отъ тѣснаго домашняго круга. Въ концѣ 1717 года пріѣхалъ въ Москву царь Петръ съ Екатериной и прожилъ здѣсь два съ половиной мѣсяца. Въ эту пору производились усиленные розыски по дѣлу царевича Алексѣя, и 3-го февраля 1718 года послѣдовало въ Успенскомъ соборѣ отрѣченіе его отъ наслѣдства въ пользу двухлѣтняго царевича Петра Петровича. Единственно къ этому періоду времени, одному изъ самыхъ тяжелыхъ въ жизни царя, когда его чувства отца и государя подвергались самому жестокому испытанію, можетъ быть пріурочено одно историческое показаніе, относящееся до Димитрія Кантемира. Старинный біографъ его свидѣтельствуетъ, что въ бытность царя въ Москвѣ князь Димитрій «имѣлъ честь часто бывать съ нимъ вмѣстѣ и отъ него получать нерѣдкія посѣщенія» [1]). Что́ было предметомъ тогдашнихъ бесѣдъ князя съ царемъ — остается неизвѣстнымъ, но кажется несомнѣннымъ, что онѣ должны были содѣйствовать ихъ сближенію: въ записи брауншвейгскаго резидента Вебера, относящейся къ январю 1719 года, мы уже встрѣчаемъ замѣтку, что «у его царскаго величества бывшій господарь находится въ великомъ почетѣ» [2]). По окончаніи тяжкаго семейнаго дѣла Петру, на смѣну прежнихъ сотрудниковъ, частью умершихъ, частью же утратившихъ его довѣріе, понадобились новые помощники для управленія государствомъ. Въ число ихъ царь намѣтилъ Кантемира и сталъ звать его съ семьей въ свой «парадизъ» на берегу Балтійскаго моря.

Князю Димитрію, повидимому, не улыбалось такое переселеніе; но рѣшительно ослушаться грознаго царя было опасно. Чтобъ хоть на нѣкоторое время замедлить свой переѣздъ въ Петербургъ, онъ обратился къ посредничеству Екатерины и письмомъ отъ 19-го марта 1719 года просилъ ее ходатайствовать предъ государемъ о дозволеніи ему остаться въ Москвѣ въ виду тяжкой болѣзни его младшей дочери княжны Смарагды, а также въ виду затрудненія отправить въ Петербургъ хозяйственные запасы по послѣднему зимнему пути; если же царю не угодно будетъ согласиться на эту милость, то Кантемиръ просилъ, чтобъ ему было по крайней мѣрѣ позволено прибыть въ Петербургъ одному, оставивъ семейство въ Москвѣ. Рѣшеніе царя послѣдовало въ этомъ именно смыслѣ. Но когда Кантемиръ явился въ Петербургъ, здѣсь случилось про-

[1]) Время означенныхъ свиданій Кантемира съ царемъ опредѣляется точнымъ указаніемъ „Исторіи о родѣ Кантемировъ“ на мѣсто, гдѣ они происходили, то-есть, на Москву. По возвращеніи изъ-за границы Петръ впервые отправился туда 15-го декабря 1717 года, а прибылъ обратно въ Петербургъ 23-го марта 1718 года; затѣмъ онъ не ѣздилъ въ Москву до конца 1721 года, когда Кантемиръ уже прочно основался въ Петербургѣ.

[2]) Das veränderte Russland. Frankfurt. 1744. I-er Th., S. 334.

исшествіе, внезапно измѣнившее теченіе его жизни: пятидесятисемилѣтній князь влюбился въ одну изъ первыхъ придворныхъ красавицъ, княжну Анастасію Ивановну Трубецкую. Это была младшая дочь князя Ивана Юрьевича, генерала, взятаго въ плѣнъ подъ Нарвою и прожившаго восемнадцать лѣтъ въ Швеціи. Когда онъ съ семействомъ возвратился изъ плѣна, оказалось, что его дочери, въ дѣтствѣ увезенныя за границу и тамъ получившія воспитаніе, очень выдѣлялись имъ отъ своихъ русскихъ сверстницъ даже изъ высшей знати. Восхищенный красотой и образованіемъ двадцатилѣтней княжны, Кантемиръ рѣшился къ ней посвататься и безъ затрудненія получилъ согласіе на бракъ съ нею какъ со стороны ея родителей, такъ и отъ царя. Въ исходѣ 1719 года князь Димитрій окончательно водворился въ Петербургѣ, а 14-го января 1720 года состоялась его свадьба въ присутствіи царя, царицы, царевенъ и множества гостей. Свадебныя торжества продолжались три дня. По всему вѣроятію, княжна Марія въ нихъ не участвовала; по крайней мѣрѣ, лѣтомъ того же года мы видимъ ее еще въ Москвѣ, гдѣ она ухаживала за умирающею младшею сестрой и присутствовала при ея кончинѣ 4-го іюля. Получивъ о томъ извѣстіе, князь также отправился, съ разрѣшенія царя, въ Москву, но черезъ нѣсколько времени, ничѣмъ болѣе не привязанный къ старой столицѣ, возвратился въ Петербургъ; на этотъ разъ вмѣстѣ съ отцомъ пріѣхала сюда и княжна Марія.

Вторичная женитьба Димитрія Кантемира произвела полный переворотъ въ быту его семейства. Пока оно оставалось въ Москвѣ, оно могло держаться вдали отъ двора и жить въ степенной замкнутости. Окруженное многочисленною челядью преимущественно изъ румыновъ, оно еще сохраняло патріархальные обычаи своей родины, между тѣмъ какъ образованные домочадцы изъ грековъ, въ родѣ учителя Кондоиди или врача Поликалы, всего же болѣе самъ князь поддерживали въ молодомъ поколѣніи умственные интересы; только благодаря этой строгой, но спокойной обстановкѣ князь Димитрій могъ свободно предаваться ученолитературнымъ трудамъ [1]), а княжна Марія успѣла пріобрѣсти рѣдкое по тому времени образованіе. Но послѣ второго брака Кантемира все это измѣнилось. Мы не знаемъ, какъ на первое время дѣти княгини Кассандры отнеслись къ мачихѣ, которая была ровесницей старшей изъ своихъ падчерицъ; но, судя по позднѣйшимъ обстоятельствамъ, близкихъ отношеній между ними не установилось,—по крайней мѣрѣ впослѣдствіи ихъ не было. Какъ бы то ни было, въ Петербургѣ ради молодой жены князю Димитрію приходилось вести совсѣмъ не тотъ образъ жизни, чтò въ Москвѣ, и разумѣется, къ тѣмъ же порядкамъ

[1]) Въ первые именно годы своего пребыванія въ Россіи Димитрій Кантемиръ написалъ самыя крупныя изъ своихъ сочиненій, между прочимъ „Исторію Османскаго государства“.

должна была примѣняться жившая при отцѣ княжна Марія. Давая бывшему господарю пріютъ въ Россіи, Петръ не запрещалъ ему носить его національную одежду; когда же Кантемиръ посватался за Трубецкую, нарѣченный тесть проснлъ его обрить бороду; князь Димитрій сдѣлалъ больше—вѣнчался «въ нѣмецкомъ платьѣ»; это такъ понравилось царю, что о томъ было отмѣчено даже въ его походномъ журналѣ при упоминаніи о Кантемировой свадьбѣ; годъ спустя, въ январѣ 1721 года, Петръ проявилъ свое расположеніе къ Кантемиру, назначивъ его сенаторомъ: конечно, онъ не потерпѣлъ бы важнаго должностнаго лица въ какомъ-то особомъ странномъ нарядѣ. Естественно, что съ переѣздомъ въ Петербургъ и княжна Марія, по примѣру отца, должна была оставить восточную одежду и облечься въ робронъ и фижмы. Чтобы пріучить своихъ подданныхъ къ увеселеніямъ на иностранный ладъ; Петръ заводилъ ассамблеи, машкерады и буерныя катанія и требовалъ, чтобы всѣ званые неукоснно являлись веселиться по его приказу. Какъ видно изъ современныхъ извѣстій, Кантемиръ съ женой и дочерью постоянно участвовали въ этихъ собраніяхъ, и въ свою очередь нерѣдко должны были принимать гостей у себя.

Особенно обильны были всякими празднествами осень и зима 1721—1722 годовъ. 30-го августа въ Ништатѣ былъ подписанъ мирный договоръ, которымъ заканчивалась слишкомъ двадцатилѣтняя борьба между Россіей и Швеціей. Цѣль, поставленная Петромъ при ея началѣ, была вполнѣ достигнута. Россія прочно утвердилась на берегахъ Балтійскаго моря и, получивъ первенствующее значеніе на сѣверѣ, пріобрѣла вѣсъ въ общеевропейской политикѣ. Внутреннее переустройство государства. при всѣхъ своихъ недостаткахъ, успѣшно выдержало пробу, и Петръ по праву могъ гордиться результатами своего дѣла. Въ такомъ сознаніи онъ рѣшился дать себѣ нѣсколько недѣль отдыха и ознаменовать ихъ блестящими торжествами. Праздники начались съ 4-го сентября благодарственнымъ молебствіемъ и всенароднымъ объявленіемъ о заключеніи мира. Затѣмъ они приняли тотъ своеобразный характеръ, который царь любилъ давать подобнымъ торжествамъ. 10-го числа открылся потѣшный маскерадъ, продолжавшійся цѣлую недѣлю. Въ этотъ день происходила свадьба князь-папы съ вдовою его предмѣстника въ этомъ званіи; князь-папою былъ тогда Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, а женили его на Аннѣ Еремѣевнѣ Зотовой; старуха цѣлый годъ не соглашалась на второй бракъ, но теперь должна была повиноваться волѣ царя. «Князь-папу женили со многою церемоніею», записываетъ въ своемъ дневникѣ Кантемировъ секретарь Ильинскій. «Свадьба была курьезная», разсказываетъ въ свою очередь другой очевидецъ, В. А. Нащокинъ;—«въ машкарацкомъ были платьѣ. Государь въ томъ машкарадѣ былъ въ черномъ бархатномъ матросскомъ платьѣ и голландская шляпа, а шелъ съ

барабаномъ, изволилъ бить бой барабанной. Въ такомъ же уборѣ и съ барабаномъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ шелъ. Во оной свадьбѣ выбраны были трое скороходовъ, весьма претолстые люди: Петръ Павловичъ Шафировъ, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Бутурлинъ, Иванъ Степановъ сынъ Собакинъ, офицеръ Семеновскаго полку. И все убранство было весьма странное: чрезъ рѣку шлюпки обвиты были зеленымъ хвощемъ; плотъ, сдѣланный изъ бочекъ и обвитой хвощемъ же, былъ буксированъ, на которомъ князь-папа ѣхалъ. А подклѣть молодыхъ былъ въ перемидѣ, сдѣланной на площади, что́ сдѣлана была для торжества счастливаго взятья четырехъ фрегатовъ (шведскихъ). На берегъ вышедъ ѣздили поѣзды цугами на медвѣдяхъ, на собакахъ, на свиньяхъ, и ѣздили по большимъ улицамъ, чтобъ могъ весь народъ видѣть и веселиться, смотря на курьезные уборы, и что на звѣряхъ и на скотѣ ѣздятъ, которые такъ обучены были, что весьма послушно въ запряжкѣ ходили». Третій очевидецъ, голштинскій каммеръ-юнкеръ Берхгольцъ, дополняетъ это описаніе еще новыми подробностями: «Погулявъ, при стеченіи тысячъ народа, часа два по площади и разсмотрѣвъ хорошенько другъ друга, всѣ маски въ томъ же порядкѣ отправились въ зданія сената и коллегій, гдѣ за множествомъ приготовленныхъ столовъ князь-папа долженъ былъ угощать ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая, лѣтъ шестидесяти, сидѣли за столомъ подъ прекрасными балдахинами, онъ—съ царемъ и господами кардиналами (потѣшной коллегіи), а она—съ дамами. Надъ головою князь-папы висѣлъ серебряный Бахусъ, сидящій верхомъ на бочкѣ съ водкой, которую тотъ цѣдилъ въ свой стаканъ и пилъ. Въ продолженіе всего обѣда человѣкъ, представлявшій на маскерадѣ Бахуса, сидѣлъ у стола также верхомъ на винной бочкѣ и страшно принуждалъ пить папу и кардиналовъ; онъ вливалъ вино въ какой-то боченокъ, при чемъ они постоянно должны были отвѣчать ему. Послѣ обѣда сначала танцовали; потомъ царь и царица, въ сопровожденіи множества масокъ, отвели молодыхъ къ брачному ложу. Женихъ въ особенности былъ невообразимо пьянъ. Брачная комната находилась въ широкой и большой деревянной пирамидѣ, стоящей передъ домомъ сената. Внутри ее нарочно освѣтили свѣчами, а ложе молодыхъ обложили хмелемъ и обставили кругомъ бочками, наполненными виномъ, пивомъ и водкой. Въ постели новобрачные, въ присутствіи царя, должны были еще разъ пить водку изъ особенныхъ курьезныхъ и довольно большихъ сосудовъ. Затѣмъ ихъ оставили однихъ....

Въ такомъ же родѣ продолжались увеселенія въ слѣдующіе ближайшіе дни и затѣмъ возобновлялись неоднократно въ теченіе октября мѣсяца. Въ дневникѣ Берхгольца они описаны съ наивною и достойною лучшаго примѣненія обстоятельностью; но послѣ приведенныхъ образ-

цовъ, нѣтъ уже надобности пересказывать всѣ тѣ сцены дикаго и нерѣдко циническаго разгула, свидѣтелемъ которыхъ, невсегда безучастнымъ, былъ голштинскій каммеръ-юнкеръ. Приведемъ только изъ дневника Ильинскаго нѣсколько относящихся къ этому времени замѣтокъ касательно Кантемира и его семейства. По указанію царя группы масокъ посѣщали дома знатныхъ людей, которые должны были угощать ихъ; Кантемиръ еще съ половины сентября сталъ готовиться къ такому наѣзду, но на этотъ разъ посѣщеніе не состоялось, такъ что его секретарь подъ 18-мъ сентября долженъ былъ записать: «Которое кушанье готовлено было про папскую компанію, онымъ кормили драгунъ, гребцовъ и хлопцовъ, а служили имъ сами князья». Послѣ полученія извѣстія о ратификаціи мирнаго договора маскерадная потѣха возобновилась; подъ 26-мъ числомъ въ памятной книжкѣ Ильинскаго сказано: «Царское величество и господа министры и весь машкарадный монастырь у насъ кушали». На сей разъ праздники продолжались до воскресенья 29-го октября; въ этотъ послѣдній день пиръ происходилъ въ зданіи сената, и разгулъ былъ такъ великъ, что, по словамъ Берхгольца, «очень немногимъ удалось къ утру добраться до дому не въ совершенномъ опьяненіи». Въ этомъ послѣднемъ собраніи маскерада ни княгиня Анастасія Ивановна, ни княжна Марія не участвовали, безъ сомнѣнія, измученныя прежними потѣхами; отъ нихъ тяжко становилось и мужчинамъ; де-Кампредонъ, только что прибывшій въ то время въ Петербургъ, жаловался въ своихъ депешахъ въ Парижъ, что онъ совершенно истомленъ безпрестанными празднествами, на которыхъ ему приходится бывать. Однако Петру, когда онъ самъ былъ въ припадкѣ веселья, не нравилось, если кто-нибудь уклонялся отъ участія въ ассамблеяхъ; замѣтивъ отсутствіе жены и дочери Кантемира на празднествѣ въ сенатѣ, онъ приказалъ произвести нѣчто въ родѣ судебно-медицинскаго слѣдствія. Подъ 1-мъ ноября въ дневникѣ Ильинскаго записано: «Павелъ Ивановичъ Ягужинскій съ докторомъ Лаврентіемъ Лаврентьевичемъ (Блументростомъ) да съ Татищевымъ (царскимъ денщикомъ) пріѣзжали осматривать княгиню и княжну: въ правды ли немогутъ (нездоровы), понеже въ воскресенье въ сенатѣ не были». По счастію, слѣдователи были люди благорасположенные къ Кантемиру, и ихъ осмотръ кончился, по всему вѣроятію, вполнѣ благополучно.

На святки Петръ съ Екатериной, со всѣмъ дворомъ и иностранными министрами отправились въ Москву. Туда же поѣхалъ и князь Димитрій со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ Москвѣ опять начался рядъ праздниковъ, при чемъ главнѣйшіе изъ нихъ, состоявшіе изъ маскерада и фейерверка, приготовленнаго при участіи самого царя, были пріурочены къ концу января и началу февраля. Какъ и въ Петербургѣ, маскерадъ продолжался цѣлую недѣлю; не смотря на стужу и мятель, потѣшная

коллегія князь-папы и процессія ряженыхъ разъѣзжали по улицамъ на судахъ, поставленныхъ на полозья; царское судно выдѣлывало на сушѣ морскія эволюціи; судно Кантемира представляло собою турецкій каюкъ, и въ немъ, среди многочисленной блестящей свиты, возсѣдалъ самъ князь, переодѣвавшійся то муфтіемъ, то визиремъ; какъ человѣкъ, долго жившій въ Турціи и близко знавшій тамошніе обычаи, онъ, по словамъ Берхгольца, отлично исполнялъ свою роль. И на московскихъ празднествахъ вино лилось полною рѣкою. Въ послѣдній день маскерада московскія дамы вздумали посмѣяться надъ петербургскими за ихъ пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ, особенно сильно обнаружившееся въ послѣдній день петербургскихъ торжествъ; насмѣшницы были немедленно наказаны: велѣно было посадить ихъ за особый столъ и напоить донельзя. «Петра,—разсказывается въ такъ-называемыхъ запискахъ Бассевича—забавляло общество женщинъ, оживленныхъ виномъ; поэтому Екатерина завела у себя перворазрядную любительницу рюмки, завѣдывавшую у нея угощеніемъ напитками и носившую титулъ оберъшенкши. Когда послѣдней удавалось привести дамъ въ веселое расположеніе духа, никто изъ мужчинъ не смѣлъ входить къ нимъ, за исключеніемъ царя, который только изъ особаго благоволенія дозволялъ иногда кому-нибудь сопровождать его» [1]).

Какъ ни увлекался Петръ празднованіемъ давно желаннаго мира, однако и въ зиму 1721—1722 годовъ не прерывались его дѣловыя занятія. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ засѣданія сената шли своимъ чередомъ, нерѣдко въ присутствіи самого царя. Ильинскій постоянно отмѣчаетъ въ своей памятной книжкѣ о посѣщеніи этихъ засѣданій княземъ Димитріемъ. Иногда государь заходилъ и на домъ къ нему для дѣловой бесѣды. Такъ, подъ 6-мъ ноября 1721 года Кантемировымъ секретаремъ записано слѣдующее: «Императорское величество изволилъ ужинать у насъ съ адмираломъ (Ѳ. М. Апраксинымъ) и съ свѣтлѣйшимъ княземъ Меншиковымъ, а зашли отъ Петра Андреевича» (Толстого)». Судя по этой записи, можно бы предположить, что появленіе царя было для Кантемира неожиданностью; но изъ депеши де-Кампредона (отъ 1-го декабря новаго стиля) оказывается, что господарь зналъ о томъ заранѣе и даже предупреждалъ посланника о желаніи царя имѣть съ нимъ разговоръ въ его, Кантемировомъ, домѣ. Де-Кампредонъ пріѣхалъ позже государя. Петръ немедленно отвелъ его съ княземъ Димитріемъ въ особую комнату и сказалъ, что «проситъ сдѣлать ему удовольствіе, именно написать королю, чтобъ онъ благоволилъ приказать тайно принять на какое-нибудь французъ-

[1]) Записки о Россіи пр. Петрѣ Великомъ, извлеченныя изъ бумагъ графа Бассевича. Переводъ И. Аммона. М. 1866. стр. 103 и 104

ское судно Кантемирова брата, находящагося въ Константинополѣ, гдѣ его жестоко мучатъ, хотя онъ ни въ чемъ неповиненъ и не состоитъ плѣнникомъ»; къ этому царь прибавилъ, что князь Димитрій имѣетъ объяснить посланнику подробности братнина дѣла, которое «желательно сохранить въ глубокой тайнѣ». Захваченный врасплохъ, де-Кампредонъ не рѣшился дать опредѣленный отвѣтъ и попытался было перевести рѣчь на политическія дѣла, но царь отклонилъ продолженіе разговора. Очевидно, вся бесѣда была затѣяна по просьбѣ Кантемира: царь желалъ сдѣлать пріятное человѣку, который пользовался въ то время его полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ [1]).

Труднѣе, чѣмъ съ самимъ царемъ, Кантемиру было сойтись съ его приближенными. Онъ не могъ, конечно, отрицать ни ума, ни дарованій во многихъ изъ нихъ; но низменный уровень образованности у большинства этихъ лицъ былъ ему такъ же ясенъ, какъ противна пьяная атмосфера ихъ увеселеній. Съ Меншиковымъ, напримѣръ, онъ поддерживалъ довольно короткія отношенія только потому, что свѣтлѣйшій неукъ, впрочемъ способный и дѣловитый, былъ въ большой силѣ у Петра и Екатерины. Тѣснѣе была связь Кантемира съ знаменитымъ поимщикомъ царевича Алексѣя П. А. Толстымъ: они были знакомы другъ съ другомъ чуть ли не со времени совмѣстнаго пребыванія въ Константинополѣ (до 1710 года). Много тяжкихъ грѣховъ было на совѣсти у «Петра Андреевича», какъ его по-просту звали въ народѣ; но это былъ человѣкъ очень умный и къ тому же отчасти книжный; во время своего долгаго пребыванія за границей, преимущественно на югѣ Европы, Толстой кое-чему научился и ко многому приглядѣлся; онъ хорошо говорилъ по италіански, отличался пріятностью обращенія и не имѣлъ слабости къ вину. Сношенія съ константинопольскими греками привили ему кое-какія понятія, сходныя съ воззрѣніями Кантемира: будучи русскимъ резидентомъ при Портѣ, онъ требовалъ себѣ мѣста выше французскаго и другихъ посланниковъ на томъ основаніи, что его государь носитъ титулъ царя, происходящій отъ слова к е с а р ь [2]); это напоминаетъ Кантемирову мысль объ усвоеніи Петру императорскаго титула. Слѣдъ близкихъ сношеній князя Димитрія съ Толстымъ встрѣчается и въ дневникѣ Ильинскаго; подъ 27-мъ августа 1721 года тамъ записано: «Нашъ князь съ княгинею и княжною з а п р о с т о кушали у Петра Андреевича Толстого на здѣшнемъ (петербургскомъ) дворѣ».

Кромѣ русскихъ сановниковъ, Кантемиръ любилъ водить знаком-

---

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. XL, стр. 369—371.

[2]) Mémoire historique sur l'ambassade de France à Constantinople, par le marquis de Bonnac. Publié avec un précis de ses négotiations à la Porte Ottomane par Ch. Schefer. Paris. MDCCCXCVI, p. 121.

ство съ иностранными дипломатами, аккредитованными при русскомъ дворѣ: бывалъ, съ женой и дочерью, на обѣдахъ у прусскаго резидента фонъ-Мардефельда, страстнаго любителя музыки, и у цесарскаго интернунція графа Кинскаго, большого любителя танцевъ; всего же болѣе дорожилъ онъ близостью съ французскимъ посланникомъ де Кампредономъ, при помощи котораго, какъ мы видѣли, надѣялся высвободить своего младшаго брата изъ турецкой неволи. Вообще наклонность преслѣдовать цѣли своего личнаго интереса или честолюбія довольно ясно проглядываетъ въ дѣйствіяхъ хитраго господаря, особенно съ того момента, когда обстоятельства заставили его расширить кругъ своихъ общественныхъ сношеній.

Въ іюнѣ 1721 года прибылъ въ Петербургъ молодой герцогъ Голштинскій Карлъ-Фридрихъ, въ надеждѣ, что царь Петръ, при заключеніи мира съ Швеціей, поддержитъ его права на наслѣдство шведскаго престола и отдастъ ему руку одной изъ своихъ дочерей. Кантемиръ, повидимому, мало придавалъ значенія этому принцу и его притязаніямъ; тѣмъ не менѣе, онъ счелъ нелишнимъ сблизиться какъ съ самимъ герцогомъ, такъ и съ его министромъ, графомъ Бассевичемъ. 1-го іюля 1721 года Карлъ-Фридрихъ былъ у князя Димитрія съ визитомъ, затѣмъ 17-го числа, по его приглашенію, обѣдалъ у него со своею свитой, а мѣсяцъ спустя, 19-го августа, явился на именины княжны Маріи. Послѣ того, какъ закончились придворныя торжества по случаю мира въ Петербургѣ и Москвѣ, герцогъ снова сталъ посѣщать князя Димитрія: 14-го февраля 1722 года онъ былъ у него, въ Москвѣ, на небольшомъ балу, а 27-го на ассамблеѣ; очевидно, герцогъ находилъ особенное удовольствіе ѣздить въ этотъ домъ, гдѣ умѣли принять и занять гостей. Онъ любилъ повеселиться и еще въ Стокгольмѣ зналъ княгиню Анастасію Ивановну молодою дѣвицей; при первой же встрѣчѣ въ Петербургѣ онъ осыпалъ ее любезностями и потомъ продолжалъ слегка ухаживать за нею; особенно доволенъ онъ былъ, что могъ говорить съ нею по нѣмецки и по шведски, тогда какъ съ мужемъ ея долженъ былъ объясняться только по латыни; вѣроятно, къ этому же языку прибѣгалъ онъ и въ разговорахъ съ княжною Маріей. Впрочемъ, оживленный разговоръ, особенно съ дамами, едва ли составлялъ тогда необходимую принадлежность общественныхъ собраній, гдѣ всего болѣе занимались танцами. Берхгольцъ жалуется, что русскія дамы, мало знающія нѣмецкій языкъ, не отвѣчаютъ ничего, кромѣ «не знаю», а къ тѣмъ, которыя хорошо говорятъ по нѣмецки, нѣтъ на ассамблеяхъ доступа за вельможами и императорскими каммеръ-юнкерами. Была, однако, и другая причина, почему русскія дамы уклонялись отъ разговоровъ съ иностранцами: почти инстинктивное нерасположеніе къ нимъ. Герцогу Голштинскому, и въ особенности его свитѣ, пришлось испы-

тать это на балу у Кантемира 14-го февраля. «Всѣ дамы», простодушно признается Берхгольцъ при описаніи этого бала, «въ особенности же хозяйки дома, которыя много лѣтъ провели за границею и считаютъ себя образованными и умѣющими жить, не были на столько вѣжливы, чтобы пригласить насъ танцовать хоть разъ, тѣмъ болѣе, что мы были имъ уже не незнакомы и постоянно стояли у нихъ передъ глазами. Онѣ охотнѣе выбирали молодыхъ неотёсанныхъ русскихъ, своихъ родственниковъ, большею частью унтеръ-офицеровъ гвардіи, и не стыдились приглашать ихъ и тогда, когда они стояли около и даже позади насъ». Обиженный каммеръ-юнкеръ прибавляетъ, что дамы не рѣшились бы вести себя такимъ образомъ, если бы на балу присутствовали императоръ и императрица. Дѣйствительно, ни Петра, ни Екатерины не было въ то время въ Москвѣ: они уѣзжали на Олонецкія минеральныя воды.

Невниманіе русскихъ дамъ къ голштинцамъ легко объяснимо: голштинская партія въ то время обрѣталась не въ авантажѣ. Болѣе полугода прошло съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ-Фридрихъ пріѣхалъ въ Россію, а между тѣмъ его положеніе все еще оставалось не выясненнымъ. По дипломатическому вопросу онъ потерпѣлъ неудачу: шведы согласились въ Ништатѣ на русскія предложенія о мирѣ именно съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ трактатѣ не было оговорки въ пользу правъ герцога Голштинскаго на шведское наслѣдство. Матримоніальныя притязанія его также оставались безъ отвѣта. Правда, Екатерина, озабоченная устройствомъ судьбы своихъ дочерей, сразу стала на сторону герцога, и вѣрный слуга царицы, Меншиковъ, поддерживалъ ея желанія, но самъ Петръ, послѣ кончины царевича Петра Петровича, въ 1719 году, еще не рѣшилъ вопроса о томъ, кому быть его преемникомъ на русскомъ престолѣ. Указомъ, изданнымъ въ началѣ 1722 года, онъ предоставлялъ себѣ право этого выбора и тѣмъ самымъ отнималъ у своего внука, сына царевича Алексѣя, право обязательнаго наслѣдованія. Очевидно, онъ предпочиталъ, чтобъ его наслѣдіе перешло къ его потомству отъ второго брака. Понятна поэтому осторожность, съ какою онъ относился къ избранію супруга для своей дочери, то-есть, отца будущаго императора. Въ виду такого труднаго положенія вещей становились возможными различныя комбинаціи съ цѣлью удовлетворить тревожнымъ заботамъ императора.

Петръ былъ легко доступенъ обаянію женщинъ; въ теченіе своей жизни онъ не разъ испытывалъ сердечныя влеченія, иногда очень сильныя, но большею частью непродолжительныя, такъ какъ женщины, ему нравившіяся, не обладали никакими выдающимися достоинствами. Только маріенбургская плѣнница съумѣла прочно привязать его къ себѣ и стала его второю супругой. Рожденіе двухъ дочерей, а затѣмъ при-

вычка многихъ лѣтъ, еще болѣе скрѣпили этотъ союзъ. Но и Екатеринѣ, при всей любви къ ней, Петръ не всегда оставался вѣренъ, такъ что ей волей-неволей приходилось быть снисходительною въ этомъ отношеніи. По словамъ Бассевича, она «смѣялась надъ его частыми любовными приключеніями, какъ Ливія надъ интрижками Августа; за то и онъ, разсказывая ей о нихъ, всегда оканчивалъ словами: «Никто не можетъ сравниться съ тобою» [1]). Государь страстно желалъ имѣть прямого наслѣдника престола въ родномъ сынѣ; на этомъ-то желаніи, въ связи со способностью царя отдаваться внезапнымъ порывамъ сердца, и былъ основанъ разчетъ, занявшій теперь умы нѣкоторыхъ близкихъ къ царю лицъ.

Въ зиму 1721—1722 годовъ, во время празднествъ по случаю Ништатскаго мира, Петръ увлекся новою сильною привязанностью, и на этотъ разъ предметомъ его страсти была личность, совершенно не похожая на женщинъ, нравившихся ему доселѣ. То была дочь Молдавскаго господаря [2]). Была ли красива княжна Марія—мы не знаемъ: единственный современникъ, оставившій свидѣтельство объ ея наружности, называетъ ее «незавидною»; быть можетъ впрочемъ, Берхгольцу просто не нравился ея типъ полугречанки. Но несомнѣнно, княжна обладала живымъ умомъ, а по образованію, по подъему своей мысли стояла высоко среди русскихъ женщинъ своего времени. Уже однимъ этимъ преимуществомъ она могла привлечь къ себѣ Петра. Преданіе прибавляетъ, что и сама она вполнѣ подчинилась обаянію великаго человѣка. Косвенно преданіе подтверждается тѣмъ, что именно въ первые мѣсяцы 1722 года, будучи въ Москвѣ, она, несмотря на согласіе отца, отказала въ своей рукѣ князю Ивану Григорьевичу Долгорукову, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ, что сватавшійся «не имѣетъ никакого чину въ службѣ императорскаго величества». Извѣстіе объ этомъ отказѣ сохранилось въ завѣщательномъ письмѣ князя Димитрія Кантемира, писанномъ въ сентябрѣ 1722 года на имя царицы Екатерины; понятно, почему оно нашло себѣ мѣсто въ этомъ документѣ: отцу хотѣлось дать понять, что для него осталась тайною близость Петра къ его дочери. Но повѣрить такому смыслу этого намека было бы трудно. Есть извѣстіе, что посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ былъ опытный

[1]) Записки о Россіи при Петрѣ Великомъ, стр. 104.

[2]) Современныя извѣстія объ отношеніяхъ Петра къ княжнѣ Маріи Кантемировой находятся въ депешахъ де-Кампредона (Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. XLIX, стр. 114 и 352), и въ запискѣ цесарскаго дипломатическаго агента (Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, 13. XI); позднѣйшія—въ Anecdotes Шерера (Londres. 1792), т. IV, и въ Mémoires du prince Pierre Dolgorouki. Généve. 1867. Ср. также Архивъ князя Куракина, т. I, стр. 93, и Сказанія о родѣ князей Трубецкихъ, стр. 183.

въ интригахъ П. А. Толстой, старый знакомецъ Кантемира; онъ велъ дѣло, конечно, съ его вѣдома: два хитреца поняли пользу взаимной помощи, и такимъ образомъ, если не явное согласіе, то тайное попущеніе со стороны честолюбиваго князя помогло осуществиться тому, чему онъ долженъ былъ бы воспрепятствовать, какъ отецъ. Бывшій господарь могъ ублажать себя надеждой, что страсть Петра къ княжнѣ поведетъ къ расторженію царева брака съ Екатериной, а затѣмъ новое законное супружество соединитъ Русскаго государя съ отраслью византійскихъ кесарей. Весною 1722 года обнаружилось, что княжна беременна; разрѣшись она младенцемъ мужскаго пола, смѣлые виды ея отца, можетъ быть, значительно приблизились бы къ осуществленію: появленіе на свѣтъ сына могло бы побудить Петра сдѣлать тотъ рѣшительный шагъ, отъ котораго удерживало его пока существованіе дочерей, рожденныхъ ему Екатериной. Таковы по крайней мѣрѣ были, по свидѣтельству современниковъ, опасенія самой царицы.

Между тѣмъ Петръ готовился къ войнѣ съ Персіей. Какъ знатоки восточныхъ дѣлъ, Толстой и Кантемиръ были призваны на совѣтъ; первый особенно горячо поддерживалъ предпріятіе; второму поручено было изготовить манифесты на турецкомъ и персидскомъ языкахъ, для распространенія среди жителей восточнаго Закавказья. Оба они, вмѣстѣ съ адмираломъ Апраксинымъ, были избраны государемъ, чтобы сопровождать его въ походъ. Въ первыхъ числахъ мая императоръ, вмѣстѣ съ Екатериной, выѣхалъ изъ Москвы; вслѣдъ за ними отправилась вся свита, въ томъ числѣ Кантемиръ со всѣмъ своимъ семействомъ. Весь путь предстояло совершить водою—по Москвѣ-рѣкѣ, Клязьмѣ, Окѣ и Волгѣ. На это потребовалось два мѣсяца, и только 5-го іюля, по достиженіи Астрахани, неизбѣжный спутникъ князя Димитрія Ильинскій могъ записать въ своемъ дневникѣ: «Императорское величество съ адмираломъ и Петромъ Андреевичемъ Толстымъ и съ прочими у насъ были въ вечеру». Послѣ двухнедѣльнаго отдыха и окончательныхъ сборовъ Петръ, все сопровождаемый Екатериной, вышелъ въ плаваніе по Каспійскому морю; на западномъ его берегу, въ устьѣ рѣки Аграхани, была произведена высадка, и затѣмъ начались военныя дѣйствія, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ было занятіе Дербента. Весь походъ продолжался два съ половиной мѣсяца, въ теченіе которыхъ князь Димитрій почти неотлучно находился при императорѣ, служа ему, между прочимъ, переводчикомъ въ сношеніяхъ съ мѣстными жителями. Три старшіе Кантемирова сына сопровождали отца въ походъ, а младшій, четырнадцатилѣтній Антіохъ, оставался въ Астрахани съ мачихой и сестрой. Толстой также слѣдовалъ за государемъ.

Пока происходила эта экспедиція, въ Астрахани, на государевомъ рыбномъ дворѣ, гдѣ было отведено помѣщеніе для Кантемирова семей-

ства, совершилось издалека подготовленное темное дѣло. Княжна Марія преждевременно разрѣшилась недоношеннымъ младенцемъ. Есть извѣстіе, что эти роды были искусственно ускорены мѣрами, которыя принялъ Поликала, врачъ семьи Кантемировъ, состоявшій также при царицыномъ дворѣ,—руководилъ же дѣйствіями Поликалы не кто иной, какъ пріятель князя Димитрія П. А. Толстой. Ему не въ-первой было играть двойственную роль: сближая княжну съ Петромъ, онъ въ то же время хотѣлъ быть угоднымъ Екатеринѣ; несчастная княжна оказалась его жертвой, хрупкою игрушкой въ его жесткихъ рукахъ. Теперь супруга Петра могла быть покойна; опасность, которой она боялась, была устранена, и Толстой могъ разчитывать на благодарность Екатерины; но часъ для удовлетворенія его честолюбія наступилъ не сразу.

4-го октября императоръ возвратился въ Астрахань, а 9-го прибылъ туда же князь Димитрій. Результаты похода не вполнѣ удовлетворили Петра: войско много потерпѣло отъ жары и недостатка въ провіантѣ, закавказское населеніе не всегда встрѣчало русскихъ дружелюбно, а соглашеніе съ Персіей еще предстояло уладить; еслибъ это не удалось, понадобилась бы новая экспедиція. Вполнѣ доволенъ былъ Петръ только своею супругой: бодростью, съ которою она перенесла всѣ трудности экспедиціи, Екатерина напомнила старѣющему государю свое поведеніе во время несчастнаго Прутскаго похода. Кантемиръ вернулся въ Астрахань больной. Онъ сталъ хворать съ самаго начала 1722 года и еще въ бытность въ Москвѣ не разъ принужденъ былъ отказываться по болѣзни отъ участія не только въ маскерадныхъ сборищахъ, но даже въ засѣданіяхъ сената; во время похода, при слѣдованіи отъ Дербента, онъ совсѣмъ разнемогся, такъ что передъ выступленіемъ экспедиціи въ обратный путь рѣшилъ даже написать завѣщаніе. Въ Астрахани, среди семьи, князя встрѣтили нерадостныя вѣсти: онъ засталъ дочь тяжко больною. Есть основаніе думать, что обстоятельства, сопровождавшія ея болѣзнь, остались для него не выясненными; по крайней мѣрѣ, врачъ Поликала продолжалъ находиться при немъ. Но уже самый исходъ княжниной беременности уничтожалъ всѣ тайные замыслы и надежды князя, и этого было совершенно достаточно, чтобъ окончательно разрушить его здоровье. 11-го октября государь навѣстилъ больного, а 26-го числа, въ день его именинъ, снова посѣтилъ его и «сидѣлъ часа съ три», какъ сказано въ памятной книжкѣ Ильинскаго. Князю, повидимому, стало нѣсколько легче, и 28-го числа его секретарь могъ сдѣлать такую отмѣтку въ своей тетради: «Императорское величество съ господами министрами у князя нашего обѣдать и ужинать изволилъ». Продолжалъ Кантемиръ сохранять близкія сношенія и съ коварнымъ другомъ своимъ Толстымъ: «Петръ Андреевичъ былъ у насъ, и говорили одни межь собою о нѣкакихъ приватныхъ дѣлахъ», записано у Ильинскаго подъ 3-мъ ноября. Между

тѣмъ дворъ готовился къ отъѣзду изъ Астрахани; подъ 4-мъ ноября, наканунѣ отбытія императора и его супруги, въ томъ же дневникѣ отмѣчено: «Императорское величество изволилъ съ адмираломъ и Петромъ Андреевичемъ заѣхать къ намъ въ вечеру, сидѣлъ часа съ три и совсѣмъ простился». Петръ умѣлъ цѣнить своихъ способныхъ сотрудниковъ, если только не сомнѣвался въ ихъ преданности; такъ и Кантемиру онъ оказывалъ вниманіе до послѣдней минуты. При прощаніи князь Димитрій вручилъ государю свое завѣщаніе. Остается неизвѣстнымъ, видѣлъ ли Петръ княжну Марію во время этихъ своихъ пріѣздовъ къ ея больному отцу.

Дни князя Димитрія были сочтены: онъ страдалъ неизлѣчимою болѣзнью—сухоткой (diabetes), отъ которой умерла и его вторая дочь, княжна Смарагда; но пока его крѣпкій организмъ еще продолжалъ бороться съ немощью. Однако, послѣ волненій, испытанныхъ въ послѣдніе дни пребыванія Петра въ Астрахани, Кантемиру стало хуже, такъ что 6-го ноября онъ исповѣдывался у епископа Іоакима, а 7-го причастился; ѣхать же въ Москву Кантемиръ не рѣшался, пока не установится прочная зимняя дорога; къ тому же въ семьѣ, кромѣ него самого, были и еще больныя: хворала княгиня Анастасія Ивановна, а княжна Марія еще не вполнѣ оправилась. Наконецъ, 27-го января 1723 года вся Кантемирова семья двинулась въ путь цѣлымъ караваномъ. Ѣхать отъ Астрахани приходилось по пустымъ степямъ, «терпя стужу и всякія безпокойства»; остановки для необходимаго отдыха были возможны лишь въ рѣдкихъ селеніяхъ. Въ половинѣ февраля путешественники достигли только донскаго городка Клецокъ [1]); здѣсь князь Димитрій почувствовалъ такую слабость, что вмѣсто дальнѣйшаго слѣдованія къ Москвѣ рѣшилъ свернуть для отдыха въ свои курскія деревни. Изъ Клецокъ онъ написалъ письмо царицѣ, въ которомъ излагалъ свои затрудненія и просилъ, чтобъ она, какъ прежде, отвела отъ него гнѣвъ государя. 19-го марта Кантемиръ и его семья достигли Дмитровки и здѣсь водворились; поѣздка въ Москву была окончательно отмѣнена. Тихое пребываніе въ любимомъ имѣніи дало князю возможность продлить свою жизнь на нѣсколько мѣсяцевъ; онъ велъ дѣятельную переписку съ Петербургомъ и въ то же время занимался хозяйствомъ и сооруженіемъ церкви, но въ августѣ 1723 года снова сильно занемогъ и 21-го числа скончался.

Тѣло бывшаго господаря было отвезено въ Москву, для погребенія въ Никольскомъ Греческомъ монастырѣ. Оно совершилось въ присутствіи вдовы, сыновей и дочери 1-го октября, «въ вечеру», какъ сказано въ памятной книжкѣ Ильинскаго. **Л. Майковъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Нынѣ Клецкая станица, близъ Дона, въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ.

Оригинальный подписчикъ на журналъ.

Въ бумагахъ покойнаго генералъ-лейтенанта П. К. Менькова, бывшаго редакторомъ журнала «Военный Сборникъ», находится слѣдующая оригинальная подписка на журналъ:

«Въ С.-Петербургъ. Въ Контору Редакціи «Военнаго Сборника».

«Препровождая при семъ шесть рублей пятьдесятъ к. сер. на журналъ «Военный Сборникъ», покорно прошу высылать мнѣ это изданіе въ 1868 году въ г. Ельню, Смоленской губерніи.

«Валеріанъ Васильевъ Пассекъ, Генеральнаго штаба отставной генералъ-маіоръ.

«Родной братъ падшаго въ 1845 году на Кавказѣ, въ бою подъ Дарго Діамида Васильевича Пассека и внукъ Екатерининскаго времени генералъ-аншефа, Бѣлорусскаго намѣстника, нынѣ покойнаго Петра Богдановича Пассека.—Монархистъ, а не анархистъ и врагъ лицемѣра, безбожника и революціонера Герцена съ К° и всѣхъ вообще крамольниковъ, безбожниковъ и матеріалистовъ и нечестивыхъ и зловредныхъ писателей и писакъ и поганцевъ послѣдователей и поклонниковъ ихъ».

29 декабря 1867 года г. Ельня Смоленской губ.

Слѣдуетъ замѣтить, что и въ послѣдующіе годы подписка В. В. Пассека на «Военный Сборникъ» всегда сопровождалась подобными же письмами.

Сообщилъ **А. Заіончковскій**.

УВЛЕЧЕНІЕ ПОЭТА.

(Къ біографіи князя И. М. Долгорукова).

1793—1796 гг. [1])

Въ 1793 году въ г. Пензу былъ назначенъ вице-губернаторомъ бригадиръ князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ. Онъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей и любилъ свое семейство. Но въ тотъ вѣкъ, въ вѣкъ чувствительности и романическихъ приключеній, онъ считалъ необходимымъ влюбляться и въ чужихъ женъ. Въ Пензѣ предметомъ его страсти была супруга пензенскаго предводителя дворянства, коллежскаго ассесора Улыбушева.

«Объ этой дамѣ, — пишетъ М. М. Поповъ [2]), — должно сказать то же, что и о князѣ. Она не была вѣтреною, любила мужа и своего ребенка, но увлекалась духомъ времени. Она была еще молода и прекрасна, а онъ (князь И. М. Долгоруковъ) былъ уже въ лѣтахъ и некрасивъ лицомъ: имѣлъ безобразно выдавшуюся нижнюю челюсть и отвислую губу». Но сила ума, таланта и любезное обращеніе увлекли молодую женщину, и она страстно влюбилась въ князя Долгорукова.

Вице-губернаторъ и предводитель дворянства были сначала очень

---

[1]) Среди множества дѣлъ Московскаго архива министерства юстиціи, имѣющихъ юридическое и историческое значеніе, встрѣчаются и такія дѣла, которыя весьма важны въ бытовомъ отношеніи. Они рисуютъ передъ нами общественную жизнь нашихъ предковъ, особенности ихъ характера, привычки и взаимныя отношенія. Къ числу такихъ дѣлъ относится и дѣло за № 298, изъ связки по производству генералъ-прокурора, изъ котораго и извлеченъ разсказъ, предлагаемый вниманію читателей. Ред.

[2]) Въ своихъ замѣткахъ, находящихся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины».

дружны между собою, и князь Долгоруковъ часто посѣщалъ Улыбушева. Вскорѣ послѣднему стали подозрительны отношенія Долгорукова къ его женѣ, и между супругами произошли такія несогласія, что Улыбушевъ принужденъ былъ оставить жену свою и удалиться изъ деревни, полученной ею въ приданое и въ которой они прожили девять лѣтъ со времени ихъ брака. Долгоруковъ продолжалъ посѣщать Улыбушеву, а во время разлуки влюбленные переписывались между собою: «Que je souffre, mon coeur, d'être obligé de retourner sur mes pas [1]); писалъ князь Долгоруковъ 12-го апрѣля 1794 г.,—но дороги, воды, словомъ всѣ стихіи, кажется, противятся нашему нынѣ свиданію, которое долженъ я отложить до мая, надѣясь, что тогда дороги будутъ лучше и больше мнѣ возможности будетъ къ вамъ доѣхать. Que je suis obligé, mon incomparable ami, pour toutes les lettres, qui parviennent de toi; comme elles m'ont ravi! [2]). Ты должна уже теперь чувствовать, сколь не лестно я тебя люблю и сколько утѣшительна для меня каждая твоя строчка. Только въ одномъ изъ твоихъ писемъ увидѣлъ я, къ истинному моему сожалѣнію, одинъ твой qui pro quo [3]) насчетъ моихъ выраженій, то-есть l'amour et la nature [4]). Ахъ, милая и неоцѣненная моя Лизынька, какъ ты могла одну минуту въ такомъ смыслѣ принять мои слова, въ каковомъ они тебѣ показались! Нѣтъ, не къ тому я рѣчь клонилъ, чтобы привесть тебя въ измѣну et pour alarmer votre vertu [5]). Ахъ нѣтъ, вѣрь, что твоя добродѣтель всегда для меня пребудетъ вещь освященная. Не того роду пламень оживотворяетъ мою душу, который бы позволилъ мнѣ заниматься мыслями, чести твоей предосудительными. Любить тебя страстно, уважать съ подобострастіемъ, слѣпо повиноваться во всемъ, почитать съ трепетомъ и въ видѣ бога моего, тебѣ всечасно служить и поклоняться—вотъ качество моей къ тебѣ страсти, вотъ одна и сладкая чувствъ моихъ пища! А сказалъ я, l'amour et la nature nous uniга [6]) потому, что не свѣчи влекутъ насъ и не связываютъ никакія клятвы Богу, предъ престоломъ брачнымъ возсылаемыя отъ супруговъ, но любовь и гласъ природы, то-есть связь и сила чувствъ, природою въ сердца наши возлагаемыя, насъ соединяютъ тѣснѣйшими узами, кои никогда не разорвутся. Вотъ что я хотѣлъ сказать, мой другъ, и когда ты сіи слова точно въ такой же силѣ поймешь, то ты увидишь, какъ былъ я далекъ отъ другихъ всякихъ помышленій, какъ тѣхъ, кои

---

[1]) Сколько стражду я, сердце мое, что долженъ назадъ возвратиться.

[2]) Сколько обязанъ я тебѣ, мой несравненный другъ, за всѣ письма, отъ тебя полученныя, сколько они восхищали меня!

[3]) Одну двусмысленность.

[4]) Любовь и природа.

[5]) Чтобы опечалить твою добродѣтель.

[6]) Что любовь и природа соединитъ насъ.

имѣютъ начало въ благородныхъ расположеніяхъ души, et non dans les simples sensations animales. [1]). Еще я замѣтилъ изъ письма твоего, моя душа, что я сдѣлалъ преступленіе самое невольное. Ахъ, для чего ты прежде мнѣ не открылась, что ты еще довольно сильно любишь своего мужа, чтобы не хотѣть съ нимъ развестись? Для чего ты скрыла отъ меня, что ты его не ненавидишь? Я думалъ, что онъ, своими поступками, произвелъ совершенную въ тебѣ aigreur, haine, aversion [2]), и въ этихъ мысляхъ я старался привести и склонить всѣ обстоятельства къ разводу вашему, считая тѣмъ устроить твое же благополучіе. Но когда онъ еще тебѣ милъ, à titre d'époux, à titre de père d'un enfant, que vous aimez [3]), то на что было разводиться? Жаль, что я ранѣе сей тайны не свѣдалъ! Не подумай, чтобы всѣ мои сіи разсужденія вкрадывались отъ ревности. Нѣтъ, я увѣренъ, что ты меня больше его любишь; но все, когда онъ хотя мало былъ тебѣ сносенъ, и когда я вникаю въ твои теперешнія мрачныя мысли, то вижу, что мы все несчастіе тебѣ, тѣмъ разводомъ составили.

«Я на почтѣ ничего вчера къ тебѣ не писалъ, потому что чаялъ самъ съ тобою увидѣться, но вотще такія надежды меня питали.

«Ты страшишься, мой другъ, моей перемѣны, оттого, что комедію будемъ играть. Нѣтъ, не страшись; отдай мнѣ больше справедливости: не токмо на театрѣ, ниже въ собраніяхъ цѣлаго свѣта, не токмо Милла, но ниже какая женщина не въ силахъ будетъ отвлечь мое сердце отъ тебя и скинуть съ меня тѣ легкія и дорогія цѣпи, какія ты одна въ моемъ нынѣшнемъ положеніи могла и умѣла на меня накинуть. Тебѣ дано было судьбою все сердце мое себѣ присвоить, отнявъ его даже у тѣхъ, кои на оное отъ начала міра имѣли право по всѣмъ законамъ. Такъ не страшись ни чьихъ прелестей: никакія красоты Лизыньки моей въ глазахъ моихъ не превзойдутъ. Надобно мнѣ вамъ сказать теперь довольно смѣшную сплетню городскую. У насъ есть золотарь, которому я заказалъ для себя къ празднику три кольца, и изъ нихъ два въ свѣтлый праздникъ были на мнѣ, а третіе я подарилъ женѣ. Что же? Одинъ человѣкъ изъ мужчинъ, пріятель еще мнѣ, вдругъ говоритъ, что я одно кольцо заказалъ для васъ и къ вамъ будто отправилъ. Какова вамъ покажется эта штучка? Я ужасть какъ тому смѣялся!

«Посылаю вамъ письмо, которое я на сей почтѣ отъ Вельяшева получилъ. Напишите ко мнѣ, Бога ради, какъ мнѣ теперь къ вамъ писать, когда вы будете въ Ивановку, черезъ кого и какимъ образомъ:

---

[1]) А не въ простыхъ чувствованіяхъ, свойственныхъ животнымъ.

[2]) Неудовольствіе, ненависть и отвращеніе.

[3]) Въ качествѣ супруга, въ качествѣ отца, имѣющаго дитя, которое вы любите.

ибо я безъ писемъ твоихъ, ангелъ мой, жить не могу. Чего бы я не далъ, чтобы тебя видѣть и расцѣловать? Ахъ, другъ мой, нельзя любить больше, какъ я тебя люблю! Въ естествѣ нѣтъ сильнѣе моей страсти. Прости, моя душа, будь здорова и, сколько можно, покойна. Не забывай меня, люби много и столько, сколько я тебя люблю. Пиши чаще, пиши, что ты меня любишь, что ты меня обнимаешь. Матушка, жизнь моя, богъ мой; какъ воображу, что я въ твоихъ объятіяхъ, то я внѣ себя. Другъ мой, богъ! Чѣмъ мнѣ еще назвать? Голубушка, душа моя! Обнимаю тебя сто разъ, заочно; ноги твои цѣлую, глаза, руки. Словомъ, я не помню самъ себя; вижу тебя всякій день во снѣ; словомъ, нѣтъ той минуты, въ которую бы я не видалъ тебя. Еще тебя цѣлую, сто, сто, сто и милліонъ разъ. Adieu, mon ange, mon tout, mon Dieu [1]) и все, что милаго въ тебѣ. Прощай».

«Богъ одинъ видитъ, что̀ я?—отвѣчала Е. Улыбушева князю Долгорукову 14-го апрѣля 1794 г.—Письмо распечатано; приложено В е л ь я ш е в о [2]); а впрочемъ нѣтъ ни слова. Я теряюсь въ моихъ мысляхъ. Извините, что я не могла удержать стремленія, дабы вамъ ничего не сказать, но волненіе выше моихъ силъ. Ахъ, что́ я? внѣ себя, не знаю, чѣмъ кончить мои смущенныя мысли! Я, вѣрно, презрѣна; вѣрно, забыта! Простите, ахъ, простите несчастной, что она еще такъ дерзка, что васъ обезпокоиваетъ своимъ письмомъ. Припишите къ моему отчаянію, къ отчаянію безпредѣльному. Но почто я заблуждалась? Мнѣ-ль, несчастному творенію, чувствовать какую отраду, не только счастіе быть вами... Охъ въ какомъ стѣсненіи находится грудь моя; въ какомъ волненіи, душа моя! Я не знаю, что я и чѣмъ все сіе кончится? На что мнѣ послѣ онаго жизнь, на что? А вы еще совѣтуваете продолжать увѣдомленія о здоровьи. Нѣтъ, не ожидайте, не мучьте меня оными требованіями. Забудьте, что существуетъ несчастная и преданная вамъ. Ахъ! забудьте. Я всѣ силы употреблю сложить бремя отягощающей жизни моей. Да, можетъ, смерть, спокойствіе всѣмъ злополучнымъ, и меня приведетъ къ тихому пристанищу. Я уѣду черезъ пять дней домой; уѣду, погребу себя тамъ и въ маѣ не буду васъ здѣсь видѣть. Обстоятельствы претятъ. Да хотя я на préjugés (предразсудки) очень мало гляжу, но зачѣмъ мнѣ быть, зачѣмъ? Должно стараться преодолѣвать себя. Вотъ что мнѣ осталось дѣлать. Но могу-ль сіе сдѣлать, въ моей ли то волѣ? Ахъ, на что, на что вы дали поводъ открыть мои чувствы? Или на то, чтобы гордиться и смѣяться онымъ! Смѣйся жестокій, утѣшайся неблагодарный! Но со всѣмъ тѣмъ знай, что я тебя люблю. Если тебѣ надобно, я всему свѣту сказать оное готова. Угодно-ль

---

[1]) Прощай, мой ангелъ, прощай все мое, богъ мой.

[2]) То-есть: письмо Вильяшева.

вамъ оное, я готова. Ахъ, князь, que faites vous (что дѣлаете вы)? Какое вы сердце пронзаете? сердце столь много любящее васъ. Вы ѣхали, но правда-ль оное? Ѣхалъ, а [1]) строчки нѣтъ. Avez (vous) reçu mes lettres [2]). Меня все въ страхъ и въ трепетъ приводитъ. По крайности, изъ жалости, выведете ли меня изъ сего адскаго положенія; увѣдомте, въ вашихъ ли рукахъ письма мои, qui j'ai eu la hardiesse d'envoyer avec ce même homme? [3]) Прощайте, прощайте. Если вы все тѣ же (но нѣтъ, на что мнѣ еще себя льстить, на что? я то предвидѣла изъ послѣдняго письма), то конечно я буду виновата, что это пишу. Тогда, en vous embrassant, je vous prie me pardonner [4]). Если жъ такъ, какъ я думаю, то свершилась моя совершенно несчастная участь, но знайте, я не умѣю чувствовать et aimer (и любить), какъ всѣ. Доказано то будетъ опытно (опытомъ), сколько страсть моя къ вамъ велика. Можетъ, чувствительность и заставитъ раскаяваться, но то будетъ поздно. И тогда-то увидите, что я, при всѣхъ малыхъ достоинствахъ, имѣла безподобно тебя любящее сердце. Ахъ! а если любишь, quel bonheur pour ta Lise: je pleure, je sanglotte [5]). И такъ я тебя не увижу. Ахъ, что я? я буду употреблять всѣ силы еще дней 8 быть здѣсь. Но на что оное? право, сама не знаю. Но могу-ль, смѣю-ль еще en idée vous embrasser, vous serrer contre mon coeur? Oh, que le mien d'une seule idée palpite [6]). Думая тебя увидѣть, всю ночь нынѣче не спала. Вотъ онъ будетъ; chaque petit bruit me faisait tressaillir de joie, c'est lui voilà, c'est lui [7])! Но, что послѣдовало? И такъ я не увижу бога моего, не увижу души моей, je ne l'embrasserai pas, mes [8]) yeux ne se rencontront pas avec les siens [9]) еще мѣсяцевъ семь! А разлука, разлука какія слѣдствія выведетъ? И послѣднюю жалость искренитъ изъ сердца! Adieu, mon prince, adieu. Puis-je vous nommer encore mon ami, mon intime ami? Adieu, mon prince [10])? Ахъ, что я? я внѣ себя, не знаю, что писать! Voilà le sort de la pauvre Lise [11]) плакать и мучиться! Но хотя

---

[1]) Здѣсь вѣроятно пропущено: ни.

[2]) Получили ли мои письма?

[3]) Которыя я имѣла смѣлость отослать къ вамъ съ тѣмъ же самымъ человѣкомъ.

[4]) Тогда цѣлуя васъ, прошу меня простить.

[5]) Какое счастіе для твоей Лизы. Я плачу, я рыдаю.

[6]) Еще тебя обнять мысленно и прижать къ своему сердцу... О! мое сердце трепещетъ отъ единой мысли тебя видѣть.

[7]) Малѣйшій шумъ приводитъ меня въ радость—это онъ, вотъ это онъ.

[8]) Въ подлинникѣ вмѣсто mes поставлено mais.

[9]) Не поцѣлую я его; глаза мои не встрѣтятся съ его глазами.

[10]) Прости, мой князь, прости; могу-ли я еще назвать тебя моимъ другомъ, моимъ искреннимъ другомъ .. Прощай, мой князь.

[11]) Вотъ жребій твоей бѣдной Лизы.

въ послѣдній разъ дай мнѣ свободу сказать, что̀ ты будешь имѣть прекраснѣй, достойнѣй, любезнѣй, нежели Лизынька; но кто бы могъ такъ тебя любить, какъ она, могъ бы столько боготворить. вѣрно нѣтъ. Моя любовь безмѣрна и страданіемъ нѣтъ конца! Охъ, другъ мой, за что ты меня такъ мучишь? Жизнь моя! Кинувшись на шею къ тебѣ, прижимая тебя къ груди моей, прошу я: одно слово, одно, что ты меня любишь, сдѣлаетъ меня счастливой. Скажи его, другъ мой, скажи! утѣшь свою подданную, воскреси рабу свою, дай жизнь à votre amante, dites que je vous aime [1]). Или научи какъ вырвать пламя изъ нѣдра сердца моего. Другъ мой, погляди на меня: не стыдно-ль тебѣ, что ты такъ меня растиранилъ? Что вамъ препятствовало прибавить, хотя въ томъ же письмѣ, по-французски, что... О, моя душа; но все тебя цѣлую, все обнимаю, un million de fois je vous embrasse (милліонъ разъ васъ цѣлую). Если бъ я могла надѣяться, что ты въ маѣ ко мнѣ будешь; но нѣтъ; охъ нѣтъ, не будешь. Или бъ въ субботу на будущей недѣлѣ; я бъ бросила все и здѣсь осталась. Но все тебѣ, нельзя. Votre attachement (твоя привязанность) когда и казалась дѣятельною, то все съ разсудкомъ, а въ моей все потеряно. Тебя любить, обожать—вотъ одно разсужденіе, вотъ одна мысль.—Adieu, ingrat [2])! Другъ мой, обойми меня.—Ахъ, какъ мнѣ горько! поцѣлуй меня».

Оба письма попали въ руки Улыбушева, и онъ, снося терпѣливо разлуку съ женою, не могъ перенести своего безчестія, внушившаго ему мысль о мщеніи. Пріѣхавъ въ Пензу, предводитель дворянства отправился въ домъ князя Долгорукова для объясненій, но тамъ ему сказали, что князь уѣхалъ въ казенную палату. Оскорбленный мужъ сталъ у подъѣзда палаты. По окончаніи присутствія, И. М. Долгоруковъ сходилъ по ступенямъ крыльца, когда Улыбушевъ, упрекая его въ соблазнѣ жены, нанесъ ему нѣсколько ударовъ «толстою натуральною тростью» и обѣщалъ застрѣлить его. Тогда еще продолжались холода, на князѣ была медвѣжья шуба, которая и приняла на себя удары. Но шуба защитила только отъ боли, а не отъ стыда, и весь городъ насмѣшливо заговорилъ о пострадавшемъ любовникѣ. Князь Долгоруковъ жаловался пензенскому генералъ-губернатору Ступишину, но тотъ, имѣя какія-то личности съ вице-губернаторомъ, не принялъ никакихъ мѣръ къ задержанію Улыбушева и даже не далъ подорожной нарочному, котораго Долгоруковъ хотѣлъ отправить съ жалобою о нанесенномъ ему оскорбленіи къ императрицѣ и генералъ-прокурору Александру Николаевичу Самойлову.

Между тѣмъ, вечеромъ 6-го іюля 1794 года, Улыбушевъ пріѣхалъ

---

[1]) Своей возлюбленной скажи: я тебя люблю.
[2]) Прощай, неблагодарный.

въ домъ князя Долгорукова съ двумя верховыми служителями, имѣвшими, для большей угрозы, по парѣ незаряженныхъ пистолетовъ, и требовалъ, чтобы его допустили къ князю. Встрѣтивъ сопротивленіе со стороны людей послѣдняго, Улыбушевъ разбранилъ его и, угрожая застрѣлить при случаѣ, уѣхалъ изъ города. Князь Долгоруковъ послалъ къ генералъ-губернатору просить стражу для личной безопасности, и въ домѣ его была поставлена команда.

Императрица Екатерина II чрезвычайно разгнѣвалась, узнавъ, «что такой безобразный поступокъ въ губернскомъ городѣ, въ покояхъ присутственныхъ мѣстъ, произошелъ», и приказала Самойлову послать нарочнаго для изслѣдованія происшествія на мѣстѣ. Улыбушева повелѣно было немедленно отыскать, гдѣ бы онъ ни скрывался, и доставить въ Пензу, а по окончаніи слѣдствія въ С.-Петербургъ. Все это приказано было сдѣлать безотлагательно, «ибо,—писалъ Самойловъ Ступишину,—высочайшая воля есть, чтобы сіе обстоятельство, со всевозможною поспѣшностью, въ ясность приведено было».

Для производства слѣдствія былъ отправленъ экзекуторъ 2-го департамента Сената, Казнаковъ. Улыбушевъ сознался съ своихъ поступкахъ, обвиняя князя Долгорукова въ преступной связи съ его женою. Князь, напротивъ, объяснилъ, что никакой связи не было, и что онъ принималъ только одно дружеское участіе въ судьбѣ ея, зная всѣ непріятности и даже побои, которые она терпѣла отъ своего мужа. Въ свое оправданіе Долгоруковъ приводилъ то, что всѣ свиданія съ Е. Улыбушевою происходили или при мужѣ, или же при ея отцѣ, артиллер'и капитанѣ Мошковѣ. Послѣдній подтвердилъ справедливость показаній князя Долгорукаго и прибавилъ, что дочь свою, ради претерпѣваемыхъ ею отъ мужа побоевъ и расточенія бо́льшей части ея имѣнія, бралъ къ себѣ разъ десять; но потомъ возвращалъ по просьбѣ Улыбушева, обѣщавшаго, что впредь онъ съ нею такъ поступать не будетъ. Улыбушевъ былъ преданъ уголовному суду. Производство дѣла шло весьма медленно, и Долгоруковъ нѣсколько разъ обращался съ жалобами, что судъ старается затянуть дѣло.

8-го октября 1795 года онъ писалъ императрицѣ:

«Всемилостивѣйшая государыня!

«Годъ слишкомъ уже тому, какъ получилъ я тяжкое и поносное оскорбленіе отъ руки Улыбушева. Я тогда же пролилъ слезы мои и жалобы предъ тобою. Съ высоты своего престола повелѣла ты изслѣдовать мое оскорбленіе; оно изслѣдовано. Повелѣла учинить судъ надъ врагомъ моимъ, но тщетно до нынѣ объ окончаніи онаго я просилъ и жаловался. Гласъ горести и нищеты, кромѣ тебя самой, великой монархини, никому не внятенъ. Подсудимый изъ Петербурга прибылъ въ Пензу послѣ высочайшаго вашего императорскаго величества указа

чрезъ четыре мѣсяца. Суды приговоры надъ нимъ учинили: уѣздный отъ дня явки его въ три мѣсяца; верхній земскій—въ два, а уголовная палата еще никакого. Сила приговоровъ нижняго и средняго мѣстъ соотвѣтствуютъ столь благотворительному въ пользу подсудимаго промедленію, между тѣмъ онъ въ полной свободѣ насыщается поношеніемъ моимъ, а я страдаю другой годъ подъ игомъ тяжкаго сокрушенія. Годъ, краткій мигъ въ счастіи, есть несносный вѣкъ въ печали, и сія ли одна грызетъ мое сердце?

«Со времени столь несчастнаго судьбы на меня насланія, два раза торжествовала Россія: 22 сентября,—день великой и святой, августѣйшій памятникъ Божія о ней благопромышленія; два раза рука твоя, нескудная въ щедротахъ, обогащала сыновъ Россійскихъ знаками ордена, крестившаго нѣкогда издревле предъуготованное тебѣ достояніе. Жаркое мое о сохраненіи, о приращеніи малой части сокровищъ твоихъ, мнѣ ввѣренныхъ, попеченіе, льстило меня высочайшаго твоего вниманія; но суетна бѣ моя надежда. Начавшіе служить позже меня въ званіи моемъ отличались; а я, Богомъ и тобой забытый, отринутъ былъ отъ престола твоего. Гдѣ жъ найду я ранамъ моимъ уврачеваніе? Чье предстательство сильно меня возставить? Отъ кого премилосердая Екатерина отвратила лицо свое, тому—жизнь предверіе ада, а свѣтъ—геена золъ.

«Услыши убо нынѣ паки, премудрѣйшая изъ владыкъ монархиня, гласъ моленія моего, и вопль мой къ тебѣ да пріидетъ. Преклони ухо твое, стенанію напаствуемыхъ всегда отверзстое, къ воздыханіямъ моимъ сердечнымъ, сотвори судъ обидѣвшему, даждь правду обидимому. Ты, внушеніемъ Божіимъ различающая заблужденіе съ преступленіемъ, не помяни грѣха моего, ежели токмо ослѣпленіе сердца есть грѣхъ, побѣждающій твое милосердіе. Но въ томъ, что я коварству непричастенъ, что мерзостныхъ искушеній не позналъ, пріими ты днесь, пріими какъ Богъ, испытующій сердца и утробы, непорочную мою клятву. Тебѣ повѣдая всѣ правды моя, не утаилъ бы и неправды, аще бы душа моя ихъ вмѣщала. Просить ли суда въ чертотахъ обличаемая совѣсть, а я о немъ молитву дѣю; милующая же врага моего медленность въ рѣшеніи дѣла, не сильнѣйшее ли вины его обличеніе? Есть ли же не пришелъ часъ воли твоей отмстить нанесенное мнѣ оскорбленіе, есть ли Всевышній, отнявъ у меня заступленіе твое, всего въ мірѣ меня лишаетъ, то яви послѣднюю со мной щедроту,—предай огню сіи слезныя строки, дабы враги мои, увидя, что я въ чаяніи моемъ посрамленъ, не вознесли кичливыхъ главъ своихъ и не рекли: оставила его Екатерина—принесемъ его въ жертву злобамъ нашимъ».

Въ 1796 году послѣдовало рѣшеніе Пензенской палаты уголовнаго суда, по которому Улыбушевъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ,

дворянскаго достоинства и къ ссылкѣ въ Сибирь на вѣчное жительство. Но у него нашелся защитникъ Александръ Салтыковъ, когда-то служившій вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ Самойловымъ. Въ письмѣ своемъ Салтыковъ доказывалъ, что палата приговорила Улыбушева къ наказанію выше вины его, и что, вообще, судьи оказали большое пристрастіе. Имѣло-ли это письмо какое-либо благодѣтельное послѣдствіе, а также, чѣмъ кончилось все это дѣло, и какова была дальнѣйшая судьба Улыбушева, къ сожалѣнію изъ дѣла не видно. Князь же Долгоруковъ въ томъ же 1796 году былъ переведенъ старшимъ членомъ въ московскую соляную контору.

Съ отъѣздомъ его изъ Пензы дѣло это не замолкло и долго сохранялось въ памяти пензенцевъ. Подлинныя письма были при дѣлѣ и копіи съ нихъ переходили изъ рукъ въ руки. Въ исходѣ XVIII и въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка образованность въ губерніяхъ была удѣломъ только небольшаго числа людей, преимущественно высшаго дворянства. Поэтому письма князя Долгорукова и Улыбушевой, по слогу своему, были рѣдкимъ явленіемъ въ обществѣ. Осуждая платоническихъ любовниковъ, указывая на письма, какъ на доказательство того, что женщинъ учить грамотѣ не слѣдуетъ, пензенцы, тѣмъ не менѣе, читали письма съ любопытствомъ и удовольствіемъ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе ста лѣтъ. Князь Долгоруковъ и Улыбушева давно умерли. Исторія ихъ любви сохранила только значеніе романа, который тѣмъ болѣе интересенъ, что не вымышленъ и составляетъ черту изъ біографіи одного изъ выдающихся тогдашнихъ поэтовъ—князя Ивана Михайловича Долгорукова.

Письмо Ламсдорфа князю Платону Зубову.

3 марта 1797 г. Митава.

Свѣтлѣйшій князь, Милостивый Государь. Сейчасъ удостоился я получить Всевысочайшее Его Императорскаго Величества имянное повелѣніе отъ 28-го прошедшаго Февраля слѣдующаго словеснаго содержанія: «Узнавъ о почестяхъ, сдѣланныхъ князю Зубову въ проѣздъ его чрезъ Ригу, и о принятіи имъ оныхъ, повелѣваемъ вамъ по полученіи сего истребовать отъ него именемъ Нашимъ, съ какимъ намѣреніемъ и по какому поводу посмѣлъ онъ оныя принимать: отвѣтъ въ оригиналѣ имѣете немедленно доставить къ Намъ съ симъ же нарочно посылаемымъ».

По поводу сего я вашу свѣтлость покорнѣйше прошу, согласно съ вышеписаннымъ всевысочайшимъ повелѣніемъ, отвѣтъ вашъ ко мнѣ вручить подателю сего, господину подполковнику Дикеру, для всеподданнѣйшаго поднесенія онаго въ оригиналѣ Его Императорскому Величеству. Съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и преданностью имѣю честь пребыть, свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга, Ламсдорфъ.

Сообщ. академикъ **А. Ѳ. Бычковъ**

Записки графа Л. Л. Беннигсена

о

войнѣ съ Наполеономъ 1807 года.

IV [1]).

Начало военныхъ дѣйствій.—Боевыя силы обѣихъ сторонъ.—Затрудненіе въ продовольствіи русской арміи.—Попытка Наполеона заключить перемиріе съ Пруссіею.—Первыя встрѣчи съ непріятелемъ.

27 сентября (9 октября н. ст.), находясь въ Меджибожѣ, въ Подоліи, въ ста верстахъ отъ Днѣстра, въ арміи, назначенной для военныхъ дѣйствій противъ Турокъ, я получилъ чрезъ фельдъегеря рескриптъ императора отъ 24-го сентября (6-го октября), въ которомъ, въ самыхъ милостивыхъ и лестныхъ выраженіяхъ, государь удостоивалъ меня командованія корпусомъ, составленнымъ изъ четырехъ дивизій: второй — подъ командою генерала-лейтенанта Остермана; третьей — подъ командою генерала-лейтенанта Сакена, четвертой—подъ командою генерала-лейтенанта князя Голицина, и шестой—подъ командою генералъ-маіора Седморацкаго. Его величество въ то же время предписывалъ мнѣ по возможности ускорить прибытіемъ моимъ въ Гродно. Эти четыре дивизіи состояли всего изъ 60.000 человѣкъ строевыхъ и нестроевыхъ, съ которыми мнѣ предназначалось идти на помощь прусскому королю противъ Наполеона.

Я отправился на другой день 28 сентября (10 октября) и прибылъ 3 (15) ноября въ Гродно, гдѣ нашелъ уже прусскихъ коммисаровъ гене-

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1896 г. При чтеніи этой и слѣдующихъ главъ необходимо пользоваться прилагаемою при семъ картою театра военныхъ дѣйствій.

ралъ-маіора Глѣбовскаго и тайнаго совѣтника Штейна, присланныхъ королемъ для опредѣленія маршрута моей арміи. Я присоединилъ къ нимъ моего начальника штаба генерала Штейнгеля, и они усиленно трудились надъ составленіемъ конвенціи о движеніи русской арміи по прусскимъ владѣніямъ. По этой конвенціи солдаты должны были получать продовольствіе на этапахъ, т. е. отъ хозяевъ квартиръ, а фуражъ долженъ быть выставленъ обывателями вездѣ, гдѣ будутъ проходить наши войска, по опредѣленной на все цѣнѣ. Эта конвенція была представлена обоимъ дворамъ на утвержденіе. Не возможно было въ то время предвидѣть даже необходимость устройства провіантскихъ магазиновъ на правомъ берегу Вислы, потому что я долженъ былъ не останавливаясь двинуться въ Силезію, перейти р. Эльбу и достичь театра военныхъ дѣйствій. Я занятъ былъ пока принятіемъ мѣръ, необходимыхъ для перехода нашихъ войскъ черезъ границу, и получилъ приказаніе по возможности ускорить мое движеніе, не слишкомъ утомляя однако войска, и во всемъ слѣдовать приказаніямъ, которыя его величество король прусскій сочтетъ необходимымъ мнѣ дать. Но скоро обстоятельства значительно измѣнились. Вмѣсто продолжительнаго перехода, который я долженъ былъ совершить для достиженія театра войны, пораженія, испытанныя прусскою арміею подъ Іеною и Ауэрштедтомъ 2-го октября, вызвали не только совершенное измѣненіе предположенныхъ военныхъ дѣйствій, но принятіе съ нашей стороны мѣръ къ возможно быстрому вооруженію для обезпеченія и защиты нашихъ собственныхъ границъ.— Этого всего менѣе конечно ожидали и еще менѣе были къ этому приготовлены. При этомъ случаѣ познакомились однако же, съ средствами Россіи, когда идетъ рѣчь о войнѣ, угрожающей ея границамъ, и обширностью пособій, которыя государь можетъ ожидать, въ видѣ всякаго рода пожертвованій, сдѣланныхъ русскимъ народомъ съ величайшимъ восторгомъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда изъ Гродно я получилъ извѣстіе о несчастныхъ сраженіяхъ при Ауэрштедтѣ, Іенѣ и Галле, бывшихъ 2 (14) и 5 (17) октября. Эти печальныя извѣстія не замедлили достичь Петербурга, и мнѣ прислано было приказаніе, по возможности сосредоточивъ мою армію, не переходить Вислы, чтобы не подвергать совершенно безполезно опасности наши храбрыя войска.

Генералъ Буксгевденъ получилъ въ то же время приказаніе собрать въ Литвѣ четыре остальныя дивизіи, именно: 5-ю, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тучкова, 8-ю — подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дохтурова, 9-ю — подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го, и 14-ю — подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Анрепа; всѣ эти четыре дивизіи составляли до 40.000 человѣкъ. Генералъ Михельсонъ, начавшій уже военныя дѣйствія противъ Турокъ, получилъ прика-

заніе немедленно отрядить отъ своей арміи генерала-лейтенанта Эссена 1-го съ двумя дивизіями, которыя однако составляли не болѣе 17.000 человѣкъ, такъ какъ онъ долженъ былъ оставить нѣсколько отрядовъ въ тылу. Генералъ Эссенъ 1-й получилъ приказаніе двинуться къ Бресту, чтобы прикрывать наши границы.

Таковы были первыя распоряженія, сдѣланныя Россіею. Прежде чѣмъ разсказывать далѣе, мнѣ кажется необходимо сказать нѣсколько словъ о силахъ непріятеля, приближавшагося къ нашимъ границамъ съ цѣлію ихъ занять. По самымъ вѣрнымъ и точнымъ свѣдѣніямъ численность различныхъ корпусовъ французской арміи, перешедшихъ Рейнъ, была слѣдующая: гвардія подъ командою Бесьера—12.000 человѣкъ, 1-й корпусъ Бернадотта—16.800 человѣкъ, 3-й корпусъ Даву—34.000 человѣкъ, 4-й—Сульта—30.600 чел., 5-й—Ланна—23.400 чел., 6-й—Нея—22.200 чел., 7-й—Ожеро—11.400 и 9-й—Лефевра—12.000 чел., всего же 162.400 чел. Кромѣ того резервная кавалерія подъ командою герцога Бергскаго [1])—20.400 и резервъ гвардіи подъ начальствомъ Удино—8.000 челов.; такъ что общее число французскихъ войскъ достигало 190.800 человѣкъ. Съ такимъ числомъ войскъ французы начали войну съ Пруссіею въ 1806 г.

Разсмотримъ теперь безъ преувеличеній потери, понесенныя французскою арміею въ дѣйствіяхъ противъ пруссаковъ:

Подъ Іеною и Ауэрштедтомъ убитыхъ 4.500 чел. и раненыхъ—8.000 чел., всего	12.500 чел.
При Заальфельдѣ и въ другихъ стычкахъ до большихъ битвъ, убитыхъ 500 чел., раненыхъ 1.500 человѣкъ, всего	2.000 чел.
При Галле убитыхъ 300 и раненыхъ 900 ч., всего .	1.200 чел.
Въ различныхъ сраженіяхъ: при Нордгаузенѣ, Ванцлебенѣ, Зендрикѣ и Пренцлау, убитыхъ 200 и раненыхъ—500 чел., всего	700 чел.
Въ сраженіяхъ съ генераломъ Блюхеромъ въ Мекленбургѣ и подъ Любекомъ, убитыхъ 1.500 чел. и раненыхъ—2.600 чел., всего	4.100 чел.
Подъ Магдебургомъ убитыхъ и раненыхъ . .	160 чел.
Всего .	20.660 чел.
Къ этому необходимо присоединить еще больныхъ, которыхъ въ разныхъ госпиталяхъ до самой Вислы, во французской арміи, насчитывалось . .	14.000 чел.

всего 34.660 чел., за вычетомъ коихъ изъ общей цифры 190.800 человѣкъ остается 156.140 чел., къ которымъ послѣ сраженій съ пруссаками

[1]) Замѣнившаго Мюрата, впослѣдствіи короля Неаполитанскаго, женатаго на сестрѣ Наполеона I.

присоединились еще 16.000 чел. баварскихъ войскъ, что́ и составитъ 172.140 чел. Изъ этого числа войскъ были оставлены: въ Силезіи—16.000 (баварцы всѣ); Гессенѣ—2.000 чел., Гамбургѣ—1.500 чел., Гамельнѣ—800 чел., Магдебургѣ—3.000 чел., Берлинѣ—2.000 человѣкъ, Любекѣ—800 чел., Штетинѣ и Кюстринѣ—3.000 чел., всего 29.100 человѣкъ, такъ что дѣйствующую армію составляли 143.040 человѣкъ. Съ такою арміею французы, перейдя р. Одеръ, начали зимнюю кампанію противъ русскихъ войскъ и остатковъ прусскихъ армій. Русскіе, при приближеніи французовъ къ берегамъ Вислы, имѣли всего 60.000 человѣкъ и пруссаки—10.000 чел., которые и могли быть противопоставлены французамъ.

22 октября (3 ноября) моя армія начала переходить границу четырьмя колоннами: въ Яловкѣ, Гроднѣ, Олитѣ и Юрбургѣ. Я самъ отправился 27 октября (8 ноября). Прибывъ съ моимъ генералъ-квартирмейстеромъ 29 октября (10 ноября) въ Остроленку я засталъ тамъ адъютанта императора Бенкендорфа, посланнаго изъ Петербурга къ прусскому королю и котораго сей послѣдній послалъ ко мнѣ съ депешами изъ Грауденца отъ 25 октября (6 ноября). Въ этихъ депешахъ король прусскій сообщалъ мнѣ о различныхъ несчастныхъ событіяхъ, постигшихъ его армію, а также о потерѣ Штетина и Кюстрина и наконецъ о томъ, что французы двумя сильными колоннами, форсированнымъ маршемъ, двигаются къ Вислѣ, при чемъ одна колонна идетъ по южной части Пруссіи, а другая—черезъ Померанію и восточную Пруссію. Его величество выражалъ желаніе сосредоточить всѣ русскія и прусскія войска плотною массою между Остероде и Сольдау позади р. Древенца, откуда въ благопріятной для насъ позиціи можно было бы противодѣйствовать успѣхамъ непріятеля въ старой Пруссіи или же атаковать его и заставить отступить обратно, если онъ перейдетъ Вислу. Въ то же время его величество король прусскій поручилъ мнѣ вступить въ переписку съ его генераломъ-отъ-кавалеріи Калькрейтомъ, командовавшимъ тогда прусскими войсками, для согласованія съ нимъ нашихъ общихъ военныхъ дѣйствій.

Принявъ въ соображеніе однако мѣстонахожденія въ то время нашихъ четырехъ дивизій подъ начальствомъ генерала Буксгевдена, а также и нашихъ войскъ подъ командою генерала Эссена и лишеніе нашихъ границъ всякой защиты, я счелъ долгомъ представить его величеству королю, что если я со всею своею арміею стану между Остероде и Сольдау, то непріятельская колонна, направляющаяся на Варшаву, будетъ имѣть полную возможность вполнѣ безпрепятственно вступать въ предѣлы Россіи. Но какъ я обязанъ оградить наши границы отъ всякаго вторженія непріятелей и въ приказаніяхъ государя импера-

тора предписывалось мнѣ никогда не упускать изъ виду сей обязанности при всѣхъ моихъ военныхъ распоряженіяхъ, то я убѣдительно просилъ короля одобрить мѣры, признаваемыя мною необходимыми въ моемъ положеніи и согласно которымъ я уже далъ необходимое направленіе движенію нашихъ колоннъ. Данныя мною въ этомъ отношеніи приказанія состояли въ слѣдующемъ: одна дивизія подъ командою генерала Седморацкаго, стоящая въ Прагѣ (противъ Варшавы), отправить, подъ начальствомъ полковника Юрковскаго, отрядъ изъ 5 эскадроновъ Александрійскаго гусарскаго полка, одного казачьяго полка, баталіона егерей и двухъ артиллерійскихъ орудій, который, пройдя чрезъ Варшаву, займетъ одну позицію въ Блоньи на дорогѣ въ Позенъ, а другую въ Казунѣ, по дорогѣ въ Петроковъ или Бреславль.

Въ Петроковѣ, Позенѣ, а также многихъ другихъ городахъ великой Польши вспыхнуло уже возстаніе, возбуждаемое непріятелемъ. Полковнику Юрковскому приказано было поставить рядъ легкихъ отрядовъ на рѣкѣ Бзурѣ, съ цѣлію наблюденія за движеніями непріятельской колонны, которая направляется къ Варшавѣ. Эти отряды вмѣстѣ съ тѣмъ должны были препятствовать возставшимъ приблизиться къ Варшавѣ ранѣе прибытія французской арміи. Генералъ Седморацкій займетъ отрядомъ правый берегъ Буга, отъ австрійской границы до р. Нарева, и поставитъ линію легкихъ войскъ на правомъ флангѣ вдоль Вислы, на половинѣ дороги до Плоцка.

Генералъ-маіоръ Барклай-де-Толли, начальствуя авангардомъ, отправится самъ въ Плоцкъ, имѣя въ своемъ начальствѣ одинъ полкъ егерей, полкъ пѣхоты, пять эскадроновъ легко-коннаго польскаго полка, два полка казаковъ и баттарею конной артиллеріи князя Яшвиля. Главная часть этого отряда займетъ окрестности Плоцка и Плонска, а казачья цѣпь на лѣвомъ флангѣ будетъ служить продолженіемъ цѣпи генерала Седморацкаго. На правомъ флангѣ, со стороны Торна, она протянется до цѣпи прусскихъ войскъ. Чтобы устроить кордонъ съ этой стороны, онъ непосредственно обратится къ генералу Лестоку. Барклай-де-Толли переведетъ отряды легкихъ войскъ на ту сторону Вислы, чтобы образовать патрули и стараться получать извѣстія о движеніяхъ непріятеля. Генералъ-лейтенантъ Сакенъ съ 3-ю дивизіею займетъ пространство отъ Млавы до Сольдау и Гильгенбурга. Генералъ-лейтенантъ, графъ Остерманъ займетъ второю дивизіею окрестности Цѣханова. Генералъ-лейтенантъ, князь Голицынъ—окрестности Пултуска, гдѣ будетъ моя главная квартира.

Въ этой позиціи я могъ сосредоточить мои четыре дивизіи въ два дня и направиться со всѣми силами туда, куда потребовалось бы это обстоятельствами. Объ этихъ распоряженіяхъ, удостоившихся одобренія

короля, я донесъ моему государю. Прусскій отрядъ, подъ командою генерала Калькрейта, находился на тѣсныхъ кантониръ-квартирахъ, между Заальфельдомъ и рѣкою Сольдау, причемъ аванпосты занимали линію Вислы отъ Данцига до окрестностей Плоцка. Генералъ Лестокъ, командовавшій въ то время этими аванпостами, выслалъ ихъ на лѣвый берегъ рѣки Вислы, чтобы имѣть точныя извѣстія о движеніи и приближеніи непріятеля. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, подъ командою маіора Муціуса встрѣтилъ въ маленькомъ городкѣ Бромбергѣ двухъ непріятельскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, посланныхъ съ небольшимъ отрядомъ на рекогносцировку; офицеры были взяты въ плѣнъ, а ихъ отрядъ — разсѣянъ. Два дня спустя приближеніе авангарда корпуса Ланна заставило прусскіе аванпосты перейти обратно за Вислу, и генералъ Лестокъ приказалъ сжечь мостъ, находившійся на этой рѣкѣ близъ Торна, что̀ и было исполнено 4-го (16-го) ноября.

Вмѣстѣ съ моимъ рапортомъ его величеству, отправленнымъ изъ Остроленки, я писалъ также письмо нашему министру иностранныхъ дѣлъ барону Будбергу, отъ 30-го октября (11-го ноября), въ которомъ сообщалъ ему о дѣлѣ, впослѣдствіи и почти во все время продолженія кампаніи причинявшемъ мнѣ величайшія затрудненія и препятствовавшемъ предположеннымъ движеніямъ, — это дѣло касалось мѣръ продовольствія арміи. Я могу служить примѣромъ, что главнокомандующему часто не столь опасны непріятельскія арміи, какъ испытываемые имъ недостатки въ средствахъ, требуемыхъ арміею при наступательныхъ ея дѣйствіяхъ. Подобные недостатки заставляютъ безвозвратно терять драгоцѣнное время, и общественное мнѣніе, не зная этихъ обстоятельствъ, приписываетъ всегда печальныя послѣдствія бездѣятельности или ошибкамъ главнокомандующаго. Будетъ еще случай убѣдиться въ этой истинѣ, когда я дойду до разсказа объ осадѣ Данцига, при которой недостатокъ продовольствія держалъ меня все время, такъ сказать, прикованнымъ къ той же самой позиціи. Когда я писалъ свое письмо военному министру, была только рѣчь о продовольствіи арміи, но впослѣдствіи мы увидимъ, что Россія оказалась совсѣмъ неприготовленною къ неожиданной войнѣ не только въ отношеніи продовольствія арміи и устройства провіантскихъ складовъ, но вообще относительно всѣхъ средствъ, которыя должны быть заготовлены заранѣе и которыя настоятельно необходимы для дѣйствующей арміи съ тою цѣлью, чтобы главнокомандующій не былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ концѣ моего письма я старался обратить вниманіе министра на жалкое положеніе силъ, которыми мы располагали, чтобы противопоставить угрожавшему намъ потоку. Я въ особенности настаивалъ на необходимости во̀-время принять мѣры, которыя сдѣлали бы насъ способ-

ными къ сильному сопротивленію. Это было тѣмъ болѣе настоятельно, что всѣ извѣстія удостовѣряли насъ въ томъ, что силы французской арміи, быстро подвигавшейся противъ насъ, значительно превосходили не только войска, находившіяся въ моемъ распоряженіи, но даже и тѣ, которыя могли бы быть еще собраны нами въ непродолжительное время. Побуждаемое подобными обстоятельствами, правительство обратилось къ народу, который съ величайшею готовностью и даже воодушевленіемъ содѣйствовалъ образованію ополченія въ 612.000 человѣкъ, не упоминая о безплатныхъ пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ частными лицами деньгами, лошадьми, хлѣбомъ, оружіемъ и проч. и проч. для защиты дорогаго отечества. Въ манифестѣ, изданномъ въ Петербургѣ, изложенъ порядокъ формированія этого ополченія и распредѣленіе его по разнымъ губерніямъ государства. Впослѣдствіи нашли, что назначенная цифра слишкомъ значительна, и, уволивъ нѣкоторую часть собранныхъ ратниковъ, уменьшили численность ополченія до 215.000 человѣкъ, дѣйствительно выставленныхъ народомъ. Но отдаленность многихъ губерній нашей обширной имперіи не дала имъ возможности прибыть во-время къ арміи.

Прибывъ 31-го октября (12-го ноября) въ Пултускъ съ генералъ-квартирмейстеромъ, я первымъ дѣломъ озаботился изысканіемъ средствъ для продовольствованія арміи. Не найдя ни одного провіантскаго магазина, не имѣя никакой возможности достать какую-либо повозку, принадлежащую войску, для перевозки провіанта, я видѣлъ къ тому же, что дороги къ несчастію дѣлаются непроѣздными, а крестьянскія лошади уже изнурены, слишкомъ малосильны, чтобы быть годными къ перевозкѣ, и даже околѣваютъ не мало. Кромѣ того, я сталъ ежедневно получать донесенія изъ отрядовъ о недостаткѣ продовольствія, которымъ страдаютъ войска, и о необходимости, въ которую поставлены полки, разсылать фуражировъ, чтобы силою забирать по деревнямъ необходимые имъ припасы. Въ этомъ крайнемъ затрудненіи я обратился къ губернатору Варшавы, барону Колеру съ просьбою выдать мнѣ необходимые припасы варшавскихъ или другихъ мѣстныхъ магазиновъ, хотя бы единственно для дивизіи, стоявшей въ Прагѣ и ея окрестностяхъ. Я получилъ отвѣтъ, что онъ не находитъ возможнымъ исполнить мое желаніе; все, что онъ можетъ со своей стороны сдѣлать, заключается въ томъ, что онъ снабдитъ провіантомъ на день или два одну дивизію генерала Седморадскаго. Я послалъ это письмо въ подлинникѣ барону Будбергу въ Петербургъ, описавъ ему крайнее затрудненіе, въ которомъ находится армія; вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ его указать мнѣ средства, которыя могли бы вывести армію изъ этого критическаго положенія.

Такимъ образомъ оказалось, что даже мы были лишены пособія въ

отношеніи продовольствія въ странѣ нашего союзника, за котораго пришли сражаться. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Варшаву я предлагалъ послать сильные отряды, чтобы до прибытія непріятеля, захватить, на сколько будетъ возможно, значительные магазины, находившіеся во многихъ мѣстахъ не вдалекѣ отъ Варшавы, на лѣвомъ берегу Вислы. Но предложеніе это было отклонено подъ тѣмъ предлогомъ, что на него нельзя согласиться, не испросивъ положительнаго соизволенія короля, а между тѣмъ время было слишкомъ коротко, чтобы выжидать отвѣтъ его величества, который, конечно, не былъ бы отрицательнымъ. Послѣдствіемъ этого было то, что всѣ эти магазины попали въ руки французовъ. Худое намѣреніе завѣдывавшихъ этими складами проявилось еще въ большей степени въ Плоцкѣ, гдѣ отъ генерала Барклая-де-Толли скрыли значительное количество хлѣбныхъ запасовъ, дѣйствительно находившееся на лицо и притомъ въ такую минуту, когда онъ былъ въ величайшемъ затрудненіи, какъ и чѣмъ продовольствовать свой отрядъ. Только въ ту минуту, когда мы собирались покинуть Вислу, ему открыли этотъ складъ, оказавшійся очень значительнымъ, но недостатокъ времени и перевозочныхъ средствъ не позволилъ вполнѣ перевезти эти запасы. Такимъ образомъ, наше затрудненіе въ продовольствованіи арміи увеличивалось съ каждымъ днемъ, среди страны союзной и изобиловавшей всякаго рода жизненными припасами.

Въ одномъ изъ моихъ разговоровъ въ Тильзитѣ съ княземъ Невшательскимъ, во время мирныхъ переговоровъ, онъ мнѣ сказалъ: «мы имѣли на 50 процентовъ болѣе преимуществъ, чѣмъ вы въ этой войнѣ, которая для насъ являлась войною наступательною и позволяла намъ дѣлать реквизиціи во всѣхъ завоеванныхъ мѣстахъ». Я испытывалъ эту истину во все время продолженія войны.

4-го (16-го) ноября я отправился въ Варшаву, чтобы лично переговорить съ генералъ-губернаторомъ этого города, барономъ Колеромъ. Въ то время очень опасались волненій въ Варшавѣ, имѣвшей 60.000 жителей, на которую съ самаго начала надлежало смотрѣть, какъ на очагъ возстанія, коль скоро французы займутъ городъ. Мы согласились въ томъ, что всѣ боевые припасы, находившіеся еще въ этомъ городѣ, будутъ доставлены на Вислу, откуда направятся по Бугу въ Наревъ для потребностей русской арміи. На торговыхъ судахъ, приходившихъ изъ Данцига, находили еще свинецъ и дробь, въ довольно большомъ количествѣ; я приказалъ ихъ отобрать и перевезти туда-же. Прусская артиллерія, стоявшая въ Варшавѣ, была расположена частію съ городскими войсками на большихъ площадяхъ города, а остальная—близъ моста на Вислѣ; наконецъ, весь гарнизонъ долженъ былъ соби-

раться по ночамъ въ разныхъ домахъ, чтобы имѣть возможность въ порядкѣ покинуть городъ по первому сигналу.

Генералу Седморацкому дано было тогда же приказаніе немедленно построить подъ Прагою, на правомъ берегу Вислы, батареи, чтобы сильнѣе защищать переправу черезъ рѣку. Очень благосклонное письмо короля прусскаго къ князю Іосифу Понятовскому, которымъ онъ поручалъ ему устроить городскую стражу, для охраненія порядка въ городѣ, много способствовало сохраненію спокойствія, господствовавшаго въ городѣ въ періодъ времени отъ очищенія Варшавы прусскими войсками до вступленія въ нее французовъ. Князь Понятовскій, племянникъ послѣдняго польскаго короля, съумѣлъ воспользоваться уваженіемъ, которое ему оказывали, и распоряжался съ большою осторожностью и умѣніемъ.

5-го (17) ноября авангардъ корпуса Ланна дошелъ до Подгоржа противъ Торна, гдѣ находилась главная квартира генерала Лестока. Командовавшій авангардомъ генералъ послалъ парламентера съ письмомъ къ магистрату, предлагая городу сдаться и требуя, чтобы онъ немедленно переправилъ ему всѣ суда, находившіяся въ то время на правомъ берегу Вислы, а также прислалъ бы ему значительное количество хлѣба, говядины и проч. и проч.; при неисполненіи этого требованія городъ долженъ былъ подвергнуться бомбардированію и сожженію. Генералъ Лестокъ отправилъ парламентера обратно съ отвѣтомъ, что онъ не дозволяетъ городу исполнить какое-либо изъ сихъ требованій французскаго генерала. Парламентеръ не успѣлъ еще выйдти, какъ уже въ городъ было брошено нѣсколько бомбъ. На другой день весь корпусъ Ланна, состоявшій изъ 18.000 человѣкъ, подошелъ къ Торну, который былъ бомбардированъ, но безъ успѣха. Были сдѣланы попытки убѣдить генерала Лестока сдать городъ, но онъ съ достоинствомъ и твердостію отвергъ это предложеніе. Лестокъ имѣлъ даже свиданіе съ генераломъ Викторомъ, а потомъ и съ Ланномъ, на небольшомъ островкѣ на Вислѣ; французскіе генералы употребили все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить генерала Лестока вывести свои войска изъ города и съ береговъ Вислы, но онъ оставался при своемъ твердомъ намѣреніи защищать ввѣренное ему мѣсто. Генералы разъѣхались, и по приказанію Ланна городъ былъ снова бомбардированъ, но безъ особыхъ послѣдствій. Между тѣмъ французы нарубили лѣсу и перевезли суда изъ р. Браге въ Вислу, для сооруженія моста. Генералъ Лестокъ возъимѣлъ намѣреніе отнять по возможности эти суда у французовъ. Стрѣлковый баталіонъ Бюлова исполнилъ это порученіе и истребилъ 26 лодокъ. Непріятель, утомленный сопротивленіемъ Лестока, отказался отъ намѣренія перейти Вислу въ окрестностяхъ Торна и продолжалъ свое движеніе къ Вар-

шавѣ, по лѣвому берегу Вислы. Послѣ ухода корпуса Лапна, вскорѣ, по той же самой дорогѣ, прошелъ мимо Торна корпусъ Ожеро и также бомбардировалъ, но слабо, этотъ городъ.

Возвратившись въ Пултускъ 6-го (18) ноября, я получилъ вскорѣ письмо прусскаго короля изъ Остероде отъ 11-го (23) ноября, въ которомъ его величество сообщалъ мнѣ, что къ нему пріѣзжалъ генералъ Дюрокъ съ предложеніемъ перемирія отъ имени императора Наполеона, но что предложенныя условія были такого свойства, что его величество не нашелъ возможнымъ на нихъ согласиться. Король прибавлялъ, что вскорѣ самъ лично меня познакомитъ съ содержаніемъ этихъ предложеній. Генералъ Дюрокъ долженъ былъ возвратиться на другой день къ своему императору. Король добавлялъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ меня немедленно извѣстить объ этомъ обстоятельствѣ на тотъ конецъ, чтобы я могъ во-время принять всѣ мѣры, такъ какъ весьма вѣроятно, что послѣ полученнаго отказа непріятель еще болѣе ускоритъ свое движеніе. Генералъ Дюрокъ уѣхалъ дѣйствительно 11-го (23) ноября изъ Остероде, а король прибылъ въ мою главную квартиру въ Пултускъ 12-го (24) числа.

Въ Варшавѣ въ то время уже находились: Мюратъ съ частью резервной кавалеріи и корпуса Даву и Лапна, силы которыхъ значительно превосходили мои; къ тому же было извѣстно, что и прочіе корпуса великой арміи приближались уже къ Вислѣ.

По вышеизложеннымъ обстоятельствамъ переправа чрезъ Вислу на оконечности моего лѣваго фланга находилась уже въ рукахъ непріятеля, и я долженъ былъ опасаться, что онъ пожелаетъ этимъ воспользоваться и нападетъ на отдѣльные мои отряды прежде, нежели я успѣю сосредоточить всю свою армію. Поэтому я не могъ сохранять долѣе мою позицію на Вислѣ и долженъ былъ, не теряя времени, позаботиться о сосредоточеніи моихъ силъ и о прикрытіи нашихъ границъ со стороны Бреста, куда генералъ Эссенъ 1-ый еще не прибылъ.

Въ надеждѣ, что французы еще не знаютъ о приближеніи отряда генерала Буксгевдена, и полагая, что они будутъ меня преслѣдовать съ тою горячностью, которую они всегда проявляютъ въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ, я рѣшился отойти назадъ къ подходившимъ ко мнѣ подкрѣпленіямъ. Съ этою цѣлью, я приказалъ войскамъ выступить изъ мѣстъ ихъ расположенія 20-го ноября (2-го декабря) по направленію на Рожаны и Остроленку (два пункта на рѣкѣ Наревѣ), гдѣ могъ со мною соединиться, по моему предположенію, генералъ Буксгевденъ, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторою частію своего корпуса, и куда долженъ былъ также прибыть и прусскій отрядъ подъ командою генерала Лестока Я надѣялся завлечь непріятеля въ обширныя простирающіяся

тутъ равнины, но этотъ замыселъ мнѣ не удался. 24-го ноября (6-го декабря), я получилъ донесеніе, что непріятель, не подвигаясь впередъ, удовольствовался укрѣпленіямъ своей позиціи въ Прагѣ разными сооруженіями, причемъ заставилъ работать множество жителей. Я рѣшился вернуться немедленно опять въ Пултускъ. Я расположилъ теперь свою армію на тѣсныхъ квартирахъ въ двѣ линіи такимъ образомъ, что въ двое сутокъ всѣ отряды могли быть соединены вмѣстѣ подъ Пултускомъ, на правомъ берегу Нарева. Резервъ въ 12 баталіоновъ былъ расположенъ близъ города вдоль этой рѣки.

Генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ, которому я поручилъ начальствованіе лѣвымъ крыломъ арміи, на мѣсто генерала Седморацкаго, занималъ окрестности Сироцка и Чарнова, съ цѣлію защищать переправу чрезъ рѣку Вкру, при впаденіи ея въ Наревъ, и чтобы задержать непріятеля на время, мнѣ необходимое для сосредоточенія всей моей арміи около Пултуска. Генералъ Барклай-де-Толли былъ посланъ въ Ново-Място съ авангардомъ, чтобы занять рѣку Вкру; его аванпосты на лѣвомъ флангѣ прикасались съ таковыми же отрядами генерала графа Остермана, а на правомъ флангѣ—съ отрядами генерала Лестока, котораго я отозвалъ изъ Торна въ Страсбургъ на рѣкѣ Древенцѣ; онъ прибылъ съ своимъ штабомъ 24-го ноября (6-го декабря) въ Голубь, а на другой день въ Страсбургъ. Отказавшись отъ защиты Вислы, я не могъ уже удерживать Торнъ; я долженъ былъ беречь войска, а оставленныя мною для защиты этого города неизбѣжно были бы утрачены, потому что это мѣсто не настолько укрѣплено, чтобы гарнизонъ его могъ бы долго держаться.

25-го ноября (7-го декабря) полковникъ гусарскаго Александрійскаго полка Русановъ, съ своимъ эскадрономъ и ротою 4-го Егерскаго полка подъ командою капитана Кулиша былъ посланъ на рекогносцировку отъ Помѣхова на Модлинъ къ Сохочину. На возвратномъ пути онъ замѣтилъ, что непріятель перерѣзалъ ему дорогу своею пѣхотою. Онъ рѣшился оружіемъ проложить себѣ путь сквозь пѣхоту, что ему и удалось безъ значительныхъ потерь. Наша пѣхота была неоднократно окружаема непріятелемъ, полагавшимъ, что она не въ состояніи уйти, но капитанъ Кулишъ въ своемъ критическомъ положеніи не растерялся; онъ опрокинулъ приближавшагося къ нему непріятеля съ фронта, взялъ двѣ небольшія батареи и принудилъ французовъ бѣжать до рѣки Вислы, гдѣ они бросились въ лодки, причемъ потеряли нѣсколько людей отъ нашихъ выстрѣловъ. Между тѣмъ непріятель занялъ дорогу въ Помѣхово, по которой наша рота егерей должна была проходить обратно. Капитанъ Кулишъ былъ объ этомъ извѣщенъ и этотъ отважный капитанъ, несмотря на то, что дрался съ

утра до трехъ часовъ послѣ полудня и имѣя уже весьма немного патроновъ, рѣшился пробираться лѣсомъ, миновалъ деревню Врону и достигъ благополучно Колозомба, гдѣ перешелъ рѣку Вкру и соединился съ отрядомъ генерала Дохтурова. Въ этомъ дѣлѣ, сдѣлавшемъ большую честь капитану Кулишу, мы потеряли всего 26 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ. По докладу моему о подвигѣ Кулиша государь императоръ пожаловалъ капитану орденъ св. Владиміра 4-й степени, а король прусскій—орденъ «pour le merite». Этому храброму офицеру не удалось однакоже воспользоваться этими почетными наградами, потому что онъ въ скоромъ времени имѣлъ несчастіе быть убитымъ въ дѣлѣ подъ Зерновымъ (?), гдѣ также отличился.

Много было мнѣ высказано противъ принятаго мною рѣшенія не защищать переправу черезъ Вислу и притомъ вполнѣ съ военной точки зрѣнія, какъ это и надлежало ожидать отъ знающихъ людей. Оставляю безъ возраженія всѣ появившіяся сужденія объ этомъ; было бы совершенно безполезно ихъ опровергать. Самомнѣніе, рѣшающееся судить очень скоро и безъ знанія дѣла, о которомъ даже и невозможно имѣть яснаго понятія,—явленіе слишкомъ обыденное, чтобы удивляться ложнымъ сужденіямъ, которыя ежеминутно теперь слышатся. Если ихъ произноситъ человѣкъ военный, то иногда на нихъ опираются; но въ глазахъ просвѣщеннаго человѣка онъ обнаруживаетъ только свое невѣжество, развѣ что еще иногда къ этому присоединяется и недобросовѣстность. Если же это говоритъ лицо не военное,—то только смѣются; это самое лучшее, что можно сдѣлать. Достаточно припомнить, что едва война окончилась, какъ появилось множество очерковъ, описаній и даже исторій этой войны, которые убѣждаютъ въ томъ, что авторы заботились преимущественно о томъ, чтобы быть первыми писавшими о войнѣ, но не о томъ, чтобы сказать правду или раскрыть обстоятельства, которыя вызвали и обусловили событія. Военное лицо, желающее со вниманіемъ и съ картою въ рукѣ изслѣдовать позиціи обѣихъ армій, найдетъ только одно событіе, которое особыя, неотвратимыя причины дѣлали неизбѣжнымъ.

Вся армія, бывшая подъ моимъ начальствомъ, какъ уже мною сказано выше, состояла всего изъ 60.000 человѣкъ, включая въ то число и нестроевыхъ; прусскій же отрядъ подъ командою генералъ-лейтенанта Лестока—изъ десяти тысячъ человѣкъ. Теченіе Вислы, начиная отъ границъ Австріи до Грауденца простирается почти до 45 нѣмецкихъ миль. Не совершилъ ли бы я непростительную ошибку, разбросавъ мои войска для защиты переправъ на этой рѣкѣ, противъ арміи болѣе чѣмъ вдвое сильнѣйшей и притомъ на линіи очень обширной, даже если бы захотѣли принять предположеніе, что крѣпости Грауденцъ и Данцигъ

защищаютъ вполнѣ нижнюю Вислу. Припомнимъ, что тогда еще не прибыли по назначенію ни генералъ Буксгевденъ, ни генералъ Эссенъ 1-ый со своими корпусами.

Французская армія столь многочисленная, встрѣчая благопріятное содѣйствіе мѣстныхъ жителей и значительные отряды которой достигли уже Варшавы, имѣла своею задачею перейдти во что бы то ни стало Вислу, одержать побѣду между этою рѣкою и Наревомъ, содѣйствовать возстанію въ областяхъ, принадлежавшихъ прежде Польшѣ, и, наконецъ,—принудить армію генерала Михельсона отступить изъ предѣловъ Турціи.

Присоедините къ этому, что, желая защищать линію Вислы, я долженъ бы былъ занять очень сильно тѣ главнѣйшіе пункты, въ которыхъ непріятель могъ совершить переправу и въ особенности тѣ, на коихъ непріятель дѣлалъ демонстраціи, каковыми были преимущественно Варшава и Торнъ. Но французы въ то же время готовили лѣсные матеріалы, необходимые для постройки моста на Нетцѣ; они могли доставить ихъ въ Вислу и спустить или поднять по рѣкѣ, смотря по тому, гдѣ имъ нуженъ будетъ мостъ. Упорно желая защитить эти два крайніе пункта, отдаленные другъ отъ друга на тридцать миль, я рисковалъ не имѣть возможности воспрепятствовать тому, чтобы французы не устроили себѣ какую-либо переправу между Торномъ и Варшавою. Чтобы это сдѣлать, французамъ требовалось всего три дня; изъ нихъ два—для сооруженія моста и одинъ—для самой переправы. Имъ не потребовалось бы приложить много усилій, чтобы въ продолженіе 48 часовъ скрыть отъ меня движеніе ихъ войскъ или изъ Варшавы, или Торна, или другаго какого-либо мѣста, уже занятаго ими. Продолжая безпокоить меня со стороны Варшавы или Торна, они могли бы выиграть еще одинъ или два дня и успѣть построить не только одинъ мостъ, но совершить одинъ или два перехода безъ того, чтобы я могъ принять мѣры, соотвѣтственныя времени и мѣсту для защиты переправы. Такимъ образомъ, я очевидно подвергался опасности, что армія моя будетъ раздѣлена надвое и потерпитъ рѣшительное пораженіе. Кромѣ того, эта переправа очень легко могла быть форсирована подъ Варшавою, противъ Праги, подъ покровительствомъ нѣсколькихъ батарей, и я долженъ бы былъ сосредоточить съ этой стороны очень значительныя силы.

Всего сказаннаго, безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы побудить меня отказаться отъ обороны рѣки Вислы, помимо еще слѣдующаго соображенія, которое, входя постоянно во всѣ мои разсчеты, должно было къ нимъ присоединиться и подкрѣпить ихъ.

Событія, происшедшія подъ Ульмомъ, были слишкомъ еще памятны,

чтобы они могли ускользнуть отъ меня. Лѣвое крыло австрійцевъ, примыкая къ владѣніямъ Аншпаха и Байрейта, считалось въ полной безопасности; между тѣмъ, французы, не уважая нисколько нейтралитетъ этихъ земель, прошли по нимъ, обошли австрійцевъ и совершенно ихъ уничтожили. Это породило совершенно неожиданныя послѣдствія. Теперь мое лѣвое крыло упиралось въ Галицію. Не долженъ ли я былъ опасаться, что французы, если бы я слишкомъ растянулъ свой правый флангъ, пройдутъ черезъ Галицію и обойдутъ мой лѣвый флангъ? Не долженъ ли я былъ принять мѣры противъ этого событія, которое, съ самаго начала, могло все испортить? Бросьте взглядъ на карту и посмотрите, какое обширное поле представилось бы свободному дѣйствію французовъ и какія были бы отъ этого послѣдствія? Никакое подкрѣпленіе не могло бы подойти ко мнѣ; всѣ должны были бы спѣшить на защиту собственной страны. Поэтому, если я долженъ былъ беречь мои главныя силы на краю моего лѣваго фланга, то какъ бы я могъ растянуться на моемъ правомъ флангѣ и защищать столь обширное протяженіе, о которомъ уже я выше говорилъ.

Условія перемирія, предложенныя генераломъ Дюрокомъ, состояли въ слѣдующемъ:

Прусскій король долженъ былъ сдать французской арміи всѣ крѣпости, занятыя пока еще его войсками по Одеру и Вислѣ, до заключенія мира, объ условіяхъ котораго не упоминалось даже. Онъ обязывался отказаться отъ союза съ Россіею; онъ долженъ былъ запереть всѣ свои порты и гавани для англійскихъ судовъ. Онъ обязывался склонить Россію силою или убѣжденіемъ къ тому, чтобы она закрыла всѣ свои порты для судовъ Великобританіи и ея торговли.

Во время пребыванія своего въ Пултускѣ, король прусскій поручилъ мнѣ главное начальствованіе надъ его войсками, во главѣ которыхъ, на мѣсто генерала-отъ-кавалеріи Калькрейта, стоялъ его генералъ-лейтенантъ Лестокъ, человѣкъ величайшихъ достоинствъ, блестящимъ образомъ отличавшійся уже своими заслугами въ предшествовавшія войны. Въ настоящей же войнѣ, командуя всегда отдѣльнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ русскихъ и прусскихъ войскъ, онъ окончательно упрочилъ свою прекрасную репутацію. Я долженъ еще присовокупить, что генералъ Лестокъ, справедливымъ и благороднымъ образомъ дѣйствій, успѣлъ пріобрѣсти довѣріе русскихъ войскъ до такой степени, что всѣ бывшіе подъ его начальствомъ гордились этимъ и отзывались о семъ храбромъ генералѣ съ величайшею преданностью и признательностью. Король сообщилъ мнѣ, что онъ послалъ маіора Гольца въ Силезію съ приказаніями сформировать прежде всего отдѣльный корпусъ изъ войскъ, размѣщенныхъ по разнымъ крѣпо-

стямъ, изъ солдатъ, удалившихся въ эту область послѣ различныхъ сраженій, а также изъ рекрутъ, вновь набранныхъ. Этотъ корпусъ, имѣвшій всегда возможность укрыться въ одной изъ крѣпостей, былъ бы довольно значительнаго размѣра и въ состояніи былъ бы, конечно, производить сильныя диверсіи, что́ принудило бы французовъ отрядить противъ него значительный отрядъ. Не знаю, что воспрепятствовало осуществленію этого, очень умно задуманнаго, плана. Собрали такое незначительное количество войска, что баварскій корпусъ, вступившій въ Силезію, разбилъ его и принудилъ остатки удалиться въ Богемію. Большая часть крѣпостей сдалась одна послѣ другой, и 1-го декабря непріятель началъ, хотя и слабо, бомбардировать Глогау, а 2-го числа эта крѣпость также сдалась. Бреславль сдался 8-го января, почти послѣ четырехъ-недѣльной обороны. 10-го января французы подошли къ крѣпости Швейдницу, которая, продержавшись до 16-го числа, также сдалась. Я въ свое время поговорю о событіяхъ, происходившихъ въ Силезіи.

Король прусскій, переговоривъ со мною о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, уѣхалъ 14-го (26) декабря изъ Пултуска въ Остероде. Прусскія войска оставались пока въ занятыхъ ими позиціяхъ, выше мною упомянутыхъ; они составляли, за исключеніемъ гарнизоновъ въ различныхъ крѣпостяхъ и войскъ, бывшихъ еще въ Варшавѣ, всего шесть стрѣлковыхъ баталіоновъ, восемь линейныхъ пѣхотныхъ полковъ, пятьдесятъ эскадроновъ кавалеріи и девять баталіоновъ, артиллеріи. Въ такомъ положеніи соединенная армія пробыла нѣкоторое время. Генералъ Барклай-де-Толли приказалъ нѣсколькимъ отрядамъ казаковъ переправиться вплавь на другую сторону Вислы; они имѣли нѣсколько небольшихъ, довольно удачныхъ, стычекъ съ французами и приводили всякій разъ плѣнныхъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ, отъ которыхъ мы и узнали, что принцъ Мюратъ, съ частью резервной кавалеріи, и маршалы Даву и Ланнъ, съ ихъ корпусами, двигаются къ Варшавѣ Впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что главная квартира Даву прибыла 28-го октября (9-го ноября новаго стиля) въ Позенъ, и что онъ 4-го (16-го) числа направился къ Варшавѣ.

Полковникъ Юрковскій прислалъ намъ также нѣсколько плѣнныхъ, взятыхъ имъ въ различныхъ аванпостныхъ перестрѣлкахъ. 12-го (24) числа французы прибыли въ Сохочинъ, и отрядъ, бывшій подъ его начальствомъ, былъ принужденъ отступить до Блонья, гдѣ еще 13-го (25) числа было небольшое аванпостное дѣло, стоившее по десяти человѣкъ съ каждой стороны. Послѣ этого полковникъ Юрковскій отступилъ къ Варшавѣ. Этотъ городъ былъ очищенъ прусскими вой-

сками 14-го (26) ноября въ величайшемъ порядкѣ, а самый мостъ на Вислѣ сожженъ. 15-го (27) числа отрядъ французской кавалеріи вступилъ въ Варшаву. Обыватели держали себя при этомъ очень спокойно, что́, какъ я уже замѣтилъ, должно быть приписано благоразумнымъ распоряженіямъ князя Іосифа Понятовскаго. Генералъ Седморацкій получилъ приказаніе удерживать Прагу и защищать переправу Вислы. Прусскій гарнизонъ, вышедшій изъ Варшавы, имѣлъ еще 14.000 человѣкъ, но какъ полки его преимущественно состояли изъ поляковъ, то большая часть ихъ бѣжала въ Галицію, по достиженіи имъ Буга, составлявшаго границу между Австріею и Россіею съ этой стороны. Этимъ прусскій отрядъ значительно уменьшился.

Я не дѣлалъ сперва никакихъ измѣненій въ расположеніи моихъ войскъ и могъ бы продержаться еще нѣкоторое время, если бы генералъ Седморацкій, которому я довѣрилъ лѣвый флангъ моей позиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ защиту переправы черезъ Вислу въ Прагѣ (противъ самой Варшавы), не покинулъ совершенно внезапно своей позиціи 19-го ноября (1-го декабря), вопреки положительнымъ моимъ приказаніямъ. Онъ отступилъ на основаніи ложныхъ извѣстій, что французы идутъ уже по Галиціи, чтобы обойти его съ тыла. Французы въ Варшавѣ немедленно были увѣдомлены жителями Праги объ отступленіи Седморацкаго, и не замедлили воспользоваться тотчасъ же оплошностью нашего генерала: они перешли Вислу и заняли Прагу. Когда я получилъ въ Пултускѣ рапортъ объ отступленіи Седморацкаго, французы уже такъ сильно заняли Прагу, что я не въ состояніи былъ бы овладѣть ею обратно безъ сильнаго и притомъ безполезнаго пролитія крови.

V

Назначеніе фельдмаршала графа Каменскаго главнокомандующимъ всѣми арміями.—Сраженія на р. Вкрѣ и при Пултускѣ.—Ихъ послѣдствія.

Дней восемь спустя послѣ моего возвращенія въ Пултускъ, подошелъ ко мнѣ генералъ Буксгевденъ съ своимъ корпусомъ и расположилъ свою штабъ-квартиру въ окрестностяхъ Высоко-Мазовецка. Я послалъ къ нему генералъ-лейтенанта графа Толстаго, который убѣдилъ его замѣнить часть моихъ войскъ, стоявшихъ на лѣвомъ берегу Нарева, своею дивизіею, и такимъ образомъ дать мнѣ возможность собрать всѣ мои четыре дивизіи на правомъ берегу Нарева. Кромѣ того было условлено, что Буксгевденъ придвинетъ остальныя три дивизіи

своего корпуса довольно близко къ лѣвому берегу рѣки, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, въ два перехода, соединиться со мною подъ Пултускомъ. Такимъ образомъ мы становились достаточно сильными, чтобы принять сраженіе, которое непріятель, согласно полученнымъ нами извѣстіямъ, не замедлитъ намъ дать со всѣми своими силами. Генералъ Лестокъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ овладѣть обратно Торномъ, но получивъ извѣстіе, что непріятель уже занялъ этотъ городъ значительными силами, благоразумно отказался отъ своего намѣренія и установилъ линію аванпостовъ отъ Бишофсвердена до Страсбурга. Лѣвый флангъ этой линіи примыкалъ къ правому флангу линіи русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лестокъ занялъ окрестности между Данцигомъ и Бишофсверденомъ летучимъ отрядомъ. Вскорѣ послѣ этого мы получили извѣстіе, что императоръ Наполеонъ прибылъ въ Позенъ 15-го (27) ноября и что со-дня-на-день должно ожидать пріѣзда его въ Варшаву, который заранѣе можно было считать предвѣстникомъ большихъ военныхъ событій.

Между тѣмъ я получилъ отъ императора рескриптъ, въ которомъ его величество указывалъ, что необходимость побудила его изъ двухъ отдѣльныхъ армій (изъ коихъ одна была ввѣрена мнѣ, а другая генералу Буксгевдену), составить одну болѣе значительную и грозную и болѣе способную противопоставить преграду успѣхамъ непріятеля, поставивъ въ главѣ всѣхъ этихъ войскъ, готовыхъ вступить въ бой съ французами, фельдмаршала графа Каменскаго 1-го, который будетъ главнымъ руководителемъ всѣхъ военныхъ дѣйствій, и что намъ предстоитъ сообразоваться съ его распоряженіями. Этотъ выборъ былъ сдѣланъ по желанію и почти единогласному указанію всего общества и народа. Рядъ замѣчательныхъ заслугъ графа Каменскаго, оказанныхъ имъ нашимъ монархамъ и народу, снискалъ ему это довѣріе,—величайшую и лучшую награду, которою можетъ только пользоваться военно-начальникъ въ концѣ своего поприща. Дѣйствительно, графъ Каменскій служилъ уже полковникомъ въ Семилѣтнюю войну, затѣмъ былъ волонтеромъ во французской арміи въ кампанію 1759 года. Въ войнахъ съ турками, въ царствованіе императрицы Екатерины II, онъ съ отличіемъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ. Къ этой большой опытности въ военномъ дѣлѣ графъ Каменскій присоединялъ еще обладаніе всѣми познаніями и свѣдѣніями, необходимыми хорошему генералу. Въ молодости своей онъ часто исполнялъ обязанности генералъ-квартирмейстера и основательно изучилъ относящіяся до этой части науки. Въ предстоявшей великой войнѣ, чрезвычайно важной по своимъ послѣдствіямъ, государство безъ сомнѣнія извлекло бы отъ графа тѣ же большія и важныя услуги, которыя были нѣкогда имъ оказаны, если бы только преклонный возрастъ,

тѣлесныя немощи и физическія страданія не лишили его возможности проявить всю дѣятельность, безусловно необходимую главнокомандующему для того, чтобы собственными глазами видѣть дѣйствія непріятеля и самому направлять свои собственныя войска.

Узнавъ изъ сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, что нашъ фельдмаршалъ прибылъ въ Литву, я послалъ ему очень обстоятельный рапортъ о состояніи ввѣренной мнѣ арміи, приложивъ также военную карту съ точнымъ и подробнымъ обозначеніемъ на ней расположенія всѣхъ моихъ войскъ и французскихъ отрядовъ. Къ этому еще присоединено было изложеніе всѣхъ дошедшихъ до меня извѣстій о намѣреніяхъ непріятеля.

Фельдмаршалъ прибылъ 7-го (19) въ Пултускъ; два дня спустя мы получили извѣстіе, что Наполеонъ прибылъ въ ночь съ 6-го (18) на 7-е (19) въ Варшаву. Генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ доносилъ въ то же время, что непріятель значительно усиливаетъ свои войска противъ нашего лѣваго фланга, т. е. противъ него; что онъ приготовляетъ нужные матеріалы для постройки моста на Бугѣ; что благодаря небольшому острову, находящемуся при устьѣ р. Вкры, при впаденіи ея въ р. Бугъ, не вдалекѣ отъ деревни Зерново, переправа эта легко можетъ быть совершена непріятелемъ, превосходящимъ насъ въ числѣ. Поэтому намъ слѣдовало ожидать съ минуты на минуту, что нашъ лѣвый флангъ будетъ опрокинутъ, и графъ Остерманъ будетъ принужденъ отступить къ Пултуску, къ позиціи, приготовленной мною для принятія сраженія. Впрочемъ фельдмаршалъ не одобрилъ ни выбранной мною позиціи, ни различныхъ принятыхъ мною мѣръ. На другой день по прибытіи, онъ поставленные мною въ резервѣ по Нареву 12 баталіоновъ передвинулъ въ Ново-Място на рѣку Вкру, чтобы соединиться съ авангардомъ, и поручилъ мнѣ отправиться лично, чтобы принять командованіе имъ. Онъ имѣлъ намѣреніе съ значительнымъ отрядомъ перейти р. Вкру у Ново-Място, принудить непріятеля отступить за Вислу у Плоцка и самому двинуться затѣмъ на освобожденіе отъ осады Грауденца, которому французы уже предъявляли требованія о сдачѣ. 10-го (22) декабря предъ самымъ отъѣздомъ въ Ново-Място я зашелъ къ фельдмаршалу спросить его о дальнѣйшихъ приказаніяхъ, какъ вдругъ полученъ былъ рапортъ графа Остермана, что небольшой островокъ, о которомъ онъ раньше упоминалъ, подвергся нападенію французовъ и занятъ съ 7-го (19) числа отрядомъ маршала Даву и притомъ весьма сильно; что непріятель сооружаетъ батареи, подъ огнемъ которыхъ переправа, чрезъ маленькую рѣчку, отдѣляющую насъ отъ него, будетъ по всѣмъ даннымъ совершена въ слѣдующую ночь; что тогда онъ (Остерманъ) не въ состояніи будетъ держаться противъ превосходныхъ силъ противника, собранныхъ противъ него. Графъ

Остерманъ при этомъ сообщалъ, что по единогласному показанію плѣнныхъ самъ Наполеонъ находится при войскахъ и что неоднократно слышались привѣтственные крики «да здравствуетъ императоръ!» Маршалъ Сультъ со своимъ корпусомъ и частью резервной кавалеріи великаго герцога Бергскаго перешелъ Вислу у Вышграда; маршалъ Ланнъ съ своимъ корпусомъ переправился въ Варшавѣ и слѣдовалъ за корпусомъ Даву по дорогѣ къ Пултуску, также съ частію резервной кавалеріи. Корпусы маршаловъ Нея и Бернадотта перешли Вислу у Торна, при чемъ первый находился у Рыпина, а Бернадоттъ на крайнемъ концѣ лѣваго крыла французской арміи.

Генералъ-маіоръ графъ Паленъ, занимавшій своимъ гусарскимъ полкомъ на нѣкоторомъ протяженіи линію нашихъ аванпостовъ впереди нашего праваго фланга, на рѣчкѣ Вкрѣ, доносилъ, что непріятель наступаетъ передъ нимъ въ значительныхъ силахъ. Мы получили въ то же время извѣстіе изъ Варшавы, дошедшее къ намъ чрезъ Галицію, что французы сдѣлаютъ на насъ нападеніе 12-го (24) числа на всѣхъ пунктахъ, чтобы форсировать переходъ чрезъ р. Вкру. Фельдмаршалъ, потому ли что не довѣрялъ всѣмъ этимъ донесеніямъ, потому ли что предполагалъ, что непріятель остановится и не будетъ продолжать наступленіе на нашъ правый флангъ, не удержалъ меня въ Пултускѣ. Онъ не только не сдѣлалъ никакихъ измѣненій въ своемъ расположеніи войскъ, но еще усилилъ свой авангардъ нѣкоторыми войсками, стоявшими въ первой линіи, и всею пѣхотою, стоявшею на правомъ флангѣ во второй линіи. На другой день 11-го (23) числа онъ далъ приказаніе генералъ-лейтенанту князю Голицину прибыть съ двумя кавалерійскими полками, остававшимися у него въ Ново-Мястѣ. Того же 11-го (23) числа я прибылъ утромъ въ Ново-Място, въ то самое время какъ непріятель дѣлалъ рекогносцировку, бывшею поводомъ довольно сильной перестрѣлки. Вечеромъ того же дня фельдмаршалъ самъ прибылъ въ Ново-Място. Всѣ войска, вышеупомянутыя мною, находились въ движеніи въ нашемъ центрѣ и на правомъ флангѣ, когда Наполеонъ дѣйствительно повелъ атаку въ ночь съ 11-го (23) на 12-е (24) декабря на графа Остермана и при помощи устроеннаго имъ моста форсировалъ переправу черезъ Бугъ. Графъ Остерманъ, при самомъ началѣ дѣла, послалъ къ намъ флигель-адъютанта его величества полковника Уварова съ донесеніемъ, въ которомъ излагалъ невозможность держаться долѣе противъ значительно превосходившихъ его непріятельскихъ силъ. Полковникъ Уваровъ былъ отосланъ обратно съ приказаніями фельдмаршала, но дорогою былъ взятъ въ плѣнъ французами. Графъ Остерманъ уже начиналъ отступать послѣ шестичасоваго сраженія и храброй обороны, заслужившей ему знаки благо-

воленія государя и удивленіе всей арміи. Съ разсвѣтомъ дня, фельдмаршалъ поѣхалъ въ небольшой каретѣ въ Чарново, но оно оказалось занятымъ непріятелемъ, и графъ Каменскій черезъ полтора часа вернулся обратно и притомъ верхомъ. Въ то же время мы узнали, что вся наша линія аванпостовъ атакована, а въ слѣдъ за симъ пришло извѣстіе, что нашъ главный постъ, находившійся въ четырехъ верстахъ отъ насъ на рѣкѣ Вкрѣ, для прикрытія Ново-Мяста, подвергся нападенію и былъ взятъ, а съ нимъ вмѣстѣ и четыре орудія бывшей тамъ батареи. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, что непріятель въ значительныхъ силахъ быстро подвигается къ намъ. Фельдмаршалъ рѣшился отправиться на правый флангъ, къ полкамъ, находившимся въ движеніи, и возложилъ на меня командованіе всѣми остальными войсками. Мы имѣли основаніе опасаться, чтобы непріятель не предупредилъ насъ въ Пултускѣ, гдѣ оставался небольшой отрядъ, и не отрѣзалъ бы насъ отъ двухъ дивизій, находившихся на лѣвомъ берегу Нарева. Поэтому я приказалъ всѣмъ войскамъ, составлявшимъ авангардъ, отступить по дорогѣ къ Стрегочину, мѣстечку, которое фельдмаршалъ назначилъ сборнымъ пунктомъ вмѣсто Пултуска. Я самъ отправился за четыре версты къ генералу Титову, находившемуся въ деревнѣ въ четырехъ верстахъ позади Ново-Мяста, съ своею бригадою, съ которою я и двинулся обратно къ Стрегочину. Всѣмъ генераламъ, получившимъ ранѣе приказаніе двигаться къ нашему правому флангу, я передъ отправленіемъ своимъ въ Стрегочинъ предписалъ оставить, не теряя времени, дорогу, на которой они находятся, и направляться къ Пултуску, куда спѣшить въ возможной скорости. Въ 10 часовъ вечера я прибылъ въ Стрегочинъ, гдѣ нашелъ графа Остермана отступившаго сюда съ своимъ корпусомъ и генералъ-маіора Ламберта съ отрядомъ кавалеріи. Около часа ночи прибылъ сюда же генералъ Барклай со своимъ авангардомъ изъ Ново-Мяста, а потомъ и генералъ Сакенъ съ войсками праваго крыла первой линіи. Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ съ двумя полками его кавалеріи и другіе отряды, всего до 12 баталіоновъ, 35 эскадроновъ, почти всѣ казачьи полки и значительное число орудій не могли уже прибыть ни въ Стрегочинъ, ни въ Пултускъ, такъ какъ непріятель отрѣзалъ имъ путь отступленія. Моею первою заботою было всѣ эти войска, прибывшія въ Стрегочинъ, расположить въ боевой порядокъ насколько это позволяла сильная ночная темнота. Давъ войскамъ немного отдохнуть я направилъ ихъ къ Пултуску въ слѣдующемъ порядкѣ. Генералъ графъ Ламбертъ, составляя съ легкими войсками авангардъ, выступилъ въ два часа ночи; графъ Остерманъ съ своими войсками — въ три часа; генералъ Сакенъ долженъ былъ двинуться съ нѣкоторыми полками его дивизіи въ четыре часа, и наконецъ генералъ Барклай, составляв-

шій аріергардъ—въ пять часовъ утра. Генералъ Сакенъ не исполнилъ въ той точности, какъ другіе, данное ему приказаніе. Безъ всякой необходимости и вопреки данному ему приказанію онъ пробылъ въ Стрегочинѣ до шести часовъ, что въ свою очередь воспрепятствовало генералу Барклаю выступить до разсвѣта съ своимъ аріергардомъ. Эта потеря времени заставила насъ по дорогамъ, сдѣлавшимся непроходимыми отъ постоянныхъ дождей, оставить гораздо болѣе орудій, чѣмъ мы потеряли бы безъ этой ошибки генерала Сакена. Различные отряды русской арміи лишились при этомъ движеніи 52 орудій, завязшихъ въ грязи настолько, что не было возможности ихъ вытащить, несмотря на всѣ усилія людей. Непріятель не слѣдовалъ за нами вблизи, и движеніе наше совершалось въ порядкѣ по диспозиціямъ.

Отдавъ всѣ необходимыя приказанія для этого движенія, я поѣхалъ впередъ, чтобы настичь авангардъ, съ которымъ и прибылъ въ Пултускъ въ 9 часовъ утра, гдѣ къ счастью нашелъ генерала Багговута, занявшаго пространство отъ Сироцка до Дембы. Узнавъ объ общемъ отступленіи нашихъ войскъ съ береговъ рѣки Вкры онъ благоразумно направился съ своимъ отрядомъ къ Пултуску, занялъ прилегающія высоты, съ которыхъ защищалъ дороги, идущія въ Сироцкъ и Насельскъ. Около 11 часовъ Багговутъ донесъ мнѣ, что непріятель наступаетъ на него по дорогѣ отъ Насельска и что его передовые отряды вступили уже въ перестрѣлку. Насъ увѣряли впослѣдствіи, что это былъ генералъ Сюше съ одною дивизіею, подходившій или съ цѣлію сдѣлать рекогносцировку, или съ цѣлію занять Пултускъ, если мы еще не успѣли вернуться. Но генералъ Багговутъ съумѣлъ такъ хорошо воспользоваться мѣстностью, что непріятель, несмотря на превосходство своихъ силъ, принужденъ былъ отступить, не имѣя съ собою артиллеріи, которая не могла за нимъ слѣдовать по непроходимымъ дорогамъ. Генералъ же Багговутъ имѣлъ шесть шестифунтовыхъ орудій, что давало ему превосходство надъ французами. Нашъ легкій Татарскій полкъ, подъ командою подполковника Кнорринга, очень отличился въ этомъ дѣлѣ; онъ опрокинулъ непріятельскій кавалерійскій полкъ и взялъ 17 плѣнныхъ. Французы потеряли нѣсколько человѣкъ, благодаря дѣйствіямъ нашей артиллеріи. Наша потеря состояла изъ двухъ убитыхъ и трехъ раненыхъ. Я не имѣлъ возможности усилить отрядъ генерала Багговута, потому что самъ прибылъ съ небольшимъ отрядомъ, едва достаточнымъ для прикрытія артиллеріи, оставшейся въ окрестностяхъ Пултуска. При томъ же я не имѣлъ свѣдѣній о численности показавшагося непріятеля. По мѣрѣ того какъ войска наши подходили, я разставлялъ ихъ на позицію, за долго уже мною выбранную. Къ счастью для насъ весь этотъ день прошелъ безъ важнаго дѣла.

Вечеромъ въ 10 часовъ фельдмаршалъ вернулся въ Пултускъ; я отправился къ нему немедленно, чтобы представить рапортъ о всемъ происходившемъ со времени отъѣзда его въ Ново-Място. При этомъ я добавилъ, что, по моему мнѣнію, мы должны ожидать появленія непріятеля въ продолженіе дня не столько въ видѣ атаки, сколько въ видѣ рекогносцировки, но что мы должны ожидать нападенія весьма серьезнаго на другой день и притомъ подъ начальствомъ самого Наполеона. Графъ Каменскій согласился принять сраженіе и спросилъ меня, все ли къ тому готово. Я ему доложилъ, что приказалъ занять позицію постепенно подходившими войсками, но что еще многихъ не достаетъ, но я надѣюсь, что они подойдутъ къ намъ ночью. Вслѣдствіе этого фельдмаршалъ при мнѣ приказалъ написать генералу Буксгевдену, стоявшему съ одною дивизіею въ Маковѣ, въ двухъ миляхъ отъ Пултуска, а съ другою, подъ начальствомъ генерала Дохтурова—въ Голыминѣ на правомъ берегу Нарева, а также генералъ Эссену 3-му и Анрепу, находившимся на лѣвомъ берегу Нарева, чтобы всѣ они немедленно выступили къ Пултуску къ намъ на помощь.

Приказанія эти были отправлены, и всѣ войска дѣйствительно могли бы своевременно на слѣдующій день подоспѣть къ началу сраженія. Я спокойно отправился къ себѣ въ квартиру, занятую совсѣмъ вблизи отъ позиціи, на которой наши войска стояли биваками. Къ несчастію ночью фельдмаршалъ сдѣлался настолько боленъ, что предвидѣлъ невозможность сѣсть на лошадь, чтобы лично присутствовать въ сраженіи; это побудило его снова измѣнить диспозицію, сдѣланную наканунѣ. Онъ потребовалъ меня къ себѣ около трехъ часовъ ночи и вручилъ мнѣ письменное приказаніе, въ которомъ мнѣ предписывалось немедленно отступить со всѣми находившимися войсками, за нашу границу. При той разбросанности, въ которой находилась вся наша армія, не трудно было предвидѣть всѣ гибельныя послѣдствія подобнаго быстраго отступленія; они были тѣ же, какія произвело бы проигранное сраженіе. Сражаясь я, по крайней мѣрѣ, нѣсколько задерживалъ непріятеля и тѣмъ доставлялъ время другимъ войскамъ, отъ меня уже отрѣзаннымъ, возможность достичь Нарева въ верхнемъ его теченіи. Я поэтому рѣшился пробыть этотъ день еще въ Пултускѣ на позиціи и принять скорѣе сраженіе, чѣмъ подвергать армію и интересы государства исходу отступленія, послѣдствія котораго не могли быть иныя, какъ гибельныя. Я долженъ добавить еще, что мнѣ было рѣшительно неизвѣстно, что къ генераламъ Буксгевдену, Эссену 3-ему и Анрепу были посланы также приказанія, которыя отмѣняли распоряженія, сдѣланныя наканунѣ, и предписывали имъ не подходить ко мнѣ на помощь къ Пултуску, а отступить въ свои границы. Эти три дивизіи, какъ

легко усмотрѣть на картѣ, могли прибыть ко мнѣ на помощь во время самаго сраженія, и этотъ день безъ сомнѣнія рѣшилъ бы въ нашу пользу исходъ этой первой кампаніи тѣмъ болѣе, что несмотря на всѣ эти плачевныя обстоятельства, наши войска своею храбростью и мужествомъ сопротивлялись весь день всѣмъ атакамъ, сдѣланнымъ непріятелемъ на разныхъ пунктахъ.

Предоставляя себѣ въ слѣдущей главѣ изложить дошедшія тогда ко мнѣ извѣстія изъ разныхъ отрядовъ, отъ меня отрѣзанныхъ и подвергшихся нападеніямъ непріятеля въ тотъ же день при ихъ движеніи, я въ настоящее время ограничусь изложеніемъ хода сраженія при Пултускѣ, а впослѣдствіи изложу всѣ великія послѣдствія этого достопамятнаго дня Легко будетъ придти къ убѣжденію, что хотя это сраженіе и не было столь кровопролитно какъ сраженіе при Прейсишь-Эйлау, но послѣдствія его были не менѣе важны для Россіи, въ особенности послѣ событій, совершившихся на р. Вкрѣ, о которыхъ я уже упоминалъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы не было сдѣлано измѣненій въ отношеніи данныхъ мною ранѣе распоряженій, то сраженіе при Пултускѣ могло оказаться гораздо болѣе рѣшительнымъ, нежели оно на самомъ дѣлѣ было, потому что непріятель встрѣтилъ бы семь дивизій вмѣсто четырехъ.

Я уже говорилъ, что избралъ позицію при Пултускѣ при самомъ прибытіи моемъ въ армію; она должна была прикрывать большую дорогу, которая ведетъ къ Остроленкѣ, а также мосты, построенные по моему приказанію на Наревѣ, подъ Пултускомъ; въ то же время она должна была обезпечивать мнѣ свободное сообщеніе съ корпусомъ генерала Буксгевдена. Изъ этой позиціи я могъ двинуться на защиту нашихъ границъ, гдѣ бы имъ ни грозило вторженіе непріятеля, и могъ легко выполнить планъ, составленный мною еще до прибытія фельдмаршала въ армію, а именно, одержавъ рѣшительную побѣду подъ Пултускомъ, направиться съ главными силами на нижнюю Вислу освободить Грауденцъ отъ осады и обезпечить себѣ сообщеніе съ Данцигомъ. Съ этою цѣлью я уже приказалъ заготовить наскоро нѣсколько провіанта въ Сольдау, Млавѣ, Пржашницѣ и другихъ пунктахъ, которые потомъ попали въ руки непріятеля.

Занятая мною мѣстность представляетъ равнину, какъ это видно и на картѣ, не доставляющую какихъ либо существенныхъ преимуществъ той или другой сторонѣ. Храбрость, во всѣхъ случаяхъ отличавшая войска обѣихъ воюющихъ сторонъ въ этой кампаніи, а также движеніе и расположеніе войскъ должны были рѣшить успѣхъ этого сраженія.

Мое лѣвое крыло опиралось на маленькій городъ Пултускъ, а правое—на кустарники, прилегавшіе къ деревнѣ Мощинье. Для прикрытія рѣки Нарева и большой дороги, ведущей отъ Сироцка въ Пултускъ, я

выдвинулъ впередъ на четыре версты отъ моего лѣваго крыла отрядъ подъ командою генерала Багговута, состоявшій изъ пѣхотныхъ полковъ Старооскольскаго и Виленскаго, трехъ батальоннаго состава каждый, одного баталіона Ревельскаго полка, четвертаго Егерскаго полка, конно-легкаго Татарскаго полка, двухъ эскадроновъ Кіевскаго драгунскаго полка и одного казачьяго полка. Авангардъ подъ командою генерала Барклая-де Толли состоялъ изъ 1-го, 3-го и 23-го егерскихъ полковъ, имѣвшихъ вмѣстѣ девять батальоновъ, Тенгинскаго пѣхотнаго полка изъ 3-хъ баталіоновъ, и пяти эскадроновъ конно-легкаго Польскаго полка. Авангардъ этотъ былъ поставленъ въ кустарникахъ передъ правымъ флангомъ съ шестью артиллерійскими орудіями, чтобы препятствовать непріятелю обойти этотъ флангъ.

14-го (26) декабря около девяти часовъ утра, осмотрѣвъ войска, прибывшія ночью на биваки, я получилъ отъ генерала Багговута донесеніе о приближеніи непріятеля. Было извѣстно, что императоръ Наполеонъ находится при арміи, состоявшей изъ корпусовъ маршаловъ Даву и Ланна и частью кавалеріи великаго герцога Бергскаго. Вслѣдствіе этого донесенія я выдвинулъ всю находившуюся у меня кавалерію въ равнину за тысячу шаговъ впереди пѣхоты моей первой линіи, чтобы воспрепятствовать непріятелю обозрѣть мою позицію, прежде нежели онъ подойдетъ со всѣми силами. Маршалъ Даву со своимъ корпусомъ направился на наше лѣвое крыло; онъ стремительно атаковалъ передовой отрядъ генерала Багговута, слишкомъ слабый, чтобы оказать ему сопротивленіе; онъ отступилъ понемногу. Мнѣ было весьма важно не допустить непріятеля овладѣть городомъ; онъ же, производя атаку на наше лѣвое крыло, не могъ имѣть другой цѣли какъ овладѣть имъ, то я приказалъ усилить отрядъ Багговута тремя баталіонами пѣхоты. Но и этого оказалось недостаточнымъ, а потому я присоединилъ къ нему еще генералъ-лейтенанта графа Остермана съ Тульскимъ пѣхотнымъ полкомъ и гренадерскимъ баталіономъ Павловскаго полка. Кромѣ того я послалъ еще изъ кавалеріи одинъ кирасирскій полкъ, Изюмскій гусарскій полкъ и Каргопольскій драгунскій полкъ. Съ этой минуты дѣло становилось серьезнѣе; долго дрались съ величайшимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Гренадерскій баталіонъ Старооскольскаго полка и одинъ баталіонъ четвертаго егерскаго полка атаковали штыками центральную непріятельскую колонну, а въ то же время генералъ Кашинъ съ кирасирскимъ его величества полкомъ и двумя эскадронами Каргопольскаго драгунскаго полка атаковалъ съ успѣхомъ лѣвый флангъ колонны, опрокинулъ пѣхотную колонну въ 2.000 человѣкъ, большая часть которой была убита и около 300 человѣкъ взяты въ плѣнъ. Сильная непріятельская колонна пыталась сло-

мить лѣвое крыло корпуса Багговута, пройдя между Наревомъ и возвышенностію на берегу этой рѣки, но она была въ свою очередь атакована двумя баталіонами нашей пѣхоты. Баталіонъ подъ начальствомъ маіора Бреверна, прибывшій изъ дивизіи генерала Анрепа на лѣвый берегъ Нарева съ двумя орудіями, открылъ огонь во флангъ непріятельской колоннѣ и скоро принудилъ ее отступить съ потерею. Генералъ Дохтуровъ, съ своимъ Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ, съ большимъ искусствомъ подвелъ непріятельскую колонну подъ выстрѣлы одной изъ нашихъ батарей. Непріятель сильно пострадалъ отъ дѣйствія этой батареи. Эти атаки были такъ хорошо исполнены, что французы должны были отступить и отказаться на время отъ намѣренія прорвать нашъ лѣвый флангъ.

Впрочемъ они придавали по-прежнему большое значеніе занятію Пултуска. Получивъ новыя подкрѣпленія непріятель возобновилъ свои атаки на всѣхъ пунктахъ, противъ корпуса Багговута, который принужденъ былъ вторично уступить численному превосходству и отступилъ до оврага, находившагося позади его. Но въ это время подоспѣлъ графъ Остерманъ со своимъ отрядомъ, наскоро соорудилъ батарею изъ нѣсколькихъ орудій на холмѣ позади оврага и открылъ огонь, который произвелъ большое дѣйствіе. Весь корпусъ бросился снова на непріятеля, который принужденъ былъ отступить. Генералъ Багговутъ сильно его преслѣдовалъ далѣе четырехъ верстъ всею своею кавалеріею, поддержанною егерями и Тульскимъ пѣхотнымъ полкомъ, подъ командою генерала маіора Сомова. При этихъ атакахъ и преслѣдованіи непріятеля взято въ плѣнъ около 500 французовъ. Одержаннымъ нами успѣхомъ мы преимущественно были обязаны отличнымъ дѣйствіямъ генерала Багговута и благоразумнымъ распоряженіямъ генералъ-лейтенанта графа Остермана.

Въ то время какъ кипѣлъ упорный бой на лѣвомъ крылѣ, сильная колонна двинулась на нашъ центръ, вслѣдствіе чего я приказалъ своей кавалеріи понемногу отступать, пройти обѣ линіи нашей пѣхоты и стать въ третьей, позади моего праваго крыла, въ такомъ разстояніи, однако, чтобы ее можно было вновь вызвать, если бы непріятель дѣйствительно вознамѣрился атаковать нашъ центръ. Впрочемъ послѣ нѣсколькихъ залповъ нашей артиллеріи эта колонна двинулась влѣво и присоединилась къ войскамъ, съ которыми маршалъ Ланнъ направилъ нѣсколько колоннъ на наше правое крыло. Онъ прошелъ по кустарнику и съ большою стремительностью атаковалъ нашъ авангардъ, бывшій подъ командою генерала Барклая и прикрывавшій нашъ правый флангъ. Будучи довольно слабымъ Барклай не могъ противиться превосходнымъ силамъ непріятеля и принужденъ былъ отсту-

пить. Я приказалъ было устроить въ кустарникахъ маскированную батарею, картечные выстрѣлы которой на время остановили стремительность французовъ, но скоро они обошли эту баттарею, и генералъ Барклай принужденъ былъ отступить еще далѣе. Онъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ къ генералу Сакену, командовавшему нашимъ правымъ флангомъ, съ просьбою о подкрѣпленіи. Не получивъ таковаго въ желаемомъ размѣрѣ и послѣ вторичной о семъ просьбы, Барклай послалъ того же самаго адъютанта г. Бартоломея ко мнѣ, съ просьбою, чтобы я лично прибылъ на правый флагъ нашего расположенія.

Хотя мое присутствіе и было еще необходимо на лѣвомъ крылѣ, на которомъ я и находился, тѣмъ не менѣе я созналъ необходимость согласиться на просьбу генерала Барклая. Прибывъ на нашъ центръ, я замѣтилъ, что непріятель одержалъ уже верхъ въ кустарникахъ и доходитъ до одной линіи съ нашимъ правымъ крыломъ. Опасаясь, что скоро буду взятъ во флангъ, я немедленно приказалъ перемѣнить боевую линію правымъ флангомъ назадъ до самаго центра, это и составило вторую мою позицію въ этомъ сраженіи. Въ то же время я подкрѣпилъ генерала Барклая тремя баталіонами Черниговскаго полка, подъ командою князя Долгорукова 3-го, вызваннаго изъ второй линіи. Это распоряженіе имѣло очень большой успѣхъ, потому что всѣ батареи, находившіяся передъ фронтомъ нашего праваго крыла, открыли огонь во флангъ непріятельскихъ колоннъ, бывшихъ въ кустарникахъ. Въ то время, когда я замѣтилъ, что непріятель пріостановился, я присоединилъ къ генералу Барклаю еще Литовскій пѣхотный полкъ. Барклай, собравъ всю свою пѣхоту, бросился въ штыки на непріятельскія колонны. Въ то же время я выдвинулъ батарею, поддерживаемую нѣсколькими эскадронами, дѣйствовавшую весьма удачно мѣткими залпами по кустарнику. Затѣмъ я снова вызвалъ остатки кавалеріи передъ центръ моей первой линіи, чтобы удержать непріятельскую кавалерію. Я уже далъ приказаніе генералу графу Остерману выдвинуть всю пѣхоту лѣваго крыла. Всѣ эти атаки удались на всѣхъ пунктахъ; непріятель былъ принужденъ уступить и отойти съ поля сраженія.

Съ 11 часовъ утра до 7 часовъ вечера обѣ стороны дрались съ величайшею храбростью. Ружейный огонь, въ особенности на нашемъ правомъ крылѣ, былъ особенно силенъ въ продолженіе шести часовъ; пѣхота нѣсколько разъ такъ близко сходилась одна съ другою, что, казалось, она перемѣшивалась; видно было, что наша пѣхота рѣшилась въ этотъ день оправдать мнѣніе объ ея храбрости, которымъ она всегда пользовалась въ Европѣ, и которое могли нѣкоторыя неудачныя дѣла предшествовавшихъ кампаній поколебать только въ глазахъ лицъ, не знающихъ основательно русскаго солдата.

Французы, привыкшіе подъ начальствомъ ихъ великаго полководца сокрушать находящагося предъ ними непріятеля, уступили съ большимъ трудомъ въ первый разъ подъ Пултускомъ, проявивъ вдвойнѣ величайшія усилія и рѣдко встрѣчаемую храбрость.

Темнота, ненастная погода, градъ, сопровождаемый пронзительнымъ вѣтромъ, воспрепятствовали намъ далеко преслѣдовать непріятеля и воспользоваться нашею побѣдою въ той для насъ мѣрѣ, которая оказалась бы возможною, если бы исходъ сраженія выяснился до наступленія ночи. Я обязанъ отдать здѣсь генералу Барклаю-де-Толи должную справедливость, что своимъ замѣчательнымъ образомъ дѣйствій въ этомъ сраженіи онъ еще болѣе укрѣпилъ ту репутацію, которою уже пользовался въ арміи. Я долженъ отдать также справедливость моему начальнику штаба, генералъ-маіору Штейнгелю, который своими дарованіями и дѣятельностью, какъ въ этотъ день, такъ и въ продолженіе всей этой кампаніи мнѣ очень много помогалъ въ исполненіи диспозицій. Полковники генеральнаго штаба Бергъ и Адеркасъ равнымъ образомъ отличились въ этомъ сраженіи. Я бы охотно поименовалъ всѣхъ способствовавшихъ побѣдѣ этого дня, но число ихъ слишкомъ велико; ограничусь выраженіемъ имъ всѣмъ моего удивленія, которымъ я былъ проникнутъ вообще въ отношеніи поведенія и храбрости войскъ, участвовавшихъ въ этомъ сраженіи подъ моимъ начальствомъ. Мнѣ незачѣмъ говорить о томъ участіи, которое принимала въ этомъ сраженіи наша артиллерія, ни объ образѣ дѣйствій офицеровъ, командовавшихъ ею; объ этомъ пространно сказано въ моемъ донесеніи. Въ первомъ оффиціальномъ моемъ донесеніи мнѣ было невозможно съ точностью опредѣлить нашу потерю, но она простиралась дѣйствительно почти до 7.000, какъ убитыхъ, такъ и раненыхъ. Потерю французовъ, безъ всякаго преувеличенія, можно принять въ 10.000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и тѣхъ 700 человѣкъ, которые были взяты нами въ плѣнъ на полѣ сраженія.

Повторяю еще разъ, мнѣ ничего не было извѣстно о приказаніи, данномъ дивизіямъ генерала Буксгевдена, не слѣдовать къ мѣсту моего нахожденія въ Пултускъ. Поэтому во все время сраженія я находился въ величайшемъ спокойствіи объ его исходѣ, тѣмъ болѣе, что одинъ баталіонъ дивизіи генерала Анрепа прибылъ послѣ полудня на лѣвый берегъ Нарева около моста подъ Пултускомъ и что въ то же время прибылъ ко мнѣ прусскій егерь, увѣрявшій, что видѣлъ собственными глазами генерала Буксгевдена съ дивизіею генерала Тучкова, идущихъ по дорогѣ отъ Макова къ Пултуску и что кавалерія его подойдетъ немедленно къ полю сраженія. Я долженъ былъ тѣмъ болѣе ожидать прихода этихъ войскъ, что генералъ-лейтенантъ, графъ Толстой,

дежурный генералъ арміи, поѣхалъ къ генералу Буксгевдену въ то время, когда корпусъ генерала Багговута находился уже въ дѣйствіи и сраженіе дѣлалось всеобщимъ. Только ночью уже, когда все было окончено, и когда большую часть моихъ войскъ я отвелъ на первоначальныя ихъ позиціи, тогда только узналъ я оффиціально, что всѣ тѣ войска, которыя я ожидалъ, двинулись уже по направленію къ нашимъ границамъ, чтобы перейти ихъ. Спрашиваю, при подобныхъ обстоятельствахъ что же мнѣ оставалось дѣлать? Конечно не что иное, какъ самому исполнить тѣ же самыя приказанія фельдмаршала, потому что иначе чему бы я могъ подвергнуться, оставаясь одинъ на позиціи въ Пултускѣ? Всѣ непріятельскіе корпусы, которые были назначены для нападенія на наши отряды во время ихъ отступленія, не замедлили бы соединиться, возвратиться назадъ и возобновить сраженіе, въ которомъ несоотвѣтствіе силъ было бы слишкомъ значительно, чтобы я имѣлъ возможность успѣшно сопротивляться. Съ большимъ сожалѣніемъ я рѣшился покинуть позицію подъ Пултускомъ, чтобы имѣть возможность легче присоединить къ себѣ генералъ-лейтенанта князя Голицына съ его войсками, отрѣзанными отъ меня, и о которыхъ я не имѣлъ никакихъ извѣстій. Для этой цѣли я приказалъ 15-го (27-го) числа рано утромъ моей тяжелой артиллеріи перейти Наревъ подъ надлежащимъ прикрытіемъ, съ тѣмъ чтобы слѣдовать по лѣвому берегу этой рѣки до Остроленки и ожидать меня тамъ. Дорога по лѣвому берегу песчанная и не столь непроходима, какъ по правому берегу; при томъ же я былъ вполнѣ увѣренъ, что непріятель не будетъ меня преслѣдовать такъ скоро, и что я могу нѣкоторое время обойтись безъ тяжелой артиллеріи. Потомъ, отправивъ еще тѣхъ нашихъ раненыхъ, которые въ состояніи были выдержать перевозку, я приказалъ всѣ войска направить по правому берегу Нарева по дорогѣ въ Рожаны. Послѣдніе отряды аріергарда покинули Пультускъ въ 11 часовъ дня, не видя ни одного непріятельскаго солдата.

Положеніе, въ которомъ я находился въ день сраженія, было для меня безспорно тяжело и затруднительно. Я получилъ положительное приказаніе немедленно отступить въ предѣлы нашихъ границъ, слѣдовательно, я не долженъ былъ вступать въ сраженіе. Какой же я подвергался личной отвѣтственности, если бы имѣлъ несчастье претерпѣть значительную неудачу? Печальныя послѣдствія пораженія были бы поставлены мнѣ въ вину; основательные доводы, которые я могъ бы привести въ оправданіе моего рѣшенія стойко ожидать непріятеля и остановить его хотя бы на одинъ день, чтобы дать время нашимъ войскамъ, разбросаннымъ по правому берегу Нѣмана, достичь этой рѣки,—не послужили бы оправданіемъ моего неповиновенія, тѣмъ болѣе, что могли мнѣ доказать, что я имѣлъ еще достаточно времени, чтобы перевести

мои войска за Наревъ по мостамъ, мною устроеннымъ на этой рѣкѣ. Но исходъ дня былъ въ нашу пользу; меня настолько же одобрили, насколько въ противоположномъ исходѣ меня порицали бы. Мой всемилостивѣйшій монархъ, чтобы выразить мнѣ свое благоволеніе, удостоилъ пожаловать мнѣ орденъ св. Георгія 2-й степени, присоединивъ къ этому еще подарокъ и въ 5.000 червонцевъ.

Теперь потрудитесь, раскрывъ карту, разсмотрѣть, какой бы получился результатъ, если бы я поступилъ совершенно иначе, т. е., если бы я рѣшился немедленно отступить. Прежде всего спросимъ, какую дорогу слѣдовало мнѣ избрать для отступленія? Я подвергалъ слишкомъ большой опасности тяжелую артиллерію, если бы направилъ ее по лѣвому берегу Нарева, съ такимъ же небольшимъ прикрытіемъ, какъ это я сдѣлалъ послѣ сраженія, потому что непріятель, находившійся уже совсѣмъ близко къ Пултуску, скоро бы настигъ ее. Если бы я взялъ артиллерію съ собою на правый берегъ, то опять-таки неизбѣжно потерялъ бы ее, ибо дороги въ это время года были совершенно непроходимы. Непріятель вблизи слѣдовалъ бы за мною, и то, что случилось съ нами при отступленіи нашемъ отъ рѣки Вкры къ Пултуску, повторилось бы опять.

Разсмотримъ теперь каковы бы были послѣдствія моего отступленія, если бы я со всѣмъ войскомъ перешелъ Наревъ; это было бы для меня самое легкое исполнить и самое безопасное для войскъ, находившихся при мнѣ, но послѣдствія были бы тѣмъ не менѣе очень плачевны. Припомните, что генералъ Буксгевденъ находился съ двумя дивизіями на пути отступленія отъ Макова, и что генералъ князь Голицынъ болѣе чѣмъ съ одною дивизіею былъ отрѣзанъ отъ меня по дорогѣ изъ Голимина къ Остроленкѣ. Наполеонъ самъ съ значительными силами находился также на правомъ берегу Нарева совсѣмъ вблизи Пултуска; онъ безъ сомнѣнія былъ бы немедленно извѣщенъ объ отдѣльныхъ отрядахъ, отправленныхъ мною изъ Пултуска. Никогда не упускавшій случая воспользоваться ошибками своихъ противниковъ, онъ не замедлилъ бы двинуться вдоль Нарева, по той же дорогѣ, по которой я шелъ на Рожаны и Остроленку, и тогда нашимъ войскамъ, движеніе которыхъ было бы затруднено артиллеріею при худыхъ дорогахъ, представилось бы много затрудненій, чтобы избѣжать нападенія такого ловкаго и искуснаго врага и найти возможность переправиться черезъ Наревъ.

Послѣдствія пораженія и потери значительной части войскъ на правомъ берегу Нарева, при обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, были бы неисчислимы; они не ограничились бы только пораженіемъ одного дня, но сдѣлались бы еще гораздо пагубнѣе отъ вступленія непріятеля въ предѣлы нашего государства, въ Литву. Я не по-

лучилъ бы болѣе подкрѣпленій, чтобы имѣть возможность сопротивляться французской арміи, тѣмъ болѣе, что ни одинъ резервъ не находился позади меня въ близкомъ разстояніи, на который я могъ отступить, чтобы подкрѣпиться. Формированіе ополченія въ имперіи едва только что началось. Я не смѣлъ бы отважиться вступить во второе сраженіе, чтобы не подвергать судьбу государства второму и послѣднему удару, и былъ бы принужденъ передать эти смежныя съ нами области во власть непріятеля до тѣхъ поръ, пока я сталъ бы располагать силами, достаточными для сопротивленія.

Хотя обыватели русской Польши держали себя хорошо и благоразумно во время этой войны противъ французовъ, но они были бы однако принуждены или увлечены дѣйствовать за-одно съ прусскою Польшею противъ насъ. Этотъ духъ возстанія не замедлилъ бы распространиться, какъ огонь, по всѣмъ областямъ, прежде принадлежавшимъ Польшѣ. Вступленіе сильной французской арміи, безъ сомнѣнія, послужило бы къ тому сигналомъ, и никто не станетъ оспаривать, что было бы весьма затруднительно снова завоевать эти области, по крайней мѣрѣ, безъ значительнаго кровопролитія.

Такимъ образомъ, очевидно, что успѣхъ, дарованный Провидѣніемъ нашему оружію подъ Пултускомъ, предотвратилъ всѣ вышеуказанныя несчастья и далъ намъ время собрать свои силы, чтобы имѣть возможность снова мужественно сопротивляться страшнымъ силамъ непріятеля.

Сообщилъ **П. М. Майковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ)

Къ исторіи русской геральдики.

Въ 1850 году и. д. герольдмейстера донесъ министерству юстиціи, что согласно распоряженію министра и по предложенію бывшаго герольдмейстера Д. Н. Замятнина г. Бернарди, вызванный составить геральдическій кодексъ для руководства департамента герольдіи, сообщилъ двѣ первыя части этого сочиненія, о щитѣ, съ принадлежащими къ нему рисунками, обѣщая въ непродолжительномъ времени доставить и остальныя части: о шлемѣ и украшеніяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ и. д. герольдмейстера представилъ и составленную Бернарди историческую часть сочиненія о Русской геральдикѣ.

Министерство юстиціи, считая нужнымъ имѣть въ виду «отзывъ Академіи Наукъ о трудѣ Бернарди въ ученомъ отношеніи», препроводило сочиненіе это къ министру народнаго просвѣщенія князю Ширинскому-Шихматову, который 7-го марта 1851 г. отвѣтилъ, что по донесенію Академіи Наукъ, между членами ея нѣтъ достаточно свѣдущихъ въ гербовѣдѣніи, чтобы основательно обсудить геральдическій кодексъ, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ одобренія онаго Академіею, трудъ сей можетъ принять силу закона, и что для обсужденія его нужно было бы содѣйствіе искуснаго практическаго гербовѣдца, хорошо знакомаго съ существующими при нашей герольдіи правилами, обычаями и постановленіями, котораго Академія не имѣетъ въ виду.

Получивъ этотъ отзывъ, министерство юстиціи, или вѣрнѣе, департаментъ его сталъ собирать разныя справки и требовать присылки ему разныхъ книгъ; такъ, напримѣръ, архивнаго дѣла 1842 г. о покупкѣ геральдическихъ сочиненій и изданнаго въ 1805 г., по Высочайшему повелѣнію, «Начертанія гербовѣдѣнія», составленнаго профессоромъ геральдики Геттингенскаго университета Гаттереромъ, съ переводомъ на русскій языкъ секретаря герольдіи Мальгина, и котораго, какъ сообщилъ герольдмейстеръ И. Д. Булычовъ, никогда въ герольдіи не находилось, а одинъ экземпляръ его оказался собственностію одного изъ чиновниковъ. Такъ дѣло тянулось до іюня 1852 г., когда министръ юстиціи предписалъ герольдмейстеру «составить къ 1-ому сентября того года окончательное и полное, по возмож-

ности, руководство для употребленія геральдическихъ эмблемъ, а до того времени разсматривать съ крайнею разборчивостію представляемые просителями проекты гербовъ и показанія объ употребленіи предками эмблемъ, не допуская часто встрѣчающагося произвола въ объясненіи значенія сихъ послѣднихъ. Какъ и слѣдовало ожидать, предписаніе это не было исполнено: герольдмейстеръ И. Д. Булычовъ 30-го января 1853 года увѣдомилъ департаментъ юстиціи, на запросъ его, что онъ занимается сочиненіемъ «Руководства геральдики», въ составъ коего войдетъ и руководство для употребленія геральдическихъ эмблемъ, «Сочиненіе это, требующее спеціальныхъ занятій, сбора матеріаловъ. составленія проектовъ, рисунковъ, которые всѣ требуютъ времени и значительныхъ издержекъ, полагаю выпустить въ свѣтъ въ теченіе настоящаго года, но не могу,—писалъ Булычовъ,—именно опредѣлить мѣсяца, въ которомъ будетъ готовъ приготовляемый мною спеціальный трудъ». Предположеніе Булычова однако не оправдалось: въ октябрѣ 1855 г. его «спеціальный трудъ» не былъ изданъ, и, оставивъ должность герольдмейстера, онъ увѣдомилъ В. Д. Философова, занявшаго эту должность, что составленіе означеннаго выше руководства «относится лично до него».

Между тѣмъ, еще въ 1851 г. состоявшій при герольдіи статскій совѣтникъ Ленцъ представилъ составленную имъ статью «О главныхъ правилахъ геральдики въ примѣняемости оныхъ къ дѣламъ департамента герольдіи», въ которой, между прочимъ, указывалъ, что русскіе гербы вообще требуютъ пересмотра и исправленія, но это можетъ быть предметомъ особаго труда, предпринять который безъ порученія высшаго начальства онъ не считаетъ себя въ правѣ. Статья эта до августа 1857 г. пролежала въ департаментѣ, когда 1-е отдѣленіе его, обрадовавшись послѣдовавшему въ іюнѣ мѣсяцѣ того года Высочайшему повелѣнію объ учрежденіи при канцеляріи департамента герольдіи особаго гербоваго отдѣленія, составило докладъ о считаніи оконченною переписку, какъ о рукописи Ленца, такъ и о кодексѣ Бернарди и о руководствѣ употребленія геральдическихъ эмблемъ. Департаментъ препроводилъ статью Ленца къ герольдмейстеру, съ тѣмъ чтобы «въ дальнѣйшемъ ходѣ производящагося о сей рукописи дѣла (?) поступить согласно правиламъ, изъясненнымъ въ положеніи о гербовомъ отдѣленіи».

Что сталось затѣмъ съ рукописями Бернарди и Ленца и проектомъ Булычова, намъ неизвѣстно.

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Тяжелые дни Казанскаго Университета.

(Изъ посмертныхъ записокъ).

IV [1]).

На нѣкоторое время смолкли наши внутреннія неурядицы. Громъ войны съ Турціею заглушилъ окончательно всякіе слухи о политической пропагандѣ. Глаза и думы всѣхъ русскихъ были обращены туда, гдѣ лилась дорогая кровь нашихъ героевъ-воиновъ, гдѣ нашъ государь терпѣлъ вмѣстѣ съ ними.

За то годъ окончанія войны, 1878-й, былъ крайне тяжелымъ годомъ и для Россіи вообще, и въ частности для нашихъ университетовъ.

Съ одной стороны, вражда Англіи, грозящая войной, двуличность Австріи, желающей, повидимому, таскать изъ горячей золы каштаны чужими руками, колеблющееся въ отношеніи къ намъ положеніе Турціи, Румыніи и отчасти Греціи; съ другой стороны, непростительныя выходки учащейся молодежи, дающія нашимъ врагамъ оружіе въ руки, дающія основаніе кричать, что въ Россіи неспокойно. Грустное и тяжелое это было время!

Что это за безобразіе творится по дѣлу Засуличь, стрѣлявшей въ петербурскаго градоначальника Трепова у него въ пріемной и нанесшей ему тяжелую рану! Процессъ ея и оправдательный приговоръ провозглашаютъ новою эрою, «Вѣрочку» Засуличь чуть не канонизируютъ заживо, объявляютъ чуть не спасительницей отечества. Мало того, что судъ присяжныхъ оправдалъ ее, что присутствовавшая на судѣ «избранная» публика встрѣтила ея оправдательный приговоръ апплодисментами

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1896 г.

и криками «браво», на улицѣ ее привѣтствовала толпа молодежи криками «ура» и несла ее до кареты. Что же это такое! Къ чему все это поведетъ?

По случаю процесса Засуличь, припоминаются мнѣ слова одного государственнаго дѣятеля, сказанныя мнѣ въ Петербургѣ. Коснувшись извѣстнаго большаго политическаго процесса, онъ высказалъ: «Нечему удивляться, что мятутся студенты, когда при погребеніи Некрасова, священникъ въ облаченіи съ церковной каѳедры читалъ стихи его о бѣдственномъ положеніи народа; когда адвокаты на судѣ по политическому процессу произносятъ такія возмутительныя рѣчи, какихъ не говоритъ ни одинъ изъ тѣхъ, которые пойдутъ въ каторгу. Недавно я получилъ отъ одного саратовскаго помѣщика письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что 16-ти-лѣтній сынъ его, юноша прекрасныхъ нравственныхъ качествъ, учащійся въ техническомъ училищѣ, прислалъ къ отцу изъ Петербурга письмо такого приблизительно содержанія: «Батюшка, дорогой мой батюшка! Былъ я на политическомъ процессѣ, слушалъ тамъ рѣчи адвокатовъ. О! какой новый свѣтъ онѣ излили на меня, какъ много я узналъ. Да, батюшка, я узналъ такъ много, что съ удовольствіемъ сѣлъ бы на скамью подсудимыхъ, съ наслажденіемъ принялъ бы участіе въ ихъ дѣлѣ».—Какъ же удивляться, что молодежь мятется. Я всегда былъ того мнѣнія, что политическіе процессы вести публично не слѣдуетъ: такими процессами разносятся и пропагандируются разрушительныя идеи, нашедшія себѣ кучку поборниковъ, которые сами по себѣ менѣе принесутъ вреда, чѣмъ рѣзкія, краснорѣчивыя, полныя софизмовъ рѣчи адвокатовъ, произносимыя публично и безнаказанно. На нашей памяти съ восторгомъ повторялись молодежью слова адвоката, публично говорившаго передъ сенаторами и сословными представителями: «Лица, начавшія это дѣло, будутъ прибиты къ позорному столбу», и другого адвоката: «У меня совѣсть спокойна, но не спокойна она у другихъ... Я не разумѣю подъ этимъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ». Какой ядъ вливали подобныя рѣчи въ юныя сердца! Не онѣ ли вложили и въ голову Засуличь ея кровавый замыселъ.

Въ Казани получены были телеграммы о столкновеніи въ Москвѣ народа со студентами, выражавшими овацiи студентамъ Кіевскаго университета, высылаемымъ за безпорядки въ отдаленныя губерніи. Къ чему спѣшить сообщать подобныя извѣстія, да еще телеграммами? Развѣ съ цѣлію поджечь молодежь? И кто это извѣстилъ московскихъ студентовъ о проѣздѣ кіевскихъ такъ поспѣшно и вò-время? И что это за народъ, имѣвшій въ Москвѣ столкновеніе со студентами? Телеграмма эта возбудила и казанскихъ студентовъ. 6-го апрѣля въ университетѣ появилось воззваніе, обращенное къ студентамъ, весьма дерзкаго, возмутительнаго содержанія, порицающее жандармовъ, полицію, министровъ (министры-

то тутъ причемъ?) объясняющее, что не народъ де имѣлъ столкновеніе съ московскими студентами, а просто переодѣтая полиція. Это безыменное воззваніе, написанное крупными печатными буквами, оканчивалось припискою, обличавшею мальчишество составителя: «Печатано въ вольной типографіи. Разрѣшилъ полиціймейстеръ Мосоловъ». На безъименное объявленіе, 6-го апрѣля появился отвѣтъ, носящій заглавіе: «По поводу подметной телеграммы 6-го апрѣля». Этотъ отвѣтъ идетъ отъ партіи умѣренныхъ либераловъ, которые, разсуждая весьма умно, какъ умѣренные, все же, какъ либералы, увлекаются и приглашаютъ студентовъ подать петицію самому государю о расширеніи свободы слова и печати. Этотъ листокъ напечатанъ вполнѣ въ моей статьѣ. «Студенческія волненія 1882 года въ Казани». Конецъ этого листка плохо вяжется съ началомъ; въ концѣ умѣренность, высказанная вначалѣ, уступаетъ мѣсто молодой заносчивости, мнящей себя быть лучшею частію общества, умѣющей всматриваться и понимать общественные недуги и «помогать имъ». Заносчивость такъ естественна со стороны молодежи: молодежь, не утрирующая своего достоинства—не молодежь, а отжившая старость. И мы были молоды, и мы воображали о себѣ много, хотя, правда, мы не занимались во время нашего студенчества политикою, не думали ворочать судьбами отечества. Желательно, чтобы броженіе между казанскими студентами ограничилось этими заявленіями и не перешло въ шумныя сходки, могущія имѣть печальный исходъ для студентовъ.

Проректоромъ получено извѣстіе, что 22-го апрѣля, въ субботу на Святой недѣлѣ, студенты хотятъ въ числѣ 200 собраться въ Русской Швейцаріи, оттуда массою слѣдовать по городу въ анатомическій театръ, гдѣ устроить сходку и продолжать ее до тѣхъ поръ, пока ихъ не разгонятъ. Извѣстили губернатора и полиціймейстера.

22-го апрѣля и полиціймейстеръ, и губернаторъ ѣздили въ Русскую Швейцарію. Губернаторъ никого тамъ не нашелъ. Полиціймейстеръ, пріѣхавшій нѣсколько раньше губернатора, въ первый разъ тоже не нашелъ никого. Во второй разъ полиціймейстеръ пріѣхалъ, когда полицейскій далъ ему знать, что въ Русской Швейцаріи собралось человѣкъ 50 молодыхъ людей; но и въ этотъ разъ собравшіеся разошлись до его пріѣзда. Нашелъ онъ только двухъ, сидящихъ на лавочкѣ. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстенъ полиціймейстеру. Это былъ студентъ медицинскаго факультета С—скій. Полиціймейстеръ подсѣлъ къ сидѣвшимъ и завязалъ съ ними разговоръ:

— Что это вы вздумали гулять въ такой холодъ?—спросилъ онъ ихъ.

День дѣйствительно былъ холодный.

— А сами-то вы въ такой день вѣдь заѣхали сюда?

— Да мнѣ не даетъ покоя управа,—мостовъ не чинитъ, вотъ и пріѣхалъ посмотрѣть,—отвѣчалъ полиціймейстеръ.

*

Въ это время прошли мимо двѣ молоденькія дѣвушки, которыхъ полиціймейстеръ не зналъ, но съ которыми, какъ онъ видѣлъ, раскланялся частный приставъ, стоявшій дальше. Студенты раскланялись съ полиціймейстеромъ и пошли вмѣстѣ съ дѣвушками. Проходя мимо частнаго пристава, студентъ С—кій съ улыбкою спросилъ его:

— «Вы тоже пришли сюда мосты чинить?

— Нѣтъ, я здѣсь потому, что начальство здѣсь,— отвѣчалъ тотъ.

— Понимаемъ-съ,—сказалъ С—кій.

Дѣвушки, съ которыми пошли студенты, по словамъ частнаго пристава, были: одна—сестра студента С—каго, другая ея подруга, обѣ принадлежали къ числу прогрессистокъ и впослѣдствіи, черезъ полгода, кажется, были арестованы.

Волнуются студенты и по поводу привлеченія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ мировому суду за то будто бы, что они нарушали общественную тишину и оскорбили дѣйствіемъ полицейскаго. Дѣло, какъ слышно, происходило такъ: на Лядской улицѣ, къ губернатору подошли два крестьянина и просили милостыни. Губернаторъ накричалъ на нихъ и велѣлъ полицейскимъ взять нищихъ въ полицію. Когда губернаторъ отъѣхалъ, видѣвшіе эту сцену три студента подошли къ крестьянамъ, которыхъ вели полицейскіе, подали имъ, что могли, и просили полицейскихъ отпустить крестьянъ, при чемъ, вѣроятно, сказали что нибудь рѣзкое. Раздался полицейскій свистокъ, явились еще полицейскіе, студенты были арестованы, составленъ актъ и переданъ мировому судьѣ 4-го участка города Казани. Первый разъ разборъ дѣла не состоялся по неявкѣ обвиняющей стороны. Что это дѣло занимаетъ студентовъ, видно изъ слѣдующаго безыменнаго объявленія, вывѣшеннаго въ университетѣ:

«Гг. студенты! 26-го числа, въ среду, въ одиннадцать часовъ, въ камерѣ мироваго судьи IV участка Кукуринова (улица Верхне-Ѳедоровская) будетъ разбираться дѣло NN студентовъ съ полиціей, которая обвиняетъ ихъ въ нарушеніи общественной тишины и порядка и въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ полицейскому Исаеву, что, конечно, совершенная ложь, если не считать нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія поступокъ, когда люди подали нѣсколько копѣекъ голоднымъ мужикамъ и хотѣли ихъ накормить.

«Господа, убѣдительнѣйше просимъ васъ удѣлить нѣсколько часовъ этому интересному дѣлу и присутствовать при его разбирательствѣ. Присутствовать на немъ тѣмъ болѣе для насъ необходимо, такъ какъ полиція задалась мыслью во что бы то ни стало осудить невинныхъ студентовъ, и тѣмъ самымъ показать студенчеству, что она можетъ дѣлать все, что ей вздумается.

«Дѣло это, какъ вамъ извѣстно, назначено было раньше, но обвини-

тели не явились, убоявшись многочисленности собравшихся студентовъ. Такое поведеніе полиціи ясно говоритъ не въ пользу ея правоты».

Это приглашеніе осталось безъ послѣдствій, потому что разборъ какъ этого дѣла, такъ и другого у мироваго судьи Д., гдѣ также судились студенты, былъ отложенъ до 30-го мая, когда иногородніе студенты уже разъѣхались.

24-го апрѣля въ 4 часа предполагалась, по слухамъ, сходка въ анатомическомъ театрѣ; но кромѣ работавшихъ тамъ студентовъ, никого въ этотъ день не было. Студентовъ волнуютъ, по ихъ словамъ, «притѣсненія полиціи»; они обижаются на слухи, пущенные про нихъ въ городѣ, будто они собираются бить стекла въ окнахъ дворянскаго собранія, буйствовать на улицѣ и т. п. Не распространяютъ ли эти слухи съ цѣлію возбудить противъ студентовъ простой народъ и повторить въ Казани московскую исторію? Уже поговариваютъ о томъ, что народъ раздраженъ противъ студентовъ. Недавно на пристани рабочіе приняли въ кулаки пьяненькихъ студентовъ, которыхъ за то, что ихъ поколотили, полиція привлекла къ суду за нарушеніе общественной тишины. Вотъ это то дѣло и будетъ разбираться у мироваго судьи Д. Видимо не безпристрастное отношеніе полиціи къ студентамъ разгорячаетъ послѣднихъ и побуждаетъ ихъ дѣйствовать скопомъ. Говорятъ, изъ студентовъ больше всего волнуются студенты изъ семинаристовъ, и они давно произвели бы волненіе, если бы имъ не мѣшали студенты изъ гимназистовъ.

Бывшій у меня 28-го апрѣля товарищъ прокурора Б. сообщилъ мнѣ, что прокуратура желаетъ возбудить преслѣдованіе противъ полиціи за ея неумѣренныя дѣйствія 22-го апрѣля, могшія возбудить не только студентовъ, но и постороннюю публику.—Полиція, обложивши улицы, выходящія на Арское поле, не пропускала на поле никого, а нѣкоторыхъ молодыхъ людей даже обыскивала, при чемъ при обыскѣ нашла у одного шедшаго къ сестрѣ въ Родіоновскій институтъ, пирожки и жареныхъ рябчиковъ. Вотъ усердіе не по разуму, дѣйствительно могущее вмѣсто пользы принести вредъ и вызвать волненіе, особенно среди горячей молодежи.

1-го мая помощникъ проректора В—въ сообщилъ мнѣ, что теперь студенты держатъ себя тихо, занятые экзаменами; но что у нихъ существовали, какъ говорятъ, по домамъ маленькія коммиссіи, на которыхъ обсуждался вопросъ или петиція о свободѣ слова и печати, и что въ августѣ и сентябрѣ студенчество всѣхъ университетовъ рѣшило послать въ Петербургъ депутацію для поднесенія государю императору этой петиціи. Говорятъ, что петиція студентами уже составлена, рѣшено послать въ Петербургъ депутацію, только еще не рѣшено: ѣхать ли депутатамъ по отпуску, или предварительно выйти изъ университета.

Въ петиціи участвуетъ большая часть студентовъ медицинскаго факультета, гдѣ семинаристовъ на 4-хъ курсахъ (пятый курсъ, по слухамъ, не участвуетъ) 173 студента, и юристы тоже изъ окончившихъ курсъ въ семинаріи. Я полагаю, что изъ этого ничего не будетъ: студенты—великіе люди, пока они въ большой массѣ (міръ—большой человѣкъ, какъ говорятъ крестьяне), а какъ только раздробятъ или какъ только останется нѣсколько человѣкъ депутатовъ, они ни на что не рѣшатся, и предполагаемая къ подачѣ петиція останется лишь предполагаемой.

Возвратившійся изъ Харькова профессоръ А. передавалъ мнѣ, что въ Харьковскомъ университетѣ, и особенно въ тамошнемъ ветеринарномъ институтѣ, не спокойно. Тамъ частенько и открыто собираются сходки, на которыя студентовъ приглашаютъ будто бы на улицахъ такъ: «я—членъ революціоннаго общества, предлагаю вамъ тогда-то явиться туда-то на собраніе».

Наконецъ «терпѣніе правительства», по собственнымъ словамъ правительственнаго сообщенія, «исчерпано до конца». Правительство обѣщается съ неуклонной твердостью и строгостью преслѣдовать виновныхъ, призываетъ къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа вырвать зло съ корнемъ, и взаключеніе обращается къ учащейся молодежи съ напоминаніемъ и просьбой зрѣло обдумать и взвѣсить прискорбныя, тяжкія послѣдствія, которымъ она себя подвергаетъ увлекаясь лжеученіями, и совѣтуетъ добросовѣстно и разумно относиться къ наукѣ.

По поводу этого правительственнаго сообщенія и въ виду печатныхъ слуховъ о томъ, будто въ Казанскомъ университетѣ между 1-мъ и 15-мъ числами августа появилась телеграмма политическаго содержанія, я 30-го августа, на актѣ ветеринарнаго института, въ актовой залѣ университета, гдѣ собралось громадное число студентовъ, какъ института, такъ и университета, обратился къ публикѣ со слѣдующими словами:

«Мм. гг. 31-го марта, при объявленіи первому выпуску студентовъ Казанскаго ветеринарнаго института результатовъ ихъ окончательныхъ испытаній, я счелъ долгомъ обратиться къ окончившимъ курсъ ветеринарамъ со словами привѣта, вполнѣ заслуженными ими. Я сказалъ имъ между прочимъ: «Мнѣ отрадно было слѣдить за вашимъ пребываніемъ въ институтѣ, которое посвящено было изученію интересныхъ и полезныхъ для народнаго благосостоянія наукъ, которое чуждо было порывистыхъ увлеченій предметами, выходящими изъ круга студенческой дѣятельности». Я понимаю, какъ легко учащейся молодежи увлечься злобою дня, особенно когда найдутся сирены, напѣвающія сладкую пѣсню о томъ, что кому же и играть роль въ жизни, какъ не интеллигентной молодежи, что ея голосъ долженъ имѣть рѣшающее вліяніе на

судьбы отечества. Понятна возможность этихъ увлеченій несбыточными мечтами, но вмѣстѣ и ясно какъ день, что игра въ политику и занятія наукою не могутъ идти рука объ руку, и что учащаяся молодежь, пустившаяся въ политику, измѣняетъ благородному знамени науки.

«Въ заключеніи недавно напечатаннаго правительственнаго сообщенія выражено: «Правительство считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ молодому учащемуся поколѣнію съ напоминаніемъ и просьбою зрѣло обдумать и взвѣсить прискорбныя и тяжкія послѣдствія, которымъ она себя подвергаетъ, увлекаясь распространяемыми въ ея средѣ лжеученіями. Добросовѣстное и здравое отношеніе къ наукѣ, соединенное съ трудолюбіемъ, всегда было и будетъ лучшимъ и надежнѣйшимъ охранителемъ отъ вступленія на ложный путь соблазна. Встрѣчавшіяся же до сего времени уклоненія отъ этой непреложной, освященной опытомъ истины, къ величайшему прискорбію, уже сгубили безвременно немало жертвъ изъ среды молодыхъ людей, по своимъ способностямъ подававшихъ надежды на болѣе свѣтлую и полезную для общаго блага будущность».

«Мм. гг. Только правда и благо не боятся явиться въ наготѣ, да и нагота ихъ, для глазъ, ищущихъ истины, дороже всякихъ блестящихъ украшеній. Но зло и ложь, чувствуя свое внутреннее безобразіе, всегда прикрываются, надѣваютъ змѣиную шкуру, облекаются въ пышныя, блестящія фразы. Вслушайтесь въ рѣчи преступной пропаганды,—чего-чего ни услышишь; тутъ являются на сцену и просвѣщеніе, и благосостояніе народныхъ массъ, и общее благо, и свобода, и равенство. Послушаетесь этихъ проповѣдниковъ свободы—вы очутитесь въ рукахъ вожаковъ, которые будутъ требовать отъ васъ безусловнаго повиновенія, полнаго отреченія отъ вашей собственной воли, полнаго рабскаго подчиненія имъ. Не послушаетесь,—на васъ какъ на измѣнниковъ общаго дѣла, посыплются самыя безцеремонныя ругательства, самая безобразная брань, соединенныя съ угрозами. Терроръ—постоянный спутникъ подобныхъ благодѣтелей человѣчества, а послѣднимъ звеномъ въ цѣпи ихъ темныхъ дѣлъ, послѣднимъ аргументомъ ихъ кровожадной логики являются револьверъ и кинжалъ. Загляните на страницы исторіи, всмотритесь въ тяжелыя событія послѣдняго времени, вникните въ содержаніе правительственнаго сообщенія, и вы согласитесь, что я говорю голую правду. Таковы ученія зла и лжи.

«Не такова наука истинная, не приправленная никакими лжеученіями. Она свѣтла, какъ безоблачное небо, лучезарна, какъ солнце. Она спокойна и безпристрастна. Она—дѣйствительная сила, предъ которою распадается въ прахъ всякая тля, подтачивающая нашу жизнь. Она можетъ доставлять и доставляетъ высокое наслажденіе и счастіе человѣку, занимающемуся ею. Своими открытіями она расширяетъ умствен-

ный кругозоръ человѣчества, распространяетъ всюду благосостояніе тихо, спокойно, безъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій. Счастливъ тотъ, кто съ любовію станетъ подъ ея свѣтлое знамя и останется навсегда вѣрнымъ этому знамени. Онъ будетъ истиннымъ борцомъ за общее благо дѣйствительное, не призрачное.

«Можно ли послѣ этого промѣнять науку на лжеученія пропаганды? А между тѣмъ даже въ прессу прокралось извѣстіе, будто бы преступная пропаганда проникла и въ нашъ университетъ, будто между 1-мъ и 15-мъ числами августа появилась здѣсь телеграмма политическаго содержанія. Правда ли это? На основаніи положительныхъ фактовъ, я публично заявляю, что это рѣшительно не правда, что между 1-мъ и 15-мъ августа никакой телеграммы политическаго содержанія не было. А на основаніи опыта тѣхъ лѣтъ, которыя проведены мною здѣсь, и въ которыя на моихъ глазахъ вышло 15 выпускныхъ курсовъ университетской молодежи и первый выпускъ изъ ветеринарнаго института, я питаю твердое непоколебимое убѣжденіе, что наша учащаяся молодежь будетъ какъ и прежде вѣрна избранному ею знамени науки и подъ этимъ благороднымъ знаменемъ будетъ трудиться на мирномъ, научномъ поприщѣ, тихо, спокойно, безъ всякихъ увлеченій и смутъ, не имѣющихъ съ наукою ничего общаго. Сердце этой молодежи, я глубоко убѣжденъ въ томъ, бьется любовью къ родной странѣ, голосъ разума и желаніе блага родинѣ всегда находили и найдутъ въ ней, какъ въ истинно интеллигентной молодежи, вполнѣ сочувственный откликъ».

Рѣчь моя была принята съ большимъ сочувствіемъ.

Въ Елабугѣ, гдѣ я былъ на открытіи реальнаго училища, вятскій губернаторъ разсказывалъ мнѣ ужасающіе слухи о русскихъ соціалистахъ, которые, по его словамъ, «сыплютъ печатными прокламаціями, похваляются своею силою и убійствомъ Мезенцева, совершеннымъ по приговору ихъ трибунала за казнь соціалиста Ковальскаго.

Только что я пріѣхалъ изъ Елабуги въ Казань 12-го сентября, какъ мнѣ донесли о выставленной 11-го сентября въ передней университета возмутительной «телеграммѣ» русскихъ соціалистовъ, гдѣ они выражаются между прочимъ такъ: «мы благоговѣемъ передъ убійцей Мезенцева». По словамъ служителя, нашедшаго эту «телеграмму» въ $8^1/_2$ часовъ утра, въ передней университета студентовъ еще не было, а приходилъ какой-то пожилой господинъ съ бородкой; онъ то, полагаютъ, и вставилъ въ рамку объявленій эту соціалистическую прокламацію.

Вездѣ теперь толки о соціалистахъ и соціалъ-демократахъ, держащихъ какъ бы въ осадномъ положеніи многія страны. Въ германскомъ рейхстагѣ идутъ оживленные дебаты по поводу законопроекта, направленнаго противъ соціалъ-демократовъ. Депутатъ Бебель,—соціалистъ, громитъ Бисмарка; желѣзный канцлеръ въ свою очередь публично обзы-

ваетъ соціалъ-демократовъ бандитами. А между тѣмъ этихъ бандитовъ насчитываютъ въ Германіи въ 1878 году до 500 тысячъ. Не могу не выписать здѣсь заключительныхъ словъ рѣчи Бисмарка о соціалистахъ: «Да, если намъ суждено жить такимъ образомъ, подъ тираніей шайки бандитовъ, то самая жизнь утратитъ для насъ всякую цѣну; и я надѣюсь поэтому, что парламентъ, что всѣ мы станемъ на сторонѣ правительства, императора, требующаго защиты для своей особы, для своихъ прусскихъ подданныхъ и германскихъ соотечественниковъ. Весьма легко возможно, что при этомъ падетъ, быть можетъ, нѣсколько жертвъ изъ нашей среды; но пусть каждый, кого постигнетъ эта судьба, помнитъ, что онъ палъ на полѣ чести ко благу, къ великому благу своей родины». Прекрасныя, благородныя слова, показывающія и трезвость взгляда, и высокость души говорившаго. Да послужатъ они и намъ урокомъ. Соціалисты въ своихъ прокламаціяхъ употребляютъ выраженіе Discite moniti. «Предостереженіе отъ чего?» восклицаетъ Бисмаркъ. «Конечно не отъ чего другого, какъ отъ ножа нигилистовъ и двухстволки Нобилинга».

Пробѣгая въ памяти своей прошлое, давно пережитое время, полное простоты, доходившей до грубости, полное деспотизма, грозившаго за все и про все розгою и не только грозившаго, но и поровшаго цѣлыми пуками длинныхъ, страшно свистѣвшихъ надъ осужденнымъ розогъ, удивляешься, какъ это мы уцѣлѣли въ то время, и отчего у насъ не проявлялось ни особенной грубости и дерзости, ни исканій свободы, во что бы то ни стало, ни самоубійствъ, ни кровожадныхъ инстинктовъ. Все это проявляется теперь, во время цивилизованное, въ годы гуманнаго воспитанія, не прикасающагося пальцемъ къ ученику, въ пору развитія всесторонняго, богатства всевозможныхъ облегчающихъ ученіе методовъ? Отчего это? Думаю оттого, что въ наше время сильна еще была вѣра, крѣпко религіозное чувство. Теперь же охладѣло оно, распространился раціонализмъ, отрицающій вѣру,— и вотъ передъ нами племя мелкое, грубое, надменное, ищущее свободы на счетъ порабощенія другихъ, не стыдящееся никакихъ средствъ самыхъ дурныхъ и позорныхъ, не щадящее ни своей жизни, ни жизни другихъ. Припоминаются слова депутата германскаго рейхстага Лёве по поводу закона о соціалистахъ: «Свобода не нужна соціалъ-демократамъ. Если вы хотите въ этомъ убѣдиться, посмотрите на ихъ организацію. Я спрашиваю: что хуже, присутствіе ли жандарма, который говоритъ: «этого ты не долженъ дѣлать», или работника въ блузѣ, кричащаго вамъ: «если ты это будешь дѣлать, то я тебѣ кости переломаю».

Всюду кровавыя покушенія! Въ короля испанскаго Альфонса стрѣляли, на италіанскаго короля Гумберта тоже было покушеніе. И тамъ, и тутъ преступникъ изъ интернаціоналки, соціалистъ. По-

кусившійся на жизнь Гумберта прямо показалъ: «Я не люблю, чтобы существовали короли». Анархическая язва глубоко въѣлась въ общественное тѣло и проявляется наружу страшными нарывами. А все отъ того, что поколеблены и ослаблены религіозныя основы. Заботятся исключительно о развитіи ума, религія замѣняется раціонализмомъ, а раціонализмъ расшатываетъ всѣ общественныя основы, не признавая никакихъ авторитетовъ, отвергая право собственности и проповѣдуя полную разнузданность подъ именемъ общаго блага и свободы человѣчества; разнузданность скорѣе всего ведетъ къ револьверу, кинжалу, топору и динамиту. Настоящее время—время самыхъ сильныхъ гоненій лживой науки противъ религіи. Въ средніе вѣка неразумные ревнители вѣры гнали науки, нынѣ наука, т. е. не истинная, а лжеименная наука преслѣдуетъ религію, и теоріи лжеученыхъ подкапываются подъ основы нравственности. Это болѣзнь вѣка—болѣзнь страшная, развращающая сердца молодежи, подтачивающая общественный организмъ. Противъ этой болѣзни учащимъ и воспитывающимъ слѣдуетъ дѣйствовать постоянно и неослабно словомъ и примѣромъ собственной жизни.

27-го ноября получено оффиціальное извѣщеніе, что студенты Харьковскихъ университета и ветеринарнаго института волнуютъ студентовъ всѣхъ университетовъ. И въ 1878 году повторяется тоже, что было въ время волненій 1861 года въ Московскомъ университетѣ: волнующійся университетъ посылаетъ эмиссаровъ въ другіе университеты. Студенты Харьковскаго университета всячески стараются заявить свою солидарность съ соціалистами. Умеръ одинъ студентъ,—его похоронили и надъ могилою поставили памятникъ съ надписью: «студенту соціалисту отъ соціалистовъ». Даже и могилы то не оставляютъ въ покоѣ. Какой же онъ т а м ъ соціалистъ?

7-го декабря прочиталъ я въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстіе о томъ, что толпа изъ 600 молодыхъ людей съ шумомъ приблизилась къ Аничкову дворцу, чтобы подать государю наслѣднику какую то просьбу. Это извѣстіе встревожило меня. Не студенты ли это, подумалъ я. Мое опасеніе, къ сожалѣнію, оказалось вѣрнымъ. Сегодня полиціймейстеръ по порученію губернатора привезъ мнѣ письмо, адресованное на имя Е. П. Л—ой, письмо къ студенту Н. В. Д—у, котораго пишущій «медикъ» проситъ прочесть это «письмо къ студентамъ на нарочно скомплектованной сходкѣ». Воззваніе приглашаетъ казанскихъ студентовъ присоединиться къ петербургскимъ, чтобы вмѣстѣ «возстать противъ тиранства» и т. п. Въ этомъ воззваніи разсказывается, какъ студенты медико-хирургической академіи, университета, путейцы, технологи собрались en masse подать петицію наслѣднику относительно харьковскихъ студентовъ, какъ ихъ встрѣтилъ «градоначальникъ и градозлодѣй Зуровъ»;

какъ шла ихъ процессія; какъ собрались они на другой день; требовали къ себѣ начальника академіи, отъ котораго желали, чтобы онъ потребовалъ отъ Зурова, куда онъ дѣлъ ихъ петицію; какъ къ начальнику академіи пріѣхали Зуровъ и Исаковъ; какъ студенты на морозѣ ждали нѣсколько часовъ окончанія ихъ переговоровъ; какъ между тѣмъ собрались войска и казаки, и какъ ихъ до 150 человѣкъ силою вдвинули въ библіотечный дворъ и тамъ арестовали.

Онъ времени до времени повторяющіеся безпорядки между учащеюся молодежью возбуждаютъ высшія правительственныя сферы противъ университетовъ. Сильно распространена тамъ мысль о необходимости значительнаго сокращенія контингента университетскихъ слушателей.

— Мы сами, говорило мнѣ одно высокопоставленное лице, виноваты въ томъ, что въ университетахъ волненія.—Мы наполнили университеты бѣдняками, которыхъ легко совратитъ всякая пропаганда, сулящая золотыя горы.

Что же? Неужели бѣднякамъ совершенно запереть двери въ высшія учебныя заведенія? Неужели высшее образованіе—прерогатива однихъ богатыхъ? Неужели изъ нисшаго бѣднаго слоя никакое дарованіе не даетъ возможности выбраться въ верхніе слои?

На эти вопросы даетъ намъ отъвѣтъ другое высокопоставленное лицо: «Бѣднякамъ не мѣсто въ университетѣ. Въ университетѣ должны учиться только состоятельные. А если государство нуждается въ пополненіи мѣстъ, то пусть сосчитаютъ, сколько по какому министерству нужно ежегодно, и если контингентъ не наполняется состоятельными, то пусть принимаютъ въ университетъ и бѣдныхъ по мѣрѣ нужды; но въ такомъ случаѣ пусть обезпечиваютъ ихъ и содержаніемъ въ университетѣ и мѣстомъ по выходѣ изъ университета. Вонъ у меня внизу сынъ моего лакея тоже учится въ классической гимназіи. Ну что же изъ этого выйдетъ? Чѣмъ больше онъ узнаетъ, тѣмъ чаще у него будетъ подниматься вопросъ, вотъ я сколько знаю, а все живу здѣсь, въ подвалѣ!»

Затѣмъ это высокопоставленное лицо распространилось о необходимости профессіональныхъ школъ, вообще учебныхъ заведеній, въ которыхъ, по его сравненію, какъ въ разныхъ рѣшетахъ просѣвались бы зерна разной величины.

Образованіе отъ самыхъ первыхъ элементовъ до самыхъ высшихъ научныхъ сферъ есть достояніе всѣхъ и каждаго, какъ воздухъ и свѣтъ. Что можетъ быть ярче солнечнаго свѣта, а развѣ солнце освѣщаетъ лишь богатыхъ и знатныхъ? Развѣ основательное образованіе, какое должны давать университеты, способствуетъ къ воспитанію различныхъ утопическихъ, несбыточныхъ мечтаній, дѣлаетъ способнымъ къ воспріятію всяческой пропаганды? Напротивъ, чѣмъ основательнѣе образованіе, тѣмъ

человѣкъ тверже въ своихъ принципахъ, тѣмъ труднѣе его сбить красивыми рѣчами и сладкими мечтами. И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, кто такіе революціонеры наши? Это большею частію недоучившіеся студенты, семинаристы, гимназисты, легкомысленныя, необразованныя или полуобразованныя женщины и вслѣдъ за ними идутъ стремящіяся къ прогрессу, но совершенно чуждыя развитія, незнакомыя съ жизнію дѣвицы воспитанницы институтовъ, а еще чаще учившіяся чему-нибудь, какъ-нибудь и гдѣ-нибудь, и фабричные, этотъ не то городской, не то сельскій элементъ, отъ села отставшій, къ городу не приставшій, людъ малограмотный, или и вовсе безграмотный. При чемъ же тутъ наука и университеты?

Тяжелъ былъ 1878-й годъ для всѣхъ. Что-то принесетъ намъ его преемникъ?

V.

1879-й годъ начался въ Казани отраднымъ извѣстіемъ о томъ, что эмиссары, присланные для возбужденія нашихъ студентовъ, всѣ пойманы и вывезены. Такъ сообщилъ мнѣ полиціймейстеръ. Отъ него же я узналъ, что эмиссары отзывались о казанскихъ студентахъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ, называли ихъ неразвитыми, дураками. Въ безыменномъ письмѣ, адресованномъ на имя одного студента, писалось: «отъ вашего Казанскаго болота ожидать нечего». Эти отзывы очень радуютъ меня. Благо было бы казанскимъ студентамъ и университету, когда бы студенты оставались неразвитыми, а университетъ стоячей водой для людей, чающихъ движенія воды, ищущихъ смуты и волненій.

Опытъ прежнихъ лѣтъ показалъ, что университетскіе безпорядки обыкновенно предшествовали политической смутѣ. Революціонеры передъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ предварительно волновали студентовъ и наводили страхъ на общество угрожающаго свойства возмутительными прокламаціями. 1879-й годъ и первая половина 1880-го были временемъ отдыха для нашихъ университетовъ. Революціонерамъ было не до университетовъ,—они потерпѣли не одинъ чувствительный ударъ: полиція захватила нѣсколько ихъ типографій и арестовала многихъ. На эти аресты они отвѣчали покушеніями. До студентовъ ли имъ было при такихъ обстоятельствахъ, занявшихъ все ихъ вниманіе. Первымъ злодѣйскимъ дѣломъ 1879-го года было убійство изъ-за угла, харьковскаго губернатора князя Крапоткина. Раненый убійцею, чувствуя прибли-

женіе смерти, князь Крапоткинъ говорилъ: «Хорошо умирать на полѣ чести, но умирать отъ руки убійцы—крайне грустно».

23-го февраля въ Казани была получена телеграмма такого содержанія: «Въ Кіевѣ 11-го февраля открыта тайная типографія. Найдены: шрифтъ съ типографскими принадлежностями, фальшивыя печати разныхъ учрежденій, поддѣльные документы, революціонныя брошюры, револьверы, кинжалы. Жандармы и полиція встрѣчены выстрѣлами и принуждены были употребить оружіе. Убитъ жандармскій унтеръ-офицеръ, ранены два городовыхъ и одинъ жандармъ, контуженъ жандармскій офицеръ. Арестовано 5 женщинъ и 11 мужчинъ, 4 изъ нихъ тяжело ранены». Ясно, что захвачена одна изъ подпольныхъ типографій, фабрикующая революціонные брошюры и листки. Что открытіе важное, очевидно изъ того, какъ защищались революціонеры. Теперь нужно ожидать новыхъ арестовъ съ одной стороны, съ другой—новыхъ покушеній. Несомнѣнно, подпольные агитаторы употребятъ всѣ силы, чтобы отомстить за это открытіе, чтобы снова нагнать страхъ на власти. Въ день выноса тѣла князя Крапоткина въ Харьковѣ были разбросаны прокламаціи, объяснявшія, говорятъ, за что преданъ смерти харьковскій губернаторъ. Еще захвачено двѣ типографіи въ Петербургѣ, гдѣ арестовано 60 человѣкъ, одна въ Житомирцѣ, гдѣ найденъ списокъ пропагандистовъ, по которому сдѣлано много арестовъ.

Подпольная шайка проявила свою месть: Въ С.-Петербургѣ на улицѣ неизвѣстнымъ злоумышленникомъ сдѣлано два выстрѣла изъ револьвера въ шефа жандармовъ Дрентельна. Онъ не раненъ, злоумышленникъ скрылся. Въ С.-Петербургѣ, какъ пишутъ въ газетахъ, многіе получили подметныя письма съ угрозою смерти.

2-го апрѣля въ 9 часовъ утра во время прогулки государя, неизвѣстный человѣкъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера нѣсколько разъ. Провидѣнію угодно было и на сей разъ сохранить невредимымъ Царя-Освободителя,—злодѣй схваченъ... Безотрадное горе охватываетъ душу русскаго человѣка при мысли о томъ, что нашъ дышащій лишь любовію и милостію монархъ не находитъ себѣ спокойствія и долженъ ежеминутно опасаться за свою жизнь; что, послѣ такого дерзкаго до фанатичности покушенія, можно бояться повторенія отъ безбожной шайки, не признающей ни человѣческихъ, ни божескихъ законовъ.

9-го апрѣля въ университетской церкви собрались професоора и студенты университета, и ветеринарнаго института, всѣ три мужскія гимназіи, женская гимназія и прогимназія, реальное училище. Церковь была биткомъ набита, стояли въ корридорѣ, на лѣстницѣ. Послѣ литургіи и молебствія, всѣ перешли въ актовую залу. Попечитель учебнаго округа обратился къ присутствующимъ съ такими словами:

«Сейчасъ мы принесли благодарственную молитву Господу силъ за

тотъ самъ себя забиваетъ и усыхаетъ, какъ дерево безъ корня. Да помнятъ они, что извлекшіе ножъ, по слову Спасителя, отъ ножа погибнутъ.

«Но чѣмъ намъ искупить тотъ неизгладимый позоръ, который наложила на весь русскій народъ нечестивая рука презрѣннаго злодѣя; чѣмъ искупить намъ ту тяжкую сердечную скорбь и тревогу, которыя это страшное покушеніе нанесло великодушному Царю, Царицѣ и всей царственной семьѣ? Не искупить намъ этого одними усердными занятіями наукою, развитіемъ одного ума. Преимущественно и исключительно культивируемый умъ нерѣдко дѣлается баловаинымъ ребенкомъ, требующимъ отъ всѣхъ поклоненія себѣ, становится самолюбивымъ и эгоистичнымъ. Нѣтъ иного средства искупленія, какъ развиваться всесторонне на основахъ религіозныхъ, жить не однимъ умомъ, холоднымъ мертвящимъ, но и сердцемъ, живымъ и дѣйственнымъ, сердцемъ, полнымъ горячей вѣры въ Бога и теплой молитвы, полнымъ всецѣлой преданности царю и отечеству, искренняго уваженія къ святости семейныхъ узъ и почтительной любви къ своимъ родителямъ. Бога бойтеся, царя чтите,—этотъ девизъ нашихъ предковъ да будетъ и нашимъ постояннымъ девизомъ. Возращеніемъ и воспитаніемъ въ себѣ исконныхъ, историческихъ добродѣтелей русскаго народа мы можемъ совершить искупленіе и порадовать любящее сердце нашего глубоко оскорбленнаго нынѣ и встревоженнаго монарха. Докажемъ, что и потомки не уступаютъ своимъ дѣдамъ и прадѣдамъ въ любви и преданности царю и родинѣ.

«Обращая это краткое слово мое къ вамъ, съ которыми я сжился и сроднился, благо и счастіе которыхъ близко и дорого моему сердцу, я имѣлъ цѣлію разоблачить передъ вами наши современныя народныя язвы, чтобы предохранить васъ отъ зараженія, чтобы разсыпаемый лжепросвѣтителями тонкій ядъ, приносящій губительную и смертельную заразу, не коснулся васъ.

«Молодость тѣмъ хороша, что она благородна и довѣрчива; но этими прекрасными качествами могутъ злоупотреблять и, какъ извѣстно, и злоупотребляютъ люди, желающіе загребать жаръ чужими руками, дѣлать другихъ игрушкою своихъ прихотей, желающіе на счетъ чужаго счастія, чужой жизни достигать своихъ преступныхъ цѣлей. Знаете-ли, чего хотятъ эти самозванные преобразователи человѣчества? Они хотятъ «разрушенія буржуазнаго, какъ они выражаются, общества и погребенія подъ его обломками старины», они хотятъ «истребить все и всѣхъ», кромѣ себя самихъ, и эти ужасныя намѣренія приправляютъ краснорѣчивыми фразами объ общемъ благѣ и счастіи народномъ, о свободѣ и равенствѣ.

«Ваше доброе прошлое даетъ мнѣ полное основаніе выразить увѣренность въ томъ, что вы останетесь глухи къ ядовитому шопоту недомысленныхъ умомъ и развращенныхъ сердцемъ, что вы будете продол-

жать трудиться надъ своимъ всесторонниимъ развитіемъ, что вы пребудете вѣрными завѣту предковъ.

«Вы сами хорошо понимаете, что съ жизнію и счастіемъ нашего царя, съ благосостояніемъ отечества, неразрывно связаны жизнь, благосостояніе и счастіе всѣхъ насъ и всего народа русскаго. Сольемъ-же наши общія чувства въ народномъ гимнѣ: да хранитъ Господь своею божественною всесильною десницею нашу землю Свято-русскую и царя нашего дорогаго, любимаго».

Восторженное «ура» и русскій народный гимнъ долго гремѣлъ по залѣ. Рѣчь моя навлекла на меня если не грозу, то угрозу: 14-го мая я получилъ безыменное письмо. «Духъ» писавшаго «возмущается» противъ меня во 1-хъ «за телеграмму от учительской семинаріи», [1]) во 2-хъ «за сопоставленье в рѣчи твоей в перспективу кинжалов и револьверов». «Смотри, пишутъ мнѣ, преданнѣйшій слуга правительства, ханжа и чудовище, сам берегись их наиболѣе других, какъ ты не охраняеш свой тыл, мы изыщем способ уязвить тебя въ пункт, не смазанный драконовскою кровію». Грозятъ мнѣ предварительно «серенадой»; предлагаютъ «изготовить немедленно просьбу въ совершенную отставку для блага твоей же семьи, потому ты уже намѣченъ». «Дѣянія твои в печать, которыми не ограничась употребим всѣ способы к смѣщенію тебя.....».

Безыменныя письма съ угрозой смерти — рѣшительно въ модѣ. Агенты революціоннаго комитета, какъ они себя именуютъ, сыплютъ ими направо и налѣво. Въ маѣ мѣсяцѣ нѣсколько профессоровъ университета и ветеринарнаго института получили такія письма. 20-го мая профессоръ С. предъявлялъ мнѣ такого содержанія письмо. Его укоряютъ въ іезуитизмѣ, и «защитникъ студентовъ», прямо титулующій себя принадлежащимъ къ революціонному комитету, обѣщаетъ завтра явиться въ залу на экзаменъ «съ револьверчикомъ» и выстрѣлить въ него, «если онъ кому-либо осмѣлится поставить двойку». Вотъ до чего дошло; за двойку смерть.—Это письмо, какъ и присланное незадолго передъ тѣмъ къ профессору К—у,—изъ девятаго ящика городской почты, что на Проломной улицѣ, и оба писаны чуть-ли не одной, и, повидимому, женской рукой.

29-го мая я получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія оффиціальнѣе, въ высшей степени отрадное письмо отъ 24-го мая за № 5708,

---

[1]) Въ этой телеграммѣ, посланной къ министру народнаго просвѣщенія послѣ 2-го апрѣля, учительская семинарія заявляетъ, что она воспитываетъ и будетъ воспитывать юношество по указанію священнаго писанія: «Бога бойтеся, царя чтите». Эта телеграмма, помнится, была напечатана.—Передавая содержаніе безыменнаго письма, удерживаю орѳографію подлинника.

шаго своей странѣ много благотворныхъ реформъ, а родственнымъ намъ племенамъ—освобожденіе изъ-подъ вѣковаго тяжкаго и мучительнаго ига. Этотъ образъ чарующею силою привлекаетъ къ себѣ сердца всѣхъ своею, столь рѣдкою на такой высотѣ, человѣчностію. На высотѣ одного изъ величайшихъ въ свѣтѣ троновъ, среди великихъ, многотрудныхъ, подчасъ тяжкихъ подвиговъ державства, царь, обращающій на себя взоры вселенной, всегда оставался и остается человѣкомъ въ полномъ самомъ лучшемъ значеніи этого слова.

Не позабылъ и на чредѣ высокой [1])
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.

«Для него ли, лучшаго изъ царей, не сплетать вѣнковъ изъ самыхъ горячихъ, сердечныхъ, задушевныхъ пожеланій? Его ли не любить пламенно, всею душею? Предъ нимъ ли народу русскому, искони привыкшему чтить своихъ царей, какъ помазанниковъ Божіихъ, не благоговѣть, какъ предъ святыней?

«Народъ русскій и любитъ своего царя и, смотря на него, какъ на ангела мира и благодати, какъ на свѣтлый источникъ своего блага и счастія, благоговѣйно и съ беззавѣтною преданностію чтитъ его и на него возлагаетъ всѣ свои упованія. Истинная русская интеллигенція привѣтствуетъ его великія реформы съ сердечнымъ восторгомъ.

«Но откуда же на свѣтломъ, безоблачномъ небосклонѣ нынѣшняго благословеннаго царствованія, откуда эти мрачныя пятна, эти тяжелой памяти дни, въ которые надъ дорогой и священной для народа главой Царя-Освободителя разразились злодѣйскія покушенія? Откуда эти исчадія духа злобы, дышущія грабежемъ, поджогомъ, убійствомъ и разрушеніемъ?

«Общество русское во многомъ виновно, многія нравственныя язвы наши требуютъ исправленія,—но общество не виновно въ появленіи шайки злодѣевъ. Не Русская чистая земля породила ихъ, не русская богобоязненная и царелюбивая мать ихъ вскормила, не русская основанная на религіозныхъ началахъ школа воспитала. Всходъ чужихъ тлетворныхъ сѣмянъ порожденъ ненавистниками и лиходѣями земли Русской, вскормленъ боязнію предъ могуществомъ народа русскаго, воспитанъ безпричинною враждою къ нему. Мятежу и крамолѣ нѣтъ корней въ Русской землѣ въ царствованіе государя, полнаго благости, любви и правды. Мятежъ и крамола принесены къ намъ извнѣ. Горько и тяжело одно, что между русскими людьми они находятъ низкихъ пособниковъ и исполнителей; но эти отверженцы не достойны

[1]) См. стихотвореніе В. А. Жуковскаго: государынѣ великой княжнѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе великаго князя Александра Николаевича посланіе.

носить имя русскихъ, ихъ удѣлъ—презрѣніе и проклятіе. Да, вѣчное проклятіе народа русскаго будетъ тяготѣть надъ измѣнниками и убійцами, отдавшими себя въ распоряженіе враговъ своей родины, надъ татями и предателями, прокравшимися даже въ царскій дворецъ съ своими цареубійственными, адскими замыслами. Чувство жгучаго горя и гнетущей тоски стѣсняетъ грудь, и невольныя слезы бѣгутъ изъ глазъ при чтеніи описанія катастрофы 5-го февраля и при страшной мысли о томъ, что могло бы случиться, если бы Господь не умилосердился надъ Россіею. Стоны и невинно-пролитая кровь мучениковъ, погибшихъ и изувѣченныхъ въ этотъ день, немолчно вопіютъ къ небу объ отмщеніи. Изъ нихъ нѣкоторые вышли невредимыми изъ кровопролитныхъ битвъ за свободу соплеменниковъ и нежданно-негаданно, къ горю осиротѣвшихъ семействъ своихъ, къ горю всей Россіи, ихъ оплакивающей, погибли страшною, мучительною смертію... отъ своихъ,—тяжело и вымолвить это слово... Нѣтъ, не свои намъ эти изверги, эти подпольные злодѣи, гнусныя дѣла которыхъ возбуждаютъ ужасъ и отвращеніе, предъ неслыханными, безпримѣрными преступленіями которыхъ блѣднѣютъ даже ужасныя злодѣянія парижской коммуны. Какимъ бы дождемъ прокламацій эти прячущіеся злодѣи ни сыпали, какими бы наилюбящими Россію людьми они ни прикидывались, какими бы громкими и краснорѣчивыми фразами ни описывали мнимо-несчастное положеніе народа русскаго, какія бы блага и льготы ни обѣщали,—разумный русскій человѣкъ вполнѣ понимаетъ, что ихъ прокламаціи—гнусная ложь; что они—самые лютые враги Россіи и ея единственное несчастіе; что въ ихъ громкихъ фразахъ слышится отсутствіе содержанія и правды; что отъ грабителей и убійцъ можно ожидать не благъ, льготъ и счастія, а грабежа, крови и всеобщаго разоренія; что возвышенія благосостоянія народнаго вся Русская земля можетъ ожидать и съ упованіемъ ожидаетъ единственно отъ любящаго свой народъ и безпредѣльно любимаго имъ Царя-Освободителя.

«Вѣрный себѣ и своимъ великимъ предначертаніямъ, нашъ возлюбленный государь по-прежнему царственно-ласковъ и привѣтливъ, съ прежнимъ милостивымъ вниманіемъ и любовію относится къ судьбамъ просвѣщенія народнаго и къ учащемуся юношеству. Ему, какъ я имѣлъ счастіе и недавно лично убѣдиться, пріятно и отрадно слушать добрые отзывы объ университетѣ, о другихъ учебныхъ заведеніяхъ и объ учащейся молодежи.—Пользуюсь этимъ торжественнымъ днемъ, чтобы подѣлиться съ вами моею великою радостію, царскимъ милостивымъ словомъ, слышаннымъ мною отъ государя 5-го января. За это царское милостивое, столь дорогое для меня слово, я обязанъ вамъ, мои почтенные сотрудники, гг. профессора, воспитатели и воспитательницы, и вамъ, студенты, ученики и ученицы. Примите мою искреннюю и сер-

дечную благодарность.—Государь неуклонно стремится къ устроенію блага и счастія Россіи, не смущаясь никакими кознями, не страшась никакихъ опасностей. Глубоко-религіозный, царь нашъ исполненъ незыблемаго упованія на Бога и неизмѣнной вѣры въ свой вѣрный народъ. Глубже вникая въ потрясающія событія тяжко-скорбныхъ для Россіи дней, мы не можемъ не признать, что козни и святотатственныя покушенія крамольниковъ послужили только къ бо́льшему сближенію царя съ народомъ, къ бо́льшему возвеличенію, къ вящшей славѣ нашего славнаго государя: весь міръ во-очію убѣдился, что незримая Десница Всевышняго охраняетъ нашего вѣнценосца и съ нимъ весь нашъ русскій народъ. Очевидны для всякаго факты бодрствующаго надъ Россіею всесильнаго Промысла Божія. Очевидно, что ничтожна числомъ шайка дерзкихъ злодѣевъ, что противъ нея народное чувство возмущено до ненависти, до проклятія. Поэтому мы твердо вѣруемъ, что утишится скорбь земли Русской, что враги русскаго царя и русскаго народа расточатся и исчезнутъ, какъ дымъ предъ лицемъ огня любви и вѣрности народной, предъ лицемъ огня гнѣва Божія. Да водворятся же у насъ миръ, тишина и спокойствіе, да снизойдетъ покой въ душу державнаго благодѣтеля Россіи, да пребудетъ наше милое отечество прежнею богобоязненною, царелюбивою и покорною законамъ Русью, и да державствуетъ надъ нами еще многіе годы нашъ обожаемый великій государь съ силою и славою многою!»

Мнѣ теперь живо представляются внимательные, оживленные глаза моихъ слушателей. 19-го февраля, глаза, устремленные на меня, ловящіе мои слова, мои движенія. Это молчаніе биткомъ набитой громадной залы, это восторженное «ура», оглашавшее залу, соединенное съ горячими аплодисментами, видно, невольно вырвавшимися, это одушевленное пѣніе народнаго гимна краснорѣчиво говорили за молодежь. Это ли нигилисты? Это ли дурно направленная учащаяся молодежь? Признаюсь, я отъ души желалъ бы видѣть ее такою, какою она была 9-го апрѣля 1878-го и 19-го февраля 1880-го года

Злодѣи не унимаются: 20-го февраля произведено покушеніе на жизнь главнаго начальника Верховной коммиссіи графа Лорисъ-Меликова евреемъ Младецкимъ. Графъ не раненъ. Преступникъ, по приговору полеваго военнаго суда, повѣшенъ въ 11-ть часовъ утра 22-го февраля. На террористовъ не приходится ли дѣйствовать терроромъ? Не пора ли имъ понять, наконецъ, справедливость евангельскаго изреченія: извлекшіе мечъ отъ меча погибнутъ. Можно ли щадить злодѣевъ, у которыхъ нѣтъ пощады никому, которые и сильны только ужасомъ, наводимымъ ихъ безпримѣрными злодѣяніями?

Какъ видно изъ газетъ, Петербургъ въ паникѣ, многіе укладываются и уѣзжаютъ. Что же это такое? Неужели горсть не знающихъ мѣръ своимъ

злодѣяніямъ злоумышленниковъ можетъ терроризировать столицу Россіи, резиденцію государя самодержавнаго? Въ многочисленность злодѣевъ я не вѣрю, хотя и считаютъ ихъ въ Петербургѣ за une partie formidable, хотя и здѣсь приходится слышать восклицаніе: «А что ни говорите, они сила!» Я убѣжденъ, что если ихъ щадить не будутъ, что если общество (про народъ тутъ нечего говорить, народъ тутъ не при чемъ: народъ буквально разорвалъ бы ихъ, если бы они попались ему въ руки), не будетъ черезъ мѣру пугливо, а будетъ стойко отстаивать порядокъ и законную власть и не будетъ даже дозволять разговоровъ преступныхъ, имѣющихъ содержаніемъ разрушеніе государственныхъ основъ,—то злодѣи скоро увидятъ и сознаютъ, что они изолируются, что вокругъ нихъ стягивается крѣпкая, тверже желѣзной, цѣпь, что они охватываются ею по рукамъ, по ногамъ, что имъ приходитъ конецъ. И затрепещутъ они, а не мирные граждане, которые трепещутъ теперь единственно потому, что нѣтъ между ними надлежащей солидарности; что недостаетъ твердости сказать измѣнѣ правду въ глаза. Однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ противъ анархистовъ, пропагандирующихъ свои пагубныя ученія, было бы, по моему мнѣнію, писать противъ нихъ, открыто говоря объ ихъ ученіи, т. е., попросту сказать, выводить ихъ на чистую воду, на свѣтъ изъ того мрака, въ которомъ они скрываются, и который придаетъ ихъ идеямъ прелесть новизны и пріятность запретнаго плода. Вспомнимъ, что «Колоколъ» Герцена вынужденъ былъ смолкнуть, какъ только открыто стали разоблачать и разбирать его содержаніе.

Прошло болѣе двухъ недѣль съ 20-го февраля, т. е. со времени покушенія на жизнь графа Лорисъ-Меликова, все спокойно. Слышно, государь ѣздитъ по городу безъ конвоя. Пошли ему, Господи, душевный покой, котораго его лишила крамола. Грустно было видѣть въ Петербургѣ русскаго царя съ конвоемъ, но къ этой мѣрѣ привели частыя покушенія.

20-го марта я получилъ отъ министра лестное письмо, въ которомъ онъ пишетъ (отъ 13-го марта 1880 г. № 3169): «Рѣчь, произнесенную вами 19-го минувшаго февраля въ залѣ Казанскаго университета, я счелъ долгомъ повергнуть въ копіи на высочайшее государя императора воззрѣніе.

«Его императорскому величеству на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ по сему предмету благоугодно было было, въ 10-й день текущаго марта, собственноручно начертать: «прочелъ съ удовольствіемъ».

VI.

Изобиловавшій злодѣйскими покушеніями періодъ времени, заключавшій въ себѣ весь 1879 годъ и первые мѣсяцы 1880-го года, можетъ, по моему мнѣнію, служить наглядным доказательствомъ того, что студенческія волненія дѣйствительно подготовляются и устраиваются революціонными агентами, тогда какъ то время, въ которое революціонеры заняты своимъ дѣломъ истребленія, преступными покушеніями, является временемъ отдыха для университетовъ,—въ нихъ тогда прекращаются студенческія волненія.

Вступленіе новаго министра народнаго просвѣщенія [1]) оживило давнишнія мечты и надежды студентовъ: на министра, отъ котораго, когда онъ былъ попечителемъ, въ такомъ восторгѣ были дерптскія студенческія корпораціи, студенты русскихъ университетовъ ждали, что онъ дастъ и русскому студенчеству корпоративныя права. Слѣдовало ожидать, что подъ вѣяніемъ этихъ самыхъ радужныхъ, свѣтлыхъ упованій, студенты въ полномъ спокойствіи и тишинѣ будутъ ждать распоряженій министра. Такъ бы вѣроятно и было, но освободившіеся, за пріостановкою собственныхъ дѣлъ, революціонные агенты думали иначе. Они никогда не принимали къ сердцу чисто-студенческихъ интересовъ, въ ихъ глазахъ студенты всегда были панурговымъ стадомъ, которое они заставляли прыгать и метаться, когда это требовалось «для общаго дѣла». Революціонеры задумывали рѣшительный ударъ, — имъ нужно было, для отвлеченія вниманія правительства, возмутить студентовъ и побудить ихъ къ собиранію сходокъ, къ составленію и подачѣ петицій. «Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Теперь самое благопріятное время. Просите, просите настойчиво, и вамъ дадутъ все, чего пожелаете». И студенты съ усердіемъ, достойнымъ лучшихъ цѣлей, волновались, собирались, писали и печатали петиціи, подавали свои письменныя требованія начальству, — словомъ, со всеусердіемъ мѣшали министру, если бы онъ и желалъ привести въ исполненіе задуманный имъ планъ переустройства студенческаго быта. Дошло, наконецъ, до извѣстнаго всѣмъ возмутительнаго событія, случившагося 8-го февраля 1881 года на торжественномъ актѣ С.-Петербургскаго университета...

1-го марта свершилось ужасное, неслыханное, безпримѣрное злодѣяніе... Государя нашего дорогаго, любимаго не стало... Возстонала Русская земля... Совершившая это злодѣяніе шайка надѣялась въ это

[1]) Въ апрѣлѣ 1880 года графъ Д. А. Толстой былъ уволенъ отъ званія министра народнаго просвѣщенія, и его мѣсто занялъ бывшій попечитель Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) учебнаго округа—Сабуровъ.

время, какъ ходили слухи, поднять простой народъ на дворянъ и всю интеллигенцію. Понятно, что они не могли оставить въ покоѣ университеты. Революціонные агенты съ жаромъ то призывали молодежь поднять кличъ «къ топорамъ», то подбивали ихъ отказаться отъ присяги державному наслѣднику въ Бозѣ почившаго, то подстрекали ихъ къ сходкамъ волненіямъ, смутѣ. Къ счастію Казанскому университету эти подстрекательства агентовъ революціи обошлись сравнительно благополучно, но тяжелымъ гнетомъ легли на нѣкоторые другіе университеты.

Времени со второй половины января по 21 марта я не считаю себя въ правѣ касаться, такъ какъ, сначала по случаю служебной переѣздки въ С.-Петербургъ, потомъ по причинѣ приключившейся со мною тяжкой и продолжительной болѣзни, я лишенъ былъ возможности быть очевидцемъ событій, а писать только по слухамъ не желаю, чтобы не впасть въ ошибку. Что въ это время и въ Казанскомъ университетѣ подстрекаемая злоумышленниками часть студентовъ дозволяла себѣ безразсудныя выходки, доказательствомъ тому могутъ служить сохранившіеся у меня два письменные документа: объявленіе совѣта университета, обращенное къ студентамъ, и присланное мнѣ въ мартѣ мѣсяцѣ безъимянное письмо за подписью «студенты». Объявленіе совѣта было такого содержанія: «Въ тяжелые дни скорби, переживаемые нашимъ отечествомъ, совѣтъ университета извѣстившись, что, въ послѣднее время, вопреки существующимъ правиламъ, созываются нерѣдко въ стѣнахъ университета сходки, принимающія характеръ, не соотвѣтствующій цѣлямъ и достоинству университета, а равно интересамъ самихъ студентовъ, единодушно обращается къ здравомыслію и добрымъ чувствамъ казанскихъ студентовъ, приглашая ихъ рѣшительно воздержаться отъ всякихъ проявленій, несоотвѣтственныхъ университетской жизни. Совѣтъ университета, взывая къ благороднымъ и законнымъ чувствамъ студентовъ, надѣется, что они и впредь не измѣнятъ себѣ. Для профессоровъ Казанскаго университета было бы поразительно и неожиданно прискорбно убѣдиться, что они ошибались въ своихъ высокихъ представленіяхъ о благородномъ настроеніи юношества, пришедшаго въ университетъ готовиться къ высокому служенію на разныхъ поприщахъ къ благу отечества и во славу государя».

А вотъ что пишутъ «студенты»:

«Мы, составляющіе большинство благонамѣренныхъ студентовъ Казанскаго университета, покорнѣйше просимъ васъ, какъ нашего попечителя, устранить изъ стѣнъ университета безпорядки, подобные происходившимъ 15-го февраля и 2-го марта, и тѣмъ дать намъ возможность заниматься своимъ дѣломъ. На свое ближайшее начальство нѣтъ никакой надежды. Оно смотритъ на гадкія выходки нашихъ нѣкоторыхъ товарищей сквозь пальцы и этимъ даетъ меньшинству поводъ

предполагать, что это начальство относится сочувственно къ ихъ бреднямъ. Грустно намъ смотрѣть на все это, одна надежда теперь на васъ».

При чтеніи этого письма можетъ возникнуть вопросъ: къ чему же это большинство, и, повидимому очень значительное, прибѣгаетъ къ безъимянному письму на имя попечителя, а не противодѣйствуетъ открыто «гадкимъ выходкамъ нѣкоторыхъ товарищей?» Да именно потому, что они товарищи. Духъ товарищества силенъ въ студентахъ, и даже во время волненій, нерѣдко по слѣдамъ буйныхъ влечетъ скромныхъ и тихихъ студентовъ. Кромѣ того не лишнее вспомнить при этомъ, что участники въ сходкахъ обыкновенно отличаются дерзостію и неразборчивостію на средства. Вспомнимъ, что студенты сходки 29-го октября 1882 года собирались бить студентовъ, подавшихъ заявленія начальству, не одобрявшія дѣйствія сходки.

Не помню, когда я получилъ безъимянное письмо, приведенное выше, до выставки объявленія совѣта или послѣ. Во всякомъ случаѣ обращеніе совѣта университета къ студентамъ ясно говоритъ, что начальство Казанскаго университета не смотрѣло сквозь пальцы на происходившіе безпорядки, а призывало студентовъ къ порядку словомъ увѣщанія.

Итакъ изъ приведенныхъ мною двухъ письменныхъ документовъ очевидно, что въ стѣнахъ Казанскаго университета «въ тяжелые дни скорби» нерѣдко созывались сходки, принимавшія характеръ, не соотвѣтствующій цѣлямъ и достоинству университета (не ясно-ли, что тутъ руководила чужая рука, чужая воля, которой нѣтъ дѣла до цѣлей и достоинства университета?), что 15-го февраля и 2-го марта были безпорядки, и нѣкоторые студенты позволяли себѣ гадкія выходки, возмущавшія большинство студентовъ. Но все это, къ счастію, улеглось, успокоилось и не дошло до крайностей.

Вскорѣ послѣ моего выздоровленія, [1]) ко мнѣ явились пять студентовъ. Спросивъ каждаго изъ нихъ, какъ его фамилія, какого онъ факультета и курса, я пожелалъ узнать, зачѣмъ они ко мнѣ пришли. Оказалось, они пришли просить разрѣшенія устроить общую сходку для совѣщанія объ общихъ студенческихъ дѣлахъ.

— Вамъ извѣстно,—сказалъ я,— что сходки запрещены. Какъ же вы просите о томъ, что прямо запрещено правилами?

— Губернаторъ говорилъ,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ,—что сходки дозволены.

— Конечно, до васъ дошелъ невѣрный слухъ: губернаторъ не могъ этого говорить.

---

[1]) Я вступилъ послѣ болѣзни въ управленіе Казанскимъ учебнымъ округомъ 21-го марта 1881 года.

— Я самъ былъ у губернатора въ числѣ студенческихъ депутатовъ и самъ слышалъ. Онъ прямо сказалъ намъ, что сходки дозволены.

— Вѣроятно,—возразилъ я,—вы не хорошо дослышали. Можетъ быть, губернаторъ выразилъ надежду, что сходки студенческія будутъ дозволены современемъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣчалъ студентъ,—я хорошо слышалъ.

— Ну, сказалъ я, чтобы вамъ ни говорилъ губернаторъ, я, какъ попечитель округа, объявляю вамъ, что сходки рѣшительно запрещены. Запрещеннаго же дозволить я не въ правѣ; и потому совѣтую вамъ, если вы не хотите принести вредъ университету, отнюдь не устраивать ни какой сходки. Предупреждаю васъ, что вы первые пострадаете, потому что я буду имѣть основаніе признать васъ иниціаторами сходки, затѣмъ пострадаютъ всѣ студенты, которые примутъ участіе въ сходкѣ, и весь университетъ. Я надѣюсь, что вы дадите мнѣ слово сходокъ не устраивать.

Студенты дали слово, что сходокъ не будетъ, и сдержали. Съ конца марта 1881 г. университетскіе студенты оставались спокойны до 28-го октября 1882 года, когда вдругъ, нежданно негаданно для всѣхъ насъ, начались студенческія волненія, описанныя мною въ «Русской Старинѣ» [1]).

Такъ какъ самый тяжелый день для всей Россіи, а стало быть и для Казанскаго университета, день 1-го марта 1881 года и послѣдующіе за нимъ дни я, по болѣзни, не могъ быть среди студентовъ и говорить съ ними, то въ скорбный день годовщины смерти императора Александра Николаевича, 1-го марта 1882 года, послѣ литургіи и панихиды въ церкви университета, я пригласилъ профессоровъ и студентовъ въ актовый залъ и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

«Въ этотъ день, годъ тому назадъ, всенародный трауръ покрылъ Россію: Царь-Освободитель, всю жизнь свою посвятившій сердечной заботѣ о благѣ горячо любимаго имъ народа, всю жизнь свою твердо державшій государственное знамя мира, законности, свободы и свѣта, палъ, какъ безстрашный боецъ, въ борьбѣ съ исчадіями мрака, стремящимися къ анархіи, къ сокрушенію всего строя общественной и государственной жизни Россіи.

«Какое величіе, какую силу характера проявилъ почившій царственный вождь земли Русской! Съ 1866 года ему постоянно, ежедневно грозила смерть изъ-за-угла,—тайные убійцы, враги отечества, стерегли каждый его шагъ, вооруженные кинжаломъ, револьверомъ, динамитомъ, разрывными снарядами. Поставьте себя на мѣсто государя, представьте, что вы окружены убійцами, жаждущими вашей крови, и что вамъ легко освободиться отъ этого неотступнаго кошмара

[1]) См. «Русскую Старину» 1888 г. кн. XII и 1889 г. кн. I.

грозящей вамъ гибели,— стоитъ только оставить свой постъ... и скажите, положа руку на сердце, у многихъ ли достанетъ стойкости пятнадцать лѣтъ оставаться на опасномъ посту, пятнадцать лѣтъ ежедневно ждать смерти? Сколько нужно твердости и геройства, сколько сознанія святости долга?

«Почившій государь, когда былъ еще двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ, выслушалъ отъ своего державнаго родителя, что царь не долженъ уступать смутѣ,—пусть онъ падетъ, но... на ступеняхъ трона. Рыцарская честность и свѣтлый умъ государя императора Николая Павловича признаны исторіею. Императоръ Николай Павловичъ зналъ свой народъ и вполнѣ понималъ его потребности. Онъ зналъ, что для многомилліонаго русскаго народа потребна единая крѣпкая власть, что народъ вѣритъ лишь царю своему, на него возлагаетъ свои надежды, и что поэтому, для счастья и блага народа, русскій царь долженъ быть вѣренъ идеѣ единодержавія, не долженъ уступать смутѣ,—лучше ему пасть... но на ступеняхъ трона. Невольно поражаетъ насъ эта прозорливость императора Николая Павловича, прозорливость, въ данномъ случаѣ дошедшая до предвѣдѣнія: онъ высказалъ эту глубоко-правдивую и сильную мысль наслѣднику-отроку, какъ будто предчувствовалъ грядущую судьбу своего царственнаго сына, который черезъ 51 годъ послѣ этихъ словъ палъ отъ смуты, погибъ мучительною смертью, но умеръ на тронѣ, палъ какъ герой, твердо держа спасительное для Россіи знамя самодержавія.

«Перенесемся на нѣсколько мгновеній къ тому страшному и позорному дню, который, годъ тому назадъ, пережила Россія, перенесемся въ кабинетъ царственнаго страдальца...

«Принесеннаго во дворецъ израненнаго, изувѣченнаго, уже безчувственнаго, государя положили на походную кровать и стали употреблять медицинскія средства, чтобъ остановить кровь и привести умирающаго въ чувство. Въ кабинетѣ собралась вся царская фамилія и нѣкоторые приближенные... Всѣ стояли въ совершенномъ молчаніи, сдерживая рыданія. Лейбъ-медикъ Боткинъ держалъ свою руку на груди государя и слѣдилъ за біеніемъ сердца... Но вотъ онъ отнимаетъ руку и, обращаясь къ присутствующимъ, говоритъ: «Все кончено...» Оглушительныя рыданія были отвѣтомъ. Рыдали, кто прислонившись къ стѣнѣ, кто къ окну, кто къ косяку двери...

«На Дворцовой площади въ это время стояла несмѣтная масса народа тихо, въ тревожномъ ожиданіи... Когда народъ услышалъ вѣсть о кончинѣ своего державнаго благодѣтеля, вся площадь огласилась рыданіями... Это было потрясающее зрѣлище, это было самое наглядное доказательство горячей любви народа къ своему царю, доказательство неопровержимости того факта, что мрачное святотатственное дѣло зло-

дѣвъ народу чуждо, скажу болѣе и прямѣе—предано проклятію народомъ...

«Что было въ кабинетѣ государя и на Дворцовой площади, то же повторялось во всей Россіи. Сколько перечувствовалъ и выстрадалъ русскій народъ въ эти ужасные дни всенародной скорби! Если бы растворились предъ нами двери домовъ и раскрылись домашніе, семейные очаги нашего обширнаго отечества въ тяжелой памяти дни первыхъ чиселъ марта 1881 года, то мы увидали бы поразительныя и потрясающія душу сцены. Вотъ интеллигентная семья, состоящая изъ отца, матери и дѣтей разныхъ возрастовъ,—всѣ плачутъ, крупныя слезы и судорожныя рыданія не скрываются даже отъ прислуги, и ей читаются телеграммы, и прислуга плачетъ. Вотъ простая купеческая семья: отецъ семейства плачетъ навзрыдъ и въ то же время разражается проклятіями на злодѣевъ, лишившихъ насъ царя-отца. Вотъ крестьяне собираются кучками, громко рыдаютъ и съ проклятіями грозятъ убійцамъ. Всюду, во всѣхъ самыхъ отдаленныхъ углахъ царства Русскаго плачъ и стоны. Сознаетъ наша любимая, дорогая, святая Русская земля, кого она потеряла, какое зло и святотатство совершили враги народа русскаго, чья драгоцѣнная, мученическая кровь пролита, къ чьему мертвому, бездыханному, но вѣчно живому и дышащему любовью тѣлу обращаются скорбные помыслы, стоны и рыданія сыновъ Русской земли.....

«2-го марта тѣло въ Бозѣ почившаго императора еще лежало на походной постели, а между тѣмъ громадныя залы дворца наполнились съѣхавшимися на большой выходъ оффиціальными лицами въ парадныхъ, расшитыхъ серебромъ и золотомъ, мундирахъ,—все имѣло праздничный видъ. Въ полномъ парадномъ мундирѣ вышелъ государь императоръ Александръ Александровичъ съ государыней императрицей Маріей Ѳеодоровной, на которой было надѣто бѣлое платье, а на головѣ брильянтовая діадема,—у государя и государыни глаза сильно заплаканы. За ними вслѣдъ шелъ государь наслѣдникъ цесаревичъ и всѣ прочіе члены императорской фамиліи. Дойдя до середины Кавалергардской залы, государь остановился и обратился къ присутствующимъ: «Господа, я надѣюсь, что вы будете служить мнѣ съ тою же неизмѣнною вѣрностію, съ какою служили моему покойному родителю»... Государь умолкнулъ, не могши одолѣть волненія, и крупныя слезы брызнули изъ глазъ; видно было, что онъ хотѣлъ продолжать, но не могъ. Оглушительное восторженное «ура» пронеслось по заламъ. Со слезами, этими лучшими, чистѣйшими брильянтами души, шествовали государь и государыня по заламъ дворца; очарованные и сердечно тронутые, всѣ провожали дорогую для Россіи августѣйшую чету восторженными кликами. Такія торжественныя, такъ громко говорящія сердцу минуты не забываются и тѣсно соединяютъ народъ съ его державнымъ вождемъ.

«Тяжелое наслѣдіе получилъ покойный государь отъ своего державнаго родителя—трудную, изнурительную войну съ иностранными державами, но еще болѣе тяжелое наслѣдство досталось государю императору Александру Александровичу. Совершенно вѣрно молодой государь высказалъ въ своемъ манифестѣ, что онъ подъемлетъ «тяжкое бремя, Богомъ на насъ возлагаемое»; но, несмотря на то, вѣрный своему святому долгу, государь императоръ съ твердостію отца и дѣда развертываетъ знамя самодержавія. Да укрѣпитъ его Господь своею всемогущею силою, да дастъ ему исполнителей по сердцу его, искренно любящихъ Россію, честныхъ, здравомыслящихъ и энергичныхъ.

«Усопшаго же благодѣтеля Россіи да приметъ Господь въ селенія праведныхъ, да упокоитъ его тамъ отъ всѣхъ страданій и мукъ, которыми измучено здѣсь его любвеобильное сердце. Да будетъ Царь-Страдалецъ послѣднею очистительною жертвою за свой народъ, за свою многострадальную Русь. Пусть свѣжая, дорогая, незабвенная могила Царя-Освободителя, погибшаго мученическою смертію, сдѣлается могилою всѣхъ святотатственныхъ замысловъ истребленія и разрушенія; пусть она будетъ могилою, въ которой погребутся и сокроются на вѣки всѣ язвы, подтачивающія здоровый организмъ народа русскаго, всѣ цареубійственные и анархическіе ковы. Да окружатъ молодаго монарха нашего только горячая старорусская любовь и сердечная преданность вѣрноподданныхъ. Рѣчь эта была выслушана съ глубокимъ вниманіемъ».

Изъ всего изложеннаго, мнѣ кажется, съ достаточною ясностію обнаруживается, что тяжелые дни университетовъ нашихъ создаются не ими самими, а путемъ внѣшняго давленія на увлекающуюся университетскую молодежь, производя безпорядки, колебля и потрясая спокойный строй университетской жизни своими шумными сборищами, своими неумѣренными притязаніями, своими порою дикими выходками, несвойственными интеллигентной молодежи. Она дѣйствуетъ, какъ загипнотизированная, не по своей, а по чужой волѣ, и является слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ ловкихъ, умѣющихъ отуманивать юныя головы, вожаковъ, которыхъ собственно студенческіе интересы нисколько не занимаютъ, которые прикрываютъ этими интересами иныя преступныя цѣли.

Недавніе безпорядки въ Казанскомъ университетѣ до очевидности показали, какъ мало въ нихъ собственно студенческаго вліянія, какъ дѣло, которое студенты положили вести тихо, спокойно, обращается въ буйство. Поговорите со студентами Казанскаго университета, отъ каждаго изъ нихъ вы услышите, что они согласились между собою съ полнымъ спокойствіемъ, тихо собраться потолковать и изложить

университетскому начальству, въ видѣ просьбы, свои желанія. Что же въ дѣйствительности вышло? — Вышло совершенно не то, чего ожидали студенты. Съ самаго начала, по сигналу, данному однимъ изъ безпокойныхъ студентовъ, толпа съ дикимъ визгомъ, гамомъ и криками бросилась по лѣстницѣ и ворвалась въ актовую залу. Инспекторъ студентовъ, приглашавшій толпу разойтись именемъ закона, получилъ ударъ въ лицо и сверхъ того на него поднято четыре стула,—ударъ стула принялъ на себя стоявшій между инспекторомъ и студентами помощникъ инспектора В—вичъ. Какъ же это случилось? Какъ, вмѣсто тихаго, спокойнаго собранія вѣжливо говорящихъ съ начальствомъ студентовъ, на сцену выступила буйная толпа, начавшая гвалтомъ и оскорбленіемъ инспектора студентовъ, начавшая такъ, что собраніе студентовъ сразу приняло характеръ буйствующей сходки, съ которой всякіе мирные переговоры, послѣ совершеннаго, были немыслимы.—Студенты объясняютъ это увлеченіемъ меньшинства, но спрашивается: кто велъ къ этому меньшинство.—Тѣ же незримыя лица, которыя являлись на сцену во всѣхъ студенческихъ волненіяхъ и которыя заботливо подливали масло въ огонь, чтобы произвести возможно большій пожаръ.

Посмотрите на требованія, предъявляемыя студентами сходокъ 1887 года. Они требуютъ ни много, ни мало—отмѣны настоящаго университетскаго устава, студенческаго суда, обязательнаго и для профессоровъ? Такія невозможныя, неосуществимыя требованія ясно для чего внесены въ студенческія петиціи чужою злонамѣренною рукою. Искусные инициаторы волненій умѣли вдохнуть въ студентовъ увѣренность, что профессора сочувствуютъ ихъ главному требованію—отмѣнѣ устава; въ Казани между студентами ходилъ слухъ, что петербургскіе профессора мятутся, что изъ казанскихъ тридцать подадутъ въ отставку въ вечернемъ засѣданіи совѣта 4-го декабря. Ловкіе агитаторы не позабыли включить въ студенческую петицію и такой пунктъ, который нашелъ откликъ въ обществѣ и который выражаетъ заботу студентовъ о меньшихъ братіяхъ—пунктъ объ отмѣнѣ циркулярнаго предписанія министра народнаго просвѣщенія относительно пріема въ гимназіи.

Посмотрите, къ какимъ насильственнымъ дѣйствіямъ прибѣгали студенты сходки 4-го декабря: насильно отбирали билеты у студентовъ, не желавшихъ принимать участія въ безпорядкахъ, насильно отбирались подписи на прошеніяхъ объ увольненіяхъ изъ университета, — и билеты и прошенія представлялись ректору, какъ будто сами студенты, которыхъ принудили выдать билеты и подписать прошенія, желаютъ выйти изъ университета [1]). Мало того, нѣкоторыхъ студентовъ насильно при-

[1]) Конечно, эти билеты и прошенія возвращались по желанію самихъ студентовъ или ихъ родителей.

таскивали на сходку. Одного студента физико-математическаго факультета, скромнаго и тихаго юношу, ухватили въ аудиторіи на лекціи и притащили на сходку. Ему удалось потихоньку уйти. Уже онъ добрался до шинельной, уже надѣвалъ пальто, какъ прибѣжавшіе со сходки снова подхватили его, приволокли на сходку, посадили, и двое сѣли на него, чтобы онъ не убѣжалъ. Терроръ и насиліе широко разгуливали 4-го декабря на собраніи, которое предполагалось устроить мирно, спокойно, безъ всякого шума.

Взгляните на начало студенческой петиціи, и вы убѣдитесь, что въ основу этихъ волненій кладутся не чисто-студенческіе интересы. Петиція начинается такъ: «собрало насъ не что иное, какъ невозможность русской жизни вообще и студенческой въ особенности». Первая причина собранія или сходки—*невозможность русской жизни вообще* не прямо ли говоритъ, что это не чисто-студенческое дѣло, а дѣло общее, дѣло «радѣтелей о благѣ народа?» Ясно это и изъ приведенныхъ словъ петиціи, поставленныхъ, такъ сказать, въ заголовкѣ студенческаго движенія, и изъ внезапнаго превращенія предполагавшагося мирнаго собранія въ буйную сходку, и изъ того, что въ числѣ иниціаторовъ волненій были и постороннія лица, которыхъ въ Казани называютъ по именамъ.

Ясно, что и въ 1887 году, какъ и въ прежніе годы, устраивали студенческое волненіе тѣ люди, которымъ не жалко студентовъ и университета, которые съ каждымъ новымъ студенческимъ волненіемъ стараются всѣми силами начать безпорядки какъ можно болѣе крупнымъ, выдающимся скандаломъ, чтобы не было, съ самаго начала, возможности направить дѣло на мирный путь, чтобы поболѣе было пострадавшихъ студентовъ, чтобы такимъ образомъ возбудить неудовольствіе не только въ средѣ студентовъ, но и въ обществѣ. Подожгутъ студентовъ, натравятъ ихъ, а послѣ, подъ маскою доброжелательства и любви къ молодежи, откроютъ подписку «въ пользу пострадавшихъ студентовъ» и съ подписнымъ листомъ подстрекаютъ ходить тоже податливыхъ студентовъ, чтобы и эти сборщики отвѣтили и увеличили собою число пострадавшихъ. При чемъ, конечно, старательно распространяются слухи по городу о томъ, что пострадавшіе студенты—самые лучшіе, даровитые и развитые молодые люди, «такъ-де и сами профессора говорятъ».

Омерзѣніе возбуждаютъ іезуитскія дѣйствія этихъ растлителей и погубителей нашего бѣднаго юношества, и глубокая жалость объемлетъ душу при видѣ юношей, на зарѣ дней своихъ портящихъ свою будущность, приносящихъ тяжкое горе своимъ родителямъ и близкимъ.

П. Д. Шестаковъ.

ПИСЬМА

П. Т. Морозова къ А. Г. Тройницкому.

Павелъ Тимоѳеевичъ Морозовъ принадлежалъ къ числу лицъ, привлеченныхъ къ полезной общественной дѣятельности графомъ [1]) М. С. Воронцовымъ въ бытность его главнымъ начальникомъ Новороссійскаго края.

П. Т. Морозовъ происходилъ изъ дворянъ Пензенской губерніи и родился въ 1808 году. Воспитаніе онъ получилъ въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній своего времени, Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ; онъ кончилъ здѣсь курсъ въ 1824 году съ золотою медалью и на актѣ этого года произнесъ рѣчь «О вліяніи точныхъ наукъ на успѣхи наукъ словесныхъ». Въ томъ же году онъ отправился въ Одессу и поступилъ чиновникомъ въ канцелярію графа Воронцова. Видныхъ административныхъ должностей впрочемъ Морозову не пришлось занимать, но онъ вскорѣ примкнулъ къ тому кругу образованныхъ людей, которыхъ Воронцовъ любилъ собирать вокругъ себя. Морозова графъ направилъ главнымъ образомъ на занятіе литературнаго характера; Павелъ Тимоѳеевичъ сотрудничалъ въ мѣстной газетѣ «Одесскій Вѣстникъ», а съ 1831 года, при содѣйствіи главнаго начальника края, предпринялъ изданіе «Новороссійскаго Календаря» и редактировалъ его по 1837 годъ. Въ этомъ изданіи помѣщались не только обычныя справочныя свѣдѣнія, но также статистическія свѣдѣнія и географическія данныя. Воронцовъ вообще желалъ сдѣлать «Календарь» сборникомъ матеріаловъ, которые свидѣтельствовали бы о развитіи управляемаго имъ края. Кромѣ «Календаря»,

[1]) Впослѣдствіи княземъ.

Воронцовъ побудилъ Морозова и его пансіонскаго товарища М. П. Розберга, состоявшаго профессоромъ въ Ришельевскомъ лицеѣ, къ изданію сборника чисто литературнаго; мысль эта была осуществлена въ «Одесскомъ Альманахѣ», двѣ книжки котораго вышли въ 1831 и 1832 годахъ; здѣсь Морозовъ помѣстилъ любопытныя статьи: «Историческій взглядъ на Одессу», «Одесса въ 1830 году» и «Праздники Рождества Христова и Новаго года въ Одессѣ». Въ началѣ сороковыхъ годовъ Морозовъ, однако, оставилъ службу съ чиномъ статскаго совѣтника и поселился въ Пензенской губерніи, гдѣ и прожилъ до конца жизни. И въ новомъ мѣстѣ своего пребыванія онъ не покидалъ занятій литературой: онъ составилъ «Статистическое и сельско-хозяйственное описаніе Городищенскаго уѣзда», «Метеорологическій и сельско-хозяйственный календарь для средней полосы Россіи», писалъ и другія статьи по вопросамъ сельскаго хозяйства, а также по предметамъ нравственности и религіи; кромѣ того, велъ постоянныя метеорологическія наблюденія. Результаты послѣднихъ, подъ заглавіемъ «Метеорологическіе очерки», были изданы въ двухъ выпускахъ въ Москвѣ, въ 1866 и 1872 годахъ. Живя въ Пензенской губерніи, Морозовъ служилъ по выборамъ: былъ почетнымъ попечителемъ мѣстной гимназіи и нѣкоторое время предводителемъ дворянства въ Городищенскомъ уѣздѣ, гдѣ у него было имѣніе. Въ послѣдніе годы жизни Морозовъ написалъ еще повѣсть «Три семьи» (М. 1872) и составилъ два очерка изъ періода своей жизни въ «Новороссійскомъ краѣ: «Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ» и «Изъ одесскихъ воспоминаній» (главнымъ образомъ о томъ же Магницомъ и объ А. С. Стурдзѣ). Они были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 и 1877 годовъ. Умеръ онъ 25-го марта 1881 года, а въ 1883 году большая часть имъ написаннаго была издана въ Москвѣ отдѣльною книгой подъ заглавіемъ: «Сочиненія П. Т. Морозова», съ портретомъ автора.

Помѣщаемыя ниже письма Морозова къ А. Г. Тройницкому [1]) относятся къ тому времени, когда П. Т. жилъ въ Пензенской губерніи, и интересны для характеристики тогдашняго общества. Ред.

1.

4-го іюля 1835 г. с. Панцыревка.

Почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ!

Послѣ 10-ти дневнаго странствованія я наконецъ добрался до своей деревни. Теперь 1.600 верстъ отдѣляютъ меня отъ Одессы: разстояніе

[1]) Краткія біографическія свѣдѣнія объ Александрѣ Григорьевичѣ Тройницкомъ были уже помѣщены на страницахъ „Русской Старины“ (см. 1896 г. № 3, стр. 666).

ужасное тамъ, гдѣ нѣтъ пароходныхъ каретъ [1]) и гдѣ почты идутъ по 50 верстъ въ день.

Путешествіе мое было пріятно, благодаря хорошей погодѣ. Не должно, впрочемъ, думать, чтобы здѣсь подъ этимъ словомъ понимали то же, что въ Новороссійскомъ краѣ: жители сѣвера не такъ взыскательны, они очень довольны, если термометръ не ниже 15° и если облачный сводъ, почти всегда бѣлѣющій надъ ихъ головами, раздвинется въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Но если здѣшнее небо непривлекательно, то земля сѣверной Россіи (особенно въ Пензенской губерніи) поражаетъ красотою своей весенней одежды. Это сама свѣжесть, ландыши у ногъ, цвѣты черемухи и липы надъ головою и все это въ непостижимомъ изобиліи; здѣшіе равнины напоминаютъ залу, въ которой полъ устланъ богатыми коврами, украшенъ изящными мебелями, а потолокъ выпачканъ какимъ-нибудь мазилкою:

Низъ мраморный, а верхъ кирпичный.

Въ Воронежѣ мы едва могли найти себѣ квартиру: такъ велико стеченіе богомольцевъ. Соборъ св. Митрофанія украшенъ со вкусомъ и великолѣпіемъ. Серебряная рака угодника покрыта выпуклою отдѣлкою, которая сдѣлала бы честь лучшему художнику. Каждому изъ прикладывающихся монахъ, стоящій у гроба, даетъ небольшой образокъ и вышитый треугольникъ, называемый рукавичкою. Толпы, легіоны нищихъ и разносчиковъ облегаютъ соборъ со всѣхъ сторонъ; здѣсь вы встрѣчаете большіе лотки, покрытые образами, изъ коихъ самые дорогіе продаются по 50 рублей.

Проѣзжая чрезъ нѣсколько русскихъ губерній каждые 2 года, какъ я дѣлаю, нельзя не радоваться быстрому совершенствованію нашего отечества. Можетъ быть слѣды успѣха не вездѣ такъ ощутительны, такъ велики, какъ въ столицахъ и Одессѣ, но будучи соединены въ извѣстномъ количествѣ, они образуютъ блестящую стезю въ мѣстахъ самыхъ отдаленныхъ отъ Москвы и приморскихъ городахъ. Почти въ каждомъ губернскомъ городѣ вы найдете очень хорошее общество, гдѣ случается слышать столько дѣльныхъ замѣчаній о Россіи, столько мыслей основательныхъ о совершенныхъ у насъ и предстоящихъ намъ преобразованіяхъ. Раціональное сельское хозяйство, распространяясь въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, даетъ имъ мало-по-малу видъ благоустроенныхъ поселеній. На воспитаніе начинаютъ смотрѣть, какъ на дѣло важное и серьезное. Охота къ чтенію быстро возрастаетъ. Впрочемъ, книжная торговля боится еще явиться самостоятельно; она окружаетъ себя уди-

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

вительнымъ разнообразіемъ. Рядомъ съ твореніями Пушкина, Полеваго и Подолинскаго стоятъ еще банки съ вареньемъ, картузы съ табакомъ, но это смѣшеніе исчезнетъ: все станетъ на свое мѣсто. Достойно замѣчанія средство, которое люди, не желающіе покупать романовъ, употребляютъ здѣсь для прочтенія сихъ произведеній нашей словесности: они берутъ эти книги на прокатъ у разносчиковъ. Бродящій торговецъ, ссужаетъ своихъ подписчиковъ нѣсколькими томами при началѣ зимы и собираетъ розданное при концѣ холоднаго времени года.

Слѣпое подражаніе иностранцамъ исчезаетъ. Европейское просвѣщеніе, подобно дождю благотворному, процѣдилось сквозь землю русскую и начинаетъ выходить наружу въ видѣ самобытныхъ источниковъ.

Къ числу вещей, которыя кажутся странными одесскому жителю, посѣщающему внутреннія губерніи, принадлежитъ курсъ денегъ. Онъ измѣняется почти на каждыхъ ста верстахъ. Серебряный рубль ходитъ: въ Полтавѣ—4 руб., въ Воронежѣ—4 р. 20, въ Пензѣ—4 р. 10. Если привезти сюда изъ Одессы 100 рублей ассигнаціями и вмѣсто ихъ взять съ собою мелкое серебро, то получится болѣе 3% выигрыша. Вотъ разсчетъ:

100 руб. ассиг. = здѣсь 115 рублямъ.

115 рублей = 104 четвертакамъ и 60 коп. мѣдью.

Въ Одессѣ за 100 руб. ассигнаціями платится 101 четвертакъ. Слѣдовательно, на вымѣненныя деньги вы купите свою прежнюю ассигнацію и, сверхъ того, у васъ останется три руб. 60 коп. Всего забавнѣе курсъ мѣди. Знаете, что тутъ уже 2×2 не 4, а пять: 2 гроша считаются за 5 копѣекъ, потому что мѣдь ходитъ наравнѣ съ ассигнаціями. Вамъ даютъ 8 копѣекъ, но должно вѣрить, что это десять. Говорятъ, какой-то проказникъ хотѣлъ ввести подобный курсъ въ товарахъ и отсчитывая 8 яицъ увѣрялъ, что это десять, но палка буточника остановила распространеніе ариѳметики, невыгодной для потребителей.

Замѣчательно, что Ганнеманова система лѣченія—въ большей части у жителей низовыхъ губерній. Особенно въ Пензѣ, отзываются о ней съ похвалами. Даже крестьяне начинаютъ имѣть большую вѣру къ гомеопатическимъ пособіямъ. Въ самомъ дѣлѣ они сдѣлали здѣсь много чудесныхъ исцѣленій. Разсказываютъ даже, что слѣдуя ученію автора...[1]) недавно изгнали злаго духа изъ одного молодаго человѣка посредствомъ женитьбы, дѣйствовавшей въ семъ случаѣ гомеопатически.

Я собирался писать къ вамъ много и хотѣлъ было сдѣлать часть письма моего годною для О. В. [2]), но долженъ отложить свое намѣреніе по случаю пріѣзда капитана исправника нашего уѣзда.

[1]) Нѣсколькихъ словъ нельзя разобрать.

[2]) „Одесскаго Вѣстника".

Прилагаю при семъ оригиналы для листковъ на русскомъ языкѣ. Принявъ трудъ передать ихъ тисненію, вы премного меня одолжите.

Я пробуду въ деревнѣ до 20-го іюля, потомъ отправлюсь въ Москву и Петербургъ. Напишите мнѣ ради Бога о томъ, что дѣлается въ Одессѣ. Оттиснутъ ли 1-й листъ «Календаря»? гдѣ графъ? что творятъ наши дѣльные люди? Мой адресъ: въ Москву на Срѣтенькѣ у Николы Дербентскаго въ домѣ Яковлева. Я напишу къ вамъ о всемъ, что увижу въ столицахъ. Если вы не будете отвѣчать мнѣ скоро, то письмо ваше не застанетъ меня въ Москвѣ.

Покорнѣйше прошу передать мой усерднѣйшій поклонъ Михаилу Петровичу, Подолинскому, вашему братцу, Соколову и всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнитъ.

P. S. Покорнѣйше прошу также засвидѣтельствовать мое усерднѣйшее почтеніе А. С. Стурдзѣ. Письмо опытнаго романтика, перепечатанное въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ читавшихъ оное здѣсь.

2.

2-е ноября 1837 г. с. Панцырево.

Почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ!

Я не писалъ вамъ до сихъ поръ потому, что вы, вѣроятно, не имѣли бы времени прочесть мое письмо: принимать царицу въ институтѣ, писать статьи о праздникахъ и смотрахъ, вступать въ новый образъ жизни—это цѣлый міръ заботъ. Сердечно радуюсь, что вы, наконецъ, отдѣлались отъ экстраординарныхъ занятій и перешли къ обыкновеннымъ.

Отъ всей души поздравляю васъ съ женитьбою, о которой узналъ изъ послѣднихъ писемъ изъ Одессы. Дай Богъ, чтобы супружескій образъ жизни доставилъ вамъ полное счастіе домашняго быта. Помните-ли, какъ вы, года три тому назадъ, запершись въ комнатѣ Н. Д. Курляндцова, перебрали съ покойнымъ всѣ невыгоды женитьбы и сдѣлали рѣшительно самый противобрачный выводъ. Я спорилъ съ вами, но вы не согласились; теперь, однако, ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ одинаково съ моимъ. Видите ли, что правда иногда бываетъ на моей сторонѣ, и что споры мои имѣютъ основаніе.

Я пріѣхалъ въ свою деревню 15-го августа и съ тѣхъ поръ живу въ ней почти безвыѣздно. Управленіе хозяйствомъ занимаетъ почти все мое время, хочется подвести доставшееся мнѣ имѣніе подъ какія-

нибудь правильныя формы, но это сопряжено съ большими хлопотами, а оставить теперешній безпорядокъ вещей, значитъ разориться. Главное препятствіе всякаго улучшенія — крѣпостное состояніе, имѣвшее когда-то видъ патріархальныхъ сношеній, но теперь потерявшее весь смыслъ.

Я имѣю возможность пользоваться здѣсь новыми книгами и журналами, но не нахожу времени читать ихъ. За то хозяйственныя сочиненія получили теперь для меня особенную прелесть: мы читаемъ ихъ, какъ больные хроническими болѣзнями читаютъ лечебники, въ надеждѣ отыскать свой недугъ и приличное ему лѣкарство.

Сосѣдей у меня довольно и между ними есть много образованныхъ людей, но мы видимся не часто: всѣ наши помѣщики сидятъ теперь дома и хлопочутъ съ утра до вечера, усиливаясь спастись отъ банкротства, грозящаго русскому дворянству. Впрочемъ, зимою наши сосѣди почти всѣ разъѣдутся по губернскимъ городамъ, и мы останемся совершенно одни; волки, которыхъ здѣсь множество, и члены земскихъ судовъ будутъ единственными посѣтителями моей деревни. Волки нерѣдко приходятъ въ селеніе и почти каждую ночь слышенъ ихъ вой. Вотъ наша опера!

Но я лучше рѣшаюсь сносить всѣ невыгоды деревенской жизни, нежели переселиться въ губернскій городъ. Губернскій городъ! какъ много ужаснаго въ этомъ словѣ! Тамъ собрано все, что можетъ отравить удовольствія жизни: сплетни, роскошь безъ изящества, но разорительная, смѣсь столичнаго этикета съ провинціальною грубостью. Петербургъ, Москва и Одесса! Если нельзя жить въ нихъ, то лучше убираться въ деревню.

Вы можете себѣ представить, съ какою радостію я бы возвратился въ Одессу, но обстоятельства не позволяютъ мнѣ теперь двинуться съ мѣста. Можетъ быть, однако, въ теченіе будущаго года я успѣю привести въ порядокъ дѣла свои и тогда рѣшусь навсегда переселиться на берега Чернаго моря. Не могу вспомнить равнодушно объ Одессѣ. Теперь я вполнѣ понимаю швейцарскую mal du pays.

Всего труднѣе привыкнуть къ здѣшнему климату; я здѣсь болѣнъ почти каждый день. Сыро, темно и холодно. Было уже минусъ 10°. Скоро вся природа похоронится на 6 мѣсяцевъ, и мы не будемъ видѣть ни земли, ни воды, ни воздуха.

Я такъ торопился выѣхать изъ Одессы прежде заготовленія лошадей для царскаго проѣзда, что не успѣлъ проститься съ вами. Извините меня въ этой нелюбезности: она была совершенно непроизвольная и сочтена мною за большое лишеніе.

Мнѣ бы хотѣлось кончить здѣсь Одесскій метеорологическій календарь, но у меня не достаетъ матеріаловъ: дорогою я

потерялъ записку о состояніи атмосферы. Этому горю можно помочь, составивъ выписку изъ «Одесскаго Вѣстника». Нельзя ли нанять когонибудь для составленія той выписки? Принявъ трудъ отвѣчать на этотъ вопросъ, а если можно, и нанявъ переписчика, вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе.

За составленіе выписки я съ удовольствіемъ готовъ заплатить до 100 р., только бы она была вѣрна и согласовалась бы съ прилагаемою при семъ формою.

Кажется, я ничего не долженъ въ типографіи, но если окажутся какіе-нибудь начеты на мнѣ, то я съ удовольствіемъ расплачусь при первомъ требованіи.

Въ типографіи осталась бумага, купленная мною для метеорологическаго календаря; покорнѣйше прошу васъ приказать сохранить эту бумагу и употреблять ее для перепечатанія календаря изъ листковъ. Если отпечатанъ особо 2-й листъ календаря, содержащій февраль и конецъ января, то вы весьма одолжите меня, переславъ ко мнѣ одинъ экземпляръ этого листа; прикажите вложить его въ мой № О. В. [1]).

Я увѣренъ, что на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, вы будете отвѣчать мнѣ; исполнивъ мою надежду, вы обрадуете меня выше всякаго ожиданія. Что новаго у васъ? Кто издаетъ «Новороссійскій календарь»? Что дѣлаютъ Стурдза, Эдлингъ и прочіе наши общіе знакомые.

Покорнѣйше прошу передать мой усерднѣйшій поклонъ Николаю Григорьевичу, Фриполи, Хрусталеву и почтеннѣйшему нашему сотруднику Петру Ѳедоровичу.

Простите, будьте здоровы, обнимаю васъ отъ всей души. Весь вашъ.

P. S. Письмо ко мнѣ должно имѣть два пакета: на одномъ, въ который положите письмо, извольте написать: П. Т. Морозову въ Саранскъ; на другомъ, внѣшнемъ (въ который положится запечатанное письмо съ вышеръченнымъ адресомъ) должно написать: его высокоблагородію Егору Ивановичу Миндереру въ Москвѣ въ императорскомъ почтамтѣ. Я получаю письма изъ Одессы чрезъ Москву для того, что этимъ выигрывается недѣля времени.

2-е P. S. Примите трудъ засвидѣтельствовать мое сердечное почтеніе А. С. Стурдзѣ и графинѣ Эдлингъ. Къ А. С. я буду писать на слѣдующей почтѣ.

---

[1]) Одесскаго Вѣстника.

3.

21-го марта 1838 г. с. Панцыревка.

Почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ!

Приношу вамъ искреннѣйшую, сердечную благодарность за пріятное письмо ваше отъ 7-го февраля; участіе, принимаемое вами и А. С. Стурдзою въ дѣлахъ, необходимыхъ для моего возвращенія въ Одессу, много меня обрадовало. Да наградитъ васъ Богъ за ваши добрыя намѣренія и за память объ отсутствующихъ!

Къ сожалѣнію, не могу воспользоваться вашею любезностію. Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ пензенскій гражданскій губернаторъ увѣдомилъ меня, что министръ юстиціи, желая опредѣлить меня одесскимъ прокуроромъ, проситъ меня прислать къ нему мои документы. Это увѣдомленіе было получено мною въ то время, когда я сильно и опасно страдалъ глазами. Оно удивило меня до высочайшей степени потому, что я не искалъ мѣста прокурора и не могъ понять, кто за меня ходатайствовалъ въ министерствѣ. Я отвѣчалъ губернатору, что, принимая съ глубочайшею благодарностію вниманіе начальства, я не могу отправить требуемой отъ меня просьбы, потому что не вижу средства (по причинѣ глазной болѣзни, требующей продолжительнаго лѣченія) явиться къ предполагаемой мнѣ должности въ узаконенный срокъ. Отвѣтъ мой былъ основанъ на сущей справедливости: дѣйствительно, тогда мнѣ нельзя было думать о службѣ. Сверхъ того, убѣжденія А. С. Стурдзы и мысль, что совѣстливое исправленіе должности прокурора могло бы встрѣтить препятствія, иногда непреодолимыя со стороны присяжныхъ мѣстъ (особенно стр. комитета), заставляли меня лучше желать мѣсто инспектора лицея, открывавшее мнѣ дорогу современемъ въ директоры этого заведенія. Пензенскій губернаторъ передалъ мой отвѣтъ министру внутреннихъ дѣлъ для сообщенія министру юстиціи. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла мнѣ неизвѣстенъ.

Не имѣя теперь для себя въ виду никакого мѣста въ Одессѣ, я, однако, не отлагаю намѣренія вовсе туда переселиться; здѣсь мнѣ все кажется враждебнымъ или, по крайней мѣрѣ, чужимъ: и климатъ и обычаи. Многимъ пензенскимъ старожиламъ то и другое нравится, но ихъ укрѣпила привычка. Изъ всѣхъ наказаній, можетъ быть самое тяжелѣйшее—изгнаніе, когда человѣкъ разлученъ съ любимыми мѣстами и людьми. И какъ силенъ переходъ отъ Одессы къ Пензѣ! У насъ во всю зиму была одна оттепель и нѣсколько разъ случился морозъ въ 30°. Теперь почти всякій день термометръ показываетъ отъ 10° до 15° холода, и санная дорога еще въ исправности. 20-го марта—это ужасно! А общество, занятія и удобства жизни — все это не похоже на быть

одесскій. Нельзя сказать, чтобы просвѣщеніе не сдѣлало здѣсь успѣховъ: молодое поколѣніе нашихъ дворянъ воспользовалось большею частію хорошимъ воспитаніемъ. Но атмосфера провинціальная не благопріятствуетъ наукѣ, еще менѣе искусству. Мы всѣ подавлены заботами о своихъ имѣніяхъ: доходы убываютъ; расходы, подати и повинности ростутъ. Помѣщикамъ нейдутъ на умъ книги: ихъ мысли носятся около процессовъ, спеціальнаго межеванія и домашнихъ счетовъ, грозящихъ банкротствомъ. Хозяйство деревенское пріятно, но удовольствія его отравляются здѣсь климатомъ, дѣлами и безнравственностію низшаго класса. Послѣдняя, особенно между татарами, дошла до ужасной степени. Одинъ проказникъ счелъ, что въ какомъ-то уѣздѣ украдено въ годъ болѣе лошадей, нежели сколько ихъ тамъ находится: они всѣ были перекрадены, а одна и та же лошадь была украдена нѣсколько разъ.

Какъ ни грустно мнѣ жить здѣсь, но я рѣшился не выѣзжать отсюда до окончанія межеванія и другихъ дѣлъ моихъ. Имъ посвящу все лѣто, а осенью явлюсь къ вамъ и постараюсь сдѣлаться одесситомъ. До тѣхъ поръ мнѣ должно терпѣть и покоряться высшей волѣ, назначающей каждому изъ насъ свое мѣсто и свое дѣло.

Излишнимъ считаю описывать вамъ, какъ огорчило меня извѣстіе о смѣнѣ Левшина. Сердечно жалѣю о немъ, какъ человѣкъ его уважающій, и какъ ревностный любитель Одессы. Переворотъ въ судьбѣ А. И. долженъ заставить задуматься искателей почестей, надѣющихся на постоянство своего счастія. Я тогда только соглашусь, что деньги и мѣсто ссставляютъ существенное благополучіе человѣка, когда отыщутъ средства обезопасить ихъ отъ всякихъ потерь, когда не будетъ всегдашней возможности быстраго перехода отъ богатства къ нищетѣ. Нѣтъ наслажденія подъ мечомъ Дамоклеса.

Покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать мое сердечное почтеніе А. С. Стурдзѣ, графу и графинѣ Эдлингъ. Николаю Григорьевичу, Подолинскому Ильѣ Михайловичу и Петру Ѳедоровичу покорнѣйше прошу передать мой усерднѣйшій поклонъ.

Зная вашу охоту къ журналамъ, посылаю для рѣдкости № нашихъ «Губернскихъ Вѣдомостей».

Съ нетерпѣніемъ ожидаю «Новороссійскаго календаря» на 1838 г. Много ли выручилъ Юхневичъ? Сладили-ли съ новымъ форматомъ, какой, говорятъ, далъ нашему мясосчетову? Не приходилось ли П. Ѳ. часто кричать: «колоти больше солнце, тѣсни луну, подвинь вѣсы подальше отъ магистрата и проч.»

Я хотѣлъ непремѣнно писать сегодня къ А. О., но вижу, что глаза мои этого не позволятъ: письмо къ вамъ ихъ совершенно утомило. Напишу къ нашему вице-президенту на слѣдующей почтѣ.

Отъ всего сердца поздравляю васъ съ праздникомъ Пасхи. Жена моя благодаритъ васъ за память. Если хотите много одолжить меня, то пишите ко мнѣ о себѣ и объ Одессѣ. Весь вашъ П. Морозовъ.

P.S. Письма ко мнѣ лучше отправлять чрезъ Москву на имя Егора Ивановича Миндерера въ импер. почтамтѣ. Въ пакетъ подъ этимъ адресомъ должно вложить письмо на мое имя въ Саранскъ.

Что стало съ нашими листками? я бы желалъ получить ихъ хотя за прошлый годъ по праву секретарства. Вы весьма одолжите меня, приказавъ сохранить до моего возвращенія въ типографіи мою бумагу и отпечатанные листы метеорологическаго календаря.—Не нужно ли вамъ чего съ здѣшней хрустальной фабрики? Располагайте мною, какъ угодно. Совѣтую вамъ на будущее новоселье заказать хрустальныя ручки къ дверямъ.

2-ое P. S. Неизвѣстно ли вамъ, какъ принялъ графъ М. С. (Воронцовъ) письмо мое съ отказомъ отъ прокурорства.

4.

11-го февраля 1841 г. с. Панцыревка.

Посылаю вамъ, почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ, маленькую статейку, которая, въ случаѣ недостатка фельетонныхъ бездѣлокъ, можетъ пойти въ дѣло. Прислалъ бы что-нибудь лучшее, но глазная болѣзнь мѣшала мнѣ зимою писать. Постараюсь весною быть трудолюбивѣе. Когда отзоветесь вы изъ Одессы отвѣтомъ на мои письма? Я давно писалъ къ вамъ. Потрудитесь увѣдомить меня, отчего не выходятъ послѣдніе №№ прибавленій къ листкамъ за 1840 годъ? Я оставилъ на нихъ деньги, бумагу и указанія на статьи. Окажите содѣйствіе къ ихъ появленію. Вѣрно П. Ѳ. Францовъ и Журавскій не захотятъ измѣнить своему слову и еще менѣе сдѣлать мнѣ большую непріятность. Мнѣ также очень хочется, чтобы сохранился мой метеорологическій календарь: я его кончу непремѣнно въ нынѣшнемъ году. Для этой книжки и для земледѣльческой статистики Херсонской губерніи я лѣтомъ побываю въ Одессѣ. Совѣстно не кончить начатаго и обѣщаннаго. Что новаго въ Одессѣ, при дворѣ и въ городѣ? Я знаю только, что вы лишились пароходовъ и пріобрѣли книжную лавку, много обѣщающую, да французскій водевиль, да императорскій титулъ для общества сельскаго хозяйства. Болѣе ничего не знаю. Просвѣтите меня. Жизнь Одессы во всѣхъ ея видахъ очень занимательна для меня, потому что съ ней сливаются мои лучшія воспоминанія. Я провожу время очень

пріятно между книгами и хозяйствомъ. Приближеніе весны восхищаетъ насъ, полугодичныхъ затворниковъ. Вчера въ первый разъ таяло, и мы не могли нарадоваться первымъ каплямъ воды, упавшимъ съ кровель послѣ ноября. Теперь здѣсь все суетится, желая воспользоваться послѣдними днями снѣжной навигаціи: вездѣ видны огромные обозы, везущіе хлѣбъ и сало къ пристанямъ для отправки въ балтійскіе порты.

Читали ли вы 1-й № «Москвитянина»?—плохо. Нѣтъ, видно литература навсегда оставила древнюю столицу. Парижъ не придалъ аттицизма языку Погодина. «Творецъ черной немочи» помнитъ свои любимыя выраженія. Прочтите его путешествіе въ 1-мъ № «Москвитянина». Въ палатѣ депутатовъ онъ видитъ прихвостниковъ, въ Пале-роялѣ — висѣльниковъ. Право, не выдумываю. Для дополненія своего словаря ему не достаетъ только любимаго его стараго эпитета сиволапый, который онъ въ припадкѣ «Черной немочи», придаетъ самой Тальони.

На прилагаемые при семъ 5 р. покорнѣйше прошу прислать мнѣ «Новороссійскій Календарь» на 1841 годъ.

Будьте здоровы и не забывайте старыхъ друзей. Николаю Григорьевичу мой сердечный поклонъ.

5.

31-го декабря 1841 года.

Почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ!

Много виноватъ передъ вами, что до сихъ поръ не писалъ къ вамъ. Трехъ-недѣльная болѣзнь, поѣздки и разныя хлопоты лишили меня этого удовольствія, надѣюсь, что вы будете снисходительны къ винѣ непроизвольной и не заплатите за нее умышленнымъ безмолвіемъ. Мы въ послѣднее время такъ рѣдко видались въ Одессѣ, что сильно чувствуешь потребность вознаградить потерю сообщеній на живомъ языкѣ сообщеніями письменными.

Я пріѣхалъ въ свою деревню 1-го ноября. Около мѣсяца продолжалось мое странствіе по 5-му элементу [1]) св. Руси. Живо представлялъ я себѣ первобытныя времена Одессы, когда жидовъ постигала на базарахъ казнь Дафана и Авирона, волы вытаскивали экипажи, а вмѣсто колошъ употреблялись ходули. Былъ одинъ день, въ который, ѣхавши днемъ и ночью, я сдѣлалъ только 17 верстъ. И теперь ужасно подумать. Не странно ли, что при подобномъ состояніи нашихъ сообщеній,

---

[1]) Т. е. по грязи.

мы тратимъ свои капиталы на пряденіе египетской бумаги, тканье шелка и выдѣлываніе сахара.

Въ деревнѣ я не скучаю: хозяйство занимаетъ половину моего времени. Остальною половиною дѣлюсь съ сосѣдями и журналами. Послѣднихъ у насъ болѣе чѣмъ въ одесскомъ клубѣ. Мы (т. е. и сосѣди) выписали всѣ періодическія изданія, какія выходятъ на Руси, и бо́льшую часть входящихъ въ нее изъ западной Европы. Посѣщеніямъ деревенскимъ мы придали правильность: собираемся по воскресеньямъ, а въ прочіе дни оставляемъ другъ друга въ покоѣ. На этихъ собраніяхъ утромъ читаютъ, а вечеромъ играютъ въ карты и танцуютъ. Вы видите, что вездѣ находятся средства употребить небольшую часть времени и убить остальную, вездѣ находится вещество для пломбированія нашей внутренней пустоты, которая безпрерывно растворяется и мучаетъ насъ.

Чтеніе журналовъ теперь не совсѣмъ отрадно, политика наводитъ на меня грусть. Что за безуміе обуяло Западъ поддерживать всѣми силами магометанство и варварство въ лицѣ Турецкой имперіи? Существованіе этой имперіи такъ же нужно для равновѣсія властей европейскихъ, какъ существованіе члена, пораженнаго антоновымъ огнемъ, нужно для равновѣсія силъ въ организмѣ. Она hors-d'oeuvre въ просвѣщенномъ и христіанскомъ мірѣ. Лучшая часть Европы лишена возможности развить свои вещественныя пособія и умственныя способности и отъ чего?—отъ низкой зависти къ Россіи, отъ страха ея силы. Страхъ вовсе не основательный, потому что для насъ наступилъ теперь періодъ внутренняго образованія, а не завоеваній. При томъ же умѣренность нашей внѣшней политики служитъ сильнымъ ручательствомъ въ благоразумномъ употребленіи силъ нашихъ. Чѣмъ болѣе стараются разрѣшить Восточный вопросъ, тѣмъ онъ становится запутаннѣе. Не ближе ли всего обратиться къ праву законному, границу, проведенную отъ Арты до Воло, перебросить за Константинополь и возстановить Восточную имперію. Тогда Востокъ оживится и принесетъ богатую дань человѣчеству. По моему мнѣнію, это единственное средство рѣшить Восточный вопросъ прочнымъ и справедливымъ образомъ. Другое рѣшеніе—отдача Константинополя Россіи. Подобно уравненіямъ 2-й степени, вопросъ принимаетъ только два рѣшенія, всѣ прочія — мнимыя количества.

Если присылка ко мнѣ «Одесскаго Вѣстника» и «Journal d'Odessa» не сдѣлаетъ разстройства въ вашихъ разсчетахъ, то этою присылкою много меня одолжите. Я буду за то вашимъ сотрудникомъ усерднымъ. Петръ Ѳедоровичъ уплатитъ за пересылку изъ находящихся у него моихъ денегъ.

Примите сердечное поздравленіе съ новымъ годомъ и передайте

то же поздравленіе почтеннѣйшему Николаю Григорьевичу. Отъ души желаю вамъ встрѣтить его радостно.

Что у васъ новаго? я очень отсталъ отъ хода одесскихъ происшествій и потому буду очень благодаренъ вамъ за всѣ вѣсти.

P. S. Что дѣлаетъ Журавскій? я пришлю къ нему скоро конецъ «Метеорологическаго календаря» для изданія по условію.

Потрудитесь узнать, получила ли графиня Шуазель мое письмо о дѣлахъ ея и довольна ли свѣдѣніями, ей сообщенными.

6.

29-го декабря 1842 г. С. Панцыревка, близъ г. Саранска.

Милостивый государь, Александръ Григорьевичъ!

Спѣшу послать вамъ деньги, слѣдующія за отправленіе «Одесскаго Вѣстника» въ 1843 году. Дѣлаю это въ надеждѣ на продолженіе присылки вашего прекраснаго журнала, который приноситъ мнѣ много удовольствія.

Я сейчасъ только возвратился съ дворянскихъ выборовъ и усталъ до крайности. Меня выбрали, по неволѣ разумѣется, предводителемъ дворянства и почетнымъ попечителемъ гимназіи.

Примите сердечное поздравленіе съ новымъ годомъ, соединенное съ желаніемъ всѣхъ благъ и успѣховъ. Передайте это поздравленіе почтенному брату вашему и всѣмъ моимъ добрымъ знакомымъ. Весною я думаю быть въ Одессѣ. Весь вашъ П. Морозовъ.

P. S. Ваши литераторы обижаютъ меня. Скальковскій въ «Сынѣ Отечества» признаетъ меня **невиннымъ** въ изданіи «Одесскаго Альманаха»; «главнымъ виновникомъ «Альманаха», по словамъ знаменитаго исторіографа степей, былъ Розбергъ».—Соколовъ пишетъ, что въ моемъ календарѣ не было системы, да по какой же системѣ издается теперешній календарь? разумѣется, по моей. Сдѣланы прибавки, но форма осталась та же. Понятно, что говорить такимъ образомъ могутъ люди, ищущіе хлѣба насущнаго въ Ришельевскомъ лицеѣ, но людямъ независимымъ, какъ Григорій Ивановичъ, это не извинительно. Вмѣстѣ съ деньгами на пересылку «Одесскаго Вѣстника», посылаю 1 руб. серебомъ, на «Новороссійскій календарь», присылкою котораго премного меня одолжите. Всего же посылаю 10 руб. асс. и 1 р. 50 к. сер. на «Вѣстникъ», а остальное на покупку и пересылку календаря.

7.

1-го января 1845 г.

Милостивый государь Александръ Григорьевичъ!

Посылаю вамъ брошюрку мою подъ заглавіемъ: «Борьба язычества и христіанства». Мнѣ пріятно надѣяться, что вы примите ее съ дружескою снисходительностію и вспомните о нашихъ прежнихъ философскихъ бесѣдахъ на берегахъ Чернаго моря. Я всегда останавливаюсь мыслію съ искреннимъ удовольствіемъ на этихъ минутахъ прошлаго.

Статья моя, послѣ полученія ея отъ васъ, испытала много бѣдствій. Свѣтская цензура послала «Борьбу христіанства» въ духовную цензуру. Здѣсь сдѣлано было 19 вопросовъ, возникшихъ отъ недоумѣнія и отъ дурной корректуры. Не имѣя времени отвѣчать, я рѣшился выпустить всѣ спорныя мѣста, отъ чего статья много потеряла.

За цензурными непріятностями послѣдовали ошибки заглазной корректуры, которая въ «Москвитянинѣ» держится съ большою небрежностію. Въ одномъ мѣстѣ вмѣсто «Зенона», поставили «з а к о н а». Наконецъ явилась безсмысленная критика «Отечественныхъ Записокъ», приходящихъ въ бѣшенство отъ всего отечественнаго и религіознаго. Таковы были обстоятельства, сопровождавшія появленіе статьи моей! Въ замѣнъ имъ я получилъ нѣсколько утѣшительныхъ отзывовъ отъ людей, стоящихъ высоко въ умственномъ и общественномъ отношеніяхъ.

Я писалъ по убѣжденію, которое во мнѣ съ каждымъ днемъ болѣе увеличивается. Борьба христіанства и язычества дѣйствительно продолжается съ ожесточеніемъ. Можно ли было счесть ее конченною послѣ публичнаго идолопоклонства, существовавшаго во Франціи во время революціи, послѣ низверженія крестовъ и церквей парижскихъ, сброшенныхъ при Людовикѣ-Филиппѣ и не возстановленныхъ, послѣ книгъ, подобныхъ книгѣ Мишле («La femme», «Le prêtre», «La famille»)? Нѣтъ, эта борьба продолжается, и всѣ принимаютъ въ ней участіе, по словамъ Спасителя, не допускающимъ въ дѣлѣ истины нейтральности: «кто не со Мною, тотъ противъ Меня». Русскимъ ученымъ должно бросить свой умственный мечъ на вѣсы, на которыхъ опредѣляются теперь судьбы просвѣщенія, и доказать соединеніе великихъ началъ благодѣянія — соединеніе «вѣры въ разумѣ», о которомъ молится ежедневно наша церковь. Повѣрьте, что людямъ не достаетъ теперь мира сердечнаго, а не благъ вещественныхъ. Послѣднихъ много, но эгоизмъ, который можетъ быть побѣжденъ однимъ христіанствомъ, не позволяетъ имъ распредѣляться справедливо и уравнительно.

Мнѣ пріятно будетъ видѣть въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» отзывъ о

моей брошюркѣ. Скажите ваше мнѣніе откровенно — я не разсержусь. Рецензія эта не будетъ лишней статьею въ вашемъ журналѣ, потому что я принадлежу къ одесскимъ литераторамъ.

Прилагаемые при семъ экземпляры покорнѣйше прошу васъ принять трудъ раздать по надписямъ. Напишите мнѣ объ Одессѣ и общихъ знакомыхъ. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ при душевномъ желаніи всѣхъ благъ.

Адресъ мой прежній: въ Саранскъ, Пензенской губерніи. Я живу по-прежнему частію въ деревнѣ, частію въ Пензѣ между хозяйствомъ, воспитаніемъ дѣтей и книгами.

Преданнѣйшій вамъ на всегда П. Морозовъ.

P. S. Прилагаю при семъ деньги на пересылку «Одесскаго Вѣстника» въ 1846 г. Петру Ѳедоровичу мой усерднѣйшій поклонъ.

Сообщилъ Г. А. Тройницкій.

Всеподданнѣйшее письмо графа П. Д. Киселева.

Парижъ 6 мая 1865 г. [1].

Государь, позвольте старому слугѣ раздѣлить чувства глубокой скорби, омрачившей нынѣ Россію [2]. Испытаніе, ниспосланное вамъ Провидѣніемъ, какъ отцу и монарху, не доступно утѣшенію, которое я и не позволю себѣ высказать и которое вы найдете въ любви и признательности милліона вашихъ подданныхъ, умѣющихъ какъ должно цѣнить безсмертный актъ ихъ возрожденія, дарованный высочайшей волею монарха и христіанина.

Всѣми силами души желаю нашей августѣйшей и всемилостивѣйшей монархинѣ бодрости духа и покорности волѣ Провидѣнія. Я имѣлъ только однажды честь и счастье удостоиться бесѣды съ тѣмъ, кого Господь призвалъ нынѣ къ Себѣ, но и этого достаточно, чтобы понять, что скорбь, вызванная этимъ несчастьемъ во всѣхъ классахъ общества, должна быть всеобщей.

Да благословитъ Господь счастливыя начинанія вашего царствованія; живя и вдали отъ родины, я буду до послѣдняго дня жизни, мысленно слѣдить за начатыми преобразованіями, которыя поведутъ къ славѣ и преуспѣнію моего отечества.

Честь имѣю быть, вашего императорскаго величества всепокорнѣйшій слуга и вѣрноподданный. К.

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) По случаю кончины Наслѣдника цесаревича Николая Александровича.

«РАЗГОВОРЪ ВЪ ТРІАНОНѢ».

Въ лондонскомъ изданіи «Русская потаенная литература XIX столѣтія» (Отд. первый. Стихотворенія. Часть первая съ предисловіемъ Н. Огарева. Trübner and C°. 1861) на стр. 332—339 напечатано безъ обозначенія автора и года стихотвореніе «Вечеръ въ Тріанонѣ»; напечатано оно по рукописи, столь неисправной, что во многихъ мѣстахъ оказывается лишеннымъ смысла. Въ Румянцевскомъ Музеѣ въ папкѣ 1034, между бумагами П. Я. Чаадаева хранится небольшая тетрадка, представляющая современный и болѣе исправный списокъ того-же стихотворенія подъ заглавіемъ: «Разговоръ въ Тріанонѣ». Сочиненіе К. К. Павловой 1848 г. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ вѣрности этого заглавія, такъ какъ содержаніе пьесы вполнѣ подходитъ къ событіямъ 1848 г. и такъ какъ извѣстная московская писательница Каролина Карловна Павлова любила выражать свои мысли и чувства въ подобной формѣ [1]). Чаадаевскій списокъ тоже заключаетъ въ себѣ нѣсколько недосмотровъ, но несравнено меньше и менѣе тяжкихъ; онъ подѣленъ на шести-строчныя строфы, и въ немъ есть строфа, явно пропущенная въ изданіи.

Вотъ текстъ по чаадаевскому списку съ разночтеніями по изданію; мы исправляемъ только интерпункцію и кое-гдѣ орѳографію.

Ночь лѣтнюю смѣняло утро.
Отливомъ блѣднымъ перламутра
Востокъ во мракѣ просіялъ, [2])
Погасъ [3]) рой звѣздъ на небосклонѣ.

[1]) См. ея „Разговоръ въ Кремлѣ“ 1854 г. Что заглавіе Вечеръ въ Тріанонѣ—ошибка переписчика, явствуетъ уже изъ первыхъ строкъ поэмы: дѣйствіе ея происходитъ въ концѣ ночи, на зарѣ. [2]) Изд. Засіялъ [3]) Изд. Угасъ.

Не унимался въ Тріанонѣ
Веселый шумъ, и длился балъ.
И въ свѣжемъ сумракѣ боскетовъ
Вездѣ вопросовъ и отвѣтовъ
Живые шопоты неслись,
И въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
Гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.
Но гдѣ въ глуби, сквозь зелень парка,
Огни не такъ сверкали [1]) ярко,
Шли, избѣгая шумныхъ встрѣчъ,
Въ тотъ часъ подъ липами густыми
Два гостя тихо, и межъ ними
Иная продолжалась рѣчь.
Не походили другъ на друга
Они: одинъ былъ сыномъ юга,
По виду страстный человѣкъ: [2])
Высокій станъ, какъ шпага, гибкій,
Уста съ холодною улыбкой,
Взоръ мѣткій изъ-подъ быстрыхъ вѣкъ.
Другой, рябой и безобразный,
Казался чуждъ толпѣ той праздной,
Хоть съ ней мѣшался [3]) не впервой,
И шедши, полонъ думой злою,
Съ повадкой [4]) львиной онъ порою
Качалъ огромной головой.
Онъ говорилъ: «Приходитъ время!
Пусть тѣшится слѣпое [5]) племя;
Внезапно, средь его утѣхъ,
Прогрянетъ черни ревъ голодной, [6])
И предъ анаѳемой народной
Замолкнетъ наглый этотъ смѣхъ!»
—Да, молвилъ тотъ: всегда такъ было.
Влечетъ ихъ [7]) роковая сила;
Свой старый долгъ они спѣшатъ
Довесть до страшнаго итога.
Онъ взыщется сполна и строго,
И близокъ тяжкій день уплатъ.
Свергая древніе законы,
Народа [8]) встанутъ милліоны...
Кровавый наступаетъ срокъ!
Но мнѣ извѣстны [9]) бури эти,
И четырехъ тысячелѣтій
Я помню горестный урокъ.
И нынѣшняго поколѣнья
Утихнутъ [10]) грозныя броженья!

---

[1]) Изд. блестѣли. [2]) Изд. Повсюду странный человѣкъ. [3]) Изд. встрѣчался [4]) Изд. походкой. [5]) Изд. младое. [6]) Прогляпетъ черни вопль голодный. [7]) Изд. насъ. [8]) Изд. Народовъ. [9]) Изд. знакомы. [10]) Изд. Затихнутъ.

Людской толпѣ, повѣрьте, графъ,
Опять понадобятся узы,
И бросятъ эти же французы
Наслѣдство выстраданныхъ [1]) правъ.
— Нѣтъ, не совдусь я въ этомъ съ вами!
Воскликнулъ [2]) графъ, сверкнувъ глазами [3]).
Нѣтъ! Лжи не вѣчно торжество!
Я, сынъ скептическаго вѣка,
Я твердо вѣрю въ человѣка,
И не боюся за него. [4])
Народъ окрѣпнетъ для свободы;
Созрѣютъ медленные всходы;
Дождется новыхъ онъ начатъ!
Вѣка считая скорбнымъ счетомъ,
Своею кровью онъ и потомъ
Не даромъ почву [5]) утучнялъ!
Умолкъ [6]) онъ, взрывъ смиряя тщетный;
А тотъ улыбкой чуть замѣтной
На страстную отвѣтилъ рѣчь;
Потомъ, взглянувъ на графа остро,
— Нельзя, сказалъ онъ, Каліостро
Словами громкими увлечь.
Своей не терпишь ты неволи,
Свои ты вспоминаешь [7]) боли,
И противъ жизненнаго зла
Идешь съ неотразимымъ жаромъ.
Въ себя ты вѣришь—и не даромъ—
Графъ Мирабо, въ свои дѣла.
Ты знаешь, что въ тебѣ есть сила,
Какъ путеводное свѣтило,
Встать [8]) средь гражданскихъ непогодъ,
Что въ увлеченьи [9]), вѣчно юномъ,
Своимъ любимцемъ и трибуномъ
Провозгласитъ тебя народъ.
Да! И пойдетъ онъ за тобою,
И кости онъ твои съ мольбою
Внесетъ, быть можетъ, въ Пантеонъ,
И [10]) новымъ опьянѣвъ [11]) успѣхомъ,
Съ проклятьемъ, можетъ быть, и смѣхомъ
По вѣтру ихъ разнечетъ [12]) онъ!
Всегда въ его тревогѣ страстной
Являлся, вслѣдъ за мыслью ясной,
Слѣпой и дикій произволъ.
Всегда любовь его безплодна;

---

[1]) Изд. выстраданныхъ (лучшее чтеніе). [2]) Изд. примолвилъ. [3]) Изд. очами. [4]) Изд. Я сынъ скептическаго вѣка, Но твердо вѣрю въ человѣка И не боюсь я за него (лучшее чтеніе). [5]) Изд. землю. [6]) Изд. Замолкъ [7]) Рук. вспомнишь; изд. ненавидишь. [8]) Изд. Жить. [9]) Изд. во влеченьи. [10]) Изд.—А. [11]) Можетъ быть: о п ь я н е н ъ? Рук. опьяневъ. [12]) Изд. развѣетъ.

Всегда онъ былъ поочередно
Иль лютый тигръ, иль смирный волъ.
Толпу я знаю не отнынѣ;
Шелъ съ Моисеемъ я въ пустынѣ;
Покуда онъ, моля Творца,
Народу несъ скрижаль закона,
Народъ кричалъ [1]) вкругъ Аарона
И лилъ въ безуміи тельца.
Я видѣлъ грознаго [2]) пророка,
Какъ онъ, разбивъ кумиръ порока,
Сталъ средь трепещущихъ людей
И повелѣлъ имъ, полонъ гнѣва,
Направо рѣзать и налѣво
Отцовъ, и братій, [3]) и дѣтей.
Я въ циркѣ зрѣлъ забавы Рима,
На встрѣчу гибели шелъ мимо
Рабовъ покорныхъ [4]) длинный строй,
Всемірной кланяясь державѣ,
И громкое звучало Ave
Передъ несмѣтною толпой.
Стоялъ жрецомъ я Аполлона
Вблизи у Кесарева трона.
Сливались клики въ буйный хоръ.
Я тщетно ждалъ [5]) пощады знака,
И умирающаго Дака
Я взоромъ встрѣтилъ грустный взоръ [6])
Я былъ въ далекой Галилеѣ,
Я видѣлъ; какъ сошлись евреи
Судить Мессію своего.
Въ награду за слова спасенья
Я слышалъ вопли изступленья: [7])
„Распни Его! Распни Его!“
Стоялъ величественъ и нѣмъ Онъ,
Когда блѣднѣющій игемонъ
Спросилъ у черни, оробѣвъ:
— «Кого-жъ [8]) пущу вамъ по уставу?»
— «Пусти разбойника Варавву!
Взгремѣлъ [9]) толпы безумной ревъ.
Я видѣлъ [10]) праздники Нерона.
Одѣтъ въ броню центуріона, [11])
День памятный провелъ я съ нимъ.
Ему вино лила Поппея [12]).
Онъ пѣлъ стихи въ хвалу Энея, [13])
И былъ кругомъ зажженный Римъ.

---

[1]) Изд. плясалъ. [2]) Изд. гнѣвнаго. [3]) Изд. братьевъ. [4]) Изд. послушныхъ. [5]) Въ рук. явная описка: зналъ. [6]) Этихъ 6 стиховъ въ изд. нѣтъ. [7]) Изд. преступленья. [8]) Изд. Кого. [9]) Изд. Гремѣлъ. [10]) Изд. Помню. [11]) Изд. Одѣтъ бронею центурьона. [12]) Изд. Помпея. [13]) Изд. Онъ пѣлъ въ стихахъ хвалу Энея.

Смотрѣлъ я на бѣду народа:
Безъ силъ искать себѣ исхода,
Съ тупымъ желаніемъ конца,
Ложась [1]) средь огненнаго града,
Людское умирало стадо
Въ глазахъ безпечнаго пѣвца.
Прошли вѣка надъ этимъ Римомъ.
Опять я прибылъ пилигримомъ
Къ вратамъ, знакомымъ съ давнихъ поръ.
На площади былъ шумъ великій:
Всходилъ, къ веселью черни дикой,
Ея заступникъ [2]) на костеръ!
И горькихъ [3]) встрѣчъ я помню много
Была и здѣсь моя дорога;
Я помню, какъ сбылось при мнѣ
Убійство злое воиновъ храма,
Весь этотъ судъ грѣха и срама...
Я помню гимны ихъ въ огнѣ.
Сто лѣтъ потомъ [4]) стоялъ я снова
Въ Руанѣ у костра другого.
Позорно [5]) умереть на немъ
Шла избавительница края,
И, бѣшено ее ругая,
Народъ опять ревѣлъ кругомъ.
Она шла тихо, безъ боязни,
Не содрагаясь, къ мѣсту казни,
Среди проклятій безъ числа,
И разъ, при взрывѣ злаго гула [6]),
На свой народъ она взглянула,
Главой поникла и прошла!
Я прожилъ ночь Варѳоломея:
Чрезъ груды [7]) труповъ, свирипѣя,
Неслась толпа [8]) передо мной.
И, новому предлогу рада,
Съ рыканьемъ звѣрскимъ, до упада
Безумной [9]) тѣшилась рѣзней.
Узналъ я [10]) вопли черни жадной!
Въ ея побѣдѣ безпощадной
Я вновь увидѣлъ [11]) большинство!
При мнѣ ватага угощала
Другъ друга мясомъ Адмирала
И сердце жарила его!
И въ Англіи провелъ я годы.
Во имя вѣры и свободы,

---

[1]) Изд. Ломясь. [2]) Изд. защитникъ. [3]) Изд. грустныхъ. [4]) Изд. спустя. [5]) Изд. Спокойно. [6]) И только разъ при взрывѣ гула. [7]) Изд. По грудамъ. [8]) Изд. Толпа неслась. [9]) Изд. Свирѣпой. [10]) Изд. Я слышалъ. [11]) Изд. Опять я видѣлъ.

Я видѣлъ, какъ игралъ Кромвель
Всевластно массою слѣпою,
И смѣлой ухватилъ[1]) рукою
Свою достигнутую цѣль.
Я видѣлъ этотъ споръ кровавый
И судъ народа надъ державой.
Я видѣлъ плаху короля!
И гдѣ отецъ погибъ напрасно,
Сидѣлъ я съ сыномъ безопасно,
Развратный пиръ его дѣля.
И этотъ вѣкъ стоитъ готовый
Къ перевороту[2]) бури новой,
И грозный плодъ его созрѣлъ.
И много здѣсь опоръ[3]) разбитыхъ,
И тщетныхъ жертвъ, и силъ сердитыхъ,
И темныхъ пронесется дѣлъ.
И дѣву, можетъ быть, иную,
Карая доблесть въ ней святую,
Присудитъ къ смерти грѣшный[4]) судъ,
И, за свои сразившись вѣры,
Иные, можетъ, тамплiеры
Свой гимнъ на плахахъ[5]) запоютъ.
И вашимъ внукамъ разскажу я,
Что, возставая и враждуя,
Вы обрѣли въ своей борьбѣ;
Къ чему васъ привела свобода,
И какъ отъ этого народа
Пришлось отречься и тебѣ.
Онъ замолчалъ.—И[6]) вдоль востока
Лучи зари, блеснувъ широко,
Свѣтлѣй всходили и свѣтлѣй.
Взглянулъ, въ опроверженье рѣчи,
На солнца ясные[7]) предтечи
Надменно будущій плебей.
Объятый мыслью[8]) роковою,
Махнулъ онъ дерзко[9]) головою,
И оба молча разошлись.
А въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
Гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

Списавъ вышеприведенный текстъ, я нашелъ въ X книгѣ почтеннаго труда Н. П. Барсукова нѣсколько строкъ, относящихся къ этому

---

[1]) Изд. И смѣлою схватилъ. [2]) Изд. переворотамъ. [3]) Изд. оковъ. [4]) Изд. грозный. [5]) Изд. на плахѣ. [6]) Изд.—А. [7]) Изд. Яснаго. [8]) Изд. И полонъ думой. [9]) Изд. Тряхнулъ огромной головою.

же стихотворенію. На стр. 311—2 Н. П. Барсуковъ сообщаетъ письмо Погодина къ К. К. Павловой (23 ноября 1849 г.) съ просьбою дать что нибудь для Альманаха «Москвитянина». За Павлову, по ея порученію, отвѣчаетъ мужъ ея: «Есть у нея ея лучшее стихотвореніе, и она готова напечатать его въ вашемъ Альманахѣ, но что скажетъ цензура и не будетъ ли непріятности автору? Хотя пьеса и совершенно въ духѣ законномъ и написана съ доброй цѣлью, но какъ знать? Это Разговоръ въ Тріанонѣ. Если желаете, то я немедленно пришлю.

Изъ приводимаго ниже письма цензора В. Н. Лешкова къ Погодину, вѣроятно отъ начала 1850 г. [1]) видно, что Погодинъ пожелалъ пріобрѣсти Разговоръ въ Тріанонѣ, и онъ былъ представленъ имъ въ цензуру; но страхъ Н. Ф. Павлова былъ не безъ основателенъ: одобренія онъ не удостоился, да еще оставилъ по себѣ дурную память въ умѣ снисходительнѣйшаго изъ московскихъ цензоровъ.

Въ настоящее время одинаково трудно усмотрѣть въ этомъ стихотвореніи и опасныя мысли и выдающееся художественное достоинство. Какъ искать послѣдняго тамъ, гдѣ русскій языкъ подвергается такимъ насиліямъ? Единственная его хорошая сторона (по мимо придуманнаго содержанія)—богатыя и звучныя риемы, которыми всегда щеголяла Каролина Павлова и за которыя, не безъ оттѣнка иронія, расхваливаетъ ее С. П. Шевыревъ.[2])

Сообщилъ А. Кирпичниковъ.

---

[1]) Къ сожалѣнію, Н. П. Барсуковъ не обозначилъ даты; о 1850 г. можно заключить по тому, что Сцены изъ Прометея, о которыхъ говоритъ Лешковъ, напечатаны во II т. (стр. 153) „Москвитянина“ за этотъ годъ.

[2]) Н. П. Барсуковъ см. стр. 331.

Замѣтка объ участіи Нижегородской семинаріи въ комплектованіи перваго курса Московскаго университета въ 1755 году.

12-го января 1755 года, императрица Елисавета Петровна утвердила проектъ объ основаніи Московскаго университета, первымъ куратором котораго тогда же былъ назначенъ Шуваловъ, а директоромъ Аргамаковъ. Университетъ раздѣленъ былъ на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій.

Для юридическаго и философскаго факультетовъ слушатели-студенты на первый разъ нашлись въ семьяхъ дворянъ, въ великомъ числѣ въ Москвѣ живущихъ, у которыхъ дѣти доселѣ учились у разныхъ парикмахеровъ, лакеевъ и подобныхъ имъ педагоговъ изъ иностранцевъ (по Шевыреву); но для медицинскаго факультета, гдѣ на первомъ планѣ стояла латынь, — подходящихъ лицъ въ семьяхъ дворянъ не обрѣталось. Тогда учреждающійся университетъ, рѣшилъ искать студентовъ для медицинскаго факультета въ семинаріяхъ: Новгородской, Александро-Невской, Троицкой-Лаврской и Заиконоспасской Славяно-Греко-Латинской академіи, и просилъ Святѣйшій Синодъ: «неугодно ли будетъ ему изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ достойныхъ ученниковъ для скорѣйшихъ и полезнѣйшихъ успѣховъ императорскаго Московскаго университета уволить, сколько разсудить изволитъ».

Такъ какъ при учрежденіи Московскаго университета постановка богословскихъ наукъ въ немъ и назначеніе профессора богословія предоставлены были попеченію и вѣдѣнію Святѣйшаго Синода, то учрежденный университетъ, испрашивая у Синода воспитанниковъ славяно-латинскихъ школъ для медицинскаго факультета, одновременно съ этимъ просилъ у него «опредѣленія одного ученаго священника для наставленія студентовъ въ Законѣ (Божіемъ) и для истолкованія имъ катихизиса».

Засѣданіе Святѣйшаго Синода по вопросу объ удовлетвореніи просьбы Московскаго университета происходило въ концѣ апрѣля 1755 года; въ засѣданіи этомъ принималъ личное участіе и директоръ университета Алексѣй Аргамаковъ, который давалъ Синоду словесныя объясненія по содержанію оффиціальнаго университетскаго «доношенія». Такъ, Аргамаковъ сообщилъ, что «университетъ имѣетъ быть въ Москвѣ въ Китаѣ-городѣ, гдѣ прежде сего была аптека; что учениковъ изъ славяно-латинскихъ школъ для университета на первый разъ потребно до 30, а по нуждѣ и до 20; что проѣздъ тѣхъ учениковъ до Москвы, какъ и со-

держаніе ихъ тамъ и жалованье имъ будетъ отъ университета неоскудное, какъ и духовной персонѣ, кто для истолкованія катихизиса опредѣлится, жалованье имѣетъ быть довольное».

Синодъ постановилъ: «по требованію императорскаго Московскаго университета для надлежащаго во оный университетъ опредѣленія выслать въ Москву изъ обучающихся нынѣ (1755 г.) въ Нижегородской семинаріи реторикѣ и философіи двухъ человѣкъ, житія и состоянія добраго и къ наукамъ понятныхъ и способныхъ и изъ непосвященныхъ въ стихари».

Въ силу этого постановленія преосвященный Ѳеофанъ предложилъ семинарской конторѣ озаботиться немедленно исполненіемъ синодальнаго указа отъ 6-го мая съ тѣмъ, чтобы рекомендація о желающихъ поступить въ Московскій университетъ семинаристахъ-студентахъ была отобрана отъ учителя философіи Тимоѳея Мисловскаго, и о послѣдующемъ донести отъ семинарской конторы ему непосредственно.

Домовая его преосвященства семинарская контора, въ «доношеніи великому господину преосвященному Ѳеофану», между прочимъ, писала: «... И по силѣ онаго ея императорскаго величества указа (отъ 6-го мая), отъ учителя Мисловскаго къ показанной отсылкѣ два человѣка объявлены—школы философіи студенты Нижегородскаго уѣзда, Павловскія пятины, села Павлова соборной церкви, протопоповъ сынъ Ѳедоръ Ивановъ и Порѣцковской пятины, села Сутяжнаго, дьячковъ сынъ Сергѣй Ѳедоровъ [1]), а на каковомъ оныхъ студентовъ трактѣ отправить,—о томъ семинарская контора испрашиваетъ милостивой вашего преосвященства резолюціи». Ѳеофанъ написалъ: «нанявъ подъ обоихъ двѣ лошади въ Москву, дать на харчи по три рубля, взявъ у архимандрита отца Михаила Новоспасскаго на платье по десяти рублевъ на человѣка, здѣсь холста купить на рубашки — Орловскому (Ѳедору Иванову) 20 аршинъ, а другому 30 аршинъ, и отправить безъ всякаго замедленія куда и какъ по указу повелѣно».

Орловскій и Малиновскій прибыли въ Москву благополучно и были зачислены въ студенты университета, но, къ несчастію, одинъ изъ нихъ, именно Орловскій, оказался неспособнымъ къ слушанію университетскихъ лекцій по причинѣ болѣзни уха. Въ концѣ іюля 1755 года канцелярія Московскаго университета указомъ «въ духовную преосвящен-

[1]) У арх. Макарія въ „Исторіи Нижегородской іерархіи“ (стр. 143, примѣч. 2, Спб. 1857 г.), въ біографическомъ очеркѣ преосвящ. Ѳеофана говорится: „при Ѳеофанѣ въ 1755 г. были посланы изъ Нижегородской семинаріи въ новоучрежденный Московскій университетъ Ѳеодоръ Ивановъ и Сергѣй Ѳедоровъ, по фамиліи не названы“. Но резолюція Ѳеофана на доношеніи семинарской конторы—Иванова прямо называетъ Орловскимъ, а Ѳедоровъ, въ нижеприводимомъ указѣ изъ канцеляріи Московскаго университета въ Нижегородскую консисторію, именуется Малиновскимъ.

наго Ѳеофана консисторію» дала знать, что «у Ѳеодора Орловскаго, по его доношенію и по осмотру лѣкарскому, явилась въ правомъ ухѣ болѣзнь, которая называется апостело аврисъ, то-есть нарывъ въ ухѣ; чего для онъ къ ученію не способенъ, а даныя имъ на проѣздъ и на харчи деньги двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, въ Московскую Святѣйшаго Синода контору отъ университета отданы, изъ которыхъ половинное число оныхъ денегъ шесть рублевъ двадцать пять копѣекъ со онаго Орловскаго взысканы. Того ради въ канцеляріи Московскаго императорскаго университета велѣно: онаго студента за объявленною его болѣзнію обратно въ реченную консисторію отослать, который при семъ и посланъ, а на мѣсто его, Орловскаго, требовать другаго, и чтобы оная консисторія благоволила изъ студентовъ прислать другаго достойнаго, какъ о томъ Святѣйшаго Синода указомъ повелѣно въ самомъ скоромъ времени, и духовная преосвященнаго Ѳеофана епископа Нижегородскаго и Алатырскаго консисторія благоволитъ быть извѣстною и учинить по ея императорскаго величества указу, а означенному студенту Орловскому паспортъ данъ».

Въ тѣхъ матеріалахъ, на основаніи которыхъ составленъ нами этотъ очеркъ, мы не нашли указанія на то, кого семинарская контора отправила въ Московскій университетъ вмѣсто неспособнаго за болѣзнію уха и обратно возвращеннаго Орловскаго (котораго по бумагамъ за 1764 годъ мы встрѣчаемъ іереемъ при Нижегородскомъ каѳедральномъ соборѣ и учителемъ «школы риторики купно съ синтаксимой» въ Нижегородской семинаріи), но въ «Исторіи Московскаго университета» профессора С. Шевырева на страницѣ 26 и примѣчаніи къ ней 16, мы встрѣчаемся съ нижегородцемъ Иларіономъ Садовскимъ. Именно, профессоръ Шевыревъ говоритъ слѣдующее: «17 декабря 1756 года университетъ представилъ московскому обществу диспутъ студентовъ по предмету философіи подъ руководствомъ профессора Фроманна. Тезисы, заранѣе объявленные посредствомъ печати, защищаемы были студентами: Петромъ Дмитріевымъ и Егоромъ Булатницкимъ. Опровергали же ихъ студенты: Антонъ Любинскій, Аввакумъ Рудаковъ, Иларіонъ Садовскій и Иванъ Ѳедоровъ. Въ библіотекѣ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ находится латинскій экземпляръ тѣхъ тезисовъ и диспутовавшіе студенты обозначены именами городовъ тѣхъ семинарій, откуда они перешли въ университетъ: Любинскій Kioviensis, Рудаковъ Pereslaviensis, Садовскій Nisnenovogrodensis etc. etc.».

Можно думать, что этотъ Садовскій и былъ посланъ вмѣсто Орловскаго, но по склонности поступилъ не на медицинскій факультетъ, а на философскій.

Аполлонъ Можаровскій.

Разсказы А. М. Тургенева объ императрицѣ Екатеринѣ II.

I.

Въ 1788 году императрица осматривала водяное сообщеніе по рѣкѣ Тверцѣ и изъ Твери прислала курьера въ Москву къ графу Якову Александровичу Брюсу, главнокомандовавшему въ столицѣ, увѣдомить его и жителей, что она пріѣдетъ на короткое время въ древнюю столицу, но чтобы онъ никакихъ распоряженій для встрѣчи ея не дѣлалъ.—Но довольно было извѣстія, что матушка-государыня желаетъ осчастливить первопрестольный градъ, какъ всѣ, отъ перваго до послѣдняго обывателя, зашевелились; дворянство составило почетный кортежъ до 300 человѣкъ на коняхъ, а купечество по старинѣ приготовило золотое блюдо, для поднесенія хлѣба и соли.

Надо сказать правду—улицы въ городѣ были не довольно исправно содержаны, однако-же, безъ всякаго преувеличенія, лучше были вымощены, какія видимъ и чувствуемъ нынѣ въ прекрасномъ Петрополѣ. Въ одинъ день улицы, по которымъ надлежало императрицѣ проѣзжать, были покрыты на полъ аршина пескомъ, чтобы ея величеству было покойно шествовать. Войска тогда въ Москвѣ было очень мало, оно было въ арміи,—кровавая война была съ Турціей въ сильномъ разгарѣ. – Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ—главнокомандующій, придумалъ собрать драгунъ со всѣхъ частей города, для сохраненія тишины и спокойствія около Петровскаго дворца, куда государыня обыкновенно пріѣзжала и который потому именовался «Подъѣзжимъ» дворцомъ. Отсюда уже на другой или третій день она обыкновенно изволила церемоніально шествовать въ городъ и прямо въ каѳедральный Успенскій соборъ къ литургіи. Государыня часовъ въ 6 по полу-

дни пріѣхала въ Подъѣзжій Петровскій дворецъ, окруженный можно сказать 300.000 народа, который съ ранняго утра ожидалъ ее.—Это было въ концѣ іюня.—Погода стояла ясная, было очень жарко.—Чтобъ удовлетворить желанію москвичей—видѣть ее, государыня по пріѣздѣ вышла на балконъ и сидѣла до 9-ти часовъ вечера.—Тысячи народа вытѣсняли другъ друга съ обширнаго двора предъ балкономъ. Полицейскаго люда нигдѣ не было видно; спокойствіе и чинность нигдѣ не были нарушены.—Вдругъ императрица увидѣла съ балкона разъѣзжавшіе патрули полицейскихъ драгунъ.

— Графъ Яковъ Александровичъ—спросила она—что это за войско, разъѣзжающее среди народа?

— Ваше величество—отвѣчалъ графъ—въ Москвѣ теперь войскъ очень не много, такъ я придумалъ составить бригаду, собравъ изъ всѣхъ частей города полицейскихъ драгунъ.

— А на что вы сформировали эту бригаду?

— Для соблюденія тишины и спокойствія и охраненія высочайшей особы вашего величества.

— Графъ—сказала Екатерина—вы видите, какъ все здѣсь спокойно и тихо; могу ли я имѣть болѣе благонадежную стражу, чѣмъ въ вѣрномъ мнѣ народѣ! — Среди народа царю русскому некого бояться. Прикажите драгунамъ возвратиться въ Москву и отправлять по-прежнему службу въ частяхъ города.—Они тамъ нужнѣе, нежели здѣсь.—Вы знаете нашу русскую пословицу, въ семьѣ не безъ урода, а въ Москвѣ теперь остались старый, малый да больной, которые не могли сюда придти повидаться со мною.—Да прикажите, графъ, чтобы и около дворца часовыхъ не было.

II.

На предпослѣдней почтовой станціи (Солнечная гора), при перемѣнѣ лошадей народъ окружилъ карету императрицы. Сквозь толпу протолкался крестьянинъ, съ сѣдыми волосами и бородой, и сказалъ императрицѣ.

— Много лѣтъ здравствовать тебѣ, матушка всемилостивѣйшая государыня; благодарю Господа, сподобилъ еще видѣть тебя.—Какъ ты изволила ѣхать въ Москву короноваться, я, матушка, былъ фалейтуромъ у твоей кареты.

Государыня вынула изъ сумки у дверецъ каретныхъ два империала и подала крестьянину; крестьянинъ, принявъ империалы, спросилъ государыню.

— А что же матушка всемилостивѣйшая государыня прикажешь съ золотыми-то?

— Какъ что?—возьми ихъ себѣ.

— Да за что же, всемилостивая государыня.

— За то что ты меня любишь.

— Нѣтъ, матушка, всемилостивая государыня, у тебя казны не достанетъ, коли всѣмъ будешь давать деньги за то, что тебя любятъ; во всей Руси православной нѣтъ души, которая тебя не любитъ!

Государыня перекрестилась и отвѣчала крестьянину.

— Возьми деньги себѣ, мнѣ пріятно то, что ты меня помнишь.

III.

На второй или на третій день, хорошо не помню, государыня шествовала изъ Петровскаго дворца церемоніально въ большой восьмистекольной каретѣ, запряженной 8-ю бѣлыми конями; впереди передъ каретою ѣхало сто пятьдесятъ дворянъ на коняхъ и столько же позади кареты. Государыня не любила скорой ѣзды и всегда говорила: «скоро ѣздятъ отъ долговъ, чтобы кредиторы не остановили, а мои финансы, благодарю Бога, хороши».

На Тверской, проѣхавъ Тверскія ворота, я при матери моей смотрѣлъ въѣздъ ея величества изъ дома, не помню уже кому принадлежавшаго тогда, нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ огромный домъ доктора Альбини. Крестьянинъ, пробравшійся какъ-то сквозь конвой и толпу народа, окружавшаго карету, вскочилъ на ступеньку у двери и подалъ государынѣ связку калачей. Она, милостиво принявъ приношеніе, улыбнулась. Въ это время полиціймейстеръ Толь хотѣлъ отогнать крестьянина, но въ ту же минуту Екатерина дернула снурокъ и лейбъ-кучеръ, полковникъ Тучковъ, мгновенно остановилъ коней. Не знали мы, что государыня изволила сказать полиціймейстеру Толю, но чрезъ двѣ-три минуты увидѣли, что экипажъ государыни тронулся и крестьянинъ стоялъ на ступенькѣ. Онъ доѣхалъ такимъ образомъ до Успенскаго собора, гдѣ ожидалъ ее величество, съ крестомъ въ рукахъ, незабвенный ораторъ, митрополитъ Платонъ.

Выйдя изъ кареты Екатерина приказала крестьянину, поднесшему ей калачи и доѣхавшему съ нею до собора, дать пятьсотъ рублей.

IV.

Когда было потребно издать узаконеніе на какой-либо предметъ, пополнить существующіе или измѣнить что-либо сообразно развитію въ народѣ степени образованія, или по стеченію обстоятельствъ и времени, которое все подъ солнцемъ измѣняетъ, Екатерина по секрету поручала разнымъ лицамъ, указавъ предметъ, писать проекты, узаконенія или постановленія. Таковыя порученія дѣлала она не однимъ секретарямъ кабинета; въ ея время было много сенаторовъ зрѣлаго ума и долговременной опытности, были оберъ-секретари въ Сенатѣ и вмѣстѣ профессора въ Академіи Наукъ, были люди уклонившіеся отъ двора, жившіе на селѣ своемъ, о нихъ думали, что они въ опалѣ, а она съ ними вела переписку и въ потребныхъ случаяхъ требовала ихъ совѣта. Было дозволено не принять порученія, сознавшись въ невѣдѣніи предмета, о которомъ надлежало разсуждать. Когда проекты были написаны и ей представлены, тогда, прочитавъ оные предварительно сама и не спѣшно, она созывала своихъ кабинетъ-министровъ, приказывала читать проекты и обсуждать ихъ.

Каждый слушатель имѣлъ право возражать, опровергать изложенное въ проектѣ, изъяснять свое мнѣніе, предлагать измѣненіе или по неудобствамъ вовсе остановить проектъ. Кабинетъ же члену Карабанову было поставлено въ обязанность не только мнѣнія всѣхъ разсуждавшихъ опровергать, да и собственно мнѣнія императрицы оспаривать и признавать ихъ не полезными. Тонкая хитрость Екатерины заставляла обсуждать представленные ей проекты, уничтожала всякую стачку и обоюдное потворство кабинетъ министровъ. Въ продолженіе обсужденія каждый изъ сочинителей защищалъ свое предположеніе, и посредствомъ неожиданнаго возраженія объяснялось неудобство выполненія, или неблагонамѣренное, неумѣстное утвержденіе закона. Вотъ почему въ изданныхъ Екатериною узаконеніяхъ и постановленіяхъ нѣтъ болтуна, и въ ея царствованіе не издавали указовъ о разумѣ закона. Каждый понималъ изданный законъ и, исполненный благодарностью, былъ готовъ выполнить его, ибо онъ благотворилъ ему.

V.

Екатеринѣ II подавали каждый день двѣ тетрадки почтовой бумаги, въ которыя она собственноручно записывала, но что́—того въ цар-

ствованіе ея никто не зналъ, и по кончинѣ ея никто ничего не узналъ, потому что 1796 года ноября 7-го или 8-го числа—то есть на другой или на третій день ея кончины было повелѣно всѣ написанныя рукою Екатерины тетрадки предать огню—и тетрадки были сожжены, какъ нѣкогда сожигали жидовъ въ Гишпаніи по велѣніямъ инквизиціи! На первомъ листкѣ тетради Екатерина надписывала: «Мое время», потомъ выставляла годъ, мѣсяцъ и число; исписавъ всѣ листки тетрадки, обертывала ее бумагою, завязывала розоваго цвѣта тесьмой и концы тесьмы укрѣпляла печатью, чтобы нельзя было развязать тесьму и прочитать написаннаго. Нѣсколько большихъ шкафовъ было наполнено упомянутыми тетрадками, но огонь всѣ ихъ пожралъ!

Въ требникѣ, помнится, Петра Могилы написаны такіе грѣхи, за содѣяніе коихъ назначена кара, но за сожженіе бытописанія кары не опредѣлено, потому вѣроятно, что не могли даже и предположить таковаго бѣшенства.

VI.

Въ жизни нашей все зависитъ отъ стеченія обстоятельствъ, отъ случая, который люди называли и донынѣ называютъ счастіемъ. Въ какомъ нарядѣ оно щеголяетъ, этого, начиная съ праотца Адама и по сей часъ, никто изъ смертныхъ не видѣлъ и не будетъ знать, что такое счастіе.

Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, aventurico officier de fortune de fortuna—служилъ въ гусарскомъ полку, сербъ породою, лихой всадникъ на конѣ и лихой рубака: сабля съ дѣтства была его забавою, потомъ вѣрнымъ другомъ. Семенъ Гавриловичъ разладилъ съ полковникомъ полка, въ которомъ состоялъ на службѣ; пріѣхалъ въ градъ св. Петра хлопотать въ военной коллегіи о переводѣ его въ другой полкъ. Проживая въ Петербургѣ, Семенъ Гавриловичъ проигрался въ трактирѣ что называется до-чиста. Не зная что̀ дѣлать и будетъ ли онъ ѣсть тотъ день, встрѣтился на улицѣ съ знакомымъ, ѣхавшимъ въ Царское Село. Знакомый пригласилъ его поѣхать съ нимъ. Зоричъ согласился и тѣмъ охотнѣе, что знакомецъ сказалъ ему: мы тамъ сытно отобѣдаемъ и хорошо выпьемъ у моего друга и пріятеля гофъ-фурьера двора ея величества.

Сіе было въ началѣ іюня. Екатерина жила въ Царскомъ Селѣ. Пріѣхали въ Царское Село, хорошо у гофъ-фурьера пообѣдали и еще лучше того выпили. Знакомецъ Зорича и угощавшій ихъ гофъ-фурьеръ раз-

судили за благо соснуть; они много уговаривали и Зорича прилечь, но онъ не послѣдовалъ ихъ приглашенію и пошелъ погулять въ дворцовый садъ. У Зорича и безъ вина было въ головѣ туманно и тяжело. Онъ не долго гулялъ. Поставленная въ саду не далеко отъ дворца въ тѣни вѣтвистой липы скамья приманила Зорича присѣть, отдохнуть и подумать въ тиши о своемъ положеніи. У него гроша не было въ карманѣ, а безъ гроша вездѣ не хорошо, а во градѣ св. Петра просто камень на шею—да кидайся въ Неву! Что въ это время думалъ, что хотѣлъ предпринять Семенъ Гавриловичъ, онъ объ этомъ во всю жизнь свою никому не сказалъ; но всѣмъ было тогда извѣстно и по преданіямъ до насъ дошло, что Семенъ Гавриловичъ, сидя на скамьѣ прислонясь къ липѣ, заснулъ и заснулъ такъ крѣпко, что ни проходящіе въ аллеѣ, ни лай остановившейся предъ нимъ собаки Семена Гавриловича не разбудили.—Въ это время проходила по аллеѣ Екатерина одна, а сзади ея въ значительной отдаленности, слѣдовалъ за ней ея камердинеръ Захаръ Константиновичъ Зотовъ. Зоричъ, какъ пригожій мужчина и статнаго роста, обратилъ на себя вниманіе Екатерины. Государыня дала знакъ камердинеру приблизиться и приказала Зотову ожидать пробужденія прекраснаго гусара, когда же онъ проснется, пригласить его къ ней на ужинъ.— Представьте себѣ удивленіе метръ д'отеля, у котораго Зоричъ обѣдалъ, увидѣвшаго Семена Гавриловича за ужиномъ съ Екатериной! Что скажете?—случай или счастіе!

Изъ воспоминаній о А. А. Катенинѣ.

I.

Послѣ графа Василія Алексѣевича Перовскаго, самымъ популярнѣйшимъ изъ Оренбургскихъ генералъ-губернаторовъ былъ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ, бывшій командиръ Преображенскаго полка. Если Перовскій заслужилъ себѣ признательность и неувядаемую память о немъ башкиръ, то А. А. былъ любимъ одинаково всѣми народами Оренбургскаго края и особенно киргизами, которыхъ онъ, безъ помощи оружія, съумѣлъ подчинить безусловному повиновенію Россіи.

Красавецъ собой, высокаго роста, соразмѣрно плотный мужчина лѣтъ 45-ти, съ величественной осанкой, онъ производилъ самое выгодное впечатлѣніе на окружающихъ своей наружностью. Былъ необыкновенно ласковъ и милъ въ обращеніи со всѣми подчиненными.

Вступивъ въ командованіе Оренбургскимъ краемъ 16-го іюня 1857 года [1]), онъ хотя въ приказѣ по Оренбургскому корпусу и обѣщалъ идти по стопамъ своего «почтеннаго предмѣстника,» но въ отношеніи инородцевъ и казаковъ держался совершенно другой политики, политики мира и любви. Александръ Андреевичъ обладалъ рѣдкимъ даромъ привлекать къ себѣ простой народъ и умѣлъ говорить съ нимъ. Къ

[1]) Назначенъ Высочайшимъ указомъ 7-го апрѣля 1857 года, а пріѣхалъ въ Оренбургъ 16-го іюня. Г. Веселовскій въ своей книгѣ „В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ“ (стр. 164) ошибается утверждая, что Катенинъ, послѣ поѣздки въ Петербургъ (?), вступилъ въ управленіе краемъ въ августѣ 1857 года.

нему безбоязненно подходили не только простые казаки, но и дѣти и говорили съ нимъ смѣлѣе, чѣмъ съ какимъ нибудь своимъ станичнымъ атаманомъ.

Съ пріѣздомъ его въ Оренбургъ, для служащихъ и жителей наста новая эра—время удовольствій и всеобщаго веселья. Никогда еще «Столица степей,» ни до, ни послѣ, не танцовала головокружительно такъ, какъ во время управленія краемъ Александромъ Андреевичемъ. Несмотря на глушь и отдаленность Оренбурга отъ центра Россіи, онъ и здѣсь съумѣлъ найти «общество», и здѣсь могъ доставить другимъ удовольствія. Въ его время смотры смѣнялись парадами, парады—зорями съ церемоніями; пиры, банкеты, балы, пикники чередовались одинъ за другимъ.

Выѣзжая передъ выстроенными войсками на статномъ гнѣдомъ конѣ, онъ своей мощной и стройной фигурой невольно привлекалъ вниманіе каждаго; а его внушительный молодецкій видъ особенно заразительно дѣйствовалъ на любившихъ его солдатъ. На балахъ, вечерахъ и гуляньяхъ онъ постоянно былъ первымъ руководителемъ и старался привлекать всѣхъ къ веселью, дѣлалъ такъ, что ни старъ, ни младъ, ни знатный, ни простой не стѣснялись его присутствіемъ. Во время его командованія, по торжественнымъ и табельнымъ днямъ, на Караванъ-Сарайской площади въ Оренбургѣ для горожанъ, войскъ и народа устраивались такія увеселенія съ роскошными, даже, можно назвать, волшебными иллюминаціями и фейерверками, о какихъ нынѣшніе оренбуржцы и понятія не имѣютъ.

Пространство между Караванъ-Сараемъ и Старой слободкой, теперь занятое новымъ соборомъ, кадетскимъ корпусомъ и двумя городскими садиками, въ то время представляло широкую площадь, уходившую изъ города далеко, далеко въ необъятную степь, къ Маячной горѣ. Въ будничные дни на ней производились ученья, смотры и иногда парады, а въ праздничные и высокоторжественные дни здѣсь было постоянное мѣсто народныхъ гуляній и увеселеній—скачки, бѣга, карусели, качели и проч. Жизнь била ключемъ. Вечерами вся площадь горѣла разноцвѣтными огнями.

Отъ сѣверо-западнаго угла Караванъ-Сарайскаго сада до Косюшечной улицы (въ Старой слободкѣ) тянулись, повѣшенные на проволокѣ, различные стаканчики, шкалики, фонарики и блестѣли изящные вензеля, транспоранты и другія фигуры съ разноколерными огоньками. На Караванъ-Сарайскихъ стѣнахъ пылали плошки, а внутри сада, одиннадцать тысячъ квад. саженъ зеленѣющаго пространства озарялись по истинѣ фантастическимъ свѣтомъ, точно въ какой нибудь волшебной сказкѣ изъ «Тысячи и одной ночи», представляя собой зрѣлище небывалое, ослѣпительное. Не говоря уже о томъ, что весь Караванъ-

Сарайскій садъ горѣлъ въ огнѣ, живописно оттѣняя полумракъ древесныхъ чащей и аллей, носившихъ каждая свое названіе въ родѣ «аллеи вздоховъ», «аллеи поцѣлуевъ», «первыхъ встрѣчъ», «воздыханій» и проч., главная аллея, бесѣдки и горка въ сѣверо-восточномъ углу, называвшаяся «красной», представляли сплошь залитое море цвѣтныхъ огней, гирляндами развѣшанныхъ по вѣткамъ и на аркахъ. На горкѣ горѣли объемистыя фигуры пиротехническаго искусства, а рядомъ, внизу, на небольшомъ прудѣ [1]) плавали огненные лебеди, журавли, кораблики, лодки и отсюда летѣли вверхъ шутихи, бураки, змѣи красные и ракеты, такъ что перекинутый съ одного берега пруда на другой пѣшеходный мостикъ казался какъ бы зажженнымъ.

Веселое было времячко! Какъ не вспомнить его?! Даже зимой въ саду не прекращалось веселье: съ красной горки катались на санкахъ и по аллеямъ коньки рѣзали обледенѣвшій снѣгъ.

Въ длинные же вечера, когда развитому интеллигентному человѣку въ Оренбургѣ можно было совсѣмъ пропасть отъ скуки, такъ какъ, кромѣ картъ и вина, не было другихъ увеселеній [2]), домъ гостепріимнаго генералъ-губернатора былъ свободно открытъ для всѣхъ—отъ старшихъ до младшихъ. Тамъ, у него устраивались танцы, любительскіе спектакли, гремѣла музыка. Радушный хозяинъ всѣхъ принималъ любезно и угощалъ на славу роскошными обѣдами и ужинами. Жаль только, что нѣкоторые изъ гостей пользовались во вредъ его радушіемъ. Старожилы оренбургскіе разсказываютъ такой непривлекательный случай.

Во времена Катенина, въ одномъ изъ мѣстныхъ управленій въ Оренбургѣ служилъ молодой полковникъ М., человѣкъ довольно богатый, развитой, образованный, вездѣ былъ принятъ въ обществѣ, часто бывалъ и у генералъ-губернатора, но, къ несчастію, имѣлъ одинъ очень порочный для офицера недостатокъ: гдѣ бы онъ ни побывалъ, непремѣнно что либо пропадало и большею частію изъ вещей цѣнныхъ. У Катенина также, когда былъ въ гостяхъ М., послѣ обѣда или ужина непремѣнно что нибудь не отыскивалось. Конечно, прежде всего подозрѣніе падало на прислугу и даже на самого буфетчика. Но они всѣми богами клялись, что не виноваты. Видно было по всему, что крадетъ не свой, не домашній воръ, а кто-то посторонній. Слѣдить стали и за этимъ.

Какъ-то разъ у Александра Андреевича былъ званый вечеръ. Въ числѣ гостей находился и М. Послѣ ужина, часа въ два ночи, гости

---

[1]) Пруда этого въ настоящее время уже нѣтъ, но признаки его замѣтны до сихъ поръ.

[2]) Въ это время въ Оренбургѣ театра еще не существовало.

вышли изъ-за стола и разбрелись по комнатамъ; кто покурить, кто поболтать еще часочекъ, кто доиграть пульку,—только одинъ М. замѣшкался въ столовой и въ то время, какъ прислуга убирала посуду и уходила, онъ незамѣтно положилъ что-то въ карманъ брюкъ. Можетъ быть и это похищеніе прошло бы незамѣченнымъ, но, какъ на грѣхъ, въ это время изъ кабинета въ гостиную мимо столовой проходилъ Катенинъ и, посмотрѣвъ нечаянно въ зеркало, стоявшее противъ дверей столовой, увидѣлъ отраженіе фигуры полковника, спѣшно опускающаго руку въ карманъ. У него тотчасъ-же явилось подозрѣніе,—не онъ ли воруетъ вещи,—и какъ только гости разъѣхались, онъ приказалъ позвать буфетчика.

— Не пропало-ли еще что-нибудь?—увѣренно спросилъ онъ.

Буфетчикъ замялся и, послѣ нѣкотораго колебанія, долженъ былъ сознаться въ новой пропажѣ нѣсколькихъ столовыхъ серебряныхъ (фамильныхъ) ложекъ.

— Ага! Я знаю, кто воруетъ. Ступай! завтра все найдется.

На другой день Александръ Андреевичъ послалъ за М., и когда тотъ явился и не успѣлъ еще снять съ головы папахи, Катенинъ вышелъ изъ кабинета и прямо безъ дальнѣйшихъ околичностей огорошилъ его:

— Что вы вчера послѣ ужина положили въ карманъ?

М. опѣшилъ, растерялся и затрясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Негодяй! — сказалъ Катенинъ и затѣмъ послышалась звонкая пощечина.

— Не желаю марать твоего мундира,—продолжалъ генералъ,—не хочу отдавать подъ судъ,—но ты не можешь служить больше. Подавай въ отставку и убирайся вонъ изъ Оренбурга.

Въ тотъ-же день М., возвративъ Александру Андреевичу всѣ украденныя у него вещи, взялъ отпускъ и выѣхалъ изъ города.

Но случай этотъ не убавилъ гостепріимства и радушія Катенина; онъ по-прежнему остался тѣмъ же, кѣмъ былъ, т. е. человѣкомъ добрымъ и ласковымъ.

II.

Особенно дружелюбно относился Катенинъ къ киргизамъ. Перовскій вліялъ на нихъ строгостью, и они боялись его, но не любили, а Катенинъ привлекалъ ихъ ласкою и миролюбіемъ, и они боготворили его, безпрекословно слушались во всемъ и боялись другъ за друга чтобы чѣмъ-нибудь не обидѣть его, не вызвать его гнѣва. Александръ

Андреевичъ заставилъ уважать себя не только простыхъ киргизъ-игинчей, но знатныхъ изъ нихъ, которые больше всего питали ненависть къ Россіи. Что предшественникамъ его, Обручеву и графу Перовскому, составляло не мало труда, того Катенинъ добился легко, примѣромъ чего особенно можетъ служить дѣло о мятежномъ батырѣ Исеткѣ Кутебаровѣ, слишкомъ 30 лѣтъ волновавшемъ киргизскую степь и усмиренномъ лишь благодаря миролюбію Александра Андреевича.

Началъ Исетка свои мятежныя дѣйствія еще въ 1822 году, разграбивъ въ іюнѣ этого года бухарскій караванъ; потомъ въ августѣ 1825 г. увлекъ въ плѣнъ солдатку Крестовникову съ тремя малолѣтними дѣтьми; осенью 1834 г. угналъ у киргизъ Джикѣевскаго рода 1.900 лошадей; въ іюлѣ 1839 г. разбилъ караванъ оренбургскаго купца Дѣева на 40.000 рублей, а осенью отбарантовалъ у киргизъ Табынскаго рода 1.438 коней; въ іюнѣ 1840 г. еще разграбилъ четыре купеческихъ каравана на 70.000 руб. и, наконецъ, въ августѣ 1842 г. угналъ у заурядъ-хорунжаго Самалыкова съ однородцами 1.500 лошадей.

Но послѣ этого онъ, видимо, немного смирился; по крайней мѣрѣ, когда въ половинѣ 1844 года, генераломъ Обручевымъ было рѣшено произвести наступательныя дѣйствія внутрь еще неподвластныхъ намъ средне-азіатскихъ ханствъ, и, по его приказанію, правителемъ западной части киргизской орды, полковникомъ Баймухаметомъ Айчуваковымъ [1]), были посланы для собранія нужныхъ свѣдѣній лазутчики, Кутебаровъ не только принялъ послѣднихъ радушно, но снабдилъ ихъ еще для дальнѣйшаго путешествія своими лошадьми и сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о замыслахъ хивинцевъ, выдавъ даже полученный имъ отъ хивинскаго хана ф и р м а н ъ. Дабы еще больше «привлечь этого полудикаго киргиза къ нашимъ интересамъ и удержать отъ покушенія выйти изъ подданства Россіи мирныхъ ордынцевъ, которые особенно помнятъ отца Исета, извѣстнаго барантовщика Кутебара Арасланова»,—представлявшійся въ 1847 г. къ высочайшему двору генералъ-маіоръ Айчуваковъ ходатайствовалъ о награжденіи его, въ числѣ прочихъ ордынцевъ, золотой медалью на Анненской лентѣ. И по всей вѣроятности медаль эта «за усердіе» была бы выдана ему, если бы онъ въ томъ же 1847 году не произвелъ новаго возмущенія въ степи. Затѣмъ онъ не исполнилъ требованія русскаго правительства относительно удовлетворенія русскихъ и бухарскихъ купцовъ за разграбленные у нихъ товары и линейныхъ жителей за угонъ скота, и, наконецъ, о немъ стали получаться извѣстія, что среди его родичей чумичли-табинцевъ, подъ начальствомъ махремъ-

---

[1]) Съ 1847 г. генералъ-маіоромъ.

карле [1]), появились хивинскіе зякетчики [2]) для сбора съ киргизъ ясака [3]).

Все это, вмѣстѣ взятое, надолго задержало выдачу Кутебарову медали, несмотря даже на то, что султанъ, правитель средней части орды, не разъ увѣрялъ оренбургскую пограничную коммиссію въ «его раскаяніи, его нелицемѣрной преданности русскому правительству и спокойномъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ кочеваніи». Дѣйствительно, съ 1848 года Исетъ началъ возвращать обиженнымъ торговцамъ ихъ товары, пересталъ дѣлать на линію набѣги и окончательно отказалъ хивинскому хану въ помощи и сборѣ зякета [4]), прогнавъ отъ себя хивинскихъ зякетчиковъ и представивъ въ пограничную коммиссію еще ханскій фирманъ къ біямъ назаровскаго и чуреневскаго родовъ.

Но опасаясь мщенія хивинскаго хана за свое предъ нимъ вѣроломство, онъ осенью 1850 года просилъ пограничное начальство отвести ему болѣе отдаленное отъ Хивы мѣсто подъ зимнюю кочевку, урочища Усть-Узукъ-Аральги и Каратанды-Джамбаръ въ вершинахъ Большихъ Барсуковъ. Желаніе его было уважено. Однако, Кутебаровъ не ограничился этимъ и, въ началѣ слѣдующаго года, сталъ домогаться занятія мѣста по р. Эмбѣ, гдѣ были кочевки назаровцевъ и чуреневцевъ, доказывая при этомъ, что мѣста эти принадлежали раньше его предкамъ чиклинцамъ.

Пограничная же коммиссія, сомнѣваясь еще въ безусловной вѣрности его, такъ какъ эмбинскія земли ближе соприкасались съ хивинскими владѣніями, и Исетка могъ снова легко вступить съ хивинцами въ сношеніе, не исполнила этого его требованія и предписала султану-правителю, подполковнику Джантюрину, «подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ» отклонить домогательство Кутебарова.

Батырь обидѣлся и съ этого времени онъ снова начинаетъ вредить Россіи, производитъ набѣги на пилинейныхъ жителей и грабитъ проходящіе караваны, что продолжалось до 1857 года. И хотя Перовскимъ для усмиренія бунтовщиковъ не разъ посылались въ степь отряды, но дѣйствія ихъ мало приносили пользы. Мятежники, заслышавъ о сборѣ войскъ, тотчасъ-же откочевывали въ глубь страны и уходили въ хивинскій непроходимый Усть-Уртъ. Въ концѣ концовъ дерзость ордынцевъ дошла до того, что, въ 1855 году, шайка ихъ напала на аулъ правителя средней части орды подполковника Джантюрина, убила его и разграбила весь аулъ.

---

[1]) Начальникъ сборщиковъ.
[2]) Сборщики податей.
[3]) Ясакъ—подать, дань.
[4]) Зякетъ—тоже подать, пошлина.

Подозрѣніе въ этомъ дѣлѣ пало на Кутебарова, но предпринятыя мѣры для разысканія виновныхъ не открыли ничего положительнаго. Исетка бѣжалъ въ Хиву, въ степи же все лѣто 1856 года, съ шайкой изъ 60 человѣкъ, бунтовалъ братъ его Сатай, который, соединившись съ партіями хищниковъ біевъ Даута Асавова и Адачи Байгилина, грабилъ даже киргизовъ другихъ родовъ и доходилъ до Туркестана, до кочевокъ Большой орды. Никакія мѣры не могли обуздать мятежниковъ. Они какъ-бы нарочно дѣлали грабежи, на зло начальнику края графу Перовскому. Когда же въ Оренбургскій край прибылъ генералъ-адъютантъ Катенинъ и разослалъ по всѣмъ киргизскимъ дистанціямъ циркуляры съ приглашеніемъ ордынцевъ смириться и раскаяться въ поступкахъ своихъ, обѣщая имъ отъ имени государя полное прощеніе, первымъ откликнулся на этотъ зовъ Исетка Кутебаровъ и въ прошеніи своемъ: «Справедливѣйшему генералъ-адъютанту Катенину» [1]), такъ охарактеризовалъ себя и графа Перовскаго.

«При бывшемъ оренбургскомъ военномъ губернаторѣ Обручевѣ, который былъ истинно правою рукою государя императора, я, покоряясь верховной надъ собой власти, служа усердно и водворяя тишину и спокойствіе въ родномъ народѣ, жилъ тихо и былъ постоянно мирнымъ кочевникомъ. Но послѣ, какъ прибылъ графъ Перовскій, я совершенно охладѣлъ къ службѣ, ибо его сіятельство далеко не такъ смотрѣлъ на киргизовъ, какъ его предмѣстникъ, и почти вовсе не обратилъ на насъ своего вниманія, а слѣдствіемъ этой холодности было убіеніе султана-правителя Араслана [2]). Затѣмъ просьба моя въ слѣдующемъ: его величество Александръ Николаевичъ, государь великой правдивости и милости неограниченной, прислалъ въ Оренбургъ справедливѣйшаго генерала, разославшаго повсюду царкуляры, дарующіе милость и прощеніе, на которое и я смѣю надѣяться».

Наше пограничное начальство, не понимая характера киргизовъ, не миролюбіемъ, а непомѣрной строгостью хотѣло покорить необузданныхъ дикарей, смирить ихъ безпокойный духъ и вспыльчивую натуру. Поэтому, послѣ Перовскихъ строгостей, какъ пріятно, какъ успокоительно звучало для нихъ новое слово милости и всепрощенія, которое, быстро облетѣвъ степь, настроило ихъ сердца безграничной преданностью къ милосердному генералъ-губернатору, а вмѣстѣ съ нимъ и къ Россіи. Въ отвѣтномъ, на просьбу Исетки, письмѣ, лично адресованномъ «бію Кутебарову» (отъ 30-го того же ноября), Катенинъ ясно выразилъ, чѣмъ онъ хочетъ быть для киргизовъ:

---

[1]) См. въ дѣлѣ Оренб. центр. архива за № 432, прошеніе его отъ 9-го ноября 1857 года.

[2]) Араслана Джантюрина, правителя Средней части орды (см. выше).

«Прошеніе, на имя мое отправленное тобою съ біемъ Джагильдинымъ, я получилъ и увѣдомляю тебя, что помилованіе, обѣщанное мною именемъ государя императора въ циркулярѣ отъ 30-го іюня, простирается и на тебя. Но чтобы получить это прощеніе, ты долженъ раскаяться чистосердечно во всѣхъ совершенныхъ тобою преступленіяхъ и дать обѣщаніе, что впредь будешь жить мирно, не производя болѣе никакихъ безпорядковъ и грабежей и повинуясь установленнымъ въ степи властямъ. Въ доказательство, что ты раскаиваешься дѣйствительно, долженъ ты лично явиться ко мнѣ въ Оренбургъ. Засвидѣтельствовавъ этимъ довѣренность къ слову моему, ты не только получишь прощеніе, но можешь надѣяться даже на полное забвеніе всѣхъ винъ твоихъ, что̀ еще важнѣе. Радуясь раскаянію твоему и обращенію къ вѣрноподданническимъ чувствамъ, я приму тебя съ честью; дальнѣйшимъ же хорошимъ поведеніемъ и усердіемъ къ исполненію видовъ правительства, неразлучныхъ съ благомъ киргизскаго народа, можешь ты заслужить всякія награды и отличія. Вѣрь, что все сказанное исполнено будетъ ненарушимо и, откинувъ всякое сомнѣніе и дурные совѣты, спѣши ко мнѣ не какъ къ грозному начальнику, а какъ къ доброму отцу, который сердечно радуется, когда можетъ простить заблудшихъ дѣтей своихъ».

Исетка вполнѣ повѣрилъ искреннимъ словамъ Александра Андреевича, но, вслѣдствіе болѣзни своей, не могъ тотчасъ же исполнить его желанія и, по полученіи письма, 27-го марта слѣдующаго года отправилъ къ нему съ покаяніемъ сына Карымена и брата Чентемира, которые и были прощены Катенинымъ.

Но чтобы еще больше упрочить среди киргизовъ наше вліяніе, Александръ Андреевичъ, 6-го мая 1858 года, въ сопровожденіи предсѣдателя оренбургской пограничной коммиссіи, извѣстнаго оріенталиста нашего, В. В. Григорьева, самъ поѣхалъ въ степь познакомиться съ бытомъ киргизскаго народа и воочію убѣдиться въ его нуждахъ.

Гдѣ ни появлялся онъ, киргизы всюду встрѣчали его съ радушіемъ и устраивали ему сердечныя овацiи. Весь путь отъ Оренбурга до форта Перовскаго и обратно на протяженіи 3.000 верстъ, былъ для Катенина побѣднымъ шествіемъ. За нѣсколько сотъ верстъ ордынцы выѣзжали къ нему съ изъявленіемъ полной покорности. Исетка Кутебаровъ также выѣхалъ къ нему навстрѣчу и, въ присутствіи своихъ единомышленниковъ, которыхъ онъ такъ еще недавно направлялъ противъ Россіи и русскихъ, принесъ ему свое раскаяніе и клятву въ неизмѣнной преданности.

Все время пути Катенинъ ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи почетнаго конвоя изъ 50-ти знатнѣйшихъ киргизовъ отъ всѣхъ трехъ частей орды (т. е. Западной, Средней и Восточной), и только слѣдуя обратно,

въ 50 верстахъ отъ Орска, 9-го сентября, пересѣлъ въ высланный ему навстрѣчу экипажъ. Киргизы въ своихъ бархатныхъ и шелковыхъ, расшитыхъ по краямъ золотыми позументами, халатахъ, на своихъ гнѣдыхъ аргамакахъ и сѣрыхъ иноходцахъ въ серебряной сбруѣ, живописной кавалькадой провожали его до крѣпости и въ самую крѣпость, стараясь лихостью и удальствомъ еще разъ вызвать его одобреніе. И посреди этого оригинальнаго отряда, Александръ Андреевичъ казался не строгимъ и взыскательнымъ начальникомъ, не корпуснымъ командиромъ, а любезнымъ и радушнымъ хозяиномъ.

Въ Орской крѣпости Катенинъ два дня угощалъ своихъ гостей и 11-го сентября распрощался съ ними. Въ 10 часовъ утра всѣ султаны, біи и прочіе почетные киргизы, составлявшіе конвой, наполнили залу квартиры Александра Андреевича. Генералъ вышелъ къ нимъ въ мундирѣ и, послѣ привѣтственнаго поклона, приказалъ переводчику-офицеру изъ киргизовъ—поблагодарить ордынцевъ за ихъ вѣрную службу во время всего похода, и за то, что они берегли его.

— Скажите имъ,—сказалъ Катенинъ,—что я вполнѣ надѣюсь на нихъ, надѣюсь также, что они пойдутъ за мной всюду и даже далеко, если бы государю угодно было это. Скажите имъ, что и моя голова и ихъ головы принадлежатъ государю, и что жалѣть своей головы для службы мы не должны.

Киргизы низко поклонились генералу и рады были, что корпусный командиръ понялъ ихъ: они пойдутъ куда угодно за нимъ и никогда не будутъ жалѣть своихъ головъ ради службы и жизни акъ-падши [1]).

— Передайте еще,—продолжалъ Александръ Андреевичъ,—я такъ ихъ полюбилъ, что на будущій годъ привезу въ степь свою жену и дѣтей.

Надо было видѣть, какъ оживились эти постоянно сумрачные люди, какимъ удовольствіемъ освѣтились ихъ лица.—«Ай, якши!»—въ одинъ голосъ воскликнули они и низкими поклонами благодарили за довѣріе къ нимъ генералъ-губернатора. Они не только убѣдительно просили Катенина привезти къ нимъ въ степь его семью, но чтобы жена и дѣти ярымъ-падши [2]) побывали въ каждомъ ихъ аулѣ, въ каждой кибиткѣ.

Потомъ Александръ Андреевичъ раздавалъ имъ награды, которыя состояли въ бархатныхъ или шелковыхъ халатахъ, шашкахъ, кинжалахъ, серебряныхъ кубкахъ, чашахъ, табакеркахъ и рожкахъ. Отдавая награждаемому вещь, онъ каждому говорилъ что нибудь пріятное, относящееся къ его удальству, смѣтливости или неутомимости. А нѣкото-

---

[1]) Бѣлаго царя

[2]) Ярымъ-падша,—такъ киргизы называютъ генералъ-губернатора.

рыхъ тутъ же отъ имени государя поздравилъ слѣдующими заурядъчинами и пожаловалъ медалями.

Прощаясь же съ ними, Катенинъ въ заключеніе сказалъ имъ чрезъ переводчика: «Я еще разъ благодарю ихъ и, въ знакъ особеннаго моего расположенія, протягиваю имъ руки».

Тутъ радости киргизовъ не было конца.

— Такого милостиваго ярымъ-падши мы не увидимъ больше,—говорили они.

Сообщая объ этомъ интересномъ и до того небываломъ событіи въ «Оренбург. губерн. вѣдомостяхъ» [1]), орскій корреспондентъ говоритъ въ заключеніе: «Смотря на такое прощаніе Катенина съ киргизскимъ конвоемъ, мы невольно подумали, какъ быстро и благотворно понесутся по степи ласковыя слова Александра Андреевича и какъ двѣ руки его, такъ обаятельно протянутыя этимъ полудикимъ степнякамъ, безъ шума и незамѣтно сдѣлаютъ для цивилизаціи киргизской степи то, къ чему стремились сотни ружей и тысячи казачьихъ пикъ».

И дѣйствительно, послѣ этого наступило полнѣйшее спокойствіе въ степи. Кутебаровъ и ему подобные уже не волновали киргизовъ. Вслѣдствіе чего, въ томъ же 1858 году въ киргизской степи были отмѣнены переѣзды съ конвоемъ и устроено обыкновенное почтовое сообщеніе.

III.

Задавшись цѣлію, подобно своему предмѣстнику, быть полезнымъ Оренбургскому краю, чтобы, «оправдавъ высокое довѣріе государя императора, заслужить милостивое одобреніе» [2]), Катенинъ также оставилъ по себѣ неувядаемую память своими заботами и трудами. Важнѣйшими и полезнѣйшими его мѣропріятіями было учрежденіе пароходства по р. Бѣлой, распространеніе грамотности путемъ повсемѣстнаго основанія школъ особенно въ казачьихъ станицахъ Уральскаго войска, забота о поднятіи «воинскаго» духа Оренбургскихъ и Уральскихъ казаковъ и увеличеніе жалованья ихъ офицерамъ.

Съ самаго начала своего пріѣзда въ Оренбургъ, Александръ Андреевичъ обратилъ вниманіе на богатство края, добывающая и обработывающая промышленность коего еще слабо развивалась благодаря лишь

---

[1]) 1858 года № 40. Надо замѣтить, что „Оренб. губерн. вѣд." въ то время издавались въ г. Уфѣ, гдѣ былъ центръ гражданскаго управленія Оренбургской губерніи.

[2]) Приказъ по Оренбургскому корпусу, отъ 16-го іюня 1857 г., № 178.

тому, что не было удобныхъ путей для сбыта. Особенно много терпѣла отъ этого восточная половина Оренбургской губерніи, состоящая изъ хлѣбородныхъ уѣздовъ Челябинскаго, Троицкаго и Верхнеуральскаго, обильныхъ лѣсами и рудными богатствами, ибо путь сообщенія съ ней пересѣкался Уральскимъ хребтомъ, трудно проходимымъ не только зимой, но и лѣтомъ, даже на такъ называемомъ коммерческомъ трактѣ, почти недоступномъ по естественнымъ препятствіямъ.

Желая еще болѣе развить въ краѣ торговлю и промышленность, новый генералъ-губернаторъ, съ цѣлію удобными сообщеніями соединить прилинейные уѣзды и земли Оренбургскаго и Башкирскаго казачьихъ войскъ съ пристанями рр. Камы и Волги, назначилъ спеціальную коммиссію для инструментальной съемки и изслѣдованія горной площади, опоясанной р. Бѣлой и ея притоками.

Тщательно произведенными изысканіями кратчайшимъ и менѣе гористымъ путемъ для зимнихъ сообщеній было признано направленіе отъ г. Верхнеуральска къ устьямъ рѣкъ Инзера (Инзерскій трактъ) и Сима; на лѣтнее же время принято было коммиссіей за лучшее учредить плаваніе по р. Бѣлой тамъ, гдѣ до того времени производился только весенній сплавъ барокъ съ желѣзомъ и мѣдью, отправляемыхъ изъ частныхъ заводовъ.

Для болѣе точнаго удостовѣренія въ возможности этого предпріятія, Катенинымъ было приказано коммиссіи въ апрѣлѣ и маѣ прослѣдить сплавъ каравановъ отъ верховьевъ р. Бѣлой до устьевъ р. Камы и результаты этихъ изслѣдованій, если они будутъ удовлетворительны, сдѣлать извѣстными въ попутныхъ городахъ и въ Казани, дабы тѣмъ привлечь на Бѣлую пароходы.

Изысканія получились благопріятныя, и слухи объ удобствахъ плаванія по главной водной артеріи Оренбургскаго края скоро привлекли сюда предпринимателей. Первымъ явился углицкій купецъ Журавлевъ, который въ августѣ того же 1858 года послалъ изъ села Набережныхъ Челновъ до г. Уфы свой пароходъ. Когда же, послѣ тщательнаго промѣра русла Бѣлой, съ собранными свѣдѣніями въ Нижній-Новгородъ посланъ былъ Катенинымъ офицеръ для предложенія пароходнымъ обществамъ открыть пароходство по этой рѣкѣ,—компанія «Самолетъ» откликнулась на это приглашеніе и отправила, въ видѣ опыта, подъ наблюденіемъ директора общества, отставнаго контръ-адмирала Мофета, первый легкій пассажирскій пароходъ, который въ сентябрѣ безпрепятственно сдѣлалъ рейсъ отъ Казани до выхода р. Бѣлой изъ горъ, проплывъ протяженіе отъ устья ея вверхъ 736 верстъ въ 106 часовъ, а обратно по теченію, дѣлая по 19 верстъ въ часъ [1]).

---

[1]) „Оренб. губерн. вѣдом." 1858 г. № 41.

Появленіе этого быстраго пособника сообщенія было встрѣчено жителями «съ энергическою благодарностію» начальнику края. Народъ толпами выбѣгалъ посмотрѣть на это новое чудо. Въ прибрежныхъ городахъ Бирскѣ и Стерлитамакѣ пароходу былъ сдѣланъ торжественный пріемъ; особенно радушно встрѣтило вѣстника цивилизаціи общество дворянъ Стерлитамакскаго уѣзда. Радость помѣщиковъ, жившихъ добывающими продуктами, была полная, такъ какъ теперь являлся удобный и легчайшій путь для сбыта ихъ произведеній. Даже туземцы-башкиры, смотрѣвшіе ходъ парохода въ передній путь со страхомъ и удивленіемъ при обратномъ слѣдованіи его, выражали свой восторгъ и многіе изъ нихъ увѣряли, что не будутъ больше лѣниться, а серьезнѣе займутся хозяйствомъ. Энтузіазмъ номадовъ, не менѣе теплаго чувства образованныхъ жителей, произвелъ на контръ-адмирала Мофета пріятное впечатлѣніе. Спутниковъ его восхищала грандіозность скалъ нагорнаго берега и красота луговой стороны, обильныхъ всевозможными богатствами. Первый опытъ удался какъ нельзя лучше, и съ этихъ поръ началось по Бѣлой легкое пароходное сообщеніе.

IV.

Жаль очень, что многіе благіе замыслы Александра Андреевича для благоустройства края не могли осуществиться. Слишкомъ ужъ было кратковременно его пребываніе здѣсь. Только три года онъ потрудился на пользу разнородныхъ племенъ Пріуралья и Заволожья, и смерть неумолимо скосила его во цвѣтѣ лѣтъ, полнаго жизни и энергіи. 24-го іюня 1860 года любимаго генералъ-губернатора не стало.

Онъ только что возвратился изъ поѣздки своей по землѣ Уральскаго войска, гдѣ попутно въ станицахъ и форпостахъ осматривалъ линейныя команды и казачьи школы, а въ самомъ Уральскѣ дѣлалъ смотры войскамъ и производилъ экзамены во всѣхъ мужскихъ и женскихъ училищахъ.

Вечеромъ, въ первый день пріѣзда его въ этотъ городъ (10-го іюня) спеціально для него была устроена факельная процессія съ серенадой, для которой уральскимъ капельмейстеромъ Адольфомъ Кетлицомъ была сочинена въ честь Александра Андреевича кантата. Въ серенадѣ этой участвовалъ также и только что сформированный подъ управленіемъ капельмейстера Боде хоръ трубачей Уральскаго городоваго полка, который, несмотря на кратковременность своего обученія, очень хорошо исполнилъ маршъ Преображенскаго полка, въ которомъ Александръ Андреевичъ долго служилъ и коимъ нѣкоторое время командовалъ.

13-го іюня, Катенинъ выѣхалъ изъ Уральска въ Гурьевъ городокъ, гдѣ, между прочимъ, осматривалъ лишь весною этого года отстроенную, для охраненія уральскихъ водъ (въ морѣ) отъ астраханскихъ рыбопромышленниковъ, флотилію, состоявшую изъ 3-хъ шкунъ, 2-хъ соймовокъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ.

Матросами на этихъ судахъ были казаки гурьевской линейной команды, которые въ 2—3 мѣсяца такъ изучили необходимую на судахъ службу, что изумляли Катенина своей ловкостью; взбѣгая по реямъ, они быстро убирали паруса, несмотря на то, что въ это время дулъ сильный вѣтеръ. Александръ Андреевичъ остался доволенъ и порядками на судахъ и красивой формой матросовъ, одѣтыхъ въ бѣлые фуражки, синіе шаровары и такія же блузы, обшитыя по воротнику и рукавамъ (подъ цвѣтъ оторочекъ уральскихъ мундировъ) малиновыми кантами.

Прощаясь съ казаками, начальникъ края благодарилъ ихъ за сочувствіе къ преобразованіямъ и за улучшенія въ войскѣ. «Полные надеждъ на будущую пользу, которую могъ бы принесть благонамѣренный начальникъ, познакомившійся съ пользами и потребностями края», уральцы до Оренбурга провожали Катенина [1]). Но, увы, надеждамъ ихъ не суждено было сбыться. По пріѣздѣ въ Оренбургъ, Александръ Андреевичъ внезапно занемогъ и скоропостижно скончался отъ аневризма [2]).

Когда грустная вѣсть эта разнеслась по краю, народъ не хотѣлъ вѣрить ей, такъ неожиданна была кончина любимаго командира,—и горько оплакивалъ невозвратимую и тяжелую утрату.

27-го іюня происходило въ Оренбургѣ погребеніе усопшаго. О ходѣ похоронной процессіи и о послѣднихъ почестяхъ, отданныхъ покойному войсками и служащими чинами, кажется, излишне говорить здѣсь, такъ какъ порядокъ этихъ церемоній всѣмъ извѣстенъ. Но нельзя умолчать, для полной характеристики почившаго начальника края, о сердечной скорби и истинной печали войскъ и всѣхъ оренбургскихъ жителей, вполнѣ выразившихся при похоронномъ обрядѣ. Объ этомъ, на основаніи частныхъ и оффиціальныхъ свѣдѣній, мѣстный лѣтописецъ вотъ какъ заноситъ на страницы «Оренб. губ. вѣдомостей» (1860, № 28).

«Смерть оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Катенина сильною печалію поразила народъ. 24-го іюня, въ 7 часовъ утра, генералъ скончался, а въ 11 часовъ почти весь городъ толпился у его дома [3]). Плачъ и рыданія продолжались въ народѣ и особенно между солдатами, казаками, башкирцами и даже киргизами до самаго дня похоронъ. 26-го іюня, въ 2 часа пополудни назначенъ былъ

---

[1]) „Оренб. губ. вѣд.." 1860, № 33.

[2]) Памятная книжка Оренб. губ. на 1895 г., отд. II, стр. 34.

[3]) Домъ генералъ-губернатора, построенный на берегу Урала Перовскимъ.

выносъ тѣла покойнаго генерала изъ дома его въ Преображенскій соборъ. Народъ требовалъ настоятельно дозволить ему нести гробъ и этимъ желалъ отдать послѣдній долгъ почившему; но когда былъ убѣжденъ полиціею въ невозможности тѣмъ, что это право предоставляется близкимъ роднымъ и старшимъ чинамъ, служившимъ при покойномъ генералѣ,—тогда, по желанію обывателей, устлана была улица отъ дома покойнаго до собора, на протяженіи 200 саженъ, новыми, взятыми изъ магазиновъ, коврами, по которымъ и былъ несенъ гробъ въ церковь. При погребеніи покойнаго генерала, бывшемъ 27-го іюня, въ 11 часовъ утра, присутствовалъ весь Оренбургъ. Народъ не дозволилъ везти печальную колесницу лошадьми, отпрегъ ихъ и везъ ее на себѣ до самой могилы. Картежъ прошелъ по главной Николаевской улицѣ до церкви свв. апостоловъ Петра и Павла и вступилъ въ ограду церкви, гдѣ покойному были отданы послѣднія почести» [1]). Тѣло до гроба провожалъ соборне первый епископъ оренбургскій и уральскій Антоній 2-й [2]).

Во всѣхъ церквахъ Оренбургскаго края, по полученіи извѣстія о смерти генералъ-губернатора, были отслужены панихиды. Объ упокоеніи души почившаго начальника края въ городѣ Уфѣ, 2-го іюля, въ каѳедральномъ соборѣ, въ сослуженіи съ синклитомъ всего уфимскаго (городскаго) духовенства, панихиду совершалъ самъ преосвященный Порфирій, епископъ уфимскій и мензелинскій.

Память объ Александрѣ Андреевичѣ Катенинѣ въ Оренбургскомъ краѣ долго не угаснетъ, особенно въ сердцахъ уральскихъ казаковъ, которые многимъ обязаны ему и которые отъ офицера до послѣдняго казака и до сей поры съ благодарностью вспоминаютъ о немъ.

Можетъ быть въ управленіи краемъ Александра Андреевича найдутся какія-либо недостатки, но популярность его въ народѣ останется безупречна.

П. Юдинъ.

---

[1]) Тѣло Александра Андреевича потомъ, кажется, его братомъ Павломъ Андреевичемъ было перевезено въ родовое имѣніе.

[2]) Здѣсь необходимо замѣтить, что епископъ Антоній 2-й, до того ректоръ ярославской семинаріи, сначала (въ іюлѣ 1858 г.) былъ назначенъ управлять оренбургско-уфимскою епархіею; но когда высочайшимъ повелѣніемъ 21-го марта 1859 г. Оренбургскій край былъ раздѣленъ на двѣ епархіи—одна подъ именемъ уфимской и мензелинской, а другая—оренбургско-уральской, преосвященный Антоній, по указу святѣйшаго синода 3-го апрѣля 1859 г. № 2382, былъ перемѣщенъ на каѳедру въ Оренбургъ, а на мѣсто его въ Уфу былъ назначенъ преосвященный Порфирій, бывшій до того епископъ дмитровскій, викарій московской митрополіи.

Орловскіе разбойники въ 1765 году.

Въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Орловской провинціи и по ея границамъ свирѣпствовали цѣлыя хорошо организованныя шайки разбойниковъ, уничтоженіе которыхъ потребовало со стороны правительства особыхъ энергическихъ мѣръ. Въ ночь на 20-ое мая 1765 года нѣсколько десятковъ человѣкъ, подъ начальствомъ атамана «Свистуна», явились въ село Будоговищи, вотчину подпоручика Василія Юшкова. Они разграбили помѣщичій домъ, перевязали всѣхъ спавшихъ въ немъ, отобрали всѣ цѣнныя вещи и стали искать денегъ. Для этой цѣли начали пытать помѣщика, его домашнихъ и крестьянина Зайцева. Подкладывали подъ обнаженныхъ горячіе уголья, жгли раскаленнымъ желѣзомъ, рѣзали ножами. Пытки были до такой степени жестоки, что двое изъ страдальцевъ—помѣщикъ Юшковъ и крестьянинъ—Зайцевъ умерли въ страшныхъ мученіяхъ. Разбойники тутъ же подѣлили награбленное имущество и отправились въ болховскіе лѣса.

Когда извѣстіе о разбоѣ дошло до свѣдѣнія Бѣлевской воеводской канцеляріи, тотчасъ же была вытребована часть Воронежскаго гренадерскаго полка, для поимки разбойниковъ. Гренадеры, подъ командою подпоручика Крылова, долго отыскивали ихъ; наконецъ настигли и атаковали. Атакованные храбро защищались, нѣсколькихъ гренадеровъ тяжело ранили, а одного убили. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, было схвачено 7 разбойниковъ, остальные разбѣжались. На пути гренадеры захватили семейство разбойника, бывшаго церковника Кесарицкаго, мать его Ѳедосью, отца и брата, разстриженныхъ дьякона Герасима и попа Ѳедора. Изъ захваченныхъ двое—Матвѣй и Семенъ Сонниковы уже нѣсколько разъ судились за разбои и были ссылаемы въ Сибирь. У перваго были вырѣзаны ноздри, у втораго на лбу и щекахъ были отпечатаны соотвѣтствующія литеры. Попъ Ѳедоръ за разбой былъ разстриженъ и посланъ въ Москву изъ сыскной команды, но на дорогѣ бѣжалъ. Разбойники сознались въ огра-

бленіи помѣстья и въ убійствѣ подпоручика Юшкова и крестьянина Зайцева и разсказали, что въ Лихвинскомъ уѣздѣ и на берегахъ Оки ограбили многихъ купцовъ. Въ имѣніе Юшкова они заѣхали по дорогѣ, такъ какъ спѣшили къ Михутиной заставѣ, чтобы тамъ подстеречь обозы, идущіе въ Курскъ на Коренную ярмарку и грабить цѣнные товары.

Между тѣмъ Сенатъ, получивши увѣдомленіе о страшныхъ разбояхъ въ Орловской губерніи и ежедневномъ ограбленіи купцовъ, постановилъ: «наикрѣпчайше подтвердить въ губерніи, провинціальныя и воеводскія канцеляріи о точнѣйшемъ исполненіи распоряженій относительно искорененія воровъ и разбойниковъ съ тѣмъ, чтобы посылающимся въ каторжную работу на вѣки вырѣзывать ноздри до кости и ставить на лбу и щекахъ литеры, чтобы они сразу были замѣтны, а не такимъ образомъ, какъ нынѣ у пойманныхъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ разбойниковъ, на которыхъ вырѣзаніе ноздрей почти не замѣтно, а литеръ и вовсе не видно».

Сообщилъ **Николай Танковъ.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году.

Майковъ, Л. Н. Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту.—Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Наукъ. 1896, т. I, кн. 3-я.

Кобеко, Д. Ѳ. О суздальскомъ иконописаніи. Извѣстія Отд. рус. яз. и словесн. Имп. Ак., Наукъ. 1896, т. I, кн. 3-я.

Сырку, П. А. Изъ исторіи сношеній русскихъ съ румынами. — Извѣстія Отд. рус. яз. и словес. Имп. Ак. Наукъ. 1896, т. I, кн. 3-я.

Зиссерманъ, А. Л. Генералъ-лейтенантъ І. А. Реутъ.—„Русск. Архивъ", 1896, № 10.

Баронесса **Фредериксъ**, М. П. По поводу разсказовъ А. В. Эвальда.—„Русскій Архивъ". 1896, № 10.

О—въ, А. Н. Объ Успенскомъ соборѣ Сергіевой Лавры.—„Русскій Архивъ". 1896, № 10.

Попандопуло, Б. К. По поводу воспоминаній Смоленскаго дворянина (о профессорахъ Московскаго университета).—„Русскій Архивъ", 1896, № 10.

Военскій, К. А. Забытое благодѣяніе (о памятникѣ Петру Великому въ Саратовѣ по модели П. Н. Тургенева).—„Русскій Архивъ". 1896, № 10.

Дроздовъ, И. И. Записки кавказца.—„Русскій Архивъ". 1896, № 10.

Яцимирскій, А. И. Достопамятная церковь въ Ясахъ.—„Рус. Архивъ". 1896, № 10.

Письмо В. А. Жуковскаго къ князю П. А. Вяземскому изъ Москвы въ Варшаву. — „Русскій Архивъ". 1896, № 10.

Поццо-ди-Борго про императора Александра Павловича. Письмо къ К. Я. Булгакову (1814). — „Русскій Архивъ". 1896, № 10.

Изъ дневныхъ записокъ Владиміра Алексѣевича **Муханова**.—„Русскій Архивъ". 1896, № 10.

Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій. Некрологъ.—„Историч. Вѣстн.". 1896, № 10.

Записки бригадира Іосифа Конця. Переведъ и сообщилъ Г. А. Воробьевъ. „Историч. Вѣстн.". 1896, № 10.

Фирсовъ, А. И. Въ обители преподобнаго Макарія.—„Историч. Вѣстн.". 1896, № 10.

Воспоминанія В. С. **Мышецкаго**. — „Историч. Вѣстн.". 1896, № 10.

Воспоминанія Е. П. **Шумиловой-Мочаловой**. — „Историч. Вѣстн.", 1896, № 10.

Записки Рафаила Михаловича Зотова (прод.) — „Историч. Вѣстн.", 1896, № 10.

Любецкій Архивъ. (продолж.). — „Кіевская Старина", 1896, октябрь. Приложеніе.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. — „Кіев. Старина". 1896, октябрь. Приложеніе.

Волынецъ. Новыя открытія въ области древневолынскаго бытописанія.—„Кіев. Старина", 1896, октябрь.

Частная переписка Ивана Романовича Мартоса (1817—1830).—„Кіевск. Старина", 1896, октябрь.

Крымскій, А. Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ. — „Кіевск. Старина", 1896, октябрь.

Бѣлящевскій, Н. Археологическій съѣздъ въ Ригѣ. — „Кіев. Старина". 1896, октябрь.

Антоновичъ, В. Нѣсколько данныхъ о землевладѣніи въ южной Украйнѣ въ XV столѣтіи.—„Кіев. Старина". 1896, октябрь.

Ивановскій, В. Русское государственное право.—Учен. Зап. Имп. Казан. Универс. Кн. 6 и 7.

Эйнгорнъ, В. О. Пребываніе въ Мо

Георгіевскій, В. Флорищева пустынь. Историко-археологич. описаніе.—Вязники. 1896.

25-лѣтіе Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ.—Кіевъ. 1896. Подъ ред. А. Стоповича.

Мердеръ И. и **Фирсовъ**, В. Русская лошадь въ древности и теперь.—Спб. 1896.

Извѣстія X-го Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ 1—15 авг. 1896 г. — Рига. 1896.

Свящ. **Чичаговъ**, Л. Краткое содержаніе лѣтописи Серафимо-Дивѣевскаго монастыря.—Москва. 1896.

Георгіевскій, В. Городъ Владиміръ на Клязьмѣ и его достопримѣчательности. Губ. гор. Владиміръ. 1896.

Краснослободскій Спасо-преображенскій общежительный мужской монастырь.—Москва. 1896.

Страданіе святыхъ мучениковъ Адріана и Наталіи.—Москва. 1896.

Поддьяковъ, Рафаилъ. Двадцатипятилѣтіе Подосиновскаго 2-хъ класснаго сельскаго училища М—ства Нар. Пр. въ Никольскомъ уѣз. Вологодской губ. В. Устюгъ. 1896.

Шафрановъ, В. С. 1-е десятилѣтіе жизни и дѣятельности перваго по времени въ Прибалтійской окраинѣ Русскаго Реальнаго Училища Императора Петра I въ Ригѣ.—Историческ. очеркъ. Рига. 1895.

Столѣтняя годовщина кончины Императрицы Екатерины II 1796—1896. „Спб. Вѣдом.“. 1896, № 306.

Чечулинъ, Н. Памяти Императрицы Екатерины II.—„Нов. Время“, 6 ноября 1896, № 7434.

С., М. Н. Екатерина II и политика объединенія.—„Нов. Время“, 6 нояб. 1896, № 7434.

Екатерина II, какъ журналистъ. — Приложеніе къ газ. „Нов. Время“, 2 ноября 1896, № 7430.

П., М. И. Сто лѣтъ назадъ. 5 и 6 ноября 1796 г.—„Нов. Время“. 6 ноября 1896, № 7434.

Екатерина II (Къ столѣтію ея кончины).—Приложеніе къ газ. „Новое Время“, 2 ноября 1896, № 7430.

Нерукотворенный памятникъ Екатеринѣ Великой.—„Правит. Вѣстн.“, 7 ноября 1896, № 244 и 9 ноября № 246.

Великой памяти императрицы Екатерины II. — „Правит. Вѣстн.“ 7-го ноября 1896. № 244 и 9 ноября № 246.

Памятники императрицы Екатеринѣ II.—«Правит. Вѣстн.». 1896, № 243.

Лугановскій, Б. Къ 100-лѣтней памяти писательницы Императрицы Екатерины II.—„Нов. Время“, 6 ноября 1896, № 7434.

П. Н. Каразинъ (Къ 25-лѣтію его художественно-литературной дѣятельности.) — Приложеніе къ газ. „Нов. Вр.“, 16 ноября 1896, № 7444.

П., М. И. Къ столѣтію Гатчины. — „Нов. Время“, 10 ноября 1896, № 7436.

Къ столѣтію города Павловска .— Приложеніе къ газ. „Новое Время“, 9 ноября 1896, № 7437.

П., М. И. Столѣтіе Л. Гв. Егерскаго полка.—„Нов. Время“, 1896. 8 ноября № 7436.

Коробовъ, А. Л. Гв. Егерскій полкъ (Къ столѣтію его сформированія).— Приложеніе къ газ. „Нов. Время“, 9 ноября 1896, № 7437.

Шмурло. Е. А. Г. Брикнеръ (некрологъ.—„Нов. Время“, 7 ноября, 1896, № 7435.

К. К. Ренненкампфъ. Некрологъ.— „Нов. Время“, 7 ноября 1896, № 7435.

Вороновъ, А. Ноябрьскіе юбилейные дни женскаго образованія въ Россіи. „Нов. Время“, 6 ноября 1896, № 7434.

Некрологъ. Екатерина Васильевна Галаганъ.—„Новое Время“, 5 ноября 1896, № 7433.

Некрологъ. Генералъ отъ инфантеріи Яковъ Кайхосровичъ Алхазовъ.— „Нов. Время“, 5 ноября 1896, № 7433.

Некрологъ. К. А. Бороздинъ. — „Нов. Время“, 2 ноября 1896, № 7430.

Некрологъ. Епископъ оренбургскій Николай.—„Нов. Время“, 31 окт. 1896, № 7428.

Предсѣдатель вятской губерн. зем. управы А. П. Батуевъ. Некрологъ.— „Нов. Время“, 31 окт. 1896, № 7428.

Некрологъ. Д-ръ мед. Дмитрій Порфирьевичъ Величковскій. — „Новое Время“, 30 окт. 1896, № 7427.

А. П. Боголюбовъ. Некрологъ. — „Нов. Время“. 28 окт. 1896, № 7425.

Яковлевъ, И. А. П. Боголюбовъ. — „Нов. Время“, 1896, № 7429.

К., В. С. По поводу смерти Боголюбова.—„Нов. Вр.“, 28 окт. 1896, № 7425.

Артистка Шевалье — агентъ Бонапарта въ Петербургѣ. — Приложеніе къ газ. „Нов. Время.“, 26 окт. 1896 № 7423.

Некрологъ. Врачъ В. О. Португаловъ. — „Нов. Время“, 22 окт. 1896, № 7419.

Памяти Н. А. Неклюдова. — „Нов. Время“, 21 окт. 1896, № 7418.

Ф. В. Адмиралъ В. С. Завойко. — Приложеніе къ газ. «Нов. Время» 19 окт. 1896, № 7416.

На родинѣ русскаго театра.—„Правит. Вѣстн.“, 1896. №№ 235, 236 и 237.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Издается съ 1889 г.—Изданія годъ VIII.

Пробный №. высылается за 7 коп. марку.

Подписной годъ начинается съ 1 ноября, № 1-й выйдетъ 7 ноября 1896 г.

Содержаніе: Фритіофъ Нансенъ и его путешествія (съ рис.). В. Семенова.—Русская колонія на Тихомъ океанѣ. Ром. Н. Соколова.—Въ странѣ полумѣсяца. Очерки Турціи Юрія Кази-Бека (съ рис.).—Алхимія. Д. Сеславина.—Фотографія души (съ рис.). Очеркъ В. Витнера.—Исторія одного русскаго эмигранта въ Америкѣ. Разсказъ Г. Сѣверцева.—Со всѣхъ концовъ свѣта.—Изъ области естествознанія.—Изъ области техники.—Хроника путешествій.

5 РУБ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки. Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи. 6 руб. за границу 8 рублей.

Журналъ **Природа и Люди** знакомитъ читателей, въ живомъ и занимательномъ изложеніи, съ чудесами природы и подвигами человѣческаго ума, въ различныхъ отрасляхъ науки и промышленности; сообщаетъ, въ общедоступной формѣ, точныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; раскрываетъ прошлое человѣчества и рисуетъ картины будущаго прогресса людей; наконецъ, служитъ общепонятнымъ истолкователемъ современной жизни.

Годовые подписчики въ теченіе 1897 года получатъ:

52 еженедѣльныхъ №№, каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 страницъ плотной печати) заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не исключая мелкихъ, и 8—12 художественныхъ рисунковъ.

12 ежемѣсячныхъ книгъ, изящно отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 160 до 200 страницъ убористой печати.

Какъ по содержанію, такъ и по иллюстраціямъ журналъ **Природа и Люди**—единственное изданіе въ русской печати, и цѣнность однихъ приложеній равняется подписной цѣнѣ на журналъ **Природа и Люди**, такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать безплатно столь цѣнное приложеніе, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА“

и въ наступающемъ году будетъ состоять изъ слѣдующихъ популярныхъ сочиненій:

1. **«На верблюдахъ».** Очерки карт. изъ жизни въ Средней Азіи. Н. Уралова. 2. **«Какъ узнать характеръ человѣка».** Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физіогномонія), по почерку (графологія), по рукамъ (хиромантія), по головѣ (краніологія) и т. д. Очерки Гр. Ф—та. 3 и 4. **«Натуралистъ на Ла-Платѣ».** У. Г. Хедсона. Съ рис. Перев. съ послѣдн. англійск. изд. 5. **«Наши родичи».** (Изъ воспомин. о славянск. земляхъ). Очерки и разсказы В. П. Желиховской. 6. **«Естественная исторія въ разсказахъ».** А. Мильса. 7. **«Общедоступная пиротехника».** Руководство къ приготовленію домашними средствами фейерверковъ. Д. Озеркова. Со мног. рис. 8. **«Современная Турція».** Очерки и разсказы о царствѣ османовъ. Ю. Кази-Бека. 9. **«Исторія электричества».** Д. Менро. Пер. съ англ. подъ ред. Ив. Святскаго. 10. **«Во льдахъ и снѣгахъ».** (Путешествіе на о-въ Колгуевъ). Перев. съ англійск. А. Филипова. 11. **«Исторія воздухоплаванія».** По Л. Фигье и др. источникамъ сост. Гр. Ф—тъ. 12. **«Въ дебряхъ Азіи».** Очерки экспедиціи ген.-м. Пѣвцова. Обработ. Н. Соколовъ.

Контора и редакція журнала Природа и Люди: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, соб. д.

Разсрочка допускается не иначе какъ: при подпискѣ 3 р. и къ 1 мая остальные. Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

За 1889—1890 и 1896 г. журналъ весь разошелся: за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. остались въ небольшомъ колич. экземпл., цѣна которыхъ въ брошюров. видѣ, со всѣми приложеніями 4 руб. за каждый годъ, а въ роскошн. переплетѣ 5 руб. Перес. за 10 фунт. по вѣсу и разстоянію.

Издатель П. Сойкинъ. Редакторъ С. Груздевъ.

3—2

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(34-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой:	На города съ пересылкой:	За границу съ пересылкой:
на 12 мѣсяцевъ 10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 18 р. — к.
„ 6 „ 5 „ 50 „	„ 6 „ 6 „ — „	„ 6 „ 9 „ — „
„ 3 „ 3 „ — „	„ 3 „ 3 „ 50 „	„ 3 „ 4 „ 80 „
„ 1 „ 1 „ — „	„ 1 „ 1 „ 20 „	„ 1 „ 1 „ 90 „

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣсяцъ—85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяцъ—1 руб. 2—2

ПОДПИСКА, НА 1897 Г., НА ИЛЛЮСТР. ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ:

НАБЛЮДАТЕЛЬ и ГАЗЕТУ ГЛАСНОСТЬ

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, перваго числа, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры (т. XVI).

Газета будетъ выходить съ 1 января ежедневно, по программѣ и въ форматѣ большихъ газетъ безъ предварительной цензуры, съ иллюстраціями.

Редакція газеты ГЛАСНОСТЬ—общая съ редакціей НАБЛЮДАТЕЛЯ. Это обстоятельство избавляетъ насъ отъ необходимости выяснять подробно направленіе газеты. Скажемъ только, что мы стоимъ за прогрессивное развитіе нашей государственной и общественной жизни, на національной почвѣ, въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и экономическаго благосостоянія.

Годовая цѣна газеты ГЛАСНОСТЬ: съ доставкой въ Петербургѣ 12 р., съ пересылк. иногороднымъ 14 р., съ перес. за гран.—22 р. За полгода: съ дост. 7 р., съ перес. 8 р., за гран. 12 р. За три мѣсяца: съ дост. 4 р. съ перес. 5 р., за гран. 7 р. За 1 мѣсяцъ: съ дост. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. за гран. 3 р.

Годовая цѣна НАБЛЮДАТЕЛЯ: съ доставкою въ Петербургѣ и пересылкою иногороднымъ 12 р., за границу 14 р. За полгода: 6 р. съ дост. и перес. въ Россіи, за гран. 7 р. За три мѣсяца: 3 р. съ перес. въ Россіи, за гран. 4 р. Гг. служащимъ разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка: 50 коп. съ годоваго экземп. При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.

Въ первомъ полугодіи НАБЛЮДАТЕЛЯ за 1897 г. будутъ напечатаны романы: «Смѣна поколѣній» А. Михайлова (А. К. Шеллера), «Отравленная совѣсть» А. В. Амфитеатрова и пр.

При совмѣстной подпискѣ на НАБЛЮДАТЕЛЬ и ГЛАСНОСТЬ, годовая цѣна: съ дост. 20 р., съ перес. и иногор. 22 р., за гран.—32 р. За полгода съ дост. 12 р. съ перес. 13 р., за гран. 17 р. За три мѣсяца: съ доставк. 7 р. съ перес. 8 р., за гран. 10 р. Книгопродавцамъ, за совмѣстную годовую подписку на журналъ и газету, уступка—1 р., за полугодовую—50 коп. Главная контора журнала и газеты: Спб. Пушкинская, № 8 (близъ Невскаго).

2—2 Редакторъ-издатель А. И. ПЯТКОВСКІЙ.

XIX годъ изданія

О ПОДПИСКѢ на 1897 г.

XIX годъ изданія

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ

Условія подписки съ перес. и доставк.:
На годъ..... 7 руб.
На 6 мѣс..... 4 »
За границу..... 10 »
Разсрочка по соглашенію съ конторою.

ШУТЪ

Условія подписки безъ перес. и доставк.:
На годъ... 6 р. 50 к.
На 6 мѣс.. 3 » 50 »
Адресъ редакціи: С.-ПЕТЕРБУРГЪ СПАССКАЯ, 17.

Въ теченіе года журналъ „ШУТЪ“ помѣщаетъ:

Болѣе **трехсотъ** раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографіи). Болѣе **тысячи** карикатуръ—перомъ и карандашомъ. Не менѣе **семисотъ** столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. **Тысячи** стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п. **Карикатуры**-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ. **Карикатуры** на худож. выставки, скачки, маскарады. гонки и т. п. **Портреты** выдающихся дѣятелей.

Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будутъ помѣщаться:

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕРОЕВЪ И ГЕРОИНЬ ДНЯ.

3—2 За редактора—издатель Р. ГОЛИКЕ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
на 1897 годъ

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: **I. Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ. **II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки. **III. Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому университету; обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч. **IV Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные. **Ученыя Записки** выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній. Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета. Редакторъ Ѳ. Мищенко.

3—2 *

1835 **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1897

на большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала **Живописное Обозрѣніе**, даетъ возможность въ 1897 г. сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что въ общемъ дастъ гг. подписчикамъ

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

I) ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ, СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3 листовъ большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. **52**

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:

1. 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю».—2. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—3. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—4. рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шеротью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—5. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—6. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—8. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ
ОТПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТН. КРАСКАМИ

по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій

II) ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

◆◆ ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ ◆◆

Въ составъ которыхъ входятъ: Новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія, научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.—въ Москвѣ **7** р. **75** к. На полгода (съ доставкою по Имперіи) **4** р.—На три мѣсяца **2** р. За границу: на годъ—**16** р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—«Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Доре» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкой) – **ОДИНЪ РУБЛЬ**
Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. Невскій проспектъ, д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно. 3—2

год изд. 85-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА год изд. 85-й.

1812 Большая ежедневная политическая и литературная газета 1897

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ПЕЧАТАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШОГО ФОРМАТА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ: 1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ. 2) **12** нумеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ». 3) стѣнной календарь разсылается какъ прибавленіе при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 году, получатъ:

третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—«ГРѢХИ ПРОШЛАГО»

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою): На годъ **8** р.—На полгода **4** р.—На три мѣсяца **2** р.—На одинъ мѣс. **1** р. Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ главною конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ

Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ **4** р. На полгода **2** р. На три мѣсяца **1** р.

Годовые подписчики газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА", въ 1897 году могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ

„БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ"

(200 картинъ съ поясните льнымъ текстомъ и въ изящной обертцѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) 1 руб. 50 к.

Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты Ихъ Императорск. Величествъ, «Аѳонъ», «Вурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—1 РУБЛЬ. Безъ доставки—75 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: СПБ., НЕВСКІЙ ПР., У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—2

Годъ изд. 3-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г. Годъ изд. 3-й.

дешевое ежемѣсячное литературное изданіе выходитъ въ форматѣ и объемѣ большихъ дорогихъ литературныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА

ВЪ СОСТАВЪ КНИЖЕКЪ ВХОДЯТЪ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ)

РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Книги «Домашней библіотеки» выходятъ ежемѣсячно аккуратно между первымъ и десятымъ числами, въ форматѣ большихъ журналовъ, какъ напримѣръ: «Вѣстникъ Европы», и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ (отъ 320—400 страницъ) убористой печати, что составитъ въ годъ болѣе 5.000 страницъ интереснаго чтенія, въ изящномъ изданіи. «Домашняя библіотека» даетъ обильный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ, не имѣющихъ возможности выписывать дорого стоющіе журналы Въ книгахъ «Домашней библіотеки» помѣщаются только новыя литературныя произведенія (русскихъ и иностранныхъ) писателей, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Въ каждой книгѣ обязательно помѣщаются одинъ или два законченныхъ романа, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи и смѣсь. Встрѣтивъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не остановимся и въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставить журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ изданій. Съ этою цѣлью мы пригласили къ участію въ нашемъ изданіи извѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутся печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала.

Для книгъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Вс. С. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Яконскій, І. Г. («Максимъ Бѣлинскій»). «Ясное утро». Большой романъ. — Случевскій, К. К. «Мой дядя», разсказъ.—Голицынъ, Д. П. князь («Муравлинъ») «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое», повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ, К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С, Большой разсказъ.—Тихановъ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ, И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева). «Любимица», повѣсть.—Величко В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть—Мережковскій. Д. С. «Святой городъ». повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангіева, Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ:—Лебедевъ. В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», больш. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», больш. романъ.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», романъ.—Чумина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Чорный призракъ», повѣсть.—Зариныъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калханъ», пов.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости», повѣсть.—Меньшиковъ, Н. «Игра судьбы», ром.—Уманецъ, Е. О. «За что?», повѣсть.—Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло», разсказъ.—Янукинъ-Захарьинъ, И. Н. «Соха» разсказъ. — Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка» разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая», разсказъ.—Майковъ, М, «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Иловайскій. П. І. «Дочь ростовщика», романъ.—Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственные калѣки», повѣсть.—Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳонасьевъ, И. И. «Поворное наслѣдство», романъ и проч.

Въ приложеніяхъ журнала „ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА“ будетъ, между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Подписная цѣна на «Домашнюю библіотеку» (съ доставкою по Имперіи). На годъ (за 12 книгъ) 4 р. На полгода (за 6 книгъ) 2 р. 50 к. Заграницу (на годъ) 8 р.

съ подпиской просятъ обращаться въ главную контору:

С.-Петербургъ, Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

За редактора *А. К. Шеллеръ* (*А. Михайловъ*). Издатель *С. Добродѣевъ*.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

Большой еженедѣльный художественно-литературный журналъ

1897 г. занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы. **29 годъ изданія.**

НИ ОДИНЪ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ НЕ МОЖЕТЪ

сравниться со „Всемірной Иллюстраціей“ ни по изяществу, ни по полнотѣ, ни по объему.

Въ будущемъ, 1897 году „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ останется вѣрна своему высокому призванію—быть строго художественнымъ изданіемъ и живымъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни всего міра—и будетъ издаваться по прежней программѣ, на прежнихъ основаніяхъ, въ томъ же направленіи и при прежнемъ стремленіи къ постоянному улучшенію въ всѣхъ отношеніяхъ, при участіи лучшихъ литературныхъ и художествен. силъ.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ обратитъ особенное вниманіе на иллюстрированныя описанія болѣе или менѣе выдающихся мѣстъ нашего отечества и постарается по возможности расширить этотъ отдѣлъ. Отъ времени до времени она будетъ давать страницы, посвященныя „Живописному Петербургу“, изъ которыхъ впослѣдствіи составится цѣлый альбомъ. Точно также она будетъ отводить больше мѣста воспроизведенію художественныхъ сокровищъ обѣихъ столицъ. Литературный отдѣлъ ея будетъ заключать въ себѣ, кромѣ пояснительнаго текста къ рисункамъ, картинамъ и портретамъ, романы, повѣсти, разсказы, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія наиболѣе выдающихся писателей русскихъ и иностранныхъ, статьи по этнографіи, исторіи, естествовѣдѣнію, археологіи, сельскому хозяйству, искусствамъ и проч., рядъ фельетоновъ, посвященныхъ обозрѣніямъ общественной жизни, науки и литературы какъ въ отечествѣ, такъ и за границей. Беллетристическія произведенія, даваемыя въ прибавленіяхъ къ нумерамъ журнала, попрежнему будутъ помѣщаться большей частью съ иллюстраціями. Какъ и прежде, отдѣлу «Спорта», богатому и разнообразному, будутъ отводиться отдѣльныя страницы въ журналѣ.

„НАТАНЪ-МУДРЕЦЪ“ драматическая поэма Готтольда-Эфраима Лессинга въ новомъ переводѣ В. С. Лихачова, извѣстнаго переводчика произведеній Мольера и Корнеля, переводы котораго были неоднократно премированы.

„ДЕКАМЕРОНЪ-БОККАЧІО“ избранныя новеллы въ переводѣ русскихъ писателей.

Обѣ книги съ великолѣпными иллюстраціями знаменитыхъ европейскихъ художниковъ.

„Натанъ-Мудрецъ“ представляетъ собою источникъ эстетическаго наслажденія, источникъ мудрости, изъ котораго могутъ черпать и люди преклоннаго возраста, и юноши, начинающіе жить осмысленной жизнью.

Избранныя новеллы изъ „Декамерона“ Боккачіо блещутъ свѣжимъ, совершенно своеобразнымъ юморомъ, брызжутъ веселостью, способной расшевелить самаго серьезнаго человѣка. Кромѣ того будутъ даны **ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ** разнообразнаго содержанія.

Такимъ образомъ „Всемірная Иллюстрація“ за 1897 г. будетъ драгоцѣннымъ и вполнѣ современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

15 Р. без дост. **Подписная цѣна журнала «Всемірная Иллюстрація» на 1897 г.: со всѣми приложеніями и преміей.** СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 17 РУБ. **18 Р.** съ перес.

При подпискѣ безъ доставки въ МОСКВѢ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ. Въ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Тамрова, Канатная, 13.

Цѣна роскошному изданію (на веленевой бумагѣ) безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р. Допускается разсрочка при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентября остальные 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Всемірной Иллюстраціи“: СПБ. Садовая, 22.

3—2

1897. **ГОДЪ СЕДЬМОЙ.** **1897.**

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Въ 1897 году „ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ своемъ обычномъ объемѣ. Въ составъ журнала войдутъ: Классическія произведенія.—Романы, повѣсти и разсказы.—Маленькая юмористика.—По вопросамъ общественнымъ и нравственнымъ.—Критическіе этюды.—Новое о знаменитыхъ писателяхъ.—Россія заграницей.—Научныя новости.—Историческіе очерки разсказы и анекдоты.—Изъ заграничной хроники.—Стихотворенія.—Мелочи.

Съ января 1897 года въ приложеніи будетъ печататься историко-литературная монографія

ГЕОРГА БРАНДЕСА
ВИЛЛІАМЪ ШЕКСПИРЪ.

Исторія его жизни и дѣятельности по его твореніямъ и на основаніи критическаго изслѣдованія наилучшихъ источниковъ Шекспирской литературы.

Въ трехъ частяхъ своего труда Георгъ Брандесъ прослѣживаетъ жизнь и творчество Шекспира въ условіяхъ ею времени изъ года въ годъ, отъ сочиненія къ сочиненію, и возсоздаетъ яркій образъ этого величайшаго изъ геніевъ всемірной литературы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ.

съ доставкою и пересылкою **4** Р. | безъ доставки и пересылки **3** Р. **50** К.

Подписка на 1897 продолжается по той же цѣнѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ Конторѣ Редакціи, ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ, Зеркальная линія, № 63, магазинъ ПАНТЕЛЕЕВА (противъ Пажескаго Корпуса); **въ Москвѣ—въ Конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,** Петровскія линіи, **а гг. иногородніе благоволятъ адресоваться въ Редакцію,** С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 16, собств.

Редакторъ Ѳ. И. Булгаковъ. Издатель Г. Ѳ. Пантелеевъ.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы" за 1891, 1892, 1894 и 1895 гг.

продается по **4** р. годъ съ пересылкою

до всѣхъ станцій желѣзныхъ дорогъ товаромъ малой скорости, а съ пересылкою по почтѣ за каждый годъ 2 рубля дороже.

ТАМЪ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА **144** ТОМА СОЧИНЕНІЙ СЛѢДУЮЩИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

Э. Зола, Бальзака, Флобера. Ж. Занда, Диккенса, Вальтеръ Скотта, Бретъ-Гарта, М. Твэна, Эдгара Поэ, Шпильгагена, Гофмана и Эбера.

ВСѢ 144 ТОМА будутъ изданы въ теченіе трехъ лѣтъ, по 48 том. въ годъ, т. е. по 4 тома ежемѣсячно, по 320 стр. въ каждомъ томѣ въ 8 д. листа, четкимъ шрифтомъ. Форматъ и шрифтъ—собранія сочиненій Гюи де Мопасана.

По 15 Ноября 1896 г. вышло 48 томовъ.

ЦѢНА ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКѢ:

за ВСѢ 144 тома безъ доставки **36 р.**, съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою въ другіе города **48 р.**

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ НА СЛѢДУЮЩИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ:

Подписчикамъ безъ доставки: при подпискѣ вносится 15 руб., къ 15 декабря 1896 г. 3 руб. а затѣмъ каждые 3 мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г. по 3 р.
Подписчикамъ съ доставкой и пересылкой: при подпискѣ вносится 20 руб., къ 15 декабря 1896 г. 4 р., а затѣмъ каждые три мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г., вносится по 4 р.

По этой цѣнѣ подписка принимается только на 5000 экземпляровъ а затѣмъ, ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПОВЫСИТСЯ, о чемъ будетъ объявлено своевременно.

ТАМЪ ЖЕ можно получить СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ:

ГЮИ ДЕ МОПАСАНА. 2-е изданіе. 12 томовъ. Цѣна **6** р. съ перес. **7р. 50к.**

АЛ. ДОДЭ. 12 томовъ Цѣна **6** р., съ пересылкой **7** р. **50** к.

В. ТЕККЕРЕЯ. 12 томовъ. Цѣна **6** р., съ пересылкой **7** р. **50** к.

ИЗЯЩНЫЕ КОЛЕНКОРОВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ:

Цѣна 6 переплетовъ на 12 томовъ А. Додэ. 1 р. 80 к., на 12 том. В. Теккерея 1 р. 80 к. и на 12 том. Гюи де Мопасана 1 р. 80 к. Перес. 6 перепл. за 3 ф., по разстояніямъ.

Адресоваться: въ редакцію «Вѣстника Иностранной Литературы», Спб., Вѣрейская, 16 или въ Контору, Гостинный дворъ, магазинъ П. Ѳ. Пантелеева, № 63.

3—2

XIII г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ XIII г. изд.

„ВОКРУГЪ СВѢТА"

на иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 еженедѣльн. иллюстрирован. №№, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

БЕЗПЛАТНО

12 ТОМОВЪ, иллюстр. знамен. художн., Эмилемъ Байярдомъ, Невилемъ, Ріу и друг., и содержащ. въ себѣ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Жюля Верна

Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большаго формата, и въ него войдутъ восемь слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній:

I. 80,000 верстъ подъ водою 2 т. II. Дѣти капитана Гранта 2 т. III. Таинственный островъ 3 т. IV. Воздушный корабль. V. Зеленый лучъ. VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней. VII. Вверхъ дномъ. VIII. Путешествіе къ центру земли.

Кромѣ того подписчики при доплатѣ одного рубля получатъ **2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,** состоящія изъ двухъ художествен. картинъ (олеографій).

Картины, размѣромъ каждая $20^1/_4$ вершковъ въ длину и $18^1/_2$ вершковъ въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи братьевъ Кауфманъ въ Берлинѣ.

Съ оригинала художника *Кондратенко*.

1. ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА

Съ видомъ Ялты.

2. Видъ Днѣпра у Кіева.

Оригиналы этихъ картинъ спеціально заказаны для преміи 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя:

НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюля Верна съ доставк. и перес. **4 Р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р.—За премію—при послѣднемъ взносѣ.

Адресъ редакціи: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Кромѣ того подписка принимается: во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержд. Т-мъ И. Д. СЫТИНА.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: 1) оригинальныя статьи; 2) документы, извѣстія и замѣтки; 3) критика и библіографія. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ: Проф. В. Б. Антоновича, А. А. Андріевскаго, Н. Ѳ. Бѣлящевскаго, проф. Д. И. Багалѣя, Н. П. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманина, Е. А. Кивлицкаго, Ѳ. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Лясковскаго, проф. Ѳ. Г. Мищенка, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, Ѳ. Д. Николайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, В. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Ѳ. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, Б. Н. Сторожева, Л. Д. Синицкаго, проф. Ѳ. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербины, В. Н. Ястребова и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка „Малороссійскій Словарь", который въ полномъ видѣ займетъ болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца, редакція „Кіевской Старины" разсчитываетъ въ теченіе 1897 г. выпустить въ свѣтъ 2-й томъ этого словаря, объемомъ до 25 печатныхъ листовъ. Этотъ томъ составитъ безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала „Кіевская Старина" въ 1897 году.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой.	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки.	8 » 50 »
За границу.	12 » — »

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Стирины" за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 р. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи.

(Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель К. М. ГАМАЛѢЙ. Редакторъ В. П. НАУМЕНКО.

3—2

Открыта подписка на 1897 годъ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: 1. Дѣйствія правительства. 2. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. 3. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 4. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». 5. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). 6. Мѣстная хроника. 7. Наука и искусство. 8. Театръ и музыка. 9. Отголоски (маленькій фельетонъ). 10. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 11. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 12. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта. 13. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. 14. Судебная хроника. 15. Критика и библіографія. 16. Смѣсь. 17. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. 18. Почтовый ящикъ. 19. Календарь. 20. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. 21. Сторонніе сообщенія. 22. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный край» будетъ печататься новымъ, болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 Г.

съ пересылкой иногороднимъ:

На 12 мѣс. 11 р., на 11 мѣс. 10 р. 50 к., на 10 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 9 р. 20 к., на 8 мѣс. 8 р. 50 к., на 7 мѣс. 7 р. 80 к., на 6 мѣс. 7 р., на 5 мѣс. 6 р., на 4 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 4 р., на 2 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к

съ доставкой въ Харьковѣ:

На 12 мѣс. 10 р., на 11 мѣс. 9 р. 50 к., на 10 мѣс. 9 р., на 9 мѣс. 8 р. 25 к., на 8 мѣс. 7 р. 50 к., на 7 мѣс. 6 р. 75 к., на 6 мѣс. 6 р., на 5 мѣс. 5 р. 25 к., на 4 мѣс. 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р. 40 к., на 2 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТРИ ИЗДАНІЯ 1897 Г.:

I.

НОВОСТИ ДНЯ

ИЗДАНІЯ ГОДЪ XV-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей

Подписная цѣна въ Москвѣ и на города: съ доставкою на годъ—8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р. 50 к., на три мѣсяца—3 р., на одинъ мѣсяцъ—1 руб.

II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выходятъ ежемѣсячными книжками и даютъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

Подписная цѣна на годъ 3 р. Вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ литературнымъ приложеніемъ «СЕМЬЯ» на годъ 4 рубля.

III.

Еженедѣльное иллюстрированное литературное изданіе

СЕМЬЯ

Выходитъ по слѣдующей программѣ, изящная литература (романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, драматическ. произведенія—оригинальныя и переводныя); научныя обозрѣнія, литературная, театральная, музыкальная и художественная критика; историческіе очерки и путешествія; біографіи; спортъ всѣхъ видовъ; изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, смѣсь; задачи, шарады, ребусы, игры, музыкальныя ноты; почтовый ящикъ; иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, виньетки и преміи.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНІЯ **12 РУБ.**

За эту сумму подписчикъ, слѣдовательно, получаетъ: 1) годовой экземпляръ газеты «Новости Дня»; 2) ежемѣсячный журналъ «Новости Иностраной Литературы»; 3) еженедѣльное иллюстрированное приложеніе «Семья».

«Новости Дня» и «Новости Иностранной Литературы» въ годъ—11 р. «Новости Дня» и «Семья»—10 р. Адресъ: Москва, «Новости Дня».

Въ главной конторѣ газеты «НОВОСТИ ДНЯ» продается **АЛЬБОМЪ**

КОРОНАЦІОННЫЯ ТОРЖЕСТВА

(Изданіе «НОВОСТЕЙ ДНЯ» и «СЕМЬИ»).

Альбомъ отпечатанъ на хорошей бумагѣ и заключенъ въ изящную обложку, украшенную акварельнымъ рисункомъ Л. О. Пастернака. Текстъ альбома заключаетъ въ себѣ историческую часть и подробное описаніе коронаціонныхъ торжествъ въ маѣ 1896 г. Въ альбомѣ помѣщено 90 рисунковъ и 100 портретовъ и группъ.

Цѣна альбому 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

3—2

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

VII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1. Дѣйствія правительства. 2. Телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. 3. Спеціальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя С.-Петербургской биржи. 4. Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. 5. Политическое обозрѣніе. 6. Иностранныя извѣстія. 7. Заграничная жизнь. 8. О чемъ пишутъ. 9. Злобы дня. 10. Общая хроника. 11. Летучіе листки. 12. Мѣстная хроника и изъ отдѣленій. 13. Арабески (Таганрогъ). 14 Пестрыя замѣтки (Новочеркаскъ). 15. Кубанскія письма (Екатеринодаръ). 16. Письма изъ Маріуполя. 17. Театръ и музыка. 18. Маленькій фельетонъ. 19. Изъ залы суда 20. Наука, искусство и литература. 21. Библіографія. 22. Корреспонденціи. 23. По Россіи. 24. Смѣсь. 25. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. 26. Торговыя извѣстія. Биржа. 27. Справочный отдѣлъ. 28. Объявленія и рекламы.

Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Съ доставкой и пересылкой городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: на годъ 9 р., на 11 м. 8 р. 50 к., на 10 м. 8 р., на 9 м. 7 р. 25 к., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 25 к., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 2 р. 75 к.; на 2 м. 2 р., на 1 м 1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на годъ 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 25 к., на 6 м. 4 р. 50 к., 5 м. 3 р. 75 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 25 к., на 2 м. 1 р. 50 к. на 1 м. 80 к.

За пересылку газеты заграницу взимается сверхъ подписной цѣны 60 коп. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа.

Подписка принимается въ Ростовѣ-на-Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Край»

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянскому пер., № 19; въ Новочеркасскѣ—у Н. В. Туркина, Комитетская улица; въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галладжіанца; въ Маріуполѣ—у П. Н. Фалькевича; въ Ейскѣ—у Ѳ. С. Куцева; въ Новороссійскѣ—у Э. А. Маринаки; въ Азовѣ—у В. В. Золотарева; въ Луганскѣ—у П. Е. Кочетова; въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у Б. М. Файвишевича, типографія; въ Пятигорскѣ—у А. М. Манулова, типографія; въ Грозномъ—у Е. П. Садовникова; въ Бахмутѣ—у И. Р. Грилихесъ; въ Армавирѣ—у Р. Ф. Уманцевой; на ст. Каменской—у В. И. Волокитина, типографія; на ст. Константиновской—обл. в. Д.—у М. И. Кучерова.

Редакторъ-издатель С. Х. АРУТЮНОВЪ.

3—2

Большая ежедневная, политико-общественная и литературная газета

XXIII-й годъ изданія въ Н-Новгородѣ.

ВОЛГАРЬ

и

Нижегородскій Биржевой Листокъ

Полныхъ 360 выпусковъ ежегодно.

Въ 1897-мъ году

газета «Волгарь» будетъ выходить въ свѣтъ въ томъ же объемѣ и по той же обширной программѣ, какъ въ 1896-мъ выставочномъ году.

«Волгарь» представляетъ собою одно изъ старыхъ періодическихъ изданій въ Поволжьи; кромѣ общихъ вопросовъ и событій русской жизни и текущихъ событій заграничныхъ, «Волгарь» отмѣчаетъ на своихъ столбцахъ еще событія изъ жизни Поволжья.

Въ 1897 г. организуется обширное полученіе изъ Петербурга важнѣйшихъ извѣстій, интересующихъ Поволжскій край, по телеграфу, отъ спеціальныхъ корреспондентовъ. Редакція надѣется такимъ образомъ установить быструю освѣдомленность поволжской публики о выдающихся событіяхъ даннаго момента.

Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, разсказы, очерки и стихотворенія, оригинальныя и переводныя.

Подписная цѣна на газету „ВОЛГАРЬ“ на 1897 годъ.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Иногороднимъ.....	8 р.	7-50	7 р.	6-50	6 р.	5-50	5 р.	4-50	4 р.	3-50	2-50	1-50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Нижнемъ Новгородѣ; въ Главной Конторѣ „Волгаря“.
» С.-Петербургѣ. у Л. и Э. Метцль, въ магазинѣ „Новаго Времени“ и др.
» Москвѣ: у Метцль, Шабертъ, Ремизова, Печковской, Сенъ-Мартенъ и Гиляровскаго
» городахъ Поволжья у комиссіонеровъ „Волгаря“.

☞ Новые подписчики на 1897 годъ, сдѣлавшіе подписку заблаговременно получатъ БЕЗПЛАТНО: 1) „Волгаря“ за ноябрь и декабрь мѣсяцы текущаго года.

3—2 Редакторъ-Издатель „Волгаря“. СЕРГѢЙ ЖУКОВЪ.

Открыта подписка на 1897 г. (IV г. изданія) на ежемѣсячный обще-научный журналъ.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1887 году „Научное Обозрѣніе“ будетъ выходить по расширенной программѣ, включающій отдѣлы наукъ физико-химическихъ, естественныхъ, антропологіи, географіи и этнографіи, исторіи литературы, соціологіи, статистики, археологіи и исторіи культуры, а также отдѣлы библіографіи, научной хроники, научныхъ новостей, изобрѣтеній и открытій, біографій научныхъ дѣятелей и статей, относящихся къ исторіи науки.

Въ 1897 году въ приложеніяхъ будутъ даны капитальныя научныя сочиненія, частью изъ новѣйшихъ, еще не переведенныхъ на русскій языкъ трудовъ, частью изъ имѣющихъ важное историческое значеніе.

Въ редакціи имѣются комплекты за 1895 г. (ц. 5 р. съ пер.) и за 1896 г. (ц. 6 р. съ пер.). Редакція высылаетъ также книги своего изданія (подписчики за пересылку не платятъ) въ томъ числѣ „Сочиненія Дарвина“ въ 4 томахъ, съ рисунками подлинника, ц. три рубля. (Т. I. Происх. видовъ, т. II. Происх. человѣка, т. III. Путешествіе на кор. Бигль и Автобіографія, т. IV. Выраженіе душевныхъ волненій, всего около 2000 стр.).

При редакціи принимается подписка на сочиненіе М. Филиппова, Философія дѣйствительности (Исторія и критика научно-философскихъ міровоззрѣній отъ древности до нашихъ дней). Большой томъ (800 стр. большого формата) съ табл. рис. Подписная цѣна съ перес. шесть рублей. Первая половина высылается немедленно. Изданіе это закончится въ 1897 году.

Подписная цѣна на „Научное Обозрѣніе“ 12 книгъ въ годъ:

На годъ. . . . . семь рублей (съ пер.).
За границу . . . . . десять рублей.
Полгода. . . . . четыре рубля.
Четверь года . . . . . два рубля.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Екатерининская, д. 6, кв. 8.

Ред.-изд. д-ръ философіи М. Филипповъ. 3—2

Открыта подписка на 1897 годъ на

ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между проч., напечатано: **Карьера Струкова.** Пов. А. Эртеля.—**О развитіи русскаго народнаго хозяйства.** Проф. А. Исаева.—**Трильби.** Ром. Ж.-до-Морье.—**Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго. Любовь и ревность у дѣтей.** Д-ра В. Якубовича.—**Въ дудкѣ.** Пов. Вас. Немировича-Данченко.—**О направленіяхъ современной эстетики.** Э. Радлова.—**Quo vadis.** Ром. Ген. Сенкевича.—**Воспоминанія о А. И. Герценѣ.** Н. Тучковой-Огаревой.—**Любовь.** Ром. О. Шапиръ.—**Наслѣдственность пола.** Е. Чижова.—**Въ капканѣ.** Пов. П. Воборыкина.—**Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго.** М. Чайковскаго.—**Двѣ новеллы:** a) **«Наука любви»** и b) **Любовь сильнѣе смерти».** Д. Мережковскаго.—**Новѣйшая испанская литература.** Проф. А. Шепелевича.—**Зеркала.** Пов. З. Гиппіусъ.—**Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена.** М. Венюкова—**Фридрихъ Ницше.** Оч. Л. А. Саломэ.—**Жилищная нужда рабочихъ классовъ.** Д. Герценштейна.—**Гоголь и А. О. Смирнова въ 1842—44 гг.** В. Шенрока.—**Новая французская школа въ музыкѣ и ново-германская музыка.** А. Коптяева.—**Александръ Дюма и Новыя теченія во французскомъ романѣ.** З. Венгеровой.—**Новая побѣда науки.** А. Гершуна.—**Богъ театра.** Разск. Я. Крюковскаго.—**Идея Иліады.** Н. Минскаго—**Таможенное разоруженіе.** В. Вирюковича.—**Исторія одного идейнаго преступленія.** Проф. И. Оршановскаго.—**Письма къ m-me Віардо и Г. Флоберу.** И. С. Тургенева.—**Искусство и дѣйствительность.** Изъ соч. Дж. Рескина.—**Реорганизація С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности.** Н. Арефьева.—**Къ звѣздамъ.** Раз. Ѳ. Сологуба.—**Москва и Римъ.** Проф. А. Брикнера.—**Польскій публицистъ-художникъ.** К. Льдова.—**Тургеневъ и Толстой.** Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго.—**Новая женщина и разводъ.** П. Тверского.—**Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина.** Проф. Ѳ. Ватюшкова.—**Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы.** В. Вирюковича.—**Плоскогорье.** Ром. Л. Гуревичъ.—**Нѣмецкій студентъ конца вѣка.** Проф. А. Трачевскаго.—**Атомизмъ и энергетизмъ.** Проф. А. Введенскаго.—**На конкурсѣ.** Раз. А. Стерна, и мн. друг.—**Стихи:** Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппіусъ, К. Льдова, К. Фофанова, К. Бальмонта, Ѳ. Сологуба, О. Чуминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

1) **Вопросы самообразованія** (статьи проф. И. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шимковича, проф. К. Поссе, проф. Л. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и друг.). 2) **Областной отдѣлъ.** 3) **Земскій отдѣлъ.** (Статьи: «Земское и городское самоуправленіе». М. Стивали, «Земскіе финансы». В. Вирюковича, «Взаимное земское страхованіе». П. Ск—скаго. «Земское и городское самоуправленіе». П. Кузнецова и др.). 4) **Провинціальная печать.** Л. Горева. 5) **Внутреннее обозрѣніе.** 6) **За предѣлами Европейской Россіи.** (Статьи: «Въ Сибири», «Кому просвѣщать Сибирь?», «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста въ Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ». М. П., «Прибалтійскій край». П. К., «Привислянскій край». М. П., «Финляндскія дѣла». П. Кузнецова). 7) **Корреспонденціи изъ-за границы.** 8) **Изъ жизни и литературы.** 9). **Критика.** 10) **Библіографія.** 11) **Литературныя замѣтки.** А. Волынскаго. (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская беллетристика», «Философскія теченія въ русской поэзіи», «Книга Куно-фишера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (безъ измѣненія объема и состава книжекъ). Разсрочка для иногородныхъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	Полгода.	Четверть.	1 мѣс.
Для иногородныхъ....	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р. — к.
» городск. (съ дост.).	11 » — »	5 » 50 »	2 » 75 »	— » 90 »
» заграничныхъ....	14 » — »	7 » — »	4 »	

Подписка принимается: въ главн. конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ отдѣл. конт. книжн. маг. К. Тихомирова. Кузнецкій мостъ; въ книжн. магаз. Карасникова, «Новаго Времени», Н. Печковской и др.

Редакторъ-издательница **Л. Я. Гуревичъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1897 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.			Съ казенными приб.	
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс. 1 мѣс.	на годъ	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р. — к.	9 р. — к.	4 р. 50 к. 1 р. 80 к.	18 р. — к.	10 р. — к.
Съ пересылкою иногородн. .	17 » — »	10 » — »	5 » 50 » 2 » — »	19 » — »	11 » — »
За границу....	26 » — »	14 » — »	8 » — » 3 » — »	28 » — »	16 » — »

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26

Редакторъ-издатель Э. Э. Ухтомскій.

3—1

Открыта подписка на 1897 годъ.

На ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОРОДѢ СЕВАСТОПОЛѢ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕСЯТЫЙ).

Газета, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губерніи.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій, въ дни послѣпраздничные, городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки:

На годъ 7 р. на 1/2 года 4 р. на 1/4 года 2 р. 50 к. на 1 мѣсяцъ 1 р.

Съ доставкою и пересылкою:

На годъ 8 р. на 1/2 года 5 р. на 1/4 года 3 р. на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. СЕВАСТОПОЛѢ—въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Спиро; въ гор. СИМФЕРОПОЛѢ - въ Отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро; въ ЯЛТѢ—въ магазинѣ г—на Синани; въ МЕЛИТОПОЛѢ—въ Отдѣленіи конторы въ «Центральномъ» аптекарск. магазинѣ О. Г. Гинцбурга; въ ВАХЧИСАРАѢ—у г—на Колтуна; въ БЕРДЯНСКѢ—въ книжномъ магазинѣ Г. А Эдигера и Комп.; въ ѲЕОДОСІИ—въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника», Полицейская улица, домъ Карабанова.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р, къ 1-му апрѣля—3 р, къ 1-му іюля—остальные 2 руб.

3—1

Объ изданіи въ 1897 году

ежедневной литературной и политической газеты

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

„Виленскій Вѣстникъ", какъ единственная ежедневная газета Сѣверо-Западнаго края имѣя въ виду постепенное развитіе самодѣятельности провинціи, ростъ духовныхъ ея потребностей, стремится, по мѣрѣ силъ, отвѣтить на запросы мѣстной жизни ея злобъ дня въ области бытовой и экономической.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своею задачею обще, русскіе интересы русское дѣло, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благосостоянію своего общаго отечества. Въ „Вилен. Вѣстн." читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны беллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агенства, печатаемыя раньше столичныхъ газетъ; сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I. ч. 2 учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по девяти губерніямъ Сѣверо и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ".

Подписка на 1897 годъ открыта.

Всѣмъ новымъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета въ теченіе декабря будетъ высылаться БЕЗПЛАТНО.

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ Вильнѣ:		Съ пересылкой въ другіе города.	
На годъ	6 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	3 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ	4 р. — к.
На 3 »	2 р. — к.	На 3 »	2 р. 50 к.
На 2 »	1 р. 20 к.	На 1 »	1 р. — к.
На 1 »	1 р. 70 к.	За границу на годъ — 12 рублей.	

Подписка принимается въ конторѣ и Вил. Вѣстн., на Большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Редакторъ-издатель. П. БЫВАЛЬКЕВИЧЪ.

3—1

Открыта подписка на 1897-й г.

11-й годъ изданія.

ДОНСКАЯ РѢЧЬ.

Ежедневная общественно-литературная и политическая газета.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Передовыя статьи по вопросамъ современной жизни Донской области и южныхъ губерній. 3) Распоряженія и статьи, касающіяся всѣхъ казачьихъ войскъ. 4) Мѣстная хроника. 5) Телеграммы и корреспонденціи изъ Донской области и сосѣднихъ съ нею губерній. 6) Былое и современное. Замѣтки и сообщенія по различнымъ отраслямъ современной и прошлой жизни юга Россіи. Стихотворенія, разсказы, очерки, сцены. 7) Отдѣлъ историческій. Акты, грамоты, мемуары, хроники. 8) По Россіи. Телеграммы и корреспонденціи. 9) За границей. Иностранныя новости. 10) Фельетонное обозрѣніе. 11) Юмористическіе очерки, разсказы, наброски, стихотворенія, шутки, мысли, эпиграммы. Смѣсь. Отвѣты редакціи. 12) Театръ и искусство. 13) Торговое обозрѣніе и биржа. 14) Справочныя свѣдѣнія. 15) Объявленія и рекламы.

Подписная цѣна:

На годъ съ пересылкой и доставкой—7 р., на $^1/_2$ года—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—1 р.

Въ 1897 году газета «Донская Рѣчь» будетъ выходить по вышеприведенной программѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, при чемъ три раза въ недѣлю—въ размѣрѣ обыкновеннаго листа, а въ остальные дни—въ размѣрѣ полулиста.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ разосланъ будетъ безплатно справочникъ «по Дону», иллюстрированное изданіе 1897 года, въ которое войдутъ краткія историко-статистическія и справочныя свѣдѣнія объ области войска Донскаго и ея городахъ, программы мѣстныхъ учебныхъ заведеній, условія пріема въ нихъ, торгово-промышленныя, желѣзнодорожныя, почтовыя и др. свѣдѣнія. Къ справочнику будетъ приложена карта области войска Донскаго.

Съ подпиской покорнѣйше просятъ обращаться: въ Новочеркасскъ, въ Редакцію газеты «Донская Рѣчь».

Редакторъ-издатель **Ив. П. Поповъ.**

3—1

Первый въ Россіи журналъ, иллюстрированный красками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

X-ый годъ изданія „СѢВЕРЪ“ X-ый годъ изданія

еженедѣльный, иллюстрированный, литературно-художественный журналъ.

въ 1897 г. подписчики получатъ:

52 №№ журнала на веленевой бумагѣ, изъ которыхъ съ ЦВѢТНЫМИ и ТОНОВЫМИ РИСУНКАМИ **12 №№**

Въ 1897 г. въ журналѣ будетъ данъ новый историческій романъ гр. **Е. А. Салиаса «ВТОРАЯ САЛТЫЧИХА»**.

12 №№ МОДНАГО ЖУРНАЛА **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** со множествомъ РИСУНКОВЪ.

12 №№ ВЫКРОЕКЪ, УЗОРОВЪ, РУКОДѢЛІЙ и МОНОГРАММЪ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТКАХЪ.

12 №№ ЕЖЕМѢСЯЧ. ЖУРНАЛА **„ХОЗЯЙСТВО и ДОМОВОДСТВО“.**

12 ТОМОВЪ **„БИБЛІОТЕКИ СѢВЕРА“,**

ВЪ КОТОРЫХЪ БУДЕТЪ ДАНО:

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ

ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА:

«ОГНЕМЪ и МЕЧЕМЪ» историч. ром. въ 4 ч.; 2) **«ПОТОПЪ»** историч. ром. въ 6 ч., 3) **«ПАНЪ ВОЛОДЫЕВСКІЙ»** историч. ром. въ 3 ч.

БЕЗПЛАТНО:

12 художественныхъ премій КАРТИНЪ ВЪ КРАСКАХЪ.

КРОМѢ ТОГО: подписавшіеся до 1-го января 1897 г. непосредственно въ Главной Конторѣ журнала «СѢВЕРЪ» и уплатившіе подписную сумму сполна, получатъ **БЕЗПЛАТНО** 1 изъ слѣдующихъ премій: 1) Картину (олеографія) худ. В. А. Сурикова **«ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ»**, или 2) **АЛЬБОМЪ** изъ 12 цвѣтныхъ гравюръ—иллюстрацій къ русскимъ сказкамъ и портретъ (хромолитографія) о. **ІОАННА СЕРГІЕВА КРОНШТАДТСКАГО.**

Подписная цѣна со всѣми приложеніями и преміями:

6 Р. безъ доставки въ С.-Петербургѣ.

Разрочка допускается 4 р. при подпискѣ, 3 р. къ 1-му іюня.

съ доставкою и пересылкою. За границу 11. **7 Р**

Адресъ Главной конторы жур. «Сѣверъ»: Спб. Екатерининск., 4

8—1

каждаго боя передавались изъ роты въ роту. Каждое дѣйствіе Ермолова сдѣлалось тактическимъ правиломъ. Скоро вся наша артиллерія, даже и гвардейская, знала ихъ во всей подробности, но въ особенности Ермоловъ былъ намъ полезенъ новыми своими правилами построенія батарей".

Въ восьмой главѣ говорится о шведской войнѣ 1808—1809 года, о переименованіи гвардейскаго артиллерійскаго батальона въ л.-гв. артиллерійскую бригаду, о назначеніи самимъ государемъ А. П. Ермолова командиромъ этой бригады и о перемѣнахъ, произведенныхъ Ермоловымъ въ личномъ составѣ бригады. Для оцѣнки значенія гвардейскаго артиллерійскаго батальона въ исторіи русской артиллеріи, авторъ разбираетъ военныя учрежденія артиллеріи съ 1807 по 1812 годъ.

Кампанія 12-го года до Бородинскаго боя составляетъ предметъ девятой главы, а вся остальная посвящена Бородинскому бою.

Одиннадцатая глава обнимаетъ собою періодъ времени съ 27-го августа 1812 по 1-е января 1813 года. Содержаніе ея въ краткихъ словахъ слѣдующее. Отступленіе войскъ чрезъ Москву, вступленіе въ Тарутинскій лагерь, сраженія подъ Малымъ-Ярославцемъ, подъ Вязьмой, Краснымъ; преслѣдованіе Наполеона легучимъ отрядомъ А. П. Ермолова, Березинская переправа и опасенія Ермолова; высочайшіе манифесты: о принесеніи Господу Богу благодаренія за освобожденіе Россіи отъ нашествія непріятелей, о построеніи храма во имя Спасителя и объ учрежденіи серебряной медали.

Въ главахъ двѣнадцатой по шестнадцатую описываются событія 1813 года, начиная съ перехода нашихъ войскъ чрезъ Эльбу: сраженія подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ, Кульмомъ и Лейпцигомъ. Отъ какъ доноситъ А. П. Ермоловъ, командовавшій 5-ю пѣхотными корпусомъ, графу Милорадовичу о дѣйствіи подъ Лейпцигомъ пѣшихъ ротъ гвардейской артиллерійской бригады: „Имѣя честь писать вамъ начальникъ л.-гв. артиллерійской бригады, въ сраженіи при Лейпцигѣ, особенно отличалъ я вниманіе на дѣйствіе оной и употребленіе. Нижайшее превосходство нашей артиллеріи надъ непріятельской ограничиваетъ меня въ похвалѣ насчетъ ея дѣйствія; но обязанностью нахожу себя представить вашему сіятельству о искусномъ расположеніи господъ батарейныхъ командировъ въ занятіи мѣстъ относительно до свойствія войскамъ и нерѣдко въ случаяхъ превосходнаго числа противудѣйствующихъ пушекъ. Повсюду господа ротные командиры и офицеры отличали себя знаніемъ ремесла своего. Не говоря о храбрости каждаго изъ нихъ,—она есть свойствомъ (sic) и каждаго обыкновенная. Особенному вниманію осмѣлюсь поручить полковника Ладыгина, штабсъ-капитановъ: Демидова и Базилевича. Награжденіе каждаго изъ офицеровъ есть справедливость, принадлежащая ихъ отличнымъ достоинствамъ".

Въ шестнадцатой главѣ, озаглавленной: Отъ Лейпцига до Арси, между прочимъ упоминается о недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ офицеровъ бригады съ полковникомъ Таубе, назначеннымъ командовать гвардейской артиллерійской бригадой; результатомъ этихъ недоразумѣній было то, что большинство офицеровъ подали просьбы о переводѣ въ другія части оружія. Ермоловъ успокоиваетъ раздраженіе офицеровъ. Ему дана была аудіенція. „Первымъ словомъ государя было, когда вошелъ Алексѣй Петровичъ:—Это просто бунтъ!—Нѣтъ, государь. Общее раздраженіе и огорченіе, клянусь честью и совѣстью моею.—Если такъ,—отвѣчалъ государь,—то я ихъ всѣхъ распущу, а бригаду наполню новыми. — Государь, — возразилъ Ермоловъ,— этихъ офицеровъ будетъ трудно замѣнить другими".

Въ семнадцатой главѣ описываются сраженія при Арси, Феръ-Шампенуазѣ и подъ Парижемъ, о содержаніи же слѣдующей главы можно судить по ея названію: Парижъ и окончаніе Отечественной войны. Изъ этой главы мы приводимъ описаніе благодарственнаго Господу Богу молебствія за наши побѣды и освобожденіе народовъ: „Солнце сіяло въ полномъ блескѣ и освѣщало своими лучами двухъ молящихся государей, войска ихъ и знамена, оружіе и весь окружающій ихъ народъ. Монархи и войска пришли издалека, съ дальняго сѣвера и востока,—они были чужды Парижу. И здѣсь, на площади, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ревѣла дикая толпа, окружая эшафотъ съ гильотиной и требуя казни своего короля,—здѣсь теперь чужое войско, чужіе монархи, въ чужой столицѣ, съ чужимъ народомъ, возносили молитвы Единому Богу! Зрѣлище по истинѣ было торжественное".

„Возвратившись изъ Парижа, бригада отдыхала не долго. Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и торжественная встрѣча, сдѣланная ему во Франціи, побудили императора Александра и его союзниковъ снова двинуть свои войска къ Парижу",—такъ начинаетъ авторъ девятнадцатую главу. Далѣе онъ говоритъ о сформированіи 1-й и 2-й гвардейскихъ артиллерійскихъ бригадъ, изъ трехъ ротъ каждая; въ концѣ этой главы напечатаны замѣчательныя письма великаго князя Михаила Павловича къ Е. О. Ховену, командиру 1-ой бригады.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе очень интересной книги г. Потоцкаго. Внѣшность изданія не оставляетъ желать лучшаго: напечатана эта книга на хорошей бумагѣ краснымъ, четкимъ шрифтомъ; исполненные фототипіей А. П. Вильборга портреты и рисунки (числомъ 35) воспроизведены прекрасно.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (*35 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (*24 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (*20 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (*1 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (*13 экз.*), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (*38 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (*38 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (*45 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., 12 книгъ (*206 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., 12 книгъ (*144 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (*25 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 — 1896 гг., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. ФЕВРАЛЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Междуцарствіе въ Россіи, съ 19-го ноября по 14 декабря 1825 г. Н. К. Шильдера..... 193—220
II. Письма и записки императрицы Екатерины II. 221—232
III. Воспоминанія о князѣ Варшавскомъ графѣ Паскевичѣ Эриванскомъ. (Отрывокъ изъ дневника Н. К. Меньхина). Сообщ. А. М. Заіончковскій..... 233—252
IV. Записки графа Л. Л. Бенигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г. Гл. VI—VII. Сообщ. П. М. Майковъ..... 253—272
V. Жуковскій и Дельвигъ въ изображеніи современника. Сообщ. А. Кирпичниковъ..... 273—279
VI. Мировой судъ въ Подоліи. (Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи). Гл. I—II. П. Н. Захарьина (Якушина). 281—314
VII. Изъ прошлаго россійскаго консульства въ Ясахъ. А. Гирса..... 315—325
VIII. Первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ. В. Авенаріуса. 327—332
IX. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. XVIII—XIX. Перев. В. В. Тимощукъ. 333—370
X. Александръ Григорьевичъ Трейницкій. (Одесскій періодъ его службы). А. О. Шидловскаго..... 373—388
XI. Замѣтка по поводу біографіи М. А. Бакунина. Сообщ. Кн. В. А. Кейкуатовъ..... 389—393
XII. Записная книжка „Русской Старины": Парольное приказаніе импер. Павла I. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ.—Къ характеристикѣ митрополита Григорія. Сообщ. М. М. Поповъ. (стр. 280).—Всеподданнѣйшій докладъ главноначальствующаго Мастерскою Оружейною палатою Петра Валуева отъ 14-го сентября 1809 г.—Рескриптъ Петру Степановичу Валуеву отъ 8-го октября 1809 г. (326).—Духовное завѣщаніе Анны Монсъ Сообщ. А. З. Мышлаевскій (371).—Письмо о поклонахъ архимандрита Амвросія московскому митрополиту, отъ 2-го дек. 1782 г. (394).
XIII. Библіогр. указат. книгъ и статей по русск. истор. вышедшихъ въ 1897 г..... 395—400
XIV Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ..... 33—64
XV. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Александра Григорьевича Трейницкаго Гравир К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, съ. 4 стран. обертки

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1897.

Библіографическій листокъ.

„Починъ". Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1896 годъ. Москва. 636+2. Цѣна 2 р. 50 к.

Во вторую книгу „Почина" (первая вышла въ 1895 г.) вошли статьи и произведенія, прочитанныя въ публичныхъ и закрытыхъ засѣданіяхъ общества любителей россійской словесности, а также труды почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ общества. Всѣхъ статей двадцать четыре. Составившійся такимъ образомъ матеріалъ оказался настолько обильнымъ, что редакція „Почина" должна была отказаться отъ мысли предложить также болѣе или менѣе полный библіографическій обзоръ выдающихся явленій литературы за 1895 годъ и ограничилась оцѣнкою лишь нѣсколькихъ сочиненій, относящихся къ области критики.

Къ числу статей научнаго и историческаго содержанія принадлежатъ: Изъ дополненій къ „Моимъ Воспоминаніямъ", Ѳ. И. Буслаева, „Общій взглядъ на древнюю русскую литературу", Н. С. Тихонравова; „Homunculus" этюдъ изъ алхиміи и изъ исторіи русской литературы, А. Н. Пыпина; „Герценъ въ Вяткѣ", Е. С. Некрасовой; «Изъ неизданной переписки В. Г. Бѣлинскаго—письма его невѣстѣ" съ предисловіемъ П. Н. Милюкова; „Памятники древне-христіанской легенды въ нашей словесности", М. Сперанскаго; „Поэзія и личность Жадовской", Н. И. Иванова; „Былина о Батыѣ" В. Ѳ. Миллера; „Поэзія и жизнь Щербины", Л. П. Бѣльскаго; „И. С. Тургеневъ въ кругу французскихъ литераторовъ", А. А. Андреевой и „Библіографическія замѣтки" В. А. Гольцева.

Къ чисто-литературнымъ произведеніямъ относятся: „Ночь"—переводъ изъ „Фауста" и „Мертвые корабли"—поэма К. Д. Бальмонта; „Два моряка", разсказъ К. М. Станюковича; „На могилѣ Шевченко", Н. Н. Златовратскаго; „Конь Калигулы"—стихотвореніе А. М. Жемчужникова; „Двѣ милости"—драматическій этюдъ въ стихахъ и „К. М. Фофанову" стихотвореніе Н. Л. Величко; „Переполохъ", разсказъ Ф. Д. Нефедова; „Донъ-Кихотъ московскаго захолустья", М. П. Садовскаго; „Старый закалъ" драма кн. А. И. Сумбатова; „Иванъ" опытъ краткой монографіи, Г. А. Мачтета; басни Р. Ѳ. Брандта и святочный разсказъ А. С.

Этотъ перечень заглавій произведеній и именъ ихъ авторовъ свидѣтельствуетъ о разнообразіи помѣщеннаго въ сборникѣ матеріала. Особенный научный интересъ представляютъ собою статьи гг. Тихонравова, Пыпина, Сперанскаго и Миллера. Статьи о Жадовской и Щербинѣ представляютъ вѣрную и правдивую оцѣнку ихъ литературнаго направленія и дѣятельность; статьи же о Герценѣ, Тургеневѣ и письма Бѣлинскаго своей невѣстѣ знакомятъ читателя съ душевнымъ настроеніемъ, желаніями и стремленіями этихъ писателей въ описываемыя эпохи. Въ особенности интересна статья г-жи Андреевой о Тургеневѣ.

объяснить причины необыкновенной при[illegible]занности И. С. Тургенева къ Віардо, обстоя[illegible]тельства, заставлявшія нашего знаменита[illegible] писателя большую часть своей жизни про[illegible]вести въ кругу ея семейства, а не въ Росс[illegible] и ту роль, которую онъ игралъ въ сред[illegible] французскихъ литераторовъ. Г-жа Андреев[illegible] совершенно справедливо утверждаетъ, [illegible] эта привязанность Тургенева вытекала гла[illegible]нымъ образомъ изъ свойствъ характера са[illegible]мого Тургенева. Какъ извѣстно, Иван[illegible] Сергѣевичъ и въ жизни, и въ своихъ про[illegible]веденіяхъ былъ поклонникъ чистаго искус[illegible]ства и красоты, а талантъ Віардо имен[illegible] отличался этими свойствами, и она про[illegible]водила имъ на всѣхъ окружавшихъ необы[illegible]новенно чарующее впечатлѣніе. Что касает[illegible] вліянія на произведеніе Тургенева нечт[illegible] постояннаго пребыванія его за границ[illegible] то оно, по мнѣнію г-жи Андреевой, поз[illegible]ляло ему судить о совершавшихся въ Рос[illegible]сіи выдающихся событіяхъ и явленіяхъ государственной и общественной жизни бо[illegible]лѣе безпристрастно и описывать ихъ болѣ[illegible] объективно, чѣмъ онъ сдѣлалъ бы это, жи[illegible] въ Россіи—въ самомъ водоворотѣ этихъ со[illegible]бытій и явленій. Что касается отношен[illegible] къ Тургеневу корифеевъ французской лите[illegible]ратуры: Жоржъ-Зандъ, братьевъ Гонкур[illegible] Флобера, Зола, Доде, Мопассана и нѣкото[illegible]рыхъ другихъ, съ которыми онъ былъ св[illegible]занъ близкимъ знакомствомъ, а съ нѣкото[illegible]рыми, какъ напримѣръ съ Флоберомъ, [illegible] тѣсными узами дружбы, то всѣ они, хотя [illegible] отдавали должную дань его таланту, но [illegible] таки не могли вполнѣ постичь и оцѣнит[illegible] его, и главную причину этого слѣдуе[illegible] искать въ совершенной противоположност[illegible] и въ отличительныхъ чертахъ характера сл[illegible]вянской и романской расы.

Письма В. Г. Бѣлинскаго къ невѣст[illegible] (впослѣдствіи женѣ его) проливаютъ [illegible] свѣтъ на душевное настроеніе знаменита[illegible] критика по переѣздѣ его изъ Москвы [illegible] Петербургъ и въ яркихъ краскахъ рисую[illegible] энергическую борьбу его съ установлен[illegible]мися свѣтскими обычаями, которые онъ [illegible]читалъ пошлыми предразсудками. Невѣст[illegible] Виссаріона Григорьевича настаивала [illegible] томъ, чтобы бракъ былъ совершенъ [illegible] Москвѣ, а Бѣлинскій, доказывая невозмо[illegible]ность для него отлучиться изъ Петербург[illegible] упрашивалъ свою невѣсту пріѣхать [illegible] этого въ Петербургъ. Дошло до того, [illegible] Бѣлинскій рѣшился отложить свадьбу [illegible] нѣсколько мѣсяцевъ, и только это обст[illegible]ятельство, должно быть, повліяло на его [illegible]вѣсту и заставило ее уступить ему.

Немаловажный интересъ представляю[illegible] статья А. Н. Пыпина „Homunculus". Въ [illegible] авторъ подробно знакомитъ читателя [illegible] увлеченіемъ нашего общества въ [illegible] прошлаго столѣтія и въ началѣ настоя[illegible] масонствомъ и съ тѣми крайностями, [illegible] которыхъ доходили послѣдователи такъ [illegible]ываемаго розенкрейцерства въ области [illegible]міи. Въ этомъ отношеніи обскурантизм[illegible] суевѣріе дошли до того, что додумались [illegible]

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библіографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1897 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

М. Л. Песковскаго.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

МЕЖДУЦАРСТВІЕ ВЪ РОССІИ,

съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 года [1]).

Съ 12-го (24-го) ноября 1825 года генералъ-адъютантъ Дибичъ началъ сообщать въ Варшаву свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи императора Александра; они заключались въ письмахъ на имя генерала Куруты, занимавшаго мѣсто начальника штаба у цесаревича. Первый фельдъегерь съ этимъ тревожнымъ извѣстіемъ прибылъ въ Варшаву 19-го ноября (1-го декабря) вечеромъ, какъ разъ въ самый день кончины императора Александра.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ письмѣ къ барону Дибичу не скрылъ овладѣвшаго имъ тогда тяжкаго предчувствія: «Несмотря на всѣ утѣшенія, высказанныя въ вашемъ письмѣ, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ,—пишетъ великій князь.—Говорю вамъ откровенно, что, повинуясь лишь внушенію своего сердца, я немедленно отправился бы къ вамъ. Но, къ сожалѣнію, мои обязанности и мое общественное положеніе заставляютъ подавить эти чувства» [2]).

Въ это время въ Варшавѣ находился великій князь Михаилъ Павловичъ; цесаревичъ скрылъ даже отъ него и отъ княгини Ловичъ тревожныя письма, получаемыя имъ изъ Таганрога.

«Не говорю вамъ о себѣ и о томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь, читаемъ мы въ письмѣ цесаревича къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ

---

[1]) См. въ № 1-мъ „Русской Старины“ 1897 года статью „Таганрогъ въ 1825 году“.

[2]) Военно-Ученый Архивъ отд. 1, № 596.

23-го ноября (5-го декабря),—ибо вамъ слишкомъ хорошо извѣстны моя преданность и мое искреннее расположеніе къ лучшему изъ братьевъ и монарховъ, чтобы сомнѣваться въ нихъ. Мое и безъ того тягостное положеніе ухудшается еще тѣмъ, что о болѣзни императора, кромѣ меня, знаютъ только мой старый другъ Курута и мой врачъ [1]); вѣсть объ этомъ еще не дошла сюда, такъ что въ обществѣ мнѣ приходится казаться спокойнымъ, хотя въ душѣ у меня далеко нѣтъ такого спокойствія. Моя жена и братъ ничего не подозрѣваютъ, такъ что мнѣ пришлось выдумать объясненіе по поводу прибытія вашего перваго фельдъегеря; точно также придется поступить сегодня. Если бы я повиновался одному внушенію своего сердца, то, разумѣется, давно уже былъ бы у васъ; но вы, конечно, сами поймете, что́ препятствуетъ этому».

Между тѣмъ фельдъегери продолжали быстро слѣдовать одинъ за другимъ, и, наконецъ, 25-го ноября (7-го декабря), въ 7 часовъ вечера, цесаревичъ получилъ роковое извѣстіе о кончинѣ своего державнаго брата.

Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-адъютанта Дибича не поколебалъ прежняго рѣшенія цесаревича по вопросу о престолонаслѣдіи, и онъ сказалъ тогда же великому князю Михаилу Павловичу: «Теперь настала торжественная минута доказать, что весь прежній мой образъ дѣйствій не былъ личиною, и кончить дѣло съ тою же твердостью, съ которою оно было начато. Въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости ничего не перемѣнилось, и моя воля отказаться отъ престола болѣе чѣмъ когда-нибудь непреложна [2])»!

Призвавъ къ себѣ приближенныхъ своихъ чиновниковъ и объявивъ имъ объ утратѣ, постигшей Россію, цесаревичъ прочелъ имъ переписку свою съ императоромъ Александромъ въ 1822 году и велѣлъ приготовить въ соотвѣтственность ей письма къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и къ великому князю Николаю Павловичу, въ которыхъ сказано, что онъ уступаетъ право свое на наслѣдіе престола младшему брату, въ силу рескрипта императора Александра отъ 2-го февраля 1822 года. Цесаревичъ употребилъ здѣсь выраженіе, что онъ уступаетъ престолъ великому князю Николаю Павловичу, такъ какъ ему ничего не было извѣстно о существованіи государственнаго акта, облекшаго уже въ 1824 году эту уступку въ форму закона. Вотъ какими недоразумѣніями завершился таинственный и уклончивый образъ дѣйствій императора Александра въ вопросѣ о престолонаслѣдіи.

---

[1]) Генералъ штабъ-докторъ дѣйств. ст. сов. Кучковскій.

[2]) Баронъ М. А. Корфъ: Восшествіе на престолъ императора Николая I, стр. 36.

Сверхъ оффиціальныхъ писемъ цесаревичъ написалъ Николаю Павловичу еще слѣдующее частное письмо: [1]).

«Дорогой Николай! Вы поймете по себѣ то глубокое горе, которое я долженъ испытывать вслѣдствіе ужасной потери, которую мы всѣ понесли, сколько насъ ни есть, а въ особенности я, утратившій благодѣтеля и обожаемаго повелителя и любимаго брата, друга съ самаго ранняго дѣтства. Вы слишкомъ хорошо знаете, было ли счастьемъ для меня служить ему и исполнять его державную волю въ важныхъ или самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ. Его намѣренія и его воля были и будутъ, несмотря на то, что его не существуетъ болѣе, неизмѣнно священными для меня, и я буду повиноваться имъ до конца дней моихъ.

«Перехожу къ дѣлу и увѣдомляю васъ, что во исполненіе воли нашего покойнаго государя, я послалъ матушкѣ письмо, содержащее мои непреложныя рѣшенія, заранѣе одобренныя какъ моимъ покойнымъ императоромъ, такъ и матушкой. Не сомнѣваясь, что вы, которые были душею и сердцемъ привязаны къ покойному императору, въ точности исполните его волю и то, что было сдѣлано съ его согласія Я приглашаю васъ, дорогой братъ, добросовѣстно сообразоваться съ этимъ и не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаете это и почтите память брата, который любилъ васъ, и которому страна обязана славой и степенью возвышенія, которой она достигла. Сохраните мнѣ вашу дружбу и ваше довѣріе, дорогой братъ, и ни на мгновеніе не сомнѣвайтесь въ моей вѣрности и моей преданности. Изъ моего оффиціальнаго письма вы узнаете объ остальномъ. Это письмо вамъ везетъ мой братъ Михаилъ, и онъ сообщитъ вамъ всѣ подробности, которыя можете пожелать узнать. Не забывайте меня, дорогой братъ, и разсчитывайте на усердіе и преданность вѣрнѣйшаго изъ братьевъ и друга».

Вмѣстѣ съ тѣмъ цесаревичъ написалъ дружескія письма князю Волконскому и барону Дибичу, въ которыхъ говоритъ, что онъ по-прежнему остается, при теперешнемъ мѣстѣ, товарищемъ ихъ, и прибавляетъ: «по сему ни въ какія распоряженія не могу войти, а получите вы ихъ изъ С.-Петербурга отъ кого слѣдуетъ».

Работа по изготовленію всѣхъ этихъ бумагъ длилась всю ночь, и когда, 26-го ноября (8-го декабря), все было окончено, то цесаревичъ поручилъ великому князю Михаилу Павловичу отвезти бумаги въ Петербургъ. «Я исполнилъ свой обѣтъ и свой долгъ,—сказалъ цесаревичъ брату,—и, если печаль о потерѣ нашего благодѣтеля останется во мнѣ

---

[1]) Письмо цесаревича отъ 26-го ноября (8-го декабря) 1825 года приведено въ книгѣ барона Корфа въ русскомъ весьма неточномъ переводѣ и въ извлеченіи; сверхъ того, не сказано, что письмо написано цесаревичемъ на французскомъ языкѣ.

щевъ, генералъ Кутузовъ, дежурный генералъ Потаповъ и прочіе всѣ тутъ находящіеся.

«Послѣ сего предсталъ онъ предъ внутреннимъ Преображенскаго полка карауломъ (роты его величества гренадерскаго взвода) и объявилъ имъ о кончинѣ государя и провозгласилъ императора Константина. Гренадеры со слезами приняли объявленіе и мгновенно присягнули.

«Потомъ его императорское высочество поручилъ дежурному генералу Потапову, ибо коменданта Башуцкаго тутъ не случилось, о объявленіи, такъ и о приведеніи къ присягѣ главнаго и прочихъ карауловъ съ ихъ постами, что безотложно все приведено въ исполненіе и вездѣ съ тою же горестью и усердіемъ, а генералъ Нейдгартъ былъ посланъ въ Невскій монастырь, гдѣ находился весь гвардейскій генералитетъ, съ предложеніемъ генералу Воинову исполнить то же во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ.

«Наконецъ послано повелѣніе о подобномъ же объявленіи и приведеніи къ присягѣ всѣхъ полковъ и командъ, здѣсь и въ окрестностяхъ города находящихся.

«Въ теченіе сего времени Государственный Совѣтъ собравшись открылъ свое засѣданіе предложеніемъ приступить къ распечатанію конверта, въ которомъ заключалась воля покойнаго императора. Тутъ возникли нѣкоторыя пренія, и наконецъ положено пакетъ распечатать: дабы принять послѣднюю волю царя Благословеннаго.

«Въ актѣ семъ начертано было отреченіе отъ престола государя цесаревича и нареченіе наслѣдникомъ государя великаго князя Николая Павловича.

«Нѣкоторыя пренія паки по сему случаю возникли, но прекратились мнѣніемъ нѣкоторыхъ, чтобъ пригласить его высочество въ присутствіе Совѣта; на что графъ Милорадовичъ отзывался, что его высочество уже присягнулъ, и во всякомъ случаѣ почитаетъ неприличнымъ ни его высочество призывать, ни его высочеству приходить въ Совѣтъ, но вызывался довести все сіе до свѣдѣнія его и просить допустить Совѣтъ къ себѣ для доклада обо всемъ происходившемъ, что и исполнено, а великій князь отозвался, что онъ не можетъ воспретить ихъ прибытію.

«Когда предсталъ Совѣтъ предъ великимъ княземъ, онъ сообщилъ имъ, что содержаніе сего акта ему давно извѣстно, и именно съ 13-го іюля 1819 года, но что ни въ какомъ случаѣ онъ не дерзнетъ занять мѣсто старшаго брата, отъ высочайшей воли коего зависитъ его участь, и что, поставивъ себѣ въ священную обязанность всеподданнѣйше ему повиноваться, онъ далъ въ томъ присягу и затѣмъ остается въ полномъ увѣреніи, что и онъ для блага государства послѣдуетъ его примѣру.

«Совѣтъ послѣдовалъ его высочеству въ церковь и по просьбѣ ихъ при немъ далъ присягу, а потомъ имъ же представленъ въ присут-

ствіе императрицы, которая изволила объявить, что актъ и содержаніе онаго ей извѣстенъ и сдѣланъ съ ея родительской воли, но что и она увлеклась подвигомъ сына и, утверждая всѣ его дѣйствія, проситъ Совѣтъ общими силами сохранить спокойствіе царства.

«По принятымъ мѣрамъ къ тремъ часамъ пополудни какъ войско, такъ и всѣ чины и граждане восшествіе на престолъ императора Константина присягою утвердили. Въ теченіе котораго времени вездѣ сохранялись тишина и порядокъ, что и понынѣ исполняется.

«Актъ, хранящійся въ сенатѣ, министромъ юстиціи всеподданнѣйше представленъ государю императору съ донесеніемъ, что сенатъ учинилъ присягу, и указы разосланы повсемѣстно для подобнаго же дѣйствія.

«Его высочество, увидя въ церкви предъ молебномъ о здравіи государя императора Константина Павловича митрополита, сообщилъ ему о событіяхъ, въ Совѣтѣ происшедшихъ, и согласилъ его пакетъ, хранящійся въ Синодѣ, не распечатывать до полученія объ оном высочайшаго повелѣнія.

«Въ то же время главный штабъ его императорскаго величества присягнулъ въ церкви главнаго штаба, и вслѣдъ затѣмъ посланы курьеры ко всѣмъ главнокомандующимъ и начальникамъ отдѣльныхъ корпусовъ съ предписаніемъ приступить немедленно къ той же священной обязанности, а отъ графа Милорадовича, по условію съ великимъ княземъ, отправленъ адъютантъ съ увѣдомленіемъ московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына о событіяхъ въ столицѣ и приглашеніемъ немедленно исполнить то же и въ Москвѣ. О томъ же самомъ послано къ генералъ-адъютанту Закревскому для приведенія того же въ исполненіе по великому княжеству Финляндскому.

«Въ то же время отправленъ къ его величеству адъютантъ Николая Павловича Лазаревъ съ письмомъ его.

«Съ тѣхъ поръ по 2-е число декабря столица находилась въ совершенно обычной тишинѣ и строгомъ порядкѣ; служба какъ по гарнизону, такъ и по всѣмъ прочимъ военнымъ и гражданскимъ частямъ сохранила обычный свой ходъ во время отсутствія государя, что принято соблюдать до полученія высочайшихъ повелѣній.

«Донесеніе о исполненіи присяги поступило сначала отъ корпуса военныхъ поселеній, съ приложеніемъ приказа отъ 30-го числа ноября о вступленіи паки въ должность графа Аракчеева и генералъ-маіора Клейнмихеля. Вчера по утру, 2-го числа декабря, получено донесеніе отъ генералъ-адъютанта Закревскаго, что какъ русскія, такъ и финляндскія войска въ Гельсингфорсѣ, а равно сенатъ и прочія мѣста приведены къ присягѣ, и даже не упоминая о конституціи, но по формѣ, въ Россіи введенной. Наконецъ, сего 3-го числа въ 5 часовъ утра, адъютантъ князя Го-

лицына, Новосильцевъ, привезъ извѣстіе, что въ Москвѣ все приведено къ присягѣ въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ. Пакетъ же, хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, остался неприкосновеннымъ впредь до высочайшаго разрѣшенія.

«Кабинетъ его императорскаго величества въ Зимнемъ дворцѣ, тотчасъ по полученіи извѣстія 27-го числа, поручено опечатать графу Милорадовичу, что и исполнено. А какъ камердинеръ покойнаго государя донесъ, что находятся бумаги и въ кабинетѣ Царскаго Села, то для опечатанія посланъ чиновникъ, а его высочество возложилъ сіе порученіе на генералъ-маіора Стрекалова, въ присутствіи самого камердинера Воробьева».

Такимъ образомъ таинственность, которою императоръ Александръ облекъ свою волю относительно престолонаслѣдія, принесла печальные плоды. Затѣмъ предстоявшія неизбѣжныя усложненія увеличились еще тѣмъ, что великій князь Николай Павловичъ рѣшился на великодушный, но необдуманный шагъ, за который Россія могла дорого поплатиться.

Легко себѣ представить удивленіе и огорченіе, испытанныя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, когда онъ, вмѣсто ожидаемыхъ имъ повелѣній вступившаго на престолъ новаго государя, получилъ донесеніе, что вся Россія присягнула ему, какъ законному государю, и что воля почившаго императора не исполнена и оставлена безъ вниманія!

Между тѣмъ въ Петербургъ прибылъ рано утромъ 3-го (15-го) декабря великій князь Михаилъ Павловичъ съ письмами цесаревича отъ 26-го ноября (8-го декабря). Къ удивленію двора и жителей Петербурга, великій князь не послѣдовалъ общему примѣру и не присягнулъ императору Константину.

Михаилъ Павловичъ, изъявляя сожалѣніе о всемъ, совершившемся въ Петербургѣ, не скрывалъ предвидѣній своихъ насчетъ опасности новой присяги и говорилъ о трудности объяснить публикѣ, почему мѣсто старшаго брата, которому уже присягнули, займетъ вдругъ второй, и растолковать каждому въ народѣ и въ войскахъ основанія и правоту этихъ, какъ онъ ихъ называлъ, домашнихъ сдѣлокъ. Николай Павловичъ въ отвѣтъ брату повторилъ сказанное имъ прежде другимъ, что не могъ дѣйствовать иначе въ томъ положеніи, въ которое былъ поставленъ тайною актовъ покойнаго государя и своимъ о нихъ невѣдѣніемъ, и что ни совѣсть, ни разсудокъ ни въ чемъ его не упрекаютъ. «Все, впрочемъ,—прибавилъ онъ,—могло бы еще поправиться и получить оборотъ болѣе благопріятный, если бы цесаревичъ самъ пріѣхалъ бы въ Петербургъ, и только упорство его оставаться въ Вар-

шавѣ будетъ причиною несчастій, которыхъ возможности я не отвергаю, но въ которыхъ, по всей вѣроятности, самъ первый и паду жертвою» [1]).

Дѣйствительно, дѣло нельзя было признать окончательно рѣшеннымъ даже и по полученіи оффиціальныхъ писемъ цесаревича: эти письма были отправлены изъ Варшавы прежде полученія извѣстія о принесенной присягѣ. Послѣ долгихъ разсужденій великій князь Николай Павловичъ рѣшился обратиться къ императору Константину съ новымъ убѣдительнымъ письмомъ, въ которомъ испрашивалъ окончательнаго рѣшенія своей участи и въ заключеніе говорилъ:

— «Arrivez au nom de Dieu».

Эту просьбу убѣдительно повторила также императрица Марія Ѳеодоровна въ своемъ письмѣ къ сыну. Съ этими бумагами отправился въ Варшаву 3-го (15-го) декабря фельдъегерскій офицеръ Бѣлоусовъ.

Но этимъ не довольствовались, и черезъ нѣсколько дней рѣшено было еще отправить въ Варшаву и великаго князя Михаила Павловича для убѣжденія Константина Павловича прибыть въ Петербургъ. Чтобы не разъѣхаться въ пути съ отвѣтомъ Константина Павловича по поводу учиненной ему присяги, великій князь былъ снабженъ императрицей Маріей Ѳеодоровной открытымъ листомъ слѣдующаго содержанія:

«Предъявитель сего открытаго предписанія его императорское высочество государь великій князь Михаилъ Павловичъ, любезнѣйшій мой сынъ, уполномоченъ, мной принимать моимъ именемъ и распечатывать всѣ письма, пакеты и прочее, отъ государя императора Константина Павловича ко мнѣ адресованныя [2])». «Марія».

8-го (20-го) декабря Михаилъ Павловичъ писалъ великому князю Николаю Павловичу со станціи Ненналь [3]).

«Пріѣхавъ на станцію Ранка-Пунгернъ, встрѣтилъ я, любезный Николай, фельдъегеря изъ Варшавы съ письмомъ къ князю Лопухину, и, увидѣвъ на конвертѣ: отъ его императорскаго высочества цесаревича, я сейчасъ догадался въ чемъ дѣло; между тѣмъ узналъ отъ него, что Лазаревъ ѣдетъ вслѣдъ за нимъ, и потому я взялъ сего фельдъегеря съ собою, покуда не встрѣчу Лазарева. Что написано князю Лопухину, того не знаю, ибо не имѣю права ихъ отворять. Въ Ненналѣ нашелъ я Лазарева, который и подалъ мнѣ пакетъ у него бывшій на имя матушки. Ты изъ письма Константина Павловича увидишь все его мнѣніе, которое по содержанію почти согласно съ тѣмъ, что я тебѣ говорилъ. Теперь, не зная, какія мѣры будутъ взяты въ Петербургѣ; я думаю, что хорошо мнѣ будетъ здѣсь оставаться и ждать твоихъ по-

[1]) Баронъ Корфъ: «Восшествіе» стр. 75.

[2]) Государственный архивъ. Разрядъ III. № 41.

[3]) Государственный архивъ. Разрядъ III. № 27.

велѣній, ибо, бывъ только въ 260 верстахъ, если я нуженъ въ Петербургѣ, я сейчасъ могу вернуться, если нѣтъ, то я могу продолжать дорогу въ Варшаву, какъ ни въ чемъ не бывало; можетъ быть, угодно будетъ матушкѣ и тебѣ еще новое что нибудь отправить къ брату. Увѣрьте себя, что я всюду готовъ, куда матушкѣ и тебѣ угодно. Два или три дня разницы пріѣзда моего въ Варшаву ничего не сдѣлаютъ, ибо Опочининъ уже конечно все сказалъ. Сдѣлай милость, чтобы приказанія ко мнѣ дошли какъ можно скорѣе. Прощай, твой на вѣки.

«Михаилъ».

Лазаревъ привезъ великому князю Николаю Павловичу слѣдующее письмо Константина Павловича отъ 2-го (14-го) декабря:

«Вашъ адъютантъ, любезный Николай, по прибытіи сюда, вручилъ мнѣ въ точности ваше письмо. Я прочелъ его съ живѣйшею горестью и печалью. Мое рѣшеніе непоколебимо и освящено моимъ покойнымъ благодѣтелемъ, Императоромъ и повелителемъ. Приглашеніе ваше пріѣхать скорѣе не можетъ быть принято мною, и я объявляю вамъ, что удалюсь еще дальше, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего Императора. Вашъ по жизнь вѣрный и искренній другъ и братъ» [1]).

Но и это письмо не рѣшило дѣла; оставалось еще ожидать возвращенія изъ Варшавы Бѣлоусова съ отвѣтомъ на письмо великаго князя Николая Павловича отъ 3-го (15-го) декабря.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ не замедлило присоединиться еще новое осложненіе. 12-го (24-го) декабря явился къ Николаю Павловичу лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковникъ баронъ Фредериксъ, исправлявшій въ Таганрогѣ должность коменданта. Онъ привезъ великому князю пакетъ отъ барона Дибича, адресованный: «его императорскому величеству въ собственныя руки». На вопросъ, знаетъ ли онъ о содержаніи пакета, Фредериксъ отвѣчалъ отрицательно, но прибавилъ, что, по неизвѣстности въ Таганрогѣ мѣстопребыванія государя императора, такія же точно бумаги посланы и въ Варшаву, а ему приказано только, на случай, если бы его величества не было еще въ Петербургѣ, вручить пакетъ по чрезвычайной важности дѣла его высочеству.

Николаю Павловичу не оставалось, конечно, другаго исхода какъ вскрыть таинственный пакетъ. При первомъ бѣгломъ просмотрѣ вскры-

---

[1]) „Votre aide de camp, cher Nicolas, m'a exactement remis Votre lettre à son arrivée ici. Je l'ai lue avec la plus vive peine et douleur. Ma résolution est inébranlable et sanctionnée par feu mon bienfaiteur, Empereur et Maître. Votre invitation d' arriver au plus tôt ne peut pas être acceptée par moi et je Vous déclare que je m' éloignerai encore plus si le tout ne s' arrange pas d' après les volontés de feu notre Empereur. Je suis pour la vie Votre fidèle et sincère ami et frère". (Государственный Архивъ. Разрядъ III № 27).

тыхъ бумагъ его объялъ несказанный ужасъ, пишетъ баронъ Корфъ. Приведемъ здѣсь цѣликомъ донесеніе барона Дибича отъ 4-го (16-го) декабря 1825 года, представляющее собою какъ бы заключительную страницу царствованія императора Александра. [1]).

«Въ прошедшее лѣто, пишетъ баронъ Дибичъ,—3-го Бугскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ въ письмѣ, на высочайшее имя и въ собственныя руки писанное, объявилъ, что онъ имѣетъ открыть важный секретъ. Будучи по высочайшему повелѣнію по распоряженію генерала графа Аракчеева привезенъ въ С.-Петербургъ въ концѣ іюля сего года, показалъ: что онъ узналъ случайно, что въ нѣкоторыхъ полкахъ первой и второй арміи существуетъ секретное общество, которое отъ время до времени увеличивается, и что оно имѣетъ особенныя связи въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, и что онъ увѣренъ, что служащій въ Конно-Егерскомъ полку прапорщикъ Вадковскій (выписанный за дерзкій разговоръ изъ Кавалергардскаго полка) есть одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ. По знакомству его съ принадлежащими, по мнѣнію его, къ тому же обществу живущими въ Харьковѣ графомъ Яковомъ и Андреемъ Булгари, онъ надѣялся быть введеннымъ въ сіе общество и открыть секреты и членовъ онаго.

«Положено было дать ему отпускъ на годъ будто бы за то, что онъ привезенъ былъ въ С.-Петербургъ по подозрѣнію по дѣлу поручика Сивииниса, въ которое замѣшанъ былъ также графъ Булгари, и что онъ себѣ выпросилъ въ вознагражденіе годовой отпускъ, когда сіе подозрѣніе найдено было неосновательнымъ. Онъ обѣщался увѣдомить графа Аракчеева, коль скоро найдетъ возможность къ бо́льшему открытію, съ тѣмъ, чтобы тогда былъ присланъ надежный чиновникъ съ полномочіемъ для пособія ему.

«Отъ 20-го сентября писалъ онъ письмо къ графу Аракчееву изъ Карачева, въ коемъ объясняетъ, что по пріѣздѣ въ Харьковъ былъ у графа Якова Булгари, у коего засталъ и племянника его графа Андрея, что онъ имъ объявилъ о взятіи его по подозрѣнію по дѣлу Сивииниса, что графъ Яковъ Булгари жаловался, что онъ по тому же дѣлу не имѣетъ отвѣта на три просьбы, на высочайшее имя поданныя, но что на вопросъ его, Шервуда, о обществѣ отозвался графъ Булгари незнаніемъ; напротивъ того, когда сей вышелъ изъ комнаты, то племянникъ графъ Андрей Булгари спрашивалъ его, какъ идутъ дѣла сего общества, объявилъ ему, что онъ знаетъ чрезъ графа Николая Булгари, служа-

---

[1]) Баронъ Корфъ въ сочиненіи своемъ приводитъ только въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ содержаніе этого важнаго историческаго документа, который до сихъ поръ не появлялся въ печати.

церовъ гвардіи приняты въ ихъ общество. Онъ жаловался на вѣтренность поручика графа Николая Булгари, который съ графами Спиро и Андреемъ Булгари поѣхали въ Одессу, и чрезъ то промедлитъ доставленіемъ списка въ С.-Петербургъ и особливо требованіемъ отъ главныхъ членовъ общества о заведеніи секретной типографіи для напечатанія сочиненій въ ихъ духѣ и присылки трехъ экземпляровъ ихъ конституціи, изъ коихъ одинъ хотѣлъ дать Шервуду.

«Шервудъ предлагалъ себя для посылки въ С.-Петербургъ, но Вадковскій отклонилъ сіе, сказавъ, что поручикъ графъ Булгари уже на сіе опредѣленъ и имѣетъ для сего подорожную во всю имперію. Шервудъ ему далъ списокъ мнимыхъ членовъ, завербованныхъ имъ будто въ поселеніи, и разныя замѣчанія о способности ихъ. Вадковскій спряталъ оный въ скрипичный футляръ, гдѣ еще хранятся другія бумаги, съ тѣмъ, что человѣкъ Вадковскаго можетъ ихъ сжечь, когда предстанетъ въ томъ надобность.

«Дивизіонный начальникъ 1-й конно-егерской дивизіи, генералъ-маіоръ Зассъ, оставилъ Вадковскаго въ Курскѣ въ караульныхъ эскадронахъ еще на другую очередь. Шервудъ былъ у него въ гостяхъ въ карауль, куда приходилъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка маіоръ Гофманъ, отъ котораго Шервудъ услышалъ весьма неприличные разговоры насчетъ правительства. Вадковскій сказалъ ему послѣ: «вотъ уже приготовленъ, при первомъ свиданіи будетъ принятъ въ общество». Шервудъ писалъ изъ Курска къ графу Андрею Булгари, чтобы поручикъ графъ Николай Булгари воротился скорѣе. Сіе письмо повезетъ въ Одессу ротмистръ кавалергардскій графъ Чернышевъ, который ожидаетъ изъ главной квартиры 1-й арміи отпускъ, будучи предварительно отпущенъ въ Курскъ.

«Вадковскій разсказывалъ Шервуду слѣдующее:

«Въ обществѣ состоятъ: Кавалергардскаго полка ротмистръ графъ Захаръ Чернышевъ, дѣйствующее лицо въ С.-Петербургѣ, того же полка Свистуновъ (вѣроятно, корнетъ, выпущенный изъ камеръ-пажей). Лейбъ-гвардіи Коннаго полка офицеръ Бураковъ (?), недавно женившійся на фрейлинѣ Ушаковой, принятъ въ общество Вадковскимъ, равно какъ юнкеръ Скарятинъ, пріѣхавшій изъ Кіева (неизвѣстно котораго полка), который объявилъ, что онъ давно къ сему пріуготовленъ былъ своимъ учителемъ. Графъ Бобринскій (Шервуду неизвѣстно который) пожертвовалъ 10.000 рублей на заведеніе секретной типографіи. Полковникъ Павелъ Пестель, бывшій адъютантъ графа Витгенштейна (командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка), ни Вадковскому, ни Шервуду неизвѣстно, гдѣ онъ квартируетъ и какимъ именно полкомъ командуетъ, почему Вадковскій просилъ Шервуда узнать вѣрнѣе о семъ, и Шервудъ просилъ о томъ увѣдомленія отъ знакомаго ему адъютанта ге-

нералъ-лейтенанта Рудзевича, капитана Шишкова, и состоящаго по особымъ порученіямъ у генералъ-адъютанта Киселева маіора Пущина. Наконецъ считаетъ въ числѣ членовъ генералъ-интенданта второй арміи Юшневскаго.

«Шервудъ получилъ всѣ сіи извѣстія отъ Вадковскаго, обѣщалъ заѣхать къ нему, когда поѣдетъ въ Москву и С.-Петербургъ въ началѣ декабря.

«Въ доказательство связей своихъ представилъ два собственноручныхъ письма Вадковскаго, которыя по двусмысленности своей довольно ясно доказываютъ непозволительныя ихъ связи. Шервудъ полагалъ во время вторичнаго своего свиданія съ Вадковскимъ, въ началѣ декабря, уговорить его препоручить ему отвезти списокъ членовъ, если не пріѣдетъ Булгари.

«По полученіи сихъ извѣстій, по важности скорѣйшаго открытія столь ужаснаго зла, въ особенности въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, коимъ вѣроятно зломыслящіе желаютъ воспользоваться для распространенія онаго, приказалъ я полковнику Николаеву, если онъ въ томъ надѣется имѣть успѣхъ, отправиться съ Шервудомъ или вслѣдъ за онымъ въ Курскъ, подъ видомъ отпуска, и притворясь вступить чрезъ Шервуда въ ихъ общество, стараться выманить секреты Вадковскаго и лично удостовѣриться въ оныхъ. Буде же успѣетъ въ семъ, смотря по обстоятельствамъ, или арестовать Вадковскаго и бумаги его и сообщниковъ, буде есть таковые, или же меня заранѣе увѣдомить для принятія должныхъ мѣръ.

«Я получилъ рапортъ полковника Николаева, что онъ отправился 26-го ноября въ Курскъ для исполненія сего.

«Въ ожиданіи дальнѣйшихъ послѣдствій, получилъ я 1-го декабря, съ прибывшимъ сюда, въ Таганрогъ, адъютантомъ генералъ-лейтенанта Рота, поручикомъ гусарскаго, принца Оранскаго полка графомъ Штейнбокомъ, отъ сего генерала рапортъ и письмо, писанное рукою начальника корпуснаго штаба генералъ-маіора князя Горчакова, и при нихъ письмо Вятскаго пѣхотнаго полка капитана Майбороды на высочайшее имя.

«Капитанъ Майборода говоритъ въ письмѣ семъ, что, подозрѣвая давно полковаго своего командира, полковника Пестеля въ незаконныхъ связяхъ къ нарушенію общаго спокойствія, дабы лучше о томъ узнать, поддавался притворно и тѣмъ открылъ, что въ Россіи существуетъ уже болѣе 10-ти лѣтъ и болѣе и болѣе увеличивается общество либераловъ, корень котораго въ Россіи и въ нѣкоторыхъ прилежащихъ мѣстахъ ему, Майбородѣ, извѣстны. Сіе общество даже знало предварительно, когда въ началѣ сего года посланъ былъ въ Харьковъ генералъ-маіоръ Шеншинъ для захваченія бумагъ графа Булгари. Онъ проситъ послать довѣренную особу въ квартиру роты его, Липовецкаго

повѣта, въ село Балабановку, которой откроетъ онъ гдѣ сохраняются бумаги сего общества и приготовленные уже какіе-то законы, подъ именемъ «Русской Правды», сочиненіемъ коихъ занимаются генералъ-интендантъ Юшневскій, полковникъ Пестель и въ С.-Петербургѣ гвардейскаго генеральнаго штаба (капитанъ) Никита Муравьевъ. (Я при семъ долженъ прибавить, что графъ Виттъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ подозрѣніе на генералъ-интенданта первой арміи Пирогова. Шервудъ же и Майборода говорятъ про генералъ-интенданта второй арміи Юшневскаго и не упоминаютъ о Пироговѣ).

«Въ томъ же письмѣ проситъ Майборода представиться лично государю императору съ тѣмъ, чтобы препоручено было довѣренной особѣ привезетъ его сюда. Онъ считаетъ жизнь свою въ опасности и по сему, не рѣшаясь открыться своему высшему начальству, проситъ перевода изъ второй арміи, куда угодно будетъ. Въ случаѣ же, что теперь увидитъ себѣ опасность, намѣренъ спастись къ генералъ-лейтенанту Роту.

«Генералъ Ротъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ прибавляетъ, что Майборода, явясь къ нему въ Житоміръ, объявилъ ему еще лично, при просьбѣ о доставленіи открытаго упомянутаго письма, что общество, о которомъ онъ говоритъ, было составлено подъ именемъ общества просвѣщенія, что впослѣдствіи многіе отъ него отклонились, между прочимъ командиры полковъ: Украинскаго пѣхотнаго полка Бурцовъ и Казанскаго полковникъ Аврамовъ, также квартирмейстерской части подполковникъ Комаровъ, и что они вѣрно не отказались бы въ открытіи дальнѣйшихъ свѣдѣній, особливо Комаровъ (который находится нынѣ при 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ и въ временномъ отпуску); сверхъ сего объявилъ Майборода, что деньщикъ полковника Пестеля, Савенко, ему совершенно преданный, знаетъ много подробностей и гдѣ важнѣйшія бумаги, кои хранятся частью въ двухъ зеленыхъ портфеляхъ. Майборода уѣхалъ обратно въ свой полкъ и надѣется, что скроетъ поѣздку свою въ Житоміръ.

«По важности сихъ показаній и согласности ихъ съ трехъ разныхъ мѣстъ и въ разныя времена, казалось необходимымъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. По отсутствію вашего императорскаго величества я полагаю, буде не получу другаго приказанія завтрашній день, въ который ожидаю фельдъегеря изъ С.-Петербурга, отправить генералъ-адъютанта Чернышева прямо въ Тульчинъ, гдѣ онъ, откроясь одному главнокомандующему, приступитъ къ должнымъ мѣрамъ для арестованія полковника Пестеля и показанныхъ бумагъ. Имѣя въ семъ ожидаемый успѣхъ генералъ-адъютанту Чернышеву (поручено?) донести о семъ прямо вашему величеству въ собственныя руки. Я увѣдомляю равно главнокомандующаго первой арміи о принятыхъ противъ прапорщика Вад-

ковскаго мѣрахъ, и что онѣ казались тѣмъ необходимыми, что, по полученіи извѣстія, сіе зло распространено не только по второй арміи, но и по первой, особливо по 4-му резервному кавалерійскому корпусу.

«Что же касается до чиновъ гвардейскаго корпуса, замѣшанныхъ по показаніямъ, въ семъ докладѣ объясненнымъ, то обстоятельство сіе передаю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества».

Отправляя въ Петербургъ приведенный здѣсь всеподданнѣйшій докладъ, баронъ Дибичъ написалъ еще великому князю Николаю Павловичу письмо, въ которомъ обращается къ нему уже, какъ къ государю; это письмо нижеслѣдующаго содержанія:

«Въ бѣдственномъ случаѣ, насъ постигшемъ, я по вѣрноподданнѣйшей обязанности моей долженъ былъ о послѣдовавшей кончинѣ всемилостивѣйшаго государя нашего донести его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, яко старшему брату покойнаго императора, и слѣдовательно, по существующему закону, наслѣдующему всероссійскимъ престоломъ, ибо кромѣ сего закона мнѣ прежде, такъ и нынѣ совершенно неизвѣстны никакія другія государственныя на сей предметъ положенія.

«Но на рапортъ мой я получилъ 4-го декабря отъ его императорскаго высочества цесаревича письмо, въ копіи при семъ прилагаемое, въ которомъ изволитъ совѣтывать мнѣ обо всѣхъ предметахъ, требующихъ высочайшихъ разрѣшеній, относиться въ С.-Петербургъ. Почему, слѣдуя тому же самому закону, я мню послѣ его императорскаго высочества цесаревича видѣть въ вашемъ императорскомъ величествѣ моего всемилостивѣйшаго государя и съ покорностію буду ожидать высочайшихъ повелѣній вашего величества, надѣясь притомъ, что ваше величество простите мнѣ, если я въ семъ необычайномъ и трудномъ положеніи моемъ сдѣлалъ какую либо ошибку. Будучи впрочемъ совершенно покойнымъ въ совѣсти моей: ибо при семъ несчастномъ случаѣ во всѣхъ поступкахъ моихъ я имѣлъ единственную цѣль—сохранить долгъ вѣрноподданной моей обязанности къ высочайшему престолу.

«Слѣдуя сему же самому долгу моему, я почитаю священнѣйшею обязанностію, не теряя ни малѣйшаго времени, донести вашему императорскому величеству, чрезъ посылаемаго нарочнымъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковника барона Фредерикса, объ одномъ чрезвычайно важномъ случаѣ, касающемся до благосостоянія и спокойствія государства и не терпящемъ никакого отлагательства.

«Изъ приложеннаго при семъ особеннаго доклада моего изволите усмотрѣть, всемилостивѣйшій государь, всю важность сего предмета и тѣ мѣры, къ коимъ на первый разъ я счелъ необходимымъ взять рѣшимость, предавая дальнѣйшія распоряженія на волю и благоусмотрѣніе вашего величества. Тайну, въ семъ докладѣ содержащуюся, я почитаю

толь великою, что не открылъ и представляющему сіе вашему величеству полковнику Фредериксу, ибо по отдаленности вашего величества и невозможности получить въ скоромъ времени вашихъ приказаній, я долженъ былъ какъ въ семъ, такъ и вообще въ принятыхъ мною по сему случаю рѣшимостяхъ слѣдовать данными мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ, при отправленіи лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковника Николаева, наставленіями».

Прочитавъ присланныя бумаги, великій князь Николай Павловичъ въ тотъ же день, 12-го (24-го) декабря, писалъ барону Дибичу:

«Полковникъ Фредериксъ пріѣхалъ сегодня поутру въ 7 часовъ и вручилъ мнѣ три пакета отъ васъ, любезный Иванъ Ивановичъ, къ государю императору адресованные. Изъ перваго письма моего къ вамъ вы извѣстились уже, что, не сговорясь между собою, мы оба, и я могу прибавить—за мною всѣ исполнили долгъ нашъ предъ нашимъ государемъ. Но воля его свята, и, присягнувъ ему, я долженъ свято исполнить все, что мнѣ ни повелитъ, какъ оно ни тяжело для меня, и какъ ни ужасно и ни затруднительно мое положеніе. Я еще не государь вашъ, но долженъ поступать уже какъ государь, ожидая каждую минуту разрѣшенія Константина Павловича на вступленіе мое на его мѣсто. Какъ и почему — здѣсь не мѣсто сказывать; скоро все объяснится и докажетъ, что я, прежде всего, былъ честнымъ человѣкомъ, а потому и передъ Богомъ, и передъ государемъ, и передъ отечествомъ чистъ совѣстью и дѣлами. Я открылъ пакеты и въ вашемъ докладѣ видѣлъ дѣло ужасное, но которое меня не страшитъ, ибо я на все готовъ. Обязанность моя—не теряя ни минуты приступить къ дѣлу, до общаго блага касающемуся; а потому и приступлю къ назначенію мѣръ мною принятыхъ. Въ секретѣ: генералъ Милорадовичъ, какъ военный генералъ-губернаторъ и который все здѣсь дѣлаетъ; князь Голицынъ, потому что онъ завѣдываетъ почтами и пользовался довѣріемъ покойнаго государя; генералъ Бенкендорфъ, какъ человѣкъ надежный и посредникъ по дѣламъ военнымъ и гражданскимъ, бывъ военнымъ губернаторомъ и командуя полками, въ коихъ, полагать должно, можетъ быть зараза.

«Третьяго дня видѣлъ въ первый разъ графа Аракчеева. Онъ мнѣ въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ дѣлѣ, не зная, на чемъ оно остановилось, и говоря мнѣ про оное, потому что полагаетъ его весьма важнымъ.

«Я тогда же сообщилъ объ этомъ генералу Милорадовичу, который хотѣлъ видѣться съ графомъ Аракчеевымъ, но какъ графъ принялъ за правило никого у себя и нигдѣ не видѣть, даже и по службѣ, то и не пустилъ къ себѣ Милорадовича, хотя онъ и велѣлъ сказать,

что онъ отъ меня посланъ къ графу. Это было вчера [1]). Получивъ ваши бумаги, я тотчасъ увѣдомилъ о томъ графа Милорадовича и условился съ нимъ и Голицынымъ обратить непремѣнно бдительное вниманіе на нѣкоторыхъ лицъ, здѣсь находящихся. Выслать на встрѣчу Булгари и Чернышеву [2]) фельдъегерей, для взятія ихъ подъ арестъ за городомъ, и сюда доставить въ крѣпость. Генерала Милорадовича адъютантъ, графъ Мантейфель, поѣдетъ сегодня же на Житоміръ, въ село Балабановку, Липовецкаго повѣта, для доставленія сюда капитана Майбороды. Какъ штабсъ-капитанъ Муравьевъ [3]) уже уѣхалъ въ отпускъ въ Орелъ на четыре мѣсяца, то для арестованія его на дорогѣ, гдѣ встрѣтится, посылается фельдъегерь къ князю Голицыну въ Москву.

«Но при томъ долгомъ считаю въ честь нашей гвардіи сказать, что я почти увѣренъ, что сообщниковъ подобнаго злодѣянія здѣсь весьма мало, или и вовсе нѣтъ. Тому служитъ неоспоримымъ доказательствомъ примѣрный порядокъ, соблюдаемый здѣсь по всѣмъ частямъ съ самаго ужаснаго 27-го числа; нѣтъ ни слуха о томъ, ни подозрѣнія въ чемъ либо подобномъ, и, напротивъ, можно скорѣе сказать, что почти никогда такого порядка при жизни государя здѣсь не бывало. Я бы грѣшилъ предъ Богомъ и предъ самимъ собою, если-бъ говорилъ противное. Но «на Бога надѣйся, а самъ не плошай» было и будетъ нашимъ правиломъ до конца,—и мы не зѣваемъ.

«Теперь нужнымъ считаю ждать извѣстій: 1) отъ Чернышева; 2) отъ васъ, ибо Фредериксъ говорилъ мнѣ, что полковникъ Николаевъ ѣхалъ къ вамъ обратно. Это одно можетъ опредѣлить дальнѣйшія мѣры. Если Шервудъ сюда будетъ, мы возьмемъ мѣры, чтобъ его спрятать. Если Николаевъ не одинъ къ вамъ воротится, то нѣтъ сомнѣнія, что вся шайка догадается объ открытіи вполнѣ или части заговора; а потому тогда уже нечего медлить всѣхъ ихъ забрать. Тѣ, которые здѣсь, т. е. Борисовъ и Свистуновъ, оба дураки; но ce peuvent être des instruments. За ними будутъ смотрѣть. Про Корниловича я еще ничего не узналъ.

«Какъ по всему дѣлу видно, что въ Одессѣ должно быть гнѣздо заговора, ибо здѣсь въ инспекторскомъ департаментѣ извѣстно, что Чернышевъ отпущенъ на 28 дней въ Курскъ и Одессу, то я считаю

[1]) Среди этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ не легко было дѣйствовать Николаю Павловичу, если даже довѣренный и столь близкій къ покойному государю сановникъ осмѣлился отнестись такимъ образомъ къ генералъ-губернатору, присланному великимъ княземъ; а то, что приславшій его великій князь былъ уже въ ту пору императоромъ всероссійскимъ, не могло составлять тайны для проницательнаго графа Алексѣя Андреевича.

[2]) Графъ Захаръ Чернышевъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка.

[3]) Никита Муравьевъ.

*

необходимымъ, чтобы переговорили о семъ съ графомъ Воронцовымъ, дабы и тамъ принять нужныя мѣры; во всякомъ же случаѣ, не оставьте меня въ неизвѣстности о вашемъ на сей предметъ распоряженіи. Сейчасъ слышу, что Шишковъ, адъютантъ Рудзевича, здѣсь, подъ предлогомъ просьбы въ отставку; я за нимъ также присмотрю [1]).

«Я считаю нужнымъ, любезный Иванъ Ивановичъ, чтобы вы, испросивъ приказанія государыни Елисаветы Алексѣевны, дозволитъ ли она открыть кабинетъ его императорскаго величества, забрали, какъ можно скорѣе, всѣ бумаги, въ немъ хранящіяся, и доставили ихъ ко мнѣ, наискорѣе, съ надежнымъ человѣкомъ. Сами же, если присутствіе ваше въ Таганрогѣ не необходимо, пріѣзжайте сюда, гдѣ вы весьма мнѣ нужны, и тогда вамъ нужно будетъ ѣхать на Могилевъ на Днѣпрѣ, чтобъ условиться съ генераломъ Сакеномъ о многомъ, до сего и до будущихъ обстоятельствъ касающагося, en un mot pour m'orienter; я считаю, что вы тамъ, а можетъ статься и прежде получите извѣстія, что все здѣсь въ порядкѣ кончено, или, иначе, я живъ не останусь. Да поможетъ намъ Богъ, къ чести отечества и нашей ссвѣсти, все хорошо привести къ заключенію.

«Князю Петру Михайловичу писалъ я то, что вы отъ него уже вѣрно слышали—насчетъ распоряженій, касающихся до тѣла нашего ангела. Я не могъ иному и инако писать, ибо тогда не имѣлъ на то права, теперь я вамъ о томъ подтверждаю, какъ лицо полуоффиціальное, но еще не вашъ государь, а вашъ искренній другъ». «Н».

Едва Николай Павловичъ успѣлъ окончить приведенное здѣсь письмо, какъ фельдъегерь Бѣлоусовъ прибылъ изъ Варшавы съ рѣшительнымъ отвѣтомъ цесаревича, положившимъ конецъ междуцарствію. Николай Павловичъ былъ императоромъ.

Въ 9 часовъ вечера государь сдѣлалъ въ письмѣ къ генералъ-адъютанту Дибичу еще слѣдующую приписку:

«Рѣшительный курьеръ воротился; послѣ завтра по утру, я—или государь, или безъ дыханія. Я жертвую собой для брата; счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ съ Россіей? Что будетъ въ арміи? генералъ Толь здѣсь, и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ графу Сакену и ищу довѣреннаго для такого же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову. Словомъ,—надѣюсь быть достойнымъ своего званія не съ боязнію или недовѣрчивостью, но съ надеждою, что, какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный нынѣ предъ мною исполнятъ. Но если гдѣ либо что заварится, и вы о томъ узнаете, поручаю вамъ сейчасъ ѣхать туда, гдѣ

---

[1]) Шишковъ оказался непричастнымъ къ тайнымъ обществамъ.

будетъ нужно ваше присутствіе. На васъ полагаюсь совершенно и впередъ разрѣшаю всѣ вами принимаемыя мѣры.

«Я вамъ послѣ завтра, если ж и в ъ буду, пришлю—самъ еще не знаю кого—съ увѣдомленіемъ, какъ все сошло; вы также не оставьте меня увѣдомить о всемъ, что у васъ или вокругъ васъ происходить будетъ, особливо у Ермолова. Къ нему надо будетъ подъ какимъ нибудь предлогомъ и отъ васъ кого выслать, напримѣръ, Германа или такого разбора: я, виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю. Опять повторяю: здѣсь у насъ о сю пору непостижимо тихо: mais le calme précède souvent l'orage».

«Довольно объ этомъ. Que la volonté de Dieu se fasse. Во мнѣ видѣть должно намѣстника и исполнителя воли покойнаго государя, а потому я на все готовъ. Къ вамъ навсегда буду искренно доброжелательнымъ. Николай.

«До вашего пріѣзда дѣла будутъ идти подъ именемъ Татищева, чрезъ Потапова, который ко мнѣ съ докладомъ ходить будетъ». [1])

Рѣшительный отвѣтъ цесаревича былъ привезенъ Бѣлоусовымъ не черезъ Ригу, а по Брестъ-Литовскому тракту, и потому Михаилъ Павловичъ, въ прежней неизвѣстности, все еще находился въ Ненналѣ. Николай Павловичъ послалъ за нимъ нарочнаго съ повелѣніемъ спѣшить въ Петербургъ. Такимъ образомъ это случайное обстоятельство замедлило возвращеніе великаго князя въ столицу, гдѣ присутствіе его, по обстоятельствамъ, становилось настоятельною необходимостью.

Теперь Николаю Павловичу предстояло заняться составленіемъ манифеста: нужно было объяснить необъяснимое, а это представляло задачу не легкую. Къ этой работѣ были привлечены Карамзинъ и Сперанскій.

Карамзинъ предлагалъ начать манифестъ о восшествіи императора Николая Павловича на престолъ такъ:

«Въ сокрушеніи сердецъ нашихъ, пораженныхъ столь незапною кончиною государя императора Александра Павловича, можемъ только какъ христіане смиряться духомъ предъ Всевышнимъ и молить Его, да пославъ намъ скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сносить ее безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и благодарности къ памяти усопшаго великаго монарха, коего царствованіе, ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ: царствованіе спасителя Россіи, изба-

---

[1]) Въ тотъ же день, 12-го декабря 1825 года, великій князь Николай Павловичъ писалъ князю Волконскому: «Воля Божія и приговоръ братній надо мной совершается. 14-го числа я буду или государь, или м е р т в ъ. Что во мнѣ происходитъ—описать нельзя; вы вѣрно надо мной сжалитесь—да, мы всѣ несчастны, но нѣтъ несчастливѣе меня. Да будетъ воля Божія! (Государственный Архивъ. Разрядъ III. № 34).

вителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, друга правды и человѣчества.

«Въ самый первый часъ скорби и рыданій, произведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Александра I-го, мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣрности законному наслѣднику престола, согласно съ уставомъ блаженныя памяти родителя нашего государя императора Павла Петровича: старѣйшему брату нашему государю цесаревичу, великому князю Константину Павловичу».

Карамзинъ пишетъ: «Государь Николай Павловичъ сказалъ, что ему неприлично хвалить брата въ манифестѣ, и велѣлъ М. М. Сперанскому написать это иначе, отдавъ ему мою бумагу. Сперанскій написалъ такъ:

«Въ сокрушеніи сердца, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, насъ, императорскій нашъ домъ и любезное отечество наше объявшей, въ единомъ Богѣ мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата нашего, мы лишились отца и государя, двадесять пять лѣтъ Россіи и намъ благотворившаго.

«Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27-й день ноября мѣсяца до насъ достигло, въ самый первый часъ скорби и рыданій. Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему Брату Нашему, Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, яко законному по праву первородства Наслѣднику престола Всероссійскаго и проч.»

«Заключеніе предлагалъ я такое, продолжаетъ Карамзинъ (послѣ словъ: «присяги въ вѣрности учинить Намъ и Наслѣднику Нашему»):

«И Мы, въ сей торжественный часъ, предъ лицемъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества: слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Вѣнценосца! Да будетъ Наше царствованіе только продолженіемъ Александрова! Да благоденствуетъ Россія своимъ уже пріобрѣтеннымъ могуществомъ, внѣшнею безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою Нашихъ предковъ, государственною и воинскою доблестію, истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочностію нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердецъ невинныхъ! Да будетъ престолъ нашъ твердъ закономъ и вѣрностію народною! Да соединится неразрывно, подъ нашею державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ человѣколюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ безсмертный: тотъ, коего священная память должна питать въ насъ и рев-

ность, и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа Россійскаго».

«Нашли тутъ поводъ къ толкамъ, пишетъ Карамзинъ, видъ самохвальства, излишнія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выразило бы характеръ или намѣренія новаго царствованія. Сперанскій написалъ (какъ напечатано):

«Наконецъ Мы призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ Нами теплыя мольбы ихъ ко Всевышнему, да ниспошлетъ Намъ силы къ понесенію бремени, Святымъ Промысломъ Его на Насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія Наши жить единственно для отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Государя. Да будетъ царствованіе Наше токмо (у меня: только) продолженіемъ царствованія Его, и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ тотъ, коего священная память будетъ питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ Нашихъ» (вмѣсто: любовь народа Россійскаго).

«Одинъ Богъ знаетъ, замѣчаетъ въ заключеніе Карамзинъ, — каково будетъ наступившее царствованіе. Желаю, чтобы это сообщеніе было любопытно для потомства: разумѣю въ хорошемъ смыслѣ» [1]).

Императоръ Николай подписалъ манифестъ въ воскресенье 13-го (25-го) декабря, но помѣтилъ его 12-мъ, какъ тѣмъ днемъ, въ который вопросъ о его воцареніи окончательно рѣшился отвѣтомъ цесаревича.

Манифестъ хранился, однако, въ тайнѣ до ожидаемаго пріѣзда великаго князя Михаила Павловича. Войска рѣшено было привести къ присягѣ 14-го декабря. Вмѣстѣ съ тѣмъ разосланы были повѣстки членамъ Государственнаго Совѣта, по которымъ они призывались въ воскресенье, 13-го декабря, въ 8 часовъ вечера, въ секретное общее собраніе.

Когда Государственный Совѣтъ собрался въ назначенный часъ, князь Лопухинъ объявилъ, что въ это засѣданіе имѣютъ прибыть великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи. Часы проходили въ томительномъ ожиданіи; приближалась полночь, а ожидаемый пріѣздъ Михаила Павловича не послѣдовалъ. Тогда Николай Павловичъ рѣшился прибыть въ засѣданіе одинъ. Занявъ мѣсто предсѣдателя, великій князь началъ самъ читать манифестъ о принятіи имъ императорскаго сана вслѣдствіе настоятельныхъ отреченій отъ сего высокаго титула цесаревича Константина Павловича. Затѣмъ, государь повелѣлъ прочесть рескриптъ цесаревича на имя князя Лопухина [2]). Въ заключеніе члены

[1]) Неизданныя сочиненія Карамзина, стр. 17: „Для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства“. 16-го декабря 1825 года.

[2]) По прочтеніи этой бумаги Николай Павловичъ взялъ ее къ себѣ, не признавая возможнымъ дать ей тогда гласность, вслѣдствіе заключающагося

Государственнаго Совѣта принесли присягу императору Николаю въ большомъ дворцовомъ соборѣ.

Наступило 14-е (26-е) декабря 1825 года. Въ этотъ день предназначено было собраться въ Зимній дворецъ на молебствіе лицамъ, ко двору пріѣздъ имѣвшимъ, сперва къ одиннадцатому часу, а потомъ, по вторичнымъ повѣсткамъ, ко второму. Но обстоятельства заставили отложить молебствіе еще до болѣе поздняго часа.

Члены тайнаго общества рѣшили воспользоваться концомъ междуцарствія и предстоявшей новой присягой, чтобы вызвать въ войскахъ смуту и низвергнуть существующій въ Россіи порядокъ. Таинственность, въ которую облечены были переговоры съ Варшавою, подали поводъ къ разнымъ толкамъ и предположеніямъ, къ распространенію ложныхъ слуховъ, возбуждавшихъ тревогу и въ обществѣ и, въ особенности, въ казармахъ—все это благопріятствовало начинаніямъ и замысламъ заговорщиковъ.

Единственнымъ исходомъ изъ положенія, созданнаго Николаемъ Павловичемъ въ минуту рыцарскаго воодушевленія, «несомнѣнно благороднаго, но, быть можетъ, не совсѣмъ разумнаго» [1]), являлся пріѣздъ въ Петербургъ цесаревича Константина Павловича съ цѣлью гласнаго и торжественнаго отреченія отъ престола въ столицѣ. Но цесаревичъ наотрѣзъ отказался отъ этого способа вывести брата изъ затруднитель-

---

въ рескриптѣ рѣзкаго осужденія всего того, что было сдѣлано въ Петербургѣ съ 27-го ноября.

Въ этомъ рескриптѣ между прочимъ сказано, что при восшествіи на престолъ императора Александра учинена была присяга и наслѣднику, который назначенъ будетъ. «А какъ изъ раскрытыхъ бумагъ въ Государственномъ Совѣтѣ обнаружена высочайшая воля покойнаго государя императора, дабы наслѣдникомъ всероссійскаго престола быть великому князю Николаю Павловичу, то безъ нарушенія сдѣланной присяги никто не могъ учинить иной, какъ только подлежащей великому князю Николаю Павловичу, и слѣдовательно присягу, нынѣ принесенную, ни признать законною, ни принять оную не могу... При чемъ вашей свѣтлости и то сказать долженъ, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ. Изложивъ такимъ образомъ священную для меня волю покойнаго государя императора, долгомъ поставляю изъявить съ крайнимъ прискорбіемъ Государственному Совѣту, что въ семъ случаѣ отступлено имъ отъ законной обязанности принесеніемъ мнѣ неслѣдуемой присяги, тѣмъ болѣе, что учинено сіе безъ моего вѣдома и согласія, а сдѣланная нынѣ присяга, завлекшая и другихъ, подавъ примѣръ къ неисполненію вѣрноподданническаго долга, есть неправильна и незаконна, и для того должна быть уничтожена и, вмѣсто оной, принесена его императорскому величеству Николаю Павловичу».

[1]) С. С. Татищевъ: «Воцареніе императора Николая по неизданнымъ источникамъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ». «Русскій Вѣстникъ» 1893 года.

наго положенія, въ которое онъ себя поставилъ; онъ полагалъ, что не ему надлежитъ терпѣть отъ послѣдствій совершенной не имъ неосторожности, опасность которой была бы предотвращена, если бы не поторопились и обратились предварительно къ нему за совѣтомъ или даже за приказаніями. Введенные въ обманъ нижніе чины нѣкоторыхъ частей гвардіи отказались отъ присяги императору Николаю Павловичу и собрались на Петровской площади, передъ зданіемъ Сената, являясь какъ бы защитниками законныхъ правъ на престолъ цесаревича Константина Павловича.

Между тѣмъ знатныя обоего пола особы начинали съѣзжаться въ Зимній дворецъ. Среди общаго движенія въ сторонѣ неподвижно сидѣли три магната, пишетъ Карамзинъ: князь Лопухинъ, графъ Аракчеевъ и князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, «какъ три монумента». Въ то время когда военные всѣ уходили на площадь, графъ Аракчеевъ, какъ и слѣдовало ожидать, предпочелъ остаться во дворцѣ. «На него жаль было смотрѣть», пишетъ въ своихъ запискахъ В. Р. Марченко.

Мятежники упорствовали долго и не уступали увѣщаніямъ; графъ Милорадовичъ палъ смертельно раненый. Начинало уже смеркаться. Тогда императоръ Николай, убѣдившись наконецъ въ невозможности смирить непокорныхъ безъ кровопролитія, повелѣлъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, дѣйствовать артиллеріи. Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ рѣшили участь дня, мятежники разсѣялись, и спокойствіе разомъ водворилось въ столицѣ.

Возвѣщенное во дворцѣ молебствіе могло начаться только въ половинѣ седьмаго. Войска бивуакировали вокругъ дворца.

«Дорогой, дорогой Константинъ, написалъ въ тотъ же вечеръ государь цесаревичу,—ваша воля исполнена: я—императоръ; но какою цѣною. Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ. (Cher, cher Constantin! Votre volonté est faite, je suis Empereur, mais à quel prix, grand Dieu,—au prix du sang de mes sujets!)».

Въ ту же ночь начались аресты и допросы предводителей мятежа.

И такъ 19-е ноября 1825 года отозвалось грозно въ смутахъ 14-го декабря. Сей день, бѣдственный для Россіи, и эпоха, кроваво имъ ознаменованная, были страшнымъ судомъ для дѣлъ, мнѣній и помышленій настоящихъ и давно прошедшихъ, пишетъ князь П. А. Вяземскій.

По словамъ Карамзина, Россія въ сей день спасена отъ такого бѣдствія, «которое если не разрушило, то конечно бы истерзало ее».

«Если буду императоръ хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ», такъ говорилъ императоръ Николай утромъ 14-го декабря собраннымъ въ Зимнемъ дворцѣ начальникамъ гвардейскихъ полковъ и въ этотъ грозный день торжественно оправдалъ первое свое державное слово.

Въ Москвѣ, послѣ присяги императору Константину, ждали извѣстій о чрезвычайныхъ событіяхъ въ Петербургѣ. Возбужденіе въ нѣкоторыхъ слояхъ общества было чрезвычайное, и толкамъ не было конца. «Не забуду никогда одного бывшаго въ то время разговора о томъ, сказано въ запискахъ одного современника,—что нужно сдѣлать въ Москвѣ въ случаѣ полученія благопріятныхъ извѣстій изъ Петербурга. Одинъ изъ присутствовавшихъ на этихъ бесѣдахъ князь Николай Ивановичъ Трубецкой, адъютантъ графа П. А. Толстого, тогда командовавшаго корпусомъ, расположеннымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, брался доставить своего начальника, связаннаго по рукамъ и по ногамъ (avec les mains et les jambes liés [1]). Предположеніямъ и преніямъ не было конца, а мнѣ, юношѣ, казалось, что для Россіи уже наступилъ 1789 годъ.» [2])

Хотя послѣ 14-го декабря въ Москвѣ, а также и въ Россіи, все было тихо и спокойно, но толки продолжались. Извѣстія изъ Петербурга передавались самыя странныя и одно другому противорѣчащія. То говорили, что тамъ все спокойно, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ, то разсказывали, что вторая армія не присягаетъ, идетъ на Москву и тутъ намѣревается провозгласить конституцію. Къ этому прибавляли, что Ермоловъ также не присягаетъ и съ своими войсками идетъ съ Кавказа на Москву. «Эти слухи были такъ живы и положительны и казались такъ правдоподобными, разсказываетъ современникъ,—что Москва или, вѣрнѣе сказать, мы ожидали всякій день съ юга новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ».

Взглядъ цесаревича Константина Павловича на событія въ Петербургѣ, которыя привели ко дню 14-го декабря, отразился всего лучше въ слѣдующихъ строкахъ великаго князя, посланныхъ князю Волконскому изъ Варшавы 24-го января 1826 года:

«Воля покойнаго государя императора какъ при жизни его, такъ и по кончинѣ, была и будетъ всегда для меня священна: я слѣдовалъ и слѣдую оной такъ точно, какъ бы благодѣтель нашъ еще теперь здравствовалъ,—неизгладимая память о немъ останется въ сердцѣ моемъ до конца дней моихъ. Послѣ кончины его, нѣкоторая поспѣшность была, можетъ быть, поводомъ случившимся несчастнымъ происшествіямъ, въ которыхъ, къ прискорбію моему, имя мое выставлялось на видъ, чего иначе вѣроятно не могло бы случиться, и по сему я нахожусь въ такомъ положеніи, что до времени не могу еще явиться въ С.-Петербургъ. Здѣсь, благодаря Бога, все тихо и спокойно: около же

---

[1]) Князь Николай Ивановичъ Трубецкой скончался въ 1874 году оберъ-гофмейстеромъ, андреевскимъ кавалеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Записки А. И. Кошелева—Берлинъ, 1884, стр. 14.

насъ порядочныя были завирушки. По симъ обстоятельствамъ, правду сказать, мой теперь здѣсь постъ жутковатоватъ, но воля Божія: надѣюсь на Всевышній Его Промыслъ»! [1]).

Событія 14-го (26-го) декабря уже застали графа Ростопчина страдающимъ отъ болѣзни, которая вскорѣ свела его въ могилу [2]). Узнавши о нихъ, онъ сказалъ: «Обыкновенно сапожники устраиваютъ революцію, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками» [3]).

Эти слова были лебединою пѣснью неистощимаго острословія и злословія, которыми отличались изрѣченія графа Ростопчина.

Императоръ Николай далъ разслѣдованію по тайнымъ обществамъ—южному, сѣверному, соединенныхъ славянъ и польскому—возможную гласность; затѣмъ все дѣло было передано верховному уголовному суду, который долженъ былъ постановить приговоръ относительно главнѣйшихъ участниковъ заговора, въ числѣ 121 человѣка.

Одинъ изъ современниковъ высказалъ по поводу событій, сопровождавшихъ день 14-го декабря, слѣдующія мысли: «Не слѣдовало ли набросить покрывало и на истинныхъ преступниковъ русскихъ и поляковъ—и не исчезнетъ ли преступность послѣднихъ и даже первыхъ, когда вспомнишь, чего желалъ, за что гнѣвался государь, коему не должно было сопротивляться безъ преступленія? По любви къ государю и къ его памяти, къ душѣ его, понесшей на себѣ грѣхи всей его политики и администраціи, должно было бы бросить покровъ забвенія или милосердія и на другихъ заблудшихъ. Если вслѣдъ за нимъ блуждали и другіе, то какъ не принять кончину его какъ средство, которое само Провидѣніе давало милости и правосудію человѣческому» [4]).

Суровая дѣйствительность совершенно не соотвѣтствовала этимъ краснорѣчивымъ разсужденіямъ. Изъ подсудимыхъ: Рылѣевъ, Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ, Пестель и Каховскій казнены смертью, остальные члены тайныхъ обществъ, привлеченные къ суду, сосланы были въ Сибирь и въ другія мѣста заточенія.

Никто не ожидалъ такого исхода. Во все царствованіе Александра не было ни одной смертной казни, и ее считали вполнѣ отмѣненною. «Описать или словами передать ужасъ и уныніе, которые овладѣли

---

[1]) Государственный Архивъ. Разрядъ III, № 33.

[2]) Графъ Ростопчинъ скончался 18-го (30-го) января 1826 года.

[3]) «Ordinairement ce sont les cordonniers qui font les révolutions, pour devenir grands seigneurs; mais chez nous ce sont les grands seigneurs qui ont voulu devenir cordonniers».

[4]) «Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу». Лейпцигъ, 1872 г., стр. 51.

всѣми, нѣтъ возможности», пишетъ современникъ и свидѣтель этихъ впечатлѣній въ 1826 году въ Москвѣ [1]). Это настроеніе отразилось на коронаціонныхъ торжествахъ. Императоръ Николай былъ чрезвычайно мраченъ; будущее являлось болѣе чѣмъ грустнымъ и тревожнымъ. Все это рѣзко отличалось отъ восторговъ и надеждъ, сопровождавшихъ коронацію 1801 года.

Н. Шильдеръ.

---

[1]) «Записки А. И. Кошелева,» стр. 18.

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II.

Генералъ Штофельнъ.—Моровая язва въ Москвѣ.—Графъ Кирилла Разумовскій и его дочь Елисавета.—Графъ П. Ѳ. Апраксинъ.—Путешествіе Австрійскаго императора по Россіи.—С. Ѳ. Стрекаловъ.

1.

Секретное собственноручное письмо Императрицы Екатерины II къ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому.

Марта 5 ч. 1770 г. [1]).

Графъ Петръ Александровичъ! Упражненія господина Штофелна въ выжиганіи города за городомъ и деревни сотнями, признаюсь, что мнѣ весьма не пріятно; мнѣ кажется, что безъ крайности на такое варварство поступать не долженъ; когда же безъ нужды то дѣлается, то становится подобно тѣмъ дѣламъ, кои у насъ изъ-стари бывали на Волгѣ и на Сурѣ.—Я вѣдаю, что вы такъ, какъ и я, не находите удовольствіе въ подобныхъ произшествіи, пожалуй уймите Штофелнъ. Истребленіи всѣхъ тамошныхъ мѣстъ не ему Лавры нанесутъ, не намъ барыша, наипаче есть ли то суть христіанскія жилища; я опасаюсь, чтобъ подобный жребій не палъ на Букарестъ и проч.: предлогъ, что держаться нельзя, и тамъ быть можетъ. Вы видитѣ изо всего сего, что я вамъ чистосердечно описываю свои мысли, оставляя впрочемъ вамъ здѣлать

[1]) Печатаются съ сохраненіямъ ореографіи подлинника.

не болѣе, не менѣе какъ благоразумную осторожность, и лучее ваше военное изкуство и знаніе вамъ на умъ положетъ, имѣя къ вамъ совершенною довѣренность, что вы все то здѣлаетѣ, что къ пользѣ службѣ и дѣлъ вамъ вверенныхъ служить будетъ. Статься можетъ, что по моей природной склонности болѣе къ созиданію, нежели къ истребленію, я сіи непріятныя произшествіи слишкомъ горячо принимаю, однако я почла за нужно, чтобъ вы совершенно знали образъ моихъ мысль, употребленіе изъ сего здѣлаетѣ не инако какъ вы сами залуче разсудитѣ, и сіе письмо потому можетъ остатся между нами; но какъ бы то не было оно всегда служить будетъ къ доказательству той повѣренности, съ которой остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

2.

Собственноручная записка Императрицы Екатерины II [1]).

Долго ли намъ свѣтъ обманывать: печатаете будто реляціи и будто ко мнѣ, а въ самомъ дѣлѣ она переплавлена (переправлена?) всячески. И такъ одиножды на всегда, дабы сходнѣе было съ истинны, приказываю я, что когда нельзя печатать реляція слово отъ слово, а только выпись исправленной дѣлаетѣ, то имѣетъ оной печатать не подъ моимъ титуломъ, а просто экстрактомъ изъ полученныхъ извѣстій отъ такого то генерала, ибо я не хочу, чтобъ мое имя была употреблено тутъ, гдѣ оно будетъ ложію для того, что такъ ко мнѣ писано не было.

3.

Собственноручный указъ Императрицы Екатерины II полкамъ лейбъ-гвардіи

12-го апрѣля 1771 года.

Повелѣваемъ всѣмъ полкамъ гвардіи Нашей съ 30-го будущаго мая мѣсяца выступить въ лагерь и для того господамъ подполковникамъ выбрать всякому полку особо способное мѣсто верстахъ въ пяти отъ города.

---

[1]) Записка безъ обозначенія года, мѣсяца и числа и кому писана неизвѣстно.

4.

Собственноручная записка Императрицы Екатерины II.

1771 г. [1]).

Дабы присечь колико возможно сообщеніе прилибчивой болезни оказавшіеся на Москвѣ, какъ суда, такъ и въ прочія мѣста, то предлагаются къ разсужденіи слѣдующіе пункты:

1) Установить карантинъ для всѣхъ изъ Москвы выезжающихъ, верстахъ въ трицати отъ Москвы какъ по большимъ, такъ и по проселешнымъ дорогамъ.

2) Москву, есть ли возможность есть, запереть и не впускать ни кого безъ дозволеніе отъ фелдмаршала графа Салтыкова.

3) Публиковать отъ Сената въ тѣхъ городахъ, кои отъ Москвы по большимъ дорога въ девяноста и въ двидевяноста верстъ по большимъ дорогамъ, что на Москвѣ оказались прилибчивые горячки, и для того бъ остерегались всякаго званіе люди въ столицу въежжать. Обозы же, кои едутъ со всякими для жизни нужныя припасы для Москву, отдать въ тѣхъ городахъ приказу, чтобъ онѣ останавливались въ семи верстахъ отъ Москвы, гдѣ онѣ найдутъ повеленіе отъ московской полиціи и губернатора куда слѣдовать и для того,

4) Московская полиція обще съ губернаторомъ имѣетъ означить на каждой большой отъ Москвы дорогѣ, внѣ города, мѣсто куда обозамъ съѣхаться. Тутъ московскимъ жителямъ приходить закупать того, въ чемъ имъ нужда и надобность въ означенные дни и часы, о чемъ въ городѣ полиція отъ себя публикуетъ, а губернаторъ въ губерніи.

5) На сихъ внѣ города мѣстъ московская полиція имѣетъ не только между покупщиковъ и продавцовъ разложить большія огни и здѣлать надолбы, но чтобъ и то остережено было, чтобъ городскіе жители къ пріѣзжимъ не дотрогивались и не смѣшались вмѣстѣ; деньги же обмакивать въ уксуса. Каждый такой торгъ долженъ отправлятся въ присутствіи полицейской команды, коя будетъ смотреть, чтобъ вышеписанный и прочія обряды для безопасности не зараженныхъ совершенно сохраненъ былъ.

6) Московскій архіерей имѣетъ по формуляря, нынѣ отправленнаго изъ Синода, приказать читать молитвы о прилибчивы болѣзни во всей своей епархіи, дабы народъ чрезъ-то наивяще остерегался самъ отъ опасности; тоже велѣть учинить во Владимірской, Переяславской, Тверской и Крутитской епархіи, къ чему совокупить можно чтеніе манифеста и приложенныя къ губернаторамъ отъ Сената пункты, какія осторожности брать.

---

[1]) Записка эта безъ датъ.

Для города Петербурхъ установить на Тихвинской, Старорусской, Новогородской и Смоленской дорогѣ во стѣ верстахъ карантинъ, хотя педѣльной, и если не окажется болѣзнь, то пропускать, окуривая людей и вещей и обмакивая въ уксусѣ бумагу, письмы и прочее, какъ положено будетъ.

5.

Всеподданнѣйшее прошеніе графа Кириллы Разумовскаго.

5-го іюля 1774 года.

Всемилостивѣйшая государыня!

Извѣстная любовь дочери моей Елисаветы съ графомъ Петромъ Апраксинымъ около четырехъ лѣтъ меня огорчала и дѣлала позоръ публикѣ. Сколько я ни старался ее отъ сей пагубной страсти отводить и угрозами и совѣтами, и подсылая братьевъ и сестеръ, чтобъ ее отвлекали, но Апраксинъ столько ее въ свои коварныя сѣти уловилъ, что всѣ и мои, и фамиліи моей предпріятія были тщетны и безполезны къ избавленію ея. Наконецъ она, забывъ страхъ и стыдъ и удовлетворяя с.... желаніямъ своего любовника, и обеременѣла, что и родня и публика примѣтила, и сама она призналась, о чемъ почелъ за долгъ донесть вашему императорскому величеству [1]).

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ напомнить, что въ „Русской Старинѣ“ 1871 г., т. IV. стр. 379, въ статьѣ „Фрейлины Русскаго двора въ XVIII и XIX столѣтіяхъ по біографическимъ спискамъ П. Ѳ. Карабанова“ помѣщенъ слѣдующій біографическій очеркъ графини Елисаветы Разумовской:

„Графиня Елисавета Кирилловна Разумовская 2-я, родная сестра графини Натальи Кирилловны, вторая дочь генералъ-фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича и супруги его, графини Екатерины Ивановны. Слѣпая привязанность къ генералъ-поручику и св. Анны кавалеру, графу Петру Ѳедоровичу Апраксину (род. 6-го августа 1728 г. † 5-го февраля 1811 г.), имѣвшему въ живыхъ супругу Анну Павловну, рожд. графиню Ягужинскую, рѣшила Елисавету Кирилловну, не взирая ни на что, съ нимъ тайно уѣхать и, вопреки церковному постановленію, обвѣнчаться. Раздраженный отецъ, пришедъ къ Екатеринѣ II и поднеся на колѣняхъ фрейлинскій знакъ несчастной дочери, сказалъ: „она недостойна носить пожалованное вами отличіе“. Въ первыя минуты повелѣно преслѣдовать ихъ со всею строгостію, а потомъ, подъ рукою, сказано брошенной супругѣ Апраксина, чтобы она шла въ монастырь, что согласовалось съ ея намѣреніемъ; въ скоромъ времени она постриглась въ Кіево-Вознесенскомъ Фроловскомъ монастырѣ, подъ именемъ Августы; въ 1790 г. произведена въ игуменьи, и тамъ скончалась въ 1802 г.“.

Помѣщаемые ниже документы даютъ иную окраску этому событію.

Ред.

Послѣ такого ея скверная поведенія и несноснаго удара, мнѣ ею нанесеннаго, не могу я ей дать мѣста ни въ сердцѣ моемъ, ни въ достояніи съ прочими дѣтьми моими, ни въ чемъ передо мною не погрѣшившими. Вслѣдствіе чего исключая ее отъ того и другаго, прибѣгаю къ вашему императорскому величеству, и, падъ къ освященнымъ стопамъ вашимъ, всенижайше прошу, по разрѣшеніи ея отъ бремени, повелѣть изъять изъ дому моего, сослать въ отдаленный отъ двухъ резиденцій монастырь и постричь, или избрать по строгости законовъ другой ходъ наказанія, соотвѣтствующаго сему поносному ея поступку. Сія высочайшая вашего императорскаго величества милость будетъ мнѣ, оскорбленному отцу съ фамиліею моею, великимъ утѣшеніемъ.

Что же касается до коварнаго льстеца и содѣтеля несчастія ея, вышеупоминаемаго Апраксина, то яко оной обругалъ фрейлину вашу, употребя къ скотскимъ своимъ забавамъ посредствомъ дворъ [1]) вашего императорскаго величества, такое освященное мѣсто, которое почитается хранилищемъ и защищеніемъ чести и невинности, и гдѣ ни око родительское, ни власть ихъ не нужны, ибо онъ по собственному ея признанію, увозилъ черезъ цѣлую зиму на своемъ экипажѣ всякой разъ, что она дежурила,—то уповаю, что правосудіе вашего императорскаго величества не оставитъ такого дерзновеннаго поступка безъ достойнаго истязанія.

Всемилостивѣйшая государыня!

Вашего императорскаго величества

всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Кирилла Разумовскій.

6.

Собственноручный отвѣтъ Екатерины II графу Разумовскому.

Всякой отецъ совершенное воля имѣетъ съ дѣтьми своими поступить какъ заблагоразсудитъ. Въ чемъ и я препятствовать никому не могу и не буду; а только прошу графа Разумовскаго, чтобъ онъ дочь свою не постригъ, ибо по молодымъ ее лѣтамъ я разсуждаю, что сіе жестоко и закономъ противно; до сорока лѣтъ женщинъ не постригаютъ. Дабы же дочь его по его просьбѣ мною наказана была, то отъ сего числа я ее исключаю изъ числа придворныхъ моихъ фрейлинъ, и имя мое, которое она носила, отъ нее взять велю. А по разрѣшенье ее, какое графъ Ра-

[1]) Совершенно точно съ подлинникомъ.

зумовскій отъ меня будетъ требовать опредѣленье или помочь, дать вѣлю, лишь бы сходственно было съ человѣколюбіемъ.

Что же касается до графа Апраксина, то накажу его тѣмъ, что запрещу ему казаться какъ при дворѣ, такъ и въ публикѣ и вездѣ тутъ, гдѣ встрѣтится можетъ со дворомъ или домомъ графа Разумовскаго, а за безчестье, учиненная двору, велю его запереть на полгода въ крепость или на три—въ цухъ-гаузъ ревельской, или на годъ въ Свирской монастырь, чего самъ изберетъ.

7.

Собственноручное письмо императрицы Екатерины II къ князю А. М. Голицыну.

12-го іюля 1774 г.

Князь Александръ Михайловичъ! Какъ пріѣдитѣ въ городъ, то пошлитѣ по графа Петра Ѳедоровича Апраксина и объявите ему моимъ именемъ, что по причинѣ той, что онъ столь безчестно и безсовѣстно поступилъ съ графинею Елизаветою Кириловною Разумовской и къ тому употреблялъ время, когда та слылась дневальной при дворѣ и слѣдовательно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и отцовская власть силы не имѣетъ, то въ сатисфакцію какъ двору моему, такъ и равно оскорбленнаго дома фельдмаршала графа Разумовскаго, которой о семъ чрезъ письмо мнѣ просилъ, даю ему выбрать изъ трехъ одно: или быть заключенъ въ Ревельскій цухъ-гаузъ три мѣсяца, или въ здѣшной крѣпости шесть мѣсяцевъ, или годъ подъ началомъ въ Свирской монастырь, по прошествіи котораго сроку запрещается ему дворъ и казаться во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ встрѣчаться съ домомъ графа Разумовскаго. И чего онъ выберетъ, вы его тотъ же часъ туда подъ карауломъ туда и отравьтѣ. Въ семъ прилагаю здѣсь нужныя повелѣнія для пріема его во всѣхъ трехъ мѣстахъ.

8.

Собственноручная записка императрицы Екатерины II, объявленная Сенату генералъ-прокуромъ княземъ Вяземскимъ [1]):

«Понеже разные ложные слухи разсѣваются о арестѣ графа Петра Апраксина, для пресѣченія которыхъ разсудила за благо сообщить Се-

[1]) Записка эта писана карандашемъ для объявленія и любезно доставлена намъ А. В. Безроднымъ, которому приносимъ нашу искреннюю благодарность.

ната первому департаменту слѣдующую при семъ копію съ моего къ генералу-фельдмаршалу князю Голицыну письма, по которому оный графъ Апраксинъ въ крѣпость посаженъ по его собственному желанію [1]).

9.

Высочайшій рескриптъ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому.

4 февраля 1780 г. № 112.

Графъ Петръ Александровичъ! Къ собственному знанію вашему сообщаю при семъ копію письма, мною полученнаго изъ Вѣны отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына и моего къ нему отвѣта. Изъ послѣдняго вы увидите, что хотя въ приложенной при томъ запискѣ и назначены станціи для проѣзда императору отъ Бродовъ черезъ Кіевъ и Черниговъ къ Могилеву, но я симъ не связываю васъ въ распоряженіяхъ по лучшему вашему благопризнанію, есть ли вамъ извѣстна другая дорога короче и удобнѣе, какъ внѣ такъ внутри Россіи. Въ первомъ случаѣ генералъ князь Потемкинъ имѣетъ мое повелѣніе на станціяхъ въ Польшѣ разставить гусарскіе и пикинерные эскадроны съ полковыми и другими лошадьми до Василькова. А вамъ нужно будетъ отъ Василькова до границы Бѣлорусской губерніи на каждой станціи приготовить по сту лошадей, разставить по нимъ для конвоя и караула военныя команды по разсмотрѣнію вашему, да и въ

---

[1]) Засвидѣтельствованная копія была объявлена Сенату уже въ измѣненномъ противъ собственноручнаго подлинника видѣ:

„Князь Александръ Михайловичъ! Какъ пріѣдете въ городъ, то пошлите по графа Петра Апраксина и объявите ему моимъ именемъ, что по причинѣ столь безчестнаго и безсовѣстнаго его поступка съ графинею Елисаветою Разумовскою, и что къ оному употреблялъ такое время, когда она слылась дневальною при дворѣ, слѣдовательно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отцовская власть не имѣетъ силы; то въ сатисфакцію какъ моего двора, такъ равно и оскорбленнаго дома генералъ-фельдмаршала графа Разумовскаго, который о семъ чрезъ письмо меня просилъ, даю ему выбрать одно изъ трехъ мѣстъ: 1) заключену быть въ Ревельскомъ цухтъ-гаузѣ на три мѣсяца, 2) или въ Санктъ-Петербургской крѣпости на шесть мѣсяцевъ, или же 3) быть одинъ годъ подъ началомъ въ Свирскомъ монастырѣ. По прошествіи назначеннаго срока запрещается ему пріѣздъ ко двору и казаться во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ встрѣтиться съ дворомъ моимъ и съ домомъ графа Разумовскаго; которое же изъ вышесказанныхъ трехъ мѣстъ выберетъ, то имѣете вы его тотъ же часъ туда подъ карауломъ отправить, а посему и прилагаю здѣсь нужныя для пріему его въ тѣхъ трехъ мѣстахъ повелѣнія".

проѣздѣ императора стараться доставить всевозможныя выгоды. Есть ли же по благопризнанію вашему, или же по сообщенію къ вамъ отъ князя Голицына назначена будетъ иная дорога, въ такомъ случаѣ вы можете и тѣ команды, что́ будутъ наряжены со стороны генерала князя Потемкина, приказать перевѣсть на другія станціи по способности; равнымъ образомъ и отъ губерніи и команды вамъ ввѣренной принадлежащія распоряженія учинить. Я удостовѣрена, что вы не найдете себя въ затрудненіи относительно принятія сего гостя, и конечно благовременно увѣдомите меня о вашихъ распоряженіяхъ какъ предварительныхъ, такъ особливо когда уже вы отъ князя Голицына получите извѣстіе о числѣ свиты его, и образѣ, которымъ онъ путемъ шествовать будетъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная.

10.

Собственноручный рескриптъ Екатерины II графу З. Г. Чернышеву.

14 марта 1780 г. № 170.

Графъ Захаръ Григорьевичъ! Изъ числа братьевъ моихъ графъ Фалкенштейнъ изволитъ ѣхать чрезъ Кіевъ въ Могилевъ для свиданія со мною; я опасаюсь que le jeu ne vaudra pas la chandelle; но какъ бы то ни было, онъ твердо полагаетъ быть къ вамъ на другой день моего пріѣзда; и такъ васъ о семъ увѣдомляю, дабы вы могли о семъ здѣлать ваши заранѣе распоряженія, какъ вы о томъ усмотрите изъ другаго моего письма. Все дѣло же должно производить безъ всякой церемоніи, et de nouveau je jouerai le role de Ninette à la Cour et madame Votre Épouse n'a qu'à se tenir bien droit et parer ses belles Dames de Mogilof pour disputer la Conquête qui leur vient là.

11.

Высочайшій рескриптъ графу З. Г. Чернышеву.

14 марта 1780 г. № 169.

Графъ Захаръ Григорьевичъ! Получа вѣрное извѣстіе, что графъ Фалкенштейнъ намѣренъ быть въ Могилевѣ во время моего тамъ пребыванія, я желаю, чтобъ вы для проѣзда его, по сношенію съ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ-Задунайскимъ отъ границы

малороссійской въ губерніи, вамъ ввѣренной, приказали поставить по сту лошадей на каждой станціи съ небольшою воинскою командою для караула и конвоя; ибо хотя сей ожидаемый гость и отозвался, что ему не нужно болѣе тридцати шести лошадей въ коляски и нѣсколько верховыхъ; но по состоянію дороги, да и на всякій случай лучше имѣть въ запасѣ нѣкоторое число излишнихъ. А поелику по образу его путешествія думать можно, что онъ привыкши ѣздить налегкѣ, есть ли не для себя, по крайней мѣрѣ для свиты своей не будетъ имѣть ни постелей, ни прочихъ надобностей, надѣяся все найти на станціяхъ—то и нужно, чтобъ вы его обѣды и ночлеги чрезъ губернію Могилевскую такъ распорядили, чтобъ оные могли быть по домамъ и мѣстамъ снабдѣннымъ по возможности всѣмъ нужнымъ для его выгоды и покоя. Впрочемъ, какъ принять его заблагопризнано будетъ, вы получите отъ меня повелѣніе, и не оставите согласиться въ разсужденіи препровожденія его съ графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная.

12.

Высочайшій рескриптъ князю Д. М. Голицыну.

28 марта 1780 г. № 185.

Князь Дмитрій Михайловичъ! Возвращеніе присланнаго отъ васъ курьера удержано было въ ожиданіи полученія новыхъ донесеній отъ генералъ-фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго вслѣдствіе письма вашего къ нему о путешествіи императора. Но какъ имѣла я уже и прежде отъ помянутаго генералъ-фельдмаршала извѣстіе о дорогѣ, за лучше имъ предполагаемой, и о другихъ пріуготовленіяхъ, да и нѣтъ сомнѣнія, что онъ, пользуяся безпосредственною съ вами перепискою по пребыванію своему къ тому времени въ Кіевѣ или въ близости того города, не оставитъ сдѣлать всѣ пристойныя распоряженія, то и разсудила я за благо отправить къ вамъ обратно вашего нарочнаго. Я желаю, чтобъ вы при удобномъ случаѣ подали его величеству новыя увѣренія объ искреннемъ признаніи моемъ къ образу его дружественныхъ обо мнѣ мыслей, коль пріятно мнѣ будетъ пріобрѣтеніе самоличнаго знакомства съ государемъ, честь вѣку нашему дѣлающемъ, и что, съ удовольствіемъ хотѣніе его исполняя, всемѣстно будутъ удаляться утруждать его какими либо церемоніальными обрядами, стараяся единственно о доставленіи всевозможной выгоды сему гостю. По крайней неудобности дорогъ, въ запискѣ при реляціи вашей приложенной озна-

ченныхъ, я не оставлю вновь дать знать графу Румянцову-Задунайскому, чтобъ онъ таковую выбралъ, которая была бы выгоднѣе и покойнѣе, и вамъ сообщить о томъ не умѣдлить. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная.

13.

Высочайшій рескриптъ графу П. А. Румянцову-Задунайскому.

29 марта 1780 г. № 186.

Графъ Петръ Александровичъ! Послѣ полученія донесенія вашего, какія распоряженія предполагали вы на случай пріѣзда императора въ Могилевъ по первому его отзыву, равно какъ и зная, что дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ сообщилъ вамъ прямо во всей подробности о путешествіи сего государя, хотя и удостовѣрена я совершенно, что вы не оставили учинить надлежащія со стороны вашей предписанія, дабы все потребное для выгоды его величества было пріуготовлено на основаніи прежняго моего повелѣнія и вашихъ въ помянутомъ донесеній выраженныхъ мыслей, соглашая все то съ образомъ путешествія его, нынѣ уже точно на мѣрѣ положеннымъ; но при томъ не упускаю сообщить для свѣдѣнія вашего копію письма моего къ князю Голицыну, желая, чтобъ вы увѣдомили меня объ успѣхахъ въ пріуготовленіяхъ вашихъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная.

14.

Всеподданнѣйшее донесеніе князя Долгорукова-Крымскаго.

Мая 29 дня 1780 г. Москва.

Всемилостивѣйшая государыня! Удостоясь получить всевысочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе изъ Могилева отъ 25-го сего мѣсяца о пріуготовленіяхъ по случаю предпріемлемаго графомъ Фалкенштейномъ въ Москву и С.-Петербургъ путешествія нужныхъ, имѣю счастіе всеподданнѣйше вашему императорскому величеству донести, что по первому еще отъ 22-го сего мѣсяца всевысочайшему вашего императорскаго величества предписанію надлежащія сдѣлалъ по Смоленскому тракту распоряженія, какъ объ исправленіи дороги, такъ о заготовленіи подставныхъ по станціямъ лошадей и о назначеніи тамъ

удобныхъ домовъ ко въѣзду. Нынѣ, всемилостивѣйшая государыня, воспріялъ я всевозможное стараніе, чтобъ и С.-Петербургская дорога, по всѣмъ увѣдомленіямъ проѣзжающихъ въ весьма худомъ состояніи находящаяся, особливо-жъ испорченная послѣдними дождями, сколь возможно поправлена и по сту лошадей на станціяхъ пріуготовлено было, употребя къ тому въ случаѣ недостатка ямскихъ лошадей изъ обывательскихъ, что самое принужденъ я былъ учинить и по Смоленской дорогѣ. Для пребыванія въ Москвѣ графа Фалкенштейна избралъ я, всемилостивѣйшая государыня, въ Новой Басманной улицѣ домъ графа Жили, довольно хорошій и особливую удобность имѣющій къ представленію вольнаго дому. Равнымъ образомъ домъ въ Можайскѣ и по пути къ С.-Петербургу дворцы прибраны будутъ. Объ исправленіи же дороги въ Новгородскомъ и Тверскомъ намѣстничествѣ и объ числѣ лошадей, къ проѣзду сего знатнаго гостя потребныхъ, сообщилъ я, всемилостивѣйшая государыня, правящему должность намѣстника вашего императорскаго величества въ сихъ губерніяхъ генералъ-поручику Сиверсу, давъ при томъ о семъ знать Тверскаго намѣстничества генералъ-маіору Тутолмину, ради благовременныхъ къ тому учрежденій. Какія же отъ князя Николая Васильевича Репнина о дальнѣйшихъ подробностяхъ сего путешествія получу извѣстія, то и объ оныхъ г. Сиверса увѣдомлю. Всѣмъ тѣмъ особамъ, всемилостивѣйшая государыня, въ коихъ вѣдомствѣ состоятъ здѣсь каковыя либо древности и другія знаменитыя вещи примѣчанія достойныя, приказалъ я, по полученіи еще перваго всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, предуготовится къ удовлетворенію любопытства графа Факелштейна. А между тѣмъ, всемилостивѣйшая государыня, что принадлежитъ до Смоленской дороги, которая, особливо въ окрестности Можайска, будучи лѣсиста, требуетъ многихъ трудовъ къ своему поправленію, то я по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества соизволенію, пріемлю нынѣ дерзновеніе повергнуть себя въ Смоленскѣ къ освященнымъ вашего императорскаго величества стопамъ съ принесеніемъ всеподданнѣйшей благодарности за всемилостивѣйше оказанную ко мнѣ довѣренность и благоволѣніе, потщусь въ проѣздъ мой самолично всевозможныя поправленіи и учрежденіи сдѣлать въ сходственность высочайшихъ вашего императорскаго величества повелѣній.

15.

Всеподданнѣйшій рапортъ князя Долгорукова-Крымскаго.

Іюня 10 дня 1780 г. Москва.

Всемилостивѣйшая государыня! Графъ Факелштейнъ, по въѣздѣ въ Московскую губернію имѣвъ ночлегъ свой на 6-ое число сего мѣсяца въ

Можайскѣ, прибылъ того-жъ дни во 2-мъ часу пополудни благополучно въ Москву и сталъ въ приготовленномъ для него подъ именемъ Праги трактирѣ. Онъ, помѣдля нѣсколько, поѣхалъ въ Кремль и осмотрѣлъ находящіяся въ ономъ древнія зданія. Любопытство его побудило сойти и къ большому колоколу, въ ямѣ лѣжащему. Онъ потомъ былъ въ дворцовомъ вашего императорскаго величества саду. Въ слѣдующіе же дни ѣздилъ въ домъ воспитательный, въ село Царицыно, въ Павловскую больницу, въ монастырь Воскресенской, въ университетъ и въ прочія публичныя мѣста, обрѣтшіе его вниманіе. 8-го числа сего мѣсяца сдѣлалъ онъ мнѣ честь своимъ визитомъ, а 9-го, будучи въ вокзалѣ, казался весьма довольнымъ при собраніи благороднаго общества, простиравшемся выше 1.600 человѣкъ, большею частію дамъ. Онъ вступалъ въ разговоры со многими изъ нихъ и особливая его ласковость примѣтна была къ благороднымъ воспитанницамъ С.-Петербургскаго Новодѣвичьяго монастыря. Намѣреніе свое ѣхать въ Тулу онъ отмѣнилъ, и день отъѣзда въ С.-Петербургъ назначилъ въ субботу 13-го сего мѣсяца. Свиту же свою отправляетъ впередъ за день, почему и посланы отъ меня предварительныя увѣдомленія въ Тверское и Новгородское намѣсничества о бытіи въ готовности къ его проѣзду. О чемъ вашему императорскому величеству со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе всеподданнѣйше чрезъ сіе донести такъ, какъ и о томъ, что городъ Москва и всѣ онаго окрестности въ совершенномъ находятся благосостояніи.

16.

Рескриптъ императрицы Екатерины II С. Ф. Стрекалову.

19-го апрѣля 1784 г.

Степанъ Ѳедоровичъ! Давъ позволеніе княгинѣ Катеринѣ Романовнѣ Дашковой по прошенію ея отлучиться на время для домашнихъ ея дѣлъ, Мы поручаемъ вамъ въ управленіе Санктпетербургскую Академію Наукъ до возвращенія княгини Дашковой. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны [1]).

---

[1]) Весь указъ писанъ рукою А. А. Безбородко.

ВОСПОМИНАНІЯ О КНЯЗѢ ВАРШАВСКОМЪ ГРАФѢ ПАСКЕВИЧѢ ЭРИВАНСКОМЪ.

(Отрывокъ изъ дневника П. К. Менькова[1]).

1850-й годъ.

Въ сентябрѣ 1849 года войска возвратились въ предѣлы Россіи [2]). Я пріѣхалъ въ Варшаву. Меня произвели въ подполковники съ назначеніемъ по особымъ порученіямъ при главномъ штабѣ арміи. За отбытіемъ изъ главной квартиры полковника графа Сакена, я принялъ, по просьбѣ Фрейтага, 1-е отдѣленіе управленія генералъ-квартирмейстера арміи.

Почти тотчасъ по окончаніи кампаніи, по высочайшему повелѣнію приказано было составить описаніе Венгерской войны. Работа эта возложена была на меня; ею занимался я и князь Горчаковъ; по отъѣздѣ же князя за границу, занятія по этому предмету лежали исключительно на мнѣ. Несмотря на болѣзнь мою, я трудился почти день и ночь и все написанное вчернѣ прочиталъ его свѣтлости.

---

[1]) Авторъ дневника, будучи подполковникомъ генеральнаго штаба и состоя при штабѣ дѣйствующей арміи, завѣдывалъ военно-походной канцеляріей фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго. Объ этомъ времени у Петра Кононовича Менькова сохранились воспоминанія, которыя вошли въ его дневникъ. Онъ, какъ и всѣ остальные труды Менькова, нынѣ издаются въ свѣтъ складомъ В. А. Березовскаго и выйдутъ изъ печати въ концѣ этого года; теперь же мы помѣщаемъ отрывокъ изъ дневника, заключающій въ себѣ нѣкоторыя воспоминанія о князѣ Варшавскомъ.

[2]) Изъ похода въ Венгрію.

Оконченная исторія войны въ Венгріи [1]) была представлена фельдмаршаломъ государю императору, во время пребыванія его въ Варшавѣ, по случаю пятидесяти-лѣтняго юбилея службы фельдмаршала.

Работы по составленію исторіи положили начало моего знакомства и сближенія съ фельдмаршаломъ. Его свѣтлость былъ постоянно любезенъ со мной и видимо приближалъ къ себѣ.

Здѣсь кстати привести слѣдующее анекдотическое воспоминаніе.

Во время описанія венгерскаго похода, время отъ времени, я являлся къ фельдмаршалу для прочтенія изготовленной мною работы. Часъ для этого назначался обыкновенно предобѣденный, за тѣмъ, по окончаніи чтенія, слѣдовалъ обѣдъ у его свѣтлости. За обѣдомъ фельдмаршалъ пилъ обыкновенно кахетинское вино. Замѣтивъ однажды, что я отказываюсь отъ этого, по его мнѣнію, самаго лучшаго вина. фельдмаршалъ съ удивленіемъ спросилъ: «почему я не пью»? Я почтительно доложилъ, что медики послѣ моей болѣзни «артретизмъ» въ ногахъ запретили всякое вино, кромѣ шампанскаго, а какъ это послѣднее не по карману, то я, скрѣпя сердце, пью одну только воду, «самый сильный напитокъ—плотины рветъ!»...

Фельдмаршалъ нѣсколько разъ разсѣянно повторилъ: «Да, вода сильный напитокъ—плотины рветъ!!... А вотъ что,—прибавилъ онъ, обращаясь къ своему домашнему секретарю С. Ѳ. Панютину, — распорядись, чтобы подполковнику Менькову, въ видахъ сохраненія здоровья, согласно совѣту врачей, изъ экстро-ординарной суммы, находящейся въ моемъ распоряженіи, отпускалось ежегодно столько денегъ, чтобы онъ могъ ежедневно выпивать бутылку шампанскаго!...»

Сдѣланъ былъ разсчетъ на 366 дней по 2 руб. 50 к. (стоимость бутылки «Редерера» въ Варшавѣ) всего 915 руб. въ годъ. Деньги эти съ 1849 по 1853 годъ, т. е. до начала войны на Дунаѣ, или до времени моего отчисленія отъ бывшей дѣйствующей арміи къ арміи дунайской производились съ полною аккуратностью.

1851-й годъ.

Лѣтомъ я сопутствовалъ генералъ-фельдмаршалу въ его поѣздкахъ.

26-го и 27-го іюля князь Варшавскій осматривалъ въ Луцкѣ войска 4-го корпуса; 29-го и 30-го іюля—полки 7-й дивизіи, собранные въ Кіевѣ для крѣпостныхъ работъ, послѣ чего поѣхали въ Гомель, гдѣ

---

[1]) Рукописный экземпляръ, составленный П. К. Меньковымъ, хранится въ архивѣ военно-ученаго комитета главнаго штаба.

фельдмаршалъ смотрѣлъ остальныя части 3-го корпуса. О результатѣ смотра его свѣтлость всеподданнѣйше доносилъ государю императору.

Въ Гомелѣ, гдѣ было собрано двѣ дивизіи пѣхоты, при осмотрѣ стрѣльбы въ цѣль, его свѣтлость подозвалъ меня къ себѣ; мы стали въ сторонѣ отъ другихъ.

— Много писали и говорили,—началъ фельдмаршалъ, — о дѣйствіи и употребленіи кавалеріи большими массами. Помнится мнѣ, что даже обвиняли русскихъ генераловъ, что они не разумѣютъ сего дѣла. Я всегда сомнѣвался, сомнѣваюсь и теперь въ выгодахъ сего дѣйствія!?? Существуетъ мнѣніе, что кавалерія наша во время отечественной войны дѣйствовала дурно (?);—мнѣніе ошибочное; отступленіе арміи отъ Нѣмана до Москвы, подъ прикрытіемъ кавалеріи, лучшее доказательство того, что кавалерія дѣлала свое дѣло... Подумай объ этомъ хорошенько—надобно что нибудь написать объ этомъ!..

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ я. (Не написали ничего).

Дивенъ Гомель съ его очаровательнымъ видомъ, съ его роскошнымъ палацомъ, величественною башнею и пристройками. Нѣсколько дней, проведенныхъ въ Гомелѣ, останутся для меня на всю жизнь пріятнымъ воспоминаніемъ: мы гостили у добраго, русскаго, славнаго и богатаго боярина, для всѣхъ радушнаго, внимательнаго и гостепріимнаго хозяина! [1])

Къ этому же времени относится слѣдующій разговоръ мой съ фельдмаршаломъ.

Еще въ бытность нашу въ Варшавѣ по главному штабу дѣйствующей арміи заготовлялись представленія къ наградамъ. Генералъ Бутурлинъ спрашивалъ меня отъ имени князя Горчакова, какую я хочу награду. Черезъ нѣсколько дней Бутурлинъ сообщилъ мнѣ, что князь Горчаковъ съ удовольствіемъ согласился на производство мое въ полковники и что нѣтъ сомнѣнія, что его свѣтлость не откажетъ въ этомъ. При первомъ докладѣ о наградахъ генераломъ Ушаковымъ всѣ награды фельдмаршалъ приказалъ измѣнить. Измѣненные наградные списки были присланы въ Гомель. Противу многихъ лицъ и въ томъ числѣ противу меня въ графѣ «испрашивается награда» было оставлено мѣсто и только карандашемъ рукою Ушакова прописано было: «Анны 2-й степени» и внизу—«не имѣетъ Анны 3-й степени».

Представленія о наградахъ его свѣтлости докладывалъ я. Когда очередъ дошла до моего представленія, фельдмаршалъ отложилъ списокъ и подписывалъ другіе; наконецъ снова взялъ мой списокъ, вертѣлъ его въ рукахъ, ожидая, что я что-либо скажу. Я молчалъ.

Фельдмаршалъ сказалъ, какъ бы говоря съ собой: «Анны 2-й не да-

---

[1]) Князя Варшавскаго.

дутъ». Я молчалъ, мнѣ было досадно. Фельдмаршалъ написалъ: «Анну 3-й степени». Я имѣлъ уже Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

Съ нескрываемою досадою я собралъ списки и хотѣлъ идти. Фельдмаршалъ остановилъ меня, взялъ подъ руку и вышелъ въ залу, гдѣ было много уже посѣтителей. Спускаясь съ балкона въ садъ онъ спросилъ меня: «ты доволенъ наградою?»

— Ваша свѣтлость, я имѣю старшій крестъ.

— Ты больше всѣхъ въ арміи награжденъ, ты при мнѣ, я тебя знаю и я тебя люблю!—сказалъ фельдмаршалъ.

— Ваша свѣтлость, я совершенно счастливъ и умѣю цѣнить ваше высокое расположеніе, но осмѣлюсь доложить, что оно не двигаетъ меня по службѣ?

Фельдмаршалъ выпустилъ мою руку; я ожидалъ бури; противъ ожиданія—бури не было!

— Петръ Ѳеодоровичъ,— сказалъ фельдмаршалъ,— обращаясь къ шедшему сзади Ильяшевичу: знаешь, что мнѣ въ немъ нравится—онъ ничего для себя не проситъ.

Я отдѣлился отъ общей группы. Съ той поры фельдмаршалъ былъ особо внимателенъ ко мнѣ. Я получилъ Анну 3-й степени, послѣ Владиміра!

Въ ночь на 17-е августа его свѣтлость выѣхалъ изъ Гомеля въ Москву и, на разсвѣтѣ 19-го, въ первопрестольный градъ прибылъ со своею небольшою свитою генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій — «слава и исторія царствованія царя царствующаго» [1]).

Квартира для князя Варшавскаго была приготовлена въ Кремлѣ у Троицкихъ воротъ, гдѣ въ старину былъ «Потѣшный дворецъ». Послѣ обычнаго пріема и представленій, его свѣтлость сдѣлалъ нѣсколько визитовъ.

Въ это время царь, а вмѣстѣ съ нимъ широкая безпредѣльная Русь готовилась праздновать двадцати-пяти-лѣтній юбилей царствованія императора Николая Павловича. Въ Москвѣ, въ первопрестольномъ градѣ Царства, въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ двадцать пять лѣтъ тому назадъ императоръ Николай возложилъ на себя корону своихъ предковъ, долженъ былъ совершиться обрядъ духовнаго и народнаго торжества. Къ 20-му августа со всѣхъ концовъ Россіи съѣзжались въ Бѣлокаменную сподвижники Царства—спѣшили туда и бояре и народъ.

19-го августа въ $11^1/_2$ часовъ вечера по колосальной и, какъ разсказываютъ, необыкновенно роскошной желѣзной дорогѣ, отмѣтившей двадцатипятилѣтіе славнаго царствованія Николая, пріѣхалъ съ семьею

---

[1]) Слова императора Николая (см. ниже).

своею царь русскій и вслѣдъ за нимъ тянулись вагоны съ представителями русской силы—образчиками отъ полковъ.

Съ четырехъ часовъ дня вся Москва была на ногахъ. Отъ дебаркадера желѣзной дороги до дворца въ Кремлѣ народъ составлялъ живую улицу; на окнахъ, на кровляхъ домовъ, вездѣ, гдѣ только могъ моститься человѣкъ съ трудомъ или безъ труда, вездѣ былъ народъ и молча ждалъ появленія царя. Громкое «ура» привѣтствовало его, и послѣдніе отголоски народнаго привѣта позднею ночью затихли въ Кремлѣ съ тѣмъ, чтобы на другое утро еще громче и торжественнѣе привѣтствовать царя-батюшку, идущаго изъ дворца въ Успенскій соборъ.

Много было радости на Москвѣ, много было пировъ и праздниковъ царскихъ и народныхъ, но больше всего было потѣхи военной.

Подъ Москвою былъ собранъ корпусъ пѣхоты и кавалеріи, были и показныя войска, прибывшія изъ Петрограда. Были смотры, парады и разводы, за ними слѣдовали маневры.

20-го августа—разводъ отъ баталіона Преображенскаго полка.

Послѣ развода его императорское величество посѣтилъ князя Варшавскаго и оставался у его свѣтлости болѣе получаса. Передъ посѣщеніемъ государя императора великій князь наслѣдникъ цесаревичъ былъ у его свѣтлости и подалъ рапортъ о состояніи гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Въ тотъ же день у генералъ-фельдмаршала были великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ.

21-го августа,—смотръ 6-му пѣхотному корпусу.

Солдатъ 6-го корпуса, конечно, лучше и представительнѣе солдата дѣйствующей арміи; онъ ѣстъ русскій хлѣбъ, стоитъ на квартирѣ у земляка, не знаетъ карауловъ и походовъ, здоровъ, смотритъ бодро и весело отбываетъ обычный лагерь подъ Москвою. За всѣмъ тѣмъ церемоніальный маршъ 6-го пѣхотнаго корпуса не былъ блистателенъ; государь императоръ нашелъ войска 6-го корпуса, пѣхоту—въ удовлетворительномъ состояніи, кавалерію и артилерію въ хорошемъ.

21-го августа государь императоръ изволилъ посѣтить генералъ-фельдмаршала и пробыть около часа въ кабинетѣ его свѣтлости.

По уходѣ императора, князь въ видимомъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по залѣ; слеза блестѣла на сѣдой его рѣсницѣ. Онъ остановился противъ меня [1]).

— Знаешь ли о чемъ говорилъ со мной государь?....

Придя въ кабинетъ, онъ посадилъ меня на диванъ и, не выпуская руки моей изъ своихъ рукъ, сѣлъ рядомъ со мною....

— Завтра исполнится двадцать пять лѣтъ моего царя-

---

[1]) Записано 22-го августа 1851 г. со словъ князя Ивана Ѳеодоровича Паскевича. П. М.

ствованія,—сказалъ государь, — царствованія, которое ты, Иванъ Ѳедоровичъ, прославилъ своею доблестною службою и заслугами Россіи! При грустныхъ предзнаменованіяхъ сѣлъ я на престолъ русскій и долженъ былъ начать мое царствованіе казнями, ссылками! Я не нашелъ вокругъ престола людей, могшихъ руководить царемъ; я долженъ былъ и создавать людей и царствовать! У меня не было людей преданныхъ! Дѣла на востокѣ требовали назначенія туда человѣка твоего ума, твоихъ военныхъ способностей, твоей воли! Я остановился на тебѣ—само Провидѣніе мнѣ указало на тебя! [1]) Ты имѣлъ враговъ; несмотря на всѣ разсказы противу тебя я держался тебя, Иванъ Ѳеодоровичъ! Ты доказалъ, отецъ-командиръ, что я былъ правъ! Едва успокоились дѣла на востокѣ, какъ царство мое посѣтило новое общее несчастіе—холера. Народъ всѣ несчастія приписываетъ лицамъ царствующимъ. Видитъ Богъ, сколькихъ страданій мнѣ стоило это общее народное испытаніе! Война въ Польшѣ! Новое испытаніе—испытаніе грустное! Кровь русская лилась или отъ ошибокъ вождя, или отъ неудачъ, посылаемыхъ свыше. Дѣла наши были плохи. И снова ухватился за тебя, Иванъ Ѳеодоровичъ, какъ за единственное спасеніе Россіи. И снова ты не обманулъ моихъ надеждъ и возвеличилъ Царство мое! Двадцати-лѣтнимъ управленіемъ края Польскаго ты положилъ начало слитію двухъ родныхъ, но враждебныхъ элементовъ. Надѣюсь, что русскій и полякъ составятъ одно царство русское—славянское, сохранятъ въ исторіи своей имя твое наравнѣ съ именемъ Николая. Нынѣ, еще такъ недавно, когда западъ Европы былъ взволнованъ стремленіемъ къ необузданной, дикой свободѣ, когда народы ниспровергали законную власть и престолы; въ то время, когда я рѣшился подать руку помощи моему брату и союзнику, монарху Австріи, ты, отецъ-командиръ, повелъ моихъ воиновъ на новую брань, ты смирилъ гидру мятежа. Въ шесть недѣль кончилъ ты войну въ Венгріи, поддержалъ и укрѣпилъ колеблющійся тронъ Австріи. Иванъ Ѳеодоровичъ! Ты слава моего двадцатипятилѣтняго царствованія, ты исторія царствованія Николая I-го. Прощай, я нарочно пришелъ къ тебѣ, чтобы встрѣтить канунъ моего двадцатипятилѣтія.

22-го августа. Въ день коронаціи былъ выходъ въ Николаевскомъ дворцѣ [2]). Залы дворца были полны. Болѣе сотни тысячъ народа тѣснились на Красной площади—торчали головы въ окнахъ церквей и на колокольнѣ Ивана Великаго, которая была унизана людьми. Вся эта масса народа съ торжественною тишиною ожидала появленія царя.

---

[1]) Война съ Персіей и Турціей. П. М.

[2]) Первая бумага военнаго министра князя Чернышева къ генералъ-фельдмаршалу была помѣчена такъ «Первый день втораго двадцатипятилѣтія царствованія императора Николая I-го». П. М.

Едва его величество съ государынею императрицею показался на Красномъ крыльцѣ и поклономъ привѣтствовалъ народъ, какъ громкое радостное «ура» потрясло стѣны Кремля и, слившись съ гуломъ колоколовъ, сопровождало августѣйшую фамилію во все время шествія по Красному крыльцу до дверей Успенскаго собора. Здѣсь клики народа уступили тихой рѣчи старца-митрополита, привѣтствовавшаго русскаго царя съ двадцатипятилѣтнимъ славнымъ его царствованіемъ!

Вечеромъ городъ и Кремль были иллюминованы; иллюминація Замоскворѣчья была въ особенности хороша.

23-го августа. Ученье 6-й легкой кавалерійской дивизіи было прекрасно; государь императоръ былъ весьма доволенъ ученьемъ.

24-го августа. Смотръ гвардейскаго отряда, кадетскихъ корпусовъ и учебныхъ карабинеръ былъ щегольской. Смотръ былъ въ городѣ на театральной площади.

25-го августа. Корпуснымъ ученьемъ 6-го пѣхотнаго корпуса государь императоръ остался весьма доволенъ. Въ этотъ же день былъ блестящій балъ у князя Сергѣя Михаиловича Голицына.

26-го августа. Славный день Бородинской битвы и штурма Варшавы. Въ десять часовъ утра его императорское высочество наслѣдникъ цесаревичъ къ квартирѣ фельдмаршала привелъ для почетнаго караула главнокомандующему роту Семеновскаго полка со знаменемъ. Его императорское высочество, встрѣченный княземъ Варшавскимъ, объявилъ его свѣтлости, что государь императоръ, поздравляя фельдмаршала со славнымъ днемъ штурма Варшавы, поручилъ ему привѣтствовать его почетнымъ карауломъ.

Князь Варшавскій послѣ отпуска почетнаго караула былъ у государя императора и наслѣдника цесаревича.

На разводѣ отъ Бородинскаго егерскаго его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича полка государь императоръ самъ скомандовалъ разводу на караулъ и, отдавъ честь генералъ-фельдмаршалу, первый привѣтствовалъ князя Варшавскаго возгласомъ «ура!» Дружно приняли «ура» солдаты, дружно повторилъ «ура» народъ русскій, и стѣны древняго Кремля огласились радостнымъ кликомъ въ честь современнаго героя.

Послѣ развода и почестей, отданныхъ государемъ императоромъ генералъ-фельдмаршалу, его свѣтлость возвратился домой.

— Хочешь ли ты прослыть за умника, спросилъ меня фельдмаршалъ? Хочешь ли ты, чтобы всѣ тебя любили и большая часть разсказывала объ умѣ твоемъ такія чудеса, которыя тебѣ и во снѣ не снились? Хочешь?

— Отъ всей души хочу, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ я фельдмаршалу, ибо всѣ эти вопросы были имъ обращены ко мнѣ.

— Слушай же, я разскажу тебѣ самый легкій и вѣрный способъ быть не только великимъ умникомъ, но пріобрѣсти кучу поклонниковъ, которые за умъ твой будутъ распинаться. Ты теперь именно въ томъ положеніи, когда надо дѣлать умъ: свитскій мундиръ (генеральнаго штаба), ученая выпушка, въ главномъ штабѣ, при особѣ фельдмаршала. Большая птица! Не правда-ли? Не улыбайся. Правда, всѣ большія птицы начали полетъ свой съ этого. Къ тебѣ придутъ болтуны, сплетники, пустые люди, фанфароны, люди богатые, съ титлами и въ чинахъ. Будь ко всѣмъ привѣтливъ и внимателенъ. Говори, какъ можно меньше; кто много говоритъ, тотъ можетъ сказать иногда вздоръ. Всѣ пересчитанные мною люди придутъ къ тебѣ, чтобы поболтать, узнать какую нибудь новость. Новости никакой не говори. Все равно, если бы даже и не было новостей—то, посѣтители твои, каждый порознь, будетъ думать, что ты не говоришь изъ скромности или не хотѣлъ сказать ему, потому что другіе были и проч.

— Люди вообще всѣ устроены такъ, —продолжалъ фельдмаршалъ,— что имъ хочется говорить, но говорить самимъ. Всякую ложь, всякій вздоръ слушай терпѣливо, со всѣми признаками вниманія. Ты можешь думать, что тебѣ угодно; но разговоръ или болтовню чужую выслушай. Выйдетъ отъ тебя болтунъ и будетъ кричать всякому встрѣчному и поперечному: я былъ сейчасъ у Меньков; часа два мы съ нимъ толковали, что это за умница, что за пріятный человѣкъ! А ты и рта не разинулъ, ты слушалъ только болтуна. Такихъ людей не сотни—тысячи, и всѣ они ударятъ въ набатъ о твоемъ умѣ. Годъ, два и самымъ дешевымъ способомъ, репутація ума сдѣлана. Изъ современниковъ моихъ я не знаю другого человѣка, который бы въ такой степени постигъ выгоду чужой болтовни и кто бы съ такимъ искусствомъ воспользовался ею, какъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Онъ со всѣми ласковъ, привѣтливъ, говоритъ весьма мало, а что говоритъ — обдумываетъ. Языкъ его остеръ—остроты его ловятся болтунами на лету и разносятся по цѣлому свѣту.

— Осмѣлюсь замѣтить, ваша свѣтлость, мнѣ кажется, что Ермоловъ столько уменъ, что и безъ помощи болтуновъ всѣ знаютъ объ его умѣ.

— Всѣ говорятъ, что Ермоловъ уменъ,—не отвергаю этого и я; я знаю Ермолова съ маленькаго чина. Ермоловъ обладаетъ завиднымъ знаніемъ человѣческаго сердца; онъ скорѣе, чѣмъ кто другой, отыщетъ путь къ человѣку и овладѣетъ имъ. Но Ермоловъ злой. Сейчасъ онъ держалъ тебя въ объятіяхъ и бранилъ Петра—ушелъ ты, онъ обниметъ Петра и бранитъ тебя, Ивана. Но я спрашиваю, гдѣ этотъ высокій, геніальный умъ, который придаютъ Ермолову? Три десятка красно-натканныхъ бумагъ,

да тысячи острыхъ словъ не составляютъ государственнаго человѣка! Гдѣ дѣла? [1]).

Въ это время человѣкъ доложилъ о пріѣздѣ Алексѣя Петровича Ермолова, князя Шаховскаго и нѣсколько другихъ сподвижниковъ славы фельдмаршала и участниковъ славныхъ дѣлъ Бородина и штурма Варшавы. Я доложилъ его свѣтлости о посѣтителяхъ. Вышелъ фельдмаршалъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, сдѣланныхъ имъ князю Шаховскому и Ермолову, его свѣтлость обратился къ Алексѣю Петровичу и говорилъ о заслугахъ его въ день Бородина. Фельдмаршалъ и Ермоловъ обмѣнялись нѣсколькими воспоминаніями исторически былаго.

— Алексѣй Петровичъ,—сказалъ наконецъ фельдмаршалъ,—вчера я былъ у васъ!

— Ваша свѣтлость, я имѣлъ счастіе представляться вамъ въ день вашего прибытія въ Москву, искалъ случая быть у вашей свѣтлости во всѣ эти дни, но не имѣлъ чести видѣть васъ.

— Но вчера вы меня не приняли, замѣтилъ фельдмаршалъ.

— Ваша свѣтлость, въ то время, когда вы мнѣ сдѣлали высокую честь вашимъ посѣщеніемъ, меня дѣйствительно не было дома. Не скрою отъ вашей свѣтлости, если бы я даже былъ и дома—не принялъ бы васъ! [2])... Честь посѣщенія вашего столь велика, и я никогда не позволилъ бы себѣ быть столь дерзкимъ, чтобы затруднить вашу свѣтлость выходомъ изъ экипажа въ мою берлогу, гдѣ я не съумѣлъ бы принять васъ съ должною вашему сану почестью.

Замѣчательно, что со времени пріѣзда его свѣтлости въ Москву, до минуты выѣзда, народъ тѣснился около квартиры фельдмаршала. Всѣмъ хотѣлось видѣть князя Варшавскаго. Во время представленія купечества, одинъ изъ стариковъ, принеся на блюдѣ фрукты, быть можетъ, не краснорѣчиво, но искренно, привѣтствовалъ его свѣтлость, говоря:

— Свѣтлѣйшій князь, полюбите насъ, московскихъ; мы вѣдь васъ знаемъ и уважаемъ; мы знаемъ и то, что вы сдѣлали для славы-то Россіи.

26-го августа генералъ-фельдмаршалъ имѣлъ докладъ у государя императора. Въ тотъ же день былъ балъ у графа Орлова-Денисова.

27-го—29-го августа были маневры. Дѣйствіе происходило по Подольскому шоссе, между Москвою и станціею Бирюлово.

---

[1]) Блестящія въ Отечественную войну и десятилѣтняя дѣятельность на Кавказѣ. Ред.

[2]) Тамъ, гдѣ поставлены точки, были весьма длинныя остановки. Фельдмаршала сильно коробила недосказанная изысканная рѣчь А. П. Ермолова. П. М.

Сѣвернымъ отрядомъ командовалъ генералъ Чаадаевъ, южнымъ отрядомъ генералъ Гельфрейгъ. Южный отрядъ, имѣвшій больше кавалеріи, тѣснилъ отрядъ сѣверный до тѣхъ поръ, пока сей послѣдній не получилъ дивизію пѣхоты въ подкрѣпленіе и не перешелъ, въ свою очередь, къ дѣйствіямъ наступательнымъ.

Двухсторонній маневръ, подъ Москвою, былъ похожъ на всевозможные маневры. Стройно ходили колонны; бродили цѣпи стрѣлковъ—стрѣляли, кричали «ура», скакали адъютанты и суетились посредники маневровъ. Князь Волконскій, не задолго передъ тѣмъ возведенный въ званіе фельдмаршала, съ какимъ-то особымъ достоинствомъ разъѣзжалъ межъ рядами колоннъ, какъ бы ревнуя къ фельдмаршалу боевому, князю Варшавскому, спокойно ѣздившему по-одаль другихъ.

Первый день маневровъ кончился благополучно. Красивая мѣстность и хорошо выученныя войска сдѣлали маневръ прекраснымъ. Всѣ движенія войскъ, исполняемыя съ отчетливостью, были видны во всей красѣ. Войска остались на боевыхъ позиціяхъ; зрители и большая часть главныхъ дѣйствователей возвратились во дворцы и хоромы московскіе.

29-го числа, едва занялась заря, какъ въ окрестностяхъ Москвы снова загудѣли выстрѣлы и снова продолжался начатый маневръ. На этотъ разъ сѣверный отрядъ оттѣснилъ южный къ станціи Бирюлово.

День былъ пасмурный, дождливый; воители и зрители промокли до костей. Маневръ также прошелъ весьма хорошо и кончился въ два часа пополудни, въ шестнадцати верстахъ отъ города. Государь императоръ остался войсками 6-го корпуса весьма доволенъ.

Фельдмаршалъ, подъ предлогомъ нездоровья и усталости, отдалъ приказаніе не принимать никого. За обѣдомъ была своя семья. Къ обѣду былъ приглашенъ инспекторъ артиллеріи генералъ Гилленшмидтъ, почтенный старикъ, издавна чтимый и любимый фельдмаршаломъ. Князь Варшавскій былъ веселъ и говорливъ. Оживленный разговоръ переходилъ съ предмета на предметъ.

Весело начатый обѣдъ кончился; блюда убраны, прислуга вышла; за столомъ остались собесѣдники, да тѣсный кругъ бутылокъ и стакановъ. Курили сигары. Князь Варшавскій говорилъ о себѣ; но вопреки своей привычки, говорилъ скромно и увлекательно, что исключительно бывало съ нимъ въ своей семьѣ, когда онъ не былъ связанъ ни глазомъ, ни слухомъ постороннимъ. Князь говорилъ о томъ, что онъ сдѣлалъ для Царства Польскаго въ длинный періодъ своего намѣстничества, что сдѣлалъ для войска въ долгій періодъ своего фельдмаршальства. Всѣ слушали молча и почтительно, запивая дымъ сигары, кто искристымъ шампанскимъ, кто густою влагою кахетинскаго. Фельдмаршалъ пилъ кахетинское.

— Ну-ка ты, ученый кантъ, будущій историкъ, скажи

мнѣ,—говорилъ князь Варшавскій, обращаясь ко мнѣ,—скажи мнѣ, но со всѣмъ чистосердечіемъ, за что можетъ упрекнуть меня исторія, какъ намѣстника и какъ фельдмаршала?

Я молчалъ.

— Говори же, но говори правду, тебя спрашиваетъ объ этомъ не генералъ-фельдмаршалъ, а князь Варшавскій, Паскевичъ. Говори, какъ русскій дворянинъ русскому дворянину.

Широко хлебнулъ я изъ полнаго стакана влаги Клико и отвѣчалъ:

— Ваша свѣтлость, судить о дѣлахъ вашихъ, какъ намѣстника Царства я не могу, потому что слишкомъ еще мало знакомъ со всѣмъ тѣмъ добромъ, которое вы водворили во ввѣренномъ вамъ Царствѣ. Чуждый администраціи края, промышленности и быта народнаго, въ настоящую минуту я не взялъ бы на себя смѣлость замѣтить какой бы то ни было пробѣлъ въ исторіи вашего намѣстничества. Какъ фельдмаршалъ, вы сдѣлали много для русской арміи; съ именемъ вашимъ связана слава русскаго оружія; вы пріучили войска къ побѣдамъ. Вы создали и обезпечили матеріальный бытъ солдата [1]), но...

— Но,—повторилъ фельдмаршалъ, придвинувшись ближе къ столу и устремивъ свои проницательные каріе глаза на меня,—но... продолжайте!

— Ваша свѣтлость, вы двадцать шесть лѣтъ фельдмаршаломъ—четверть вѣка! Вы не вѣчны. Не станетъ васъ, и исторія упрекнетъ, что вы не оставили послѣ себя людей, не создали генераловъ. Въ двадцать шесть лѣтъ фельдмаршальства вы могли изъ среди русской арміи выбрать молодыхъ людей и вашимъ умомъ, вашимъ опытомъ могли ихъ вести до генеральства и подарить отчизнѣ вѣрныхъ слугъ, а арміи надежныхъ генераловъ... Конечно, вы дали Царству генераловъ Викинскаго, Толстаго, Заболоцкаго, Шепелева, Тихановскаго, Бутурлина, но...

— Но!— сказалъ фельдмаршалъ, — довольно, пора отдыхать!

И въ это время обѣими руками отрывисто отодвинулъ столъ отъ дивана. Запрыгали и зазвенѣли бутылки, стаканы и рюмки, и живо вскочили собесѣдники. Фельдмаршалъ вышелъ. Всѣ чаяли грозы, но грозы не было.

Поздно вечеромъ фельдмаршалъ принималъ отъ меня обычный докладъ, былъ со мною ласковъ и привѣтливъ, но уже не спрашивалъ о томъ, что скажетъ про него исторія, какъ намѣстника Царства и какъ фельдмаршала русской арміи.

---

[1]) Т. е. фельдмаршалъ первый положилъ начало заботамъ о солдатскомъ брюхѣ. (Мясная и винная порціи). П. М.

30-го августа былъ выходъ въ Николаевскомъ дворцѣ; въ этотъ день государь императоръ посѣтилъ князя Варшавскаго.

По выѣздѣ фельдмаршала изъ Москвы, съ 30-го на 31-е августа, къ Луцку, мы заѣхали въ Гомель, гдѣ оставались не болѣе сутокъ. Изъ Гомеля, черезъ Кіевъ, прибыли въ Луцкъ 6-го сентября, въ шесть часовъ утра. Въ ожиданіи пріѣзда государя императора, генералъ-фельдмаршалъ не дѣлалъ ни смотра корпусу, ни ученій, а предоставилъ время войскамъ приготовиться къ высочайшему смотру.

Его императорское величество изволилъ прибыть въ Луцкъ 9-го числа, въ $4^1/_2$ часа утра. Въ часъ пополудни былъ назначенъ смотръ 4-му пѣхотному корпусу. Послѣ доклада князя Варшавскаго его императорскому величеству, фельдмаршалъ вышелъ вмѣстѣ съ государемъ на крыльцо; его свѣтлости подали верховую лошадь. Лошадь у крыльца стояла не покойно, и въ то время, какъ фельдмаршалъ хотѣлъ на нее садиться, она ударила задомъ и ранила его въ правую ногу, ниже колѣна такъ, что онъ долженъ былъ отправиться домой.

Смотръ 4-го пѣхотнаго корпуса былъ очень хорошъ. Государь императоръ остался войсками совершенно доволенъ и пожаловалъ нижнимъ чинамъ по полтинѣ серебромъ. Въ этотъ день, послѣ смотра и потомъ вечеромъ, его величество изволилъ посѣтить фельдмаршала.

10-го сентября. Въ присутствіи его императорскаго величества произведено было ученье 4-ой легкой кавалерійской дивизіи, стрѣльба въ цѣль пѣхоты, для которой отъ каждаго полка было назначено по одной ротѣ, отъ каждой роты стрѣлковаго батальона по 40 человѣкъ и по 16-ти человѣкъ штуцерниковъ отъ каждаго полка, а также практическая стрѣльба въ цѣль 4-й артиллерійской дивизіи.

Кавалерійскимъ ученьемъ государь императоръ остался весьма доволенъ; лучше всѣхъ представился Изюмскій гусарскій полкъ. Всѣмъ людямъ 4-ой кавалерійской дивизіи государь пожаловалъ по рублю серебромъ и всѣхъ офицеровъ Изюмскаго полка, переведенныхъ въ сей полкъ изъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, изволилъ наградить слѣдующими чинами, приказавъ, при предстоящихъ въ корпусѣ представленіяхъ, не лишать этихъ офицеровъ очередныхъ наградъ.

Стрѣльба въ цѣль пѣхоты и стрѣлковъ 4-го стрѣлковаго баталіона была хороша. Штуцерныя команды на дистанцію 800 шаговъ стрѣляли дурно. Стрѣльба артиллеріи была не совсѣмъ удачна.

10-го сентября его императорское величество изволилъ посѣтить князя Варшавскаго три раза.

11-го числа было линейное ученье 4-му пѣхотному корпусу.

Государь императоръ линейнымъ ученьемъ остался вполнѣ доволенъ. Были небольшія ошибки въ артиллеріи и 11-ой пѣхотной диви-

зіи. Пѣхота сей дивизіи, при окончаніи маневра, въ колоннахъ, пущенныхъ въ атаку и остановленныхъ по отбою, открыла огонь.

Государь императоръ произвелъ маневръ всѣмъ войскамъ 4-го пѣхотнаго корпуса. По окончаніи маневра сѣлъ въ коляску и, не возвращаясь въ Луцкъ, поѣхалъ въ Кіевъ.

Фельдмаршалъ выѣхалъ изъ Луцка въ четыре часа пополудни.

1852 годъ.

26-го марта. Генералъ-фельдмаршалъ и вся компанія, въ томъ числѣ и я, прибыли въ Петербургъ благополучно сегодня въ пять часовъ утра.

Во время пребыванія въ Петербургѣ, его свѣтлость однажды, въ разговорѣ со мною, остановился на своемъ участіи въ подавленіи польскаго мятежа 1831 года и разсказалъ слѣдующее:

— Во время перваго періода польской войны, я находился на Кавказѣ. Дѣла наши въ Польшѣ шли весьма неудачно. Въ концѣ апрѣля мѣсяца я получилъ высочайшее повелѣніе прибыть въ Петербургъ, куда и прибылъ въ часъ пополудни. При представленіи его величеству, государь императоръ тутъ же вкратцѣ объяснилъ мнѣ ходъ дѣла въ Польшѣ, прибавивъ, чего ожидаютъ отъ меня Россія и царь русскій. Послѣ обѣда государь, отойдя со мной въ нишу окна, спросилъ, чѣмъ я намѣренъ начать свои дѣйствія и какой думаю дать исходъ войнѣ, веденной вяло и безъ всякаго опредѣлительнаго плана [1]).

— Государь, отвѣчалъ я, въ настоящую минуту не могу отвѣчать безошибочно на вопросъ вашего величества: я не знаю ни состава, ни средствъ, ни расположенія арміи. Ознакомясь съ тѣмъ и съ другимъ въ продолженіе ночи, завтрашній день я буду имѣть счастье объ общихъ предположеніяхъ моихъ доложить вашему величеству, отложивъ представленіе подробнаго плана дѣйствій до прибытія моего въ армію.

«Государь императоръ приказалъ бывшему тутъ же военному министру тотчасъ же сообщить мнѣ всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся у него объ

---

[1]) Фельдмаршалъ прибылъ въ Петербургъ 12-го мая, графъ Дибичъ умеръ 29-го мая; главнокомандующимъ графъ Паскевичъ былъ назначенъ 5-го іюня. Изъ приводимаго разсказа Паскевича не ясно, когда именно происходилъ этотъ разговоръ его съ государемъ—при прибытіи-ли фельдмаршала въ Петербургъ или при назначеніи его главнокомандующимъ. Вполнѣ понятно, что въ 1852 году подробности эти ускользнули изъ памяти престарѣлаго фельдмаршала. А. З.

поряжался ходомъ дѣла, приказывалъ графу Толю исполнить то или другое [1]).

Петръ Николаевичъ Очкинъ, бывшій свидѣтелемъ сцены съ графомъ Толемъ, ручался мнѣ за совершенную точность разсказа фельдмаршала.

Когда въ 1852 году, я записывалъ приведенный выше разсказъ князя Варшавскаго о столкновеніи его въ 1831 году съ графомъ Толемъ, и о желаніи фельдмаршала выслать Толя изъ арміи, то я не вполнѣ вѣровалъ въ подробности разсказа и только тогда убѣдился въ его истинѣ, когда столкновеніе это было подтверждено лично очевидцемъ, лицемъ, писавшимъ донесеніе фельдмаршала государю, секретаремъ главнокомандующаго, человѣкомъ, достойнымъ высокаго уваженія—Петромъ Николаевичемъ Очкинымъ.

Въ томѣ II-мъ «Русскаго Архива» за 1873 годъ въ статьѣ «Выдержки изъ памятныхъ записокъ А. Я. Стороженко о фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ» на стр. 1747 между прочимъ описанъ этотъ самый случай, но нѣсколько въ иномъ варіантѣ, а именно, что фельдмаршалъ, въ присутствіи графа Толя, началъ диктовать предписаніе ему выѣхать изъ арміи и что это укротило заносчиваго Толя.

По прибытіи моемъ въ 1848 году въ Варшаву, я засталъ еще г. Стороженко на мѣстѣ главнаго директора, предсѣдательствующаго въ коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ.

А. Я. Стороженко, съ которымъ я познакомился у зятя его, генерала Ушакова, былъ, какъ говорили, весьма умный человѣкъ; лично же я могу засвидѣтельствовать, что это былъ весьма любезный собесѣдникъ, неистощимый, остроумный и веселый разсказчикъ какъ изъ давняго былаго Малороссіи, такъ и изъ близкаго ему прошлаго Польши.

---

[1]) Графъ Толь въ запискахъ своихъ, стр. 101, говоритъ: «дали возможность полковнику Чевкину (составителю реляціи) составить подробную и безпристрастую (?) реляцію о семъ достопамятномъ штурмѣ, но когда оная поступила на разсмотрѣніе фельдмаршала, то онъ со свойственнымъ ему самолюбіемъ и завистію не могъ перенести того, что сказано было о другихъ достойныхъ генералахъ, и сталъ вычеркивать цѣлыя статьи или давать имъ иной оборотъ. Такимъ образомъ и на мой счетъ, сказалъ онъ, будто во время дѣйствія онъ посылалъ мнѣ повелѣнія, которыхъ я, какъ честный человѣкъ сказать могу, никогда не получалъ; сдавъ мнѣ команду надъ арміею, онъ черезъ полковника Муханова приказалъ сказать мнѣ, что «армія въ рукахъ моихъ, и что онъ представляетъ мнѣ дѣйствовать по моему усмотрѣнію». Когда штурмъ кончился такъ блистательно, то фельдмаршалу было легко приписывать себѣ все, что угодно; но если бы онъ не удался, что бы со мною сдѣлали?» П. М.

А. Я. Стороженко пользовался полнымъ расположеніемъ князя Варшавскаго, хотя въ то же время не пользовался ни любовью, ни доброю славою у своихъ сослуживцевъ, подчиненныхъ и въ особенности у горожанъ Царства Польскаго, которые въ новомъ министрѣ по прежнему видѣли лицепріятнаго полиціймейстера Варшавы и грознаго, безцеремоннаго предсѣдателя всевозможныхъ слѣдственныхъ и судныхъ коммисій.

По всѣмъ вѣроятіямъ разсказъ г. Стороженко о столкновеніи фельдмаршала Паскевича съ графомъ Толемъ почерпнутъ изъ того же источника, какъ и мой разсказъ, т. е. со словъ князя Варшавскаго. Сущность обоихъ варіантовъ одна и та же съ тою только разницею, что записанный мною разсказъ принадлежитъ къ позднѣйшей редакціи, потому что записанъ въ 1852 году, когда Стороженко былъ уже внѣ службы.

При всѣхъ по истинѣ непривлекательныхъ качествахъ, указанныхъ Стороженко, фельдмаршалъ князь Паскевичъ отличался: необыкновеннымъ самолюбіемъ, недовѣрчивостью, подозрительностью и какою-то странною боязнію, что его не вполнѣ цѣнятъ, уважаютъ только изъ страха къ его могуществу, что его не любятъ, и каждый, даже близкій къ нему человѣкъ, если не явно, то внутренно надъ нимъ посмѣивается. Эта мысль постоянно его мучила, а потому, зная эту болѣзнь, во всѣхъ отношеніяхъ съ нимъ необходима была крайняя осмотрительность; каждое слово и дѣйствіе приходилось обдумывать и взвѣшивать.

Не таковъ былъ князь М. Д. Горчаковъ, который, напротивъ того, любилъ, чтобы ему на его угловатую рѣчь отвѣчали такимъ же угломъ; уважая чужую самостоятельность, онъ любилъ противорѣчіе, доходившее иногда до грубости, что случалось лично со мною довольно часто при постоянныхъ ежедневныхъ докладахъ въ бытность мою дежурнымъ штабъ-офицеромъ при начальникѣ главнаго штаба.

Наоборотъ, князь Паскевичъ, предлагая какое-либо мнѣніе на обсужденіе, искалъ только подтвержденія этого мнѣнія, не допуская какихъ-либо возраженій, противорѣчій. Подозрительность же фельдмаршала часто доходила до смѣшнаго, уродливаго. Вотъ случай бывшій со мною.

Въ одну изъ поѣздокъ моихъ съ его свѣтлостью изъ Варшавы въ Петербургъ въ званіи штабъ-офицера, завѣдывающаго военно-походною канцеляріею генералъ-фельдмаршала, я приглашенъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ его великолѣпномъ дормезѣ. Дѣло было послѣ прекраснаго обѣда; фельдмаршалъ закурилъ сигару и мнѣ предложилъ свою ароматическую регалію. Разговоръ шелъ о войнѣ съ персами. Его свѣтлость краснорѣчиво разливался хвастливымъ потокомъ, разсказывая о своихъ геніальныхъ военныхъ соображеніяхъ, о средствахъ продовольствія ввѣренныхъ ему войскъ, о своихъ доблестяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нещадно

пятналъ многія достойныя личности, современныя этой эпохѣ—бранилъ Дибича, Ермолова и другихъ.

Во время своего разсказа онъ съ подозрительнымъ вниманіемъ слѣдилъ за выраженіемъ моего лица, отражавшагося въ зеркалѣ, устроенномъ въ передней сторонѣ дормеза. На зеркало, бывшее передъ нами, довѣрчивый слушатель не обратилъ никакого вниманія и вовсе не подозрѣвалъ лукаваго маневра подозрительнаго разсказчика... Вдругъ раздался сильный звонокъ со стороны фельдмаршала; скакавшая во весь опоръ шестерня курьерскихъ остановилась какъ вкопанная, и его свѣтлость сердито предложилъ мнѣ оставить дормезъ и вмѣсто себя прислать ему въ спутники доктора, слѣдовавшаго сзади въ колясскѣ, потому что я не достоинъ высокой чести совмѣстнаго съ его свѣтлостью путешествія, такъ какъ при его разсказѣ позволилъ себѣ насмѣшливо улыбнуться; значитъ, я не довѣряю его словамъ, критикую его, умничаю, вольнодумствую, потому что ношу ученый кантикъ; что, дескать, я офицеръ генеральнаго штаба—значитъ: Меньковъ умнѣе фельдмаршала, графа Эривани, князя Варшавскаго и пр.

Потокъ упрековъ и негодованія лился до той поры, пока экипажи со свитою, слѣдовавшіе сзади, не догнали княжескаго дормеза и вмѣсто подполковника Менькова не водворился докторъ Россетъ.

За вечернимъ чаемъ на какой-то станціи фельдмаршалъ былъ попрежнему любезенъ со мною: какъ-будто предательскаго зеркала и иронической улыбки, въ немъ подмѣченной, никогда не существовало.

Въ этотъ нашъ пріѣздъ мы пробыли въ Петербургѣ четыре мѣсяца. Всѣ эти счастливыя поѣздки съ фельдмаршаломъ положили начало разстройству моихъ дѣлъ, такъ какъ я долженъ былъ жить въ Петербургѣ и въ Варшавѣ съ приличіемъ человѣка, имѣющаго счастіе состоять при особѣ фельдмаршала. Какъ-то, во время одного разговора со мною, Паскевичъ спросилъ: «Не надобно ли тебѣ денегъ?» Я отвѣчалъ, что деньги всегда нужны человѣку.

Въ тотъ же день фельдмаршалъ прислалъ мнѣ денегъ.

При встрѣчѣ со мною фельдмаршалъ всегда трунилъ надъ тѣмъ, что меня возили съ фельдегеремъ въ Петербургъ и что меня запирали въ крѣпость.

— Пишешь-ли ты нынѣ и что пишешь? спрашивалъ его свѣтлость.

— Ничего, кромѣ казенныхъ бумагъ, ваша свѣтлость.

— То-то, смотри, опять схватятъ и засадятъ въ фортецію.

Возвращаясь съ фельдмаршаломъ изъ Петербурга въ Варшаву, я оставилъ на станціи Преображенской денегъ триста руб. сер. вмѣстѣ съ пакетомъ неважныхъ бумагъ и, только отъѣхавъ верстъ сто, схватился о моей потерѣ.

Посылка эстафеты (телеграфовъ не было) на станцію, гдѣ были забыты мною деньги, заставила меня замѣшкаться, и коляска моя догнала фельдмаршала только во время обѣда. Его свѣтлость встрѣтилъ меня вопросомъ: «ты потерялъ деньги?»

— Оставилъ на станціи, отвѣчалъ я съ досадою. Ваша свѣтлость такъ торопились съ отъѣздомъ.

За обѣдомъ фельдмаршалъ, подливая мнѣ шампанскаго, подтруниваль надъ моею потерею. Садясь въ экипажъ, онъ подозвалъ меня.

— Другъ мой, я вполнѣ постигаю, какъ непріятно потерять деньги, когда въ нихъ заключается весь капиталъ, но будь покоенъ, это потеря моя, а не твоя.

Я получилъ мои деньги вдвойнѣ—фельдмаршалъ внесъ потерю и станція прислала пакетъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ въ Варшавѣ была весьма сильная холера.

Его свѣтлость жилъ въ Скерневицахъ, пріѣзжая два раза въ недѣлю въ Варшаву.

16-го августа я получилъ приглашеніе отъ его свѣтлости пожаловать къ нему въ Скерневицы.

М. Скерневицы, вторая станція желѣзной дороги отъ Варшавы къ Кракову, принадлежало прежде княгинѣ Ловичь. Прекрасный небольшой загородный дворецъ съ флигелями, отличный садъ и огромный паркъ составляютъ Скерневицы.

По утрамъ фельдмаршалъ занимался дѣлами—желѣзная дорога сократила разстояніе между Варшавой и загороднымъ пребываніемъ намѣстника. Въ два часа завтракъ, потомъ ѣдемъ или кататься по парку, или въ особо отгороженное мѣсто парка загонятъ отъ двухъ до пяти дикихъ кабановъ; гонятъ ихъ собаками, стрѣляютъ и такимъ образомъ составляется импровизованная охота.

Обѣдъ между 8 и 9 часами; ѣдятъ и пьютъ много, по деревенски. Послѣ обѣда разговоръ. Часовъ въ одиннадцать садятся за карты, что продолжается часовъ до четырехъ, иногда и до пяти утра.

Какъ извѣстно, исторію венгерской войны составлялъ я подъ руководствомъ фельдмаршала. Въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ была напечатана статья о русскомъ описаніи этой войны [1]). Статья эта съ большой похвалою отзывалась о русскомъ писателѣ и вообще объ умѣренности русскихъ.

Веймарнъ перевелъ мнѣ статью съ нѣмецкаго на русскій языкъ и я какъ то принесъ ее фельдмаршалу. Мы ходили взадъ и впередъ по террасѣ замка—я прочелъ переводъ статьи.

---

[1]) Составленная мною „Исторія Венгерской войны въ 1849 году“ была по высочайшему повелѣнію переведена генералъ-адъютантомъ Ливеномъ на нѣмецкій языкъ и напечатана на счетъ казны въ Берлинѣ. П. М.

Мы говорили вообще о кампаніи. Было какъ то кстати, и я сказалъ о смѣломъ распоряженіи фельдмаршала относительно направленія дивизіи Панютина къ Вѣнѣ по желѣзной дорогѣ.

Мы остановились. Фельдмаршалъ началъ. «Въ прошломъ году, въ бытность здѣсь австрійскаго императора, государь въ присутствіи моемъ и его говорилъ о посылкѣ дивизіи въ Вѣну, объ опасности, которой могла подвергнуться дивизія, въ виду предпріимчиваго непріятеля, слѣдуя по желѣзной дорогѣ. Австрійскій императоръ говорилъ о вліяніи не только на жителей Вѣны, но на населеніе цѣлой Германіи, которое произвело появленіе русской дивизіи около Градиша. Я отвѣчалъ монархамъ, что, посылая дивизію Панютина, я имѣлъ въ виду спасеніе Вѣны и достиженіе нравственнаго вліянія на мятежниковъ и Германію, совершенно сознавая, что при обстоятельствахъ болѣе несчастныхъ дивизія могла погибнуть. Государь взялъ меня за голову и сказалъ: «А если бы дивизія погибла, то эта сѣдая голова дорого бы поплатилась мнѣ за рискъ самовольной отправки и за потерю 16.000 человѣкъ».

Сообщилъ **А. М. Заіончковскій**.

Записки графа Л. Л. Бенингсена

о

войнѣ съ Наполеономъ 1807 года.

VI [1]).

Дѣйствія частныхъ начальниковъ подъ Пултускомъ.—Дѣйствія графа Палена, князя Голицына и Дохтурова.

Я обѣщалъ сообщить о донесеніяхъ различныхъ генераловъ, которые, каждый отдѣльно, подверглись нападеніямъ французовъ при ихъ движеніи, въ день битвы подъ Пултускомъ. Однако, во избѣжаніе повтореній, я представлю только извлеченіе изъ этихъ донесеній.

Генералъ-маіоръ графъ Паленъ, командовавшій линіею аванпостовъ впереди нашего праваго крыла на рѣкѣ Вкрѣ, состоявшею изъ 21-го егерскаго полка, восьми эскадроновъ Сумскаго гусарскаго полка и артиллерійской конной роты (маіора Пирогова), по полученіи приказанія отступать, подвергся 13 (25) числа ноября нападенію передъ Лопачиномъ, на который онъ прежде всего направился [2]). Непріятель показался сперва на правой сторонѣ его дороги около часа дня и вскорѣ прослѣдовалъ съ большимъ числомъ кавалеріи чрезъ деревню Погонье. Благоразумными распоряженіями генерала непріятель былъ остановленъ и отбитъ, несмотря на всѣ сдѣланныя имъ попытки прорвать этотъ отрядъ въ различныхъ частяхъ его. Темнота ночи положила конецъ сраженію; непріятель отступилъ на нѣкоторое разстояніе и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1897 г.

[2]) См. карту приложенную къ № 1-му «Русской Старины» 1897 г.

графъ Паленъ воспользовался очень искусно временемъ. Онъ продолжалъ движеніе, прикрывая свое отступленіе батальономъ егерей и пятью эскадронами гусаръ. Нашъ генералъ въ донесеніи своемъ объ этомъ дѣлѣ очень хвалитъ поведеніе генерала Лаптева, командира 21-го егерскаго полка. Онъ также съ большою похвалою отзывается о полковникѣ Куликовскомъ, командирѣ егерскаго батальона, и маіорѣ Потаповѣ, командирѣ гусарскаго эскадрона. Графъ Паленъ слѣдовалъ по дорогѣ въ Цехановъ, гдѣ нашелъ генерала-маіора Цаплю, получившаго приказаніе идти съ своимъ отрядомъ къ Голымину, гдѣ находился генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ съ седьмою дивизіею, принадлежавшею къ корпусу генерала Буксгевдена, съ которою и продолжалъ свое движеніе. Графъ Паленъ былъ принужденъ бросить три орудія, которыхъ нельзя было вытащить изъ грязи, въ которой они завязли.

14 (26) числа оба генерала съ ихъ отрядами соединились въ окрестностяхъ Голымина съ отрядами генералъ-лейтенантовъ Дохтурова и князя Голицына. Сей послѣдній, какъ я уже говорилъ ранѣе, получилъ приказаніе отъ фельдмаршала Каменскаго съ войсками, остававшимися еще на правомъ крылѣ во второй линіи, отправиться на рѣку Вкру. Эти войска занимали разстояніе между деревнями Лонково и Цеханово и состояли изъ двухъ кавалерійскихъ полковъ (Кирасирскаго военнаго ордена и Псковскаго драгунскаго), Костромскаго мушкетерскаго полка и полуторы полевой артиллеріи. Князь Голицынъ получилъ это приказаніе 12 (24) числа послѣ полудня. Спустя нѣсколько часовъ онъ уже выступилъ, не зная ничего о случившемся на рѣкѣ Вкрѣ въ этотъ день. Онъ отправился впередъ, чтобы получить окончательныя приказанія о томъ, куда ему идти. Въ 9 часовъ вечера онъ прибылъ въ Ново-Място, гдѣ нашелъ только нѣкоторыхъ нашихъ солдатъ, настолько тяжело раненыхъ, что ихъ невозможно было увезти. Отъ нихъ онъ узналъ объ ускоренномъ отступленіи всѣхъ нашихъ войскъ, которыя были разбросаны по берегу Вкры. Вслѣдствіе всего этого онъ остановилъ свой отрядъ въ Слубовѣ.

Приказаніе, отправленное мною ко всѣмъ генераламъ при моемъ отъѣздѣ изъ Ново-Мяста о томъ, чтобы поспѣшно идти прямо на Пултускъ, не дошло до князя Голицына. Офицеръ, присланный отъ него ко мнѣ въ Стрегочинъ, также не засталъ меня. Князь Голицынъ съ большимъ трудомъ могъ везти 18 орудій тяжелой артиллеріи, которыя ему приказано было взять съ собою. Дороги были чрезвычайно грязны и непроходимы, какъ я уже говорилъ объ этомъ. Въ полномъ невѣдѣніи о происходившемъ и въ неизвѣстности на что́ рѣшиться, чтобы не противодѣйствовать какимъ-нибудь образомъ общимъ движеніямъ арміи, генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ предположилъ остаться въ занятой имъ позиціи передъ деревнею Слубово и ожидать

дальнѣйшихъ приказаній. Онъ въ то же самое время приказалъ сдѣлать развѣдки по дорогѣ въ Ново-Място въ правую отъ него сторону—къ Лопачину и въ лѣвую сторону — къ Стрегочину. Въ 9 часовъ утра аванпосты сообщили ему о приближеніи непріятельской кавалерійской колонны по дорогѣ отъ Нова-Мяста. Вслѣдствіе этого князь Голицынъ подкрѣпилъ тремя эскадронами главный пунктъ, расположенный на дорогѣ. Въ это же время кстати подошелъ Днѣпровскій мушкетерскій полкъ, слѣдовавшій отъ рѣки Вкры къ Стрегочину. Князь Голицынъ задержалъ этотъ полкъ и присоединилъ къ своему отряду. Непріятель немного позже обнаружилъ нѣсколько пѣхоты, и скоро завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся почти около двухъ часовъ, послѣ чего французы отошли по той же дорогѣ къ Нову-Мясту, по которой сперва показались.

Оказалось, что маршалъ Ожеро, съ своимъ корпусомъ почти въ 20.000 человѣкъ и 6.000 человѣкъ резервной кавалеріи великаго герцога Бергскаго, атаковалъ наканунѣ всѣ наши аванпосты, принадлежавшіе авангарду, расположенному въ Новомъ-Мястѣ, и послѣ, перейдя рѣку Вкру при Колозомбѣ, въ шести верстахъ отъ Нова-Мяста, слѣдовалъ за княземъ Голицынымъ, чтобы отрѣзать его съ войсками отъ Пултуска.

Въ полдень князь Голицынъ былъ извѣщенъ, что два эскадрона Сумскаго гусарскаго полка, подъ командою полковника барона Крейца, отрѣзанные отъ арміи на рѣкѣ Вкрѣ, но съ оружіемъ въ рукахъ пробившіе себѣ дорогу, двигаются очень быстро по дорогѣ въ Лопачинъ, преслѣдуемые и даже настигаемые крупнымъ отрядомъ непріятельской кавалеріи. Для облегченія отступленія этимъ двумъ эскадронамъ, князь Голицынъ послалъ имъ на встрѣчу два эскадрона кирасирскаго военнаго ордена полка съ однимъ батальономъ пѣхоты. Съ приближеніемъ этого подкрѣпленія непріятель остановился, и полковникъ Крейцъ съ двумя эскадронами присоединился къ своему полку, безъ значительныхъ потерь.

Въ три часа по полудни князь Голицынъ присоединилъ къ своему отряду Таврическій гренадерскій и Малороссійскій кирасирскій полки, возвращавшіеся оба съ той же рѣки Вкры въ Стрегочинъ. Непріятель тогда ограничился небольшою перестрѣлкою на аванпостахъ, продолжавшеюся до заката солнца.

Вечеромъ князь Голицынъ былъ увѣдомленъ, что непріятель приближается со стороны Цеханова въ значительныхъ силахъ. Онъ рѣшился покинуть свою позицію, и чтобы не подвергаться опасности быть отрѣзаннымъ отъ фланговъ, направился со своимъ отрядомъ вправо по дорогѣ въ Пултускъ, но едва сдѣлалъ пять или шесть верстъ въ темнотѣ, какъ былъ задержанъ артиллеріею, такъ какъ орудія всѣ до того завязали въ непроѣздныхъ дорогахъ, что послѣ десяти часовъ страш-

наго труда удалось вытащить только нѣсколько орудій. Видя невозможность спасти всю свою артиллерію и не желая подвергать свой отрядъ еще болѣе чувствительнымъ потерямъ чрезъ слишкомъ большое промедленіе съ своемъ движеніи, князь Голицынъ приказалъ заклепать орудія, которыя не было возможности вытащить изъ грязи, и раздать своей кавалеріи возможно большее число снарядовъ изъ зарядныхъ ящиковъ, которыхъ также не представлялось возможнымъ везти по отвратительнымъ дорогамъ. Послѣ этого князь Голицынъ направился по дорогѣ къ Голымину, куда прибылъ 14 (26) числа въ восемь часовъ утра и гдѣ засталъ еще генералъ-лейтенанта Дохтурова съ тремя полками 7-ой дивизіи корпуса генерала Буксгевдена. Тогда генералъ Дохтуровъ, какъ старшій чиномъ, принялъ общее командованіе надъ всѣми войсками, собранными въ Голыминѣ.

Я уже говорилъ, что фельдмаршалъ графъ Каменскій приказалъ генералу Буксгевдену съ двумя дивизіями перейти на правый берегъ Нарева; онъ самъ остался въ Маховѣ съ 5-ою дивизіею генералъ-лейтенанта Тучкова. Генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ съ другою т. е. 7-ою дивизіею прибылъ 11 (23) числа въ Оргешевку, откуда, согласно полученнымъ приказаніямъ, отрядилъ генералъ-маіора Чаплица въ Цехановъ съ гусарскимъ Павлоградскимъ полкомъ, Ингерманландскимъ драгунскимъ и половиною казачьяго Малахова полка; впослѣдствіи и именно 13 (25) числа онъ послалъ, на основаніи тѣхъ же приказаній, генералъ-маіора Запольскаго съ Екатеринославскимъ гренадерскимъ полкомъ, Владимірскимъ мушкетерскимъ и ротою конной артиллеріи полковника Ермолова въ Цехановъ, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ кавалеріею генералъ Чаплица. Самъ генералъ Дохтуровъ съ Московскимъ мушкетерскимъ полкомъ, Московскимъ драгунскимъ и остальною частью казачьяго Малахова полка прибылъ въ 8 часовъ утра въ Голыминъ. Такъ какъ распоряженіе объ общемъ отступленіи имъ также было получено, то онъ послалъ на встрѣчу войскамъ своей дивизіи, находившимся еще въ пути, приказаніе не продолжать движенія впередъ, но возвратиться въ Маховъ, а въ то время какъ онъ собирался самъ исполнить это приказаніе вмѣстѣ съ находившимися при немъ войсками, князь Голицынъ далъ ему знать, что онъ отступаетъ къ Голымину съ своимъ отрядомъ, при чемъ за нимъ слѣдуетъ близко весьма значительный непріятельскій отрядъ. Генералъ Дохтуровъ прежде всего выслалъ ему на встрѣчу всѣ находившіяся при немъ войска, но вскорѣ послѣ этого князь Голицынъ прибылъ со своимъ отрядомъ. Тогда генералъ Дохтуровъ приказалъ выстроить всѣ войска въ двѣ линіи на позиціи передъ Голыминымъ. Эти войска, составленныя изъ полковъ различныхъ дивизій, доходили вообще до 45 эскадроновъ, одного казачьяго полка, 27 батальоновъ пѣхоты, двухъ ротъ конной артиллеріи и одной роты

тяжелой артиллеріи, и могли насчитывать въ своихъ рядахъ до 16.500 человѣкъ. Генералъ Чаплицъ со своимъ отрядомъ прикрывалъ правое крыло, стоя на открытой равнинѣ.

Довольно густой лѣсъ находился въ нѣкоторомъ разстояніи впереди фронта лѣваго фланга. Изъ этого лѣса выходили три дороги: одна изъ деревни—Осѣкъ-горній, другая—изъ Осѣкъ-старый (обѣ большія дороги, по которымъ подвигался непріятель) и третья менѣе употребительная—изъ деревни Гарновки. Этотъ лѣсъ долженъ былъ служить предметомъ величайшаго вниманія, чтобы обезпечить безопасность лѣваго крыла нашей позиціи. Генералъ-маіору князю Щербатову было поручено занять этотъ лѣсъ Костромскимъ мушкетерскимъ полкомъ и Таврическимъ гренадерскимъ подъ командою полковника Тучкова. Три эскадрона Псковскаго драгунскаго полка, подъ командою подполковника Васильчикова, были поставлены въ небольшой долинѣ возлѣ лѣса, чтобы служить подкрѣпленіемъ князю Щербатову, на случай, если непріятель принудитъ его очистить лѣсъ.

Непріятель, близко слѣдовавшій за аріергардомъ князя Голицына, не замедлилъ показаться изъ лѣсу и открыть очень оживленную перестрѣлку, продолжавшуюся до двухъ часовъ дня. Князь Щербатовъ удержалъ свою позицію и остановилъ наступленіе французовъ, но скоро они подкрѣпили свои войска, и князь принужденъ былъ уступить и покинуть лѣсъ. Французы, близко за ними слѣдовавшіе, развернули немедленно густую цѣпь стрѣлковъ, а кавалерійская колонна дѣлала видъ, что намѣревается обойти нашъ лѣвый флангъ. Лишь только генералъ Дохтуровъ это замѣтилъ, онъ выслалъ полковника барона Розена съ шестью эскадронами Павлоградскаго гусарскаго полка и двумя эскадронами Сумскаго гусарскаго полка атаковать французовъ. Атака была удачна, и французская кавалерія отступила въ лѣсъ. Другая колонна непріятельской кавалеріи, подошедшая къ нашему центру, была отражена полковникомъ Бухгольцомъ съ Московскимъ драгунскимъ полкомъ, поддержаннымъ Псковскимъ драгунскимъ, подъ начальствомъ генерала барона Корфа, и двумя эскадронами Кирасирскаго военнаго ордена полка.

Пока все это происходило на нашемъ лѣвомъ крылѣ и центрѣ, непріятель въ значительныхъ силахъ подошелъ къ нашему правому флангу. Генералъ Дохтуровъ послалъ приказаніе генералу Чаплицу атаковать этотъ отрядъ, что и было исполнено такъ удачно, что французы были опрокинуты и отступили съ потерею.

Это дѣло началось около девяти часовъ утра и къ семи часамъ вечера непріятель скрылся въ лѣсу, оставивъ за нами поле сраженія.

Отрядъ князя Голицына въ этотъ день лишился убитыми—трехъ офицеровъ и 80-ти нижнихъ чиновъ; раненными же—четырехъ штабъ-

офицеровъ, 13-ти оберъ-офицеровъ и 473-хъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Дивизія генерала Дохтурова потеряла 493 человѣка убитыхъ и раненыхъ; всего же 1.067 человѣкъ. Потеря непріятеля осталась для насъ навсегда неизвѣстною въ точности, но она должна была быть значительною и по показаніямъ плѣнныхъ болѣе значительною, нежели наша.

Въ различныхъ атакахъ нашей кавалеріей было взято въ плѣнъ два офицера и 64 солдата.

Послѣ этого дѣла, генералъ Дохтуровъ далъ отдыхъ войскамъ и на другой день рано утромъ сталъ отступать къ Макову. Князь Голицынъ изъ Макова направился на Остроленку, какъ это мною было сказано ранѣе.

Должно упомянуть, что орудія, о которыхъ выше сказано, входятъ въ число тѣхъ 52 орудій, о которыхъ я также говорилъ уже.

Изъ всего изложеннаго видно, что затруднительное положеніе, въ которомъ находилась наша армія въ дни 12, 13, 14 (24, 25, 26) декабря, вслѣдствіе разбросанности ея составныхъ частей, миновало. Изъ непріятельскихъ диспозицій видно, что онъ отлично зналъ это положеніе; маршалы Бернадоттъ и Ней обошли нашъ правый флангъ, дѣйствуя противъ прусскаго отряда подъ командою генералъ-лейтенанта Лестока. Маршалъ Ожеро, имѣя почти 30.000 человѣкъ, перешелъ рѣку Вкру близъ Колозомбы, въ шести верстахъ отъ Нова-Мяста, чтобы отрѣзать отъ Пултуска тѣ отдѣльные отряды, о которыхъ выше упомянуто, имѣя приказаніе напасть на нихъ въ то время, какъ самъ Наполеонъ съ арміею въ 50.000 человѣкъ будетъ дѣйствовать противъ Пултуска, чтобы нанести намъ рѣшительный ударъ, какъ это выше мною показано. Но благодаря отличному дѣйствію нашихъ генераловъ и храбрости нашихъ войскъ, непріятель потерпѣлъ неудачу на всѣхъ пунктахъ, и мы вышли изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ находились, только потерявъ часть нашей артиллеріи, которая попала въ руки непріятельскія, не на полѣ сраженія, но единственно по причинѣ грязныхъ, вязкихъ и непроѣздныхъ дорогъ.

VII.

Назначеніе Бенингсена главнокомандующимъ арміею.—Его первыя распоряженія.—Перемиріе предлагаемое французами.—Донесенія маршала Нея.

Мною уже было сообщено, что 15 (27) декабря я выступилъ изъ Пултуска въ Рожаны, отстоящіе въ $3^1/_2$ миляхъ отъ перваго. 16 (28) числа я продолжалъ идти до Остроленки (три мили) гдѣ и пробылъ 17

(29) и 18 (30) числа, чтобы дать отдохнуть войскамъ и притянуть къ себѣ корпусъ генерала-лейтенанта князя Голицына, который въ дѣйствительности и прибылъ 18 (30) числа въ составѣ 12 баталіоновъ, 36 эскадроновъ и нѣсколькихъ казачьихъ полковъ. Непріятель его вовсе не преслѣдовалъ.

Въ приказаніи фельдмаршала графа Каменскаго, мною полученномъ, объ отступленіи въ предѣлы нашего отечества, было между прочимъ сказано, что когда я со своимъ корпусомъ дойду до Тыкочина, то долженъ поступить подъ команду генерала Буксгевдена, какъ старшаго; это было только временное распоряженіе до полученія дальнѣйшихъ приказаній государя императора относительно командованія арміею. Генералъ Буксгевденъ написалъ мнѣ письмо, отправленное 14 (26) вечеромъ, которое я получилъ ночью на полѣ сраженія подъ Пултускомъ. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, высказывалъ слѣдующее: «мы ничего не можемъ лучшаго сдѣлать какъ отступить, чтобы выиграть время, необходимое для сосредоточенія нашихъ мыслей, составленія соображеній и т. д.». Въ то же время онъ писалъ мнѣ оффиціально, соотвѣтственно приказаніямъ фельдмаршала, чтобы я отправилъ обратно артиллерійскій паркъ въ наши предѣлы. Я отвѣтилъ ему на другой день 15 (27) декабря изъ Рожанъ слѣдующее: «ваше сіятельство сообщили мнѣ, что я долженъ отправить артиллерійскій паркъ въ предѣлы нашего государства. Признаюсь вашему сіятельству, что не полагаю, чтобы приказаніе о возвращеніи нашемъ въ предѣлы государства могло быть исполнено; бѣдственныя послѣдствія этого для общаго дѣла были бы неисчислимы и столь же значительны, какъ и понесенное нами пораженіе. На сколько мнѣ извѣстны взгляды государя императора, его величество конечно не одобритъ этаго распоряженія. Недостатокъ продовольствія будетъ отстраненъ, коль скоро мы двинемся правѣе, гдѣ мы будемъ имѣть возможность получать необходимые продовольственные запасы изъ старой Пруссіи, Кёнигсберга и т. д.».

Простоявъ два дня въ Остроленкѣ и не получая никакихъ увѣдомленій о какомъ либо измѣненіи въ распоряженіяхъ фельдмаршала, я рѣшился перейти Наревъ 19 (31) числа, чтобы по приказанію графа Каменскаго направиться въ Тыкочину. Непріятель слѣдилъ за нами издали небольшими отрядами, единственно съ цѣлію имѣть свѣдѣнія о нашемъ движеніи, но казалось, что онъ намѣревался растянуть корпуса маршаловъ Бернадотта и Нея по старой Пруссіи и приблизить ихъ къ Кёнигсбергу, чтобы при случаѣ овладѣть имъ. Въ это время я послалъ къ генералу Буксгевдену прусскаго генерала Глѣбовскаго, которому были хорошо извѣстны мои предположенія о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Мой первый переходъ изъ Остроленко до Мястова имѣлъ $2^1/_2$ мили, а

второй, сдѣланный 20 декабря (1 января 1807 г.), до Новогрода только $1^1/_2$ мили. Здѣсь я получилъ второе письмо генерала Буксгевдена, которымъ онъ предлагалъ перейти обратно Наревъ, чтобы соединиться съ нимъ; это именно я и поручилъ генералу Глѣбовскому предложить г. Буксгевдену, чтобы чрезъ это имѣть возможность значительно сильнѣе дѣйствовать въ старой Пруссіи и спасти Кёнигсбергъ. Но было очень жаль, что я не получилъ этого письма тогда, когда находился въ Остроленкѣ, потому что въ Новогродѣ не было моста чрезъ Наревъ; находившійся же въ Остроленкѣ былъ уничтоженъ. Сильные морозы начинали покрывать рѣку льдомъ и мнѣ, съ большими впрочемъ усиліями, удалось построить плавучій мостъ изъ лодокъ. Но едва нѣсколько отрядовъ прошли по этому мосту, какъ онъ былъ сорванъ льдомъ и большая часть лодокъ унесена теченіемъ и уничтожена. 23 декабря (4 января 1807 года) морозъ усилился, и недалеко отъ Новогрода рѣка стала. Генералъ квартирмейстръ Штейнгель приказалъ усиленно и непрерывно устраивать дорогу по льду, накладывая доски, солому и т. д., и еще 25 декабря (6 января) вечеромъ успѣлъ перевести по льду нѣсколько войскъ изъ дивизіи генерала Эссена 3-го, входившей въ составъ корпуса генерала Буксгевдена. Ночью погода перемѣнилась, стало теплѣе, и ледъ обломился. Видя невозможность вскорѣ совершить переходъ чрезъ Наревъ подъ Новогродомъ, пробывъ уже тутъ пять дней, я отправился съ моею арміею 26 декабря (7 января) въ Ломзу, откуда до Тыкочина оставалось 6 миль, которыя я прошелъ въ два перехода 27 и 28 декабря (8 и 9 января).

Въ Тыкочинѣ я приказалъ заранѣе устроить провіантскій магазинъ. Войска получили необходимый провіантъ на нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ они переходили Наревъ по мостамъ, которые тутъ находились, а затѣмъ продолжали движеніе чрезъ Кнышинъ къ Гоніондзу, чтобы перейти тамъ Бобръ и вступить въ старую Пруссію.

Въ то время какъ все это происходило, непріятель возстановлялъ мостъ на Вислѣ подъ Торномъ, и маршалъ Ней направилъ свои войска противъ корпуса генерала Лестока, который, при данныхъ обстоятельствахъ, не долженъ былъ имѣть иной цѣли, какъ только задержать, на сколько возможно, приближеніе непріятеля къ Кёнигсбергу, отнюдь не вступая съ нимъ въ какое либо серьезное дѣло. Генералъ Лестокъ, несмотря на малочисленность своего отряда, отступалъ очень медленно, понемногу, всякій разъ какъ уже былъ тѣснимъ слишкомъ значительными силами. Онъ совершалъ отступленіе съ такою осмотрительностію, что потери его были совершенно незначительны. Онъ направилъ свое отступленіе на Страсбургъ, Лаутенбургъ, Сольдау, Нейденбургъ, Сонебургъ, Растенбургъ и только 22 декабря (3 января) прибылъ въ окрестности Ангенбурга, гдѣ и занялъ своимъ корпусомъ очень выгодную позицію между озерами и простоялъ до 27 декабря (8 января).

Узнавъ, что отрядъ корпуса Нея приближается по дорогѣ въ Кёнигсбергъ, генералъ Лестокъ рѣшился идти со всѣмъ корпусомъ въ Бартенъ, чтобы быть ближе къ Кёнигсбергу и имѣть возможность удобнѣе оказать помощь городу, въ случаѣ надобности. Прибывъ въ Бартенъ онъ отправилъ 30 декабря (11 января) генерала Притвица съ сильнымъ отрядомъ на рекогносцировку, по направленію въ Шипеньбейль. Притвицъ отлично выполнилъ возложенное на него порученіе. Близъ Левенштейна онъ встрѣтилъ непріятельскій отрядъ отъ 6-го пѣхотнаго полка, разбилъ его и вернулся съ 50 плѣнными въ Бартенъ. На слѣдующій день маршалъ Ней по этому поводу въ приказѣ по корпусу отъ 13 января объявлялъ слѣдующее.

«Съ живѣйшимъ сожалѣніемъ объявляю по арміи, что 6-й пѣхотный легкій полкъ допустилъ непріятеля взять у него половину роты съ офицерами и унтеръ-офицерами 11-го числа текущаго мѣсяца въ часъ ночи въ деревнѣ передъ Шипеньбейль.—Офицеры виноваты, когда, забывая свои обязанности, упускаютъ охранять себя предосторожностями и становиться подъ ружье съ разсвѣтомъ дня, какъ это приказано съ самаго начала кампаніи.

«Генералы заслуживаютъ выговоровъ, когда уклоняются отъ предписанныхъ имъ диспозицій. Приказъ 6-го числа о размѣщеніи войскъ опредѣлялъ, что 1-й баталіонъ шестаго полка займетъ Шипеньбейль, а не окружающія его деревни, и конечно баталіонъ въ полномъ составѣ никогда бы не испыталъ участь, постигшую полуроту. Храбрые солдаты, взятые въ плѣнъ, являются такимъ образомъ жертвами этой двойной ошибки.

«Въ продовольствіи нѣтъ никакого недостатка, а потому ничто не препятствуетъ, чтобы войска были тѣсно поставлены, когда они находятся вблизи непріятеля. Кавалерійскіе патрули причиняютъ вездѣ вымогательства; они требуютъ большихъ денегъ у жителей,—я имѣю въ рукахъ неопровержимыя тому доказательства. Естественнымъ послѣдствіемъ такихъ злоупотребленій является нерасположеніе къ намъ жителей и стремленіе ихъ всѣми силами и средствами содѣйствовать намѣреніямъ нашихъ враговъ. Я объявляю, что при первой жалобѣ прикажу судить военнымъ судомъ всякаго, кто позволитъ себѣ дѣлать контрибуціи деньгами. Предлагаю вновь къ исполненію приказъ 6-го числа относительно мѣръ предосторожности для охраненія расположенныхъ войскъ отъ всякаго внезапнаго нападенія».

Я буду нерѣдко приводить письменные документы маршала Нея и получаемыя имъ донесенія; всѣ эти бумаги были взяты въ сраженіи при Гутштадтѣ 24 мая (5 іюня) 1807 года, которое происходило уже во время второй кампаніи.

Еще въ Тыкочинѣ 30 декабря (11 января), передъ самымъ впро-

чемъ моимъ отъѣздомъ, ко мнѣ пріѣхалъ курьеръ отъ государя съ рескриптомъ его величества, которымъ мнѣ довѣрялось главное начальствованіе всею арміею, дѣйствовавшею противъ императора Наполеона. Его величество присоединялъ къ этому благосклонную собственноручную приписку слѣдующаго содержанія на французскомъ языкѣ.

«Генералъ! Несмотря на оффиціальное предписаніе, вамъ отъ меня посланное, я не могу отказать себѣ удовольствіе выразить вамъ этими строками всю мою благодарность за дѣло 14 (26) декабря. Превосходныя дарованія, вами обнаруженныя, доставляютъ вамъ новыя основанія для моей признательности и того полнаго довѣрія, которое вы съумѣли мнѣ уже внушить. Не могу выразить вамъ бо́льшаго доказательства того и другаго, какъ назначивъ васъ начальникомъ всей арміи, которая находилась подъ начальствомъ фельдмаршала, включая сюда и корпусъ генерала Эссена 1-го въ Брестѣ. Не сомнѣваюсь, что вы оправдаете вполнѣ этотъ выборъ, мною сдѣланный, и доставите мнѣ новые случаи къ выраженію вамъ всей моей признательности. Примите, генералъ, увѣреніе въ моемъ уваженіи».

Въ тотъ же самый день я отправился въ Гоніондзъ (въ четырехъ миляхъ отъ Тыкочина), чтобы ускорить переходъ нашихъ войскъ чрезъ Бобръ. Я долженъ былъ ожидать встрѣтить еще много затрудненій въ этомъ отношеніи, но къ счастію морозы увеличивались, рѣка прочно стала и переходъ чрезъ эту рѣку совершился въ два дня.

1 (13) января я сдѣлалъ съ моимъ корпусомъ переходъ въ три мили и дошелъ до Щучина, а 2 (14) числа — до Біалы (еще двѣ мили), гдѣ принялъ главное начальство надъ всею арміею, состоявшею изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна находилась уже подъ моимъ командованіемъ, а другая—подъ командою генерала Буксгевдена. Каждая часть состояла изъ четырехъ дивизій. Эти восемь дивизій, составлявшія армію, при переходѣ нашей границы имѣли до 100.000 человѣкъ. За вычетомъ изъ этого числа потерь, какъ то: въ различныхъ сраженіяхъ на Вкрѣ, во время отступленія къ Пултуску, въ дѣлахъ подъ Зерновымъ, Голыминымъ и т. д. 3.500 ч., въ битвѣ подъ Пултускомъ—7.000 ч.; въ госпиталяхъ больныхъ разнаго рода—5.600 ч. и въ корпусѣ Буксгевдена 3.200 чел. больныхъ, окажется, что всего выбывшихъ изъ строя было 19.200 ч. При этомъ я былъ принужденъ еще отдѣлить слѣдующія части. Татарскій легкій полкъ, въ составѣ 650 человѣкъ, подъ командою подполковника Кнорринга, былъ посланъ въ Бѣлостокъ, для сохраненія порядка и спокойствія по дорогѣ въ Гродно и для конвоированія военныхъ транспортовъ въ дѣйствующую армію. Три эскадрона, т. е. 360 человѣкъ, были оставлены въ Тыкочинѣ, подъ командою полковника Мануэля, чтобы охранять магазины и склады. Генералъ Седморацкій съ 4 пѣхотными полками, 6 полевыми орудіями

и двумя казачьими полками, всего 8.000 человѣкъ, былъ посланъ въ Гоніондзъ для охраненія переправы чрезъ Бобръ, для воспрепятствованія тому, чтобы летучій непріятельскій отрядъ не потревожилъ наши границы со стороны Гродно и для обезпеченія намъ свободнаго сообщенія между главною арміею и корпусомъ генерала Эссена I-го. Кромѣ того, генералу Седморацкому было предписано дѣйствовать вмѣстѣ съ генераломъ Эссеномъ I-мъ и исполнять всѣ приказанія, которыя онъ чрезъ него получитъ. Баталіонъ пѣхоты и сотня казаковъ, составляя всего 1.000 чел. были посланы для занятія Іоганнисбурга, чтобы прикрыть въ тылу нашемъ большую дорогу отъ нашихъ границъ чрезъ Бялу и охранять наши прямыя сообщенія съ отрядомъ генерала Седморацкаго. Эти различныя отряды, доходившіе до 10.000 человѣкъ, вмѣстѣ съ вышепоказанными 19.300 ч. уменьшали численность арміи на 29.600 чел. Оставалось такимъ образомъ всего 70.690 чел. [1]) строевыхъ и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, съ которыми я началъ зимнюю кампанію въ старой Пруссіи.

Генералъ-лейтенантъ Эссенъ I-й со своимъ корпусомъ въ 17.000 человѣкъ прибылъ уже къ нашимъ границамъ и стоялъ между Брестомъ и Наревомъ. Ему было приказано перенести его главную квартиру въ Высоко-Мазовецкъ, какъ близкій пунктъ для защиты нашихъ границъ и отраженія непріятеля, если бы онъ вознамѣрился силою перейти Наревъ.

Получаемыя мною свѣдѣнія о непріятелѣ состояли въ томъ, что императоръ Наполеонъ послѣ сраженія подъ Пултускомъ снова отправился въ Варшаву, гдѣ находилась его главная квартира. Непріятель мое движеніе нѣсколько назадъ счелъ отступленіемъ въ наши предѣлы; быть можетъ до него дошло извѣстіе о сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи распоряженіяхъ фельдмаршала графа Каменскаго, потому что, казалось, французская армія намѣревалась расположиться на зимнія квартиры. Корпуса маршаловъ Сульта, Даву, Ланна, Ожеро, Бессьера, резервъ принца Мюрата и Удино располагались въ окрестностяхъ Нейденбурга, Хорцелленъ, Млавы, Пултуска, до самой Вислы, отчасти даже на лѣвомъ берегу этой рѣки; до такой степени были увѣрены, что русская армія отступаетъ въ предѣлы своей имперіи.

Въ перехваченныхъ впослѣдствіи бумагахъ непріятельскихъ я нашелъ донесеніе, въ которомъ маршалу Бертье предлагались слѣдующія свѣдѣнія. «Утверждаютъ, что генералъ Беннигсенъ послалъ 16.000 чел. на помощь Кёнигсбергу и что онъ на другой день отступаетъ въ Россію со всею арміею».

Корпусъ маршала Бернадота занималъ Эльбингъ, Прейсишъ-Эйлау,

[1]) Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ общая цифра русской арміи опредѣляется въ 200.000 человѣкъ. До того преувеличиваютъ силы наши въ эту кампанію. (Примѣч. Беннигсена).

Голландъ, Морунгенъ, Либштадтъ, и т. д. Движеніе корпуса Нея на Кёнигсбергъ изложены въ его рапортахъ военному министру принцу Нефшательскому [1]). Въ то время уже Наполеонъ приказалъ двинуть къ себѣ значительныя подкрѣпленія, состоявшія изъ вспомогательныхъ войскъ и новобранцевъ и подходившія постепенно къ нему. Къ первымъ должно причислить генерала Вернера съ отрядомъ въ 2.500 ч. гессенъ-дармштадскихъ войскъ; онъ получилъ 31 декабря приказаніе отъ маршала Нея занять своимъ отрядомъ верхнюю часть рѣки Древенцъ, отъ Страсбурга, Неймарка и Лёбау до Остероде, и поставить свою кавалерію на пути сообщенія съ Грауденцемъ и Маріенвердеромъ.

Саксонія послала 6.000 человѣкъ; Баденъ 2.500 ч.; въ Польшѣ заботились сформировать отрядъ въ 30.000 человѣкъ путемъ усиленныхъ наборовъ. Изъ Италіи, Испаніи, Голландіи, словомъ со всѣхъ странъ, находившихся подъ владычествомъ Наполеона, выступали разные отряды для подкрѣпленія французской арміи. Кромѣ того, 2.000 новобранцевъ призыва 1807 года, перешедшіе Рейнъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, также постепенно подходили къ арміи французовъ.

При этихъ условіяхъ я не могъ терять минуты; я долженъ былъ предупредить занятіе непріятелемъ всей старой Пруссіи и особенно Кёнигсберга, потеря котораго имѣла бы самыя пагубныя для насъ послѣдствія. Занятіе этого города французами до открытія второй кампаніи повлекло бы неизбѣжно въ продолженіе зимы паденіе Пиллау. Непріятель явился бы обладателемъ Фришъ-гафа, и Фришъ-Нерунга и всякое сообщеніе съ Данцигомъ сухимъ путемъ было бы прервано. Никакое пособіе не могло бы быть доставлено въ эту крѣпость; гарнизонъ, находившійся въ Данцигѣ, не былъ въ то время достаточенъ для обороны этой крѣпости; недоставало пороха, необходимаго, чтобы выдержать осаду въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и т. д. Имѣя въ своихъ рукахъ Кёнигсбергъ ничто не могло помѣшать французамъ занять также Куришъ-гафъ, Куришъ-Нерунгъ и сдѣлаться повелителями прибрежья Балтійскаго моря до самаго Мемеля. Притомъ же Кёнигсбергъ вмѣщалъ въ себѣ сокровища всякаго рода, обильные продовольственные запасы, значительное количество снарядовъ, въ чемъ очень нуждалась армія. Взглядъ на карту показываетъ, съ какимъ бы новымъ преимуществомъ французы начали новую кампанію, если бы успѣли занять Кёнигсбергъ.

Въ числѣ вышеупомянутыхъ захваченныхъ бумагъ имѣлся приказъ маршала Нея генералу Кольберу изъ Вартенберга отъ 28 декабря (9

---

[1]) Авторъ излагаетъ содержанія этихъ рапортовъ далѣе въ связи съ изложеніемъ дѣйствій подъ Кёнигсбергомъ. (Прим. переводчика).

января), который доказываетъ, что уже и въ тѣ дни Кёнигсбергъ находился одно время въ опасности, и что французы придавали важное значеніе обладанію этимъ городомъ во многихъ отношеніяхъ. Приказъ этотъ слово въ слово говоритъ слѣдующее: «Имѣя намѣреніе положительно узнать, достаточно ли пруссаки сильны въ Кёнигсбергѣ, чтобы защитить этотъ городъ, я сдѣлалъ теперь же надлежащія распоряженія, чтобы всѣ роты вольтижеровъ и гренадеровъ моей арміи, собранные въ шесть баталіоновъ, по прилагаемой таблицѣ расположились по теченію р. Алле, отъ Шипеньбейля, Бартенштейна и Гейльсберга, и были бы готовы исполнить распоряженія, которыя я вамъ для этой цѣли сообщаю. Баталіоны вольтижеровъ соберутся въ Бартенштейнѣ, куда прибудутъ въ саняхъ завтра 10-го числа сего мѣсяца. Такимъ же образомъ вы исполните ваше движеніе къ Кёнигсбергу рано утромъ съ 12 на 13 число. Роты гренадеровъ будутъ составлять резервъ подъ начальствомъ полковника Ламартиньера съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ капитана Мартена и займутъ первымъ баталіономъ Шипеньбейль, вторымъ Бартенштейнъ (гдѣ станетъ и артиллерія), а третьимъ—Гейльсбергъ. Кромѣ того, часть 3-го гусарскаго полка и 10-го егерскаго должны быть поставлены такимъ образомъ, чтобы наблюдать Домнау и Фридландъ, въ то время какъ вы двинетесь на Прейсишъ-Эйлау. Командиры означенныхъ полковъ должны васъ немедленно увѣдомить, если непріятель будетъ приближаться въ значительныхъ силахъ, чтобы захватить васъ во флангъ или чтобы угрожать вашему отступленію. Вы выступите съ отрядомъ изъ 200 человѣкъ 3-го гусарскаго и 10-го егерскаго полковъ, подъ командою ихъ эскадронныхъ командировъ Петрони и Сентъ-Леже, вмѣстѣ съ 2 орудіями и вашими тремя баталіонами вольтижеровъ, и постараетесь занять позицію, въ первый день—позади Крейцбурга, оставивъ третій баталіонъ вольтижеровъ въ резервѣ при Прейсишь-Эйлау съ пятью кавалеристами. Во второй день вы подвинетесь, если возможно, до Кёнигсберга, оставивъ второй баталіонъ вольтижеровъ въ Крейцбургѣ. Если вы узнаете достовѣрно, что встрѣтите незначительное число непріятелей, то придвинете къ себѣ третій баталіонъ; одна половина займетъ позицію позади Фришинга у Гроссъ-Лейцъ, а другая—у Вренцбурга сзади Пасмара, подвигаясь впередъ съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами вольтижеровъ. При приближеніи къ Кёнигсбергу вы пошлете отъ моего имени трубача съ предложеніемъ командующему гарнизономъ города очистить оный, угрожая въ противномъ случаѣ сжечь его. Если же будетъ изъявлено согласіе на сдачу города французскимъ властямъ, то всякая частная собственность будетъ охранена и подъ покровительствомъ законовъ. Если же вы найдете въ городѣ непріятельскія войска, съ которыми придется сразиться, что̀ сдѣлаетъ всю попытку безплодною, въ виду незначительности вашихъ силъ, то вамъ придется по-

думать объ отступленіи, чтобы не подвергать опасности ваши войска, и въ такомъ случаѣ вы направите ваше отступленіе на Прейсишъ-Эйлау и предложите полковнику Ламартиньеру идти вамъ на помощь правѣе этого города, со 2-мъ баталіономъ гренадеръ и двумя орудіями. Третій баталіонъ гренадеръ, стоящій въ Гейльсбергѣ, получитъ отъ полковника Ламартиньера приказаніе замѣстить его въ Бартенштейнѣ, а равно и 3-й баталіонъ 25-го легкаго полка, расположенный въ Зебургѣ, придетъ замѣстить 3-й баталіонъ въ Гейльсбергѣ, по предложенію, сдѣланному полковникомъ Ламартиньеромъ, которому даны надлежащія по сему дѣлу указанія. Посылаю къ вамъ моего адъютанта и г. Дильбеньяна, чтобы наблюдать за вашими дѣйствіями. Вы всякій день будете отправлять ко мнѣ или одного изъ вашихъ офицеровъ генеральнаго штаба или надежные эстафеты, чтобы сообщать мнѣ о всемъ интересующемъ меня въ этомъ важномъ дѣлѣ. Полагаю, что не излишнимъ будетъ во время вашего движенія направить разъѣзды легкой кавалеріи на Эльбингъ и преимущественно на Таніау (на Прегелѣ), идя вверхъ по теченію рѣки Прегеля, по ея лѣвому берегу. Генералъ Лестокъ двинулся по этому направленію, чтобы достичь Инстербурга (тоже на Прегелѣ)».

Предположенный мною планъ дѣйствій въ настоящее время состоялъ въ томъ, чтобы вступить въ старую Пруссію и, пройдя между озерами и по возможности скрывъ это движеніе отъ непріятеля, заставить его отказаться отъ наступленія къ Кёнигсбергу; занять округъ Нидригунгъ, обильный продовольственными средствами, установить прочное и обезпеченное сообщеніе съ Данцигомъ, принудить снять осаду съ Грауденца и размѣстить послѣ этого всю армію на зимнія квартиры по старой Пруссіи. Здѣсь выждать прибытія изъ Россіи необходимыхъ подкрѣпленій и затѣмъ усилить гарнизонъ въ Данцигѣ всѣмъ корпусомъ генерала Лестока, который былъ бы на столько силенъ, что могъ препятствовать непріятелю подойти къ этой крѣпости, развѣ что онъ пожелалъ бы употребить на это очень значительныя силы, что ослабило бы тѣ, которыя были противопоставлены имъ нашимъ войскамъ. Если непріятель не двинетъ значительныхъ силъ противъ Данцига, то генералъ Лестокъ могъ бы, со своей стороны, дѣлать диверсіи и безпокоить непріятеля по всему лѣвому берегу Вислы. На картѣ представляются наглядно всѣ выгоды, которыя мы могли извлечь изъ этихъ предположенныхъ дѣйствій при началѣ второй кампаніи, которую мы могли бы начать съ большимъ успѣхомъ. Отбросивъ оба корпуса Нея и Бернадотта (что мнѣ и удалось) и установивъ уже сильный кордонъ, прикрывавшій наши зимнія квартиры отъ остальныхъ непріятельскихъ отрядовъ, я частію достигалъ осуществленія своего предположенія. Но такъ какъ этотъ планъ былъ на столько же пагубенъ французамъ, на сколько онъ былъ благопріятенъ для насъ, то непріятель рѣшился всѣми силами ему противодѣйствовать. Ему не удалось однако

исполнить задуманнаго имъ, но и мнѣ также удалось только отчасти выполнить мой планъ. Слишкомъ кровавый бой подъ Прейсишь-Эйлау помѣшалъ обѣимъ сторонамъ вполнѣ достигнуть цѣли, предположенной каждою изъ нихъ.

Въ новомъ росписаніи боеваго порядка, сдѣланномъ мною передъ отъѣздомъ изъ Біалы, генералъ-маіоръ Марковъ былъ назначенъ начальникомъ авангарда праваго крыла, состоявшаго изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, трехъ егерскихъ, двухъ казачьихъ, полка гусаръ и роты конной артиллеріи, что все вмѣстѣ составляло около 6.000 человѣкъ. Генералъ-маіоръ Барклай-де-Толли командовалъ авангардомъ лѣваго крыла, состоявшимъ изъ трехъ егерскихъ полковъ, одного пѣхотнаго, двухъ казачьихъ, полка гусаръ и также роты конной артиллеріи, что также составляло около 6.000 человѣкъ. Генералъ-маіоръ Багговутъ былъ назначенъ начальникомъ летучаго отряда, состоявшаго изъ двухъ егерскихъ полковъ, полка пѣхоты, полка гусаръ и полка казаковъ. Генералъ-лейтенантъ Анрепъ командовалъ кавалеріею праваго крыла, въ составѣ шести полковъ и двухъ эскадроновъ драгунъ, польскаго литовскаго легкаго полка и двухъ казачьихъ. Кавалеріею лѣваго крыла командовалъ генералъ князь Голицынъ; она состояла изъ трехъ полковъ кирасиръ, трехъ полковъ драгунъ, двухъ полковъ гусаръ, одного легко-коннаго польскаго полка, полка казаковъ и роты конной артиллеріи.

Генералъ-лейтенантъ Тучковъ былъ назначенъ начальникомъ праваго крыла; генералъ-лейтенантъ Остерманъ—лѣваго, а генералъ Дохтуровъ—центра. Четвертая и 14 дивизіи, состоявшія изъ десяти полковъ пѣхоты, одного гусарскаго, четырехъ ротъ пѣшей артиллеріи и одной—конной, съ двумя ротами прусской артиллеріи составляли резервъ подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ графа Каменскаго и Сомова.

4 (16) занявъ Іоганнисбургъ, какъ выше сказано, я заставилъ армію сдѣлать переходъ въ три мили. Главная квартира была въ Арисѣ; авангардъ праваго крыла—въ Рейнѣ, кавалерія праваго крыла въ Домбровкѣ, Козиновѣ, Летценѣ, Попонткенѣ.

Авангардъ лѣваго крыла находился еще позади въ Ставишкахъ.

Кавалерія лѣваго крыла—была въ Ликѣ, Швидейнѣ и Шименке.

Отрядъ генерала Багговута въ Кольно. Армія занимала Домбровку, Козиновъ, Летценъ, Гопраткенъ и окрестности.

5 (17) числа авангардъ лѣваго крыла прибылъ въ Біалу. Правое крыло арміи осталось въ расположеніи, которое имѣло наканунѣ, а лѣвое—размѣстилось въ окрестностяхъ Одена, Гуттена возлѣ Ариса и Баременя.

6 (18) числа главная квартира прибыла въ Рейнъ, авангардъ праваго крыла въ Сондернъ, а кавалерія—въ Растенбургъ. Авангардъ лѣ-

ваго крыла—въ Арисъ, а кавалерія лѣваго крыла—въ Крисаменъ и Бутсинкенъ, отрядъ генерала Багговута—въ Домбровку. Правое крыло арміи заняло деревни Гроссъ-Пари, Мертенгеймъ, Добенъ, а лѣвое крыло — окрестности Одене, Гуттена, возлѣ Ариса и Баремена.

Непріятель получалъ частыя извѣщенія о приближеніи русскаго отряда на помощь къ Кёнигсбергу, не зная еще впрочемъ, что приближается вся русская армія. Маршалъ Ней, находя однако, что корпусъ его будетъ слишкомъ подвергнутъ опасности, если будетъ продолжать свое движеніе въ Кёнигсбергу, или слишкомъ слабъ, чтобы достигнуть желаемой цѣли, разрѣшилъ генералу Кольберу, командовавшему его авангардомъ, предложить перемиріе прусскимъ генераламъ Рюхелю (генералу губернатору Кёнигсберга) и Лестоку. Въ Прейсишь-Эйлау 5 (17) числа было дѣйствительно свиданіе по этому поводу генерала Рюхеля съ Кольберомъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго письма ко мнѣ прусскаго короля и приложенныхъ къ нему бумагъ.

Король писалъ мнѣ слѣдующее: «Господинъ генералъ де-Беннигсенъ! Вы уже извѣщены о свиданіи, бывшемъ 17-го числа въ Прейсишь-Эйлау прусскаго генерала Рюхеля съ генераломъ Кольберомъ. Нельзя было конечно отказать въ этомъ свиданіи, но оно не могло имѣть какихъ либо послѣдствій. Судите объ этомъ сами по прилагаемому при семъ отвѣту, который я далъ Рюхелю и который сегодня же сообщается вашему двору. Предложеніе генерала Кольбера, съ прилагаемымъ при семъ проектомъ перемирія котораго вамъ будетъ конечно любопытно познакомиться, должно было естественно быть отвергнуто мною, потому что оно могло воспрепятствовать вашимъ военнымъ дѣйствіямъ и подать поводъ непріятнымъ толкованіямъ. Я хочу отклонить всякій шагъ, который бы не былъ согласенъ вполнѣ съ отношеніями къ моему союзнику. Къ тому же настоящая попытка французовъ обнаруживаетъ ихъ затруднительное положеніе. Они желаютъ выиграть время и имѣть отдыхъ въ такое время года, къ суровости котораго ихъ войска не привыкли, и затѣмъ собираются возобновить свои военныя дѣйствія, какъ скоро имъ представится болѣе вѣроятія на успѣхъ. Они желали бы перемиріе украсить предлогомъ, что обезпечиваютъ насъ вполнѣ въ отношеніи Кёнигсберга. Но такъ какъ вы подвинулись впередъ и нашли необходимымъ теперь дѣйствовать согласно съ храбрымъ генераломъ Лестокомъ, который до настоящаго времени съумѣлъ одинъ противостоять несравненно значительнѣйшимъ силамъ непріятеля, то болѣе предпочитаю ввѣрить спасеніе моей столицы попеченіямъ союзной арміи, нежели уклончивымъ и неопредѣленнымъ обѣщаніямъ непріятеля. Меня еще болѣе подкрѣпляетъ въ моей надеждѣ письмо, присланное мнѣ вами изъ Рейна отъ 19-го числа. Рѣшительное мгновеніе приближается, и вы конечно не упустите имъ воспользоваться. Льщу себя поэтому надеждою получить отъ васъ

въ скоромъ времени хорошія извѣстія, такія, которыхъ можно ожидать отъ вашихъ блестящихъ дарованій и значительныхъ средствъ, находящихся въ вашемъ распоряженіи. Вы оправдаете мое довѣріе и увеличите мою къ вамъ признательность. Молю Бога, да благословитъ и оградитъ онъ васъ своею десницею». Фридрихъ Вильгельмъ.

Мемель 22 января 1807 года.

При этомъ письмѣ былъ приложенъ проектъ перемирія между французскими войсками подъ командою маршала Нея и прусскими войсками подъ командою генералъ-лейтенантовъ Рюхеля и Лестока. Вотъ содержаніе этого проекта.

«Г. генералъ Кольберъ, на основаніи данныхъ ему маршаломъ Неемъ полномочій, предлагаетъ отъ имени сего послѣдняго прусскимъ генералъ-лейтенантамъ г.г. Рюхелю и Лестоку заключить конвенцію, по которой войска обѣихъ державъ могли бы получить необходимое отдохновеніе въ столь суровое время года, отдохновеніе, которое сберегло бы кровь напрасно проливаемую въ перестрѣлкахъ безцѣльныхъ и безполезныхъ.

Пунктъ 1-й. Будетъ заключено словесное перемиріе на честномъ словѣ или подписанное генералами договаривающихся сторонъ и одобренное государями обѣихъ странъ.

Пунктъ 2-й. Будетъ опредѣлена демаркаціонная линія, которую не будутъ переступать ни французскіе, ни прусскіе разъѣзды.

Пунктъ 3-й. Линія эта опредѣляется слѣдующими пунктами: Пейченсдорфъ, Сенсбургъ, Дренгфуртъ, Бартенъ, Гердауенъ, Фридландъ, Домнау, Прейсишь-Эйлау, Ландсбергъ, Мельзахъ, Гейлигенбейль.

Пунктъ 4-й. Маршалъ Ней можетъ приказать занять своими войсками всѣ населенныя мѣстности, расположенныя на разстояніи льё отъ лѣваго берега Алле отъ Шипеньбейля, вверхъ по этой рѣкѣ до Гутштадта, а также находящіяся на правомъ берегу рѣки Пассарги до впаденія этой рѣки.

Пунктъ 5-й. Эти мѣстности будутъ считаться только постами; прусскія войска могутъ равнымъ образомъ устроить такіе же, какіе они пожелаютъ позади демаркаціонной линіи.

Пунктъ 6-й. Г.г. генералы французскіе и прусскіе, соглашаясь въ распредѣленіи мѣстностей, подлежащихъ занятію, обязываются не совершать никакихъ враждебныхъ дѣйствій безъ предварительнаго предъувѣдомленія за четыре дня».

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ Рюхеля генералу Кольберу.

«Я считалъ долгомъ выразить мое къ вамъ уваженіе и вниманіе, принявъ, не колеблясь и не тратя время на испрошеніе разрѣшенія моего императора, свиданіе, которое вы сдѣлали честь предложить мнѣ. По окончаніи нашей конференціи въ Прейсишь-Эйлау я пред-

Кёнигсбергѣ; онъ долженъ принять главное начальствованіе надъ обѣими отрядами, общая численность которыхъ простирается до 18.000 человѣкъ. Десять тысячъ рекрутъ собраны въ Тильзитѣ и Инстербургѣ на р. Прегелѣ. Говорятъ, что англичане доставили ружья и артиллерію королю прусскому, чтобы привести эту небольшую армію въ такое состояніе, чтобы она могла дѣйствовать при началѣ предстоящей кампаніи.

«Не имѣется никакихъ войскъ русскихъ ни въ Кёнигсбергѣ, ни на верховьяхъ Прегеля,—не говорятъ болѣе о высадкѣ англійскихъ или шведскихъ войскъ на берегахъ Балтійскаго моря; это приписываютъ предстоящему пріѣзду императора Александра въ Мемель, гдѣ его ожидаютъ со-дня-на-день и заключаютъ изъ этого, что не замедлятъ послѣдовать переговоры о мирѣ».

19 января маршалъ Ней въ другомъ рапортѣ военному министру пишетъ: «Немедленно по полученіи мною отъ вашего высочества распоряженія о назначеніи мнѣ зимнихъ квартиръ я далъ приказаніе генералу Кольберу, который былъ 17 числа въ Прейсишъ-Эйлау, прервать переговоры съ генераломъ Рюхелемъ; тѣмъ не менѣе прусскій генералъ далъ приказаніе генералу Лестоку не начинать военныхъ дѣйствій противъ нашихъ войскъ, за исключеніемъ случая, что онъ будетъ къ тому нами вызванъ. Вотъ что въ состояніи былъ генералъ Кольберъ узнать отъ генерала Рюхеля въ теченіе происходившихъ переговоровъ. Прусская армія совершила свое соединеніе съ русскою, т. е. что эти послѣдніе подвинули свое правое крыло до Растенбурга.

«Отрядъ англичанъ въ 20.000 человѣкъ долженъ въ самомъ непродолжительномъ времени высадиться, а также и нѣсколько шведскихъ войскъ. Генералъ Рюхель старался разсѣять существовавшее о немъ мнѣніе, что онъ былъ одинъ изъ двигателей къ началію войны. Онъ, по его словамъ, имѣлъ твердое намѣреніе, что бы ни случилось съ Пруссіею, перебраться въ Америку, гдѣ надѣялся выгодно и вполнѣ прилично и благородно устроиться.

«Генералъ Рюхель равнымъ образомъ утверждалъ, что ожидаютъ ежеминутно возвращенія г. Круземарка изъ его поѣздки въ Россію съ особымъ возложеннымъ на него порученіемъ къ императору Александру I; онъ прибавилъ еще, что полагаетъ, что король желаетъ мира, но что слишкомъ тяжелыя условія онаго могутъ отдалить всякое соглашеніе.

«Русскіе располагаютъ очень значительными резервами».

Сообщилъ П. М. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУКОВСКІЙ И ДЕЛЬВИГЪ

въ изображеніи современника.

Николай Михайловичъ Коншинъ, «скромный» литераторъ эпохи и кружка Пушкина, близкій другъ Баратынскаго, извѣстный и въ наукѣ крупнымъ открытіемъ—такъ называемаго «Коншинскаго» списка Домостроя, въ продолженіе своей довольно долгой жизни (онъ умеръ 31-го октября 1859 года, въ Омскѣ, 65 лѣтъ) не только напечаталъ много произведеній самыхъ разнообразныхъ родовъ и видовъ, но, кромѣ того, оставилъ въ своихъ бумагахъ весьма интересныя записки, предназначавшіяся «для немногихъ», и нѣсколько историческихъ и историко-литературныхъ работъ, которыя онъ или не успѣлъ напечатать, или даже и не хотѣлъ печатать при своей жизни. По счастію, бумаги эти не затерялись, а попали въ Императорскую Публичную Библіотеку [1]); между ними находятся и двѣ нынѣ предлагаемыя читателямъ характеристики, которыя, судя по отрицательному отношенію автора къ В. А. Жуковскому и по интимному тону воспоминаній о Дельвигѣ, были написаны Коншинымъ не для печати, а тоже «для немногихъ», больше въ силу внутренней потребности высказаться, чѣмъ для какой-либо практической цѣли.

Характеристика Жуковскаго, какъ увидятъ читатели, грѣшитъ односторонностью и заключаетъ въ себѣ фактическія ошибки; но послѣднія мы старались исправить въ примѣчаніяхъ, а рѣзкое несогласіе Коншина съ общимъ, основаннымъ на множествѣ фактовъ мнѣніемъ о

[1]) См. ея Отчетъ за 1876 г. стр. 169 и слѣд. На основаніи этихъ бумагъ, а также данныхъ, добытыхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія, и печатнаго матеріала авторъ настоящаго сообщенія надѣется въ скоромъ времени изготовить небольшую монографію о Н. М. Коншинѣ.

добротѣ Жуковскаго представляетъ особый интересъ; кромѣ того, мы находимъ здѣсь неизвѣстное стихотвореніе Пушкина[1]), хотя и незначительное по объему и содержанію. Нужно ли доказывать, что для насъ должна быть драгоцѣнна каждая строчка Пушкина?

Характеристика Дельвига исполнена душевной теплоты и правдивости.

Печатаемъ обѣ характеристики съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника, а вторую, набросанную на-черно, съ указаніемъ зачеркнутыхъ мѣстъ.

В. А. Жуковскій.

«Имя Жуковскаго стало мнѣ извѣстнымъ въ дѣтствѣ вмѣстѣ съ его Людмилой. Еще ходя въ курточкѣ, я твердилъ:

Радость, счастье, ты увяло;
Жизнь—любовь, тебя не стало!
...Разступись, моя могила!
Гробъ откройся... полно жить!
Дважды сердцу не любить [2]).

Суета корпуса, съ его математикой и пригонкой амуниціи, съ его маршировкой и чисткой—важнѣйшими предметами ученія тамошняго, закрыли отъ меня Жуковскаго, какъ тучи и ненастье закрываютъ солнце. Мальчикъ-офицеръ 1812 года, въ Орлѣ, уже у ногъ красоты, я опять увидѣлъ его въ Свѣтланѣ, которая мнѣ не понравилась; и, въ Пѣсни Арапа надъ могилою коня [3]): лучше этой пѣсни я не могъ представить себѣ ничего; я выучилъ ее на память и декламировалъ поминутно. Наконецъ, является Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ. Эта поэма, по моему мнѣнію достойная Георгія 1-й степени, дѣлала со мной лихорадку, какъ дѣлаетъ даже и теперь, черезъ 35 лѣтъ послѣ. Жуковскій блисталъ передо мной въ лучахъ прекраснаго Божія солнца, освѣщающаго для немногихъ земной рай: міръ поэзіи [4]).

Прозаически окончанная война 1812 года, размежеваніемъ полюбовнымъ нѣмцевъ, этихъ низкихъ, продажныхъ союзниковъ, достойныхъ

---

[1]) Оно оказалось неизвѣстнымъ и такому знатоку Пушкина, какъ Л. Н. Майковъ.

[2]) Три послѣдніе стиха взяты изъ 3-й строфы Людмилы; но двухъ первыхъ нѣтъ въ 6-мъ изд. (Спб. 1869 г., I, стр. 38—46); вѣроятно, они представляютъ раннюю редакцію 6-й строфы.

[3]) Изъ Мильвуа: „Пѣснь Араба“ и пр., (по изд. 6-му, I, 68—70).

[4]) Характерно выраженный взглядъ чистокровнаго романтика.

соотчичей нашихъ булошниковъ, сапожниковъ, лекарей и разнаго рода выходцевъ и выскочекъ,—прохолодила и сердце и голову; насъ поблагодарили манифестомъ, и приняли въ руки [1]).

Въ 1817 году я надѣлъ фракъ и пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь я узналъ Пѣснь барда Побѣдительный (sic) [2]), онъ мнѣ не понравился, а посланія къ Александру [3]) я даже не могъ дочитать, да и теперь едва ли дочиталъ.

Жуковскій былъ взятъ къ в. к. Александрѣ Ѳеодоровнѣ; попалъ въ милость ко Двору. Въ это время Пушкинъ написалъ ему на дверяхъ:

Штабсъ-капитану [4]) Гете, Грею,
Томсону, Шиллеру привѣтъ!
Имъ поклониться честь имѣю,
Но сердцемъ истинно жалѣю,
Что никогда ихъ дома нѣтъ [5]).

Въ это время, немного спустя, Рылѣевъ передѣлалъ его Пѣвца, и уже святое имя Жуковскаго явилось въ пародіи; я ее не помню, только удержались нѣкоторые стихи:

...Надѣлъ ливрею,
И руку жметъ камеръ-лакею;
Съ указкой втерся во дворецъ:
Бѣдный пѣвецъ! [6]).

---

[1]) Явное указаніе на то, что статья не предназначалась для печати.

[2]) Это, безъ сомнѣнія, „Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей“ (по 6-му изд., I, 14 и слѣд.), напечатанная впервые въ 1806 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго (ч. XXX, № 24). О ней см. К. К. Зейдлица: Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго (Спб. 1883 г.) стр. 28—9.

[3]) „Императору Александру I-му“ (I, 340 и слѣд.).

[4]) По службѣ въ ополченіи? См. у Зейдлица, стр. 56, прим. 2.

[5]) Конечно, нельзя ручаться головой за принадлежность этого стихотворенія Пушкину; но съ одной стороны близость Коншина къ кружку Пушкина, а съ другой—остроуміе и необыкновенная легкость стиха ставятъ эту принадлежность почти внѣ всякаго сомнѣнія.

[6]) Здѣсь двойная ошибка: пародію на Пѣвца, направленную противъ „новыхъ Вандаловъ“, гдѣ находятся знаменитые стихи: „Да здравствуетъ Бесѣды царь!“ и пр. написалъ не Рылѣевъ, а Батюшковъ (см. Л. Н. Майкова: Батюшковъ, его жизнь и сочиненія. Спб. 1887 г. стр. 185 и слѣд. Ср. С. Аксакова: Семейная хроника и воспоминанія, изд. 5-е, М., 1879 г., стр. 557—8). Эпиграмма же, изъ которой Коншинъ приводитъ стихи, сочинена, какъ извѣстно, Александромъ Бестужевымъ на одномъ изъ „русскихъ завтраковъ“ Рылѣева. Вотъ ея текстъ:

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На пудру промѣнялъ свой лавровый вѣнецъ,
Съ указкой втерся во дворецъ,
И тамъ, предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!

Пріѣхавъ въ Финляндію, сойдясь съ Баратынскимъ, я имѣлъ уже на столѣ сочиненія Жуковскаго; его элегіи дышали небомъ, котораго онъ былъ избранный сынъ: я любилъ его, несмотря на его глупые отчеты о лунѣ, къ сану поэта, священника, вовсѣ не идущіе; я любилъ того Жуковскаго, который трогалъ душу въ переданныхъ имъ поэтахъ нѣмецкихъ; того Жуковскаго, который воспѣлъ 1812 годъ, и—по моему мнѣнію—умеръ; онъ и долженъ бы былъ умереть тогда, чтобы жить вѣчно, представителемъ великой эпохи.

Въ 1830 годахъ, я жилъ въ Царскомъ Селѣ; Жуковскій показался мнѣ лично: онъ былъ при воспитаніи наслѣдника.

Толстой (толстый), плѣшивой (плѣшивый) здоровякъ, сказочникъ Двора, онъ не имѣлъ уже въ глазахъ моихъ никакого достоинства. Его звали добрякомъ; онъ ходилъ со звѣздами и лентами, вовсе ими не чванился, видъ имѣлъ скорѣй конфузный, нежели барскій; но передъ нимъ не остановишься, и не спросишь—кто это, какъ я остановился здѣсь предъ Сперанскимъ.

Однажды баронъ Розенъ (поэтъ), бывшій секретаремъ при наслѣдникѣ, и, слѣдовательно, зависѣвшій отъ Жуковскаго, разсказывалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ.—Нашелъ я, говоритъ онъ, латинское письмо къ Жуковскому, года два назадъ полученное, валяющимся между бумагами, и прочиталъ его. Старикъ пасторъ, у котораго онъ въ юности гостилъ, гдѣ-то въ Германіи, котораго любилъ какъ отца, а дочерей какъ ангеловъ, его оживлявшихъ для поэзіи, писалъ ему, что онъ лишается всего, если не заплатитъ кредиторамъ двухъ, трехъ тысячъ гульденовъ. но, что вѣря прекрасному, вѣря его сердцу, вѣритъ, что онъ ему поможетъ, ибо слышалъ, что онъ изъ бѣднаго юноши теперь въ милости у русскаго царя.

Баронъ говоритъ, я побѣжалъ къ нему и торопливо спрашиваю, что онъ сдѣлалъ по этому письму, ибо сроки, данные пасторомъ, всѣ уже прошли.

— Я не понялъ письма, — отвѣчалъ хладнокровно Жуковскій, — и ничего не сдѣлалъ, а теперь уже поздно, — и предложилъ Розену сигарку [1]).

Человѣкъ, котораго сердца не пошевелили огненныя черты картинъ юности, уже—не поэтъ.

---

[1]) Оставляемъ разсказъ на отвѣтственности барона Розена; но просимъ читателей имѣть въ виду, что въ юности Жуковскій не выѣзжалъ изъ предѣловъ Россіи и что едва-ли кто рѣшится писать по-латыни важное дѣловое письмо человѣку, завѣдомо не получившему хорошаго классическаго образованія.

Послѣ я не видалъ уже Жуковскаго; знаю, что онъ женился недавно, имѣетъ дочь, и, тайнымъ совѣтникомъ, живетъ въ Пруссіи.

Сей Другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ, на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ! [1])

20-го февраля 1846 г.

А. А. Дельвигъ [2]).

«Вызовъ Вашъ:—сообщить Вамъ что нибудь о Дельвигѣ, для меня пріятенъ; при этомъ имени пробуждаются въ памяти моей прекраснѣйшія воспоминанія о десятилѣтней пріязни ко мнѣ благороднѣйшаго сердца; но къ сожалѣнію біографическими свѣдѣніями о поэтѣ нашемъ я совершенно бѣденъ. Вотъ все что я знаю: баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ былъ сынъ заслуженнаго русскаго генералъ-маіора; онъ самъ говорилъ мнѣ, что древность рода ихъ возходитъ до Витикинда, и что въ каждомъ поколѣніи былъ одинъ Антонъ, а потому родъ ихъ составляетъ поруски непрерывную цѣпь Антоновъ Антоновичей. Дельвигъ былъ изъ числа тѣхъ избранныхъ, которые поступили въ основаніе Царскосельскаго лицея и составили замѣчательный первый его выпускъ [3]).

Скоро послѣ выпуска извѣстный въ то время Нарышкинъ предлагалъ Дельвигу у себя мѣсто домашняго секретаря на время своего путешествія за границу. Желаніе увидѣть Европу и пріязнь Нарышкина долго боролись въ немъ съ мыслью о трудахъ и зависимости; кончилось тѣмъ, что Дельвигъ отказался, приведя къ Нарышкину одного изъ своихъ товарищей, который съ нимъ и поѣхалъ за границу. [4])

Судьба послала ему наконецъ мѣсто какого нельзя лучше: Иванъ Андреевичъ Крыловъ, будучи библіотекаремъ въ Императорской публичной библіотекѣ, принялъ его къ себѣ помощникомъ. Вся обязанность Дельвига состояла дежурить иногда здѣсь, исправлять и заполнять какой-то безконечный каталогъ, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, и выдавать

---

[1]) Первые стихи изъ вышеназваннаго стихотворенія: „Пѣснь Араба надъ могилою коня“.

[2]) Къ кому адресована эта статья, мнѣ неизвѣстно.

[3]) Зачеркнуто: что онъ вышелъ 9-нымъ классомъ; Пушкинъ 10-нымъ; что онъ о практической сторонѣ жизни говорилъ съ негодованіемъ, желая жить въ одной поэзіи, ненавидя искательства; что первый выпускъ лицея расхватали министры. Далѣе зачеркнуто: „жизнь почиталъ онъ поэтическимъ достояніемъ человѣка, прекраснымъ спектаклемъ, отъ котораго грѣшно отвлекать себя прозою бѣдной реальности и нуждъ житейскихъ“. (См. ниже).

[4]) Зачеркнуто имя Кюхельбеккера.

книги посѣтителямъ. Крылову приходилось иногда и подежурить самому за лѣнтяя-помощника, но они какъ-то не ссорились: слабость полѣниться [1]) у нихъ была почти общею.

Поэтическій талантъ Дельвига развился еще въ лицеѣ: и въ послѣдствіи (не знаю какъ теперь) при каждомъ выпускѣ воспитанники пѣли прощальную пѣснь, сочиненную имъ. Изъ лицея онъ вынесъ одно вѣрное, до смерти неизмѣнявшееся: дружбу къ Пушкину.

Бывъ двадцатилѣтнимъ юношей, Дельвигъ обладалъ постоянною степенностію нрава, что подало однажды поводъ Пушкину сказать, что онъ родился женатымъ. Болѣзненная полнота его казалась дородствомъ: онъ былъ росту выше чѣмъ средняго; лицо имѣлъ открытое, лобъ высокій, прекрасный, всегда спокойный; голубые глаза его, вѣчно вооруженные очками, высказывали невыразимую доброту, умъ и мысль.

— Въ лицеѣ мнѣ запрещали носить очки, сказалъ онъ мнѣ однажды: зато всѣ женщины казались мнѣ прекрасны; какъ я разочаровался въ нихъ послѣ выпуска.

Дельвигъ почти не умѣлъ смѣяться, но милая, добрая улыбка его никогда не забудется. При альманахѣ «Царское Село», который я издалъ въ 1830 г., приложенъ портретъ его, очень сходный: это было за годъ до его смерти.

Друзей своихъ онъ любилъ горячо; бывало заводили мы вокругъ его хоры, распѣвали его пѣсни [2]) проникнутыя простотой чувства неподдѣльнаго и благородствомъ его. Дельвигъ вообще любилъ казаться старикомъ, перечувствовавшимъ, пережившимъ, но мрачности не было въ его характерѣ. Когда онъ былъ тронутъ, въ глазахъ его выражалось величіе и глубокое чувство любви къ прекрасному. Трудно найти кого нибудь выше его поэтомъ по созданію (по сознанію?); рѣдкій можетъ обладать этимъ высокимъ даромъ вкуса и вѣрности взгляда на произведеніе словесности: судъ его былъ не торопливый, но и неумолимый: мнѣніе свое онъ высказывалъ безъ обиняковъ и не смягчалъ изворотами; Пушкинъ сознавался, что судъ Дельвига былъ во многомъ ему полезенъ. Другой поэтъ, недавно оплаканный нами, запоздавшій цвѣтокъ гаснущаго вѣка поэзіи,—Баратынскій былъ обязанъ его вкусу при самомъ вступленіи своемъ въ литературный міръ: онъ воспиталъ его рѣзвую музу, остепенилъ ея порывы и строго слѣдилъ за увлекательными, сладкозвучными пѣснями своего друга.

Рядъ юныхъ жизней, прозябавшихъ въ увеселительномъ императорскомъ дворцѣ, воспитали первыя идеи свои въ тѣни двора, подъ глазами монарха, бывшаго ихъ ближайшимъ попечителемъ. Блистательная

---

[1]) Зачеркнуто: даже и побраниться.

[2]) Зачеркнуто, что любимой была: „Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили!“

дорога открыта была каждому: гвардія помѣстила ихъ офицерами въ свои ряды; министры разбирали по рукамъ желающихъ, зная какое участіе принимаетъ въ нихъ императоръ; всѣ быстро пошли впередъ, только два лица долго оставались неутральными: Пушкинъ и Дельвигъ; первый, покорный внутреннему призыву, въ обаяніи развивавшагося таланта, не рѣшился ни на что реальное, не желалъ ничего отъ жизни кромѣ ея бурь, потрясаній и очарованія: почти до смерти онъ не измѣнилъ этому призыву; второй—не менѣе Пушкина проникнутый поэзіею, но важный, степенный, торжественный какъ Олимпъ, на которомъ жили боги, не желалъ поработить себя мелочнымъ условіямъ и заботамъ жизненнымъ; эти заботы ставилъ онъ подъ одинъ итогъ съ искательствами, интригами, поклонами и другими благоразумными мѣрами, иногда идущими въ прокъ для охотниковъ; жизнь почиталъ онъ поэтическимъ достояніемъ, даннымъ человѣку, этому земному ангелу; прекраснымъ спектаклемъ, отъ котораго грѣшно отвлекать себя прозою бѣдной реальности и нуждъ житейскихъ; онъ также до смерти остался вѣренъ этому чувству.

Жизнь Дельвига была прекрасная поэма; мы, друзья его, читали и восхищались ей; потомству онъ оставилъ свои пѣсни, свѣтлыя созданія своей благородной души: онѣ не умрутъ дотолѣ, пока не умрутъ поэзія для сердца человѣческаго».

А. Кирпичниковъ.

Парольное приказаніе Императора Павла I.

Въ 1-й книжкѣ „Русской Старины“ за настоящій годъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ сообщено письмо 3-го марта 1797 г. Ламсдорфа князю Платону Зубову. Какъ дополненіе къ означенному сообщенію интересно привести слѣдующую выпись изъ «именнаго Его Императорскаго Величества повелѣнія», отданнаго февраля 26-го дня того же года,—«при паролѣ»: «Генералъ-лейтенантъ фонъ-деръ-Паленъ, за почести и встрѣчи, дѣлаемыя партикулярнымъ людямъ, какъ то: при проѣздѣ князя Зубова, и за отлучку безъ увольненія въ Митаву для провожанія его же,—выключается изъ службы».

Генералъ фонъ-деръ-Паленъ былъ шефомъ рижскаго кирасирскаго полка.

Сообщ. Дѣйст. чл. Арх. Инст. **Л. В. Евдокимовъ.**

Къ характеристикѣ митрополита Григорія.

Митрополитъ Григорій 11-го мая 1858 года (въ день сошествія св. Духа) произнесъ въ соборѣ Александро-Невской лавры проповѣдь, въ которой коснулся издаваемыхъ тогда летучихъ листковъ и журналовъ.

Говоря, что вѣра у насъ слабѣетъ, онъ доказывалъ это тѣмъ, что великимъ постомъ, когда всѣ христіане, особенно православные, обязаны наблюдать постъ, молиться и каяться въ грѣхахъ своихъ и приготовлять себя къ будущей жизни, въ четвергъ на первой недѣлѣ вышелъ первый листокъ «Весельчака», а въ среду на Страстной недѣлѣ—первый листокъ «Смѣха», которые наполнены пустословіемъ, балагурствомъ и разсказами, не утверждающими не только въ вѣрѣ, но даже и въ общественной нравственности; что одинъ изъ журналовъ нашихъ, «Сынъ Отечества», направленіемъ своимъ вовсе не соотвѣтствуетъ важности и святости своего названія.

Сообщ. **М. М. Поповъ.**

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПОДОЛІИ.

(Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи).

Къ 1884 году, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были напечатаны мои «Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи», въ которыхъ я разсказывалъ о моей шести-лѣтней—съ 1865 по 1871 годъ—службѣ въ должности мирового посредника. Въ теперешнихъ моихъ «воспоминаніяхъ» я говорю о моей давней же — въ 1878—80 гг. — службѣ мировымъ судьею въ Подоліи. Я не ограничиваюсь при этомъ однимъ повѣствованіемъ о моей судебной дѣятельности—часто механической и формальной,—а стараюсь изобразить и тѣ условія и лица, среди коихъ проходила моя жизнь и служба того времени, а равно и нарисовать, по возможности, полную картину чиновничьяго быта въ глухомъ городкѣ Юго-Западнаго края въ послѣдніе годы царствованія императора Александра II-го. Россіею, по словамъ императора Николая I-го, «управляютъ не министры, а столоначальники»,—и вотъ объ этихъ-то «столоначальникахъ», вродѣ, напр., описываемаго мною полицейскаго надзирателя Ш—скаго, я и говорю иногда довольно подробно, такъ какъ эти мелкія личности и играли, собственно, главную роль въ жизни того глухаго угла, гдѣ я судействовалъ.

При этомъ, большая часть дѣйствующихъ лицъ, появляющихся въ моихъ запискахъ, не называется мною по фамиліямъ,—во-первыхъ, изъ чувства деликатности, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, еще живы; а во-вторыхъ, какъ я полагаю, дѣло совсѣмъ не въ именахъ этихъ господъ, а въ тѣхъ явленіяхъ и событіяхъ, въ которыхъ они играли ту или иную роль.

Если въ моихъ настоящихъ запискахъ я впалъ въ какую нибудь неточность—что, за давностью времени, возможно—то буду очень благодаренъ тому, кто исправитъ эту неточность.

I.

Мое назначеніе.—Столица русскаго еврейства.—Катакомбы Бердичева и ихъ тайны.—Владѣльческій городъ Хмѣльникъ.—Личность моего предмѣстника.—„Семейная исторія“ судьи, послужившая поводомъ къ его увольненію.—Внѣшній видъ Хмѣльника и администрація владѣтельнаго графа.—Евреи арендаторы и администраторы.—Открытіе камеры и первый „обвиняемый“.—Польскій панъ, поколотившій старосту.—Воинствующій „батюшка“.—Пострадавшая цыганка.—Вдова-маіорша и ея дѣло.

Въ 1878 году я получилъ, по назначенію, должность мирового судьи въ Подольской губерніи, въ Литинскомъ судебно-мировомъ округѣ. Я въ это время жилъ отъ Подоліи за тысячу слишкомъ верстъ и не имѣлъ никакого представленія, гдѣ именно находится мой участокъ и гдѣ придется жить самому; а потому и написалъ прямо на имя секретаря съѣзда письмо, въ которомъ просилъ сообщить мнѣ, гдѣ будетъ резиденція судьи, куда направить вещи, т. е. на какую ближайшую станцію желѣзной дороги, и пр. Отвѣтъ не замедлилъ придти и былъ неутѣшительный: оказывалось, прежде всего, что мнѣ придется жить въ заштатномъ городишкѣ Хмѣльникѣ и что ближайшая станція находится въ 60-ти верстахъ и есть знаменитый городъ Бердичевъ, еврейская столица въ Россіи.

Я живо собрался въ путь и черезъ два дня пріѣхалъ въ Бердичевъ, въ которомъ ранѣе никогда не бывалъ. Мнѣ предстояло прожить тутъ нѣсколько дней въ ожиданіи своихъ вещей и библіотеки и ради необходимости сшить себѣ форменное платье. Бердичевъ просто поразилъ меня массою скученныхъ въ немъ евреевъ, архитектурою своихъ построекъ, а главное, тою кипучею дѣятельностью, которая замѣчалась въ немъ: съ утра до поздней ночи всѣ улицы и тротуары этого оригинальнаго города были запружены евреями и еврейками; все это страшно шумѣло, спорило, куда-то ѣхало и бѣжало .... Можно было подумать, что въ городѣ происходятъ непрерывные пожары, на которые спѣшитъ весь этотъ суетящійся людъ.

Бердичевъ, числящійся уѣзднымъ городомъ Кіевской губерніи, имѣетъ, судя по календарямъ, почти 80.000 душъ (79.910), т. е. такое количество, какого не имѣетъ и половина губернскихъ городовъ Россіи; дѣйствительное же количество жителей этого города, по

общему мнѣнію лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ, превышаетъ далеко 100.000: 80.000 живетъ на землѣ города Бердичева, а 20 слишкомъ тысячъ подъ землей, то-есть, въ тѣхъ катакомбахъ, которыя, подобно римскимъ первыхъ вѣковъ христіанства, имѣются подъ этимъ своеобразнымъ и чисто-еврейскимъ городомъ—единственнымъ въ мірѣ по количеству имѣющихся въ немъ жителей евреевъ. Эти-то катакомбы и служатъ безконечною ареною еврейскихъ преступленій: тамъ укрываются, столько времени сколько нужно, всевозможные бѣглые преступники, дезертиры и тѣ молодые жидки, которые бѣжали отъ воинской повинности; тамъ же прячется и хранится всяческая контрабанда, переправляемая въ Бердичевъ прямо съ находящейся неподалеку австрійской границы; въ тѣхъ же катакомбахъ поддѣлываются, не спѣша и безъ всякой опаски, фальшивыя ассигнаціи и всяческіе паспорты и виды на жительство; тамъ же производится часто и винокуреніе—на особыхъ аппаратахъ, имѣющихъ подобіе громадной величины самоваровъ; въ этихъ же катакомбахъ исчезаютъ на-вѣки и тѣ несчастныя еврейскія дѣвушки, которыя, по романическимъ причинамъ, а иногда и по убѣжденію, изъявляютъ желаніе креститься... Эти попытки еврейскихъ неофитокъ оканчиваются обыкновенно очень печально и трагически: дѣвушки—изъ 10-ти 9-ть—исчезаютъ вдругъ и безслѣдно... Сначала, впрочемъ, ее пробуютъ истребовать изъ того мѣста, куда она укрылась (отъ священника, отъ ея будущихъ воспріемниковъ, изъ дома жениха, и т. п.), судомъ, обвиняя почти всегда въ кражѣ у родителей вещей и денегъ; если это не удается, пускается иногда въ ходъ политическій доносъ; если же и этотъ фортель не выгораетъ, ее выкрадываютъ силою, хотя бы она, въ ожиданіи таинства крещенія, находилась даже въ женскомъ монастырѣ или на подворьѣ архіерея; о частныхъ же домахъ и охранахъ и говорить нечего!—А разъ еврейка такимъ путемъ похищена— о ней не будетъ ни слуху ни духу до конца вѣка сего!.. Иногда такимъ же точно путемъ пропадаютъ безслѣдно и женщины, бывшія еврейки, принявшія уже крещеніе и живущія совмѣстно съ мужьями христіанами,—если почему-либо евреи не могли или не успѣли помѣшать имъ креститься и выйти замужъ: ихъ похищаютъ открыто, на базарахъ или въ еврейскихъ лавкахъ, куда онѣ заходятъ за покупками, крадутъ даже на гуляньяхъ, въ общественныхъ публичныхъ садахъ, на глазахъ ихъ новой христіанской родни и всей публики.—Въ большинствѣ случаевъ, какъ я сказалъ, пропавшія исчезаютъ какъ въ воду и остаются неразысканными. Одинаково, остаются неразысканными и безнаказанными — изъ 10-ти случаевъ въ 9-ти—и наглые похитители; въ такихъ дѣлахъ евреи дѣйствуютъ всегда en masse, цѣлымъ скопомъ: если похищаемая жертва и успѣетъ закричать и позвать на помощь, пока ей не заткнули ротъ и не закутали голову, то

моментально, со всѣхъ сторонъ мѣстечка или города (смотря по тому, гдѣ совершается похищеніе), сбѣгаются съ страшнымъ крикомъ жиды всѣхъ возрастовъ и половъ, и, прежде чѣмъ подоспѣетъ помощь или полиція, на мѣстѣ преступленія уже образуется тысячная толпа, фанатическая и наэлектризованная, прижавшаяся плечомъ къ плечу, вопящая на всѣ голоса и старающаяся лишь объ одномъ—не пропускать къ мѣсту событія христіанъ и дать время унести и запрятать похищенную какъ можно подальше и въ безопасное отъ розысковъ мѣсто.—Какъ только несчастная связана и унесена съ мѣста происшествія, ее тотчасъ же вывозятъ въ еврейской фурѣ за городъ прикрытою периной и въ обществѣ полдюжины женщинъ и дѣтей, которыя всегда съумѣютъ поднять плачъ и вопль, чтобы покрыть глухіе стоны и крики жертвы,—и затѣмъ быстро мчатъ день и ночь, смѣняя лошадей, пока, наконецъ, не привезутъ ее въ бердичевскія катакомбы, или же просто въ какую нибудь глухую корчму на глухой дорогѣ, въ лѣсу, или же въ имѣніе, принадлежащее еврею или арендуемое евреемъ. Тамъ, надъ ней начинается судъ и расправа: ей предлагаютъ, прежде всего, отступиться отъ задуманнаго ренегатства, если она еще не успѣла окреститься; въ противномъ же случаѣ, ее заставляютъ возвратиться къ вѣрѣ отцовъ своихъ; въ случаѣ согласія, дѣвушка, пожалуй, еще останется въ Россіи, и ее поспѣшатъ выдать замужъ за еврея, куда нибудь подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она жила; женщину же, при согласіи принять вновь іудейство, быстро выпроваживаютъ заграницу — чтобы она не могла встрѣтиться съ мужемъ—христіаниномъ, или возвратиться къ нему добровольно.

Едва ли нужно говорить о тѣхъ трагическихъ окончаніяхъ дѣла, когда похищенныя упорно отказываются отъ іудейства: бердичевскія катакомбы, да и многія иныя глухія мѣста могли бы занести на свои кровавыя скрижали не одну сотню неповинныхъ жертвъ еврейскаго религіознаго фанатизма и нетерпимости. Газетная хроника и корреспонденціи изъ мѣстъ еврейской осѣдлости сообщаютъ, изъ года въ годъ, случаи таинственнаго исчезновенія, или же и просто наглыхъ похищеній несчастныхъ евреекъ, задумавшихъ креститься,—и не только намъ, читателямъ, но и мѣстнымъ властямъ приходится, почти всегда, довольствоваться въ такихъ случаяхъ благороднымъ негодованіемъ и сожалѣніемъ!..

Я прожилъ въ Бердичевѣ цѣлую недѣлю, и интересно то обстоятельство, что у меня такъ и не спросили вида на жительство. Я съ большимъ интересомъ изучалъ жизнь этого своеобразнаго города, кишащаго евреями. Чѣмъ и какъ питалась вся эта стотысячная толпа, избѣгающая всякаго честнаго и тяжелаго труда—это для посторонняго, случайнаго наблюдателя остается тайной.—Несомнѣнно лишь одно, что все это живетъ на средства, добываемыя такъ или иначе отъ

христіанъ, что все это питается хлѣбомъ, засѣваемымъ и убираемымъ христіанскими же руками и пріобрѣтаемымъ на средства отъ тѣхъ сомнительныхъ индустрій, которыя такъ излюблены этими истинными вампирами русскаго народа.

За недѣлю моего проживанія въ Бердичевѣ я успѣлъ обзавестись форменнымъ платьемъ, распорядился полученіемъ съ вокзала и отправленіемъ въ Хмѣльникъ своихъ «домашнихъ вещей» и книгъ и въ то же время ежедневно посѣщалъ камеры имѣющихся здѣсь мировыхъ судей и приглядывался къ разбору дѣлъ и мѣстному люду—евреямъ, полякамъ и хохламъ, фигурировавшимъ на судѣ. Затѣмъ, когда всѣ мои дѣла въ Бердичевѣ были покончены, я отправился, по самой ужаснѣйшей грунтовой дорогѣ и невылазной грязи, за 60 верстъ, въ городъ Хмѣльникъ, гдѣ мнѣ предстояло судействовать.

Я пріѣхалъ въ этотъ городишко вечеромъ, остановился въ «лучшей» еврейской гостиницѣ—или, какъ здѣсь называли «заѣздномъ домѣ»,—кое-какъ уснулъ немного и утромъ, взявъ съ собой въ провожатые «мишуреца», направился прежде всего къ своему предмѣстнику, бывшему судьѣ.

Мнѣ пришлось пройти весь городъ, такъ какъ судья Е* жилъ на другомъ концѣ его, и я, проходя по грязнымъ улицамъ и видя, кругомъ, обмазанные глиной домишки и полуразвалившіяся хаты, едва вѣрилъ, что въ этомъ городѣ имѣется болѣе 10 тысячъ жителей. Мостовой не было буквально нигдѣ; старую и новую часть города соединяла гребля, т. е. гать въ полверсты длины, засыпанная хворостомъ и землей, и гдѣ, осенью, тонули телѣги и гибли волы и лошади. Въ городѣ не было ни одного каменнаго дома, кромѣ городской ратуши и замка владѣтеля города — бывшаго товарища шефа жандармовъ графа Л—ва. Масса оборванныхъ евреевъ и пропившихся мѣстныхъ мѣщанъ—потомковъ нѣкогда славныхъ казаковъ, шлялись по улицамъ; тутъ же бродили коровы, еврейскія козы, свиньи и стаи собакъ...

Спустя добрый часъ ходьбы, я добрался, наконецъ, до дома Е*. Меня встрѣтилъ человѣчекъ небольшаго роста, съ малороссійскимъ выговоромъ, желчный, съ холерическимъ темпераментомъ, страшно озлобленный на весь міръ вообще, а на министерство юстиціи въ особенности. Оказывалось, что его положеніе—и нравственное, и матеріальное—было дѣйствительно не хорошо. Онъ попалъ въ мировые судьи по протекціи брата прямо изъ мелкихъ сенатскихъ чиновниковъ—и, получивъ должность V-го класса, былъ вполнѣ доволенъ своей судьбой; какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро ему приносятъ съ почты «приказъ» министерства юстиціи на его имя, въ которомъ его «ставятъ въ извѣстность», что съ 1-го февраля такого-то года онъ «причисляется къ министерству».

верстахъ въ 15—20-ти былъ его же свекло-сахарный заводъ, находившійся во владѣніи пайщиковъ и подъ управленіемъ «директора», еврея В—ича, человѣка очень умнаго, вполнѣ приличнаго и хорошо знающаго свое дѣло. Корчмы же, землю, мельницы и огороды подъ свекловичныя плантаціи арендовала одна вдова, еврейка Д—ова. Она же арендовала у графа и ч и н ш ъ, т. е. она платила графу опредѣленную по контракту сумму чиншевыхъ платежей за всѣ городскія и мѣстечковыя усадьбы, а сама уже назначала с в о и цѣны съ мелкихъ арендаторовъ и съемщиковъ и выбирала сумму вдвое большую. Лѣсами графа управляли нѣмецкіе лѣсничіе и объѣздчики.—Словомъ, между служащими графа не было ни одного поляка и ни одного русскаго—все евреи и нѣмцы; исключеніемъ былъ одинъ Б—ичъ, да и то потому, что онъ велъ свое дѣло въ общій тонъ обиранія графа и очень дружилъ съ арендаторами евреями. Затронуть эту силу или только не угодить ей—было бѣда, и Е* погибъ главнымъ образомъ только потому, что не пожелалъ потворствовать постояннымъ беззаконіямъ и надувательствамъ, произволу и самымъ вопіющимъ дѣяніямъ управляющаго графа Л—ова, съ которымъ всѣ чиновники, администраторы, попы и купцы были с в о и л ю д и и который всѣхъ умѣлъ обязать; одному доставляетъ gratis дрова, другому—сѣно, третьему—деньги въ займы, и т. д.

Я такъ-таки и не нашелъ себѣ мало-мальски сносной и приличной квартиры: единственный свободный домишко нашелся въ концѣ города; отъ принадлежалъ священнику замка (гдѣ была особая церковь), былъ крытъ соломой, состоялъ изъ небольшихъ четырехъ комнатъ, изъ коихъ только двѣ имѣли деревянные некрашеные полы, а другія двѣ—простой земляной полъ, какой бываетъ въ хлѣвахъ и плохихъ конюшняхъ.

Промучившись нѣсколько дней въ напрасныхъ поискахъ квартиры и немножко ознакомившись за это время съ хмѣльникскимъ обществомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что надо возвратиться вспять... И вотъ, вернувшись однажды, послѣ цѣлой недѣли мученій, въ номеръ еврейскаго «заѣзднаго дома», я написалъ вчернѣ письмо къ тогдашнему управляющему канцеляріей министерства князю М—скому, гдѣ вполнѣ откровенно изложивъ все дѣло и всю невозможность моего положенія, я убѣдительно просилъ перевести меня въ другое мѣсто, или же «причислить», согласно прошенію... Но утро вечера мудренѣе: на другой день пріѣхалъ въ Хмѣльникъ предсѣдатель съѣзда, бывшій подольскій же вице-губернаторъ М—ичъ, и отклонилъ меня отъ принятаго рѣшенія.

Въ тотъ же день, я нанялъ домъ священника, подыскалъ себѣ неподалеку отдѣльное помѣщеніе для камеры, условился съ бывшимъ у Е* письмоводителемъ, очень способнымъ молодымъ человѣкомъ крестьяниномъ Бойчаковымъ—и рѣшилъ остаться въ Хмѣльникѣ на службѣ.

Спустя недѣлю, совсѣмъ устроившись и принявъ дѣла, архивъ, документы, денежныя суммы и имущество камеры, я принялъ въ съѣздѣ судейскую присягу, назначилъ на извѣстный день открытіе камеры, оповѣстивъ объ этомъ заранѣе всѣхъ кого слѣдовало.

Не безъ нѣкоторой робости и трепета надѣлъ я на себя въ первый разъ форменный вицъ-мундиръ, судейскую цѣпь и вышелъ въ зало засѣданія—изъ сосѣдней комнаты, гдѣ помѣщалась, собственно, моя канцелярія и занимался письмоводитель. Приходилось фигурировать словно на открытой сценѣ, въ глазахъ многочисленной публики, собравшейся отчасти ради удовлетворенія праздная любопытства поглазѣть на новаго судью, а частью для того, чтобы присмотрѣться къ новому лицу, съ которымъ придется, въ будущемъ, имѣть дѣла... Въ первыхъ рядахъ скамей я увидѣлъ нѣсколько лицъ съ прошеніями въ рукахъ, и позади этой «простой» публики, какъ бы въ тѣни, сидѣло нѣсколько адвокатовъ, двое «батюшекъ», управляющій графа и двѣ-три дамы. Я сильно сконфузился и растерялся,—какъ шесть лѣтъ назадъ, когда на сценѣ московскаго «общедоступнаго» театра шла моя 2-хъ-актная пьеса «Отмѣнили»—и меня по окончаніи ея вызвали на сцену какъ автора [1]).

Дрогнувшимъ голосомъ я назвалъ первое «арестантское» дѣло, по обвиненію какого-то молодого парня въ кражѣ кожуха у мѣстнаго мѣщанина.

Когда я только еще ѣхалъ въ Хмѣльникъ, то далъ себѣ, въ душѣ, обѣщаніе—непремѣнно оправдать того п е р в а г о обвиняемаго по уголовному дѣлу, котораго буду судить; однако, мнѣ не довелось исполнить это, нѣсколько легкомысленное, обѣщаніе. Когда я вызвалъ парня къ судейскому столу, прочелъ ему обвиненіе и спросилъ: признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что, вечеромъ такого-то февраля, вошелъ въ незапертыя сѣни дома мѣщанина такого-то и, снявъ висѣвшій на гвоздѣ кожухъ, надѣлъ его въ накидку и вышелъ на дворъ, намѣреваясь прошмыгнуть въ калитку, на улицу,—какъ былъ задержанъ, случайно, самимъ хозяиномъ кожуха, возвращавшимся въ это время домой? — мой обвиняемый отвѣтилъ, самымъ спокойнымъ и равнодушнымъ голосомъ:

— Такъ точно, ваше в—діе, мой грѣхъ: я дѣйствительно взялъ кожухъ.

— И хотѣлъ украсть?

— Точно такъ.

---

[1]) Это былъ п е р в ы й частный театръ, допущенный въ столицѣ, выстроенный въ 1872 году талантливымъ художникомъ, строителемъ Гартманомъ, на Солянкѣ. Театръ этотъ былъ разрѣшенъ, подъ именемъ Н а р о д н а г о, на время бывшей тогда въ Москвѣ политехнической выставки.

— Какія же обстоятельства заставили тебя украсть? — нуждался ты, что ли, голодалъ? есть у тебя семья, или ты холостой?

— Нуждался я, это точно-съ; но семьи у меня нѣтъ — я холостъ. Унесъ кожухъ собственно потому, значитъ, что хотѣлось выпить, а было не на что...

Меня слегка покоробило отъ такого безцеремоннаго признанія, и я сознался, что въ предложенныхъ мною вопросахъ воришкѣ было кое-что лишнее.

— Бачьте, ваше в—діе, якій злодѣй! хотѣлъ пропить мой кожухъ, который коштуе мнѣ 12-ть карбованцевъ, заговорилъ хозяинъ кожуха...

Пришлось, конечно, признать парня виновнымъ, и я приговорилъ его къ непродолжительному тюремному заключенію и прочелъ приговоръ.

— Грамотный?—спросилъ я обвиняемаго.

— Подписаться могу.

— Вотъ, и подпишись; а затѣмъ, если ты моимъ приговоромъ недоволенъ, можешь жаловаться, въ двухъ-недѣльный срокъ, въ съѣздъ — чрезъ меня же,—и твое дѣло разберутъ вновь, въ городѣ Литинѣ, можетъ быть, убавятъ время высѣдки.

— Я жаловаться не стану, проговорилъ парень и, взявъ перо, подписалъ подъ приговоромъ свое имя и фамилію.

Послѣ, когда я, сдѣлавъ перерывъ засѣданія, вышелъ въ сосѣднюю комнату, то письмоводитель объяснилъ мнѣ, что если обвиняемый и могъ быть недоволенъ приговоромъ, то развѣ только потому, что ему назначено отсидѣть, на казенныхъ хлѣбахъ и на готовой теплой квартирѣ, слишкомъ короткій срокъ, а между тѣмъ, лѣто еще далеко и полевые заработки начнутся, слѣдовательно, не скоро.

Второе дѣло, назначенное мною къ разбору, было болѣе интересное и должно было разбираться уже во второй разъ: въ началѣ, оно было разобрано моимъ предшественникомъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, и по отсутствію обвиняемаго, не явившагося на судъ безъ уважительныхъ причинъ, былъ постановленъ заочный приговоръ. Молодой человѣкъ, сынъ довольно зажиточнаго польскаго помѣщика, былъ приговоренъ за нанесеніе «оскорбленія дѣйствіемъ» сельскому старостѣ, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, къ двухъ-мѣсячному аресту; а такъ какъ, въ нашемъ судебно-мировомъ округѣ, да и вообще въ Подольской губерніи, за исключеніемъ лишь одного губернскаго города, не было никакихъ иныхъ мѣстъ заключенія для лицъ, приговариваемыхъ къ аресту судьями, кромѣ полицейской кутузки, то молодому человѣку, какъ дворянину, предстояло отсидѣть свой «арестъ» при тюрьмѣ.

При разборѣ и изъ допроса свидѣтелей выяснилось по этому дѣлу

слѣдующее: минувшей осенью, молодой человѣкъ, замѣнявшій больного отца, находился на гумнѣ, гдѣ въ это время шла спѣшная работа—молотьба; въ самый разгаръ работы, на гумно приходитъ староста близъ расположенной деревни, замѣтно выпивши, и начинаетъ гнать съ гумна нѣкоторыхъ рабочихъ, нанявшихся поденно, требуя ихъ на какую-то общественную работу, кажется, чинить дорогу; молодой панъ подходитъ къ нему и проситъ убираться прочь съ гумна, такъ какъ люди, разъ они нанялись, должны отработать свой день, тѣмъ болѣе, что до вечера осталось уже не много времени: между тѣмъ, если они послушаются старосты и уйдутъ, то теряютъ, прежде всего, сами,—такъ какъ, ничего, въ случаѣ перерыва работы, не получатъ; что, наконецъ, онъ, староста, долженъ былъ наряжать ихъ наканунѣ, а не теперь; если же ему нужны рабочіе именно въ настоящее время, то онъ можетъ взять ихъ изъ числа праздно шляющихся по деревнѣ и сидящихъ въ кабакѣ.

Какъ только молодой человѣкъ произнесъ слово «кабакъ», то староста, принявшій этотъ намекъ на свой счетъ, началъ кричать и говорить пану грубости и перешелъ «на ты»; тогда вспыхнулъ и молодой панъ: ругнулъ старосту и его родителей и пригрозилъ находившейся въ рукѣ тростью, если онъ не уйдетъ съ гумна добромъ... Работники тоже стали просить старосту не мѣшать имъ отработать день, на который они нанялись; но староста запустилъ руку въ карманъ, досталъ оттуда свой мѣдный знакъ, прикололъ его къ груди и, указывая на него пальцемъ, сказалъ пану:

— Видишь эту медаль? это у меня отъ начальства пожаловано,— и ты, польскій мятежникъ, долженъ меня слушаться, не разговаривая много...

Панъ вскипѣлъ, обиженный—какъ онъ утверждалъ на судѣ—названіемъ «мятежника»,—и дѣйствительно, не сталъ много разговаривать: размахнулся кулакомъ и сшибъ старосту съ ногъ; а когда тотъ, поднявшись, хотѣлъ на него броситься, то N. — человѣкъ высокій и крѣпкій, взялъ пьянаго грубіяна за горло и ударилъ еще нѣсколько разъ. На крикъ старосты: «ратуйте, хлопцы, старосту бьютъ», никто изъ работавшихъ на гумнѣ его односельцевъ не подалъ ему помощи, и онъ убѣжалъ въ деревню, а оттуда въ волостное правленіе и къ уряднику—съ жалобой.

На судѣ, обвиняемый защищался самъ, такъ какъ адвокаты — мѣстные и наѣзжавшіе сюда, въ случаѣ надобности, изъ Литина—просили съ него, какъ бы сговорившись, 200 рублей и всѣ деньги впередъ; двое изъ нихъ, личности которыхъ указалъ мнѣ письмоводитель, находились теперь въ камерѣ и жадно слѣдили за разборомъ дѣла.

Панъ чистосердечно сознался, что, дѣйствительно, нѣсколько разъ ударилъ старосту, выведенный изъ терпѣнія его грубостью и ругатель-

ствами, но что знака на груди потерпѣвшаго не было, и онъ его, будто бы, надѣлъ лишь тогда, когда уже былъ побитъ. Это послѣднее его показаніе было, впрочемъ, не подтверждено свидѣтелями; одинаково было отрицаемо ими и увѣреніе молодаго человѣка, что староста былъ пьянъ.

Потерпѣвшій староста велъ себя на судѣ самымъ возмутительнымъ образомъ: онъ постоянно прерывалъ не только объясненія обвиняемаго и свидѣтелей, но и меня самого; я нѣсколько разъ его останавливалъ и даже вынужденъ былъ оштрафовать тремя рублями; а когда и это не помогло, то распорядился вывести его изъ камеры вонъ и пригласилъ лишь тогда, когда приговоръ былъ уже совсѣмъ готовъ для прочтенія. Я приговорилъ молодаго драчуна къ аресту на одинъ мѣсяцъ и три дня. Когда всѣ прикосновенныя къ этому дѣлу лица вышли изъ камеры, я видѣлъ въ окно, какъ къ старостѣ подошелъ одинъ изъ адвокатовъ и долго о чемъ-то съ нимъ толковалъ; другой же адвокатъ подошелъ къ N. Мой разсыльный говорилъ мнѣ потомъ, что адвокаты уговаривали и старосту, и пана N переносить дѣло въ съѣздъ, при чемъ предсказывались тяжущимся такія перспективы: старостѣ адвокатъ сулилъ, что онъ «упрячетъ» пана не на одинъ мѣсяцъ, а на три; молодому же человѣку предсказывалось полнѣйшее оправданіе, за извѣстный, конечно, гонораръ, уплачиваемый авансомъ. Дѣло это, однако, не попало въ съѣздъ: у старосты не нашлось лишнихъ денегъ на кляузы, а г. N радъ былъ и тому, что вмѣсто прежнихъ двухъ мѣсяцевъ, приговоренъ былъ лишь на мѣсяцъ; онъ только попросилъ меня, когда приговоръ вошелъ уже въ законную силу, чтобы этотъ «арестъ» разрѣшено ему было отбыть не въ Подольской губерніи, а въ Волынской, по сосѣдству, въ уѣздномъ городѣ, ближайшемъ къ имѣнію его отца, — въ чемъ, конечно, я ему очень охотно посодѣйствовалъ.

Я потому останавливаюсь на своемъ первомъ засѣданіи нѣсколько подробнѣе, что оно, во-первыхъ, осталось очень свѣжо въ моей памяти — именно, какъ п е р в о е; а во-вторыхъ, оно было, такъ сказать, profession de foi моей судейской дѣятельности, а главное, было важно для всей той п у б л и к и, съ которою мнѣ потомъ пришлось имѣть дѣло. По ихъ любопытнымъ и внимательнымъ взглядамъ я понималъ, что не только я самъ, но даже мой вицъ-мундиръ и моя цѣпь служатъ для нихъ предметами усиленнаго наблюденія.

Замѣтивъ въ числѣ публики двухъ «батюшекъ», я не мало изумился ихъ присутствію, а главное, терпѣнію, такъ какъ они сидѣли съ самаго открытія камеры, часа уже два, на одномъ мѣстѣ безъ всякаго почти движенія. Неужели, думалъ я, и они люди праздные, пришедшіе сюда только затѣмъ, чтобы разобрать потомъ по косточкамъ мои первые шаги на судейскомъ пути? Письмоводитель, въ комнату котораго я выходилъ

всякій разъ за помощью, для написанія приговора (впослѣдствіи уже этого не дѣлалъ, и писалъ всегда рѣшенія и приговоры тутъ же въ камерѣ, не вставая съ мѣста), объяснилъ мнѣ, что эти почтенныя особы явились сюда не изъ любопытства, а потому, что у обоихъ у нихъ будутъ постоянныя «дѣла» въ моей камерѣ—и все болѣе или менѣе некрасивыя и кляузныя.

Окончивъ разборъ дѣла молодаго пана, которое, благодаря массѣ свидѣтелей-крестьянъ, заняло часа два времени, я сдѣлалъ новый перерывъ засѣданія, чтобы передохнуть немножко, и вышелъ въ сосѣднюю съ камерой канцелярію. Публика довольно громко, не стѣсняясь, разбирала постановленный мною, по послѣднему дѣлу, приговоръ; нѣкоторыя отрывочныя фразы долетали даже ко мнѣ въ комнату, отдѣленную отъ камеры простою деревянною перегородкою: это, оказывалось, адвокаты, «батюшки» и служилая челядь графа Л—ва разбирали мои приговоры критически. Между прочимъ, меня порицали за то, что я, спрашивая вора, говорилъ ему «ты»... Но я былъ на этотъ счетъ такого мнѣнія: разъ, человѣкъ укралъ и изобличенъ въ этомъ внѣ всякаго сомнѣнія—значитъ, у него самолюбія и самоуваженія имѣется очень немного и для него, поэтому, совершенно безразлично: говоритъ ему мировой судья «вы» или «ты»... Я и впослѣдствіи придерживался на судебныхъ разбирательствахъ той же теоріи и системы,—и у меня бывали не разъ даже такіе случаи, что и мнѣ говорили «ты»: это—когда на судѣ фигурировали — преимущественно, въ качествѣ отвѣтчиковъ, по невыполненію условныхъ работъ — крестьяне нѣкоторыхъ великороссійскихъ губерній, обращавшіеся ко мнѣ съ такими, примѣрно, фразами: «какъ, ваше благородіе, разсудишь, такъ и будетъ!»... или, опровергая нанявшаго подрядчика: «жидъ брешетъ, ваше благородіе — ты ему не вѣрь!»... или, при подачѣ прошеній: «съ прошеніемъ, вотъ, батюшка-баринъ... какъ величать твою милость — не знаемъ»... и т. п. И было бы, конечно, нелѣпостью, если бы *я* сталъ говорить на судѣ этимъ простымъ, темнымъ людямъ «вы»,—когда *они* говорятъ мнѣ «ты»; я лишь постоянно останавливалъ ихъ, когда они употребляли слово «жидъ», требуя, чтобы они говорили «еврей»,—хотя, тоже, отлично зналъ и понималъ, что они употребляютъ это слово не въ качествѣ презрительнаго и безъ желанія оскорбить, а единственно потому, что у нихъ, въ какомъ-нибудь тамъ Чухломскомъ уѣздѣ, «все село, споконъ вѣку, зовутъ *ихъ* жидами»,—какъ объяснилъ однажды въ моей камерѣ костромской мужичекъ, когда я, остановивъ его нѣсколько разъ во время судоговоренія, пригрозилъ, наконецъ, штрафомъ...

Продолжаю, затѣмъ, разсказъ о первомъ днѣ моего засѣданія. Когда, отдохнувъ четверть часа, я вновь вошелъ въ камеру и объявилъ «пріемъ прошеній», то съ мѣстъ, назначенныхъ для «публики», встали

и направились къ моему столу нѣсколько десятковъ человѣкъ сразу,— и тутъ только я понялъ, почему у меня въ камерѣ набралось такъ много народу.

— Вамъ подадутъ сегодня не мало прошеній, предупредилъ меня г. Бойчаковъ, мой письмоводитель, но между ними будетъ нѣсколько пустыхъ, по которымъ г. Е*. давно отказалъ: подастъ одна маіорша, да цыганка одна—эта вамъ даже нагрубитъ сразу, — да еще нѣсколько... У васъ будутъ пробовать счастья—не удастся ли то, что уже не удалось раньше.

Первыми подошли гг. адвокаты: они подавали или просьбы о новомъ разборѣ дѣлъ — вслѣдствіе заочныхъ рѣшеній и приговоровъ,— или же апелляціонныя жалобы, подлежащія отправкѣ въ съѣздъ; адвокаты были очень сдержанны: ни лишнихъ просьбъ, ни объясненій. Далеко не то было съ «батюшками». Къ моему столу подошелъ, одѣтый въ шелковую синюю рясу, священникъ лѣтъ 35-ти, средняго роста, плотный, смуглый и довольно красивый, съ черными пронзительными и непріятными глазами; въ рукахъ у него было «прошеніе».

— Священникъ Х—цкій; предъявляю отзывъ на заочное рѣшеніе вашего предмѣстника, проговорилъ онъ, подавая бумагу и установленныя пошлины.

Такъ какъ дѣло это оказалось очень клюзное и скабрезное и причинило мнѣ, впослѣдствіи, массу непріятностей, то я и считаю необходимымъ изложить вкратцѣ его содержаніе.

Священникъ Х—цкій былъ вдовъ и занималъ ранѣе мѣсто полковаго священника. Проживая на одномъ изъ кавказскихъ курортовъ для леченія, онъ встрѣтился, а затѣмъ и сошелся довольно близко съ молодою дамою, нѣкоею В—цкою, лечившеюся на томъ же курортѣ. Послѣдствіемъ ихъ встрѣчи было то, что «дама» бросила мужа и уѣхала, вмѣстѣ съ «батюшкой», въ полкъ; туда же, въ погоню за женой, пріѣхалъ супругъ и «потрепалъ» немножко батюшку, котораго и попросили уйти изъ полка. Будучи уроженцемъ Подольской губерніи, о. Х—цкій обратился къ мѣстному преосвященному съ ходатайствомъ о мѣстѣ, мотивируя свое желаніе невозможностью, по нездоровью, вести кочевой образъ жизни полковаго священника; его просьба была уважена, и онъ получилъ мѣсто подъ самымъ Хмѣльникомъ, въ его пригородѣ. Вмѣстѣ съ Х—цкимъ, пріѣхала въ Хмѣльникъ и его «дама», подъ именемъ «двоюродной сестры», устроила на свой счетъ всю домашнюю обстановку «братцу», нашила ему шелковыхъ рясъ, завела лошадей и экипажъ, коровъи все прочее хозяйство. «Братецъ»,однако,сталъ и вышивать, и «измѣнять», и поколачивать «сестрицу»... Кончилось все это тѣмъ, что въ одну бурную зимнюю ночь о. Х—цкій поколотилъ и выгналъ на улицу г-жу В—цкую, полураздѣтую, и она, переночевавъ у сосѣдей,

обратилась къ мировому судьѣ съ просьбою отобрать отъ Х—цкаго принадлежащее ей бѣлье, платье и всю прочую движимость, доказывая счетами и удостовѣреніями изъ лавокъ и свидѣтельскими показаніями, что все, находящееся въ квартирѣ Х—цкаго имущество, не исключая даже его шелковыхъ рясъ, пріобрѣтено ею, истицею, на ея собственныя деньги; при нежеланіи же Х—цкаго возвратить ей все это, она просила взыскать съ него стоимость поискиваемаго ею имущества—въ суммѣ нѣсколькихъ сотъ рублей, плюсъ сто пятьдесятъ, данныхъ Х—цкому деньгами, въ послѣднее уже время ихъ сожитія, когда у нихъ начались «исторіи», и когда г-жа В—цкая, давая батюшкѣ «взаймы» деньги, благоразумно взяла отъ него, на этотъ разъ, росписку.

Къ разбору этого дѣла у моего предмѣстника о. Х—цкій не явился и не прислалъ повѣреннаго; «послушать» же дѣло откомандировалъ въ камеру судьи своего брата, бывшаго студента какого-то университета. При заочномъ разсмотрѣніи дѣла, г-жа В—цкая заявила, что она уменьшаетъ сумму иска, такъ какъ, послѣ уже подачи прошенія, Х—цкій возвратилъ ей бѣлье и платья; судья Е* разсмотрѣлъ дѣло и, въ виду несомнѣнности и доказанности иска, рѣшилъ взыскать съ батюшки всего триста съ чѣмъ-то рублей,—и послалъ ему, конечно, копію заочнаго рѣшенія; и вотъ теперь о. Х—цкій, на основаніи закона, просилъ меня разсмотрѣть это дѣло снова.

Я взялъ «прошеніе» батюшки въ руки, заглянулъ въ него и увидѣлъ, что оно содержитъ въ себѣ не одну лишь просьбу о новомъ разборѣ дѣла, но и излагаетъ все дѣло по существу и при томъ наполнено самыми непристойными выходками противъ несчастной В., не щадившими ни чувство женской чести, ни ея стыдливости. Я прочелъ прошеніе, и такъ какъ оно было лишь подписано отцомъ Х—цкимъ, то спросилъ его: извѣстно ли ему содержаніе прошенія?

«Батюшка» громко разсмѣялся и отвѣтилъ тономъ оскорбленнаго человѣка:

— Я удивляюсь вашему вопросу, г. судья: вы допускаете мысль, что городской священникъ не въ силахъ с а м ъ сочинить прошенія и могъ затѣмъ подписать его, не читая и не ознакомившись съ его содержаніемъ! Я имѣю дурной почеркъ, а потому прошеніе и переписано другимъ лицомъ, а не мною.

Все это было проговорено такимъ самоувѣреннымъ и нахальнымъ тономъ, что ставило меня въ необходимость отвѣчать.

— Я потому позволилъ себѣ предложить вамъ, батюшка, свой вопросъ,—замѣтилъ я,—что въ вашемъ прошеніи есть непристойныя выраженія о женщинѣ, съ которою вы судитесь. Вѣдь я, при разборѣ дѣла, долженъ буду, прежде всего, прочесть вслухъ ваше прошеніе,—и полагаю, что вамъ же тогда будетъ конфузно.

Едва только я проговорилъ свою фразу, какъ въ публикѣ кто-то въ полголоса проговорилъ—тономъ изумленнаго человѣка: «Замѣчаніе!».. Оказалось потомъ, что это произнесъ другой священникъ, товарищъ Х—цкаго, нѣкто о. Р—ичъ, желающій очевидно, «выразить протестъ», въ защиту коллеги. Х—цкій же отвѣтилъ, улыбаясь и прежнимъ рѣзкимъ тономъ:

— Предоставьте мнѣ самому, г. судья, оцѣнку подаваемаго мною прошенія;—мнѣ нечего конфузиться.

Я недоумѣвалъ, какъ поступить мнѣ въ этомъ случаѣ, и поспѣшилъ прекратить непріятную сцену—обычною въ такихъ случаяхъ, фразою: «какъ вамъ угодно»; затѣмъ принялъ отъ батюшки пошлины, выдалъ квитанцію и обратился къ слѣдующему просителю. Мнѣ стали подавать прошенія уголовныя—о дракѣ, оскорбленіи словами, о сорваніи съ женщинъ украшеній, о поднесеніи «дули», и т. п... Все, что за послѣдніе два мѣсяца, пока камера судьи была закрыта въ Хмѣльникѣ, успѣло здѣсь подраться, поссориться и переругаться, было на-лицо: большая половина прошеній была отъ женщинъ.—Принимая бумаги и заглядывая въ нихъ, я съ ужасомъ видѣлъ, что въ рѣдкомъ изъ нихъ не требовалось вызвать на судъ нѣсколькихъ человѣкъ свидѣтелей; но я пришелъ въ еще большій ужасъ и недоумѣніе, когда замѣтилъ, что въ числѣ прошеній есть, такъ-сказать, контръ-прошенія, гдѣ противная сторона является, в ъ с в о е й жалобѣ, уже обвиняющею стороною и проситъ, въ свою очередь, вызвать на судъ цѣлый десятокъ с в о и х ъ свидѣтелей.—А одна мѣстная хмѣльникская цыганка, подавая прошеніе о самоуправномъ захватѣ у нея хозяиномъ дома, гдѣ она проживала, сундука съ вещами, оцѣняемаго ею въ три рубля, просила вызвать, въ качествѣ свидѣтелей, весь цыганскій таборъ, въ полномъ составѣ, стоявшій въ своихъ шатрахъ подъ Хмѣльникомъ во время захвата сундука и давно откочевавшій въ сосѣднюю Бессарабію.

Когда я принялъ это послѣднее прошеніе отъ цыганки и хотѣлъ-было уже снимать цѣпь и «закрывать засѣданіе», къ моему столу тихими, кошачьими шагами, направились присутствовавшіе въ камерѣ израильтяне, принимаемые мною ранѣе просто за любопытныхъ. Всѣ почти ихъ прошенія были гражданскаго, такъ сказать, характера: все это были просьбы о взысканіи съ мѣстныхъ мѣщанъ, главное же съ деревенскихъ крестьянъ различныхъ долговъ, по самымъ разнообразнымъ документамъ—по векселямъ, роспискамъ, договорамъ и проч.; къ каждому прошенію прилагались установленныя, по цѣнѣ иска, пошлины и денежный документъ. Мнѣ предстояло разсортировать все это: прошенія—въ канцелярію къ письмоводителю для заведенія «дѣлъ», денежные документы—въ несгораемый чугунный сундучекъ, находящійся при камерѣ, деньги—тоже туда, въ особое мѣсто.

Когда уже все, казалось, было покончено, и въ камерѣ оставалось всего нѣсколько человѣкъ изъ числа черезчуръ уже любопытныхъ зрителей, ко мнѣ подошла очень прилично одѣтая, немолодая дама и, держа въ рукахъ прошеніе, бойко заговорила на польскомъ языкѣ.... Напрасно я старался остановить ея рѣчь, приглашая перейдти на русскій разговоръ: она говорила неудержимо, а въ отвѣтъ на мое приглашеніе лишь замѣтила, въ скобкахъ, что ей, просительницѣ, извѣстно, что «панъ-сендже разуме попольску». Я пробовалъ было увѣрить ее, что она ошибается, что я не говорю и очень мало понимаю по-польски, но и это не подѣйствовало... Когда, наконецъ, она, проговоривъ безъ перерыва минутъ десять, немножко утомилась, то подала мнѣ прошеніе; я взглянулъ въ него и изумился: передо мною была вдова маіора, очевидно, не желавшая говорить по-русски.

— Если вамъ, вдовѣ русскаго офицера, не угодно будетъ говорить со мною по-русски, то я позволю себѣ совсѣмъ не принять вашего прошенія,—проговорилъ я самымъ рѣшительнымъ образомъ и приподнялся уже съ мѣста, чтобы идти отъ стола; это, оказалось, тотчасъ же подѣйствовало.

— Ахъ, Боже жь мой, мнѣ жь такъ трудно мувить по-русску!— заговорила маіорша и постепенно перешла на русскую рѣчь...

Дѣло ея, оказывалось, было очень непріятное, по крайней мѣрѣ, для нея самой. Маіорша имѣла небольшой капиталецъ, нанимала скромную квартирку въ Хмѣльникѣ и жила, ссужая небольшими суммами нуждающихся; брала она 18, иногда 24 и болѣе процентовъ въ годъ—смотря по человѣку и по его кредитоспособности. Кромѣ того, она получала, за службу мужа, маленькую пенсію, около 200 рублей въ годъ. Прошедшею осенью, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вдовица отправилась однажды къ мѣстному ксендзу на вечерній чай, оставивъ дома служанку, которая была у маіорши «одной прислугой». Когда барыня вернулась часовъ въ 11-ть домой, то нашла полный разгромъ въ своей квартирѣ: одно окно, выходящее въ садъ, было выставлено, всѣ вещи, платье и бѣлье перерыты, но не тронуты; въ верхнемъ же ящикѣ комода, гдѣ у маіорши хранились ея золотыя вещи и векселя ея многочисленныхъ должниковъ, все это исчезло.—Служанка оказалась спящею мертвымъ сномъ въ комнатѣ рядомъ, и маіорша не могла добудиться и растолкать ее до утра, такъ какъ она оказалась въ наркотическомъ снѣ. Начались, конечно, дознанія, розыски и даже обыски у подозрѣваемыхъ лицъ, но это ни къ чему не повело: всѣ драгоцѣнныя вещи маіорши, а главное, всѣ ея векселя исчезли безслѣдно. Главную роль въ этомъ грабежѣ играли, несомнѣнно, евреи, такъ какъ они были главными должниками несчастной барыни, занимая у нея деньги на различные торговые обороты и гешефты; наконецъ, и хозяинъ дома,

угостившій служанку маіорши какимъ-то крѣпкимъ пивомъ, былъ тоже еврей и состоялъ должнымъ своей квартиранткѣ нѣсколько сотъ рублей, конечно, по словамъ маіорши, но по увѣренію его самого, маіорша была еще е м у должна за квартиру. Его привлекли-было къ отвѣту и слѣдствію, но... судебный слѣдователь отпустилъ его съ миромъ, такъ какъ онъ показалъ и даже доказалъ, многочисленными свидѣтельскими показаніями евреевъ, данными подъ присягою [1]), что служанка маіорши пила пиво не у него, а въ сосѣднемъ кабакѣ, а онъ только «позычилъ» ей 20 грошей на кварту пива, какъ она просила. Дѣло было слѣдователемъ прекращено за необнаруженіемъ виновныхъ. Тогда маіорша, наученная адвокатами, начала безплодные иски къ своимъ должникамъ, основанные на свидѣтельскихъ показаніяхъ: такъ, напримѣръ, предъявляя у моего предмѣстника искъ, она просила допросить свидѣтелей, подтверждающихъ, что торговецъ еврей Z состоялъ ей долженъ, по векселю столько-то сотъ рублей, а отвѣтчикъ объяснивъ на судѣ, что онъ, дѣйствительно, былъ долженъ маіоршѣ по домашнему векселю столько-то, но что долгъ этотъ давно уплаченъ, ссылался на с в о и х ъ свидѣтелей. Судья, конечно, совсѣмъ не допрашивалъ всѣхъ этихъ свидѣтелей, а просто въ искѣ отказалъ; тогда, адвокаты дали новый и столь же, какъ оказалось, безполезный совѣтъ пострадавшей женщинѣ: требовать принятія отвѣтчиками очистительной присяги, которая, какъ извѣстно, приносится съ особенною торжественностью, въ храмахъ, въ присутствіи массы народа. И вотъ, теперь, пани-маіорша, давно уже поджидавшая моего прибытія, обратилась ко мнѣ съ этимъ именно ходатайствомъ—привести къ очистительной присягѣ еврея портного, слывшаго за религіознаго человѣка, который, по мнѣнію истицы, «не посмѣетъ» принять присягу въ томъ, что онъ не остался ей долженъ по неоплоченному имъ векселю, похищенному у маіорши вмѣстѣ съ прочими денежными документами.

Я принялъ прошеніе маіорши и слѣдуемыя пошлины и, наконецъ, вздохнулъ свободно: никто болѣе не изъявлялъ желанія ко мнѣ обращаться. Я снялъ свою судейскую цѣпь и объявилъ засѣданіе закрытымъ.

---

[1]) Въ то время, когда происходили описываемыя мною событія, въ Подоліи не были еще введены окружные суды, а слѣдовательно, не было и судебнаго слѣдствія: существовала уголовная палата, куда и поступало, отъ судебнаго слѣдователя, совсѣмъ законченное дѣло, съ свидѣтельскими показаніями, данными п о д ъ п р и с я г о ю уже. Одинаково, въ губерніи не была введена еще и нотаріальная часть, такъ что мы, судьи, исполняли иногда эти обязанности; поэтому, и большинство векселей писалось д о м а ш н и м ъ порядкомъ, а не нотаріальнымъ. Въ уѣздномъ городѣ Литинѣ, отстоящемъ отъ Хмѣльника въ 30-ти слишкомъ верстахъ, имѣлся маклеръ, но къ нему, за дальностью разстоянія, жители почти не обращались.

Но маіорша долго еще не отходила отъ стола, сообщая мнѣ всѣ подробности учиненнаго надъ ней ограбленія и объясняя шопотомъ, что послѣдніе, находящіеся въ камерѣ евреи—это все ея должники, явившіеся сюда наблюдать за подачею прошенія, а главное за тѣмъ—что она скажетъ судьѣ и что̀ отвѣтитъ онъ ей. Подъ конецъ маіорша прекрасно уже говорила по-русски, и я едва-едва отъ нея и отъ ея шопота отдѣлался.

Мартовскій день совсѣмъ уже сталъ смеркаться, когда я, измученный нравственно и физически и вдобавокъ голодный, вышелъ изъ камеры на улицу и отправился по невылазной грязи на свою непривѣтливую квартиру – сырую, холодную, съ земляными на половину полами, съ низкими потолками, глиняными стѣнами и, что всего хуже, угарную, такъ какъ она стояла всю зиму нежилая и нетопленая... И я не разъ—о, не разъ!—погоревалъ объ оставленной литературѣ, о столичныхъ квартирахъ и всѣхъ прочихъ житейскихъ удобствахъ и развлеченіяхъ Москвы и Петербурга, пожалѣлъ даже о тѣхъ литературныхъ столкновеніяхъ, ссорахъ, которыя такъ отравляли и безъ того тяжелый мой трудъ и самую жизнь... Я понялъ, что з д ѣ с ь, въ силу своей дѣятельности, мнѣ придется наживать себѣ недоброжелателей и даже прямо-таки враговъ не единицами уже, а цѣлыми десятками, послѣ каждаго дня трудовой судейской дѣятельности, которою, конечно, не могутъ же остаться довольны обѣ судящіяся стороны. Тяжелая и оскорбляющая душу дѣйствительность, въ которую я погрузился съ головой въ этотъ первый же день моей новой жизни, далеко превзошла не только всѣ мои представленія, но даже и разсказы моего предмѣстника, хотя онъ, правду говоря, и не жалѣлъ темныхъ красокъ, разрисовывая картину предстоящей мнѣ жизни въ Хмѣльникѣ и всѣ тѣ мѣстныя условія, среди коихъ мнѣ надо было жить, служить и дѣйствовать.

II.

Служилая интеллигенція города Хмѣльника.—Юный судебный слѣдователь.—Докторъ И—скій и его гонораръ.—Распредѣленіе дня у хмѣльникскихъ интеллигентовъ.—„Комендантъ“ города.—Подольская семинарія.—Губернаторъ М—ичъ и его soirées.—Конокрадство и грабежи.—Арендныя статьи „коменданта“.—Главный конокрадъ въ роли кучера.—Превращеніе бараньихъ головъ въ козлиныя.—Укушенія бѣшеной собакой.—Заступники „коменданта“ и его отставка.—Превращеніе въ адвоката и постриженіе въ попы.

Не легко было мнѣ оріентироваться въ той средѣ, куда я попалъ. Читателю можетъ показаться невѣроятнымъ, когда я скажу, что во

всемъ городѣ не было ни единаго человѣка, съ которымъ бы можно было отвести душу, поговорить о литературѣ, о политикѣ, о Россіи... Словно лѣсъ дремучій стоялъ вокругъ меня, и это было въ городѣ, положимъ заштатномъ, но все же имѣющемъ около 10.000 жителей. Было всего три человѣка съ университетскимъ образованіемъ: судебный слѣдователь и два доктора. Слѣдователь, т. е. по обыкновенію, «исправляющій должность», былъ очень молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и занятый отчасти службой, а болѣе всего невинными ухаживаньями за прекраснымъ поломъ; о наукѣ остались у него довольно смутныя понятія, сводившіяся къ оффиціальному «наказу» судебнымъ слѣдователямъ. Когда я въ первый разъ посѣтилъ его, меня поразило то обстоятельство, что въ его квартирѣ я не нашелъ ни одной книги—за исключеніемъ судебныхъ уставовъ, Уложенія о наказаніяхъ и руководствъ при производствѣ слѣдствій. Онъ не читалъ ни одной газеты, кромѣ оффиціальнаго отдѣла въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», который высылался ему, какъ обязательному подписчику. Когда онъ, отдавая визитъ, пришелъ ко мнѣ и, увидавъ на столѣ газеты, спросилъ: «что новаго?», а я сообщилъ ему о назначеніи графа Тотлебена генералъ-губернаторомъ, то онъ, широко раскрывъ глаза, равнодушно спросилъ: «А кто такой этотъ Тотлебенъ?..» Отвѣтивъ на вопросъ, я предложилъ прочесть имѣвшіяся у меня «Письма» графа Л. Н. Толстаго о Севастопольской оборонѣ, но онъ затрясъ головою и объяснилъ, что «военные вопросы» его не интересуютъ. А между тѣмъ, это былъ молодой человѣкъ, не имѣвшій еще и 30-ти лѣтъ отъ роду, не измятый жизнью, здоровый, цвѣтущій, который долженъ бы, повидимому, интересоваться общечеловѣческими интересами, и которому рано бы, кажется, забыть русскую исторію—если только онъ зналъ ее прежде. Все-таки это былъ человѣкъ безукоризненно честный—и это одно отличало его между остальными чиновниками Хмѣльника. Впрочемъ его, въ непродолжительномъ времени, по политическому доносу полицейскаго надзирателя, которому честный молодой человѣкъ мѣшалъ брать взятки и грабить, перевели куда-то, назначивъ на его мѣсто болѣе «опытнаго».

Другіе два человѣка съ университетскимъ образованіемъ были вольнопрактикующіе доктора; оба они были поляки, старики, размежевавшіеся между собою довольно мирно: одинъ изъ нихъ лечилъ бѣдняковъ и преимущественно евреевъ, другой—чиновниковъ, а иногда и пановъ, проживающихъ въ окрестныхъ фольваркахъ [1]). Оба доктора

[1]) Простой народъ, городскіе мѣщане и деревенскіе мужички и бабы, лечились чаще всего у хмѣльницкихъ фельдшеровъ и обыкновенныхъ цирюльниковъ во время базарныхъ дней и чаще всего кровопусканіемъ. Вампиры эти открыто расхаживали по базару, обвѣшанные, на поясахъ, орудіями сво-

были очень порядочные люди, добродушные и не корыстолюбивые. Такъ, напримѣръ, первый изъ нихъ, г-нъ И—скій, отправлялся, каждымъ раннимъ утромъ, пѣшкомъ, въ охотничьихъ, если было грязно, сапогахъ и навѣщалъ всѣхъ тѣхъ бѣдняковъ, которые его на этотъ день пригласили для поданія помощи. Онъ былъ на столько деликатенъ, что никогда не назначалъ себѣ размѣръ вознагражденія и удовлетворялся тѣмъ, что ему давали. А давали ему очень немного. Однажды я встрѣтилъ его возвращающимся, по обыкновенію, пѣшкомъ, домой, измученнаго и усталаго.

— Ну, что пане-конселяже, какъ ваши дѣла, есть заработки?— шутя спросилъ я его.

Вмѣсто всякаго отвѣта, старичекъ добродушно улыбнулся, запустилъ правую руку въ карманъ бывшаго на немъ пальто, нѣсколько разъ встряхнулъ этотъ карманъ и позвенѣлъ находящимся въ немъ металломъ; оказалось, что тамъ были такъ-называемыя по-польски «злотувки», т. е. пятіалтынные, которыми евреи обыкновенно платили этому добряку за его визиты. И онъ безропотно принималъ уплачиваемые ему «злоты» и довольно прилично содержалъ на эти деньги свою семью: жену, такую же добрѣйшую старушку, какъ и онъ самъ, дочь и сына. Иногда съ старичкомъ докторомъ бывали и промашки. Такъ, напримѣръ, пригласили его однажды на сосѣдній сахарный заводъ отнять у рабочаго раздробленную машиной ногу; докторъ захватилъ съ собой нужные инструменты, пріѣхалъ къ искалѣченному человѣку, захлороформировалъ его, отнялъ ногу, но ампутированный рабочій уже не пришелъ въ чувство и не вернулся къ жизни—такъ сильно и неумѣло былъ онъ захлороформированъ...

Остальная «интеллигентная» публика города Хмѣльника представляла собою смѣсь племенъ, кастъ и состояній; тутъ были и поляки, и русскіе, и нѣмцы, и уроженцы Бессарабіи. У мужчинъ весь будній день распредѣлялся такъ: утромъ—служба, затѣмъ обѣдъ и сонъ; вечеромъ—

его страшнаго ремесла—ножами и ланцетами. Однажды, проходя по базару, я слышалъ, какъ одна деревенская баба давала, въ простотѣ души своей, слѣдующій совѣтъ другой бабѣ, видимо больной, собиравшейся лечиться: „Не ходи, сердце, до Берки, а идь до Зуся: бо Берка беретъ 40 грошей (20 к.), а Зусь только злотъ (15 к.), а крови больше выпускаетъ, чѣмъ той за сорокъ грошей...“ И все это происходило всего лишь въ 50-ти съ чѣмъ-то верстахъ отъ мѣста, гдѣ, въ невольномъ, вынужденномъ бездѣйствіи, жилъ и угасалъ яркій свѣточъ науки и медицины, Николай Ивановичъ Пироговъ, которому, въ Винницкомъ и Литинскомъ уѣздахъ, Подольской губерніи, принадлежали два небольшихъ имѣнія. Объ этихъ кровопусканіяхъ я писалъ, въ 1881 году, въ газету „Врачъ“; мою корреспонденцію перепечатали тогда почти всѣ русскія газеты, но уменьшилась ли отъ этого ужасная дѣятельность базарныхъ вампировъ—не знаю.

карты и выпивка; жены ихъ—или занимались флиртомъ и адюльтеромъ, или ходили по городскимъ лавкамъ и, встрѣчаясь между собою, немилосердно сплетничали и злословили другъ дружку. По праздникамъ—все то же, исключая служебныхъ занятій у мужчинъ, замѣняемыхъ по утрамъ традиціоннымъ хожденіемъ въ церковь. И такъ изодня-въ-день... Все это постоянно ссорилось между собою, мирилось, кумилось, роднилось и грѣшило. Чиновники почти всѣ брали взятки, «батюшки» обирали прихожанъ, служащіе графа Л—ва пощипывали своего принципала, администрація сахарнаго завода—своихъ акціонеровъ-товарищей. Это былъ круговой грабежъ, со взаимною другъ для друга помощью и съ общею между собою завистью и ненавистью. Человѣку свѣжему, съ непривычки, тяжело было не только жить, но даже просто дышать въ этой атмосферѣ, и я не мало изумлялся, какъ могъ мой предмѣстникъ, мировой судья Е*, человѣкъ несомнѣнно честный, прожить и прослужить въ Хмѣльникѣ четыре года!

Я скоро и легко ознакомился не только съ настоящимъ, но и съ прошлымъ всѣхъ хмѣльникскихъ «интеллигентовъ», въ среду коихъ бросила меня судьба, ознакомился, благодаря ихъ же взаимному человѣконенавистничеству. Попытаюсь набросать здѣсь нѣсколько фотографическихъ миніатюръ, болѣе типичныхъ и интересныхъ.

Въ административномъ и полицейскомъ отношеніяхъ городъ Хмѣльникъ былъ подчиненъ полицейскому надзирателю, очень маленькой величинѣ по классу (X-му) своей должности, но довольно крупной по своему значенію и по данной власти: онъ былъ единственнымъ распорядителемъ въ городѣ съ 10-ти-тысячнымъ населеніемъ, имѣя у себя помощниками лишь нѣсколькихъ десятскихъ, набираемыхъ обыкновенно изъ отставныхъ солдатъ сомнительной репутаціи. Надзиратель въ Хмѣльникѣ завѣдывалъ базарами, слѣдилъ за благочиніемъ въ городѣ и безопасностью, ограждалъ жизнь и имущество обывателей, т. е. слѣдилъ за ночными караулами, тушилъ пожары, ловилъ воровъ, производилъ всѣ предварительныя дознанія по требованіямъ судебнаго слѣдователя, исправника и судьи, слѣдилъ за содержащимися арестантами и проч.; словомъ, это былъ комендантъ города, какъ его называли въ шутку хмѣльникскіе интеллигенты. А такъ какъ этому «коменданту» предстоитъ играть въ моихъ воспоминаніяхъ довольно видную роль, то я и позволю себѣ остановиться на этой исключительной личности нѣсколько подробнѣе.

Во время моего прибытія въ Хмѣльникъ, комендантомъ въ немъ былъ маленькій, черненькій человѣчекъ изъ бессарабскихъ молдаванъ; но онъ скоро проштрафился въ чемъ-то и его убрали, причисливъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, къ губернскому правленію. На его мѣсто поступилъ одинъ изъ главныхъ героевъ моихъ воспоминаній,

титулярный совѣтникъ Шав—скій. Ему было уже лѣтъ подъ сорокъ, онъ былъ изъ поповичей Подольской губерніи и окончилъ когда-то курсъ въ Подольской духовной семинаріи, которая отличалась, по крайней мѣрѣ въ то время, отъ всѣхъ прочихъ россійскихъ семинарій тѣмъ, что значительная часть ея воспитанниковъ не шла на духовное поприще, а поступала или въ чиновники, или въ политическіе заговорщики. Такъ, напримѣръ, главный контингентъ южно-русскихъ политическихъ преступниковъ, начиная съ разстрѣлянnаго Ковальскаго (отецъ его былъ въ нашемъ Литинскомъ уѣздѣ священникомъ) и кончая цѣлымъ десяткомъ казненныхъ при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Чертковѣ, были воспитанники этой семинаріи. Чиновники же выходили оттуда «совсѣмъ иного сорта»: изъ десяти девять, а я зналъ ихъ не малое количество, были отъявленные взяточники и негодяи, умѣвшіе отлично обдѣлывать свои житейскія дѣла и рѣдко когда попадавшіеся. Шав—скій былъ плодомъ, созрѣвшимъ на этомъ самомъ деревѣ. До своего назначенія въ Хмѣльникъ онъ перемѣнилъ уже нѣсколько мѣстъ, преимущественно по полиціи, и отовсюду былъ изгоняемъ, съ обычнымъ причисленіемъ къ губернскому правленію. Когда его посылали изъ Каменца сюда на службу, то объявили ему, наконецъ, категорически, что это будетъ «послѣднее его мѣсто», и поэтому просили воздержаться отъ сугубаго лихоимства и хищничества; однако такое, истинно родительское попеченіе и предупрежденіе губернаторской канцеляріи нисколько не подѣйствовало на Шав—скаго, и онъ, едва только пріѣхалъ въ Хмѣльникъ и вступилъ въ должность, какъ пошелъ по пути преступленій съ прежнимъ мужествомъ, натискомъ и отвагой. О большей части его преступленій я, къ сожалѣнію, узналъ уже впослѣдствіи, когда оставилъ должность судьи; но и тѣхъ дѣлъ и «художествъ», которыя до меня своевременно доходили, было вполнѣ достаточно, чтобы предать Шав—скаго полевому военному суду. Тѣмъ не менѣе, ему очень долго сходило все съ рукъ, благодаря, главнымъ образомъ, сильной протекціи въ губернскомъ городѣ, въ лицѣ родственника, поповича же, занимавшаго одинъ изъ видныхъ постовъ въ мѣстной администраціи и пользовавшагося особеннымъ благоволеніемъ тогдашняго губернатора М—ича [1]). Не мало протежировалъ Шав—скому и отстаивалъ его и новый литинскій исправникъ, назначенный уже М—ичемъ.

[1]) Объ этомъ губернаторѣ не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ хотя въ примѣчаніи. Карьеру свою г. М—ичъ сдѣлалъ чрезвычайно быстро и неожиданно: всего нѣсколько лѣтъ назадъ М—ичъ былъ только предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ въ Винницѣ, уѣздномъ городѣ той же Подольской губерніи; затѣмъ, когда въ высшихъ сферахъ Петербурга наступила мода на „свѣдущихъ людей“, М—ичъ, въ нѣсколько лѣтъ, проскочилъ въ губернаторы и попалъ какъ разъ въ Подольскъ. Будучи человѣкомъ хо-

Не прошло и мѣсяца со времени прибытія Шав—скаго въ Хмѣльникъ, какъ онъ, все разнюхавъ и ко всему присмотрѣвшись, завелъ здѣсь свои порядки. Надо знать, что во всемъ Юго-Западномъ краѣ, благодаря, главнымъ образомъ, евреямъ, страшно развито конокрадство—по крайней мѣрѣ, это было въ то время, когда я тамъ служилъ. Хмѣльникъ же находился въ центрѣ дорогъ изъ различныхъ сосѣднихъ городовъ и губерній—Волынской, Кіевской, Подольской и Бессарабской, а также и близъ находящейся австрійской границы,—такъ что, напр., чтобы прогнать краденыхъ лошадей изъ Бердичева и Казатина (центральные пункты конокрадства) въ Подольскъ и къ австрійской границѣ, ихъ было, всего удобнѣе, гнать на Хмѣльникъ, который, во время распутицы, трудно было даже и объѣхать. До Шав—скаго, воровъ, гнавшихъ краденыхъ лошадей, конечно ночью останавливали въ городѣ обыкновенно десятскіе, получавшіе съ воровъ «отъ головы» по уговору. Уплативъ контрибуцію, воры располагались въ городѣ уже совершенно спокойно на отдыхъ до наступленія слѣдующей ночи; иногда воры, вмѣстѣ съ конями, проскакивали черезъ Хмѣльникъ безъ всякой дани, если десятскіе зазѣваются или проспятъ. Шав—скій сталъ дѣлать иначе: въ первый же мѣсяцъ онъ захватилъ и представилъ по начальству 36-ть краденыхъ лошадей вмѣстѣ съ ворами, чѣмъ и навелъ на нихъ паническій страхъ. Тогда воры вступили съ нимъ въ формальный договоръ, обязавшись уплачивать по два рубля за каждую прогнанную черезъ Хмѣльникъ лошадь; для контроля за ворами онъ завелъ лазутчиковъ и шпіоновъ изъ евреевъ же конокрадовъ, которые помельче плавали, и они акуратно увѣдомляли его, въ какую именно ночь, сколько и откуда будутъ прогонять черезъ Хмѣльникъ краденыхъ лошадей. За-

---

лостымъ и поселившись въ обширномъ губернаторскомъ домѣ, М—ичъ вскорѣ же изобрѣлъ одно гуманное предпріятіе, соединивъ пріятное съ полезнымъ, именно: онъ учредилъ въ своемъ домѣ нѣкій филантропическій дамскій клубъ; всѣ дамы, изъ тѣхъ конечно, мужья которыхъ, такъ или иначе, зависѣли отъ губернатора, приглашались собираться, въ праздничные и табельные дни, въ залы губернаторскаго дома, на легкіе ужины, съ различными работами и рукодѣльями, каковыя, по исполненіи ихъ, поступали частію въ общество Краснаго Креста, частью же въ устраиваемую, съ благотворительною цѣлью, лотерею: тутъ щипали корпію для госпиталей и шили бинты, вышивались всевозможныя нужныя и ненужныя вещи—подушки, туфли, скатерти и проч. Но съ теченіемъ времени оказалось, какъ говорится у Некрасова, что „не очень много шили тамъ—и не въ шитьѣ была тамъ сила...“ Главное, стало бросаться въ глаза быстрое „движеніе по службѣ“ тѣхъ именно чиновниковъ-мужей, супруги коихъ „не очень много шили“ на филантропическихъ soirées губернатора. Все это, наконецъ, дошло до Петербурга, и М—ичъ столь же быстро потерялъ свою карьеру, какъ и сдѣлалъ ее.

получивъ это свѣдѣніе, Шав—скій бралъ съ собою нѣсколькихъ десятскихъ, устраивалъ засаду и задерживалъ воровъ съ поличнымъ; затѣмъ, взявъ по два рубля съ лошади, онъ ихъ отпускалъ съ миромъ [1]).

Второю доходною статьею для «коменданта» были совершаемые въ городѣ то-и-дѣло кражи и даже грабежи, иногда очень значительные. Такъ, напр., вскорѣ послѣ назначенія Шав—скаго въ Хмѣльникъ, была ограблена и страшно избита вдова подполковника Ч—ская: у нея отняты были, на большую сумму, процентныя бумаги, серебро и всѣ золотыя и драгоцѣнныя вещи; виновные, конечно, отысканы не были, но «гласъ народа» прямо указывалъ на Шав—скаго, что онъ-де лучше всѣхъ знаетъ, кто ограбилъ и гдѣ находится ограбленное имущество... Третьею доходною статьею для этого полицейскаго виртуоза по части изобрѣтенія доходовъ были кабаки, тайные шинки, а также и различныя еврейскія лавки: кабаки платили за то, что въ праздничные дни и въ базарные отпирались съ разсвѣтомъ, а запирались въ полночь; шинки платили дань за то, что торговали безъ патентовъ; еврейскія же лавки уплачивали контрибуцію за то, что торговали, иногда, со старыми «правами», а случалось, что и безъ всякихъ «правъ» и свидѣтельствъ, такъ какъ въ тѣ времена ни о какихъ податныхъ инспекторахъ не было и помину, а торговыя права провѣрялись чиновникомъ особыхъ порученій казенной палаты, изрѣдка наѣзжавшимъ въ Хмѣльникъ и о времени прибытія коего Шав—скій всегда зналъ заранѣе и оповѣщалъ торговцевъ для пріуготовленія этому чиновнику особой, крупной дани, которая потомъ и раскладывалась, конечно, на насъ же, потребителей, въ видѣ легкой надбавки на всѣ продукты житейской необходимости. Платили Шав—скому евреи, укрывавшіеся въ городѣ отъ воинской повинности; платили лица, укрывавшіяся отъ суда и слѣдствія и показываемыя полиціею «неразысканными»; платили ему базары, тайные притоны проституціи. Самыми же крупными доходами Шав—скаго были рекрутскіе наборы: тутъ онъ и его жена являлись факторами при передачѣ иногда довольно значительныхъ суммъ кому

---

[1]) Конокрады въ Подольской губерніи устроили, въ концѣ концовъ, особое бюро (по примѣру существовавшихъ въ 1877 г. въ Гродненской губерніи), которое завело правильную конскую перепись помѣщичьимъ лошадямъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, и обложили всѣ фольварки и имѣнія опредѣленною ежегодною контрибуціей: помѣщикъ получалъ, по почтѣ, анонимное приглашеніе вручить корчмарю такому-то столько-то рублей „страховой преміи“ за своихъ лошадей; въ противномъ случаѣ, лошади будутъ-де уведены. Девять десятыхъ покорно откупались; неподатливые же на сдѣлку непремѣнно лишались лошадей: рано или поздно, но ихъ крали. Всего болѣе, конечно, поплачивались своими лошадьми крестьяне, въ лѣтнее время, когда ихъ лошади пасутся въ „ночномъ“.

слѣдуетъ за забракованіе купеческихъ еврейскихъ сынковъ Хмѣльника и передавали, конечно, не все. Кромѣ того, Шав—скій бралъ крупные куши за каждую производящуюся въ городѣ неправильную постройку, за каждый пожаръ, устроенный съ цѣлью полученія страховой преміи. Ему платили дань всѣ фальшивые вѣсы и мѣры, и даже не мало дохода давалъ ему, впослѣдствіи, я, грѣшный, самоперсонально, по своему невѣдѣнію. Дѣло въ томъ, что послѣ каждаго базара, ко мнѣ въ камеру, на другой же день, съ позаранку, являлись, съ фонарями подъ глазами и кровоподтеками, мѣстные граждане и гражданки съ прошеніями въ рукахъ и съ требованіями вызвать всегда множество свидѣтелей; вначалѣ, я серьезно разбиралъ всѣ эти драки и буйства; это отнимало у меня массу времени совершенно непроизводительно и напрасно. Какъ я бывало ни старался примирить подравшихся, мнѣ это не удавалось; но, едва только я прочитывалъ приговоръ, коимъ присуждалъ къ штрафу или «къ высидкѣ» главнаго иниціатора буйства, какъ стороны уходили изъ камеры, направлялись въ тайный шинокъ, пріютившійся рядомъ, и тамъ мирились и напивались за счетъ обвиненнаго мною, который тогда уже охотно и скоро шелъ на миръ: онъ покупалъ водку, разсчитывая, что гораздо выгоднѣе пропить рубль-два, чѣмъ сидѣть въ кутузкѣ нѣсколько дней или недѣль. Случалось, что я не успѣвалъ еще окончить разборъ слѣдующаго дѣла, какъ стороны, уже примирившіяся по дѣлу предыдущему, вваливались, полупьяныя, въ камеру и заявляли:

— Замирились, ваше в—діе!—говорилъ обвиненный.

— Уже! подтверждалъ, едва ворочая языкомъ, потерпѣвшій.

Тогда, чтобы прекратить это напрасное толченіе воды, я додумался до слѣдующаго судебнаго пріема: терпѣливо разбиралъ жалобы этихъ подравшихся пьяницъ; затѣмъ, не подвергая никого никакому наказанію, за взаимностью обидъ и оскорбленій, я, тѣмъ не менѣе, приговаривалъ о б ѣ с т о р о н ы къ штрафу отъ 10 до 25 рублей, а при несостоятельности къ семидневному аресту, или за нарушеніе общественной тишины и спокойствія, или за появленіе въ пьяномъ видѣ въ публичномъ мѣстѣ, такъ какъ всѣ эти драки, начинаясь въ кабакѣ, оканчивались по обыкновенію на улицѣ. Пьяницы и драчуны, никакъ не ожидавшіе такого неблагополучнаго исхода дѣла, сильно были удивлены, конечно, но жалобъ въ съѣздъ не подавали, потому что надо было или ѣхать самимъ за 40 верстъ, или же нанимать адвоката и платить ему, по заведенному порядку, деньги впередъ. И вотъ, какъ только приговоръ входилъ въ законную силу, я поручалъ полиціи привести его въ исполненіе; но тутъ всегда оказывалось, что большинство буяновъ несостоятельны и не могли, или же сами не желали уплатить такой чувствительный штрафъ, и имъ слѣдовательно предстояла «высидка».

Это-то и служило двойнымъ доходомъ для Шав—скаго: онъ, сначала, бралъ взятки за составленіе актовъ о «бѣдности» приговоренныхъ лицъ, а затѣмъ «сажалъ» ихъ въ кутузку и начиналъ съ ними новый торгъ, который уже велъ, какъ бы отъ *своего* имени, находящійся при арестантской ключникъ: каждый приговоренный облагался, по мѣрѣ своихъ средствъ и пропорціонально сроку ареста, опредѣленнымъ взносомъ, который былъ, конечно, въ нѣсколько разъ менѣе назначеннаго *мною* штрафа,—и выпускался на свободу; а черезъ недѣлю тамъ или черезъ двѣ, Шав—скій доносилъ мнѣ, что, согласно моему распоряженію, такіе-то и такіе-то мѣщане города Хмѣльника, оказавшіеся несостоятельными ко взносу штрафа, выдержаны, взамѣнъ, подъ арестомъ. Бумага подшивалась къ дѣлу, таковое считалось законченнымъ, и отправлялось на полку канцелярскаго шкапа. Этою мѣрою—обоюднаго наказанія за драку—я добился, конечно, что у меня «пьяныхъ дѣлъ» убавилось больше чѣмъ наполовину; но за то у Шав—скаго образовалась прекрасная арендная статья, о которой я, больше года, не догадывался; когда, наконецъ, я узналъ объ этихъ продѣлкахъ и отправился, однажды, въ арестантскую провѣрить число находящихся подъ арестомъ людей, то засталъ тамъ лишь тѣхъ, что содержались подъ *предварительнымъ* арестомъ, по требованію судебнаго слѣдователя. Шав—скій сталъ-было объяснять мнѣ, что онъ отпустилъ арестованныхъ людей «поужинать»... Тогда, я сказалъ ему прямо, что мнѣ хорошо извѣстно все дѣло, и я не спущу ему эту новую плутню, профанирующую и сводящую къ нулю мои судебные приговоры. Шав—скій выслушалъ меня не сморгнувъ глазомъ, и когда я кончилъ, спросилъ совершенно спокойнымъ тономъ:

— Позвольте узнать, г. судья, сколько вы получаете содержанія? кажется, 2.700 руб. въ годъ?

— Да; что же изъ этого слѣдуетъ?

— А вотъ что-съ: вы получаете въ мѣсяцъ 225 руб., а я вотъ получаю 37 руб. съ копѣйками; а у меня тоже семья есть, да я еще обязанъ съ извѣстнымъ представительствомъ принимать исправника, и его помощника, и членовъ рекрутскаго присутствія, и всѣхъ губернскихъ чиновниковъ, пріѣзжающихъ въ Хмѣльникъ. А кому отъ этого зло, если я отпущу домой поработать арестованнаго человѣка?...

Что можно было сказать противъ этого?!.. Я лишь попросилъ Шав—скаго прекратить на будущее время этотъ «доходъ»; онъ обѣщалъ, но, какъ я узналъ послѣ, не исполнилъ все-таки своего обѣщанія. А въ это же время, какъ разъ, власть мировыхъ судей умалилась: отъ нихъ отнято было право дѣлать полиціи «предостереженія»; почти въ тоже самое время полиціи, наоборотъ, дана была громадная власть: этому полицейскому надзирателю предоставлено было право ношенія

шашки и револьвера, съ правомъ стрѣлять при самозащитѣ и даже при сопротивленіи арестуемыхъ.

Едва только дана была полиціи эта чрезмѣрная власть, какъ Шав—скій пошелъ по пути преступленій безъ всякой уже оглядки.

Однажды, я былъ въ гостяхъ у мироваго посредника и засидѣлся до поздняго вечера. Дѣло было осенью, пошелъ дождь; своихъ лошадей я не держалъ, а извозчиковъ въ Хмѣльникѣ не существовало; просить лошадь у хозяина не хотѣлось. Какъ тутъ быть? а между тѣмъ квартира моя версты за двѣ слишкомъ. Шав—скій, бывшій въ числѣ гостей, предложилъ мнѣ свою лошадь, и я согласился; самъ же онъ оставался еще въ гостяхъ за картами и просилъ прислать ему лошадь обратно. Сѣлъ я и отправился домой; грязь отъ внезапно полившаго дождя образовалась уже порядочная, и пришлось тащиться шагомъ. Сталъ я, скуки ради, разговаривать съ возницей, и, къ удивленію, замѣтилъ, по выговору, что на козлахъ сидитъ еврей и что даже его голосъ мнѣ что-то знакомъ. На мой вопросъ по этому поводу, кучеръ-еврей отвѣтилъ, что не знаетъ меня вовсе. Когда экипажъ подъѣхалъ къ моей квартирѣ, и я взялся за кошелекъ, чтобы дать кучеру на чай, въ это время, на крыльцо вышла моя прислуга со свѣчей; подавая возницѣ мелочь, я нечаянно взглянулъ ему въ лицо—и просто, остолбенѣлъ: передо мною былъ извѣстнѣйшій воръ и конокрадъ Лейба Гиляръ, двѣ недѣли тому назадъ приговоренный, мною же, какъ рецидивистъ, къ годовому тюремному заключенію и подвергнутый, вслѣдъ за разборомъ дѣла, предварительному аресту при кутузкѣ Шав—скаго. Это былъ тотъ самый Гиляръ, который, будучи захваченъ на мѣстѣ преступленія въ м. Войтовцахъ полицейскимъ урядникомъ и преслѣдуемъ по пятамъ, прискакалъ верхомъ въ Хмѣльникъ, бросилъ на улицѣ лошадь, а самъ спрятался въ квартирѣ Шав—скаго, гдѣ и былъ взятъ...

А спустя всего нѣсколько дней послѣ этого казуса съ кучеромъ, Шав — скій продѣлалъ слѣдующую преступную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшную штуку.

Верстахъ въ десяти въ сторону отъ Хмѣльника, прогоняли, кажется къ австрійской границѣ, большой, въ нѣсколько сотъ штукъ, гуртъ овецъ, заночевавшій на полѣ какого-то польскаго помѣщика съ его разрѣшенія. Случилось такъ, что чабаны (пастухи-гуртовщики) или сами напились съ вечера, или же ихъ умышленно подпоили въ сосѣдней корчмѣ, но только, когда гуртъ тронулся утромъ съ мѣста, въ немъ оказался большой недочетъ — отхвачено было, за ночь, штукъ пятьдесятъ... Чабаны подняли тревогу, пообѣщали хорошій магарычъ мѣстнымъ крестьянамъ и уряднику, и тѣ живо нашли «слѣдъ»: бараны, какъ оказалось, были доведены, на своихъ ногахъ до дороги, а затѣмъ ихъ, повидимому, поклали на телѣги и повезли. Идя слѣдомъ по

колеямъ колесъ—дѣло было осенью, во время легкихъ заморозковъ по ночамъ,—чабаны дошли до Хмѣльника и даже пришли прямо на тотъ дворъ, съ самаго въѣзда въ городъ, куда повернули слѣды замѣченныхъ телѣгъ; домъ принадлежалъ рѣзнику еврею. Несмотря на наступившія сумерки, чабаны стали шарить и обыскивать по двору и нашли въ сараѣ слѣды свѣжей крови, а въ углу семь штукъ бараньихъ головъ, сложенныхъ въ кучку и прикрытыхъ соломой. Бараньи туши и шкуры отъ этихъ семи штукъ воры успѣли уже куда-то спустить или припрятать, и чабаны ихъ не отыскали, равно какъ и остальныхъ похищенныхъ барановъ и овецъ. Улики были на-лицо, но евреи, конечно, запирались, отругивались и шумѣли. Чабаны—нѣсколько человѣкъ рослыхъ и сильныхъ хохловъ — забрали все-таки найденныя ими бараньи головы и отправились къ полицейскому надзирателю. Пока они возились съ евреями, шли пѣшкомъ черезъ весь городъ, да розыскивали квартиру Шав—скаго, онъ уже успѣлъ пообѣдать и улегся отдыхать; чабаны однако разбудили его, разсказали въ чемъ дѣло и попросили идти немедленно съ обыскомъ къ рѣзнику еврею и разыскать остальныхъ 40 слишкомъ штукъ пропавшихъ овецъ; но Шав—скій повелъ ихъ сначала въ свою канцелярію, помѣщавшуюся неподалеку, и всю дорогу охалъ и стоналъ, жалуясь на свое нездоровье и увѣряя хохловъ, что онъ лежалъ въ постелѣ не ради отдыха, а вслѣдствіе болѣзни. Между тѣмъ, въ его головѣ созрѣлъ совсѣмъ иной планъ, который онъ и привелъ очень ловко въ исполненіе.

Когда пришли въ канцелярію, въ ней было совсѣмъ темно: писца не было на-лицо, а дежурный десятскій спалъ на полу мертвымъ пьянымъ сномъ. Шав—скій самъ зажегъ огонь и, обратясь къ чабанамъ, сказалъ:

— Вы видите, наступаетъ ночь; нѣтъ ни писаря, ни десятскихъ, ни понятыхъ, и собрать ихъ всѣхъ теперь будетъ очень трудно; да и я совсѣмъ боленъ—едва-едва дошелъ съ вами сюда. Знаете: утро вечера мудренѣе; мы завтра составимъ актъ, сдѣлаемъ формальный обыскъ у воровъ и заарестуемъ ихъ, конечно; а ужъ они сами разыщутъ намъ всю остальную пропажу. А теперь, вотъ что: давайте принесенныя вами головы, спрячемъ ихъ вотъ въ этотъ запертой чуланъ, гдѣ у меня хранятся вещественныя доказательства, отобранныя отъ воровъ и преступниковъ, запремъ этотъ чуланъ по прежнему и запечатаемъ его даже казенною печатью; затѣмъ, вы возьмете ключъ съ собою, а у меня будетъ печать.

Чабаны, голодные и совсѣмъ измученные продолжительною ходьбою и хлопотами съ самаго утра, согласились, сами внесли въ чуланъ всѣ семь бараньихъ головъ, присутствовали при запираніи дверей и нало-

женіи печатей на эти двери, получили ключъ отъ замка и ушли на отдыхъ на постоялый дворъ. На утро, собрались къ канцеляріи Шав—скаго чабаны, десятскіе, понятые; приведенъ былъ рѣзникъ еврей, въ домѣ котораго нашли поличное, а на улицѣ собралась тысячная толпа евреевъ, сильно галдѣвшая и ругавшая несчастныхъ хохловъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Наконецъ, явился въ канцелярію полицейскій надзиратель, пригласилъ чабановъ и понятыхъ осмотрѣть цѣлость замка и печатей, взялъ ключъ, отперъ дверь, снялъ печати и, въ сопровожденіи тѣхъ же чабановъ и понятыхъ, вошелъ въ чуланъ... Когда чабаны взглянули въ уголъ, гдѣ, наканунѣ, сложены были бараньи головы и взялись-было за нихъ, чтобы вынести въ канцелярію, то тотчасъ же выпустили ихъ изъ рукъ, заорали благимъ матомъ и выскочили изъ чулана: оказалось, что въ углу лежали дѣйствительно семь головъ, но только это были не бараньи головы, а козлиныя, съ длинными бородами и страшенными рогами.

— Чуръ насъ, чуръ! да воскреснетъ Богъ!.. — шептали трясущіеся отъ ужаса хохлы, когда Шав—скій и понятые, забравъ изъ чулана козлиныя головы, преподнесли ихъ чабанамъ.

— Какъ же вы вчера увѣряли меня, что у васъ пропали бараны? Пьяные, что ли, вы были?—грозно наступилъ на нихъ Шав—скій.

— Это, пане добродію, не наши головы, а козлиныя, отвѣчали переконфуженные хохлы.

— Конечно, козлиныя, заговорилъ еврей-рѣзникъ: это головы тѣхъ козловъ, которыхъ я вчера рѣзалъ у себя на дворѣ; у меня и теперь шкуры висятъ. А эти «кацапы», якъ дурные, прибѣжали на мой дворъ, надѣлали «гвалту», схватили козлиныя головы и унесли. Я вижу, что они—пьяные, и не сталъ съ ними биться; а нынче, самъ хотѣлъ идти къ вамъ жаловаться, господинъ надзиратель.

— Такъ вы, канальи, шуточки со мной вздумали шутить?—грозно надвинулся на чабановъ Шав—скій.

— Да вы же сами, ваше благородіе, вчера видѣли, что это были бараньи головы.

— Я ничего не видѣлъ, брешете вы, пьяницы! Это было вечеромъ, въ потьмахъ: вы подняли меня, больнаго, и я, черезъ силу, пошелъ съ вами; вы сами принесли эту мерзость и положили сюда, я заперъ дверь при васъ, отдалъ даже вамъ ключъ, наложилъ при васъ печати, и вотъ что вышло! Вонъ, скоты! слѣдовало бы васъ арестовать за такую штуку, чтобы вы меньше пьянствовали, получше караулили свой гуртъ, да не дѣлали бы обысковъ у честныхъ людей.

Чабаны рады-рады были, что цѣлы ушли отъ Шав—скаго и что ихъ не заарестовали.

Однако, исторія эта разнеслась все-таки по городу, попала даже въ печать (въ «Кіевлянинъ»), и Шав—скій всякій разъ чувствовалъ маленькую неловкость, когда въ его присутствіи кто-нибудь упоминалъ о бараньихъ головахъ, превратившихся, за ночь, въ козлиныя. «Превращеніе» это дало ему, какъ говорили потомъ въ Хмѣльникѣ, немалую «благодарность» отъ воровъ, избавившихся, такимъ образомъ, и отъ тюрьмы, и отъ возмѣщенія убытковъ за полсотни украденныхъ барановъ.

Исторія эта сошла Шав—скому съ рукъ благополучно, несмотря даже на корреспонденцію въ «Кіевлянинѣ», газетѣ полуоффиціальной: въ Каменцѣ лишь посмѣялись надъ всей этой исторіей—и только.

У меня, лично, вышло съ Шав—скимъ столкновеніе совсѣмъ по другому поводу.

Однажды, весною, я услышалъ на улицѣ страшный шумъ и гвалтъ; нѣсколько секундъ спустя въ мою квартиру вбѣжалъ блѣдный, какъ смерть, мой разсыльный (и сторожъ въ камерѣ) Андрей, запасный унтеръ-офицеръ, и сообщилъ, едва переводя дыханіе, что его укусила бѣшеная собака. Оказалось, что онъ понесъ въ канцелярію Шав—скаго мой пакетъ, сдалъ его, и едва только вышелъ на улицу, какъ на него набросилась большая пестрая собака, по всѣмъ примѣтамъ бѣшеная, и укусила въ плечо [1]).

— Собака эта бѣгаетъ теперь по улицамъ и кидается на людей,— добавилъ Андрей.

— Что же ты не забѣжалъ къ надзирателю, не сказалъ?

— Да я забѣгалъ, да не засталъ ихъ: они, говорятъ, у слѣдователя сидятъ.

Я схватилъ двухстволъное ружье, быстро зарядилъ его крупною дробью, и, какъ былъ одѣтъ, такъ и выскочилъ на улицу, въ сопровожденіи того же Андрея, которому далъ револьверъ. Гулъ и крики гнавшагося за собакой народа были уже далеко, шагахъ въ 600, за училищемъ, находившимся рядомъ съ моей квартирой. Я послалъ Андрея вызвать Шав—скаго, а самъ пошелъ по направленію шума. Едва посланный отошелъ отъ меня шаговъ на 200, какъ я увидѣлъ, что прямо на меня по улицѣ, опустивъ голову внизъ и высунувъ черный языкъ, бѣжитъ большая пестрая собака, а за нею, шагахъ отъ нея въ 200, народъ съ палками, вилами и граблями. Я прислонился къ деревянному забору

---

[1]) Моего разсыльнаго и еще двухъ человѣкъ, укушенныхъ тогда же, взялась лечить мѣстная жительница, цыганка: она распаривала въ банѣ укушенныя мѣста, прикладывая къ нимъ какія-то травы, и, такимъ образомъ, вылечила очень успѣшно всѣхъ трехъ укушенныхъ людей.

улицы и вскинулъ ружье къ плечу; собака, словно замѣтивъ это, повернула отъ меня шагахъ въ 70-ти, подъ прямымъ угломъ, въ сторону. Ружье у меня было надежное, стараго Мортимера, и я выстрѣлилъ... Собака споткнулась немного, но тотчасъ же справилась и побѣжала дальше, сильно пригибаясь къ землѣ, несомнѣнно, раненая. Выстрѣлить второй разъ я не рѣшился: ружье было шомпольное, заряжающееся не скоро, я могъ не попасть, а между тѣмъ собака могла повернуть назадъ, на меня. Гнавшіеся за нею люди побѣжали по ея слѣдамъ; я тоже побѣжалъ за ними, но, не будучи въ силахъ долго бѣжать отъ охватившаго меня волненія, отсталъ и пошелъ тихо. Шаговъ за 800 отъ меня раненая собака легла, мѣщане подбѣжали и добили ее. Когда все уже было покончено, и я возвращался домой, мнѣ навстрѣчу попался Андрей и объяснилъ, что нашелъ надзирателя въ квартирѣ слѣдователя, но что Шав—скій отказался на-отрѣзъ идти на мое приглашеніе. Меня это взорвало: я, какъ былъ, съ ружьемъ въ рукахъ, зашелъ къ слѣдователю, засталъ тамъ Шав—скаго, благодушествующаго за выпивкой и закуской, и сгоряча сталъ выговаривать ему за непростительное равнодушіе къ дѣйствію, которое произошло у него, такъ сказать, подъ носомъ. Но этотъ человѣкъ былъ всегда хладнокровенъ и спокоенъ.

— Позвольте вамъ объяснить, что я не гѝцель [1]), который долженъ убивать собакъ на улицахъ, отвѣтилъ онъ, и вы не имѣете права замѣчать мнѣ, что я этого не выполняю.

— Въ такомъ случаѣ, я напишу губернатору, пригрозилъ я, и пусть онъ рѣшитъ: обязаны вы были или нѣтъ, услышавъ шумъ и выстрѣлъ и узнавъ отъ моего посланнаго въ чемъ дѣло, выйти на улицу и позвать своихъ, вооруженныхъ шашками десятскихъ, или же вы имѣли основаніе сидѣть вотъ тутъ и преспокойно бражничать.

Съ этими словами я вышелъ, рѣшившись дѣйствительно просить губернатора убрать Шав—скаго изъ Хмѣльника. Но, часъ спустя, ко мнѣ зашелъ его «другъ дома», судебный слѣдователь, и сталъ просить не писать ничего въ Подольскъ, такъ какъ Шав—скій былъ у него, будто-бы, по дѣламъ службы и никакого шума, даже и выстрѣла, не слыхалъ; по приглашенію же, переданному ему моимъ посыльнымъ, не вышелъ просто потому, что у него не было съ собой ни шашки, ни револьвера.

А вечеромъ, въ тотъ же день, ко мнѣ заѣхалъ достопочтенный и всѣми уважаемый священникъ Хмѣльника, костромичъ о. В—скій,

---

[1]) „Гѝцелями“ зовутъ въ Варшавѣ, а также и во всемъ Западномъ краѣ, особыхъ ловчихъ, которые истребляютъ бродячихъ собакъ на улицахъ.

честная и милая личность, и спросилъ меня: намѣренъ ли я въ самомъ дѣлѣ жаловаться губернатору на Шав—скаго; и когда я ему сказалъ, что «да», то онъ сталъ убѣждать меня, съ своей стороны, не дѣлать этого, говоря, что Шав—скій просилъ его отклонить меня отъ этого намѣренія.

— Шав—скаго, по вашей жалобѣ, могутъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ уволить, и вы причините зло и ему, и церкви. Положимъ, онъ жуликоватъ и лихоимецъ....

— Позвольте, батюшка, церковь-то тутъ при чемъ?—удивился я.

— А вотъ при чемъ,—проговорилъ, лукаво улыбаясь, о. В—скій:— Шав—скаго если уволятъ, то едва-ли уже дадутъ вновь мѣсто, и ему, по его словамъ, остается тогда одно—идти въ священники.

— Что вы, батюшка! Шав—скому, этому, по вашимъ же словамъ, жулику и лихоимцу, идти въ священники! да и какое же, наконецъ, онъ имѣетъ право?

— Полнѣйшее: онъ окончилъ курсъ семинаріи и, кромѣ того, будетъ имѣть протекцію у владыки.

Я только руками развелъ.... Въ тотъ памятный вечеръ, разговоръ мой съ о. В—скимъ окончился тѣмъ, что я далъ ему обѣщаніе «бросить это дѣло». Потомъ я глубоко сожалѣлъ, что, имѣя случай избавиться отъ Шав—скаго, не сдѣлалъ этого: много еще причинилъ зла этотъ безшабашный лихоимецъ мирнымъ и терпѣливымъ жителямъ Хмѣльника. Окончилъ онъ все-таки большими приключеніями: еврей, фельдшеръ Зусь Герцъ, выведенный изъ терпѣнія какою-то наглостью и вымогательствами Шав—скаго, надавалъ ему на улицѣ, публично, пощечинъ и сбросилъ въ грязь его форменную фуражку. Исторія эта попала въ «Кіевлянинъ», и ее никакъ нельзя было замазать, къ вящему горю потерпѣвшаго, который успѣлъ уже взять съ Зуся, чрезъ фактора Нусима Лившица, 50 руб., въ видѣ задатка, и торговался о суммѣ дальнѣйшаго вознагражденія за свое «безчестье». Началось «дѣло»—по обвиненію еврея въ оскорбленіи полицейскаго чиновника дѣйствіемъ, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, и бѣднаго Зуся, уплатившаго даромъ 50 рублей, упрятали въ смирительный домъ; самое же «дѣло» обратило на Шав—скаго вниманіе новаго губернатора, который, ознакомившись съ исключительною и преступною личностью «коменданта», тотчасъ же уволилъ его отъ должности и службы безъ прошенія. Тогда Шав—скій принялся за адвокатуру, но и на этомъ поприщѣ ему не повезло: всѣ знали его за плута и остерегались довѣряться. Долго онъ бѣдствовалъ и клянчилъ, занимая по рублю «до завтра»; долго жена его докучала начальству о «пособіяхъ», и наконецъ-таки онъ попалъ на тотъ путь, который имѣлъ у себя въ резервѣ: много лѣтъ спустя, послѣ

оставленія мною должности мироваго судьи, я узналъ, совершенно случайно, что Шав—скій преблагополучно священствуетъ, получивъ мѣсто въ какомъ-то большомъ селѣ, вблизи Каменца.... Неудивительно поэтому, что простой русскій народъ, да и не одинъ простой, уходитъ и въ штунду, и въ молокане, и во всякую иную ересь: уходитъ онъ, чаще всего, не изъ потребности перемѣнить свои религіозныя вѣрованія,—въ большинствѣ, довольно неопредѣленныя и туманныя,—а лишь изъ желанія перемѣнить «отцовъ духовныхъ», которыхъ не въ силахъ перенести каждое, мало-мальски честное и вѣрующее сердце.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ прошлаго Россійскаго консульства въ Яссахъ.

(Матеріалы къ исторіи сношеній нашихъ съ Турціею).

I.

Начатая Турціею въ 1769 году война противъ Россіи, по наущенію французскаго посла въ Царьградѣ и Барскихъ конфедератовъ, печально окончилась для имперіи Османовъ. 10-го іюля 1774 года въ мѣстечкѣ Кючюкъ-Кайнарджи [1]), расположенномъ на правомъ берегу Дуная, въ 60-ти верстахъ отъ Силистріи, посланный главнокомандующимъ русскихъ войскъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ генералъ-поручикъ князь Репнинъ подписалъ съ турецкими уполномоченными продиктованный имъ трактатъ, поднявшій вскорѣ не малый переполохъ во всей Европѣ. Было изъ-за чего переполошиться: разгромленная Турція лежала у ногъ русской монархини.

Основныя положенія этого трактата, подтвержденныя послѣдующими соглашеніями, вопреки интригамъ европейскихъ государствъ, напуганныхъ пріобрѣтенною Россіею надъ Турціею властью, просуществовали до 1856 года, когда объединившаяся (правда, не безъ труда) Европа, послѣ кровопролитной войны, выбила Россію изъ занятаго ею положенія по отношенію къ мусульманскимъ владѣніямъ Порты.

Сама Турція, постигшая всю степень подчиненности по отношенію

---

[1]) Турки и пишутъ и произносятъ «Кючюкъ», а потому мы предпочитаемъ его слову Кучукъ.

къ Россіи и тяготясь положеніемъ, въ которое ее ввергла неудачная война, не замедлила всякими способами отбиваться отъ точнаго и немедленнаго выполненія обязательствъ, вытекавшихъ изъ помянутаго трактата, частью успѣшно, частью безуспѣшно, и вздохнула свободно (какъ ей казалось) лишь послѣ парижскаго трактата.

Въ описываемую нами эпоху, то есть тотчасъ по заключеніи въ 1774 году мира, Порту особенно смущали выговоренныя Россіею права вступаться оффиціально за христіанскихъ подданныхъ черезъ россійскихъ посланниковъ при блистательной Портѣ. Но смущеніе ея достигло крайнихъ предѣловъ, когда русское правительство, опираясь на предоставленное ему Кючюкъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ право, назначило генеральнаго консула въ Придунайскія княжества.

Артикулъ 11-ый Кючюкъ-Кайнарджійскаго договора, касающійся обоюдныхъ попеченій о торговлѣ и мореплаваніи, между прочимъ гласилъ: «а дабы во всемъ былъ наблюдаемъ добрый порядокъ, равнымъ образомъ блистательная Порта позволяетъ имѣть пребываніе консуламъ и вице-консуламъ, которыхъ Россійская Имперія во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они признаны будутъ надобными, назначить заблагоразсудитъ».

Правомъ своимъ русское правительство воспользовалось не сразу; первое время вслѣдъ за подписаніемъ мирнаго договора оно было занято хлопотами по сбору и обратному отправленію въ Россію участвовавшихъ въ кампаніи войскъ, болѣе или менѣе разбросанныхъ по ту и другую сторону Дуная. Затѣмъ оно вынуждено было все вниманіе свое сосредоточить на крымскихъ дѣлахъ.

По статьѣ третьей договора Крымъ былъ изъятъ изъ турецкаго владычества и объявленъ независимымъ подъ самодержавною властью собственнаго хана изъ поколѣнія Чингиса. Турки не могли свыкнуться съ мыслью о потерѣ этой области, доселѣ служившей надежнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ Россіею. Возбужденіе турецкаго населенія имперіи, тяготившагося условіями договора, достигло крайней степени, и великій визирь прямо заявилъ, что если Крымъ не поступитъ снова подъ власть Турціи и если Россія не возвратитъ Керчи и Еникале, то миру долго не продержаться. Вскорѣ затѣмъ Порта прогнала изъ Крыма хана Сахимъ-Гирея, покровительствуемаго Екатериною, и война едва не возгорѣлась снова. При посредничествѣ Франціи дѣло было улажено и подписано новое соглашеніе (1779) извѣстное подъ названіемъ «Convention explicative», въ общемъ подтверждавшее условія Кючюкъ-Кайнарджійскаго договора.

Лишь по совершенномъ улаженіи крымскихъ дѣлъ Екатерина признала возможнымъ послать консула въ Придунайскія княжества и назначила на эту должность Сергѣя Лазаревича Лашкарева, служившаго прежде при нашей миссіи въ Константинополѣ.

По указу императрицы, государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ снабдила Лашкарева пространною инструкціею, помѣченною 10 февраля 1780 года, и приказала ему ѣхать къ нашему посланнику въ Константинополь.

Въ инструкціи этой, посвященной указаніямъ о томъ, какъ блюсти интересы русскихъ торговыхъ людей и русскихъ подданныхъ вообще, какъ охранять достоинство своего званія, какимъ порядкомъ возвращать въ Россію бѣглыхъ и проч., особенное значеніе имѣетъ пунктъ 7-й, который гласитъ:

«Сверхъ доношеній, сюда по дѣламъ касающимся до торговъ нашихъ подданныхъ, находясь вы въ областяхъ Оттоманской Порты, ближе къ россійскимъ границамъ лежащимъ, имѣете неусыпно наблюдать все тамо происходящее, а особенно развѣдывать о движеніяхъ турецкихъ войскъ и о починкѣ крѣпостей и другихъ всякихъ къ войнѣ относящихся пріуготовленій, и обо всемъ сюда немедленно и точно доносить. Равномѣрно надлежитъ вамъ стараться примѣчать и за поведеніемъ обоихъ господарей, изъ которыхъ волошскій всегда увѣрялъ высочайшій дворъ въ своей преданности, а молдавскій, напротивъ того, понынѣ всячески, повидимому, удаляется отъ онаго; но какъ вы обоихъ, по бытности ихъ драгоманами Порты, довольно знаете, то и можете симъ обстоятельствомъ воспользоваться къ снисканію ихъ довѣренности и къ обращенію оной въ пользу дѣлъ».

Порта съ понятною съ ея стороны подозрительностью отнеслась къ заявленію нашего посланника о предстоявшемъ назначеніи русскаго генеральнаго консула въ княжества. Область эта, населенная народомъ, единовѣрнымъ русскому, была пограничена съ нашими владѣніями и пользовалась нѣкоторыми привилегіями въ дѣлахъ внутренняго управленія, такъ что русскій консулъ могъ занять въ ней исключительное положеніе, тѣмъ болѣе что другихъ консуловъ (французскаго и англійскаго) въ ней еще не было.

Ни на господрей (фанаріотовъ), хотя ею самою избираемыхъ, ни тѣмъ менѣе на бояръ валахскихъ и молдаванскихъ Порта особенно не разсчитывала и какъ бы предчувствовала, что съ прибытіемъ въ княжества агента русскаго правительства ея хозяйничанью въ этихъ областяхъ по-турецки будутъ воздвигаемы постоянныя препятствія.

Тѣмъ временемъ (въ іюнѣ 1780) Лашкаревъ прибылъ въ Константинополь. Уже изъ перваго донесенія его въ коллегію иностранныхъ дѣлъ можно судить о тѣхъ мытарствахъ, черезъ которыя долженъ будетъ пройти вопросъ о его признаніи въ званіи русскаго генеральнаго консула. Приводимъ это донесеніе цѣликомъ; оно живо изображаетъ переполохъ Порты и первыя попытки совершенно отклонить требованіе Россіи

Прошедшаго іюня 12-го дня писалъ Лашкаревъ [1]),—прибылъ я въ Константинополь и, явясь у его высокородія господина чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Александра Стахіевича Стахіева, отдалъ врученные мнѣ пакеты.

«А послѣдующаго затѣмъ іюля 2-го числа господинъ посланникъ, взявъ меня съ собою, ходилъ въ загородной домъ къ рейсъ-эфенди [2]), гдѣ и объявилъ, что я отъ высочайшаго двора назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, то дабы потому Порта, признавъ меня въ томъ достоинствѣ, учинила съ своей стороны должное признаніе. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что Порта никакъ на сіе согласиться не можетъ, чтобы Россія имѣла своихъ консулей тамъ, гдѣ прочія дружелюбныя державы никогда не имѣли, да и нынѣ не имѣютъ, ибо сіе противно мирнымъ артикуламъ, въ которыхъ не показано именно, чтобъ въ Молдавіи, въ Валахіи и Бессарабіи быть россійскому консулю; онъ тутъ и другіе свои невмѣстные представлялъ резоны, которые государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ усмотрѣть соизволитъ изъ настоящихъ депешей господина посланника Стахіева. На что его высокородіе ясно доказывалъ, что они ошибаются, и противятся въ томъ, когда трактатъ гласитъ: во всѣхъ нужныхъ мѣстахъ имѣть консулей.

«Между прочими партикулярными разговорами, рейсъ-эфенди отозвался партикулярно господину посланнику, что Порта, опасаясь какого-либо безпокойствія отъ бояръ двухъ княжествъ и возмущенія отъ находящихся въ Бессарабіи гарнизоновъ, не можетъ на то согласиться. Тогда господинъ посланникъ сказалъ, что онъ сего никакъ не можетъ ко двору своему писать, что Порта опасается своихъ гарнизоновъ и подданныхъ обоихъ княжествъ. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, хочетъ-ли господинъ посланникъ, чтобы я велѣлъ отрубить какъ обѣимъ князьямъ, такъ и всѣмъ боярамъ головы и привести сюда.

«Спустя нѣсколько дней со стороны господина посланника ходилъ я къ рейсъ-эфендію (по дѣлу одного нѣжинскаго купца), который, принявъ меня весьма ласково, и между прочими разговорами всевозможнымъ образомъ уговаривалъ, чтобы я отказался отъ своего консульства, увѣряя, что Порта исходательствуетъ выгоднѣйшее сего консульства мѣсто. Я вкратцѣ ему отвѣчалъ, что онъ напрасно изволитъ оспаривать то, что трактатъ ясно гласитъ, чтобы имѣть Россіи своихъ консулей во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надобность и коммерція потребуетъ, съ чѣмъ отъ него и вышелъ».

---

[1]) Изъ Буюкдере іюня 26-го дня 1780 г. Буюкъ-дере—лѣтняя резиденція русскаго посланника, на Европейскомъ берегу Босфора.

[2]) Министръ иностранныхъ дѣлъ Порты.

Въ переговорахъ или, вѣрнѣе, въ разговорахъ подобныхъ вышеприведеннымъ прошло не мало времени. Лишь шесть мѣсяцевъ спустя по пріѣздѣ Лашкарева въ Константинополь, Порта изъявила согласіе на признаніе его генеральнымъ консуломъ въ княжествахъ и Бессарабіи. Этимъ однако дѣло не кончилось и возникли новые переговоры, благодаря отказу Порты назначить консулу резиденцію въ княжествахъ и предложенію ему поселиться въ Силистріи.

16-го декабря 1780 года Лашкаревъ доносилъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ:

«Порта по долговременномъ своемъ невмѣстномъ упорствѣ..... согласилась принять меня генеральнымъ консуломъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, съ тѣмъ чтобы имѣть мою резиденцію въ Бессарабіи (городъ которой Порта изберетъ), на что господинъ посланникъ отвѣчалъ рейсъ-эфендію, (что) для способности комерціи резиденція консуля не можетъ быть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, какъ въ одномъ изъ двухъ княжествъ и ни на какое другое мѣсто согласиться не можетъ. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что Порта не можетъ позволить имѣть консулей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не находятся магометанскаго закона судьи, а князья не что иное какъ единственно для собранія податей и разобранія дѣлъ между подданными [1]). Посланникъ увѣрялъ рейсъ-эфендія, что когда обстоятельство воспослѣдуетъ, то всѣ письменныя дѣла консулъ будетъ производить въ городахъ, управляемыхъ судьями магометанскаго закона; но рейсъ-эфенди говорилъ, что онъ сего предложенія ни подъ какимъ образомъ принять не можетъ... Наконецъ рейсъ-эфенди просилъ дружески посланника, чтобы онъ о томъ писалъ ко двору, и что онъ уповаетъ, что высочайшій россійскій дворъ согласится на таковое Порты предложеніе.

«На третій день послѣ конференціи былъ я съ господиномъ посланникомъ у французскаго посла кавалера де С.-Пріеста (Chevalier de S.-Priest), который со стороны Порты объявилъ [2]) что Порта соглашается дать берать [3]) на консульство съ означеваніемъ для резиденціи городъ

---

[1]) Въ разсчетъ Порты входило умалять значеніе господарской власти въ областяхъ, хотя и вассальныхъ, но, благодаря разнымъ трактатамъ и гатти-шерифамъ, представлявшимъ во всякомъ случаѣ болѣе самостоятельныя административныя единицы, нежели прочіе пашалыки имперіи. А. Г.

[2]) Въ ту пору Франція, въ силу трактатовъ съ Турціею, пользовалась выдающимся, по сравненію съ прочими европейскими державами, положеніемъ при блистательной Портѣ; въ данномъ случаѣ вмѣшательство французскаго посла въ переговоры русскаго посланника съ рейсъ-эфендіемъ объясняется кромѣ того неофиціальнымъ участіемъ, которое принимала Франція въ заключеніи Кючюкъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора и ея официальнымъ положеніемъ союзника имперіи османовъ. А. Г.

[3]) Exequatur, въ европейскихъ державахъ. А. Г.

Силистру, гдѣ пребываетъ трехбунчужный паша и сераскѣръ (сераскиръ) всей Бессарабіи. Я отвѣчалъ послу, что безъ дозволенія двора моего къ такой отъ Порты пропозиціи приступить не могу...

«...А Силистра лежитъ по сію сторону Дуная, откуда я по коммерціи долженъ временно находиться въ обоихъ княжествахъ и въ Бессарабіи, а господинъ паша въ переѣздѣ мнѣ будетъ препятствовать, или дружески будетъ всегда спрашивать, зачѣмъ я хочу ѣхать..., а въ другомъ времени и совсѣмъ воспрепятствуетъ переѣзжать на ту сторону, предъявляя, что, какъ онъ главный командиръ, во всемъ можетъ мнѣ дать сатисфакцію ....»

Лашкаревъ придавалъ особое значеніе свободѣ передвиженія своего, на случай если бы русское правительство согласилось съ предложеніемъ Порты назначить для резиденціи русскаго консула Силистрію.

Одновременно съ донесеніемъ въ коллегію онъ пишетъ графу Панину (отъ 16-го декабря 1780).

«Въ надеждѣ вашего высокографскаго сіятельства ко мнѣ покровительства пріемлю смѣлость донести, что когда всевысочайшій дворъ согласится имѣть мнѣ резиденцію въ Силистріи, то неотмѣнно нужно, чтобы Порта дала свое повелѣніе къ находящемуся тамъ пашѣ не препятствовать мнѣ въ переѣздѣ со всею свитою въ оба княжества и въ Бессарабію во всякое время, когда я за нужно почту..... и которое надобно, чтобы Порта утвердила письменно, ибо у турокъ что единожды выторгуешь, то напредъ будетъ служить образомъ закона. Хотя французскій посолъ увѣряетъ о свободномъ моемъ пребываніи, но я не могу надѣяться, чтобы онъ былъ болѣе нашъ другъ, нежели Оттоманской Портѣ».

Два дня спустя послѣ отправленія этого донесенія Лашкаревъ извѣщаетъ коллегію, что Порта вручила русскому посланнику бератъ «съ великою поспѣшностью» и что, по его мнѣнію, она перемѣнитъ его впослѣдствіи и согласится на требованіе русскаго двора назначить резиденцію консула въ княжествахъ, «ибо она (Порта) теперь гораздо становится унылѣе по причинѣ смерти римской императрицы [1]), опасаясь новой войны или нѣкоторыхъ требованій со стороны владѣющаго императора».

Но какъ ни стала Порта «уныла», она продолжала сопротивляться требованію русскаго правительства, прибѣгая къ всевозможнымъ увертками; такъ, втихомолку отъ посланника, она отправила своего курьера въ С.-Петербургъ (іюнь 1781), въ надеждѣ упросить императрицу не настаивать на томъ, чтобы резиденція русскому консулу была назначена въ княжествахъ. Хотя этой послѣдней попыткѣ предстоялъ такой же

[1]) Маріи-Терезіи.

неуспѣхъ, какъ и предшествующимъ, тѣмъ не менѣе она опять затянула дѣло и на цѣлыхъ полгода. Лишь 13-го декабря Лашкаревъ имѣетъ возможность донести объ окончательномъ рѣшеніи дѣла.

«По долговременному невмѣстному упорству Порта, наконецъ, по дѣлу моему согласилась на всѣ тѣ кондиціи, которыя всевысочайшій дворъ требовалъ, въ силу мирнаго трактата, и сего 10-го числа выдала берать и циркулярный въ надлежащія мѣста фирманъ, а по требованію моему назначила для резиденціи городъ Бухарестъ съ безпрепятственнымъ переѣздомъ во всѣ, консульству моему опредѣленныя, мѣста со всею моею свитою».

Въ январѣ 1782 г. Лашкаревъ прибылъ въ Бухарестъ и до 1787 г. (т. е. до новаго разрыва съ Турціею), русскій консулъ поперемѣнно жилъ то въ Бухарестѣ, то въ Яссахъ. Лишь по возобновленіи сношеній въ 1792 г. Яссы сдѣлались резиденціею русскаго консульства.

Въ Бухарестѣ остался вице-консулъ, и такой порядокъ просуществовалъ до войны, предшествовавшей Адріанопольскому мирному договору (1829 г.). Другъ отъ друга не зависящія, ставшія подъ протекторатъ русской державы, княжества, получили органическій уставъ, выработанный графомъ Киселевымъ, и въ каждое изъ нихъ русское правительство назначило отдѣльнаго консула; Бессарабія же, какъ извѣстно, уже съ 1812-го года перестала быть турецкою провинціею и стала нераздѣльною областью Россіи.

II.

Еще переговоры о признаніи Лашкарева въ его званіи не были окончены и не рѣшенъ былъ вопросъ о мѣстѣ его резиденціи, а уже Екатерина подписывала указъ, которымъ возлагалось на русскаго консула въ княжествахъ весьма щекотливое порученіе, совсѣмъ внѣ области «коммерціи», польза которой приводилась русскими дипломатами, въ ихъ оффиціальныхъ переговорахъ съ Портою, какъ единственный предметъ попеченія со стороны будущихъ представителей русской власти въ турецкихъ провинціальныхъ областяхъ.

Приводимъ этотъ указъ цѣликомъ.

Указъ нашему генеральному консулу въ Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи, коллежскому ассессору Лошкареву.

Прилагается при семъ копія прошенія, намъ поданнаго отъ бывшаго въ Аржишскомъ [1]) монастырѣ архимандрита Дамаскина объ употребленіи старанія въ пользу его, отца и брата его, содержащихся въ узахъ въ Бухарестѣ,

[1]) Старинный мужской монастырь въ Валахіи.

объ освобожденіи ихъ и о выручкѣ имѣнія ихъ, разграбленнаго и разными образами расхищеннаго. Въ уваженіи на отличное усердіе его къ службѣ нашей, оказанное во время послѣдней войны, мы, желая подать ему всякое благопристойное пособіе, повелѣваемъ вамъ употребить всемѣрное стараніе ваше, чтобъ помянутые отецъ и братъ его освобождены и отпущены были на волю съ возвращеніемъ имѣнія, имъ и архимандриту Дамаскину принадлежащаго; да и не оставьте подать имъ помощь, чтобъ они могли, по желанію ихъ, переселиться въ Россію, безопасно изъ Валахіи выѣхать по крайней мѣрѣ въ области его величества императора римскаго, откуда уже могутъ они пробраться въ Россію. Вы можете тутъ на словахъ сами или чрезъ кого-либо надежнаго человѣка сдѣлать внушеніе господарю волошскому Александру Ипсиландію [1]), что удовлетвореніе сему принято будетъ у двора нашего съ особливою благоугодностію и удовольствіемъ, такъ какъ и прежде по заступленіямъ здѣшнимъ учиненныя имъ снисхожденія. Подобное внушеніе можете вы учинить и прочимъ, кто въ управленіи дѣлъ тамошнихъ имѣетъ силу и довѣренность; но надлежитъ вамъ имѣть всякую осторожность, чтобъ, во-первыхъ, тутъ соблюдено было все достоинству нашему и величію Двора нашего приличное. Второе, чтобъ вы производили дѣло сіе такъ, дабы не нанесло оно вамъ хлопотъ, а тѣмъ самымъ людямъ, за коихъ вы вступаться должны, крайнихъ бѣдствій, и третье, чтобъ не подвергнуть господаря или другихъ намъ единовѣрныхъ и благонамѣренныхъ подозрѣнію и пагубѣ отъ турокъ. Впрочемъ, помянутый архимандритъ подробнѣе самъ не упуститъ вамъ учинить отзывъ о нуждахъ своихъ.

(Подп.) Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ,
мая 19-го дня
1781 года.

Какое же это дѣло, которое поручается Лашкареву съ тѣмъ, чтобы онъ употребилъ «всякое стараніе», но и имѣлъ въ то же время всякую «осторожность», дабы «во-первыхъ, тутъ соблюдено было все достоинству нашему и величію двора нашего приличное».

Разъясненіе находимъ въ всеподданнѣйшемъ прошеніи архимандрита Дамаскина, которое приводимъ дословно.

Всеавгустѣйшая монархиня,
Всемилостивѣйшая государыня!

Имѣвъ я всегда ревность къ Россіи и сродное усердіе одну вѣру исповѣдающихъ, не имѣлъ благопріятствующаго случая оказать ей оныхъ соразмѣрно моимъ желаніемъ до того времени, пока не пришелъ въ 1768-мъ году посланный отсюда секундъ-маіоръ Назарій Каразинъ въ Валахію, о коемъ владѣющій тогда господарь Александръ Дика имѣлъ извѣстіе изъ Молдавіи,

[1]) Изъ фанаріотской семьи, выставившей рядъ борцовъ за независимость Греціи. Младшій сынъ его, Александръ Ипсилантій, служилъ въ русской арміи и былъ адъютантомъ императора Александра I; званія этого лишился, лишь только принялъ участіе въ греческомъ возстаніи, начало которому положилъ въ 1821 году, ворвавшись съ толпою гетеристовъ въ Молдавію, около Яссъ и призвавъ молдаванское населеніе къ мятежу противъ турецкой власти. А. Г.

что помянутый Каразинъ неотмѣнно есть шпіонъ и разспрашиванъ причинъ о его путешествіи, но какъ объявилъ то же самое, что и я въ Яссахъ, что онъ, будучи въ жестокой болѣзни, видѣлъ сонъ, въ которомъ ему совѣтано идти въ Валахію въ ардышанскій монастырь, въ коемъ я былъ въ то время архимандритомъ, и отслужить тамъ молебенъ чудотворному образу Божіей Матери, то получитъ исцѣленіе отъ своей скорби. Господарь, выслушавъ все сіе, призвалъ меня, по случаю въ то время въ Букорештахъ бывшаго, приказалъ какъ можно постараться вывѣдать о причинахъ путешествія помянутаго Каразина, о чемъ я его хотя и спрашивалъ, но онъ мнѣ то же самое сказывалъ, что и господарю, на чемъ, однако, господарь не увѣрившись приказалъ мнѣ взять его съ собою въ монастырь, давъ мнѣ напередъ знать объ ономъ, что къ нему изъ Яссъ сообщено, для чего и приказалъ мнѣ наистрожайше за нимъ примѣчать и навѣдываться исподволь о всѣхъ его поступкахъ и о намѣреніяхъ подъ опасеніемъ лишенія жизни, если сдѣлано будетъ мною какое-либо упущеніе противу даннаго мнѣ повелѣнія. Я, взявши его, привезъ съ собою въ монастырь, и онъ, спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ своемъ, пришелъ ко мнѣ въ келью и, видя у меня образъ Божіей Матери, учинилъ мнѣ присягу въ томъ, что онъ всю мнѣ тайну откроетъ, но прежде, пока я съ своей стороны не обяжу себя хранить оную, и когда мы съ обѣихъ сторонъ обязали себя другъ друга клятвою, то онъ мнѣ открылъ, что вашего императорскаго величества есть желаніе объявить войну туркамъ для избавленія моего отечества, а при семъ самомъ объявленіи спрашивалъ, не знаю ли я кого изъ дворянъ, усердствующихъ Россіи. Я ему необинуясь сказалъ, что вся Валахія имѣетъ желаніе избавиться отъ власти агарянской и готова служить вашему императорскому величеству и на первый случай можно бы объявить сію тайну Пурвулу Кантакузину, потому что я уже съ нимъ объ этомъ имѣлъ разговоръ; однакожъ, какъ онъ [1]) не имѣлъ никакого письменнаго на то вида, то я усомнился, чтобы на однихъ его словахъ могъ онъ увѣриться, и для того предоставилъ ему свои совѣты до того времени, пока не доставлю ему свободу возвратиться, къ чему приготовяся его держалъ четыре мѣсяца и пятнадцать дней; по прошествіи которыхъ рапортовалъ господарю, что я въ Каразинѣ кромѣ поста и молитвы ничего болѣе не примѣтилъ; на то мнѣ и прислано повелѣніе отпустить его къ возвратному пути. Я, пользуясь симъ случаемъ, далъ ему наставленіе, что ему необходимо нужно имѣть видъ, съ которымъ онъ и пришелъ ко мнѣ обратно въ 1769-мъ году прямо въ монастырь въ монашескомъ платьѣ и принесъ съ собою, какъ за подписаніемъ собственной вашего императорскаго величества руки письмо, такъ и отъ главнокомандующаго тогда первою арміею князя Голицына Пурвулу Кантакузину портретъ, а мнѣ по высочайшей вашего императорскаго величества милости жалованный крестъ, а притомъ и манифесты на греческомъ, волошскомъ и сербскомъ діалектахъ, которые я и разослалъ въ разные мѣста турецкой области; помянутый же Каразинъ объявилъ о всѣхъ монаршихъ вашихъ обнадеживаемыхъ щедротахъ, о дачѣ мнѣ сана архіерейскаго купно съ избавленіемъ любезнаго моего отечества отъ агарянъ, на что положась несомнѣннымъ событіемъ, не щадилъ себя какъ при началѣ войны, такъ и до самаго ея окончанія. Въ доказательство сей истины, осмѣливаюсь поднести вашему императорскому величеству данную мнѣ отъ главнокомандующаго вашего императорскаго величества арміею графа Петра Алексан-

[1]) Каразинъ.

дровича Румянцева, и отъ генералъ-поручика фонъ-Эссена, такожъ и отъ Григорія митрополита Букорешскаго [1]); но и его свѣтлости князю Григорію Александровичу Потемкину довольно извѣстно о моей службѣ къ вашему императорскому величеству, равно князю Николаю Васильевичу Репнину и графу Ивану Петровичу Салтыкову, но и всѣмъ тѣмъ, кои находились въ первой арміи. Наконецъ, когда миръ состоялся, и я зналъ совершенно, что туркамъ извѣстно мое къ Россіи усердіе, то я не могъ себѣ другаго ожидать, какъ несносныхъ мученій и самой смерти. Для чего я и явился къ графу Петру Александровичу Румянцеву, находившемуся тогда на Гури-Балѣ, и просилъ о дачѣ мнѣ паспорта для свободнаго выхода въ подданство вашего императорскаго величества, но онъ на просьбу мою объявилъ, что въ силу заключеннаго мирнаго трактата всѣ желающіе выѣхать имѣютъ свободу, и для того совѣтовалъ мнѣ сколько можно постараться собрать всѣхъ тѣхъ, кои чаютъ оставшися подвергнуть себя опасности, и выѣхать съ ними вмѣстѣ. Я же, имѣя великую довѣренность, а наипаче въ тѣхъ, кои служили вѣрно вашему императорскому величеству, пригласилъ ихъ съ собою идти до семи тысячъ, въ числѣ коихъ всѣ мои родные находилися, прочіе же большею частію были иностранные; но къ несчастію собственно моему время уже было позднее и зима наступала, а мнѣ съ толикимъ числомъ народа вовсе было невозможно отправиться въ путь, почему я, надѣяся на сохраненіе мирнаго трактата, остановился ждать до весны. Но какъ скоро господарь пріѣхалъ въ Букорестъ, то, несмотря на силу трактата, отобравъ отъ меня въ январѣ мѣсяцѣ оныхъ людей, а 5 апрѣля и меня взявъ въ Букорестъ, посадилъ подъ строжайшій караулъ, гдѣ находился 1779 года по 15 іюля, и вѣрно бы никогда не могъ я избавиться отъ сего мученія, если бы, не сжалившися надо мною, нѣкоторые бояре не подали мнѣ къ побѣгу средства, давъ мнѣ при томъ знать, что жизнь моя приходитъ въ опасность отъ точныхъ расположеній господаря, чтобы отомстить мнѣ за то, что я служилъ вашему императорскому величеству вѣрно, а притомъ и не согласился къ ихъ злоухищренному совѣту. Я же, какъ скоро взятъ былъ подъ караулъ, то и принужденъ былъ платить убытки, какіе причинены при взятіи Букореста, а сколько и кому именно уплатилъ я, осмѣливаюсь поднести вашему императорскому величеству реестръ.

Въ проѣздъ князя Николая Васильевича Репнина чрезъ Букорестъ полномочнымъ посланникомъ въ Царьградъ, просилъ я его доношеніемъ объ освобожденіи меня изъ-подъ караула и о дачѣ мнѣ паспорта въ Россію, однако онъ мнѣ на то отвѣчалъ, что учинить сего не можетъ, а обнадеживалъ просить за меня господаря и послѣ чрезъ князя Михаила Кантакузина велѣлъ мнѣ бѣжать въ Россію, оставя все мое имѣніе. Но я конечно бы не сдѣлалъ онаго, чтобы бѣжалъ изъ моего отечества и утруждалъ ваше императорское величество, если бы въ силу заключенія мирнаго трактата имѣли мы вольность; но видя себя безъ всякой надежды отъ онаго, а притомъ и опасность въ своей жизни, принужденъ былъ уйти, и прибѣгнувъ въ покровительство матернимъ щедротамъ вашего императорскаго величества. По побѣгѣ же моемъ изъ Букореста взяли родителя моего и трехъ братьевъ съ собственнымъ ихъ имѣніемъ вмѣсто меня подъ караулъ, а мое все движимое и недвижимое имѣніе разграбили и отъ должниковъ моихъ, коихъ векселя имѣются у меня, деньги взыскали, по пріѣздѣ же моемъ въ цесарскую область, по

[1]) Бухарестскаго.

искательству моего ненавистника, на форпостахъ удержанъ былъ шесть мѣсяцевъ, ибо старался онъ, чтобъ тамошній генералъ Прейзъ выдалъ ему меня на погубленіе, но милосердое Провидѣніе чрезъ находящагося въ Вѣнѣ резидента князя Голицына защитило, къ коему я писалъ. По прибытіи же моемъ сюда, въ Петербургъ, чрезъ пять мѣсяцевъ лишаюсь дневной пищи, а при томъ опасаюсь, чтобъ враги мои, видя меня безъ всякаго защищенія, не лишили жизни родителя моего и братьевъ безъ всякія ихъ вины, но единственно меня ради.

При таковомъ моемъ горестномъ состояніи, повергаю себя къ стопамъ вашего императорскаго величества, всепокорнѣйше прошу объ освобожденіи страждущихъ безвинно родителя моего іеромонаха Михаила и братьевъ іеромонаховъ Арсенія и Василія и монаха Григорія съ моимъ и ихъ имѣніемъ въ подданство вашего императорскаго величества и изъ высоко монаршихъ щедротъ вашего императорскаго величества о неоставленіи меня безъ награжденія высочайшаго повелѣнія.

Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ и всеусерднѣйшій богомолецъ, архимандритъ Дамаскинъ.

Ноября 13-го дня
1780 года.

Къ разсказу архимандрита Дамаскина прибавлять многаго не приходится; несмотря на свои синтаксическія и грамматическія погрѣшности, разсказъ этотъ живо изображаетъ многія стороны турецкаго управленія въ княжествахъ въ ту эпоху, когда господари не знали кого бояться, Порты или христіанской державы, выступившей защитницею христіанскихъ подданныхъ полумѣсяца и вынужденной прибѣгать ко всякимъ негласнымъ средствамъ, чтобы обнадежить ихъ и утѣшить въ ихъ незавидной участи вассаловъ «нечестивыхъ агарянъ».

Секундъ-маіоръ русской арміи, каждую минуту рискующій головой, облекающійся въ монашеское одѣяніе, мѣсяцами живущій въ монастырѣ, архимандритъ, дающій господарю ложныя свѣдѣнія о порученной надзору его сомнительной личности, бѣгство этого архимандрита и секвестръ всего его имущества, шестимѣсячное сидѣніе на форпостахъ цесарскихъ войскъ, откуда командовавшій генералъ Прейсъ выпускаетъ его для слѣдованія въ Россію и не отдаетъ обратно въ руки турокъ лишь вслѣдствіе вмѣшательства русскаго резидента въ Вѣнѣ, заключеніе подъ стражу отца и братьевъ бѣжавшаго Дамаскина,—все это составляетъ не маловажный вкладъ въ исторію нашихъ сношеній съ христіанскими народами турецкаго Востока въ екатерининскую эпоху.

А. Гиротъ.

Всеподданнѣйшій докладъ главноначальствующаго Мастерскою Оружейною палатою Петра Валуева.

14-го сентября 1809 г.

Руководствуясь правилами, въ особенности Высочайше утвержденными для Мастерской Оружейной палаты, которая въ благополучное ваше царствованіе, во славу монаршаго вашего вниманія на древнюю столицу и по привязанности вашей къ отечественнымъ достопамятностямъ, возвышена, украшена и отъ усердныхъ подносителей умножена—имѣю счастье представить къ опредѣленію въ почетные члены палаты любителей отечественныхъ древностей и отлично упражняющихся въ изысканіи разныхъ памятниковъ знаменитости, а именно: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Мусина-Пушкина, издавшаго своими трудами сочиненіе «О древнемъ Тмутараканскомъ княжествѣ»; коллежскаго совѣтника Карамзина, упражняющагося въ сочиненіи россійской исторіографіи, и надворнаго совѣтника Шлеццера, Московскаго университета профессора статистики и экономіи, занимающагося также предметами древней исторіи.

Рескриптъ Петру Степановичу Валуеву.

8-го октября 1809 г., Царское Село.

Согласно представленію вашему, соизволяя на принятіе почетными членами Мастерской Оружейной палаты дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Мусина-Пушкина, коллежскаго совѣтника Карамзина и профессора Московскаго университета надворнаго совѣтника Шлеццера, я поручаю вамъ, объявивъ имъ о семъ, включить ихъ въ число почетныхъ палаты сочленовъ, по введенному на то порядку. Пребываю вамъ благосклонный.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО ГОГОЛЯ

съ

Пушкинымъ и А. О. Россетъ.

Когда именно состоялось первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и съ «донной Sol»—Александрою Осиповною Россетъ (впослѣдствіи Смирновой)—объ этомъ до настоящаго времени мнѣнія крайне разнорѣчивы. Каждое изъ нихъ опирается на тѣ или другіе факты; но факты эти частью не совсѣмъ достовѣрны, частью слишкомъ отрывочны, а главное—не на столько сопоставлены между собою, чтобы внушить твердое убѣжденіе въ правильности высказываемаго мнѣнія. Посвятивъ послѣдніе годы изученію біографическихъ матеріаловъ о Гоголѣ, я имѣлъ возможность составить себѣ, какъ мнѣ кажется, довольно ясное и опредѣленное понятіе по спорному вопросу, а потому позволяю себѣ изложить здѣсь для интересующихся имъ свои соображенія.

Рукопись 1-го тома «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» Гоголь, прежде печатанія, представилъ сперва на просмотръ Жуковскаго. къ которому имѣлъ отъ кого-то рекомендательное письмо; но тотъ, за недосугомъ, адресовалъ его къ Плетневу. Было это въ концѣ 1830 года. Плетневъ, какъ тонкій цѣнитель литературныхъ произведеній, сразу угадалъ въ начинающемъ писателѣ большой самородный талантъ, принялъ въ немъ самое теплое участіе и содѣйствовалъ ему къ помѣщенію въ повременныхъ изданіяхъ тѣхъ небольшихъ статей и отрывковъ, которые по своему содержанію не годились для «Вечеровъ на хуторѣ», а нѣсколько лѣтъ спустя вошли въ

«Арабески». Въ письмѣ отъ 22-го февраля 1831 г. [1]) Плетневъ такъ извѣщаетъ Пушкина о вновь народившемся литературномъ свѣтилѣ.

«Надобно познакомить тебя съ молодымъ писателемъ, который обѣщаетъ что-то очень хорошее. Ты, можетъ быть, замѣтилъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» отрывокъ изъ историческаго романа съ подписью ОООО, также въ «Литературной Газетѣ» — «Мысли о преподаваніи географіи», статью «Женщина» и главу изъ малороссійской повѣсти «Учитель». Ихъ писалъ Гоголь-Яновскій... Жуковскій отъ него въ восторгѣ. Я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подъ благословеніе. Онъ любитъ науки только для нихъ самихъ, и какъ художникъ готовъ для нихъ подвергать себя всѣмъ лишеніямъ. Это меня трогаетъ и восхищаетъ».

Пушкинъ, отправившійся еще въ началѣ осени 1830 г. въ свое родовое имѣніе Болдино, Нижегородской губерніи, для приведенія въ нѣкоторый порядокъ запущеннаго хозяйства, былъ задержанъ тамъ карантиномъ по случаю холеры цѣлыхъ три мѣсяца и только въ декабрѣ могъ вернуться въ Москву къ своей невѣстѣ—Н. Н. Гончаровой. Въ февралѣ 1831 г. состоялась ихъ свадьба, но до Ѳоминой недѣли молодые супруги не тронулись еще изъ Москвы. Нечего, конечно, удивляться, что въ теченіе этихъ двухъ «медовыхъ» мѣсяцевъ Пушкинъ не удосужился просмотрѣть литературные опыты какого-то безвѣстнаго еще писателя, хотя и расхваленнаго Плетневымъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Плетневъ получилъ отъ него такой отвѣтъ:

«О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до Царскаго Села» [2])...

Свѣтлое Христово Воскресенье въ 1831 г. приходилось на 19-ое апрѣля; слѣдовательно, Ѳоминая недѣля началась 26 апрѣля. Предполагая даже, что Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы уже поутру въ понедѣльникъ на Ѳоминой (27-го числа), нельзя допустить, чтобы онъ прибылъ въ Петербургъ ранѣе вечера субботы, 1-го мая, такъ какъ на переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ требовалось въ тѣ времена до 6-ти дней.

Гдѣ же, спрашивается, и когда могла произойти первая встрѣча Гоголя съ Пушкинымъ? Нигдѣ иначе, какъ у Жуковскаго или у Плетнева—двухъ единственныхъ лицъ, признававшихъ уже талантъ Гоголя и сгоравшихъ нетерпѣніемъ «подвести его подъ благословеніе» Пушкина. Собранія у Жуковскаго бывали по субботамъ. Если бы, паче чаянья, Пушкинъ и прибылъ въ Петербургъ вечеромъ въ субботу, 1-го мая, то мыслимо ли, чтобы онъ тотчасъ же съ дороги собрался къ

---

[1]) Сочиненія П. А. Плетнева, изд. 1885, т. III. (Переписка).

[2]) Сочиненія Пушкина. Письма. Изд. Суворина 1887, стр. 318.

Жуковскому, оставивъ молоденькую красавицу-жену одну въ «Демутовомъ трактирѣ», гдѣ остановился до переѣзда на неомеблированную еще дачу въ Царское Село? Возможность такого случая, впрочемъ, окончательно опровергается тѣмъ, что на другой день, 2-го мая, Гоголь писалъ своему другу Данилевскому на Кавказъ очень обстоятельное письмо, въ которомъ, жалуясь на петербургскій климатъ и дурную погоду (наканунѣ, 1-го мая, шелъ снѣгъ [1]), ни словомъ не обмолвился о томъ, чтобы видѣлъ вчера Пушкина. Могъ ли онъ умолчать о такомъ важномъ для него фактѣ, какъ встрѣча съ его идеаломъ Пушкинымъ?

Плетневъ, будучи инспекторомъ Патріотическаго института и давая, кромѣ того, частные уроки, располагалъ въ теченіе 1830—31 учебнаго года однимъ совершенно свободнымъ вечеромъ въ недѣлю—средою [2]), когда у него и сходились его добрые знакомые—педагоги и литераторы. Слѣдующая за пріѣздомъ Пушкина среда приходилась на 5-ое мая. Едва ли можно сомнѣваться, что Пушкинъ не пропустилъ этой среды, чтобы повидаться снова съ однимъ изъ самыхъ преданныхъ друзей, да кстати встрѣтиться у него послѣ долгаго отсутствія изъ Петербурга и съ другими литераторами. Точно также внѣ сомнѣнія, что Плетневъ, видая Гоголя очень часто въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ онъ предоставилъ ему съ марта 1831 г. уроки исторіи, не преминулъ предупредить его о томъ, что тогда-то ждетъ къ себѣ Пушкина, съ которымъ хочетъ его познакомить. Такимъ образомъ мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, почти непреложнымъ, что первое свиданіе нашихъ двухъ геніальныхъ писателей произошло вечеромъ 5-го мая 1831 г. у Плетнева.

Если бы, однако, Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы во второй половинѣ Ѳоминой недѣли и не попалъ еще въ Петербургъ къ 5-му мая, то свиданіе его съ Гоголемъ должно было состояться въ ближайшую субботу—8-го мая у Жуковскаго.

Перехожу къ вопросу о первой встрѣчѣ Гоголя съ А. О. Россетъ. Что въ первый разъ они увидѣли другъ друга мимоходомъ у знакомыхъ Россетъ, Балабиныхъ, гдѣ Гоголь давалъ уроки младшей дочери дома,—мы знаемъ изъ показаній ихъ обоихъ:

«Моя бѣдная ученица зѣвала», разсказывалъ Гоголь впослѣдствіи И. С. Аксакову: «Александра Осиповна пришла къ намъ съ сестрой моей ученицы, замѣтила меня и тотчасъ узнала хохла» [3])...

---

[1]) В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Москва 1892 г. Томъ I стр. 350—351.

[2]) „Русс. Старина“ 1889 № VII. „Дневникъ А. В. Никитенко“, стр. 40.

[3]) В. И. Шенрокъ. Т. I, стр. 332—333.

Сама Россетъ въ своемъ дневникѣ поясняетъ, что она увидѣла Гоголя случайно у Балабиныхъ, когда зашла проститься съ его ученицей.

«Онъ показался мнѣ грустнымъ и неловкимъ; но онъ настоящій малороссъ», говоритъ она и, въ заключеніе, прибавляетъ: «Послѣзавтра уѣзжаемъ въ Царское» [1]).

Такъ какъ Россетъ состояла въ то время фрейлиной при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, то сама она, очевидно, не могла измѣнить назначенный день для переѣзда въ Царское Село. Между тѣмъ Гоголь былъ приведенъ къ ней Пушкинымъ и Жуковскимъ еще въ Петербургѣ. Поэтому это могло произойти только между первой короткой встрѣчей и послѣзавтра—днемъ переѣзда въ Царское Село.

Но почему же придворная фрейлина могла такъ интересоваться скорѣйшимъ знакомствомъ съ провинціальнымъ хохломъ?—Потому что и она была хохлачка—не по происхожденію, но по симпатіямъ дѣтства, которое она провела въ Малороссіи. Затѣмъ она уже наслышалась о молодомъ писателѣ отъ Жуковскаго и Плетнева и принимала участіе въ ихъ спорѣ: выпустить ли «Вечера на хуторѣ» подъ собственнымъ именемъ автора или подъ вымышленнымъ Плетневымъ псевдонимомъ Рудого Панька.

— А я нахожу, говорила она, «что и Гоголь-Яновскій достаточно хохлацкое имя» [2]).

Тѣмъ-же вышеупомянутымъ разсказомъ Гоголя Аксакову подтверждается, что вторая встрѣча его съ Россетъ была именно на слѣдующій день послѣ первой:

«На другой день она поручила Плетневу доставить къ ней хохла; это было имъ тотчасъ исполнено. «Плетневъ, пишетъ Гоголь, при Василіи Андреевичѣ и Александрѣ Сергѣевичѣ передалъ мнѣ приказаніе Александры Осиповны явиться къ ней. Я закобенился, не захотѣлъ повиноваться; но тутъ Жуковскій и Пушкинъ оба закричали на меня и сказали, что я и глупъ, и невѣжа, и грубіянъ, что всѣ должны слушаться Александры Осиповны, и что никто не смѣетъ упираться, когда она приказываетъ. Побранивъ меня порядкомъ, Пушкинъ, которому нельзя было отказывать, и Жуковскій схватили меня и повели во дворецъ къ Александрѣ Осиповнѣ». [3])

Сдѣлалось это, надо думать, очень просто: получивъ отъ Россетъ записку о томъ, чтобы онъ къ ней немедля привелъ «хохла», потому что завтра-де она уѣзжаетъ уже въ Царское, Плетневъ вызвалъ Гоголя къ

[1]) Тамъ-же стр. 320—321. „Записки“ А. О. Смирновой, Спб., 1895 стр. 40—41.

[2]) „Записки“ Смирновой, стр. 177.

[3]) В. И. Шенрокъ, стр. 333.

опредѣленному часу къ Жуковскому, жившему, какъ и Россетъ, въ Шепелевскомъ дворцѣ (нынѣшній Эрмитажъ) [1]); здѣсь они застали уже и Пушкина. Какъ упрямый «Гоголекъ» ни упирался, два поэта повлекли его къ землячкѣ. Было же это, по всему вѣроятію, отъ 7-ми до 9-ти часовъ вечера—свободные часы Россетъ, которая къ 9-ти часамъ должна была идти къ государынѣ. [2])

Итакъ Россетъ въ первый разъ мелькомъ встрѣтилась съ Гоголемъ у Балабиныхъ въ маѣ 1831 г. за два дня до переѣзда въ Царское Село, а ближе познакомилась съ нимъ у себя на слѣдующій день.

Остается опредѣлить числа этихъ двухъ дней. Если Пушкинъ познакомился съ Гоголемъ у Плетнева въ среду, 5-го мая, то живая и рѣшительная «донна Sol», нашедшая въ Пушкинѣ новаго посредника для своего знакомства съ Гоголемъ, не затянула, конечно, этого знакомства далѣе нѣсколькихъ дней. Литераторы и другіе знакомые бывали у нея больше по понедѣльникамъ [3]). Но въ первый понедѣльникъ послѣ среды, 5-го мая,именно 10-го мая, Гоголь не могъ быть у нея уже потому, что наканунѣ встрѣтился съ нею впервые на урокѣ у Балабиныхъ, а урока въ воскресный день онъ, конечно, не давалъ.

Въ воскресенье, 9-го мая, она не рѣшилась бы пригласить къ себѣ гостей, такъ какъ, въ качествѣ фрейлины, обязательно должна была быть въ праздничный день при дворѣ; да къ тому же и переѣздъ въ Царское Село пришелся бы на тяжелый день—понедѣльникъ.

Въ субботу, 8-го мая, журъ-фиксъ Жуковскаго, Россетъ тѣмъ менѣе могла принять у себя нашихъ трехъ писателей.

Но привели къ ней Гоголя послѣ 5-го мая (день знакомства его съ Пушкинымъ). Стало быть, для двухъ встрѣчъ Гоголя съ Россетъ остаются только 6-ое и 7-ое мая. Значительно менѣе вѣроятія, что онѣ произошли послѣ 10-го мая.

Такимъ образомъ почти безошибочно можно сказать, что съ Пушкинымъ Гоголь въ первый разъ встрѣтился у Плетнева вечеромъ 5-го мая 1831 г., а съ Россетъ въ первый разъ на урокѣ у Балабиныхъ 6-го мая и во второй—у самой Россетъ отъ 7-ми до 9-ти часовъ вечера 7-го мая.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что всѣ эти три встрѣчи были въ Петербургѣ въ первой половинѣ мая 1831 года.

[1]) «Русскій Архивъ» 1871. «Воспоминанія» А. О. Смирновой, стр. 1871.

[2]) Тамъ-же, стр. 1877 и 1878.

[3]) «Записки» Смирновой стр. 49.

Лѣтомъ того-же 1831 года Пушкинъ, Жуковскій и Россетъ, живя всѣ трое въ Царскомъ Селѣ, видѣлись ежедневно [1]) (за исключеніемъ двухъ-трехъ недѣль, когда дворъ былъ въ Петергофѣ); а Гоголь, живя въ Павловскѣ у княгини Васильчиковой въ качествѣ воспитателя ея сына, то и дѣло навѣщалъ ихъ:

«Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ,—писалъ онъ Данилевскому 2-го ноября 1831 г.,—почти каждый вечеръ собирались мы: Пушкинъ, Жуковскій и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ-подъ пера сихъ мужей...» [2]).

В. Авенаріусъ.

---

[1]) «Воспоминанія» Смирновой, стр. 1877.

[2]) Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, 1857, Т. V. (Письма).

Записки Михаила Чайковскаго [1]).

(Мехметъ-Садыкъ паши).

XVIII.

Сраженія подъ Ходечемъ и подъ Липскомъ.—Отступленіе къ Кунову.—Графъ Владиславъ Замойскій и Надвислянскій корпусъ.—Кн. Адамъ Чарторыйскій въ Куновѣ.—Ген. Ридигеръ.—Пріѣздъ Іосифа Залѣсскаго и демократовъ.—Перемиріе.—Свенто-Кржижскія горы.—Переходъ отряда Замойскаго въ Галицію.—Конецъ перемирія.—Эпидемія странствованія.

Война на жизнь и смерть повторяли въ нашемъ полку со словъ Александра Панча, который имѣлъ доступъ къ генералу Шептицкому, часто бесѣдовалъ съ Яномъ Ледоховскимъ и управлялъ, какъ видно, генераломъ С. Ружицкимъ, его штабомъ и всѣмъ нашимъ войскомъ.

Было рѣшено прекратить наше безцѣльное хожденіе взадъ и впередъ и круженіе по стратегическому небосклону Сандомирскаго округа; мы направились къ Вислѣ, выдвинувъ правое крыло къ Ходечу и Яновцу, а лѣвое къ Темницкой пущѣ. Во главѣ отряда шелъ нашъ полкъ, къ которому былъ причисленъ одинъ эскадронъ Литовско-русскаго полка. Полковникъ Богдановичъ простудившись остался при штабѣ, а надъ нами принялъ начальство Карлъ Ружицкій. Всѣ прочіе батальоны, эскадроны и батареи шли въ строгомъ боевомъ порядкѣ, имѣя кавалерію на флангахъ и въ арьергардѣ: каждыя два орудія конвоировались полуэскадрономъ кавалеріи, какъ будто передъ нами былъ непріятель и намъ ежеминутно предстояло вступить съ нимъ въ бой. Лѣвымъ флангомъ коман-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1896 г. декабрь.

довалъ генералъ Шембекъ, правымъ—генералъ Шептицкій, центромъ—генералъ Самуилъ Ружицкій. Янъ Ледоховскій поспѣвалъ всюду, то подлетая къ кучкѣ краковянъ, то подскакивая къ Валерію Велогловскому, который ѣхалъ верхомъ на конѣ, между тѣмъ какъ его супруга, пани Велогловская слѣдовала за нимъ въ экипажѣ.

По словамъ полковника Жадера, всѣ правила, требуемыя тактикою, были такъ прекрасно нами соблюдены, что покажись только русскіе, они были бы разбиты въ пухъ и прахъ. Къ сожалѣнію, ихъ главныя силы не успѣли еще подойти къ Темницкой пущѣ, отъ которой мы сами находились еще въ 30 верстахъ, а гарнизонъ Яновца, состоявшій изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, двухъ эскадронъ драгунъ, одного полка донцовъ и двухъ батарей артиллеріи, не выходилъ изъ мѣстечка и изъ за предмостнаго укрѣпленія; до Яновца оставалось добрыхъ 25 верстъ; поэтому намъ оставалось только идти впередъ, что́ мы и сдѣлали.

Наступившее однообразіе и скука были прерваны слѣдующимъ приключеніемъ: въ прибрежной корчмѣ еврей сообщилъ намъ, что не болѣе какъ за полчаса до нашего прихода донцы напали на какого то важнаго сановника, ѣхавшаго въ огромной крытой бричкѣ, запряженной пятернею, и затащили его въ лѣсъ. Карлъ Ружицкій приказалъ Яну Омецинскому преслѣдовать донцовъ, а Александру Панчѣ—идти вслѣдъ за нимъ съ полуэскадрономъ Литовско-русскаго полка. Казаки Омецинскаго помчались вразсыпную во весъ опоръ, перегоняя другъ друга и какъ гончія стараясь напасть на слѣдъ непріятеля; когда это имъ удавалось, они гикомъ и свистомъ давали о томъ знать другъ другу. Мы преслѣдовали донцовъ энергично, полагая что они захватили князя Адама Чарторыйскаго или, по крайней мѣрѣ, генерала Скржинецкаго. Наконецъ послышалось нѣсколько выстрѣловъ, и вскорѣ Карлу Ружицкому донесли, что бричка съ сановникомъ отбита у донцовъ, при чемъ трое изъ нихъ убито, двое взято въ плѣнъ. Сановникъ, какъ намъ передали, былъ очень испуганъ, такъ какъ донцы порядкомъ потрепали его и, желая развязать ему языкъ, пустили ему немного крови; впрочемъ имъ ничего не удалось вывѣдать у него и они ничѣмъ не воспользовались, такъ какъ сановникъ сохранилъ присутствіе духа и былъ въ состояніи сидѣть въ бричкѣ.

Каково же было наше удивленіе, когда вмѣсто князя Адама Чарторыйскаго или генерала Скржинецкаго мы увидѣли въ бричкѣ Капця Лаговскаго, пріятеля Тадэіа Валевскаго. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и жаловался, говоря: «а я васъ искалъ, гнался за вами, меня послали васъ разыскивать; какая бѣда, у меня все отобрали, но я радъ, что вижу васъ и что вы цѣлы и невредимы; слава Богу; ежели у васъ не хватаетъ чего нибудь съѣстнаго, такъ у меня всего найдется на вашу долю».

Въ глубинѣ брички мы примѣтили его двухъ племянницъ, у которыхъ глазки сверкали какъ звѣздочки.

— Бѣдняжки ѣдутъ изъ Львова,—сказалъ онъ,—я долженъ былъ отвезти ихъ въ Варшаву, куда онѣ стремятся; —всякому свое. У меня найдется горчица и все необходимое, вы не умрете съ голода и жажды; мы дадимъ вамъ всего.

Онъ былъ чрезвычайно радушенъ. Александръ Панча влѣзъ къ нему въ бричку, чтобы переговорить съ Капцей о политикѣ и затѣмъ дать обо всемъ подробный отчетъ генералу Шептицкому.

Мы узнали впослѣдствіи, что Капця былъ посланъ княземъ Мих. Радзивиллomъ Подлужанскимъ и Бердичевскимъ съ порученіемъ узнать, что дѣлается съ нами. Получивъ на дорогу изрядную сумму денегъ, онъ попалъ въ руки донцамъ, которые расправились съ нимъ по-своему, но не истратилъ въ дорогѣ ни гроша. Онъ отправился во Львовъ съ письмомъ отъ Карла Ружицкаго, въ которомъ послѣдній, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, благодарилъ Радзивилла за заботу о насъ, но не входилъ ни въ какія подробности. За то какъ началъ Капця разсказывать о подвигахъ бердичевскаго повстанія, такъ наговорилъ такихъ чудесъ, что бѣда. Плача и рыдая разсказывалъ онъ, что такіе храбрецы какъ мы не имѣли не только одежды и обуви, но и рубахъ, что онъ отдалъ послѣдніе свои сапоги Карлу Ружицкому, который былъ босъ какъ мать родила; этими разсказами онъ до того разжалобилъ Мих. Радзивилла, что тотъ отсчиталъ ему 9.000 червонцевъ на покупку сукна, кожи и холста, прося отвезти все это намъ въ подарокъ отъ него. Капця взялся быть поставщикомъ всѣхъ этихъ предметовъ, но, получивъ деньги, отправился въ Почаевъ и, помолившись за насъ Богу, возвратился домой и купилъ порядочное имѣніе по сосѣдству съ Полѣннымъ, чтобы быть поближе къ своему Тадзіо и вмѣстѣ съ нимъ обсудить, что́ такое патріотизмъ; при этомъ онъ доказывалъ, что если обращаться съ нимъ умѣло, то можно имѣть такой барышъ, какимъ не побрезгалъ бы самъ черниговскій Завиша. Капця, котораго слѣдовало бы повѣсить, пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, его даже хвалили. Тадзіо былъ его закадычнымъ другомъ, а владѣлецъ Мирополья—его искреннимъ поклонникомъ. Въ Краснополѣ молодежь распѣвала псалмы и кантички, сочиненные въ честь Капци—здравомыслящаго патріота.—Подобное отношеніе къ дѣлу было не рѣдкость у поляковъ, поэтому то Польша и прекратила свое существованіе, да и могла ли она существовать съ такими патріотами и съ такимъ патріотизмомъ?

На слѣдующій день утромъ мы подошли къ возвышенности, на которой были расположены Ходечъ и Яновецъ, и стали лагеремъ въ 3 хъ верстахъ отъ Ходеча. На военномъ совѣтѣ, рапортуя о разъѣздахъ, совершенныхъ авангардомъ, Карлъ Ружицій сообщилъ, что въ Темницкой пущѣ показался авангардъ генерала Ридигера, но что корпусъ его находится подъ Яновцемъ и можетъ подойти не ранѣе какъ на слѣдую-

щій день утромъ, поэтому можно было бы не медля атаковать Яновецъ и взять его приступомъ, такъ какъ онъ не укрѣпленъ и не можетъ обороняться. Генералъ Самуилъ Ружицкій имѣлъ въ своемъ распоряженіи 9 батальоновъ хорошо вооруженной пѣхоты, 3 батальона косинеровъ, прибывшихъ изъ-подъ Кракова, 8 орудій и 17 эскадроновъ превосходной кавалеріи. Откомандировавъ часть войска къ Темницкой пущѣ, мы имѣли бы еще достаточное количество боевыхъ силъ для того, чтобы атаковать Яновецъ и взять его приступомъ.

Если бы Яновецъ и мостъ оказались въ нашихъ рукахъ, то это волей неволей вынудило бы Ромарино или, лучше сказать, графа Владислава Замойскаго перейти съ праваго на лѣвый берегъ Вислы, такъ какъ онъ не захотѣлъ бы показать, что ему не хочется болѣе воевать, что съ него довольно. Ежели бы Яновецъ и мостъ были въ нашихъ рукахъ, то Ридигеръ, какъ генералъ опытный и осторожный, не атаковалъ бы насъ; идя изъ Темницкой пущи по ровной, открытой мѣстности, онъ не могъ бы укрыться отъ выстрѣловъ изъ Яновца, а если бы дѣло дошло до сраженія, то его силы неминуемъ превосходили бы наши или были бы почти равны нашимъ; у него было бы только больше пушекъ, но онѣ не имѣли еще въ ту пору того рѣшающаго значенія, какое этотъ родъ орудій пріобрѣлъ въ послѣднюю франко-прусскую войну.

Выслушавъ рапортъ и докладъ Карла Ружицкаго, Янъ Ледоховскій отозвался: «ежели бы не было коннаго форпоста драгунъ, то можно было бы исполнить совѣтъ г. подполковника; теперь же это немыслимо, такъ какъ драгуны произведутъ тревогу, а городомъ можно овладѣть только при внезапномъ, неожиданномъ нападеніи съ нашей стороны».

Карлъ Ружицкій тотчасъ заявилъ, что коннаго форпоста черезъ часъ не будетъ, ежели на то послѣдуетъ приказаніе начальства. Наши солдаты вскочили на коней; первый эскадронъ пошелъ влѣво къ Ходечу, второй—направо къ большой дорогѣ, которая вела на Солецъ; обоимъ эскадронамъ было приказано отрѣзать конному форпосту отступленіе къ Ходечу и къ предмостному укрѣпленію; самъ Карлъ Ружицкій съ третьимъ эскадрономъ пошелъ прямо къ форпосту; эскадронные командиры свѣрили свои часы и должны были разсчитать свои движенія по минутамъ.

Форпостъ былъ занятъ эскадрономъ драгунъ Каргопольскаго полка. У каргопольцевъ, такъ-же какъ у насъ, были бѣлые обшлага на рукавахъ и рыжія лошади, не мудрено, что издали трудно было отличить одинъ полкъ отъ другаго. Карлъ Ружицкій ѣхалъ въ нѣсколькихъ шагахъ передъ эскадрономъ, а возлѣ него полковой адъютантъ Адольфъ Пильховскій; у насъ не было ни авангарда, ни проводниковъ; эскадронъ двигался колоннами по-взводно. Драгунъ, стоявшій на часахъ, видимо не узналъ насъ, принимая за своихъ; Пильховскій хотѣлъ было сбросить его съ лошади, но Ружицкій не допустилъ этого, а, подскочивъ къ драгуну,

закричалъ «не стрѣляй!» Драгунъ стоялъ какъ вкопанный, такъ-же какъ и всѣ солдаты, занимавшіе форпостъ; взглянувъ на часы, Ружицкій скомандовалъ: эскадронъ стройся! Эскадронъ моментально построился, и тутъ только драгуны бросились къ своимъ лошадямъ, начали ихъ взнуздывать и садиться, но въ этотъ моментъ они были окружены со всѣхъ сторонъ нашими тремя эскадронами; нечего было дѣлать, имъ пришлось отдаться въ плѣнъ; ни одному драгуну не удалось ускользнуть, поэтому никто не могъ дать знать о случившемся ни въ Яновецъ ни къ предмостному укрѣпленію. Мы доставили въ главную квартиру цѣлый эскадронъ плѣнныхъ, и наше войско двинулось тотчасъ къ Ходечу, чтобы занять его.

Овладѣвъ Ходечемъ мы не пошли далѣе; главный штабъ занялся изученіемъ окрестностей, а генералы проводили время съ Ледоховскимъ въ пустыхъ разговорахъ о политикѣ, монархіи и Рѣчи Посполитой; быть можетъ они рѣшали также вопросы династическіе и дипломатическіе.

Ходечъ—порядочное мѣстечко, расположенное на болотистыхъ Надвислянскихъ пажитяхъ; чрезъ него пролегалъ большой почтовый трактъ, который шелъ изъ Солецъ въ Яново и далѣе на Варшаву; это шоссе тянулось болѣе чѣмъ съ версту по искусственной насыпи, устроенной на болотѣ, по обѣ стороны котораго до самой Вислы простирались широкія болотистыя пастбища, мѣстами столь топкія, что въ нихъ вязли лошади и люди; миновавъ эту греблю, дорога сворачивала вправо къ Янову; тутъ начинались пахатныя поля, которыя тянулись въ прямомъ направленіи чуть не на 5 верстъ вплоть до темнаго лѣса, носившаго названіе Темницкой пущи. Съ другой стороны, по направленіи къ Сольцамъ, виднѣлся березовый и дубовый лѣсокъ, такъ густо заросшій кустарникомъ, что въ немъ довольно трудно было пробраться, лѣсокъ этотъ тянулся на полверсты; за нимъ начинались двѣ шоссированныя дороги, которыя шли параллельно одна другой отъ Вислы къ Сольцамъ, и большая не шоссированная дорога, пролегавшая по пахатнымъ полямъ по меньшей мѣрѣ верстъ на семь къ небольшому мѣстечку Липску. Близъ Липска, влѣво отъ дороги, по направленію къ Сольцамъ также виднѣлась рощица, тянувшаяся до самаго берега Вислы.

Наши батальоны и эскадроны были готовы выступить ежеминутно, но начальство еще ничего не рѣшило; мы выжидали невѣдомо чего; такимъ образомъ мы простояли до ночи. К. Ружицкій былъ встревоженъ, въ особенности когда наши разъѣзды возвратились съ плѣннымъ донцомъ, сообщившимъ, что корпусъ Ридигера находится уже въ Темницкой пущѣ и подойдетъ на развѣтѣ къ Яновцу; то же подтвердили и два перебѣжчика драгуна, прискакавшіе верхомъ изъ Темницкой пущи; наконецъ до насъ донесся звукъ орудійныхъ выстрѣловъ изъ Яновца, коимъ вторили выстрѣлы изъ пущи; войска переговаривались. Карлъ

Ружицкій отправился къ генералу Самуилу, у котораго собрался военный совѣтъ, и высказалъ свое мнѣніе, что ждать болѣе нечего и что ежели мы не успѣли воспользоваться временемъ, то теперь слѣдуетъ отступить какъ можно поспѣшнѣе, чтобы Ридигеръ не засталъ насъ въ столь постыдной позиціи у Ходеча, гдѣ наше войско, вслѣдствіе невыгодныхъ условій мѣстности, можетъ быть совершенно уничтожено. Въ отвѣтъ на эти слова ему было приказано идти съ нашими тремя эскадронами какъ можно поспѣшнѣе къ Сольцу, прогнать оттуда непріятеля, ежели бы таковой тамъ оказался, и занять это мѣстечко, къ которому все остальное войско должно было отступить, чтобы не удаляться отъ береговъ Вислы, такъ какъ намъ было уже достовѣрно извѣстно, что къ рѣкѣ направляются гр. Владиславъ Замойскій и Ромарино съ своимъ превосходнымъ корпусомъ.

Такимъ образомъ мы двинулись къ Сольцу, гдѣ не нашли непріятеля, но намъ сказали, что нѣсколько дней тому назадъ въ это мѣстечко пріѣзжали за солью человѣкъ 20 драгунъ изъ команды Флоріана Ржевусскаго. Желая накормить людей и попасти лошадей, мы сдѣлали привалъ у той самой риги, гдѣ останавливались нѣсколько недѣль тому назадъ. Лишь только закатилось солнце, со стороны Ходеча донеслись выстрѣлы; хотя они были слышны довольно неявственно, но все же можно было различить, что стрѣляли изъ орудій. Всякій другой начальникъ спокойно остался бы въ Сольцѣ въ ожиданіи главныхъ силъ, какъ ему было приказано, но К. Ружицкій велѣлъ сѣсть намъ на коней, и мы тотчасъ двинулись обратно къ Ходечу по шоссе; чѣмъ ближе подходили мы къ мѣстечку, тѣмъ лучше и явственнѣе слышны были выстрѣлы. Мы шли на рысяхъ; не доѣзжая лѣса встрѣтили нѣсколько всадниковъ, которые мчались во весь опоръ, крича:

— Все пропало, разбиты, взяты въ плѣнъ, ничего не уцѣлѣло.

Влѣво мы увидѣли нѣсколько колоннъ кавалеріи, которая шла въ галопъ, убѣгая отъ непріятеля; нашимъ взорамъ представилось ужасное зрѣлище: тутъ виднѣлась кучка пѣхоты, тамъ—отдѣльные всадники, здѣсь брошеныя орудія, повозки, экипажи; сидѣли ли въ нихъ генералы, этого намъ не было видно, наконецъ мы увидѣли Яна Ледоховскаго съ Самуиломъ Ружицкимъ; возлѣ нихъ ѣхало два адъютанта и эскадронъ кракусовъ, окружавшій ихъ со всѣхъ сторонъ.

Генералъ С. Ружицкій обратился съ нѣсколькими словами къ Карлу Ружицкому, но они не выражали ни приказанія, ни вопроса; онъ произнесъ только: «сраженіе проиграно; если мы проберемся въ лѣсъ, то намъ удастся кое-что спасти».

К. Ружицкій тотчасъ сказалъ, обращаясь къ адъютантамъ, что онъ постарается задержать преслѣдованіе непріятеля, чтобы дать войску возможность собраться у Липска, и попросилъ ихъ прислать намъ ору-

дія и кавалерію, которыя дадутъ войску время оправиться и собраться съ силами. Эти дѣльные два офицера и поляка стоили болѣе чѣмъ 10 главныхъ штабовъ вмѣстѣ взятыхъ; горячо, con amore, взялись они исполнить распоряженіе К. Ружицкаго.

Построившись по полуэскадронно мы двинулись къ лѣсу. По пути намъ то и дѣло попадались наши кавалеристы, мчавшіеся во весь опоръ, несмотря то, что ихъ никто не преслѣдовалъ; у самаго лѣса мы увидѣли драгунъ, выходившихъ на дорогу. Не допустивъ ихъ выѣхать изъ лѣса, первый полуэскадронъ атаковалъ ихъ, оттѣснилъ обратно въ лѣсъ и, зайдя намъ въ тылъ, выстроился въ хвостѣ колонны. Драгуны оправившись пытались неоднократно выѣхать изъ лѣса, но наши полуэскадроны, атакуя ихъ одинъ за другимъ, то и дѣло оттѣсняли ихъ обратно. Сраженіе продолжалось болѣе двухъ часовъ, пока не подошла русская пѣхота, служившая признакомъ того, что скоро подойдетъ и весь корпусъ.

Адъютантъ Тадеушъ Горайнъ привелъ намъ наконецъ четыре орудія. Тогда мы начали отступленіе тремя эскадронами, въ шахматномъ порядкѣ (тогда этотъ маневръ еще практиковался). При каждой линіи было по два орудія; у непріятеля было болѣе десяти эскадроновъ и орудій гораздо больше, чѣмъ у насъ.

Возвращаюсь къ началу этого злополучнаго дня и передаю то, что намъ разсказали. Совѣщавшіеся генералы и штабъ дождались разсвѣта, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій касательно отступленій. Когда со стороны Темницкой пущи показалась масса донцовъ, а за ними эскадронъ драгунъ, то генералъ С. Ружицкій выслалъ за гребню одинъ эскадронъ Литовско-русскаго полка, два батальона Литовско-волынскаго полка, два батальона Подлѣсскихъ стрѣлковъ и четыре орудія, которыя должны были прикрывать отступленіе. Во главѣ отряда былъ поставленъ эскадронъ Литовско-русскаго полка, съ приказаніемъ не трогаться съ мѣста хотя бы пришлось умереть всѣмъ до послѣдняго человѣка.

Этотъ эскадронъ всю ночь пировалъ, угощаясь тѣми снадобьями, которыя были ему доставлены Капцей; люди не выспались, при томъ эскадронъ былъ распущенъ и по польскому обыкновенію былъ не прочь посмѣяться надъ своимъ начальствомъ. Солдаты смѣялись изъ-подтишка надъ наружностью генерала С. Ружицкаго, и Александръ Панча, стоя передъ фронтомъ эскадрона, передразнивалъ походку и манеры генерала въ тотъ самый моментъ, когда гранаты русской артиллеріи начали вырывать изъ его рядовъ людей и лошадей. Девять человѣкъ свалилось замертво съ лошадей, а нѣсколько солдатъ спѣшилось вслѣдствіе того, что подъ ними были убиты лошади; а Панча все еще говорилъ, передразнивая генерала:

— Стоять на мѣстѣ и умереть всѣмъ до послѣдняго человѣка, а

чтобы не умереть... продолжалъ онъ повертывая свою лошадь въ полъ оборота къ фронту,—но въ этотъ моментъ граната вырвала изъ эскадрона нѣсколько новыхъ жертвъ, и русская кавалерія понеслась на него въ галопъ.

Молодежь Литовско-русскаго полка дрогнула, повернулась и обратилась въ бѣгство; налетѣвъ на свою пѣхоту она смяла ее прежде, чѣмъ подоспѣли драгуны, которые, не догнавъ конницы, рубили пѣхоту и забирали ее въ плѣнъ; спаслось можетъ быть человѣкъ двадцать — не болѣе. Цѣлыхъ два батальона этого прекраснаго войска съ полковникомъ Квятковскимъ были взяты въ плѣнъ; было также довольно много убитыхъ и тяжело раненыхъ. Досталось и пѣшимъ егерямъ Сандомірскаго полка, но они стояли ближе къ лѣсу, поэтому успѣли скрыться. Колонна, шедшая во главѣ отряда егерей, начала отступать, не имѣя на то никакого приказанія; объятая паническимъ страхомъ она бѣжала въ лѣсъ и по лѣсу далѣе. Подполковникъ Хмѣлевскій, съ семью эскадронами, составлявшими авангардъ, взявъ съ собою чуть не весь штабъ, ушелъ такъ далеко, что его разыскали только на четвертый день. Нельзя винить старика, ему не было указано сборнаго пункта, а штабные убѣждали его вернуться къ мѣсту нашихъ прежнихъ странствованій.

Пѣхота не успѣла уйти вслѣдъ за кавалеріей, поэтому ее нашли на поляхъ между Ходечемъ и Липскимъ, такъ же какъ и остальную кавалерію и артиллерію.

Генералъ Самуилъ Ружицкій дѣятельно старался собрать разстроенные полки и построить ихъ; подходя къ Липску мы увидѣли, что они были построены въ боевой порядокъ возлѣ самаго города.

Ежели бы генералъ Ридигеръ, овладѣвъ городомъ, вздумалъ напасть на насъ, то генералъ С. Ружицкій очевидно намѣревался пройти черезъ городъ и дать сраженіе на возвышенности, по ту сторону Липска. Генералъ Ридигеръ имѣлъ 9 батальновъ пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 3 полка донцовъ и 32 орудія. Не считая превосходства артиллеріи, въ битвѣ подъ Ходечемъ его силы были равны нашимъ, а подъ Липскимъ немного превосходили ихъ.

Артиллеріи нашего отряда и Подлѣсской конницѣ было приказано пройти на рысяхъ черезъ мѣстечко и занять позицію по ту сторону Липска. Мы прошли черезъ городъ двумя путями: второй и третій эскадроны съ артиллеріей обошли мѣстечко слѣва, а Подлѣсская конница и нашъ первый эскадронъ пошли прямо черезъ городъ; голова нашей колонны подходила уже въ городской площади, когда мимо насъ проскакалъ Корженевскій, безъ шапки, съ развѣвавшимися волосами, крича со слезами на глазахъ: «у меня отбили орудія».

Услыхавъ этотъ вопль, наши солдаты, ѣхавшіе по шесть человѣкъ въ рядъ, не ожидая команды, повернули обратно, построившись по три

въ рядъ, выѣхали на шоссе, напали на русскихъ и отбили у нихъ захваченныя ими орудія; все это совершилось въ теченіе 2 или 3 минутъ; въ это время наше правое крыло уже было смято, и лѣсокъ былъ отрѣзанъ отъ города непріятелемъ.

Нашъ эскадронъ очутился на шоссе, рядомъ съ двумя эскадронами Подлѣсской конницы, съ которыми былъ только одинъ офицеръ, поручикъ Иловецкій.

На требованіе К. Ружицкаго, чтобы конница шла въ мѣстечко, солдаты кричали:

— Не пойдемъ! пусть господинъ полковникъ дастъ намъ офицеровъ—волынцевъ, тогда мы будемъ такъ же стойки какъ они и такъ же храбро будемъ сражаться.

Во главѣ этихъ двухъ эскадроновъ были поставлены наши унтеръ-офицеры; послѣ того, эти превосходные кавалеристы все время сражались съ нами, не отступая отъ насъ ни на шагъ. У насъ было убито картечью 6 человѣкъ солдатъ и 9 лошадей, а у нихъ 9 человѣкъ солдатъ и столько же лошадей.

Битва подъ Ходечемъ стоила нашему войску до 3-хъ тысячъ человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ; сраженіе подъ Липскомъ окончилось также весьма печально, хотя у насъ было убито всего человѣкъ 20, за то наше войско, исключая кавалеріи, было совершенно разстроено матеріально и нравственно, а что еще хуже, потеряло всякую вѣру въ своихъ генераловъ.

О Сандомірскомъ Липскѣ можно сказать то же, что о Липскѣ Саксонскомъ [1]): поляки потеряли подъ нимъ все, кромѣ военной чести. Къ счастью тутъ не было Эльстера; иначе наши генералы также утонули бы въ немъ; ручеекъ, протекавшій возлѣ Липска, хоть и носилъ названіе рѣчки, но былъ такъ мелокъ, что и курица могла бы перейти его въ бродъ.

К. Ружицкій, мнѣніе котораго я привожу, никакъ не могъ понять, почему мы не остались на своихъ позиціяхъ, когда Ридигеръ, послѣ одержанной имъ побѣды, каковой дѣйствительно было описанное сраженіе, не вытѣснилъ насъ изъ этихъ позицій и болѣе не тревожилъ насъ. Онъ вернулся въ Яновецъ съ намѣреніемъ слѣдить за переправой войскъ графа Владислава Замойскаго, котораго слабо преслѣдовалъ корпусъ генерала Розена, слѣдившій за нимъ на разстояніи двухдневнаго перехода; видимо Розенъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вступать въ битву съ польскими войсками и сопровождалъ ихъ, идя какъ бы церемоніальнымъ маршемъ, самъ не зная куда, точно такъ же какъ и графъ Замойскій врядъ ли зналъ куда онъ идетъ. Ежели бы мы были недалеко отъ Вислы въ то время, когда генералъ Завадскій овладѣлъ предмост-

[1]) Т. е. о Лейпцигѣ; по-славянски Липскъ. В. Т.

нымъ укрѣпленіемъ на правомъ берегу рѣки, то это укрѣпленіе могло бы очутиться въ нашихъ рукахъ, что измѣнило бы, вѣроятно, весь дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій.

Ридигеръ, командовавшій 25-ю тысячнымъ корпусомъ, не могъ ожидать присылки войскъ съ лѣваго берега Вислы, такъ какъ генералъ Кноррингъ, имѣвшій подъ командою не болѣе 15 тысячъ солдатъ, былъ занятъ въ Калишскомъ воеводствѣ, не могъ удаляться отъ коммуникаціонной линіи съ главными силами арміи и, во всякомъ случаѣ, побоялся бы подвергнуть свой отрядъ опасности фланговаго движенія, имѣя въ виду сильные резервы, коими мы располагали, какъ ему было извѣстно, въ Краковскомъ воеводствѣ; къ тому же онъ былъ, вѣроятно, болѣе высокаго мнѣнія о военныхъ способностяхъ нашихъ генераловъ. Когда всѣ боевыя силы русскихъ были сосредоточены, по приказанію фельдмаршала Паскевича, на правомъ берегу Вислы, то они могли располагать для дальнѣйшихъ дѣйствій только корпусомъ генерала Розена, численностью въ 20 тысячъ, и корпусомъ генерала Кайсарова, такой же численности, который былъ занятъ блокадою Замостья. Ротъ не переходилъ со своимъ корпусомъ Буга, и его полки были такъ растянуты эшелонами, что ему потребовалось бы не менѣе двухъ недѣль для того, чтобы стянуть свои силы. При подобныхъ обстоятельствахъ, движеніе генерала С. Ружицкаго въ противуположную сторону отъ Вислы и поспѣшное отступленіе графа Владислава Замойскаго, между двумя русскими корпусами (Розена и Кайсарова), было совершено необъяснимо для поляковъ, такъ какъ это давало полную свободу дѣйствій генералу Ридигеру.

У насъ съ самаго начала, со времени славнаго диктатора Хлопицкаго относились очень странно къ полякамъ, которые спѣшили стать подъ польскія знамена; позволю себѣ привести слѣдующій примѣръ:

Іосифъ Цыхоцкій изъ Украйны служилъ въ военно-поселенныхъ уланахъ и былъ адъютантомъ генерала Сакена. Увлекшись Валленродомъ Мицкевича онъ явился добровольно въ Августовъ, гдѣ стояло польское войско, и передалъ полякамъ весь эскадронъ, съ коимъ былъ посланъ на рекогносцировку. Разумѣется этотъ поступокъ въ глазахъ русскаго военнаго начальства и русскаго правительства заслуживалъ строгаго наказанія; совсѣмъ иначе должны были взглянуть на него и отнестись къ этому поляки. Однако, при опредѣленіи Цыхоцкаго на службу встрѣтились затрудненія; бывшій поручикъ и адъютантъ русской службы только подъ конецъ войны былъ зачисленъ поручикомъ же запаса въ 3-й уланскій полкъ. Такъ же поступали и со многими другими.

За то одного штандартъ-юнкера русскаго пѣхотнаго полка, Карла Неймана, взятаго въ плѣнъ подъ Калушинымъ, который при этомъ отчаянно защищался и былъ завзятымъ врагомъ Польши, зачислили,

почти что противъ его желанія, въ полкъ мазуръ, потому что онъ былъ сыномъ славившейся нѣкогда своею красотою пани Нейманъ и пользовался покровительствомъ князей Любомірскихъ. Таковъ былъ политическій смыслъ тѣхъ лицъ, которыя руководили польскимъ дѣломъ.

Русскіе прекрасно знали это; имъ также было извѣстно, до какой степени доходила бездарность польскихъ генераловъ, и они всѣмъ этимъ пользовались.

Уже будучи эмигрантомъ, я слышалъ отъ полковника Щепановскаго, который до поступленія въ ряды польскаго войска состоялъ въ штабѣ фельдмаршала Паскевича, что когда генералы Данненбергъ и Бергъ стали доказывать фельдмаршалу, что было бы слишкомъ смѣло и рискованно переправиться черезъ Вислу у Влоцлавска, когда ихъ войска находились одинъ отъ другаго на разстояніи одного или двухдневнаго перехода и имѣли на флангѣ непріятеля, съ многочисленной и превосходной кавалеріей, который находился притомъ въ своемъ собственномъ родномъ краѣ, то фельдмаршалъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Во время войны надобно считаться не только съ войскомъ и мѣстностью, но и съ людьми, командующими этимъ войскомъ. Я знаю польскихъ генераловъ. Они начнутъ другъ другу уступать, предоставляя одинъ другому идти впередъ; они будутъ спрягать на всѣ лады: «я не пойду—иди ты, пускай онъ идетъ; мы не пойдемъ—идите вы, пускай они идутъ, и ни одинъ не двинется съ мѣста».

Такъ оно и вышло. Щепановскій оставилъ ряды русскаго войска, чтобы довести этотъ отзывъ до свѣдѣнія польскихъ генераловъ. Они выслушали его со смѣхомъ, стали спрягать свой излюбленный глаголъ и даже не воспользовались совѣтомъ Щепановскаго.

Между тѣмъ въ числѣ этихъ генераловъ были не одни Любенскіе и Хржановскіе; между ними былъ и Генрихъ Дембинскій и Вен. Видочный, но видно Богъ послалъ какое-то затменіе на умъ поляковъ въ наказаніе за ихъ великій грѣхъ передъ славянствомъ и передъ здравымъ смысломъ, ибо, не говоря уже о Хржановскомъ, который не пошелъ къ Нежибу (Nezyb) такъ же какъ и на Волынь, а подъ Новарой (Nowara) отличился хуже, нежели подъ Замостьемъ, но и Генрихъ Дембинскій и неустрашимый Бемъ, которые такъ храбро и доблестно сражались за братушекъ-венгерцевъ, не могли постоять за польское дѣло; видно, у нихъ не хватило на то ума, ибо въ желаніи, конечно, не было недостатка; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Наше дѣло было неправое, поэтому Господь и покаралъ насъ. Ударимъ же себя въ перси и скажемъ: «это наша вина, наша великая вина» и выйдемъ на путь истины. Вернемся къ славянству, отъ котораго намъ никогда не слѣдовало уклоняться. 1831 годъ долженъ послужить намъ урокомъ; въ

нашихъ рукахъ было все, и мы все потеряли, такъ какъ наше дѣло было неправое.

Въ Ковнѣ къ намъ пріѣзжали два польскихъ дѣятеля: первымъ пріѣхалъ князь Адамъ Чарторыйскій. Генералы, войско, мѣстныя власти и жители Ковна, всѣ до единаго высыпали на встрѣчу этому отцу польскаго дѣла. Янъ Ледоховскій, не желая оставаться въ одиночествѣ, также пошелъ ему на встрѣчу. Мы привѣтствовали его какъ Адама I, какъ намъ хотѣлось привѣтствовать его въ Варшавѣ, возложивъ на его Ягеллоновскую голову вѣнецъ — не терновый, а вѣнецъ Ягеллоновъ. Но судьба рѣшила иначе, потому что мы погрѣшили передъ славянствомъ, которому этотъ вельможа одинъ изъ первыхъ протянулъ руку, пробудивъ его отъ летаргическаго сна. Этотъ славянскій князь привѣтствовалъ отъ чистаго сердца славянскихъ воиновъ, разспрашивалъ каждаго объ его отцѣ, матери, родныхъ, каждаго зналъ по фамиліи. Какъ славянинъ, онъ тронулъ до глубины души славянскую шляхту. Изъ исторіи онъ зналъ, чѣмъ была эта шляхта для великаго Іереміи, для Константина Острожскаго и для Романа; тѣмъ же была бы она и для него, Адама, если бы онъ могъ опереться на нее; Адамъ сидѣлъ бы на польскомъ престолѣ подобно Михаилу, избраніе котораго было сердечнымъ желаніемъ и дѣломъ русской шляхты. Если бы онъ пошелъ съ нами до Вислы, къ Завихвосту, то можетъ быть этотъ кандидатъ на польскій престолъ оставилъ бы свои козни и сталъ бы, какъ это и подобало великому шляхтичу, дѣйствовать за-одно съ дядей и былъ бы для него тѣмъ, чѣмъ былъ Янъ Замойскій для Стефана Баторія. Но онъ не пошелъ съ нами, и мы не были даже посланы туда; въ Завихвостъ двинулось только 14 эскадроновъ кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Каменскаго, и 2 орудія изъ батареи Карла Качеповскаго, а князь Адамъ Чарторыйскій уѣхалъ въ Краковъ.

Два дня спустя пріѣхалъ бывшій командующій войсками Скржинецкій; на встрѣчу ему вышелъ только нашъ полкъ съ Самуиломъ и Карломъ Ружицкими. Встрѣча была сердечная, даже трогательная; почтенный генералъ С. Ружицкій плакалъ. Волынцы и Карлъ Ружицкій преклонились передъ этимъ генераломъ, этимъ единственнымъ полякомъ, который насъ понялъ и оцѣнилъ. Невольно приходило на умъ, какъ мы и говорили другъ другу: «не лучше ли было бы имѣть его Яномъ IV, чѣмъ лишиться его и самимъ погибнуть?» Карлъ Ружицкій, повинуясь влеченію сердца, просилъ, умолялъ нашего бывшаго главнокомандующаго принять вновь начальство надъ войскомъ, увѣряя его, что оно пойдетъ за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ его, и съумѣетъ постоять за себя. Но генералъ Скржинецкій сомнѣвался въ полякахъ, сомнѣвался въ самомъ себѣ, и это неудивительно. Онъ говорилъ: «я потерялъ всякую вѣру въ дѣло. Я лучше погибъ бы, нежели перейти

границу Польши съ войскомъ; я удаляюсь для того, чтобы не служить предметомъ несогласія и раздоровъ; такъ какъ мною были недовольны, то, можетъ быть, безъ меня будетъ лучше; предоставляю всѣмъ и каждому полную свободу дѣйствій; я не хочу быть помѣхою, ибо увѣренъ, что при отсутствіи единодушія самое великое дѣло можетъ погибнуть, тогда какъ при единодушіи и согласіи даже ничтожное дѣло принесетъ обильные плоды».

Такъ говорилъ этотъ главнокомандующій передъ фронтомъ Волынцевъ-казаковъ, которыхъ онъ не далъ переформировать въ егерей, какъ того желалъ Хржановскій и благодаря которому мы сохранили свое имя, свою боевую славу, свой родной кошъ и своихъ командировъ. Честь и слава ему за то во вѣки на Украйнѣ.

Онъ также уѣхалъ въ Краковъ.

Въ тотъ же день подъ вечеръ понаѣхала изъ Варшавы всякая голытьба, всевозможные прощалыги — кто въ экипажѣ, кто верхомъ. Во главѣ ихъ пріѣхалъ полковникъ Іосифъ Залѣсскій, присланный Крюковскимъ, начальникомъ штаба генерала С. Ружицкаго. Оборванные, ободранные, полупьяные, ввалились они въ главную квартиру генерала Ружицкаго какъ въ шинокъ и братались съ посломъ и сенаторомъ Яномъ Ледоховскимъ, крича: «Ясь, Янъ, наша взяла!»

Гордость Яна Ледоховскаго была возмущена этимъ, но онъ подавилъ ее, ибо сознавалъ, что, дѣйствуя подъ вліяніемъ честолюбія, онъ сдѣлался ихъ сообщникомъ; онъ молчалъ и слушалъ ихъ возгласы: «Ясь, Янку, наша взяла!»

Онъ слушалъ ихъ какъ умирающій прислушивается къ звону колокола, который возвѣститъ скоро о его кончинѣ. Потребовали венгерскаго. Вино было подано.

— Да здравствуетъ Крюковецкій, нашъ диктаторъ, кричали они.

— Да здравствуетъ прелатъ Пулавскій, будущій примасъ.

— Да здравствуетъ Кремповецкій, дай намъ Богъ подобно ему искупаться въ крови.

— Да здравствуетъ Янъ Чинскій, всѣ писатели, ораторы и врачи-демократы.

— Что же они не сорвали голову старику Адаму, чтобы онъ пересталъ мечтать о коронѣ?

— Что они не повѣсили Скржинецкаго на первой осинѣ, чтобы онъ не льнулъ къ важнымъ барамъ и дворянамъ?

— Тотъ, кто пуститъ пулю въ лобъ Замойскому, будетъ святымъ въ глазахъ польской черни. Идемъ, братцы,—на охотника!

— Мы вамъ покажемъ, намъ надо воевать!

На городской площади поднялся такой крикъ и шумъ, какъ будто всѣ варшавскія торговки сбѣжались въ Куново и изъ Краковскаго пред-

мѣстья и изъ Почаева. Меня особенно удивляло то обстоятельство, что кромѣ литвиновъ и русиновъ всѣ поляки, въ особенности краковяне и мазуры, такъ и льнули къ этой голытьбѣ, къ этимъ демократамъ, разгуливали съ ними рука объ руку и пировали въ корчмахъ. Даже панъ Валерій Велогловскій братался съ ними, кажется раздавалъ имъ образки, а можетъ быть и утверждалъ ихъ въ правилахъ католической вѣры— довольно того,что онъ съ ними братался.

Мы расположились бивуакомъ за городомъ и намъ до того было противно смотрѣть на безобразничанье варшавской голытьбы въ Куновѣ, что ни одинъ изъ нашихъ солдатъ не пошелъ въ городъ, безъ всякаго съ нашей стороны на то приказанія или запрещенія.

Возлѣ нашего бивуака, на небольшомъ холмикѣ сидѣлъ одинъ одинешенекъ Анастасій Подгурскій, владѣлецъ многихъ помѣстій, у котораго въ сундукахъ было накоплено изрядное количество золота и серебра, но который бросилъ все свое имущество, чтобы сражаться за отечество. На циркулярѣ, коимъ правительство приглашало помѣщиковъ принять на себя поставку воловъ и ячменя, онъ написанъ собственноручно:

Woly i jeczmien mam
Ale Rossianam nie dam [1]).

Ставъ такимъ образомъ поэтомъ, онъ примкнулъ къ возстанію и служилъ отечеству, будучи зачисленъ подпоручикомъ, или поручикомъ въ Литовско-русскій полкъ; поручичье жалованье и чалая лошадь съ сѣдиною сославляли теперь все его имущество. Онъ сидѣлъ на пригоркѣ, подводя итогъ своимъ деньгамъ и бормоталъ про себя:

— Отчизна, отчизна, до чего ты меня довела! Было у меня вдоволь земли, были коровы, лошади и деньги, былъ помѣщичій домъ, жонка и дѣти, а теперь у меня ничего нѣтъ; отчизна, отчизна, что ты со мною сдѣлала; хоть бы тебя вовсе не было, хоть бы ты давно погибла!

Такъ жаловался украинецъ на свою Украйну.

Наша стоянка на бивуакѣ ознаменовалась слѣдующими двумя происшествіями.

Нѣсколько дней передъ тѣмъ сынъ покойнаго полковника Сандомірскаго полка Кашъ (Kasz) записался въ казаки на томъ основаніи, что его мать была уроженка г. Кіева. Юношѣ едва минуло 16 лѣтъ. Подъ Липскомъ онъ сбился съ дороги, не могъ найти своего полка и заѣхалъ домой къ матери, жившей неподалеку оттуда. Мать связала его веревками (онъ былъ одного роста съ нею) и привезла въ лагерь подъ охраною двухъ дюжихъ парней; она плакала, рвала себѣ волосы на головѣ горюя о безчестіи, которое падетъ за это на весь родъ Кашей и о томъ,

[1]) Волы и ячмень у меня есть, но русскимъ я ихъ не дамъ.

что̀ долженъ чувствовать ея покойный мужъ, полковникъ, видя поступокъ сына и позоръ, коимъ онъ себя покрылъ. Мать настаивала на томъ, чтобы сына разстрѣляли, повторяя: «это дезертирство передъ непріятелемъ», бѣдная я мать, бѣдная полька; въ то же время она обнимала и цѣловала сына. Едва успокоили мы ее обѣщаніемъ, что для ея сына будетъ большимъ наказаніемъ, если мы пошлемъ его въ сраженія, гдѣ онъ можетъ быть убитъ. Мать уѣхала, успокоившись, а юноша оправдался въ глазахъ начальства, до конца войны служилъ въ полку и былъ все время на хорошемъ счету. Вотъ каковы польки! ими только и держится Польша; какъ было бы хорошо, если бы поляки походили на нихъ!

А вотъ другой случай:

Подпоручикъ нашей кавалеріи, Титъ Шаржинскій, будучи тяжело раненъ, былъ оставленъ на излеченіе у одного мѣстнаго жителя въ окрестностяхъ Ильжи. Русскіе, овладѣвъ этой мѣстностью послѣ бытвы подъ Липскомъ, взяли въ плѣнъ нашего офицера, и Флоріанъ Ржевусскій препроводилъ его при рапротѣ и подъ сильнымъ конвоемъ къ генералу Ридигеру. Русскій генералъ долго бесѣдовалъ съ Шаржинскимъ, приказалъ отвести ему помѣщеніе въ томъ домѣ, гдѣ находилась его собственная квартира, позаботился о томъ, чтобы ему были доставлены всевозможныя удобства и приглашалъ его къ своему столу, заявивъ что нельзя отнестись иначе къ офицеру, принадлежавшему къ такому доблестному полку, каковъ былъ нашъ полкъ, что онъ отдаетъ этимъ должную честь военной храбрости и отвагѣ. Когда доктора объявили, что рана Шаржинскаго зажила, то генералъ пришелъ къ нему.

— Вы не военно-плѣнный, сказалъ онъ, вы взяты не на полѣ битвы, а въ домѣ, гдѣ васъ пріютили, вы были моимъ гостемъ, а теперь можете возвратиться въ свой полкъ, если желаете.

Шаржинскій отъ души поблагодарилъ генерала, и былъ отправленъ въ Куново въ экипажѣ Ридигера, въ сопровожденіи его адъютанта и съ такимъ запасомъ всевозможныхъ лакомствъ, что и мы попировали на счетъ генерала.

Тогда еще не существовало женевскихъ походныхъ госпиталей и женевской конвенціи о раненыхъ, но русскій генералъ былъ великодушенъ.

Въ турецкую войну Мих. Грудзинскій служилъ подъ начальствомъ Ридигера, который цѣнилъ его какъ храбраго и дѣльнаго офицера. Мы были въ Куновѣ, когда начали поговаривать о переміи, и генералъ Ридигеръ увѣдомилъ насъ о томъ чрезъ парламентера. Не знаю, для разъясненія какого именно вопроса Самуилъ Ружицкій послалъ къ Ридигеру парламентерами Мих. Грудзинскаго и Тадеуша Горайна, несмотря на всѣ доводы К. Ружицкаго, который доказывалъ, что это могло быть при-

нято генераломъ за оскорбленіе и ставило Грудзинскаго въ неловкое положеніе; всѣ убѣжденія были напрасны, надобно было исполнить приказаніе, ибо такова была воля начальства.

Ридигеръ принялъ Грудзинскаго весьма любезно, узналъ его, припомнилъ прежнія боевыя дѣла, заговорилъ объего столкновеніи съ Флоріаномъ Ржевусскимъ и, подавая ему руку, сказалъ:

— Въ моихъ глазахъ вы правы—вы полякъ. Никто такъ не скорбитъ о бѣдствіяхъ этой войны какъ я; каждый порядочный русскій человѣкъ, каждый преданный слуга царя долженъ скорбѣть о розни, существующей между поляками и русскими, тогда какъ ихъ единеніе было бы залогомъ счастья для обоихъ народовъ. Если бы поляки дѣйствовали за-одно съ русскими, то они сдѣлались бы истинными властителями міра, могли бы обезпечить счастье другихъ народовъ и заслужить ихъ благодарность.

Генералъ Ридигеръ согласился на всѣ предложенія генерала Самуила Ружицкаго, такъ что это даже раздражило Яна Ледоховскаго, который говорилъ:

— Онъ хочетъ подкупить насъ.

А ватага демократовъ, которые уже пристали къ пану Ледоховскому, такъ какъ онъ хорошо ихъ кормилъ и поилъ, кричала:

— Пока свѣтъ стоитъ, русскій не будетъ братомъ поляку!

Громче всѣхъ оралъ Іосифъ Залѣсскій (о немъ никакъ нельзя сказать, что онъ говорилъ или кричалъ).

Дѣйствительно, было заключено перемиріе. Пограничной линіей со стороны Свенто-Кржижскихъ горъ была принята рѣчка Каменная, и намъ было приказано отступить за нее.

Насъ послали въ Новую Слупю. Полковой штабъ, два нашихъ эскадрона и одинъ эскадронъ Литовско-русскаго полка остались въ самомъ городѣ, подъ командою К. Ружицкаго, а первый эскадронъ съ маіоромъ Дуниным пошелъ въ деревеньку, лежавшую въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда, у самой подошвы Свенто-Кржижскихъ горъ, гдѣ находился знаменитый костелъ святаго Креста, куда стекалась масса богомольцевъ изъ Краковскаго, Сандомірскаго и Калишскаго округовъ и даже изъ самой Варшавы. Эта деревня принадлежала какому-то отставному маіору Гавронскому, который спрятался отъ насъ въ Свенто-Кржижскія горы, должно быть въ монастырь. Причина была слѣдующая: Омецинскій, пріѣхавъ въ это село и осматривая, въ качествѣ квартирмейстера, всѣ дома, увидѣлъ нечаянно въ одномъ подвалѣ нѣсколько лошадей съ выжженнымъ на нихъ клеймомъ Z, которыя принадлежали нашему войску и не были сданы помѣщикомъ; Омецинскій такъ напугалъ молодую жену Гавронскаго, двухъ его сестеръ и старую тетку, наговоривъ имъ, что это такое страшное преступленіе, за которое виновнаго немедленно

разстрѣливаютъ, что когда онѣ передали его слова хозяину дома, то онъ даже не показался Омецинскому, а схвативъ трость и шляпу, отправился въ монастырь молиться Богу, да оттуда и не вернулся, должно быть замолился или загулялъ съ монахами; намъ было безъ него очень весело съ молодыми барышнями; онѣ оказались прелестныя варшавянки, а старикъ Дунинъ игралъ съ тетушкой въ марьяжъ, какъ будто они и въ самомъ дѣлѣ были супруги.

Мы устроились отлично. У насъ были всѣ удобства; по-близости отъ того села, гдѣ мы стояли, находилось имѣніе графини Веловѣйской; къ ней съѣхалась изъ Кракова масса барынь и барышень, съ которыми мы познакомились, и къ намъ часто стали пріѣзжать офицеры нашего полка, чтобы потанцовать и повеселиться.

Офицеры перваго эскадрона, веселясь въ прелестномъ имѣніи пани Веловѣйской, не забывали также очаровательнаго пріюта пани Гавронской, прозваннаго нами раемъ. Желая быть поближе къ Богу, мы поѣхали однажды всей компаніей въ Свенто-Кржижскія горы, гдѣ по случаю церемоніи отпущенія грѣховъ находилась въ то время масса богомольцевъ; тутъ были на лицо въ полной парадной формѣ всѣ офицеры и унтеръ-офицеры католики, стоявшіе гарнизономъ въ Новой Слупѣ; они горячо молились, прося Господа Бога о спасеніи Польши. Пани Гавронская показала намъ украдкою на своего пожилаго мужа, который въ монашескомъ одѣяніи съ зажженной свѣчею въ рукахъ распѣвалъ: Ave Maria и Sub tuum praesidium. Жена знаками дала ему знать, что его никто не узналъ, и онъ простодушно поблагодарилъ Бога и свою вѣрную жену за то, что она устроила все такъ, что его даже не разъискивали.

Младшіе офицеры корпуса графа Владислава Замойскаго или Ромарино привезли въ Новую Слупю прискорбную вѣсть, что планъ переправы у Завихвоста не былъ одобренъ, несмотря на то что дѣятельный предсѣдатель суда Танушевичъ доставилъ для этой цѣли 200 лодокъ для перевозки пѣхоты и артиллеріи и позаботился разставить вѣхи для кавалеріи въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ бродъ. Въ Завихвостѣ находился Каменскій съ кавалеріей и орудіями; со стороны Солецъ не только не было слышно о Ридигерѣ, но даже Флоріанъ Ржевусскій ушелъ куда-то въ лѣса; только у Ополья донскіе казаки преслѣдовали уланъ, которые видимо хотѣли скрыться. Розенъ шелъ со своимъ корпусомъ очень лѣниво, а Кайсаровъ еще лѣнивѣе направлялся къ границѣ. Мы могли бы переправиться черезъ Вислу совершенно спокойно, какъ у Христа за пазухой, но наше начальство этого не пожелало.

Генералъ Гавронскій говорилъ:

— Къ чему намъ сражаться? чтобы наплодить ветерановъ и инвалидовъ? да кто же будетъ содержать ихъ?

Имѣя подъ начальствомъ такую храбрую кавалерію, онъ даже не хотѣлъ преслѣдовать донцовъ. Ромарино насвистывалъ итальянскія аріи, а Замойскій торопился къ пани Лаурѣ Тарновской, къ кн. Меттерниху, къ Габсбургамъ, въ надеждѣ на то, что ему удастся съ помощью Габсбурговъ добиться престола.

На границѣ Галиціи поджидали Розена и Кайсарова; какъ только они показались, съ той и съ другой стороны началась перестрѣлка. Это не походило на сраженіе, а по-просту на обстрѣливаніе мѣстности или на привѣтствіе войска орудійными залпами. Когда окончилась эта церемонія, польское войско перешло границу и сложило оружіе, а Замойскій уѣхалъ, вѣроятно, въ Виддинъ, а затѣмъ въ Лондонъ, просить Пальмерстона возстановить Польшу и королевство Польское. Такъ говорили намъ, по крайней мѣрѣ, офицеры, которые, будучи преисполнены рвенія и готовности послужить отечеству и вѣря преданности Замойскаго Польшѣ, поступили подъ его начальство. Къ сожалѣнію, имъ пришлось присоединиться къ намъ только для того, чтобы вмѣстѣ съ нами отправиться въ Галицію, куда мы всѣ стремились.

Перемиріе не привело ни къ какимъ результатамъ. Переговоры окончились ничѣмъ; одна сторона не знала хорошенько, чего она хотѣла, другая не хотѣла дать того, о чемъ побѣжденные не упоминали въ своихъ желаніяхъ и просьбахъ. Поговаривали о томъ, что побѣжденные требовали уступокъ и свободы, а побѣдители — покорности, просьбъ и послушанія; поэтому трудно было придти къ соглашенію, въ особенности при страстномъ желаніи уйти за границу, которое подобно эпидеміи овладѣло и старымъ, и малымъ. Ген. Дембинскій говорилъ въ своей брошюрѣ: «мы будемъ ходить изъ края въ край съ оружіемъ въ рукахъ, будемъ воевать, пока не надоѣдимъ всему свѣту и насъ не прогонятъ обратно въ освобожденную Польшу, которую намъ возвратятъ ради спокойствія человѣчества и всего міра. Послѣ пораженій, понесенныхъ нами вслѣдствіе отсутствія политическаго смысла, нами овладѣло новаго рода безуміе: желая оправиться отъ пораженія, клинъ клиномъ выбить, мы отправились странствовать какъ вѣчные жиды». Это составляло въ то время альфу и омегу политическихъ желаній поляковъ; сообразно съ этимъ они и поступили.

XIX.

Переходъ въ Галицію.—Баторская воля.—Стремленіе за Дунай.—Подгорье.—Генералы Фухтель и Скржинецкій.—Заторъ.— Пани Вонсовичъ.—Мадьяры.—Зелеховъ.—Отъѣздъ во Львовъ. — Пржеворскъ. — Капитуляція Замостья.—Маіоръ Верещинскій.

Варшава послѣ штурма сдалась на капитуляцію; наше побѣжденное войско отступило къ Модлину, откуда оно начало свое странствованіе; мы также собирались выступить изъ Новой Слупи, этотъ разъ готовясь идти не на сраженіе, а на странствованіе. Войско потянулось къ Нидѣ, но и тамъ уже нечего было дѣлать. Іосифъ Залѣсскій, окруженный своими приспѣшниками-демократами, самолично отправился въ Пинчовъ, чтобы принять начальство надъ войскомъ, которое состояло изъ батальона пѣшихъ егерей Сандомірскаго полка, батальона 229-го линейнаго полка и эскадрона кракусовъ. Задачей этого отряда было обезпечить отступленіе войскамъ, которыя находились на лѣвомъ берегу Ниды, между этой рѣчкой и Вислою. Для подкрѣпленія его Тадеушъ Горайнъ доставилъ нашему рыцарю-демократу два орудія изъ батареи Корженевскаго.

Пинчовъ—гнѣздо краковскихъ евреевъ,—лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки; черезъ этотъ городокъ проходитъ большой почтовый трактъ, называемый Надбережнымъ или Надвислянскимъ; на рѣкѣ былъ сооруженъ деревянный мостъ на сваяхъ.

Нида течетъ въ болотистомъ руслѣ среди полянъ и топкихъ луговъ; ее довольно трудно перейти въ бродъ, такъ какъ дно ея мѣстами очень вязко.

Этотъ пунктъ при отступленіи войска имѣлъ весьма важное значеніе, такъ какъ лодки, приготовленныя для переправы, можно было тянуть бичевою, а при малѣйшей опасности, на тѣхъ же лодкахъ можно было переправиться на галиційскій берегъ. Таковъ былъ взглядъ на эту мѣстность новаго начальника штаба; поэтому онъ и желалъ принять начальство надъ отрядомъ, чтобы выказать свое знаніе военнаго дѣла.

Но полковникъ Залѣсскій не зналъ, что въ лицѣ супруги мѣстнаго управляющаго онъ встрѣтитъ свою давнишнюю знакомую, свою возлюбленную, которая предпочла нѣкогда пѣхотному подпоручику экономa съ туго набитою мошною; теперь иное дѣло, онъ былъ богатыремъ въ глазахъ демократіи, она же была полька и какъ жена экономa къ аристократіи не принадлежала. Кладовыя и погребъ управляющаго, человѣка весьма почтеннаго, были полны всякаго добра; онъ былъ очень гостепріименъ и вовсе не ревнивъ, поэтому то и дѣло приглашалъ на

обѣды и чаи полковника, который распивалъ его вино у ногъ пинчовской Омфалы, а чтобы не имѣть хлопотъ по оборонѣ рѣки и не терять на это времени, онъ приказалъ пѣхотѣ и артиллеріи перейти на правый берегъ Ниды и стать лагеремъ; а кавалерію, для пущей важности и для собственной безопасности, оставилъ при себѣ, во дворѣ управляющаго, сказавъ: «когда придетъ пора, мы сорвемъ мостъ». Но онъ не принялъ во вниманіе того, что жители Пинчова—евреи, всегда готовы при случаѣ, не теряя времени, отомстить полякамъ за все то, что они терпятъ отъ нихъ; они увѣдомили русскихъ, и конные егеря Арзамасскаго полка, напавъ неожиданно на Пинчовъ, взяли въ плѣнъ начальника штаба и цвѣтъ его демократіи; при этомъ было убито и взято нѣсколько человѣкъ кракусовъ, но большая часть кавалеріи успѣла перейти черезъ мостъ. Маіоръ Нѣлецкій, съ батальономъ 229-го полка поспѣшно отступилъ въ кусты, росшіе по берегу рѣки; у него была очень выносливая лошадь, и онъ такъ гналъ ее, что въ одинъ день прискакалъ въ Краковъ, предоставивъ своему батальону поспѣвать за нимъ. Въ авангардѣ шелъ храбрый батальонъ егерей Сандомірскаго полка, но, не будучи построенъ въ карре, онъ не могъ противостоять въ открытомъ полѣ превосходнымъ силамъ непріятеля и былъ разбитъ семью эскадронами кавалеріи; многіе егеря были убиты и взяты въ плѣнъ.

Такъ неудачно началъ исполненіе своихъ обязанностей начальникъ штаба нашего корпуса полковникъ Іосифъ Залѣсскій, одинъ изъ богатырей пришлой демократіи, рыцарь варшавскихъ демагоговъ. Не знаю какимъ образомъ онъ освободился изъ плѣна, но онъ догналъ своего генерала близъ Кракова до перехода его въ Галицію. Иные говорили, будто жена управляющаго упросила полковника конныхъ егерей Арзамасскаго полка отпустить его, другіе утверждали, будто полковникъ, видя въ немъ человѣка преступнаго, котораго ожидало строгое наказаніе, приказалъ имѣть за нимъ такой слабый надзоръ, что Залѣсскій имѣлъ возможность совершенно спокойно сѣсть въ коляску и уѣхать куда ему вздумалось; послѣднее предположеніе кажется мнѣ наиболѣе правдоподобнымъ, такъ какъ полковникъ былъ русскій человѣкъ, истый славянинъ; при томъ, случаи дружескихъ услугъ между воюющими товарищами по оружію были не рѣдки въ эту войну. Товарищемъ Залѣсскаго былъ маіоръ Нико, окончившій вмѣстѣ съ нимъ курсъ въ школѣ подпрапорщиковъ; впослѣдствіи онъ былъ ярый демократъ, а позднѣе сражался съ отличіемъ въ рядахъ французскихъ войскъ въ Алжирѣ.

Потерявъ позицію въ Пинчовѣ, генералъ С. Ружицкій хотѣлъ возмѣстить эту потерю, занявъ Иголами, гдѣ сходились чуть не всѣ дороги изъ Краковскаго, Калишскаго и Сандомірскаго воеводствъ и шоссе, которое вело изъ Кѣлецъ и Радома. Карлъ Ружицкій былъ посланъ за-

нять этотъ пунктъ съ тремя эскадронами нашего полка, однимъ эскадрономъ Литовско-русскаго полка и эскадрономъ прекрасной легкой Надвислянской кавалеріи, сформированной изъ галиційской молодежи.

Между тѣмъ С. Ружицкій отправился въ Краковъ вмѣстѣ съ прочими генералами, Яномъ Ледоховскимъ и остальнымъ войскомъ. Насъ оставили въ Иголами съ приказаніемъ: не трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не пройдутъ всѣ наши отряды или пока у русскихъ не окажется болѣе превосходныхъ силъ. Только тогда намъ разрѣшалось переправиться на противоположный берегъ Вислы, въ Галицію, и было обѣщано доставить съ этой цѣлью изъ Кракова потребное число лодокъ, но оказалось, что мы получили всего только одну.

Иголами расположено на холмѣ, въ разстояніи одной версты отъ Вислы. По ту сторону города, со стороны Краковскаго воеводства простирается во всѣ стороны ровная, низменная мѣстность, а далѣе виднѣется не особенно высокій косогоръ; между Вислою и Иголами находится пастбище, а по берегу рѣки—болотистый лугъ.

Мы разставили пикеты и выслали разъѣзды въ пяти направленіяхъ; нашъ отрядъ сталъ бивуакомъ на холмѣ, подлѣ развалившейся вѣтряной мельницы или какого-то инаго строенія. Съ холма открывался обширный видъ, но нашимъ взорамъ представилось довольно грустное зрѣлище: масса вооруженныхъ людей, упавшихъ духомъ послѣ понесеннаго ими пораженія, бѣжала изъ родной земли, обрекая себя на странствованіе какъ вѣчные жиды.

На разсвѣтѣ намъ были доставлены въ экипажахъ трое волынцевъ. Однимъ изъ нихъ оказался Станиславъ Ворцель, графъ и посолъ, притомъ ярый демократъ, которому право было бы гораздо лучше остаться со своей красавицей женою и растить дѣтей для Польши, нежели воевать и заниматься политикой, такъ какъ это принесло и ему и всему краю лишь ту пользу, что онъ свалился подъ Ухоньями съ лошади, а въ Лондонѣ толковалъ съ Кремповецкимъ и ксендзомъ Пулавскимъ о томъ, какъ сравнять великую пропасть, отдѣляющую хлоповъ отъ пановъ, заровнявъ ее трупами шляхты. Этими рѣчами они вырыли дѣйствительно пропасть тамъ, гдѣ ея вовсе не существовало, а нѣмцы, какъ народъ смышленый, воспользовались удивленіемъ сумасбродныхъ поляковъ и уложили въ эту пропасть не мало труповъ славянскихъ, панскихъ, шляхетскихъ и пожалуй были бы не прочь повторить это еще разъ. Въ результатѣ изъ честнаго Стася вышелъ свирѣпый Ворцель, причинившій польскому дѣлу болѣе зла, чѣмъ Гонта и Желѣзнякъ.

Вторымъ изъ прибывшихъ волынцевъ былъ Хонскій, сынъ профессора изъ Кременца, казначей комитета русскихъ земель, прибывшій со своей кассой; третьимъ оказался—Николай Еловецкій, поэтъ и писака, другъ Наркиса Олизара и неразлучный его сотоварищъ въ Ра-

фаловѣ; въ описываемое время онъ былъ аргусомъ, стражемъ кассы «вдовьяго гроша». Всѣ трое безъ дальнихъ проволочекъ были отправлены подъ конвоемъ въ Краковъ. Въ кассѣ этихъ господъ было, какъ намъ говорили, до двухсотъ тысячъ злотыхъ. Куда дѣвались эти деньги? Я знаю только, что уже во Франціи по поводу ихъ былъ начатъ процессъ съ Хонскимъ, въ которомъ фигурировали также на судѣ и въ печати братья Еловецкіе изъ Габника, какъ представители отъ русскихъ земель.

Вслѣдъ за тѣмъ начали прибывать человѣкъ по десяти и болѣе остатки тѣхъ четырнадцати эскадроновъ кавалеріи, которые, находясь подъ начальствомъ генерала Каменскаго, были постыдно разбиты русскими конными егерями; говорю постыдно потому, что они пропустили артиллерію Карла Качеповскаго и не съумѣли вновь построиться, а только все отступали, да отступали. Въ этомъ случаѣ нельзя винить солдатъ, вся вина падаетъ на генерала, который первый обратился въ бѣгство и не остановился даже ни на минуту въ Иголами; такъ какъ онъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ, при эполетахъ и орденахъ, то на нашихъ аванпостахъ его не опросили и не задержали по приказанію Карла Ружицкаго, который пощадилъ генерала, видя его несчастіе и поворъ. Каменскій, не останавливаясь въ Краковѣ, отправился прямо въ Дрезденъ, а оттуда въ Мюнхенъ, гдѣ и остался жить, не поддерживая никакихъ сношеній съ польскими политическими дѣятелями; за то онъ велъ знакомство съ тѣми соотечественниками, съ коими могъ угощаться вкусными обѣдами, запивая ихъ обильно рейнвейномъ. Нѣкоторыя лица, проѣзжавшія черезъ Мюнхенъ, говорили мнѣ впослѣдствіи:

— Нашъ Каменскій еще чего-нибудь да стоитъ; онъ угостилъ насъ такимъ іоганнисбергомъ, отъ котораго и посейчасъ пріятно щекочетъ нёбо; славное было, крѣпкое вино.

Не помню имени этого генерала и никогда не видѣлъ его, но я полагаю, что это не былъ тотъ храбрый полковникъ Николай Каменскій, который всегда и вездѣ, по мѣрѣ силъ, сражался за польское дѣло.

Штабъ и оберъ-офицеры этого полка не заслуживаютъ оправданія; ежели бы они построили взводы по-взводно и эскадроны по-эскадронно, то эта превосходная кавалерія не бѣжала бы по крайней мѣрѣ съ поля сраженія какъ испуганное стадо барановъ. Когда мы высказывали это мнѣніе, то намъ возражали:

— Къ чему бы это повело? Къ чему всѣ эти церемоніи? Не все ли равно отступать по-взводно или по-эскадронно? все же это будетъ отступленіе,—иначе говоря бѣгство. Ужъ ежели Замойскій отступилъ съ цѣлымъ корпусомъ, то почему же намъ было не искать спасенія въ бѣгствѣ? Всѣ бѣгутъ; войска уже не существуетъ; теперь всякій отвѣчаетъ только за себя.

Вина кавалерійскихъ офицеровъ стала еще очевидніе, когда подошелъ Карлъ Каченовскій со своими орудіями и артиллеристами. Два дня и двѣ ночи отступалъ онъ со своей храброй командою къ Иголами передъ русской кавалеріей, которая преслѣдовала его; онъ пользовался каждой рытвиной, каждымъ пригоркомъ, чтобы поражать непріятеля и, подавъ ему признакъ жизни, отступать, а не бѣжать. Генералъ Бемъ, за битву подъ Остроленко, пріобрѣлъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ заслуженно, славу героя, но въ его распоряженіи была масса орудій; о Каченовскомъ же и не вспомнили, такъ какъ у него было всего два орудія. Честь и слава ему: онъ вполнѣ достоинъ того уваженія, какое питали къ нему въ душѣ его товарищи-волынцы.

Я уважалъ его по-прежнему и въ то время, когда, учась смиренію у іезуитовъ, въ монастырѣ «Змертвыхъ-встанцевъ» въ Римѣ, онъ подметалъ корридоры и чистилъ сапоги посѣтителямъ и, позднѣе въ Адріанополѣ, когда онъ былъ прелатомъ уніатской церкви и голосомъ, привычнымъ къ командѣ, громко и звучно распѣвалъ для славянскаго люда: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ». Честь и слава ему во вѣки въ памяти военныхъ...

Мы привѣтствовали Каченовскаго какъ начальника и весь его отрядъ какъ родныхъ братьевъ, обнимая ихъ и прижимая къ сердцу. Въ моментъ всеобщей скорби это зрѣлище было по истинѣ трогательно и умилительно.

Войско, шедшее вразсыпную и отдѣльными отрядами, перешло наконецъ за границу отечества. Годъ тому назадъ мы распѣвали: marsz, marsz Dąbrowski, z ziemi Włoskiej do Polskiej [1]), теперь же приходилось пѣть генераламъ: marsz, marsz, heneraly z ziemi polskiej do ziemi Bóg wie jakiej [2])... Большинство нашихъ генераловъ давно уже придерживалось правила не показываться на полѣ битвы: пускай-де солдаты и оберъ-офицеры стрѣляютъ и убиваютъ другъ друга; генералы и штабные могутъ руководить битвою и письменными приказаніями.

Однажды мы завидѣли вдали колонну русскаго войска; это была кавалерія; на лѣвомъ флангѣ шли кирасиры, уланы и гусары генерала Кнорринга, которыхъ мы видѣли тогда впервые, на правомъ флангѣ у самой Вислы—уланы Розена, а прямо противъ нашего центра—наши старые знакомые, драгуны и конные егеря Ридигера; нашихъ братьевъ, донцовъ, не было видно.

День клонился къ вечеру; русскіе шли какъ бы церемоніальнымъ маршемъ; передъ фронтомъ играла музыка; солнечные лучи отражались на полированной стали ихъ оружія и оживляли ихъ разноцвѣт-

[1]) Иди, иди, Домбровскій, изъ земли итальянской въ землю польскую.

[2]) Идите, идите, генералы, изъ земли польской куда глаза глядятъ.

ные мундиры; зрѣлище было красивое и вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ печальное. Мы, славяне, отступали передъ славянами на славянскую землю, захваченную нѣмцами! Какимъ сатанинскимъ смѣхомъ должны были разразиться эти нѣмцы, удивляясь славянской глупости, славянской злобѣ и розни. Когда же этому настанетъ конецъ, когда же мы запоемъ всѣ вмѣстѣ оду «Къ юности» славянскаго поэта и по-славянски нападемъ на нѣмцевъ? Такъ думалъ и мечталъ я въ ту пору, такъ продолжаю думать и мечтать донынѣ.

Надвислянцы и даже офицеры Литовско-русскаго полка, еще въ Варшавѣ привыкшіе безпрестанно высказывать свое неудовольствіе, возстали противъ мысли о переправѣ и подали письменное заявленіе за собственноручными ихъ подписями о томъ, что они не умѣютъ плавать верхомъ на лошадяхъ, ибо этому не обучались. Это заявленіе было принесено мнѣ Анастасіемъ Подгурскимъ и Львомъ Сипковскимъ. Украинцамъ я выразилъ по этому поводу мое неодобреніе; а заявленіе офицеровъ Литовско-русскаго полка изорвалъ на мелкіе клочки, обѣщавъ какъ нибудь избавить ихъ отъ опасности переплывать черезъ рѣку. Прошеніе надвислянцевъ попало прямо въ руки Карлу Ружицкому; онъ былъ имъ взбѣшенъ, однако удовлетворилъ ихъ просьбу, приказавъ надвислянцамъ сѣсть безъ лошадей въ единственную лодку, которая была въ нашемъ распоряженіи, и переправиться въ ней за рѣку. Лошадей приказано было препроводить цѣлымъ табуномъ черезъ Краковъ въ Подгорье (Podgórze), лежавшее на противуположномъ берегу. Такъ какъ исполненіе этого приказанія было возложено на нашего ремонтера и моего бывшаго управляющаго Топчевскаго и на нашего казначея Антона Выговскаго, бывшаго одно время моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, то мнѣ не составило труда переправить съ надвислянцами и офицеровъ Литовско-русскаго полка; это было мнѣ тѣмъ болѣе съ руки, что тѣ 14 дезертировъ русскаго войска, которые прислуживали имъ и ухаживали за ихъ лошадьми, съумѣли очень ловко переправить ихъ на другую сторону.

Два часа спустя, наши эскадроны, снявъ пикеты и часовыхъ, направились къ рѣкѣ; при свѣтѣ луны, сіявшей на небѣ, мы въ четвертый разъ перешли Вислу въ бродъ и переплыли ее безо всякихъ приключеній.

Спуститься съ холма Иголами и переплыть рѣку—было послѣднимъ лихимъ дѣломъ нашихъ солдатъ; они совершили переправу въ величайшемъ порядкѣ, такъ стройно, какъ будто они маневрировали на плацъ-парадѣ, такъ точно какъ они дѣйствовали и на полѣ битвы, но когда мы очутились на галиційскомъ берегу и увидѣли стоявшихъ тамъ венгерскихъ гусаръ, эскадронъ Виртембергскаго полка и пѣхотный батальонъ полка Біанки, тогда только солдаты и офицеры впервые заплакали какъ дѣти, обнимая другъ друга, а измученный Анастасій Подгурскій твердилъ: «вотъ и довоевались!»

Наши казаки, вскипѣвъ негодованіемъ, закричали въ одинъ голосъ: «и повоюемъ; на Дунай, въ Туречину! тамъ наши братья казаки, тамъ и намъ мѣста хватитъ!»

Весь полкъ, какъ одинъ человѣкъ, вскочилъ на коней; офицеры мигомъ очутились передъ взводами и эскадронами и даже запѣли: «пики внизъ, пики внизъ».

Гусары и пѣхота Біанки, какъ тѣни, исчезли въ лѣсу, и мы остались совершенно одни.

Карлъ Ружицкій улыбнулся, а казаки закричали: «отецъ командиръ, веди насъ за Дунай, въ Турецкую землю».

Было приказано произвести повѣрку солдатамъ; одного не оказалось—казака Луки; никто не могъ сказать, утонулъ ли онъ въ рѣкѣ или бѣжалъ.

Наконецъ Омецинскій вспомнилъ, что поставилъ этого казака на часы въ лозникѣ на самомъ берегу рѣки и позабылъ снять его съ часовъ. Между тѣмъ уже стемнѣло; одинъ изъ рыбаковъ отправился къ указанному мѣсту вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ, который былъ переодѣтъ рыбакомъ; они застали Луку, бодрствовавшаго на конѣ; онъ переправился къ намъ верхомъ на своей лошади; мы радостно привѣтствовали его. Отвѣчая на наши разспросы, онъ разсказалъ, что видѣлъ русское войско, видѣлъ, какъ мы спускались съ холма, но продолжалъ стоять на своемъ посту, не считая себя вправѣ оставить его безъ приказанія начальства. Кажется нѣтъ подвига, который былъ бы недоступенъ съ подобными солдатами, а надобно замѣтить, что они были таковы всѣ безъ исключенія. Я прожилъ 60 лѣтъ на свѣтѣ, изъ нихъ 40 лѣтъ провелъ въ странствованіяхъ, служа на военномъ поприщѣ, видѣлъ всевозможныя войска, внимательно къ нимъ присматривался, старался изучить ихъ до малѣйшихъ подробностей и теперь, положа руку на сердце, по совѣсти могу сказать, что нигдѣ не встрѣчалъ подобнаго корпуса офицеровъ и такихъ солдатъ и даже не слыхивалъ ничего подобнаго. Наши офицеры были истые шляхтичи не только по названію. Соединяя съ умомъ сердечныя качества, они были люди въ высшей степени справедливые, честные и сердечные; имъ и въ голову не приходило дѣйствовать эгоистично или съ хитростью, а солдаты походили на тѣхъ доблестныхъ казаковъ, коихъ воспѣваютъ въ старинныхъ пѣсняхъ; слова «нельзя» для нихъ не существовало, не было того подвига, который они считали бы невозможнымъ. Ежели бы поляки имѣли побольше такихъ войскъ, то Польша бы не погибла; бердичевскіе казаки поддержали бы ее на своихъ пикахъ.

На слѣдующій день показались снова австрійскіе гусары и пѣхота; легкій Литовско-русскій и Надвислянскій полки были обезоружены и пошли въ Баторскую Волю,—по близости отъ мѣстечка Неполомѣцы. Тутъ находилась извѣстная Неполомѣцкая пуща, въ которой охотились на крупнаго звѣря короли польскіе, въ особенности Стефанъ Баторій,

который былъ страстный охотникъ; мѣстечко носило его имя—Баторская Воля. Тамъ уцѣлѣли еще слѣды охотничьяго дома этого великаго короля, но они походили скорѣе на развалины простаго шляхетскаго дома, изъ коего имущество вывезено и продано съ молотка, а домъ развалился за отсутствіемъ у владѣльца средствъ на ремонтъ. Въ Баторской Волѣ войско было размѣщено близъ кирпичнаго завода. Съ нашимъ полкомъ никакъ нельзя было сладить: солдаты не хотѣли сложить оружія и отдать лошадей, они то и дѣло кричали: «Отецъ командиръ, веди насъ за Дунай, въ туречину».

Ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ не сдавалъ команды. Австрійскіе гусары и пѣхота были чрезвычайно испуганы. Карлъ Ружицкій волновался и не зналъ, какимъ образомъ положить конецъ упорству казаковъ; можетъ быть онъ и самъ въ душѣ готовъ былъ закричать: «идемъ за Дунай», такъ какъ въ его груди билось казацкое сердце, и онъ былъ также уроженецъ Украйны. Дано было знать въ Подгорье, откуда прислали второй эскадронъ гусаръ и еще два батальона пѣхоты полка Віанки; съ ними прибылъ и командиръ гусарскаго полка, полковникъ князь Лихтенштейнъ. Гусары стали обходить насъ съ фланга, а пѣхота шла прямо на насъ. Нашъ полкъ, не ожидая команды, мигомъ очутился на коняхъ; офицеры стали передъ своими частями; первый эскадронъ пресѣкъ путь одному эскадрону гусаръ, а третій эскадронъ—второму гусарскому эскадрону, тогда какъ нашъ второй эскадронъ, держа пики на перевѣсъ, былъ готовъ вступить въ бой съ пѣхотою... но лишь только раздался кликъ: «пики внизъ, пики внизъ», гусары разомъ повернулись къ намъ тыломъ и скрылись въ лѣсу, а пѣхота вернулась въ мѣстечко, оставивъ насъ полными хозяевами мѣстности. Не знаю, чѣмъ бы окончилось дѣло, ежели бы австрійцы были не такъ хладнокровны. Признаюсь, намъ это чрезвычайно понравилось. Случившееся, видимо, произвело нѣкоторое впечатлѣніе и на австрійское начальство, такъ какъ въ ту же ночь пріѣхалъ генералъ Фихтель, командовавшій австрійскими войсками Тарновицкаго и Вадовицкаго округовъ, коего главная квартира находилась въ Подгорьѣ. Хотя это былъ кавалерійскій генералъ, но онъ еле волочилъ ноги; не знаю, сиживалъ ли онъ когда нибудь на конѣ, но въ коляскѣ онъ сидѣлъ прекрасно. Генералъ былъ человѣкъ весьма богобоязненный; при немъ неотлучно находился молитвенникъ и духовникъ—іезуитъ, который всегда помѣщался въ экипажѣ на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ генераломъ, а адъютантъ ѣхалъ на передней скамейкѣ. Генералъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ Карломъ Ружицкимъ, послѣ чего было приказано отслужить на слѣдующій день обѣдню подъ открытымъ небомъ; нашему полку велѣно было присутствовать на обѣднѣ верхами и при оружіи, чтобы поблагодарить Бога за славу, которой онъ насъ покрылъ въ эту злополучную войну. Ксендзу

Коломійскому поручено было сказать проповѣдь, которая смягчила бы сердце казаковъ и побудила бы ихъ сложить оружіе.

День былъ прекрасный, солнце свѣтило ярко; было такъ тихо, что ни одинъ листокъ не шелохнулъ, и деревья Неполомѣцкой пущи стояли какъ заколдованныя въ своемъ осеннемъ уборѣ. «Господи помилуй», разнесло эхо по всей пущѣ. Все обошлось какъ нельзя лучше; наши эскадроны горячо благодарили Бога и молились отъ всего сердца. Когда Коломійскій началъ свою проповѣдь, подлѣ генерала Фихтеля, сидѣвшаго въ экипажѣ, стали верхами К. Ружицкій и князь Лихтенштейнъ. Проповѣдь была казацкая, громкая какъ гулъ выстрѣловъ, пламенная какъ раскаленная граната, энергичная какъ натискъ кавалеріи; подъ конецъ ксендзъ сказалъ: «видите ли, возлюбленные братья мои, ежели русскіе—діаволы, такъ австрійцы—черти, съ ними нельзя жить въ ладу. Во имя Бога, за Дунай; слава Богу, пики внизъ, пики внизъ».

Лишь только казаки опустили пики, Фихтель крикнулъ своему кучеру, тотъ повернулъ лошадей, которыя быстро понеслись къ Баторской Волѣ; за ними поскакали гусары, пѣхота и К. Ружицкій. Мы остались на площади одни съ ксендзомъ Коломійскимъ.

Мы думали, что намъ угрожаетъ какая нибудь непріятность; многимъ пришло въ голову, что мы повели дѣло слишкомъ круто и что переходъ за Дунай, о которомъ мы разгласили такъ опрометчиво, окажется невозможнымъ, ежели въ насъ будутъ стрѣлять изъ пушекъ; это казалось довольно вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе что мы слышали отъ надвислянцевъ, что въ Баторскую Волю было доставлено два орудія. Пробраться за границу по казацкому, потихоньку, было возможно, но послѣ проповѣди ксендза Коломійскаго, задѣвшаго за живое пылкое воображеніе поляковъ, это казалось неудобоисполнимымъ. Такъ смотрѣло на это дѣло большинство офицеровъ, и надобно сознаться—они были правы; они старались внушить этотъ взглядъ унтеръ-офицерамъ, желая отговорить ихъ отъ невозможнаго и подѣйствовать на нихъ силою убѣжденія; а тѣ въ свою очередь проповѣдывали это солдатамъ.

Мы съ Омецинскимъ стояли въ сторонѣ и ничего не говорили, такъ какъ намъ хотѣлось за Дунай. Ежели намъ ужъ суждено странствовать внѣ предѣловъ отечества, думали мы, то лучше дѣйствовать по-казацки и быть въ казацкомъ кошѣ. Мы проклинали въ душѣ польскую рѣчь нашего базиліана и обдумывали, какъ бы устроить дѣло такъ, чтобы поставить на своемъ. Въ это время къ намъ подъѣхалъ К. Ружицкій; онъ былъ веселъ и съ довольнымъ лицомъ сообщилъ намъ, что мы не будемъ обезоружены, что у насъ не отнимутъ, какъ у прочихъ, лошадей, что мы останемся на квартирахъ въ Баторской Волѣ, а я поѣду въ Заторъ, гдѣ находилась квартира генерала С. Ружицкаго, за деньгами; когда деньги будутъ у насъ въ рукахъ, тогда мы подумаемъ объ осталь-

номъ; Омецинскій будетъ посланъ въ Подгорье къ генералу Фихтелю за дальнѣйшими приказаніями. Все сказанное К. Ружицкимъ было какъ нельзя болѣе логично, но вмѣстѣ съ тѣмъ было ясно какъ день, что онъ хотѣлъ временно удалить насъ обоихъ. Ружицкій предполагалъ совершенно справедливо, что никто иной какъ мы съ Омецинскимъ подстрекали, главнымъ образомъ, казаковъ къ переходу за Дунай, но что нашъ полкъ до того привыкъ слушаться, а не разсуждать, что все будетъ такъ, какъ онъ хочетъ.

Наши эскадроны расположились на квартирахъ въ Баторской Волѣ; австрійскіе гусары и пѣхота были размѣщены въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи и дѣлали видъ, что не слѣдятъ за нами. Мы собирались съ Омецинскимъ въ путь; у каждаго изъ насъ была сабля и лошадь, тѣмъ не менѣе всѣ были сумрачны, невеселы, всѣмъ было не по себѣ... Но одно маленькое приключеніе разогнало овладѣвшее всѣми мрачное настроеніе, и, какъ это часто бываетъ на свѣтѣ, всѣ повеселѣли, всѣмъ стало легко на сердцѣ; такова уже человѣческая натура.

На квартиру къ Карлу Ружицкому явился гусарскій ротмистръ Барцай съ поручикомъ гусарскаго полка Гарнишеромъ и подполковникомъ Львовымъ; за ними, какъ пса на привязи, вели закованнаго въ цѣпи Станислава Ворцеля, возлѣ котораго шла какая то отвратительная старуха приговаривая:

— Мерзавецъ, негодяй, такъ то ты держишь клятву, данную передъ Богомъ; ты отказываешься отъ меня, законной твоей жены, чтобы бѣгать за такими же мерзавками какъ ты самъ; я научу тебя разуму и добродѣтели, пускай тебѣ всыпятъ штукъ 25 горяченькихъ.

Бѣдный Ворцель не смѣлъ поднять глазъ. Насъ спросили, знаемъ ли мы этого человѣка? Припомнивъ, что онъ просилъ насъ сдѣлать видъ, будто мы его не знаемъ, мы отвѣчали отрицательно и прибавили, что даже никогда не видѣли его. Тогда намъ сказали, что этого человѣка зовутъ Францъ Гноякъ, что это трубачъ легкаго коннаго Орельскаго полка, который бросилъ свою жену и дезертировалъ, а теперь отрицаетъ и то и другое и продолжаетъ называть себя графомъ, за коего онъ выдалъ себя въ то время, когда его схватили въ Водовичахъ, гдѣ онъ проѣзжалъ, развалившись въ экипажѣ какъ истый вельможа; но глазъ жены тотчасъ призналъ его, и она его выдала; бездѣльника этого слѣдуетъ проучить. Солдатамъ было приказано стать въ двѣ шеренги, вооружившись палками и отсчитать ему 25 ударовъ. Женщина кричала: «Францъ, Францъ, какъ получишь ихъ, можетъ быть исправишься; господа не жалѣйте рукъ; онъ гуляка, пьянствуетъ и бѣгаетъ за женщинами».

Бѣдный Станиславъ Ворцель лежалъ уже распростертый во всю длину, два палача стояли надъ нимъ съ поднятыми палками, ожидая только фельдфебеля, который долженъ былъ объявить ему приговоръ,

когда изъ избы вышелъ К. Ружицкій и сказалъ, что онъ узнаетъ графа Ст. Ворцеля и беретъ его на поруки. Шашкевичъ тотчасъ разсказалъ Барцаю, по какой причинѣ мы отреклись отъ знакомства съ нимъ. Всѣ хохотали до упаду, роспили по этому случаю нѣсколько бутылокъ венгерскаго и веселились отъ души; но Ворцель былъ до того потрясенъ случившимся, что слегъ въ постель, а на другой день весь посѣдѣлъ; такъ сильно подѣйствовалъ на него испугъ.

Этотъ случай былъ для насъ развлеченіемъ, о немъ судили и рядили на всѣ лады. Въ то время какъ всѣ были еще заняты этимъ приключеніемъ, мы отправились съ Омецинскимъ въ Подгорье, гдѣ остановились у генерала Фихтеля; у него мы застали генераловъ Скржинецкаго и Шептицкаго. Генералъ Скржинецкій привѣтствовалъ насъ самымъ сердечнымъ образомъ и такъ прекрасно отрекомендовалъ насъ австрійскому генералу, что тотъ пригласилъ насъ на обѣдъ вмѣстѣ съ обоими нашими генералами. Среди бесѣды о политикѣ зашла рѣчь о нашемъ желаніи идти за Дунай. Фихтель совѣтывалъ не спѣшить, а ждать, вооружившись терпѣніемъ, при чемъ онъ обнадеживалъ, что можетъ быть намъ не будетъ необходимости идти за Дунай, для того чтобы оттуда пробраться на Днѣстръ, что вѣроятно можно будетъ прямо отправиться на родину. Подобными надеждами австрійцы давно уже соблазняли поляковъ и имъ всегда удавалось убаюкать ихъ опасенія, такъ какъ опытъ никогда не умудрялъ поляковъ; видно такова уже наша судьба и мы всегда такими останемся.

Омецинскій остался въ Подгорьи, а я поѣхалъ съ адъютантомъ штаба генерала Шептицкаго, академикомъ Варковскимъ, которому генералъ Фихтель поручилъ охранять меня, не желая, чтобы меня сопровождалъ какой-нибудь жандармъ или чиновникъ. Генералъ только просилъ меня быть въ мундирѣ и при орденахъ; мнѣ была выдана подорожная, какія получаютъ офицеры австрійскаго войска, и я получалъ вездѣ все, что мнѣ было нужно, безпрепятственно.

Первый нашъ ночлегъ былъ у пани Городинской, малороссіянки, имѣвшей двухъ взрослыхъ сыновей и взрослую дочь. Ни одинъ изъ ея сыновей не служилъ въ войскѣ; они занимались перевозкою оружія и участвовали въ какихъ-то тайныхъ обществахъ и заговорахъ; австрійскія власти и полиція смотрѣли на это сквозь пальцы, ничему не препятствовали, но имъ было все извѣстно и они могли во всякое время обо всемъ донести русскому правительству. Такова обычная тактика австрійцевъ, такъ поступали они со временъ самой Барской конфедераціи: поблажать всѣмъ для того, чтобы все знать и обо всемъ своевременно доносить—было ихъ правиломъ. Поляки почему-то считали долгомъ быть признательными за это австрійцамъ; русскіе, съ своей стороны, были имъ благодарны за подобный образъ дѣйствій. Австрій-

скія власти съ тѣми и другими поступали неискренно и радовались тому, что два славянскихъ племени враждовали между собою на пользу и во славу нѣмцевъ, ибо Австрія была еще въ то время страною вполнѣ нѣмецкой. Въ этомъ заключалась квинтъ-эссенція политической мудрости престарѣлаго Меттерниха. Въ числѣ родственныхъ Габсбургамъ высокопоставленныхъ лицъ всегда оказывался какой-нибудь эрцгерцогъ, или эрцгерцогиня, или титулованная особа, страстно преданная Польшѣ и обожавшая поляковъ, а пани Лаура Тарновская или пани Ланцкоронская, либо пани Яблоновская воспѣвали эту любовь въ псалмахъ и кантичкахъ, прославлявшихъ Габсбурговъ и ихъ духовный союзъ съ поляками. На этомъ поприщѣ не мало потрудилось для уничтоженія славянства и духовное войско Лойолы. Въ то время никого не интересовалъ ни католицизмъ поляковъ, ни ихъ западное просвѣщеніе; тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ старика Меттерниха, сближеніе со славянами и славянствомъ стало вмѣняться полякамъ въ смертельный грѣхъ противъ католической церкви; оно считалось равносильнымъ разрыву ихъ съ Западомъ и его просвѣщеніемъ и страшнымъ преступленіемъ противъ Польши; къ несчастью, этотъ взглядъ преобладалъ и впослѣдствіи. Нельзя сказать, чтобы одно стремленіе къ національной самобытности обособляло поляковъ отъ русскихъ и дѣлало ихъ непримиримыми врагами; виною всему была Австрія и нѣмцы, то и дѣло смущавшіе западныя державы—Францію и Англію, неосновательными опасеніями, дѣлая имъ конфиденціально представленія о необходимости подать руку помощи полякамъ и даже возстановить Польшу, которая должна была служить, по ихъ мнѣнію, государствамъ буферомъ на случай завоевательныхъ стремленій со стороны Россіи. Они обѣщали этимъ державамъ всевозможную поддержку и помощь со стороны Австріи и нѣмцевъ въ томъ случаѣ, если бы содѣйствіе, оказанное ими Польшѣ, вызвало столкновеніе съ Россіей, но дѣло до этого не дошло, хотя все это причинило не мало тревоги Россіи и было источникомъ тяжкихъ бѣдствій для поляковъ.

То былъ періодъ увлеченія политикою Меттерниха. Предъ нею преклонялся и Майзнеръ, у котораго мы остановились на короткое время въ Висловѣ; онъ принадлежалъ къ какому-то обществу или комитету, какъ и прочіе галичане, съ коими намъ приходилось сталкиваться; всѣ они распѣвали пѣсни въ честь Меттерниха и ожидали всевозможныхъ благъ отъ Австріи. Прибывъ въ Заторъ, мы увидѣлись съ генераломъ Вонсовичемъ и его супругою—владѣтельницею Затора; оба они, въ особенности пани Вонсовичъ, приняли меня весьма радушно, но она такъ много говорила о сочувствіи къ полякамъ Австріи и о надеждахъ, которыя они возлагали на эту страну, что мнѣ было даже противно, тѣмъ болѣе, что въ ея салонѣ говорили объ отреченіи князя Адама отъ поль-

скаго престола въ пользу австрійскаго эрцгерцога, которое было вынуждено Густавомъ Малаховскимъ и Владиславомъ Замойскимъ. Константинъ Городинскій разсказывалъ мнѣ, что, когда онъ былъ въ Торнѣ, туда пріѣхалъ полковникъ гусарскаго полка Фахъ, привезшій изъ Петербурга ордена и награды, и что полковникъ, въ дружеской бесѣдѣ, за рюмкою вина, сказалъ ему, что всѣ эти знаки отличія присланы въ награду за отреченіе Чарторыйскаго. Я выразилъ свое неодобреніе по поводу образа дѣйствій Австріи, но пани Вонсовичъ возразила:

— Вы украинецъ и не понимаете этой глубокой политики, но вы увидите, каковы будутъ послѣдствія ея. Меттернихъ заставитъ Европу добиться возстановленія великой и независимой Польши. Притязанія Чарторыйскихъ оказались бы тщетными; на воцареніе эрцгерцога также, можетъ быть, не послѣдовало бы согласія. Это хорошо понимаетъ Меттернихъ и потому онъ предоставилъ Европѣ полную свободу дѣйствій: либо саксонцы, либо прежняя династія.

Я взглянулъ съ досадой на Станислава Вонсовича.

— Развѣ по женской линіи,—сказалъ я;—давай Богъ.

Пани Вонсовичъ не отвѣчала, но съ этого времени я немного потерялъ въ ея благосклонности. Привожу этотъ разговоръ потому, что считалъ и считаю пани Вонсовичъ одною изъ умнѣйшихъ женщинъ Польши и мнѣ казалось страннымъ, что она, при всемъ своемъ умѣ, была до такой степени ослѣплена политикой Меттерниха.

Генераломъ С. Ружицкимъ я былъ принятъ какъ нельзя лучше, но въ его штабѣ царила, по обыкновенію, полная неурядица, можетъ быть, она была даже болѣе обыкновеннаго, такъ какъ штабные находились въ полномъ сборѣ; только Тадеушъ Горайнъ былъ посланъ въ Парижъ, да Евстафій Янушкевичъ уѣхалъ въ Краковъ. Однако, мнѣ выдали деньги на весь полкъ и на весь литовско-русскій эскадронъ и снабдили, на всякій случай, крестами и знаками военныхъ отличій—въ счетъ будущихъ благъ.

Очутившись за границею Польши, всѣ наши генералы, начиная отъ Дверницкаго и кончая Рубинскимъ, стали до того щедры на производства и отличія, что офицеровъ вскорѣ могло бы хватить не только на стотысячную, но и на милліонную армію, а крестовъ было роздано столько, что красивый польскій орденъ, даваемый, подобно русскому Георгію, за военные подвиги, утратилъ всякое значеніе, и никто не хотѣлъ его носить, считая это униженіемъ. Нѣтъ хуже, когда люди говорятъ, какъ говорили французы: «послѣ меня хоть потопъ, будущее не для меня, ну его къ чорту».

Генералъ Самуилъ Ружицкій хотѣлъ сформировать легіоны и послалъ съ этой цѣлью въ Парижъ Тадеуша Горайна, воспитывавшагося въ тамошней Политехнической школѣ, поручивъ ему изучить ихъ орга-

низацію. Вмѣстѣ съ Горайномъ отправился маіоръ Ниско—другъ и пріятель Іосифа Залѣсскаго; ихъ стараніями одинъ польскій батальонъ былъ переформированъ въ иноземный алжирскій батальонъ легкой конницы, не имѣвшій ничего общаго съ организаціей польскихъ войскъ; никто изъ прибывшихъ поляковъ не спѣшилъ вступать въ него. Батальоннымъ командиромъ былъ назначенъ Тадеушъ Горайнъ. Въ то время, когда я находился въ Заторѣ, австрійское правительство назначило Ольмюцъ и Брюнъ мѣстопребываніемъ офицеровъ корпуса Ромарино и Самуила Ружицкаго; солдатъ было приказано отправить въ Ольмюцъ; съ этимъ приказаніемъ и съ деньгами я вернулся въ Баторскую Волю, гдѣ со времени моего отъѣзда произошли большія перемѣны.

Лошади, отобранныя у солдатъ нашего полка, были раздѣлены на три группы и переданы въ вѣдѣніе князя Лихтенштейна, а деньги раздѣлены между солдатами и унтеръ-офицерами; русскимъ сдали всего 19 лошадей, да и то такихъ, которыя намъ вовсе не принадлежали, такъ что когда ихъ привели къ генералу Ридигеру, то онъ сказалъ, смѣясь, что австрійцы превратили нашу конницу въ пѣхоту, и отослалъ доставленныхъ ему лошадей обратно, предоставивъ пользоваться ими австрійскимъ офицерамъ. По этому поводу въ Подгорьѣ, возлѣ моста, произошла дуэль между однимъ австрійскимъ гусарскимъ офицеромъ (который былъ родомъ венгерецъ) и молодымъ полякомъ, служившимъ въ русскомъ гусарскомъ полку. Полякъ сказалъ, что эти лошади походятъ наословъ.

— Что значитъ оселъ?—спросилъ венгерецъ.

— Azynus,—отвѣчалъ полякъ.

— Ego non sum azynus [1]),—закричалъ венгерецъ.

Схватили сабли и подрались. Венгерецъ ранилъ поляка въ ухо, а полякъ сдѣлалъ ему шрамъ на лицѣ; тѣмъ поединокъ и кончился. Адамъ Барановскій, случайно бывшій свидѣтелемъ этой сцены, рѣшилъ, что они оба ослы.

Всѣ солдаты и унтеръ-офицеры нашего полка размѣстились на квартирахъ у обывателей-галичанъ, которые обѣщали оказать имъ содѣйствіе при переходѣ за Дунай. Въ Ольмюцъ отправилось не болѣе 20-ти человѣкъ, съ маіоромъ Дунинымъ, Куликовскимъ и Антономъ Выговскимъ; всѣ они хотѣли ѣхать во Францію и вступить въ легіоны. За Дунаемъ, въ Турціи, я встрѣтилъ немногихъ изъ нашихъ солдатъ; мнѣ говорили, что большинство вернулось на родину, въ Украйну. Къ счастью, они сражались такъ доблестно, что ихъ не устыдились бы принять въ свою среду славнѣйшіе гетманы Украйны. Они доказали, что когда казакъ идетъ на войну, то ему все ни по чемъ—онъ всей ду-

[1]) Я не оселъ.

шой рвется въ бой. Можетъ быть, всѣ они уже перемерли, а я старикъ еще пишу о нихъ, пока мой часъ не настанъ. Честь и слава имъ и вѣчная память; вмѣстѣ съ ними будетъ жива память и обо мнѣ.

Наша военная дружина разбрелась на всѣ четыре стороны; не одну слезу проронили казаки, обнимая другъ друга на прощанье и приговаривая: «увидимся за Дунаемъ, въ Туречинѣ!» Такъ окончилось участіе нашихъ бердичевскихъ казаковъ въ войнѣ 1831 года.

Послѣдніе дни нашего пребыванія въ Баторской Волѣ мы провели въ братаньи съ мадьярами; да и могло ли быть иначе тамъ, гдѣ находилась польская шляхта? Мы же хоть и казаки, всегда считали себя польскими шляхтичами. Мы лакомились гульяшемъ, любимымъ національнымъ блюдомъ венгерцевъ, которое приготовляется изъ мелко изрубленнаго мяса, со свинымъ саломъ, нарѣзаннымъ также мелкими кусочками; все это варится въ котелкѣ съ разными овощами, саломъ и перцемъ; чѣмъ болѣе положатъ въ гульяшъ перца, тѣмъ онъ вкуснѣе; его подаютъ въ большихъ мискахъ, и онъ замѣняетъ собою супъ, жаркое и овощи. Выпивъ передъ ѣдою, для возбужденія аппетита, перцовки, запиваютъ каждую ложку гульяша рюмкою добраго венгерскаго вина; такъ какъ перецъ жжетъ языкъ, то гульяшъ возбуждаетъ сильную жажду, а венгерецъ не гусь, чтобы пить воду, поэтому онъ и послѣ ѣды выпиваетъ не малое количество вина; какъ-же не брататься съ мадьярами, какъ-же не любить ихъ и не пѣть:

„Madziar, polak—dwa bratanki
I do konia, i do szklanki“ [1]).

Нашъ поручикъ Раймондъ Гурковскій такъ побратался съ поручикомъ гусарскаго полка Георгіемъ, что они были неразлучны и днемъ и ночью, и, что всего удивительнѣе – одинъ изъ нихъ говорилъ только по-польски, а другой только по-венгерски. Намъ было очень любопытно узнать, какимъ образомъ они разговариваютъ. Антонъ Шашкевичъ взялся подслушать. Однажды онъ прибѣжалъ къ намъ, ведя съ собою мальчика, который несъ подъ мышкой поросенка, а въ другой рукѣ гуся.

— Они разговариваютъ какъ этотъ гусь съ поросенкомъ, закричалъ Шашкевичъ и велѣлъ мальчику притиснуть ихъ; гусь загоготалъ, поросенокъ завизжалъ.

— Вотъ такъ и они разговариваютъ. Сидятъ другъ противъ друга за столомъ, на которомъ стоитъ гульяшъ и бутылка вина; передъ каждымъ—лежатъ ложка и рюмка; они смотрятъ другъ на друга какъ влюбленныя черепахи и молчатъ; когда гульяшъ защиплетъ горло, одинъ скажетъ hem, а другой отвѣтитъ uhu, проглотятъ по ложкѣ гульяша и при-

[1]) Венгерецъ и полякъ побратимы на конѣ и за рюмкою вина.

мутся за вино; закусивъ и выпивъ, опять молчатъ, потомъ крякнутъ и снова выпьютъ. Въ этомъ состоитъ истинное братанье поляковъ съ мадьярами. Впрочемъ, если бы оно этимъ ограничивалось, то оставалось бы только благодарить Бога; это не принесло бы особеннаго вреда Польшѣ и славянству.

Къ сожалѣнію дѣло этимъ не ограничивалось. Поляки любятъ вино, притомъ болѣе всего венгерское, а когда венгерецъ угоститъ ихъ гулянемъ, то они способны выкинуть всякую политическую глупость. Гурковскій такъ побратался съ Георгіемъ, что мы успѣли всѣ уѣхать изъ Баторской Воли, а они все еще продолжали угощаться и брататься какъ гусь съ поросенкомъ.

Я не буду называть по фамиліи тѣхъ мадьяръ, съ которыми дружили поляки, это не представляетъ никакого интереса и могло бы вызвать неудовольствіе поляковъ; братанье за рюмкою вина, притомъ венгерскаго, не приноситъ никакой пользы, такъ какъ при этомъ не можетъ быть никакого обмѣна мыслей. Мадьяры-побратимы за рюмкой вина всѣ прекрасные люди и баста—польскій шляхтичъ болѣе ни о чемъ не спрашиваетъ.

Пять офицеревъ того эскадрона, который былъ назначенъ яко бы наблюдать за нами, были чистокровные венгерцы, а одинъ офицеръ, по фамиліи Гарнишеръ былъ уроженецъ г. Львова; всѣ наши офицеры дружили съ венгерцами, но съ Гарнишеромъ были далеко не въ столь хорошихъ отношеніяхъ. Они считали его агентомъ правительства, а въ венгерцахъ видѣли такихъ преданныхъ друзей, которыхъ они не только были готовы прижать къ сердцу, но коихъ съ радостью заключили бы въ самое сердце, если бы это было возможно.

Гарнишеръ говорилъ намъ о существованіи особаго приказа, коимъ австрійское правительство предписало своимъ чиновникамъ не стѣснять нашихъ солдатъ и офицеровъ въ случаѣ ихъ желанія оставить край; онъ увѣрялъ, будто за нами слѣдятъ только для вида, для Россіи, что правительство предпочитаетъ, чтобы поляки поселились въ Галиціи, нежели отправлять ихъ съ большими издержками во Францію, такъ какъ это составляетъ значительный расходъ, и что разрѣшено даже принимать ихъ въ четыре уланскіе полка, набранные изъ охотниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гарнишеръ говорилъ кому могъ по секрету: «не довѣряйте мадьярамъ, это совсѣмъ не то, что польская шляхта. Дай Богъ, чтобы вамъ не пришлось пожалѣть объ этомъ впослѣдствіи».

Услыхавъ это поляки закричали: «этотъ австріецъ хочетъ поссорить насъ съ мадьярами! Онъ хочетъ выпроводить насъ изъ Австріи, онъ готовъ выдать насъ!»

Мадьяры слышали все это и продѣлали съ нами слѣдующую штуку. Они распустили слухъ, будто русскіе требуютъ нашей выдачи и

настаивають въ особенности на выдачѣ Карла Ружицкаго и нѣкоторыхъ офицеровъ, коихъ называли по именамъ; этимъ они чрезвычайно напугали всѣхъ насъ, а своими таинственными отвѣтами, на которые они большіе мастера (покрутить усы, щелкнуть шпорами, откашляться, подмигнуть и не отвѣтить ничего опредѣленнаго—ихъ дѣло) они нагнали на насъ такой страхъ, какого мы не испытывали ни разу при видѣ непріятеля. Тогда мы къ нимъ же обратились за совѣтомъ—что намъ дѣлать? Они отвѣчали: бѣжать, но устроить дѣло такъ, чтобы не компрометировать ихъ. Стали обдумывать разные планы. Карлъ Ружицкій, въ благодарность за такое расположеніе, подарилъ ротмистру гусарскаго полка своего заводскаго жеребца англо-арабской породы, а ротмистръ досталъ ему за это паспортъ на имя маіора Квицинскаго, и взявъ его подъ свое особое покровительство, отправилъ Ружицкаго вмѣстѣ съ Яномъ Подлескимъ въ Яношки, а его жеребца, такой же прекрасной породы, который былъ гордостью конюшни Шашкевича, взялъ также подъ свое покровительство, обѣщавъ доставить съ гусарами въ мѣсто жительства Ружицкаго. Карлъ Ружицкій уѣхалъ, но своего гнѣдаго жеребца болѣе не видалъ, а для человѣка военнаго и любителя лошадей жеребецъ представляетъ большую цѣнность; шапка золота—вотъ ему цѣна. Гарнишеръ предупреждалъ его, говоря: «не видать тебѣ, полковникъ, твоего жеребца какъ ушей своихъ». Каждаго изъ насъ такъ или иначе пощипали любезные мадьяры; меня и Омецинскаго они уговорили отослать нашихъ лошадей, экипажи, прислугу и всѣ вещи къ моему двоюродному брату Іосифу Гленбоцкому, а самимъ отправиться какъ бы на прогулку верхомъ до извѣстнаго мѣста, гдѣ насъ должна была ожидать нанятая бричка; привязавъ лошадей къ дереву, мы должны были пересѣсть въ бричку и уѣхать: «лошади, привязанныя къ дереву, вызовутъ разныя догадки и предположенія со стороны гусаръ, говорили мадьяры, и это дастъ вамъ время спокойно доѣхать туда, куда вы отправитесь».

Гарнишеръ и тутъ предостерегалъ насъ, говоря, что насъ просто хотятъ выпроводить, и совѣтывалъ намъ не брать для этой поѣздки нашихъ лучшихъ верховыхъ лошадей. Мы такъ и сдѣлали; я взялъ очень старую, но впрочемъ еще довольно хорошую рыжую лошадь, а годъ спустя, проѣзжая черезъ Вадовицы, мы видѣли съ Омецинскимъ братьевъ мадьяръ, преспокойно гарцовавшихъ на нашихъ лошадяхъ; мы посмѣялись, понявъ что они сыграли съ нами штуку, но съ нихъ были взятки гладки! Такимъ образомъ мы всѣ поплатились малую толику; братанки съумѣли надуть даже Антона Шашкевича, этого стараго воробья. Признаюсь, я съ дѣтства не питалъ симпатіи къ мадьярамъ, но послѣ Баторской Воли братанье съ ними за рюмкою вина было мнѣ очень не по вкусу. Надули они насъ, казаковъ!

Мы бѣжали съ Омецинскимъ, хотя насъ никто не гналъ. Благополучно прибыли мы въ Здухово, имѣніе моего дяди отъ перваго брака Амаліи Гленбоцкой, которая была впослѣдствіи замужемъ за Воронічемъ, братомъ примаса. Къ нему съѣхалось нѣсколько человѣкъ гостей. Кромѣ меня тутъ былъ Омецинскій, Михаилъ Грудзинскій и Янъ Немоевскій. Жена моего дяди, рожденная Срочинская, какъ истая краковянка, была очень привѣтлива и гостепріимна и любила повеселиться. Моя двоюродная сестра, панна Срочинская была прехорошенькая дѣвушка; сосѣдей у нихъ было множество, притомъ это были люди очень милые, въ ихъ домѣ было весело, оживленно; въ нашемъ распоряженіи были верховыя и упряжныя лошади, и мои борзыя имѣли гдѣ поохотиться.

Погостивъ у дяди я оставилъ своихъ лошадей и борзыхъ подъ присмотромъ Антона Топчевскаго и отправился вмѣстѣ съ Яномъ Омецинскимъ во Львовъ; по пути мы заѣзжали къ многимъ помѣщикамъ; насъ интересовало знать какъ имъ живется на бѣломъ свѣтѣ, ибо намъ казалось, послѣ нашего пораженія, что всѣхъ должно было постигнуть какое-нибудь несчастіе.

Въ Прживоркѣ мы застали многихъ офицеровъ изъ корпуса генерала Ромарино, преимущественно конныхъ егерей и стрѣлковъ и въ числѣ ихъ генерала Шнейде. Всѣ громко жаловались на Владислава Замойскаго, который поставилъ ихъ въ такое положеніе, что они бѣжали за границу, тогда какъ ихъ никто не преслѣдовалъ, перешли границу безъ сраженія и сложили оружіе, между тѣмъ какъ русскіе только обстрѣливали мѣстность, по которой шло польское войско и какъ бы эскортировали графа Замойскаго до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ вида, наобѣщавъ своимъ офицерамъ всякія небылицы; теперь ищи вѣтра въ полѣ! Жалкое зрѣлище представляли эти воины; они сложили оружіе тогда, когда могли бы спокойно имъ владѣть, а теперь снова хотѣли взяться за оружіе. Истые поляки!

Въ то время когда мы проѣзжали чрезъ Прживорокъ, туда пріѣхалъ маіоръ Верещинскій, бывшій управляющій народнаго банка въ Бердичевѣ и Одессѣ, затѣмъ организаторъ и начальникъ Подольской кавалеріи въ Замостьи, а теперь назначенный уполномоченнымъ отъ ржонда народоваго при высокой или блистательной Портѣ въ Константинополь. Это былъ нашъ старинный знакомый, на половину украинецъ. Онъ пріѣхалъ изъ Замостья, когда эта крѣпость сдалась на капитуляцію. «Такимъ образомъ въ Польшѣ водворился порядокъ», какъ доложилъ французскому парламенту маршалокъ Себастіани; въ Варшавѣ водворился порядокъ, и Луи-Филиппъ, вѣроятно, думалъ про себя: «мы устроимъ важную потѣху французскому народу и нагонимъ страха русскимъ: насъ это не втянетъ въ войну».

Хотя поляки и не спасли Франціи, но они оказали ей по крайней

мѣрѣ существенную услугу. Можно сказать, что въ 1831 г. поляки сражались не за Польшу, а за Францію; если бы они хотѣли сражаться за Польшу, то могли бы взяться за оружіе и въ 1827 и въ 1828 годахъ. Верещинскій былъ посланъ объяснить этотъ политическій nonsens разсудительнымъ туркамъ. Это было послѣ ужина горчица, но во всякомъ случаѣ это было совершенно въ польскомъ духѣ.

Верещинскій разсказалъ намъ объ отвагѣ, выказанной польскими солдатами при оборонѣ Замостья, о неутомимой дѣятельности маіора Болѣвскаго, о честности генерала Крысинскаго и о русскомъ генералѣ Кайсаровѣ, который доказалъ въ эту войну, что въ его груди билось славянское сердце.

Вслѣдъ за капитуляціей Варшавы, когда выяснилось окончательно, что наше стотысячное войско отправляется въ жидовское странствованіе, Кайсаровъ предложилъ гарнизону Замостья сдаться на капитуляцію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, обнадеживъ всѣхъ въ милосердіи царя и въ томъ, что всѣ безъ исключенія будутъ помилованы. Появленіе графа Владислава Замойскаго съ корпусомъ Ромарино въ окрестностяхъ Замостья вынудило генерала Кайсарова послать часть войска, осаждавшаго Замостье, противъ польскаго отряда, но поляки не сдѣлали никакой демонстраціи противъ крѣпости, а неслись какъ на почтовыхъ къ австрійской границѣ. Поэтому Кайсаровъ ограничился обстрѣливаніемъ мѣстности, по которой проходило польское войско, и, не измѣняя условій капитуляціи, спѣшилъ окончить переговоры, опасаясь, чтобы изъ Петербурга не были получены новыя распоряженія. Предложенныя генераломъ условія были приняты; Замостье сдалось на капитуляцію, но крѣпость еще не успѣли сдать, какъ изъ Петербурга былъ полученъ приказъ, въ которомъ говорилось, что такъ какъ положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій измѣнилось въ пользу русскихъ, то Замостье должно сдаться не на капитуляцію, а безусловно, полагаясь на великодушіе царя, что, разумѣется, было вполнѣ справедливо. Получивъ это приказаніе, генералъ Кайсаровъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ ему было очень трудно уладить это дѣло; онъ даже подалъ въ отставку. Все уладилось только послѣ личной его аудіенціи у императора Николая. Онъ прямо сказалъ государю, что командующій войсками русскаго царя не можетъ отказаться отъ своего слова, иначе онъ будетъ вынужденъ оставить службу, а вернуться къ своему посту считаетъ возможнымъ не иначе какъ сдержавъ данное имъ обѣщаніе. Великій государь, рыцарь своего слова, взглянулъ пристально на генерала и сказалъ:

— Такъ оставайся же на своемъ посту и сдержи свое слово.

Всѣ условія капитуляціи были свято исполнены, всѣ возвратились по домамъ, не подвергшись ни малѣйшему преслѣдованію со стороны

властей; всѣмъ, кто пожелалъ выѣхать за границу, были выданы паспорта, и они уѣхали.

Князя Генриха Любомірскаго, жившаго въ Замостьи, не было въ то время дома, онъ уѣхалъ въ Львовъ, но его управляющій устроилъ въ честь гостей великолѣпный балъ, на который съѣхалось не мало прелестныхъ галичанокъ; всѣ веселились какъ нельзя лучше, но тостовъ было предложено только два: генералъ Шнейде предложилъ тостъ за Карла Ружицкаго, а Верещинскій—за генерала Кайсарова.

Оригинально сопоставленіе именъ этихъ двухъ доблестныхъ и храбрыхъ славянъ въ собраніи поляковъ, обреченныхъ на странствованіе внѣ предѣловъ ихъ отечества.

Переводъ **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ)

Духовное завѣщаніе Анны Монсъ.

Разбирая хранящіяся въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба дѣла Военной Канцеляріи 1712—1716 г., авторъ этихъ строкъ случайно натолкнулся на интересный документъ, касающійся извѣстной Анны Монсъ, которая въ 1693—1703 г. играла весьма видную роль въ семейной жизни Петра Великаго.

По мнѣнію покойнаго М. И. Семевскаго, привязанность царя къ Монсъ была одною изъ причинъ, ускорившихъ постриженіе царицы Евдокіи, и едва не закончилась бракомъ, который долженъ былъ возвести красавицу нѣмецкой слободы на ступени трона [1]). Къ несчастью Анны, врожденное ея сластолюбіе взяло верхъ надъ хладнокровнымъ разсчетомъ Связь легкомысленной нѣмки съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ во-время отшатнула царя отъ «матрессы» и возвратила дочь виноторговца на болѣе достойное ей мѣсто, которое, впрочемъ, удалось нѣсколько улучшить бракомъ съ прусскимъ посланникомъ фонъ-Кейзерлингомъ. Значеніе Монсовъ въ жизни царя, однако, не прекратилось. На сцену вскорѣ выступилъ новый авантюристъ начала XVIII вѣка,—братъ отставной «матрессы», Виллимъ Монсъ, ставшій интимнымъ другомъ супруги царя, Екатерины Алексѣевны, и въ 1724 году сложившій за это (официально—за взятки) голову на плаху.

Разысканный нами документъ,—современная копія духовнаго завѣщанія Анны Монсъ,—касается обоихъ достойныхъ сородичей [2]). Въ этомъ актѣ Анна, 1-го февраля 1714 года, завѣщаетъ часть имущества своей послѣдней привязанности, «будущему супружнику» (?!) плѣнному шведскому капитану Карлу-Іоганну фонъ-Миллеру, и этимъ создаетъ предлогъ для гражданскаго иска братьевъ Анны къ Миллеру. Подробности послѣдовавшаго дѣла обстоятельно разслѣдованы М. Семевскимъ

[1]) М. Семевскій. Семейство Монсовъ, очеркъ изъ русской исторіи; изд. 1862 г., стр. 7 и 15.

[2]) О существованіи документа было извѣстно, но точное его содержаніе оставалось не выясненнымъ.

въ его трудѣ «Семейство Монсовъ», куда и отсылаемъ читателя. Здѣсь же ограничиваемся помѣщеніемъ завѣщанія въ полномъ его видѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ тонкостей орѳографіи подъячаго Военной канцеляріи [1]):

Во имя Господня.

Я Анна Магрета вдова Ѳонъ Кеізерлинга родомъ Ѳонъ Монсонъ. Понеже Щедрый Господь непрестанно мя немощію посѣщаетъ и мнѣ по вся могновенія ока смерть предъ очима представляетъ, то я пожелала съ доброю мыслѣю і своѣю собъственною доброю волѣю духовну сію написатъ. И хощу дабы по смерти моѣи (дай Боже блаженную кончіну) тако учинено было, что ежели Все Вышнему соизволющу мя отъ сего суетнаго міра взяти; то да будетъ моему злату, сребру, жемчугамъ и алмазамъ мой любезныи будущій супружникъ яко Карлъ Іоганъ Ѳонъ Миллеръ единъ наслѣдникъ. а мати моя наслѣдница платію такожде и всему полотяному. а особливо и покоінаго моего мужа пожитки такожде да будутъ моему любимому будущему супружнику реку Карлу Іоганну Ѳонъ Миллеру. і все что я ему теплѣю рукою дала, ничто-же отъ него да не будетъ отъѣмлено. а что надлежитъ о денгахъ, которые у конзула поставлени яко Шестьнацать сотъ рублевъ изъ тѣхъ погребена да буду, а достальные на половину съ матерью моѣю да раздѣлятся. А будеже мои любезныи будущіи супружникъ прежде смертію отъидетъ нежели моя любезная мати, то остаточное паки моѣи матери возвращенно да будеть, и сія есть моя послѣдняя воля, и для крѣпчаішаго подкрепленія приложу свою руку и печать.

Анна Маргрета вдова Ѳонъ Кеізерлинга родомъ
Ѳонъ Монсонъ.

На Москвѣ въ а҃ день Ѳевраля
҂аѱд҃і году.

Сообщилъ **А. З. Мышлаевскій.**

[1]) Документъ этотъ хранится въ Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба, дѣла Воен. Канц. Опись 3, связка № 4, дѣло № 7, листъ 51.

Александръ Григорьевичъ Тройницкій.

(Одесскій періодъ его службы).

На страницахъ нашихъ историческихъ журналовъ появляются время отъ времени письма разныхъ лицъ и извлеченія изъ бумагъ А. Г. Тройницкаго, одного изъ почтенныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, занимавшаго около 6 лѣтъ важный постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ въ то самое время, когда подготовлялась и приводилась въ исполненіе крестьянская реформа. Въ нашей періодической печати, по случаю исполнившейся 12 марта 1896 г. двадцатипятилѣтней годовщины его смерти, была отмѣчена дѣятельность Тройницкаго на разнообразныхъ поприщахъ, а потому не лишнимъ считаемъ сообщить болѣе подробныя данныя о его жизни, которыя собраны сыновьями покойнаго и извлечены изъ его бумагъ. Какъ увидимъ дальше, не знатностью рода, не богатствомъ, не связями выдвинулся Тройницкій изъ среды своихъ современниковъ и достигъ высокаго положенія въ обществѣ и государствѣ, а единственно благодаря настойчивому труду, честному отношенію къ своему долгу и способностямъ, которыми одарила его природа.

Изъ немногихъ сохранившихся семейныхъ бумагъ видно, что родословная нить Тройницкихъ исходитъ отъ конца XVII в. Прадѣдъ Александра Григорьевича, Павелъ Тройницкій, полтавскій полковой писарь, пожалованный 17 сентября 1717 г. сотникомъ келебердянскимъ, скончался до 1740 г.; онъ былъ женатъ на Маріи Свѣтайло († 1768 г.), отъ которой имѣлъ нѣсколько дочерей и трехъ сыновей: Петра, Ивана и Іустина. У старшаго сына послѣдняго Григорія, служившаго въ

Новоладожскомъ пѣхотномъ полку, отъ брака въ 1806 г. съ Матреной Осиповичной Волошиновой († 1872 г. въ имѣніи Нагорное, близъ Кременчуга) родился въ Одессѣ 12 марта 1807 г. сынъ Александръ. Впослѣдствіи Тройницкій вспоминалъ о первыхъ годахъ своей юности, говоря: [1]) «Къ дѣтскимъ моимъ воспоминаніямъ относится, напримѣръ, время, когда за нынѣшнимъ Сабанѣевскимъ мостомъ были офицерскія казармы, въ одной изъ которыхъ, сохранившейся донынѣ – разумѣется, передѣланной позже—я родился. За этими казармами, тамъ, гдѣ нынѣ Гаванная улица и гостепріимный домъ одного изъ присутствующихъ здѣсь одесскихъ негоціантовъ и амфитріоновъ, начиналась степь, покрытая густою, высокою травою, занимавшею все пространство по обѣимъ сторонамъ нынѣшней Софіевской улицы. Тамъ, гдѣ потомъ возникли дома Акацатовой, архіерейскій, Нарышкина и проч., мой отецъ со своими сослуживцами могли охотиться за лисицами. Я помню время, когда на мѣстѣ нынѣшняго приморскаго бульвара, конечно, одного изъ красивѣйшихъ гульбищъ въ Европѣ, находились развалины турецкой крѣпостцы и казармъ. Мнѣ памятно еще время, когда все пространство отъ нынѣшняго Куликова поля до Малаго и Средняго фонтановъ, нынѣ покрытое сплошною массою дачъ и садовъ, было гладкою степью, по которой, къ концу лѣта, свободно разносились вѣтромъ кусты — вамъ уже можетъ быть неизвѣстнаго бурьяновистаго растенія «перекати поле».....

Изъ метрическаго свидѣтельства Александра Григорьевича видно, что воспріемникомъ его при крещеніи былъ шефъ Ладожскаго пѣхотнаго полка генералъ-маіоръ Ѳ. Кобле; воспріемницею же своею онъ считалъ маркизу Паулуччи, мужъ которой былъ впослѣдствіи лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

Первыя впечатлѣнія дѣтства, которыя сохранились въ памяти Александра Григорьевича, были весьма грустныя; отецъ его скончался въ 1812 г. отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи при деревнѣ Салтановкѣ съ передовыми частями великой французской арміи, подъ начальствомъ маршала Даву. По разсказамъ Александра Григорьевича, извѣстіе о смерти отца было сообщено матери его полковымъ священникомъ, Кушакевичемъ, который переслалъ вдовѣ покойнаго его образокъ и походную кровать. Оставшись пятилѣтнимъ ребенкомъ, съ младшимъ братомъ, Николаемъ, на рукахъ матери безъ всякихъ средствъ, Тройницкій не былъ воспитанъ въ довольствѣ.

Не успѣла еще семья оплакать покойнаго, надъ головой ея стря-

---

[1]) Изъ рѣчи, сказанной Александромъ Григорьевичемъ во время обѣда, устроеннаго въ честь его, въ послѣдній пріѣздъ въ Одессу въ августѣ 1868 г.; см. „Одесскій Вѣстникъ“ 1868 г. № 180.

слась новая бѣда; въ августѣ 1812 г. въ Одессу проникла чума, которая не пощадила домъ сиротъ; подчиняясь строгимъ предписаніямъ для борьбы съ заразою, вдова Тройницкаго съ малолѣтними дѣтьми была помѣщена въ карантинѣ, а вся ихъ домашняя обстановка предана сожженію. По окончаніи карантина Матрена Ѳоминична, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, принялась хлопотать о пенсіи. Въ мартѣ 1813 г. герцогъ Ришелье обратился съ ходатайствомъ о назначеніи вдовѣ Тройницкаго пожизненной пенсіи, и уже 2-го іюля того же года сообщилъ письмомъ о назначеніи ей 434 руб. въ годъ.

15-го января 1816 г. Александръ Григорьевичъ поступилъ въ Одесскій благородный институтъ, вѣроятно приходящимъ, такъ какъ по его разсказамъ въ грязную погоду иногда онъ подъѣзжалъ къ заведенію, стоя сзади водовозной бочки, за что уплачивалъ своему возницѣ деньги, отпускаемыя матерью на завтракъ. Институтъ существовалъ сначала въ видѣ частнаго учебнаго заведенія, а затѣмъ принятый въ 1811 г. въ вѣдѣніе правительства, онъ былъ преобразованъ въ 1818 г. по указаніямъ аббата Николя [1]). Въ первый же годъ вступленія Тройницкій попалъ въ число избранныхъ воспитанниковъ, на долю которыхъ выпало счастіе привѣтствовать словомъ посѣтившаго институтъ великаго князя Николая Павловича. Послѣ преобразованія института въ лицей Александръ Григорьевичъ былъ принятъ въ число воспи-

[1]) Доминикъ Шарль Николь, (р. 4 апрѣля 1758 въ деревни Повинь, недалеко отъ Руана) замѣчательный педагогъ своего времени, принадлежитъ къ числу иностранцевъ, потрудившихся на пользу нашего отечества. Получивъ первоначальное образованіе въ іезуитской коллегіи, Николь, несогласный со строемъ революціи, эмигрировалъ вмѣстѣ съ графомъ Шуазель-Гуфье въ Россію, въ качествѣ воспитателя его сына. Въ Петербургѣ оцѣнили педагогическія способности Николя, и онъ вскорѣ открылъ здѣсь на щедрыя пожертвованія русскихъ аристократовъ французскій воспитательный пансіонъ для ихъ сыновей. Въ 1800 г. по болѣзни и по другимъ причинамъ Николь выѣхалъ въ Москву, гдѣ пробылъ недолго. Герцогъ Ришелье, въ то время управлявшій Новороссійскимъ краемъ и знавшій аббата, какъ товарища по школѣ, приблизилъ его къ себѣ, и чтобы составить своему другу прочное положеніе въ Одессѣ. Ришелье выхлопоталъ ему мѣсто визитатора латинскихъ церквей въ Южной Россіи. Здѣсь Николь имѣлъ возможность, помимо прямыхъ обязанностей, какъ духовнаго лица, развернуть широко свои педагогическія способности; по его указаніямъ былъ преобразованъ Одесскій благородный институтъ, переименованный затѣмъ въ лицей; первымъ директоромъ этого послѣдняго былъ аббатъ Николь до 1820 г., когда онъ выѣхалъ въ Петербургъ и вскорѣ послѣ того изъ Россіи на родину, гдѣ прожилъ до своей кончины, застигшей его въ Парижѣ на 77 году жизни. См. „Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго лицея“, статья Яковлева и Юрченко. Новороссійскій календарь 1891 г. стр. 11 — 91. Къ этой статьѣ приложенъ снимокъ съ портрета Николя, рисованнаго перомъ рукою Н. Г. Тройницкаго; здѣсь же указаны и матеріалы для біографіи аббата Николя.

танниковъ послѣдняго на счетъ пожертвованныхъ герцогомъ Ришелье суммъ этому заведенію. Природныя способности, прилежаніе и отличное поведеніе Тройницкаго давали ему возможность переходить изъ класа въ классъ съ наградами. Онъ нерѣдко получалъ приглашенія въ праздники къ попечителю, графу Ланжерону и въ самомъ лицеѣ выступалъ на литературныхъ собраніяхъ [1]).

Окончивъ 13-го февраля 1824 г. курсъ внутреннихъ классовъ [2]) лицея, Тройницкій въ томъ же году продолжалъ занятія въ состоящемъ при лицеѣ дополнительномъ училищѣ правовѣдѣнія и политической экономіи, занимая должность надзирателя за воспитанниками 3-го класса лицея, въ число обязанностей котораго входило—говорить во время дежурства съ учениками на французскомъ языкѣ. За отличное исполненіе этого назначенія А. Г. по опредѣленію правленія лицея удостоился изъявленія признательности. По окончаніи въ 1826 г. дополнительнаго курса Тройницкій, оставаясь надзирателемъ, преподавалъ за отсутствіемъ профессора Віардо математику въ 5 классѣ лицея и въ томъ же году былъ назначенъ и. д. адъюнкта математическихъ наукъ; утвержденный въ означенной должности министерствомъ народнаго просвѣщенія, завѣдывалъ физическимъ кабинетомъ, преподавая въ двухъ старшихъ классахъ чистую и прикладную математику, а также и гражданскую архитектуру. Въ 1829 г. Александръ Григорьевичъ былъ приглашенъ преподавать исторію и географію въ Одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

Оставаясь при лицеѣ до начала 1832 г. Тройницкій ежегодно читалъ во время торжественныхъ собраній лицея историческія записки по вопросамъ, касающимся различныхъ отраслей этого заведенія [3]).

---

[1]) См. „Новороссійскій календарь“, тамъ же.

[2]) Сохранились ученическія тетради, похвальные листы и наградныя книги Тройницкаго. Между ними оказались: рѣчь Тройницкаго на латинскомъ языкѣ и русскій ея переводъ, по поводу смерти герцога Ришелье, а также аттестація воспитанниковъ и надзирателей 4 и 5 классовъ лицея, писанная, судя по почерку, аббатомъ Николемъ; между прочимъ Тройницкій, стоящій первымъ въ четвертомъ классѣ, аттестуется слѣдующимъ образомъ: „Прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ личность; ему нужны ласка и ободреніе, но надо также стараться развить въ немъ большую твердость характера“.

[3]) Имъ были прочтены: а) 1829 г.—Записка о происшествіяхъ въ лицеѣ съ 1 января 1828 г. по 1 августа 1829 г. б) 1830 г.—„Историческая записка о главнѣйшихъ распоряженіяхъ и перемѣнахъ по Ришельевскому лицею съ 1 янв. 1828 г. по 1 авг. 1830 г.“ в)1831 г.—«Историческая записка съ послѣдняго выпуска». Будучи назначенъ членомъ и ученымъ секретаремъ временнаго комитета для составленія проекта устава гимназіи при Ришельевскомъ лицеѣ, Александръ Григорьевичъ въ декабрѣ 1830 г. получилъ приказаніе составить историческую записку о лицеѣ, „каковая нужна въ особенности по дѣлу пре-

Кромѣ занятій учебнымъ дѣломъ и порученій по хозяйственной части лицея, Александръ Григорьевичъ состоялъ исправляющимъ должность цензора и секретаря въ Одесскомъ цензурномъ комитетѣ. Въ 1832 г. Тройницкій простился со своими учениками, и былъ опредѣленъ инспекторомъ въ одесскій строительный комитетъ; воспитанники лицея въ знакъ признательности поднесли ему серебряную вазу при особомъ адресѣ [1]).

Разставшись съ заведеніемъ, которое воспитало и образовало Александра Григорьевича, онъ до конца жизни сохранилъ чувство признательности къ своимъ руководителямъ; особенную память питалъ онъ къ первому директору лицея, аббату Николю [2]). По разсказамъ Тройницкаго, при немъ воспитанники не чувствовали надъ собою гнета ни религіознаго, ни національнаго; въ нихъ развивалось самосознаніе и любовь къ труду и любознательность; но и физическое развитіе не оставалось въ пренебреженіи: танцы, фехтованіе, прогулки, купанье съ обученіемъ плаванію—все это было въ числѣ обязательныхъ занятій, наравнѣ съ учебными предметами. Разноплеменность же преподавателей и воспитанниковъ способствовала усвоенію иностранныхъ языковъ. По выходѣ изъ лицея, Александръ Григорьевичъ свободно читалъ по латыни, говорилъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ характерѣ его не замѣчалось признаковъ іезуитизма; наоборотъ—отличительною чертою его была прямота и искренность; при всемъ томъ, воспитанный въ духѣ православія, онъ оставался до конца жизни искренно вѣрующимъ и русскимъ человѣкомъ.

Уволенный отъ должности цензора и секретаря одесскаго цензурнаго комитета, Тройницкій перешелъ на службу по одесскому градоначальству; вскорѣ послѣ этого онъ принялъ непосредственное участіе

образованія онаго; записка сія, составленная во всей полнотѣ и основанная на актахъ, должна заключать всѣ перемѣны по ученой и хозяйственной части, происшедшія со времени учрежденія сего заведенія". Черновой списокъ этой записки сохранился въ бумагахъ Тройницкаго.

[1]) Вотъ этотъ адресъ: „Почтеннѣйшій Наставникъ! Къ крайнему нашему сожалѣнію, обстоятельства заставляютъ васъ оставить Ришельевскій лицей, то заведеніе, которому вы служили украшеніемъ, какъ воспитанникъ, и, въ продолженіе шести лѣтъ, какъ преподаватель наукъ математическихъ.—Происшествіе сіе должно быть для васъ столь-же прискорбно какъ и для насъ.

„Движимые чувствомъ признательности къ неутомимымъ вашимъ трудамъ въ преподаваніи, воспитанники всѣхъ классовъ, въ ознаменованіе своей благодарности, подносятъ вамъ **серебряную вазу** съ надписью.

„Примите сей слабый, но усердный знакъ нашего къ вамъ почтенія. Да покажетъ онъ, что мы умѣемъ цѣнить достойныхъ нашихъ наставниковъ. Воспоминаніе о васъ не изгладится никогда изъ сердецъ, въ которыхъ горитъ огонь любви къ наукамъ». Февраля 7-го дня 1832.

[2]) См. „Некрологическое извѣстіе. Аббатъ Николь". Статья А. Т. (ройницкаго) „Одесскій Вѣстникъ" 1835 г. № 75. стр. 297.

въ умственной жизни Южнаго края, будучи назначенъ главнымъ редакторомъ газетъ: «Одесскаго Вѣстника» и «Journal d'Odessa», а также управляющимъ одесскою городскою типографіей.

Первая появившаяся въ Одессѣ газета, издававшаяся съ 1820 года частными лицами, во главѣ съ J. B. Davallon, подъ покровительствомъ мѣстнаго начальства, съ цѣлью опубликовывать торговыя извѣстія, имѣла исключительно коммерческій характеръ и носила названіе: «Messager de la Russie méridionale». По малому числу подписчиковъ, вслѣдствіе ея спеціальнаго назначенія, и по недостатку типографскихъ средствъ, газета не получила широкаго распространенія и скоро, въ 1823 году, прекратила свое существованіе. Въ это же время, подъ редакціей г-на Гибаль, началось изданіе русской газеты, первый номеръ которой вышелъ 1-го іюля 1821 года, подъ именемъ «Вѣстникъ Южной Россіи»; но число подписчиковъ на него достигло лишь с е м и; издатели выпустили нѣсколько номеровъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и прекратили изданіе. Князь Воронцовъ, назначенный въ 1823 году новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, будучи однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей того времени, считалъ необходимымъ имѣть для Южнаго края самостоятельный органъ, который, удовлетворяя потребностямъ торговли, въ то же время сообщалъ бы населенію достовѣрныя политическія извѣстія. Съ этою цѣлью, подъ его покровительствомъ, въ 1826 году, возникла газета «Journal d'Odessa ou courrier commercial de la Nouvelle Russie»; на слѣдующій годъ была учреждена въ Одессѣ городская типографія, гдѣ печаталась эта газета, на двухъ языкахъ—русскомъ и французскомъ; первыми ея редакторами были, состоявшіе въ то время при графѣ Воронцовѣ, А. И. Левшинъ, Ф. И. Брунновъ [1]), потомъ и П. Т. Морозовъ. Съ 1831 года текстъ раздѣлился, и газета стала выходить отдѣльно: на русскомъ языкѣ подъ редакціей М. П. Розберга, подъ названіемъ «Одесскій Вѣстникъ» и на французскомъ подъ редакціей г-на Repey, съ именемъ «Journal d'Odessa». Общее наблюденіе за обоими изданіями было поручено одесскому градоначальнику Левшину. Доходъ съ этихъ газетъ шелъ, съ 1827—1831 г.г., въ пользу городской типографіи, откуда редакторы, съ ихъ помощниками, получали опредѣленное вознагражденіе за свои труды. Этотъ доходъ, получаемый съ 178-ми подписчиковъ русскаго и съ 73-хъ французскаго изданій былъ весьма незначителенъ. Съ 1831 года прибыль отъ подписки на газеты составляла уже собственность редакторовъ, которые должны были вносить опредѣленную плату за печатаніе въ управленіе градоначальника, подъ вѣдѣніемъ котораго находилась городская типографія. Несмотря на то, что редакторъ «Одесскаго Вѣстника»

[1]) Бывшій впослѣдствіи посломъ въ Лондонѣ.

Розбергъ улучшилъ литературный отдѣлъ газеты, привлекъ лучшія силы для «Еженедѣльныхъ литературныхъ листковъ», выдаваемыхъ въ видѣ приложенія, число подписчиковъ не окупало расходы по изданію; въ такомъ же положеніи, если не худшемъ, находился и «Journal d'Odessa». Вслѣдствіе этого въ концѣ 1833 года, съ согласія графа Воронцова, былъ основанъ особый редакціонный комитетъ, изъ трехъ лицъ. Послѣ отъѣзда Розберга въ Дерптъ и по смерти г-на Керсу, редакціонный комитетъ, съ согласія графа Воронцова, избралъ А. Г. Тройницкаго, который и вступилъ въ исполненіе обязанностей главнаго редактора обѣихъ газетъ; онъ же былъ назначенъ управляющимъ городскою типографіей. Такимъ образомъ издавались обѣ газеты—русская и французская—до 1837 года; число подписчиковъ первой не превышало къ этому времени 276 и второй доходило только до 109. Доходы съ изданія, за вычетомъ росходовъ по типографіи (по-прежнему), были весьма скудны. Тогда рѣшено было передать обѣ газеты въ вѣдѣніе одного лица; выборъ начальства палъ на Тройницкаго, которому было предложено взять въ полное распоряженіе изданіе «Одесскаго Вѣстника» и «Journal d'Odessa».

Подъ управленіемъ новаго редактора «Одесскій Вѣстникъ» сдѣлался вскорѣ самымъ полнымъ и интереснымъ органомъ Южнаго края. Внутреннее содержаніе газеты, руководимой Тройницкимъ, стало живѣе; оффиціальныя извѣстія получили бо́льшую стройность, распоряженія правительства и мѣстнаго начальства опубликовывались быстро и съ тщательной точностью. Графъ Воронцовъ принималъ самое живое участіе въ изданіи этой газеты, просматривалъ иногда напередъ важнѣйшія статьи, присылалъ для напечатанія лично имъ продиктованныя. Желая содѣйствовать успѣху изданія, онъ не жалѣлъ денежныхъ средствъ на улучшеніе «Одесскаго Вѣстника»; даже находясь за-границей интересовался каждымъ выходящимъ номеромъ газеты. Въ письмахъ оттуда графъ просилъ редактора, съ цѣлью скорѣйшаго опубликованія извѣстій, увеличить число выходящихъ номеровъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его переписка по этому поводу съ А. Г. Тройницкимъ [1]) и С. В. Сафоновымъ [2]). Весьма интересно содержаніе одного изъ писемъ Тройницкаго къ графу Воронцову, по поводу изданія одесскихъ газетъ, отъ 30-го октября 1840 года [3]).

«Графъ! Ваше сіятельство неоднократно выражали мнѣ желаніе,

---

[1]) См. «Русск. Арх.» 1894 г., кн. 4, стр. 35 и 36—«Письма Воронцова къ Тройницкому.

[2]) Архивъ князя Воронцова, кн. 38. М. 1893 г., стр. 328. Письмо Сафонова къ Воронцову отъ 28-го октября 1838 г.

[3]) Переводъ съ французскаго чернового подлинника.

чтобы обѣ одесскія газеты, редакція которыхъ поручена мнѣ шесть лѣтъ тому назадъ, были расширены такимъ образомъ, чтобы здѣсь выходило ежедневное изданіе: три раза въ недѣлю на русскомъ, столько же разъ на французскомъ языкахъ. Я употребилъ всѣ мои усилія, чтобы имѣть возможность исполнить ваше желаніе, но, къ сожалѣнію, убѣдился, что съ тѣми средствами, которыми я могу располагать, ежедневное изданіе, по крайней мѣрѣ съ будущаго года, немыслимо.

«Соблаговолите, графъ, удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ вашего благосклоннаго вниманія, чтобы я могъ изложить вамъ причины, которыя ставятъ меня въ невозможность теперь же придать нашимъ двумъ газетамъ большій интересъ учащеніемъ выхода ихъ въ свѣтъ.

«Первое, весьма существенное къ тому затрудненіе, заключается въ ограниченныхъ средствахъ нашей типографіи. Выпускъ ежедневнаго изданія потребовалъ бы для одной изъ газетъ работы въ типографіи во всѣ воскресенья, а потому необходимо бы на увеличеніе числа наборщиковъ и печатниковъ прибавить отъ 3 до 4 тысячъ въ годъ къ 5 тысячамъ, которыя типографія получаетъ отъ города, подобно типографіямъ казеннымъ. Въ виду возраженій, которыя были выражены по поводу предположеннаго здѣсь учрежденія словолитни, едва ли можно надѣяться, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ согласился на подобную прибавку, составляющую первое матеріальное условіе для изданія ежедневной газеты. Обращаясь къ средствамъ редакціи, я обязанъ высказать, что въ настоящее время у меня по обѣимъ газетамъ четыре сотрудника, которые получаютъ изъ доходовъ редакціи содержаніе, составляющее въ общемъ шесть тысячъ рублей въ годъ. Увеличеніемъ вдвое ихъ труда, требованіемъ отъ нихъ постоянныхъ занятій во всѣ воскресенья и праздники, потребовало бы соотвѣтственнаго увеличенія ихъ содержанія, а на это отнюдь не достаточны доходы редакціи, такъ какъ на ней лежитъ расходъ свыше четырехъ тысячъ за печатаніе, около пяти тысячъ за бумагу и 1.500 рублей на почтовые расходы, выписку газетъ и корреспонденціи—всего около 16.500 рублей въ годъ. Вознагражденіе моихъ сотрудниковъ не можетъ быть меньше того, что они получаютъ теперь, такъ какъ занятія въ редакціи не даютъ никакихъ служебныхъ правъ. Каждый требуетъ соразмѣрнаго вознагражденія за трудъ, который продолжается, обыкновенно, до полночи, а часто и долѣе. Сверхъ того, ваше сіятельство дважды высказывали мнѣ, во время чумы и во время моего путешествія за-границу, что вы не были довольны редакціей газетъ въ то время, когда я не могъ участвовать въ ней непосредственно. На это я позволяю себѣ сослаться лишь въ доказательство затрудненій въ этой работѣ моихъ помощниковъ, на которыхъ я могъ бы вполнѣ положиться, хотя бы на нѣкоторое время, безъ моего личнаго контроля и непрерывнаго участія.

«Что касается меня лично, то не по недостатку доброй воли, а лишь по физической невозможности я не могу теперь же усилить свою работу настолько, чтобы она была достаточна для ежедневнаго изданія. По этому поводу позволяю себѣ возобновить въ вашей памяти, что, не увеличивая цѣны моихъ двухъ изданій, я вчетверо увеличилъ ихъ объемъ, въ чемъ, ваше сіятельство, можете увѣриться, сравнивъ листы газетъ за 1833 годъ и за нынѣшній.

«Если бы у меня не было никакихъ другихъ занятій, или же служебныя мои обязанности были менѣе обременительны, я съ удовольствіемъ посвятилъ бы все мое время работѣ по редакціи; но дѣйствительность не такова. На мнѣ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы и завѣдываніе учебною частью въ институтѣ—они поглощаютъ у меня много времени. Не отъ меня зависитъ перемѣнить родъ службы, хотя она для меня не очень выгодна; вотъ уже одиннадцать лѣтъ, какъ я связанъ съ институтомъ и не знаю, что̀ такое награда за эту службу; два чина, которые я получилъ, дарованы мнѣ за выслугу лѣтъ. Но выбора у меня нѣтъ, и мнѣ необходимо дорожить выпавшею мнѣ должностью и я не могу отъ нея отказаться тѣмъ болѣе, что моя служба въ институтѣ оказывается не безполезною, я привязанъ ей и буду ее продолжать, пока не получу мѣста съ такимъ же положеніемъ, которому я обязанъ высокимъ покровительствомъ вашего сіятельства, всегда мною цѣнимымъ, какъ лучшей наградой за мои труды.

«Мнѣ приходится самому редактировать французскую газету всецѣло, а русскую въ бо̀льшей еще части, и это отнимаетъ у меня отъ семи до восьми часовъ въ сутки. Я охотно исполняю этотъ трудъ въ надеждѣ, что заслуживаю одобренія вашего сіятельства; дохода онъ мнѣ приноситъ около четырехъ тысячъ въ годъ—и я этимъ довольствуюсь. Но если я стану издавать газету ежедневно, я не могу ручаться, что у меня хватитъ на это силъ, тѣмъ болѣе, что я, съ нѣкотораго времени, начинаю чувствовать значительное ослабленіе зрѣнія—послѣдствіе непрерывной работы по ночамъ въ теченіе шести лѣтъ.

«Составленная мною приблизительная смѣта доходовъ газеты доказала, что если подписная плата будетъ увеличена до 35 рублей ассиг., а число подписчиковъ останется то же (въ настоящее время ихъ до 600 на обѣ газеты), я, быть можетъ, найду средства увеличить расходы на сотрудниковъ, бумагу и печатаніе, но мнѣ самому не останется рѣшительно ничего.

«Не имѣя никакого состоянія, могу ли я рѣшиться взять на себя чрезмѣрную работу, которая года черезъ два сдѣлала бы меня безусловно неспособнымъ ко всякаго рода службѣ... Если до сихъ поръ службою моею были довольны—развѣ я не долженъ стараться, чтобы она впредь была возможно дѣятельна въ доступныхъ для меня усло-

віяхъ, и сколько-нибудь заботиться о своей будущности, которую я самъ долженъ себѣ обезпечить.

«Позвольте мнѣ надѣяться, что ваше сіятельство невѣсите съ благосклонностью, которую вы всегда мнѣ оказывали и которая служила для меня поддержкою въ исполненіи сложныхъ обязанностей, наложенные мною доводы и разрѣшите мнѣ продолжать изданіе газетъ на основаніяхъ, которыми я до сихъ поръ руководствовался. Можетъ статься, что въ теченіе года какая-либо перемѣна въ моей службѣ или благопріятное измѣненіе въ положеніи типографіи дадутъ мнѣ возможность приступить, согласно желанію вашего сіятельства, къ изданію въ Одессѣ газетъ ежедневно. Смѣю увѣрить ваше сіятельство, что подобнымъ обстоятельствомъ я воспользуюсь, чтобы угодить вамъ...»

По ходатайству того же графа Воронцова редакціи «Одесскаго Вѣстника» было разрѣшено составлять самостоятельныя политическія обозрѣнія, независимо отъ извѣстій, получаемыхъ изъ Петербурга. Сосѣдство Константинополя и постоянныя сношенія съ Востокомъ дозволяли имѣть самостоятельныя корреспонденціи, которыя, появляясь сначала на страницахъ «Одесскаго Вѣстника», переходили потомъ на столбцы столичныхъ газетъ.

Когда графъ Воронцовъ былъ назначенъ намѣстникомъ кавказскимъ, Тройницкій лишился въ лицѣ его непосредственнаго своего руководителя; тѣмъ не менѣе, Воронцовъ не переставалъ оказывать свое содѣйствіе, гдѣ оно могло быть полезнымъ; это видно изъ отношенія [1]) его къ графу А. Ѳ. Орлову, бывшему въ то время командующимъ императорскою главною квартирою и главнымъ начальникомъ III-го отдѣленія Собственной его императорскаго величества канцеляріи:

«Съ давняго времени, какъ вашему сіятельству не безъизвѣстно, издаются въ Одессѣ двѣ газеты подъ названіемъ «Одесскаго Вѣстника» и «Journal d'Odessa», подъ вѣдѣніемъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора. Одно изъ главныхъ назначеній сихъ журналовъ состояло всегда въ томъ, чтобы удовлетворять постоянной потребности большаго торговаго города, получать, по возможности, болѣе точныя и скорыя извѣстія о политическихъ заграничныхъ событіяхъ. Потребность эта не только естественна, но даже необходима; часто заходящія сюда, посредствомъ частной переписки, преувеличенныя, а иногда и совершенно невѣрныя, извѣстія могутъ имѣть вліяніе на обороты торговли и часто ввести торговцевъ въ весьма пагубное для нихъ сомнѣніе. По сему, во время пребыванія моего въ Одессѣ, я постоянно, повѣряя лично изданіе сихъ газетъ, наблюдалъ, чтобы помѣщаемыя въ

---

[1]) Копія съ отношенія г. намѣстника кавказскаго къ гр. А. Ѳ. Орлову отъ 14-го сентября 1849 г., сохранившаяся въ бумагахъ А. Г.

ихъ заграничныя политическія извѣстія, почерпнутыя изъ бывшей «Прусской государственной газеты» и «Австрійскаго Наблюдателя», которыя для сего предмета было разрѣшено мнѣ получать прямо, черезъ Радзивиловъ и Варшаву, были сколько возможно точнѣе, съ соблюденіемъ правилъ, принятыхъ руководствомъ въ Имперіи, при изданіи газетъ. Дабы еще вѣрнѣе было слѣдуемо таковымъ правиламъ, я поручилъ, съ 1834 года, редакцію сихъ газетъ чиновнику, на предусмотрительность, благоразуміе и осторожность котораго я могъ бы полагаться, дабы и во время отлучекъ моихъ изъ Одессы изданіе тамошнихъ газетъ сохраняло направленіе, соотвѣтствующее видамъ правительства. Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тройницкій вполнѣ оправдалъ, въ этомъ случаѣ, мои ожиданія. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ то, что во время 14-ти-лѣтней редакціи имъ сихъ газетъ, не сдѣлано было ни одного раза замѣчанія о какой-либо неосторожности въ сообщеніи имъ заграничныхъ политическихъ извѣстій. Газеты сіи, соотвѣтствуя нуждамъ торговаго сословія, могли существовать безъ всякаго вспомоществованія отъ правительства или даже города, между тѣмъ какъ онѣ служатъ весьма полезнымъ средствомъ для мѣстнаго начальства къ повсемѣстному распространенію въ краѣ свѣдѣній или наставленій, которыя оно считаетъ нужнымъ сдѣлать общеизвѣстными.

«Нынѣ же, по неимѣнію до сихъ поръ никакихъ положительныхъ и правительствомъ утвержденныхъ правилъ, коими редакція «Одесскаго Вѣстника» и «Journal d'Odessa» могла бы руководствоваться при сообщеніи заграничныхъ извѣстій, и особенно со времени послѣднихъ переворотовъ въ Европѣ, генералъ-лейтенантъ Ѳедоровъ [1]) затрудняется разрѣшать редакціи составлять политическія извѣстія въ этихъ газетахъ, на прежнемъ основаніи. Между тѣмъ, ваше сіятельство изволите сами убѣдиться, что особенно въ настоящее время, при смутномъ положеніи Европы и при потрясеніи почти всѣхъ торговыхъ интересовъ, еще болѣе, чѣмъ когда-либо, для значительнаго торговаго сословія, каково одесское, необходимо имѣть по возможности свѣжія и вѣрныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ. Перепечатываніе же ихъ изъ петербургскихъ газетъ сопряжено съ такою потерею времени, что уничтожаетъ всю пользу изданія особыхъ газетъ въ Одессѣ и должно лишить самую редакцію большаго числа подписчиковъ, не находящихъ болѣе въ сихъ газетахъ тѣхъ условій, которыя побуждали ихъ подписываться на нихъ. Кромѣ того, торговое сословіе можетъ быть, до полученія положительныхъ извѣстій черезъ С.-Петербургъ, введено въ

---

[1]) За время отсутствія графа Воронцова исправлялъ должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора.

заблужденіе черезъ важныя или преувеличенныя извѣстія, почерпнутыя изъ частныхъ переписокъ или изъ распространившихся слуховъ, и можетъ быть введено въ недоумѣніе, всегда пагубное для торговыхъ оборотовъ.

«По всѣмъ симъ соображеніямъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тройницкій ходатайствуетъ объ опредѣленіи положительныхъ правилъ: 1) можно ли и на будущее время дозволить редакціи «Одесскаго Вѣстника» и «Journal d'Odessa» заимствовать заграничныя извѣстія изъ иностранныхъ (берлинскихъ, вѣнскихъ и константинопольскихъ) газетъ, которыхъ полученіе разрѣшено будетъ генералъ-губернатору, прямо изъ мѣста ихъ изданія, а не черезъ С.-Петербургъ, по отдаленности Одессы отъ столицы и 2) кому слѣдуетъ поручать ближайшую цензуру этихъ газетъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ генералъ-губернатора, главному ли редактору, дѣйствительному статскому совѣтнику Тройницкому или одесскому цензурному комитету.

«Представляя сіи вопросы на благосклонное разсмотрѣніе вашего сіятельства, для полученія законнаго распоряженія, я вполнѣ увѣренъ, что просвѣщенный образъ мыслей вашъ убѣдитъ васъ, милостивый государь, въ необходимости положить точныя начала изданію газетъ, имѣющихъ особенную важность для торговаго города, интересы коего, тѣсно сопряженные со всею Европою, должны болѣе или менѣе находиться подъ вліяніемъ происшествій заграничныхъ. Что же касается до втораго вопроса, то я только считаю долгомъ еще разъ упомянуть объ отличномъ исполненіи, въ теченіе 14-ти лѣтъ, сего важнаго порученія дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Тройницкимъ, и прибавить мое убѣжденіе, что правительство можетъ вполнѣ полагаться на точное слѣдованіе имъ высочайше сдѣланнымъ по сему предмету предначертаніямъ».

Просьба графа Воронцова была уважена, и редакціи «Одесскаго Вѣстника» было разрѣшено по-прежнему пользоваться заграничными газетами для сообщенія при помощи ихъ политическихъ извѣстій прямо изъ иностранныхъ газетъ. Тройницкій обратилъ вниманіе не только на усовершенствованіе и преобразованіе политическаго отдѣла газеты, но и литературная ея часть съ каждымъ годомъ дѣлалась интереснѣе и полнѣе; кромѣ очерковъ общественной жизни Одессы и всего вообще Новороссійскаго края, фельетонъ «Одесскаго Вѣстника» заключалъ въ себѣ не мало любопытныхъ статей ученаго и литературнаго содержанія. Чтобы придать особенное значеніе этой газетѣ, принято было за правило наполнять ея содержаніе исключительно оригинальными статьями; перепечатка же изъ другихъ газетъ ограничивалась лишь извѣстіями оффиціальнаго характера.

Кромѣ редакціонныхъ занятій, исполняемыхъ Тройницкимъ со свой-

ственною ему аккуратностью и добросовѣстностью, имъ было написано не мало статей, представляющихъ живой интересъ для жизни южнаго края. Всѣ торговыя обозрѣнія и статьи подъ рубрикою «Одесса», большая часть некрологовъ лицъ, потрудившихся на пользу края, были написаны Тройницкимъ [1]). «Journal d'Odessa», выходившій до 1852 года также подъ редакціей Александра Григорьевича, по своему содержанію издавался въ духѣ «Одесскаго Вѣстника». Число подписчиковъ на «Од. В.», бывшее въ 1834 году около 300, возросло въ 1854 году до 2.000; послѣ отъ-

---

[1]) Кромѣ того, имъ было написано въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» за разные годы: «Устья Дуная и Усть-Дунайскіе острова», «Галлеева комета въ 1835 году», «Объ открытіи памятника князю Потемкину-Таврическому въ Херсонѣ» (въ 1838 г.), «О разработкѣ каменнаго угля», «Солнечное затменіе 26-го іюня 1842 года», «О цѣли и назначеніи благотворительныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ въ особенности и объ учрежденіи одесскаго Александровскаго пріюта» (1847 г.), «Памятникъ Румянцеву на полѣ Кагульской битвы» (1849 г.), «Наблюденіе надъ солнечнымъ затменіемъ 16-го іюля 1851 г.», «О заграничной торговлѣ города Одессы» (1857 г.) и много другихъ. О редакторской дѣятельности Тройницкаго см. «Одесскій Вѣстникъ» 1857 г., № 145.

Въ бумагахъ А. Г. Тройницкаго сохранились любопытныя данныя, по которымъ можно прослѣдить, въ какомъ количествѣ расходились въ то время газеты, выходившія подъ его редакціей.

«Одесскій Вѣстникъ» и «Journal d'Odessa» имѣли подписчиковъ:

	Первый:			Второй:		
1834 г.	годовыхъ	256	полугод. 29			
1835 »	»	256	» 34	годовыхъ	92	полугод. 29
1836 »	»	276	» 21	»	93	» 24
1842 »	»	422	» 48	»	109	» 22
1843 »	»	450	» 48	»	128	» 15
1844 »	»	455	» 58	»	139	» 14
1845 »	»	465	» 101	»	145	» 10
1846 »	»	510	» 76	»	138	» 12
1847 »	»	530	» 77	»	148	» 20
1848 »	»	555	» 61	»	150	» 18
1849 »	»	548	» 62	»	148	» 12
1850 »	»	581	» 62	»	139	» 6
1851 »	»	599	» 45	»	141	» 11
1852 »	»	550	» 101	»	151	» 9
1853 »	»	730	» 98			
1854 »	»	1.482	» 204			
1855 »	»	826	» 135			
1856 »	»	670	» 210			
1857 »	»	818	» 253			

О числѣ подписчиковъ въ 1837—1841 г., точныхъ свѣдѣній мы не нашли Съ 1852 г., „Journal d'Odessa" выходилъ подъ редакціей г. Вейсса, но по неоправданію сдѣланнаго ему довѣрія, на слѣдующій годъ редакція французской газеты была поручена де-Рибасу.

ѣзда Тройницкаго въ Петербургъ редакція «Одесскаго Вѣстника» была поручена И. Сокальскому.

Не меньше потрудился Тройницкій на поприщѣ педагогическомъ: его продолжительная служба этому дѣлу для Одессы остается свѣтлой страницей въ лѣтописяхъ этого города. Съ 1832 г. по 1848 г. онъ былъ инспекторомъ классовъ института благородныхъ дѣвицъ, а съ 1838 г. состоялъ также членомъ совѣта по хозяйственной части этого заведенія. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ пріемѣ, воспитаніи и образованіи дѣвицъ института; будучи членомъ совѣта, содѣйствовалъ составленію значительныхъ капиталовъ, которые расходовались потомъ на расширеніе помѣщенія для института и на улучшеніе вообще его матеріальнаго положенія. Подъ наблюденіемъ Тройницкаго было исполнено перемѣщеніе во время Крымской войны института въ городъ Вознесенскъ, гдѣ возложены были на него всѣ распоряженія по устройству этого заведенія на новомъ мѣстѣ. Графъ Воронцовъ, ходатайствуя о назначеніи Тройницкаго членомъ институтскаго совѣта, писалъ [1]) между прочимъ Г. И. Вилламову: «Въ заключеніе долгомъ считаю присовокупить, что настоящее мое представленіе основано совершенно на пользѣ самого института, и мнѣ будетъ очень пріятно, если распоряженіемъ симъ можно будетъ сохранить для службы и ободрить Тройницкаго, просвѣщеннымъ попеченіямъ коего, я долженъ сказать откровенно, обязанъ здѣшній институтъ усовершенствованіемъ своимъ по разнымъ частямъ, и который съ неизмѣннымъ постоянствомъ стремится къ распространенію вообще просвѣщенія, приводя въ исполненіе по сей части разныя предположенія, не входящія въ кругъ прямыхъ его обязанностей». Еще въ 1833 г., по порученію одесскаго градоначальника и попечителя одесскаго учебнаго округа, А. Г. составилъ приведенный въ исполненіе проектъ учрежденія уѣзднаго и приходскаго училищъ; уставъ городскаго дѣвичьяго училища, потомъ высочайше утвержденный, былъ написанъ Тройницкимъ. Далѣе онъ состоялъ членомъ совѣта приказа общественнаго призрѣнія и членомъ городскаго попечительства пріютовъ. За добросовѣстное и усердное исполненіе своихъ обязанностей Александръ Григорьевичъ всегда получалъ признательность со стороны мѣстнаго начальства и высочайшія награды.

Въ 1835 г. въ Одессѣ былъ учрежденъ особый статистическій комитетъ. Вступивъ въ этотъ комитетъ по приглашенію тогдашняго градоначальника, А. И. Левшина, Тройницкій на первыхъ порахъ былъ единственнымъ [2]) дѣятелемъ на этомъ поприщѣ; онъ тщательно собиралъ

[1]) Письмо за № 7087 отъ 29-го апрѣля 1838 г. Изъ архива собственной его императорскаго величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи.

[2]) См. Труды одесскаго статистическаго комитета. Одесса 1865 г. стр. 9.

статистическія свѣдѣнія касательно торговли, хозяйства и другихъ отраслей промышленности Новороссійскаго края и помѣщалъ ихъ на страницахъ «Одесскаго Вѣстника» въ теченіе 23-хъ лѣтней редакторской своей дѣятельности. Въ 1855 г. по предложенію академика П. И. Кеппена онъ былъ избранъ членомъ Географическаго общества и зачисленъ по отдѣленію статистики.

Кромѣ перечисленныхъ нами обязанностей, которыя исполнялись Тройницкимъ со свойственнымъ его характеру рвеніемъ, онъ, по назначенію одесскаго военнаго губернатора и одесской городской думы, состоялъ депутатомъ отъ дворянъ и обывателей г. Одессы въ комитетѣ, ежегодно составляемомъ для разсмотрѣнія смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ. Одесскимъ градоначальникомъ былъ приглашенъ къ присутствованію въ качествѣ члена въ комитетахъ: для изысканія способа мощенія улицъ города и для составленія новаго проекта расчисленія о доходахъ Одессы. По предложенію графа Воронцова въ 1853 г. Тройницкій былъ назначенъ членомъ временнаго комитета, учрежденнаго по высочайшему повелѣнію въ Одессѣ по дѣлу о желѣзныхъ дорогахъ южной Россіи. Онъ состоялъ также членомъ южной комиссіи о лондонской выставкѣ.

Этимъ еще не исчерпывалась дѣятельность Александра Григорьевича. Послѣ Крымской войны онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, составленнаго волей Монарха съ цѣлью оказать помощь жителямъ Одессы, потерявшимъ свое имущество въ время послѣдней войны; около 3.000 семействъ получили пособіе во время дѣйствій означеннаго комитета подъ руководствомъ Тройницкаго. По волѣ императрицы Александры Ѳеодоровны на него было возложено въ 1856 г. попеченіе и главный надзоръ за сердобольными вдовами, командированными въ военные госпитали южной арміи. Потомъ онъ былъ назначенъ членомъ комитета для раздачи пособія чинамъ военно-сухопутнаго вѣдомства въ Крыму; подъ его временнымъ предсѣдательствомъ комитетъ открылъ свои дѣйствія въ 1856 г. Цѣлый рядъ возлагаемыхъ на него обязанностей, которыя мы только что перечислили, свидѣтельствуетъ еще разъ объ неутомимой дѣятельности Тройницкаго на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ; начальство увѣрено было въ его неподкупной честности, а потому онъ снискалъ вполнѣ справедливое его расположеніе.

Въ 1844 г. Тройницкій былъ избранъ членомъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи, а въ слѣдующемъ году—членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей.

До своего окончательнаго переѣзда въ Петербургъ Тройницкій рѣдко покидалъ Одессу; въ 1836 г. онъ въ первый разъ былъ въ Петербургѣ съ порученіемъ отъ графа Воронцова хлопотать объ учрежденіи въ Одессѣ центральной словолитни для всего Новороссійскаго

*

края. Во время этой поѣздки онъ знакомился въ обѣихъ столицахъ съ достопримѣчательностями; но главное его вниманіе было обращено на устройство учебныхъ заведеній и типографій. Тамъ же онъ сблизился съ нѣкоторыми изъ литераторовъ (Н. И. Гречемъ, Плетневымъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, М. П. Погодинымъ); на одномъ изъ вечернихъ собраній у Греча (по четвергамъ) встрѣтился съ Г. П. Небольсинымъ, съ которымъ сошелся 20 лѣтъ спустя. При выѣздѣ изъ Одессы графъ М. С. Воронцовъ, А. И. Левшинъ, А. С. Стурдза и др. снабдили Александра, Григорьевича рекомендательными письмами. Въ этотъ же пріѣздъ въ концѣ октября 1836 г. Вилламовъ представилъ Тройницкаго императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Въ слѣдующемъ году Александръ Григорьевичъ женился на Елизаветѣ Павловнѣ Домбровской; но скоро лишился любимой жены, которая скончалась 15-го мая 1839 г. Пораженный этимъ ударомъ, Тройницкій отправился путешествовать за границу: въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ онъ побывалъ въ средней и южной Германіи, Швейцаріи и Италіи. Въ 1841 г. Александръ Григорьевичъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью ротмистра гвардіи, Вѣрою Ильиничною Булацель (р. 8-го апр. 1818 г. † 3-го апр. 1893 г.); отъ этого брака осталось трое сыновей. Когда они подросли, необходимо было позаботиться объ ихъ образованіи, и въ 1857 г. Александръ Григорьевичъ, для личнаго наблюденія за воспитаніемъ своихъ дѣтей, переселился въ Петербургъ, гдѣ былъ опредѣленъ въ министерство вн утреннихъ дѣлъ.

Оглядываясь на 33-хъ лѣтнее служеніе Тройницкаго на пользу южнаго края, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что въ умственномъ и матеріальномъ положеніяхъ этой окраины заслуги Александра Григорьевича были велики; не даромъ одесская городская дума, въ знакъ признательности за многосторонніе труды на пользу роднаго города, почтила его въ 1868 г. званіемъ почетнаго гражданина г. Одессы.

А. Ѳ. Шидловскій.

Замѣтка по поводу біографіи М. А. Бакунина.

Въ «Русской Старинѣ» прошлаго года (№ 12) помѣщена біографія М. А. Бакунина, въ которой вкрались нѣкоторыя неточности, и я позволяю себѣ разъяснить ихъ и исправить. При этомъ считаю нужнымъ оговориться, что по службѣ моей въ Восточной Сибири съ 1856 по 1868 г. мнѣ хорошо извѣстны всѣ обстоятельства, относящіяся до Бакунина за время пребыванія его въ Сибири, какъ изъ личнаго моего знакомства съ нимъ и частныхъ свѣдѣній, такъ изъ находившихся въ моихъ рукахъ оффиціальныхъ документовъ.

По высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича, Бакунинъ былъ сосланъ не на поселеніе въ Восточную Сибирь, какъ сказано въ очеркѣ, а на жительство въ Западную Сибирь, безъ лишенія правъ состоянія, и водворенъ въ гор. Томскѣ. Здѣсь Бакунинъ познакомился съ отставнымъ чиновникомъ Ксаверіемъ Квятковскимъ и его семействомъ, состоявшимъ изъ жены и двухъ дочерей его. Въ 1858 году Бакунинъ женился на старшей дочери Квятковскаго — Антонинѣ Ксаверьевнѣ, которой было не болѣе 17 лѣтъ. Такимъ образомъ указаніе Г. Мейера, что Бакунинъ оставилъ въ Сибири жену и ребенка,—чему авторъ очерка недовѣряетъ въ виду того, что въ генеалогіи рода Бакунинныхъ М. А. Бакунинъ показанъ неженатымъ, — безусловно вѣрно. Здѣсь кстати замѣтить, что послѣ бѣгства Бакунина, жена его жила въ Иркутскѣ у своихъ родителей, а въ 1868 или 69 году уѣхала за границу, въ Женеву, гдѣ находился мужъ ея, и жила съ нимъ до его смерти. Дальнѣйшая судьба А. К. Бакуниной мнѣ неизвѣстна.

Въ 1859 году послѣдовало высочайшее повелѣніе императора Александра II, разрѣшившее Бакунину переѣхать на жительство въ Восточную Сибирь, съ предоставленіемъ ему права вступить въ государственную

службу. Въ томъ же году Бакунинъ съ женою и семья Квятковскаго пріѣхали въ Иркутскъ и поселились вмѣстѣ. Денежныя средства Бакунина были весьма скудны, вѣрнѣе ихъ вовсе не было, и Бакунинъ жилъ на всемъ готовомъ у Квятковскаго, средства котораго были не настолько велики, чтобы онъ могъ давать Бакунину деньги на личные его расходы. Бакунинъ же любилъ тонкіе обѣды, хорошее вино и дорогіе сигары. При зондированіи Бакунинымъ, на какую должность онъ можетъ разсчитывать при поступленіи его на службу, ему было объявлено генералъ-губернаторомъ графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ, что вопросъ этотъ неумѣстенъ и преждевременъ, что о немъ можетъ быть рѣчь послѣ того, когда выяснится, въ какой мѣрѣ онъ пригоденъ и полезенъ для службы, и что во всякомъ случаѣ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, ему не можетъ быть предоставлено никакой штатной должности. Въ виду этого Бакунинъ сталъ пріискивать себѣ частныя занятія и предложилъ свои услуги только что образовавшейся тогда Амурской торговой компаніи, имѣвшей свои конторы и агентовъ въ городѣ Николаевскѣ, при устьи Амура, въ городахъ и въ мѣстностяхъ, лежащихъ по Амуру и въ Забайкальской области. Компанія эта, крайне нуждавшаяся въ людяхъ, владѣющихъ иностранными языками, въ особенности англійскимъ, съ величайшею готовностью предоставила Бакунину должность агента, назначивъ ему сверхъ опредѣленнаго содержанія процентное вознагражденіе съ суммы тѣхъ сдѣлокъ которыя будутъ совершены при его посредствѣ съ иностранными торговыми фирмами; при чемъ компанія принимала на себя всѣ расходы по поѣздкѣ Бакунина по ея дѣламъ. Поступленіе Бакунина на службу въ Амурскую компанію состоялось въ концѣ 1859 или въ началѣ 1860 г., а весною того же года, съ открытіемъ навигаціи, компанія поручила ему отправиться въ Николаевскъ и, узнавъ, что на эту поѣздку нужно имѣть разрѣшеніе отъ генералъ-губернатора, вошла къ нему съ надлежащимъ о семъ ходатайствомъ.

Въ высочайшемъ повелѣніи о дозволеніи Бакунину переѣхать на жительство въ Восточную Сибирь, которое и должно было служить основаніемъ къ разрѣшенію ходатайства этого въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ, не содержалось ни указанія города или мѣстности для жительства Бакунина, ни воспрещенія свободнаго передвиженія его въ предѣлахъ Восточной Сибири, требовалось лишь, чтобы на выѣздъ его изъ постояннаго мѣста жительства въ другія мѣстности было испрашиваемо разрѣшеніе генералъ-губернатора. Такимъ образомъ право Бакунина переѣзжать изъ одной мѣстности Восточной Сибири въ другую составляло одну изъ высочайше дарованныхъ ему милостей, и отказъ въ удовлетвореніи ходатайства, безъ уважительныхъ къ тому основаній, былъ бы произвольнымъ стѣсненіемъ и ограниченіемъ милостей, дарованныхъ Бакунину высочайшею волею государя императора.

«Съ разрѣшенія мѣстнаго генералъ-губернатора графа Н. Н. Муравьева, дальнаго ему (Бакунину) родственника по матери, — говорится въ очеркѣ,—Бакунинъ, подъ предлогомъ дѣлъ, отправился внизъ по Амуру, добрался до Николаевска и бѣжалъ оттуда».

Смыслъ этихъ словъ таковъ: графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, по родственнымъ отношеніямъ его къ Бакунину, разрѣшилъ ему ѣхать въ Николаевскъ, подъ предлогомъ дѣлъ, а въ дѣйствительности для того, чтобы предоставить ему возможность бѣжать изъ Сибири [1]). Разсказъ этотъ составляетъ слабый и нерѣшительный отголосокъ самыхъ невѣроятныхъ на эту тему версій, которыя, въ первое время послѣ бѣгства Бакунина, цикулировали въ обществѣ и даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Болѣе чѣмъ милостивый и благосклонный пріемъ, оказаный государемъ Александромъ Николаевичемъ графу Муравьеву-Амурскому, при пріѣздѣ его въ Петербургъ въ 1861 году, послужилъ лучшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ лживости этихъ недостойныхъ инсинуацій.

Каждый, кто имѣлъ честь знать графа или служить подъ его начальствомъ, ни на минуту не могъ допустить не только возможности, но даже мысли о томъ, чтобы этотъ идеально-честный и высокихъ душевныхъ качествъ человѣкъ, ради отдаленнаго родства съ Бакунинымъ, вступилъ бы въ компромисъ съ совѣстью и съ служебнымъ его долгомъ. По прошествіи 36-ти лѣтъ, лицъ знавшихъ графа осталось весьма и весьма немного, и большинство читающей публики составитъ себѣ совершенно невѣрное представленіе о такой крупной и свѣтлой исторической личности какъ графъ Муравьевъ-Амурскій. Въ періодическихъ изданіяхъ нашихъ печатался цѣлый рядъ статей и замѣтокъ о графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ. Въ статьяхъ этихъ высказались весьма различныя и противорѣчивые взгляды и мнѣнія о государственной дѣятельности графа и о личныхъ его качествахъ. Только въ одномъ были вполнѣ согласны и солидарны, какъ панегиристы, такъ и самые озлобленные порицатели графа, а именно въ томъ, что графъ Муравьевъ-Амурскій былъ человѣкомъ безупречной и неподкупной честности, истинымъ рыцаремъ чести.

Въ №№ 11 и 12 «Вѣстника Европы» за 1896 г. помѣщена статья

---

[1]) Хотя изъ приведенныхъ словъ біографа и нельзя вывести тѣхъ заключеній, которыя выводитъ авторъ настоящей замѣтки, но мы, печатая послѣднюю, считаемъ нужнымъ оговориться. Приводимыя на стр. 608 «Русской Старины» (1896 г. № 12) слова заимствованы В. Ш. изъ некролога М. А. Бакунина, помѣщеннаго въ «Русскомъ Мірѣ» 1876 г. № 207. Авторъ напрасно негодуетъ на оскорбленіе, нанесенное будто бы памяти графа Муравьева-Амурскаго, ибо біографъ далекъ отъ обвиненія графа въ стачкѣ съ Бакунинымъ. Фактъ же, что Бакунинъ уѣхалъ въ Николаевскъ съ разрѣшенія графа Муравьева все-таки остается фактомъ, ибо какъ поднадзорный— Бакунинъ не могъ сдѣлать этого иначе. Ред.

Н. А. Бѣлоголоваго: «А. В. Поджіо» (декабристъ), въ которой говорится, между прочимъ, о бѣгствѣ Бакунина.

Не приводя въ подробности сообщаемыхъ въ этой статьѣ весьма интересныхъ и вполнѣ вѣрныхъ характеристикъ А. В. Поджіо и М. А. Бакунина, ограничусь лишь слѣдующими, немногими изъ этой статьи выдержками до бѣгства Бакунина относящимися.

Въ письмѣ отъ 16-го декабря 1861 года, Поджіо пишетъ: «Поступокъ (бѣгство) Бакунина ничѣмъ не извиняется; такое нарушеніе всѣхъ обязательствъ не можетъ оправдываться никакими изворотами, въ какія бы формы онъ ихъ ни облекалъ. Платить за слѣпое довѣріе такою эгоистическою неблагодарностью — преступно; оставить бѣдную молодую жену на произволъ, среди искушеній, подвергнуть отвѣтственности столько лицъ, оказавшихъ ему теплое участіе,—врядъ ли все это вмѣстѣ дастъ ему довольно смѣлости искать встрѣчи съ Ник. Ник. (гр. Муравьевымъ-Амурскимъ) въ Парижѣ».

Комментируя это письмо Бѣлоголовый говоритъ: «Поджіо до конца дней оставался вѣрнымъ рыцарскимъ убѣжденіямъ своего времени, ненавидѣлъ всякую ложь и никогда не могъ примириться съ революціонной доктриной позднѣйшей эпохи: «цѣль оправдываетъ средства», а стало быть никакъ не могъ смотрѣть на бѣгство Бакунина, какъ на поступокъ, заслуживающій одобренія; онъ зналъ, что Бакунинъ, для его осуществленія, нарушилъ честное слово, данное имъ генералъ-губернатору гр. Муравьеву въ томъ, что онъ не злоупотребитъ предоставленной ему— (какъ указано выше высочайшею властью государя) — свободой передвиженія по Сибири и оказаннымъ ему довѣріемъ и не убѣжитъ изъ ссылки». И далѣе: «Весьма возможно, что въ умѣ Бакунина уже тогда (т. е. тотчасъ по пріѣздѣ его въ Иркутскъ)—назрѣлъ замыселъ бѣжать изъ Сибири, а потому онъ и держалъ себя въ Иркутскѣ постоянно въ маскѣ, думая только о своемъ планѣ и стараясь лишь вкрасться въ довѣріе графа Муравьева, и воспользовавшись этимъ довѣріемъ бѣжалъ».

Приведенныя выдержки по ясности и убѣдительности ихъ не нуждаются въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Замѣчу, что Поджіо зналъ графъ Муравьева съ 1848 года, со времени назначенія его генералъ-губернаторомъ, что на глазахъ Поджіо прошло славное и знаменательное въ исторіи Восточной Сибири тринадцати-лѣтнее управленіе ею графомъ Муравьевымъ, что, при высокомъ умственномъ развитіи, при всестороннемъ образованіи и наблюдательности Поджіо, онъ могъ составить себѣ безошибочное мнѣніе и о государственной дѣятельности, и о душевныхъ качествахъ графа и что такой честный и справедливый человѣкъ ,какъ Поджіо, не отнесся бы съ такимъ суровымъ осужде-

ніемъ и негодованіемъ къ Бакунину, если бы обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія бѣгство Бакунина,—хорошо извѣстныя Поджіо,—не оставляли сомнѣнія въ томъ, что графъ Муравьевъ не допускалъ мысли, что Бакунинъ воспользуется разрѣшенной ему поѣздкой для бѣгства въ Америку.

Князь **В. А. Кейкуатовъ.**

Письмо о поклонахъ архимандрита Амвросія московскому митрополиту.

2-го декабря 1782 года.

Высокопреосвященнѣйшій владыко,
московскій архіепископъ!

Успенскаго собора ключарь Іоаннъ Макаровъ объявилъ мнѣ запискою вашего высокопреосвященства приказаніе слѣдующее: что онъ, Макаровъ, сего 1782 года октября 21 дня призванъ былъ Святѣйшаго Синода въ контору въ собраніе, гдѣ ему приказано отъ вашего высокопреосвященства объявить мнѣ, чтобъ я, архимандритъ, кланялся высокопреосвященству вашему въ священнослуженіи политичнымъ образомъ пониже. Получа сіе приказаніе, осмѣливаюсь доложить вашему высокопреосвященству, что оно меня привело въ немалое удивленіе: первое потому, что самъ Богъ, положивъ заповѣдь сію, «Господу Богу Твоему поклонитеся», того, чтобъ низко или пониже кланяться, не предписалъ. Почему обыкновенно разными образами кланятися Ему, яко не на внѣшнее тѣла движеніе, но на сердце смиренное взирающему. Второе, высочайшая по немъ власть, всемилостивѣйшая наша монархиня такъ же количества поклоновъ требовать не благоволитъ, что́ всѣмъ вѣдомо и видимо. А хотя извѣстная въ свѣтѣ особа противнымъ тому образомъ поступаетъ, но она тѣмъ самымъ не достойна, чтобъ мнѣ во образецъ ее приводить. Сверхъ того мнѣ довольно извѣстно, что она, какъ другими преосвященными, такъ и вами за то самое ненавидима. Чего для не соблаговолите ли, ваше высокопреосвященство, примѣромъ Бога и помазанницы Его не принужденнымъ, но добровольнымъ поклоненіемъ довольны быть; или хотя для отвращенія впредь упрека оное извѣстно опредѣлить, ибо я о поклонахъ опредѣленныхъ, какіе бываютъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ-то: рукоположеніе, не сумнѣваюсь. Не объ нихъ здѣсь говорю. Третье, болѣе уже двадцати лѣтъ будучи я архимандритомъ, съ разными архіереями и членами Св. Синода служилъ и служу, и никто изъ нихъ меня неполитичнымъ и не низкимъ поклоненіемъ не упрекалъ. Почему и не знаю, по какому праву долженъ я на старости учиться, чтобъ въ священнослуженіи политичнымъ образомъ пониже кланяться высокопреосвященству вашему, нежели другимъ архіереямъ. Напослѣдокъ осмѣливаюсь заключить, что ваше высокопреосвященство излишняго отъ меня требовать изволите, и я сіе излишество не иначе почитаю, какъ за часть притѣсненій, которыя, и кромѣ того, мнѣ чувствительны. О всемъ вышеписанномъ чистосердечно изъясняю, въ надеждѣ принятія во уваженіе моихъ изъясненій въ лучшей перемѣнѣ вашего ко мнѣ духа. Съ истиннымъ моимъ почитаніемъ всегда пребуду, вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшій слуга Ставропигіальнаго Симонова монастыря архимандритъ Амвросій.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году.

Прозоровскій, А. Сильвестръ Медвѣдевъ. Опытъ церковно-историч. изслѣдованія (Оконч.) „Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россіи" за 1896, кн. 4-я.

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в.. описанное его сыномъ архидіак. Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. А. Муркоса. «Чтен. въ Имп. Общ. ист. и древн. Россіи» за 1896, кн. 4-я.

Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. Сообщены В. и Г. Холмогоровыми. Вып. 9-й.— «Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. Россіи» за 1896, кн. 4-я.

Лясковскій, В. Н. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Его біографія и его ученіе. „Русс. Архивъ". 1896, № 11.

Изъ дневныхъ записокъ В. А. **Муханова**. Русс. Архивъ, 1896, № 11.

Дренякинъ, А. М. О безпорядкахъ въ Пензенской губерніи. Весна 1861. „Русс. Архивъ", 1896, № 11.

Изъ архивныхъ дѣлъ. Сообщено П. А. **Юдинымъ**. „Русс. Архивъ", 1896, № 11.

Любецкій Архивъ. „Кіевск. Старина", 1896, сентябрь.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Ч. III.—„Кіевск. Старина", 1896, сентябрь.

Письма М. А. Максимовича къ С. П. Шевыреву. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Науменка.—„Кіев. Старина, 1896, сентябрь.

Штернъ-фонъ, Э Р. О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи. «Журн. М. Нар Просв.», 1896, декабрь.

Мищенко, Ѳ. Г. Извѣстія Геродота о внѣ-скиѳскихъ земляхъ въ Россіи. Журн. «М. Нар. Пр.» 1896, декабрь.

Новодворскій, В. О. А. И. Павинскій (некрологъ). «Журн. М. Нар. Просв.» 1896, декабрь.

Леонтовичъ, Ѳ. И. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (продолж.). „Журн. М. Н. Пр.", 1896, декабрь.

Васильевъ, А. Значеніе Н. И. Лобачевскаго для Имп. Казанскаго Унив. —Учен. зап. Имп. Казан. Унив., 1896, кн. X-я.

Ивановскій, В. Русское государственное право, (продолж.). — Учен. Зап. Имп. Казан. Унив., 1896, кн. X-я.

Епанчинъ, Н. Дѣйствія передоваго отряда ген.-лейт. Гурко въ войну 1877—78 г.—„Военн. Сборникъ", 1896, № 11.

Оберучевъ, К. Артиллерія въ Кокандскомъ походѣ 1875—76 г. — „Военн. Сборникъ", 1896, № 11.

Гершельманъ, С. Нравственный элементъ подъ Севастополемъ.—„Военн. Сборникъ", 1896, № 11.

Орловъ, Н. Гвардейскіе егеря при Императорѣ Павлѣ. — „Военн. Сборникъ", 1896, № 11.

Магницкій, В. К. Гор. „Кузмодемьянскъ" и его уѣздъ по 1-й народной переписи (1718 — 1722). — Извѣстія Общ. Археолог. Ист. и Этн., т. XIII, вып. 5.

Магницкій, В. К. Городище „Пиндерь Сырчъ" и курганы въ Ядринскомъ и Курмышскомъ уѣздахъ Казанской губерніи.—Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этногр., т. XIII, вып. 5.

Князь **Мансыревъ**, С. Землевладѣніе въ Лифляндіи. — „Русскій Вѣстн.", 1896, октябрь.

Ярошъ, К. Н. Безпристрастная логика исторіи.—„Русс. Вѣстн.", 1896, октябрь.

Б—овъ, И. Н. Литературная старина (изъ переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ). — „Русс. Вѣстн.". 1896, октябрь.

Дмитрій Михайловичъ Познякъ. Некрологъ.—„Русс. Вѣстн.“ 1896, ноябрь.

Майковъ, П. М. Переписка императрицы Екатерины II съ А. П. Левшиной.—„Русс. Вѣстн.“. 1896, ноябрь.

Н—скій, В. Памяти императрицы Екатерины II.—„Русс. Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Березинъ, В. Восемь лѣтъ въ Сѣверо-западномъ краѣ (воспоминанія бывшаго мироваго посредника). — „Русс. Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Липранди, А. П. Подляшье и Холмская Русь. — Русскій Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Орловъ, Н. Л. Проф. Возвращеніе суворовскихъ войскъ изъ Швейцаріи въ 1799 г. — „Русскій Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Пыпинъ, А. Н. Вопросъ о западномъ вліяніи въ русс. литературѣ.—„Вѣстн. Европы“, 1896, октябрь.

Герье, В. И. Опытъ городскаго попеченія о бѣдныхъ.—„Вѣстн. Европы“, 1896, октябрь.

Пыпинъ, А. Н. Замѣтка. Щукинскій музей въ Москвѣ.—„Вѣстн. Европы“, 1896, ноябрь.

Пыпинъ, А. Н. Полузабытый писатель XVIII в. Сочиненія князя М. И. Щербатова. „Вѣстн. Европы“. 1896, ноябрь.

А. В. Поджіо. 1859—1873. Изъ записокъ Н. А. **Бѣлоголоваго**.—„Вѣстн. Европы“, 1896, ноябрь

Мартенсъ, Ф. Ф. Императоръ Николай I и королева Викторія.—„Вѣстн. Европы“, 1896, ноябрь.

Кизеветтеръ. Реформа Петра Великаго въ сознаніи русскаго общества.—„Русс. Обозр.“, 1896, № 10.

Розановъ, В. В. Нѣсколько замѣчаній о духоборческомъ теченіи русскаго раскола.—„Русс. Обозр“., 1896, ноябрь.

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и обществ. дѣятелей. 1) Письма къ К. А. Губастову К. Н. **Леонтьева**. 2) Матеріалы для біографіи Н. П. Гилярова-Платонова. — „Русское Обозр.“, 1896, ноябрь.

Извѣковъ, Пресвит. Н. Д. Высокопреосвященный Алексій, архіепископъ литовскій и виленскій. Оконч.—„Русс. Обозр.“, 1896, ноябрь.

Владиміровъ, А. П. Исторія расположенія западно-русскаго костела (окончаніе).—„Русск. Обозр.“, 1896, ноябрь.

Автобіографія Н. С. Соханской (Кохановской). Тетрадь V.—„Русское Обозр.“, 1896, ноябрь.

Егуновъ, А. Н. Пермскій кустарный банкъ.—„Наблюдатель“, 1896, ноябрь.

Липранди, А. П. Опытъ еврейской равноправности въ Россіи (евреи въ Привислинскомъ краѣ). — „Наблюдатель“, 1896, ноябрь.

Абовъ, Г. Густавъ - Морицъ Армфельтъ и его русско-финскія отношенія.—„Наблюдатель“, 1896, ноябрь.

Тимирязевъ, К. А. Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ. — „Русская Мысль“, 1896, ноябрь.

Ключевскій, В. О. Императрица Екатерина II.—„Русская Мысль“, 1896, ноябрь.

Феликсовъ, Н. А. Педагогическіе курсы и учительскіе съѣзды.—„Русс. Мысль“, 1896, ноябрь.

Муриновъ, Вл. Задачи и организація земскихъ книжн. складовъ.—„Русская Мысль“, 1896, ноябрь.

Брикнеръ, А. Записки графа Ланжерона о русскомъ войскѣ (оконч.).—„Русская Мысль“, 1896, ноябрь.

Ивановъ, Ив. Писемскій (прод.)—„Міръ Божій“, 1896, ноябрь.

Милюковъ, П. Н. Очерки по исторіи русской культуры (продолж.).—„Міръ Божій“, 1896, ноябрь.

Бруцкусъ, Ю. Д. Исторія евреевъ въ Курляндіи до присоединенія ея къ Россіи.—„Восходъ“, 1896, сентябрь.

Баловъ, А. Великорусскія фамиліи и ихъ происхожденіе. Историко-этногр. очеркъ.—„Живая Старина“. Вып. II, 1896.

Стасовъ, В. В. Воспоминанія о моей сестрѣ. XVII—XXI.—„Книжки Недѣли“, 1896, ноябрь.

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина (ихъ переписка). — „Новое Слово“, 1896, октябрь, № 1.

Петровъ, В. Очерки по исторіи грамотности въ Россіи.—„Новое Слово“, 1896, октябрь.

Письма И. С. Тургенева къ Густаву Флоберу и m-me Комманвиль.—„Сѣверный Вѣстн.“, 1896, № 11.

Записки А. О. Смирновой. — „Сѣверный Вѣстн.“, 1896, № 11.

Васильевъ, Аѳ. Значеніе сентябрьскихъ торжествъ.—„Русская Бесѣда“, 1896, октябрь.

Демковъ, М. И. Русская педагогія XVIII вѣка (статья 3-я и послѣдняя). —„Педагогическій Сборникъ“, 1896, октябрь.

Десятый археологическій съѣздъ въ Ригѣ.—Археологич. извѣстія и замѣтки, 1896, №№ 9—10.

П., Н. Русская старина въ Ригѣ.—Археол. извѣстія и замѣтки. 1896, №№ 9—10.

Письма преосвященнаго Ѳеофана-

Затворника къ Е. С. В.—„Душеполезн. Чтеніе“, 1896, сентябрь и октябрь.

Избранныя мѣста изъ писемъ іеросхимонаха отца Амвросія. „Душеполезное Чтеніе“, 1896, сентябрь.

Памяти священно - архимандрита Григорія. — „Душеполезное Чтеніе“. 1896, сентябрь.

П—въ, С. Новопрославленный святитель Ѳеодосій Угличкій, архіепископъ Черниговскій и Новгородсѣверскій.—„Душеполезн. Чтеніе“, 1896, сентябрь.

Жмакинъ, В. І. Игуменія Августа въ мірѣ княжна Ширинская - Шихматова. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, сентябрь, октябрь и ноябрь.

Поповъ, С. Г. А. В. Горскій, въ началѣ своей профессорской дѣятельности по письмамъ Филарета, архіепископа Черниговскаго —„Душепол. Чтеніе“, 1896, октябрь и ноябрь.

Саргинъ, Т. Н. Трехсотлѣтній юбилей Брестской уніи. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, октябрь.

Храмы во имя св. равноапостольнаго велпкаго князя Владиміра.— „Душеполезн. Чтеніе“. 1896, октябрь.

Письма и резолюціи Филарета митрополита московскаго. Сообщилъ архим. Григорій.—„Душеполезн. Чтеніе“, 1896, октябрь и ноябрь.

Флоринскій, І. Н. прот. Памяти высокопреосвященнаго Платона, митрополита кіевскаго.—“Душеполезн. Чтеніе“, 1896, октябрь.

Кодратовъ, А. По святымъ обителямъ и богоспасаемымъ градамъ.— „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, ноябрь.

Делекторскій, Ѳ. И. Два юбилея.— „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, ноябрь.

Чистяковъ, С. Н. Прославленіе святителя Ѳеодосія, архіепископа черниговскаго. — „Душеполезное Чтеніе“, 1896, ноябрь.

С. М. Свящ. **Марковъ**, Протоіерей А. Н. Богородскій. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, ноябрь.

Бѣляевъ, А. А. Платонъ, митрополитъ московскій.—„Душеполезн. Чтеніе“, 1896, ноябрь.

Никаноръ. Еписк. Преосвященный Аѳанасій, архіеписк. астраханскій.— „Странникъ“, 1896, августъ и сентябрь.

Хитровъ, Н. Наше бѣлое духовенство въ XVIII ст. и его представители.—„Странникъ“, 1896, августъ.

В—лъ, П. Ѳ. Латино-уніатскій святой Іосафатъ Кунцевичъ. — „Странникъ“, 1896, августъ.

В—лъ, П. Ѳ. Латино-уніатскій святой Іосафатъ Кунцевичъ. — „Странникъ“, 1896, сентябрь.

Сапожниковъ, А. Историческое назначеніе Россіи.—„Странникъ,“ 1896, сентябрь.

Зеркало очевидное И. Т. Посошкова. Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. Царевскаго.—„Правосл. Собесѣдн.“, 189[illegible], іюль, августъ и сентябрь.

Письма Н. И. Ильинскаго къ Оберъ-Прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву.—„Правосл. Собесѣдн.“, 1896, сентябрь, октябрь и ноябрь.

Корсунскій, И. Н. Высокопреосвященный Савва, Архіепископъ Тверской († 13 октября 1896 г.)—„Болослов. Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Архим. Сергій. На дальнемъ востокѣ (Письма японскаго миссіонера).—„Богослов. Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Поповъ, С. Г. Ректоръ Московской Духовной Академіи прот. Александръ Васильевичъ Горскій. (Опытъ біографическаго очерка). — „Богословскій Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Ко дню перваго годичнаго поминовенія въ Бозѣ почившаго о. архимандрита Павла.—«Братское Слово», 1896, № 13.

Шафрановъ, П. К. К. Сентъ-Илеръ (по поводу 40-лѣтія его педагогич. дѣятельности). — «Естествознаніе и географія», 1896, № 8, октябрь.

Проф. **Щегловъ**, В. Г. Государственный Совѣтъ въ Россіи. Т. II, вып. 1. —„Временникъ Демид. Юрид. Лицея“. Кн. 69-я.

Петръ Великій въ Парижѣ.—„Вѣстн. Иностр. Литер.“, 1896, № 11.

Царское путешествіе. — „Вѣстникъ Иностр. Литер.“, 1896, № 11.

Булашевъ, Г. Очеркъ дѣятельности по народному образованію Арсенія (Москвина), митрополита Кіевскаго и Галицкаго. — «Народн. Образованіе», 1896, № 11.

Володимировъ, В. М. Константинъ Дмитріевичъ Анциферовъ. Некрологъ. — «Журн. М. Юстиціи», 1896, ноябрь.

40-лѣтній юбилей директора Учительскаго Института К. К. Сентъ-Илера.—«Русскій Нач. Учитель», 1896, № 10.

П., П. Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій.—Приложеніе къ отрывному военному календарю П. Плахова, на 1897 г.—Кіевъ, 1896.

Биштокъ, В. Изъ исторіи женскаго образованія въ Россіи. — «Образованіе», 1896, № 10.

Суперанскій, М. Наше воспитаніе по сочиненіямъ М. Салтыкова. — „Образованіе“, 1896, №№ 10 и 11.

Морозовъ, П. Екатерина II, какъ

писательница. — «Образованіе», 1896, № 11.

Кизеветтеръ, А. Историческое значеніе царствованія Екатерины Великой.—«Образованіе». 1896. № 11.

Соловьевъ, С. П. Отрывки изъ памятной книжки отставнаго режиссера.—„Ежегодн. Имп. театр. сезонъ", 1895—96. Приложенія. Кн. I.

Коробка, Н. И. Николай Ивановичъ Хмѣльницкій.—„Ежегодн. Имп. театровъ". Сезонъ 1895—96. Приложенія. Кн. I.

Ярцевъ, А. А. На родинѣ русскаго театра.—«Ежегодн. Имп. театр.». Сезонъ, 1895 — 96. Приложенія. Кн. I.

Селивановъ, Н. А. Юлія Николаевна Линская. - «Ежегодн. Имп. театр. сезонъ», 1896 - 95. Приложенія. Кн. I.

Липаевъ, Ив. Петръ Ильичъ Чайковскій. — «Русская музык. газета», 1896, № 11.

Алексѣй Николаевичъ Карасевъ. (Біографическій очеркъ). — „Русская музык. газета". 1896, № 11.

У., С. Воспоминаніе объ оперномъ товариществѣ И. П. Прянишникова въ Москвѣ 1892—93 г. „Русс. музык. газета", 1896, № 11.

Ф., Н. Ипполитъ Петровичъ Прянишниковъ.—«Русск. музык. газета», 1896, № 11.

М. Мнѣнія Парижа о Мусоргскомъ. —«Русск. музык. газета», 1896, № 11.

Раввинъ **Шниткиндъ**, Р. И. Слово по случаю столѣтія со дня рожденія блаженной памяти Императора Николая I. Ковна. 1896.

Ф., Н. Жизнь, подвиги и страданія св. апостола Андрея Первозваннаго. Изд. И. Д. Сытина. Москва. 1896.

Святый Филиппъ, митрополитъ Московскій. 3-е изд. отдѣла распростр. дух.-нравств. книгъ. Москва, 1896.

Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго. Изд. второе. (Приходская библ.). Москва. 1897.

Святитель и чудотворецъ архіепископъ Черниговскій Ѳеодосій Углицк. Москва. 1897.

Св. Ѳеодосій Углицкій, Архіеписк. Черниговскій. Изданіе Е. И. Коноваловой. Москва, 1896.

Житіе св. Димитрія, Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. Изд. второе. Москва. 1896.

Лаврентьева, С. Святитель Тихонъ Задонскій, епископъ Воронежскій. (Общедоступн. библ. Ступина). Москва. 1896.

Живописное обозрѣніе русск. святыхъ мѣстъ Кіево-Печерская Лавра. Изд. 2-е. Вып. 2-й. Одесса. 1896.

Виноградовъ, П. А. Пушкинъ, какъ художникъ. Москва, 1896.

Крашенинниковъ, М. Расположеніе древней Скиѳіи въ нынѣшнихъ мѣстностяхъ. Рѣчь на актѣ Слуцкой гимназіи. Слуцкъ, 1896.

Сидоровъ, А. Историческій очеркъ русской печати въ Привислинскомъ краѣ. Варшава, 1896.

Брянцевъ, П. Очеркъ древней Литвы въ Западной Россіи. Изд. 2 е. Вильна, 1897.

Лисовскій, Дм. О службѣ и должностныхъ лицахъ въ древней Россіи. Спб. 1896.

Девяностолѣтіе Импер. Виленскаго Медицинск. Общества. Вильна, 1896.

Въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896. Спб. 1896

Аскархановъ, А. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна. Спб. 1896.

Синицынъ, П. В. Никольскій единовѣрч. мужской монастырь въ Москвѣ. Москва, 1896.

Мышлаевскій, А. В. Петръ Великій. Война въ Финляндіи въ 1712—1714 г. Спб. 1896.

Карачунскій, Л. М. Наши петербургскіе артисты. Спб. 1896.

Холевинская, М. и **Долгополовъ**, Н. Памяти П. П. Бѣлоусова. Спб. 1896.

Письма Русскихъ Государей и другихъ особъ царскаго семейства. — Письма царя Алексѣя Михайловича. Москва. 1896

Русско-польскія отношенія. Собралъ изъ газетъ, журналовъ и отдѣльныхъ изданій **Библіофилъ**. Вильна, 1896.

Сергѣевъ, С. Русскій рубль, его исторія, экономическое значеніе и предстоящая реформа. (Библ. обществ. знаній, вып. 4-й). Одесса, 1896.

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XXIII.—Акты Холмскаго Городскаго Суда. Вильна, 1896.

Самоквасовъ, Д. Я. Изслѣдованія по исторіи русскаго права. Вып. I-й. Москва, 1896.

Краткій историческій очеркъ глазной лечебницы П. и А. Волудскихъ въ Москвѣ. Москва, 1896.

Житіе и открытіе нетлѣнныхъ мощей святителя Ѳеодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго. Москва, 1896.

Св. Ѳеодосій Углицкій. Знаменія ми-

лости Божіей по молитвѣ святителя. Москва, 1896.

Святитель Ѳеодосій Угличкій, его жизнь и чудеса отъ мощей его. Москва, 1897.

Святитель Ѳеодосій Угличкій, архіепископъ Черниговскій. Его жизнь и прославленіе. Москва, 1896.

Іеромон. **Досиѳей**. Жизнеописаніе настоятеля Тихоновой пустыни (Калужской губерніи) Архимандрита Моисея. Москва, 1896.

Рогожинъ, Евр. Свящ. По поводу 150-лѣтія церкви с. Чукавина, Старицкаго уѣзда, Тверской губ. Тверь, 1896.

Сочиненія Ю. Ѳ. **Самарина**. Томъ X. Окраины Россіи. Москва, 1896.

Нуджевскій, М. Полк. Опытъ военно-историческаго изслѣдованія о казачествѣ. Вып. I. Кіевъ, 1896.

Кибальчичъ, Т. В. Древніе драгоцѣнные амулеты, найденные въ Южной Россіи и геммы новаго времени. Кіевъ, 1896.

Торжественное засѣданіе Русскаго Бальнеологическаго Общ. въ Пятигорскѣ, посвященн. чествованію С. А. Смирнова. Пятигорскъ. 1896.

Женская гимназія М. Нар. Просв. Л. Ѳ. Ржевской. Очеркъ за X лѣтъ. Москва, 1896.

Соѣдовъ, Н. Историческій очеркъ основанія и дѣятельности учрежденій Комитета „Христіанская Помощь“ Росс. Общ. Краснаго Креста. Москва, 1896.

Толычева, Т. Московскій Кремль. Изд. 2-е. Москва, 1896.

Красовъ, А. В. Свящ. Апостолъ Зырянъ святый Стефанъ. (Рѣчь въ Собраніи Слав. Благотвор. Общ.). Спб., 1896.

Поповъ, М. А. Проф. Профессоръ Душанъ Ѳеодоровичъ Лямбль, его служебная и литературная дѣятельность. Харьковъ, 1896.

Масловъ, В. Свящ. Исторія Рождество-Богородичнаго храма въ селѣ Каплуновкѣ, Богодуховскаго уѣзда. Харьковъ, 1896.

Селивановъ, Т. Н. Харьковская 3-я гимназія 25 лѣтъ тому назадъ. Харьковъ, 1896.

Поливановъ, В. Н. Муранскій могильникъ. Москва, 1896.

Высочайшіе Всемилостивѣйшіе Манифесты 14 ноября 1894 и 14 мая 1895 г. Изданіе неофиціальное. Спб. 1897.

Столѣтіе гор. Гатчины. Т. I—II. Составлено подъ редакціею С. Рождественскаго. Гатчина, 1896.

Къ X Археологическому Съѣзду въ Ригѣ. Курляндскія, Лифляндскія, Эстляндскія и Финляндскія дѣла въ Моск. Главн. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ. Москва 1896.

Введенскій, С. Свящ. Царскіе дни и царскія торжества. Симбирскъ, 1896.

Альбомъ коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Изд. „Русск. Листка“. Москва, 1896.

Историко-статистическое и археологическое описаніе Челмогорской мужской пустыни Каргопольскаго у., Олонецкой губ Изд. испр. и дополн. подъ ред. И. Токмакова. — Москва, 1896.

Прошлое и настоящее положеніе фабричной медицины въ Московской губерніи.—Врача А. И. **Скибневскаго**. Москва, 1896.

День священнаго коронованія Государя Императора Николая II Александровича.—Москва, 1896.

Священное коронованіе русскихъ государей на царство. Изд. книгопродавца А. Сазонова. Москва, 1896.

Милости Царя народу въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 г. —Москва, 1896.

Ф., Н. Жизнь святыхъ благовѣрныхъ: князя Петра, въ иноцѣхъ Давида, и княгини Февроніи, въ иночествѣ Ефросиніи, Муромскихъ чудотворцевъ. Изд. 2-е. Муромъ, 1896.

Открытіе мощей святителя Ѳеодосія Угличкаго, Архіепископа Черниговскаго.—Спб., 1896.

Святитель Ѳеодосій Угличкій, Архіепископъ Черниговскій. Изд. книгопродавца А. Холмушина.—Спб., 1896.

Максимовъ, В. Св. Ѳеодосій Черниговскій.—Спб., 1896.

Древне-христіанскіе храмы Св. Александро-Аѳонскій Зеленчукскій монастырь. Изд. 3-е. Одесса, 1896.

Святоостровскій скитъ на Валаамѣ и житіе преподобнаго Александра Свирскаго. Изд. 2-е. Спб., 1896.

Г., А. Сказаніе о св. апостолѣ Симонѣ Кананитѣ, объ основаніи Ново-Аѳонской Симоно-Кананитской обители въ Абхазіи на Кавказѣ. Изд. 5-е. Одесса, 1896.

Сказаніе о жизни и чудесахъ преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ. Изд. 3-е.—Спб., 1896.

Жизнь и труды святаго апостола Андрея Первозваннаго. Изд. Русскаго Св.-Ильинскаго Скита на Аѳонѣ.— Одесса, 1896.

Вяземскій Аркадіевскій дѣвичій мо-

настырь. Второе дополн. изд. Москва, 1896.

Открытіе мощей святителя Θеодосія Углицкаго, Архіепископа Черниговскаго. Спб., 1896.

Свящ. А. Малиевскій. Мученики за вѣру и отечество, князь Черниговскій Михаилъ и боярин Θеодоръ. Спб., 1896.

Московскій Сборникъ. Изд. К. П. Побѣдоносцева. Москва, 1896.

Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій. „Правит. Вѣстникъ" 1896, 10 дек. № 268.

Къ столѣтію смерти графа Румянцева-Задунайскаго. Прилож. къ газ. «Нов. Время» 7 дек. 1896, № 7465.

Некрологъ. Высокопреосвящ. Савва, архіепископъ Тверской и Кашинскій. «Новости» 15 окт. 1896, № 285.

Некрологъ. В. О. Португаловъ. „Новости" 22 окт. 1896, № 292.

Некрологъ. А. П. Боголюбовъ. «Новости» 28 окт. 1896, № 298.

Петрушевскій, А. Памяти Суворова. «Новости» 31 окт. 1896, № 301.

Некрологъ. Преосвященный Николай епископъ Оренбургскій и Уральскій. „Новости" 31 окт. 1896, № 301.

Г., Е. Пятидесятилѣтній юбилей Имп. Русскаго Археологич. Общества. „Нов. Время" 15 дек. 1896, № 7473.

Профессоръ Д. А. Хвольсонъ. Приложеніе къ газ. „Нов. Время" 14 дек. 1896, № 7472.

Б., Θ. В. П. Буренинъ (къ 35-лѣтію его литературной дѣятельности). Приложеніе къ газ. „Новое Время" 14 дек. 1896, № 7472.

Б., М. Воспоминанія севастопольца 40 лѣтъ спустя. «Нов. Время» 11 дек. 1896, № 7469.

Некрологъ. Протоіерей П. Г. Лебединцевъ „Нов. Время," 8 дек. 1896, № 7466.

Некрологъ. Д. И. Воейковъ. «Нов. Время» 7 дек. 1896, № 7465.

Къ столѣтію смерти Е. И. Кострова. Приложеніе къ газ «Нов. Время», 7 дек. 1896, № 7465.

П., М. И. Скряги, оригиналы и чудаки. «Новое Время», 6 дек. 1896, № 7464.

Некрологъ. Д-ръ Модестъ Ивановичъ Галанинъ. „Нов. Время", 1 дек. 1896, № 7459.

Ф., А. Къ юбилею С. В. Маркова Прилож. къ газ. „Новое Время", 30 ноября 1896, № 7458.

Волховской, К. Изъ прошлаго. Приложеніе къ газ. „Новое Время", 30 ноября 1896, № 7458.

Некрологъ. Николай Федоровичъ Фанъ-деръ-Флитъ. „Нов. Время", 29 ноября 1896, № 7457.

Некрологъ. Художникъ-жанристъ А. А. Поповъ. «Новое Время», 27 ноября 1896, № 7455.

Б., Н. М. И. Петипа (къ 50-лѣтію его артистич. дѣятельности). Прилож. къ газ. «Нов. Время», 23 нояб. 1896, № 7451.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Издается съ 1889 г.—Изданія годъ VIII.

Пробный №. высылается за 7 коп. марку.

Подписной годъ начинается съ 1 ноября, № 1-й выйдетъ 7 ноября 1896 г.

Содержаніе: Фритіофъ Нансенъ и его путешествія (съ рис.). В. Семенова.—Русская колонія на Тихомъ океанѣ. Ром. Н. Соколова.—Въ странѣ полумѣсяца. Очерки Турціи Юрія Кази-Бека (съ рис.).—Алхимія. Д. Сеславина.—Фотографія души (съ рис.). Очеркъ В. Витмера.—Исторія одного русскаго эмигранта въ Америкѣ. Разсказъ Г. Сѣверцева.—Со всѣхъ концовъ свѣта.—Изъ области естествознанія.—Изъ области техники.—Хроника путешествій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: **5 РУБ.** безъ доставки. Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи. 6 руб. за границу 8 рублей.

Журналъ **Природа и Люди** знакомитъ читателей, въ живомъ и занимательномъ изложеніи, съ чудесами природы и подвигами человѣческаго ума, въ различныхъ отрасляхъ науки и промышленности; сообщаетъ, въ общедоступной формѣ, точныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; раскрываетъ прошлое человѣчества и рисуетъ картины будущаго прогресса людей; наконецъ, служитъ общепонятнымъ истолкователемъ современной жизни.

Годовые подписчики въ теченіе 1897 года получатъ:

52 еженедѣльныхъ №№, каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 страницъ плотной печати) заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не исключая мелкихъ, и 8—12 художественныхъ рисунковъ.

12 ежемѣсячныхъ книгъ, изящно отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 160 до 200 страницъ убористой печати.

Какъ по содержанію, такъ и по иллюстраціямъ журналъ **Природа и Люди**—единственное изданіе въ русской печати, и цѣнность однихъ приложеній равняется подписной цѣнѣ на журналъ **Природа и Люди**, такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать безплатно столь цѣнное приложеніе, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА“

и въ наступающемъ году будетъ состоять изъ слѣдующихъ популярныхъ сочиненій:

1. **«На верблюдахъ».** Очерки карт. изъ жизни въ Средней Азіи. Н. Уралова. 2. **«Какъ узнать характеръ человѣка».** Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физіогномонія), по почерку (графологія), по рукамъ (хиромантія), по головѣ (краніологія) и т. д. Очерки Гр. Ф—та. 3 и 4. **«Натуралистъ на Ла-Платѣ».** У. Г. Хедсона. Съ рис. Перев. съ послѣдн. англійск. изд. 5. **«Наши родичи».** (Изъ воспомин. о славянск. земляхъ). Очерки и разсказы В. П. Желиховской. 6. **«Естественная исторія въ разсказахъ».** А. Мильса. 7. **«Общедоступная пиротехника».** Руководство къ приготовленію домашними средствами фейерверковъ. Д. Озеркова. Со многр. рис. 8. **«Современная Турція».** Очерки и разсказы о царствѣ османовъ. Ю. Кази-Бека. 9. **«Исторія электричества».** Д. Менро. Пер. съ англ. подъ ред. Ив. Святскаго. 10. **«Во льдахъ и снѣгахъ».** (Путешествіе на о-въ Колгуевъ). Перев. съ англійск. А. Филипова. 11. **«Исторія воздухоплаванія».** По Л. Фигье и др. источникамъ сост. Гр. Ф—тъ. 12. **«Въ дебряхъ Азіи».** Очерки экспедиціи ген.-м. Пѣвцова. Обработ. Н. Соколовъ.

Контора и редакція журнала **Природа и Люди**: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, соб. д.

Разсрочка допускается не иначе какъ: при подпискѣ 3 р. и къ 1 мая остальные.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

За 1889—1890 и 1896 г. журналъ весь разошелся: за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. остались въ небольшомъ колич. экземпл., цѣна которыхъ въ брошюров. видѣ, со всѣмъ приложеніями 4 руб. за каждый годъ, а въ роскошн. переплетѣ 5 руб. Перес. за 10 фунт. по вѣсу и разстоянію.

Издатель П. Сойкинъ. Редакторъ С. Груздевъ.

3—3

XIX годъ изданія

О ПОДПИСКѢ на 1897 г.

XIX годъ изданія

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ

Условія подписки съ перес. и достав.:
На годъ..... 7 руб.
На 6 мѣс..... 4 »
За границу..... 10 »
Разсрочка по соглашенію съ конторою.

ШУТЪ

Условія подписки безъ перес. и достав.:
На годъ... 6 р. 50 к.
На 6 мѣс.. 3 » 50 »
Адресъ редакціи:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СПАССКАЯ, 17.

Въ теченіе года журналъ „ШУТЪ“ помѣщаетъ:

Болѣе **трехсотъ** раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографіи). Болѣе **тысячи** карикатуръ—перомъ и карандашомъ. Не менѣе **семисотъ** столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. **Тысячи** стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п. **Карикатуры**-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ. **Карикатуры** на худож. выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п. **Портреты** выдающихся дѣятелей.

Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будутъ помѣщаться:

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕРОЕВЪ И ГЕРОИНЬ ДНЯ.

3—3 За редактора—издатель Ф. ГОЛИКЕ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
на 1897 годъ

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому университету; обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч. IV Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные. Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній. Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета. Редакторъ Ѳ. Мищенко.

3—3

1835 **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1897

на большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала Живописное Обозрѣніе, дастъ возможность въ 1897 г. сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключавшіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не повышая прежней скромной подписной платы, что въ общемъ дастъ гг. подписчикамъ

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

I) ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ, СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3 листовъ большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—40 рисунками. **52**

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:

1. 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю».—2. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—3. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—4. рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—5. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—6. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—8. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

ОТПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТН. КРАСКАМИ

по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій

II) ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: **Новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія, научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.**

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.—въ Москвѣ **7** р. **75** к. На полгода (съ доставкою по Имперіи) **4** р.—На три мѣсяца **2** р. За границу: на годъ—**16** р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—«Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Доре» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкой) **ОДИНЪ РУБЛЬ**

Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. Невскій проспектъ, д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно. 3—8

годъ изд. 85-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА годъ изд. 85-й.

1812 Большая ежедневная политическая и литературная газета 1897

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ПЕЧАТАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШОГО ФОРМАТА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ: 1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 3 0 художественныхъ рисунковъ. 2) **12** нумеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ». 3) стѣнной календарь разсылается какъ прибавленіе при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 году, получатъ:

третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—«ГРѢХИ ПРОШЛАГО»

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою): На годъ **8** р.—На полгода **4** р.—На три мѣсяца **2** р.—На одинъ мѣс. **1** р. Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ главною конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ

Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ **4** р. На полгода **2** р. На три мѣсяца **1** р.

Годовые подписчики газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА", въ 1897 году могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ

„БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ"

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной обертке).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) 1 руб. 50 к.

Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты Ихъ Императорск. Величествъ, «Аѳонъ», «Вурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—1 РУБЛЬ. Безъ доставки—75 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: СПБ., НЕВСКІЙ ПР., У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—3

Годъ изд. 3-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г. Годъ изд. 3-й.

дешевое ежемѣсячное литературное изданіе выходитъ въ форматѣ и объемѣ большихъ дорогихъ литературныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА

ВЪ СОСТАВЪ КНИЖЕКЪ ВХОДЯТЪ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ)

РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Книги «Домашней библіотеки» выходятъ ежемѣсячно аккуратно между первымъ и десятымъ числами, въ форматѣ большихъ журналовъ, какъ напримѣръ: «Вѣстникъ Европы», и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ (отъ 320—400 страницъ) убористой печати, что составитъ въ годъ болѣе 5.000 страницъ интереснаго чтенія, въ изящномъ изданіи. «Домашняя библіотека» даетъ обильный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ, не имѣющихъ возможности выписывать дорого стоящіе журналы. Въ книгахъ «Домашней библіотеки» помѣщаются только новыя литературныя произведенія (русскихъ и иностранныхъ) писателей, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Въ каждой книгѣ обязательно помѣщаются одинъ или два законченныхъ романа, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи и смѣсь. Встрѣтивъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не остановимся и въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставить журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ изданій. Съ этою цѣлью мы пригласили къ участію въ нашемъ изданіи извѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутся печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала.

Для книгъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ-Вс. С. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Поле, вой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій»). «Ясное утро». Большой романъ. — Случевскій, К. К. «Мой дядя», разсказъ.—Голицынъ, Д. П. князь («Муравлинъ») «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое», повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ, К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С, Большой разсказъ.—Тихановъ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ, И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева). «Любимица», повѣсть.—Величко В. Л. «Принципы», разсказъ.—Баженъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть—Мережковскій. Д. С. «Святой городъ». повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангіева, Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ. В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Ламанъ, А. И. «Подвигъ», больш. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», больш. романъ.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», романъ.—Чумина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калханъ», пов.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости», повѣсть.—Меньшиковъ, Н. «Игра судьбы», ром.—Уманецъ, Е. О. «За что?», повѣсть.—Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло», разсказъ.—Якушинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» разсказъ. — Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка» разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая», разсказъ.—Майковъ, М, «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Ляховскій. П. І. «Дочь ростовщика», романъ.—Свѣрцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть.—Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И. И. «Позорное наслѣдство», романъ и проч.

Въ приложеніяхъ журнала „ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА“ будетъ, между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Подписная цѣна на «Домашнюю библіотеку» (съ доставкою по Имперіи). На годъ (за 12 книгъ) 4 р. На полгода (за 6 книгъ) 2 р. 50 к. Заграницу (на годъ) 8 р.

съ подпиской просятъ обращаться въ главную контору:

С.-Петербургъ, Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

За редактора *А. К. Шеллеръ* (*А. Михайловъ*). Издатель *С. Добродѣевъ*.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

Большой еженедѣльный художественно-литературный журналъ

1897 г. занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы. **29 годъ изданія.**

НИ ОДИНЪ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ НЕ МОЖЕТЪ

сравниться со „Всемірной Иллюстраціей“ ни по изяществу, ни по полнотѣ, ни по объему.

Въ будущемъ, 1897 году „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ останется вѣрна своему высокому призванію—быть строго художественнымъ изданіемъ и живымъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни всего міра—и будетъ издаваться по прежней программѣ, на прежнихъ основаніяхъ, въ томъ же направленіи и при прежнемъ стремленіи къ постоянному улучшенію въ всѣхъ отношеніяхъ, при участіи лучшихъ литературныхъ и художествен. силъ.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ обратитъ особенное вниманіе на иллюстрированныя описанія болѣе или менѣе выдающихся мѣстъ нашего отечества и постарается по возможности расширить этотъ отдѣлъ. Отъ времени до времени она будетъ давать страницы, посвященныя „Живописному Петербургу“, изъ которыхъ впослѣдствіи составится цѣлый альбомъ. Точно также она будетъ отводить больше мѣста воспроизведенію художественныхъ сокровищъ обѣихъ столицъ. Литературный отдѣлъ ея будетъ заключать въ себѣ, кромѣ пояснительнаго текста къ рисункамъ, картинамъ и портретамъ, романы, повѣсти, разсказы, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія наиболѣе выдающихся писателей русскихъ и иностранныхъ, статьи по этнографіи, исторіи, естествовѣдѣнію, археологіи, сельскому хозяйству, искусствамъ и проч., рядъ фельетоновъ, посвященныхъ обозрѣніямъ общественной жизни, науки и литературы какъ въ отечествѣ, такъ и за границей. Беллетристическія произведенія, даваемыя въ прибавленіяхъ къ нумерамъ журнала, помѣщенному будутъ помѣщаться большей частью съ иллюстраціями. Какъ и прежде, отдѣлу «Спорта», богатому и разнообразному, будутъ отводиться отдѣльныя страницы въ журналѣ.

„НАТАНЪ-МУДРЕЦЪ“ драматическая поэма Готтольда-Эфраима Лессинга въ новомъ переводѣ В. С. Лихачова, извѣстнаго переводчика произведеній Мольера и Корнеля, переводы котораго были неоднократно премированы.

„ДЕКАМЕРОНЪ-БОККАЧІО“ избранныя новеллы въ переводѣ русскихъ писателей.

Обѣ книги съ великолѣпными иллюстраціями знаменитыхъ европейскихъ художниковъ.

„Натанъ-Мудрецъ“ представляетъ собою источникъ эстетическаго наслажденія, источникъ мудрости, изъ котораго могутъ черпать и люди преклоннаго возраста, и юноши, начинающіе жить осмысленной жизнью.

Избранныя новеллы изъ „Декамерона“ Боккаччіо блещутъ свѣжимъ, совершенно своеобразнымъ юморомъ, брызжутъ веселостью, способной расшевелить самаго серьезнаго человѣка. Кромѣ того будутъ даны **ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ** разнообразнаго содержанія.

Такимъ образомъ „Всемірная Иллюстрація“ за 1897 г. будетъ драгоцѣннымъ и вполнѣ современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

15 Р. безъ дост. **Подписная цѣна журнала «Всемірная Иллюстрація» на 1897 г.: со всѣми приложеніями и премій.** **18 Р.** съ перес.

СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 17 РУБ.

При подпискѣ безъ доставки въ МОСКВѢ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Вонкендорфъ. Въ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Тапрова, Канатная, 13.

Цѣна роскошному изданію (на веленевой бумагѣ) безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 26 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р. Допускается разсрочка при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентября остальные 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Всемірной Иллюстраціи“: СПБ. Садовая, 22.

3—3

1897. **ГОДЪ СЕДЬМОЙ.** **1897.**

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Въ 1897 году „ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ своемъ обычномъ объемѣ. Въ составъ журнала войдутъ: Классическія произведенія.—Романы, повѣсти и разсказы.—Маленькая юмористика.—По вопросамъ общественнымъ и нравственнымъ.—Критическіе этюды.—Новое о знаменитыхъ писателяхъ.—Россія заграницей.—Научныя новости.—Историческіе очерки разсказы и анекдоты.—Изъ заграничной хроники.—Стихотворенія.—Мелочи.

Съ января 1897 года въ приложеніи будетъ печататься историко-литературная монографія

ГЕОРГА БРАНДЕСА
ВИЛЛІАМЪ ШЕКСПИРЪ.

Исторія его жизни и дѣятельности по его твореніямъ и на основаніи критическаго изслѣдованія наилучшихъ источниковъ Шекспирской литературы.

Въ трехъ частяхъ своего труда Георгъ Брандесъ прослѣживаетъ жизнь и творчество Шекспира въ условіяхъ его времени изъ года въ годъ, отъ сочиненія къ сочиненію, и возсоздаетъ яркій образъ этого величайшаго изъ геніевъ всемірной литературы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ.

съ доставкою и пересылкою **4** Р. | безъ доставки и пересылки **3** Р. **50** К.

Подписка на 1897 продолжается по той же цѣнѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ Конторѣ Редакціи, ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ, Зеркальная линія, № 63, магазинъ ПАНТЕЛЕЕВА (противъ Пажескаго Корпуса); въ Москвѣ—въ Конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи, а гг. иногородніе благоволятъ адресоваться въ Редакцію, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 16, собств.

Редакторъ Ѳ. И. Булгаковъ. Издатель Г. Ѳ. Пантелеевъ.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы" за 1891, 1892, 1894 и 1895 гг.

продается по **4** р. годъ съ пересылкою

до всѣхъ станцій желѣзныхъ дорогъ товаромъ малой скорости, а съ пересылкою по почтѣ за каждый годъ 2 рубля дороже.

ТАМЪ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА **144** ТОМА СОЧИНЕНІЙ СЛѢДУЮЩИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

Э. Зола, Бальзака, Флобера. Ж. Занда, Диккенса, Вальтеръ Скотта, Бретъ-Гарта, М. Твэна, Эдгара Поэ, Шпильгагена, Гофмана и Эбера.

ВСѢ 144 ТОМА будутъ изданы въ теченіе трехъ лѣтъ, по 48 том. въ годъ, т. е. по 4 тома ежемѣсячно, по 320 стр. въ каждомъ томѣ въ 8 д. листа, четкимъ шрифтомъ. Форматъ и шрифтъ—собранія сочиненій Гюи де Мопасана.

По 15 Ноября 1896 г. вышло 48 томовъ.

ЦѢНА ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКѢ:

за всѣ 144 тома безъ доставки **36 р.**, съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою въ другіе города **48 р.**

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ НА СЛѢДУЮЩИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ:

Подписчикамъ безъ доставки: при подпискѣ вносится 15 руб., къ 15 декабря 1896 г. 3 руб. а затѣмъ каждые 3 мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г. по 3 р.
Подписчикамъ съ доставкой и пересылкой: при подпискѣ вносится 20 руб., къ 15 декабря 1896 г. 4 р., а затѣмъ каждые три мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г., вносится по 4 р.

По этой цѣнѣ подписка принимается только на 5000 экземпляровъ а затѣмъ, ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПОВЫСИТСЯ, о чемъ будетъ объявлено своевременно.

ТАМЪ ЖЕ можно получить СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ:

ГЮИ ДЕ МОПАСАНА. 2-е изданіе. 12 томовъ. Цѣна **6** р. съ перес. **7р. 50к.**

АЛ. ДОДЭ. 12 томовъ Цѣна **6** р., съ пересылкой **7** р. **50** к.

В. ТЕККЕРЕЯ. 12 томовъ. Цѣна **6** р., съ пересылкой **7** р. **50** к.

ИЗЯЩНЫЕ КОЛЕНКОРОВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ:

Цѣна 6 переплетовъ на 12 томовъ А. Додэ. 1 р. 80 к., на 12 том. В. Теккерея 1 р. 80 к. и на 12 том. Гюи де Мопасана 1 р. 80 к. Перес. 6 перепл. за 3 ф., по разстояніямъ.

Адресоваться: въ редакцію «Вѣстникъ Иностранной Литературы», Спб., Вѣрейская, 16 или въ Контору, Гостинный дворъ, магазинъ П. Ѳ. Пантелеева, № 63.

3—3

XIII г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ XIII г. изд.

„ВОКРУГЪ СВѢТА"

на иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 еженедѣльн. иллюстрирован. №№, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

БЕЗПЛАТНО

12 ТОМОВЪ, иллюстр. знамен. художн., Эмилемъ Байардомъ, Невилемъ, Ріу и друг., и содержащ. въ себѣ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Жюля Верна

Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большаго формата, и въ него войдутъ всѣ слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній:

I. 80,000 верстъ подъ водою 2 т. **II. Дѣти капитана Гранта** 2 т. **III. Таинственный островъ** 3 т. **IV. Воздушный корабль. V. Зеленый лучъ. VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней. VII. Вверхъ дномъ. VIII. Путешествіе къ центру земли.**

Кромѣ того подписчики при доплатѣ одного рубля получатъ **2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,** состоящія изъ двухъ художествен. картинъ (олеографій).

Картины, размѣромъ каждая 20¼ вершковъ въ длину и 13½ вершковъ въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи братьевъ Кауфманъ въ Берлинѣ.

Съ оригинала художника *Кондратенко.*

1. ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА

Съ видомъ Ялты.

2. Видъ Днѣпра у Кіева.

Оригиналы этихъ картинъ спеціально заказаны для премій 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя:

НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюля Верна съ доставк. и перес. **4 Р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р.—За премію—при послѣднемъ взносѣ.

Адресъ редакціи: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Кромѣ того подписка принимается: во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержд. Т-мъ И. Д. СЫТИНА.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: 1) оригинальныя статьи; 2) документы, извѣстія и замѣтки; 3) критика и библіографія. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ: Проф. В. Б. Антоновича, А. А. Андріевскаго, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, проф. Д. И. Багалѣя, Н. П. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманина, Е. А. Кивлицкаго, Ѳ. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Лясковронскаго, проф. Ѳ. Г. Мищенка, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, Ѳ. Д. Николайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, В. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Ѳ. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, Б. Н. Сторожева, Л. Д. Синицкаго, проф. Ѳ. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербины, В. Н. Ястребова и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка „Малороссійскій Словарь“, который въ полномъ видѣ займетъ болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца, редакція „Кіевской Старины“ разсчитываетъ въ теченіе 1897 г. выпустить въ свѣтъ 2-й томъ этого словаря, объемомъ до 25 печатныхъ листовъ. Этотъ томъ составитъ безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала „Кіевская Старина“ въ 1897 году.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой.	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки.	8 » 50 »
За границу.	12 » — »

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 р. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи.

(Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель К. М. ГАМАЛѢЙ. Редакторъ В. П. НАУМЕНКО.

3—8

Открыта подписка на 1897 годъ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: 1. Дѣйствія правительства. 2. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. 3. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 4. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». 5. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). 6. Мѣстная хроника. 7. Наука и искусство. 8. Театръ и музыка. 9. Отголоски (маленькій фельетонъ). 10. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 11. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 12. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта. 13. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. 14. Судебная хроника. 15. Критика и библіографія. 16. Смѣсь. 17. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. 18. Почтовый ящикъ. 19. Календарь. 20. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. 21. Сторонніе сообщенія. 22. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный край» будетъ печататься новымъ, болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 Г.

съ пересылкой иногороднимъ:

На 12 мѣс. 11 р., на 11 мѣс. 10 р. 50 к., на 10 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 9 р. 20 к., на 8 мѣс. 8 р. 50 к., на 7 мѣс. 7 р. 80 к., на 6 мѣс. 7 р., на 5 мѣс. 6 р., на 4 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 4 р., на 2 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к

съ доставкой въ Харьковѣ:

На 12 мѣс. 10 р., на 11 мѣс. 9 р. 50 к., на 10 мѣс. 9 р., на 9 мѣс. 8 р. 25 к., на 8 мѣс. 7 р. 50 к., на 7 мѣс. 6 р. 75 к., на 6 мѣс. 6 р., на 5 мѣс. 5 р. 25 к., на 4 мѣс. 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р. 40 к., на 2 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель А. А. ИОЗЕФОВИЧЪ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТРИ ИЗДАНІЯ 1897 Г.:

I.

НОВОСТИ ДНЯ

ИЗДАНІЯ ГОДЪ XV-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей

Подписная цѣна въ Москвѣ и на города: съ доставкою на годъ—8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р. 50 к., на три мѣсяца—3 р., на одинъ мѣсяцъ—1 руб.

II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выходятъ ежемѣсячными книжками и даютъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

Подписная цѣна на годъ 8 р. Вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ литературнымъ приложеніемъ «СЕМЬЯ» на годъ 4 рубля.

III.

Еженедѣльное иллюстрированное литературное изданіе

СЕМЬЯ

Выходитъ по слѣдующей программѣ, изящная литература (романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, драматическ. произведенія—оригинальныя и переводныя); научныя обозрѣнія, литературная, театральная, музыкальная и художественная критика; историческіе очерки и путешествія; біографіи; спортъ всѣхъ видовъ; изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, смѣсь; задачи, шарады, ребусы, игры, музыкальныя ноты; почтовый ящикъ; иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, виньетки и преміи.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНІЯ **13 РУБ.**

За эту сумму подписчикъ, слѣдовательно, получаетъ: 1) годовой экземпляръ газеты «Новости Дня»; 2) ежемѣсячный журналъ «Новости Иностранной Литературы»; 3) еженедѣльное иллюстрированное приложеніе «Семья».

«Новости Дня» и «Новости Иностранной Литературы» въ годъ—11 р. «Новости Дня» и «Семья»—10 р. Адресъ: Москва, «Новости Дня».

Въ главной конторѣ газеты «НОВОСТИ ДНЯ» продается **АЛЬБОМЪ**

КОРОНАЦІОННЫЯ ТОРЖЕСТВА

(Изданіе «НОВОСТЕЙ ДНЯ» и «СЕМЬИ»).

Альбомъ отпечатанъ на хорошей бумагѣ и заключенъ въ изящную обложку, украшенную акварельнымъ рисункомъ Л. О. Пастернака. Текстъ альбома заключаетъ въ себѣ историческую часть и подробное описаніе коронаціонныхъ торжествъ въ маѣ 1896 г. Въ альбомѣ помѣщено 90 рисунковъ и 100 портретовъ и группъ.

Цѣна альбому 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

3—2

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

VII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1. Дѣйствія правительства. 2. Телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. 3. Спеціальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя С.-Петербургской биржи. 4. Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. 5. Политическое обозрѣніе. 6. Иностранныя извѣстія. 7. Заграничная жизнь. 8. О чемъ пишутъ. 9. Злобы дня. 10. Общая хроника. 11. Летучіе листки. 12. Мѣстная хроника и изъ отдѣленій. 13. Арабески (Таганрогъ). 14. Пестрыя замѣтки (Новочеркаскъ). 15. Кубанскія письма (Екатеринодаръ). 16. Письма изъ Маріуполя. 17. Театръ и музыка. 18. Маленькій фельетонъ. 19. Изъ залы суда. 20. Наука, искусство и литература. 21. Библіографія. 22. Корреспонденція. 23. По Россіи. 24. Смѣсь. 25. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. 26. Торговыя извѣстія. Биржа. 27. Справочный отдѣлъ. 28. Объявленія и рекламы.

Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Съ доставкой и пересылкой городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: на годъ 9 р., на 11 м. 8 р. 50 к., на 10 м. 8 р., на 9 м. 7 р. 25 к., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 25 к., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 2 р. 75 к.; на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на годъ 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 25 к., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 3 р. 75 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 25 к., на 2 м. 1 р. 50 к. на 1 м. 80 к.

За пересылку газеты заграницу взимается сверхъ подписной цѣны 60 коп. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа.

Подписка принимается въ Ростовѣ-на-Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Край»

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянскому пер., № 19; въ Новочеркаскѣ—у Н. В. Туркина, Комитетская улица; въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галладжіанца; въ Маріуполѣ—у П. Н. Фалькевича; въ Ейскѣ—у Ѳ. С. Куцева; въ Новороссійскѣ—у Э. А. Маринаки; въ Азовѣ—у В. В. Золотарева; въ Луганскѣ—у П. Е. Кочетова; въ Александровскѣ-Грушевскомъ — у Б. М. Файвишевича, типографія; въ Пятигорскѣ — у А. М. Манулова, типографія; въ Грозномъ — у Е. П. Садовникова; въ Бахмутѣ—у И. Р. Грилихесъ; въ Армавирѣ—у Р. Ф. Уманцевой; на ст. Каменской—у В. И. Волокитина, типографія; на ст. Константиновской—обл. в. Д.—у М. И. Кучерова.

Редакторъ-издатель С. Х. АРУТЮНОВЪ.

3—3

Большая ежедневная, политико-общественная и литературная газета

XXIII-й годъ изданія въ Н-Новгородѣ.

ВОЛГАРЬ

и

Нижегородскій Биржевой Листокъ

Полныхъ 360 выпусковъ ежегодно.

Въ 1897-мъ году

газета «Волгарь» будетъ выходить въ свѣтъ въ томъ же объемѣ и по той же обширной программѣ, какъ въ 1896-мъ выставочномъ году.

«Волгарь» представляетъ собою одно изъ старыхъ періодическихъ изданій въ Поволжьи; кромѣ общихъ вопросовъ и событій русской жизни и текущихъ событій заграничныхъ, «Волгарь» отмѣчаетъ на своихъ столбцахъ еще событія изъ жизни Поволжья.

Въ 1897 г. организуется обширное полученіе изъ Петербурга важнѣйшихъ извѣстій, интересующихъ Поволжскій край, по телеграфу, отъ спеціальныхъ корреспондентовъ. Редакція надѣется такимъ образомъ установить быструю освѣдомленность поволжской публики о выдающихся событіяхъ даннаго момента.

Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, разсказы, очерки и стихотворенія, оригинальныя и переводныя.

Подписная цѣна на газету „ВОЛГАРЬ“ на 1897 годъ.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Иногороднимъ.....	8 р.	7-50	7 р.	6-50	6 р.	5-50	5 р.	4-50	4 р.	3-50	2-50	1-50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Нижнемъ Новгородѣ; въ Главной Конторѣ „Волгаря“.
» С.-Петербургѣ. у Л. и Э. Метцль, въ магазинѣ „Новаго Времени“ и др.
» Москвѣ: у Метцль, Шабертъ, Ремизова, Печковской, Сенъ-Мартенъ и Гиляровскаго
» городахъ Поволжья у коммиссіонеровъ „Волгаря“.

☞ Новые подписчики на 1897 годъ, сдѣлавшіе подписку заблаговременно получатъ БЕЗПЛАТНО: 1) „Волгаря“ за ноябрь и декабрь мѣсяцы текущаго года.

3—2 Редакторъ-Издатель „Волгаря“. СЕРГѢЙ ЖУКОВЪ.

Открыта подписка на 1897 г. (IV г. изданія) на ежемѣсячный обще-научный журналъ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1887 году „Научное Обозрѣніе“ будетъ выходить по расширенной программѣ, включающій отдѣлы наукъ физико-химическихъ, естественныхъ, антропологіи, географіи и этнографіи, исторіи литературы, соціологіи, статистики, археологіи и исторіи культуры, а также отдѣлы библіографіи, научной хроники, научныхъ новостей, изобрѣтеній и открытій, біографій научныхъ дѣятелей и статей, относящихся къ исторіи науки.

Въ 1897 году въ приложеніяхъ будутъ даны капитальныя научныя сочиненія, частью изъ новѣйшихъ, еще не переведенныхъ на русскій языкъ трудовъ, частью изъ имѣющихъ важное историческое значеніе.

Въ редакціи имѣются комплекты за 1895 г. (ц. 5 р. съ пер.) и за 1896 г. (ц. 6 р. съ пер.). Редакція высылаетъ также книги своего изданія (подписчики за пересылку не платятъ) въ томъ числѣ „Сочиненія Дарвина“ въ 4 томахъ. съ рисунками подлинника, ц. три рубля. (Т. I. Происх. видовъ, т. II. Происх. человѣка, т. III. Путешествіе на кор. Бигль и Автобіографія, т. IV. Выраженіе душевныхъ волненій, всего около 2000 стр.).

При редакціи принимается подписка на сочиненіе М. Филиппова, Философія дѣйствительности (Исторія и критика научно-философскихъ міровоззрѣній отъ древности до нашихъ дней). Большой томъ (800 стр. большого формата) съ табл. рис. Подписная цѣна съ перес. шесть рублей. Первая половина высылается немедленно. Изданіе это закончится въ 1897 году.

Подписная цѣна на „Научное Обозрѣніе“ 12 книгъ въ годъ:

На годъ. . . . . семь рублей (съ пер.).
За границу . . . . . десять рублей.
Полгода. . . . . четыре рубля.
Четверь года . . . . . два рубля.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Екатерининская, д. 6, кв. 8.

Ред.-изд. д-ръ философіи М. Филипповъ. 3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1897 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій. на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	Съ казенными приб. на годъ	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р. — к.	9 р. — к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р. — к.	10 р. — к.
Съ пересылкою иногороди. .	17 » — »	10 » — »	5 » 50 »	2 » — »	19 » — »	11 » — »
За границу.....	26 » — »	14 » — »	8 » — »	3 » — »	28 » — »	16 » — »

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель Э. Э. Ухтомскій.

3—1

Открыта подписка на 1897 годъ.

На ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОРОДѢ СЕВАСТОПОЛѢ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕСЯТЫЙ).

Газета, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губерніи.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій, въ дни послѣпраздничные, городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки:

На годъ 7 р. на 1/2 года 4 р. на 1/4 года 2 р. 50 к. на 1 мѣсяцъ 1 р.

Съ доставкою и пересылкою:

На годъ 8 р. на 1/2 года 5 р. на 1/4 года 3 р. на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. СЕВАСТОПОЛѢ—въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Спиро; въ гор. СИМФЕРОПОЛѢ—въ Отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро; въ ЯЛТѢ—въ магазинѣ г—на Синани; въ МЕЛИТОПОЛѢ—въ Отдѣленіи конторы въ «Центральномъ» аптекарск. магазинѣ О. Г. Гинцбурга; въ БАХЧИСАРАѢ—у г—на Колтуна; въ БЕРДЯНСКѢ—въ книжномъ магазинѣ Г. А Эдигера и Комп.; въ ѲЕОДОСІИ—въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника», Полицейская улица, домъ Карабанова.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р, къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—остальные 2 руб.

3—2

Объ изданіи въ 1897 году

ежедневной литературной и политической газеты

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

„Виленскій Вѣстникъ", какъ единственная ежедневная газета Сѣверо-Западнаго края, имѣя въ виду постепенное развитіе самодѣятельности провинціи, ростъ духовныхъ ея потребностей, стремится, по мѣрѣ силъ, отвѣтить на запросы мѣстной жизни ея злобъ дня въ области бытовой и экономической.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своею задачею обще-русскіе интересы, русское дѣло, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благосостоянію своего общаго отечества. Въ „Вилен. Вѣсти." читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны беллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агенства, печатаемыя раньше столичныхъ газетъ; сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; революціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I. ч. 2 учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по девяти губерніямъ Сѣверо и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ".

Подписка на 1897 годъ открыта.

Всѣмъ новымъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета въ теченіе декабря будетъ высылаться БЕЗПЛАТНО.

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ Вильнѣ:		Съ пересылкой въ другіе города.	
На годъ	6 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	3 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ	4 р — к.
На 3 »	2 р. — к.	На 3 »	2 р. 50 к.
На 2 »	1 р. 20 к.	На 1 »	1 р. — к.
На 1 »	1 р. 70 к	За границу на годъ — 12 рублей.	

Подписка принимается въ конторѣ «Вил. Вѣсти.», на Большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Редакторъ-издатель. П БЫВАЛЬКЕВИЧЪ.

3—2

Открыта подписка на 1897-й г.

11-й годъ изданія.

ДОНСКАЯ РѢЧЬ.

Ежедневная общественно-литературная и политическая газета.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Передовыя статьи по вопросамъ современной жизни Донской области и южныхъ губерній. 3) Распоряженія и статьи, касающіяся всѣхъ казачьихъ войскъ. 4) Мѣстная хроника. 5) Телеграммы и корреспонденціи изъ Донской области и сосѣднихъ съ нею губерній. 6) Былое и современное. Замѣтки и сообщенія по различнымъ отраслямъ современной и прошлой жизни юга Россіи. Стихотворенія, разсказы, очерки, сцены. 7) Отдѣлъ историческій. Акты, грамоты, мемуары, хроники. 8) По Россіи. Телеграммы и корреспонденціи. 9) За границей. Иностранныя новости. 10) Фельетонное обозрѣніе. 11) Юмористическіе очерки, разсказы, наброски, стихотворенія, шутки, мысли, эпиграммы. Смѣсь. Отвѣты редакціи. 12) Театръ и искусство. 13) Торговое обозрѣніе и биржа. 14) Справочныя свѣдѣнія. 15) Объявленія и рекламы.

Подписная цѣна:

На годъ съ пересылкой и доставкой—7 р., на ½ года—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—1 р.

Въ 1897 году газета «Донская Рѣчь» будетъ выходить по вышеприведенной программѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, при чемъ три раза въ недѣлю—въ размѣрѣ обыкновеннаго листа, а въ остальные дни—въ размѣрѣ полулиста.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ разосланъ будетъ безплатно справочникъ «по Дону», иллюстрированное изданіе 1897 года, въ которое войдутъ краткія историко-статистическія и справочныя свѣдѣнія объ области войска Донскаго и ея городахъ, программы мѣстныхъ учебныхъ заведеній, условія пріема въ нихъ, торгово-промышленныя, желѣзнодорожныя, почтовыя и др. свѣдѣнія. Къ справочнику будетъ приложена карта области войска Донскаго.

Съ подпиской покорнѣйше просятъ обращаться: въ Новочеркасскъ, въ Редакцію газеты «Донская Рѣчь».

3—2 Редакторъ-издатель **Ив. П. Поповъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ *Чтеніяхъ* помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины А. С. Суворина и Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно пріобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся въ каталогѣ, безплатно доставляемомъ желающимъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

По двойной системѣ для самоучащихся, соч. Ѳ. Журова, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 р. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др., въ С.-Петербургѣ: у Суворина, и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей. См. «Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1876 г., кн. 10-я стр. 103-я (такого одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ).

Адресующіеся прямо къ автору: въ г. Шую, Ѳедору Гавриловичу ЖУРОВУ, за пересылку не прилагаютъ.

1—1

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

СЪ НОЯБРЯ 1896 ГОДА

издается въ Москвѣ подъ редакціей М. М. Каткова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г.

—— Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, въ 1897 году стоитъ въ Москвѣ безъ доставки 15 р. 50 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 16 р., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 17 р.

Принимается также подписка, только черезъ контору журнала, на 6 мѣсяцевъ 8 р. 50 к., на 3 мѣсяца 4 р. 25 к. и на 1 мѣсяцъ 1 р. 50 к., съ пересылкою и доставкою.

Для гг. годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ платежѣ денегъ, а именно: при подпискѣ вносится въ контору журнала 9 руб., а остальная сумма уплачивается къ 1-му іюня.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка за поручительствомъ ихъ казначеевъ, съ уплатой по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, впредь до уплаты всей подписной суммы.

Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, допускается только чрезъ контору журнала.

—— За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными билетами или переводомъ: въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза, по 18 рублей, а въ остальныя государства—по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» принимается въ Москвѣ, въ конторѣ журнала (Малая Дмитровка, 29), куда и просятъ адресоваться гг. подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) Гг. подписчики благоволятъ писать свой адресъ четко, съ точнымъ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи, а также того почтоваго учрежденія, куда должно адресовать журналъ, съ указаніемъ губерніи и уѣзда, или станціи желѣзной дороги, присоединивъ названіе этой дороги. 2) При перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ сообщать конторѣ журнала, вмѣстѣ съ новымъ адресомъ, по которому желаютъ получать журналъ, и старый адресъ, или же точно обозначить его нумеръ. 3) Согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе о неполученіи книги журнала допускается не позже полученія слѣдующей книги. 4) Контора журнала не отвѣчаетъ за своевременную доставку книгъ журнала передъ тѣми лицами, которыя подписались помимо конторы журнала; съ жалобами въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться въ тѣ мѣста, гдѣ подписались. 5) За перемѣну адреса уплачивается 40 коп., за исключеніемъ перемѣны городскаго адреса на иногородній, за каковую перемѣну уплачивается 1 р. 50 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Малая Дмитровка, 29.

1—1

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ
СЕМЕВСКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. 1837—1892

Съ двумя портретами и письмами **Благосвѣтлова, Модзалевскаго, Ушинскаго** и другихъ.

Цѣна безъ пересылки 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» 2 р.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ Спб, на Большой Подъяческой, д. 7, кв. 3, у издательницы. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Продается библіотека М. И. Семевскаго, гравюры, портреты, изданія.

Рекомендуются для письменныхъ работъ (extemporalia):

1) АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ на греческій языкъ.

Составилъ **Н. И. Кашкадамовъ.** 308 стр. въ 32 д. л. Цѣна 1 рубль.

Книга содержитъ расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ всѣ (по возможности) слова, имѣющія неправильности какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніяхъ. Въ ней учащійся найдетъ разрѣшеніе всѣхъ, могущихъ встрѣтиться, затрудненій при переводѣ съ русскаго на греческій: при глаголахъ выписаны всѣ формы и конструкціи, при предлогахъ—важнѣйшія особыя выраженія, при другихъ частяхъ рѣчи—всѣ неправильности. Эта книга можетъ отчасти замѣнить учебникъ и русско-греческій карманный словарь.

2) УКАЗАТЕЛЬ

съ русскаго на латинскій, приспособленный не только для классныхъ, но и для домашнихъ письменныхъ работъ, такъ какъ замѣняетъ русско-латинскій словарь.

Необходимъ для учениковъ всѣхъ классовъ.

Главный складъ въ Типографіи Товарищества «Общественная Польза», С.-Петербургъ, Большая Подъяческая д. № 39. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Книгопродавцамъ уступка 20%. Выписывающіе изъ склада за пересылку ничего не платятъ.

ственныхъ маленькихъ человѣчковъ (homunculus). Въ числѣ многихъ сохранившихся отъ масонской литературы переводныхъ книгъ г. Пипинъ приводитъ находящуюся въ Публичной библіотекѣ небольшую рукопись подъ заглавіемъ: „Божественная магія. Наставленіе, представляющее важнѣйшее искусство древнихъ израильтянъ, мудрецовъ и первыхъ, такъ какъ и нынѣшнихъ, истинныхъ христіанъ. Какимъ образомъ оные приготовляемы и употребляемы были и нынѣ еще нѣкоторыми весьма немногими людьми въ тишинѣ и страхѣ Господнемъ производятся и употребляются. Въ печать издана, украшена фигурами и свѣту сообщена Z. V. H. Любителемъ тайной Божественной премудрости. Франкфуртъ и Лейпцигъ 1745 года". Въ приложеніи къ своей статьѣ А. Н. Пипинъ помѣстилъ главу изъ названной книги: „О философскихъ человѣкахъ, — что они суть и какимъ дѣлѣ и какъ ихъ рождать?". Глава эта—своего рода совершенство.

Изъ помѣщенныхъ въ разсматриваемой нами книгѣ „Почина" стихотвореній выдѣляются изяществомъ формы, звучностью стиха и образностью выраженій два произведенія г. Бальмонта: „Ночь" изъ „Фауста" и „Мертвые корабли".

Переходя къ беллетристическому отдѣлу Сборника, считаемъ долгомъ сказать, что всѣ вошедшія въ него произведенія отличаются занимательностью, въ особенности „Два моряка", К. М. Станюковича и „Донъ-Кихотъ московскаго захолустья", М. П. Садовскаго. Въ первомъ изъ этихъ разсказовъ авторъ, со свойственными ему талантомъ и знаніемъ жизни моряковъ, выводитъ два типа: старика адмирала—чистаго идеалиста, и сына его, молодаго лейтенанта, составляющаго по характеру и возэрѣніямъ совершенную противоположность отцу. Оба типа очерчены необыкновенно жизненно и правдиво.

Въ разсказѣ М. П. Садовскаго выведенъ такой типъ, который или мало, или совсѣмъ еще не затрогивался нашею литературою. Авторъ такъ изучилъ изображаемую имъ среду, ея образный языкъ и характеры, что разсказъ его представляется какъ бы списаннымъ съ самой натуры. Поэтому мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ разсказѣ нѣсколько долѣе.

Герой разсказа, башмачникъ Гречушкинъ,—подобно своему знаменитому прототипу, созданному Сервантесомъ,—одержимъ безконечною любовью къ правдѣ и не можетъ выносить ни малѣйшей несправедливости. Вся жизнь его проходитъ въ борьбѣ съ окружающимъ зломъ, при чемъ изъ каждой схватки онъ выходитъ, какъ и Донъ-Кихотъ,—весь побитый и помятый. Но ни побои, ни невзгоды не въ состояніи остановить рвеніе Гречушкина въ преслѣдованіи несправедливости. Но между Гречушкинымъ и Донъ-Кихотомъ огромная разница: въ то время какъ герой Сервантеса, увлекаемый своей необузданной фантазіей, сражается съ врагами, существующими лишь въ его разстроенномъ воображеніи,—Гречушкинъ дѣйствуетъ на вполнѣ реальной почвѣ и приноситъ посильную помощь ближнему.

Чтобы судить, насколько оригиналенъ разсказъ г. Садовскаго, мы приведемъ одинъ эпизодъ изъ него, а именно разговоръ Гречушкина съ помощникомъ участковаго пристава, къ которому онъ обратился за защитой послѣ одной полученной имъ потасовки: „Что, говоритъ, нужно?" — „Такъ и такъ, докладываю ему, вчерашняго числа побитъ". — „Кѣмъ?" — Не могу знать, неизвѣстные господа сверзили меня съ ногъ и провезли въ бокахъ поврежденіе". — „Ребра поломалъ?" — „Никакъ нѣтъ-съ, ребра цѣли, а ломъ стоитъ и шелохнуться больно". — „Съ докторомъ, говоритъ, посовѣтуйся, онъ тебѣ рецептъ пропишетъ". Отвернулся отъ меня и сталъ какія-то бумаги перебирать. Я помялся нѣсколько, потомъ говорю ему: „ну, однако я этого дѣла такъ оставить не желаю" — „Чего же, говоритъ, тебѣ хочется"? — „Заступу, говорю, найтить желательно, потому, какъ я подозрѣваю, что это отъ одной личности происходитъ". — „Представь, говоритъ, свидѣтелей и укажи тѣхъ, кто тебя билъ, тогда мы, говоритъ, актъ напишемъ, а твоимъ словамъ я вѣры дать не могу, потому что, можетъ быть, ты это изъ своей головы выдумалъ". — „Будьте покойны, говорю, отбузовали на совѣсть! Неужели я въ такомъ дѣлѣ могу начальство обманывать?" Опять онъ ничего не отвѣчаетъ и продолжаетъ своими бумагами заниматься; меня, знаете ли, отъ этого спокойствія нѣсколько возмутило; дѣлаю ему такой вопросъ: „а дозвольте спросить, ваше благородіе, должна полиція обывателя оберегать?" — „Безпремѣнно", отвѣчаетъ: „вотъ ежели бы ты въ ту пору, какъ били, закричалъ „карулъ", городовой прибѣжалъ и оберегъ бы". — Я этого исполнить не могъ по той причинѣ, что злодѣи и ротъ мнѣ зажали и, окромѣ того, рогожнымъ кулемъ голову закрыли". — „Это, говоритъ, только то обозначаетъ, что они усмотрительные люди". Не зижу я себѣ въ немъ никакого участія, да и на подхі „А дозвольте, говорю, полюбопытствовать, какъ бы меня до безчувствія побили, что бы тогда было?" — Тогда бы тебя безпремѣнно въ больницу отправили" — „Ну, а ежели бы, наконецъ, того, меня до смерти убили?" — Ну, ужъ послѣ этого тебя бы, должно быть, схоронили" — Вотъ тебѣ и весь и разговоръ! Думалъ найтить себѣ поддержку, а вмѣсто того самъ въ дуракахъ остался. А между прочимъ мнѣ такъ уйтить не желательно, спрашиваю послѣднее: „могу я по этому дѣлу на одного человѣка подозрѣніе выразить?" — „Выражай, говоритъ на кого хочешь, только смотри, самъ не угоди за желѣзную рѣшетку" — „За какія же такія заслуги?" — „За клевету". — „Мое вамъ почтеніе-съ, извините за безпокойство".

Если мы прибавимъ, что Сборникъ этотъ, заключая въ себѣ столь разнообразный и интересный матеріалъ, и по изящности своей не оставляетъ желать лучшаго, къ тому же и цѣна его не высока,—то всякій согласится, что такой книгѣ нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд.	(*35 экз.*),	съ портретами, 3 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ	(*24 экз.*),	съ портретами, 3 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ	(*20 экз.*),	съ портретами, 3 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд.	(*1 экз.*),	съ портретами, 3 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ	(*40 экз.*),	съ портретами, 6 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе	(*13 экз.*),	съ портр., 9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ	(*38 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ	(*38 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ	(*45 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., 12 книгъ	(*206 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., 12 книгъ	(*144 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ	(*25 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1892 — 1896 гг., 12 книгъ,		съ портретами, 9 руб.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. МАРТЪ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Княжна Марія Кантемирова. Акад. Л. Н. Майкова. 401—417
II. Кто истинный виновникъ войны 1812 года. Н. К. Шильдера ..... 419—455
III. Петербургъ въ 1825—1826 годахъ. (По дневнику Н. Г. Дивова)..... 457—494
IV. Консисторскій судъ надъ А. М. Бухаревымъ. Н. Соловьева..... 495—504
V. Встрѣча съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ В. М. Щепотьевой .... 505—511
VI. Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской. (Рожд. княжны Голицыной). Гл. I—III..... 513—533
VII. Изъ прошлаго Саратовской губерніи. (Записки стараго помѣщика). В. А. Шомпулова..... 535—540
VIII. Мировой судъ въ Подоліи. (Изъ записокъ и воспоминаній мироваго судьи). Гл. III—V. Н. Н. Захарьина (Якунина). 541—572
IX. Къ біографіи графа Н. П. Румянцева. Сообщ. М. А. Веневитиновъ.... 573—580
X. Матеріалы по исторіи русской цензуры. Сообщ. В. Бинштокъ..... 581—597
XI. Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина..... 599—605
XII. Поправка къ запискамъ Инсарскаго. Сообщ. А. В. Лазарева..... 607—608
XIII. Записная книжка „Русской Старины“: Производство А. А. Аракчеева въ маіоры. Сообщ. Д. Струковъ. (стр. 418). О прическѣ дамъ. Сообщ. Д. Струковъ. — Приказъ Г. Р. Державина конторѣ графини Мусиной-Пушкиной Брюсъ отъ 2-го января 1802 г. (456).—Къ біографіи профессора Дегурова. (512). — Собственноручное письмо Архарова Алексѣю Андреевичу Безбородко отъ 14-го іюня 1778 г. (534).—О присылкѣ мальчика изъ грековъ для услуги великаго князя Константина Павловича. Рескриптъ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому отъ 9-го октября 1781 г.—Высочайшая благодарность московскому городскому обществу 5-го авг. 1805 г. (598).—Указъ императора Александра I о лоцманахъ при Волховскихъ порогахъ отъ 25-го апрѣля 1805 г. (606).....
XIV. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ..... 65—96
XV. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. Гравир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1897.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1897 г.

Библіографическій листокъ.

Докторъ Ѳ. П. Гаазъ. Очеркъ А. Ѳ. Кони. „Вѣстникъ Европы“. кн. 1-я и 2-я 1897 г.

Въ январьской и февральской книгахъ „Вѣстн. Евр.“ текущаго года помѣщенъ интересный очеркъ А. Ѳ. Кони подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Происхожденіе этого очерка авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Лѣтомъ 1890 г. въ Петербургѣ состоялся четвертый международный тюремный конгрессъ, связанный съ чествованіемъ памяти знаменитаго англійскаго филантропа Джона Говарда, умершаго въ Россіи въ 1790 г. Предполагая при открытіи засѣданій конгресса произнести рѣчь о заслугахъ Джона Говарда, авторъ разсматриваемаго нами очерка занялся собираніемъ свѣдѣній о русскихъ послѣдователяхъ этого филантропа. Такимъ образомъ А. Ѳ. Кони пришлось встрѣтиться съ данными, относящимися къ дѣятельности старшаго врача московскихъ тюремныхъ больницъ съ 1829 по 1853 г.—доктора Ѳ. П. Гааза. Чѣмъ болѣе знакомился авторъ съ разбросанными въ разныхъ изданіяхъ замѣтками и воспоминаніями о Гаазѣ, тѣмъ ярче и привлекательнѣе выступала, въ своей величавой простотѣ, его всѣми забытая въ настоящее время личность, въ нѣкоторой степени даже заслонявшая собою образъ Говарда.

Фридрихъ-Іосифъ (Ѳедоръ Петровичъ—какъ звали его всѣ въ Москвѣ) Гаазъ родился 24-го августа 1780 г. близъ Кельна, въ городкѣ Мюнстерейфелѣ, гдѣ его отецъ былъ аптекаремъ. Воспитывался Фридрихъ Гаазъ сначала въ мѣстной католической церковной школѣ, потомъ слушалъ курсы философіи и математики въ Іенскомъ университетѣ и окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Вѣнѣ, гдѣ въ особенности занимался офтальмологіей. Призванный случайно къ заболѣвшему русскому вельможѣ Репнину и съ успѣхомъ его вылѣчившій, онъ, вслѣдствіе уговоровъ этого паціента, отправился съ нимъ въ Россію и поселился въ Москвѣ, съ 1802 г. На дѣйствительную службу онъ поступилъ 4-го іюня 1807 г. въ Павловскую больницу главнымъ докторомъ „по отличному одобренію знанія и искусства,..... какъ въ лѣченіи разныхъ болѣзней, такъ и въ операціяхъ“. Такимъ образомъ началась его, такъ сказать, оффиціальная дѣятельность, какъ врача.

Читая описаніе тюремъ и способовъ препровожденія ссыльныхъ и каторжныхъ въ Сибирь, знакомясь съ невозможными порядками прежняго слѣдствія и суда, невольно проникаешься глубокимъ уваженіемъ къ Гаазу. Это былъ искренній и ревностный другъ всѣхъ заключенныхъ и не было той жертвы [1]), на которую бы онъ не рѣшился, лишь бы чѣмъ нибудь облегчить ихъ несчастное положеніе. Девизомъ Гааза были слова: „торопитесь дѣлать добро“ (стр. 82). Когда дѣло шло о помощи арестантамъ, Ѳедоръ Петровичъ не щадилъ своей энергіи. На стр. 4[illegible] (февр.) приведена слѣдующая оригинальная сцена столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ Московскаго тюремнаго комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за „невинно осужденныхъ“ арестантовъ. „Вы все говорите Ѳедоръ Петровичъ,—сказалъ Филаретъ,—о невинно осужденныхъ. Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ—значитъ, есть за нимъ вина“. Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста. „Да вы о Христѣ забыли владыко!“—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—неосужденіе невиннаго. Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: „Нѣтъ Ѳедоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ!“—благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Чистая, одинокая цѣломудренная жизнь Гааза, постоянная подвижная дѣятельность, большая умѣренность въ пищѣ и питьѣ долго сохраняли ему цвѣтущее здоровье. Одѣвался онъ всегда чисто, но бѣдно; фракъ былъ истертый, съ неизбѣжнымъ Владиміромъ въ петлицѣ; старые черные чулки, много разъ заштопанные, пестрѣли дырочками.

Въ началѣ августа 1853 года Ѳедоръ Петровичъ заболѣлъ; у него сдѣлался громадный карбункулъ. Онъ сознавалъ, что скоро умретъ, и былъ невозмутимо спокоенъ: ни одна жалоба, ни одно стенаніе не вырвались изъ его груди; только разъ сказалъ онъ своему другу, доктору Полю: „я не думалъ, чтобы человѣкъ могъ вынести столько страданій“. 16-го августа Гааза не стало. Похоронили его на Введенскихъ горахъ, въ V разрядѣ католическаго кладбища. Оставшійся неизвѣстнымъ его другъ поставилъ на могилѣ памятникъ въ видѣ гранитной глыбы съ крестомъ и надписью: Fredericus Iosephus Haas, natus Augusti MDCCLXXX, denatus XVI Aug. MDCCCLIII и съ написаннымъ по-латыни 37-мъ стихомъ XII гл. ап. Луки: beati servi illi, quos и т. д. Памятникъ этотъ въ 1891 году былъ возобновленъ по распоряженію Московскаго тюремнаго комитета.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующія слова

[1]) Арестанты ждали его посѣщенія какъ праздника, любили его „какъ Бога“—вѣрили въ него и даже сложили про него поговорку: „у Газа—нѣтъ отказа“. См. стр. 58.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библіографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа каждаго мѣсяца.**

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго,** которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1897 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

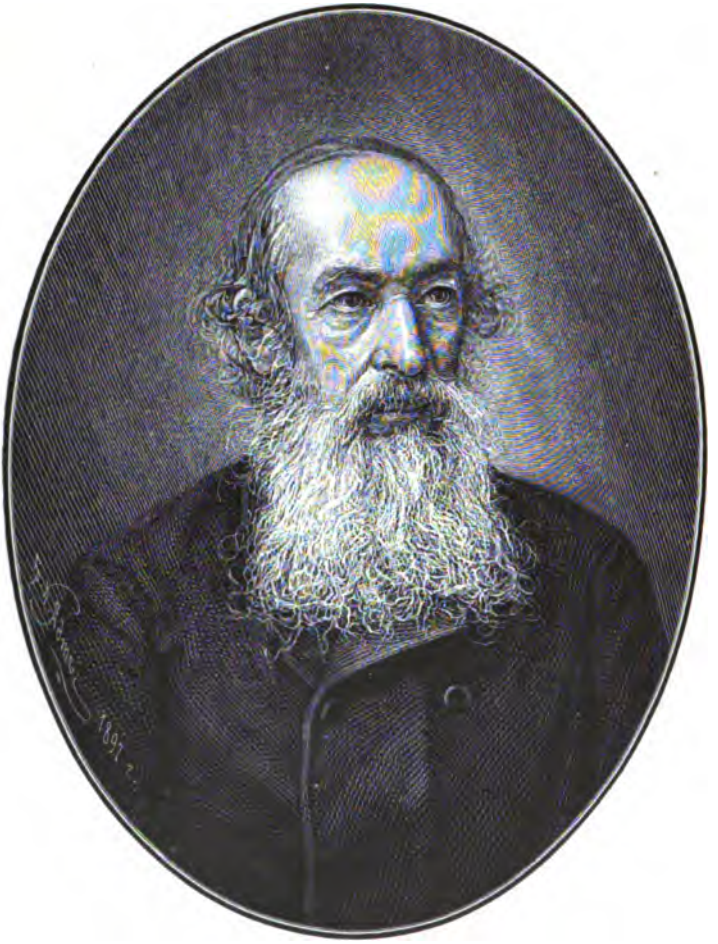
М. Л. Песковскаго.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги **непосредственно въ главную контору,** въ Петербургъ, **Фонтанка, 145.** Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору. «Русской Старины».



КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

Княжна Марія Кантемирова[1].

II.

По смерти князя Димитрія обстоятельства его семьи круто измѣнились. Человѣкъ уже въ лѣтахъ, уважаемый Петромъ за свои дарованія и заслуги, покойный господарь умѣлъ создать себѣ видное и почетное положеніе въ русскомъ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, милостью государя, обезпечить себѣ хорошій достатокъ. Оставшіяся послѣ князя дѣти, равно какъ и его вдова, были все люди молодые; вдова по крайней мѣрѣ обладала большими родственными связями, тогда какъ сыновья отъ перваго Кантемирова брака и ихъ сестра, княжна Марія, лишены были и этого преимущества; къ тому же они оказывались въ русской средѣ людьми чужеродными. Неудобства этихъ обстоятельствъ обнаружились для нихъ вскорѣ—при опредѣленіи имущественныхъ отношеній между членами семьи.

Князь Димитрій, какъ мы уже знаемъ, оставилъ завѣщательное письмо на имя царицы Екатерины. Въ немъ, примѣняясь къ закону Петра о маіоратахъ, онъ выражалъ желаніе, чтобъ его недвижимыя имѣнія перешли въ руки одного изъ его сыновей. Старшаго, не любимаго имъ князя Матвѣя онъ совсѣмъ устранялъ отъ наслѣдства, а изъ остальныхъ трехъ называлъ «лучшимъ» второго—Константина, но далѣе признавалъ «въ умѣ и въ наукахъ отъ всѣхъ лучшимъ, ежели впредь не въ хуже перемѣнится», меньшого—Антіоха, въ то время

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1897 г.

еще малолѣтняго; его-то князь Димитрій, очевидно, и намѣчалъ себѣ въ наслѣдники, предоставляя впрочемъ дѣло окончательнаго выбора царицѣ, на самомъ же дѣлѣ—самому Петру. Княжнѣ Маріи, по силѣ этого завѣщанія, доставались разныя, подаренныя отцомъ ей и ея покойной сестрѣ драгоцѣнности, общею цѣной тысячъ на десять рублей[1]). Такой же удѣлъ приходился и на долю княгини Анастасіи Ивановны. По самому свойству условій, означенныхъ завѣщателемъ, и въ особенности по тому, что князь Димитрій просилъ не выбирать наслѣдника, пока его сыновья «не опробованы будутъ въ наукахъ и въ другихъ инструкціяхъ, которыя суть надобны императору и государству»,—завѣщаніе не могло быть приведено въ исполненіе немедленно. Въ ожиданіи, пока это состоится, молодымъ князьямъ предстояло продолжать кому службу, кому ученіе и, какъ говорилось въ старину, искать своей фортуны.

Послѣ погребенія князя Димитрія его семья осталась жить въ Москвѣ. Весною 1724 года сюда прибылъ весь дворъ, и 7-го мая совершилось съ большимъ блескомъ коронованіе Екатерины императрицею. Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы вознаградить человѣка, оказавшаго ей особенно важныя услуги: по ея ходатайству П. А. Толстой въ самый день торжества былъ возведенъ въ графское достоинство. Кажется несомнѣннымъ, что коронованіе Екатерины стояло въ связи съ постоянно тревожившею Петра мыслью о престолонаслѣдіи; по смыслу изданнаго тогда манифеста можно догадываться, что императоръ намѣревался, на случай своей смерти, назначить Екатерину своею преемницей, или по крайней мѣрѣ правительницей государства до тѣхъ поръ, пока избранные имъ наслѣдникъ или наслѣдница не достигнутъ совершеннолѣтія. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя государя постигло великое разочарованіе, и его намѣренія должны были измѣниться: осенью 1724 года вскрылось дѣло о взяткахъ камергера Монса, фаворита Екатерины, которая вполнѣ поддалась его вліянію. Петръ разгнѣвался на свою супругу, и если вѣрить показаніямъ современниковъ-иностранцевъ, только увѣщанія Толстаго смягчили этотъ гнѣвъ.

Изъ иностранныхъ источниковъ, сейчасъ упомянутыхъ, видно также, что въ то самое время, какъ обнаружились безчестные поступки Екатерининa любимца,—возобновились и сношенія Петра съ княжной Маріей Кантемировой и даже сдѣлались очень частыми. Еще въ іюлѣ 1724 года семья покойнаго господаря переселилась въ Петербургъ, чтобы хлопотать о рѣшеніи дѣла по завѣщанію князя Димитрія. Въ

[1]) Въ завѣщаніи князя Димитрія эти драгоцѣнности оцѣнены въ 30.000 р., но въ завѣщаніи, сдѣланномъ княжной Маріей въ 1725 году (см. о немъ ниже), прямо указана ошибочность этой оцѣнки, и она понижена до 10.000 р.

пѣрвые мѣсяцы по его смерти семья пользовалась его наслѣдствомъ безраздѣльно; теперь же княгиня Анастасія Ивановна стала требовать у своихъ пасынковъ выдѣла ей законной четвертой части изъ мужниныхъ недвижимыхъ имѣній. Но пска сенатъ разсматривалъ это дѣло, государь захворалъ, и 28-го января 1725 года его не стало. Быть можетъ, при жизни Петра ходатайство княгини Анастасіи Ивановны осталось бы безъ удовлетворенія; но послѣ кончины грознаго судіи сенатъ, постановленіемъ отъ 3-го мая 1725 года, рѣшилъ выдать вдовѣ князя Димитрія требуемую ею долю изъ его имѣній. Такимъ образомъ, завѣщаніе покойнаго господаря оказалось нарушеннымъ въ одной изъ главныхъ своихъ частей. Правда, рѣшеніе сената не было приведено въ исполненіе; тѣмъ не менѣе, однажды допущенное нарушеніе повело къ цѣлому ряду тяжебъ между членами Кантемировой семьи.

Пока сенатъ обсуждалъ вопросъ о наслѣдствѣ умершаго господаря, княжну Марію снова постигла тяжкая болѣзнь. Нравственною причиною ея были, очевидно, тѣ треволненія, какія ей пришлось испытать въ послѣдніе годы. Вниманіе Петра, возобновившееся послѣ его разрыва съ Екатериной изъ-за Монса, возродило честолюбивыя мечты въ сердцѣ княжны; но неожиданная кончина государя нанесла имъ внезапный рѣшительный ударъ. Подъ такими впечатлѣніями княжна Марія стала готовиться къ смерти и написала завѣщаніе, которымъ распредѣляла свою долю изъ отцовскаго наслѣдства между братьями Матвѣемъ, Сергѣемъ и Антіохомъ. Послѣдній былъ любимцемъ сестры, и потому въ своемъ завѣщательномъ письмѣ она говорила: «Много я наказала изустно брату моему князю Антіоху, что по мнѣ изъ оныхъ вещей кому раздать; также и о поминовеніи души моей прошу, чтобы ему въ томъ дать волю» [1]). Но видно, княжна обладала крѣпкой натурой: мало по малу она изцѣлилась отъ своихъ недуговъ.

Послѣ смерти Петра, въ теченіе непродолжительнаго царствованія Екатерины I, семья князя Димитрія оставалась жить въ Петербургѣ, стараясь однако, повидимому, не обращать на себя вниманіе двора; вопросъ о завѣщаніи, по прежнему, не разрѣшался. По воцареніи Петра II и послѣ опалы Меншикова дворъ переѣхалъ въ Москву, которая сдѣлалась резиденціей государя. Туда переведена была гвардія, гдѣ служили молодые Кантемиры; поэтому и вся ихъ семья переселилась въ древнюю столицу. Переѣздъ двора въ Москву имѣлъ большое экономическое значеніе для всей русской знати. Она не любила Петер-

[1]) Московскій архивъ министерства юстиціи, дѣла юстицъ-коллегіи, вязка № 2491, д. № 24. Сообщеніемъ этого документа, а равно и нѣкоторыхъ другихъ, упоминаемыхъ ниже, мы обязаны директору означеннаго архива Д. Я. Самоквасову, за что считаемъ долгомъ выразить ему нашу искреннюю признательность.

питалъ нерасположеніе, какъ къ человѣку недалекому, тщеславному и не по заслугамъ почтенному [1]). Но прежде чѣмъ разрѣшились имущественныя пререканія въ семьѣ Кантемировъ, въ общемъ ходѣ русскихъ дѣлъ произошли важныя событія, измѣнившія общественное и политическое положеніе властолюбиваго князя Димитрія Михайловича и повліявшія на дальнѣйшую судьбу дѣтей и вдовы покойнаго Молдавскаго господаря.

18-го января 1730 года скончался императоръ Петръ II, а на другой день въ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта состоялось избраніе преемницей почившаго государя герцогини Курляндской Анны Іоанновны. При этомъ явилась мысль дать новый строй высшему управленію имперіи: предполагалось ограничить самодержавную власть. Пока дошла до герцогини вѣсть объ ея избраніи, и пока Анна Іоанновна ѣхала изъ Митавы въ Москву, умы собравшихся здѣсь сановниковъ и шляхетства пребывали въ чрезвычайномъ волненіи: составлялись различные проекты государственнаго устройства, шла борьба между верховниками и шляхетствомъ; но захваченныя обстоятельствами врасплохъ, различныя группы совѣщавшихся не могли прійти къ соглашенію. Дѣло ничѣмъ еще не было рѣшено къ 15-му февраля, когда послѣдовалъ торжественный въѣздъ императрицы въ древнюю столицу. Тогда выдвинулась впередъ группа лицъ, убѣжденная въ необходимости не измѣнять принципу самодержавія. Явнымъ главой ея сталъ сенаторъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, а тайнымъ руководителемъ—его многоумный пріятель, архіепископъ Новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ. Втайнѣ же сочувствовалъ имъ и одинъ изъ верховниковъ, сказывавшійся больнымъ, А. И. Остерманъ. Пропаганду мысли, одушевлявшей эту группу, взяли на себя нѣсколько молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, и въ числѣ ихъ князь Антіохъ Кантемиръ, въ то время поручикъ Преображенскаго полка. Какъ его братъ Константинъ искалъ себѣ фортуны чрезъ бракъ въ семьѣ родовитаго верховника князя Д. М. Голицына, такъ младшій и самый способный изъ сыновей покойнаго господаря разсудилъ проложить себѣ такую же дорогу участіемъ въ политическихъ «конъюнктурахъ» того тревожнаго момента, который переживало тогда русское общество.

Князю Антіоху шелъ въ ту пору лишь двадцать-второй годъ; но среди тогдашней русской молодежи онъ рѣзко выдѣлялся своимъ основательнымъ и многостороннимъ образованіемъ. Несмотря на иноземное происхожденіе, онъ горячо любилъ свое новое отечество; конечно, онъ

---

[1]) 25-го февраля 1728 года князь И. Ю. Трубецкой былъ возведенъ въ званіе генералъ-фельдмаршала, хотя его военныя заслуги были очень незначительны.

не могъ питать расположенія къ русской старинѣ, ему невѣдомой, и къ ея обычаямъ, которые представлялись ему только съ отрицательной стороны; но онъ любилъ Россію въ томъ видѣ, какъ пересоздалъ ее Петръ; всего же болѣе преклонялся онъ предъ самою личностью великаго преобразователя, потратившаго столько усилій на просвѣщеніе русскаго народа. Онъ опасался, что съ перемѣной государственнаго устройства просвѣтительное дѣло Петра придетъ въ забвеніе. Когда-то отецъ князя Антіоха вступалъ въ полемику съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ: на нѣкоторые вопросы образованія они смотрѣли розно; напротивъ того, сынъ господаря искалъ сближенія съ этимъ строгимъ хранителемъ Петровскаго преданія; хитрый Ѳеофанъ искусно взялъ въ руки молодого человѣка въ моментъ общественныхъ замѣшательствъ и направлялъ его дѣйствія. Родственныя отношенія связывали князя Антіоха съ семьею Трубецкихъ, въ особенности съ двоюроднымъ братомъ его мачихи, молодымъ княземъ Никитой Юрьевичемъ, на сестрѣ котораго, Марьѣ Юрьевнѣ, былъ женатъ князь А. М. Черкасскій; у послѣдняго была дочь, единственная наслѣдница огромнаго родительскаго богатства, девятнадцатилѣтняя красавица Варвара Алексѣевна; княжна Марія Кантемирова уже строила планы женить на ней своего любимаго младшаго брата.

Таковы были разнообразныя причины и побужденія, заставившія князя Антіоха дѣйствовать при воцареніи Анны Іоанновны такъ, какъ онъ дѣйствовалъ. Князь Черкасскій по своему характеру былъ человѣкъ черезчуръ осторожный и тяжелый на подъемъ; князь Антіохъ оказался полезнымъ помощникомъ этого медлителя. 25-го февраля шляхетство рѣшилось, такъ сказать, дать окончательное сраженіе верховникамъ въ присутствіи государыни. Оно явилось въ Кремлевскій дворецъ, проникло, подъ предводительствомъ князя Черкасскаго, въ засѣданіе верховнаго тайнаго совѣта и затѣмъ просило государыню дозволить ему пересмотрѣть какъ кондиціи, предложенныя ей верховниками, такъ и заявленія шляхетства. Императрица дала согласіе, но съ условіемъ, чтобы дѣло было кончено въ тотъ же день. Между тѣмъ какъ шляхетство удалилось въ одну изъ залъ дворца для совѣщанія, находившіеся въ аудіенцъ-залѣ гвардейскіе офицеры, собранные отчасти по вызову Антіоха Кантемира, который съ этою цѣлью разъѣзжалъ по Москвѣ всю предшествующую ночь, стали волноваться; послышалось даже требованіе смерти верховниковъ. Въ то же время на совѣщаніи шляхетства пошло по рукамъ прошеніе о томъ, чтобъ императрица приняла, по примѣру предковъ, самодержавіе, чтобы верховный тайный совѣтъ былъ уничтоженъ, а сенатъ возстановленъ въ своемъ прежнемъ значеніи. Прошеніе это было составлено Антіохомъ Кантемиромъ еще наканунѣ; теперь его покрыли многочисленныя подписи. Нѣсколько

часовъ спустя шляхетство, предводимое на сей разъ фельдмаршаломъ Трубецкимъ, представило эту челобитную государынѣ, предъ лицомъ которой она и была прочтена самимъ составителемъ. Анна Іоанновна благосклонно выслушала прошеніе, а затѣмъ велѣла подать себѣ кондиціи, представленныя ей верховниками, и, какъ сказано въ послѣднемъ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта, «при всемъ народѣ изволила принявъ изодрать». Вечеромъ того же дня пребывающимъ въ Москвѣ иностраннымъ министрамъ было сообщено, что императрица воспріяла самодержавіе.

Такимъ образомъ, князь Антіохъ Кантемиръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ героемъ этого дня; своею энергіей въ критическую минуту онъ оправдалъ тѣ надежды, которыя возлагали на него его руководители и покровители. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдались и его собственные честолюбивые разсчеты: государыня узнала его способности и усердіе; отъ нея теперь зависѣло дать первымъ полезное примѣненіе и вознаградить за второе. Награда пришла черезъ два мѣсяца: 28-го апрѣля 1730 года, въ день коронованія императрицы, князю Антіоху Кантемиру, вмѣстѣ съ братьями князьями Матвѣемъ и Сергѣемъ и сестрою княжной Маріей, обѣщано было пожалованіе четырехъ тысячъ душъ. На самомъ же дѣлѣ пожалованіе состоялось только въ декабрѣ 1730 года, при чемъ назначено было 1.030 крестьянскихъ дворовъ въ Нижегородскомъ и Брянскомъ уѣздахъ. По разсчету оказалось, однако, что Кантемиры «кадеты» получили не все обѣщанное имъ количество душъ.

На первое время награжденные предпочитали сохранить пожалованныя имъ имѣнія въ совмѣстномъ владѣніи. Что касается въ частности княжны Маріи, она пользовалась доходами главнымъ образомъ съ богатаго, изстари промышленнаго села Мурашкина, въ Нижегородскомъ уѣздѣ [1]). Кромѣ имѣній, княжна получила еще другую награду: государыня пожаловала ее фрейлиной къ своему двору. Но когда, въ концѣ 1731 года, императрица рѣшила переселиться въ Петербургъ, княжнѣ Кантемировой позволено было остаться жить въ Москвѣ. Придворная суета уже не манила ея; молодость была на исходѣ, а прошлое оставило въ ея душѣ болѣе горькихъ воспоминаній, чѣмъ пріятныхъ; кромѣ того, княжна опасалась, что жизнь въ Петербургѣ будетъ ей не по средствамъ, особенно въ первое время, когда размѣры ея доходовъ не могли быть точно опредѣлены, и даже въ Москвѣ ей приходилось прибѣгать къ займамъ. Къ тому же она купила себѣ пустырь на Покровкѣ, въ приходѣ Троицы въ Грязяхъ, и предприняла постройку здѣсь каменнаго дома, поручивъ ее извѣстному въ тѣ времена архитектору, италіанцу Трезини (въ Россіи его звали просто Трезинымъ). Конечно,

[1]) Нынѣ въ Княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи.

княжна еще могла бы думать о выходѣ замужъ, но повидимому, перспектива супружества не слишкомъ привлекала ее; она уже давно привыкла къ самостоятельности, и теперь ей хотѣлось пожить въ свою волю, своимъ хозяйствомъ, возобновивъ по возможности ту обстановку, въ какой она провела свою юность, подъ покровомъ своего отца, въ той же Москвѣ.

Кромѣ устройства собственнаго гнѣзда, у княжны Маріи была теперь еще одна забота—женитьба братьевъ. Князь Сергѣй не оказывалъ къ тому никакой склонности; князь Матвѣй велъ жизнь довольно безпутную и знался съ подозрительными людьми; отъ этихъ-то привычекъ сестра и хотѣла его отвлечь женитьбой. Матвѣю пріискана была невѣста изъ хорошаго рода—Авдотья Ивановна Салтыкова, дальняя родственница императрицы Анны, мать которой, царица Прасковья Ѳедоровна, тоже была изъ Салтыковыхъ. По этому поводу княжна Марія писала своему брату Антіоху (въ 1733 году): «Жениться на какой-нибудь дѣвицѣ такого рода—будь она даже пожилая или бѣдная [1])—и имѣть кого-либо, кто при случаѣ постоялъ бы за него, гораздо лучше, чѣмъ взять за себя какую-нибудь богатую дворянку, да не имѣть никакого покровителя». Бракъ князя Матвѣя съ Салтыковой не состоялся; но приведенныя слова княжны особенно характерны, какъ ея твердое убѣжденіе, выражающее ея чисто практическій взглядъ на супружество. Она руководствовалась имъ и прежде, когда хлопотала о женитьбѣ князя Константина,—держалась его и теперь, думая о бракѣ другихъ братьевъ. Задуманный ею бракъ князя Антіоха съ княжною В. А. Черкасскою, конечно, могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, какія способенъ былъ изобрѣсти практическій умъ заботливой сестры, но осуществить это дѣло было не легко; за то, чтобъ уладить его, княжна Марія не жалѣла никакихъ усилій со своей стороны.

Еще въ началѣ 1720-хъ годовъ, будучи ребенкомъ, княжна Варвара Алексѣевна [2]) обращала на себя общее вниманіе своею миловидностью и живостью, когда появлялась на небольшихъ вечернихъ собраніяхъ у родственниковъ и принимала участіе въ танцахъ. Не разъ говорится о томъ въ дневникѣ усерднаго лѣтописца тогдашнихъ свѣтскихъ развлеченій и забавъ, камеръ-юнкера Берхгольца. Взрослая, она стала совершенною красавицей, такъ что ей одной изъ дѣвицъ, принятыхъ ко двору, императрица Анна позволила носить локоны: преимущество, которымъ пользовались въ то время только фрейлины [3]). Кромѣ привлека-

[1]) А. И. Салтыкова родилась въ 1697 году.

[2]) Она родилась въ 1711 году.

[3]) Жизнь графа Б. П. Шереметева. Россійское сочиненіе (Ф. Г. Миллера). С.-Пб. 1808 стр. 197. Княжна В. А. Черкасская никогда и впослѣдствіи не получала фрейлинскаго званія.

тельной наружности, Варвара Алексѣевна отличалась, по словамъ княжны Маріи, умомъ и была хорошо образована; у ней была гувернантка француженка; училась она также англійскому языку. Князь Антіохъ узналъ ее давно: еще въ дѣтствѣ ее возили въ домъ господаря, вторая жена котораго доводилась ей двоюродною теткой. Знакомство это продолжалось и послѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ одной изъ своихъ сатиръ [1]) Кантемиръ вспоминаетъ, что въ ранней юности онъ предавался сочиненію любовныхъ пѣсенъ:

Довольно моихъ поютъ пѣсней дѣвицы
Чистыя и отроки, коихъ отъ денницы
До другой невидимо колетъ любви жало.

Пѣсни эти не сохранились (или, можетъ быть, уцѣлѣли, но безъ имени автора, въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ); весьма возможно, что юный стихотворецъ посвящалъ ихъ княжнѣ Черкасской. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи (въ 1733 году) княжна Марія писала брату, чтобъ онъ не досаждалъ Варварѣ Алексѣевнѣ своими стихами [2]). Все это были однако шалости очень юныхъ лѣтъ. Когда же и онъ, и она стали взрослыми, а князь А. М. Черкасскій сдѣлался однимъ изъ первыхъ сановниковъ государства, бѣдный преображенскій поручикъ оказался не подходящимъ женихомъ для самой богатой невѣсты въ Россіи, въ особенности въ глазахъ гордой матери, то-есть, княгини Маріи Юрьевны Черкасской. Къ тому же за Варвару Алексѣевну стали свататься другія лица, имѣвшія болѣе видное общественное положеніе, чѣмъ князь Кантемиръ. Однимъ изъ такихъ ловцовъ богатаго приданаго явился графъ Рейнгольдъ Левенвольде, остзейскій нѣмецъ, пріѣхавшій въ числѣ многихъ ему подобныхъ въ Москву вслѣдъ за новою императрицей и возведенный ею въ званіе оберъ-гофмаршала. Во время коронаціонныхъ торжествъ въ апрѣлѣ и маѣ 1730 года онъ успѣлъ уже проявить свое умѣнье руководить придворными празднествами, пріобрѣлъ извѣстность ловкаго свѣтскаго кавалера и очень нравился дамамъ. Въ октябрѣ того же года онъ

---

[1]) Сатира IV-я по второй редакціи, стихи 151—162.

[2]) А. И. Терещенко въ своемъ „Опытѣ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи“, т. II, стр. 302, сообщаетъ что къ княжнѣ В. А. Черкасской и къ ея матери относятся нѣсколько злыхъ намековъ въ VII-й сатирѣ Кантемира. Не знаемъ, на сколько это справедливо; но во всякомъ случаѣ указаніе Терещенка не можетъ быть поставлено въ связь съ приведенными въ текстѣ нашей статьи словами изъ письма княжны Маріи: VII-я сатира написана въ 1739 году, на шесть лѣтъ позже письма. Княжна Марія намекаетъ на какія-нибудь раннія произведенія брата—если не на его любовныя пѣсни, то можетъ быть, на сатиру II-ю, первая редакція которой относится къ началу 1731 года и имѣетъ названіе «Не зависть и гордость дворянъ злонравныхъ». Нѣкоторые намеки этой сатиры могли бы относиться къ тщеславному князю И. Ю. Трубецкому, родному дядѣ княгини М. Ю. Черкасской и двоюродному дѣду ея дочери.

сдѣлалъ предложеніе княжнѣ Черкасской. Отцу очень не хотѣлось выдавать дочь за нѣмца, но императрица сама его сватала, и князь принужденъ былъ согласиться; обрученіе состоялось при дворѣ. Однако нѣсколько мѣсяцевъ спустя дѣло разстроилось по неизвѣстной причинѣ; обрученные возвратили другъ другу кольца и подарки. «Этотъ случай», пишетъ англійскій резидентъ Рондо, «возбудилъ всеобщее удивленіе; многіе полагаютъ даже, что онъ повлечетъ за собою гибель или князя Черкасскаго, или графа Левенвольде, который, измѣнивъ слову, нанесъ оскорбленіе всему роду Черкасскихъ, состоящему черезъ браки въ свойствѣ съ ея величествомъ и со всею русскою знатью» [1]). Все однако обошлось благополучно: Левенвольде пользовался безграничнымъ расположеніемъ императрицы, а Черкасскій былъ человѣкъ на столько осторожный, что не рѣшился громко роптать на причиненную ему обиду.

Въ семьѣ Кантемировъ, конечно, радовались такому исходу дѣла. Но малый чинъ князя Антіоха по прежнему оставался препятствіемъ къ успѣху его сватовства. Только въ ноябрѣ 1731 года судьба улыбнулась Кантемиру: Остерманъ, быть можетъ, не безъ тайной мысли удалить изъ Россіи способнаго человѣка, придумалъ отправить князя Антіоха резидентомъ въ Лондонъ. Назначеніе было почетное, и отказываться отъ него не слѣдовало; но Кантемиру хотѣлось помедлить отъѣздомъ, и онъ даже говорилъ Рондо, что прежде, чѣмъ уѣхать, ему необходимо устроить семейныя дѣла [2]). Одно изъ нихъ—раздѣлъ пожалованныхъ имѣній—князю Антіоху удалось привести въ исполненіе, но другое—женитьбу—пришлось отложить въ долгій ящикъ: съ медлителемъ Черкасскимъ никакія дѣла не дѣлались скоро. 27-го декабря 1731 года окончательно состоялось назначеніе Кантемира, а четыре дня спустя онъ уже долженъ былъ покинуть Москву, въ неизвѣстности, состоится ли его бракъ съ княжною Черкасскою. Хлопотать о томъ выпадало на долю княжны Маріи.

Отъѣздъ любимаго брата былъ очень печальнымъ событіемъ для сестры. Въ первое время она впрочемъ не ожидала, что его отсутствіе будетъ продолжительнымъ. Какъ бы то ни было, между ними немедленно завязалась дѣятельная переписка. Къ сожалѣнію, она сохранилась съ значительными пробѣлами; напримѣръ, отъ 1732 года не уцѣлѣло ни одного письма княжны Маріи. Со своей стороны, князь Антіохъ нѣсколько разъ писалъ ей еще съ дороги; такъ, 11-го (22-го) февраля онъ извѣщалъ ее о своемъ прибытіи въ Данцигъ и о томъ, что еще изъ Кенигсберга послалъ ей кое-какіе подарки; въ числѣ ихъ было шесть ящиковъ нюхательнаго табаку à la violette. «Изъ нихъ два кубика пе-

[1]) Сборникъ Имп. Р. Истор. Общества, т. LXVI, стр. 253 и 313, ср. С. М. Соловьева «Исторія Россіи», т. XIX (М. 1869), стр. 330.

[2]) Сборникъ Имп. Р. Истор. Общества, т. LXVI, стр. 398.

редайте Матвѣю», писалъ Антіохъ, «два оставьте себѣ, а остальные отошлите тигрицѣи попросите ее не сердиться на меня за то, что не прислалъ больше: я не нашелъ бо̀льшаго количества, а изъ Голландіи вышлю, какъ ей обѣщалъ, цѣлый пудъ... Если вамъ не понравится табакъ, можете раздѣлить его между Матвѣемъ и тигрицей». Читатель не сразу догадается, кого слѣдуетъ разумѣть подъ прозвищемъ«тигрицы». Изъ дальнѣйшей переписки оказывается однако, что оно относится къ княжнѣ В. А. Черкасской; стало быть, князь Антіохъ вспоминалъ о ней во время своихъ странствованій. Въ семьѣ Кантемировыхъ выработался условный языкъ, который сохранялся и въ интимныхъ письмахъ брата и сестры. На этомъ языкѣ княжна Варвара слыла «тигрицей»—безъ сомнѣнія, потому, что ее такъ-же трудно было изловить, какъ этого дикаго звѣря. Княжна Марія особенно охотно употребляла такія условныя прозвища и любила выдумывать ихъ. Прославившагося своею медлительностью князя А. М. Черкасскаго она называла не иначе, какъ «черепахой», а жену своего брата Константина, дочь верховника Голицына, Анастасію Дмитріевну—«Еленой», очевидно, потому, что женитьба на ней внесла раздоръ въ семью Кантемировъ: княжна Марія хорошо знала классическія преданія и помнила, что изъ-за спартанской Елены возгорѣлась десятилѣтняя война, воспѣтая Гомеромъ.

Между тѣмъ какъ князь Антіохъ устраивался въ Лондонѣ, знакомился съ англійскими министрами и вступалъ въ отправленіе посольскихъ обязанностей при Сентъ-Джемсскомъ дворѣ, его сестра была озабочена устройствомъ своего московскаго житья-бытья. Первое время она чувствовала недостатокъ въ средствахъ. Она была очень разсчетлива и считала прямымъ убыткомъ недополученіе всего пожалованнаго ей съ братьями количества крестьянскихъ душъ. Вѣроятно, еще въ 1731 году Кантемиры подали челобитье о томъ въ сенатъ, и чтобъ поддержать это офиціальное ходатайство, княжна Марія сочла нужнымъ написать частное просительное письмо къ Бирону; уже въ бытность двора въ Москвѣ стало всѣмъ явно его могущественное значеніе при государынѣ, и самые чванные люди изъ русской знати не брезгали заискивать у него; въ письмахъ къ брату княжна Марія не иначе называла Бирона, какъ «всесильнымъ». Въ своемъ письмѣ къ временщику, отъ 11-го декабря 1732 года, она обстоятельно объясняла свою нужду и затѣмъ прибавляла: «Истинно бѣдно живемъ, и ежели ваше сіятельство въ семъ дѣлѣ не подастъ намъ руку помощи, понеже иного патрона не имѣемъ, то въ крайнее придемъ убожество. Сіе мое покорное прошеніе сіятельству вашему изложивъ, упсваю, что по великодушію вашему не буду презрѣнна, и тако благонадежно остаюся вашего сіятельства, яко патрона и благодѣтеля, покорная услужница, княжна Марія Кантемирова». Удовлетвореніе этой просьбы послѣдовало

не сразу; но и въ то время, когда княжна Марія писала къ Бирону, она, конечно, очень преувеличивала затруднительность своего матеріальнаго положенія; вотъ что̀ писала она брату мѣсяцъ спустя послѣ письма къ «всесильному»: «Если государыня окажетъ намъ милость и пожалуетъ деревни, которыхъ мы просимъ, то у меня не только не будетъ долговъ, но я буду жить по-барски. А пока я должна за квартиру, не считая ежедневныхъ расходовъ. Всѣ русскіе удивляются моему образу жизни и утверждаютъ, что у меня много денегъ. Если-бъ это было на самомъ дѣлѣ такъ, я воздвигла бы себѣ каменныя палаты. Но все-таки я, благодаря Богу, здорова, имѣю что̀ ѣсть да пить, имѣю квартиру; кромѣ того, у меня строятся два домика. Слугъ у меня двадцать человѣкъ, а разъѣзжаю я шестеркой для поддержанія своего достоинства». Повидимому, въ томъ же 1733 году хозяйство княжны стало приходить въ порядокъ: домъ ея былъ достроенъ, и она поселилась въ немъ. Старый слуга покойнаго господаря, Антіохъ Камарашъ, состоялъ у его дочери домоправителемъ, а другой управляющій вѣдалъ ея доходами съ Мурашкинской вотчины. Вообще домъ княжны Маріи былъ полонъ всякаго народа; кромѣ челяди, у нея жилъ, напримѣръ, свой врачъ, грекъ Севастъ, обязанностью котораго было пускать княжнѣ кровь; какъ и у покойнаго князя Димитрія греки находили себѣ у нея особенное покровительство, и многіе изъ нихъ, пріѣзжая въ Москву, ютились подъ ея кровомъ. «Мой домъ похожъ на Ноевъ ковчегъ», писала княжна брату въ 1733 году; сходство это увеличивалось еще тѣмъ, что у хозяйки было множество кошекъ и собакъ, которыми она любила тѣшиться. Впослѣдствіи она купила себѣ подмосковную, которую назвала Марьинымъ, и стала проводить въ ней лѣто.

Общественныя отношенія княжны Маріи давно опредѣлились; оставалось только поддерживать ихъ. Послѣ возвращенія двора въ Петербургъ (въ самомъ началѣ 1732 года) въ Москвѣ остались семьи нѣкоторыхъ сановниковъ, въ томъ числѣ жена князя Черкасскаго съ дочерью. Княжна Кантемирова сохраняла съ ними сношенія въ виду своихъ матримоніальныхъ плановъ, остерегаясь однако быть навязчивою, «чтобы не прослыть свахою» въ глазахъ матери, какъ она выражалась. Кромѣ Черкасскихъ, княжна Марія посѣщала Трубецкихъ, Строгановыхъ, Салтыковыхъ; но вообще предпочитала сидѣть дома. «Я веду тихую уединенную жизнь», писала она брату (въ 1736 году).—«Говорятъ, лучше всего обходиться безъ общества, чѣмъ вращаться въ дурномъ. Я вполнѣ съ этимъ согласна. Отъ людей много умнаго не услышишь. Разговоры у насъ—только сплетни; какъ гдѣ-нибудь покажешься, начинаютъ разспрашивать, затѣваютъ цѣлый экзаменъ. На такой случай не дурно бы имѣть при себѣ полный реестръ отвѣтовъ на всевозмож-

ные вопросы. Такого безплоднаго любопытства я не люблю». Домосѣдство, замкнутая жизнь, въ которой она была воспитана отцомъ, соотвѣтствовала серьезному характеру княжны, и если она выѣзжала, то скорѣе по дѣламъ, чѣмъ для развлеченія.

Въ началѣ 1733 года княжна Марія собралась въ Петербургъ, чтобы хлопотать о додачѣ пожалованныхъ вотчинъ. Эту поѣздку она подробно описала въ письмахъ къ князю Антіоху. Она отправилась по зимнему пути, въ половинѣ февраля, и остановилась у брата Константина; отношенія къ нему остальныхъ членовъ семьи значительно улучшились съ тѣхъ поръ, какъ имъ пожалованы были отдѣльныя вотчины и понизился придворный кредитъ Константинова тестя. Поѣздку свою княжна старалась сдѣлать какъ можно экономнѣе. «Послѣ продолжительнаго и тяжелаго путешествія», писала она князю Антіоху, «я устроилась въ домѣ брата. Своихъ расходовъ у меня нѣтъ: я обѣдаю за его столомъ, и онъ же кормитъ моихъ слугъ». Жену князя Константина княжна Марія сильно не долюбливала за ея ограниченность, сварливость и за то, что она держала мужа подъ башмакомъ. «Елена»—припомнимъ, что такъ прозвала княжна княгиню Анастасію Дмитріевну,—«скорѣе похожа на чорта, чѣмъ на ангела, и по красотѣ (какъ изображаютъ діавола), и по нраву». Прійдя къ такому заключенію, княжна Марія писала Антіоху, что отнынѣ хочетъ замѣнить прежнее прозвище невѣстки новымъ—«Медея», «такъ какъ нельзя найти болѣе подходящаго имени для означенія ея природнаго характера: вѣдь Медея можетъ служить типомъ коварной женщины». Коварство княгини проявлялось однако только въ ея наивной грубости и неделикатности: она безъ церемоніи забрала себѣ весь тотъ пудъ табаку, который былъ присланъ княземъ Антіохомъ В. А. Черкасской, и даже самой княжнѣ Кантемировой не дала «ни единой понюшки»; эта «коварная Медея» была по-своему даже добрая женщина; она давала своей золовкѣ карету для выѣздовъ и однажды сочла нужнымъ подарить ей вѣеръ и косынку. Такимъ вниманіемъ разсчетливая княжна Марія была очень польщена и въ концѣ концовъ догадалась, что ей надо стать выше семейныхъ дрязгъ; сатирическая жилка, присущая ей, какъ и ея младшему брату, взяла въ ней верхъ надъ раздраженіемъ, и она писала князю Антіоху, что все видѣнное въ Константиновомъ семействѣ она считаетъ «богатымъ матеріаломъ для повѣсти». На прощанье она тоже сдѣлала подарокъ княгинѣ «Медеѣ».

Пріѣхавши въ Петербургъ, княжна Марія почла долгомъ представиться императрицѣ. «Въ воскресенье», писала княжна брату Антіоху 20-го марта, «я была у государыни, которая, какъ мнѣ показалось, милостиво приняла меня и спросила о времени моего пріѣзда. Затѣмъ она сказала: «Или скучно на Москвѣ стало?» Я отвѣтила, что пріѣхала,

во-первыхъ, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, а во-вторыхъ, чтобы хлопотать о своихъ дѣлахъ». Цесаревна Елисавета Петровна приглашала княжну къ обѣду и просила передать поклонъ брату. Но всѣхъ ласковѣе была съ нею сестра государыни, герцогиня Мекленбургская Екатерина Іоанновна; эта умная и живая особа при первомъ же представленіи княжны удержала ее къ обѣду, разспрашивала объ ея московскомъ житьѣ-бытьѣ, а также о братѣ-посланникѣ, и приказала отпускать ей придворные экипажи и лошадей для ѣзды цугомъ. «Герцогиня», писала княжна, «обошлась со мною очень милостиво. Да сохранитъ Господь ея здоровье (теперь она больна). Кромѣ разныхъ вопросовъ, какіе она предложила мнѣ о нашихъ вотчинахъ и другихъ предметахъ, а также о томъ, какъ я проводила время въ Москвѣ, она сказала мнѣ: «Сестрица пожалуетъ и остальныя деревни». Я отвѣчала ей, что не будь я въ большой нуждѣ, я не пріѣзжала бы и не просила новыхъ вотчинъ спустя одинъ или два года послѣ награжденія». Когда герцогиня расхворалась, княжна Марія была въ числѣ тѣхъ немногихъ лицъ, которыхъ она допускала къ себѣ. 14-го іюня 1733 года Екатерина Іоанновна скончалась. «Я считала герцогиню», писала княжна Антіоху по этому случаю, «всемилостивѣйшею особой и покровительницей въ моихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Смѣю даже сказать, что мы были дружны, такъ какъ я получала отъ нея знаки не только покровительства, но дружбы... Многимъ, несомнѣнно, придется восхвалять ея доброту и душевныя качества. Я изъ тѣхъ лицъ, которыя никогда не забудутъ ея; при воспоминаніи о ней я не въ состояніи удержать обильныхъ слезъ... Я хотѣла писать вамъ объ ея кончинѣ въ прошлую пятницу, но была внѣ себя и не могла этого сдѣлать». Подобныя изліянія очень рѣдки въ письмахъ княжны Маріи; она вообще была скупа на привязанности, и потому нельзя не вѣрить ея словамъ въ данномъ случаѣ.

Обласканная членами царской семьи, княжна была очень привѣтливо принята и высшими сановниками; она посѣщала Бирона и его жену, Остермана, А. И. Ушакова, князя Черкасскаго; всѣ были съ нею очень вѣжливы, и отъ всѣхъ она слышала обѣщанія оказать содѣйствіе ея дѣлу. При свиданіяхъ съ Черкасскимъ ее такъ и подмывало заговорить о «тигрицѣ» и о надеждахъ князя Антіоха; она уже наводила на этотъ счетъ предварительныя справки у князя Н. Ю. Трубецкого, который доводился своякомъ князю Черкасскому и былъ дружевъ съ Кантемиромъ; Трубецкой отвѣчалъ ей: «Я предпочелъ бы князя Антіоха всѣмъ, кого намъ прочатъ», но отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ это дѣло уклонился. Завести щекотливый разговоръ съ самимъ Черкасскимъ княжна все-таки не рѣшилась. Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ она свой прощальный визитъ ему: «Черепаха от-

неслась ко мнѣ очень благосклонно и, къ удивленію, снизошла до того, что проговорила со мною цѣлыхъ полчаса; вѣдь, по слухамъ, она — небольшая охотница до разговоровъ. Я чуть было не завела съ нею рѣчи о тигрицѣ, но потомъ одумалась и обошла этотъ предметъ изъ опасенія остаться безъ отвѣта или поставить ее въ затрудненіе, такъ какъ черепаха, не приготовившись, не знала бы что̀ сказать». Княжнѣ все-таки удалось узнать стороною, что князь-черепаха очень хорошо расположенъ къ молодому дипломату.

По странной случайности, между тѣмъ какъ сестра раздумывала о возможности женить брата, у ней у самой явились въ Петербургѣ женихи. По правдѣ сказать, женихи какіе-то особенные. Одинъ изъ нихъ былъ очень богатъ, но не знатенъ. Княжна не называетъ его по фамиліи; но въ ея родствѣ не были бы довольны такимъ бракомъ; жена князя Константина уже успѣла ей сказать: «Наша сестра, развѣ которая голая, пойдетъ за него, посадскаго». Сватомъ являлся князь Никита Трубецкой — быть можетъ, не безъ тайной мысли уничтожить всякія поползновенія князя Антіоха на бракъ съ его племянницей въ томъ случаѣ, если княжна Марія выйдетъ за этого «посадскаго». Другой претендентъ, искавшій ея руки, былъ грузинскій царевичъ Александръ Бакаровичъ, сынъ выѣхавшаго въ Россію въ 1724 году Карталинскаго царя Бакара, человѣкъ, стало быть, очень знатный, но бѣдный: онъ ставилъ условіемъ, чтобъ его будущая жена выучилась по грузински. Получивъ эти предложенія, княжна не знала, на что̀ ей рѣшиться, и обратилась за совѣтомъ къ князю Антіоху; отвѣтъ его неизвѣстенъ; но едва ли не прежде, чѣмъ онъ былъ полученъ, княжна отказала обоимъ претендентамъ. Между тѣмъ слухъ объ ея женихахъ дошелъ до императрицы, и Анна Іоанновна заговорила о томъ, когда княжна Марія явилась къ ней откланиваться передъ своимъ отъѣздомъ въ Москву. «Она приняла меня милостиво», писала потомъ сестра брату Антіоху, «и на мою просьбу не лишать насъ и впередъ своей благосклонности, такъ какъ мы, иноземные люди, послѣ Бога только въ ней одной можемъ найти покровительство, сказала, что всегда была къ намъ милостива и будетъ впредь относиться точно такъ-же. «Не оставлю васъ», прибавила она и обѣщала пріискать мнѣ жениха, видя, что я сама не рѣшаюсь выходить замужъ. Я же хоть и не дала ей никакого отвѣта, однако почла бы за счастіе исполнить желаніе государыни». Князь Антіохъ отвѣчалъ на этотъ разсказъ сестры слѣдующими словами: «Очень радъ за милость, оказанную вамъ императрицей, и въ особенности за жениха; отъ души желаю, чтобы таковой нашелся». Обмѣниваясь такими рѣчами, вполнѣ ли были искренни братъ и сестра другъ передъ другомъ? Послѣдующія обстоятельства позволяютъ въ этомъ сомнѣваться.

Княжна Марія воспользовалась отбытіемъ государыни въ Петергофъ послѣ погребенія герцогини Мекленбургской и въ половинѣ іюля 1734 года оставила Петербургъ. Она уѣхала вполнѣ спокойная насчетъ успѣха своего ходатайства: дѣло о додачѣ Кантемирамъ не полученной ими части пожалованныхъ имѣній если и не было рѣшено окончательно, то во всякомъ случаѣ было направлено на вѣрный путь. Княжна могла питать увѣренность, что благосостояніе ея и ея братьевъ «кадетовъ» прочно обезпечено.

Л. Майковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Производство А. А. Аракчеева въ маіоры.

Письмо А. Аракчеева П. И. Меллисино

24-го іюля 1793 г. Павловскъ.

«Я столько смѣлъ, что думаю и ласкаю себя надеждою, что моя преданность, усердность и почитаніе къ вашему превосходительству вамъ извѣстны, а продолженіе оныхъ за счастье буду почитать, если позволено будетъ имъ пребыть отъ вашего превосходительства до послѣднѣйшаго конца моей жизни. Ибо, съ начала самаго моей службы и до сего времени полученныя мною благополучія—есть источники вашихъ ко мнѣ милостей и наставленій, то я и положилъ себѣ за правило, при всякомъ моемъ благополучіи, увѣдомить вашего превосходительства, яко перваго основателя моихъ благополучій.

«Вчерашняго числа его императорское высочество, великій князь Павелъ Петровичъ изволилъ пожаловать меня артиллеріи маіоромъ, который чинъ, объявя мнѣ, изволилъ послать объ оном къ графу Николаю Ивановичу [1]) объявить ему свою волю.

«Сколько мнѣ оное не лестно, но вторая его высокая милость меня утѣшаетъ болѣе оной: всѣмъ моимъ офицерамъ до послѣдняго изволилъ пожаловать чины, проговаривая при оном, что оное изволитъ дѣлать для меня.

«Донеся оное вашему превосходительству, прошу Всевышняго, чтобъ онъ продлилъ ваши лѣта, въ которыя, конечно, чрезъ ваши о воспитывающихся подъ вашимъ начальствомъ старанія, увеличится число счастливыхъ. Я жъ пребуду навсегда вашего высокопревосходительства, милостиваго государя, вѣрнымъ и покорнымъ слугою.

Алексѣй Аракчеевъ».

Сообщилъ Д. Струковъ.

---

[1]) Графу Салтыкову.

Кто истинный виновникъ войны 1812 года.

Когда Наполеонъ, послѣ неудачныхъ переговоровъ по поводу предполагавшагося его брака съ великою княжною Анною Павловною, рѣшился предложить руку дочери императора Франца, князю Шварценбергу пришлось рѣшить этотъ важный вопросъ въ нѣсколько часовъ времени: это было 25-го января (6-го февраля) 1810 года. Черезъ нѣсколько дней былъ подписанъ въ Парижѣ брачный договоръ. Послѣ этого рѣшенія, принятаго внезапно Наполеономъ, разрывъ его съ Тильзитскимъ союзникомъ (императоромъ Александромъ I) сдѣлался только вопросомъ времени.

Изъ довѣренныхъ совѣтниковъ Наполеона одинъ Камбасересъ предвидѣлъ этотъ неизбѣжный печальный исходъ. Онъ тогда уже высказалъ увѣренность, что черезъ два года Франціи придется вести войну съ тою державою, съ которою не породнится Наполеонъ. «Je tremble d'une guerre avec la Russie, les conséquences en sont incalculables», сказалъ онъ Пакіе. [1])

Французскіе историки склонны приписать императору Александру всю вину разрыва, послѣдовавшаго въ 1812 году между Россіею и Франціею. Такъ поступилъ въ недавнее время и Вандаль въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о франко-русскомъ союзѣ въ эпоху первой имперіи. [2]) По его мнѣнію, Александръ вызвалъ Наполеона на борьбу, первый начавъ вооружаться.

Между тѣмъ безпристрастная исторія должна произнести другой приговоръ: оказывается, что весь планъ нашествія на Россію былъ задуманъ Наполеономъ задолго до тарифныхъ и ольденбургскихъ недоразумѣній, возникшихъ между обѣими имперіями, и до предшествовавшихъ имъ скромныхъ вооруженій, предпринятыхъ императоромъ Александромъ дѣйствительно въ 1810 году. Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что въ то время, когда Наполеонъ занимался разработкою плана, клонившагося къ конечной гибели Россіи, Александръ съ своей стороны не помышлялъ еще о войнѣ съ Франціею.

Докладъ, выработанный по указанію Наполеона и представленный ему 4-го (16-го) марта 1810 года, имѣетъ предметомъ будущую по-

[1]) Mémoires du chancelier Pasquier. T. I. p. 378.
[2]) Vandal: Napoléon et Alexandre I. T. III. La Rupture.—Paris 1896.

литику Франціи, обусловленную предстоявшимъ тогда австрійскимъ бракомъ. Записка эта утверждаетъ, что въ виду неизбѣжнаго въ скоромъ времени сближенія Россіи съ Англіею союзъ съ императоромъ Александромъ приходитъ къ концу, и поэтому необходимо обратиться къ оружію, чтобы упрочить за Францією ея первенствующее положеніе въ Европѣ. Разрывъ съ Россіею долженъ былъ сопровождаться полнымъ измѣненіемъ карты Европы; тогда только, какъ утверждаетъ записка, имперія Карла Великаго была бы дѣйствительно возстановлена, но только увеличенная и усиленная просвѣщеніемъ десяти вѣковъ. Изложеніе этого гигантскаго проекта заканчивается словами, что онъ является результатомъ довѣрія, внушеннаго еще большими чудесами, осуществленными уже геніемъ Наполеона.

Съ этого времени, т. е. начиная съ марта мѣсяца 1810 года, политика Наполеона слѣдовала по пути, предначертанному ей въ этой запискѣ. «Еще три года, и я буду владыкою вселенной», сказалъ Наполеонъ, обращаясь во время охоты къ генералу Вреде, [1]) предрѣшая такимъ образомъ въ своемъ умѣ будущее торжество смѣлыхъ плановъ, задуманныхъ имъ съ такою увѣренностью въ полномъ успѣхѣ своей политики.

Въ 1812 году эта записка была перехвачена и съ другими документами, не меньшей исторической важности, доставлена императору Александру въ Петербургъ, еще до отъѣзда его въ армію. Впечатлѣніе, которое чтеніе ея должно было произвести на государя, было безъ сомнѣнія, весьма сильнымъ. Неудивительно послѣ этого, что императоръ Александръ съ такимъ упорствомъ настаивалъ на продолженіи войны съ Наполеономъ и внѣ предѣловъ Россіи, добиваясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только пораженія, но и низложенія своего грознаго противника.

Не подлежитъ сомнѣнію, что сущность мнѣнія, выраженнаго въ запискѣ, стала извѣстной императору Александру вскорѣ послѣ ея составленія; стоитъ припомнить, сколькими предателями былъ постоянно окруженъ Наполеонъ, чтобы признать возможнымъ нарушеніе тайны и въ этомъ вопросѣ. Что же удивительнаго, если императоръ Александръ отвѣтилъ на эти замыслы принятіемъ, съ своей стороны, нѣкоторыхъ скромныхъ мѣръ предосторожности, которыя могли бы обезпечить безопасность имперіи. Слѣдовательно, нельзя признать императора Александра виновникомъ разрыва, послѣдовавшаго въ 1812 году съ Франціею. Конечно, Наполеону было бы пріятнѣе, если бы императоръ Александръ сидѣлъ сложа руки и дозволилъ бы ему обрушиться на него съ своими громадными полчищами, по заведенному обыкновенію, «comme la foudre».—Прозорливость императора Александра спасла Россію отъ этого несчастья, и еще разъ повторяемъ, Александръ неповиненъ въ начавшемся тогда кровопролитіи: отвѣтственность за него должна всецѣло пасть на Наполеона.

Н. Шильдеръ.

---

[1]) Lebensbilder aus den Befreiungskriegen.—Jena 1844.—3-te Abtheilung p. 401. «Je suis obligé de toujours marcher, si je m'arrête je tombe», сказалъ также однажды Наполеонъ генералу Фоа. Въ этихъ немногихъ словахъ заключается вся разгадка Наполеоновской политики.

Секретный докладъ, представленный Наполеону министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Парижъ, 4-го (16-го) марта 1810 г.

Государь! Торжественный договоръ, заключенный 9-го числа минувшаго мѣсяца, [1]) устанавливая между вашимъ императорскимъ величествомъ и вѣнскимъ дворомъ новыя и близкія отношенія, не можетъ не привести въ недалекомъ будущемъ къ перемѣнѣ въ европейской политикѣ, и благоразуміе не позволяетъ выжидать событій, чтобы подумать объ интересахъ имперіи. По отношенію къ сѣвернымъ державамъ ваше величество требуете общаго обозрѣнія ихъ положенія, основаннаго на оффиціальной перепискѣ посланниковъ и на тайныхъ донесеніяхъ особыхъ агентовъ. Я имѣю честь повергнуть на ваше благовоззрѣніе этотъ трудъ, присоединяя къ нему, согласно вашимъ приказаніямъ, картину мѣръ, принятыхъ, или которыя слѣдуетъ принять при этихъ обстоятельствахъ.

Rapport à S. M. l'Empereur.

Relations extérieures.

(Secret).

Cabinet de Sa Majesté. Paris, 16 Mars 1810.

Sire.

L'acte solennel, conclu le 9 du mois dernier [2]), en établissant entre V. M. I. et la Cour de Vienne des rapports intimes et nouveaux, ne peut manquer d'amener un changement prochain dans la politique de l'Europe, et la prudence ne permet pas d'attendre les événements pour s'occuper des intérêts de l'Empire, relativement aux puissances du Nord. Votre Majesté demande un aperçu général de leur position, d'après la correspondance officielle de ses ministres et les relations secrètes des agents particuliers J'ai l'honneur de lui soumettre ce travail, en y joignant d'après ses ordres, le tableau de mesures prises ou à prendre dans ces circonstances.

---

[1]) 9-го февраля н. ст. 1810 года былъ заключенъ брачный договоръ Наполеона съ эрцгерцогиней Маріей-Луизой.

[2]) Contrat de mariage de Sa Majesté avec une Archi-Duchesse.

До тѣхъ поръ, пока австрійскій домъ, ослѣпленный своею злобою, придерживался совѣтовъ и обѣщаній британскаго кабинета, ваше величество, будучи заняты или угрожаемы кровопролитными войнами въ Германіи, Италіи, Испаніи, Португаліи, должны были смотрѣть на свои связи съ Россіей, какъ на необходимый противовѣсъ, который обезпечивалъ бы вамъ хотя нейтралитетъ сѣвера: я говорю—скорѣе нейтралитетъ, чѣмъ союзъ, и это не безъ основанія, такъ какъ даже со времени послѣдней шведской революціи, и несмотря на кажущееся присоединеніе четырехъ державъ, господствующихъ на Балтійскомъ побережьи, къ континентальной системѣ, созданной противъ Англіи, не подлежитъ сомнѣнію, что испорченность и недобросовѣстность дворовъ съ одной стороны, а старыя привычки народовъ — съ другой, открыли англійской торговлѣ массу выходовъ, которые должны были быть закрыты для нея. Въ данномъ случаѣ факты болѣе убѣдительны, чѣмъ какія бы то ни было разсужденія: въ концѣ минувшаго декабря 372 корабля, нагруженные произведеніями прибалтійскихъ странъ, въ одинъ и тотъ же день вошли въ С. Гревезендъ. Пенька и другіе строительные матеріалы сразу упали въ цѣнѣ на 30%, хотя ихъ цѣна и прежде не была чрезмѣрна. Въ теченіе 1809 года англичане вывезли на Гельголандскій утесъ произведеній своихъ колоній или своихъ мануфактуръ

Tant que la maison d'Autriche, aveuglée par ses ressentiments, s'est livrée aux conseils et aux promesses du Cabinet Britannique, Votre Majesté occupée ou menacée de guerres sanglantes en Allemagne, en Italie, en Espagne, en Portugal, a du regarder ses liaisons avec la Russie comme un contrepoids nécessaire qui lui garantissait au moins la neutralité du Nord: je dis la neutralité plutôt que l'alliance, et ce n'est pas sans raison, car même depuis la dernière révolution de Suède, et malgré l'apparente adhésion des quatre puissances qui régnent sur les côtes de la Baltique au système continental formé contre l'Angleterre, il est évident que d'un côté, la corruption et la mauvaise foi des Cours, et de l'autre, les vieilles habitudes des peuples, ont ouvert mille communications qui devaient être fermées au commerce anglais. Les faits sont ici plus forts que tous les raisonnements: à la fin du mois de Décembre dernier 372 navires, chargés des productions de la Baltique sont entrés le même jour à Gravesend.

Le chanvre et les autres munitions navales ont tout à coup baissé de trente pour cent, quoique leur prix ne fut pas excessif auparavant. Dans le cours de 1809, les Anglais ont exporté pour quinze million sterling de produits de leurs colonies ou de leurs manufactures (environ

на пятнадцать милліоновъ стерлинговъ (около 360 милліоновъ франковъ), а оттуда ихъ агенты распространили ихъ по Россіи, Пруссіи, Даніи и даже Польшѣ и Германіи. Темза покрылась флагами, бывшими почти неизвѣстными до сихъ поръ—флагами возмутившихся Испаніи и Португаліи, флагами Турціи, Греціи, Бразиліи, Іерусалима, Сардиніи, Сициліи и т. д.—переряживаніе, при посредствѣ котораго одна лишь Англія производитъ обширную торговлю, которой сѣверъ благопріятствуетъ всѣми своими силами. Документы, опубликованные англійскимъ министерствомъ, и секретныя донесенія нашихъ агентовъ въ одинаковой степени подтверждаютъ эти факты.

При такомъ положеніи вещей къ чему служитъ для Франціи мнимая коалиція сѣверныхъ государствъ противъ англичанъ? Не обладая морскими силами для дѣйствительнаго воздѣйствія на послѣднихъ, расположенныя втайнѣ покровительствовать обману, замѣняющему для нихъ дозволенную торговлю, они, отдавая пустыя приказанія, лишь дѣлаютъ видъ, что способствуютъ цѣлямъ вашего величества и исполняютъ свои обязательства. Поэтому то и блокада, которая должна была заставить Англію умереть съ голода среди сокровищъ обѣихъ Индій, свелась къ системѣ, безсвязной, лишенной единства и безрезультатной. Россія, Пруссія, Данія, Швеція, подъ видомъ открытаго разрыва съ лондонскимъ

---

360 milions de francs) pour le rocher d'Helgoland, d'où leurs facteurs les ont répandus en Russie, en Prusse, en Danemarc et même en Pologne et en Allemagne. La Tamise est couverte de pavillons, à peu près inconnus jusqu'à ce jour (pavillons insurgés d'Espagne et de Portugal, pavillons Turcs, Grecs, du Brésil, de Jérusalem, de Sardaigne, de Sicile, de Pappembourg etc), frivole déguisement sous lequel l'Angleterre seule fait un commerce immense, que le Nord favorise de tout son pouvoir. Les documents publiés par le ministère britannique et les rapports secrets de nos agents, attestent également tous ces faits.

Dans un tel état des choses, de quoi sert à la France la prétendue coalition des puissances septentrionales contre les Anglais? Sans forces maritimes pour agir efficacement contre eux, disposées secrètement à favoriser la fraude qui leur tient lieu d'un commerce autorisé, ce n'est que par de vaines ordonnances qu'elles ont l'air de concourir aux vues de Votre Majesté et de remplir leurs engagements. Aussi le blocus qui devait affamer l'Angleterre au milieu des richesses des deux Indes, n'est-il plus qu'un système incohérent, sans ensemble et sans résultats. La Russie, la Prusse, le Danemarc, la Suède, sous l'apparence d'une rupture ouverte avec la cour de Londres et d'une intime liaison avec la France, gardent une véritable

дворомъ и близкихъ отношеній къ Франціи, сохранятъ настоящій нейтралитетъ, выгодный лишь для англичанъ, такъ какъ состояніе нашего флота дѣлаетъ его совершенно призрачнымъ для насъ. И тогда преимущества, которыхъ мы ожидали отъ союза съ Россіей, съ каждымъ днемъ исчезаютъ, Россія, напротивъ того, быстро пользуется всѣми выгодами, вытекающими для нея изъ союза съ нами. Она уже мирно владѣетъ Финляндіей, и, для полнаго осуществленія всѣхъ секретныхъ соглашеній Тильзитскаго и Эрфуртскаго, ей остается лишь обезпечить себѣ договоромъ обладаніе Молдавіей, Валахіей и Бессарабіей, съ давнихъ поръ покоренныхъ и занятыхъ ея войсками.

На время я оставлю въ сторонѣ три второстепенныя державы, составляющія предметъ настоящаго доклада, чтобы исключительно заняться Россіей, вліяніе которой одно лишь можетъ противодѣйствовать видамъ вашего величества, касающимся сѣвера и востока Европы. До настоящаго времени ея образъ дѣйствій не внушалъ никакихъ серьезныхъ опасеній, а личный характеръ императора Александра представляетъ собою обезпеченіе спокойствія. Но этотъ государь ни достаточно силенъ, чтобы облечь одного изъ своихъ министровъ исключительнымъ довѣріемъ, ни достаточно слабъ, чтобы быть управляемымъ имъ. Его политика—проявленіе личныхъ взглядовъ: его чувства, повидимому, влекутъ его

---

neutralité qui n'est favorable qu'aux Anglais, puisque l'état de notre marine la rend absolument illusoire pour nous.

Et tandis que les avantages que nous attendions de l'alliance de la Russie, s'évanouissent de jour en jour, la Russie, au contraire, s'empare rapidement de tous ceux que la nôtre lui avait promis. Déjà maîtresse paisible de la Finlande, il ne lui reste, pour réaliser toutes les conventions secrètes de Tilsit et d'Erfurth, qu' à s'assurer par un traité la possession de la Moldavie, de la Valachie et de la Bessarabie, depuis longtemps soumises et occupées par ses armes.

J'abandonne pour un moment les trois puissances secondaires qui font l'objet de ce travail, pour m'attacher uniquement à la Russie, dont l'influence peut seule contrarier les vues de Votre Majesté, dans le Nord et à l'Orient de l'Europe. Jusqu'ici sa conduite n'a point inspiré de graves allarmes, et le caractère personnel de l'Empereur Alexandre offre des motifs de sécurité. Mais ce Prince n'est ni assez fort pour donner à l'un de ses ministres une confiance exclusive, ni assez faible pour en être gouverné. Sa politique est une opinion personnelle: ses sentiments paraissent l'attacher à l'alliance de Votre Majesté, mais l'influence de l'Impératrice Mère quoiqu' elle soit d'affection plus que de politique, et

къ союзу съ вашимъ величествомъ, но вліяніе императрицы-матери, хотя обусловленное скорѣе любовью, чѣмъ политикой, и различіе взглядовъ въ совѣтѣ незамѣтно, и какъ бы помимо его сознанія, дѣйствуютъ на умъ императора. Англія сохраняетъ съ Петербургомъ болѣе или менѣе постоянныя сношенія, имѣетъ въ немъ болѣе или менѣе постоянныхъ сторонниковъ. Нынѣшній вексельный курсъ Россіи, состояніе ея финансовъ, запутанныхъ расточительностью послѣднихъ царствованій, дефицитъ ея таможенъ со времени войны съ Великобританіей и уничтоженія голландской торговли и другія причины, безъ сомнѣнія, дѣйствительныя, но искусно преувеличенныя окружающею государя средою, рано или поздно приведутъ къ сближенію съ англичанами. Пруссія, Швеція, быть можетъ, даже Данія, изъ страха или по привязанности, будутъ вынуждены послѣдовать за толчкомъ, даннымъ Россіей, и это будущее не было бы отдаленно, если бы британское министерство, переформированное маркизомъ Уольслей, представляло бы въ концѣ концовъ болѣе устойчивости и гарантій.

Герцогъ Виченцкій, какъ кажется, убѣжденъ, что узы, соединяющія еще обѣ имперіи, скоро ослабли бы, если бы ваше величество не обезпечили императору Александру уступки турецкихъ провинцій, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная, или если бы петербургскій каби-

---

la diversité de vues dans le conseil, agissent insensiblement, et comme à son insu, sur l'esprit de l'Empereur.

L'Angleterre conserve à Pétersbourg des in- telligences plus ou moins suivies, des partisans plus ou moins zélés. Le change actuel de la Russie, l'état de ses finances obérées par les profusions des derniers règnes, le deficit de ses douanes depuis la guerre avec la Grande Bretagne et l'anéantissement du commerce Hollandais, d'autres causes, réelles sans doute, mais adroitement exagérées dans le conseil du Souverain, ameneront tôt ou tard un rapprochement avec les Anglais. La Prusse, la Suède, peut-être même le Danemarc, par crainte ou par affection, seront forcés de suivre l'impulsion de la Russie, et cet avenir ne serait pas éloigné, si le ministère britannique, recomposé par le marquis de Wellesley, présenterait enfin plus de garantie et de stabilité.

M-r le Duc de Vicence parait être persuadé que les liens de l'alliance qui unit encore les deux Empires seraient bientôt relâchés, si Votre Majesté n'avait garanti à l'Empereur Alexandre la cession de provinces turques situées sur la rive gauche du Danube, ou si le cabinet de Pétersbourg croyait n'avoir plus besoin de

нетъ былъ увѣренъ, что онъ не нуждается болѣе въ этомъ обезпеченіи. Но, исходя изъ этого начала, развѣ Англія не можетъ предложить подобнаго же обезпеченія, чтобы создать союзъ несравненно болѣе полезный для ея интересовъ, чѣмъ союзъ съ турками? Ваше величество подкрѣпляете свой союзъ присутствіемъ арміи въ Далмаціи, англичане же могутъ закрѣпить свой посылкой эскадры въ Архипелагъ, и для мальтійскаго флота путь въ Дарданеллы короче, чѣмъ для арміи переходъ изъ Рагузы въ Константинополь.

Диванъ, повидимому, колеблется въ выборѣ между Франціей и Англіей, не испытывая ни привязанности, ни дѣйствительнаго довѣрія ни къ одной изъ этихъ державъ, убѣжденный, что обѣ онѣ готовы пожертвовать имъ для Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что, пока англичане будутъ видѣть въ императорѣ Александрѣ союзника вашего величества, они будутъ возбуждать турокъ къ войнѣ; но въ тотъ же самый день, когда ихъ предложенія будутъ приняты въ Петербургѣ, и русскія гавани откроются для ихъ кораблей, они станутъ совѣтовать въ Константинополѣ заключить миръ и охотно гарантируютъ уступку Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи. Опытъ прошлаго, въ эпоху, менѣе трудную и менѣе важную для Англіи, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи насчетъ гибкости ея политики. Лондонскій кабинетъ нисколько не затруднится принять на себя всѣ наши обязательства

---

cette garantie. Mais, en partant de ce principe, l'Angleterre ne peut-elle pas offrir une garantie partielle, pour acquérir une alliance bien plus utile à ses intérêts que celle des Turcs. Votre Majesté appuie la sienne par la présence d'une armée en Dalmatie; les Anglais peuvent assurer la leur par l'envoi d'une escadre dans l'Archipel; et le chemin est plus court pour une flotte de Malte aux Dardanelles que pour une armée de Raguse à Constantinople.

Le Divan parait indécis entre la France et l'Angleterre, sans affection, sans véritable confiance pour l'une ni pour l'autre, et convaincu que toutes les deux sont prêtes à le sacrifier à la Russie.

Il est certain que tant que les Anglais verront dans l'Empereur Alexandre l'allié de Votre Majesté, ils exciteront les Turcs à la guerre; mais le jour même où leurs ouvertures seront acceuillies à Pétersbourg et les ports de Russie ouverts à leurs vaisseaux, ils conseilleront la paix à Constantinople et garantiront volontiers la cerssion de la Moldavie, de la Valachie et de la Bessarabie. L'expérience du passé, à une époque moins grave et moins importante pour l'Angleterre, ne laisse aucun doute à cet égard, sur la flexibilité de sa politique. Le cabinet de Londres n'hésitera point à se charger de nos

передъ русскимъ кабинетомъ и даже болѣе—постарается ослѣпить его выгодами торговли, которая подняла бы кредитъ, удесятерила бы таможенный доходъ и оживила бы финансы имперіи. Маркизъ Уэльслей хвастался, что еще до истеченія этого года ему удастся создать новую коалицію противъ Франціи, и хотя онъ могъ преувеличивать успѣхъ своихъ интригъ и дѣйствіе, которое могъ произвести въ Петербургѣ актъ 9-го февраля, не подлежитъ сомнѣнію, что эти пророческія слова касаются Россіи и находящихся подъ ея вліяніемъ сѣверныхъ державъ.

Каковъ въ настоящее время главный, если не единственный предметъ честолюбія и политики русскаго министерства? Пріобрѣтеніе турецкихъ провинцій на лѣвомъ берегу Дуная. Кто можетъ доставить ихъ ей болѣе скорымъ, вѣрнымъ и безповоротнымъ образомъ? Арміи и переговоры Франціи, флоты и переговоры Англіи. Въ теченіе послѣднихъ двухъ слишкомъ лѣтъ Франція въ этомъ отношеніи ничего не добилась отъ Дивана, и въ Петербургѣ могутъ подозрѣвать, что она и не желала добиться чего-либо. Англіи же удалось вооружить турокъ противъ русскихъ; достигнетъ ли она меньшаго успѣха, если станетъ совѣтовать имъ миръ, или если прикажетъ сдѣлать желанную уступку,

---

propres engagements envers le cabinet russe, et de plus, il s'efforcera de l'éblouir par les avantages d'un commerce qui releverait le crédit, décuplerait le produit des douanes et rendrait le mouvement aux finances de l'Empire. Le marquis de Wellesley s'est vanté qu'avant la fin de l'année il parviendrait à former une nouvelle coalition contre la France, et quoiqu'il ait pu s'exagérer le succés de ses intrigues et l'effet que l'acte du 9 Février pourrait produire à Pétersbourg, il n'est pas douteux que ces mots prophétiques ne regardent la Russie et les États du Nord, soumis à son influence.

Quel est aujourd'hui l'objet principal, si ce n'est l'objet unique de l'ambition et de la politique du ministère Russe? L'acquisition des provinces turques sur la rive gauche du Danube.—Qui peut la lui procurer, prompte, sûre et irrévocable? Les armées et les négociations de la France, les flottes et les négociations de l'Angleterre. La France n'a rien obtenu du Divan, à cet égard, depuis plus de deux ans et l'on peut soupçonner à Pétersbourg qu'elle n'a rien voulu obtenir. L'Angleterre a reussi à faire armer les Turcs contre les Russes; aura-t-elle moins de succés si elle leur conseille la paix, ou si elle commande la cession désirée en bombardant le Sérail et en affamant Constantinople? Est-il vraisemblable

бомбардируя сераль и заставляя голодать Константинополь? Правдоподобно ли, чтобы эти разнообразные вопросы не обсуждались болѣе въ частныхъ совѣщаніяхъ императора Александра?

Еще болѣе того. При настоящемъ ходѣ обстоятельствъ оба государства, и Франція, и Англія, какъ бы дѣйствуютъ въ направленіи, обратномъ ихъ дѣйствительнымъ интересамъ. Франція, старинная союзница Оттоманской имперіи, ничего не можетъ выиграть отъ расширенія Россіи по направленію къ Черному морю, и не будь гарантіи, данной вашимъ величествомъ въ силу сложившихся исключительныхъ обстоятельствъ и въ виду цѣлей, которыя никогда не были чистосердечно поддержаны Россіей, нашлись бы сильные доводы въ пользу того, чтобы отстаивать неприкосновенность Турціи, а не вызывать разчлененія ея. Въ данномъ случаѣ интересы Итальянскаго королевства тѣ же, какъ и нашихъ южныхъ провинцій. Англичане, напротивъ того, съ того момента какъ только ихъ связи съ петербургскимъ дворомъ возстановятся, могутъ безъ тревоги отнестись къ сосредоточенію торговли Востока въ русскихъ портахъ: такимъ образомъ, она лишь измѣнитъ дорогу, по которой попадетъ въ Лондонъ. Что же касается политическаго или территоріальнаго усиленія русской державы, то Англія перестанетъ тревожиться или завидовать этому, какъ только получитъ возможность противопоставить его Франціи. Эти начала останутся вѣрными во всякое время. Франція, зная это, удалилась отъ нихъ

---

que ces différentes questions ne soient plus discutées dans les conseils particuliers de l'Empereur Alexandre?

Il y a plus. Dans la direction actuelle des choses, la France et l'Angleterre semblent agir, toutes les deux en sens inverses de leurs véritables intérêts. La France, la plus ancienne alliée de l'Empire Ottoman, ne peut rien gagner à l'agrandissement des Russes vers la mer Noire, et sans la garantie accordée par Votre Majesté dans une circonstance impérieuse, avec des vues qui n'ont jamais été secondées de bonne foi, il y aurait de fortes raisons de combattre pour l'intégrité de la Turquie au lieu d'en provoquer le démembrement. L'intérêt du royaume d'Italie est aujourd'hui le même là dessus que celui de nos provinces méridionales. Les Anglais, au contraire, dès que leurs liaisons avec la cour de Pétersbourg seront rétablies, peuvent voir sans inquiétude le commerce du Levant passer dans les ports de Russie, il n'aura fait que changer de route pour arriver à Londres. Quant à l'acroissement politique et territorial de la puissance russe, l'Angleterre cessera d'en être allarmée ou jalouse dès qu'elle pourra l'opposer à la France. Ces principes seront vrais dans tous les temps; la France, qui les connait, s'en est

изъ угожденія; Англія, тоже знающая это, удаляется отъ нихъ, увлекаемая страстью. Недалеко то время, когда сила событій вернетъ къ нимъ и ту и другую.

Если бы было возможно предположить, что британское министерство чистосердечно согласится на миръ, совмѣстимый съ нашимъ морскимъ и торговымъ существованіемъ, своеобразныя условія, въ которыхъ находятся обѣ страны, могли бы привести къ нему. Россія, безспорно, не пожелала бы ничего лучшаго, какъ подписать договоръ, непосредственныя выгоды котораго клонились бы въ ея пользу. Послѣ пріобрѣтенія Финляндіи, Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи и части австрійской Польши открыть свои порты торговлѣ всѣхъ народовъ, поднять свой кредитъ, улучшить свое финансовое положеніе, упрочить свое господство на сѣверѣ и востокѣ, ввести порядокъ и бережливость въ свое внутреннее управленіе было бы образцовымъ примѣромъ политики столь же удачной, какъ и искусной. Франція не позавидовала бы столь большимъ выгодамъ, если бы братья вашего величества, занимающіе престолы Вестфаліи, Неаполя, Голландіи и Испаніи, были бы признаны Англіей, и если бы имперія, возвративъ себѣ свои колоніи, получила бы вмѣстѣ съ тѣмъ и средства возсоздать свой флотъ. Но нельзя поддаваться иллюзіямъ. Лондонскій кабинетъ согласится, даже предложитъ

écartée par camplaisance; l'Angleterre qui les connait aussi, s'en écarte par passion. L'époque n'est pas éloignée où la force des choses les y ramenera l'une et l'autre.

Si l'on pouvait supposer que le ministère britannique accepterait franchement une paix compatible avec notre existence maritime et commerciale, les circonstances singulières où les deux pays sont placés pourraient y conduire. La Russie, sans doute, ne demanderait pas mieux que de signer un traité dont tous les avantages immédiats seraient pour elle. Après avoir acquis la Finlande, la Moldavie, la Valachie, la Bessarabie et une partie de la Pologne autrichienne, rouvrir ses ports au commerce de toutes les nations, relever son crédit, restaurer ses finances, affermir sa domination au Nord et à l'Orient, introduire l'ordre et l'économie dans son administration intérieure serait le chef d'oeuvre d'une politique heureuse autant qu'habile. La France n'envierait pas de si grands avantages, si les frères de V. M. assis sur les trônes de Westphalie, de Naples, de Hollande et d'Espagne étaient reconnus par l'Angleterre, et si l'Empire recouvrait avec ses colonies, les moyens de relever sa marine.

Mais il est impossible de se faire illusion. Le cabinet de

Россіи гарантировать выгоды, о которыхъ только-что шла рѣчь, лишь для того, чтобы лишить Францію плодовъ десятилѣтнихъ побѣдъ. Отъ нынѣшней политики лондонскаго кабинета можно ожидать лишь временнаго перемирія, обманчиваго и вѣроломнаго мира, во время котораго народныя богатства и возрождающійся флотъ были бы безъ защиты предоставлены зависти Англіи и уничтожены при первомъ случаѣ. Такимъ образомъ, при условіяхъ, которыя послужили бы основаніемъ договоровъ, на которые могъ-бы согласится британскій кабинетъ, Россіи предстояло бы много выиграть, а Франціи много потерять. Одна упрочила бы свои пріобрѣтенія и снова завязала бы полезныя и прочныя сношенія, другая ввѣрила бы остатокъ своихъ капиталовъ слову своего врага, не имѣя возможности требовать какого-нибудь обезпеченія. Необходимы другія обстоятельства, новое царствованіе, новое министерство и иные взгляды въ Англіи, чтобы Франція могла надѣяться на прочный миръ. Война лучше перемирія на нѣсколько мѣсяцевъ, которое, при посредствѣ ложныхъ обѣщаній, только помогло бы обмануть мало обдуманную дѣятельность и нетерпѣливую жадность нашихъ торговцевъ.

Изъ этого правдиваго очерка слѣдуетъ, что явно противоположные интересы неизбѣжно приведутъ въ области политики къ болѣе или менѣе замѣтной оппозиціи между Франціей и Россіей. Поэтому-то,

---

Londres ne consentira, n'offrira même de garantir à la Russie les avantages dont on vient de parler, que pour enlever à la France le fruit de dix ans de victoires. On ne peut espérer de sa politique actuelle qu'une trève passagère, une paix trompeuse et perfide, pendant laquelle les richesses nationales et la marine renaissante seraient livrées sans défense à la jalousie de l'Angleterre et détruites au premier signal. Ainsi la Russie a beaucoup à gagner et la France beaucoup à perdre, dans les conditions qui serviraient de base aux traités que pourrait consentir le cabinet britannique. L'une consoliderait ses acquisitions et renouerait des liaisons utiles et durables. L'autre livrerait le reste de ses capitaux à la foi de son ennemi, sans pouvoir en exiger aucune garantie; il faut des circonstances nouvelles, un nouveau règne, un ministère et des principes différents en Angleterre, pour que la France puisse espérer une paix solide. L'état de guerre vaut mieux qu'une trève de quelques mois, qui ne servirait qu'à tromper, par de fausses promesses, l'activité peu refléchie et l'impatiente cupudité de nos négociants.

Il résulte de cet exposé fidèle que des intérêts évidemment opposés ameneront forcément une opposition plus ou moins marquée dans la

не пренебрегая средствами продолжить союзъ, основаніе котораго рушится, не отказываясь даже совершенно отъ надежды найти въ переговорахъ съ британскимъ кабинетомъ какую-нибудь устойчивость, заранѣе пріучимъ себя смотрѣть на Россію, какъ на естественную союзницу Англіи, и приготовимся бороться на континентѣ съ послѣдствіями сближенія между этими двумя державами, какъ только уже не въ нашей власти будетъ помѣшать ему.

Прежде у Франціи было три союзника, сдерживавшіе въ должныхъ границахъ колоссальную Имперію, которою Петръ Великій отяготилъ Европу. Всѣ трое продолжаютъ еще существовать, несчастные, ослабленные, унылые, но могущіе воспринять новую жизнь и даже быть возвращенными къ ихъ прежней политикѣ творческою рукою вашего величества.

1-ое. Турки. Турки первые заслуживаютъ нашего вниманія отчасти вслѣдствіе особенно выгоднаго положенія ихъ Имперіи, отчасти вслѣдствіе огромныхъ средствъ, которыми она располагаетъ. Тридцать лѣтъ пораженій поддерживаютъ въ этомъ народѣ безсильную ненависть противъ его побѣдителей, но совершенно не поучаютъ его, какъ поправить понесенныя потери. Военное искусство дѣлаетъ у него лишь медленные успѣхи, невѣрные и часто опасные для тѣхъ, которые

---

politique de la France et de la Russie. Ainsi donc sans négliger les moyens de prolonger une alliance dont la base s'écroule, sans renoncer même tout à fait à l'espérance de trouver quelque sûreté dans une négociation avec le cabinet britannique, accoutumons nous d'avance à regarder la Russie comme l'alliée naturelle de l'Angleterre, et préparons nous à combattre sur le continent les résultats du rapprochement de ces deux puissances, dés qu'il ne sera plus en notre pouvoir de l'empêcher.

La France avait autrefois trois alliés qui contenaient dans de justes limites l'Empire colossal que Pierre le Grand a fait peser sur l'Europe. Tous les trois existent encore, malheureux, affaiblis, découragés, mais pouvant recevoir une nouvelle vie, et même être rendus à leur ancienne politique par la main créatrice de Votre Majesté.

1°) Les Turcs. Les Turcs méritent d'occuper les premiers, notre attention, soit à cause de la position superbe de leur Empire, soit à cause de ses immenses ressources. Trente ans de défaites nourissent dans ce peuple une haine impuissante contre ses vainqueurs, mais ne l'éclairent point sur les moyens de réparer ses pertes. Les arts de la guerre n'y font que des progrés lents, incertains et souvent dangereux pour ceux

покровительствуютъ имъ: доказательство — недавняя катастрофа съ Мустафой-Байрактаромъ. Однако, дикая и недисциплинированная храбрость турокъ все-таки подаетъ нѣкоторыя надежды на успѣхъ: князь Багратіонъ, русскій главнокомандующій въ Молдавіи, только-что испыталъ это на самомъ себѣ, и, къ тому же, изъ рядовъ янычаръ можетъ вдругъ выйти такой человѣкъ, какъ Гассанъ-паша; небольшое число французскихъ и германскихъ офицеровъ можетъ довести турецкую артиллерію до состоянія, въ которомъ ей окажется возможнымъ бороться съ успѣхомъ, и укрѣпить проходы, у которыхъ побѣдоноснымъ русскимъ придется остановиться. Слѣдовательно, въ военномъ отношеніи Оттоманская имперія не лишена различныхъ средствъ. Къ несчастью, Диванъ, слабый и продажный, безъ образованія и убѣжденій, поддается поочередно то страху, внушаемому его повелителемъ, то корыстнымъ подаркамъ иностранныхъ дворовъ. Характеръ султана Махмута еще ничѣмъ не проявилъ себя: до сихъ поръ онъ, повидимому, занятъ лишь заботою о продолженіи династіи, готовой угаснуть. Его министры, смѣняющіе другъ друга съ обагренной кровью быстротою, почти одинаково боятся султана, янычаръ, французовъ, англичанъ и русскихъ. Нашъ союзъ съ петербургскимъ дворомъ подчинилъ ихъ на время вліянію Англіи. Союзъ Англіи съ Россіей быстро вернулъ бы намъ ихъ обратно. Поэтому двѣ

---

qui les favorisent, témoin la catastrophe récente de Mustapha Baïractar. Cependant la valeur féroce et indisciplinée des Turcs laisse toujours quelques chances à la fortune. Le prince Bagration général des Russes en Moldavie, vient d'en faire l'épreuve; et d'ailleurs un homme comme Hassan Pacha peut sortir tout à coup des rangs des Janissaires; un petit nombre d'officiers français et allemands peut mettre l'artillerie turque en état de résister avec avantage, et fortifier les passages où les Russes victorieux viendraient s'arrêter. L'empire Ottoman n'est donc pas sans ressources possibles, sous le rapport militaire. Malheureusement, un Divan faible et corrompu, sans lumières et sans principes, cède alternativement à la terreur qu'inspire son maître et aux présents intéressés des Cours étrangères. Le caractère du Sultan Mamhoud ne s'est point encore manifesté au dehors: jusqu'à présent, il ne parait occupé que du soin de perpétuer la race d'Ottoman, prête à s'éteindre. Ses ministres qui se succèdent avec une sanglante rapidité, craignent presque également le Sultan, les Janissaires, les Français, les Anglais et les Russes. Notre alliance avec la Cour de Pétersbourg les a livrés quelque temps à l'influence de l'Angleterre. L'alliance de l'Angleterre avec la Russie nous les ramènerait promptement. Deux objets d'une égale importance doivent donc être suivis à Constantinople:

цѣли одинаковой важности должны быть преслѣдуемы въ Константинополѣ.

Первая заключается въ томъ, чтобы протянуть войну турокъ съ русскими до тѣхъ поръ, пока значительная часть французской арміи необходима въ Испаніи и Португаліи, сохранить за собою посредничество при заключеніи договора, который явится слѣдствіемъ событій, и быть въ состояніи заставить турокъ снова взяться за оружіе, когда того потребуютъ обстоятельства, обѣщавъ имъ средства отвоевать провинціи, отъ которыхъ они были вынуждены отказаться.

Вторая цѣль, не менѣе важная и болѣе трудная, заключается въ томъ, чтобы незамѣтно склонить Порту уступить вашему величеству Морею и Кандію взамѣнъ помощи, которую она получила бы для того, чтобы снова завладѣть Малой Татаріей и Крымомъ, болѣе необходимыми для продовольствованія Константинополя. Здѣсь не мѣсто распространяться о прежнихъ планахъ на случай разрыва съ русскимъ дворомъ, заслуживающихъ особаго разсмотрѣнія. Но нынѣ же необходимо возобновить переговоры съ Портой, постараться стряхнуть съ султана его апатію и, если уже миръ неизбѣженъ, постараться отбросить на англичанъ всю постыдную необходимость уступки Молдавіи и Валахіи. Лондонскій-ли кабинетъ, сблизившись съ петербургскимъ, открыто поддержитъ

Le premier est de prolonger la guerre entre les Turcs et les Russes, tant qu'une grande partie de l'armée française est nécessaire en Espagne et en Portugal, de se réserver la médiation dans le traité qui sera conclu à la suite des événements, et de se tenir en mesure de faire reprendre les armes aux Turcs, quand les circonstances l'exigeront, en leur promettant les moyens de reconquérir les provinces qu'ils auront été forcés d'abandonner.

Le second objet non moins important et plus difficile est d'amener insensiblement la Porte à céder à Votre Majesté la Morée et Candie en échange des secours qu'elle recevrait pour se remettre en possession de la petite Tartarie et de la Crimée, plus nécessaires aux approvisionnements de Constantinople. Ce n'est pas ici le lieu de s'étendre sur cet ancien projet, qui mérite d'être discuté séparément, dans le cas d'une rupture avec la Cour de Russie.

Mais il faut dès à présent reprendre les négociations avec la Porte, essayer de tirer le Sultan de son apathie, et si la paix est inévitable, rejeter sur les Anglais la honteuse nécessité de céder la Moldavie et la Valachie. Soit que le cabinet de Londres en se rapprochant de celui de Pétersbourg en appuie ouvertement les prétentions auprès du Divan, soit que les con-

его притязанія къ Дивану, или же основаніемъ будущаго договора послужатъ Тильзитское и Эрфуртское соглашенія, важно, чтобы Франція гарантировала султану неприкосновенность остальной части его владѣній и пробудила въ немъ надежду на помощь въ другое время. Со времени возвращенія генерала Себастіани это щекотливое порученіе довѣрено г. Рюфонъ, исполняющему его съ большимъ талантомъ, не возбуждая вниманія русскихъ. Безъ сомнѣнія, ваше величество признаете, что пора предоставить этому агенту болѣе широкія полномочія; однако, я считаю необходимымъ дать возможность странному положенію Дивана нѣсколько выясниться и принять болѣе или менѣе опредѣленный характеръ: а то вѣдь въ настоящее мгновеніе, когда Болгаріи угрожаютъ русскіе, находящіеся въ открытой войнѣ съ англичанами, англійская эскадра моритъ голодомъ Константинополь, несмотря на союзъ султана съ лондонскимъ дворомъ. Если бы Англія и Россія были чистосердечны въ ихъ кажущихся распряхъ, то сила обстоятельствъ, болѣе могущественная, чѣмъ политическая ненависть, опять-таки отождествила бы ихъ интересы! Но существуетъ подозрѣніе, что англичане и русскіе поддерживаютъ тайныя сношенія черезъ Одессу, и выдержки изъ Константинопольской переписки, повергнутыя на благовоззрѣніе вашего величества, подтверждаютъ эти предположенія. И какъ же объяснить иначе то, что происходитъ?

---

ventions de Tilsit et d'Erfurt servent de base au traité futur, il importe que la France garantisse au Grand Seigneur le reste de ses possessions, et lui fasse tacitement espérer des secours pour un autre temps. Depuis le retour de M. le comte de Sébastiani, cette mission délicate est confiée à M-r Ruffin qui la remplit avec beaucoup d'intelligence, sans éveiller l'attention des Russes. Votre Majesté jugera sans doute qu'il est temps de faire passer à cet agent des instructions plus étendues; je crois pourtant nécessaire de laisser l'étrange position du Divan s'éclaircir un peu et prendre quelque fixité: car, en ce moment, où la Bulgarie est menacée par les Russes qui sont en guerre ouverte avec les Anglais, une escadre Anglaise affame Constantinople, malgré l'alliance du Sultan avec la cour de Londres. Si l'Angleterre et la Russie étaient de bonne foi dans leurs querelles apparentes, la nature des choses plus forte que les haines politiques, leur donnerait donc encore des intérêts communs! Mais on soupçonne que les Anglais et les Russes ont eu des communications clandestines par Odessa et Kodgia bey, et les extraits de la correspondance de Constantinople, mis sous les yeux de Votre Majesté confirment ces conjectures. Eh! comment expliquer autrement ce qui se passe? Les Turcs ne font la guerre que pour conserver leurs provinces au delà du

Турки ведутъ войну лишь для сохраненія своихъ задунайскихъ провинцій, Франція двумя особыми договорами гарантировала Россіи обладаніе этими самыми провинціями, и Англія, признанный врагъ Россіи и Франціи, была бы прямо заинтересована поддерживать турокъ, а одна изъ ея эскадръ моритъ голодомъ ихъ столицу! Это объясняютъ тѣмъ, что наши агенты, совмѣстно съ агентами Россіи, хотятъ принудить Диванъ подчиниться декрету, закрывающему континентъ для англійскихъ товаровъ. Но петербургскій кабинетъ, терпѣливо допускающій безпрерывныя нарушенія этого декрета въ Балтійскомъ морѣ, не сражается же у подножія Балканъ для того, чтобы заставить исполнять его въ портахъ Востока! Его цѣль—исторгнуть у турокъ пресловутую уступку Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, и какъ разъ англичане всѣми зависящими отъ нихъ средствами поддерживаютъ усилія ихъ мнимыхъ враговъ, дѣлая видъ, что угрожаютъ имъ нападеніемъ на Черномъ морѣ. Ловушка поставлена грубо, такъ какъ англійская эскадра даже не тревожила береговъ Малой Татаріи и Крыма; она дѣйствуетъ лишь противъ своихъ союзниковъ и въ дѣйствительности способствуетъ осуществленію плановъ русскихъ, предоставляя министрамъ Порты на выборъ—голодъ или уступку трехъ провинцій. Эта странная сцена, разыгрывающаяся подъ стѣнами Сераля, входитъ въ составъ великой политической комедіи, развязка которой приближается. Франція не дастся въ

Danube; la France par deux traités, particuliers, a garanti ces mêmes provinces à la Russie; l'Angleterre, ennemie déclarée de la Russie et de la France, aurait donc un intérêt manifeste à soutenir les Turcs, et l'une de ses escadres affame leur capitale! C'est, dit-on, parce que nos agents de concert avec ceux de la Russie, veulent forcer le Divan à se conformer au décret qui ferme le continent aux marchandises Anglaises. Mais le cabinet de Pétersbourg qui souffre patiemment les infractions continuelles que ce décret reçoit dans la Baltique, ne se bat pas au pied du mont Hémus pour le faire exécuter dans les ports du Levant: son but est d'arracher aux Turcs la cession fameuse de la Moldavie, de la Valachie et de la Bessarabie, et ce sont les Anglais qui favorisent de tous leurs moyens, les efforts de leurs prétendus ennemis, en faisant semblant de les menacer d'une attaque sur la mer Noire? Le piège est grossièrement tendu, car l'escadre anglaise n'a pas même insulté les côtes de la petite Tartarie et de la Crimée, elle n'agit que contre ses alliés et seconde réellement les projets des Russes, en mettant les ministres de la Porte entre la famine et la cession des trois provinces. Cette scène bizarre, qui se joue sous les murs du Sérail, appartient à la grande comédie politique dont le dénouement approche; la France n'en sera point la

обманъ, она не станетъ ожидать, пока Россія и Англія сбросятъ маски, и вернется къ своимъ прежнимъ связямъ, а главное—подготовитъ средства, чтобы противостоять неизбѣжному сближенію между лондонскимъ и петербургскимъ дворами.

2-е. Ш в е д ы. Послѣ турокъ наиболѣе заинтересованы въ сближеніи съ Франціей шведы, столь-же храбрые, какъ и первые Оттоманы, болѣе образованные, болѣе просвѣщенные, руководимые правительствомъ болѣе мудрымъ, но менѣе надежные и не слишкомъ покорные, раздѣленные между собою раздорами, безпокойные, продажные и почти лишенные возможности выйти изъ ихъ настоящаго положенія, преисполненнаго безсилія и упадка. Тѣмъ не менѣе, въ Швеціи существуетъ народъ, и потребность имѣть свое отечество, въ крайнемъ случаѣ, можетъ породить здѣсь то же, что религіозный фанатизмъ часто дѣлаетъ у турокъ. Никогда еще положеніе страны не возбуждало бо́льшихъ опасеній: потеря Финляндіи лишаетъ ее четверти населенія и силъ. Петербургъ пріобрѣлъ обезпеченную границу, Стокгольмъ же не имѣетъ ея болѣе. Союзъ Англіи съ Россіей доведетъ опасность до крайности, и нельзя отрицать, что вывести Швецію изъ подобнаго положенія и возвратить ей независимость и безопасность является труднымъ дѣломъ даже для Франціи. Первый шагъ для достиженія этого заключается въ томъ, чтобы сплотить народъ противъ Рос-

---

dupe; elle n'attendra point que la Russie et l'Angleterre jettent le masque, pour revenir à ses anciennes liaisons, et se préparer partout des ressources contre le rapprochement inévitable des Cours de Londres et de Pétersbourg.

2°). L e s S u é d o i s. Après les Turcs, ceux qui ont le plus d'intérêt à se rapprocher d'elle, ce sont les Suédois, aussi braves que les premiers Ottomans, plus instruits, plus éclairés, gouvernés par un gouvernement plus sage, mais moins fidèles et peu soumis, divisés entre eux, remuants, corruptibles et presque sans moyens de sortir de leur état actuel de faiblesse ef d'abaissement. Il y a pourtant une nation en Suède, et le besoin d'avoir une patrie peut faire ici, dans un cas extrême, ce que le fanatisme religieux fait souvent chez les Turcs. Jamais la position du pays ne fut plus allarmante; la perte de la Finlande lui enlève un quart de sa population et de ses forces; Pétersbourg a acquis une frontière, Stockholm n'en a plus. L'alliance de l'Angleterre avec la Russie rendra le péril extrême, et l'on ne peut nier que ce ne soit une entreprise difficile, même pour la France, de tirer la Suède d'une position pareille pour lui rendre son indépendance et la sécurité. Le premier pas à faire pour y parvenir, c'est de réunir la nation contre la Russie; d'étouffer dans les diètes et dans le Sénat l'esprit de faction que les trou-

сіи, подавить въ сеймахъ и сенатѣ духъ партійности, порожденный гражданскими распрями и постоянно и тщательно поддерживавшійся петербургскимъ кабинетомъ, и, наконецъ, упрочить еще мало устойчивую власть новаго короля и его намѣченнаго преемника. Что же касается брака принцессы Летиціи съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, предположеннаго графомъ Эссеномъ и барономъ Лагербьельке, какъ лучшее средство для оживленія общественныхъ надеждъ и старинной привязанности шведовъ къ Франціи, ваше величество взвѣсите въ своей мудрости преимущества и опасности подобнаго шага, преждевременный блескъ котораго можетъ встревожить Россію и ускорить ея возвратъ къ Англіи. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить что то, что придаетъ нашимъ переговорамъ характеръ нерѣшительности, а иногда даже направленіе, обратное ихъ дѣйствительной цѣли, это то, что, постоянно имѣя въ виду время, когда Россія станетъ нашимъ врагомъ, мы должны, тѣмъ не менѣе, уважать въ императорѣ Александрѣ союзника вашего величества. Это политическое противорѣчіе постоянно вынуждаетъ насъ говорить такимъ языкомъ, который охлаждаетъ довѣріе правительствъ, готовыхъ отдаться намъ: оно стѣсняетъ всѣ наши дипломатическія сношенія и лишаетъ ихъ энергичнаго и открытаго характера, который болѣе приличествовалъ бы министрамъ величайшаго изъ государей. Это

---

bles civils ont fait naître, et que le cabinet de Pétersbourg a toujours soigneusement entretenus; enfin de consolider la puissance encore mal assurée du nouveau Roi, et de son successeur désigné.

Quant au mariage de la princesse Laetitia avec le prince Royal de Suède que M. M. le comte d'Essen et le baron de Lagerbielke ont proposé, comme le meilleur moyen de ranimer les espérances publiques et l'ancien attachement des Suédois à la France, Votre Majesté pesera dans sa sagesse, les avantages et les dangers de cette mesure, dont l'éclat prématuré peut allarmer la Russie et précipiter son retour vers l'Angleterre. On est forcé d'observer ici que ce qui donne à nos négociations un caractère d'incertitude et quelque fois même un mouvement contraire à leur véritable objet, c'est qu'en prévoyant toujours l'époque où la Russie deviendra notre ennemie, nous devons pourtant respecter dans l'Empereur Alexandre l'allié de Votre Majesté.

Cette contradiction politique nous oblige à tenir sans cesse un langage qui arrête la confiance des gouvernements prêts à se livrer à nous: elle gêne tous nos mouvements diplomatiques et leur ôte cette énergique franchise qui conviendrait mieux aux ministres du plus grand des Souverains. C'est le résultat d'une alliance fondée sur des circonstances mobiles plutôt que sur des

является слѣдствіемъ союза, покоющагося скорѣе на измѣнчивыхъ обстоятельствахъ, чѣмъ на постоянныхъ интересахъ. Слѣдуетъ, въ концѣ концовъ, придерживаться по отношенію къ Швеціи, опредѣленной системы. Но что болѣе всего настоятельно необходимо, такъ это послать наблюдательнаго человѣка, который могъ бы въ точности ознакомить насъ съ настроеніемъ умовъ, съ политическими воззрѣніями наслѣднаго принца и съ средствами, которыми королевство располагаетъ еще. Лагербьельке слишкомъ заинтересованъ, чтобы ему можно было легко вѣрить, а наши непосредственныя сношенія съ стокгольмскимъ дворомъ были слишкомъ долго прерваны, чтобы руководиться старыми данными о людяхъ и дѣлахъ. Миссія Дезожіе достигнетъ этой цѣли, не возбудивъ никакихъ опасеній. Слѣдуетъ ничѣмъ не торопиться на глазахъ и, такъ сказать, подъ пушками русскихъ. Отдаляя еще на нѣкоторое время заключеніе Россіей мира съ Англіей и Портой, ваше величество обезпечиваете себѣ возможность покончить съ испанскимъ вопросомъ, прогнать англичанъ изъ Португаліи и упрочить свое господство на западѣ и югѣ Европы. Можно опасаться, что этотъ великій планъ совершенно не будетъ выполненъ, и что первые успѣхи сдѣлаются безполезными, если, въ случаѣ внезапнаго измѣненія положенія дѣлъ на сѣверѣ, ваше величество увидите себя вынужденнымъ направить свои войска въ Германію вмѣсто того, чтобы оставить ихъ на нѣкоторое время на Испанскомъ полуостровѣ. Но тѣсныя и открытыя сношенія, неожиданно

---

intérêts permanents. Il faut enfin s'attacher à un système positif relativement à la Suède: mais ce qui presse le plus, c'est l'envoi d'un homme éclairé qui puisse nous instruire fidèlement de la disposition des esprits, du caractère politique du Prince Royal et des ressources qui restent au Royaume. M-r de Lagerbielke est trop intéressé pour être cru légèrement, et nos communications directes avec la cour de Stockholm ont été trop longtemps interrompues pour s'en tenir aux anciennes données sur les hommes et sur les choses.

La mission du S-r Désaugiers remplira ce but sans exciter aucune inquiétude. Il convient de ne rien précipiter, sous les yeux, et pour ainsi dire, sous le canon des Russes. En éloignant encore pour quelque temps la paix de la Russie avec l'Angleterre et la Porte, Votre Majesté s'assure les moyens de terminer l'affaire d'Espagne, de chasser les Anglais du Portugal et d'affermir sa domination à l'Occident et au midi de l'Europe. Il serait à craindre que cette grande opération ne fut point finie, et que les premiers succès devinssent inutiles, si la face du Nord changeant tout à coup, Votre Majesté se voyait forcée de porter ses troupes en Allemagne, au lieu de les laisser quelque temps sur la péninsule

завязанныя съ Швеціей, могутъ побудить петербургскій дворъ съ одинаковой быстротою покончить свои распри съ Турціей и Англіей для того, чтобы располагать большими силами для удержанія Швеціи подъ своимъ игомъ, то поэтому и было бы благоразумно возбудить въ шведахъ надежды и дать имъ субсидіи, упрочить ихъ новое правительство, поддержать озлобленіе, которое должна возбуждать потеря Финляндіи, но при всемъ томъ заключить явный союзъ съ этимъ пошатнувшимся престоломъ лишь послѣ того, какъ будетъ обезпечено спокойствіе Испаніи, и будутъ подготовлены затрудненія для Россіи на сѣверѣ, востокѣ и въ центрѣ Европы.

3-е. Поляки. Вотъ третій изъ старинныхъ союзниковъ Франціи противъ колоссальной Русской имперіи. Еще болѣе испытанный судьбою, чѣмъ остальные два, даже уничтоженный на нѣсколько лѣтъ, онъ обязанъ своимъ нынѣшнимъ существованіемъ лишь своей отвагѣ и предусмотрительной мудрости вашего величества. Польша воскресла въ герцогствѣ Варшавскомъ: армія въ 60.000 человѣкъ, готовая защищать свою независимость, подкрѣпляется вдобавокъ 40.000 саксонцевъ. Но слѣдовало бы соединить вмѣстѣ обѣ части новой монархіи, раздѣленныя прусской Силезіей. Повергнутые на благовоззрѣніе вашего величества планы

Espagnole.—Or des liaisons étroites et publiques, subitement contractées avec la Suède, peuvent engager la cour de Pétersbourg à terminer avec la même rapidité ses différents avec la Turquie et l'Angleterre, afin d'employer de plus grandes forces à retenir la Suède sous le joug. Il est donc prudent de donner aux Suédois des espérances et des subsides, d'affermir leur nouveau gouvernement, de fomenter les ressentiments que doit exciter la perte de la Finlande, mais de ne contracter une alliance d'éclat avec cette couronne ébranlée, qu'après avoir assuré la tranquillité des Espagnes, et préparé des embarras à la Russie à l'Orient, au Nord et au centre de l'Europe.

3°). Les Polonais. C'est ici que se présente le troisième des anciens alliés de la France contre le colosse de l'Empire Russe.—Encore plus accablé que les deux premiers, anéanti même pendant plusieurs années, il ne doit son existence actuelle qu'à son courage et à la sagesse prévoyante de Votre Majesté. La Pologne est ressuscitée dans le Duché de Varsovie: une armée de 60.000 hommes, prête à défendre son indépendance, est encore soutenue par 40.000 Saxons. Mais il faudrait réunir les deux parties de cette monarchie nouvelle, séparées par la Silésie prussienne. Les projets soumis à Votre Majesté sur l'exécution de cette grande mesure sont le véritable complément du nouveau système Européen: ils méritent un examen détaillé.

осуществленія этой великой мѣры являются истиннымъ завершеніемъ новой европейской системы: они заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія. Первый изъ этихъ плановъ, основанный на раздѣлѣ разбросанныхъ остатковъ Прусской монархіи, отдаетъ Силезію Саксоніи, возсоединяя такимъ образомъ нѣмецкія и польскія провинціи этого королевства, населеніе котораго достигло бы въ такомъ случаѣ до восьми слишкомъ милліоновъ жителей. Армія въ 140.000 человѣкъ защищала бы границы, выдвинутыя за Вислу, и служила бы первой преградой, противопоставленной нашествіямъ Россіи. Бранденбургъ, Померанія и Гановеръ, присоединенные къ владѣніямъ короля Вестфальскаго, значительно увеличили бы его силы и французское вліяніе на сѣверѣ. Данцигъ и Кенигсбергъ были бы объявлены имперскими городами, на подобіе Бремена, Гамбурга и Любека, состоящихъ подъ покровительствомъ Франціи. Берега Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, на протяженіи отъ Мемеля до Эмбдена, были бы тогда дѣйствительно закрыты для англійской торговли, и французскія таможни были бы прочно водворены на нихъ. Этотъ планъ вовсе не затрогиваетъ непосредственнымъ образомъ русской территоріи, но противоставитъ честолюбію петербургскаго кабинета массы, способныя къ сильному сопротивленію; онъ лишаетъ кабинетъ единственнаго союзника, владѣнія котораго открываютъ ему дорогу въ Германію; онъ до такой степени ограничиваетъ его вліяніе въ Европѣ, что нельзя не сомнѣваться въ тѣхъ усиліяхъ, которыя онъ

Le premier de ces projets partage les restes épars de la monarchie Prussienne, donne la Silésie à la Saxe, réunit ainsi les provinces allemandes et les provinces polonaises de ce Royaume, dont la population s'éleverait alors à plus de huit millions d'habitants. Une armée de 140.000 hommes en protégerait les frontières portées au delà de la Vistule, et serait la première barrière opposée aux invasions de la Russie. Le Brandebourg, al Poméranie et le Hanovre, réunis aux États du Roi de Westphalie, augmenteraient considérablement ses forces et l'influence française dans le Nord. Dantzik et Königsberg seraient déclarées villes impériales, comme Brême, Hambourg et Lubeck, sous la protection de la France. Les côtes de la Baltique et celles de la mer d'Allemagne, depuis Memel jusqu'à Embden, seraient alors véritablement fermées au commerce anglais, et les douanes françaises y seraient établies d'une manière permanente.—Ce projet n'attaque point directement le territoire Russe, mais il oppose à l'ambition du cabinet de Pétersbourg des masses capables d'une puissante résistance; il lui enlève le seul allié dont les États lui ouvrent le chemin de l'Allemagne; il borne tellement

приложитъ, чтобы помѣшать его осуществленію, и вслѣдствіе этого опасно дать ему проникнуть въ этотъ планъ ранѣе того времени, когда явится возможность привести его въ исполненіе; впрочемъ, силы Франціи, употребленныя въ дѣло въ благопріятный моментъ и поддерживаемыя искусно веденными переговорами, обезпечили бы успѣхъ этого плана, менѣе труднаго, чѣмъ это кажется.

Второй планъ, болѣе обширный, болѣе рѣшительный, быть можетъ, болѣе достойный генія вашего величества, возжегъ бы въ Европѣ послѣднюю континентальную войну: средства для его осуществленія просты сами по себѣ и, несмотря на его грандіозность, не представляютъ непреодолимыхъ трудностей, въ особенности, если привлечь къ нему Австрію. Этотъ планъ заключается въ возсоединеніи всей прежней Польши подъ управленіемъ Саксонскаго дома, различныя вѣтви котораго (альбертинская и эрнестинская) были бы призваны къ престолонаслѣдію въ порядкѣ первородства, а въ ожиданіи того были бы одѣлены въ Польшѣ богатыми удѣлами. Старостіи, коронныя имѣнія и нѣсколько земель въ Восточной Пруссіи были бы исключительно предназначены для образованія различныхъ удѣловъ для домовъ Веймарскаго, Готскаго, Кобургскаго, Мейнингскаго и Хильбургхаузенскаго, а равно такъ-же и для братьевъ царствующаго короля. Саксонія и маленькія княжества

---

son influence en Europe, qu'on ne peut douter de ses efforts pour en empêcher l'exécution, et qu'il est dangereux d'en laisser entrevoir la pensée avant l'époque même où elle pourrait se réaliser; du reste les forces de la France employées dans un temps favorable et secondées par des négociations bien dirigées, assureraient l'exécution de ce plan, moins difficile qu'elle ne le parait.

Le second projet, plus vaste plus décisif, plus digne peut-être du génie de Votre Majesté allumerait en Europe la dernière guerre continentale: les moyens d'exécution sont d'une nature simple, et malgré son étendue, ne présentent pas de difficultés insurmontables, surtout en y intéressant l'Autriche. Ce projet consiste à réunir toute l'ancienne Pologne sous le gouvernement de Saxe, dont les différentes branches (des lignes Albertine et Ernestine) seraient appellées à la succession par ordre de primogéniture, et seraient en attendant appanagées richement dans le Royaume. Les starosties, les biens de la couronne et plusieurs territoires dans la Prusse orientale seraient uniquement destinés à former ces différents appanages pour les maisons de Weymar, de Gotha, de Cobourg, de Meiningen et d'Hilburghausen, ainsi que pour les frères du Roi régnant. La Saxe et les petites principautés des cinq branches Ernestines seraient réunies au Royaume de Westpha-

пяти эрнестинскихъ линій были бы присоединены къ королевству Вестфальскому, а Бранденбургъ образовалъ бы великое герцогство, которое досталось бы одному изъ принцевъ французскаго дома. Какъ вознагражденіе Австріи за потерю Галиціи, Силезія и графство Глацъ являются равнозначущими послѣдней по территоріи, населенности и богатству. Не представлялось бы также невозможнымъ заплатить Австріи за ея дѣятельное участіе въ исполненіи этого плана частью Валахіи и Сербіи. Такимъ образомъ Россія была бы отброшена къ своимъ прежнимъ границамъ и сохранила бы отъ своего полувѣковаго узурпаторства лишь Курляндію и провинціи, отнятыя отъ Оттоманской имперіи. Турки, пользуясь ослабленіемъ Россіи и всеобщимъ движеніемъ, направленнымъ противъ нея, могли бы возстановить свои границы до Днѣстра и, можетъ быть, даже до Днѣпра, теченіе котораго отъ его верховьевъ до Очакова должно было бы составлять русскую границу. Подробности этого плана и средства къ его выполненію при помощи оружія были повергнуты на благовоззрѣніе вашего величества вмѣстѣ съ докладомъ о предложенной помощи и сношеніяхъ, завязанныхъ въ русской и австрійской Польшѣ. Безполезно обременять этимъ настоящій очеркъ: я замѣчу только, что успѣхъ этого предпріятія навѣки упрочилъ бы зданіе новой имперіи, и что численность, храбрость, явное превосходство французской арміи, еще болѣе безспорное превосходство того, кто

---

lie, et le Brandebourg formerait un grand Duché qui passerait à un prince de la maison de France. Pour dédommager l'Autriche de la perte de la Galicie, la Silésie et le comté de Glatz offrent un territoire, une population et des richesses équivalentes. Il ne serait pas impossible de payer sa coopération active dans l'exécution de ce plan, d'une partie de la Valachie ou de la Servie. La Russie serait alors repoussée dans ses anciennes limites, et ne conserverait de ses usurpations depuis un demisiècle, que la Courlande et les provinces arrachées à l'empire Ottoman. Les Turcs, profitant de son abaissement et de l'attaque générale dirigée contre elle pourraient ramener leurs limites jusqu'au Dniester, peut-être même jusqu'au Borysthène, dont le cours, depuis sa source jusqu'à Oczakow, devrait être la frontière des Russes.—Les détails de ce plan et les moyens d'exécution qui seraient réunis à la force des armes, ont été mis sous les yeux de Votre Majesté avec le tableau des secours offerts, et des intelligences entretenues dans la Pologne Russe et dans la Pologne Autrichienne. Il est inutile d'en surcharger ce travail; j'observe seulement que le succès de cette entreprise consoliderait pour des siècles l'édifice d'une Europe nouvelle, et que le nombre, le courage, la supériorité décidée des armées françaises, la supériorité plus grande

руководитъ ею, сокровенныя желанія, готовность, энтузіазмъ поляковъ и ничтожество Пруссіи со времени Тильзитскаго мира не позволяютъ сомнѣваться въ успѣхѣ, если вѣнскій дворъ, соединенный съ французскимъ священными узами и его дѣйствительными интересами, пожелаетъ способствовать его осуществленію. Этотъ дворъ не долженъ забывать, что Россія вмѣшалась въ послѣднюю войну лишь для того, чтобы обогатиться на счетъ того послѣдняго, что оставалось у него, и отнять у него въ Галиціи 400.000 человѣкъ. То, что у него еще сохранилось въ Польшѣ, сжатое между русскими провинціями и герцогствомъ Варшавскимъ, полно дворянъ неблагонамѣренныхъ и болѣе чѣмъ подозрительной вѣрности. Поэтому-то онъ долженъ считать громаднымъ преимуществомъ обмѣнять своихъ новыхъ подданныхъ, оставшихся поляками, на провинцію, бывшую австрійской и долго помнившую это. Такимъ образомъ, онъ удовлетворитъ одновременно и давнишнее честолюбіе и справедливое чувство мести. Политическое неудобство для Франціи увеличить при этомъ объемъ Австріи въ Германіи прекрасно возмѣщается безчисленными выгодами этого плана, который безповоротно сосредоточилъ бы въ рукахъ вашего величества судьбы Европы. Тогда въ дѣйствительности была бы возстановлена имперія Карла Великаго, увеличенная и укрѣпленная просвѣщеніемъ десяти вѣковъ; тогда Россія была бы дѣйствительно отрѣзана отъ цивилизованной Европы, а Англія отъ конти-

---

encore de celui qui les dirige, le voeu, l'empressement, l'enthousiasme des Polonais et la nullité de la Prusse depuis la paix de Tilsit, ne permettent pas de douter du succès, si la cour de Vienne, attachée à la cour de France par un lien auguste et par son intérêt bien entendu veut y coopérer.

Cette cour n'oubliera point que la Russie n'est intervenue dans la dernière guerre que pour s'enrichir de ses dépouilles et lui enlever 400.000 habitans en Galicie. Ce qui lui reste en Pologne, resserré entre les provinces russes et le duché de Varsovie, est rempli de gentilhommes mal intentionnés et d'une fidélité plus que suspecte. Elle doit donc trouver un grand avantage à échanger de nouveaux sujets qui sont resté polonais, contre une province qui fut Autrichienne et qui s'en est souvenue longtemps. Elle satisfait à la fois une vieille ambition et une juste vengeance.—L'inconvénient politique pour la France d'augmenter ainsi la masse de l'Autriche en Allemagne, est bien compensé par les innombrables avantages de ce plan, qui fixerait irrévocablement dans les mains de Votre Majesté les destinées de l'Europe. Alors serait en effet rétabli l'Empire de Charlemagne, accru et fortifié par les lumières de dix siècles; alors la Russie

нента. Этотъ планъ можетъ казаться гигантскимъ, а онъ, однако, является лишь слѣдствіемъ довѣрія, которое должны возбуждать величайшія чудеса, сотворенныя геніемъ вашего величества.

Не желая предугадывать въ данномъ случаѣ рѣшенія вашей глубокой мудрости, и каковъ бы ни былъ выборъ, сдѣланный вами среди различныхъ повергнутыхъ на ваше благовоззрѣніе плановъ, всегда останется безспорнымъ, что именно въ Польшѣ Франція найдетъ постоянно самыхъ полезныхъ союзниковъ для униженія русской державы и для спасенія Турціи и Швеціи отъ ига, угрожающаго имъ. Вотъ, гдѣ долженъ быть установленъ центръ равновѣсія сѣвера, столь необходимаго для спокойствія остальной Европы и для величія Франціи. Приходится признать, что при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ уничтоженіе бранденбургскаго дома является первымъ средствомъ къ установленію постояннаго порядка вещей. При той системѣ, которая создана событіями и побѣдами вашего величества, Пруссія стала своего рода политической несообразностью. Вестфалія и Саксонія должны замѣнить это королевство въ отношеніи вліянія, завоеваннаго для него геніемъ одного монарха; но это вліяніе должно быть раздѣлено для того, чтобы оно снова не сдѣлалось опаснымъ и не пріобрѣло слишкомъ большаго значенія, которое могло бы нарушить равновѣсіе въ пользу австрійскаго дома. Если но-

---

serait véritablement séparée de l'Europe civilisée, et l'Angleterre du continent.—Ce projet peut paraître gigantesque; il n'est pourtant que le rèsultat de la confiance que doivent inspirer de plus grands prodiges, accomplis par le génie de Votre Majesté.

Sans vouloir préjuger à cet égard les résolutions de sa profonde sagesse et quelque soit le parti qu'elle choisisse entre les différents projets qui lui sont soumis, il reste toujours démontré que c'est en Pologne que la France trouvera toujours ses plus utiles auxiliaires pour abaisser la puissance russe, et pour sauver la Turquie et la Suède du joug dont elles sont menacées. C'est là que doit être établie la balance du Nord si nécessaire au repos du reste de l'Europe et à la grandeur de la France. On est forcé de reconnaître que, dans tous les cas la ruine de la maison de Brandebourg est le premier moyen d'établir un ordre de choses inaltérable. La Prusse est devenue une espèce de superfétation politique, dans le système créé par les événements et par les triomphes de Votre Majesté.—La Westphalie et la Saxe doivent remplacer ce royaume dans l'influence que le génie d'un seul monarque lui avait acquise; mais cette influence doit être divisée pour ne plus devenir dangereuse et pour ne pas ajouter un poids trop considérable dans la balance en faveur de la maison d'Autriche. Si les

выя обязательства, которыя ваше величество готовитесь заключить съ вѣнскимъ дворомъ, приведутъ, какъ можно надѣяться, къ полному и обоюдному довѣрію между обоими правительствами, ваше величество можете сами поправить часть зла, которое ваши побѣды причинили Австріи, но мы никогда не должны терять изъ виду важность иллирійскихъ провинцій и необходимость отдалить отъ береговъ Адріатики чужеземныя владѣнія. Благоразуміе не позволяетъ усилить Австрію въ нашемъ сосѣдствѣ и снова открыть ей прямое сообщеніе съ Англіей; пусть она останется средиземной, и пусть ея честолюбіе ищетъ себѣ пищи или на сѣверѣ, или на востокѣ Венгріи, въ зависимости отъ судьбы, которую событія подготовятъ для Польши и Турціи: именно противъ Россіи она должна обратить соперничество, котораго уже не будетъ существовать болѣе между нею и Пруссіей. Подобная же политика будетъ руководить нашимъ образомъ дѣйствій по отношенію къ дрезденскому двору: саксонскій домъ долженъ сосредоточить на Польшѣ всѣ свои виды, всѣ свои силы, всѣ надежды своего честолюбія; приращенія въ Германіи (если не въ Силезіи) отвлекли бы его отъ новой роли, дѣлающей изъ него передовой постъ противъ Россіи. Ваше величество обезпечили себѣ особенное расположеніе со стороны барона Зенфта, въ настоящее время министра иностранныхъ дѣлъ въ Саксоніи.

---

nouveaux engagements que Votre Majesté va contracter avec la cour de Vienne, amènent, comme il est permis de l'espérer, une confiance entière et réciproque entre les deux gouvernements, Votre Majesté peut réparer elle-même une partie du mal que ses conquêtes ont fait à l'Autriche; mais nous ne perdrons jamais de vue l'importance des provinces illyriennes, et la nécessité d'éloigner un territoire étranger des côtes Adriatiques. La prudence ne permet pas d'augmenter les forces de l'Autriche dans notre voisinage, et de lui rouvrir des communications directes avec l'Angleterre; qu'elle reste Méditerannée, et que son ambition se dirige, soit au Nord, soit à l'Orient de la Hongrie, suivant le sort que les événements feront à la Pologne et à la Turquie: c'est contre la Russie qu'elle doit tourner une rivalité qui n'existe plus entre elle et la Prusse.

Une politique semblable dirigera notre conduite envers la cour de Dresde: c'est vers la Pologne que la maison de Saxe doit porter toutes ses vues, toutes ses forces, toutes les espérances de son ambition; des accroissements en Allemagne (si ce n'est en Silésie) l'écarteraient de sa nouvelle destination qui en fait une sentinelle avancée contre la Russie. Votre Majesté s'est assurée des dispositions particulières du baron de Senfft, aujourd'hui

Это человѣкъ выдающійся по своему просвѣщенію и по своей честности; его личное состояніе, заключающееся въ земляхъ, лежащихъ возлѣ Лейпцига, и семейныя привязанности прикрѣпляютъ его къ Германіи; онъ скорѣе боится, чѣмъ желаетъ перенесенія царствующаго дома въ Польшу, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ озаботиться, чтобы агенты Франціи въ Дрезденѣ и Варшавѣ не полагались бы всецѣло на него для развитія и расширенія нашихъ связей въ Литвѣ и русской Польшѣ. Но баронъ Зенфтъ усердно будетъ содѣйствовать войнѣ, которая возбудитъ надежду присоединить географически герцогство Варшавское къ Саксонскому королевству путемъ пріобрѣтенія Силезіи. Это излюбленная система дрезденскаго двора, который, впрочемъ, постоянно будетъ готовъ помогать Франціи, чтобы избавиться отъ несноснаго сосѣдства Пруссіи, чему уже наступила пора.

Въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго, которое рѣшитъ, долженъ ли онъ продолжать существовать, берлинскій дворъ живетъ между горькими сожалѣніями и слабыми надеждами. Онъ еще не совсѣмъ оправился отъ ошеломленія, въ которое погрузило его разрушеніе его могущества, съ такимъ трудомъ воздвигнутаго Фридрихомъ и столь неожиданно ниспровергнутаго вашимъ величествомъ. Повидимому, прусскіе министры томятся тягостнымъ сновидѣніемъ, но истощеніе ихъ финан-

---

ministre des affaires étrangères en Saxe.—C'est un homme distingué par ses lumières et sa probité; sa fortune personnelle, qui est située aux environs de Leipzig, et ses affections de famille l'attachent à l'Allemagne; il craint plus qu'il ne le désire la translation de la maison régnante en Pologne, et sous ce rapport il convient que les agents de France à Dresde et à Varsovie ne s'en rapportent pas entièrement à lui pour étendre et multiplier nos rapports dans la Lithuanie et la Pologne russe. Mais le baron de Senfft secondera vivement une guerre qui donnera l'espérance de joindre géographiquement le duché de Varsovie au royaume de Saxe par l'acquisition de la Silésie: c'est le système favori de la cour de Dresde, qui, du reste, sera toujours prête à servir la France pour se délivrer du voisinage importun de la Prusse à laquelle il est temps d'arriver.

En attendant un avenir incertain qui décidera si elle doit exister encore, la cour de Berlin vit entre des regrets amers et de faibles espérances. Elle n'est pas encore bien revenue de l'étourdissement où l'a jetée la ruine de sa puissance, élevée si péniblement par Frédéric, et si brusquement renversée par Votre Majesté. Les ministres prussiens semblent agités par un rêve pénible; mais l'épuisement de leurs finances, le déchirement de leurs provinces, l'occupation

совъ, раздробленіе ихъ провинцій, занятіе ихъ крѣпостей нашими войсками ежеминутно заставляютъ ихъ чувствовать дѣйствительность во образѣ ихъ слабости и безъ пользы предаютъ ихъ во власть ярости, возбуждаемой сосредоточенною ненавистью. Брокгаузенъ, несдержанный характеръ котораго нѣсколько разъ давалъ возможность прорваться истиннымъ чувствамъ его двора, только что замѣненъ здѣсь Круземаркомъ, болѣе благоразумнымъ и умѣреннымъ. Но министру Пруссіи уже нечего болѣе сообщать намъ: тайна ея безсилія обнаружена передъ всею Европой. Она въ тягость своимъ сосѣдямъ, въ презрѣніи у своихъ враговъ и почти безполезна для своихъ союзниковъ. Круземаркъ ничего не измѣнитъ въ ея положеніи.

Однако, напрашивается вопросъ, возбужденный предложеніями этого посредника, и который долженъ задержать насъ на мгновеніе. Въ случаѣ разрыва съ Россіей, какую пользу можетъ извлечь Франція изъ Пруссіи? Легко отвѣтить и судить объ этомъ.

Такъ какъ контрибуціи, которыя берлинскій дворъ долженъ заплатить Франціи, еще не выплачены вполнѣ, крѣпости Глогау, Кюстринъ и Штеттинъ продолжаютъ оставаться въ нашихъ рукахъ и помѣщаютъ насъ въ центрѣ страны. Даже тѣсный союзъ съ Пруссіей не доставилъ бы намъ бо̀льшихъ выгодъ и потребовалъ бы отъ насъ пожертвовать уже имѣющимися. Ея истощенная казна не располагаетъ никакими финансовыми средствами, а вспомогательныя войска, которыя она можетъ

---

de leurs forteresses par nos troupes, leur font sentir à chaque instant la réalité de leur faiblesse, et les livrent inutilement à toutes les fureurs d'une haine concentrée. M-r de Brockhausen, dont le caractère violent avait plusieurs fois laissé transpirer les véritables sentiments de sa cour, vient d'être remplacé ici par M-r de Krusemarck, plus sage et plus mesuré. Mais un ministre de Prusse n'a plus rien à nous apprendre; le secret de son impuissance est révélé à l'Europe entière. Elle est à charge à ses voisins, méprisée de ses ennemis, et à peu près inutile à ses alliés. M-r de Krusemarck ne changera point sa situation.

Cependant il se présente une question que ce négociateur fait naître par ses propositions, et qui doit nous arrêter un moment. Dans le cas d'une rupture avec la Russie, quel parti la France peut-elle tirer de la Prusse? Il est aisé de répondre et de juger.

Les contributions que la cour de Berlin doit payer à la France, n'étant pas encore entièrement acquittées, les forteresses de Glogau, de Custrin et de Stettin sont toujours dans nos mains et nous placent au centre du pays. Une alliance étroite avec la Prusse ne nous procurerait pas de plus grands avantages et nous demanderait le sacri-

поставить, не превышаютъ 30.000 человѣкъ, крайне дурно расположенныхъ къ намъ. На чемъ, къ тому же, покоился бы подобный союзъ? Или ваше величество соблаговолили бы купить вѣрность Пруссіи и возвратить ей обезпеченное существованіе на счетъ Саксоніи, Польши или Вестфаліи? Одна мысль объ этомъ представляется нелѣпостью; государства, окружающія прусскую территорію, являются для насъ союзниками, несравненно болѣе полезными и несравненно болѣе честно преданными. Какъ бы Круземаркъ ни расцвѣчивалъ намѣреній своего двора, разрушеніе котораго онъ долженъ стараться предотвратить, все-таки ясно, что мы ничего не можемъ выиграть отъ союза съ нимъ, и что, напротивъ, для насъ важно, начавъ войну съ Россіей, отбросить Пруссію по другую сторону Вислы.

Правда, ея ненависть, получивъ свободу дѣйствій, выразится безсильнымъ отчаяніемъ и, быть можетъ, дастъ Россіи нѣсколько тысячъ лишнихъ солдатъ, которыхъ ея лживая дружба къ Франціи не дала бы послѣдней. Пятьдесятъ тысячъ пруссаковъ, въ случаѣ желанія, могутъ усилить собою русскую армію. Но какую помощь, въ формѣ денегъ или запасовъ, найдетъ она между Вислою и Нѣманомъ, несмотря на вѣрность этого блуждающаго двора? Франція же, напротивъ того, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, для возбужденія ревности и увеличенія силъ

---

fice de celui-ci. Son trésor épuisé n'offre aucune ressource de finances, et les troupes auxiliaires qu'elle peut fournir n'excèdent pas 30.000 hommes, fort mal intentionnés pour nous. Quel serait d'ailleurs le lien d'une pareille alliance? Votre Majesté daignerait-elle acheter la fidélité de la Prusse et lui rendre une existence assurée, au dépens de la Saxe, de la Pologne ou de la Westphalie? L'idée seule en est absurde; les États qui environnent le territoire prussien sont pour nous des alliés bien plus utiles et bien plus loyalement dévoués. De quelque manière que M-r de Krusemarck colore les intentions de sa Cour, dont il doit chercher à prévenir la ruine, il est clair que nous n'avons rien à gagner par son alliance, et qu'il nous importe au contraire de la rejeter au delà de la Vistule, en commençant la guerre avec la Russie.

A la vérité, sa haine mise en liberté d'agir, éclatera par un désespoir impuissant, et donnera peut-être à la Russie quelques milliers d'hommes de plus que sa fausse amitié n'en donnerait à la France.

Cinquante mille Prussiens, si l'on veut, pourront grossir les armées russes. Mais quelles ressources d'argent et de munitions trouveront-elles, entre la Vistule et le Niémen, malgré la fidélité de cette cour errante? La France, au contraire, au premier coup de canon, disposera du Brandebourg, de la Poméranie et de la

своихъ союзниковъ, будетъ располагать Бранденбургомъ, Помераніей и Силезіей. Она найдетъ въ этихъ трехъ провинціяхъ, въ особенности, въ послѣдней, кой-какія еще неисчерпанныя средства и обѣщанное вознагражденіе для дворовъ, которые окажутъ ей содѣйствіе. Польша, Саксонія, Вестфалія постоянно стремятся къ этому раздѣлу, который безспорно соблазнитъ также Данію и Австрію, и который заставляетъ всѣ государства Германіи примыкать къ Франціи въ ея планахъ противъ Англіи и Россіи. Могутъ ли подобныя выгоды быть уравновѣшены жалкою помощью въ 30.000 человѣкъ, которою Пруссія купила бы свое дальнѣйшее существованіе? Къ тому же слѣдуетъ еще замѣтить, что вслѣдствіе настроенія, которое берлинскій дворъ тщательно поддерживаетъ въ умахъ своихъ подданныхъ, самые храбрые солдаты и лучшіе офицеры его войскъ присоединились бы къ французамъ лишь для того, чтобы покинуть ихъ при первомъ же случаѣ и присоединиться къ ихъ врагамъ.

И такъ, не можетъ быть никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ отъ измѣненія нашихъ теперешнихъ отношеній къ Пруссіи, и поэтому не стоитъ стараться привлечь ее на сторону Франціи и присоединить къ Рейнскому союзу: интересы ихъ слишкомъ различны, скрытая ненависть слишкомъ напряжена, а воспоминанія прошлаго слишкомъ мучительны. Но при всемъ томъ министръ вашего величества въ Берлинѣ долженъ проявлять достаточно большую бдительность. Первые признаки тайнаго

Silésie, pour exciter le zèle et augmenter la force de ses alliés. Elle trouvera dans ces trois provinces, surtout dans la dernière, quelques moyens non encore épuisés, et les indemnités promises aux cours qui seconderont ses efforts. La Pologne, la Saxe, la Westphalie provoquent chaque jour ce partage, qui tentera certainement aussi le Danemarc et l'Autriche, et qui rattache toutes les puissances d'Allemagne à la cause de la France contre l'Angleterre et la Russie. De pareils avantages peuvent-ils être balancés par un misérable secours de 30.000 hommes, avec lequel la Prusse acheterait sa conservation? Encore faut-il observer que, d'après les dispositions que la cour de Berlin cultive soigneusement dans l'esprit de ses sujets, les plus braves soldats et les meilleurs officiers de ses troupes ne se réuniraient aux Français que pour les abandonner à la première occasion et se réunir à leurs ennemis.

Il n'y a donc aucune utilité réelle à changer nos rapports actuels avec la Prusse, pour tenter de l'attacher au système de la France et de la réunir à la confédération du Rhin. Les intérêts sont trop différents, les haines cachées trop actives, et les souvenirs trop douloureux. Mais le ministre de Votre Majesté à Berlin n'en a pas moins un cercle de vigilence

сближенія между дворами лондонскимъ и петербургскимъ должны обнаружиться въ Пруссіи. Графъ де-С.-Марзанъ уже представилъ полезныя донесенія о секретныхъ сношеніяхъ англичанъ съ берегами Курляндіи, Восточной Пруссіи и Прусской Литвы. Онъ окажетъ еще болѣе важныя услуги, если ему удастся раскрыть предполагаемыя соглашенія, связующія тайнымъ образомъ петербургскій и берлинскій кабинеты, и важныя не потому, чтобы было трудно судить о видахъ и чувствахъ этихъ кабинетовъ, а потому, что такимъ образомъ можно будетъ узнать, какъ далеко зашли ихъ взаимныя обѣщанія и обязательства? Какія надежды возбудилъ императоръ Александръ, до какого времени было признано необходимымъ выжидать? Какимъ образомъ предположили обмануть министровъ вашего величества? Вотъ щекотливые вопросы, на которые графъ де-С.-Марзанъ получилъ приказаніе обратить свои разслѣдованія. Какъ только въ Лондонѣ закончится вполнѣ организація министерства Уольслея, кой-какія послѣдствія этого скажутся въ Петербургѣ и Берлинѣ: ихъ будутъ наблюдать и изучать всѣми прежними способами, къ которымъ постараются прибавить и новые. Кабинетъ прусскаго короля болѣе доступенъ, чѣмъ кабинетъ русскаго императора. Несмотря на угрозы и наказанія, распредѣленныя наугадъ и ознаменовавшія собою возвращеніе въ Берлинъ, нѣ-

---

assez étendu. Les premiers symptomes d'un rapprochement secret entre les cours de Londres et de Pétersbourg doivent se manifester en Prusse. Déjà M-r le comte de S-t Marzan a donné des avis utiles sur les communications clandestines des Anglais avec les côtes de la Courlande, de la Prusse Orientale et de la Lithuanie prussienne. Il rendra des services plus importants, s'il peut découvir les combinaisons éventuelles qui lient secrètement les cabinets de Pétersbourg et de Berlin, non qu'il soit difficile de juger de leurs vues et de leurs sentiments, mais jusqu à quel point les promesses et les engagements réciproques ont-ils été portés?— Quelle espérance a donnée l'Empereur Alexandre, quelle époque a-t-on jugé nécessaire d'attendre? Par quelles démonstrations s'est-on proposé de tromper les ministres de Votre Majesté? Tels sont les points délicats sur lesquels M-r le comte de S-t Marzan a reçu l'ordre de diriger ses recherches. Dès que l'organisation du ministère Wellesley sera complétement terminée à Londres, quelques mouvements se feront sentir à Pétersbourg et à Berlin: ils seront observés et suivis par tous les moyens anciens, auxquels on s'efforce d'en ajouter de nouveaux. Le cabinet du roi de Prusse est plus accessible que celui de l'Empereur de Russie. Malgré les menaces et les punitions dirigées au hazard, qui ont signalé le retour à Berlin, plusieurs amis de la France n'ont été ni découverts,

сколько друзей Франціи не были ни открыты, ни приведены въ уныніе. Постоянныя благодѣянія со стороны вашего величества усиливаютъ ихъ ревность, и легко предвидѣть время, когда ихъ услуги пріобрѣтутъ бо́льшее значеніе и бо́льшій кругъ дѣятельности.

Остается сдѣлать бѣглый обзоръ положенія Даніи, чтобы закончить потребованный вашимъ величествомъ общій отчетъ о политическомъ положеніи сѣверныхъ государствъ въ началѣ нынѣшняго года. Изъ всѣхъ союзниковъ Франціи въ этой части Европы Данія является единственнымъ изъ нихъ, который питаетъ по отношенію къ Англіи глубокое чувство злобы. Поэтому-то народъ, повидимому, относится къ мѣропріятіямъ, принятымъ противъ англійской торговли, съ такой же искренностью, какъ и государь, и, если исключить нѣсколькихъ купцовъ Альтоны, Тоннингена и Фленсбурга, увлеченныхъ жадностью, принесеніе въ жертву личныхъ интересовъ, привычекъ и прежнихъ удобствъ было честно выполнено датчанами. Новыя узы, связующія ваше величество съ Австріей, позволивъ вамъ направить большую часть германской арміи въ Ганноверъ и на границы Голштиніи, безспорно будутъ способствовать поддержанію въ копенгагенскомъ дворѣ добрыхъ намѣреній по отношенію къ Франціи и его приверженности къ континентальной системѣ. Однако, необходимо замѣтить при этомъ, что Англія

---

ni découragés. Les bienfaits constants de Votre Majesté ajoutent à leur zèle, et l'on peut aisément prévoir l'époque où leurs services acquerront plus d'importance et d'activité.

Il reste à jeter un coup d'oeil rapide sur le Danemarc, pour achever le compte général, demandé par Votre Majesté, sur la situation politique des États du Nord, au commencement de cette année.—De tous les alliés de la France dans cette partie de l'Europe le Danemarc est le seul qui ait contre l'Angleterre des motifs d'un ressentiment profond. Aussi la nation parait-elle d'aussi bonne foi que le Prince, dans les mesures prises contre le commerce britannique; et si l'on excepte quelques marchands d'Altona, de Tonningen et de Flensbourg, séduits par la cupidité, le sacrifice des intérêts particuliers, des usages et des anciennes commodités a été fait loyalement par tout, les sujets Danois. Les nouvelles liaisons de Votre Majesté avec l'Autriche, lui permettant de porter la plus grande partie de l'armée d'Allemagne dans le Hanovre et sur les frontières du Holstein, contribueront sans doute à maintenir la cour de Copenhague dans ses bonnes dispositions à l'égard de la France et dans son adhésion au système continental.—Il est pourtant nécessaire d'observer que l'Angleterre a déjà fait plusieurs tentatives pour adoucir les ressentiments du Danemarc. Elle a

уже сдѣлала нѣсколько попытокъ смягчить злопамятство Даніи. Она обращалась съ обитателями Исландіи и Ферейскихъ острововъ самымъ снисходительнымъ образомъ; ежедневно она отсылаетъ обратно плѣнныхъ датчанъ съ несомнѣнными знаками благоволенія; она часто входитъ въ сношенія съ самыми сѣверными портами Норвегіи, въ силу ихъ положенія выходящими изъ сферы надзора нашихъ агентовъ, и неизвѣстно, какіе совѣты могли дойти до Копенгагена этимъ путемъ. Кромѣ того, въ рукахъ Англіи находятся острова св. Креста, св. Іоанна и св. Ѳомы изъ Антильскихъ, Тринкебаръ на берегу Коромандела и всѣ датскія факторіи въ обѣихъ Индіяхъ. Торговля столицы страдаетъ отъ этой потери, и британскому министерству стоитъ лишь отдать приказаніе, чтобы утѣшить ее въ этомъ. Оно можетъ даже возвратить часть датскаго флота и спасти такимъ образомъ честь Даніи безъ всякой опасности для Англіи. Наконецъ, русскій дворъ болѣе чѣмъ въ теченіе полувѣка оказываетъ на датскій дворъ могущественное вліяніе; нашъ союзъ съ петербургскимъ кабинетомъ много способствовалъ рѣшительности образа дѣйствій Даніи противъ общаго врага. Но какъ только этотъ союзъ будетъ разорванъ, а политика новаго англійскаго министерства доставитъ Даніи какое-нибудь удовлетвореніе, въ нашемъ распоряженіи для воздѣйствія на Копенгагенъ останется лишь страхъ французской арміи,

---

traité de la manière la plus favorable les habitants de l'Islande et des îles de Féroë; chaque jour elle renvoie les prisonniers danois avec une bienveillance marquée; elle communique fréquemment avec les ports les plus septentrionnaux de la Norvége, éloignés par leur position de la surveillance de nos agents, et l'on ignore les avis qu'on a pu recevoir à Copenhague par cette voie. De plus, l'Angleterre tient en son pouvoir les îles de S-te Croix, de S-t Jean et de S-t Thomas, aux Antilles, Trinquebar, à la côte du Coromandel, et tous les établissements Danois dans les deux Indes. Le commerce de la capitale souffre de cette perte, et le ministère britannique n'a qu'à donner un ordre pour l'en consoler. Il peut même restituer une partie de la flotte danoise et sauver ainsi l'honneur du Danemarc, sans aucun danger pour l'Angleterre. Enfin la cour de Russie exerce, depuis plus d'un demisiècle, une influence puissante sur celle de Copenhague; notre alliance avec le cabinet de Pétersbourg a contribué beaucoup aux résolutions énergiques du Danemarc contre l'ennemi commun. Mais cette alliance une fois rompue, et la politique d'un nouveau ministère anglais offrant une satisfaction quelconque au Danois, il ne nous resterait pour dominer à Copenhague que la crainte d'une armée française dans les Duchés de Holstein et de Sleswig. La Russie peut balancer cette crainte par une autre. Elle peut offrir à la

расположенной въ герцогствахъ Голштинскомъ и Шлезвигскомъ. Россія можетъ уравновѣсить этотъ страхъ другимъ. Она можетъ предложить Швеціи средства овладѣть Норвегіей въ вознагражденіе за Финляндію и такимъ образомъ принудить копенгагенскій дворъ выбирать между двумя одинаковыми опасностями. Возможно, что въ такомъ случаѣ узы крови, соединяющія три королевскія вѣтви голштинскаго дома, интересы приморской и торговой столицы, сознаніе безопасности, которое можетъ пробуждать положеніе острововъ Зеландіи и Фіонін по отношенію къ государству безъ флота, сильно повліяютъ на датскій кабинетъ. И если онъ откажется сначала (что вѣроятно) присоединиться къ Россіи, по крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ потребуетъ для себя открытаго нейтралитета, несовмѣстимаго съ нынѣшней политикой Франціи, и что онъ кончитъ тѣмъ, что бросится въ объятія нашихъ враговъ.

Изъ этого очерка, основаннаго на перепискѣ министровъ вашего величества, аккредитованныхъ при сѣверныхъ дворахъ, и на секретныхъ донесеніяхъ, полученныхъ министерствомъ внѣшнихъ сношеній, видно:

1) что нашъ союзъ съ Россіей, несмотря на личный характеръ императора Александра, слѣдуетъ считать союзомъ непрочнымъ и близящимся къ своему концу;

2) что сближеніе петербургскаго и лондонскаго дворовъ, вызван-

---

Suède les moyens de s'emparer de la Norvége en dédommagement de la Finlande et forcer ainsi la cour de Copenhague à choisir entre deux périls égaux. Il serait possible que, dans ce cas, les liens du sang qui unissent les trois branches royales de la maison de Holstein, l'intérêt d'une capitale maritime et commerçante, la sécurité que peut inspirer la position des îles de Séelande et de Fionie contre une puissance sans marine, influassent fortement sur le cabinet Danois. Et s'il refusait d'abord (ce qui est probable), de se joindre à la Russie, il est au moins certain qu'il réclamerait une neutralité ouverte, incompatible avec le système actuel de la France, et qu'il finirait par se jeter entre les bras de nos ennemis.

Il résulte de ce travail, fondé sur la correspondance des ministres de Votre Majesté près les cours du Nord, et sur les rapports secrets parvenus aux Relations Extérieures:

1°) que notre alliance avec la Russie, malgré le caractère personnel de l'Empereur Alexandre doit être considérée comme précaire et touchant à sa fin.

2°) que le rapprochement des cours de Pétersbourg et de Londres,

ное различными обстоятельствами, не можетъ быть отдалено на очень долгое время и частью зависитъ отъ состава и политики новаго англійскаго министерства;

3) что на Пруссію, въ случаѣ разрыва съ Россіей, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на врага, такъ какъ для Франціи не представляетъ никакихъ выгодъ принудить ее примкнуть къ своей федеративной системѣ;

4) что Польша и Саксонія являются самыми полезными и вѣрными союзниками Франціи противъ Россіи и наиболѣе заинтересованными въ раздѣлѣ остатковъ Прусской монархіи;

5) что ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать для привлеченія къ себѣ Швеціи — путемъ-ли субсидій, путемъ ли брака съ принцессой императорской фамиліи; но нужно стараться, чтобы эти переговоры велись съ крайней осторожностью, чтобы не встревожить Россію и не ускорить ея примиренія съ Англіей и Портою до окончательнаго рѣшенія испанскаго и португальскаго вопросовъ;

6) что слѣдуетъ продолжать начатые въ Константинополѣ переговоры и прикрыть ихъ тою же завѣсою, какъ и переговоры, предложенные Швеціей, до того мгновенія, когда можно будетъ войска, занятыя въ настоящее время по ту сторону Пиринеевъ, направить въ Иллирію и на сѣверъ Германіи;

7) что имѣются основательныя надежда и средства привлечь Данію

---

provoqué par diverses circonstances, ne peut être différé très longtemps et dépend en partie de la composition et de la politique d'un nouveau ministère anglais.

3°) que dans le cas d'une rupture avec la Russie la Prusse doit être considérée comme ennemie, la France n'ayant nul intérêt à la faire entrer dans son système fédératif.

4°) que la Pologne et la Saxe sont l'allié le plus utile et fidèle de la France contre la Russie et le plus intéressé dans le partage des restes de la monarchie prussienne.

5°) qu'il ne faut rien négliger pour s'assurer de la Suède, soit par des subsides, soit même par un mariage avec une princesse de la famille Impériale; mais que cette négociation doit être conduite avec une extrême circonspection pour ne pas allarmer la Russie et précipiter sa paix avec l'Angleterre et la Porte avant la conclusion des affaires d'Espagne et de Portugal.

6°) qu'il faut suivre à Constantinople les négociations commencées et les couvrir du même voile que celles proposées par la Suède, jusqu'au moment où les troupes actuellement employées au delà des Pyrénées pourront se porter dans l'Illyrie et dans le Nord de l'Allemagne.

и Австрію въ союзъ противъ Россіи и Англіи, но что этотъ вопросъ величайшей важности долженъ быть обсужденъ отдѣльно и послѣ тѣснаго сближенія, которое предстоящій бракъ вашего величества долженъ установить между вами и вѣнскимъ дворомъ. Планъ этого союза и его послѣдствія должны быть расширены или измѣнены въ зависимости отъ образа дѣйствій, который будетъ предпочтенъ по отношенію къ Пруссіи и Польшѣ.

Возможность переговоровъ, полезныхъ или безплодныхъ, съ англійскимъ министерствомъ составитъ предметъ втораго доклада, который явится дополненіемъ настоящаго.

Выдержки изъ дипломатической переписки и переписки секретной, повергнутыя на разсмотрѣніе вашего величества, представляютъ болѣе подробностей относительно лицъ, пользующихся какимъ-нибудь вліяніемъ при сѣверныхъ дворахъ; эти подробности подтверждаютъ общія положенія и частные выводы, легшіе въ основаніе настоящаго доклада.

7°) qu'il y a l'espérance fondée et les moyens d'engager le Danemarc et l'Autriche dans une alliance contre la Russie et l'Angleterre, mais que cet objet d'un intérêt majeur doit être traité séparément et d'après les communications intimes que le mariage prochain de Votre Majesté doit établir entre elle et la cour de Vienne. Le plan de cette alliance et ses résultats devant être étendus ou modifiés selon le parti qui sera préféré relativement à la Prusse et à la Pologne.

La possibilité d'une négociation utile ou illusoire avec le ministère anglais sera l'objet d'un second travail qui complétera celui-ci.

Les extraits de la correspondance diplomatique et de la correspondance secrète mis sous les yeux de Votre Majesté présentent plus de détails sur le personnel des individus qui ont quelque influence dans les cours du Nord; ces détails confirment les assertions générales et les conjectures particulières qui font la base de ce rapport.

О прическѣ дамъ.

Ордеръ господину приставу Литейной части Навроцкому.

27 октября 1797 года.

Усмотрѣно, что существуетъ между нѣкоторыми дамами мода въ одеждѣ, а паче въ прическѣ волосъ, подъ названіемъ алагиліотинъ (à la guillotine) почему, вслѣдствіе предписанія господина военнаго губернатора графа Федора Федоровича Буксгевдена, господамъ приставамъ рекомендую жителямъ приличнымъ образомъ повѣстить, чтобъ никто въ публичныхъ собраніяхъ и обществахъ въ одеждѣ и прическѣ, называемой алагиліотинъ не находился, за чѣмъ имѣть неупускательный присмотръ. Если же кто усмотрѣнъ будетъ, то съ вѣжливостію объявя о повелѣніи, входъ въ собранія и общества запрещать и о таковыхъ доносить. Оберъ-полиціймейстеръ Муравьевъ.

Сообщилъ Д. Струковъ.

Приказъ Г. Р. Державина конторѣ графини Мусиной-Пушкиной Брюсъ.

2-го января 1802 г.

По обязательству, вмѣсто уничтоженной по обоюдному согласію ея сіятельства закладной, графу Ивеличу шесть тысячъ четыреста рублей капитальной суммы, и съ указными процентами, заплатить непременно всѣ сполна въ теченіи генваря мѣсяца сего 1802 года, и подлинное обязательство отъ графа Ивелича, по надранiи его, получить обратно. Конторщику Зарубаеву на обратной путь отправить въ Брестъ-Литовской пять сотъ рублей. Къ графинѣ Катеринѣ Яковлевнѣ для собственнаго ея содержанія отправить въ Венецію на курсъ также въ генварѣ мѣсяцѣ непременно. Будѣ не случится въ приходѣ денегъ десяти тысячъ рублей, хотя уже отослать пять тысячъ рублей, и всѣ сіи суммы записать въ расходъ.

Гавріилъ Державинъ.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1825—1826 ГОДАХЪ.

(По дневнику П. Г. Дивова).

Дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ Павелъ Гавриловичъ Дивовъ родился въ 1765 году [1]) и происходилъ изъ дворянъ Тверской губерніи, Осташевскаго уѣзда.

По окончаніи воспитанія въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, онъ, 1-го февраля 1785 года, былъ выпущенъ въ армію поручикомъ и въ мартѣ того же года опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ. Въ этомъ званіи, въ 1789 году, онъ былъ отправленъ за границу съ эскадрою вице-адмирала Козлянинова, а въ слѣдующемъ, 1790 году, былъ переведенъ на эскадру вице-адмирала Круза, на которой оставался до окончанія кампаніи противъ Швеціи, причемъ участвовалъ въ трехъ сраженіяхъ подъ Красною-Горкою и, по соединеніи ревельскаго флота съ кронштадтскимъ,—въ сраженіи въ Выборгской бухтѣ.

Пожалованный въ коллежскіе ассесоры, Дивовъ, по заключеніи мира съ Швеціею, былъ посланъ, въ сентябрѣ 1790 г., съ генералъ-маіоромъ барономъ фонъ-деръ Паленомъ въ Стокгольмъ, для поздравленія съ возстановленнымъ миромъ. Изъ Стокгольма наша миссія отправилась въ Ахенъ вслѣдъ за шведскимъ королемъ Густавомъ III, для разрѣшенія разныхъ политическихъ вопросовъ. Въ іюлѣ 1792 года Павелъ Гавриловичъ былъ вторично посланъ въ Стокгольмъ и состоялъ кавалеромъ посольства при тайномъ совѣтникѣ Дивовѣ, отправленномъ для поздравленія короля съ восшествіемъ на престолъ. Въ томъ же году, при отправленіи въ Варшаву съ посломъ графомъ Сиверсомъ, Павелъ Гавриловичъ пожалованъ въ совѣтники посольства и находился при посланникѣ до окончанія Гродненскаго сейма. Во время возмущенія въ Варшавѣ въ 1794 году П. Г. Дивовъ былъ заключенъ въ крѣпость и болѣе девяти мѣсяцевъ оставался въ заточеніи. По освобожденіи, онъ былъ пожалованъ въ канцеляріи совѣтники, получилъ награжденія 3.000 рублей и посланъ былъ генералъ-фельдмаршаломъ Суворовымъ-

[1]) Въ формулярномъ спискѣ не указанъ точно годъ рожденія, но въ спискѣ, составленномъ въ 1839 году Павелъ Гавриловичъ показанъ 74 лѣтъ.

Рымникскимъ съ особеннымъ порученіемъ въ Краковъ, а по возвращеніи въ Варшаву, въ 1895 г., Дивову поручено было отобрать весь архивъ республики Польской и библіотеку графа Залусскаго и отправить ихъ въ С.-Петербургъ. Едва Павелъ Гавриловичъ исполнилъ возложенное на него порученіе, какъ былъ посланъ опять въ Краковъ, въ качествѣ полномочнаго комиссара по дѣлу о разграниченіи между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами. По исполненіи этого порученія онъ въ 1797 г., былъ отправленъ въ Варшаву полномочнымъ комиссаромъ для разсмотрѣнія королевскихъ долговъ и бывшей республики Польской. Надо было много такта и усилій, чтобы исполнить такое порученіе съ успѣхомъ, и павелъ Гавриловичъ съумѣлъ настолько побороть всѣ препятствія, что императоръ Павелъ, довольный результатами командировки, произвелъ Дивова въ статскіе совѣтники и пожаловалъ ему 300 душъ крестьянъ въ Гродненской губерніи. Въ 1804 году Павелъ Гавриловичъ былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, а въ 1805 г. принималъ дѣятельное участіе въ составленіи записокъ и инструкцій для посольства, отправленнаго въ Китай, за что и награжденъ табакеркою съ вензелемъ государя императора. Завѣдуя съ 1805 года секретнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Дивовъ въ декабрѣ 1819 года произведенъ былъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ сенаторомъ и съ оставленіемъ при томъ же министерствѣ. Съ 1820 года, почти ежегодно, за отъѣздомъ министра за границу, Дивовъ управлялъ по высочайшимъ повелѣніямъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и сверхъ того былъ дѣятельнымъ членомъ человѣколюбиваго и медико-филантропическаго обществъ. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ въ составъ коммиссіи для разбора дѣлъ ординаціи князей Радзивиловыхъ, и въ 1835 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; Павелъ Гавриловичъ скончался въ 1841 году.

Исполняя въ теченіе своей долголѣтней службы самыя разнообразныя порученія, встрѣчаясь и переписываясь со многими лицами, П. Г. Дивовъ велъ дневникъ и оставилъ послѣ себя большое собраніе бумагъ крайне разнообразныхъ и весьма важныхъ по содержанію [1]). Въ дневникъ свой онъ вносилъ все, что видѣлъ самъ и слышалъ отъ другихъ, все что говорилось въ обществѣ и чѣмъ жили его современники.

Въ № 2 «Русской Старины» напечатана статья Н. К. Шильдера «Междуцарствіе въ Россіи». Въ ней изложены событія и жизнь общества на основаніи оффиціальныхъ данныхъ. Здѣсь же мы предлагаемъ вниманію читателя разсказъ посторонняго наблюдателя всего того, что происходило въ Петербургѣ въ 1825—1826 годахъ. Ред.

---

[1]) Какъ дневникъ, такъ и большинство рукописей П. Г. Дивова писаны по французски.

Дневникъ П. Г. Дивова.

1825 годъ.

27-го ноября. При дворѣ получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра I, послѣдовавшей въ Таганрогѣ 19-го ноября въ 11 ч. 50 м. утра. Это извѣстіе было получено въ тотъ моментъ, когда начали служить молебствіе о здравіи покойнаго императора. Великій князь Николай Павловичъ велѣлъ остановить молебствіе, и надежда, которую всѣ еще питали, смѣнилась печалью и унынiемъ. Въ чрезвычайномъ собраніи Государственнаго Совѣта, несмотря на возраженія со стороны нѣкоторыхъ лицъ, было рѣшено вскрыть духовное завѣщаніе покойнаго государя. Государственный Совѣтъ увидавъ, что наслѣдникомъ престола назначенъ великій князь Николай Павловичъ и что имѣется отреченіе отъ престола великаго князя Константина Павловича, говорятъ, трижды предлагалъ великому князю вступить на престолъ, но онъ благоразумно отказался отъ него и первый присягнулъ своему брату, Константину, какъ законному наслѣднику престола. Его примѣру послѣдовалъ Государственный Совѣтъ, равно какъ и нѣкоторыя другія лица, случайно бывшія въ этотъ моментъ во дворцѣ; къ $3^1/_2$ часамъ исполнили этотъ долгъ и всѣ войска, находившіяся въ Петербургѣ.

Такъ какъ извѣстіе о кончинѣ императора было получено въ пятницу, то въ этотъ день происходило общее собраніе правительствующаго сената. Министръ юстиціи, князь Лобановъ, прибывъ въ собраніе, объявилъ печальное извѣстіе и предложилъ намъ присягнуть законному наслѣднику престола Константину I. Сенатъ въ полномъ составѣ отправился въ сенатскую церковь, принесъ обычную присягу и, возвратясь въ залу засѣданій, постановилъ разослать немедленно по всей имперіи указы о присягѣ новому императору. Въ тотъ же вечеръ его величеству было послано донесеніе обо всемъ происшедшемъ.

По этому поводу возникъ споръ объ отправкѣ съ этимъ извѣстіемъ сенатора; это предложеніе было сдѣлано Егоромъ Андреевичемъ Кушелевымъ, но съ нимъ никто не согласился. Я ему замѣтилъ, что такъ какъ извѣстіе о кончинѣ императора было сообщено сенату оберъ-прокуроромъ, то только ему можетъ быть предоставленъ и выборъ того лица, съ коимъ донесеніе о присягѣ будетъ послано императору. Не знаю какъ приметъ новый монархъ извѣстіе о своемъ вступленіи на престолъ, но полагаю, что, узнавъ подробно все происшедшее, онъ припомнитъ это

тому или тѣмъ, кто вскрылъ завѣщаніе и трижды предлагалъ престолъ его брату Николаю.

Мой зять, генералъ Стрекаловъ былъ посланъ по приказанію графа Милорадовича въ Царское Село и Стрѣльну, чтобы опечатать кабинеты императора Александра I. Его сопровождалъ камердинеръ покойнаго государя Воробьевъ.

О томъ, какимъ образомъ Константинъ Павловичъ былъ объявленъ Государственнымъ Совѣтомъ императоромъ, разсказываютъ во всеуслышаніе слѣдующее.

Собравшіеся члены Совѣта начали совѣщаться относительно пакета, оставленнаго на храненіе въ Государственномъ Совѣтѣ императоромъ Александромъ. Одни были того мнѣнія, что приличнѣе не вскрывать его, а другіе настаивали на противномъ. Графъ Милорадовичъ пошелъ узнать мнѣніе великаго князя Николая Павловича, который объявилъ, что ему извѣстно содержаніе пакета и что онъ не видитъ надобности вскрывать его; но князь Александръ Голицынъ настаивалъ на томъ. Тогда министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ замѣтилъ, что быть можетъ этотъ актъ по своему смыслу противорѣчитъ только что принесенной присягѣ. Надо замѣтить, что два члена Совѣта, графъ Литта и комендантъ крѣпости Сукинъ уже присягнули Константину. Наконецъ, послѣ долгихъ преній рѣшились вскрыть пакетъ на томъ основаніи, что на немъ было надписано, что его слѣдуетъ вскрыть въ случаѣ кончины императора. По прочтеніи этого акта оказалось, что покойный императоръ назначилъ своимъ преемникомъ великаго князя Николая Павловича и что къ этому акту было приложено отреченіе отъ престола великаго князя Константина Павловича. Эта ложная мѣра, какъ и слѣдовало ожидать, поставила Совѣтъ въ величайшее затрудненіе. Князь Голицынъ предложилъ великому князю прочитать этотъ актъ и удостоился, какъ говорятъ, отъ него знаковъ особаго благоволенія. Слава Богу, что этотъ пакетъ не былъ вскрытъ сенатомъ, но по этому случаю нѣкоторые упрекали министра юстиціи.

Въ городѣ ходятъ разные толки по поводу того какъ это извѣстіе было принято при дворѣ, но по всему замѣтно, что страсти сильно разъигрались какъ между сторонниками великаго князя Николая Павловича, такъ и между приверженцами императора Константина. Первые надѣялись, что Константинъ откажется отъ престола, а благонамѣренные люди со страхомъ думали о томъ, какія это можетъ имѣть послѣдствія.

Обстоятельства, ознаменовавшія восшествіе на престолъ Константина I, даютъ поводъ ко всевозможнымъ предположеніямъ, въ коихъ довольно трудно разобраться.

Его брату, покойному императору Александру, вѣроятно, удалось добиться его отреченія отъ всероссійскаго престола не иначе, какъ путемъ

какихъ либо уступокъ желаніямъ Константина. Ежели причиною этого отреченія былъ его бракъ съ дѣвицей польскаго происхожденія, получившей титулъ княгини Ловичъ, то изъ этого слѣдуетъ, что было крайне неосмотрительно и неудобно разрѣшать ему столь продолжительное пребываніе въ Варшавѣ и дозволить организовывать эту страну такъ, какъ онъ ее организовалъ. Съ другой стороны, могъ ли онъ (императоръ Александръ), основываясь на этомъ вынужденномъ отреченіи назначить наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича? Развѣ онъ не предвидѣлъ естественныхъ послѣдствій этого страннаго распоряженія, т. е. раздробленія имперіи? Ежели онъ сколько нибудь любилъ свое отечество, которое дало ему въ 1812 г. такія неоспоримыя доказательства своей преданности, то какимъ же образомъ могъ онъ хладнокровно подвергнуть Россію опасности междоусобной войны? Между тѣмъ это былъ государь чрезвычайно добрый, и никакъ нельзя допустить, чтобы имъ руководилъ такой странный эгоизмъ. Слѣдовательно разгадку всего этого слѣдуетъ искать въ особенностяхъ его характера.

Я полагаю, что причиною болѣзни, такъ быстро унесшей его въ могилу во время его пребыванія въ Таганрогѣ, было затруднительное положеніе, въ какомъ находились дѣла внутренняго и внѣшняго управленія. Прослѣдивъ всѣ событія этого царствованія, что̀ мы видимъ? Полное разстройство внутренняго управленія, утрата Россіей ея вліянія въ сферѣ международныхъ сношеній и отсутствіе какихъ либо существенныхъ пріобрѣтеній для государства въ будущемъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что во всѣхъ отрасляхъ администраціи накопилась такая масса горючаго матеріала, что онъ можетъ ежеминутно воспламениться. Исаакіевская церковь, въ ея теперешнемъ разрушенномъ состояніи, представляетъ точное подобіе правительства; ее разрушили, намѣреваясь на старомъ основаніи воздвигнуть новый храмъ изъ массы новаго матеріала и все это съ цѣлью сохранить частицу жалкаго зданія изъ мрамора. Это потребовало огромныхъ затратъ, но постройку пришлось пріостановить, когда почувствовали какъ опасно воздвигать зданіе, не имѣя строго выработаннаго плана. Точно такъ-же идутъ и государственныя дѣла: нѣтъ опредѣленнаго плана, все дѣлается въ видѣ опыта, на пробу, всѣ блуждаютъ въ потьмахъ; разрушено все, что было хорошаго и прекраснаго и замѣнено пагубными новшествами, которыя зачастую оказываются черезчуръ сложны и совершенно неудобоисполнимы. Генералъ-губернаторамъ даютъ въ управленіе по 5-ти губерній, тогда какъ ни одно изъ назначенныхъ на эту должность лицъ не въ состояніи управлять и одной губерніей. Содержатъ милліонъ войска и даютъ унижать себя и кому же?—туркамъ! а почему? потому что боятся затронуть принципъ легитимизма. Неужели не видятъ опасности, угрожающей намъ отъ размноженія сектъ, отъ расшатанности всѣхъ нравственныхъ устоевъ и

отъ униженія всего, что нѣкогда имѣло вѣсъ и значеніе въ глазахъ людей. Судопроизводство парализовано различными учрежденіями, имѣющими характеръ законодательный; между тѣмъ эти учрежденія, проникнутыя духомъ якобинства, возбудили всеобщую ненависть. Объяснить всѣ эти несообразности довольно трудно; ихъ можно только понять до нѣкоторой степени, допустивъ, что онѣ происходили отъ особенностей характера Александра I.

3-го декабря. Великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ изъ Варшавы, но пока еще ничего не выяснилось. Извѣстно только, что императоръ Константинъ велѣлъ пустить себѣ кровь и удалился въ свои покои, приказавъ никого не допускать къ себѣ. Также изъ Москвы есть извѣстіе, что князь Голицынъ[1]), получивъ увѣдомленіе о кончинѣ императора, ожидалъ семь дней извѣстій изъ Петербурга и былъ настолько уменъ, чтобы не вскрыть духовнаго завѣщанія, несмотря на всѣ настоянія митрополита Филарета.

4-го декабря. Въ общемъ собраніи сената, происходившемъ въ этотъ день, Дмитрій Сергѣевичъ Ланской предложилъ сенату объявить подписку на сооруженіе памятника Александру I. Онъ прочелъ свое предложеніе въ замѣшательствѣ. Когда онъ окончилъ чтеніе, въ залѣ водворилось глубокое молчаніе. Ланской удалился, а собравшіеся начали подавать свое мнѣніе. Почти всѣ присоединились къ его предложенію, только была измѣнена надпись на памятникѣ. Онъ предлагалъ: «Благословенному Александру I народъ»; это было замѣнено словами: «Александру I Россія». Все это должно быть представлено на высочайшее утвержденіе.

5-е декабря. Аракчеевъ вновь вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Удивительно, что этотъ человѣкъ, потерявшій голову когда умерла его экономка и любовница, выказалъ полнѣйшее равнодушіе по случаю кончины своего друга, императора Александра I (который называлъ его постоянно этимъ, весьма мало имъ заслуженнымъ именемъ).

Въ столицу вернулся Магницкій, интриганъ, бывшій попечителемъ Казанскаго университета и пользовавшійся поддержкою Аракчеева. Милорадовичъ приказалъ ему выѣхать изъ города.

Великій князь Михаилъ уѣхалъ въ Варшаву, какъ сказано въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ, по желанію своей матери, съ успокоительными вѣстями объ ея здоровьи. Слѣдовательно пріѣзда императора нельзя ожидать ранѣе 22-го или 24-го числа сего мѣсяца. Это странное отношеніе къ народу непостижимо.

6-е декабря. День св. Николая чудотворца вызываетъ на умъ воспоминаніе о блестящей эпохѣ царствованія Екатерины II. Кто бы могъ подумать, что съ этимъ именемъ будутъ связаны когда-либо опасенія.

---

[1]) Московскій генералъ-губернаторъ.

Допустивъ, что императоръ Константинъ пожелаетъ отречься отъ русскаго престола, естественно приходитъ на умъ, какая будетъ дальнѣйшая судьба этого императора, а равно—имѣетъ ли право и можетъ ли естественный его преемникъ согласиться на уступки, которыя несомнѣнно были бы пагубны для имперіи. Никакое раздробленіе Россіи не можетъ быть допущено..[1]) Въ состояніи ли Николай Павловичъ объявить, что онъ не допуститъ раздробленія имперіи? Видите, въ какое ужасное положеніе будетъ повергнута имперія вслѣдствіе необдуманнаго поступка покойнаго государя.

Говорятъ, будто великій князь Михаилъ Павловичъ не присягалъ еще новому императору, или присягнулъ ему тайно. Къ чему распространяютъ подобные слухи? Это доказываетъ, что страсти разыгрались, что кто нибудь изъ придворныхъ интригановъ хотѣлъ бы поддержать слухъ объ устраненіи Константина отъ престола и возвести на него Николая, коимъ они надѣются управлять по желанію, преслѣдуя свои разрушительныя цѣли изъ фанатизма, овладѣвшаго мистиками. Эта гнусная язва подтачивала послѣдніе 15-ть лѣтъ царствованія Александра и вконецъ потрясла бы основы государства, если бы его царствованіе продолжилось еще лѣтъ пять. Поборники православія, боровшіеся съ этою язвою,—такіе же фанатики, которые сбивали съ толку Александра. Онъ лавировалъ между этими подводными камнями, въ существованіи которыхъ онъ самъ былъ виноватъ, и не въ силахъ былъ выйти на истинный путь.

10-е декабря. Графъ Нессельроде пригласилъ меня къ себѣ и попросилъ доставить ему документы съ извѣщеніемъ о кончинѣ императора и о восшествіи на престолъ его преемника, которые были разосланы по случаю кончины Павла I. Затѣмъ разговоръ коснулся текущихъ событій.

— Существуетъ еще одно весьма затруднительное обстоятельство, сказалъ я,—а именно, въ случаѣ отреченія Константина: 1) гдѣ будетъ его мѣстопребываніе и 2) какой будетъ его титулъ, ибо онъ сдѣлается частнымъ человѣкомъ и, отказавшись отъ престола, не можетъ управлять ни по гражданской, ни по военной части.

Графъ видимо раздѣлялъ мое мнѣніе. Наконецъ я сказалъ, пожимая его руку:

— Надѣюсь, мы васъ не лишимся.

— Богъ знаетъ,—отвѣчалъ онъ,—что съ нами будетъ.

13-е декабря. Госпожа Клейнмихель сообщила мнѣ, что графъ Аракчеевъ бываетъ по вечерамъ у великаго князя Николая Павловича и у императрицы. Она спросила, какъ я думаю, удержится ли графъ при

[1]) Точки въ подлинникѣ.

новомъ царствованіи? Я отвѣчалъ утвердительно, основываясь на томъ, что онъ пользовался уваженіемъ императоровъ Павла и Александра.

14-е декабря. Въ ночь съ 13-го на 14-е декабря пріѣхалъ изъ Варшавы великій князь Михаилъ Павловичъ съ извѣстіемъ объ отреченіи Константина отъ престола. Въ 7 часовъ утра было приказано собраться сенату, коему былъ прочитанъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая I съ титуломъ императора всероссійскаго, короля польскаго и великаго князя финляндскаго. Также была прочитана переписка обоихъ братьевъ относительно престолонаслѣдія, окончившаяся отреченіемъ Константина. Затѣмъ всѣ отправились въ сенатскую церковь и присягнули императору Николаю I и его сыну Александру, какъ наслѣднику престола. Я пріѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ, но вторымъ присягнулъ новому императору. Любопытно знать, какимъ титуломъ будетъ именоваться Константинъ Павловичъ: императорскимъ величествомъ или императорскимъ высочествомъ? Признаюсь, я не думалъ, что у Константина Павловича хватитъ характера отказаться отъ престола. Онъ не разъ порадуется этому со временемъ, въ особенности въ виду разстройства, въ какомъ оказались дѣла внутренняго управленія послѣ кончины Александра I.

Увидимъ, каковы будутъ первыя дѣйствія новаго императора. Лишь бы не усилился мистицизмъ, и войска остались ему вѣрными.

14-го декабря, въ день восшествія на престолъ императора Николая I, намъ было приказано собраться во дворецъ къ 2-мъ часамъ. Я пріѣхалъ въ половинѣ втораго и засталъ во дворцѣ большинство сенаторовъ и членовъ Государственнаго Совѣта, но около двухъ часовъ въ залахъ дворца было замѣтно волненіе, свидѣтельствовавшее о какомъ либо происшествіи: вскорѣ всѣ громко стали передавать другъ другу вѣсть о возмущеніи двухъ батальоновъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Они явились на Сенатскую площадь, построили батальонъ въ каре и упорно отказывались присягнуть тому, кто послѣ отреченія Константина былъ ихъ законнымъ императоромъ, утверждая, что считаютъ законнымъ монархомъ Константина. Императоръ Николай I старался всевозможными мѣрами кротости вернуть ихъ къ исполненію долга, но все было напрасно. Наконецъ, около пяти часовъ онъ приказалъ стрѣлять картечью, которой мятежники были разсѣяны; ихъ преслѣдовала конная-гвардія. Митрополита также просили усмирить мятежниковъ; но это ему не удалось точно такъ-же какъ и другимъ преданнымъ слугамъ законнаго правительства. Генералъ-губернатора Милорадовича постигло несчастье; ему была нанесена смертельная рана, какъ говорятъ штыкомъ. [1]) Генералъ Фредериксъ раненъ однимъ изъ заговорщиковъ, офи-

[1]) Это не вѣрно, онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета. Ред.

церомъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, саблею по головѣ; квартирмейстеръ Александровъ убитъ на-повалъ такъ-же какъ и нѣкоторые другіе офицеры, фамиліи коихъ неизвѣстны. Около 200 человѣкъ заговорщиковъ убито или ранено картечью; нѣсколько солдатъ Семеновскаго полка также убито или ранено бунтовщиками. Виновниками всѣхъ этихъ несчастій называютъ слѣдующихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ заговора: оберъ-офицеровъ князя Щепина-Ростовскаго, Бестужева, Якубовича, которые будто бы уже арестованы. Я горюю объ императорѣ; онъ не заслужилъ подобнаго несчастья въ день своего восшествія на престолъ, которое совершилось вполнѣ законнымъ образомъ, должно было соотвѣтствовать желаніямъ народа и представляло въ лѣтописяхъ исторіи изумительный и единственный доблестный примѣръ величайшей добродѣтели. Дай Богъ, чтобы онъ не возненавидѣлъ людей и отдалъ бы справедливость преданности истинно добрыхъ-русскихъ.

Молебствіе, отслуженное по случаю восшествія на престолъ, было сокращено и продолжалось минутъ 5 или 10 не болѣе; многолѣтіе было провозглашено только императору Николаю. Меня особенно поразило то обстоятельство, что болѣе 60 дамъ сохраняли полное спокойствіе среди всеобщей сумятицы; это объясняется вѣроятно тѣмъ, что имъ не было извѣстно о существованіи опасности.

Императоръ шелъ на молебствіе подъ руку съ императрицею, своей супругой. Вдовствующая государыня на молебнѣ не присутствовала.

15-го декабря. Передъ дворцомъ и сенатомъ всю ночь находились патрули и стояли бивуакомъ войска. Часу въ одиннадцатомъ ко мнѣ заѣхалъ мой зять, генералъ-адъютантъ Стрекаловъ. Я поздравилъ его съ производствомъ и узналъ отъ него, что главными заговорщиками и виновниками мятежа въ нѣсколькихъ полкахъ были: полковникъ князь Трубецкой, зять графа Лаваля, въ домѣ котораго происходили собранія заговорщиковъ, бывшій вице-губернаторъ Горскій, князь Оболенскій адъютантъ Дибича, четыре брата Бестужевы, служившіе въ разныхъ полкахъ и князь Щепинъ-Ростовскій и что всѣ они арестованы въ ночь съ 14-го на 15-е число и отвезены въ крѣпость; наконецъ, что бунтовавшіе солдаты съ отчаянія плачутъ въ казармахъ и что во время бунта замѣчено много статскихъ, стрѣлявшихъ изъ пистолетовъ; однимъ изъ нихъ убитъ Милорадовичъ. [1])

Обсуждая вопросъ о заговорѣ, составленномъ вышеупомянутыми лицами при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ, невольно удивляешься тому, что такого незаконнаго и совершенно ничтожнаго повода было доста-

[1]) Авторъ дневника писалъ по слухамъ, и потому многое оказалось невѣрнымъ съ дѣйствительностью. Тѣмъ не менѣе дневникъ этотъ даетъ намъ прекрасную картину тѣхъ впечатлѣній, которыми жило общество. Ред.

точно, чтобы затѣять столь легкомысленно переворотъ. Вѣроятно это былъ только предлогъ, коимъ замаскированъ якобинскій замыселъ, созрѣвшій въ этихъ сумасбродныхъ головахъ. Не малую роль при этомъ играли, безъ сомнѣнія, подстрекательства иностранцевъ, что доказываютъ знакомства офицеровъ гвардейскаго экипажа съ этими негодяями, которые давали имъ читать сочиненія о свободѣ и т. п. Ужасная картина рисуется, когда подумаешь, какія послѣдствія могъ имѣть заговоръ, ежели бы къ зачинщикамъ мятежа присоединилось большое количество войска.

16-го декабря. Обнародовано письмо великаго князя Константина Павловича къ министру юстиціи, князю Лобанову, которымъ онъ извѣщаетъ его, что имъ получено съ г. Никитинымъ не принадлежащее ему донесеніе, адресованное на имя его императорскаго величества; далѣе онъ говоритъ, что сенатъ, какъ блюститель закона, не долженъ бы забывать смысла императорской присяги, въ которой говорится, что присягаютъ государю и наслѣднику, коего онъ назначитъ, а такъ какъ покойный государь оставилъ на храненіе въ сенатѣ актъ такого же содержанія, какой былъ вскрытъ въ Совѣтѣ, то и сенату слѣдовало поступить точно такъ же. Въ заключеніе онъ подвердилъ еще разъ свое отреченіе отъ престола и благодарилъ сенатъ за участіе, выказанное къ его особѣ [1]). Это письмо имѣло гораздо болѣе значенія, нежели манифестъ и всѣ приложенія къ нему. Напрасно его не обнародовали до катастрофы 14-го числа. Это лучше всего убѣдило бы тѣхъ, кто питалъ какія-либо сомнѣнія, и не дало бы возможности заговорщикамъ-якобинцамъ воспользоваться невѣдѣніемъ войскъ.

17-го и 18-го декабря. Описаніе злополучнаго событія 14-го числа напечатано на русскомъ и французскомъ языкахъ. Редакція его безупречна; не знаю, на какомъ основаніи сенату воспрещена продажа печатнаго текста письма великаго князя Константина Павловича къ министру юстиціи.

Я узналъ 17-го числа, что присяга въ военныхъ поселеніяхъ обошлась благополучно; весьма благоразумно, что это не было поручено ни графу Аракчееву, ни Клейнмихелю. Приведеніе поселянъ къ присягѣ было возложено на моего зятя генерала Стрекалова, который отправился въ военныя поселенія 15-го числа, а 17-го вернулся обратно.

Я слышалъ, между прочимъ, странный анекдотъ о полковникѣ Булатовѣ, командовавшемъ Егерскимъ полкомъ въ Финляндіи. Онъ явился 15-го числа во дворецъ, потребовалъ, чтобы его допустили къ императору, и объявилъ, въ присутствіи 25 человѣкъ, что онъ былъ 14-го числа во время мятежа подлѣ его величества вооруженный двумя пистолетами и кинжаломъ.

---

[1]) См. также „Рус. Стар.“ 1897 г. № 2. стр. 216.

— Теперь дѣлайте со мною, что̀ хотите (сказалъ онъ), но я имѣю вамъ сдѣлать секретныя сообщенія.

Императоръ прошелъ въ сосѣднее зало вмѣстѣ со своимъ братомъ Михаиломъ, гдѣ Булатовъ сообщилъ имъ, что имѣлъ сказать. Это осталось тайною.

19-го декабря. Я слышалъ, что вдовствующая императрица писала своему сыну Константину, совѣтуя ему пріѣхать лично въ Петербургъ, чтобы подтвердить свое отреченіе отъ престола, а великій князь отвѣчалъ, что было бы слишкомъ много требовать отъ него, чтобы онъ собственноручно возвелъ своего брата на престолъ.

Многіе осуждали Милорадовича за то, что онъ поступалъ непредусмотрительно, и приписывали ему всѣ бѣдствія несчастнаго событія 14-го декабря. Я узналъ также, что мой племянникъ Василій оказался виновнѣе, нежели думали вначалѣ. Надобно полагать, что онъ сбитъ съ толку чтеніемъ какихъ-либо запрещенныхъ книгъ и пересталъ окончательно бывать у меня для того, чтобы свободнѣе предаться своимъ нелѣпымъ либеральнымъ идеямъ.

Говорятъ также, будто заговорщики намѣревались 13-го числа посягнуть на жизнь императорской фамиліи, такъ какъ одинъ изъ нихъ, конногвардеецъ, князь Одоевскій, занималъ въ этотъ день караулъ во дворцѣ, но прочіе заговорщики предпочли привести свой ужасный замыселъ въ исполненіе среди бѣла дня.

20-го декабря. Мнѣ передавали также, какъ былъ принятъ Константиномъ прокуроръ Никитинъ, посланный съ донесеніемъ сената о принесеніи ему присяги. По разсказамъ, онъ пріѣхалъ (въ Варшаву) вечеромъ, въ десятомъ часу.—Великій князь приказалъ ему сначала отдохнуть въ одной изъ комнатъ его дворца, куда его и отвели.—На слѣдующій день онъ былъ допущенъ на аудіенцію въ десятомъ часу утра, въ дорожномъ костюмѣ, засталъ въ сборѣ важнѣйшихъ сановниковъ, которые были въ мундирахъ при шарфахъ точно такъ-же какъ и великій князь. Послѣдній объявилъ въ ихъ присутствіи, что онъ отрекся отъ престола и не можетъ принять донесенія съ титуломъ императорскаго величества, который ему не принадлежитъ; что онъ не можетъ вступить на престолъ по тремъ причинамъ: 1) вслѣдствіе своего развода, 2) по причинѣ своего брака и 3) вслѣдствіе одной тайны, которую онъ не можетъ открыть. Тотъ же Никитинъ разсказываетъ, что поляки носили его на рукахъ по пути въ Варшаву; когда же разнеслась вѣсть объ отреченіи цесаревича, то они плакали не стѣсняясь. Сегодня вечеромъ ожидали извѣстій изъ Москвы, гдѣ должны быть произведены аресты—на основаній разоблаченій, обнаруженныхъ при разсмотрѣніи бумагъ заговорщиковъ. Опасались извѣстій изъ 2-й арміи, но въ 1-ой арміи повидимому были вполнѣ увѣрены.

*

21-го декабря. Сегодня хоронили графа Милорадовича. Тѣло его стояло въ Казанскомъ соборѣ, а оттуда перевезено для отпѣванія и погребенія въ Невскую-Лавру. На похоронахъ присутствовалъ императоръ и его братъ Михаилъ. Все обошлось какъ слѣдуетъ; только при выходѣ изъ собора дипломатическій корпусъ былъ немного стѣсненъ народомъ, который спѣшилъ выйти изъ церкви.

22-го декабря. Получено извѣстіе, что штабъ 1-ой арміи присягнулъ императору. Московское дворянство поднесло графу Комаровскому, за привезенное имъ извѣстіе, шкатулку съ 20 тысячами рублей, а купечество поднесло ему серебряную вазу съ 1.000 рублями. Приверженцы иллюминатовъ превозносятъ до небесъ поведеніе митрополита Филарета, ихъ сторонника и креатуру, за то, что онъ приступилъ съ церемоніей къ вскрытію подлиннаго завѣщанія императора Александра, хранившагося въ Успенскомъ соборѣ.

Несмотря на столь благополучныя извѣстія, Петербургъ находится въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Видимо, опасаются новой вспышки. Надзоръ учрежденъ весьма бдительный, но слишкомъ явный; слѣдовало бы дѣйствовать болѣе тайно, чтобы это было не такъ замѣтно. Въ арсеналѣ изготовили нѣсколько зарядовъ съ картечью. Признаюсь, такое положеніе вещей огорчаетъ меня тѣмъ болѣе, что аресты продолжаются. Даже внукъ знаменитаго Суворова замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ [1]). Говорятъ, что императоръ работаетъ 14 часовъ въ сутки.

25-го декабря. Въ этотъ день при дворѣ былъ выходъ. Императоръ присутствовалъ на литургіи съ императрицей, своей супругою, безъ матери. Царедворцы были недовольны его мрачнымъ видомъ. Ходятъ всевозможные разсказы о разныхъ выдающихся личностяхъ, замѣшанныхъ въ преступномъ заговорѣ. Называютъ графа Воронцова и сына князя Лопухина. Говорятъ, что командиръ Конногвардейскаго полка Орловъ возведенъ въ графское достоинство для отличія его отъ брата Михаила, который сильно скомпрометированъ. Генералы Бенкендорфъ и Комаровскій получили Александра Невскаго; Голицынъ получилъ Андреевскую ленту. Говорятъ, что тѣло покойнаго императора прибудетъ въ Петербургъ къ 25-му февраля.

Я слышалъ, что разбирательство дѣла, нарушившаго общественное спокойствіе 14-го декабря, возложено на князя Голицына (Александра) и генерала Левашева.

Обнародовано письмо великаго князя отъ 20-го декабря, изъ Варшавы, служащее отвѣтомъ на императорскій рескриптъ, коимъ онъ былъ извѣщенъ о вступленіи Николая Павловича на престолъ. Въ этомъ письмѣ, написанномъ чрезвычайно напыщеннымъ слогомъ, Констан-

[1]) См. „Рус. Стар.“ 1896 г. № 6. стр. 458.

тинъ говоритъ, что «его величество (Николай) послѣдовалъ волѣ покойнаго императора» и что, «споспѣшествуя со своей стороны исполненію этой воли», онъ «исполнилъ только долгъ свой, долгъ вѣрнѣйшаго подданнаго, преданнѣйшаго брата, долгъ россіянина, гордящагося счастіемъ повиноваться Богу и государю.

«Милосердіе всемогущаго Творца, столь пекущееся о Россіи и величественномъ престолѣ ея, столь обильно изліявшее всѣ благости на народъ, сохранившій законъ его, будетъ вождемъ, будетъ наставникомъ вашимъ, всемилостивѣйшій государь!»

Далѣе, онъ предлагалъ свои услуги, чтобы облегчить бремя правленія, и кончилъ письмо пожеланіемъ долгоденствія императору и чтобы его слава переходила въ роды родовъ.

Повидимому, всѣ были въ восторгѣ отъ этого письма; мнѣ кажется, что оно было обнародовано съ цѣлью показать людямъ недоброжелательнымъ и войску, что Константинъ признаетъ своего брата законнымъ монархомъ, каковымъ онъ и есть въ дѣйствительности, послѣ всего случившагося.

Въ ночь съ 25-го на 26-го арестованъ прокуроръ нашего 3-го департамента Краснокутскій, бывшій полковникъ въ одномъ изъ полковъ второй арміи, расположенной въ южныхъ губерніяхъ. Я видѣлъ этого прокурора нѣсколько дней передъ тѣмъ въ сенатѣ; онъ былъ чрезвычайно мраченъ, что возбудило во мнѣ подозрѣніе насчетъ его участія въ заговорѣ; вѣроятно онъ зналъ, что его подозрѣваютъ.

27-го декабря. Я посѣтилъ статсъ-секретаря Кикина; у него толковали о томъ, о семъ, но я видѣлъ, что эти люди не оставили мысли погубить князя Голицына (Александра), покровителя иллюминатовъ, какъ они его называютъ. Отзывались также весьма неодобрительно о графѣ Кочубеѣ, намекая на то, что и онъ принадлежитъ къ партіи, стремящейся разрушить существующій порядокъ. Отъ Кикина я отправился къ министру юстиціи, князю Лобанову, который сообщилъ мнѣ, что онъ арестовалъ Краснокутскаго и что этотъ прокуроръ призналъ себя виновнымъ въ замыслѣ, имѣвшемъ цѣлью возмутить вторую армію.

Говоря о производимомъ по этому дѣлу слѣдствіи и зная, что князь былъ невысокаго мнѣнія о военномъ министрѣ Татищевѣ, которому поручена эта печальная обязанность, я позволилъ себѣ высказать сожалѣніе по поводу того, что слѣдствіе по этому заговору не было возложено на него. Онъ отвѣчалъ съ величайшей поспѣшностью, что дѣло не можетъ быть въ лучшихъ рукахъ, ибо императоръ лично присутствуетъ при допросахъ; отозвался съ большою похвалою объ умѣ императора, объ его желаніи, чтобы все дѣлалось какъ слѣдуетъ, но высказалъ опасеніе, какъ бы столь усиленная дѣятельность

не повредила его здоровью. Затѣмъ онъ сказалъ, что государь очень внимателенъ къ старымъ слугамъ; на что я отвѣчалъ:

— Горе монарху, который не съумѣетъ отдать справедливость такимъ прекраснымъ и преданнымъ слугамъ какъ онъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Лобановъ прочелъ мнѣ записку отъ императора, который приглашалъ его заѣхать къ нему часу въ одиннадцатомъ вечера. Записка эта была написана въ такомъ тонѣ, какъ будто императоръ не приказывалъ, а совѣтывался съ княземъ Лобановымъ и просилъ его пріѣхать въ этотъ поздній часъ, предоставляя на его собственное усмотрѣніе пріѣхать или нѣтъ. Князь, равно какъ и всѣ остальные, въ восторгѣ отъ того, что для преобразованія флота выборъ палъ на адмирала Сенявина; онъ высказалъ по этому случаю, что покойнаго государя обманули, желая добиться назначенія Моллера, на дочери котораго женился статсъ-секретарь Муравьевъ, и что это человѣкъ неспособный.

30-го декабря. За мною прислалъ графа Нессельроде. Онъ передалъ мнѣ связку писемъ на польскомъ языкѣ, найденныхъ въ бумагахъ заговорщиковъ Рылѣева, Лаппа-Горскаго и присланныхъ, кажется, отъ императора, поручивъ мнѣ составить имъ списокъ и сдѣлать изъ нихъ выдержки. Я сказалъ, что это будетъ готово завтра. Онъ отвѣчалъ, что это не къ спѣху

— Все равно, сказалъ я.—Я не люблю мѣшкать и примусь за работу тотчасъ.

Дѣйствительно, хотя въ пакетѣ было около 80 писемъ, я просидѣлъ надъ этой работой около 10 часовъ и, окончивъ ее, отослалъ князю [1]) на слѣдующее утро, часу въ десятомъ. Я спросилъ его, правда ли, что сынъ князя Лопухина находится въ числѣ либераловъ; онъ подтвердилъ это присовокупивъ, что его отецъ этого не знаетъ. Онъ подтвердилъ также, что къ числу либераловъ принадлежитъ одинъ изъ графовъ Бобринскихъ и что заговорщики составили проектъ конституціи для ограниченія монархической власти. Уходя, я поцѣловалъ его, поздравивъ съ тѣмъ, что онъ остается въ нашемъ министерствѣ, я сообщилъ ему, что противъ него сильно интригуютъ; онъ отвѣчалъ, что эти интриги ему извѣстны; на этомъ нашъ разговоръ кончился.

1826 годъ.

1-го января. Графъ Нессельроде возвратилъ мнѣ бумаги, письменно передавъ приказаніе императора перевести in extenso письма Нѣмце-

[1]) Фамилія пропущена.

вича къ Рылѣеву, его отвѣтъ и письма жены Горскаго къ мужу изъ Москвы. Я окончилъ работу въ тотъ же день и отослалъ ее графу 2-го числа въ десятомъ часу.

3-го января. Аресты продолжаются. Въ числѣ арестованныхъ называютъ графиню Лаваль. Мнѣ передавали также, что графъ Аракчеевъ былъ очень обласканъ императоромъ, но что несмотря на все выказанное ему довѣріе и на старанія его друзей, которые уговаривали графа не порывать связи съ дворомъ, онъ рѣшилъ окончательно не вмѣшиваться болѣе въ дѣла; любимецъ его, генералъ Клейнмихель имѣлъ уже три раза аудіенцію у императора.

4-го января. Императоръ и императрицы побывали безо всякой свиты на биржѣ, гдѣ они были встрѣчены восторженно. Имъ прокричали «ура!»; они милостиво благодарили и уѣхали.

5-го января. Сегодня появилась въ газетахъ статья, въ которой объявлено во всеобщее свѣдѣніе, что заговорщики намѣревались истребить царскую фамилію и всѣхъ тѣхъ, кого они не считаютъ своими сообщниками. Обѣщаютъ обнародовать въ подробности весь процессъ и примѣрно наказать виновныхъ.

8-го января. Говорятъ, что въ этотъ день прибыло семь экипажей съ лицами, арестованными въ провинціи.

По вопросамъ внѣшней политики сносятся по-прежнему съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и, повидимому, желаютъ знать по этому предмету его мнѣніе.

9-го января. Разнеслась вѣсть о возстаніи Черниговскаго полка, который причисленъ ко 2-ой арміи и стоитъ въ Васильковѣ, небольшомъ городкѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева. Во-первыхъ, полкъ не желалъ присягать императору Николаю подъ тѣмъ предлогомъ, что уже совершилъ присягу Константину, кромѣ того, онъ требовалъ конституціи и, наконецъ, провозгласилъ Славяно-русскую республику [1]). Полкъ былъ усмиренъ силою оружія послѣ упорнаго сраженія; городъ Васильковъ разоренъ, многіе жители убиты мятежниками, и самихъ мятежниковъ убито довольно много. Въ преступленіи обвиняютъ двухъ братьевъ Муравьевыхъ-Апостоловъ, изъ коихъ одинъ застрѣлился.

11-го января. Говорятъ, что императоръ получилъ два анонимныхъ письма; въ одномъ изъ нихъ ему намекаютъ, что опасно казнить публично виновныхъ въ возмущеніи 14-го декабря, а въ другомъ его предупреждаютъ, что онъ окруженъ самыми завзятыми главарями якобинской партіи. Я слышалъ въ тотъ же день, что были безпорядки въ колоніи воспитательнаго дома въ Смоленской губерніи, что они начались еще во время проѣзда по колоніи покойнаго императора, но были вы-

[1]) Все это не болѣе какъ ложный слухъ. Ред.

званы единственно суровымъ обращеніемъ управляющаго колоніями надворнаго совѣтника Хрущова.

16-го января. Кажется опасались какихъ-либо безпорядковъ во время похоронъ императора Александра; въ обществѣ всѣ стали держать себя осторожнѣе.

19-го января. Со времени восшествія на престолъ молодаго монарха приказы о производствахъ такъ и сыпятся въ сенатъ, какъ-будто всѣ начальники департаментовъ поставили себѣ за правило испросить для своихъ подчиненныхъ какія-либо милости, на три-четверти ими не заслуженныя.

20-го января. Императоръ роздалъ при высокоторжественной и печальной церемоніи всѣмъ полкамъ мундиры своего покойнаго брата, за исключеніемъ однихъ лейбъ-гренадеръ и Московскаго полка, которые участвовали въ возмущеніи 14-го декабря. Говорятъ, что во внутреннихъ губерніяхъ возмутилось нѣсколько полковъ, въ томъ числѣ военныя поселенія на Украйнѣ.

29-го января. Я былъ съ визитомъ у прусскаго посланника Шолера; онъ коснулся прежде всего текущихъ дѣлъ и событія 14-го декабря. Затѣмъ высказалъ мнѣ, что дипломатическій корпусъ въ Берлинѣ былъ чрезвычайно удивленъ, когда король прусскій повелѣлъ своему сыну, принцу Вильгельму, отправиться въ Петербургъ, чтобы поздравить сначала императора Константина, а затѣмъ императора Николая; что посылку королевскаго принца считаютъ лестью, изображающею Пруссію какъ бы вассальнымъ государствомъ Россіи; что когда было получено извѣстіе объ отреченіи Константина, то принцу Вильгельму было повелѣно изъ Берлина отправиться сначала въ Варшаву. Это доставило, по словамъ генерала Шолера, великому князю Константину Павловичу величайшее удовольствіе. Австрія, не желая быть въ долгу, послала со своей стороны въ Россію эрцгерцога Фердинанда д'Эсте, но онъ не поѣхалъ въ Варшаву. Наконецъ Шолеръ сообщилъ мнѣ, что принцъ Оскаръ сюда не пріѣдетъ, такъ какъ въ Швеціи узнали, что пріѣздъ принца Вильгельма Прусскаго былъ только естественнымъ послѣдствіемъ родственныхъ отношеній, а не любезности.

Затѣмъ онъ завелъ рѣчь объ актахъ, коими обусловливается порядокъ престолонаслѣдія въ Россіи, и выразилъ желаніе имѣть копію съ указа, изданнаго Петромъ Великимъ въ то время, когда его сынъ, царевичъ Алексѣй, оказался недостойнымъ престола, а также съ указа, касающагося императорской фамиліи. Я обѣщалъ доставить ему тотъ и другой актъ; мнѣ показалось какъ будто прусскій посланникъ нѣсколько сомнѣвался въ отреченіи великаго князя Константина Павловича. Поэтому я постарался объяснить ему, что обнародованное (нѣсколько поздно) письмо великаго князя къ министру юстиціи Лобанову

было формальнымъ отреченіемъ, освободившимъ всѣхъ русскихъ подданныхъ отъ присяги, принесенной Константину, и что вслѣдствіе этого документа вступленіе на престолъ императора Николая есть событіе наизаконнѣйшее; наконецъ, что для Россіи весьма важно, что его императорское высочество, въ порывѣ великодушія, отказался отъ престола и первый присягнулъ своему брату Константину, ибо такимъ образомъ соблюденъ актъ, предшествовавшій распоряженію Александра и оставленный на храненіе въ Москвѣ при коронаціи императора Павла, соблюдать который присягала въ то время вся Россія.

Разсказываютъ о разныхъ арестахъ, между прочимъ объ арестованіи одного монаха, который предсказалъ: 1) кончину императора Александра въ 1825 г., такъ какъ онъ принадлежалъ къ заговору цареубійцъ, и 2) будто бы онъ предсказалъ, что его величество императоръ Николай Павловичъ будетъ царствовать всего 10 лѣтъ.

Говорятъ также, что князь Яковъ Лобановъ, братъ министра юстиціи, и сенаторъ Сумароковъ позволили себѣ написать императору письмо совѣтуя ему возстановить прежній .... [1]).

30-го января. Правительство обнародовало подробности заговора 14-го декабря, изложивъ между прочимъ и сумасбродные проекты негодяевъ, хотѣвшихъ взволновать имперію, но ни одинъ изъ заговорщиковъ не названъ по имени.

1-го февраля. Оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ смѣненъ. На его мѣсто назначенъ генералъ Борисъ Княжнинъ. Отставка Шульгина вызвана, вѣроятно, его небрежнымъ отношеніемъ къ службѣ въ бытность еще московскимъ полиціймейстеромъ.

Я наблюдалъ за тѣмъ, какъ императоръ относится къ приближеннымъ и министрамъ, и замѣтилъ, что онъ старается до нѣкоторой степени уравновѣсить ихъ значеніе. Лаская Аракчеева за его дѣятельность по военнымъ поселеніямъ, онъ какъ будто этимъ давалъ почувствовать его противнику князю Голицыну, что, несмотря на благоволеніе ему оказываемое, онъ не можетъ разсчитывать на удаленіе отъ дѣлъ Аракчеева. Послѣдняго призывали, съ нимъ совѣтывались, не придавая этому особаго значенія, но этого достаточно для того, чтобы держать Голицына на сторожѣ. Такъ-же относились и къ Шишкову, противнику Голицына. Князю Лобанову, министру юстиціи, также оказывали довѣріе, не подавая ни малѣйшей надежды, что ему удастся имѣть болѣе вліянія, нежели Аракчееву. Устойчивѣе всѣхъ казалось положеніе министра финансовъ Канкрина. Министръ внутреннихъ дѣлъ—полнѣйшее ничтожество (Ланской). Военный министръ временно имѣлъ вліяніе (Татищевъ), чѣмъ онъ обязанъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу

[1]) Эта фраза въ подлинной рукописи недокончена.

14-го декабря, но отъ него какъ будто хотѣли отдѣлаться, замѣнивъ его человѣкомъ болѣе дѣятельнымъ и умнымъ. Но такъ какъ никто изъ людей способныхъ не желаетъ занять это мѣсто, чтобы дѣлать доклады императору черезъ главный штабъ, а съ другой стороны императоръ не хочетъ или не считаетъ пока умѣстнымъ нарушить порядокъ, заведенный его предшественникомъ, то statu quo весьма вѣроятно останется неприкосновеннымъ, и Татищевъ будетъ терпимъ на своемъ мѣстѣ.

6-го февраля. Графъ Нессельроде просилъ меня заѣхать къ нему и передалъ мнѣ словесно приказаніе его императорскаго величества отправиться въ седьмомъ часу въ крѣпость, для разбора бумагъ арестованнаго генерала Княжевича. Я засталъ тамъ генерала Чернышева; мы познакомились. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхали генералы Бенкендорфъ и Левашевъ и наконецъ флигель-адъютантъ полковникъ Кавелинъ. Ящикъ былъ вскрытъ; мнѣ и Кавелину передали письма на польскомъ языкѣ. Мы ихъ разбирали до полуночи.

7-го февраля. На слѣдующій день я отправился въ крѣпость въ одиннадцатомъ часу, окончилъ это дѣло часамъ къ двумъ и взялъ письма на домъ, чтобы просмотрѣть ихъ.

11-го февраля. Полковникъ Кавелинъ принесъ мнѣ свою работу, которую мнѣ пришлось большею частью передѣлать. 12-го числа, въ 8 часовъ утра я отослалъ всѣ эти бумаги къ генералъ-адъютанту Чернышеву, изложивъ ему мой взглядъ на нихъ. По моему мнѣнію, Княжевичъ былъ человѣкъ желавшій только возрожденія своей родины, безъ малѣйшаго намека на заговоръ, въ смыслѣ цареубійства.

Въ городѣ разнесся слухъ, будто въ подвалахъ Казанскаго собора найдена бочка съ порохомъ. Вѣроятно, это слухъ не имѣющій основанія, но онъ доказываетъ, что существуютъ сообщники злоумышленниковъ 14-го декабря.

Полковникъ Кавелинъ принесъ мнѣ нѣсколько новыхъ писемъ нѣкоего Проскуры, переданныхъ ему Чернышевымъ. Я ихъ разобралъ, они совершенно ничтожны по содержанію. Оставивъ себѣ 39 этихъ писемъ, я передалъ 8 или 9 Кавелину для просмотра и извлеченій.

Въ тотъ же день ко мнѣ пріѣхалъ прокуроръ Кочубей, чтобы уладить несогласіе, возникшее между министромъ юстиціи и нами, сенаторами.

14-го февраля. Я получилъ массу бумагъ, отобранныхъ у двухъ поляковъ, которые были арестованы и отвезены въ крѣпость, а именно генералъ-маіоръ Ходкевичъ и полковникъ Тарновскій, оба поляка. Я разсмотрѣлъ всѣ эти бумаги и ровно ничего въ нихъ не нашелъ. Ходкевичъ много исписалъ бумаги, сочиняя романы, оперы, трагедіи и историческія изслѣдованія о послѣднемъ королѣ польскомъ

Станиславѣ-Августѣ. Въ этихъ бумагахъ оказались между прочимъ выдержки по разнымъ отраслямъ химіи и физики. Я сдѣлалъ имъ опись, что̀ составило 8 списковъ. Только одинъ печатный списокъ членовъ земледѣльческаго общества въ Варшавѣ заинтересовалъ меня; я обратилъ на него вниманіе правительства, высказавъ, что за членами этого общества надобно слѣдить, точно такъ-же какъ и за собраніями поляковъ, происходящими въ Дрезденѣ, Карлсбадѣ и Теплицѣ.

1-го марта. Въ этотъ день тѣло покойнаго императора Александра I привезено въ Царское Село. Императоръ Николай отправился туда наканунѣ со своею матерью и прочими членами царской фамиліи. Говорятъ, что, встрѣчая тѣло у Царскосельской заставы, императоръ былъ чрезвычайно растроганъ, а ея величество много плакала.

2-го марта. Арнабольди (Комашино) разсказалъ мнѣ два анекдота, которые я записываю въ свой дневникъ. Первый касается канцлера, князя Безбородко, который, будучи разбитъ параличемъ, горько расплакался по поводу того, что онъ, Комашино, счелъ себя въ правѣ читать ему наставленіе, доказывая, что ему нечего огорчаться, такъ какъ онъ всегда дѣлалъ добро и съ отличіемъ служилъ своей родинѣ. Князь сдѣлалъ усиліе, чтобы заговорить и сказалъ ему: «вы глупы, я плàчу не о томъ, что я дѣлалъ зло, но о томъ, что я могъ бы сдѣлать болѣе добра, нежели мною сдѣлано». Признаюсь, я зналъ князя за порядочнаго человѣка, но не думалъ, что онъ такъ хорошъ.

Второй анекдотъ касается императрицы Екатерины II. Мой покойный тесть Стрекаловъ былъ одно время директоромъ театра; тогда давали извѣстную оперу «Касторъ и Полуксъ», гдѣ участвовали Маркезини и Тоди. Арнабольди, бывшій помощникомъ директора, уменьшилъ расходъ по костюмировкѣ для этой пьесы съ 90.000 руб. до 8,300 р., выписавъ изъ Италіи мишуру, вмѣсто чистаго золота и серебра. Опера сошла какъ нельзя лучше. Императрица осталась ею весьма довольна и пожаловала подарки всѣмъ служащимъ въ дирекціи. Но такъ какъ мишура лишила придворнаго золотошвея большихъ барышей, то онъ распустилъ слухъ и довелъ до свѣдѣнія фаворита Мамонова, что при выпискѣ мишуры было украдено очень много денегъ. Мамоновъ поспѣшилъ довести эту клетету до свѣдѣнія императрицы, и когда онъ, Арнабольди, явился по обыкновенію къ Екатеринѣ съ репертуаромъ, чтобы получить ея приказанія относительно тѣхъ пьесъ, какія она желаетъ видѣть, онъ былъ принятъ сурово. Государыня, расхаживая по комнатѣ большими шагами, осыпала его всевозможной бранью, говоря, что она не желаетъ, чтобы ея честь была запятнана мошенниками, что ни она, ни ея предшественники никогда не употребляли мишуры вмѣсто чистаго золота; что ей наплевать на воровство, но не на свою поруганную честь. Тѣмъ временемъ явился къ

императрицѣ самъ директоръ театра Стрекаловъ. Онъ сказалъ, что отвѣчать долженъ онъ, какъ начальникъ, что помощникъ только исполнялъ его приказанія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выслалъ Арнабольди изъ комнаты. Возвращаясь изъ дворца, Стрекаловъ заѣхалъ къ нему и приказалъ ему вторично отправиться къ императрицѣ, которая приняла его этотъ разъ любезно, дала ему поцѣловать руку и подарила перстень.

Этотъ случай доказываетъ, вообще, какъ несчастны бываютъ монархи, когда ихъ обманываютъ. Екатерина полагала, что ее обокрали, поставивъ мишуру вмѣсто настоящаго золота и серебра, а между тѣмъ ей служили преданно, такъ какъ расходъ уменьшился въ 10 разъ, а иллюзія была та же. Поддавшись сначала навѣтамъ своего фаворита, она затѣмъ опомнилась и рѣшила вторично призвать Арнабольди.

4-го марта. Я получилъ увѣдомленіе изъ печальной коммиссіи, что назначенъ при церемоніи погребенія императора Александра, нести орденъ Маріи Терезіи, отъ заставы до Казанскаго собора. Признаюсь, это запоздалое и неожиданное извѣстіе чрезвычайно удивило меня. Надобно полагать, что это сдѣлано по высочайшему повелѣнію. Такимъ образомъ я очутился въ числѣ 16 самыхъ почетныхъ лицъ, а за мною шли Сперанскій и графъ Нессельроде, изъ коихъ первый несъ орденъ св. Станислава, а второй—польскій орденъ Бѣлаго Орла.

6-го марта. Я отправился къ своему мѣсту, чтобы нести орденъ Маріи Терезіи и нисколько не удивился тому, что всѣ, видимо, были изумлены моимъ назначеніемъ на это видное мѣсто. Сенаторъ Хитрово замѣтилъ мнѣ, что это самый старый изъ иностранныхъ орденовъ. Я отвѣчалъ, что мнѣ это хорошо извѣстно, и что я не употребилъ ни малѣйшаго старанія, чтобы добиться этого назначенія. Графъ Нессельроде также, видимо, былъ удивленъ.

Процессія двинулась отъ заставы. Войска были разставлены шпалерами по всему пути до Казанскаго собора. Выраженія печали на лицахъ не было замѣтно; эта процессія походила скорѣе на торжественный въѣздъ, нежели на печальную церемонію перенесенія тѣла. Я приписываю это тому, что до погребенія прошло довольно много времени, вслѣдствіе чего впечатлѣніе грусти, которое могло и должно было произвести перенесеніе тѣла почившаго императора, разсѣялось. Моими ассистентами были генералъ-маіоры Саблуковъ и князь Петръ Голицынъ. Я нашелъ, что катафалкъ былъ очень хорошъ, но ни этотъ катафалкъ, ни соборъ не производили грустнаго впечатлѣнія.

13-го марта. Въ этотъ день происходило погребеніе императора Александра I; я несъ орденъ Маріи Терезіи. Процессія шла въ болѣе стройномъ порядкѣ, нежели предъидущій разъ. Императоръ слѣдовалъ

за процессіей пѣшкомъ съ фельдмаршаломъ Веллингтономъ. Вдовствующая государыня (императрица Марія Ѳеодоровна) ѣхала въ каретѣ.

14-го марта. Во время церемоніи (погребенія) я увидѣлъ посланника, графа Ливена, прибывшаго по особому повелѣнію изъ Лондона. Мы поцѣловались, и я сказалъ ему, что онъ останется съ нами на болѣе долгое время; онъ не возражалъ. Поговариваютъ, что онъ будетъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто графа Нессельроде.

У меня былъ флигель-адъютантъ Кавелинъ, возвратившійся изъ Варшавы. Онъ говорилъ, что великій князь Константинъ Павловичъ живетъ очень замкнуто, что онъ удержалъ брата отъ нѣкоторыхъ мѣръ относительно Польши; что по поводу русскаго сената императоръ Николай выразился, когда ему совѣтывали побывать въ немъ, что онъ будетъ тамъ, когда сенатъ пообчистится. Я замѣтилъ Кавелину, что ежели въ немъ есть неспособные члены, что въ этомъ виноватъ императоръ Александръ. Въ разговорѣ съ нимъ я отозвался съ большою похвалою о проницательности императора; дѣйствительно, онъ поступаетъ съ большимъ тактомъ. Къ сожалѣнію, проходя съ нимъ курсъ наукъ ему не дали ни малѣйшаго понятія объ организаціи этой судебной инстанціи, учрежденной Петромъ Великимъ, такъ что онъ считаетъ ее подчиненной оберъ-прокурорской власти.

19-го марта. Былъ большой парадъ войскамъ въ честь фельдмаршала герцога Веллингтона и въ память вступленія русскихъ въ Парижъ въ 1814 г. Наканунѣ императоръ велѣлъ раздать въ полкахъ медали, выбитыя по поводу этого событія по повелѣнію покойнаго императора Александра, но которыя не были розданы по его всегдашней привычкѣ лавировать, чтобы никого не обидѣть. Эта медаль носится на Георгіевской и Андреевской лентахъ, которыя соединены вмѣстѣ.

22-го марта. Я писалъ графу Нессельроде, спрашивая его приказаній относительно печатанія статьи Бортенгаля (?) о нашихъ дѣлахъ съ Портою и лондонскимъ кабинетомъ, извлеченной изъ «Аугсбургской газеты». Онъ поблагодарилъ меня за сообщеніе, но въ записочкѣ, присланной въ отвѣтъ на мое письмо, высказалъ, что «всякая выходка противъ Англіи будетъ неумѣстна въ такой моментъ, когда миссія, возложенная на герцога Веллингтона, скрѣпила и упрочила узы, связывавшія насъ съ этой державою».

27-го марта. Назначено чрезвычайное собраніе Государственнаго Совѣта. Въ городѣ говорили, что оно назначено для разсмотрѣнія дѣла, возникшаго между сенаторами и министромъ юстиціи; на самомъ же дѣлѣ въ этомъ собраніи должны были судить виновныхъ въ возмущеніи 14-го декабря. По моему мнѣнію, напрасно дѣло это не было повелѣно разсмотрѣть сенату.

28-го марта. Я слышалъ будто императоръ передалъ въ Совѣтъ про-

триць. Я слѣдилъ за императоромъ и нашелъ, что онъ имѣлъ чрезвычайно озабоченный видъ.—Онъ не имѣетъ способности казаться спокойнымъ и довольнымъ, находясь въ кругу придворныхъ. Говорили также, что графъ Нессельроде и князь Голицынъ получатъ Андрея Первозваннаго, однако этотъ слухъ до вечера не оправдался.

22-го апрѣля. Вдовствующая императрица уѣхала въ Павловскъ, откуда она отправится въ Калугу. Великій князь также уѣхалъ въ Москву, а императоръ отправился въ военныя поселенія къ Аракчееву.

23-го апрѣля. Говорятъ, что императоръ хочетъ учредить должность генералъ-полиціймейстера на подобіе того какъ эта должность существовала при Екатеринѣ II. Если это осуществится, то власть министра внутреннихъ дѣлъ будетъ совершенно ничтожна; въ его вѣдѣніи останутся только медицинскія учрежденія и надзоръ за промышленостью страны. Это былъ бы прекрасный случай возстановить медицинскую коллегію.

1-го мая. 30-го апрѣля императоръ возвратился изъ аракчеевскихъ военныхъ поселеній; говорятъ, будто онъ не обѣдалъ у графа и останавливался въ гостиницѣ. Съ другой стороны ходитъ слухъ о войнѣ съ Турціей.—Довольно странно, что послѣ проѣзда герцога Веллингтона черезъ Берлинъ тамошній дворъ дозволилъ открыть подписку для оказанія помощи грекамъ. Также заслуживаетъ вниманія посланіе президента Соединенныхъ Штатовъ конгрессу, которымъ онъ какъ бы хотѣлъ возстановить забытое, благодаря стараніямъ англичанъ, правило, что флагъ нейтральной державы обезпечиваетъ неприкосновенность товара.

2-го—14-го мая. Генералъ Чернышевъ прислалъ мнѣ 20 тетрадей съ показаніями подсудимыхъ, принадлежащихъ къ тайнымъ обществамъ, которыя имѣло цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка въ Россіи и возстановленіе цѣлости королевства Польскаго, а 4-го числа, генералъ Татищевъ, военный министръ и предсѣдатель слѣдственной комиссіи по дѣлу 14-го декабря 1825 г., прислалъ мнѣ еще 12 тетрадей. Изъ этихъ бумагъ ясно: 1) что существовало патріотическое общество въ Варшавѣ, 2) тайное общество въ Россіи, 3) общество тампліеровъ въ губерніяхъ, пріобрѣтенныхъ отъ Польши, 4) общество садовниковъ въ Курляндіи и центральное общество въ Бѣлянахъ близъ Варшавы, 5) общество въ Познани, 6) общество счастливыхъ, не знаю гдѣ, 7) общество коссинеровъ или косцовъ.

Сношенія русскаго тайнаго общества съ польскими обществами вообще начались въ 1824 г. при посредствѣ Крыжановскаго, какъ представителя варшавскаго патріотическаго общества, и Муравьева и Бестужева—представителей русскаго общества. На совѣщаніи, происходившемъ между этими заговорщиками въ Кіевѣ, полякамъ было предло-

жено принять дѣятельное участіе въ возстаніи, которое подготовлялось русскими, и поступить относительно великаго князя Константина Павловича точно такъ, какъ и относительно прочихъ членовъ царской фамиліи; имъ было предложено возвратить губерніи, присоединенныя къ имперіи, съ обязательствомъ, съ ихъ стороны, имѣть въ теченіе года демократическій образъ правленія, а по истеченіи этого срока избрать такой, какой они найдутъ наиболѣе для себя подходящимъ. Крыжановскій, отъ имени поляковъ, согласился на все предложенное, съ условіемъ, что ихъ предупредятъ за двѣ недѣли до начала мятежа. Муравьевъ, повидимому, предъявлялъ гораздо болѣе мягкія требованія, нежели Бестужевъ [1]). Варшавское патріотическое общество имѣло уже значительное число приверженцевъ въ польско-русскихъ губерніяхъ, въ Познани и Галиціи, гдѣ народъ подготовляли къ возстанію, стараясь его взволновать рѣчами о необходимости добиться возстановленія Польши, которое было обѣщано, какъ говорили, императоромъ Александромъ.

3-го мая. Я подалъ прошеніе на высочайшее имя о переводѣ моихъ двухъ сыновей, Петра и Павла, изъ пажескаго корпуса; перваго — въ школу портупей-прапорщиковъ, а втораго—въ инженерное училище. Я отослалъ это прошеніе къ князю Александру Голицыну, который возвратилъ его мнѣ, увѣдомивъ, что оно не подлежитъ болѣе его вѣдѣнію, а что это зависитъ отъ главнаго штаба. Вслѣдствіе чего я написалъ генералу Дибичу 5-го числа, а 7-го государь императоръ уже соизволилъ на мою просьбу.

На прошлой недѣлѣ, въ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній, Кикина, случилось происшествіе, обратившее на себя всеобщее вниманіе. Одинъ изъ его чиновниковъ, по фамиліи Дьяковъ, обвиненъ и уличенъ самимъ императоромъ въ лихоимствѣ. На него донесъ крестьянинъ. Его посадили на гауптвахту. Говорятъ различно о томъ, какимъ образомъ и кѣмъ были собраны улики противъ него; кажется, этими розысками руководилъ генералъ Бенкендорфъ, начальникъ тайной полиціи. Кикинъ, со своей стороны, сказалъ мнѣ, что онъ приписываетъ все это дѣло интригамъ генерала Дибича и Нессельроде. Мнѣ кажется, онъ имѣетъ основаніе такъ думать потому, что его не увѣдомили, когда открылась вина его подчиненнаго Дьякова; несомнѣнно, что съ этихъ поръ императоръ болѣе не работалъ съ Кикинымъ.

Объ императорѣ разсказываютъ анекдотъ, свидѣтельствующій объ его умѣ. Разговаривая съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ о томъ, что дѣло 3-го департамента съ министромъ юстиціи доставило ему большое огорченіе, онъ сказалъ:

---

[1]) Разсказъ во многомъ не точный. Ред.

— Они возстали противъ своего начальника и подали мнѣ прошеніе на него.

— Вы ошибаетесь, государь,—сказалъ тотъ, къ кому были обращены эти слова, — они подали прошеніе своему начальнику, т. е. вашему императорскому величеству, иного начальника у нихъ нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—я сожалѣю, что сдѣлалъ ошибку, но въ этомъ я не виноватъ. Я никогда не думалъ вступить на престолъ; меня воспитывали какъ будущаго бригаднаго генерала; поэтому я и не спѣшу резолюціею по этому дѣлу, но когда пріобрѣту необходимыя свѣдѣнія, то поступлю какъ должно и поставлю каждаго на свое мѣсто

18-го мая. Нѣсколько дней тому назадъ министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ оффиціальное извѣстіе о согласіи Порты на всѣ требованія, предъявленныя ей русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ. Турецкія войска окончательно очистили Молдавію и Валахію, а 21-го числа въ Константинополь посланъ курьеръ съ извѣстіемъ, что въ Аккерманѣ соберется конгрессъ для рѣшенія разныхъ вопросовъ, въ особенности по дѣлу разграниченія въ Азіи провинцій, пріобрѣтенныхъ отъ Персіи.

30-го мая. Великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ неожиданно изъ Царскаго Села, кажется для того, чтобы присутствовать при разбирательствѣ дѣла о преступномъ заговорѣ 14-го декабря. Вдовствующую императрицу также ожидаютъ изъ Москвы. Похороны назначены на 23-е число.

2-го іюня. Насъ собрали въ сенатъ и объявили, что завтра начнутся засѣданія верховнаго уголовнаго суда по дѣлу о преступномъ заговорѣ. Намъ былъ прочитанъ манифестъ, въ коемъ виновные раздѣлены на преступныхъ и заблуждавшихся. Затѣмъ былъ прочитанъ указъ, коимъ судьями назначены слѣдующія лица: графъ Головкинъ, баронъ Строгановъ, генералъ Опперманъ, графъ Ланжеронъ, генералъ Паскевичъ, сенаторъ Кушниковъ и нѣкоторыя другія лица.

3-го іюня. Начались засѣданія верховнаго уголовнаго суда. Всѣ собрались въ одну изъ залъ сената, откуда перешли въ зало общаго собранія. Насъ было 66 человѣкъ: часть Государственнаго Совѣта, весь сенатъ, 2 митрополита, 1 архіепископъ и нѣсколько военныхъ. Засѣданіе открылось чтеніемъ манифеста и указа о назначеніи въ составъ суда военныхъ; затѣмъ былъ прочитанъ историческій очеркъ всего дѣла. Когда это было окончено, были прочитаны имена и чины всѣхъ тѣхъ, кто участвовалъ въ заговорѣ. Наконецъ были прочитаны показанія князя Трубецкаго, Рылѣева и князя Оболенскаго, которые признали себя виновными въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ противъ государства и царской фамиліи. На этомъ засѣданіе окончилось.

4-го іюня. Второе засѣданіе. Продолжалось чтеніе показаній, дан-

ныхъ преступниками. Прочитаны показанія трехъ лицъ, въ томъ числѣ моего племянника, мичмана Василія Дивова, которое заставило меня содрогнуться отъ ужаса.

5-го іюня. Третье засѣданіе. Продолжалось чтеніе показаній до № 69. Когда начали читать показанія полковника Пестеля, главы южнаго общества, подобно тому какъ Рылѣевъ былъ главою сѣвернаго общества, то всѣ содрогнулись отъ ужаса.

6-го іюня. Четвертое засѣданіе. Продолжалось чтеніе до № 98.

Пятое засѣданіе. Окончили чтеніе показаній № 117. Затѣмъ приступили къ выбору трехъ членовъ отъ Государственнаго Совѣта, сената и посторонниихъ членовъ суда. Изъ Совѣта выбраны: графъ Ливенъ, Балашовъ, князь Салтыковъ, изъ сенаторовъ: Барановъ, Болгарскій и Лавровъ, а изъ числа прочихъ лицъ выборъ палъ на графа Головкина, Ламберта и Бороздина.

Я воспользовался случаемъ поговорить съ графомъ Нессельроде о генералѣ Бойе. Графъ сообщилъ мнѣ, что на него падаетъ нѣкоторое подозрѣніе вслѣдствіе его сношеній съ Завалишинымъ, флотскимъ офицеромъ, который чрезвычайно скомпрометированъ въ заговорѣ 14-го декабря, но что на дняхъ, вѣроятно, все выяснится, и тогда онъ будетъ ходатайствовать за него у императора.

7-го іюня. Шестое засѣданіе. Утвердили членовъ комитета и разошлись.

8-го и 9-го іюня. Комиссары окончили допросы въ крѣпости.

10 іюня. Седьмое засѣданіе, въ которомъ избрана комиссія для распредѣленія виновныхъ по разрядамъ. Въ нее избраны изъ Совѣта: графъ Толстой, Васильчиковъ и Сперанскій. Изъ посторонниихъ лицъ: Кушниковъ, баронъ Строгановъ, графъ Комаровскій и сенаторы: графъ Кутайсовъ, Барановъ и Энгель. Выборы производились всѣмъ составомъ, а не отдѣльными корпораціями.

11-го іюня. Восьмое засѣданіе. Подписанъ протоколъ и объявлено, что судъ соберется по полученіи о томъ повѣстокъ, когда виновные будутъ раздѣлены на разряды.

9-го—11-го іюня. Въ Кронштадтѣ былъ большой пожаръ, уничтоживший, какъ говорятъ, на 2 милліона рублей досокъ и дровъ, приготовленныхъ къ вывозу за границу.

На погребеніи императрицы Елисаветы мнѣ приказано нести орденъ св. Екатерины вмѣстѣ съ графомъ Головкинымъ, который отказался по болѣзни и былъ замѣненъ генераломъ Феншемъ.

14-го іюня. Совершилась церемонія перевезенія тѣла императрицы Елисаветы Алексѣевны. Князья Лобановы такъ много интриговали, что графъ Нессельроде благоразумно рѣшилъ отказаться нести орденъ Андрея Первозваннаго, при которомъ онъ былъ назначенъ ассистентомъ

точно такъ какъ я былъ ассистентомъ при орденѣ св. Екатерины. Генералъ Феншъ добродушно послѣдовалъ совѣту своего друга Энгеля и добровольно согласился уступить свой орденъ князю Якову Лобанову, а самъ взялся нести орденъ Александра Невскаго. Я уходилъ въ это время пить чай и вернувшись заставилъ Фенша вступить въ свои права. Такимъ образомъ мы вышли изъ комнаты съ орденомъ св. Екатерины, но на улицѣ одинъ молодой человѣкъ, исполнявшій обязанность церемоніймейстера, взялъ подушку изъ рукъ Фенша, который молча снесъ это оскорбленіе; и вручилъ ему орденъ Александра Невскаго. Я высказалъ очень рѣзко по этому поводу мое мнѣніе и заявилъ громко, что это безпорядокъ.

15-го іюня. День рожденія императора. Я получилъ вечеромъ пряжку съ брильянтовымъ вензелемъ стоимостью около 4.000 руб. Подобные же подарки получили всѣ члены слѣдственной комиссіи по дѣлу о преступномъ заговорѣ.

27-го іюня. Засѣданія верховнаго уголовнаго суда возобновились.

28-го іюня. Прочитанъ докладъ комиссіи, которой было поручено раздѣлить виновныхъ на разряды; всѣмъ намъ розданы печатные экземпляры этого доклада.

29-го іюня. Преступники раздѣлены на разряды и опредѣлено 11 степеней наказаній, а именно: 1-ая—смертная казнь, 2-ая—политическая смерть и ссылка въ каторжныя работы безъ срока, 3-ая—ссылка въ каторжныя работы безъ срока, 4-ая—ссылка въ каторжныя работы на 15 лѣтъ и на поселеніе, 5-ая—ссылка въ каторжныя работы на 10 лѣтъ и на поселеніе, 6-ая—ссылка въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и на поселеніе, 7-ая—ссылка въ каторжныя работы на 4 года и на поселеніе, 8-ая—лишеніе чиновъ, дворянства и ссылка на поселеніе, 9-ая—лишеніе дворянства и ссылка въ Сибирь, 10-ая—лишеніе дворянства, разжалованіе въ рядовые безъ выслуги, 11-ая—лишеніе чиновъ, разжалованіе въ рядовые съ выслугою. Много было преній по поводу вопроса о большинствѣ голосовъ. Наконецъ рѣшили, что большинство одного голоса достаточно, чтобы перевѣсить мнѣніе противниковъ.

1-го іюля. День рожденія императрицы, засѣданія не было.

2-го іюля. Засѣданія возобновились и происходили со 2-го до 5-го числа утромъ и вечеромъ. 35 человѣкъ приговорены къ смертной казни, 17 отнесено къ 2-му разряду, 3 человѣка—къ 3-му, 16—къ четвертому, 4—къ пятому, 2—къ шестому, 15—къ седьмому, 15—къ восьмому; 3—къ девятому, 1—къ десятому и 7—человѣкъ къ одиннадцатому разряду.

Затѣмъ были избраны 3 члена для составленія донесенія императору, а именно: отъ Совѣта—Сперанскій, отъ сената—Козодаевъ, изъ числа прочихъ лицъ—Бороздинъ.

5-го, 6-го и 9-го іюля. Обсуждали донесеніе, которое должны были представить императору; оно было подписано такъ же, какъ и указъ, а 9-го числа между нами возникъ довольно горячій споръ по поводу того, какого рода наказанію подлежитъ статскій совѣтникъ Горскій.

10-го іюля. Всѣмъ членамъ верховнаго уголовнаго суда приказано не отлучаться изъ города.

11-го іюля. Назначено засѣданіе верховнаго уголовнаго суда въ 7 часовъ утра. Прочитанъ высочайшій указъ, коимъ смертная казнь замѣнена для 31 лица ссылкой въ каторжныя работы безъ срока; смягчены наказанія и другимъ преступникамъ, и повелѣвалось примѣнить менѣе жестокую смертную казнь, нежели четвертованіе, для тѣхъ 5-ти лицъ, которые приговорены къ смертной казни (Пестель, Рылѣевъ, Муравьевъ, Бестужевъ, Каховскій). Ихъ приговорили къ повѣшанію.

12-го іюля. Мы собрались въ сенатъ, чтобы подписать протоколъ объ опредѣленіи, по волѣ императора, смягченныхъ наказаній; а затѣмъ отправились въ крѣпость для прочтенія приговора осужденнымъ. Засѣданіе было открыто около часа. Первыми ввели тѣхъ пятерыхъ осужденныхъ, которые были приговорены къ повѣшанію. Я не замѣтилъ на ихъ лицахъ ни малѣйшаго смущенія. Затѣмъ были введены прочіе обвиняемые по разрядамъ. Весьма немногіе выказали нѣкоторое смущеніе. Подъ конецъ засѣданія одинъ изъ преступниковъ, по фамиліи Фурманъ, оказавшійся помѣшаннымъ, произнесъ громко: «жизнь его императорскаго величества находится въ опасности» Его отвели въ отдѣльную комнату, чтобы онъ написалъ свое показаніе. Онъ исписалъ цѣлый листъ бумаги, въ которомъ не было ни капли здраваго смысла; затѣмъ его ввели въ залу суда, гдѣ этотъ помѣшанный сказалъ, что солдаты дурно отзывались объ императорѣ и тому подобное въ этомъ родѣ. Предсѣдатель, князь Лопухинъ, приказалъ вывести его; князь взялся одинъ сдѣлать докладъ императору.

13-го іюля. Пятеро лицъ, приговоренныхъ къ висѣлицѣ, казнены. Передъ этой экзекуціей были лишены дворянства и чиновъ тѣ лица, коимъ ломали шпаги надъ головою въ то время, какъ ихъ мундиры были брошены въ горѣвшій тутъ же костеръ. Они не были свидѣтелями казни повѣшанныхъ.

Намъ былъ прочтенъ высочайшій манифестъ объ этомъ дѣлѣ; онъ написанъ очень просто и походитъ на совѣтъ родителямъ беречь нравственность ихъ дѣтей.

Въ тотъ же день я получилъ указъ о назначеніи меня исправляющимъ обязанности графа Нессельроде, на время его отсутствія, съ прибавкою 1.000 рублей, которые обыкновенно назначались мнѣ въ такихъ случаяхъ.

14-го іюля. Намъ было объявлено приказаніе собраться къ 6½ часамъ

утра въ Адмиралтейскую церковь, чтобы отправиться оттуда, съ духовенствомъ, на Сенатскую площадь, гдѣ должны были отслужить благодарственный молебенъ о спасеніи отечества отъ гибели, которою ей угрожалъ заговоръ 14-го декабря. Я пріѣхалъ къ назначенному часу; насъ было немного. Войска окружали походную церковь, поставленную возлѣ статуи Петра Великаго. Императрица подъѣхала къ церкви Адмиралтейства въ экипажѣ. Оттуда мы двинулись пѣшкомъ, предшествуемые духовенствомъ, къ походной церкви, которая была приподнята надъ мостовой на шесть ступеней. Отслужили литургію, въ которую была вставлена литія по жертвамъ 14-го декабря. По окончаніи богослуженія митрополитъ, въ сопровожденіи духовенства, обошелъ ряды войска, окропляя его святою водою. Императоръ слѣдовалъ за митрополитомъ верхомъ, а императрица проѣхала передъ фронтомъ въ экипажѣ. Вся церемонія совершилась въ величайшемъ порядкѣ; молитва съ колѣнопреклоненіемъ произвела большое впечатлѣніе.

15-го іюля. Я вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей и простился съ графомъ Нессельроде, который обѣщалъ исходатайствовать мнѣ, по случаю коронаціи, добавочныхъ двѣнадцать тысячъ рублей къ получаемому мною жалованью. Въ тотъ же день кавалергарды дали вечеръ и обѣдъ въ честь своего шефа—императрицы.

1-го августа. Мною получены первыя бумаги изъ Москвы. Страннымъ показался мнѣ поступокъ графа: всѣ бумаги адресованы на мое имя, но затѣмъ каждое дѣло въ отдѣльности адресовано на имя одного изъ директоровъ: Кудрявскаго и Полѣнова; въ числѣ бумагъ находился даже одинъ указъ, а мнѣ—ни слова. Я видѣлъ въ этомъ хвастовство Северина или ничтожество графа, но не распечаталъ ихъ пакеты.

3—8-го августа. Въ городѣ ходятъ слухи о новомъ заговорѣ, открытомъ въ Москвѣ, о существованіи тамъ же аѳинскаго общества, о покушеніи, которое намѣрены сдѣлать на жизнь великаго князя Михаила Павловича, о попыткѣ къ освобожденію осужденныхъ, которую хотятъ привести въ исполненіе, когда ихъ повезутъ въ Иркутскъ. Я сообщилъ всѣ эти слухи графу Нессельроде и высказалъ ему, между прочимъ, порицаніе по поводу того, что о въѣздѣ его императорскаго величества въ Москву хранятъ молчаніе.

Я слышалъ отъ князя Хилкова, секретаря вѣдомства императрицы Маріи, слѣдующій анекдотъ. Въ то время, когда тѣло императрицы Елисаветы Алексѣевны стояло въ крѣпости, разнесся слухъ о внезапной кончинѣ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государь призвалъ вышеупомянутаго Хилкова, приказалъ ему ничего не говорить объ этомъ своей матери, и высказалъ между прочимъ, какъ ему прискорбно видѣть, что существуетъ такъ много недоброжелателей, которые распространяютъ тревожные слухи, и что есть много лицъ, проникнутыхъ революціонными

идеями. Князь Хилковъ отвѣчалъ его величеству, что еще болѣе людей преданныхъ государю и отечеству.

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ государь,—помогайте мнѣ, господа, и молите Бога, чтобы мнѣ удалось возстановить порядокъ.

11-го августа. Пронесся слухъ, что объявлена война Персіи; 18-го числа (?) [1]) мнѣ было приказано помѣстить во французской «Gazette de St-Pétersbourg» статью, въ которой описано нападеніе, произведенное персами въ трехъ пунктахъ, что̀ приписывается фанатизму персидскаго населенія. Персидскому правительству дано пять дней для наказанія виновныхъ, а ежели къ этому сроку не будетъ дано должнаго удовлетворенія, то главнокомандующему арміей, Ермолову, приказано двинуть войска и открыть военныя дѣйствія.

20-го августа. Изъ Москвы получено благопріятное извѣстіе: великій князь Константинъ Павловичъ прибылъ туда, чтобы присутствовать на коронаціи своего брата, императора Николая. Это извѣстіе произвело большую сенсацію въ благомыслящей части общества. Въ извѣстіяхъ изъ Москвы описываютъ, что свиданіе императора съ его братомъ Константиномъ было очень трогательно. Ихъ объятія, ихъ волненіе въ присутствіи придворныхъ придали этому неожиданному свиданію нѣкоторый оттѣнокъ сентиментальности, который передать трудно.

Дѣла въ Аккерманѣ не подвигаются. О событіяхъ въ Персіи нѣтъ извѣстій.

25-го августа. Пушечные выстрѣлы съ крѣпости возвѣстили жителямъ Петербурга, что коронація совершилась въ Москвѣ 22-го числа. Вслѣдствіе опозданія курьера я боялся, не помѣшало ли этому событію здоровье императрицы. Къ счастью оно совершилось благополучно, къ великому удовольствію всѣхъ благомыслящихъ людей.

31-го августа. Пожаловано (въ день коронаціи) много наградъ; графу Нессельроде данъ лестный рескриптъ и помѣстья въ Тамбовской губерніи. Мнѣ пріятно видѣть, что въ дѣлахъ съ Портою императоръ сохраняетъ свое достоинство и не поддается обѣщаніямъ. На аккерманскомъ конгрессѣ объявлено, что если турки не согласятся на предложенныя имъ условія 25-го числа, то войска вступятъ въ Молдавію и Валахію, о чемъ уже сообщено всѣмъ дворамъ.

4-го сентября. Начали печатать списокъ высочайше пожалованныхъ наградъ. Ихъ было очень много. Я съ своей стороны получилъ шесть тысячъ рублей прибавки къ жалованью. Это было не совсѣмъ пропорціонально по сравненію съ другими, тѣмъ не менѣе я былъ благодаренъ и написалъ письмо графу Нессельроде. Говорятъ, что дворъ остается въ Москвѣ до октября.

---

[1]) Такъ въ оригиналѣ.

Въ «Gazette de St-Pétersbourg» напечатанъ рескриптъ графу Нессельроде, въ которомъ императоръ говоритъ, что этотъ министръ осуществлялъ мудрые предначертанія и проводилъ политическіе планы императора Александра I и т. д. Безъ сомнѣнія, рескриптъ очень лестенъ и прибыленъ для графа, получившаго помѣстье, приносящее отъ тридцати до сорока тысячъ рублей дохода. Но взвѣсивъ хорошенько образъ дѣйствія покойнаго императора, въ немъ нельзя найти ничего выгоднаго для имперіи; напротивъ, все клонилось къ ея ущербу въ будущемъ. Либеральныя идеи нашего вѣка увлекли этого государя, и онъ имъ поддался. За границею ему воскуряли ѳиміамъ въ прозѣ и стихахъ, а въ концѣ концовъ что же мы видимъ?—Мы были обмануты Пруссіей и Австріей, а еще болѣе Англіей. Пруссія, не дѣлая никакихъ уступокъ, получила Данцигъ, черезъ который идетъ вся торговля Польши; Австрія получила отъ Италіи огромный кусокъ земли; Англія, отказавшись отъ Корфу, овладѣла Адріатикой и Архипелагомъ. Королевство Польское было возстановлено до нѣкоторой степени. Для чего? чтобы имѣть на шеѣ лишняго врага. Дѣйствуя умнѣе, слѣдовало бы всячески избѣгать этого, въ особенности когда проповѣдывали принципъ неограниченной монархіи. Было бы гораздо естественнѣе возстановить statu quo ante bello съ Наполеономъ. Пруссія вошла бы въ прежнія границы, Данцигъ остался бы вольнымъ городомъ, подъ особымъ покровительствомъ Россіи и съ русскимъ гарнизономъ. Изъ Кракова не создали бы революціоннаго очага, сдѣлавъ изъ этого города Богъ вѣсть для чего республику. Австрія, владѣя по прежнему Сандоміромъ, Краковомъ и Люблиномъ, уменьшила бы свои требованія по отношенію къ Италіи. Теперь же будущее полно осложненіями, которыя могутъ быть улажены только потоками крови. Императоръ Николай вступилъ на престолъ въ тотъ моментъ, когда разразилась буря, усмиренная его умомъ. Благодаря Бога, онъ энергичнѣе своего предшественника, но продолжая до извѣстной степени ошибки, сдѣланныя его братомъ, онъ можетъ все болѣе и болѣе запутаться въ пагубныхъ послѣдствіяхъ, какія онѣ повлекутъ за собою. Послѣдствія эти будутъ неизбѣжны по самой силѣ вещей и побороть ихъ не въ силахъ одного человѣка. Эти послѣдствія можно только отдалить на время, за то они могутъ возникнуть внезапно, въ случаѣ кончины короля прусскаго или императора австрійскаго, и разумѣется графъ Нессельроде не будетъ подходящимъ совѣтникомъ для государя въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Какъ частный человѣкъ—это личность вполнѣ порядочная, но онъ всегда находится подъ чьимъ-либо вліяніемъ и не обладаетъ ни проницательностью, ни глубокомысліемъ. Онъ хорошій секретарь—не болѣе.

Съ другой стороны, бросивъ взглядъ на внутреннее управленіе имперіей, сердце сжимается, когда видишь въ немъ полное отсутствіе

единодушія. Какія лица пользуются довѣріемъ императора? Именно тѣ, которыя виновны во всѣхъ бывшихъ безпорядкахъ. Князь Александръ Голицынъ развратилъ всю Россію своей шайкой иллюминатовъ, коихъ онъ является послушнымъ орудіемъ. Молодые адъютанты смотрятъ на все черезъ извѣстную призму и дѣйствуютъ въ духѣ тѣхъ лицъ, которыя готовы все разрушить и ниспровергнуть. Императоръ горячо желаетъ добра; объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ мѣры, принятыя имъ по гражданскому и военному вѣдомствамъ; онѣ доказываютъ въ то же время, что государь убѣжденъ въ томъ, что зло существуетъ, и что онъ желаетъ искоренить его, но какъ-то онъ возьмется за это? Онъ, видимо, старается узнать истину и убѣжденъ въ томъ, что необходимо усилить надзоръ тайной полиціи. Поэтому онъ и присоединилъ ее къ своей собственной канцеляріи, изъявъ ее изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

1-го октября. Получено извѣстіе о пораженіи персовъ генераломъ Паскевичемъ въ семи верстахъ отъ Елизаветполя; 1.100 человѣкъ взято въ плѣнъ. У непріятеля отбито четыре орудія, восемьдесятъ ящиковъ съ порохомъ, три знамени. У персовъ было пятнадцать тысячъ регулярной пѣхоты и двадцать тысячъ кавалеріи. Это пораженіе можно было предвидѣть, ибо первая атака, произведенная регулярными персидскими войсками, была слаба.

Послѣ сраженій съ французами, при Наполеонѣ, современники какъ-будто считаютъ эту побѣду маловажной. Поэтому, желая побѣдить равнодушіе, съ какимъ это извѣстіе было принято обществомъ, я счелъ долгомъ выяснить его значеніе, какъ я его понимаю. Въ Казанскомъ соборѣ, два часа спустя послѣ прибытія курьера съ извѣстіемъ о побѣдѣ, было отслужено благодарственное молебствіе. Получивъ о томъ извѣщеніе отъ генералъ-губернатора, я отправился въ соборъ, но тамъ было весьма мало народа.

2-го октября. Я получилъ изъ Москвы приказаніе помѣстить статью, одобренную императоромъ и, кажется, имъ самимъ продиктованную, въ которой заключался дневникъ князя Меньшикова (О посольствѣ въ Персію).

3-го октября. Графъ Нессельроде передалъ мнѣ словесно, черезъ Северина, возвратившагося изъ Москвы, что аккерманская конвенція подписана; объ этомъ также помѣщено въ сегодняшней газетѣ.

4-го октября. Я былъ у англійскаго посланника, чтобы уладить вопросъ объ уплатѣ долга герцога Девонширскаго одному московскому жителю, г-ну Попову.

6-го октября. Пріѣхалъ императоръ; иллюминація продолжалась три дня.

8-го октября. Императоръ ѣздилъ въ Кронштадтъ. Былъ большой

смотръ, послѣ чего государь уѣхалъ въ Царское Село, на встрѣчу своей матери, которую ожидаютъ, 13-го числа, въ Павловскъ. Въ тотъ же день графъ Нессельроде разослалъ циркуляры, извѣщавшіе о вступленіи его въ управленіе министерствомъ. Такимъ образомъ, мое управленіе окончилось, и я, по обыкновенію, приступилъ къ исполненію своихъ всегдашнихъ обязанностей.

Во время моего трехмѣсячнаго управленія министерствомъ въ отсутствіе графа, мнѣ не пришлось принимать участіе въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ особой важности, хотя мнѣ были извѣстны всѣ текущія дѣла. Произошло сближеніе съ Англіей, но мнѣ казалось, что Франція къ намъ охладѣла, Австрія же, съ своей стороны, была задѣта за живое тѣмъ, что утратила свое вліяніе на нашъ кабинетъ. Вліяніе Пруссіи является преобладающимъ.

15-го октября. Вдовствующая императрица вернулась изъ Москвы 13-го числа, а 15-го совершился ея въѣздъ въ Петербургъ. Я былъ въ этотъ день въ Казанскомъ соборѣ. Императоръ, царствующая императрица и великая княгиня Елена Павловна прибыли въ соборъ раньше. Императоръ вышелъ навстрѣчу своей матери и прождалъ вмѣстѣ съ нами на паперти добрыхъ четверть часа. Я видѣлъ его вблизи, онъ казался озабоченнымъ.

16-го октября. Я послалъ записочку графу Нессельроде, увѣдомляя его, что покойный графъ Беннигсенъ, скончавшійся въ Ганноверѣ, говорилъ мнѣ, 18 лѣтъ тому назадъ, что онъ написалъ исторію своего времени, которая хранится въ Англіи, гдѣ она и будетъ напечатана послѣ его кончины. Важныя должности, которыя онъ занималъ въ Россіи, его чуть не 40-лѣтняя близость къ придворнымъ интригамъ, давали мнѣ право предполагать, что было бы необходимо слѣдить за печатаніемъ этого сочиненія.

17-го октября. Графъ (Нессельроде), по своему обыкновенію не предупредивъ, отстранилъ меня отъ цензуры. Я былъ этимъ доволенъ лично для себя, но огорченъ за него, такъ какъ онъ не понимаетъ своихъ интересовъ.

18-го октября. Отсутствіе извѣстій изъ Персіи возбуждало много толковъ. Изъ этого заключали, что дѣла идутъ плохо; наконецъ были получены опубликованныя 23-го числа извѣстія о бѣгствѣ персовъ за Аракъ и т. д.

22-го октября. Я отправился къ графу Нессельроде единственно съ цѣлью сдѣлать визитъ графинѣ, его супругѣ. Меня не приняли, но я побесѣдовалъ съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, Матусевичемъ, Полѣновымъ, гр. Ребиндеромъ и Северинымъ, которые были тамъ по дѣлу. Графъ Нессельроде, провожая принца Гессенскаго, увидѣлъ меня и просилъ, чтобы я подождалъ, такъ какъ ему надобно поговорить

со мною. Проводивъ всѣхъ этихъ господъ, онъ повелъ меня въ свой кабинетъ и завелъ рѣчь о моей запискѣ относительно генерала Беннигсена, скончавшагося въ Ганноверѣ. Онъ показывалъ ее государю, и его величество сказалъ, что ему кое-что объ этомъ извѣстно, и что по его повелѣнію Струве получилъ приказаніе отправиться изъ Гамбурга въ Ганноверъ и предложить вдовѣ Беннигсена передать бумаги покойнаго намъ, а далѣе будетъ видно, что̀ возможно сдѣлать въ Англіи.

Графъ упомянулъ о газетной цензурѣ. Я спросилъ, кому онъ поручилъ ее. «Бутеневу, — отвѣчалъ онъ,—который пріучается къ этому дѣлу подъ руководствомъ Северина». Затѣмъ графъ намекнулъ на слишкомъ большую строгость моей цензуры, сказавъ, что таково мнѣніе государя. Я отвѣчалъ, что необходимо бороться съ идеями, которыя хотятъ внушить молодежи, иначе зло будетъ непоправимо; впрочемъ, я только исполнялъ свой долгъ. Я просилъ его припомнить, какъ трудно мнѣ было добиться запрещенія «Инвалида», и какое счастье, что мой совѣтъ былъ принятъ, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что заговоръ 14-го декабря принялъ бы еще бо̀льшіе размѣры, ежели бы эта газета не была запрещена три года тому назадъ. Онъ съ этимъ согласился, но замѣтилъ, что со стороны цензуры было бы жестоко лишать подписчиковъ столькихъ номеровъ, когда они заплатили за нихъ. Я отвѣчалъ, что слѣдовало бы запретить ихъ всѣ и позаботиться о собственныхъ (казенныхъ) изданіяхъ. «Впрочемъ,—сказалъ я,—такъ какъ императоръ желаетъ дать подобный оборотъ дѣлу, то надо надѣяться, что мы проживемъ спокойно; но горе нашимъ дѣтямъ». Поговоривъ въ этомъ духѣ о цензурѣ, онъ перевелъ разговоръ на генерала Бойе, судьбою котораго я интересовался, и сказалъ мнѣ, что сѣверо-американская компанія подала ему, для представленія императору, прошеніе о торговлѣ съ Гаити или Санъ-Доминго, и что онъ воспользуется этимъ случаемъ, чтобы поговорить о генералѣ съ его величествомъ. Графъ спросилъ, какой чинъ ему дать?—«Сдѣлайте его коллежскимъ совѣтникомъ, этого будетъ достаточно, и запишите его въ дворянскую книгу; такимъ образомъ, онъ и дѣти его получатъ въ Россіи права гражданства; а то бѣдный генералъ Бойе, принявъ русское подданство, сталъ ни дворяниномъ, ни купцомъ, ни крестьяниномъ, и полиція не даетъ ему покоя».

27-го октября. Говорятъ, будто князь Александръ Голицынъ назначенъ управляющимъ собственной канцеляріей его величества; это подчиняетъ ему статсъ-секретарей коммиссій у принятія прошеній и въ сущности лишаетъ ихъ всякаго значенія. Императоръ какъ будто хочетъ все устроить на манеръ главнаго штаба.

15-го ноября. Большой интересъ возбуждаютъ разныя мелочи по части обмундированія, какъ-то: каски, фуражки и т. п. Съ другой сто-

роны, за русскими газетами существуетъ плохой надзоръ, и я боюсь послѣдствій, какія это можетъ имѣть.

17-го ноября. Графъ Нессельроде просилъ меня зайти къ нему, чтобы переговорить по поводу брачнаго договора покойнаго императора Александра съ покойною императрицею Елисаветой Алексѣевной. Я сказалъ ему, что никакого договора заключено не было и что всѣ свѣдѣнія по этому предмету находятся въ бумагахъ, именуемыхъ «Дѣла императорской фамиліи», куда включены всѣ брачные переговоры, начиная съ брака великаго князя Павла Петровича съ великой княгиней Натальей Алексѣевной, которые велись письменно. Впрочемъ, всѣ эти принцессы были слишкомъ бѣдны сами по себѣ, чтобы могла быть рѣчь объ ихъ приданомъ, которое совершенно ничтожно, и что все дѣлалось на средства русскаго двора. Затѣмъ мы поговорили о Бойе; онъ сказалъ, что императоръ не хочетъ дать ему мѣста по министерству народнаго просвѣщенія.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—внесите его въ дворянскую книгу, не давая ему никакой должности.

— Будетъ ли онъ доволенъ чиномъ коллежскаго совѣтника?

— Ему было бы пріятнѣе получить чинъ статскаго совѣтника.

Я спросилъ графа, разрѣшилъ ли императоръ россійско-американской компаніи войти въ торговыя сношенія съ Гаити? Онъ отвѣчалъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—назначьте его агентомъ или консуломъ этого острова и пошлите въ Гаити русскаго консула.

— Увидимъ,—отвѣчалъ онъ.

Кончая нашъ разговоръ, я замѣтилъ графу, что необходимо увеличить штатъ служащихъ въ архивахъ министерства людьми способными въ нихъ работать; онъ съ этимъ согласился.

19-го ноября. Въ этотъ день отслужена заупокойная литургія по ихъ императорскимъ величествамъ Александрѣ I и Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Были разосланы повѣстки явиться во дворецъ. Я отправился туда вмѣстѣ съ прочими. Во дворцѣ я видѣлъ графа Литту, коему передалъ записочку о желаніи моемъ поблагодарить императора за разныя пожалованныя мнѣ милости. Я воспользовался случаемъ попросить друга графа Нессельроде, князя Александра Голицына, внушить императору мысль назначить графа вице-канцлеромъ.

— Это назначеніе никому не повредитъ,—сказалъ я, — а только закрѣпитъ милости, пожалованныя ему императоромъ, и не дастъ возможности интригамъ проникнуть въ министерство.

Онъ отнесся, кажется, къ моимъ словамъ сочувственно, хотя ничего не отвѣчалъ, но я былъ радъ, что мнѣ представился случай высказать это.

21-го ноября. Я представлялся императору и благодарилъ его: 1) за назначеніе меня исправляющимъ должность министра иностранныхъ дѣлъ во время отсутствія графа Нессельроде по случаю коронаціи; 2) за пряжку съ вензелемъ; 3) за прибавку жалованья; 4) за опредѣленіе моихъ дѣтей юнкеромъ и кондукторомъ. Императоръ принялъ меня весьма милостиво, сказалъ, что онъ радъ тому, что сдѣлалъ мнѣ пріятное, чтобы я продолжалъ служить по прежнему и что мы будемъ довольны другъ другомъ.

Представленіе императрицѣ отложено до будущаго воскресенья.

28-го ноября. Я представлялся царствующей императрицѣ, которая приняла меня милостиво, такъ-же какъ и великая княжна Елена Павловна, но великій князь не вышелъ.

6-го декабря. Тезоименитство императора. Ожидали разныхъ милостей, но случилось то, чего никто не ожидалъ. Только статсъ-секретарь Кикинъ, уволенный 26-го ноября въ отставку, получилъ Александра Невскаго. Такъ какъ его ненавидитъ вся партія власть имѣющая, то всѣ были удивлены этой наградѣ, которая пожалована, вѣроятно, по собственной иниціативѣ императора. Кромѣ того, отъ 4—10 лицъ пожалованы въ сенаторы, по большей части, изъ генералъ-адъютантовъ, что, видимо, всѣхъ удивило. Говорятъ, что образованъ комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: предсѣдатель графъ Кочубей, члены: генералъ И. В. Васильчиковъ, Сперанскій, князь Голицынъ, графъ Толстой; цѣль этого комитета—осуществленіе плановъ покойнаго императора Александра. Директоромъ канцеляріи назначенъ статсъ-секретарь Блудовъ [1]). Я сомнѣваюсь, чтобы этотъ комитетъ сдѣлалъ что-либо хорошее, а еще болѣе, чтобъ онъ былъ въ состояніи исправить вредъ, причиненный безпечностью въ дѣлахъ внутренняго управленія, ознаменовавшею предъидущее царствованіе. Говорятъ также, что генералъ-адъютанту князю Меньшикову поручено организовать морской департаментъ, и что императоръ хочетъ возродить военный флотъ, пришедшій окончательно въ упадокъ въ предшествовавшее царствованіе. Ежели государь дѣйствительно пожелаетъ возродить флотъ, то придется выдержать чертовскую борьбу противъ интригъ Англіи и образовать офицеровъ и матросовъ, не обучая ихъ строевой службѣ, что сгубило флотъ.

23-го декабря. Я слышалъ, что государь повелѣлъ членамъ коммиссіи у принятія прошеній являться на засѣданія всѣ предстоящіе праздники, исключая первыхъ дней Рождества Христова, Новаго года и Крещенія. Это распоряженіе вызвано, вѣроятно, отказомъ сенатора Соко-

---

[1]) Такъ называемый комитетъ 6 декабря 1826 г. имѣетъ свою исторію.— О дѣятельности его см. Сборн. Императ. Рус. Истор. Общества т. 90. Ред.

лова явиться въ засѣданіе въ то время, когда у сената были каникулы; должно быть статсъ-секретарь Лонгиновъ жаловался императору.

24-го декабря. Говорятъ, что императоръ работаетъ съ генераломъ Клейнмихелемъ по пятницамъ, а по четвергамъ Клейнмихель дѣлаетъ докладъ Дибичу. Слѣдовательно Дибичъ является начальникомъ штаба военныхъ поселеній только номинально. Я слышалъ также будто императоръ желалъ видѣть письма графа Аракчеева къ Клейнмихелю. Поэтому я ничуть не удивляюсь его назначенію въ комитетъ, на который возложено осуществленіе плановъ покойнаго императора.

Консисторскій судъ надъ А. М. Бухаревымъ [1]).

Ровно полвѣка тому назадъ, 8-го іюля 1846 г., въ праздникъ Казанскія Божіей Матери, въ домовой церкви Московской духовной академіи, происходило постриженіе въ монашество молодаго, только что блестяще окончившаго академическій курсъ студента Александра Матвѣевича Бухарева, нарѣченнаго при постриженіи Ѳеодоромъ. Посвящая себя служенію Богу, отрекаясь отъ міра и яже въ мірѣ, молодой Бухаревъ предначерталъ себѣ жизненный путь тою стезею, какою шли многіе изъ его предшественниковъ и сотоварищей. Но судьба судила иначе, и мы посвящаемъ настоящую статью описанію жизни Бухарева, составленную по оффиціальнымъ источникамъ.

Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ, уроженецъ Тверской губерніи, сынъ діакона. Въ 1842 г. окончилъ курсъ въ Тверской духовной семинаріи, онъ, какъ лучшій воспитанникъ, былъ командированъ въ Московскую духовную академію, изъ которой и выпущенъ въ 1846 г. Принявъ монашество, Ѳеодоръ пошелъ по іерархической лѣстницѣ обычнымъ порядкомъ. 8-го іюля онъ былъ постриженъ въ монахи и на другой день посвященъ во іеродіакона; 15-го іюля возведенъ въ санъ іеромонаха, при чемъ оставленъ бакалавромъ при Московской академіи по классу библейской исторіи и греческаго языка. Въ слѣдующемъ, 1847 г. Бухаревъ получилъ ученую степень магистра богословія, и при этомъ занялъ весьма видную въ духовной академіи каѳедру священнаго писанія и опредѣленъ академическимъ библіотекаремъ. Проходя означенныя должности и обязанности съ усердіемъ и успѣ-

[1]) Настоящій разсказъ заимствованъ изъ дѣла, хранящагося во Владимірской духовной консисторіи.

хомъ, Ѳеодоръ, за полезную и усердную службу въ 1850 г., былъ причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Московскаго Ставропигіальнаго Донскаго монастыря, оставаясь въ то же время при академіи. Въ 1852 г. онъ получилъ званіе экстраординарнаго профессора, а въ слѣдующемъ 1853 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора той же Московской академіи и 21-го января возведенъ въ санъ архимандрита на седьмомъ году монашества и тридцатомъ отъ роду.

Затѣмъ служба въ стѣнахъ лавры преподобнаго Сергія для архимандрита Ѳеодора скоро окончилась. Въ 1854 г. онъ былъ переведенъ въ Казанскую духовную академію съ званіемъ ординарнаго профессора и съ порученіемъ преподавать самые главные академическіе предметы: богословіе общее, догматическое и обличительное. Вслѣдъ за тѣмъ онъ назначенъ былъ членомъ конференціи Казанской академіи и въ томъ же году опредѣленъ членомъ внутренняго и внѣшняго академическаго правленія. Прослуживъ около года въ Казанской академіи, Ѳеодоръ, былъ 22-го сентября 1855 г. утвержденъ инспекторомъ академіи.

Среди суровой зимы 1858 г. было получено въ правленіи Казанской академіи опредѣленіе св. Сѵнода о перемѣщеніи архимандрита Ѳеодора на должность члена С.-Петербургскаго духовнаго цензурнаго комитета. Опредѣленіе состоялось 10-го января, и Ѳеодоръ долженъ былъ зимою, на перекладныхъ, проѣхать полторы тысячи верстъ съ огорченнымъ чувствомъ своего достоинства.

Не было секретомъ, что Ѳеодоръ пониженъ не то чтобы за либеральное, но за недостаточно схолатическое преподаваніе имъ богословскихъ предметовъ студентамъ академіи.

Членомъ цензурнаго комитета Ѳеодору пришлось быть три года. За это время, какъ говорятъ, онъ написалъ весьма замѣчательное объясненіе на Апокалипсисъ—объясненіе настолько по тому времени выдающееся новизною воззрѣній, что слухъ объ этомъ трудѣ достигъ до митрополита Филарета, который вытребовалъ рукопись, призналъ ее нетолько неудобной по цензурнымъ условіямъ къ печати, но вредной и съ толкованіями отцовъ и учителей церкви несогласной. Этого мало: разсказываютъ, что митрополитъ Филаретъ потребовалъ къ себѣ Ѳеодора, сдѣлалъ ему строгое внушеніе, а во время защиты авторомъ своихъ богословскихъ воззрѣній, кинулъ ему рукопись. Поднимая свой трудъ, архимандритъ Ѳеодоръ будто бы сказалъ святителю московскому, что такой способъ критики его сочиненій онъ находитъ неудобнымъ, и вышелъ.

Насколько этотъ разсказъ точенъ и вѣренъ, я ручаться не могу. Но какъ бы то ни было, по указу св. Сѵнода отъ 20-го февраля 1861 г., за № 591, согласно прошенію архимандрита Ѳеодора и по вниманію къ его разстроенному здоровью, онъ перемѣщенъ въ число братства въ

городъ Переяславль Владимірской губерніи въ Никитскій монастырь, оставаясь членомъ цензурнаго комитета. По этой должности Ѳеодоръ получалъ тысячу рублей и по званію магистра богословія сто рублей въ годъ.

Верстахъ въ трехъ отъ города Переяславля Залѣсскаго, влѣво отъ Московско-Ярославскаго шоссе, на высокой горѣ, расположенъ мужской Никитскій монастырь. Въ эту, удаленную отъ шума житейской суеты, обитель и прибылъ архимандритъ Ѳеодоръ. Переяславцы сейчасъ-же заговорили о томъ, что въ Никитскій монастырь присланъ ученый архимандритъ, для наученія монашескому смиренію и послушанію. Въ это время настоятелемъ Никитскаго монастыря состоялъ смотритель Переяславскаго духовнаго училища и предсѣдатель духовнаго правленія, архимандритъ Нифонтъ, по образованію студентъ семинаріи, человѣкъ весьма добродушный, не дѣлавшій никому зла. Онъ радушно принялъ Ѳеодора и относился къ нему съ глубокимъ почтеніемъ, какъ къ мужу ученому, могущему во всякомъ случаѣ достигнуть епископства. Но каково-же было удивленіе Нифонта, а съ нимъ всей монастырской братіи, всѣхъ обитателей переяславскихъ, когда Ѳеодоръ, проживъ въ Никитской обители два съ половиною года, 20-го іюля 1862 г. послалъ въ св. Сѵнодъ прошеніе о сложеніи съ него духовнаго и монашескаго сана. Въ этомъ прошеніи архимандритъ между прочимъ писалъ, что онъ, «по обстоятельствамъ, которыя касаются не его одного, а и другихъ лицъ, и которыхъ поэтому неудобно и для выясненія дѣла нѣтъ нужды разспрашивать, монашескія его отношенія соединяются во многомъ съ нарушеніемъ внутренняго мира и съ смущеніемъ совѣсти, чѣмъ въ корнѣ разрушается монашеское служеніе Богу».

Предъ подачею прошенія въ Сѵнодъ архимандритъ Ѳеодоръ, въ письмѣ къ ректору Московской духовной академіи отъ 14-го іюля 1862 года, Александру Васильевичу Горскому, подробно объясняетъ причины своего намѣренія оставить духовный санъ. Письмо это, слѣдующее [1]).

«Достопочтеннѣйшій отецъ протоіерей Александръ Васильевичъ!

«Вы такое живое и сердечное участіе принимаете во мнѣ, что мнѣ давно хотѣлось объяснить вамъ мое намѣреніе или уже предпріятіе, которое неизбѣжно подлежитъ всякимъ перетолкамъ.

«Мнѣ желательно, чтобы вамъ по крайней мѣрѣ извѣстна была внутренняя пружина, движущая меня къ перемѣнѣ званія. Отъ вашей доброй воли зависитъ согласиться съ моими мыслями или подвести подъ судъ этого апостольскаго правила: кійждо въ званіи, въ немъ же призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ. Изъ разговоровъ со мной въ

[1]) Письмо напечатано въ исторіи Московской духовной академіи.

Петербургѣ и изъ сочиненій, если ихъ читаете, вамъ извѣстна моя мысль и даже увѣренность, что въ настоящемъ броженіи и борьбѣ умовъ и стремленій человѣческихъ дѣло и духовное и свѣтское или мірское не иначе можетъ поправиться и умириться, какъ если духовное будетъ нисходить до мирскаго съ тѣмъ, чтобы понемногу и послѣднее поднялось до значенія и силы духовнаго. Не снизойди Господь съ небесной обители къ намъ на землю, въ нашъ грѣшный міръ, что было бы съ этимъ міромъ, все равно съ православными,—тогда іудеями—или съ чуждыми церкви язычниками. Вѣдь навѣрно всѣ бы мы погибли. Развивалъ я эти мысли въ сочиненіяхъ своихъ, но все это остается гласомъ вопіющимъ въ пустыни. Трудъ, который могъ бы сколько-нибудь побудить разсуждающихъ къ серьезнымъ мыслямъ и заботамъ о нынѣшнихъ духовныхъ затрудненіяхъ и опасностяхъ, остановленъ... Что-же? И мнѣ идти на покой нравственнаго усыпленія. Удовлетвориться, напримѣръ, назначеніемъ въ какой-нибудь монастырь, или какою-либо пенсіею. Но вѣдь это было бы нечестно предъ Богомъ и церковію, если судить меня по моей совѣсти или по тому, въ чемъ я признаю и вижу главную бѣду нашего времени.

«Другіе не хотятъ, ну такъ мнѣ самому ничто не препятствуетъ испытать на дѣлѣ служеніе Христу Богу и въ мірскомъ званіи. Доберутся до истины и другіе,—только была бы эта истина проведена въ самой жизни и тѣмъ получила мѣсто болѣе прочное, чѣмъ по однимъ сочиненіямъ. Далекъ я, достопочтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, отъ отрицанія истиннаго благочестія и истинной добродѣтели или любви къ истинѣ во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые идутъ не по вышеуказанному направленію, какому я хотѣлъ весь предаться. Но есть различіе между свѣтомъ дня болѣе и болѣе угасающаго и свѣтомъ дня разсвѣтающаго; мерцаніе послѣдняго надежнѣе по отношенію къ будущему, чѣмъ ясная заря вечерняя. Примѣненіе притчи—понятно.

«Скажете-ли, что я неправъ въ своемъ отзывѣ, что другіе не входятъ въ общее со мною направленіе. Посмотри (скажете, пожалуй, мнѣ) на то, какъ наши духовные журналы заняты и внѣшнимъ бытомъ духовенства, удобствами ученыхъ и учащихся или церковно-финансовымъ вопросомъ и т. под. Но дѣло истины выигрываетъ не отъ того, чтобы и сами духовные занимались своимъ дѣломъ помірски, но отъ того, чтобы они выяснили какъ и мірскимъ или свѣтскимъ людямъ заниматься своими дѣлами по духовному, сохраняя при томъ всю свою самостоятельность. Что же для этого дѣлаютъ наши духовные журналы? Ровно ничего, не исключая ни одного изъ нихъ. Общія мѣста, высказываемыя на этотъ предметъ по временамъ,—ничего не выясняютъ и не доказываютъ. Всѣ мы, изволите видѣть, въ важности разъясненія истины обдѣлываемъ болѣе свои дѣлишки, будетъ-ли это состоять въ разсчетѣ

своекорыстія или въ стремленіи имѣть роль повиднѣе и съ доброю у другихъ славою, или только въ уклончивости отъ опасности нарекавій, безпокойства, шума разногласія съ важными или нужными людьми. Простите меня, ради Бога, за подобныя рѣчи, которыя и мнѣ непріятны. Лучше идти самому путемъ, въ истинности котораго увѣряетъ совѣсть, нежели судить отъѣзжающихъ отъ этого пути. Высказываю вамъ все это единственно для объясненія моего рѣшительнаго шага. Зачѣмъ я, скажете, не боюсь соблазнить другихъ? Не «Домашнюю-ли Бесѣду» и сочувствующихъ ей? Не уклоняться же мнѣ отъ соблазна креста Христова ради тѣхъ, которые упорствуютъ находить этотъ соблазнъ. Обдѣлывающіе же свои дѣлишки, соблазняются только развѣ т а к ъ, къ слову. Искренно-же благочестивые только поскорбятъ о мнѣ предъ Богомъ. Другіе же пусть если хотятъ разсуждаютъ и разсудятъ, что же это въ самомъ дѣлѣ такое дѣлается у насъ? Говорю о знающихъ меня, другимъ-же дѣла нѣтъ до меня. Впрочемъ и я не хочу же оставлять дѣла служенія истинѣ, только перейду въ свѣтскую область (подчиненную одной и той же съ духовными истинѣ), чтобы не соблазнялись живою внимательностію къ ея дѣлу—со стороны монаха.

«Если Господь сохранитъ мнѣ жизнь, желаю идти путемъ служенія Христу (Богу) Господу въ мірѣ до самыхъ даже крайнихъ предѣловъ внѣшней мірской жизни.

«Вотъ каковы мои обстоятельства и дѣла, и думы! Простите мою откровенность предъ вами, вызываемую вашимъ ко мнѣ участіемъ. Братству академическому, по-братски же (слышу) сочувствующему мнѣ, глубокіе мои поклоны. Предаюсь во всемъ Господу. У васъ теперь экзамены, хлопоты, труды, а я вздумалъ затягивать васъ въ длинную бесѣду. Простите».

На это письмо архимандрита Ѳеодора, дышащее полною преданностью волѣ Божіей, но по идеѣ и идеаламъ автора очень туманное, Александръ Васильевичъ Горскій писалъ ему слѣдующее:

«Отче, братіе и друже!

«Давно просилась душа моя на бесѣду съ вами, особенно личную бесѣду; усты ко устомъ. Но сперва слухи о поѣздкѣ вашей изъ Переяславля, потомъ извѣстныя вамъ періодическія работы, возвращающіяся черезъ каждые два года, отстраняли эту мысль. Но теперь возобновившіеся слухи и письмо ваше побуждаютъ замѣнить устную бесѣду по крайности письменною. Простите, если немощное слово и озабоченная другими дѣлами дума не найдетъ достаточнаго предмету бесѣды выраженія. Прискорбно и для насъ извѣстіе, что трудъ вашъ, которому посвящено было столько лѣтъ самаго усерднаго занятія, который стоилъ вамъ столькихъ изысканій, думъ, молитвъ — задержанъ. Зная осторожность нашего духовнаго правительства въ дѣлахъ такого

*

рода, не думаемъ, чтобы этому было причиною совершенное несогласіе его съ вашимъ изъясненіемъ. Навѣрное, если ваше толкованіе было предметомъ общаго разсужденія, были предъявлены какія-либо замѣчанія, противъ какихъ-либо частныхъ недостатковъ, легко исправимыхъ, а можетъ быть не всѣми признаваемыхъ за недостатки, — замѣчанія, написанныя подъ вліяніемъ строгихъ понятій о цензурѣ. Но вотъ узы цензуры по частямъ начинаютъ разрѣшаться. Надобно ожидать, что при такомъ положеніи дѣлъ и по духовному вѣдомству будутъ сдѣланы измѣненія въ существующихъ правилахъ цензурнаго устава. Но можетъ быть и не дожидаясь этихъ измѣненій, нашли бы мы средства при нѣкоторыхъ уступкахъ провести дѣло ваше въ свѣтъ. Не рѣшитесь-ли вы сообщить на нѣсколько времени намъ ваши тетради съ сдѣланными на нихъ замѣчаніями, съ тѣмъ, чтобы мы пересмотрѣли то и другое и, подумавъ, на чьей сторонѣ болѣе правды, предложили вамъ нѣкоторыя примирительныя мѣры; въ другихъ же случаяхъ, строго держась воззрѣнія вашего, представили это дѣло на улаженіе нашему мудрому святителю. И такимъ образомъ черезъ него вновь оно могло бы явиться на судъ нашей церкви, но уже съ болѣе сильнымъ голосомъ въ пользу вашу [1])».

По нашему глубокому убѣжденію и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣемъ мы, у архимандрита Ѳеодора, кромѣ принципіальныхъ воззрѣній на монашество, кромѣ оскорбленнаго авторскаго самолюбія, кромѣ тяжести житья въ захолустномъ монастырѣ, вдали отъ науки и ученыхъ, была иная и, думаемъ, главная причина исканія выхода изъ-за монастырской ограды на вольный свѣтъ.

Причина эта сердечнаго свойства.

Во время пребыванія архимандрита Ѳеодора въ Никитскомъ монастырѣ, у проживающаго въ г. Переславлѣ помѣщика Родышевскаго была дочь, увлекшаяся духомъ отрицательнаго направленія, подъ вліяніемъ ученій и броженій умовъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Естественно, что отрицательное направленіе дочери не могло не безпокоить родительскаго сердца, и вотъ Родышевскій, не находя въ себѣ достаточныхъ силъ къ переубѣжденію дочери, обратился къ помощи Ѳеодора, какъ мужа науки и ума выдающагося. Бесѣда архимандрита Ѳеодора «усты ко устомъ» съ дѣвицей Родышевской породила у обоихъ ту взаимность чувствъ, которая и понудила Ѳеодора искать выхода въ свѣтское званіе для вступленія, по его выраженію, въ брачную жизнь. Вѣдь если бы Ѳеодоръ рѣшилъ ходатайствовать о сложеніи съ

[1]) Это письмо найдено недописаннымъ въ архивѣ А. В. Горскаго, и полагать надо, что Ѳеодоръ отвѣта на свое письмо къ Александру Васильевичу не получилъ, что конечно не могло не огорчать его и съ еще большей рѣшимостью покинуть духовное званіе.

него сана раньше, до знакомства съ Родышевской, то ему не было бы никакой надобности уѣзжать изъ Петербурга въ захолустный Переяславль. Да и по прибытіи въ Никитскій монастырь, Ѳеодоръ не тотчасъ приступилъ къ хлопотамъ о сложеніи сана, нѣтъ—онъ начинаетъ эти хлопоты, проживши здѣсь два съ половиною года. Все это убѣждаетъ насъ въ вѣрности нашего предположенія о главнѣйшей причинѣ, побудившей архимандрита къ выходу изъ духовнаго званія.

Получивъ просьбу Ѳеодора Сѵнодъ опредѣлилъ прошеніе его оставить безъ послѣдствій, какъ непосредственно представленное въ Сѵнодъ, ибо съ ходатайствомъ о сложеніи духовнаго сана должно было обратиться къ мѣстному епархіальному архіерею. Свое опредѣленіе Сѵнодъ поручилъ Владимірской духовной консисторіи объявить установленнымъ порядкомъ архимандриту Ѳеодору и взыскать съ него 2 р. 10 к. гербоваго сбора, такъ какъ онъ вошелъ съ прошеніемъ, написанномъ на простой бумагѣ.

Получивъ синодальный отвѣтъ, архимандритъ Ѳеодоръ въ томъ же 1862 году, 11-го октября, послалъ владимірскому архіерею слѣдующее прошеніе:

„Его преосвященству преосвященнѣйшему Іустину епископу Владимірскому и Суздальскому. Состоящаго въ числѣ братства Переяславскаго Никитскаго монастыря, архимандрита Ѳеодора покорнѣйшее прошеніе.

„Такъ какъ монашескія мои отношенія, по обстоятельствамъ особой важности, не отъ меня зависящимъ, соединяются у меня во многомъ съ коренным нарушеніемъ внутренняго міра и смущеніемъ совѣсти; то по продолжительномъ и зрѣломъ обсужденіи этого, я нахожу себя въ положеніи человѣка, не могущаго во благо и спасеніе свое нести принятое мною иго монашества. Поэтому рѣшаюсь искать выхода изъ священнаго и монашескаго чина въ рядъ простыхъ православныхъ для поступленія въ брачную жизнь, съ готовностью подвергнуться должной эпитиміи и лишенію разныхъ правъ по церковнымъ правиламъ и законамъ гражданскимъ, покорнѣйше прошу ваше преосвященство учинить архипастырскія по закону распоряженія и ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о снятіи съ меня священнослужительскаго и монашескаго сана. Состоящій въ числѣ братства Переславскаго Никитскаго монастыря архимандритъ Ѳеодоръ руку приложилъ".

На этомъ прошеніи епископъ Іустинъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Въ консисторію для распоряженія на основаніи законовъ».

Съ своей стороны Владимірская духовная консисторія 22-го октября 1862 года опредѣлила:

„На основаніи 91 ст. уст. дух. консист. и тома IX ст. 254 Св. Законовъ, Переяславскаго Никитскаго монастыря настоятелю архимандриту Нифонту со старшею братіею съ прописаніемъ содержанія прошенія архимандрита Ѳеодора предписать, чтобы они состоящему въ оном монастырѣ въ числѣ братства архимандриту Ѳеодору, просящему о сложеніи съ него священнослужительскаго и монашескаго сана, преподавали въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ увѣщанія, дабы онъ до конца жизни своей остался вѣренъ данному

обѣту монашества и свято хранилъ свой священнослужительскій и монашескій санъ, и, что окажется по увѣщанію, консисторіи донести, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ".

Настоятель Никитскаго монастыря архимандритъ Нифонтъ, по своему добродушію и мягкосердію, а «старшая братія» по своей неподготовкѣ къ выполненію такого серьезнаго и, можно сказать, щекотливаго порученія, не безпокоила Ѳеодора своими увѣщаніями. 17-го февраля 1863 года архимандритъ Нифонтъ въ рапортѣ, за № 35-мъ, доносилъ Владимірской духовной консисторіи, что архимандритъ Ѳеодоръ остался въ непреклонномъ рѣшеніи искать выхода изъ духовнаго чина въ рядъ простыхъ православныхъ, потому что въ установленныхъ монашескихъ отношеніяхъ, по обстоятельствамъ, онъ не въ состояніи служить Богу съ духовнымъ миромъ и спокойною совѣстью и въ подтвержденіе своей непреклонной рѣшимости выйти въ рядъ простыхъ православныхъ далъ собственноручное на бумагѣ объясненіе.

При этомъ рапортѣ было представлено въ консисторію слѣдующее объясненіе Ѳеодора:

„Его высокопреподобію, отцу настоятелю Никитскаго монастыря архимандриту Нифонту съ братіей.

„Состоящаго въ числѣ братства этого монастыря архимандрита Ѳеодора. Объясненіе.

„Подвергнувшись по распоряженію начальства трехмѣсячному увѣщанію вашему объ удержаніи мною священнослужительскаго и монашескаго сана, симъ имѣю честь объяснить вамъ, что въ установившихся монашескихъ отношеніяхъ будучи не въ состояніи служить Богу съ духовнымъ миромъ и совѣстію, я остаюсь въ непреклонной рѣшимости искать выхода изъ духовнаго чина въ рядъ простыхъ православныхъ; а сколько оказываюсь въ этомъ повиннымъ предъ Господомъ, готовлюсь за то охотно и смиренно понести бремя церковной эпитиміи и лишенія многихъ важныхъ правъ. 1863 года февраля 10-го дня".

Исключительность положенія Ѳеодора, его извѣстность какъ ученаго, его скромность, его по внѣшности аскетическая натура, все это взятое вмѣстѣ породило массу толковъ не только между монахами, но и свѣтскими лицами, когда Ѳеодоръ возбудилъ вопросъ о своемъ растриженіи. Въ общемъ у Ѳеодора сторонниковъ не было. Но особенно оскорбительно отзывался о намѣреніяхъ его извѣстный въ то время г. Аскоченскій въ своей «Домашней Бесѣдѣ», органѣ полусвѣтскомъ и полудуховномъ. Рѣшимость же Ѳеодора, вызываемая чувствомъ взаимности любимаго человѣка, была непоколебима. Ему, какъ разсказывали въ то время, обѣщано было даже скорое архіерейство, разрѣшеніе печатанія непропущеннаго сочиненія, только бы онъ оставилъ свое намѣреніе о сложеніи сана. Ничто, однако же, не дѣйствовало. Вслѣдствіе этого, въ апрѣлѣ 1863 года, Ѳеодоръ вызванъ былъ во Владиміръ и помѣщенъ въ архіерейскомъ монастырѣ. Тогдашнему ректору семина-

ріи архимандриту Алексію поручено было убѣждать Ѳеодора оставить намѣреніе о сложеніи духовнаго сана. Увѣщатель, будучи самъ человѣкъ не высокаго ума, раздражительный, крикливый, даже бранливый (намъ лично извѣстный), доказывалъ Ѳеодору, что его намѣреніе оскорбительно для священнаго званія и гибельно для него самого, и своими увѣщаніями вынудилъ Ѳеодора отвѣтить, что еще не родился тотъ человѣкъ, который бы переубѣдилъ его. О безуспѣшности своихъ увѣщаній реѣторъ Алексій донесъ епископу Іустину рапортомъ отъ 6-го мая 1863 года. Вслѣдствіе этого донесенія, духовная консисторія 7-го мая опредѣлила: «для окончательнаго увѣщанія, пригласить архимандрита Ѳеодора въ присутствіе консисторіи 10-го числа, въ 12 часовъ дня, и отнестись къ членамъ консисторіи: архимандриту Алексію и архимандриту Іерониму, чтобы они къ означенному времени благоволили прибыть въ духовную консисторію».

Увѣщаніе полнаго состава присутствія духовной консисторіи сдѣлано было архимандриту Ѳеодору словесно, и журнала съ изложеніемъ увѣщательныхъ рѣчей составлено не было. Въ дѣлѣ есть только донесеніе Ѳеодора на имя консисторіи, въ которомъ онъ пишетъ: «Выслушавъ сего 10-го мая 1863 года увѣщаніе со стороны членовъ духовной консисторіи въ ея присутствіи, долгъ имѣю объяснить, что остаюсь въ той же рѣшимости относительно снятія съ меня монашескаго и священнослужительскаго сана, какъ выражено мною въ поданномъ на высочайшее имя прошеніи [1])».

25-го мая 1863 года, Владимірская духовная консисторія дѣло Ѳеодора представила въ Сѵнодъ, который указомъ 25-го іюня разрѣшилъ снять съ него священнослужительскій и монашескій санъ. Вызванный 31-го іюля въ консисторію, Ѳеодоръ далъ слѣдующую подписку:

„Дана сія подписка въ присутствіи Влад. духовн. консисторіи, согласно опредѣленію ея, бывшимъ архимандритомъ Ѳеодоромъ въ томъ, (что) какъ сложившій съ себя по собственному желанію и съ разрѣшенія Св. Сѵнода санъ священнослужительскій и монашескій, не долженъ по силѣ 258 ст. IX т. Свод. Зак. именовать себя архимандритомъ, кавалеромъ и магистромъ, носить монашеской одежды и обязанъ называться по имени, отчеству и фамиліи, а именно: Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ. На основаніи 4 п. 254 ст. того же тома онъ не имѣетъ права жить въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ жилъ монахомъ, а именно: въ Московской, С.-Петербургской, Казанской и Владимірской, равно и въ обѣихъ столицахъ, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, быть сосланнымъ въ Сибирь на всегдашнее пребываніе. Къ сей подпискѣ, сложившій съ себя санъ, бывшій архимандритъ Ѳеодоръ, а нынѣ Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ, руку приложилъ, іюля 31-го дня 1863 года.“

---

[1]) Когда писалъ Ѳеодоръ и въ какихъ выраженіяхъ прошеніе на высочайшее имя—изъ дѣла не видно.

Лишенный многихъ правъ и преимуществъ, Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ находилъ утѣшеніе въ любящемъ сердцѣ. По сложеніи сана, онъ женился на Родышевской и въ брачной жизни прожилъ около восьми лѣтъ. Оставшаяся вдовой Бухарева вспоминала о прожитыхъ годахъ съ Александромъ Матвѣевичемъ, какъ о самыхъ свѣтлыхъ и счастливыхъ въ своей жизни. Сдѣлавшись мірянином, Бухаревъ писалъ догматическія сочиненія, приносившія ему впрочемъ мало матеріальныхъ выгодъ. Послѣднее изданіе его «Объ упокоеніи усопшихъ и о духовномъ здравіи живыхъ» относится къ 1866 году. Изъясненіе Апокалипсиса такъ и осталось неизданнымъ. Умеръ Александръ Матвѣевичъ, 2-го апрѣля 1871 года, имѣя около 50 лѣтъ. Похороненъ въ городѣ Переяславлѣ на избранномъ имъ самимъ мѣстѣ, гдѣ онъ, будучи еще въ духовномъ санѣ, въ тѣни кладбищенскихъ деревъ, по многу и по долгу бесѣдовалъ съ любящей его дѣвушкой, рѣшившейся изъ дворянской семьи выйти въ замужество за «безправнаго» человѣка [1]).

Закончимъ статью нашу характеристикой Бухарева, сдѣланной лицомъ его хорошо знающимъ, С. К. Смирновымъ, ректоромъ московской духовной академіи. «Человѣкъ съ горячимъ характеромъ, съ направленіемъ ультра-аскетическимъ, писалъ о Бухаревѣ Сергѣй Константиновичъ, доходившій до крайности мистическаго созерцанія и при томъ непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ рѣшился снять съ себя монашескій санъ, и, несмотря на убѣдительныя представленія многихъ, въ томъ числѣ митрополита Филарета и А. В. Горскаго, котораго онъ глубоко уважалъ, настоялъ на своемъ требованіи и въ 1863 году сдѣлался мірянином».

Н. Соловьевъ.

---

[1]) Свѣдѣнія о Бухаревѣ появлялись въ свое время во многихъ періодическихъ изданіяхъ: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1871 годъ, № 86 и 74 года № 84, въ «Современныхъ извѣстіяхъ» за 71 годъ № 109, въ «Голосѣ» 71 года № 121, въ «Церковнообществ. Вѣстникѣ» 74 года № 43 и другихъ изданіяхъ. Но собственно свѣдѣній о самой процедурѣ сложенія духовнаго сана съ Бухарева нигдѣ въ печати не появлялось. Вотъ почему настоящую статью мы составили и назвали «Консисторскій судъ надъ Бухаревымъ». Здѣсь кстати замѣтимъ, что собственно разстриженія, въ смыслѣ стрижки волосъ при сложеніи духовными лицами своего сана, никакого не бываетъ. Не было совершаемо его и надъ Бухаревымъ, какъ болтали досужіе языки въ то время. Ему объявили указъ Сѵнода, отобрали отъ него „ставленную грамоту“—и только. Дѣло о сложеніи сана съ архимандрита Ѳеодора производилось одинъ годъ и два мѣсяца.

ВСТРѢЧА
СЪ АЛЕКСѢЕМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ ЕРМОЛОВЫМЪ.

(Изъ воспоминаній Варвары Михайловны Щепотьевой).

Старшій братъ мой, Иванъ Михайловичъ Свѣшниковъ, былъ выпущенъ въ 1838 году изъ Московскаго кадетскаго корпуса прапорщикомъ въ конную артиллерію, и за шалости и скандалы, бывшіе тогда въ большомъ ходу между офицерами, былъ переведенъ на Кавказъ.

Зимою 1845 года братъ былъ уже поручикомъ, когда съ нимъ случилось несчастіе: онъ сошелся съ одною замужнею женщиною, любилъ ее до безумія и до безумія ревновалъ. И вотъ, въ одинъ вечеръ, на балѣ въ Тифлисскомъ собраніи, за этою женщиною слишкомъ явно сталъ ухаживать молодой, чиновникъ состоявшій при князѣ Воронцовѣ нѣкто А—товъ. Между соперниками возникла ссора, оба были къ тому же не совсѣмъ трезвы и, послѣ танцевъ, когда дамы разъѣхались, а мужчины сѣли за ужинъ, А—товъ, сидя за общимъ столомъ, громко назвалъ брата подлецомъ; шашка брата была при немъ, онъ выхватилъ ее, бросился на А—това и убилъ его на мѣстѣ.

Мы жили въ то время въ имѣніи отца, Смоленской губерніи Юхновскаго уѣзда, и конечно не знали ничего о случившемся на Кавказѣ, какъ вдругъ, уже въ іюлѣ 1845 года, отецъ получилъ отъ брата письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ.

«Слѣдствіе по моему дѣлу окончено: я приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ безсрочной каторжной работѣ. Приговоръ состоялся, но еще не конфирмованъ княземъ намѣстникомъ, который въ

настоящее время въ отлучкѣ.—Какъ только онъ вернется въ Тифлисъ и подпишетъ приговоръ, участь моя будетъ рѣшена безповоротно.

«Простите мнѣ, дорогой отецъ, все горе, которое я вамъ приношу: если найдете какое-нибудь средство мнѣ помочь—помогите, но на каторгу я не пойду: легче умереть разъ, чѣмъ умирать каждый день, и я съумѣю покончить съ собою прежде, чѣмъ буду отправленъ въ рудники. Матери не говорите ничего, я оставлю ей писемъ на нѣсколько лѣтъ, она будетъ получать ихъ долго послѣ моей смерти. Вы, мой строгій, но добрый и горячо любимый отецъ, благословите меня; вѣдь я, хотя и преступникъ, но не измѣнилъ ни присягѣ своей, ни чести».

Горе наше было безпредѣльно, и тѣмъ тяжелѣе, что отъ матери мы его скрывали: слабая, болѣзненная, и страстно, больше всѣхъ дѣтей, любившая Ивана, она не перенесла бы его несчастія. При ней мы притворялись веселыми и покойными; только съ отцомъ, гдѣ-нибудь далеко отъ дома, мы могли облегчить душу слезами и поговорить о бѣдномъ братѣ. Средствъ къ его спасенію мы не знали никакихъ, кромѣ молитвы; и мы молились, молились усердно, съ несомнѣнною вѣрою въ милосердіе Божіе,—и Господь послалъ намъ избавленіе.

Прежде всего мнѣ посовѣтовали написать къ княгинѣ Воронцовой, просить ея заступничества за брата. Я такъ и сдѣлала: написала княгинѣ все, что говорило мнѣ сердце, и очень скоро получила отъ нея самый милый, теплый отвѣтъ.—Княгиня благодарила меня за то, что я отнеслась къ ней въ такую скорбную минуту и тѣмъ выразила доброе о ней мнѣніе; за тѣмъ обѣщала, что, по возвращеніи въ Тифлисъ, князь самъ разсмотритъ дѣло моего брата, и «сдѣлаетъ все, что позволятъ ему долгъ и совѣсть, для смягченія приговора». Въ то же время и отъ брата пришло отрадное извѣстіе.—Княгиня дѣйствительно приняла въ немъ живѣйшее участіе, озаботилась объ улучшеніи его положенія настолько, что присылала ему ежедневно завтракъ, обѣдъ и ужинъ, припасы къ чаю, фрукты, даже книги для чтенія.—Подобное вниманіе княгини, конечно, отозвалось благотворно на всей обстановкѣ брата и на его душевномъ состояніи.

Но этого было недостаточно. Приговоръ все же существовалъ, и не сегодня завтра могъ быть конфирмованъ намѣстникомъ. Мы еще прилежнѣе, еще горячѣе стали молиться Богу—и опять не напрасно. Совершенно неожиданно, одинъ изъ отставныхъ офицеровъ, служившій на Кавказѣ при Ермоловѣ, узналъ какъ-то случайно о нашемъ горѣ и сообщилъ отцу, что если мы обратимся къ Алексѣю Петровичу, то онъ силенъ спасти брата, такъ какъ князь Воронцовъ его глубоко чтитъ, и ни въ чемъ ему отказать не можетъ.—Самъ же Алексѣй Петровичъ, будучи человѣкъ добрѣйшей души, не останется равнодушенъ къ такому несчастію.

Кто въ Россіи не зналъ Алексѣя Петровича Ермолова? знали его и мы, хотя знакомы съ нимъ не были. Однажды я, съ сестрою и съ матерью, были въ Московскомъ благородномъ собраніи и сидѣли за балюстрадою въ большой залѣ. Вдругъ всѣ глаза обратились въ сторону входа, всѣ вставали съ мѣстъ и кому-то кланялись. Въ собраніе входилъ очень высокаго роста генералъ, весь обвѣшанный орденами и направился въ нашу сторону. Мать поднялась съ мѣста, мы тоже. Когда генералъ поровнялся съ нами, мать ему поклонилась и шепнула намъ: «кланяйтесь». Мы почтительно поклонились; генералъ отвѣтилъ самымъ учтивымъ поклономъ и прошелъ мимо. Мы спросили у матери: «кто это».

— Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ,—отвѣчала она съ благоговѣніемъ.

— Развѣ вы, маменька, съ нимъ знакомы?

— Нѣтъ, я съ нимъ не знакома, но каждый русскій знаетъ и чтитъ Алексѣя Петровича Ермолова. Всѣ знакомые и незнакомые, даже дамы, передъ нимъ встаютъ и ему кланяются.

— Почему?

— Потому, что онъ этого достоинъ: онъ честь и слава Россіи.

Дома мать разсказала намъ о дѣятельности Ермолова, и съ тѣхъ поръ онъ оставался въ нашей памяти, какъ идеалъ чести и доблести, дѣйствительно заслуживающій всеобщее поклоненіе.

Теперь, когда мы узнали, что этотъ самый Алексѣй Петровичъ Ермоловъ можетъ спасти брата, мы ожили надеждою. Отецъ рѣшилъ немедленно къ нему обратиться; но не письменно, а лично. Отцу ѣхать въ Москву было невозможно: онъ такъ много плакалъ, что у него сильно разболѣлись глаза,—и я вызвалась ѣхать вмѣсто него. Отецъ съ радостью согласился отпустить меня съ одною изъ моихъ замужнихъ сестеръ; матери сказали, что мы ѣдемъ на богомолье въ Троицкую Лавру. Съ ея стороны препятствія не оказалось, и мы выѣхали 10-го августа 1845 года.

Въ Москвѣ я прежде всего отправилась къ Иверской и отслужила молебенъ. Выходя изъ часовни, я вспомнила, что не знаю дома Алексѣя Петровича. Адресныхъ столовъ тогда еще не было, и отыскать кого-нибудь въ Москвѣ было дѣло не легкое. Но мнѣ тутъ же пришла счастливая мысль: я спросила у перваго попавшагося мнѣ извозчика, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ?

— Какъ не знать Алексѣя Петровича? отвѣчалъ извозчикъ, снимая шляпу при имени Ермолова; они живутъ въ собственномъ домѣ, на Предтеченскомъ бульварѣ.

— Можешь меня туда свезти?

— Извольте садиться, доставимъ.

Ставни въ домѣ Ермолова были затворены. По двору шла женщина съ ведромъ воды. Я ее спросила: «дома ли Алексѣй Петровичъ»?

— Никакъ нѣтъ, они у себя въ деревнѣ.

— Далеко отъ Москвы?

— 23 версты.

— Какъ зовутъ эту деревню?

— Осоргино.

— По какой дорогѣ надо ѣхать?

— По большой Можайской.

— Въ какую заставу?

— Въ Дорогомиловскую.

Поблагодаривъ женщину за сообщенныя свѣдѣнія, я вернулась домой, и на другой день, 14-го августа, отправилась по утру въ Осоргино.

Часу въ двѣнадцатомъ дня моя карета остановилась у воротъ Ермолова. Я послала спросить, дома ли Алексѣй Петровичъ, и можно ли его видѣть? Мой посланный скоро вернулся, но не одинъ: впереди шелъ какой-то старичекъ, очень симпатичной наружности, подошелъ къ окну моей кареты и сказалъ мнѣ:

— Алексѣй Петровичъ очень извиняется, но онъ сегодня нездоровъ, не могъ еще ни встать съ постели, ни одѣться, и потому принять не можетъ.

Я горько заплакала. Голосомъ, дрожащимъ отъ слезъ и волненія, но твердо и рѣшительно, я отвѣчала старичку:

— Передайте, прошу васъ, Алексѣю Петровичу, что я пріѣхала за 300 верстъ исключительно для того, чтобы его видѣть и просить о весьма важномъ для меня дѣлѣ; что я умоляю его меня принять, не задержу его болѣе получаса. Ни вставать съ постели, ни одѣваться ему нѣтъ никакой надобности: не до этикета мнѣ, когда каждая потерянная минута можетъ все погубить. Пусть онъ приметъ меня какъ ему угодно, какъ ему возможно, только бы принялъ и выслушалъ; но я не отъѣду отъ его воротъ, пока онъ не умилосердится надо мною,—у насъ такое страшное несчастіе!... и только одинъ Алексѣй Петровичъ можетъ насъ спасти!...

Сочувствіе и жалость ясно выразились на лицѣ старичка. Онъ просилъ меня успокоиться, обѣщалъ передать мои слова Алексѣю Петровичу и надѣялся, что онъ меня приметъ, несмотря на свое нездоровье. Старичекъ пошелъ обратно въ домъ, а я осталась у воротъ въ страшной тревогѣ. Нѣсколько минутъ спустя, тотъ же старичекъ вышелъ на крыльцо, велѣлъ моему кучеру подъѣхать, помогъ мнѣ выйти изъ кареты, проводилъ меня въ гостиную, сказалъ, что Алексѣй Петровичъ проситъ немного подождать, сѣлъ рядомъ со мною и старался занять меня разговоромъ. Но я такъ была поглощена своимъ горемъ, что не

могла ни думать, ни говорить о чемъ либо другомъ; не слушала, что говорилъ мнѣ этотъ добрый старичекъ, отвѣчала не впопадъ, или вовсе не отвѣчала. Онъ вѣроятно понялъ мое душевное состояніе, и прямо спросилъ меня, по какому дѣлу я пріѣхала?

— Этого я не могу сказать никому, кромѣ Ермолова.

— Такъ не можете ли по крайней мѣрѣ сказать, гдѣ ваше дѣло?

— На Кавказѣ.

— Ну такъ успокойтесь: на Кавказѣ Алексѣй Петровичъ имѣетъ большую силу, и навѣрное вамъ поможетъ. Да не могу ли и я быть чѣмъ нибудь вамъ полезенъ? Я тоже долго служилъ на Кавказѣ вмѣстѣ съ Ермоловымъ, имѣю связи: тамъ у меня зять мой Коцебу... есть и другія лица... позвольте дать вамъ мой адресъ,—можетъ быть, и пригодится.

Онъ взялъ карандашъ и клочекъ бумаги, написалъ четкимъ крупнымъ почеркомъ: Отставной генералъ-маіоръ Романъ Ивановичъ Ховенъ, и подалъ мнѣ; я поблагодарила, и взяла адресъ. Въ эту минуту двери гостиной растворились, и вошелъ Ермоловъ. Я встала, сердце у меня сильно забилось, я сама чувствовала, какъ блѣднѣю. Алексѣй Петровичъ привѣтливо мнѣ поклонился и сказалъ:

— Позвольте представиться,—Ермоловъ.

Я назвала себя.

— Прошу садиться,—сказалъ опять Алексѣй Петровичъ.

Я сѣла, Ермоловъ противъ меня; Ховенъ тотчасъ удалился, и мы остались вдвоемъ.

— Прежде всего, сказалъ мнѣ Ермоловъ, я долженъ предупредить васъ, Варвара Михайловна, что вы, можетъ быть, преувеличиваете мое вліяніе; оно въ настоящее время весьма незначительно, особенно въ Петербургѣ. Многіе мои старые сослуживцы, дорогіе товарищи, ихъ вдовы и сироты, обращались ко мнѣ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, и я ничего не могъ для нихъ сдѣлать...

— Не такого рода моя къ вамъ просьба, Алексѣй Потровичъ! не мѣста, не пособія намъ нужно; напротивъ, мы сами дали бы дорого за спасеніе брата, но оно куплено быть не можетъ.

— Вашъ братъ? Онъ служитъ?

— Служилъ поручикомъ артиллеріи.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Все еще тамъ же, на Кавказѣ.

— На Кавказѣ? такъ говорите смѣло: на Кавказѣ я, надѣюсь, могу еще многое сдѣлать, а что могу, то конечно и сдѣлаю. Разскажите мнѣ ваше дѣло.

Не помню, что и какъ я заговорила... сердце замерло, въ глазахъ потемнѣло,.. но среди моего разсказа, я какъ-то взглянула на Ермолова, и—Боже мой!—что за доброта, какое теплое сочувствіе на этомъ суро-

вомъ лицѣ! У него, у Ермолова, катились изъ глазъ двѣ крупныя слезы, онъ смотрѣлъ на меня пристально, съ такимъ состраданіемъ!... Этотъ взглядъ, эти слезы ободрили меня, и я кончила свой разсказъ уже съ облегченною душою.

— Милое дитя, сказалъ, выслушавъ меня, Ермоловъ: я истинно радъ что вы просите меня о томъ, что я могу сдѣлать. Успокойтесь же, не плачьте, вашъ братъ будетъ спасенъ, на сколько это возможно. Подождите меня здѣсь немного, я сейчасъ къ вамъ вернусь.

Алексѣй Петровичъ торопливо удалился, а Ховенъ пришелъ опять въ гостиную. Узнавъ отвѣтъ Ермолова, онъ такъ искренно обрадовался, что я была глубоко тронута его участіемъ. Не болѣе, какъ черезъ полчаса Ермоловъ вернулся съ незапечатаннымъ письмомъ, которое тутъ же мнѣ и прочелъ. Онъ писалъ къ князю Воронцову, какъ къ хорошему товарищу, и ходатайствовалъ за моего брата. Жалѣю, что не могу передать слово въ слово всего письма, помню только нѣсколько строкъ: «Онъ (т. е. братъ мой) пролилъ кровь,—пусть же своею кровію искупитъ преступленіе; но пощади молодаго человѣка, не дай ему погибнуть безвозвратно». Прочитавъ мнѣ все письмо, Ермоловъ его запечаталъ и, отдавая мнѣ, сказалъ:

— Завтра маль-почта идетъ на Кавказъ, отправьте это письмо страховымъ и надѣйтесь: князь Воронцовъ очень добрый и гуманный человѣкъ, онъ спасетъ вашего брата.

Я взяла письмо, поблагодарила—одному Богу извѣстно, съ какимъ глубокимъ чувствомъ!—и стала прощаться, чтобы не безпокоить долѣе Алексѣя Петровича; но онъ улыбнулся и весело сказалъ:

— Ну нѣтъ, Варвара Михайловна! ужъ если вы заѣхали къ старому солдату, то и щей солдатскихъ отвѣдайте. Экипажемъ вашимъ я распорядился; лошади въ конюшнѣ, люди обѣдаютъ, а васъ милости просимъ съ нами откушать.

Я, конечно, осталась обѣдала, пробыла до 5-ти часовъ, и хотя я была въ то время молодая свѣтская дѣвушка, я никогда, ни прежде, ни послѣ, не проводила такого пріятнаго дня, какъ въ Осоргинѣ, съ двумя ветеранами, замѣчательными по уму, образованію, сердечности и простотѣ. Прощаясь, Алексѣй Петровичъ сказалъ мнѣ:

— Не благодарите меня, Варвара Михайловна! вы мнѣ доставили рѣдкое въ жизни наслажденіе—сдѣлать истинно доброе дѣло. Если же вамъ когда нибудь, по чему бы то ни было, опять понадобится старикъ Ермоловъ, то знайте, что онъ всегда къ вашимъ услугамъ.

Мы простились. Ховенъ проводилъ меня до экипажа. Я уѣхала изъ Осоргина. Письмо Ермолова къ князю Воронцову было мною отправлено страховымъ на другой же день, и спасло моего брата. Слѣдствіе по его дѣлу было вновь разсмотрѣно самимъ намѣстникомъ, первый при-

говоръ отмѣненъ, и подсудимый, безъ лишенія правъ состоянія, былъ только разжалованъ въ солдаты до выслуги «за неприличное офицеру поведеніе».

Два года братъ прослужилъ солдатомъ, получилъ Георгія за храбрость, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, ему оставался одинъ шагъ до офицерскаго чина Приготовлялась экспедиція противъ горцевъ. Вызвали охотниковъ, и братъ вызвался изъ первыхъ. Передъ выступленіемъ, онъ съ большимъ чувствомъ исповѣдался, пріобщился Св. Таинъ, оставилъ матери нѣсколько десятковъ писемъ, очень краткихъ, но дышавшихъ самою горячею любовью. Онъ точно предчувствовалъ: пошелъ въ экспедицію — и не вернулся. Бывшіе при немъ наши крѣпостные люди, поваръ и кучеръ, нашли его мертвымъ на полѣ сраженія: въ правой рукѣ его была шашка, а лѣвый високъ былъ прострѣленъ пулею. Такимъ образомъ сбылись слова Ермолова — онъ своею кровію искупилъ свое преступленіе.

Съ тѣхъ поръ, до сего дня, ежегодно 15-го августа, мною совершается благодарственное молебствіе Спасителю и Богоматери, и при жизни Алексѣя Петровича, я молилась объ его здоровьѣ, а послѣ кончины молюсь объ упокоеніи души его.

В. М. Щепотьева
(рожденная Свѣшникова).

Къ біографіи профессора Дегурова.

Письмо Д. П. Рунича—князю А. Н. Голицыну.

10-го марта 1823 г.

Начинаю записку сію поздравленіемъ вашего сіятельства причастившись небесныхъ и животворящихъ Христовыхъ Тайнъ. Паки возобновленное вами соединеніе съ Спасителемъ нашимъ да низведетъ и на насъ, низшихъ дѣлателей въ Вертоградѣ Господнемъ, Его благословеніе! Духъ вашъ, всегда радѣющійся о Господѣ, да укрѣпитъ и насъ въ подражаніи примѣру вашему.

Отвѣтствуя на вопросъ вашего сіятельства, имѣю честь доложить, что намѣреніе ваше испросить Дегурову монаршее благоволеніе весьма благотворныя послѣдствія имѣть будетъ. Онъ достоинъ поистинѣ отличной награды. Бывъ защитникомъ царя-мученика, Людовика XVI, нынѣ онъ торжественно, въ продолженіе близъ двухъ лѣтъ, защищаетъ истину противу лжи! Всѣхъ противниковъ первой обратилъ на себя; подвергался преслѣдованіямъ и ругательствамъ вмѣстѣ со мною, и нынѣ, произнесенною рѣчью, запечатлѣлъ вѣрность свою правому дѣлу. Его вездѣ тѣснили—и онъ ничего не получилъ, къ чему былъ и въ Харьковѣ представляемъ.

Въ прошломъ году я просилъ ваше сіятельство, въ Петергофѣ, объ исходатайствованіи ему съ нѣкоторыми другими ордена св. Анны 2-ой степени, алмазами украшеннаго, и повторяю просьбу сію и нынѣ. Дегурову за 60 лѣтъ, и если ему ожидать постепенности—можетъ быть онъ и не доживетъ. Нѣтъ правила безъ исключенія! Притомъ профессору Чижову, мальчику въ сравненіи съ Дегуровымъ, недавно пожалованы алмазные знаки ордена Св. Анны 2-й степени. Какъ же Дегурову просить послѣ сего Владимірскій крестъ 4-й степени?—профессору не по имени, который сдѣлалъ бы честь и Парижскому университету, и который тогда, когда разносятся по всей Европѣ вопли безбожія и возмущенія, не боится проповѣдывать ученіе религіозное и монархическое!

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

Пять десять тому назадъ, у меня зародилась мысль разсказать подробно о жизни моей матери княгини Екатерины Николаевны Голицыной и моей двоюродной бабушки Татьяны Борисовны Потемкиной.—Тогда я начала припоминать все, что знала о нихъ и рѣшилась писать воспоминанія о дорогомъ для меня прошломъ.

Въ моемъ разсказѣ не малую долю займетъ память о моемъ отцѣ, который былъ извѣстенъ не только въ Россіи, но и за границей своимъ перомъ и музыкальнымъ талантомъ.

О тѣхъ же людяхъ, которые доброй памяти не стоятъ, я буду говорить вскользь или совсѣмъ умолчу. Можетъ быть это будетъ большой пробѣлъ въ моихъ воспоминаніяхъ, можетъ быть это будетъ «картина, нарисованная бѣлыми красками на свѣтломъ фонѣ», но такъ какъ я предпочла бы поднять жемчужину съ чистаго пола, а не искать ее въ грязи и сорѣ—такъ и въ настоящій моментъ мнѣ пріятнѣе будить въ памяти образы хорошихъ людей... Это не мѣшаетъ мнѣ быть правдивой, не идеализировать близкихъ моему сердцу и не отступать отъ истины.

Уяснивъ цѣль моихъ воспоминаній, я прошу читателей не удивляться, если характеръ ихъ покажется слишкомъ интимнымъ; но я писала ихъ для дѣтей, не думая отдавать въ печать. Когда же я читала ихъ моей матери, отъ которой узнавала многіе подробности и факты описываемаго времени, она говорила мнѣ: «послѣ моей смерти ты можешь напечатать свои воспоминанія—ими ты опровергнешь много лжи, которую распускали въ обществѣ о твоемъ отцѣ, въ чемъ онъ самъ часто

бывалъ виноватъ, выдумывая на себя разныя небылицы для потѣхи публики». Одобреніе матери, конечно, мнѣ было дорого, возстановить правду о моемъ отцѣ я считала своимъ долгомъ, и зародившаяся мысль, что не однимъ моимъ дѣтямъ интересно будетъ познакомиться съ лицами и событіями моего времени, побудили меня предложить эти записки вниманію читателей.

I.

Прабабушка М. Д. Дунина.—флигель-адъютантъ Бенкендорфъ и его женитьба.—Генералъ Курисъ, зять М. Д. Дуниной.—Моя мать.—Мой отецъ князь Юрій Николаевичъ Голицынъ.

Мать моя родилась и выросла въ селѣ Водолагахъ [1]) Харьковской губерніи. Родители ея были люди очень богатые и жили патріархально въ многочисленной семьѣ.

Бабушка моей матери, генеральша Марія Дмитріевна Дунина, рожденная Норова, была оченъ выдающейся женщиной по уму, образованію, характеру и добротѣ. Она была фрейлиной при дворѣ императрицы Екатерины Великой. Отецъ ея харьковскій губернаторъ извѣстенъ былъ въ своемъ округѣ глубокою набожностью и честностью; эти душевныя качества онъ передалъ своей дочери Маріи Дмитріевнѣ. Мужъ ея Иванъ Петровичъ Дунинъ былъ генералъ-аншефъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ войнахъ и былъ не разъ раненъ. Во время Очаковской осады и сраженія при Прагѣ жена его была съ нимъ, и генералы называли ее своею матерью. Румянцевъ, Суворовъ, Потемкинъ цѣнили ее какъ достойную женщину и уважали какъ умную, честную жену ихъ друга генерала Дунина; всѣ любили въ ней также добрую, благодѣтельную христіанку, какою она была всегда для своихъ крѣпостныхъ людей. Во вдовствѣ она прожила 46 лѣтъ. У нея было 6 дочерей и одинъ сынъ, который во время Отечественной войны былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи.

На Бородинскомъ полѣ онъ былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ арміею, и, несмотря на такое лестное назначеніе, молодой Дунинъ не принялъ его.

— Полкъ мой идетъ въ сраженіе, и я, сынъ израненнаго генерала, долженъ быть съ полкомъ. Я адъютантъ—послѣ сѣчи.

Воля Божія была взять его: онъ былъ убитъ.

---

[1]) Село Водолаги было родовое имѣніе Дунинныхъ.

Мать его приняла эту скорбь какъ истинная христіанка и покорилась волѣ Божьей безъ ропота. Тогда всей душой привязалась она къ своимъ дочерямъ [1]) и, выдавая ихъ замужъ, она не дѣлила состояніе, а всѣхъ дочерей держала при себѣ, пристроивая для того къ своему дому помѣщенія. — Она неусыпно заботилась объ ихъ благосостояніи, помогая своимъ зятьямъ и словомъ и дѣломъ.—Дочери дарили ей каждый годъ то внучатъ, то внучекъ. Внучатъ у Дуниной было 24, а правнуковъ 76. Ей было за 80 лѣтъ, когда она скончалась.

Моя мать была пятая дочь Софіи Ивановны и Николая Дмитріевича Бахметевыхъ, у которыхъ было восемь человѣкъ дѣтей. Дѣдушка мой Николай Дмитріевичъ былъ добрый, заботливый и любящій отецъ; онъ своими трудами нажилъ дѣтямъ очень хорошее состояніе, былъ прекраснымъ хозяиномъ и примѣрнымъ помѣщикомъ для своихъ крестьянъ.

Итакъ всѣ шесть сестеръ Дуниныхъ со своими дѣтьми и даже внучатами жили и воспитывались въ селѣ Водолагахъ у прабабушки Дуниной. Но кромѣ ея дѣтей у нея въ домѣ жили еще и племянницы. Одна изъ нихъ молодая вдова Бибикова, рожденная Донецъ-Захаржевская, дочь ея сестры, была любима ею какъ родная дочь. Мужъ ея былъ убитъ на войнѣ во время (кажется также) Бородинскаго сраженія. Уѣзжая изъ Водолагъ и оставляя тамъ жену свою онъ въ альбомъ прабабушкѣ Дуниной написалъ слѣдующее стихотвореніе, какъ бы предчувствуя свою смерть:

Въ бой иду не унывая,
Любовь жены и Богъ со мной,
Спасу ее, Отечество спасая
И тѣмъ украшу жребій свой.

* * *

При знамѣ, если придется умирать,
Стоять я буду не робѣя
И духъ послѣдній испуская,
Образъ Лизы обнимать.

Павелъ Бибиковъ.

Vodolagy, 1809, 1 avril.

Прабабушка Дунина была въ перепискѣ съ вдовствующей въ то время императрицей Маріей Ѳеодоровной, и вотъ по какому поводу она однажды написала ей: въ Харьковъ пріѣхалъ элегантный флигель-адъютантъ Бенкендорфъ, а такъ какъ вся молодежь стекалась у прабабушки, то и онъ не замедлилъ представиться ей. Красивая молодая вдова Бибикова приглянулась ему — онъ сталъ за ней ухаживать. Прабабушка сначала смотрѣла одобрительно на это ухаживанье думая, что

[1]) Дочери прабабушки Дуниной были: графиня Елена Сиверсъ, Софія Бахметева, генеральша Курисъ, Евдокія Черепанова, баронесса Варвара Пилларъ и Марія Гревсъ.

оно кончится предложеніемъ и партія эта для любимой племянницы ей улыбалась, но увидѣвъ, что молодой человѣкъ ухаживаетъ для препровожденія времени, а молодая вдова заинтересовалась имъ—прабабушка стала тревожиться. Не долго думая она написала императрицѣ письмо, спрашивая о личности Бенкендорфа и достоинъ ли онъ, чтобы вручить ему судьбу своей любимой племянницы. Государыня съ лестнымъ отзывомъ о Бенкендорфѣ прислала образъ, которымъ прабабушка, неожиданно для молодаго ухаживателя, благословила его и племянницу свою отъ имени государыни.

Къ счастью, устроивъ ловко и умно, но сюрпризомъ, судьбу молодыхъ людей, впослѣдствіи ни ей, ни имъ не пришлось раскаиваться, такъ какъ супруги были счастливы.

Домъ Маріи Дмитріевны Дуниной былъ въ такомъ почетѣ, что всякій считалъ за счастіе бывать у ней, а тѣмъ болѣе породниться съ нею. Доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующій фактъ: одна изъ шести дочерей ея, а именно третья, была хотя и красива, но имѣла горбъ сзади и спереди. Прабабушка держалась правила выдавать дочерей въ замужество по старшинству. Настала очередь горбатой ея дочери: пріѣзжаетъ вдовецъ генералъ Курисъ свататъ одну изъ ея дочерей, но не о той думалъ онъ, которая стояла на очереди...

У сестеръ Дуниныхъ было общее черное бархатное платье, отдѣланное гирляндами изъ розъ и въ которомъ онѣ представлялись являющимся женихамъ. И вотъ нарядили бѣдную горбатенькую въ это платье, вывели къ старому генералу, и прабабушка, подводя ее къ нему, сказала: «Вотъ тебѣ невѣста». Онъ смутился и скромно сказалъ, что «не эта ему нравится, а другая... Авдотья Ивановна»...

Прабабушка, ни сколько не смутившись, отвѣтила ему серьезно:

— Нѣтъ, старина, для тебя и эта хороша, а та и получше тебя найдетъ! Если хочешь быть моимъ зятемъ, то бери и эту.

Генералъ женился; былъ счастливъ, и жена была прекрасной мачихой для его дѣтей.

Въ домѣ М. Д. Дуниной всегда царилъ порядокъ, миръ, тишина и любовь. Конечно, такая громадная семья держалась и управлялась ея твердой рукой и добрымъ сердцемъ.

Когда императоръ Александръ I посѣтилъ однажды прабабушку Дунину и увидавъ за обѣдомъ всю ея большую семью въ сборѣ, выразилъ удивленіе какъ можетъ она заботиться о такомъ количествѣ дѣтей,— прабабушка отвѣчала государю:

— Aux petits des oiseaux Dieu donne leur pâture. [1])

Въ сочиненіяхъ архіепископа Филарета Харьковскаго есть пре-

[1]) Богъ кормитъ птичекъ и ихъ птенчиковъ.

красное слово, сказанное имъ при погребеніи прабабушки. Онъ такъ живо, такъ сердечно говоритъ объ этой необыкновенной женщинѣ, ставя ее въ примѣръ женамъ и матерямъ. Этимъ словомъ онъ почтилъ память прабабушки, утѣшилъ дѣтей и внучатъ ея и не могъ не возбудить во многихъ желаніе походить на ту, которую эта большая семья любила, уважала и съ ея кончиной чувствовала себя болѣе чѣмъ осиротѣвшей. Съ кончиной ея Водолаги раздѣлили, и они опустѣли...

Веселья тамъ было не мало, садилось за столъ не менѣе сорока человѣкъ. Маленькіе внучата всѣ жили круглый годъ у своей бабушки, съ кормилицами, нянъками и гувернантками въ селѣ Водолагахъ, находившемся въ 50-ти верстахъ отъ Харькова; а тѣ внучата, которые подростали, и взрослые ѣздили на зиму въ Харьковъ съ родителями, гдѣ также былъ большой общій домъ. Нѣкоторыхъ отвозили туда, чтобы кончать образованіе, а другихъ веселиться и выѣзжать.

Дѣвицы Бахметевы были всѣ очень красивы, но лучше всѣхъ говорятъ были тетя моя, Елена Николаевна Бердяева, и моя мать. Мама была не большаго роста, миніатюрнаго сложенія, съ темнорусой головкой, правильными чертами лица, очень темными бровями, большими задумчивыми сѣрыми глазами и прелестными зубками.

Несмотря на свою красоту она считала себя очень некрасивой, что еще болѣе придавало ей прелести, такъ какъ она олицетворяла собою скромность.

Такое мнѣніе пріобрѣла она о себѣ вслѣдствіе того, что въ семьѣ у нихъ были любимицы и любимцы; а такъ какъ она была изъ числа не любимыхъ «сандриліонокъ», то въ ней находили все некрасиво. Разъ даже одна изъ тетушекъ ея, не допуская натуральный темный цвѣтъ ея бровей, подозвала къ себѣ и строго сказала: «что это ты, матушка, никакъ нафабрила себѣ брови?» и попросту, безъ затѣй, послюнявивъ носовой платокъ, стала тереть ихъ...

У бабушки же Софіи Ивановны были фаворитки: старшая дочь Надежда и предпослѣдняя — Софія. Между моей матерью и Софіей Николаевной былъ одинъ годъ разницы въ лѣтахъ, такъ что онѣ вмѣстѣ учились и вмѣстѣ выѣзжали.

Несмотря на предпочтеніе и баловство, которымъ окружали тетю Софію Николаевну, это не испортило добрыхъ и дружескихъ отношеній сестеръ. Это доказываетъ, на сколько онѣ были обѣ хорошія и добрыя: одна не пользовалась своими правами баловницы, а другая не завидывала, и предпочтеніе, отдаваемое сестрѣ, принимала какъ вещь естественную и не называла это несправедливостью. Да, въ то счастливое и разумное во многихъ отношеніяхъ время—имя отца и матери было священно! тогда дѣти не только не смѣли обвинять поступки родителей, но помыслить даже о разборѣ ихъ дѣйствій никто не смѣлъ.

И такъ, мать моя, привыкшая получать все хуже всѣхъ и послѣ всѣхъ, такъ сроднилась съ той мыслью, что она должна думать обо всѣхъ, а о ней могутъ и забыть, что даже въ мелочахъ обыденной жизни, какъ напримѣръ: когда молодежь ходила собирать ягоды, она лучшую никогда не съѣдала, а всегда несла ее кому нибудь изъ любимыхъ своихъ родственниковъ. Эгоизма въ ней не было ни капли—она всегда забывала себя для другихъ.

Любимый цвѣтокъ ея былъ фіалка, и она своею скромностью олицетворяла этотъ прелестный цвѣтокъ, прячущійся за свои листочки; девизъ ея былъ: «pour être heureux vivons cachés» [1]).

Вставала она съ восходомъ солнца для того, чтобы готовить заданные ей уроки, и отправлялась въ садъ, гдѣ усердно занималась ими; прислуга, любившая ее за доброту и кротость, дала ей названье: «наша милая ранняя птичка». Если кому нибудь изъ прислуги нужно было рано встать для какого либо экстреннаго дѣла, или дѣтямъ для приготовленія уроковъ, то всегда поручали будить ихъ «ранней птичкѣ», такъ какъ она никогда не просыпала часъ, который былъ нуженъ.

Учителя и гувернантки у внучатъ прабабушки Дуниной были иностранцы, и преобладающій языкъ въ семьѣ былъ французскій, такъ что когда дѣти говорили по-русски, гувернантки въ наказанье привязывали имъ на грудь красные языки. Уроки же русскаго языка были въ полномъ забвеніи, и мать моя во все время своего ученья взяла только семь уроковъ роднаго языка и то у священника малоросса, который вмѣсто пять говорилъ «піять» и вмѣсто пятницы говорилъ «піятница» и, вѣроятно, такъ-же писалъ. Она любила заниматься рукодѣліемъ и усердно работала не только для себя, но съ удовольствіемъ помогала другимъ и часто доканчивала начатыя и брошенныя работы своихъ сестеръ—баловницъ.

Гувернантки иностранки строго слѣдили за нравственностью, скромностью, хорошими манерами и разговоромъ своихъ воспитанницъ. но иногда отъ слишкомъ большаго усердія онѣ не отличали хорошихъ чувствъ отъ дурныхъ.

Вотъ случай, характеризующій то время, въ которое скромность и стыдливость оберегались въ дѣтяхъ въ ущербъ даже естественнымъ хорошимъ побужденіямъ ребенка.

У одной изъ старшихъ кузинъ матери, М. К. Мухановой, рожденной графини Сиверсъ, родился сынъ, и когда дѣтей допустили посмотрѣть новорожденнаго, они съ любопытствомъ бросились въ дѣтскую на графскую половину (такъ называлась одна часть дома, занимаемая графиней Сиверсъ и ея семьей). Между дѣтьми была и моя мать; она съ

---

[1]) Для того, чтобы быть счастливымъ нужно прятаться отъ свѣта.

интересомъ взглянула на красиваго черноглазаго мальчика, лежавшаго на рукахъ некрасивой кормилицы, и воскликнула:

— Ахъ! если бы у меня былъ такой прелестный ребенокъ — я ни за что не отдала бы кормить его чужой бабѣ.

— А что бы ты сдѣлала?—спросили другія дѣти.

— Я бы сама его кормила,—отвѣтила она.

Гувернантка вскрикнула отъ удивленія, услыхавъ изъ устъ десятилѣтней дѣвочки подобныя, по ея мнѣнію, нескромныя желанія, строго посмотрѣла на нее, поспѣшно вывела виновницу ея ужаса и всѣхъ дѣтей изъ дѣтской и черезъ нѣсколько минутъ наказала ее слѣдующимъ образомъ: нарядила бѣдную дѣвочку въ сарафанъ кормилицы, повязала ее платкомъ, подвязала подушку для того, чтобы придать болѣе сходства съ кормилицей, и, посадивъ въ позу кормящей ребенка, дала въ руки куклу, приглашая всѣхъ смотрѣть на наказанную и всю въ слезахъ свою воспитанницу. Это было настоящее горе для стыдливой, застѣнчивой дѣвочки, надъ которой такъ жестоко и несправедливо посмѣялись!

Мать моя разсказывала мнѣ, что она такъ мучилась, думая, что на самомъ дѣлѣ сдѣлала какое-то ужасное преступленіе, такъ ей было стыдно изображать кормилицу и такъ боялась она, что приведутъ и бабушку Дунину посмотрѣть на нее. Но къ сожалѣнію, бабушку-то и не привели, и она не узнала объ этомъ, а то, вѣроятно, она не похвалила бы за подобное глупое, неумѣстное наказаніе блюстительницу нравственности.

Такъ какъ прабабушка Марія Дмитріевна была очень богомольна, то она пріучала всю свою семью молиться Богу. Мать моя была восторженная, увлекающаяся, и всей молодой душой своей полюбила Бога и такъ усердно молилась, что не пропускала ни одной службы; по этому поводу одна старушка, Марія Алексѣевна, видя въ ней такое духовное возбужденіе и боясь, что оно остынетъ, говорила ей: «Другъ мой, Катя! твои молитвы хороши и угодны Богу, но не пересаливай—хорошо идти вверхъ по лѣсенкѣ, а не спускаться внизъ.....» Простые и разумные эти слова мать нерѣдко впослѣдствіи вспоминала, когда ей казалось, что она не такъ усердно молится и не такъ любитъ Бога, какъ бы должна была Его любить и какъ любила прежде въ молодые годы.

Водолажская молодежь часто ходила пѣшкомъ на богомолье, и самая ретивая на подобныя экскурсіи была моя мать. Не рѣдко она бывала въ Кіевѣ у сестры своей Елены Николаевны Бердяевой, о которой я впослѣдствіи буду говорить—это также была дивной души женщина, прожившая жизнь свою какъ праведница. Въ Кіевѣ обѣ сестры часто посѣщали схимника отца Парѳенія, извѣстнаго своей святою жизнью.

Одно время мать возмечтала поступить въ монастырь и передала свое желаніе схимнику, прося благословить ее на этотъ путь, но онъ сказалъ: «Теперь не слѣдуетъ—или тогда, когда сама Матерь Божія поведетъ тебя за руку».

Отецъ мой, князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, былъ богато одаренъ какъ душевными и умственными, такъ и физическими качествами. Онъ походилъ на русскаго богатыря, нигдѣ не проходилъ не замѣченнымъ, и даже въ толпѣ всегда обращалъ на себя общее вниманіе какъ своей красотой, ростомъ, такъ и благородной осанкой. Душа его была полна разнородныхъ чувствъ: добро и зло боролись въ немъ жестоко! Въ каждомъ человѣкѣ та же борьба, но она мелка и незамѣтна; въ его же мощной натурѣ всѣ чувства, всѣ порывы души выходили изъ обыденныхъ рамокъ, и вслѣдствіе этого жизнь его была переполнена приключеній, бросающихся въ глаза. Стихотвореніе графа Алексѣя Толстаго совершенно его олицетворяетъ:

„Коль любить—такъ безъ разсудка,
Коль грозить—такъ не на шутку,
Коль ругнуть—такъ сгоряча,
Коль рубить—такъ ужь съ плеча,
Коли спорить—такъ ужь смѣло,
Коль казнить—такъ ужь за дѣло,
Коль простить—такъ всей душой,
Коли пиръ—такъ пирой горой...“

Отецъ мой рано потерялъ свою мать, а мой дѣдушка мало, или лучше сказать, совсѣмъ не заботился о своемъ сынѣ. Это сиротство, безалаберное воспитаніе, строгость и чрезмѣрное, иногда, баловство повліяли на пылкую натуру мальчика: у него выработался своевольный, необузданный, страшно вспыльчивый характеръ, но доброе сердце, прямота и великодушіе всегда привлекали къ нему и заставляли его любить и уважать.

Онъ часто страдалъ своими недостатками и постоянно бывалъ ихъ жертвой. Отца можно было сравнить съ молодымъ, горячимъ конемъ, какъ тотъ мчится къ пропасти, не сознавая ни опасности, ни гибели своей и своего сѣдока. Такъ и отецъ мой, вслѣдствіе своего пылкаго нрава, во дни ранней молодости, разбилъ свою жизнь и увлекъ на путь несчастій близкихъ его сердцу....

Своею чрезмѣрной прямотой, иногда непрошенной, такъ какъ онъ не стѣснялся, говорилъ въ глаза голую правду, онъ пріобрѣталъ себѣ враговъ; не любили его и люди съ узкимъ умомъ, мелкой душой, неспособные понять такую прямую, честную натуру, и люди, завидующіе его превосходству и удачамъ. Но за то друзья его, а ихъ было не мало,

горячо любили и цѣнили сердечнаго, умнаго, честнаго, правдиваго «Юрку Голицына»—какъ его всѣ называли [1]).

Отецъ мой много дѣлалъ добра, и одна изъ симпатичныхъ чертъ его характера была та, что онъ не хвастался своими добрыми дѣлами; свои же недостатки и ошибки не скрывалъ и, сознавая ихъ, отдавалъ себя на судъ не только своихъ близкихъ, но и на судъ людской. Въ отрывкахъ изъ его воспоминаній, которыхъ онъ не кончилъ, ясно выказывается его прямая натура. Эти воспоминанія были напечатаны, не задолго до его смерти, въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ 1869 году, подъ заглавіемъ «Прошедшее и настоящее». Обращаясь къ читателю, онъ говоритъ: «Перомъ моимъ будетъ руководить чистосердечное *я*, которое буду стараться выставить рельефно, во всей наготѣ, безъ малѣйшихъ прикрасъ». Онъ не только не боялся злословія, но даже часто, чтобы дать пищу языкамъ, ради шутки, самъ разсказывалъ о себѣ самыя невозможныя небылицы, и эти сказки быстро узнавались всѣми съ большими добавленіями и прикрасами. Отчасти это черта русскаго характера того времени. Почему путешественники-французы, какъ напримѣръ Кюстинъ, писали такъ много пошлостей о Россіи? А именно потому, что русскіе, потѣшаясь надъ французами, разсказывали имъ всякій вздоръ, а они выдавали его за правду.

Такъ и теперь еще слышимъ иногда небылицы и невѣроятные анекдоты о князѣ Юріи Николаевичѣ Голицынѣ. Я считаю, что не одно описаніе не можетъ такъ ясно и рельефно показать характеръ человѣка, какъ его письма, а потому я и помѣщу въ своихъ воспоминаніяхъ тѣ немногія письма отца, которыя сохранились къ его друзьямъ и ко мнѣ. Въ нѣкоторыхъ письмахъ выливается вся его пылкая, чистая, благородная душа, всѣ страданія, все горе, пережитое имъ въ его короткую, но полную дѣятельности, энергіи и силы, жизнь. Онъ умеръ 49-ти лѣтъ, въ полномъ развитіи своего музыкальнаго таланта, въ Петербургѣ, 2-го сентября 1872 года. Послѣ его кончины, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», была напечатана вѣрная его характеристика и оцѣнка его таланта и музыкальной дѣятельности. Въ этой же статьѣ отецъ былъ названъ «послѣднимъ Могиканомъ» изъ своихъ современниковъ, послѣднимъ честнымъ русскимъ б о я р и н о м ъ-богатыремъ!

Теперь, давъ краткій очеркъ его характера, я возвращаюсь къ его ранней молодости и къ началу его службы и ухаживанью за моей матерью.

Въ то время князь Юрій Голицынъ служилъ чиновникомъ по осо-

---

[1]) Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ однажды выразился такъ: «даже самые недостатки у князя Юрія Николаевича Голицына болѣе симпатичны, чѣмъ достоинства у другихъ».

бымъ порученіямъ у харьковскаго генералъ-губернатора князя Николая Андреевича Долгорукова [1]). Онъ былъ тогда очень молодъ, 18-ти лѣтъ и славился своими шалостями.

Должность чиновника по особымъ порученіямъ не представляла много дѣлъ, а отецъ еще болѣе упростилъ ее; такъ что разъ князь Долгоруковъ безпокоясь, что онъ ничего не дѣлаетъ, замѣтилъ ему это, сказавъ: «Mais mon chèr Georges, occupez vous donc de quelques choses» [2]). На другой день послѣ такого замѣчанія, отецъ купилъ большой мѣшокъ орѣховъ, отправился въ комнату рядомъ съ кабинетомъ князя Долгорукова, сѣлъ на диванъ и началъ щелкать ихъ. Въ началѣ старикъ-князь все прислушивался къ равномѣрному звуку, раздававшемуся рядомъ съ его кабинетомъ, и зная, что тамъ отецъ, крикнулъ ему:

— Georges que faites vous donc là? [3]).

— Je m'occupe, mon prince [4]),—послѣдовалъ отвѣтъ.

Тогда старикъ, заинтересованный дѣломъ своего чиновника, всталъ посмотрѣть, и каково было его удивленіе, когда увидѣлъ шалуна, сидѣвшаго на диванѣ съ большимъ мѣшкомъ на колѣняхъ и съ орѣхомъ въ зубахъ.

Занимаясь больше бездѣльемъ, молодой князь много выѣзжалъ въ свѣтъ и, увидѣвъ скромную, тихую, красивую Екатерину Николаевну Бахметеву, влюбился въ нее и рѣшилъ, что она будетъ его женой.

Но препятствій для достиженія этой цѣли ему предстояло много—онъ это видѣлъ, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ горячѣе была его любовь, тѣмъ онъ крѣпче держался за свою мечту, тѣмъ настойчивѣе старался удалять препятствія. Несмотря на то, что онъ былъ завидная партія, какъ по состоянію, такъ и по фамиліи, но его молодость и репутація шалуна пугали благоразумныхъ родителей и невѣстъ. Помогъ ему его умъ, который не шелъ въ разрѣзъ съ его привлекательной наружностью. Планъ былъ задуманъ и исполненъ: онъ покорилъ сердца бабушекъ и тетушекъ, которыя оказались впослѣдствіи лучшими его адвокатами. Прежде всего онъ счелъ нужнымъ, конечно, покорить прабабушку Дунину и, чтобъ заинтересовать ее собою (она его не знала), въ одно прекрасное утро, въ воскресенье, зимой, отправился въ Водолаги, прямо къ обѣднѣ, и тамъ, молясь за исполненіе своей мечты, поклялся, что та, которую онъ полюбилъ, будетъ его женой!

Послѣ обѣдни онъ зашелъ къ управляющему, напился чаю и

---

[1]) Братъ дяди отца моего, князя Ильи Андреевича, женатаго на княжнѣ Салтыковой, родной его теткѣ.

[2]) Дорогой Юрій, займись же чѣмъ-нибудь!

[3]) Юрій, что же ты тамъ дѣлаешь?

[4]) Я занимаюсь, князь!

уѣхалъ. Этого было достаточно, чтобы поднять всѣ Водолаги на ноги, языкамъ дать пищу и сдѣлать изъ моего отца нѣчто въ родѣ сказочнаго героя, который, по разсказамъ всѣхъ, кто его видѣлъ, несомнѣнно долженъ былъ заинтересовать собой добрую и умную старушку прабабушку; ей захотѣлось узнать, зачѣмъ этотъ красавецъ-князь пріѣзжалъ въ Водолаги и почему онъ не представился ей?

Она потребовала объясненіе изъ Харькова, и ей отвѣтила дочь ея Бахметева, что князь Голицынъ одинъ изъ харьковскихъ жениховъ, ухаживающихъ за «Катей», но котораго слѣдуетъ опасаться, такъ какъ онъ славится своими проказами, и молодость его не даетъ ему права считаться женихомъ которой-нибудь изъ ея дочерей.

Прабабушка не осталась довольна объясненіемъ и нашла недостаточно вѣскими причины, корившія такого молодца, красавца-князя, о которомъ Водолаги не переставали вспоминать, и сама захотѣла его видѣть. Онъ былъ до такой степени привлекателенъ, что не могла старушка не пожелать для своей внучки такого жениха, который, при умѣ, любезности и красотѣ, обладалъ богатствомъ и талантами: онъ былъ музыкантъ и превосходно пѣлъ.

Ну, какъ тутъ не очаровать старушекъ! Отецъ мой ликовалъ; онъ зналъ теперь, что судьба его рѣшена. Ура! прабабушка за него! Мама тоже не долго смотрѣла пугливо: сердце заговорило, она полюбила, и хотя со страхомъ, но рѣшилась отдать свою судьбу въ молодыя руки... Вскорѣ они были объявлены женихомъ и невѣстой ....

II.

Предки отца моего: кн. М. М. Голицынъ, фельдмаршалъ князь Н. И. Салтыковъ.—Княгиня Н. Ю. Салтыкова.—Княгиня А. А. Голицына.—Князь Юрій Ал. Грузинскій.

Отецъ мой принадлежалъ, какъ по роду, такъ и по положенію, къ самымъ аристократическимъ и высокопоставленнымъ фамиліямъ Россіи. Его прадѣдъ былъ знаменитый князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, который, на приказаніе Петра I снять осаду Шлюссельбурга и отступить, сказалъ посланному: «Передай государю, что я теперь принадлежу Богу и Россіи, а потомъ принесу царю повинную голову на плаху». Крѣпость была взята [1]). Прадѣдъ моего отца, по матери, былъ вос-

[1]) Соловьевъ, въ своей исторіи, говоритъ слѣдующее: „Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ отличался самымъ привлекательнымъ характеромъ среди вельможъ Петровыхъ: онъ не жаловалъ иностранцевъ. Несмотря на то, даже иностранцы не могли говорить безъ восторга объ его умѣ, любезности,

питателемъ императора Александра I, фельдмаршалъ князь Николай Ивановичъ Салтыковъ [1]).

Внучка фельдмаршала князя Салтыкова, княжна Елена Александровна Салтыкова, вышла замужъ за князя Николая Борисовича Голицына; у нихъ было нѣсколько дѣтей, умершихъ въ младенчествѣ; остался въ живыхъ одинъ сынъ Юрій, который и былъ моимъ отцомъ. Одному изъ скончавшихся младенцевъ, сыну ихъ Александру, А. С. Пушкинъ, 18-го мая 1823 года, написалъ слѣдующую надгробную надпись:

„Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился
И радость райскую принесъ съ собою къ намъ,
Но житель горнихъ мѣстъ, ты міромъ не прельстился
И снова отлетѣлъ въ отчизну къ небесамъ".

храбрости и великодушіи. О немъ разсказываютъ, что послѣ сраженія подъ Лѣснымъ, Петръ, богато наградивши Голицына, спросилъ: какой милости еще онъ желаетъ? „Государь,—отвѣтилъ Голицынъ,—прости Репнина". Репнинъ былъ ему врагъ. Разсказываютъ о немъ также, что, будучи уже фельдмаршаломъ и отцомъ многочисленнаго семейства, онъ не смѣлъ садиться при старшемъ братѣ своемъ, князѣ Дмитріи, который былъ сенаторомъ".

[1]) П. Каратыгинъ, въ историческомъ изслѣдованіи „Супружество императора Александра I", вотъ что пишетъ о князѣ Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ: „Воспитаніе Александра I было ввѣрено двумъ наставникамъ, отличавшимся противоположными характерами, убѣжденіями и понятіями—Николаю Ивановичу Салтыкову и знаменитому Лагарпу. Первый, человѣкъ добрѣйшей души, глубоко религіозный, былъ типомъ истаго русскаго „боярина" старыхъ временъ, ревностнаго охранителя самодержавія. Второй, швейцарецъ, республиканецъ до мозга костей, ученикъ философовъ XVIII вѣка, скептикъ и филантропъ; облагороженный, но все-таки далеко не привлекательный типъ заѣзжаго гувернера-иностранца, съ предубѣжденіемъ относящагося ко всему русскому, кромѣ рублей и полуимперіаловъ; онъ съ корнемъ исторгалъ изъ сердца своего питомца все, что старался посѣять въ немъ Салтыковъ—разрушалъ все, что тотъ строилъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ своимъ воспитателямъ, великій князь былъ поставленъ въ двусмысленное положеніе, при той весьма естественной антипатіи, которую они питали другъ къ другу. Салтыковъ былъ восемнадцатью годами старше Лагарпа, по рожденію состоялъ въ родствѣ съ императорскимъ домомъ (отецъ его Иванъ Александровичъ былъ внучатнымъ племянникомъ императрицы Анны Іоанновны). Когда онъ принялъ великаго князя на свое попеченіе, онъ находился въ высшихъ чинахъ, былъ генералъ-адъютантомъ, подполковникомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, сенаторомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и кавалеромъ ордена с. Андрея Первозваннаго. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, при которомъ Салтыковъ состоялъ съ 1773 года, душевно его любилъ и уважалъ, и со слезами уступилъ его своимъ сыновьямъ. „Признаюсь,—писалъ онъ къ нему,—что мнѣ разставаться съ тобой трудно, въ чемъ хотя и утѣшенъ отзывомъ, что сіе не разлука, и что ты всегда въ сношеніи съ нами останешься... Теперь узналъ я, что прямо люблю тебя".

Александръ I любилъ Лагарпа, но къ Салтыкову, повидимому, не питалъ иныхъ чувствъ, кромѣ глубокаго уваженія.

По мнѣнію нѣкоторыхъ и въ томъ числѣ Геннади, нижеслѣдующее стихотвореніе написано Пушкинымъ моей бабушкѣ княгинѣ Е. А. Голицыной, но за вѣрность этого мнѣнія не ручаюсь:

„Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ,
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ;
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ внала—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно въ гордости моей
Я буду мыслить съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А можетъ быть и вдохновеньемъ!“

Бабушка Елена Александровна, урожденная Салтыкова, была высокая, красивая брюнетка; жила она не долго и была несчастлива; двадцати пяти лѣтъ она скончалась отъ горловой чахотки. Съ горечью покидала она жизнь и со страхомъ оставляла своего четырехлѣтняго сына...

Отецъ мой обожалъ свою мать и до конца своей жизни высоко чтилъ ея память. Уже въ дѣтствѣ проявлялъ онъ свой пылкій характеръ: когда няня объявила ему о кончинѣ его матери, онъ далъ ей пощечину! Бѣдняжка! Для него это былъ такой у д а р ъ, что онъ захотѣлъ отдать тѣмъ-же тому, кто принесъ ему такую страшную вѣсть! Онъ почуялъ, что трудно ему будетъ справляться съ своей буйной головушкой, съ своимъ горячимъ сердечкомъ о д н о м у, безъ любящей матери, которая уносила и его счастье съ собой въ могилу. Когда же черезъ годъ отецъ его женился и пожелалъ, чтобы маленькій сынъ присутствовалъ при его бракосочетаніи, то Юрій спрятался въ каминъ въ парадномъ своемъ нарядѣ, и когда его нашли тамъ, то не было никакой возможности даже силой вытащить его оттуда.

Прабабушка княгиня Н. Ю. Салтыкова была замѣчательно красива и до старости сохранила свою красоту. Одѣвалась всегда великолѣпно и, несмотря на свои преклонные года, любила розовый цвѣтъ, который не казался слишкомъ молодымъ для нея, такъ она сама была хороша и свѣжа. Когда мать моя вышла замужъ, и отецъ мой повезъ ее представить своей бабушкѣ, она думала, что мужъ ея шутитъ, и красавица, которой она присѣдала, не бабушка, а какая нибудь изъ его тетушекъ и даже спросила у нея:

— Et grand' maman n' est pas à la maison? [1])

— Mais c'est moi qui suis votre grand' mère [2])—отвѣтила ей бабушка.

У бабушки Елены Александровны было три сестры и одинъ братъ. [3]) Всѣ многочисленные родные обожали бѣднаго сиротку «Юрку» (такъ звали моего отца въ семьѣ), всѣ желали имѣть его у себя. Княгиня Долгорукова (родная его тетка), не имѣя сына, хотѣла даже усыновить его и просила дѣдушку отдать ей отца моего въ полное распоряженіе, котораго она любила, и брала въ память покойной сестры своей; но дѣдушка, къ сожалѣнію, на это не согласился, и бѣдный мальчикъ переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. [4])

Я говорила о родныхъ со стороны Салтыковыхъ, но были еще родные со стороны Голицыныхъ, которые также любили осиротѣвшаго мальчика и также хотѣли имѣть его у себя. Старшая въ семьѣ была прабабушка, княгиня Анна Александровна Голицына, рожденная княжна Грузинская, изъ рода Грузинскихъ царей, знаменитая красавица того времени. [5]) Она была очень достойная, умная и добрая женщина. У нея было три сына и четыре дочери. [6]) Всѣмъ имъ она дала основательное образованіе и вселила въ ихъ сердца горячую любовь къ Богу.

Россія ей обязана однимъ изъ героевъ 1812 года княземъ П. И. Багратіономъ, котораго она выписала изъ Грузіи; онъ былъ ея близкій родственникъ, очень бѣдный. Послѣ того, какъ князь Багратіонъ прославился, прабабушка княгиня Анна Александровна Голицына собрала къ себѣ большое общество родныхъ и знакомыхъ чествовать героя. Когда за

---

[1]) А бабушки нѣтъ дома?

[2]) Да вѣдь это же я ваша бабушка!.

[3]) Княгиня Екатерина Долгорукова, графиня Софья Шувалова, графиня Марія Потоцкая и князь Алексѣй Салтыковъ, по смерти котораго Головкинскій маіоратъ долженъ былъ по указу перейти моему отцу, такъ какъ у князя Алексѣя Салтыкова не было мужскаго потомства.—Отецъ умеръ раньше и маіоратъ наслѣдовалъ сначала мой братъ Евгеній, а послѣ его кончины—мой старшій сынъ Юрій.

[4]) Мой отецъ былъ очень привязанъ къ семейству Долгорукихъ и всегда съ благодарностью и любовью говорилъ о тетушкѣ своей княгинѣ Долгоруковой и мужѣ ея князѣ Ильѣ Андреевичѣ. У нихъ было двѣ дочери: княгиня Екатерина, замужемъ за княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, и княжна Марія за княземъ Михаиломъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, а во второмъ бракѣ за графомъ Остенъ-Сакеномъ.

[5]) Въ первомъ бракѣ она была за Лицынымъ. Ея письма къ князю Голицыну печатались въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, въ которыхъ она описываетъ празднества при Екатеринѣ Великой. Въ семействѣ князей Куракиныхъ есть ея великолѣпный портретъ, работы madame le Brun, который находится у Е. А. Нарышкиной, рожденной княжны Куракиной.

[6]) Николай (мой дѣдушка), Александръ и Андрей; Елизавета была за княземъ Куракинымъ, Софія за Полтарацкимъ, Татіана за Потемкинымъ и Александра за княземъ Мещерскимъ.

обѣдомъ провозгласили тостъ за здоровье князя, то онъ всталъ изъ-за стола и, подойдя къ дворецкому прабабушки, стоявшему сзади его кресла, расцѣловалъ его, сказавъ: «ему первому я обязанъ, что пользуюсь всѣмъ, что теперь имѣю, такъ какъ онъ далъ мнѣ возможность представиться въ домъ моей благодѣтельницы, онъ первый м е н я о д ѣ л ъ и за него съ благодарностью пью мой первый бокалъ!»....

У прабабушки Анны Александровны былъ одинъ братъ, князь Юрій Александровичъ Грузинскій, извѣстный своимъ буйнымъ характеромъ, красотой и любителемъ женщинъ. [1]) У него была единственная дочь Анна Георгіевна, замужемъ за графомъ Толстымъ.

III.

Юность князя Ю. Н. Голицына.—Его воспитаніе; пребываніе въ кадетскомъ корпусѣ.—Женитьба.

Несмотря на горячій нравъ и своевольный характеръ маленькаго «Юрки», всѣ его любили. Между тѣмъ общая любовь родственниковъ погубила его, такъ какъ не было ни о д н о г о разумнаго руководителя для умнаго, пылкаго мальчика, и, каждый по-своему его училъ, каждый по-своему его баловалъ, каждый по-своему его любилъ. Этотъ переходъ изъ однѣхъ рукъ въ другія начался съ младенчества, и число семь было для него роковымъ числомъ: ему перемѣнили семь кормилицъ, семь нянекъ, семь гувернеровъ и наконецъ даже семь учебныхъ заведеній. Послѣ странствованія отъ одной бабушки къ другой, отъ одной тетушки къ третьей и перемѣнивъ плохое вліяніе семи гувернеровъ его помѣстили въ пансіонъ въ Одессу. Окончилъ же онъ свое воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, но съ грѣхомъ пополамъ, такъ какъ тамъ онъ больше шалилъ, чѣмъ учился. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ, что по выходѣ оттуда ни на одномъ языкѣ не умѣлъ писать правильно. Впослѣдствіи-же онъ самъ себя образовалъ; имѣя блистательныя способности онъ самъ изучилъ нѣмецкій и англійскій языки.

---

[1]) Онъ былъ женатъ на Бахметевой, которую страшно мучалъ. Онъ былъ совершенно дикій человѣкъ, по своему нраву и поступкамъ; подъ его начальствомъ было нѣсколько разбойничьихъ шаекъ, которыя занимались грабежами по Волгѣ. Эти случаи дошли до правительства и для производства слѣдствія былъ отправленъ отецъ моей матери, Н. Д. Бахметевъ, тогда бывшій еще молодымъ жандармскимъ офицеромъ; онъ открылъ всѣ злодѣянія князя Грузинскаго и доложилъ правительству всю правду. Тогда князю Грузинскому былъ запрещенъ выѣздъ изъ его села Лыскова, и онъ былъ подъ присмотромъ полиціи.

Со того времени поселилась страшная вражда между Грузинскими и Бахметевыми.

По правамъ своего отца, который былъ въ чинѣ полковника, онъ не могъ разсчитывать попасть въ Пажескій корпусъ, но по просьбѣ его прадѣда графа Юрія Александровича Головкина, императоръ Николай I приказалъ зачислить его кандидатомъ Пажескаго корпуса и вотъ при какихъ обстоятельствахъ это случилось:

Былъ во дворцѣ дѣтскій костюмированный балъ. Отецъ мой жилъ тогда у тетки своей княгини Долгоруковой, которая и была приглашена на этотъ балъ съ своими дочерьми и племянникомъ. Отцу моему сдѣлали великолѣпный костюмъ испанскаго пажа, и когда онъ шелъ въ полонезѣ съ своей кузиной княжною Маріей Долгоруковой, которая также была очень красива, то своей красотой и благородной осанкой обратилъ вниманіе государя, который спросилъ графа Головкина:

— Qui est ce charmant petit page rouge? [1])

— Sire, c'est mon arrière petit-fils, mais il ne tient qu' à Votre Majesté d'en faire un vert. [2])

— Avec plaisir, mon chèr comte [3])—отвѣчалъ государь.

И отецъ мой записанъ былъ кандидатомъ въ Пажескій корпусъ.

Бывши пажемъ онъ много шалилъ, и до сихъ поръ, говорятъ, въ корпусѣ сохранились легендарные разсказы о проказахъ и шалостяхъ. «Юрки Голицына». Товарищъ его генералъ М. П. Даниловъ, вспоминая о немъ, говорилъ мнѣ:

— Вашъ отецъ былъ настоящій атлетъ! онъ дрался на рапирахъ не надѣвая ничего кромѣ маски, защищая только свое лицо; а когда получалъ удары противника въ грудь или руки онъ не обращалъ на это никакого вниманія—кровь лилась, а онъ продолжалъ начатый бой, пока не выходилъ побѣдителемъ.

Любовь его къ музыкѣ и хорошему пѣнію развилась въ Пажескомъ корпусѣ; тамъ онъ управлялъ хоромъ и просилъ, чтобы ему позволили брать уроки на фортепіанахъ. Въ опекунскихъ отчетахъ и февральскомъ журналѣ 1838 года написано слѣдующее: «Капитанъ Пажескаго корпуса Гаттенбергеръ, попеченію котораго порученъ князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, сообщилъ опекунству, что по изъявленному малолѣтнимъ желанію учиться музыки онъ договорилъ учителя по 45 рублей въ мѣсяцъ».

Опекунство признало съ своей стороны весьма приличнымъ, чтобы малолѣтній обучался музыкѣ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что отецъ началъ изучать музыку съ 14-ти лѣтъ; первымъ учителемъ его былъ Біанки, а пѣнію училъ его Ломакинъ, дирижеръ капеллы графа Шереметева.

---

[1]) Кто этотъ прелестный пажъ въ красномъ мундирѣ?

[2]) Ваше величество! это мой правнукъ, но отъ вашего величества зависитъ перемѣнить его красный мундиръ на з е л е н ы й.

[3]) Съ большимъ удовольствіемъ, дорогой графъ.

Изъ того же опекунскаго журнала видно, что уже въ маѣ 1838 г. отецъ по распоряженію директора Пажескаго корпуса, перешелъ пансіонеромъ къ штабсъ-капитану Маллio.

Разбирая старые опекунскіе отчеты, мнѣ пріятно было найти въ нихъ желаніе моего отца, тогда 14-ти лѣтняго мальчика, наградить свою няню пенсіей, которую она получала отъ моего дѣда въ бытность его опекуномъ, и которую дворянская опека хотѣла отнять у старухи, находя, что этотъ расходъ въ ущербъ малолѣтнему, опека ссылалась на то, что «объ этой пенсіи князь Николай Борисовичъ Голицынъ не только никакого акта не представилъ, но и не доводилъ до свѣдѣнія дворянской опеки о волѣ покойной княгини. Тогда дѣдушка Николай Борисовичъ просилъ опеку обратиться съ вопросомъ къ малолѣтнему князю Юрію, и онъ отозвался,—что «по привязанности къ бывшей нянѣ своей, къ которой питаетъ чувство признательности, онъ почелъ-бы для себя особеннымъ одолженіемъ если-бъ производство пенсіи было ей возобновлено». И послѣ этого пенсія старухѣ была выдаваема ежегодно въ размѣрѣ 360 руб.

По праздникамъ или наканунѣ бабушка княгиня Анна Александровна Голицына брала къ себѣ отца и всегда сама привозила его домой и отвозила въ корпусъ; часто бывало бабушка не подозрѣвала, что проказникъ ея внукъ возвращался къ ней, уцѣпившись на запяткахъ кареты, и приходила въ ужасъ, когда, входя въ швейцарскую своего дома, на Милліонной, видѣла передъ собой смѣющееся личико своего шалуна внука. Бѣдной старушкѣ приходилось снова везти его и уже собственноручно передавать корпусному швейцару.

Вотъ одна изъ многочисленныхъ проказъ моего отца въ бытность его пажемъ: захотѣлось ему въ неотпускной день поѣхать въ оперу; не долго думая досталъ себѣ статское платье, загримировался слегка и отправился въ театръ. Тамъ, взявъ себѣ билетъ въ одномъ изъ первыхъ рядовъ креселъ, онъ важно усѣлся. Недалеко отъ себя онъ увидѣлъ своего директора. Нисколько не смутившись онъ продолжалъ спокойно сидѣть, между тѣмъ директоръ замѣтилъ отца и сталъ пристально на него глядѣть, узнавая, вѣроятно, въ немъ своего кадета. Видя, что дѣло плохо и что только смѣлостью города берутъ, отецъ самъ направился къ директору, въ первомъ же антрактѣ, и, представившись ему, сказалъ:

— Если я не ошибаюсь, ваше превосходительство, у васъ находится мой племянникъ Юрка Голицынъ? Бо-ольшой па-а-вѣса!—отецъ заикался.

— Да, отвѣчалъ генералъ.—Такъ онъ вашъ племянникъ? какое поразительное съ вами сходство!..

— Это не мо-у-дрено, отвѣтилъ отецъ, мы всѣ Голицыны на-а одно ли-и-цо.

Но, чтобы не подкралось опять сомнѣніе къ директору и чтобы крѣпче скрѣпить заблужденіе, передъ послѣднимъ дѣйствіемъ онъ пошелъ купить коробку конфектъ и, передавая ее генералу, просилъ его потрудиться отдать отъ него «шалуну», такъ какъ пріѣхавъ по дѣламъ онъ боится, что скоро не попадетъ въ корпусъ навѣстить племянника. На другой день директоръ явился въ классъ съ бомбоньеркой въ рукахъ и вызвалъ Голицына. Отецъ, увидавъ конфекты, закричалъ заикаясь:

— А! в-в-отъ и мои к-к-онфек-ты и-дутъ!

Не разобравъ или не понявъ, что онъ говоритъ, директоръ, отдавая ему конфекты, сказалъ, что видѣлъ его дядюшку, который просилъ передать ему эту коробку,—на что отецъ отвѣтилъ храбро:

— Я, ваше превосходительство, са-а-амъ себѣ дя-а-дя!

Такъ какъ отца знали за шалуна и знали любовь его острить, то и тутъ директоръ не обратилъ вниманія на это восклицаніе и остался при убѣжденіи, что онъ видѣлъ его дядю и что Голицыны очень похожи другъ на друга.

Однажды, при посѣщеніи Пажескаго корпуса императоромъ Николаемъ Павловичемъ, отецъ мой былъ на черной доскѣ, на которой крупными буквами написано было: «з а л ѣ н о с т ь, г р у б о с т ь и г л у п о с т ь». Государь, взглянувъ на доску, пристыдилъ виновнаго, но тотъ отвѣтилъ не конфузясь:

— Въ первомъ и во второмъ виноватъ, ваше величество, но в ъ п о с л ѣ д н е м ъ н и к о г д а!

Государь, которому вѣроятно понравился смѣлый отвѣтъ мальчика, обратившись къ присутствующему начальству корпуса, сказалъ:

— Сотрите доску! Я за него ручаюсь!

— Ваше императорское величество,—сказалъ опять отецъ, вытянувшись въ струнку, какъ можете В ы ручаться за меня—когда я с а м ъ за себя не ручаюсь!

Но нашла коса на камень: и государь, взглянувъ строго чуднымъ своимъ взоромъ на храбраго, чистосердечнаго мальчика и обратившись опять къ его начальству, сказалъ:

— Прошу сдѣлать мнѣ изъ Голицына х о р о ш а г о ч е л о в ѣ к а!

— А ты, прибавилъ онъ обратившись къ отцу, чтобы былъ у меня на золотой доскѣ въ будущій мой пріѣздъ!

Государь побѣдилъ своенравнаго, но прямодушнаго мальчика, и отецъ обѣщалъ своему высокому покровителю исправиться и сдержалъ слово.

Семнадцати лѣтъ онъ вышелъ изъ корпуса, и восемнадцати лѣтъ былъ объявленъ женихомъ, но родители моей матери, не желая и боясь этого брака, отложили свадьбу на годъ. Въ продолженіе этого года отецъ навлекъ на себя много непріятностей и неудовольствій—частью своими юношескими шалостями, частью вслѣдствіе необдуманности въ своихъ

поступкахъ. Такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ свое родовое имѣніе Салтыки, войдя въ церковь, онъ увидѣлъ пономаря, ругавшагося со старухами и отнимавшаго у нихъ свѣчи, которыя онѣ ставили передъ образами, а что еще болѣе его разсердило—это то, что свѣчи пономарь припряталъ себѣ въ карманъ. Возмущенный и разгнѣванный этимъ зрѣлищемъ онъ вытащилъ пономаря за косу на паперть и тамъ отколотилъ его. Эта исторія дошла до Харькова, а что еще хуже—она приняла характеръ святотатства, и отецъ чуть-чуть не попалъ за это подъ судъ.

Живши въ Харьковѣ отецъ мой часто повѣсничалъ и прибавлялъ себѣ недоброжелателей даже между родственниками своей невѣсты, которымъ иногда позволялъ себѣ грубить, въ видѣ шутки для себя, и серьезной обиды для стариковъ. Дядя матери, генералъ графъ Сиверсъ не любилъ, чтобы его цѣловали въ лицо, а «допускалъ молодежь къ плечу и рукѣ». Отецъ-же усердно чмокалъ его въ обѣ щеки. Вначалѣ старикъ графъ молчалъ и, хотя съ гримасой, принималъ поцѣлуи, но наконецъ это надоѣло ему и онъ съ важностью сказалъ:

— Je vous prie mon chèr Georges, de baiser mon épaule et ne pas embrasser ma figure. [1])

— Oh! je suis enchanté de le faire, car je n'aurai pas le désagrément d'être piqué par votre menton, qui n'est pas toujours bien rasé! [2]) —отвѣчалъ отецъ.

Онъ любилъ острить и всегда острилъ очень удачно и умно; но остроты не всегда пріятны, и когда затрогиваютъ личности, ихъ не любятъ. Неудовольствіе общества на него росло не по днямъ, а по часамъ, и въ одинъ неблагопріятный для него день жениху отказали. Но невѣста не раздѣляла взглядовъ родныхъ и продолжала любить твердо, сказавъ имъ, что ни за кого другого не выйдетъ замужъ. Объ отцѣ и говорить нечего—тамъ гдѣ были препятствія, ему еще болѣе хотѣлось дойти до желаемой цѣли. Видѣться имъ было запрещено.

Когда отецъ сдѣлался женихомъ, онъ нанялъ себѣ домъ рядомъ съ домомъ Бахметевыхъ и только довольно большой садъ отдѣлялъ ихъ; у него была ручная, ученая, бѣлая козочка, которая носила невѣстѣ письма, привязанныя къ шеѣ на голубой ленточкѣ. Когда настало грустное для влюбленныхъ время, въ которое имъ не позволено было видѣться, козочка продолжала служить имъ вѣрную службу, и невѣста, гуляя грустная въ своемъ саду, встрѣчала тамъ знакомую бѣлую козочку, которая подбѣгала къ ней, протягивая шейку, а невѣста спѣшила освободить ее отъ ноши и снимала ожидаемое письмо.....

---

[1]) Прошу тебя, дорогой Юрій, цѣловать меня въ плечо, а не въ лицо.

[2]) Я съ удовольствіемъ это исполню, потому что избавлюсь отъ непріятности быть уколотымъ вашимъ подбородкомъ, который иногда плохо бываетъ выбритъ.

Для того, чтобы увидѣть невѣсту свою онъ придумалъ слѣдующее: около дома Бахметевыхъ въ саду протекала рѣка, отецъ заказалъ гондолу одѣлся въ роскошный венеціанскій костюмъ и, нарядивъ нѣсколько человѣкъ изъ своихъ пѣвчихъ гондольерами, подплылъ къ дому Бахметевыхъ и, стоя въ гондолѣ съ мандолиной въ рукахъ, запѣлъ серенаду... Всѣ вышли посмотрѣть небывалое зрѣлище и на появленіе въ Харьковѣ итальянцевъ. Невѣста же, извѣщенная, вѣроятно, заранѣе бѣлой козочкой о прибытіи жениха, первая выбѣжала и конечно единственная не удивилась, узнавъ въ красивомъ венеціанцѣ князя Юрія Голицына. Такимъ образомъ цѣль была достигнута—онъ увидѣлъ свою невѣсту.

Стойкость моей матери и взаимная любовь побѣдили препятствія, и князь Юрій Николаевичъ Голицынъ 16-го августа 1843 года вводилъ свою прелестную, скромную невѣсту въ Харьковскій соборъ, подъ пѣніе «гряди голубица».

Церковь была такъ полна, что они съ трудомъ подвигались, и кружевное платье, въ которомъ, говорятъ, была такъ красива моя мать, очень пострадало.

Молодые послѣ свадьбы оставались нѣсколько недѣль въ Харьковѣ, въ кругу многочисленныхъ своихъ родныхъ, и, конечно, молодежь у нихъ часто собиралась, въ томъ числѣ и шафера отца, графъ Сухтеленъ и князь Ѳедоръ Григорьевичъ Голицынъ, съ которыми онъ иногда игралъ въ карты. Небывъ любителемъ карточной игры онъ садился играть просто для препровожденія времени, но иногда интересовался игрой и при своемъ горячемъ нравѣ не сдерживалъ себя. Разъ, недовольный ходомъ графа Сухтелена, онъ такъ вспылилъ, что бросилъ карты ему въ лицо. Мать разсказывала мнѣ, что хотя она въ ту минуту не сознавала всей опасности въ положеніи отца, но все-таки страшно испугалась и на подвижномъ лицѣ ея, вѣроятно, отпечатался весь истугъ... Графъ Сухтеленъ посмотрѣлъ на нее... потомъ собралъ всю колоду, привелъ ее въ порядокъ, положилъ на средину стола и, повернувшись къ моему отцу, сказалъ очень спокойно, но внятно:

— Ты не дитя, чтобы не понять всѣ послѣдствія, могущія произойти вслѣдствіе твоего поступка, но не драться же мнѣ съ тобою, въ минуту твоего счастья! Мнѣ искать смерти—нѣтъ причины, тебя убивать—было бы страшное преступленіе передъ твоей молодой женой. Мы давно знаемъ хорошо другъ друга, ты — сумасшедшій, пора тебѣ остепениться.

Пока графъ Сухтеленъ говорилъ, отецъ сидѣлъ, опустивъ глаза и положивши голову на руку. Благородный и сердечный другъ отца, кончивъ говорить, протянулъ ему свою руку въ знакъ прощенья за обиду. Тогда отецъ вскочилъ, бросился графу на шею и зарыдалъ.

— Прости, прости!—сказалъ онъ,—спасибо.... ты мой честный, лучшій другъ!

Проживъ нѣсколько времени въ Харьковѣ, молодые уѣхали въ родовое имѣніе, большое торговое село Салтыки, Тамбовской губерніи, Усманьскаго уѣзда. За нѣсколько верстъ отъ Салтыковъ, толпа народа ожидала пріѣзда молодыхъ господъ и, увидѣвъ ихъ, съ восторгомъ и криками привѣтствія бѣжала за ними. Въѣзжая въ Салтыки, отецъ приказалъ прямо ѣхать въ церковь, гдѣ весь причтъ въ облаченіи ожидалъ новобрачныхъ.

Послѣ благодарственнаго молебна молодой баринъ обратился къ народу и, указывая на свою жену, сказалъ:

— Вотъ моя жена, а ваша княгиня. Служите ей какъ мнѣ, хорошо и вѣрно—она всегда будетъ къ вамъ добра, будетъ ваша защитница и помощница въ вашихъ нуждахъ.

Весь народъ былъ одѣтъ по праздничному. Бургомистръ съ стариками поднесли на серебряномъ подносѣ большой бѣлый сдобный папошникъ, заказанный ими въ Воронежѣ и убранный цвѣтами, а старостиха поднесла полотенце съ жамками. Бабы по очереди подходили къ матери и, цѣлуя ее по русскому обычаю три раза, приговаривали разныя нѣжныя слова, называя ее «касатушка наша, красавица!» и т. п.

Салтыковскіе крестьяне вывезены были изъ Владимірской губерніи, народъ рослый, видный, и бабы отличались красотой; онѣ имѣли обыкновеніе румяниться, но впослѣдствіи отецъ имъ это запретилъ, и такимъ образомъ обычай этотъ вывелся.

Молодые супруги пріѣхали въ Салтыки въ концѣ сентября, а на Покровъ Божьей Матери, около дома были раскинуты столы, и всѣ крестьяне отъ мала до велика были позваны обѣдать. Послѣ обѣда народъ пѣлъ, плясалъ и получалъ въ подарокъ кто рубашку, кто кушакъ, бабы—серьги и кокошники, а дѣти—лакомства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Собственноручное письмо Архарова Александру Андреевичу Безбородки.

---

14 іюня 1778 г. Москва.

Милостивый государь мой, Александръ Андреевичъ!

Надѣясь уже, что письмо сіе найдетъ васъ по возвращеніи изъ пути, должностію считаю поздравить благополучно оный окончивши. Гость нашъ былъ въ Москвѣ семь дней, отправился въ С.-Петербургъ; если судить по наружному виду его, доволенъ. Что онъ дѣлалъ и гдѣ былъ, записку всякаго дня къ вамъ при семъ посылаю, [1]) покорнѣйше прося, употребите ее какъ вы заблагоразсудите, а я съ моей стороны считаю нужнымъ до васъ ее доставить. Какъ онъ былъ не одинъ, то осмѣливаюсь васъ покорнѣйше просить, если можно, сдѣлать мнѣ милость, увѣдомить со-временемъ сего, какой отзывъ будетъ обо мнѣ, а при томъ не поскучтѣ, изъ особливой ко мнѣ благосклонности, моими мелочными просьбами. Кромѣ васъ, вамъ извѣстно, что не имѣю никого. Смѣту о строеніи Клиновскомъ пришлю на будущей почтѣ.

Впрочемъ, поруча себѣ въ неотмѣнную вашу благосклонность, съ совершеннымъ и истиннымъ почтеніемъ во весь мой вѣкъ буду преданнѣйшими и проч.

---

[1]) Дневной записки при письмѣ не оказалось.

ИЗЪ ПРОШЛАГО САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Записки стараго помѣщика).

Верстахъ въ 40-ка отъ Саратова и понынѣ существуетъ небольшая деревня Быковка, носящая свое названіе отъ одной изъ старѣйшихъ дворянскихъ фамилій Саратовской губерніи Быковыхъ. Фамилія эта уже теперь исчезла, но, во время нашествія Пугачева, Быковы владѣли большими помѣстьями, и на долю Ѳедора Артамоновича выпала горькая участь перенести ужасы и несчастья Пугачевскаго погрома.

Пугачевъ, слѣдуя къ Саратову, расположился съ своей вольницей въ помѣстьяхъ Быкова, и такъ какъ двое взрослыхъ сыновей Ѳедора Артамоновича отказались принести ему присягу, то онъ и казнилъ ихъ, привязавъ къ столбамъ и размозживъ головы осью отъ телѣги. Ѳедоръ же Артамоновичъ былъ спрятанъ въ погребѣ подъ опрокинутую капустную колоду крестьянами, которые его очень любили. Когда Пугачевъ, разыскивая его, спустился въ погребъ, то староста, ставъ на эту колоду и какъ-бы удивляясь, куда могъ скрыться помѣщикъ его, совѣтовалъ пугачевцамъ хорошенько осмотрѣть всѣ находившіеся тамъ кадки. Послѣ тщетныхъ розысковъ Пугачевъ направился въ помѣщичій домъ, гдѣ и засталъ, сидѣвшую у окна жену Быкова Наталью Ивановну съ грудной дѣвочкой на рукахъ. Измученная зрѣлищемъ казни своихъ сыновей и предполагая, что мужъ тоже убитъ, она, увидѣвъ его, сказала:

— Ну, что злодѣй, убилъ дѣтей моихъ, убилъ мужа, такъ убей и меня.

Пугачевъ въ ярости выхватилъ ножъ изъ-за пояса и ударилъ имъ въ грудь Наталью Ивановну, но вдругъ къ его страшному ужасу конецъ ножа сломался, не причинивъ ей никакого вреда, и онъ, оторопѣвъ отъ

этого чуда, снялъ съ себя шапку, началъ креститься на висѣвшія въ углу комнаты иконы, а затѣмъ, не сказавъ ни слова, бросился изъ дома къ своему обозу, досталъ серебряные чайникъ и дѣтскій рожокъ и, вернувшись снова къ Быковой, положилъ эти вещи въ рученки грудной дѣвочки.

— Прости Христа ради, сказалъ онъ и, поспѣшно собравъ свою вольницу, двинулся дальше къ Саратову.

Чудеснымъ спасеніемъ своей жизни Наталья Ивановна была обязана небольшому старинному образочку Казанской Божіей Матери, написанному на прочной металлической пластинкѣ, который составлялъ фамильную святыню, и Ѳедоръ Артамоновичъ, бывъ ранѣе въ военной службѣ, никогда съ нимъ не разставался, почему Наталья Ивановна въ моментъ нашествія Пугачева и надѣла его себѣ на грудь подъ одежду.

Образъ этотъ, съ замѣтнымъ углубленіемъ отъ удара пугачевскаго ножа, старики Быковы передали той изъ своихъ дочерей, которая, будучи грудным ребенкомъ, была свидѣтельницей чудеснаго спасенія своей матери отъ руки Пугачева, т. е. моей родной бабки, и съ тѣхъ поръ икона эта сдѣлалась дорогимъ достояніемъ ея потомства и понынѣ передъ ней горитъ у меня неугасимая лампада.

Но какая странная судьба выпала на долю этой дѣвочки, черезъ всю жизнь которой прошла трагическая полоса. Сдѣлавшись взрослой дѣвушкой, она, Александра Ѳедоровна Быкова, вышла замужъ за бывшаго адъютанта Суворова, полковника Степана Григорьевича Долгово-Сабурова, который тогда только впервые прибылъ въ Саратовскую губернію, для принятія пожалованныхъ ему въ разныхъ уѣздахъ земель.

У Долгово-Сабуровыхъ было трисына и двѣ дочери. Когда два ихъ сына, Алексѣй и Михаилъ, достаточно уже подросли и получено было изъ Петербурга увѣдомленіе о зачисленіи ихъ въ корпусъ, то въ это время къ Долгово-Сабуровымъ пріѣхали два ихъ родственника, полковникъ Базенъ и петербургскій чиновникъ Алфимовъ. Оба они имѣли правительственныя порученія- первый закупку лошадей для войскъ, а второй присланъ былъ въ Саратовское казначейство съ денежными суммами, для обмѣна старыхъ денегъ на новыя. Желая отплатить за то радушіе и гостепріимство, съ которымъ ихъ приняли, родственники эти вызвались довезти двухъ мальчиковъ до Петербурга и сдать ихъ въ корпусъ. Причемъ Алфимовъ съ Мишей отправился въ столицу на Пензу и Нижній, а Базенъ, взявъ Алешу, долженъ былъ, по его словамъ, предварительно быть въ Одессѣ. И вотъ происходитъ удивительная исторія. Алфимовъ, проигравъ въ Нижнемъ казенные деньги, бросаетъ Мишу на станціи, завѣривъ содержателя, что скоро за нимъ вернется, а затѣмъ, не доѣхавъ до Петербурга застрѣливается. Содержатель станціи, тщетно выжидая цѣлые мѣсяцы возвращенія Алфимова, обращаетъ Мишу въ прислужника для проѣзжающихъ.

Полковникъ же Базенъ въ Одессѣ, по распискѣ, запродаетъ Алешу въ рабство греку хозяину гостиницы, а самъ съ казенными деньгами бѣжитъ за границу.

Долго спустя, изъ Саратова ѣдетъ въ Петербургъ генеральша Алферова, и на станціи въ Нижнемъ ея слуга видитъ на кухнѣ мальчика, ставящаго самоваръ. Присматриваясь, онъ находитъ въ немъ необыкновенное сходство съ крестникомъ своей госпожи, Мишей Долгово-Сабуровымъ, онъ называетъ его по имени, но бѣдный мальчикъ на столько былъ запуганъ своимъ положеніемъ, что даже начинаетъ отказываться отъ своего имени, тогда слуга, сообщивъ объ этомъ своей барынѣ, приводитъ его къ ней, и та, къ своему ужасу, дѣйствительно, узнаетъ въ немъ своего крестника. Взявъ его съ собою въ Петербургъ, она даетъ знать о случившемся его родителямъ.

Между тѣмъ, Алеша, какъ старшій и при томъ будучи гордаго и независимаго характера, не хотѣлъ признать себя рабомъ, заявляя хозяину, что онъ вовсе не крѣпостной, а сынъ помѣщика, который самъ имѣетъ много крѣпостныхъ людей. Грекъ, съ одной стороны, боясь отвѣтственности за незаконную свою покупку, а съ другой, не желая лишиться денегъ, которые онъ заплатилъ за него Базену, началъ Алешу запирать въ отдаленныя отъ жилаго помѣщенія службы и даже связывать веревками, такъ какъ онъ не унимался и своимъ крикомъ могъ обратить на себя вниманіе проѣзжающихъ. Послѣ этого умный мальчикъ сообразилъ, что подобными дѣйствіями онъ себѣ не поможетъ, почему и рѣшилъ временно покориться власти грека, который сначала на веревкѣ допускалъ Алешу рубить дрова и чистить дворъ, а затѣмъ, убѣдившись въ его покорности, взялъ въ домъ, для прислуживанія себѣ и проѣзжающимъ. Когда же хозяинъ пересталъ слѣдить за всѣми его дѣйствіями, Алеша, улучивъ свободную минуту, рѣшился привести въ исполненіе задуманный имъ заранѣе планъ. Онъ отправился въ отдаленную часть города и, встрѣтивъ полицейскаго чиновника, разсказалъ все съ нимъ случившееся и, назвавъ себя сыномъ полковника Долгово-Сабурова, просилъ указать ему домъ губернатора Объ этомъ обстоятельствѣ немедленно было доведено до свѣдѣнія послѣдняго, и когда мальчикъ предсталъ предъ губернаторомъ и, послѣ повторенія разсказа о его мытарствахъ, въ доказательство правоты своихъ словъ, вынулъ, зашитый за подкладкой платья, свой документъ, то губернаторъ узналъ въ немъ сына лучшаго своего боеваго товарища. Онъ оставилъ его у себя и, сообщивъ о томъ родителямъ, донесъ о происшествіи только что воцарившемуся императору Александру I.

Затѣмъ мальчики были опредѣлены въ корпусъ и впослѣдствіи оба, произведенные офицерами въ лейбъ-гусары, были убиты въ отечественную войну 1812 года.

Третій сынъ Долгово-Сабуровыхъ Иванъ былъ крестникъ генералиссимуса Суворова, который видимо, любивъ своего бывшаго адъютанта Степана Григорьевича, нерѣдко писалъ къ нему, почему нѣкоторые изъ его собственныхъ писемъ у меня сохраняются до сего времени. Иванъ Долгово-Сабуровъ, по желанію своего крестнаго отца, былъ морякомъ и, дослужившись до чина лейтенанта, находился на лучшемъ счету у своего начальства и, какъ человѣкъ богатый и хорошей фамиліи, привлекъ особенное на себя вниманіе своего начальника контръ-адмирала N, который задумалъ женить его на своей дочери. Но такъ какъ Иванъ Степановичъ, побывавъ на родинѣ, объявилъ ему о своей помолвкѣ въ Саратовѣ съ дѣвицей Поповой, то, озлобленный начальникъ не только измѣнилъ къ нему свои отношенія, но и рѣшился совсѣмъ погубить его. Онъ подговорилъ ружейнаго охотника изъ матросовъ, который всегда приносилъ дичь своимъ начальникамъ, выпросить фунтъ пороху у завѣдывавшаго пороховымъ складомъ лейтенанта Долгово-Сабурова. Матросъ исполнилъ это, и когда онъ съ этимъ порохомъ выходилъ изъ склада, то былъ задержанъ заранѣе подосланными для этого людьми, и Долгово-Сабуровъ по военному суду былъ разжалованъ въ рядовые.

Бѣдная мать, итакъ уже убитая горемъ отъ потери двухъ сыновей, поражена была параличемъ отъ этого новаго несчастья, и потому одна изъ ея сестеръ, Марія, отправилась въ Петербургъ къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, чрезъ которую не только выхлопотала возвращеніе чиновъ Ивану Степановичу, но и изъявленіе особенной къ нему царской милости при переводѣ его въ Петербургскую флотилію, гдѣ онъ былъ вскорѣ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты.

Положеніе Долгово-Сабурова въ столицѣ было очень завидное, такъ какъ, среди высокопоставленныхъ лицъ, онъ встрѣтилъ многихъ сослуживцевъ своего отца, но дальнѣйшей служебной карьеры ему сдѣлать не пришлось, такъ какъ родители пожелали, чтобы онъ оставилъ службу и вернулся на родину, гдѣ онъ и женился на одной изъ красивѣйшихъ и богатыхъ невѣстъ, Настасьѣ Александровнѣ Поповой. Но судьба Ивану Степановичу снова не повезла. Не прошло и четырехъ лѣтъ со времени женитьбы, какъ въ Саратовъ прибылъ для расквартированія гусарскій полкъ, въ которомъ находился ротмистръ графъ Бобринскій. Блестящій гусаръ плѣнилъ Настасью Александровну, и та, бросивъ мужа и продавъ свое имѣніе, бѣжала съ нимъ за границу. Послѣ этого Иванъ Степановичъ Долгово-Сабуровъ прожилъ не долго и умеръ въ холеру 1830 года, завѣщая, какъ бездѣтный, свою фамилію и свое состояніе, только что родившемуся тогда, единственному сыну родной его сестры Анны Степановны Шомпулевой, т. е. мнѣ. Но такъ какъ въ тотъ же холерный годъ умеръ скоропостижно и мой отецъ, то матери, какъ женщинѣ постигнутой такимъ ужаснымъ горемъ, было не до сто-

личныхъ хлопотъ, и она, по праву наслѣдія, воспользовалась лишь только уцѣлѣвшимъ состояніемъ брата и своихъ родителей. Вскорѣ затѣмъ скончались и старики Долгово Сабуровы, а оставшаяся въ дѣвицахъ ихъ послѣдняя дочь Евпраксія Степановна приняла постриженіе въ Пензенскомъ монастырѣ, гдѣ, состоя казначеей, была убита лошадьми во время ея поѣздки въ городѣ Пензѣ.

Почти тридцать лѣтъ спустя послѣ разсказанныхъ мною событій, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Саратовъ явился изъ Архангельской губерніи іеромонахъ Амфилохій съ сборомъ на перестройку своей монастырской церкви и попалъ ко мнѣ въ домъ, гдѣ по старинному обычаю всегда оказывалось такимъ странникамъ гостепріимство. Разговорившись съ нимъ я неожиданно узналъ дальнѣйшую судьбу бѣжавшей за границу съ графомъ Бобринскимъ Настасьи Александровны Долгово-Сабуровой. Іеромонахъ Амфилохій, какъ оказалось, былъ ранѣе камердинеромъ графа Бобринскаго и сообщилъ мнѣ, что уже десять лѣтъ назадъ графъ скончался за границей, почему онъ, Амфилохій, и горничная Настасьи Александровны, по обѣщанію, ежели Богъ приведетъ имъ вернуться въ Россію, поступили въ монастыри; о томъ же, гдѣ находится Настасья Александровна онъ, согласно ея желанія, долго умалчивалъ и лишь послѣ усиленныхъ просьбъ моей матери, сказалъ, что она пострижена въ Пензенскомъ монастырѣ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, Настасья Александровна, бывъ въ полномъ постриженіи, вела тамъ отшельническую жизнь, гдѣ и скончалась.

При этомъ, считаю не лишнимъ добавить, что одна изъ дочерей Ѳедора Артамоновича Быкова, моя двоюродная бабка, Марья Ѳедоровна, въ память чуднаго избавленія ея матери отъ руки Пугачева, выстроила въ своемъ имѣніи, въ деревнѣ Студенкѣ, прекраснѣйшую часовню съ небольшимъ иконостасомъ и басейномъ внутри, въ которой ежегодно, съ особой торжественностью, служилась панихида по убитымъ Пугачевымъ ея братьямъ; а, умирая въ 1847 году, Марья Ѳедоровна завѣщала, въ память того избавленія, отпустить крестьянъ этой деревни на волю, со всей землей, что и было исполнено ея душеприказчицей, моей матерью, хотя она и состояла ближайшей наслѣдницей къ этому родовому имѣнію. Это обстоятельство въ то время не мало надѣлало хлопотъ, такъ какъ подобныя распоряженія помѣщиковъ были очень рѣдки и къ нимъ относились съ нѣкоторой подозрительностью. Но крестьяне не умѣли воспользоваться такимъ благополучіемъ и поспѣшили продать землю, внеся въ казенную палату за себя подушныя до ревизіи, и приписались къ мѣщанскому обществу города Саратова, вѣроятно изъ боязни быть снова прикрѣпленными къ землѣ. Теперь этотъ чудный участокъ, съ водяной мельницей, заливными лугами, славящимися въ уѣздѣ ружейной охотой, обширнымъ прудомъ у подошвы крутой, по-

крытой лѣсомъ, горы, гдѣ затопленные нынѣ водой пруда, находятся знаменитыя пещеры Пугачевцевъ во время ихъ стоянки,—составляетъ собственность нѣмецкихъ колонистовъ и, въ образовавшейся небольшой колоніи Студенкѣ не осталось и слѣда прежней исторической мѣстности: часовня разобрана нѣмцами, и только чудный, быстро текущій изъ высокой горы родникъ напоминаетъ немногимъ старожиламъ то мѣсто, гдѣ она стояла.

В. А. Шомпулевъ.

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПОДОЛІИ.

(Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи).

III [1]).

Поѣздка на съѣздъ.—Предсѣдатель съѣзда М—ичъ и высѣченная горничная.—Имѣніе Н. И. Пирогова и встрѣча съ нимъ.—Прибытіе въ Литинъ.—Залъ засѣданій съѣзда.—Почетный мировой судья панъ К—ичъ.—Непремѣнный членъ съѣзда Даніилъ К—скій.—Факторъ Іось К—ръ.—Ограбленіе директора В—ича.—Участковый мировой судья Генрихъ Л—узъ.—Дисциплинарное взысканіе.—Товарищъ прокурора.—Анонимные доносы.

Двѣ недѣли спустя послѣ открытія моей камеры, въ Хмѣльникъ заѣхалъ, по дорогѣ изъ своего имѣнія въ Литинъ, мировой судья 4 го участка и, въ то же время, предсѣдатель нашего съѣзда М—ичъ; онъ ѣхалъ на съѣздъ, завернулъ ко мнѣ и предложилъ отправиться вмѣстѣ. Путешествіе вдвоемъ не только познакомило насъ, но немножко и сблизило. М — ичъ онъ служилъ когда-то въ артиллеріи, затѣмъ перешелъ на гражданскую службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, выказалъ здѣсь весьма недюжинныя способности, былъ командированъ однажды въ Московскую губернію для раскрытія тайной фабрикаціи поддѣльнаго чая (Иванъ-чая), исполнилъ порученіе самымъ блестящимъ образомъ, и былъ вскорѣ назначенъ подольскимъ вице-губернаторомъ. Состоя въ этой должности, онъ получилъ на льготныхъ условіяхъ, въ видѣ награды за службу, одно изъ конфискованныхъ

[1]) См. «Русскую Старину». февраль, 1897 г.

польскихъ имѣній въ Литинскомъ уѣздѣ; затѣмъ, при введеніи въ Подоліи мировыхъ судей, М—ичъ, неладившій съ губернаторомъ, принялъ должность судьи и въ то же время былъ назначенъ и предсѣдателемъ съѣзда.

М—ичъ, какъ оказалось, былъ судьею замѣчательнаго трудолюбія, обходившійся даже безъ помощи письмоводителя; при этомъ, онъ былъ человѣкомъ очень умнымъ, честнымъ и энергичнымъ, много путешествовавшимъ и, вообще, «видавшимъ виды». Но привычка къ власти, когда онъ, будучи вице-губернаторомъ, не разъ ревизовалъ губернію и, вообще, неоднократно пользовался правами губернатора, исправляя его должность, сдѣлала то, что онъ сталъ отличаться нѣкоторою рѣзкостью съ младшими и проявлять иногда раздражительность и жесткость. Въ своемъ имѣніи онъ жилъ одинъ, такъ какъ семья его проживала въ Москвѣ, и это послѣднее обстоятельство дѣлало его характеръ еще болѣе холоднымъ. Кромѣ того, надъ нимъ тяготѣло одно пренепріятнѣйшее дѣло, устроенное ему многочисленными его врагами: онъ обвинялся въ истязаніи, т. е., просто говоря, въ высѣченіи розгами бывшей своей горничной дѣвушки. Исторія эта, вообще очень темная, заключалась въ томъ, что въ имѣніи М—ича, когда съ нимъ еще жила его семья, была, однажды, высѣчена горничная дѣвушка; въ прошеніи, поданномъ ею (т. е. отъ е я и м е н и, такъ какъ она была неграмотна) мѣстнымъ властямъ, она заявила, что высѣчена была «по приказанію барина», его управляющимъ, тестемъ М—ича. Когда началось «дѣло», то свидѣтели на слѣдствіи подтвердили фактъ сѣченія, а управляющій (вскорѣ ослѣпшій) показалъ, что дѣвушка была высѣчена имъ по собственной иниціативѣ—за воровство и явный развратъ въ домѣ, и что она согласилась сама, добровольно, подвергнуться экзекуціи, при условіи, чтобы ее не подвергали отвѣтственности за кражи. Сама же потерпѣвшая канула, въ началѣ слѣдствія, какъ въ воду и не успѣла даже быть спрошена слѣдователемъ, тщетно разыскивавшимъ ее по всей Россіи, чрезъ публикаціи въ «Сенатскихъ Объявленіяхъ» и въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Извѣстно было лишь, что она, тотчасъ по подачѣ прошенія, уѣхала изъ Литинскаго уѣзда въ Одессу, гдѣ и замела свой слѣдъ: по одной версіи, она, въ качествѣ живаго товара, попала въ руки факторовъ-евреевъ и была переправлена въ Константинополь; по другому же варіанту, она получила отъ тестя М—ича очень крупный кушъ и ч у ж о й паспортъ и улетучилась такъ ловко, что ее впослѣдствіи уже не могли и разыскать... Такъ или иначе, но это дѣло не только висѣло надъ М—ичемъ въ видѣ Дамоклова меча, но и нѣсколько компрометировало его, а впослѣдствіи, и повредило ему по службѣ.

Въ описываемое время, т. е. когда мы ѣхали съ нимъ на съѣздъ и

мирно бесѣдовали, «дѣло» это плавало уже по камерамъ различныхъ судебныхъ слѣдователей, товарищей прокурора и въ полиціи, хотя М—ичъ и дѣлалъ видъ, что онъ игнорируетъ всѣ эти инсинуаціи и совсѣмъ ими не интересуется.

По дорогѣ между Хмѣльникомъ и Литинымъ мы проѣзжали мимо одного чистенькаго селенія съ церковью и красивыми помѣщичьими постройками.

— Это село Ивча, имѣніе Николая Ивановича Пирогова, сказалъ мнѣ М—ичъ:—самъ же онъ сюда лишь наѣзжаетъ, проживая постоянно въ другомъ имѣніи, Вишнѣ, въ сосѣднемъ, Винницкомъ уѣздѣ.

Впослѣдствіи, мнѣ не разъ приходилось проѣзжать черезъ это село и останавливаться въ немъ, – и я слышалъ, что великій хирургъ и гуманистъ жилъ, за послѣднее время, какъ бы отшельникомъ, возложивъ всѣ хозяйственныя заботы и хлопоты по имѣніямъ на свою супругу и сына; но больные все-таки являлись къ нему, иногда очень издалека, и онъ не отказывался принимать ихъ.—Проживавшій во флигелѣ фельдшеръ записывалъ и регистрировалъ пріѣзжающихъ больныхъ и, затѣмъ, докладывалъ о нихъ Пирогову; при этомъ, у фельдшера съ публикой происходилъ сущій торгъ, а иногда и крупные разговоры, но зналъ ли обо всемъ этомъ великій ученый, этого я не берусь утверждать. Лично я видѣлъ покойнаго Н. И. всего разъ, спустя два года, въ г. Винницѣ: это былъ замѣтно уже осунувшійся и даже согбенный старикъ, съ окладистою, наполовину сѣдою, бородой и съ совершенно голымъ черепомъ, прикрытымъ черною бархатною шапочкой. Онъ производилъ впечатлѣніе совсѣмъ дряхлаго старца, и лишь глаза его и все выраженіе умнаго, строгаго и симпатичнаго лица говорили, что передъ вами былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, великій ученый, признанный коллегами всѣхъ странъ и народовъ.

Послѣдняя трудовая и плодотворная дѣятельность Пирогова на пользу человѣчества была въ минувшую турецкую кампанію; но по общимъ отзывамъ очевидцевъ, это былъ уже не тотъ неустанный труженикъ-хирургъ и не тотъ мужественный боецъ, что̀ воевалъ когда-то съ севастопольскими врачами въ госпиталяхъ и съ интендантами въ Крыму: годы его были древніе, а силы слабыя; тѣмъ не менѣе, онъ, о д и н ъ, сдѣлалъ все-таки больше, чѣмъ сдѣлала бы с о т н я докторовъ, не подготовленныхъ для театра военныхъ дѣйствій: уже одно его славное и честное имя производило магическое дѣйствіе, въ особенности на молодыхъ врачей, въ смыслѣ поощренія къ беззавѣтному труду. По окончаніи кампаніи, великій хирургъ получилъ орденъ Бѣлаго орла, который едва ли даже и довелось ему возложить на себя въ своемъ деревенскомъ уединеніи. Этотъ орденъ, во время похоронъ, пришлось нести, по странной случайности, внуку извѣстнаго академика же и

ученаго (географа) Арсеньева—К. Ю. Арсеньеву, служившему въ то время, т. е. въ годъ смерти Пирогова (въ 1882 году), въ г. Виннице, въ чинѣ капитана, въ квартировавшемъ тамъ резервномъ пѣхотномъ баталіонѣ.

Когда мы подъѣзжали уже къ самому Литину, мой спутникъ сказалъ мнѣ:

— Я вамъ ничего не говорилъ и не буду говорить о вашихъ товарищахъ судьяхъ: вы сами ихъ увидите и услышите, т. е., предъ вами пройдутъ всѣ тѣ рѣшенія и приговоры по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, которые они постановили и которые мы, по апелляціоннымъ жалобамъ, будемъ обсуждать. Кстати, и для васъ лично, какъ для новаго судьи, разборъ дѣлъ на съѣздѣ будетъ хорошей школой въ виду предстоящей вамъ судейской дѣятельности.

Пріѣхали мы въ Литинъ совсѣмъ поздно и остановились въ съѣздѣ, двухъ-этажномъ каменномъ домѣ, принадлежащемъ мѣстному протопопу. Домъ былъ сухой и очень помѣстительный, такъ что и я, и М—ичъ имѣли, каждый для себя, особыя комнаты.

Едва только я разобрался съ вещами и переодѣлся, какъ отправился наверхъ, въ съѣздъ, взять тѣ дѣла, которыя были назначены къ разсмотрѣнію на другой день. Меня встрѣтилъ секретарь, еще очень молодой человѣкъ, чрезвычайно симпатичный, и исполнилъ мое желаніе. Затѣмъ, я, изъ простаго любопытства, прошелъ въ залъ засѣданій. Это была довольно большая комната, высокая, полуосвѣщенная одною лампою, за которой сидѣлъ и работалъ, диктуя самъ себѣ вслухъ, помощникъ секретаря, какой-то несчастный и забитый судьбой мелкій чиновникъ. Полутемный залъ и эта одинокая лампа, и этотъ блѣдный, согбенный надъ бумагами человѣкъ произвели на меня крайне тяжелое и непріятное впечатлѣніе: казалось, что какъ будто въ этомъ залѣ лежитъ покойникъ, и кто-то читаетъ по немъ, въ полголоса и въ полутьмѣ, псалтирь....

Когда я вернулся къ себѣ въ комнату, въ ней оказался уже сокваргирантъ, почетный мировой судья К—ичъ, явившійся для присутствованія на съѣздъ. Это былъ добрый и милый польскій панъ, съ университетскимъ образованіемъ, но не приставшій ни къ нашимъ, ни къ вашимъ, такъ какъ, вскорѣ послѣ университета и прибытія въ Литинскій уѣздъ, въ свое маленькое родовое имѣніе, онъ подвергнутъ былъ остракизму со стороны всего мѣстнаго польскаго общества. Случилось же это по слѣдующему поводу. Сдѣлавъ визиты и перезнакомившись со всѣми, онъ былъ радушно вездѣ принятъ и обласканъ, какъ человѣкъ образованный, молодой и небѣдный; особенно охотились за нимъ маменьки засидѣвшихся паненокъ. Но К—ичъ заплатилъ за гостепріимство «черною неблагодарностью»,—какъ отзывались, даже много лѣтъ спустя, здѣш-

ніе польскіе помѣщики. Будучи приглашенъ на балъ къ одному изъ мѣстныхъ магнатовъ, онъ воспѣлъ, потомъ, весь этотъ балъ и хозяина дома, и его гостей въ злой стихотворной сатирѣ, въ которой осмѣялъ и чванство и высокомѣріе крупныхъ пановъ и графовъ, [1]) и патріотизмъ дамъ, и кокетство дѣвицъ. Авторъ сатиры не пощадилъ даже нѣсколькихъ ксендзовъ, попавшихъ на балъ: они были зло и ядовито «продернуты». Хотя сатира была и не подписана и высылалась даже публикѣ изъ Кіева, почтою, но тѣмъ не менѣе, по какимъ то соображеніямъ и слѣдамъ, авторъ былъ обнаруженъ и на него наложено было veto. не снятое даже и въ 1863 году, во время возстанія въ краѣ. К—ичъ былъ въ числѣ немногихъ польскихъ помѣщиковъ этого уголка Подоліи, котораго г-жа Пустовойтова, будущій адъютантъ Лангевича (мѣстная уроженка изъ имѣнія Пустовойты), не пожелала посѣтить и пригласить къ пожертвованіямъ «на офяру», т. е. на возстаніе. По всей вѣроятности, К—ича не очень-то много огорчило такое невниманіе, благодаря которому онъ остался не только внѣ всякихъ подозрѣній въ участіи въ мятежѣ, но даже попалъ въ почетные мировые судьи, нанеся этимъ вступленіемъ въ составъ «москевскаго суда» новый ударъ патріотическому чувству и нетерпимости своихъ единоплеменниковъ. Въ концѣ концовъ, К—ичъ добился на-половину того, чего втайнѣ давно желалъ: ему былъ данъ орденъ Анны 3-ей степени, и онъ не снималъ его съ себя въ теченіе очень долгаго времени, не надѣвая только на одинъ халатъ. По натурѣ своей, это былъ человѣкъ хорошій и честный и больше хохолъ, чѣмъ полякъ; онъ такъ и остался старымъ холостякомъ и сдѣлался прекраснымъ сельскимъ хозяиномъ и большимъ оригиналомъ: ходилъ онъ всегда въ какомъ-то ваточномъ, довольно потертомъ кунтушѣ, съ вѣчною трубкою въ рукахъ, насаженною на двухъ-аршинный черешневый чубукъ; но за то въ засѣданія съѣзда выходилъ всегда въ новенькомъ, съ иголочки, мундирѣ, на которомъ ширина воротника и рукавовъ, расшитыхъ золотомъ, далеко превосходила нормальную; но это было уже маленькое польское тщеславіе, которому мы, его сотоварищи, не придавали, конечно, никакого значенія.

Вторая же половина явныхъ и тайныхъ помысловъ К—ича—быть назначеннымъ участковымъ мировымъ судьею—такъ и не исполнилась. И это было вопіющею несправедливостью относительно К—ича, два раза, при открывающихся въ Литинскомъ уѣздѣ вакансіяхъ, обращавшагося къ начальству съ просьбами объ этомъ назначеніи; но начальство находило возможнымъ назначать судьями въ По-

[1]) Въ Подоліи и на Волыни, а частію даже и въ Литвѣ, принято, иногда, называть „графомъ“ каждаго богатаго пана, если онъ живетъ по „графски“ и сорить деньгами безъ разума.

долію чиновниковъ съ аттестатами семинарій, отставныхъ кавалерійскихъ офицеровъ и даже бывшихъ становыхъ приставовъ, но отказывало въ этомъ К—ичу, человѣку съ университетскимъ образованіемъ и прослужившему, къ тому же, безвозмездно, нѣсколько лѣтъ почетнымъ мировымъ судьею,—и отказывало только потому, что онъ былъ католикъ....

На утро, передъ засѣданіемъ, М—ичъ познакомилъ меня съ двумя моими сослуживцами, явившимися на съѣздъ: это были участковые мировые судьи Д. К—скій и Г. Л—узъ. Кстати, я позволю себѣ познакомить съ ними и читателей, хотя мнѣ и придется для этого забѣжать немножко впередъ и оглянуться назадъ.

Мировой судья 1-го участка Д. К—скій былъ сынъ дьячка и окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, по юридическому факультету; онъ служилъ ранѣе въ Литинскомъ же уѣздѣ судебнымъ слѣдователемъ и составилъ себѣ, въ нѣсколько лѣтъ, довольно порядочное для чиновника состояніе—тысячъ въ тридцать,—прослуживъ въ должности слѣдователя пять лѣтъ и получая по дореформенному окладу всего одну тысячу рублей въ годъ.

Въ Подольской губерніи не существовало, какъ я уже говорилъ, окружнаго суда, и слѣдствіе по уголовному дѣлу, произведенное судебнымъ слѣдователемъ, съ отобраніемъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ подъ присягой, было—в с е: приговоръ уголовной палаты, составлялся не на основаніи вердикта присяжныхъ, которыхъ и не существовало въ этихъ «палатахъ», а основывался, единственно и исключительно, на томъ судебно-слѣдственномъ производствѣ и на тѣхъ матеріалахъ, которые были представлены слѣдователемъ,—и только отъ воли этого единаго человѣка зависѣло иногда упечь обвиняемаго въ Сибирь или помиловать; а если улики слишкомъ уже явны, то подвести его подъ «сильное подозрѣніе»,—въ каковомъ палата могла оставлять преступника не сознавшагося и явно не уличеннаго. Я уже не говорю о томъ, что прежде чѣмъ, какъ говорится, судъ да дѣло, судебный слѣдователь могъ, въ самомъ началѣ слѣдствія, посадить обвиняемаго человѣка въ острогъ—т. е. опозорить и его, и его семью на всю жизнь;—это, на языкѣ уголовнаго законодательства, называлось—да и теперь называется точно такъ же—мѣрою пресѣченія обвиняемому уклониться отъ суда и слѣдствія, принимаемою на основаніи 416 ст. устава уголовнаго судопроизводства. [1])

---

[1]) Я разсказываю и «вспоминаю» о дѣлахъ давно минувшихъ, пережившихъ чуть не двѣ земскихъ давности; но я попрошу читателей припомнить дѣло, разбиравшееся всего лишь въ минувшемъ году, въ Курскомъ окружномъ судѣ,—когда судебный слѣдователь Родиславскій, подержавшій въ клубѣ пари, что онъ «упрячетъ въ острогъ» одного богатаго помѣщика, въ имѣніи

Теперь, прошу читателя представить себѣ, что такія прерогативы и такая большая власть, при полнѣйшей безнаказанности «упущеній» и «ошибокъ», даны человѣку опытному и не глупому, и не имѣющему ни стыда, ни совѣсти, не боящемуся ни суда Божьяго, ни человѣческаго, смѣющемуся надъ правосудіемъ и надъ общественнымъ мнѣніемъ, человѣку чрезвычайно смѣлому и наглому и вдобавокъ образованному,— и передъ вами будетъ судебный слѣдователь Даніилъ К—скій, которому не только сошли благополучно съ рукъ всѣ его преступленія по должности, но онъ еще получилъ повышеніе по службѣ и занялъ, при введеніи судебно-мироваго института въ Подоліи, мѣсто судьи въ томъ же самомъ Литинскомъ уѣздѣ.

О дѣятельности К—скаго, какъ слѣдователя, ходили еще и въ мое время цѣлыя легенды: попасть въ его руки человѣку, обвиняемому въ какомъ-нибудь, даже неважномъ, преступленіи—это значило быть ограбленнымъ, буквально, до послѣдняго рубля. К—скій держалъ при себѣ, на этотъ предметъ, постояннаго фактора, еврея Іоську К—ера, который не только сообщалъ слѣдователю всѣ подробности о матеріальномъ и семейномъ положеніи обвиняемаго, но торговался въ цѣнѣ выкупа, бралъ деньги и передавалъ ихъ своему «хозяину». Случалось при этомъ, что съ несчастнаго вола драли по двѣ и по три шкуры. Вотъ одинъ фактъ, на выдержку, изъ дѣятельности Д. К—скаго въ роли судебнаго слѣдователя.

Проживая въ городѣ Хмѣльникѣ, К—скій случайно узнаетъ, что на сосѣднемъ свекло-сахарномъ заводѣ въ Войтовцахъ, одномъ изъ богатѣйшихъ заводовъ во всей Подоліи, существуютъ неправильные вѣсы, на которыхъ обвѣшиваютъ лицъ поставляющихъ свекловицу; при этомъ нашелся и потерпѣвшій — какой-то неважный владѣлецъ маленькой свекловичной плантаціи, подавшій слѣдователю письменную жалобу на этотъ обвѣсъ. Для К—скаго было вполнѣ достаточно дошедшихъ до него слуховъ и этой жалобы, чтобы начать «дѣло»; онъ неожиданно и внезапно явился съ потерпѣвшимъ и понятыми на заводъ, опечаталъ вѣсы и гири, отобралъ ихъ, установилъ фактъ частаго нахожденія при пріемѣ свекловицы дире-

---

котораго сгорѣло какое-то застрахованное гумно, дѣйствительно „упряталъ“ неповиннаго человѣка, совершивъ, для достиженія цѣли, самолично, цѣлый рядъ подлоговъ во время производства слѣдствія.... Дѣло и вся продѣлка Родиславскаго выплыли на Божій свѣтъ лишь случайно, благодаря тому обстоятельству, что, въ качествѣ свидѣтеля, былъ вызванъ въ судъ литераторъ г. Е. Марковъ. Слѣдовательно, не далеко ушло упорядоченіе производства слѣдствій отъ того времени, о которомъ идетъ у меня рѣчь - и такъ-же широкъ и безнаказанъ произволъ слѣдователей, и такъ-же не ограждена отъ этого произвола личность человѣка, привлекаемаго къ слѣдствію...

*

ктора-распорядителя, еврея В—ча, уѣхалъ затѣмъ въ Хмѣльникъ и началъ формальное слѣдствіе. На первыхъ же порахъ эксперты—базарные старосты—обнаружили невѣрность вѣсовъ и гирь; затѣмъ показаніями нѣкоторыхъ свидѣтелей, вызванныхъ слѣдователемъ въ Хмѣльникъ и опрошенныхъ, былъ вполнѣ подтвержденъ тотъ фактъ, что В—чъ, находясь иногда при пріемѣ вѣсовщикомъ свекловицы, могъ знать, что вѣсы не вѣрны и гири значительно тяжелѣе нормальныхъ; далѣе оказалось, что сумма обмѣра и обвѣса, при куплѣ, далеко превышаетъ сумму 300 рублей, и проч. Разъ всѣ эти факты были установлены, К—скій вызвалъ въ Хмѣльникъ, въ качествѣ обвиняемыхъ, купца 1-ой гильдіи и почетнаго гражданина В—ча и «дѣйствовавшаго по его приказанію» вѣсовщика. Начался допросъ. Судебный слѣдователь допрашивалъ В—ча въ теченіе пяти часовъ, продержавъ его все время на ногахъ и не пригласивъ ни разу присѣсть; а затѣмъ объявилъ ему свое постановленіе о предварительномъ арестѣ, «дабы обвиняемый, находясь на свободѣ, не могъ уклониться отъ суда и слѣдствія, а равно и повліять на показанія по этому дѣлу свидѣтелей, зависящихъ, такъ или иначе, отъ него, директора», а между тѣмъ дѣло-де очень серьезное и подлежитъ вѣдѣнію уголовной палаты, такъ какъ главный обвиняемый оказывается почетнымъ гражданиномъ.

Можете себѣ представить весь ужасъ В—ча, человѣка образованнаго, вполнѣ порядочнаго, получающаго что-то около шести тысячъ въ годъ содержанія и, можетъ быть, совсѣмъ мало и виноватаго въ томъ мошенничествѣ, въ которомъ обвинялъ его судебный слѣдователь.

Прочитавъ ему постановленіе объ арестѣ, гдѣ упоминалась, конечно, 416 статья и говорилось, что В—чъ, какъ человѣкъ богатый, легко можетъ укрыться отъ суда за-границу, находящуюся такъ близко, слѣдователь великодушно прибавилъ:

— Въ силу нашего бывшаго знакомства, я не арестую васъ, какъ бы слѣдовало—немедленно, и рѣшаюсь отпустить на квартиру, гдѣ вы остановились, за вещами; но только вы дадите мнѣ честное слово, что черезъ два часа явитесь въ мою камеру сами и отдадите себя въ руки правосудія.

— Я бы просилъ позволенія, г-нъ слѣдователь, переговорить съ вами,—залепеталъ совсѣмъ уничтоженный директоръ завода, памятуя нравъ К—скаго и хорошо понимая, что надо откупаться.

— Мнѣ съ вами не о чемъ болѣе разговаривать, г-нъ В—чъ!—громко и отчетливо произнесъ судебный слѣдователь.

Шатаясь, вышелъ несчастный человѣкъ изъ разбойничьей «камеры» и поѣхалъ на свою квартиру въ «замокъ», гдѣ онъ всегда останавливался. На крыльцѣ его уже поджидалъ Іоська К—еръ.

— Ну, что скажешь, Іось?—спросилъ его тихимъ голосомъ В—чъ.

— Два слова только скажу вамъ, панъ директоръ,—еще тише отвѣтилъ факторъ,—п я т ь т ы с я ч ъ...

Положеніе В—ча было ужасное: начатое судебнымъ слѣдователемъ «дѣло» могло сильно компрометировать все громадное коммерческое предпріятіе, ввѣренное въ его руки: н а В о й т о в е ц к о м ъ с а х а р н о м ъ з а в о д ѣ—фальшивые вѣсы!!.. Но что же дѣлать т е п е р ь?! Неужели же идти и садиться въ Х—скую кутузку, вмѣстѣ съ ворами и конокрадами, а затѣмъ и въ острогъ? Можно, конечно, и скрыться, но вѣдь это только спасетъ на время.... Телеграфировать владѣльцу завода.. но, во-первыхъ, самый телеграфъ отъ Хмѣльника въ 45-ти-верстахъ а во-вторыхъ, владѣлецъ лѣчится за-границей, и найдетъ ли еще его тамъ телеграмма — Богъ вѣсть, а если и найдетъ, то что онъ можетъ оттуда, изъ-за-границы, сдѣлать? Да, наконецъ, въ виду такого некрасиваго «дѣла», онъ, можетъ быть, не захочетъ даже и вмѣшиваться въ него...

В—чъ позвалъ К—ера въ свои комнаты, подумалъ немного: вѣдь пять тысячъ—это денежки! но... половину можно поставить на счетъ акціонеровъ... и затѣмъ, сказалъ фактору:

— Передай слѣдователю, что я согласенъ; но такихъ денегъ при мнѣ нѣтъ—я сейчасъ же поѣду въ Войтовцы, возьму деньги и рано утромъ буду здѣсь.

Іось К — еръ побѣжалъ къ К—скому съ этимъ отвѣтомъ, а В—чъ приказалъ заложить лошадей и уѣхалъ на заводъ, въ Войтовцы, Рано утромъ онъ возвратился и послалъ за К—еромъ; факторъ явился, принялъ деньги и понесъ ихъ къ К—скому, но тотъ, должно быть, пожалѣлъ, что мало взялъ: черезъ полчаса К—еръ явился обратно:

— Слѣдователь приказалъ вамъ сказать, что дѣло это теперь такъ огласилось, что, пожалуй, его самого уволятъ за то, что онъ не арестовалъ васъ; онъ рискуетъ, такимъ образомъ, потерять службу, а потому проситъ васъ доставить е щ е три тысячи, которыя онъ раздастъ к о м у н у ж н о, въ Каменцѣ, чтобы тамъ не обратили на это дѣло вниманія. Если не согласны, возьмите назадъ свои пять тысячъ—вотъ они, проговорилъ факторъ, отправляясь рукою въ боковой карманъ...

— Хорошо, онъ получитъ еще три тысячи,—отвѣтилъ В—чъ—и поскакалъ вновь въ Войтовцы.

Въ тотъ же день деньги были привезены и сданы по принадлежности. Затѣмъ, когда В—чъ, по приказу слѣдователя, явился къ нему въ камеру, то никого не засталъ въ ней, кромѣ самого слѣдователя, пригласившаго его въ свою квартиру, въ гостиную; тамъ онъ любезно усадилъ своего «дорогаго» гостя и жалостно заговорилъ о рискѣ «всего

этого непріятнаго дѣла», которое онъ, слѣдователь, долженъ-де теперь «какъ-нибудь потушить», что онъ навѣрное потеряетъ должность и службу.

— И все это изъ-за какихъ-нибудь шести тысячъ!..—проговорилъ въ заключеніе К—скій, пожимая плечами и словно раскаяваясь, что взялъ.

— Какъ шесть?.. Я далъ восемь, — удивленно отвѣтилъ В—чъ.

— Восемь!—воскликнулъ слѣдователь.—Значитъ, этотъ мошенникъ Іоська укралъ двѣ тысячи, такъ какъ я получилъ только шесть... Поэтому убѣдительно прошу васъ: доставьте мнѣ сегодня же «остальныя» двѣ тысячи; а пока вы поѣдете за ними и привезете, я допрошу, подъ присягою, еще кой-кого изъ свидѣтелей по вашему дѣлу, которыхъ я вызвалъ на сегодня и которые, кажется, показываютъ въ вашу пользу, и тогда, я составлю постановленіе о прекращеніи дѣла. Кстати, вы сами возьмете отъ меня, вечеркомъ, и заарестованные вѣсы и гири.

Вечеромъ, въ тотъ же день, В—чъ привезъ К—скому еще двѣ тысячи, подписался подъ постановленіемъ слѣдователя о прекращеніи дѣла—«за отсутствіемъ уликъ и доказательствъ»,—получилъ свои вѣсы и гири—и живо уѣхалъ во-свояси.

Дѣло это, конечно, не могло остаться въ тайнѣ, хотя В—чъ на разспросы любопытныхъ, упорно отмалчивался; а когда разспрашивали Іоську К—ера, тотъ только посмѣивался и тоже помалчивалъ. Впослѣдствіи, однако, дѣло это все-таки выплыло наружу и о немъ знали и разсказывали во всѣхъ подробностяхъ, которыя довелось, затѣмъ, слышать и мнѣ, и даже отъ нѣсколькихъ человѣкъ, передававшихъ дѣло въ одной и той же редакціи, сходственной даже въ цыфрахъ взятой съ В—ча контрибуціи.

К—скому это «дѣло» нисколько не повредило, и едва ли даже узналъ о немъ потомъ и самъ главный акціонеръ и владѣлецъ завода, отъ котораго могли даже нарочно все скрыть, такъ какъ тутъ все-таки былъ нѣкоторый обманъ, допущенный на его заводѣ.

Вотъ этотъ-то милый человѣкъ, Даніилъ К—скій, и былъ теперь моимъ сослуживцемъ, въ качествѣ участковаго судьи и въ то же время непремѣннаго члена съѣзда. Было бы, конечно, немыслимо существованіе такого судьи, если бы ему пришлось быть избираемымъ. Въ данномъ же случаѣ, при назначеніи судей, эта исключительная личность занимала судейскую должность вотъ уже 4 года, заведя и въ камерѣ судьи почти тѣ же обирательные порядки, какіе были у него въ камерѣ слѣдователя. Въ первомъ случаѣ, при выборахъ, передъ глазами общества былъ самъ человѣкъ; во второмъ же случаѣ, предъ

начальствомъ имѣется лишь формуляръ этого человѣка, т. е. мертвая канцелярская бумага—и ничего болѣе...

Судья К—скій даже и по внѣшности своей производилъ отталкивающее впечатлѣніе: небольшаго роста, рыжій, съ маленькими и постоянно моргающими глазами, прикрытыми, отъ людскихъ взоровъ, очками, съ мягкими кошачьими манерами и вкрадчивымъ голосомъ....

Совершенную противоположность представлялъ собою судья 3-го участка, Генрихъ Л—узъ: онъ былъ, прежде всего, чистокровный нѣмецъ, изъ Петербургскаго, кажется, университета; высокій, худой, тонкій и длинный блондинъ; очень симпатичный и веселый человѣкъ, производившій, на первыхъ порахъ, довольно выгодное впечатлѣніе.

Л—узъ служилъ ранѣе губернскимъ стряпчимъ въ Каменцѣ, въ то время, когда прокуроромъ былъ тамъ г-нъ Г—овъ, бывшій потомъ прокуроромъ судебной палаты въ Москвѣ и, затѣмъ, старшимъ предсѣдателемъ Тифлисской судебной палаты. При введеніи въ Подоліи мировыхъ судей, совпавшемъ съ упраздненіемъ дореформенныхъ стряпчихъ, прокуроръ помогъ Л—узу получить мѣсто судьи въ Литинскомъ уѣздѣ. Несмотря, однако, на свою нѣмецкую національность, Л—узъ былъ большой лѣнтяй, жуиръ и сибаритъ, ставившій собственныя привычки и удобства выше всѣхъ и всего. Передъ самымъ моимъ прибытіемъ его судили, въ дисциплинарномъ порядкѣ, въ Одесской судебной палатѣ за то, что онъ пріѣзжалъ въ съѣздъ не всегда, когда нужно, а лишь тогда, если стояла прекрасная погода и была, кромѣ того, хорошая и гладкая дорога; при отсутствіи этихъ удобствъ, или при малѣйшемъ собственномъ нездоровьи, онъ въ Литинъ не являлся, и чрезъ это не разъ «срывалъ» съѣздъ, то-есть судьи разъѣзжались, не имѣя засѣданій по отсутствію третьяго члена, необходимаго для обсужденія ихъ дѣлъ; а публика, пріѣзжающая въ Литинъ иногда за сто и болѣе верстъ, какъ напримѣръ изъ 4-го участка, должна была понапрасну возвращаться обратно, а затѣмъ, черезъ мѣсяцъ, являться вновь. А иногда Л—узъ дѣлалъ и такія удивительныя вещи: вызываетъ, напримѣръ, публику къ разбору дѣлъ въ мѣстечко Межировъ (гдѣ была его камера) на такое-то число; публика собирается; ждетъ часъ, два, три и болѣе. Письмоводитель приглашаетъ интеллигентныхъ лицъ—помѣщиковъ, чиновниковъ, купцовъ и адвокатовъ—въ квартиру судьи, гдѣ имъ подается закуска, чай, кофе. А между тѣмъ, судьи нѣтъ какъ нѣтъ! Наконецъ оказывается, что у него, въ эту ночь, случилась ломота въ ногахъ и онъ принимаетъ теперь ножную ванну изъ какихъ-то травъ и морской соли, а чтобы не скучать, сидитъ и почитываетъ новый романъ Шпильгагена. Простой публикѣ тотъ же письмоводитель объявляетъ, что разборъ дѣла откладывается «до завтра», по случаю внезапной болѣзни судьи; и публика эта съ ропотомъ расходится по еврейскимъ постоялымъ дворамъ, а из-

бранная остается у судьи, который, принявъ ванну и отдохнувъ, выходитъ къ столу, обѣдаетъ вмѣстѣ со своими гостями и, кстати, знакомится съ тѣми изъ нихъ, которыхъ видитъ въ первый разъ въ жизни, а затѣмъ вечеромъ играетъ съ ними въ ералашъ или въ винтъ... И такъ шло года два. Наконецъ терпѣніе лопнуло у всѣхъ: «простая» публика стала жаловаться, судьи составили актъ, товарищъ прокурора сообщилъ о возмутительномъ индифферентизмѣ Л—уза губернскому прокурору—и лѣнтяя потащили на цугундеръ въ Одессу... Наказаніе ему послѣдовало, впрочемъ. не ахти какое; постановлено: сдѣлать Л—узу, въ дисциплинарномъ порядкѣ, выговоръ, безъ внесенія въ формулярный списокъ. Отъ «выговора», понятно, судьѣ не стало хуже, а публикѣ не стало лучше, и Л—узъ, если задумывалъ когда «сорвать съѣздъ», то преспокойно запасался отъ сельскаго врача медицинскимъ свидѣтельствомъ и отправлялъ его на съѣздъ, въ Литинъ, вмѣсто своей персоны. Квартира его въ Межировѣ долго еще оставалась безплатнымъ для всѣхъ трактиромъ, куда «шелъ и воинъ, и панъ, и купецъ» обѣдать, пить чай и кофе и играть въ карты, то-есть развлекать скучающаго лежебока судью. Это не было гостепріимствомъ, которое не принято осуждать; это было просто влеченье къ праздной и веселой жизни, да еще на чужой счетъ, потому что на такую жизнь не хватало жалованья и приходилось, поневолѣ, занимать направо и налѣво... а затѣмъ мало-помалу эта распущенность и безалаберность, напоминающія прежнее безшабашное житье-бытье русскихъ помѣщиковъ, вошли у Л—уза въ привычку, и онъ уже не могъ отстать отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока, впослѣдствіи, пришлось отстать поневолѣ... Подъ конецъ своей судейской дѣятельности онъ дошелъ до такой жестокосердой лѣни, что разбиралъ иногда арестантскія дѣла по прошествіи шести и даже болѣе мѣсяцевъ по ихъ поступленіи къ нему, а арестованные люди сидѣли и томились въ неволѣ до суда и разбора ихъ дѣлъ...

Самое пріятное впечатлѣніе производилъ нашъ товарищъ губернскаго прокурора Д—скій, съ которымъ въ то же утро, до открытія засѣданія, мнѣ довелось познакомиться. Это былъ олонецкій уроженецъ, окончившій курсъ въ Ярославскомъ лицеѣ и попавшій затѣмъ въ чиновники особыхъ порученій къ олонецкому губернатору Ю. К. Арсеньеву (родному брату извѣстнаго литератора К. К. Арсеньева), который отличилъ его и выдвинулъ впередъ. Д—скій былъ человѣкъ высокой честности и истинный труженикъ, работавшій не покладая рукъ: проживая въ городѣ Винницѣ, онъ вѣдалъ и тотъ съѣздъ и нашъ, литинскій; кромѣ того онъ, по своей должности, завѣдывалъ двумя тюрьмами—въ двухъ уѣздныхъ городахъ—и пятью слѣдственными участками. Въ концѣ онъ утомился на столько, что перепросился въ судьи, и получилъ мѣсто, если не ошибаюсь, въ томъ же Винницкомъ уѣздѣ,

долго и напрасно мечтая о должности прокурора окружнаго суда... Онъ не получилъ этого мѣста, какъ говорили, единственно потому, что былъ черезчуръ плохой ораторъ, и его принято было считать «бездарнымъ», хотя, можетъ быть, и ошибочно.

Самая должность товарища прокурора была не только каторжною по своей непокладной работѣ и дѣятельности, но еще и по другой, совсѣмъ обратной сторонѣ медали — именно съ нравственной стороны: этотъ чиновникъ былъ какъ бы оффиціально приставленъ фискаломъ за всѣми нами, судьями двухъ судебно-мировыхъ округовъ и за пятью слѣдователями, не считая уже лицъ административныхъ—всю полицію и тюремное начальство въ двухъ уѣздахъ, надъ которыми тоже витала прокурорскій «надзоръ»... Одни анонимные доносы, получаемые имъ и непосредственно отъ доносчиковъ, и направляемые къ нему уже отъ министерства юстиціи, отнимали массу времени и портили не мало крови, такъ какъ приходилось, въ большинствѣ случаевъ, дѣлать по нимъ негласныя дознанія.

А между тѣмъ, за одно время моей службы мировымъ судьей весьма непродолжительной, этихъ доносовъ была такая пропасть, что на «дознанія» по нимъ исписана была, вѣроятно, не одна десть бумаги. Для того же, чтобы доносы имѣли нѣкоторую документальность, авторы подписывали ихъ иногда вымышленными именами и фамиліями, вводя, такимъ образомъ, въ заблужденіе и обманывая самую юстицію, но достигая все-таки, такъ или иначе, своей цѣли—немного досадить, а иногда и скомпрометировать то лицо, которое нужно.

IV.

Засѣданія съѣзда. — Неправосудіе К—скаго и присяжный адвокатъ его камеры.—Адвокаты нашего съѣзда: нѣмецъ, еврей, русскій и полякъ.—Турниръ священника Х—цкаго съ адвокатомъ Г—гомъ.—Драка судебнаго слѣдователя съ супругой и разбѣжавшіеся арестанты.— Адвокаты сосѣдней Винницы и В. И. Л—скій.—Эпизодъ изъ времени возстанія 1863 г.—П. П. Демидовъ князь Санъ-Донато въ должности совѣтника подольскаго губернскаго правленія.—Онъ же въ роли ревизора Литинскаго полицейскаго управленія.

Когда, въ 10 часовъ, наступило время открыть засѣданіе съѣзда, и мы всѣ, гуськомъ, вслѣдъ за предсѣдателемъ, въ своихъ шитыхъ золотомъ мундирахъ, вступили въ залъ съѣзда и просидѣли тамъ около 6-ти часовъ, то я испыталъ за все это время какое-то особое чувство, сильно въ то время угнетавшее меня: быть на виду у всѣхъ, какъ на театральной сценѣ, докладывать громкимъ голосомъ дѣла, постановлять приго-

воры о лишеніи людей свободы... Но главныя пытки были впереди: это—когда пришлось разсматривать по апелляціоннымъ жалобамъ дѣла, рѣшенныя К—скимъ; почти всѣ его рѣшенія поражали своимъ неправосудіемъ, такъ что $^{9}/_{10}$ изъ нихъ были нами отмѣнены—и по нимъ постановлены новые приговоры и опредѣленія. Я и М—ичъ шли въ этихъ рѣшеніяхъ рука объ руку; панъ К—ичъ колебался, но, въ концѣ концовъ, присоединялся къ намъ; одинъ Л—узъ отстаивалъ коллегу и соглашался съ его рѣшеніями; но такъ какъ насъ было трое, а онъ одинъ, то дѣло и рѣшалось большинствомъ голосовъ. М—ичъ торжествовалъ.

— Вѣдь я все время былъ въ одиночествѣ,—говорилъ онъ мнѣ въ совѣщательной комнатѣ:—вашъ предшественникъ, а также и судья 3-го участка утверждали всѣ рѣшенія К—скаго даже и не особенно вникая въ суть дѣлъ: у нихъ была круговая взаимная услуга,—и я ничего не могъ подѣлать, такъ какъ они увлекали за собой и К—ича. А вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ. Ну, а теперь мы повоюемъ съ К—скимъ, смотрите только, чтобы онъ какъ нибудь не обошелъ и васъ. Онъ никакъ не разсчитывалъ, что вы успѣете прибыть къ этому съѣзду.

Я успокоивалъ М—ича, какъ могъ, за себя.

Публика и адвокаты чрезвычайно внимательно слѣдили за новыми вѣяніями нашего съѣзда и были, повидимому, очень довольны; товарищъ прокурора былъ, кажется, доволенъ больше всѣхъ, такъ какъ мы соглашались почти безусловно съ его заключеніями по уголовнымъ дѣламъ.

Не былъ доволенъ только судья Д. К—скій: онъ сильно волновался, видимо сердился и лишь спрашивалъ иногда у Л—уза, возвращаясь послѣ каждаго своего дѣла въ совѣщательную комнату: [1])

— А что, и это рѣшеніе отмѣнили?

Л—узъ въ отвѣтъ лишь безнадежно махалъ рукой.

Былъ и еще одинъ человѣкъ въ залѣ, который сидѣлъ какъ на иголкахъ: это былъ, такъ сказать, присяжный адвокатъ въ камерѣ Д. К—скаго, частный повѣренный изъ евреевъ, игравшій при судьѣ въ Литинѣ почти такую же гнусную роль, какую исполнялъ при немъ за время его службы слѣдователемъ въ Хмѣльникѣ, Іоська К—еръ. По крайней мѣрѣ, весь городъ зналъ одну несомнѣнную истину: если желательно выиграть дѣло у судьи 1-го участка, то всенепремѣннѣйше надо взять этого именно адвоката. Остальные повѣренные были конечно, не совсѣмъ-то довольны этимъ порядкомъ, но К—скій какъ-то умѣлъ всѣхъ ихъ умасливать и задобривать, и они, хотя и роптали, но,

---

[1]) Каждый судья, на время разбора его дѣла, не присутствуетъ вовсе ни въ залѣ засѣданія, ни въ совѣщательной комнатѣ, куда удаляются судьи для постановленія рѣшенія.

въ виду несомнѣннаго вліянія въ съѣздѣ судьи 1-го участка, ронтали не особенно громко и много. Съ нѣсколькими изъ этихъ господъ я нахожу не безъинтереснымъ познакомить и читателей.

Въ мое время ни одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ не проживало ни въ Литинѣ, ни въ Винницѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ, эти дипломированные словоблудники лишь наѣзжали къ намъ изъ Кіева; постоянными же представителями адвокатуры были у насъ частные повѣренные. Первое мѣсто, по успѣху своей профессіи и по количеству годовыхъ [1]) довѣрителей, занималъ нѣкто Л—усъ, петербургскій, вполнѣ обрусѣвшій нѣмецъ, котораго въ Литинѣ въ шутку называли «нашъ Спасовичъ», такъ какъ Л—усъ сильно, хотя и неудачно, копировалъ этого извѣстнаго криминалиста и оратора. Мы, судьи, недолюбливали Л—уса, главнымъ образомъ, за его убійственно длинныя рѣчи, къ которымъ онъ имѣлъ пристрастіе, соразмѣряя ихъ по большей части съ суммою полученнаго за защиту гонорара: такъ, напр., если Л—усъ говорилъ битый часъ, то мы уже знали, что имъ получено minimum сто рублей; если же рѣчь была маленькая — значитъ, гонораръ не превышалъ 25-ти рублей, или даже красненькой... Въ общемъ, этотъ говорунъ получалъ въ годъ тысячи три слишкомъ—т. е., много болѣе чѣмъ получали мы, судьи, обязанные изъ своего жалованья нанимать камеру, письмоводителя, разсыльнаго и еще оплачивать всѣ канцелярскіе расходы.

Второй частный повѣренный и самый талантливый изъ нихъ былъ еврей Владиміръ Г—ергъ. Его защитительныя рѣчи въ уголовныхъ дѣлахъ были кратки, толковы и убѣдительны. Онъ, впрочемъ, занимался не одною адвокатурою: въ Литинскомъ же уѣздѣ онъ арендовалъ чье-то имѣніе, такъ что на адвокатской аренѣ появлялся преимущественно зимой, когда освобождался отъ своихъ хозяйственныхъ занятій въ деревнѣ. Съ этимъ Г—ергомъ вышелъ однажды на съѣздѣ довольно курьезный инцидентъ слѣдующаго содержанія.

Разбиралось дѣло по апелляціонной жалобѣ на мое опредѣленіе того самаго воинствующаго «батюшки», который имѣлъ дѣло съ соломенною вдовою В—цкою. Батюшка вынувъ изъ глубокаго кармана рясы громадную тетрадь, началъ по ней читать свои объясненія—несмотря на то, что отличительною чертою гласнаго суда является, какъ извѣстно, устное состязаніе. На судѣ предсѣдательствовалъ въ то время Л—узъ, который допустилъ это отступленіе отъ принятаго въ состязательномъ процессѣ порядка. Послѣ добраго часа чтенія, измучивъ и су-

---

[1]) „Годовыми“ клієнтами у нашихъ адвокатовъ были, по большей части, богатые помѣщики Литинскаго уѣзда, или же управляющіе большихъ имѣній, которымъ приходилось имѣть со своими „добрыми сосѣдями“, крестьянами, постоянныя дѣла – преимущественно по мѣстнымъ порубкамъ.

дей, и публику, батюшка кончилъ, наконецъ; Г—ергъ сталъ ему возражать—съ свойственною ему ловкостью и искусствомъ; когда онъ, шагъ за шагомъ, изобличилъ батюшку во лживости всѣхъ его объясненій и, доказавъ несомнѣнную справедливость иска г-жи В—цкой, просилъ въ заключеніе оставить приговоръ мироваго судьи (мой) въ силѣ, о. Х—цкій, уничтоженный и пристыженный, рѣшился выкинуть новый фортель въ иномъ совсѣмъ родѣ: онъ обратился къ судьямъ и сказалъ:

— Я слышалъ возраженія противной стороны, т. е. повѣреннаго истицы,—и имѣю честь сдѣлать суду заявленіе о подлогѣ, который дозволилъ себѣ этотъ самый повѣренный: предъ вами, гг. судьи, говорило совсѣмъ не то лицо, что уполномочено истицей: довѣренность ея, имѣющаяся въ дѣлѣ, выдана какому-то частному повѣренному Владиміру Ивановичу Г—ергу, а между тѣмъ, предъ вами фигурируетъ извѣстный всему Литину еврейчикъ Вульфъ Янкелевичъ Г—ергъ.

Эффектъ этого заявленія получился чрезвычайный: Г—ергъ сконфузился, публика захохотала и пришла въ движеніе, предсѣдатель Л—узъ растерялся,—такъ какъ Г—ергъ былъ и вправду Вульфъ, а не Владиміръ, а его тáту звали Янкелемъ, а отнюдь не Иваномъ. «Батюшкѣ», однако, эта выходка не помогла,—и мое рѣшеніе все-таки было утверждено.

Третій адвокатъ въ Литинскомъ уѣздѣ былъ русскій, по прозванію Баранчикъ, то есть, подъ этимъ псевдонимомъ онъ существовалъ у всѣхъ. Онъ вышелъ изъ аудиторскаго училища и былъ не лишенъ нѣкоторыхъ нравственныхъ правилъ; но при этомъ былъ крайне тупой и мелочной человѣкъ и съ громаднымъ, не по разуму, самолюбіемъ. Онъ раньше исправлялъ должность судебнаго слѣдователя въ Литинскомъ же уѣздѣ и именно въ Хмѣльникѣ, но прослужилъ очень недолго, потерявъ мѣсто, подобно судьѣ Е—скому изъ-за своей дражайшей половины, которая держала своего благовѣрнаго подъ башмакомъ. Дѣло было такъ.

Приводятъ однажды десятскіе въ камеру слѣдователя для допроса двухъ арестантовъ, очень важныхъ, обвинявшихся въ грабежѣ. Слѣдователь сталъ ихъ допрашивать,—и дѣлалъ это такъ продолжительно и неумѣло, что находящаяся рядомъ въ комнатѣ его супруга, все слышавшая, потеряла наконецъ терпѣніе, вбѣжала въ камеру, назвала мужа «дуракомъ», взяла перо въ руки и порывалась-было сѣсть на мѣсто слѣдователя къ письменному столу, чтобы допрашивать грабителей «какъ слѣдуетъ».

— Ты совсѣмъ не такъ ихъ допрашиваешь, ты не умѣешь!—пусти меня на свое мѣсто!—потребовала бойкая супруга, дочь стараго и опытнаго исправника.

Супругъ сильно сконфузился, разсердился и не пожелалъ уступить своего мѣста: онъ даже привсталъ со стула и изъявилъ рѣшитель-

ное намѣреніе выпроводить изъ камеры свою храбрую подругу жизни силой. Тогда дама съ характеромъ стала браниться еще энергичнѣе, разсердила не на шутку своего добраго, но недалекаго мужа,—и между ними произошла маленькая возня, во время которой арестанты, пользуясь суматохой, выпрыгнули въ отворенное окно, выходившее въ садъ, и скрылись. Вбѣжавшіе въ камеру десятскіе застали такую картину: судебный слѣдователь удалялъ «силою» свою супругу въ сосѣднюю комнату, та упиралась, бранилась и царапалась, а въ растворенномъ окнѣ виднѣлись силуэты улепетывавшихъ арестантовъ, которые такъ-таки и успѣли скрыться и не были разысканы.

За эту исторію, которую никакъ уже нельзя было ни скрыть, ни замазать, Баранчика уволили отъ должности и отъ службы, и онъ принялся за адвокатуру, на которой ему тоже не повезло. Впослѣдствіи, войдя въ амикошонство съ евреями, онъ пристроился къ какой-то должности при введеніи въ Подольской губерніи новаго городоваго положенія и былъ очень доволенъ своею судьбой, а евреи были еще болѣе довольны имъ, такъ какъ лѣпили изъ него, какъ изъ воска, всѣ тѣ фигуры, какія были имъ нужны.

Четвертый повѣренный при нашемъ съѣздѣ принадлежалъ, какъ это ни странно, и къ четвертой національности: это былъ полякъ П—скій, самый приличный изъ всѣхъ этихъ господъ адвокатовъ, самый симпатичный и самый достаточный. Его прошлое заключало въ себѣ одинъ довольно интересный эпизодъ историческаго, если угодно, содержанія, выдвинувшій его въ люди.

П—скій былъ бѣдный шляхтичъ, т. е. изъ мелкихъ дворянъ какіе встрѣчаются тысячами во всемъ сѣверо и юго-западномъ краѣ; онъ былъ все-таки съ нѣкоторымъ образованіемъ и вращался постоянно въ средѣ помѣщиковъ, хотя и занималъ должность очень скромную—волостнаго писаря въ Литинскомъ уѣздѣ Подольской губерніи, въ одной изъ волостей на границѣ съ Волынью. Во время бывшаго въ краѣ возстанія въ 1863 году, въ Подоліи появилось тоже нѣсколько отрядовъ повстанцевъ, сформированныхъ преимущественно изъ помѣщиковъ, изъ учащейся молодежи—студентовъ и великовозрастныхъ гимназистовъ,—и изъ панской дворовой челяди. Два такихъ отряда бродили и по Литинскому уѣзду, направляясь къ лѣсамъ Волыни и преслѣдуемые по пятамъ русскими войсками; наконецъ, одинъ изъ нихъ былъ настигнутъ нашими солдатами, разбитъ наголову и, болѣе чѣмъ на половину, перебитъ. Многіе польки—несчастныя матери, сестры и жены—выплакали тогда свои очи и надѣли на долго глубокій трауръ по убитымъ родственникамъ и близкимъ. И второй отрядъ не избѣжалъ бы вѣроятно той же горькой участи, если бы его не спасъ П—скій.

Волостное правленіе, гдѣ онъ служилъ, было немного въ сторонѣ

отъ селенія и большой дороги. Загнанная и замученная банда повстанцевъ подошла, лѣтнею темною ночью, прямо къ волостному правленію и попросила у П—скаго гостепріимства, увѣренная, что онъ, какъ полякъ, не откажетъ въ этомъ гостепріимствѣ и не предастъ,—тѣмъ болѣе что въ томъ же отрядѣ былъ одинъ молодой человѣкъ, родственникъ П—скаго. И постанцы не ошиблись: П—скій всѣхъ ихъ накормилъ и напоилъ, далъ ночлегъ и, до восхода еще солнца, выпроводилъ отъ себя и направилъ по дорогѣ на волынскіе лѣса, куда они поспѣшили, чтобы, побросавъ тамъ оружіе, разбрестись безнаказанно врознь—и, такимъ образомъ, спастись отъ смерти или каторги. Прошло не болѣе двухъ часовъ, какъ слѣдомъ за повстанцами, подошелъ къ зданію волостнаго правленія и русскій отрядъ подъ начальствомъ штабъ-офицера, состоявшій изъ двухъ ротъ пѣхотнаго полка и сотни казаковъ. Отрядъ былъ страшно измученъ и утомленъ: онъ шелъ всю ночь форсированнымъ маршемъ, стараясь, во что бы то ни стало, нагнать повстанцевъ и, главное, не допустить ихъ добраться до лѣсовъ Волыни, гдѣ они — какъ это хорошо понималъ и командиръ русскаго отряда—могли бы, такъ или иначе, спастись; но солдаты и даже казачьи лошади были такъ изнурены ходьбою и безсонною ночью, что имъ необходимъ былъ хотя небольшой отдыхъ.

Какъ только отрядъ подошелъ къ волостному правленію, къ нему вышелъ навстрѣчу П—скій и назвалъ себя.

— А гдѣ же волостной старшина?—спросилъ начальникъ отряда.

— Старшина живетъ отсюда верстахъ въ семи и лишь каждый день пріѣзжаетъ въ волостное правленіе.

— У тебя сегодня ночевали повстанцы? — грозно спросилъ затѣмъ начальникъ.

П—скій не смутился—онъ ждалъ, конечно, этого вопроса.

— Такъ точно, господинъ маіоръ, ночевали, но не у меня, а вонъ въ тѣхъ двухъ пустыхъ сѣнныхъ сараяхъ,—и я одинъ не могъ, конечно, воспретить имъ это.

— А почему ты не далъ никому знать объ этомъ? — допрашивалъ маіоръ.

— Некого было послать, да и не могъ, они меня все время караулили.

— А куда они пошли отсюда?

— Прямо, вотъ по этой дорогѣ—на Полонное,—и П—скій указалъ рукой совершенно въ противоположную сторону отъ той дороги, по которой дѣйствительно пошли повстанцы.

— Ну, это хорошо!—проговорилъ маіоръ, слѣзая съ коня и обращаясь къ собравшимся около него офицерамъ:—имъ некуда будетъ уйдти отъ насъ. Теперь, мы смѣло можемъ отдохнуть часикъ-другой.

И отрядъ расположился на отдыхъ: солдатики и казаки—въ тѣхъ же самыхъ сараяхъ, гдѣ еще недавно отдыхали повстанцы, а господа офицеры—въ волостномъ правленіи. Къ крайнему удовольствію нижнихъ чиновъ, имъ, съ разрѣшенія начальника отряда, радушный писарь выставилъ скромное угощеніе, въ которомъ однако, главную роль играла водка, — и П—скій не пожалѣлъ ее... Не пожалѣлъ онъ также угощенія и для офицеровъ отряда: словно изъ-подъ земли, появились на столѣ вина, закуски, старая польская водка, а наконецъ, и обѣдъ—сытный, вкусный, но очень продолжительный. А послѣ обѣда, и офицеры, и солдатики, проведшіе безсонную ночь, прилегли отдохнуть немножко—да и проспали почти до вечера. Спохватился проснувшійся маіоръ, сообразилъ, что проспалъ больше, чѣмъ слѣдовало, да ужъ было поздно!

Живо собрался отрядъ и выступилъ въ погоню за повстанцами; писарь еще разъ указалъ имъ ложную дорогу, даже проводилъ отрядъ нѣсколько верстъ—и затѣмъ вернулся, а отрядъ пошелъ искать въ полѣ вѣтра!

На другой день стало извѣстно, что повстанцы благополучно добрались до Волыни и ея лѣсовъ, побросали тамъ оружіе и разбрелись всѣ врозь—по городамъ и мѣстечкамъ, а паны—обратно въ Подолію, по своимъ фольваркамъ и маіонткамъ.... А русскій отрядъ, хотя и свернулъ съ своего ложнаго пути и напалъ-таки потомъ на слѣдъ повстанцевъ, но уже было поздно!... На обратной дорогѣ отрядъ забралъ П—скаго и представилъ, при рапортѣ, по начальству; но такъ какъ вся его вина заключалась лишь въ томъ, что онъ указалъ ложный путь отступленія польскаго отряда, а между тѣмъ, П—скій, въ свое оправданіе, объяснилъ, что повстанцы пошли, можетъ быть умышленно, тою самою дорогою, на которую онъ указалъ, а что уже послѣ свернули, вѣроятно, на другую дорогу—къ лѣсамъ Волыни,—то все наказаніе ему ограничилось лишь тѣмъ, что онъ отсидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ стражей, лишенъ былъ мѣста и затѣмъ отданъ подъ надзоръ полиціи.

Впослѣдствіи, когда ураганъ мятежа стихнулъ и наступили мирные дни, то благодарные паны, находившіеся когда-то въ ускользнувшемъ отъ истребленія отрядѣ, вспомнили о своемъ избавителѣ, открыли въ его пользу негласную подписку и собрали нѣсколько тысячъ рублей. Съ этими деньгами г. П—скій и началъ новое дѣло: онъ сталъ арендовать польскія имѣнія и, будучи отъ природы человѣкомъ очень способнымъ и трудолюбивымъ, имѣлъ успѣхъ и выгоды, купилъ собственный домъ въ Литинѣ и зажилъ паномъ; а когда введены были мировые судьи, онъ взялъ изъ Литинскаго съѣзда свидѣтельство частнаго повѣрен-

запно, то и объ этой, конечно, никто въ Литинѣ предупрежденъ не былъ.

Самая личность «ревизора» была изъ ряду выходящей по своей эксцентричности и экстраординарности: при колоссальномъ богатствѣ, этотъ чисто-русскій человѣкъ былъ въ то же время очень добрымъ, довѣрчивымъ и крайне лѣнивымъ человѣкомъ—лѣнивымъ до того, что держалъ при себѣ безотлучно очень ловкаго, умнаго и образованнаго домашняго секретаря, который не только писалъ и говорилъ за Демидова, но и распоряжался также и всѣми частными дѣлами своего патрона въ его домѣ.

Князь Санъ-Донато выѣхалъ на ревизію въ каретѣ четверикомъ; сзади ѣхало нѣсколько дополнительныхъ экипажей—съ кухнею и канцеляріей, съ поваромъ, лакеями и постелями. Литинъ отстоитъ отъ Каменца въ 150-ти верстахъ слишкомъ, и, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ въ обоихъ этихъ городахъ, ревизору предстояло совершить свой путь по грунтовымъ дорогамъ, мѣняя лошадей на почтовыхъ станціяхъ.

Почти всю дорогу Демидовъ спалъ крѣпкимъ сномъ, и проснулся и вполнѣ опомнился только тогда, когда подъѣзжалъ къ самому Литину. Тутъ между нимъ и его секретаремъ, сидѣвшимъ съ нимъ рядомъ въ каретѣ, произошелъ слѣдующій діалогъ.

— Мы, кажется, подъѣзжаемъ уже къ Литину?—спросилъ ревизоръ.

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Скажите мнѣ, однако, что мы будемъ дѣлать въ этомъ городишкѣ?

— Ваше сіятельство должны будете обревизовать тамошнее полицейское управленіе.

— Гм.... Знаете ли что? возьмите пожалуйста эту ревизію на себя: отправляйтесь прямо въ эту полицію, обревизуйте тамъ ее какъ слѣдуетъ, а я проѣду въ какую нибудь гостиницу и буду ожидать васъ къ ужину.

— Этого никакъ нельзя. Я могу дѣлать за ваше сіятельство все что угодно, но.... ревизовать—боюсь: можетъ выйдти уголовное дѣло. Меня, наконецъ, могутъ принять за Хлестакова.

— И, помилуйте! все это пустяки. Обревизуйте ихъ тамъ какъ нибудь—и кончено! Поймите одно: я никогда и никого не ревизовалъ въ моей жизни, даже моихъ собственныхъ управляющихъ,—и не знаю вовсе, какъ приступить къ этому дѣлу.

— Воля ваша, никакъ не могу. Извольте уже побезпокоиться сами.... Это очень просто.—И тутъ, ловкій секретарь довольно тонко изложилъ предъ своимъ принципаломъ всю программу предстоящей ему не хитрой дѣятельности при ревизіи.

Кортежъ между тѣмъ въѣхалъ въ узкія и немощеныя улицы полуеврейскаго города Литина и направился, согласно приказанію Демидова, прямо къ дому, занимаемому полицейскимъ управленіемъ.

На дворѣ были уже сумерки. Карета четверикомъ, съ нѣсколькими экипажами позади, остановилась у полицейскаго управленія и произвела, конечно, надлежащую сенсацію. Старикъ сторожъ, изъ отставныхъ ундеровъ, отперъ, по требованію Демидова, комнату присутствія, а самъ полетѣлъ стремглавъ къ секретарю управленія, жившему неподалеку; Демидовъ же и его спутникъ вошли въ полутемный залъ присутствія и усѣлись за большимъ столомъ, на которомъ, по обыкновенію, помѣщалось зерцало. Во всемъ домѣ не было ни души.

— Это, однако, скучно, замѣтилъ Демидовъ: кого же мы будемъ ревизовать, когда здѣсь нѣтъ ни одного человѣка?

— Погодите, ваше сіятельство, сторожъ вѣдь побѣжалъ куда-то.... вѣроятно, кто нибудь явится.

— Ахъ, кабы поскорѣй!

Князь, не снимая своей причудливой соломенной шляпы, досталъ сигару и закурилъ.

— Какая здѣсь неудобная мебель!—замѣтилъ онъ, ворочаясь въ жесткомъ креслѣ и укладывая затѣмъ обѣ ноги на столъ, покрытый форменнымъ краснымъ сукномъ.

Въ этотъ моментъ въ присутствіе вошелъ секретарь полиціи, старенькій человѣчекъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ, служившій въ этой должности болѣе 20-ти лѣтъ. Онъ вошелъ—и обомлѣлъ! Какъ! за присутственнымъ столомъ, на которомъ помѣщается зерцало, сидитъ, положивъ ноги на этотъ самый священный столъ, какой-то неизвѣстный человѣкъ, одѣтый въ коротенькій шелковый пиджакъ, съ соломенною шляпой на головѣ и съ сигарою во рту! Двадцать слишкомъ лѣтъ онъ, секретарь, прослужилъ здѣсь и не видѣлъ подобнаго осквернения и поруганія присутственной комнаты полицейскаго управленія!... Не стерпѣлъ старикъ и не смогъ молча перенести эту горькую и кровную обиду полицейской святыни!—живо надѣлъ онъ свой форменный съ кокардою картузъ, молча досталъ изъ кармана коротенькую трубочку, набилъ ее табакомъ, закурилъ, подошелъ къ противоположному концу стола, сѣлъ въ кресло, закинулъ, такъ-же, обѣ свои ноги на столъ и, уставившись въ Демидова, сталъ попыхивать своею «люлькой». Сторожъ стоялъ, вытянувшись въ дверяхъ, и оторопѣло посматривалъ на эту нѣмую и небывалую еще сцену.

Князь Санъ-Донато прервалъ молчаніе первый.

— Здравствуйте! проговорилъ онъ, обращаясь къ старичку чиновнику.

— Здравствуйте!—отвѣтилъ старичекъ.

— Вы мнѣ очень нравитесь,—продолжалъ князь, улыбаясь.

— А вы мнѣ очень не нравитесь, отвѣчалъ секретарь полиціи серьезно и спокойно.

— Позвольте вамъ рекомендоваться: я—Демидовъ князь Санъ-Донато, совѣтникъ подольскаго губернскаго правленія.

— А я—секретарь здѣшняго полицейскаго управленія и тоже, совѣтникъ — титулярный, — отвѣчалъ старичекъ, помахивая головою въ сторону князя, но не снимая картуза.

— Мнѣ поручено обревизовать ваше управленіе, сказалъ наконецъ Демидовъ, принявъ строгій тонъ.

— Нечего насъ ревизовать!—рѣзко отвѣтилъ ему старичекъ секретарь: у насъ все въ порядкѣ. Я служу здѣсь 23 года, и никто меня никогда не ревизовалъ, кромѣ губернатора, да и то, это дѣлалось для п р о ф о р м ы только.

Демидовъ такъ и просіялъ сразу. Я съ вами совершенно согласенъ; вполнѣ!.. Знаете ли, что? — напишите-ка, пожалуйста, сами все, что нужно—въ доказательство того, что я у васъ былъ и ревизовалъ, и принесите все это ко мнѣ въ гостиницу, подписать... Сегодня же, если можно, мы и покончимъ все это непріятное дѣло!—Съ этими словами князь принялъ со стола ноги, всталъ съ кресла и направился къ дверямъ.

— Прощайте, почтеннѣйшій! — кивнулъ онъ головою секретарю полиціи, уходя изъ присутствія.

— Прощайте и вы! — отвѣтилъ вслѣдъ Демидову старичекъ, не измѣняя позы и не выпуская «люльки» изо рта.

Вскорѣ, въ еврейскую гостиницу, гдѣ остановился Демидовъ князь Санъ-Донато, собрались, конечно, всѣ мѣстныя власти, съ исправникомъ во главѣ. «Ревизоръ» принялъ ихъ очень любезно и оставилъ «на чашку чая»; а на другой день, утромъ, живо и не читая, подписалъ донесеніе губернатору объ исполненіи «возложеннаго на него порученія по обревизованію литинскаго уѣзднаго полицейскаго управленія» — и тотчасъ же уѣхалъ обратно въ Каменецъ-Подольскъ. Этимъ и закончилась вся «ревизія».

Случай этотъ могъ бы быть, конечно, смѣшнымъ анекдотомъ, если бы не былъ ф а к т о м ъ, совершившимся сравнительно въ очень недавнее время и именно въ томъ самомъ уѣздномъ городишкѣ Литинѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящихъ моихъ запискахъ и воспоминаніяхъ.

V.

Судейскія тяготы.—Любовь мѣстныхъ жителей къ сутяжничеству.—Дѣла о кражахъ лошадей. — Лѣсныя порубки. — Вызовы обвиняемыхъ за тысячи верстъ.—Плачетъ казна—матушка! - Двойныя взысканія по двойнымъ векселямъ.—Еврейскія плутни и судейская безпомощность.

Кажется, что могло бы быть почтеннѣе, полезнѣе и, отчасти, даже интереснѣе обязанностей мироваго судьи?—Творить судъ и расправу, оказывая, иногда, «милость», примирять вѣчно враждующее между собою человѣчество, ограждать и защищать слабыхъ и бѣдныхъ противу своеволія сильныхъ и богатыхъ... Между тѣмъ, въ дѣйствительности, я не знаю и даже не могу себѣ представить что-либо болѣе мучительное, тяжелое и неблагодарное, какъ судейская должность — въ томъ, конечно, случаѣ, если судья не простой манекенъ и аппаратъ для отправленія обязанностей правосудія, дѣйствующій по-мертвой буквѣ закона, а прежде всего человѣкъ мыслящій и чувствующій и, слѣдовательно, ощущающій весь адъ своего ужаснаго положенія.

Бо́льшая половина всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ моей камерѣ, были дѣла о дракахъ и взаимныхъ увѣчьяхъ и оскорбленіяхъ—словами и дѣйствіемъ. Пьяныя и избитыя физіономіи являлись то-и-дѣло, въ камеру, представляли клочья волосъ, вырванныхъ въ дракѣ, и требовали скорѣйшаго разбора ихъ пьяныхъ и мерзкихъ дѣлъ. Нерѣдко, особенно въ базарные дни, ко мнѣ въ камеру и даже прямо въ квартиру, врывались, съ воемъ и плачемъ, полупьяныя окровавленныя женщины и, несмотря на мои протесты, обнажали, съ невообразимымъ цинизмомъ, всѣ тѣ мѣста, куда причиняли имъ побои ихъ мужья и любовники. Все то, что прежде разбиралось какимъ-нибудь квартальнымъ или полицейскимъ надзирателемъ и оканчивалось, обыкновенно, арестомъ до вытрезвленія, теперь, все это направлялось въ камеру мироваго судьи, при самомъ кляузномъ прошеніи, написанномъ въ первомъ кабакѣ полуграмотнымъ «ходатаемъ по дѣламъ»; въ прошеніи требовалось обыкновенно вызвать цѣлый десятокъ свидѣтелей драки, и всякое такое дѣло отнимало у меня въ концѣ концовъ нѣсколько часовъ времени. Если, на мое счастье, въ прошеніи говорилось о «тяжкихъ побояхъ» или увѣчьяхъ, то я направлялъ все дѣло къ судебному слѣдователю, который очень часто, пригласивъ врача для освидѣтельствованія потерпѣвшаго и найдя побои «обыкновенные», возвращалъ дѣло вновь ко мнѣ, для разбора. Я просто поражался тою наклонностью къ сутяжничеству и лжесвидѣтельству, которую проявляло въ данныхъ случаяхъ населеніе города Хмѣльника, подущаемое къ тяжбамъ и кляу-

замъ, главнымъ образомъ, мелкими адвокатами изъ жидковъ и выгнанныхъ со службы писарей.

Остальная половина уголовныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ моей камерѣ, состояла изъ пустыхъ дѣлъ по протоколамъ полицейскихъ урядниковъ, и изъ болѣе серьезныхъ—о кражахъ и лѣсныхъ порубкахъ. Къ воровству лошадей я относился очень серьезно и безъ всякой «милости» и снисхожденія, такъ какъ видѣлъ не разъ, когда еще служилъ мировымъ посредникомъ, какъ богатые, сравнительно, крестьяне, лишившись лошадей, украденныхъ въ лѣтнюю рабочую пору, разорялись и превращались, мало-по-малу, въ бѣдняковъ. Съ ворами этого рода, когда они попадали въ мои руки, я не церемонился и почти всегда, тотчасъ же по постановленіи приговора, подвергалъ ихъ предварительному задержанію, чтобы лишить ихъ, такимъ образомъ, возможности красть лошадей въ антрактѣ между моимъ приговоромъ и разборомъ дѣла на съѣздѣ, куда всегда конокрады аппеллировали на мои рѣшенія. Меня только удивляло во всѣхъ этихъ дѣлахъ то обстоятельство, что ходатаемъ за этихъ воровъ и челобитчикомъ о ихъ освобожденіи являлся—въ частныхъ бесѣдахъ, при случайныхъ встрѣчахъ въ домахъ—очень часто мѣстный священникъ; но ларчикъ этотъ открылся для меня впослѣдствіи очень просто, хотя, къ сожалѣнію, поздно: на дворѣ этого «батюшки», какъ оказалось потомъ, не разъ ночевали и отдыхали прогоняемыя черезъ Хмѣльникъ краденыя лошади, уплачивая за этотъ «постой» хорошія деньги хозяину, котораго даже неудобно было и подозрѣвать въ такомъ широкомъ гостепріимствѣ... Это былъ тотъ самый священникъ, который терпѣливо отсидѣлъ нѣсколько часовъ въ моей камерѣ въ первый день разбора дѣлъ и который имѣлъ, совмѣстно съ женою подполковника Ч—скаго, негласную кассу ссудъ въ Хмѣльникѣ. Вначалѣ, я иногда удовлетворялъ его ходатайства, но затѣмъ, ознакомившись со всѣми негласными профессіями этого лица, сталъ постоянно ему отказывать, чѣмъ и нажилъ себѣ, впослѣдствіи, непримиримаго и довольно опаснаго врага.

Съ лѣсными порубками приходилось возиться еще чаще, чѣмъ съ конокрадскими дѣлами: жаловались постоянно и помѣщики, и лѣсное вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ,—и никакіе штрафы и наказанія не могли уменьшить количества этихъ дѣлъ въ моей камерѣ; виновные или упорно отрицали на судѣ свою вину, или же наивно спрашивали меня, во время разбора дѣла:

— А скажить. ваше высокоблагородіе, чи панъ ягò (т. е. лѣсъ) садилъ?..

Срубить нужное «деревцо» въ панскомъ лѣсу крестьяне не считали ни грѣхомъ, ни проступкомъ.

Однажды вышелъ у меня съ такимъ лѣсорубочнымъ дѣломъ слѣ-

дующій казусъ. Обвиняемый въ порубкѣ крестьянинъ, молодой 21 года парень, оказался поступившимъ уже въ солдаты и находящимся на службѣ въ одномъ изъ оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ; по закону, я долженъ былъ вызвать солдатика на судъ, за двѣ тысячи верстъ, этапнымъ порядкомъ. Но я, руководствуясь жалостью и здравымъ смысломъ, рѣшилъ все «дѣло» это производствомъ «пріостановить» и положилъ его «подъ сукно», какъ говорится. Впослѣдствіи, во время моей судебной практики, мнѣ довелось встрѣтиться еще два раза съ подобными же казусами: въ одномъ случаѣ приходилось вызывать солдатика, обвиняемаго въ кражѣ холста, изъ Ташкента. Оба дѣла я, точно также, «производствомъ пріостановилъ» и передалъ затѣмъ при сдачѣ должности своему преемнику, во всей ихъ неприкосновенности.

По этому поводу я позволю себѣ, кстати, высказать, что такіе абсурды, какъ вызовъ человѣка за 2—3 тысячи верстъ этапнымъ порядкомъ, за счетъ казны (которой это путешествіе обойдется въ сто, двѣсти рублей), только для того, чтобы разобрать «дѣло», не стоющее иногда и выѣденаго яйца,—эти абсурды слѣдовало бы устранить изъ нашего уголовнаго законодательства; вѣдь судья въ Ташкентѣ легко могъ бы разобрать дѣло солдатика N. N., обвиняемаго въ томъ, что онъ, будучи еще деревенскимъ кутилою-парнемъ, похитилъ у зазѣвавшейся бабы кусокъ холста, который она бѣлила на своемъ огородѣ Свидѣтельскія же показанія по этому дѣлу, и даже подъ присягою легко могъ бы отобрать и я, судья того района, гдѣ было совершено преступленіе. Было бы очень желательно, конечно, чтобы въ новомъ уголовномъ уложеніи, которое, какъ извѣстно, уже составляется, прорѣха эта была бы починена.

На основаніи моей судебной практики, позволю себѣ сдѣлать здѣсь и еще одно маленькое указаніе. Наша казна-матушка приплачиваетъ ежегодно, и совершенно непроизводительно, десятки тысячъ рублей, и вотъ по какому поводу, составляющему также маленькую прорѣху въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, въ которую, однако, легко и свободно проскакиваютъ упомянутыя мною денежки. Напримѣръ, пьяный мѣщанинъ Ивановъ подрался съ не менѣе пьянымъ же мѣщанинишкой Абрамовымъ, и такъ какъ оказался сильнѣе, то и причинилъ сему послѣднему т я ж к і е побои и увѣчья со проломомъ головы, и проч. Начинается «дѣло», медицинское освидѣтельствованіе, отправка побитаго въ больницу, предварительное слѣдствіе и, наконецъ, разборъ дѣла въ окружномъ судѣ, то-есть, въ большинствѣ случаевъ, въ отдѣленіи суда, которое временно открываетъ сессію въ уѣздномъ городѣ, отстоящемъ иногда въ 60—70 и болѣе верстахъ отъ мѣста происшествія; такое дѣло легко можетъ быть и отложено разъ или два по какимъ-либо законнымъ и уважительнымъ причинамъ неявки на судъ одного изъ

«существенныхъ» свидѣтелей. Наконецъ, послѣ долгихъ перепетій, судъ приступаетъ къ разбору дѣла: на сценѣ появляется совершенно вылѣченный потерпѣвшій—и предсѣдатель торжественно приказываетъ «ввести подсудимаго», то-есть драчуна. Совершается затѣмъ обычная процедура различныхъ судейскихъ формальностей, въ концѣ которыхъ предсѣдатель участливо спрашиваетъ подравшихся:

— Не желаете ли окончить дѣло примиреніемъ?

— Да мы уже помирились, ваше в-діе,—говорятъ съ укоризною въ голосѣ бывшіе бойцы.

— И прекрасно!—радуется предсѣдатель, въ виду освобожденія суда отъ двухъ-часовой скучной работы разбирать пьяное дѣло.

— Мы желаемъ получить вознагражденіе за свои поѣздки на судъ,—заявляютъ свидѣтели, числомъ десять человѣкъ...

И вотъ объявляется постановленіе суда: «дѣло *такое-то*, за примиреніемъ сторонъ, производствомъ прекратить; судебныя же издержки и всѣ расходы по дѣлу принять на счетъ казны».

— Г-нъ секретарь, удовлетворите свидѣтелей по надлежащему разсчету, приказываетъ тотъ же предсѣдатель.

И свидѣтели получаютъ свои поверстныя и суточныя, что, въ общемъ, составляетъ, по каждому дѣлу десятки, а иногда и сотни рублей.

Но спрашивается: при чемъ же тутъ казна?!.. Почему это она должна оплачивать расходы и издержки какихъ-то подравшихся и затѣмъ помирившихся, въ одномъ и томъ же кабакѣ, мужичишекъ?

На моихъ глазахъ прошли десятки такихъ дѣлъ, а на Руси проходятъ они ежегодно тысячами и почти всегда заканчиваются «примиреніемъ» до суда, или же на самомъ судѣ, и отнесеніемъ затѣмъ всѣхъ расходовъ по дѣлу на счетъ казны. По чувству справедливости слѣдовало бы, право, избавить казну отъ такихъ непроизводительныхъ расходовъ и возлагать ихъ на счетъ виновныхъ, то-есть подравшихся. Была бы, несомнѣнно, двойная польза: и казна сохранила бы нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ, да и самыхъ этихъ пьяныхъ дѣлъ, со взломомъ головъ, поубавилось бы на половину.

Если въ уголовныхъ дѣлахъ главными моими мучителями являлись пьяные хмѣльникскіе мѣщане, то въ гражданскихъ роль ихъ занимали евреи. По общему наставленію судебныхъ уставовъ, я обязанъ былъ рѣшать дѣла «по точному разуму существующихъ законовъ и по общему ихъ смыслу». Статья 129 Устава Гражд. Судопроизводства предоставляетъ судьѣ опредѣлять «по убѣжденію совѣсти значеніе и силу доказательствъ», а въ статьѣ 130 законодатель идетъ еще далѣе и предоставляетъ судьѣ, при постановленіи рѣшенія, «руководствоваться общественными мѣстными обычаями». Между тѣмъ, на дѣлѣ выходитъ

совсѣмъ не то, и я по еврейскимъ искамъ очень часто вынужденъ былъ постановлять самыя вопіющія, по своей несправедливости, рѣшенія, и жертвами этой несправедливости являлись почти исключительно крестьяне; это были по бо́льшей части взысканія по векселямъ, заемнымъ письмамъ и другимъ долговымъ обязательствамъ.

Извѣстная вещь, что всѣ евреи-корчмари, и нѣкоторая часть проживающихъ въ мѣстечкахъ занимается ростовщичествомъ, то-есть даютъ крестьянамъ, когда тѣ очень нуждаются въ деньгахъ, небольшія суммы за большіе проценты; эти займы крестьяне дѣлаютъ, почти всегда, весною, когда волостныя правленія требуютъ съ нихъ вторую половину различныхъ платежей—выкупныхъ, поземельныхъ, земскихъ и мірскихъ, а денегъ у нихъ въ это время не бываетъ, равно какъ и лишняго зерноваго хлѣба, который бы можно было продать на уплату взносовъ. И вотъ отправляется въ такихъ случаяхъ дядя-Грицько или дядя-Митяй до жи́да—«позы́чить гро́ши»; еврей, хорошо знакомый съ кредитоспособностью просителя, соглашается дать нужную сумму—и заемъ совершается на слѣдующихъ, примѣрно, условіяхъ: дается пятьдесять рублей подъ вексель или подъ росписку, которая пишется и свидѣтельствуется въ волостномъ правленіи; вмѣсто процентовъ выговаривается на словахъ или какой-нибудь отработокъ—столько-то разъ крестьянинъ долженъ отвезти корчмаря въ уѣздный или какой иной городъ съ тѣмъ товаромъ, который, по обыкновенію, жидъ скупаетъ у окрестныхъ крестьянъ; или же долженъ отбыть столько-то рабочихъ дней лѣтомъ, въ арендуемомъ евреемъ имѣніи—или на уборкѣ хлѣба, или на сѣнокосѣ; или же, наконецъ, крестьянинъ условливается уплатить еврею, вмѣсто процентовъ, не отработками, а продуктами: столько-то мѣръ пшеницы, или овса, или картофеля и т. под.

Слѣдуетъ имѣть, прежде всего, въ виду, что мужикъ неграмотенъ, что волостной писарь, сочиняющій вексель, находится всецѣло въ цѣпкихъ еврейскихъ рукахъ и исполняетъ безъ возраженій желанія кредитора; затѣмъ надо знать, что вексель, съ вѣдома самого мужика, пишется всегда на двойную сумму—на тотъ, по увѣренію жида, предметъ, если бы крестьянинъ не выполнилъ всѣ условія займа, то-есть не отработалъ бы, или не выплатилъ бы натурою все, что было уговорено взамѣнъ процентовъ. И вотъ, разъ такая сдѣлка совершена и деньги даны—жидъ начинаетъ тормошить своего должника: «запрягай ко́ней и поѣзжай туда»: или: «запрягай воловъ и вези кладь такую-то, туда-то» и пр. Крестьянинъ исполняетъ все это безропотно, не забывая, конечно, записывать, то-есть дѣлать черточки на стѣнѣ углемъ или мѣломъ—сколько разъ онъ отбылъ уже свою натуральную повинность. Когда по счету начинаетъ выходить, что онъ уже отбылъ свой уговоръ, т. е. отработалъ проценты сполна, тогда еврей придумываетъ

новую комбинацію: онъ уговариваетъ мужичка или уплачивать ему и самый капиталъ хлѣбомъ и продуктами, или же продолжать свою издѣльную повинность въ счетъ погашенія самаго долга; полагая, напримѣръ, по одному рублю за каждую подводу, должникъ, за занятые имъ 50 рублей, долженъ будетъ съѣздить 50 разъ. Крестьянинъ, извѣстно, цѣнитъ свой трудъ всегда очень дешево—и евреи этимъ пользуются: за деньги, въ рабочее время, если будетъ нанимать его панъ, то онъ не поѣдетъ въ ближайшій городъ, верстъ, напримѣръ, за 30—и за два рубля; но если онъ долженъ жиду и отрабатываетъ свой долгъ, то ѣдетъ, скрѣпя сердце, и за рубль. Начинается, такимъ образомъ, для крестьянина новая нескончаемая барщина. Наконецъ, черезъ годъ тамъ или два выходитъ по счету мужичка, что онъ уже отработалъ и капиталъ, или же погасилъ его хлѣбомъ и другими условленными продуктами, и онъ приходитъ въ корчму и требуетъ отъ еврея свою «росписку». Тогда между ними происходитъ слѣдующій діалогъ:

— Ну, пане Янкель, говоритъ крестьянинъ, я отработалъ твои гро́ши! вертай мою ро̀списку и давай магарычъ.

— Ахъ, Грицько, Грицько! не боишься ты пана Бога! ты еще долженъ мнѣ три подводы до Бердичева, да двѣ мѣры овса, да мѣру пшеницы, да три мѣры бульбы.

Начинается споръ, во время котораго жидъ торопливо наливаетъ въ кварту одуряющей горилки, ставитъ ее передъ своимъ бывшимъ должникомъ, ласково похлопываетъ его по плечу и, вынувъ свою записную книжку, тычетъ пальцемъ на написанные тамъ еврейскіе іероглифы. Мужичекъ сердится и бранится, а еврей говоритъ мягко и ласково и лишь подливаетъ ему то пива съ кукельваномъ, то водки, настоенной табакомъ и дурманомъ. Въ это время еврей позволитъ не только выругать себя, но даже и потрясти за пейсы; крестьянинъ это отлично знаетъ и куражится надъ своимъ вѣковѣчнымъ притѣснителемъ и кровопійцей. Въ конечно́мъ результатѣ слабое мужичье сердце смягчается, голова дурѣетъ, и онъ соглашается «тро̀шки дода́ть жи́ду» бульбочки и съѣздить для него еще разъ на сосѣдній винокуренный заводъ за бочкой спирту—и пошатываясь уходитъ домой... Наконецъ, когда онъ отбылъ и эти послѣднія вымогательства своего бывшаго кредитора, онъ вновь приходитъ въ корчму и вновь требуетъ свою «ро́списку». Еврей перемѣняетъ тактику и прикидывается глубоко оскорбленнымъ:

— Ай, Грицю, Грицю! восклицаетъ онъ, якъ же тебѣ не стыдно! якъ тебѣ не совѣстно!.. я же тебѣ вѣрилъ пятьдесятъ карбованцевъ; вѣдь ты же могъ—бронь Боже!—и умереть; вѣдь тогда пропали бы мои гро̀ши!.. А ты теперь не вѣришь мнѣ и требуешь свою ро́списку.

Ахъ, кабъ я зналъ, гдѣ она теперь! жинка заховала куда-сь ее—и ни якъ не можетъ найдти; або сама сгубила, або дити порвали—бо дити дурные. Вѣдь не возьму жъ я съ тебя въ другій разъ, не захочу жъ я идти въ тюрьму... вѣдь вся же деревня знаетъ, что ты отработалъ грóши, ну...

Далѣе, является на сцену жена корчмаря и начинаются клятвы, что вексель искали и не нашли, что его, должно быть, сгубилъ малѣнькій Ицекъ, и т. д.... И вновь добрый стаканъ мерзѣйшей водки, стаканъ отравляющаго пива, вновь все закружилось въ головѣ мужика и вновь онъ уходитъ, пошатываясь, домой, и забываетъ, наконецъ, и о своемъ бывшемъ долгѣ, и о своемъ мучителѣ.

Проходитъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ. Еврей, высосавъ вокругъ все, что можно, наживъ себѣ массу враговъ, въ лицѣ разоренныхъ имъ крестьянъ и пановъ, потерявъ, наконецъ, всякое довѣріе у мѣстныхъ жителей, перекочевываетъ, по обыкновенію, куда-нибудь въ даль, на новое мѣсто, а здѣсь въ корчмѣ поселяется новый арендаторъ—еврей. Проходитъ еще годъ, другой и этотъ арендаторъ предъявляетъ въ камерѣ судьи нѣсколько гражданскихъ исковъ по нѣсколькимъ векселямъ, перешедшимъ къ нему съ надлежащими передаточными надписями, отъ прежняго корчмаря.

На судѣ по векселямъ, какъ по безспорнымъ долговымъ обязательствамъ, разговоры очень короткіе. Отвѣтчикъ, конечно, приводитъ съ собою на судъ нѣсколько человѣкъ своихъ односельцевъ, которые готовы подтвердить подъ присягою, что вексель, во-первыхъ, двойной, а во-вторыхъ, что онъ уже давно оплоченъ; но судья не имѣетъ права даже и спрашивать всѣхъ этихъ свидѣтелей въ дѣлахъ по безспорнымъ денежнымъ документамъ: онъ лишь устанавливаетъ дѣйствительность и подлинность векселя, и если отвѣтчикъ не отрицаетъ факта его выдачи, не заявляетъ о подлогѣ текста и подписей и не представляетъ платежной росписки. то судъ постановляетъ рѣшеніе, коимъ и присуждается взысканіе съ процентами со дня предъявленія иска и по день уплаты, а также, по желанію истца, судебныя и за веденіе дѣла издержки.

А нѣсколько разъ у меня были и такія дѣла, что взыскивалъ по оплаченному векселю, именно тотъ самый жидъ, который далъ мужикамъ даньги, въ свое время получилъ ихъ и, затѣмъ, перессорившись съ ними, сталъ взыскивать вторично. У этого еврея былъ въ Литинскомъ уѣздѣ свой кирпичный и черепичный заводъ, и крестьяне, взявъ деньги, отработали свой долгъ возкою кирпича въ Хмѣльникъ, въ Литинъ и въ Бердичевъ, но тѣмъ не менѣе, еврей представилъ ихъ векселя ко взысканію, и я вынужденъ былъ удовлетворить его иски. Я лишь пользовался въ этихъ случаяхъ предоставленнымъ мнѣ правомъ разсрочивать сумму погашенія, то-есть раздѣлялъ уплату на многое

число лѣтъ, что и обозначалъ въ выдаваемомъ исполнительномъ листѣ. Между тѣмъ, если бы существовалъ въ тѣ времена спеціальный законъ о ростовщикахъ и ростовщичествѣ, до котораго додумались лишь много лѣтъ спустя, тогда не было бы ни этихъ безбожныхъ вторичныхъ исковъ и взысканій, ни тѣхъ мучительныхъ терзаній, которыя законъ возлагалъ на судей, заставляя насъ постановлять завѣдомо несправедливыя рѣшенія, противныя правдѣ и совѣсти. Я хорошо помню вопль жены одного несчастнаго крестьянина, присутствовавшей въ камерѣ при з а о ч н о м ъ разборѣ дѣла, такъ какъ мужъ ея лежалъ тяжко больной и не могъ явиться на судъ, когда я опредѣлилъ взыскать съ отсутствующаго отвѣтчика, ея мужа, 150 рублей, въ счетъ коихъ было получено всего 75, да и тѣ давно были отработаны съ процентами—возкою кирпича съ завода; я помню проклятія этой женщины, посылаемыя на голову еврея, преспокойно стоявшаго передъ судейскимъ столомъ въ ожиданіи прочтенія постановляемаго опредѣленія; а когда я прочелъ это опредѣленіе, то по злобному взгляду, брошенному мнѣ этою несчастною женщиной, я видѣлъ ясно, что она была убѣждена въ томъ, что дѣло ея рѣшено мною лицепріятно. Когда, затѣмъ, я сталъ объяснять ей, по обязанности судьи, что ея мужъ можетъ просить меня о новомъ разборѣ дѣла, или же перенести его въ съѣздъ, то она громко, во всеуслышаніе, заявила, что будетъ жаловаться не только въ съѣздъ, но «и губернатору, и самому царю на такого судью, который судитъ не по правдѣ». Сколько нужно было имѣть хладнокровія и терпѣнія, чтобы переносить молча эти незаслуженныя оскорбленія!..

И. Захарьинъ (Якунинъ).

(П р о д о л ж е н і е с л ѣ д у е т ъ).

КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА Н. П. РУМЯНЦЕВА.

1.

Замѣтка о днѣ рожденія канцлера графа Николая Петровича Румянцева.

Біографическія свѣдѣнія о графѣ Н. П. Румянцевѣ страдаютъ несогласіемъ указанія на годъ его рожденія и отсутствіемъ данныхъ о днѣ, въ который онъ родился. Въ біографіи графа составленной А. Терещенко [1]), годомъ его рожденія указанъ 1753 годъ, а въ Русской родословной книгѣ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго [2]) и въ матеріалахъ для русскаго біографическаго словаря П. Н. Петрова[3]) время его рожденія опредѣлвется 1754 г. Второе опредѣленіе года вполнѣ подтверждается автобіографіею графа Сергѣя Петровича Румянцева, который родился въ 1755 г. 11 мѣсяцевъ спустя послѣ рожденія его брата канцлера [4]). Генеалогія рода Румянцевыхъ совсѣмъ пропущена въ Россійской родословной книгѣ князя П. Долгорукаго (С.-Петербургъ, 1854—1857, 4 части) и въ Родословномъ Сборникѣ В. В. Руммеля и Б. В. Голубцова (С.-Петербургъ, 1886—1887, 2 тома).

Занимаясь біографіей графа Н. П. Румянцева, мы принуждены,

---

[1]) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управляющихъ иностранными дѣлами въ Россіи С.-Петербургъ, 1837 г. ч. II, стр. 228.

[2]) Первое изданіе, безъ имени составителя, относится къ 1873 г., второе съ обозначеніемъ имени князя Лобанова, вышло въ 1895 г.

[3]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 62. С.-Петербургъ, 1838.

[4]) Русскій Архивъ, 1869, стр. 841.

согласно указанію князя Лобанова, признать годомъ его рожденія 1754 г.; но все-таки не находимъ въ названныхъ источникахъ свѣдѣній о днѣ рожденія графа. Только при содѣйствіи хранителя отдѣленія рукописей въ Румянцевскомъ музеѣ, С. О. Долгова, намъ удалось рѣшить этотъ послѣдній вопросъ на основаніи слѣдующихъ указаній, затерянныхъ въ объемистой перепискѣ графа съ московскими учеными, изданной Е. В. Барсовымъ по поводу пятидесятилѣтія Румянцевскаго музея [1]). Въ письмахъ Румянцева къ А. Ѳ. Малиновскому, писанныхъ въ 1819, 1820 и 1825 годахъ, графъ имѣлъ случай три раза благодарить своего корреспондента за поздравленія со днемъ своего рожденія. Въ двухъ изъ этихъ писемъ, отъ 5 апрѣля 1820 и 7 апрѣля 1825 [2]), мы находимъ слѣдующія фразы. Въ первомъ: «съ чувствомъ достодолжной и особенной благодарности получилъ я письмо, каковымъ меня удостоить изволили по случаю воспоминанія дня моего рожденія и т. д.»; во второмъ: «пріймите сами и свидѣтельствуйте, пожалуста, милостивой государынѣ моей Аннѣ Петровнѣ и любезнѣйшей Катеринѣ Алексѣевнѣ [3]) искреннюю мою благодарность по случаю дня моего рожденія». Эти документы только приближаютъ насъ къ рѣшенію вопроса и заставляютъ предполагать, что Румянцевъ долженъ былъ родиться въ концѣ марта или началѣ апрѣля Почта между Москвою, откуда писалъ Малиновскій, и Петербургомъ, гдѣ жилъ тогда Румянцевъ, шла не менѣе трехъ или четырехъ дней, слѣдовательно поздравленіе, полученіе котораго пріурочивалось къ самому дню рожденія графа, должно было быть отправлено заблаговременно, а отвѣтъ могъ слѣдовать не тотчасъ же, не въ самый день полученія поздравительнаго письма. Но въ третьемъ мѣстѣ переписки мы находимъ вполнѣ точное объясненіе интересующей насъ загадки. 3 апрѣля 1819 г. Румянцевъ начинаетъ свое письмо къ Малиновскому слѣдующими словами: «Я въ самый день рожденія своего благодарю васъ за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 27 марта и въ которомъ упомянули о таковомъ днѣ столь благосклонно; я дивлюсь, что вашему превосходительству сіе число было извѣстно [4])». При невозможности дальнѣйшаго сомнѣнія, днемъ рожденія графа Н. П. Румянцева надо признать 3 апрѣля 1754 г. Только что приведенныя изъ изданія Е. В. Барсова цитаты, къ сожалѣнію, въ печатномъ подлинникѣ отличаются не исправленною опечаткой, и письмо помѣчено

---

[1]) Чтенія Императорскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ 1882, кн. 1.

[2]) Чтенія, стр. 145 (№ 157) и 317—318 (№ 361).

[3]) Анна Петровна— жена Малиновскаго, Катерина Алексѣевна—дочь его.

[4]) Чтенія, стр. 111, (№ 138).

не апрѣлемъ, а 3 августа, что повторено и въ хронологическомъ оглавленіи на стр. III. Но наличность опечатки доказывается слѣдующими доводами: во 1) располагая переписку въ строго хронологическомъ порядкѣ, издатель не могъ вставить письма, помѣченнаго августомъ, между мартомъ и апрѣлемъ; во 2) при аккуратности переписки графа Румянцева, онъ не былъ способенъ оставить безъ немедленнаго отвѣта поздравленіе Малиновскаго отъ 27 марта и отложить его до августа и въ 3) предположеніе объ опечаткѣ вполнѣ подтверждается двумя другими письмами 1820 и 1825 гг.

Отецъ канцлера, фельдмаршалъ графъ Румянцевъ - Задунайскій, женатый съ 1748 г. на княжнѣ Голицыной, имѣлъ первымъ сыномъ Михаила, годъ рожденія котораго неизвѣстенъ, вторымъ Николая (род. 3 апрѣля 1754) и третьимъ Сергѣя (род. 17 марта 1755 г. [1]). Дочерей у фельдмаршала не было, иначе кн. А. Б. Лобановъ - Ростовскій не пропустилъ бы упоминанія о нихъ.

Исполняя настоящею замѣткою долгъ признательности къ памяти основателя Румянцевскаго музея, мы вмѣстѣ съ тѣмъ надѣемся послужить цѣлямъ русскаго біографическаго словаря, возстановляя пропускъ въ составленныхъ для него П. Н. Петровымъ матеріалахъ.

М. А. Веневитиновъ.

2.

Письмо членовъ Московскаго Благороднаго Собранія—графу Н. П. Румянцову.

17-го января 1810 г.

Съ давняго уже здѣсь времени, въ домѣ Благороднаго Собранія, въ многочисленныхъ съѣздахъ, оказано было единодушное желаніе, дабы изваять изъ бронзы колоссальную статую въ Бозѣ почившей Великой Екатерины и поставить оную въ домѣ Благороднаго Собранія, въ изъявленіе искреннѣйшей признательности, яко истинной благодѣтельницѣ россійскаго дворянскаго сословія.

Старшины въ прошломъ 1809 году, отъ лица всего благороднаго общества, приносили о семъ прошеніе его императорскому величеству; государь императоръ съ милостью соблаговолилъ оное удостоить, и сей дражайшій россійскому дворянству памятникъ уже созидается.

---

[1]) Кн. А. Б. Лобановъ - Ростовскій, Русская родословная книга, изд. II, А С. Суворина, С.-Петербургъ, 1895 г., т. II, стр. 188

Многія здѣсь особы для сего монумента взносятъ въ домъ Благороднаго Собранія, въ контору, довольно значущія, а есть и важныя суммы.

По оказаннымъ личнымъ милостямъ и щедротамъ сей великой монархини къ покойному почтеннѣйшему, не токмо отъ всей Россіи, но и отъ всей Европы, родителю вашего сіятельства, по несчетнымъ его заслугамъ отечеству нашему и зная всеискреннѣйшую вашу къ ея величеству преданность и по знаменитымъ же заслугамъ вашего сіятельства, нынѣ оказуемымъ обожаемому нами монарху и отечеству, мы поставили себѣ въ обязанность вашему сіятельству сообщить о всемъ вышеизъясненномъ, и также истиннымъ себѣ удовольствіемъ вмѣняемъ при семъ ваше сіятельство увѣдомить, яко вѣрнѣйшаго соотчича, сколь много всѣ жители Москвы неожиданнымъ прибытіемъ государя императора сюда почитаемъ себя осчастливленными. Вашему сіятельству, конечно, все извѣстно, что здѣсь происходило во всерадостные для насъ шесть дней его величества присутствія и съ какою милостивою уважительностью соизволилъ намъ, старшинамъ, приказать вписать себя членомъ Благороднаго Собранія совсѣмъ по установленію и принять на сей 1810 годъ обыкновенный билетъ, и по прошенію насъ, старшинъ, отъ лица всего россійскаго дворянства, пожаловалъ свой портретъ въ ростъ, съ милостивѣйшимъ соизволеніемъ поставить въ домѣ Благороднаго Собранія. Дворянство отъ всего сего въ восторгѣ и желаютъ, имѣя въ виду портретъ обожаемаго монарха и статую покойной государыни императрицы, украсить свой домъ соотвѣтственно признательному россійскому дворянству.

Не угодно ли будетъ вашему сіятельству для сихъ дражайшихъ двухъ залоговъ милостей его величества, оказанныхъ дворянству, быть соучастниками таковаго же денежнаго пожертвованія, и если будетъ на то ваше соизволеніе, соблаговолите ту сумму приказать прислать въ пакетѣ съ надписью: «Благороднаго Собранія господамъ старшинамъ въ Москвѣ», и на томъ же пакетѣ ту сумму написать прописью. Мы, получа оныя деньги, доставимъ вашему сіятельству росписку за нашимъ подписаніемъ.

Чувствія искренной преданности и вѣрности россійскаго дворянства есть единомысленные и единообразные, и посему мы ласкаемся надеждою, что сіе наше къ вашему сіятельству отношеніе принять изволите единственнымъ знакомъ отличнаго и совершенно должнаго къ вамъ высокопочитанія, съ коимъ навсегда пребудемъ.

Подписали: князь Иванъ Барятинскій, Николай Обрѣзковъ, Карлъ Кнорринг, Иванъ Демидовъ, графъ Гудовичъ, Дмитрій Чертковъ, Иванъ Ступишинъ, князь Михаилъ Долгоруковъ.

3.

Письмо графа Н. П. Румянцова—старшинамъ Московскаго Благороднаго Собранія.

3-го марта 1810 г.

Съ чувствомъ искреннѣйшей признательности получилъ я приглашеніе, милостивые государи мои, ваше принять участіе въ сооруженіи памятника въ Бозѣ почивающей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Я обязанъ вамъ сугубо за тѣ лестныя выраженія, коими при семъ случаѣ вы почтили память покойнаго моего родителя и меня лично почтить изволили. Справедливо, милостивые государи мои, ваше заключеніе, что я помню и что незабвенными пребудутъ для меня тѣ милости, коими пользовался отецъ мой и я лично удостоенъ былъ отъ ея императорскаго величества. Примите искреннѣйшее изъявленіе сего чувствованія и вмѣстѣ съ онымъ усерднѣйшее мое приношеніе въ двухъ тысячахъ рубляхъ, при семъ прилагаемыхъ, на пользу того достопамятнаго предпріятія, которое дворянское собраніе совершить вамъ предоставило.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть.

4.

Пожертвованіе графа Румянцова Харьковскому коллегіуму

Указъ коммисіи духовныхъ училищъ.

20-го октября 1811 г.

Государственный канцлеръ графъ Румянцовъ, изъ уваженія къ памяти покойнаго дяди своего, бывшаго въ Вѣнѣ полномочнымъ посломъ, князя Дмитрія Голицына, между многими предметами благотворительности, особенное имѣвшаго попеченіе о Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ, принесъ просьбу о дозволеніи раздавать ежегодно, во время публичныхъ испытаній, пятерымъ отличнѣйшимъ въ наукахъ и благонравіи воспитанникамъ коллегіума, при похвальномъ свидѣтельствѣ, по одной серебряной медали, съ изображеніемъ князя Голицына, по образцу той, каковая была выбита въ Вѣнѣ въ память его добродѣтелей и любви къ наукамъ.

Графъ Румянцовъ представилъ сто таковыхъ медалей, а на будущее

время вмѣстѣ съ симъ внесетъ, для приращенія, двѣ тысячи рублей, съ тѣмъ, чтобы изъ процентной суммы, за исключеніемъ расходовъ на выбитіе ежегодно по пяти медалей, остатки были употребляемы на покупку книгъ и другіе учебные предметы, по усмотрѣнію начальства.

Пріемля во уваженіе подвигъ графа Румянцова и, вкупѣ, желая отдать справедливость усердію многихъ изъ фамилій князей Голицыныхъ, при самомъ основаніи Харьковскаго коллегіума и въ послѣдующія времена благотворившихъ сему учебному заведенію, мы соизволяемъ на приведеніе въ дѣйствіе вышесказанныхъ предположеній.

Коммисія духовныхъ училищъ не оставитъ учинить на основаніи сего зависящихъ распоряженій. «Александръ».

5.

Всеподданнѣйшее прошеніе графа Н. П. Румянцова [1]).

На подлинномъ написано собственною его императорскаго величества рукою тако:

„Быть по сему".

„Александръ".

Санктпетербургъ, марта 17-го дня 1805-го года.

24-го февраля 1805 г.

Всемилостивѣйшій государь!

Каждый сынъ въ правѣ воздвигать пышныя монументы отцу своему. Меня убѣждаетъ сердцѣ, что когда наровнѣ съ другими, коснусь я примѣровъ, не воздамъ я Задунайскому ни по заслугамъ, ни по собственной обязанности. Слѣдуя такому побужденію я принялъ на себя пойтитъ другою стезею, и въ новомъ видѣ въ честь отца моего памятникъ поставить.

Поднося при семъ вашему императорскому величеству рисунокъ скромнаго монумента и тѣ основаніи, на которыхъ я намереніе мое исполнить желаю;—осмеливаюсь просить удостоить его монаршаго утвержденія.—Вложенный огонь жизни въ память сію польется въ кровь молодости, изготовленной къ защитѣ отечества; а благодарный сынъ великодушному своему государю, и въ самой часъ разлуки съ жизнію, весело встретитъ кончину дней своихъ, что должную дань

[1]) Слушанъ въ общемъ сената собраніи 21-го марта 1805 г.; въ 1-мъ департаментѣ слушанъ марта 21-го 1805 г. Печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

отцу отдать успѣлъ; и что духъ кротости, и благотворенія, принялъ его чистую жертву, даровавъ ей вѣчное бытіе монаршимъ словомъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь

Всемилостивѣйшій государь!

Вашего императорскаго величества

Вѣрноподданный

Графъ Николай Румянцовъ.

На подлинномъ написано собственною его императорскаго величества рукою тако:

„Быть по сему".

„Александръ".

1) Графъ Николай Румянцовъ, благоговѣя къ памяти родителя своего, приглашаетъ по своему выбору шесть особъ изъ военнослужившихъ, соединится въ Кіевѣ для своего успокоѣнія подлѣ праха Задунайскаго.

2) Проситъ ихъ дать ему обѣщаніе, что во время панихидъ, на память Задунайскаго отправляемыхъ, равно и во время церковнаго соборнаго служенія, будутъ окружать гробъ отца его.

3) Каждой изъ шести особъ, въ возблагодареніе за сіе, графъ Николай Румянцовъ учреждаетъ годоваго дохода по тысячѣ рублей, выплачивая оные по третямъ.

4) Графъ Румянцовъ молитъ монарха и преемниковъ его, чтобы принявшихъ на себя обѣтъ сихъ особъ за ту выгоду, что пользуются доходомъ отъ гроба, не лишать по службѣ воздаваемаго имъ пансіона или награжденія.

5) Выбывшій изъ числа шести смертію или своею волею, замещается другою особою по приглашенію его же, графа Николая.

6) Право приглашенія по смерти графа Николая переносится на братьевъ его совокупно; а по кончинѣ всѣхъ трехъ, сіе право присвояется на всѣ грядущія времена думѣ военнаго ордена св. Георгія.

7) Доколѣ графомъ Румянцовымъ не взнесется капиталъ, или не укрепится достаточная часть имѣнія, непреложность шеститысячнаго оклада обеспечивается цѣлостію его имѣнія и его словомъ.

8) Естьли Богъ допуститъ его выстроить въ Кіевѣ для упокоенія сихъ особъ домъ, само по себѣ разумѣется, что они тогда будутъ приглашаться изъ числа вдовыхъ или холостыхъ, а до тѣхъ поръ, пользуясь однимъ годовымъ доходомъ, властны жить по произволу, лишъ бы въ Кіевѣ; и слѣдственно до сооруженія дома не изъемлются и женатые.

9) Ежели графъ Николай Румянцовъ, не соорудя дома, скончается,

то симъ завѣщаетъ своимъ наслѣдникамъ совершить сей обетъ, и имъ же, наслѣдникамъ, внести въ банкъ нужный капиталъ.

10) Особамъ приглашеннымъ ни при вступленіи, ни при отходѣ отъ мѣста нѣтъ путевыхъ денегъ.

11) Жалобъ къ престолу быть не можетъ: ибо нехотящій продолжать обѣта, властенъ оставить мѣсто, и тогда окладъ его переходитъ къ заменившему его.

12) Будѣ отъ одного или двухъ изъ сихъ особъ нанесется безпокойство прочимъ сотоварищамъ, то сіи да принесутъ жалобу священно-архимандриту Кіево-Печерской лавры и начальнику Кіевской губерніи, и по разсмотреніи виновный воздерживается увѣщеваніемъ трижды, а въ четвертый разъ ими, а не Румянцевымъ, исключается, и мѣсто его считается убылымъ.

13) Ежели вознадобится поясненіе или дополненіе симъ статьямъ, то дается отъ графа Николая, по немъ — отъ братьевъ его, а послѣ нихъ—отъ думы.

14) Графъ Николай Румянцовъ, ввѣряя прахъ отца своего, постановленный монументъ и успокоевающихся воиновъ благословенію и милостивому попеченію священно-архимандрита, отдаетъ въ лавру на вечное сохраненіе фельдмаршалскій жезлъ, Великою Екатериною пожалованный Задунайскому въ ознаменованіе побѣдъ его, и вноситъ шесть тысячь рублей, съ которыхъ проценты не престанутъ дѣлится на братію за отправленіе служенія панихиднаго и за упокой.

Графъ Николай Румянцовъ съ тѣплымъ чувствомъ вѣры проситъ лавру не оставлять его во святыхъ своихъ молитвахъ, да Всевышній поселитъ въ сердцѣ его страхъ Божій, вѣрность къ государю и къ отечеству любовь, по примѣру отца своего.

Санктпетербургъ, февраля 24-го дня 1805 года.

Матеріалы по исторіи русской цензуры.

I.

Въ сочиненіи г. Скабичевскаго „Очерки исторіи русской цензуры“ собранъ богатый разносторонній и въ высшей степени интересный матеріалъ, касающійся этого вопроса. Къ сожалѣнію свой почтенный трудъ авторъ довелъ только до 1863 года, т. е. до самаго интереснаго момента въ исторіи цензуры, — до того перелома, который радикально измѣнилъ положеніе нашей печати и отношеніе къ ней общества и законодательства. Вся эта знаменательная эпоха въ исторіи развитія русской мысли остается у насъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстною. Вотъ почему думается намъ, что помѣщаемые ниже матеріалы, легшіе въ основу закона о печати 5-го апрѣля 1865 г., представляютъ большой интересъ [1]). В. Б.

Къ концу мая 1863 года былъ составленъ обширный проектъ устава о книгопечатаніи, обнимавшій всѣ стороны реформы, какъ полицейско-административной, такъ и судебно-карательной. Образованная для этой цѣли коммиссія подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго окончила свой трудъ въ 9 мѣсяцевъ, при чемъ онъ выполненъ ею по слѣдующей программѣ: 1) Положенія общія; 2) полицейскія охранительныя постановленія; 3) законы о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ посредствомъ устнаго слова, письма и печати; 4) правила административныхъ взысканій; 5) правила о судопроизводствѣ по дѣламъ печати; 6) постановленія о предварительной цензурѣ, и 7) штаты установленій, завѣдывающихъ дѣлами книгопечатанія.

---

[1]) Матеріалы эти извлечены изъ архива бывшаго II отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.

Программа вопросовъ, предложенныхъ коммиссіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сводилась къ слѣдующимъ 5-ти пунктамъ:

1) Какія книги и періодическія изданія можно бы вовсе освободить отъ предварительной цензуры.

2) Возможно ли освободить отъ цензуры всѣ вообще періодическія изданія, съ тѣмъ чтобы редакторъ имѣлъ право выбора: печатать безъ цензуры подъ своею отвѣтственностью, или обращаться къ цензору, не отвѣчая уже за пропущенную статью, и съ тѣмъ, что если журналъ или газета будутъ подвергнуты цензурѣ за упущенія, то чтобы издатель выбиралъ отвѣтственнаго редактора, который просматривалъ бы статьи вмѣстѣ съ цензоромъ и отвѣчалъ бы наравнѣ съ симъ послѣднимъ за пропущенныя ими съ общаго согласія статьи.

3) Коммиссіи предлагалось обсудить предположеніе объ установленіи денежныхъ залоговъ съ періодическихъ изданій и составить правила для сихъ залоговъ.

4) Составить правила для полицейскаго предваренія періодическихъ изданій въ случаѣ замѣчаемаго общаго вреднаго направленія въ оныхъ; также правила для надзора за типографіями и для представленія изъ типографій на срочный просмотръ книгъ и всякаго рода изданій, которыя дозволено будетъ печатать безъ цензуры.

5) Когда будутъ одобрены государемъ императоромъ общія начала устройства судебной части въ имперіи, предписывалось коммиссіи составить предположеніе объ учрежденіи о с о б ы х ъ с у д о в ъ по дѣламъ книгопечатанія на основаніи помянутыхъ началъ.

Препровождая труды коммиссіи министру внутреннихъ дѣлъ предсѣдатель снабдилъ ихъ слѣдующимъ, весьма интереснымъ письмомъ на имя министра:

«Изъ содержанія представляемаго коммиссіею проекта устава ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите, что коммиссія только въ тѣхъ случаяхъ признала необходимымъ отступить отъ прямыхъ указаній вашихъ, когда указанія сіи являлись въ противорѣчіи съ тѣми переходными мѣрами, которыми коммиссія надѣялась обезпечить возможность постепеннаго и правильнаго перехода отъ предварительной цензуры къ свободѣ слова. Такъ, напримѣръ, коммиссія не могла признать справедливымъ подвергать редакторовъ періодическихъ изданій отвѣтственности при цензурѣ и подчинить ихъ дѣйствію административныхъ взысканій, пока изданія сіи состоятъ подъ охраной предварительной цензуры. Поэтому, составленныя по указанію вашего высокопревосходительства правила о полицейскихъ предвареніяхъ, хотя и начертаны примѣнительно къ существующему нынѣ, на основаніи временныхъ правилъ, порядку, по которому совмѣстно учреждены двѣ цензуры—предупредительная и карательная; однакожъ правила сіи распро-

страняются проектомъ только на тѣ изданія, которыя будутъ освобождены отъ предварительной цензуры.

«Въ составъ полнаго законодательства о книгопечатаніи должны были бы также войти постановленія о литературной и ученой собственности, но коммиссія не признала возможнымъ, по краткости времени, заняться симъ вопросомъ, требующимъ особаго изученія, тѣмъ болѣе, что нынѣ дѣйствующее наше по сей части законодательство довольно полно, ясно и основано на началахъ, къ которымъ стремятся нынѣ приблизиться и законодательства другихъ европейскихъ государствъ. Кромѣ того, спеціальный вопросъ о правѣ собственности на повременныя изданія, менѣе всего въ нашемъ законодательствѣ развитый, зависитъ совершенно отъ того, въ какомъ смыслѣ будетъ разрѣшенъ поставленный въ проектѣ вопросъ о разрѣшеніи правъ на изданіе и на передачу сихъ правъ. Очевидно, что пока на всякую передачу повременнаго изданія нужно будетъ разрѣшеніе правительства, до тѣхъ поръ право собственности на сіи изданія не можетъ быть признаваемо полнымъ.

«Всякій законъ о прессѣ есть законъ политическій, а потому необходимость и значеніе той или другой системы этихъ законовъ вполнѣ подчиняются обстоятельствамъ времени. Вашему высокопревосходительству принадлежало право оцѣнки этихъ обстоятельствъ, и избраніе, согласно съ тѣмъ, той или другой системы законовъ о печати. Коммиссія же старалась только, въ приготовленномъ ею проектѣ, дать надлежащее развитіе тѣмъ началамъ, которыя указаны вами въ данной ей инструкціи».

Первымъ на труды коммиссіи отозвался министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ; отзывъ его интересенъ тѣмъ, что въ немъ сдѣлана прекрасная характеристика положенія тогдашняго цензурнаго вѣдомства среди другихъ учрежденій.

«При вступленіи моемъ,—пишетъ Головнинъ,—въ завѣдываніе цензурой въ самомъ концѣ 1861 года, высшее управленіе ея сосредоточивалось въ коллегіальномъ учрежденіи (главномъ управленіи цензуры), а самое цензированіе производилось какъ цензорами въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и многочисленными спеціальными цензурами другихъ вѣдомствъ. Правительство было недовольно цензурой и находило: съ одной стороны цензурныя постановленія недостаточными, а съ другой, въ цензурной практикѣ видѣло слишкомъ большую снисходительность. Литераторы, и въ особенности редакторы журналовъ и газетъ, жаловались на слишкомъ большую строгость цензуры, на произволъ цензоровъ, на медленность хода цензурныхъ дѣлъ вслѣдствіе большаго числа спеціальныхъ цензуръ, которымъ слѣдовало сообщать одну и ту же статью, и вслѣдствіе коллегіальныхъ формъ учрежденія, которое завѣдывало цензурой; жалова-

лись на неизвѣстность имъ цензурныхъ постановленій, которыя оставались въ архивахъ и не были обнародованы. Наконецъ, сами цензоры тяготились неясностію, неполнотою и разнорѣчіемъ цензурныхъ постановленій, вслѣдствіе чего вынуждены были дѣйствовать произвольно, причемъ они утверждали, что правительство требуетъ отъ цензурной практики несравненно болѣе строгости, нежели сколько требуется законами; говорили, что правительство само не знаетъ ясно, чего оно хочетъ въ цензурѣ, и доказывали это измѣняющимися со-дня-на-день требованіями и разнообразіемъ въ дѣйствіяхъ спеціальныхъ цензуръ разныхъ министерствъ, изъ коихъ одна пропускала то самое, что запрещалось другою и наоборотъ.

«Все сіе приводило къ убѣжденію въ необходимости слѣдующихъ мѣръ:

1) Немедленно собрать, привести въ ясность и напечатать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ постановленія и распоряженія правительства, состоявшіяся въ разное время по цензурѣ. Трудъ сей былъ затѣмъ исполненъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

2) Приступить къ пересмотру всѣхъ этихъ постановленій, также къ обозрѣнію бывшей у насъ цензурной практики, направленія литературы въ разное время, къ соображенію постановленій иностранныхъ государствъ по части цензуры и къ составленію проекта устава о книгопечатаніи. Вслѣдствіе сего, въ теченіе года, были составлены: историческая записка о дѣйствіи у насъ цензуры, записка о направленіи журналистики, сборникъ статей, недозволенныхъ цензурой, и учреждена особая коммиссія для пересмотра постановленій по дѣламъ книгопечатанія и составленія новаго устава, при чемъ для соображеній коммиссіи выписаны были изъ-за границы сборники тамошнихъ постановленій по сему предмету и извѣстнѣйшія сочиненія, которыя касались онаго. Въ то же время, дабы узнать желанія и мысли самихъ литераторовъ о лучшемъ устройствѣ цензуры, многіе изъ этихъ лицъ приглашены были къ доставленію министерству народнаго просвѣщенія ихъ соображеній, которыя составили особую книжку, причемъ разрѣшено было разсуждать въ періодическихъ изданіяхъ о лучшемъ устройствѣ цензуры. Послѣдняя мѣра принесла весьма скоро пользу, ибо, ближайшимъ разъясненіемъ иностранныхъ законодательствъ, она показала всю невѣрность многихъ воззрѣній. При этомъ слѣдуетъ сказать, что въ то время была надежда на весьма скорое осуществленіе судебной реформы и предполагалось, что уставъ о книгопечатаніи можетъ выйти вслѣдъ за преобразованіемъ судовъ. Посему, въ ожиданіи этой реформы и возможность подвергать виновныхъ въ злоупотребленіи печатнымъ словомъ взысканію по суду, коммиссіи было предложено составить систему переходныхъ мѣръ отъ цензуры пред-

варительной, неудовлетворявшей ни правительство, ни литературу, къ цензурѣ обратной.

3) Сознавая необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ усилить строгость цензуры, доколѣ не явится новое законоположеніе, министерство народнаго просвѣщенія старалось достигнуть этого перемѣнами въ личномъ составѣ цензурнаго управленія, строгими подтвержденіями и циркулярами.

4) Имѣя въ виду, что если необходимо съ одной стороны усиливать строгость цензуры, то не менѣе нужно съ другой—доставлять литературѣ, какъ средству просвѣщенія народнаго, возможныя льготы и облегченія и не вводить редакторовъ въ расходы, которыхъ можно избѣгнуть, я исходатайствовалъ постепенно: отмѣну спеціальныхъ цензуръ, которыя были особенно тягостны для петербургскихъ періодическихъ изданій; дозволеніе всѣмъ газетамъ и журналамъ печатать частныя объявленія; разрѣшеніе весьма многимъ изъ нихъ получать изъ-за границы книги и періодическія изданія безъ цензуры; облегченія въ пересылкѣ газетъ и т. п. Сверхъ того я старался ввести въ цензированіе возможную быстроту, устраняя съ этою цѣлью всѣ измѣненія формальности и коллегіальный порядокъ, и притомъ сообщалъ гг. редакторамъ неотлагательно каждое новое постановленіе или требованіе по цензурѣ, которое имъ полезно было бы знать.

«Такимъ образомъ имѣлось въ виду: привести въ ясность постановленія и цензурную практику; составить новый уставъ о книгопечатаніи для введенія онаго въ то время, когда состоится судебная реформа, а до того времени ввести мѣры переходныя, ввести въ цензурную практику болѣе строгости для всего важнаго и существеннаго, но въ то же время доставить всевозможныя облегченія литературѣ вездѣ, гдѣ только возможно. Цѣль всего этого состояла въ томъ, чтобы идти къ бо́льшему простору печатнаго слова, причемъ преступленія онаго карались бы судомъ и выводился бы болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры».

Разсказавши затѣмъ о переходѣ цензурнаго вѣдомства въ министерство внутреннихъ дѣлъ, переходѣ, состоявшемся благодаря всеподданнѣйшему докладу Головнина, послѣдній переходитъ къ обсужденію новаго проекта цензурнаго устава, который имѣетъ, по его мнѣнію, много неоспоримыхъ преимуществъ передъ проектомъ 1862 г.

«Освобождая отъ предварительной цензуры книги, объемомъ выше 20 печатныхъ листовъ, говоритъ Головнинъ, и подвергая ихъ авторовъ отвѣтственности только предъ судомъ, уставъ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ на пути къ облегченію за литературою бо́льшаго простора. Благодаря этой, въ высшей степени, полезной мѣрѣ, серьезные, чисто-ученые труды, не стремящіеся удовлетворить только минутному настроенію и по-

требностямъ общества, получатъ, вѣроятно, еще небывалое у насъ развитіе. Нельзя также не сочувствовать открывающейся для періодическихъ изданій возможности выходить безъ предварительнаго разрѣшенія цензуры, въ случаѣ согласія на то министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, введеніе гласнаго суда, для злоупотребленій, совершаемыхъ печатнымъ словомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ благотворныхъ и полезныхъ мѣръ, значеніе которыхъ не можетъ быть не оцѣнено по достоинству литературою. Всѣ эти преобразованія такъ важны и такъ благодѣтельны, что интересы отечественнаго просвѣщенія найдутъ въ нихъ прочный залогъ для своего развитія».

Затѣмъ Головнинъ переходитъ къ указанію на тѣ стороны новаго устава, которыя, по его мнѣнію, нуждаются въ измѣненіяхъ. Къ нимъ принадлежитъ, прежде всего, система административныхъ взысканій. «Система эта получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по существующимъ условіямъ, невозможно было возстановить цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе приблизиться къ ней какъ можно болѣе. Въ новомъ уставѣ, напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т. е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и воздержность для умѣнья пользоваться разумною свободою. Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, не въ состояніи развить въ литературѣ этихъ качествъ: опытъ убѣждаетъ, что подобно предварительной цензурѣ, она возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно имѣть преимущественно въ виду. Не достигая, слѣдовательно, цѣли, какъ переходная мѣра, административныя предостереженія создаютъ много важныхъ неудобствъ для правительства: при существующемъ порядкѣ, цензоръ не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи, и какъ дѣйствія цензора, такъ и статья, подвергнувшаяся запрещенію, становятся извѣстны лишь весьма ограниченному кружку лицъ. При системѣ же взысканій, административная кара постигаетъ статью уже тогда, когда она проникла въ публику; взысканіе не ослабляетъ произведеннаго ею впечатлѣнія,— напротивъ, вниманіе публики еще болѣе привлекается къ ней, и она получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣла никакого права. Публика становится, въ такихъ случаяхъ, какъ бы судьею между правительствомъ и журналистикою и принимаетъ почти всегда сторону послѣдней. Мнѣ кажется, что подобное положеніе весьма невыгодно для правительственныхъ органовъ; уже по одному этому, если бы даже существовала у насъ система административныхъ предостереженій, но ради огражденія интересовъ и достоинства правительства, нужно было бы стремиться къ ея отмѣненію. Не могу не сооб-

щить при этомъ о другомъ недостаткѣ, тѣсно связанномъ, по моему мнѣнію, съ упомянутою системою. Проектъ устава постановляетъ, что послѣ двухъ предостереженій третье влечетъ за собою прекращеніе періодическаго изданія. Подобное лишеніе административнымъ путемъ права собственности не замедлитъ, мнѣ кажется, возбудить сильное неудовольствіе въ литературѣ. Журнальная собственность представляетъ иногда значительную цѣнность—плодъ неусыпныхъ стараній и таланта ея владѣльца; на журналъ или газету затрачиваются нерѣдко обширные капиталы, и было бы жестоко лишать этой собственности, простымъ административнымъ рѣшеніемъ, владѣльца журнала, который, быть можетъ, вовсе не участвуетъ въ редакціи, а равно и его наслѣдниковъ. Я полагаю, что необходимо было бы изыскать средства отстранить эту несправедливость; такъ какъ проектомъ устава допускается рѣзкое различіе между редакторомъ и издателемъ газеты или журнала, то легко было бы, мнѣ кажется, обрушать самое строгое взысканіе только на редактора, требуя, притомъ, его отстраненія, а за издателемъ сохранить неприкосновенность правъ собственности. Этимъ путемъ представилась бы, между прочимъ, возможность избѣжать одного важнаго неудобства: извѣстно, что «Московскія» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» составляютъ собственность Московскаго университета и Академіи наукъ и, будучи отдаваемы въ аренду, приносятъ этимъ учрежденіямъ значительныя суммы ежегоднаго дохода. Неужели эти оба изданія, считающія свое существованіе болѣе чѣмъ сотнею годовъ, приносившія столь важную матеріальную поддержку заведеніямъ, которыя служатъ разсадникомъ науки въ нашемъ отечествѣ, могутъ быть уничтожены силою простаго административнаго распоряженія; при чемъ самое существованіе Академіи и университета было бы потрясено вслѣдствіе лишенія ихъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго имѣю честь сообщить, что съ проектомъ устава о книгопечатаніи я вообще согласенъ, но нахожу совершенно необходимымъ сдѣлать въ немъ слѣдующія измѣненія: 1) Вовсе исключить систему предостереженій, которую я считаю вредною и для правительства, и для литературы. 2) Предоставить редакторамъ періодическихъ изданій право свободнаго выбора по ихъ собственному усмотрѣнію: а) подвергаться предварительной цензурѣ, не отвѣчая за статью, пропущенную цензоромъ или б) издавать журналъ или газету безъ цензуры, и въ такомъ случаѣ вносить опредѣленный залогъ и подвергаться взысканіямъ по суду, но отнюдь не по административному распоряженію. 3) Ясно разграничить значеніе и права собственника періодическаго изданія и значеніе отвѣтственнаго редактора съ тѣмъ, что первый и его наслѣдники не подвергаются лишенію своей собственности за вину послѣдняго, и 4) предоставить административной власти

право требовать, когда признаетъ нужнымъ, перемѣны отвѣтственнаго редактора безъ судебнаго приговора.

«Слѣдовательно, задача коммиссіи состояла въ созданіи новаго порядка, болѣе способнаго къ удержанію литературы въ законныхъ предѣлахъ и менѣе произвольнаго въ своихъ проявленіяхъ.

«Признавая съ теоретической точки зрѣнія карательную цензуру болѣе соотвѣтствующею этимъ двумъ требованіямъ, коммиссія не нашла, однако, возможнымъ сдѣлать внезапный и безусловный переходъ отъ одной системы къ другой, но сочла нужнымъ предложить смѣшанную систему, въ видѣ перехода постепеннаго, а не крутаго.

«Эта переходная система выражается:

1) Въ предоставленіи изданіямъ, относящимся къ области наукъ словесности и искусствъ объемовъ въ двадцать и болѣе печатныхъ листовъ, права выхода въ свѣтъ безъ предварительнаго цензурнаго разсмотрѣнія, подчиняя ихъ новому карательному законодательству и преслѣдованію судебнымъ порядкомъ.

2) Въ сохраненіи для повременныхъ изданій и для изданій, объемомъ менѣе 20 листовъ, предупредительной цензуры.

3) Въ предоставленіи повременнымъ изданіямъ права просить освобожденія отъ предварительной цензуры, но съ условіемъ подчиненія себя не только судебному, но и административному преслѣдованію.

«Сопоставляя выставленныя причины необходимости въ измѣненіи нынѣ дѣйствующаго порядка съ предлагаемыми нововведеніями, приходимъ къ слѣдующему выводу: нѣтъ сомнѣнія, что всѣ тѣ неудобства безсилія и произвола, которыя убѣждаютъ въ несоотвѣтственности предупредительной цензуры, почерпнуты изъ жизни той части литературы, которая называется повременною, или иначе журналистика. Она одна вызвала заботы и неудовольствія правительства стремленіемъ къ распространенію ложныхъ ученій; она преимущественно тяготилась произволомъ цензуры; она одна жаловалась и всячески старалась окольными путями провести свои мысли и прикрывать таинственностью и полунамеками ложь, которую цензура, ограждая ее отъ преслѣдованія, не въ силахъ обличить. Она, слѣдовательно, высказала несостоятельность предупредительной цензуры и необходимость новаго порядка. Между тѣмъ, по силѣ проекта новаго устава, она одна остается подчиненною предупредительной цензурѣ. Причиною къ этому выставляется необходимость, въ настоящее переходное состояніе и при неутвердившихся еще новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, сохранить надъ періодическою литературою надзоръ болѣе строгій и дѣйствіе болѣе сильное.

«Если необходимость измѣненія цензуры предупредительной вызывалась ея безсиліемъ, то непонятно, какимъ образомъ это безсильное средство употребляется для тѣхъ изданій, для которыхъ прави-

тельству нужна бо́льшая сила. Если же причина временнаго безсилія карательныхъ органовъ истекаетъ изъ того только, что карательныя орудія еще не созданы, то это неудобство одинаково выкажется въ преслѣдованіи тѣхъ изданій, которыя освобождаются отъ цензуры, и спрашивается: количество и составъ этихъ изданій требуютъ ли такого поспѣшнаго созданія новаго законодательства, долженствующаго ожидать своихъ исполнителей въ неопредѣленной будущности?

«Что же касается произвола и придирчивости, которыя замѣчаются въ учрежденіи предварительной цензуры, и устраненіе коихъ требовало безотлагательныхъ мѣръ, то и тутъ предлагаемыя мѣры едва-ли достигаютъ цѣли.

«Не оспаривая, что всякая предварительная цензура не можетъ отстранить отъ себя извѣстной доли произвола, нельзя не замѣтить, что всякая административная и полицейская власть, по самому существу своему, не можетъ освободиться отъ произвола лица, и что произволъ этотъ является повсюду въ несравненно бо́льшихъ размѣрахъ, когда онъ выражается вліяніемъ на дѣла государственныя, на службу и карьеру лицъ, нежели когда онъ ограничивается запрещеніемъ или пересозданіемъ журнальной статьи. Отъ перваго—могутъ пострадать интересы общественные, участь и доброе имя лица или семейства, отъ втораго—только авторское самолюбіе. Между тѣмъ, нигдѣ и ни въ какой странѣ міра, какъ бы просвѣщенна она ни была, не придумано еще средства, дабы уничтожить произволъ лица. Но произволъ тогда только переносится, когда онъ составляетъ общее для всѣхъ зло; онъ гораздо чувствительнѣе и больнѣе тогда, когда онъ проявляется какъ исключеніе, для нѣкоторыхъ членовъ одного и того же общественнаго кружка. До настоящаго времени отъ произвола предупредительной цензуры страдали одинаково всѣ подвизающіеся, какъ частные люди, на литературномъ поприщѣ; неудобство было общее: нынѣ же предполагается этому произволу подчинить только часть литературы, а другую часть освободить отъ него и подчинить ему именно ту часть, которая болѣе отъ него страдала, болѣе на него жаловалась и яснѣе убѣдила въ несоотвѣтственности этого произвола съ настоящимъ состояніемъ общества. Но не этимъ ограничивается исключительный произволъ, которому подчиняется повременная литература; для нея создается еще особый видъ произвола въ той сферѣ, которая выставляется, какъ обѣтованная страна законности, т. е. въ карательной цензурѣ, а именно создается административное каранiе; иными словами, если повременная литература захочетъ освободиться отъ произвола цензуры предупредительной, придирчивой, но, по крайней мѣрѣ, освобождающей отъ отвѣтственности,—то она обязана подпасть подъ административное каранiе, гдѣ произволъ соединенъ съ отвѣтственностью.

«Изъ этого нельзя не вывести слѣдующаго заключенія: 1) если предупредительная цензура не современна, потому что она безсильна, и если это безсиліе ея особенно проявляется на журналистикѣ,—то нельзя сохранить ее только для этой журналистики, въ борьбѣ съ которой это безсиліе вреднѣе; 2) если предупредительная цензура не современна, потому что она по необходимости основана на произволѣ и придирчивости, и если этотъ произволъ и эта придирчивость въ особенности чувствительны для журналистики,—то нельзя усугубить эти недостатки исключительно для этой части литературы».

Признавая карательныя мѣры необходимыми, баронъ Николаи объясняетъ эту необходимость переходнымъ состояніемъ переживаемой въ то время Россіею эпохи.

«Нельзя, говоритъ онъ, терять изъ вида того переходнаго состоянія, въ которомъ мы находимся. Оно не меньше другихъ соображеній должно имѣть вліяніе на правительственныя мѣропріятія. Движеніе, данное общественному мнѣнію, участіе его въ сужденіяхъ о вопросахъ законодательныхъ и административныхъ, то, однимъ словомъ, что называется гласностью, такъ еще ново у насъ, что къ нему не привыкло еще ни общество, ни даже само правительство. Сіе послѣднее, движимое либеральными побужденіями, которымъ Россія уже обязана столькими важными и драгоцѣнными пріобрѣтеніями, само вызвало повременную литературу къ обсужденію реформъ; не довольствуясь дозволеніемъ гласно выражать мнѣнія объ общественныхъ вопросахъ, оно само передавало составляемые по его порученію правительственными органами проекты на обсужденіе журналистики и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ этомъ отношеніи, являло примѣры, не виданные ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ. Весьма естественно, что подобное приглашеніе къ гласному диспуту не осталось безъ отвѣта; но такъ-же естественно, что журналистика, до того отстраненная отъ всякаго соучастія въ обсужденіи государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, не всегда пользовалась даннымъ ей просторомъ съ должною мѣрою и воздержанностью.

«Переходя за предѣлы спокойнаго обсужденія, она нерѣдко увлекалась къ обсужденію вопросовъ, не согласныхъ съ существующимъ порядкомъ, и личныя страсти отдѣльныхъ литераторовъ не разъ занимали мѣсто хладнокровнаго суда общественнаго мнѣнія. Нельзя удивляться, что правительство сочло нужнымъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости и останавливать порывы, вредные для постепеннаго развитія его намѣреній. Отсюда явилось нѣчто въ родѣ борьбы между журналистикою и органами правительства, которые не всѣ одинаково привыкли къ выслушиванію иногда рѣзкихъ и дотолѣ не бывалыхъ рѣчей. Невозможно предположить, чтобы такой моментъ былъ удобенъ для установленія вполнѣ правильныхъ и исключительно на буквѣ закона основанныхъ

постановленій для печати, надобно, напротивъ, предполагать, что непривыкшая къ пользованію свободою часть журналистики увлечется за предѣлы благоразумія, и что правительство сочтетъ нужнымъ возстановить тѣ преграды, снятіе коихъ въ другое время было бы не что иное, какъ естественное послѣдствіе ихъ безполезности. Однимъ словомъ, правительство можетъ подвергнуться опасности искусственно создать тѣ колебанія, которыя въ другихъ странахъ были послѣдствіемъ политическихъ бурь, создать дѣйствительную борьбу вмѣсто кажущейся и при этомъ выказать въ своихъ дѣйствіяхъ непослѣдовательность, гораздо болѣе вредную для его авторитета, нежели тотъ произволъ цензуры, который нынѣ вызываетъ неудовольствіе незначительнаго числа журналистовъ.

«Можно надѣяться, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда нынѣ уже начатыя коренныя преобразованія въ судопроизводствѣ создадутъ суды, способные разбирать дѣла прессы, настанетъ время, когда и публика, и журналистика привыкнутъ къ болѣе хладнокровной рѣчи, и когда само правительство не сочтетъ нужнымъ противодѣйствовать проявленіямъ слова иначе, какъ судебнымъ преслѣдованіемъ положительныхъ проступковъ и преступленій. Тогда переходъ отъ предупредительный цензуры къ карательной совершится легко, и новыя учрежденія явятся на почвѣ для нихъ уже подготовленной.

«По предположенію коммиссіи создается два рода карательной цензуры, одинъ общій, обязательный для всѣхъ сочиненій объемомъ болѣе 20 листовъ, другой частный, условный для періодической литературы. Число и значеніе сочиненій, подходящихъ подъ первый разрядъ, требуютъ ли безотлагательнаго измѣненія нынѣ дѣйствующаго порядка? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только гадательно: нѣтъ никакихъ данныхъ, на которыхъ можно бы было основывать сколько-нибудь положительное мнѣніе. Коммиссія сама замѣчаетъ, что въ послѣднее время вся литература сосредоточилась почти исключительно въ журналистикѣ; отдѣльныя сочиненія печатаются рѣдко и въ небольшомъ числѣ. Это объясняется весьма легко большимъ количествомъ животрепещущихъ современныхъ вопросовъ, вызванныхъ правительственными реформами и новизною гласнаго ихъ обсужденія; оно объясняется и бо́льшею легкостью, выгодностью и меньшими требованіями основательности и глубины обработки, которыми пользуются журнальныя статьи передъ фундаментальными сочиненіями. Если бы можно было предположить, что изъятіе книгъ отъ предупредительной цензуры увеличитъ число ихъ и уменьшитъ преобладаніе журнальной разработки коренныхъ вопросовъ, то подобный результатъ, по важности своей, могъ бы остановить вниманіе законодателя. Но выгоды, представляемыя журнальною полемикою для облегченія литературнаго труда, такъ значительны и такъ привле-

кательны, что трудно предполагать, чтобы онѣ не имѣли перевѣса надъ относительными неудобствами предупредительной цензуры. Это тѣмъ болѣе можно думать, что, опредѣляя различіе только формою и объемомъ изданія, откроется возможность обойти законъ. Такъ, можетъ случиться, что повременное изданіе выйдетъ въ концѣ года въ видѣ отдѣльной книги, объемомъ болѣе 20 листовъ, и тамъ будутъ помѣщены всѣ тѣ статьи, которыя либо были задержаны цензурою, либо не рѣшились явиться на ея судъ. Подобная книга, печатанная не въ качествѣ повременнаго изданія, но подъ какимъ-нибудь особымъ заглавіемъ, безпрепятственно разойдется въ публикѣ. Очень легко можетъ случиться, что она не будетъ содержать ничего подлежащаго судебному преслѣдованію (какъ о томъ свидѣтельствуетъ изданный сборникъ запрещенныхъ статей), или же, что, подвергаясь преслѣдованію, она не вызоветъ приговора. Очевидно, что этимъ создается для правительства весьма неблагопріятное и фальшивое положеніе: оно обязано будетъ дозволить обращеніе въ публикѣ того самаго, что оно запретило и этимъ высказать, что запрещеніе было излишне и произвольно, или же, что оно безсильно его поддержать. Если же правительство, въ видахъ охраненія своего достоинства, наложитъ запрещеніе на подобное сочиненіе до выхода его въ свѣтъ, хотя бы это сочиненіе не содержало въ себѣ ничего прямо преступнаго, то оно подвергается обвиненію въ несоблюденіи такого закона, который само издало, и въ уваженіе къ святости котораго, конечно, обязано давать примѣръ.

«Что же касается другаго вида карательной цензуры, т. е. административнаго, созидаемаго только для такихъ повременныхъ изданій, которыя изъявили бы желаніе освободиться отъ вліянія предварительной цензуры, то не отвергая прямо пользы подобнаго учрежденія, я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы нашлись охотники ему подчиниться. Независимо отъ этого, самое предоставленіе выбора между двумя разнородными судами составляетъ какое-то исключительное юридическое явленіе, которое легко можетъ быть истолковано нерѣшительностью правительства и неувѣренностью его въ состоятельности предположенныхъ имъ мѣръ. Административно-карательная цензура есть, безъ сомнѣнія, орудіе весьма сильное, но оно было создано только тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное предупредительной цензуры, не могло, при всей своей силѣ, возвратиться къ ней. Оно несравненно болѣе заражено произволомъ, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ. Если гдѣ-либо необходимо самое точное опредѣленіе дозволеннаго и не дозволеннаго, то это, безъ сомнѣнія, при созданіи административнаго каранія, иначе оно дѣлается ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ политическимъ въ рукахъ власти подавляющей, но не руководящей.

«Общій выводъ изъ всего изложеннаго можетъ быть слѣдующій:

1) Соглашаясь вполнѣ съ коммиссіею въ основныхъ недостаткахъ, которые, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ представляетъ предупредительная цензура, и въ томъ, что въ дѣлахъ книгопечатанія, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ общественныхъ, (слѣдуетъ[1]) весьма руководствоваться безусловною точностью правилъ и безукоризненною законностью, я полагаю, что съ одной стороны надежда достигнуть подобнаго идеала едва ли удобоисполнима, съ другой—что по недостижимости его необходимо дать въ данный моментъ предпочтеніе такой системѣ, которая представляетъ менѣе практическихъ неудобствъ, не теряя, при томъ изъ вида, что сохраненіе на время учрежденія несовершеннаго менѣе опасно, нежели возстановленіе его послѣ неудачнаго опыта его упраздненія, что́ можно предвидѣть съ предупредительною цензурою.

2) Созданіе двойственнаго законодательства для одного и того же рода дѣятельности представляетъ само по себѣ большія неудобства; неудобства эти усугубляются, когда несовершеннѣйшему изъ двухъ законодательствъ подчиняется тотъ видъ, который въ особенности вызываетъ заботы правительства.

3) Правительству, свободно дающему, по праву и на дѣлѣ не стѣсненному въ своихъ мѣропріятіяхъ, исполненному искренняго желанія добра и пользы, необходимо сохранить во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ положительность, твердость и откровенность.

4) Необходимость предупреждать гласность многихъ произведеній, хотя и не безнравственныхъ и не прямо преступныхъ, и сохранить еще на время право опредѣлять удобность распространенія въ публикѣ извѣстныхъ мыслей и понятій — истекаетъ для правительства изъ переходнаго состоянія, въ которомъ находятся многія коренныя общественныя учрежденія и само общество. Необходимость эта будетъ постоянно уменьшаться, по мѣрѣ того, какъ страсти, возбужденныя внезапнымъ переходомъ, успокоятся, и въ данный моментъ можно будетъ перейти открыто и безъ оговорокъ отъ одной системы къ другой.

5) Коммиссія справедливо замѣчаетъ, что для дѣйствія карательнаго законодательства для книгопечатанія необходимо, чтобы новое судоустройство выразилось на дѣлѣ и чтобы общество съ нимъ освоилось. Созидать временное исключительное судоустройство для незначительной суммы нуждъ не вызывается настоятельною необходимостью.

6) Издавать законодательство, которое на время не вступаетъ въ полную силу, неблагоразумно. Какъ ни добросовѣстно и отчетливо оно составлено, оно по необходимости находится подъ вліяніемъ условій

---

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.

современныхъ, которыя могутъ измѣниться до того времени, когда оно возъимѣетъ полную свою силу».

10-го марта 1862 года, по докладу г. статсъ-секретаря Головнина, послѣдовало высочайшее повелѣніе о существенномъ преобразованіи цензурныхъ учрежденій: главное управленіе цензуры было упразднено, цензурное вѣдомство раздѣлилось на двѣ части: наблюдательная и преслѣдовательная власть предоставлена министерству внутреннихъ дѣлъ, а цензурно-предупредительная обязанность осталась въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

Затѣмъ министерствомъ народнаго просвѣщенія были составлены и распубликованы при особомъ циркулярѣ временныя правила о цензурѣ. Въ какой мѣрѣ эти правила соотвѣтствовали тогдашнимъ потребностямъ литературы и правительства, рѣшить трудно; но такъ какъ въ нихъ не заключается ничего новаго, то едва ли они могли устранить основательность всѣхъ прежнихъ доводовъ и соображеній министерства народнаго просвѣщенія о необходимости болѣе существенной реформы въ дѣлѣ о книгопечатаніи.

На этомъ основаніи князь Оболенскій оспаривалъ мнѣніе барона Николаи.

«Въ самомъ началѣ, говоритъ онъ, баронъ Николаи, сопоставляя выставленныя коммиссіею причины необходимости въ измѣненіи нынѣ дѣйствующаго порядка съ предлагаемыми проектомъ мѣрами, находитъ противорѣчіе въ томъ, что коммиссія, признавая предварительную цензуру безсильною и произвольною, оставляетъ ее для тѣхъ изданій (повременныхъ), для которыхъ въ особенности нужна сила и которыя наиболѣе жалуются на произволъ.

«Прежде всего я замѣчу, что коммиссія не ожидала, чтобы весьма мало развитая аргументація ея о недостаткахъ цензуры предварительной, помѣщенная во введеніи и основанная на доводахъ и соображеніяхъ министра народнаго просвѣщенія, могла послужить единственной исходной точкой для воззрѣнія на проектъ, который совокупностью мѣръ, имъ предложенныхъ, достаточно ясно указываетъ на общую мысль, положенную въ основаніе всего проекта. Эта мысль заключается въ убѣжденіи, что преслѣдовательная цензура съ бо́льшею силою можетъ ограждать и предупреждать общество отъ злоупотребленій печати, но при необходимомъ условіи правильнаго и хорошо устроеннаго суда, а пока сего условія нѣтъ, то преслѣдовательная цензура можетъ быть полезна и дѣйствительна только для той части литературы, которая по свойству своему и сама по себѣ представляетъ менѣе опасности для общества.

«Самая мысль о подчиненіи различнымъ правиламъ изданій обыкновенныхъ и повременныхъ подвергается барономъ Николаи сильной

критикѣ. Онъ видитъ тутъ вредную въ законодательствѣ двойственность и полагаетъ, что несправедливо оставлять цензуру для однихъ періодическихъ изданій и освобождать отъ нея другія произведенія, объемомъ болѣе 20-ти листовъ, ибо, въ такомъ случаѣ, для первыхъ произволъ будетъ чувствительнѣе и непріятнѣе. По мнѣнію барона Николаи, въ законодательной мѣрѣ не должно допускать исключенія, и ежели зло признано необходимымъ, то оно должно распространяться на всѣхъ въ равной степени.

«Подобнаго понятія о равенствѣ, даже въ мірѣ вещественномъ и для предметовъ однородныхъ, я допустить не могу, а тѣмъ болѣе странно желаніе сохранить безусловно равное для всѣхъ зло въ мірѣ нравственномъ и притомъ для совершенно разнородныхъ предметовъ. Повременная литература такъ рѣзко, такъ явственно отличается и по свойству, и по важности, и по значенію отъ обыкновенныхъ книгъ, что нигдѣ, никогда и ни при какихъ условіяхъ правила для нихъ не могутъ быть одинаковы. Вездѣ, гдѣ существуетъ полная свобода печати, повременныя изданія подлежатъ особымъ правиламъ, которыя не обязательны для другихъ изданій.

«Ежели неудобство цензуры не можетъ быть пока устранено для повременныхъ изданій, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нужно было сохранить его для другихъ изданій, состоящихъ совершенно въ иныхъ условіяхъ.

«Мѣра освобожденія сочиненій въ 20-ть печатныхъ листовъ отъ предварительной цензуры есть въ высшей степени мѣра поощрительная для серьезной и полезной литературной дѣятельности. Вездѣ эта мѣра принесла полезные плоды, и нѣтъ причинъ предполагать, чтобы она и у насъ не оправдалась.

«Мнѣніе барона Николаи о томъ, что въ другихъ государствахъ переходная мѣра освобожденія книгъ въ 20 печатныхъ листовъ отъ цензуры была вызываема политическими потрясеніями, а не иниціативою правительства, не для всѣхъ государствъ справедливо; но ежели бы оно и дѣйствительно оправдывалось исторіею, то не ведетъ ли оно прямо къ выраженію желанія, чтобы правительство наше и въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, собственной иниціативой поставленныхъ, искало оправданія принимаемой мѣры въ ожидаемой отъ нея пользѣ, а не въ необходимости, носящей на себѣ характеръ поздней уступки.

«Баронъ Николаи, вообще отрицая необходимость переходныхъ мѣръ въ законодательствѣ о печати, полагаетъ, что правительству предстоитъ не заявлять напередъ о такихъ намѣреніяхъ, существованіе которыхъ оно само считаетъ нужнымъ отлагать за недостаткомъ исполнительныхъ орудій, и такъ какъ въ настоящее время прямо перейти къ

системѣ преслѣдовательной, т. е. къ полной свободѣ слова, нельзя, то не слѣдуетъ измѣнять существующаго порядка.

«Съ этимъ я никакъ согласиться не могу потому, что опытъ всѣхъ образованныхъ государствъ свидѣтельствуетъ, что гдѣ постепенности въ мѣрахъ освобожденія слова отъ стѣсненій цензуры не соблюдалось, тамъ горькія послѣдствія заставляли правительства раскаяваться въ непринятіи своевременныхъ мѣръ съ цѣлью приготовить, пріучить и укрѣпить общество для противодѣйствія вреду злоупотребленій печати.

«Безусловнымъ сохраненіемъ цензуры предупредительной невозможно приготовить ни литературу, ни судебные органы къ другой системѣ охраненія общества отъ злоупотребленія слова.

«Справедливо замѣтилъ баронъ Николаи, что правительство наше въ полномъ пользованіи своихъ правъ и своей силы принимаетъ иниціативу мѣръ преобразованія; оно руководствуется, съ одной стороны, желаніемъ облегчить узы, связывающіе свободу мысли и слова, съ другой — обязанностью не увлекаться поспѣшностью въ ущербъ духовнымъ интересамъ большой массы и оградить общественный порядокъ отъ потрясеній, не разъ вызванныхъ въ иныхъ странахъ своеволіемъ прессы.

«Коммисія вполнѣ проникнута была убѣжденіемъ, такъ прекрасно выраженнымъ барономъ Николаи: она вѣрила въ искренность благородныхъ стремленій правительства, она вполнѣ сознавала, что въ дѣлѣ столь важномъ всякая поспѣшность и необдуманность въ предложеніи мѣръ, касающихся духовныхъ интересовъ общества, не могутъ быть оправданы. Вотъ почему, пренебрегая всякими упреками въ излишествѣ мѣръ осторожности, не довѣряя измѣнчивымъ рукоплесканіямъ и либеральнымъ возгласамъ тревожнаго общества, она старалась подробно изучить порученное ей дѣло со всѣхъ его сторонъ, повѣряя собственныя свои выгоды и заключенія опытомъ другихъ законодательствъ.

«При всей добросовѣстности отзыва барона Николаи о проектѣ коммиссіи, я позволю себѣ думать, что, при болѣе внимательномъ и спеціальномъ изученіи предмета, онъ не ограничился бы однимъ отрицательнымъ мнѣніемъ о реформѣ вообще и о проектѣ въ особенности, и заявилъ бы, можетъ быть, какую либо полезную мысль, которая могла бы послужить, хотя будущимъ дѣятелямъ на законодательномъ поприщѣ, полезнымъ указаніемъ, какъ помочь дѣйствительно трудному для правительства дѣлу. Онъ не остановился бы на однихъ частныхъ, съ перваго взгляда замѣченныхъ имъ неудобствахъ, признавая, что въ жизни и на практикѣ многія угловатости, неясности, неопредѣленности и даже противорѣчія сглаживаются; онъ не судилъ бы такъ отвлеченно о п р о и з в о лѣ, вполнѣ понимая, что нѣтъ такой ограды, которая бы не до-

пускала проникнуть къ живому представителю этого произвола, умѣряющаго начала среды, его окружающей.

«Но какъ бы то ни было отзывъ товарища министра народнаго просвѣщенія не можетъ съ моей стороны вызвать подробныхъ объясненій о главныхъ чертахъ проекта: ибо, къ сожалѣнію, онъ не коснулся ихъ, и такимъ образомъ бо́льшая часть труда, а именно все уголовное законодательство о преступленіяхъ и проступкахъ слова, письма и печати,—реформа котораго вызывается нынѣ насущною потребностью, остается незамѣченною.

«Быть можетъ многіе, увлеченные прекраснымъ изложеніемъ и логическою послѣдовательностью выводовъ барона Николаи, безусловно согласятся съ окончательнымъ его заключеніемъ, представляющимъ, въ особенности то привлекательное удобство, что практическій его результатъ весьма удобенъ для исполненія, и не сочтутъ нужнымъ удѣлить нѣсколько времени для ознакомленія себя съ трудомъ коммиссіи.

«Въ виду сей возможности, осмѣливаюсь выразить убѣжденіе, что отложенный вопросъ нельзя считать рѣшеннымъ, а между тѣмъ всѣ обстоятельства, предшествовавшія учрежденію коммиссіи, о которыхъ указано выше, устраняютъ возможность отложить вопросъ на долго. Съ каждымъ днемъ увеличиваются случаи преступленій и проступковъ слова, письма и тайной печати. Правительство тщетно ищетъ въ существующемъ законодательствѣ опредѣлительныхъ правилъ для законныхъ взысканій и нерѣдко передъ строгостью и неприменительностью дѣйствующихъ постановленій оно отступаетъ и отказывается отъ преслѣдованія. Всякій карательный законъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предупредительный; отсутствіе его усиливаетъ дерзость нарушителей. При подробномъ разсмотрѣніи проекта новаго законоположенія о книгопечатаніи, объемлющаго всѣ формы выраженія мысли, т. е. слова, письма и печати, недостатки проекта могутъ быть исправлены, неудобства устранены. Въ заключеніе осмѣливаюсь выразить искреннее мое убѣжденіе, что было бы крайне неосторожно, отвергнувъ проектъ безъ разсмотрѣнія его въ существѣ, не постановить вмѣстѣ съ тѣмъ никакихъ иныхъ началъ для начертанія новаго проекта закона!

В. Бинштокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О присылкѣ мальчика изъ грековъ для услуги великаго князя Константина Павловича.

Рескриптъ импер. Екатерины II графу П. А. Румянцову-Задунайскому.

9-го октября 1781 г.

Графъ Петръ Александровичъ! Я желаю, чтобы вы приказали въ Нѣжинѣ пріискать изъ грековъ мальчика, отъ 10 до 14 лѣтъ, проворнаго и добронравнаго, а всего лучше изъ сиротъ, который зналъ бы свой языкъ, и онаго ко мнѣ прислали для опредѣленія въ услуги внуку моему, великому князю Константину Павловичу, полагаясь тутъ совершенно на выборъ вашъ.

Высочайшая благодарность московскому городскому обществу.

Рескриптъ императора Александра I московскому военному губернатору генералу отъ инфантеріи, Беклешову.

5-го августа 1805 г.

Изъ донесенія вашего о внесѣ московскимъ купечествомъ въ Опекунскій совѣтъ 10.000 рублей для обращенія процентовъ съ сей суммы на продовольствіе горячею пищею нижнихъ военнослужащихъ, суточные въ Москвѣ караулы содержащихъ, видѣлъ я новый опытъ благонамеренности московскаго градскаго общества; я поручаю вамъ изъявить ему за сіе вновь мое удовольствіе и увѣрить его, что мнѣ всегда будетъ пріятно отличать его въ моемъ благоволеніи.

ПАМЯТИ
К. Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

I.

Рѣчь, читанная академикомъ Л. Н. Майковымъ въ общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 11-го января 1897 года.

Наступившій годъ уже ознаменовался для нашей академіи тяжелою утратой: 2-го января, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался, на 68-мъ году отъ рожденія, нашъ сочленъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, ординарный академикъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Почти пятьдесятъ лѣтъ трудился онъ на учено-литературномъ поприщѣ; семнадцать лѣтъ занималъ каѳедру русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, читалъ лекціи по тому же предмету въ Бозѣ почившему государю императору Александру Александровичу въ бытность его великимъ княземъ, а за тѣмъ его августѣйшимъ братьямъ великимъ князьямъ Владиміру, Алексѣю, Сергію и Павлу Александровичамъ, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ и другимъ членамъ царской семьи, великимъ князьямъ Константину и Димитрію Константиновичамъ, Петру Николаевичу и герцогинѣ Лейхтенбергской Евгеніи Максиміліановнѣ; кромѣ университета, покойный преподавалъ въ разныхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, положилъ основаніе высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ и былъ первымъ ихъ руководителемъ, наконецъ состоялъ нѣкоторое время предсѣдателемъ славянскаго благотворительнаго комитета; дѣйствительнымъ членомъ академіи онъ былъ избранъ 1890 году, а до тѣхъ поръ состоялъ ея членомъ-корреспонден-

томъ. Довольно этого краткаго перечня важнѣйшихъ фактовъ дѣятельности покойнаго академика, чтобы объяснить себѣ, почему его имя пользовалось столь громкою извѣстностью въ русскомъ обществѣ. Но извѣстность не есть еще настоящее мѣрило достоинствъ человѣка; ихъ надобно искать въ его личности, въ его трудахъ, въ плодахъ его дѣятельности.

Константинъ Николаевичъ обладалъ выдающимися дарованіями. Его обширный умъ отличался глубиной и вмѣстѣ съ тѣмъ ясностью и гибкостью. Силою своего пониманія онъ свободно охватывалъ предметъ съ разныхъ сторонъ, а тонкостью анализа легко проникалъ въ его сущность. Отсюда происходило безпристрастіе его сужденій, объективность его воззрѣній. Но въ душѣ этого человѣка, который судилъ такъ спокойно, мнѣнія котораго было такъ уравновѣшены, горѣлъ скрытый огонь страстнаго чувства, и его безпристрастіе никогда не было холоднымъ и безучастнымъ; онъ только хотѣлъ быть справедливымъ, потому что былъ въ высшей степени добръ и сердеченъ, человѣкъ твердаго долга и мирнаго благоволенія. Уже въ этихъ свойствахъ его нравственной природы заключались залоги того что̀ сдѣлало его историкомъ, что̀ обратило его къ изученію судебъ русскаго народа и государства. Счастливые дары природы онъ развилъ обширнымъ и разностороннимъ образованіемъ; жажда познаній была въ немъ удивительная: онъ учился безпрерывно и еще за два дня до кончины едва слышнымъ голосомъ жаловался мнѣ, что мало читаетъ. Исторія съ дѣтства составляла главный интересъ его умственной жизни: на университетской скамьѣ, подъ вліяніемъ такихъ наставниковъ, какъ Грановскій и Соловьевъ, наставниковъ, которые—по его же собственнымъ словамъ—вѣрили въ будущее человѣчества, въ будущее своего народа и старались воспитывать подрастающія поколѣнія въ этой высокой вѣрѣ,—Бестужевъ-Рюминъ посвятилъ себя русской исторіи какъ наукѣ и остался ей вѣренъ до конца своихъ дней.

Историкъ не только по ученой спеціальности, но по призванію, онъ понималъ задачу своей науки въ самомъ широкимъ смыслѣ — какъ истолкованіе прошлой жизни народа и какъ указаніе путей его дальнѣйшаго развитія. Но философское воззрѣніе на смыслъ историческихъ явленій никогда не отвлекало его отъ строгаго и точнаго изученія фактовъ, къ какой бы сторонѣ народной жизни, матеріальной или духовной, они ни принадлежали. Напротивъ того, онъ былъ въ высшей степени остороженъ въ своихъ историческихъ обобщеніяхъ; онъ высоко цѣнилъ дѣло исторической критики и постоянно настаивалъ на внимательнѣйшемъ изученіи и разборѣ источниковъ. Значительная часть его собственныхъ работъ принадлежитъ именно этой области историческаго вѣдѣнія. Не признавая за собою творческихъ способностей, чтобы—го-

воря его же словами—«воспроизводить прошлое въ живыхъ образахъ», онъ предпочиталъ заниматься историко-критическими работами и лишь изрѣдка, какъ плоды долгихъ наблюденій и размышленій, позволялъ себѣ набрасывать характеристики историческихъ личностей и явленій, особенно привлекшихъ къ себѣ его вниманіе. Даже той своей книгѣ, которая носитъ названіе «Русской Исторіи», онъ скромно поставилъ лишь такую задачу: «представить результаты, добытые русскою историческою наукою въ полтораста лѣтъ ея развитіи, указать на пути, которыми добывались и добываются эти разультаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ кругъ источниковъ, доступныхъ въ настоящее время ученой дѣятельности». Этими словами авторъ выдвигалъ впередъ критическое значеніе своего труда; но знакомые съ самымъ сочиненіемъ знаютъ, что авторъ значительно выступилъ за предѣлы, имъ себѣ предначертанные, и въ своей «Исторіи» сдѣлалъ попытку провести цѣлостное воззрѣніе на прошлыя судьбы нашего отечества. Къ сожалѣнію, названный трудъ покойнаго академика не былъ доведенъ до конца въ печати.

Я однако не буду говорить о всей совокупности историческихъ трудовъ Бестужева-Рюмина; это право принадлежитъ спеціалистамъ-историкамъ. Какъ сочленъ покойнаго по Отдѣленію русскаго языка и словесности, позволю себѣ сказать о томъ, что сдѣлано Константиномъ Николаевичемъ въ области нашей спеціальности.

Бестужевъ-Рюминъ былъ не первый русскій историкъ, принадлежавшій къ составу 2-го отдѣленія: онъ занялъ въ немъ кресло Погодина и Соловьева; но я не ошибусь, если скажу, что онъ тѣснѣе, чѣмъ его предшественники, принадлежалъ намъ, потому что глубже и разностороннѣе ихъ интересовался историко-литературными вопросами.

Уже въ качествѣ историка Бестужевъ-Рюминъ не могъ не понимать всей важности произведеній словесности, какъ памятниковъ духовной жизни народа; но сверхъ того, онъ умѣлъ ихъ цѣнить въ ихъ самостоятельномъ значеніи. Онъ обладалъ большимъ художественнымъ чутьемъ и несомнѣннымъ талантомъ литературнаго критика. Свое художественное пониманіе онъ воспиталъ на близкомъ знакомствѣ съ поэтическими произведеніями разныхъ литературъ и любилъ проводить параллели между созданіями поэтовъ разныхъ національностей. Онъ былъ отличнымъ знатокомъ Шекспира и изучалъ его съ тѣмъ же вниманіемъ и увлеченіемъ, съ какимъ работалъ надъ русскими лѣтописями, предметомъ своихъ спеціальныхъ изысканій. Въ русской литературѣ любимцемъ его былъ Пушкинъ, котораго онъ зналъ и понималъ превосходно. Онъ считалъ его однимъ изъ тѣхъ національныхъ геніевъ, изученіе которыхъ можетъ длиться цѣлые вѣка. Въ Англіи, Италіи, Германіи существуютъ особыя общества для изученія Шекспира, Данте, Гёте: Бестужевъ-Рюминъ желалъ, чтобы въ Россіи возникло съ такою же

цѣлью пушкинское общество. Не могу воздержаться здѣсь отъ личнаго воспоминанія. Съ тѣхъ поръ, какъ Константинъ Николаевичъ узналъ, что я подготовляю критическое изданіе произведеній великаго русскаго поэта, почти ни одна его встрѣча со мною не обходилась безъ бесѣды объ этомъ предметѣ; съ дружескою благосклонность сообщалъ онъ мнѣ различныя указанія, плоды своей тонкой наблюдательности, и передалъ въ мое распоряженіе цѣлый свой трудъ—сличеніе текста «Евгенія Онѣгина» по разнымъ изданіямъ.

Въ своихъ критическихъ трудахъ по русской исторіи Бестужевъ-Рюминъ находился въ постоянномъ соприкосновеніи съ памятниками словесности. Его классическое разсужденіе «О составѣ русскихъ лѣтописей до XIV вѣка», доставившее ему въ 1868 году ученую степень доктора русской исторіи, непосредственно касается вопросовъ и сферы древней русской литературы. Заключивъ собою прежнія отрывочныя разысканія о лѣтописяхъ, оно твердо установило пріемы ихъ строго-научнаго изслѣдованія, относительно древнѣйшихъ изъ нихъ дало нѣсколько важныхъ выводовъ, прочность которыхъ не поколеблена позднѣйшею критикой въ теченіе тридцати лѣтъ, и послужило образцомъ для ряда новыхъ полезныхъ работъ по тому же предмету.

Въ литературѣ XVIII столѣтія особое вниманіе Бестужева-Рюмина привлекъ къ себѣ Татищевъ; этому младшему изъ «птенцовъ Петровыхъ» онъ посвятилъ особую монографію, въ которой обстоятельно разсказана его административная дѣятельность и особенно подробно разсмотрѣны его ученые труды. Въ исторіи нашего умственнаго развитія Бестужевъ-Рюминъ отводитъ Татищеву мѣсто на ряду съ Ломоносовымъ: между тѣмъ какъ естествоиспытатель Ломоносовъ стремился возвести къ общему философскому единству ученіе о природѣ, Татищевъ, историкъ и публицистъ, стремился съ своей стороны найти общее начало человѣческаго общежитія и человѣческой нравственности, а русскую исторію поставилъ на правильный путь изученія фактовъ. Сдѣланный Бестужевымъ-Рюминымъ выводъ новъ и оригиналенъ; но если взглянуть на научную дѣятельность Татищева въ связи съ общимъ ходомъ русскаго просвѣщенія въ прошломъ столѣтіи, то нельзя не признать этого заключенія вполнѣ правильнымъ.

По русской литературѣ текущаго вѣка Бестужевъ-Рюминъ оставилъ длинный рядъ статей, онъ писалъ о Карамзинѣ, С. Глинкѣ, Нарѣжномъ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Н. Полевомъ, Погодинѣ, славянофилахъ, Кошелевѣ, Кавелинѣ, Соловьевѣ, Мельниковѣ, Гильфердингѣ, Ешевскомъ, Котляревскомъ и многихъ другихъ дѣятеляхъ нашей науки и литературы новаго времени; нѣкоторымъ изъ нихъ, напримѣръ, Пушкину, Гоголю, Погодину, посвящено было даже нѣсколько статей, появившихся въ печати въ разное время. Это—или біографическіе очерки,

иногда довольно значительнаго объема и богатые свѣжими фактами, или сжатыя, но мѣткія характеристики, или наконецъ этюды чисто критическіе. Но подъ перомъ Константина Николаевича даже тѣ статьи, поводомъ къ которымъ служило чье-либо чужое сочиненіе, получали значеніе самостоятельнаго труда. Разсѣянныя въ нихъ замѣчанія критика глубоко продуманы и нерѣдко важнѣе, чѣмъ самыя мнѣнія разбираемаго автора. Особенно замѣчательны съ историко-литературной точки зрѣнія статьи Константина Николаевича о Пушкинѣ и Гоголѣ. Въ одной изъ нихъ онъ превосходно намѣтилъ задачу, предстоящую біографіи Пушкина, которая должна изобразить его какъ представителя русскаго самосознанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, какъ трудно это исполнить; въ другой статьѣ загадочная личность Гоголя объяснена Константиномъ Николаевичемъ едва-ли не вѣрнѣе, чѣмъ всѣми другими, писавшими объ авторѣ «Мертвыхъ Душъ». Обширное образованіе, огромная начитанность служили Бестужеву-Рюмину важнымъ пособіемъ въ его историко-литературныхъ работахъ; а его долгая жизнь въ той средѣ, которая можетъ быть названа умственнымъ цвѣтомъ нашего общества, давала ему множество живыхъ чертъ и подробностей изъ исторіи нашей еще молодой культуры, отчетливо сохраненныхъ его превосходною памятью; эти воспоминанія и наблюденія онъ любилъ вводить въ свои статьи, сообщая имъ такимъ образомъ и значеніе оригинальныхъ свидѣтельствъ. Таковъ характеръ историко-литературныхъ очерковъ Бестужева-Рюмина. Можно сказать, что въ этихъ мастерскихъ этюдахъ, притомъ написанныхъ со строгою и изящною простотой, онъ является однимъ изъ немногихъ русскихъ эссеистовъ въ родѣ тѣхъ, какими такъ богаты англійская и французская литературы; и если за этюдами Маколея и Карлейля, Сентъ-Бёва и Ренана признается такое же научное значеніе, какъ за ихъ крупными учеными трудами, то несомнѣнно мы имѣемъ право дать ту же цѣну богатымъ и по мысли, и по фактическому содержанію историко-литературнымъ очеркамъ Бестужева-Рюмина.

Я не буду говорить о Константинѣ Николаевичѣ, какъ о человѣкѣ. Всѣ знавшіе его болѣе или менѣе питали къ нему уваженіе. Но я не могу не сказать, что для тѣхъ, кому пришлось короче сблизиться съ нимъ, кончина его составляетъ утрату особенно чувствительную: они потеряли въ немъ одного изъ самыхъ умныхъ, самымъ добрыхъ и благороднѣйшихъ людей, которыхъ знали на своемъ вѣку. Благодарная память о свѣтлой личности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина навсегда сохранится въ ихъ сердцѣ.

II.

Отъ одной изъ бывшихъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ мы слышали нѣкоторыя интересныя подробности о покойномъ К. Н. Бестужевѣ-Рюминѣ, основателѣ этихъ курсовъ, носящихъ понынѣ, хотя и не оффиціально, его имя.

«Константина Николаевича я знала уже въ послѣднее время его дѣятельности для курсовъ,—разсказывала намъ эта слушательница:—и только годъ слушала его лекціи.

«Средняго роста, худенькій, сѣдой, крайне болѣзненный съ виду, съ лицомъ мертвеннаго цвѣта, онъ производилъ тѣмъ не менѣе впечатлѣніе необычайно притягательное: на его интеллигентное умное лицо, съ правильными тонкими чертами, можно было залюбоваться. Ласковый и привѣтливый, всегда ровный въ обращеніи, покойный на курсахъ, онъ въ промежуткахъ между лекціями, всегда былъ окруженъ толпою слушательницъ: онѣ такъ и льнули къ нему, и онъ охотно разговаривалъ съ каждою—и о занятіяхъ исторіей, и объ урокахъ, которые доставлялъ нуждавшимся слушательницамъ, и просто о житейскихъ дѣлахъ и злобахъ дня—разговаривалъ всегдашнимъ слабымъ и тихимъ голосомъ.

«Лекціи его привлекали массу слушательницъ, приходили его слушать и изъ другихъ отдѣленій. Начиналъ онъ говорить чуть слышнымъ ровнымъ голосомъ, заставляя насъ сидѣть не шелохнувшись. Въ разгарѣ лекціи онъ нѣсколько повышалъ голосъ, но все-таки говорилъ тихо, и только его талантъ, какъ профессора, содержательность лекцій, художественность и картинность изложенія, изящество произносимыхъ имъ фразъ—могли заставить слушательницъ напрягать вниманіе и слухъ цѣлый часъ. Онъ читалъ намъ введеніе въ курсъ русской исторіи, т. е. характеристику матеріаловъ и источниковъ ея, и въ его устахъ этотъ самъ по себѣ довольно сухой предметъ оживалъ, и мы слушали Константина Николаевича всегда съ одинаковымъ увлеченіемъ.

«Вспоминается эпизодъ, прервавшій теченіе одной изъ этихъ лекцій. Одна изъ курсистокъ неожиданно упала во время лекціи въ обморокъ. Константинъ Николаевичъ испугался, кажется, больше нашего: прекратилъ лекцію, вышелъ изъ аудиторіи за заболѣвшею, которую вынесли на рукахъ, и возобновилъ лекцію только тогда, когда убѣдился, что упавшая въ обморокъ барышня совершенно оправилась.

«Охотно бесѣдуя съ молодежью на самыхъ курсахъ, Константинъ Николаевичъ любилъ собирать слушательницъ и у себя дома. Разъ въ недѣлю у него были журфиксы, на которые собирались близкіе друзья Константина Николаевича. Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, уже давно

покойный, былъ здѣсь неизмѣннымъ гостемъ; бывали въ мое время также и профессора. Сюда же являлись и слушательницы, съ которыми Константинъ Николаевичъ успѣлъ познакомиться на курсахъ. На этихъ журфиксахъ посчастливилось нѣсколько разъ побывать и мнѣ.

«Уже самая обстановка не слишкомъ роскошная, но съ большимъ вкусомъ устроенная, располагала къ гостепріимнымъ хозяевамъ. Здѣсь каждой изъ насъ чувствовалось легко и просто, и бывало, пьешь чай съ сухарями и либо вслушиваешься въ общій разговоръ, либо сама принимаешь въ немъ участіе, а то просто разсматриваешь дорогія чудныя гравюры, коллекціи которыхъ—страсть Константина Николаевича—разложена были на столахъ.

«Разговоръ то бывалъ общій, то кружками, группировавшимися около хозяина, около Миллера, или еще кого нибудь. Какъ историкъ и литераторъ, Константинъ Николаевичъ любилъ собирать около себя преимущественно словесницъ. Помнится, какъ однажды всѣ забавно напали на одну гостью слушательницу физико-математическаго отдѣленія, за то, что, интересуясь исторіею и литературою, она все-таки остается естественницею. О курсахъ разговоръ былъ, конечно, постоянно, и серьезный, и шутливый; напримѣръ, вспоминается, какъ однажды Орестъ Ѳедоровичъ сталъ увѣрять насъ, что лучше всего онъ читаетъ лекціи, когда видитъ, что слушательницы заняты не записываніемъ, а какимъ нибудь рукодѣльемъ. Веселая непринужденная шутка не мѣшала серьезной бесѣдѣ, касавшейся преимущественно исторіи и литературы Не мало разговоровъ было также одно время про Римъ, гдѣ Константинъ Николаевичъ провелъ зиму, спасаясь отъ русскихъ морозовъ.

«По поводу этого путешествія нельзя не упомянуть объ оваціи, которую слушательницы устроили Константину Николаевичу, когда онъ, по возвращеніи весною 1883 г. изъ-за границы, первый разъ появился на курсахъ; его встрѣтили на улицѣ у подъѣзда, и опять проводили до кареты, когда онъ уѣзжалъ.

«Кто зналъ Константина Николаевича, какъ знали и любили его мы, тотъ не удивится восторженнымъ воспоминаніямъ, сохраненнымъ о немъ всѣми его слушательницами. Конечно, не у меня одной на стѣнѣ съ крусовыхъ временъ виситъ его портретъ, каждый день напоминающій о дорогомъ учителѣ».

Сообщилъ **Ч. Вѣтринскій.**

Указъ Императора Александра о лоцманахъ при Волховскихъ порогахъ.

25 апрѣля 1805 года.

Господинъ с.-петербургскій гражданскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Пасевьевъ! Министръ коммерціи донесъ мнѣ, что статскій совѣтникъ Шпуринъ отнесся къ нему, что крестьяне его, исправляющіе должность лоцмановъ при Волховскихъ порогахъ, по хозяйственнымъ распоряженіямъ, съ нынѣшней навигаціи не могутъ оставаться въ семъ званіи. Принявъ во уваженіе: 1) что помѣщикъ Шпуринъ, съ 1774-го года употребляя крестьянъ своихъ къ дѣлу лоцмановъ и чрезъ толь долгое время не предъявляя намѣренія перемѣнить сіе расположеніе, не имѣлъ права, съ нарушеніемъ общей пользы и съ великимъ стѣсненіемъ сей вѣтви судоходства, перемѣнить оное внезапно; 2) чтобъ въ подобныхъ сему случаяхъ Правительствующій Сенатъ издавна въ постановленіяхъ своихъ имѣлъ правило не допускать частныхъ людей разстраивать общее дѣло судоходства произвольнымъ удаленіемъ лоцмановъ, и наконецъ, 3) что должность сія не есть исключительная какая либо повинность, въ ущербъ крестьянамъ помѣщика Шпурина обращающаяся, но сама по себѣ доставляетъ имъ значущій доходъ. По уваженію всѣхъ сихъ причинъ, считаю я невозможнымъ и какъ къ продовольствію столицы, такъ и вообще устройству въ части судоходства вреднымъ позволить нынѣ же привесть въ исполненіе изъявленное помѣщикомъ Шкуринымъ намѣреніе, и вслѣдствіе того повѣлено вамъ его обязать, чтобъ не отмѣнялъ онъ настоящаго въ отправленіе лоцманской должности порядка по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить ему, что по истеченіи сего срока, когда правительство пріищетъ взамѣнъ другихъ лоцмановъ, крестьяне его къ сей должности допускаемы уже не будутъ, хотя бы онъ того и пожелалъ. Пребываю вамъ благосклонный.

Поправка къ запискамъ Инсарскаго.

Въ 1895 году были напечатаны въ «Русской Старинѣ» записки г-на Инсарскаго, и въ іюньской книгѣ на страницѣ 36-й помѣщено слѣдующее: «Среди моря текущихъ дѣлъ моего отдѣленія всплыло, такъ сказать, дѣло о вольныхъ почтахъ на Московско-Харьковскомъ трактѣ. Сущность его заключалась въ томъ, что лѣтъ за десять передъ тѣмъ одинъ изъ курскихъ помѣщиковъ, или лучше сказать, полякъ Студзинскій, высланный въ Курскую губернію и сдѣлавшійся тамъ помѣщикомъ, точно такъ же, какъ и другіе нѣкоторые его соплеменники тѣмъ же способомъ туда попавшіе, предложилъ правительству содержать всѣ станціи отъ Москвы до Харькова, безъ всякой приплаты отъ земства, но только за возвышенные прогоны, вмѣсто $1^1/_2$ по 3 коп. на лошадь и версту.»

Упомянутый выше Студзинскій—мой отецъ. Съ глубокою горестью прочтя такое, какъ бы презрительное, отношеніе къ нему, считаю святымъ долгомъ своимъ стать на защиту столь дорогой для меня памяти и возстановить истину. Я тогда же, то-есть еще въ 1895 году, хотѣла сдѣлать это, но отсутствіе документовъ, на которые я могла бы сослаться, помѣшало этому. Въ настоящее время мнѣ, наконецъ, удалось найти указъ объ отставкѣ отца, выданный главнокомандующимъ 1-ой арміею графомъ Сакеномъ 10-го марта 1822 г. за № 197. Изъ указа этого видно, что отецъ мой происходилъ изъ дворянъ. Въ службу вступилъ изъ Дворянскаго полка прапорщикомъ 1814 года, февраля 10-го въ 4-ю артиллерійскую бригаду. Находился въ походѣ и дѣлахъ съ непріятелемъ 1814 года марта съ 23-го въ Саксоніи, при блокадѣ Гамбурга и оттуда черезъ Мекленбургію, Пруссію и Польшу возвратился въ Россію. Въ 1818 году, Студзинскій былъ переведенъ корнетомъ въ кирасирскій Военнаго ордена полкъ. Высочайшимъ приказомъ отъ 20-го февраля 1821 года уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ штабсъ-ротмистромъ.—Выйдя въ отставку, отецъ мой въ апрѣлѣ того же 1821 года женился на дочери курскаго помѣщика Офросимова, старинной дворянской фамиліи, хорошо извѣстной, не только въ Курской, но и сосѣднихъ губерніяхъ. Мать моя была двоюродная сестра бывшаго московскаго генералъ-губернатора Мих. Алек. Офросимова.

Поселившись въ Курскѣ, отецъ пользовался всеобщимъ глубокимъ уваженіемъ и въ числѣ друзей своихъ насчитывалъ не мало выдававшихся административныхъ дѣятелей того времени, которые, конечно, съ сосланнымъ полякомъ дружбы не водили бы. Назову только двухъ изъ нихъ, а именно бывшихъ курскихъ губернаторовъ: Михаила Николаевича Муравьева, впослѣдствіи графа и виленскаго генералъ-губернатора, который до конца своей жизни сохранилъ съ отцомъ моимъ дружескія отношенія, и Владиміра Ивановича Дена [1]) крайне сердечно и съ уваженіемъ относившагося къ нему во все время своего пребыванія въ Курской губерніи.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что покойный отецъ мой не принадлежалъ къ категоріи тѣхъ лицъ, о которыхъ говоритъ г-нъ Инсарскій, а напротивъ того пользовался репутаціею честнаго, благороднаго и выдающагося человѣка своего времени.

Сообщила жена генералъ-лейтенанта **А. В. Лазарева**
урожденная Студзинская.

[1]) Отзывъ В. И. Дена объ отцѣ моемъ помѣщенъ въ его запискахъ, напечатанныхъ въ іюльской книгѣ „Русской Старины“ 1890 года на стр. 174.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1897 г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ ФЕВРАЛЬ МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

стран.

I. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г. (Съ картою театра военныхъ дѣйствій). Гл. IV—VII. Сообщилъ П. М. Майковъ. . . . . 81—110, 253—272

II. Тяжелые дни Казанскаго университета. (Изъ посмертныхъ записокъ). Окончаніе. П. Д. Шестакова . . . . . 113—144

III. Изъ воспоминаній о А. А. Катенинѣ П. Юдина. . . . . 177—190

IV. Воспоминанія о князѣ Варшавскомъ графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ (отрывокъ изъ дневника П. К. Менькова) Сообщ. А. М. Заіончковскій. 233—252

V. Мировой судъ въ Подоліи. (Изъ записокъ и воспоминаній мироваго судьи). Гл. I—V. И. Н. Захарьина (Якунина). 281—314, 541—572

VI. Записки Михаила Чайковскаго. Главы XVIII—XIX. Переводъ В. В. Тимощукъ. 333—370

VII. Встрѣча съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ (Изъ воспоминаній Варвары Михайловны Щепотьевой). В. М. Щепотьевой рожденной Свѣшниковой. . . . . 505—511

стран.

VIII. Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской (рожденной княжны Голицыной). Гл. I—III. 513 — 533

IX. Изъ прошлаго Саратовской губерніи. (Записки стараго помѣщика). В. А. Шомпулева. 535—540

X. Поправка къ запискамъ Инсарскаго. Сообщ. жена генералъ-лейтенанта А. В. Лазарева, рожденная Студзинская . . . . . 607—608

Портреты.

I. Портретъ Александра Андреевича Катенина. Грав. К. Адтъ.
(При 1-й книгѣ).

II. Портретъ Александра Григорьевича Тройницкаго. Грав. К. Адтъ.
(При 2-й книгѣ).

III. Портретъ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. Грав. К. Адтъ.
(При 3-й книгѣ).

Исторія русской литературы.

I. „Разговоръ въ Тріанонѣ". Сообщилъ А. Кирпичниковъ. 161—167

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

стран.

I. Таганрогъ въ 1825 году. Н. К. Шильдера. . 5—48

II. Княжна Марія Кантемирова академика Л. Н. Майкова. . . . . 49—69, 401—417

стран.

III. Оригинальный подписчикъ на журналъ. Сообщ. А. Заіончковскій 70
IV. Увлеченіе поэта (къ біографіи князя И. М. Долгорукова) 1793—1796 гг. . . . . 71—79
V. Письмо Ламсдорфа князю Платону Зубову отъ 3-го марта 1797 г. Сообщ академикъ А. Ѳ. Бычковъ. 80
VI. Русская геральдика. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. 111
VII. Письма П. Т. Морозова къ А. Г. Тройницкому. Сообщ. Г. А. Тройницкій. . . . . 145—159
VIII. Всеподданнѣйшее письмо графа П. Д. Киселева. 160
IX. Замѣтка объ участіи Нижегородской семинаріи въ комплектованіи перваго курса Московскаго университета въ 1755 г. Сообщилъ Апол. Можаровскій. 168
X. Разсказы А. М. Тургенева объ императрицѣ Екатеринѣ II. . . . . 171—176
XI. Орловскіе разбойники въ 1765 г. Сообщ. Николай Танковъ. 191
XII. Междуцарствіе въ Россіи, съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 г. Н. К. Шильдера . . 193—220
XIII. Письма и записки императрицы Екатерины II. 221—232
XIV. Жуковскій и Дельвигъ въ изображеніи современника. Сообщ. А. Кирпичниковъ. . . . . 273—279
XV. Парольное приказаніе императора Павла I. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ. Къ характеристикѣ митрополита Григорія. Сообщ. М. М. Поповъ. 280
XVI. Изъ прошлаго россійскаго консульства въ Яссахъ. А. Гирса. . . . . 315—325
XVII. Всеподданнѣйшій докладъ главноначальствующаго Мастерскою оружейною палатою Петра Валуева отъ 14-го сентября 1809 г.—Рескриптъ Петру Степановичу Валуеву отъ 8-го октября 1809 г. 326
XVIII. Первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ. В. Авенаріуса. . . . . 327—332
XIX. Духовное завѣщаніе Анны Монсъ. Сообщ. А. З. Мышлаевскій. . . . . 371—372
XX. Александръ Григорьевичъ Тройницкій (одесскій періодъ его службы). Сообщ. А. Ѳ. Шидловскій. 373—388

стран.

XXI. Замѣтка по поводу біографіи М. А. Бакунина. Сообщ. князь В. А. Кейкуатовъ . . . . 389—393
XXII. Письмо о поклонахъ архимандрита Амвросія московскому митрополиту отъ 2-го декабря 1782 г. 394
XXIII. Производство А. А. Аракчеева въ маіоры. Письмо А. А. Аракчеева П. И. Мелиссино отъ 24-го іюля 1793 г. Сообщ. Д. Струковъ. 418
XXIV. Кто истинный виновникъ войны 1812 г. Н. К. Шильдера . . . . . 419—455
XXV. О прическѣ дамъ.—Ордеръ г. приставу Литейной части Навроцкому отъ 27-го октября 1797 г. Сообщ. Д. Струковъ.—Приказъ Г. Р. Державина конторѣ графини Мусиной-Пушкиной Брюсъ отъ 2-го января 1802 г. 456
XXVI. Петербургъ въ 1825—1826 годахъ (по дневнику П. Г. Дивова) . . . . . 457—494
XXVII. Консисторскій судъ надъ А. М. Бухаревымъ. Н. Соловьева. . . . . 495—504
XXVIII. Къ біографіи профессора Дегурова.—Письмо Д. П. Рунича князю А. Н. Голицыну отъ 10-го марта 1823 г. 512
XXIX. Собственноручное письмо Архарова Александру Андреевичу Безбородки отъ 14-го іюня 1778 г. 534
XXX. Къ біографіи графа Н. П. Румянцева. Сообщ. М. Веневитиновъ. . . . . 573—580
XXXI. Матеріалы по исторіи русской цензуры. Сообщ. В. Бинштокъ . . . . . 581—597
XXXII. О присылкѣ мальчика изъ грековъ для услуги великаго князя Константина Павловича—(Рескриптъ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому отъ 9-го октября 1781 года).—Высочайшая благодарность Московскому городскому обществу (Рескриптъ императора Александра I генералу отъ-инфантеріи московскому военному генералъ-губернатору Беклешову отъ 5-го августа 1805 г.) 598
XXXIII. Памяти Бестужева-Рюмина. Сообщ. Акад. Л. Н. Майковъ и Ч. Вѣтринскій . . . . . 599—605
XXXIV. Указъ императора Александра I о лоцманахъ при Волховскихъ порогахъ отъ 25-го апрѣля 1805 г. 606

Библіографическіе указатели.

Библіографическіе указатели книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896—97 г. . . . . 193—196 и 395—400

Библіографическій листокъ.

1. Исторія гвардейской артиллеріи. Сост. Павелъ Потоцкій, капитанъ 1-й батареи е. и. в. великаго князя Михаила Павловича лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады.—С.-Петербургъ 1896 г.—Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ январьской книги).

2. „Починъ". Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1896 г. Москва. 536+2. Цѣна 2 р. 50 к.—Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ февральской книжки).

3. Докторъ Ѳ. П. Гаазъ. Очеркъ А. Ѳ. Кони. „Вѣстникъ Европы". кн. 1-я и 2-я 1897 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ мартовской книжки).

4. М. И. Михельсонъ. Ходячія и мѣткія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаніе). Второе пересмотрѣнное и значительно пополненное изданіе Спб. 1896 г. стр. X+598. А. Шидловскаго (тамъ же).

Приложеніе.

Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ.—Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны 1745—1748 гг. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ (при 1-ой, 2-ой и 3-ей книжкѣ) . . 1—96

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТРИ ИЗДАНІЯ 1897 Г.:

I.

НОВОСТИ ДНЯ

ИЗДАНІЯ ГОДЪ XV-Й

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей

Подписная цѣна въ Москвѣ и на города: съ доставкою на годъ—8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р. 50 к., на три мѣсяца—3 р., на одинъ мѣсяцъ—1 руб.

II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выходятъ ежемѣсячными книжками и даютъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

Подписная цѣна на годъ 3 р. Вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ литературнымъ приложеніемъ «СЕМЬЯ» на годъ 4 рубля.

III.

Еженедѣльное иллюстрированное литературное изданіе

СЕМЬЯ

Выходитъ по слѣдующей программѣ, изящная литература (романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, драматическ. произведенія—оригинальныя и переводныя); научныя обозрѣнія, литературная, театральная, музыкальная и художественная критика; историческіе очерки и путешествія; біографіи; спортъ всѣхъ видовъ; изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, смѣсь; задачи, шарады, ребусы, игры, музыкальныя ноты; почтовый ящикъ; иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, виньетки и преміи.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНІЯ **12 РУБ.**

За эту сумму подписчикъ, слѣдовательно, получаетъ: 1) годовой экземпляръ газеты «Новости Дня»; 2) ежемѣсячный журналъ «Новости Иностранной Литературы»; 3) еженедѣльное иллюстрированное приложеніе «Семья».

«Новости Дня» и «Новости Иностранной Литературы» въ годъ—11 р. «Новости Дня» и «Семья»—10 р. Адресъ: Москва, «Новости Дня».

Въ главной конторѣ газеты «НОВОСТИ ДНЯ» продается **АЛЬБОМЪ**

КОРОНАЦІОННЫЯ ТОРЖЕСТВА

(Изданіе «НОВОСТЕЙ ДНЯ» и «СЕМЬИ»).

Альбомъ отпечатанъ на хорошей бумагѣ и заключенъ въ изящную обложку, украшенную акварельнымъ рисункомъ Л. О. Пастернака. Текстъ альбома заключаетъ въ себѣ историческую часть и подробное описаніе коронаціонныхъ торжествъ въ маѣ 1896 г. Въ альбомѣ помѣщено 90 рисунковъ и 100 портретовъ и группъ.

Цѣна альбому 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

3—3

Большая ежедневная, политико-общественная и литературная газета

XXIII-й годъ изданія въ Н-Новгородѣ.

ВОЛГАРЬ

и

Нижегородскій Биржевой Листокъ

Полныхъ 360 выпусковъ ежегодно.

Въ 1897-мъ году

газета «Волгарь» будетъ выходить въ свѣтъ въ томъ же объемѣ и по той же обширной программѣ, какъ въ 1896-мъ выставочномъ году.

«Волгарь» представляетъ собою одно изъ старыхъ періодическихъ изданій въ Поволжьи; кромѣ общихъ вопросовъ и событій русской жизни и текущихъ событій заграничныхъ, «Волгарь» отмѣчаетъ на своихъ столбцахъ еще событія изъ жизни Поволжья.

Въ 1897 г. организуется обширное полученіе изъ Петербурга важнѣйшихъ извѣстій, интересующихъ Поволжскій край, по телеграфу, отъ спеціальныхъ корреспондентовъ. Редакція надѣется такимъ образомъ установить быструю освѣдомленность поволжской публики о выдающихся событіяхъ даннаго момента.

Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, разсказы, очерки и стихотворенія, оригинальныя и переводныя.

Подписная цѣна на газету „ВОЛГАРЬ“ на 1897 годъ.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Иногороднимъ.....	8 р.	7-50	7 р.	6-50	6 р.	5-50	5 р.	4-50	4 р.	3-50	2-50	1-50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Нижнемъ Новгородѣ; въ Главной Конторѣ „Волгаря“.
» С.-Петербургѣ. у Л. и Э. Метцль, въ магазинѣ „Новаго Времени“ и др.
» Москвѣ: у Метцль, Шабертъ, Ремизова, Печковской, Сенъ-Мартенъ и Гиляровскаго
» городахъ Поволжья у коммиссіонеровъ „Волгаря“.

☞ Новые подписчики на 1897 годъ, сдѣлавшіе подписку заблаговременно получатъ БЕЗПЛАТНО: 1) „Волгаря“ за ноябрь и декабрь мѣсяцы текущаго года.

3—3 Редакторъ-Издатель „Волгаря“. СЕРГѢЙ ЖУКОВЪ.

Открыта подписка на 1897 г. (IV г. изданія) на ежемѣсячный обще-научный журналъ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1887 году „Научное Обозрѣніе“ будетъ выходить по расширенной программѣ, включающій отдѣлы наукъ физико-химическихъ, естественныхъ, антропологіи, географіи и этнографіи, исторіи литературы, соціологіи, статистики, археологіи и исторіи культуры, а также отдѣлы библіографіи, научной хроники, научныхъ новостей, изобрѣтеній и открытій, біографій научныхъ дѣятелей и статей, относящихся къ исторіи науки.

Въ 1897 году въ приложеніяхъ будутъ даны капитальныя научныя сочиненія, частью изъ новѣйшихъ, еще не переведенныхъ на русскій языкъ трудовъ, частью изъ имѣющихъ важное историческое значеніе.

Въ редакціи имѣются комплекты за 1895 г. (ц. 5 р. съ пер.) и за 1896 г. (ц. 6 р. съ пер.). Редакція высылаетъ также книги своего изданія (подписчики за пересылку не платятъ) въ томъ числѣ „Сочиненія Дарвина“ въ 4 томахъ, съ рисунками подлинника, ц. три рубля. (Т. I. Происх. видовъ, т. II. Происх. человѣка, т. III. Путешествіе на кор. Бигль и Автобіографія, т. IV. Выраженіе душевныхъ волненій, всего около 2000 стр.).

При редакціи принимается подписка на сочиненіе М. Филиппова, Философія дѣйствительности (Исторія и критика научно-философскихъ міровоззрѣній отъ древности до нашихъ дней). Большой томъ (800 стр. большого формата) съ табл. рис. Подписная цѣна съ перес. шесть рублей. Первая половина высылается немедленно. Изданіе это закончится въ 1897 году.

Подписная цѣна на „Научное Обозрѣніе“ 12 книгъ въ годъ:

На годъ. . . . . семь рублей (съ пер.).
За границу . . . . . десять рублей.
Полгода. . . . . четыре рубля.
Четверть года . . . . . два рубля.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Екатерининская, д. 6, кв. 8.

Ред.-изд. д-ръ философіи М. Филипповъ. 3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1897 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.			Съ казенными приб.		
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс. 1 мѣс.	на годъ	6 мѣс.	
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р. — к.	9 р. — к.	4 р. 50 к. 1 р. 80 к.	18 р. — к.	10 р. — к	
Съ пересылкою иногород. .	17 » — »	10 » — »	5 » 50 » 2 » — »	19 » — »	11 » — »	
За границу....	26 » — »	14 » — »	8 » — » 3 » — »	28 » — »	16 » — »	

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель **Э. Э. Ухтомскій.**

3—2

Открыта подписка на 1897 годъ.

На ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОРОДѢ СЕВАСТОПОЛѢ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕСЯТЫЙ).

Газета, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губерніи.

въ случаѣ особенно важныхъ событій, въ дни послѣпраздничные, городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки:

На годъ 7 р. на $^1/_2$ года 4 р. на $^1/_4$ года 2 р. 50 к. на 1 мѣсяцъ 1 р.

Съ доставкою и пересылкою:

На годъ 8 р. на $^1/_2$ года 5 р. на $^1/_4$ года 3 р. на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Подписка и объявленіи принимаются: въ г. СЕВАСТОПОЛѢ—въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Спиро; въ гор. СИМФЕРОПОЛѢ—въ Отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро; въ ЯЛТѢ—въ магазинѣ г—на Синани; въ МЕЛИТОПОЛѢ—въ Отдѣленіи конторы въ «Центральномъ» аптекарск. магазинѣ О. Г. Гинцбурга; въ ВАХЧИСАРАѢ—у г—на Колтуна; въ ВЕРДЯНСКѢ—въ книжномъ магазинѣ Г. А Эдигера и Комп.; въ ѲЕОДОСІИ—въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника», Полицейская улица, домъ Карабанова.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р, къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—остальные 2 руб. 3—3

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

СЪ НОЯБРЯ 1896 ГОДА

издается въ Москвѣ подъ редакціей М. М. Каткова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г.

—— Годовое изданіе **«Русскаго Вѣстника»**, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, въ 1897 году стоитъ въ Москвѣ безъ доставки **15** р. **50** к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ **16** р., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи **17** р.

Принимается также подписка, только черезъ контору журнала, на **6** мѣсяцевъ **8** р. **50** к., на 3 мѣсяца **4** р. **25** к. и на 1 мѣсяцъ **1** р. **50** к., съ пересылкою и доставкою.

Для гг. годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ платежѣ денегъ, а именно: при подпискѣ вносится въ контору журнала **9** руб., а остальная сумма уплачивается къ 1-му іюня.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка за поручительствомъ ихъ казначеевъ, съ уплатой по **1** р. **50** к. въ мѣсяцъ, впредь до уплаты всей подписной суммы.

Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, допускается только чрезъ контору журнала.

—— За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными билетами или переводомъ: въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза, по **18** рублей, а въ остальныя государства—по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на **«Русскій Вѣстникъ»** принимается въ Москвѣ, въ конторѣ журнала (Малая Дмитровка, 29), куда и просятъ адресоваться гг. подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) Гг. подписчики благоволятъ писать свой адресъ четко, съ точнымъ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи, а также того почтоваго учрежденія, куда должно адресовать журналъ, съ указаніемъ губерніи и уѣзда, или станціи желѣзной дороги, присоединивъ названіе этой дороги. 2) При перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ сообщать конторѣ журнала, вмѣстѣ съ новымъ адресомъ, по которому желаютъ получать журналъ, и старый адресъ, или же точно обозначить его нумеръ. 3) Согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе о неполученіи книги журнала допускается не позже полученія слѣдующей книги. 4) Контора журнала не отвѣчаетъ за своевременную доставку книгъ журнала передъ тѣми лицами, которыя подписались помимо конторы журнала; съ жалобами въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться въ тѣ мѣста, гдѣ подписались. 5) За перемѣну адреса уплачивается **40** коп., за исключеніемъ перемѣны городскаго адреса на иногородній, за каковую перемѣну уплачивается **1** р. **50** коп.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Малая Дмитровка, 29.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ
СЕМЕВСКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. 1837—1892

Съ двумя портретами и письмами Благосвѣтлова, Модзалевскаго, Ушинскаго и другихъ.

Цѣна безъ пересылки 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» 2 р.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ Спб. на Большой Подъяческой, д. 7, кв. 3, у издательницы. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Продается библіотека М. И. Семевскаго, гравюры, портреты, изданія.

Рекомендуются для письменныхъ работъ (extemporalia):

1) АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ на греческій языкъ.

Составилъ Н. И. Кашкадамовъ. 308 стр. въ 32 д. л. Цѣна 1 рубль.

Книга содержитъ расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ всѣ (по возможности) слова, имѣющія неправильности какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніяхъ. Въ ней учащійся найдетъ разрѣшеніе всѣхъ, могущихъ встрѣтиться, затрудненій при переводѣ съ русскаго на греческій: при глаголахъ выписаны всѣ формы и конструкціи, при предлогахъ—важнѣйшія особыя выраженія, при другихъ частяхъ рѣчи—всѣ неправильности. Эта книга можетъ отчасти замѣнить учебникъ и русско-греческій карманный словарь

2) УКАЗАТЕЛЬ

съ русскаго на латинскій, приспособленный не только для классныхъ, но и для домашнихъ письменныхъ работъ, такъ какъ замѣняетъ русско-латинскій словарь.

Необходимъ для учениковъ всѣхъ классовъ.

Главный складъ въ Типографіи Товарищества «Общественная Польза», С.-Петербургъ, Большая Подъяческая д. № 39. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Книгопродавцамъ уступка 20%. Выписывающіе изъ склада за пересылку ничего не платятъ.

Съ 1 января 1897 года

въ г. Екатеринбургѣ (Пермской губ.), вмѣсто еженедѣльной газеты „Екатеринбургская Недѣля“ будетъ выходить

ЕЖЕДНЕВНАЯ

(за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„УРАЛЪ“

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ — внутренней и внѣшней политики, мѣстнымъ, общественнымъ, *горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла.* 2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и отъ телеграфныхъ агентствъ. 3) Дѣйствія и распоряженія правительства. 4) Статьи и извѣстія научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ. 5) *Разработка и изслѣдованія по вопросамъ, какъ мѣстнаго на Уралѣ, такъ и вообще въ Сибири и въ Россіи горнопромышленнаго и золотопромышленнаго дѣла. Открытія и усовершенствованія въ области этого дѣла* и всѣ касающіяся его извѣстія, какъ русскія, такъ и заграничныя. 6) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей. 7) Обозрѣніе событій общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія. 8) Корреспонденціи русскія и заграничныя. 9) Обозрѣніе газетъ и журналовъ и выдержки выдающихся статей. Библіографическіе отзывы о появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ. 10) Новости театра, музыки, искусствъ, ремеслъ и проч. Отчеты о спектакляхъ, концертахъ, выставкахъ и другихъ зрѣлищахъ. 11) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и фельетоны. 12) Судебная хроника. Отчеты о засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 13) Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній и другихъ частныхъ и ученыхъ обществъ. 14) Статьи и извѣстія о движеніи промышленности, торговли и сельскаго хозяйства. 15) Статьи и извѣстія по народному образованію. 16) Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ акціонерныхъ компаній, обществъ и разныхъ видовъ товариществъ. 17) Биржевыя извѣстія. Ярмарки и урожаи. 18) Метеорологическія наблюденія и справочный отдѣлъ. 19) Казенныя и частныя объявленія.

Газета, кромѣ всесторонняго разсмотрѣнія какъ мѣстной, общерусской такъ и заграничной жизни, насколько послѣдняя касается Россіи, будетъ посвящена также разработкѣ и изслѣдованію статей горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла въ Россіи и въ особенности на Уралѣ. Завѣдывать этими отдѣлами будутъ приглашены спеціалисты.

Въ послѣпраздничные дни Екатеринбургскіе подписчики газеты „Уралъ“ будутъ получать Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства особыми бюллетенями, иногороднымъ же подписчикамъ таковыя бюллетени будутъ высылаться со слѣдующимъ нумеромъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкою и пересылкою:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
На полгода	4 р. — к.	На полгода	4 р. 50 к.
На три мѣсяца	2 р. 50 к.	На три мѣсяца	2 р. 75 к.

Допускается разсрочка—при подпискѣ — 3 руб., къ 1 мая — 3 руб., и къ 1 сентября— 2 руб. Цѣна отдѣльнаго нумера 5 коп.

Подписка принимается въ г. Екатеринбургѣ —въ конторѣ редакціи „Урала“. (Вознесенскій пр., д. № 44). въ книжныхъ магазинахъ Блохиной (Покровскій проспектъ, д. Волкова) и Бабинова (Богоявленская ул., д. Захо) и въ справочной конторѣ „Посредникъ“. (Соборная площадь, д. бр. Дмитріевыхъ).

Издатель *В. Г. Чеканъ.* 1—1 За редактора *П. И. Пѣвинъ.*

Объ изданіи въ 1897 году

ежедневной литературной и политической газеты

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

„Виленскій Вѣстникъ", какъ единственная ежедневная газета Сѣверо-Западнаго края, имѣя въ виду постепенное развитіе самодѣятельности провинціи, ростъ духовныхъ ея потребностей, стремится, по мѣрѣ силъ, отвѣтить на запросы мѣстной жизни ея злобъ дня въ области бытовой и экономической.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своею задачею обще-русскіе интересы, русское дѣло, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благосостоянію своего общаго отечества. Въ „Вилен. Вѣстн." читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны беллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агенства, печатаемыя раньше столичныхъ газетъ; сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I. ч. 2 учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по девяти губерніямъ Сѣверо и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ".

Подписка на 1897 годъ открыта.

Всѣмъ новымъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета въ теченіе декабря будетъ высылаться ВЕЗПЛАТНО.

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ Вильнѣ:		Съ пересылкой въ другіе города.	
На годъ	6 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	3 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ	4 р. — к.
На 3 »	2 р. — к.	На 3 »	2 р. 50 к.
На 2 »	1 р. 20 к.	На 1 »	1 р. — к.
На 1 »	1 р. 70 к	За границу на годъ — 12 рублей.	

Подписка принимается въ конторѣ «Вил. Вѣстн.», на Большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Редакторъ-издатель. П БЫВАЛЬКЕВИЧЪ.

3—3

Открыта подписка на 1897-й г.

11-й годъ изданія.

ДОНСКАЯ РѢЧЬ.

Ежедневная общественно-литературная и политическая газета.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Передовыя статьи по вопросамъ современной жизни Донской области и южныхъ губерній. 3) Распоряженія и статьи, касающіяся всѣхъ казачьихъ войскъ. 4) Мѣстная хроника. 5) Телеграммы и корреспонденціи изъ Донской области и сосѣднихъ съ нею губерній. 6) Былое и современное. Замѣтки и сообщенія по различнымъ отраслямъ современной и прошлой жизни юга Россіи. Стихотворенія, разсказы, очерки, сцены. 7) Отдѣлъ историческій. Акты, грамоты, мемуары, хроники. 8) По Россіи. Телеграммы и корреспонденціи. 9) За границей. Иностранныя новости. 10) Фельетонное обозрѣніе. 11) Юмористическіе очерки, разсказы, наброски, стихотворенія, шутки, мысли, эпиграммы. Смѣсь. Отвѣты редакціи. 12) Театръ и искусство. 13) Торговое обозрѣніе и биржа. 14) Справочныя свѣдѣнія. 15) Объявленія и рекламы.

Подписная цѣна:

На годъ съ пересылкой и доставкой—7 р., на $^1/_2$ года—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—1 р.

Въ 1897 году газета «Донская Рѣчь» будетъ выходить по вышеприведенной программѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, при чемъ три раза въ недѣлю—въ размѣрѣ обыкновеннаго листа, а въ остальные дни—въ размѣрѣ полулиста.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ разосланъ будетъ безплатно справочникъ «по Дону», иллюстрированное изданіе 1897 года, въ которое войдутъ краткія историко-статистическія и справочныя свѣдѣнія объ области войска Донскаго и ея городахъ, программы мѣстныхъ учебныхъ заведеній, условія пріема въ нихъ, торгово-промышленныя, желѣзнодорожныя, почтовыя и др. свѣдѣнія. Къ справочнику будетъ приложена карта области войска Донскаго.

Съ подпиской покорнѣйше просятъ обращаться: въ Новочеркасскъ, въ Редакцію газеты «Донская Рѣчь».

3—3 Редакторъ-издатель **Ив. П. Поповъ.**

Первый въ Россіи журналъ, иллюстрированный красками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

X-ый годъ изданія „СѢВЕРЪ“ X-ый годъ изданія

еженедѣльный, иллюстрированный, литературно-художественный журналъ.

въ **1897** г. подписчики получатъ:

52 №№ журнала на веленевой бумагѣ, изъ которыхъ съ **ЦВѢТНЫМИ и ТОНОВЫМИ РИСУНКАМИ** **12 №№**

Въ **1897** г. въ журналѣ будетъ данъ новый историческій романъ **гр. Е. А. Салиаса «ВТОРАЯ САЛТЫЧИХА».**

12 №№ МОДНАГО ЖУРНАЛА **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** СО МНОЖЕСТВОМЪ РИСУНКОВЪ.

12 №№ **ВЫКРОЕКЪ, УЗОРОВЪ, РУКОДѢЛІЙ и МОНОГРАММЪ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТКАХЪ.**

12 №№ ЕЖЕМѢСЯЧ. ЖУРНАЛА **„ХОЗЯЙСТВО и ДОМОВОДСТВО“.**

12 ТОМОВЪ **„БИБЛІОТЕКИ СѢВЕРА“,**

ВЪ КОТОРЫХЪ БУДЕТЪ ДАНО:

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ

ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА:

«ОГНЕМЪ и МЕЧЕМЪ» историч. ром. въ 4 ч.; 2) **«ПОТОПЪ»** историч. ром. въ 6 ч., 3) **«ПАНЪ ВОЛОДЫЕВСКІЙ»** историч. ром. въ 3 ч.

БЕЗПЛАТНО:

12 художественныхъ премій КАРТИНЪ ВЪ КРАСКАХЪ.

КРОМѢ ТОГО: подписавшіеся до 1-го января 1897 г. непосредственно въ Главной Конторѣ журнала **«СѢВЕРЪ»** и уплатившіе подписную сумму сполна, получаютъ **БЕЗПЛАТНО** 1 изъ слѣдующихъ премій: 1) Картину (олеографія) худ. **В. А. Сурикова «ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ»**, или 2) **АЛЬБОМЪ** изъ 12 цвѣтныхъ гравюръ—иллюстрацій къ русскимъ сказкамъ и портретъ (хромолитографія) **о. ІОАННА СЕРГІЕВА КРОНШТАДТСКАГО.**

Подписная цѣна со всѣми приложеніями и преміями.

6 Р. безъ доставки въ С.-Петербургѣ.

Разрочка допускается 4 р. при подпискѣ, 3 р. къ 1-му іюня.

съ доставкою и пересылкою. За границу **7 Р.**

Адресъ Главной конторы жур. «Сѣверъ»: Спб. Екатерининск., 4.

3—3

тенная автора: „Даже среди образованъ людей, соприкасающихся съ тюремнымъ удобнымъ дѣломъ, даже среди врачей, орымъ слѣдовало бы съ чувствомъ справдивой гордости помнить о старшемъ врачѣ ковскихъ тюремъ, имя его вызываетъ доумѣвающій вопросъ: „Гаазъ?—кто такой аазъ?—что такое Гаазъ?“

Люди, подобные Гаазу, должны быть близки дороги обществу, если оно не хочетъ совершенно погрязнуть въ низменной суетѣ истическихъ разсчетовъ..“ Съ этими сломи почтеннаго автора нельзя не согласиться.

Н. К-ш-ъ.

М. И. Михельсонъ. Ходячія и тія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаніе). Второе перепотрѣнное и значительно пополненное зданіе. Спб. 1896. стр. X+598.

Еще въ 1892 г. вышло первое изданіе той книги, которое разошлось въ три мѣсяца; это обстоятельство служитъ достаточной гарантіей того, что потребность въ такомъ сборникѣ въ нашей литературѣ была ощутительна; въ настоящее время вышло второе изданіе той же книги. Этотъ солидный трудъ, исполненный составителемъ, какъ видно, съ глубокой преданностью къ своему дѣлу, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что въ русской литературѣ онъ является единственнымъ. Мысль о сборникѣ цитатъ, изрѣченій, пословичныхъ выраженій принадлежитъ глубокой древности; въ средніе вѣка появился сборникъ подобныхъ изрѣченій составленный еще Эразмомъ Роттердамскимъ. Въ новѣйшее время такіе сборники существуютъ въ каждой изъ европейскихъ литературъ. Только въ нашей литературѣ въ этомъ отношеніи замѣчался пробѣлъ, который и рѣшился заполнить г. Михельсонъ. Въ книгѣ, составленой имъ, обращено большое вниманіе не только на пословицы, но и на другія выраженія, которыя мы привыкли употреблять въ разговорной и письменной рѣчи въ переносномъ смыслѣ; кромѣ того, сюда вошли и отдѣльныя слова, которыя мы весьма часто вставляемъ въ нашу рѣчь почти безсознательно, по привычкѣ, для поясненія нашей мысли; наконецъ въ языкѣ есть масса миѳологическихъ и историческихъ именъ, къ которымъ мы привыкли, но другой разъ не знаемъ, откуда взялось это имя, какой истинный его смыслъ. Все это въ сборникѣ г. Михельсона объяснено; при этомъ составитель не ограничился сухимъ поясненіемъ смысла того или другого выраженія; онъ посмотрѣлъ на свою задачу широкимъ взглядомъ. Здѣсь читатель найдетъ не только происхожденіе извѣстнаго слова или выраженія изъ другихъ литературъ, если это слово сдѣлалось общимъ достояніемъ, но въ большинствѣ случаевъ указывается историческій источникъ каждаго выраженія. Напр. „рога приставить“—выраженіе это знакомо несчастливымъ мужьямъ; происхожденіе же его мало кому извѣстно. Оказывается, это выраженіе ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Визант. импер. Андроникъ Комненъ (развратникъ) позволялъ мужьямъ тѣхъ женъ, съ которыми онъ былъ въ связи, охотиться въ его звѣринцѣ. Кто пользовался этимъ преимуществомъ, у того выставлялись на воротахъ оленьи рога. Вмѣсто воротъ шутя упоминалось о лбѣ. У германцевъ существовалъ обычай, что жены мужьямъ своимъ, идущимъ на войну, надѣвали шлемы изъ звѣриныхъ кожъ съ рогами. Надѣть нужу рога, Hörner aufsetzen, т. е. „снарядить мужа въ походъ“ и—„остаться на волѣ“, тогда сдѣлались бы синонимами. (стр. 372). Мы иногда употребляемъ выраженіе „антимонію разводить“; любопытно происхожденіе его. Въ IX в. настоятель монастыря Василій Валентинъ, замѣтилъ, что свиньи жирѣютъ отъ употребленія сурьмы, хотѣлъ испытать дѣйствіе сурьмы на организмъ монаховъ, но тѣ, вскорѣ послѣ употребленія сурьмы, поголовно умирали, что дало поводъ назвать сурьму Antimoine т. е. противъ монаховъ. Съ тѣхъ поръ продолжались долго споры между учеными о способѣ употребленія сурьмы, т. е. химики спорили—р а з в о д и л и а н т и м о н і ю (стр. 7) Для объясненія различныхъ общихъ выраженій составителю пришлось докапываться смысла ихъ въ древнѣйшей исторіи, начиная съ библіи.

Въ нашей, чисто русской рѣчи встрѣчается весьма много такихъ словъ и выраженій, которыя по удачному сравненію, по тонкости намека на какое-либо событіе перешли въ потомство. Имъ то и отведено въ книгѣ г. Михельсона главное мѣсто, что дѣлаетъ его сборникъ не сухой справочной книгой, а прямо интересной для чтенія. Откуда взялось напримѣръ выраженіе „врачать во всю Ивановскую“? оказывается что на Ивановской площади въ Кремлѣ, близъ колокольни Ивана Великаго, объявлялись указы царскіе во всеуслышаніе, т. е. в о в с ю И в а н о в с к у ю. (стр. 38). Мы привели бы еще нѣсколько словъ, но за недостаткомъ мѣста отсылаемъ читателей къ книгѣ г. Михельсона. Кромѣ объясненія историческаго и миѳологическаго смысла словъ и выраженій составитель на каждомъ шагу приводитъ цитату или фразу изъ сочиненій извѣстнѣйшихъ писателей, что дѣлаетъ его сборникъ еще болѣе цѣннымъ, такъ какъ этимъ подчеркивается особенность языка авторовъ, выраженія которыхъ приведены. Остается пожелать разбираемой нами книгѣ самаго широкаго распространенія, такъ какъ по своему характеру она должна служить настольнымъ сборникомъ для всякаго образованнаго человѣка; въ немъ собранъ и приведенъ въ систему богатѣйшій запасъ мудрости и опыта человѣческаго всѣхъ временъ и народовъ.

А. Ш—ія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

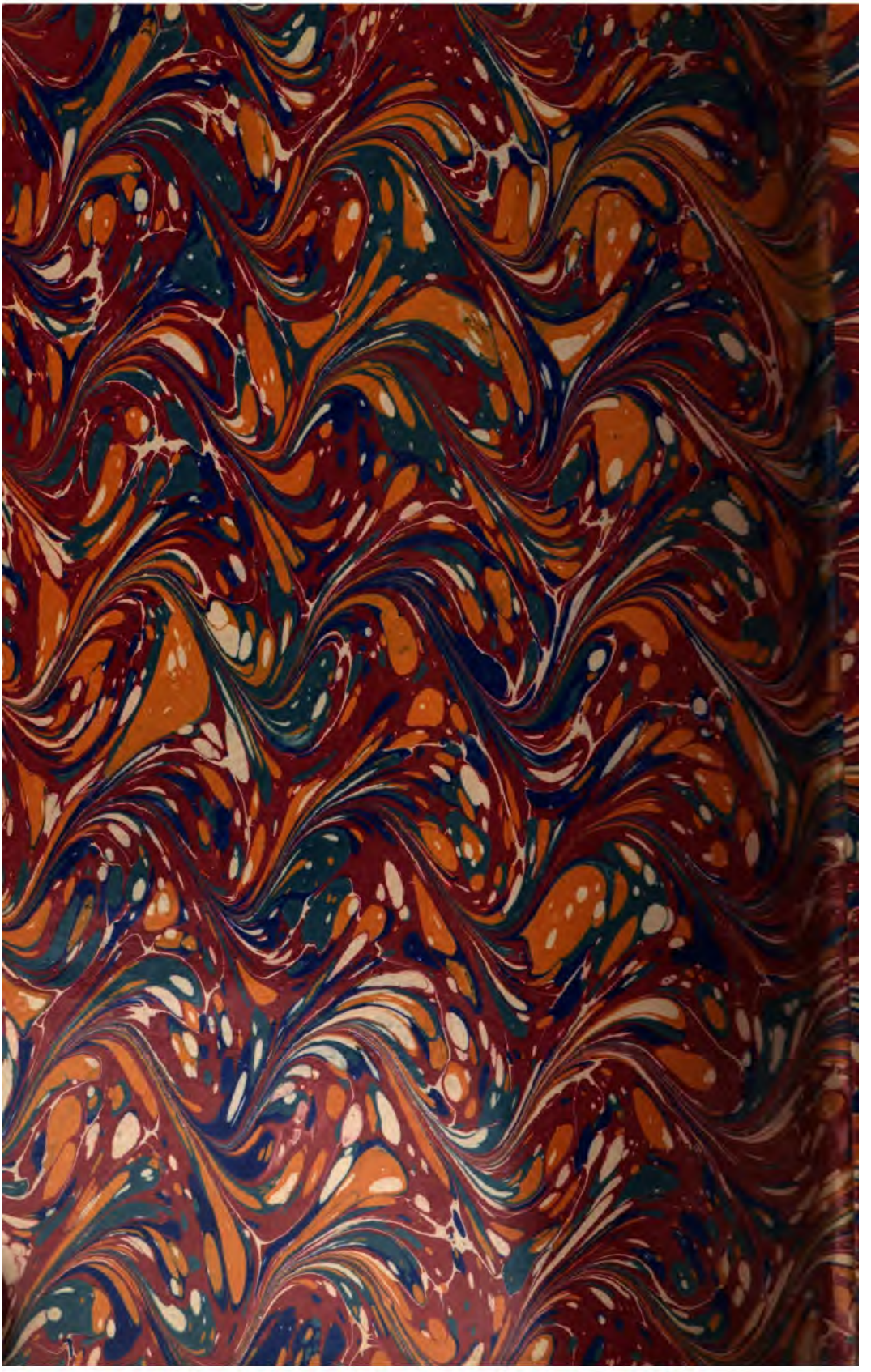
Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина». Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографія, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Человѣтныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (*35 экз.*), съ портретами, 5 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (*21 экз.*), съ портретами, 3 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (*20 экз.*), съ портретами, 3 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (*1 экз.*), съ портретами, 5 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*), съ портретами, 3 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (*13 экз.*), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (*38 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (*38 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (*45 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., 12 книгъ (*206 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., 12 книгъ (*144 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (*25 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 — 1896 гг., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.